High Anthropological School
Высшая Антропологическая Школа

STRATUM plus
Cultural Anthropology • Archaeology

The Time of Great Migrations

- Archaeology in Saddle, or Kossinna in 70 Years Retrospective
- Central Europe and Zarubinetskaya culture on the Middle Dnieper
- Antiquities of the Free Dacians in Moldova
- Anthropomorphic Images in the Sarmatian Art
- Origin of the North European Filigree Style
- Northern Germans in the Ukraine's Transcarpathians
- Eastern Germans on the Azov Coast
- Kiev and Cherniakhov Cultures: Problem of Contacts
- Toward the Problem of the Final Stage in Cherniakhov Culture
- Roman Fortress of Charax
- N.J. Marr and F.A. Braun: History of Relationships

SAINT-PETERSBURG • KISHINEV • ODESSA • BUCHAREST

2000 №4

Журнал распространяется в розницу и по почте. Заказы, рукописи и вопросы направлять по адресу:

MD 2024. Республика Молдова, Кишинев, ул.Зимбрулуй 10 а,
Высшая антропологическая школа,
журнал STRATUM plus.
Тел./факс (3732) 438-342;
E-mail: root@rm.moldova.su

Главный редактор — канд. ист. наук Марк Е. Ткачук
Редактор-координатор — канд. ист. наук Роман А. Рабинович
Ответственный секретарь — Леонид А. Мосионжник

Основатель журнала — Алексей С. Тулбуре

РЕДКОЛЛЕГИЯ

М.Бабеш — доктор истории (Институт Археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния)
И.А.Борзияк — канд.ист.наук (Международный Свободный Университет Молдовы (ULIM), Кишинев, Молдова)
В.И.Боршевич — профессор, Президент Молдавского отделения Международной Академии Информатизации при ООН (Кишинёв, Молдова)
И.В.Бруяко — канд.ист.наук (Археологический музей, Одесса, Украина)
П.П.Бырня — докт.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
Л.Б.Вишняцкий — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
А.П.Городенко — доктор истории (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
Е.Ю.Гиря — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
В.А.Дергачев — докт.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
А.О.Добролюбский — докт.ист.наук (Южноукраинский педагогический университет, Одесса, Украина)
В.Ю.Зуев — канд.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)
В.П.Кирилко — научн. сотрудник Института Археологии НАНУ (Симферополь, Украина)
С.И.Коваленко — канд.ист.наук (Национальный Музей истории Молдовы, Кишинев, Молдова)
И.В.Манзура — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
К.К.Марченко — докт.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
Е.Николае — доктор истории (Институт Археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния)
Н.Д.Руссев — докт.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
Н.П.Тельнов — канд.ист.наук (Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
О.В.Шаров — канд.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)
О.А.Щеглова — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
М.Б.Щукин — докт.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)
П.В.Шувалов — канд.ист.наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

STRATUM *plus*

- **STRATUM *plus*** — международный археологический журнал. Издается университетом “Высшая антропологическая школа” в Кишиневе, Республика Молдова.
- Журнал выходит шесть раз в год на русском языке в виде тематических номеров, каждый из которых посвящается либо отдельной археологической эпохе, либо отдельной достаточно актуальной проблеме археологической науки.
- Тематика статей журнала не ограниченна ни регионально, ни хронологически.
- Все статьи содержат резюме на английском языке.

Редакторы номера:

Владимир Е. Ерёменко
Галина И. Смирнова
Олег В. Шаров
Марк Б. Щукин

Санкт-Петербург • Кишинёв • Одесса • Бухарест

Все права защищены!
© Высшая антропологическая школа
© Оформление обложки: Д.А.Топал, Л.А.Мосионжник
© Компьютерная верстка: Л.А.Мосионжник, Е.Ю.Зверев, И.А.Шипунова
© Корректоры: Г.В.Засыпкина, М.Н.Павлова

Памяти Ксении Васильевны Каспаровой посвящается этот номер

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Ксения Васильевна Каспарова — в жизни, в науке, в Эрмитаже 11

Нас много, и мы везде... Памяти К.В.Каспаровой 14

Список опубликованных работ К.В.Каспаровой 16

К.В.Каспарова 17

Отзыв на диссертацию В.Е. Еременко «Процесс латенизации археологических общностей позднего предримского времени Восточной Европы и сложение зарубинецкой культуры», представленную к защите на соискание ученой степени к.и.н. 17

Отзыв о рукописи статьи А.М.Обломского «К вопросу о классификации и хронологии зарубинецких фибул с треугольным щитком» 20

Отзыв о статье Л.Д.Поболя «Железный век Белоруссии» (по поводу рецензии А.Г.Митрофанова) 23

К.В.Каспарова. Заметки о погребальном обряде верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры 33

ЛАТЕН И ЗАРУБИНЕЦКАЯ КУЛЬТУРА

В.Е.Еременко (*Санкт-Петербург, Россия*). Новые перспективы исследования планиграфии и топохронологии могильников раннего железного века (по материалам зарубинецких могильников Чаплин и Велемичи I) 36

Е.В.Максимов (*Киев, Украина*). О контактах населения Центральной Европы с зарубинецкими племенами Среднего Приднепровья 53

А.А.Егорейченко (*Минск, Белоруссия*). Зарубинецкое селище в Давид-городке 66

С.П.Пачкова (*Киев, Украина*). К вопросу о процессе латенизации зарубинецкой культуры 74

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

Л.С.Клейн (*Санкт-Петербург, Россия*). Археология в седле. (Косинна с расстояния в 70 лет) 88

Часть первая. Отношение к наследию Косинны 88

1. По следам Косинны (Лирическое введение). 88
2. Наш ярлычок косиннизма (Историографическое введение) 93

Часть вторая. Становление концепции 95

1. У истоков «доисторической этнологии» 95
2. Начало «археологии обитания» 97
3. Противостояние и борьба за господство 99
4. «Чрезвычайно национальная наука» 103
5. Война и могилы 108
6. Нордические арийцы и их 14 походов 109
7. Личность и наследие 114

Часть третья. «Археология обитания» 115
А. Состав наследия Косинны 115
Б. Косинновские принципы разработки этнической истории — происхождение народов и языковых семей 118
В. Этническая история — использование результатов 120
Г. Принципы изучения истории культуры 121
Д. Критики Косинны 123
Е. Значение наследия Косинны 133
ЛИТЕРАТУРА 137

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

А.М.Обломский (*Москва, Россия*). Материалы зарубинецкого периода на поселении Литвиновичи-3 в Среднем Посеймье 141

Г.И.Смирнова (*Санкт-Петербург, Россия*), В.Ф.Мегей (*Каменец-Подольский, Украина*). Могильник типа Поянешты-Лукашевка у с. Долиняны (раскопки 1985, 1987, 1988 гг.) 156

Н.П.Тельнов, А.Н.Левинский (*Кишинёв, Молдова*). Древности свободных даков. Новая археологическая культура в Молдавии 172

В.М. Зубарь (*Киев, Украина*). Римская крепость Харакс 176

А.Г.Фурасьев (*Санкт-Петербург, Россия*). Среднетушемлинские памятники Подвинья 201

С.В.Белецкий (*Санкт-Петербург, Россия*). Еще раз о нижнем слое Псковского городища 209

АРХЕОЛОГИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

М.Б.Щукин (*Санкт-Петербург, Россия*). Находки у с.Залевки в Поднепровье и проблема происхождения северо-европейского филигранного стиля I-II вв.н.э. 215

С.А.Яценко, В.Ю.Малашев (*Москва, Россия*). О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии 226

С.А.Яценко (*Москва, Россия*). Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II-I вв. до н.э. 251

А.В.Воротинский (*Санкт-Петербург, Россия*). О черняховских чашах с крестами из Лепесовки 273

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

Т.А.Рудич (*Киев, Украина*). Население черняховской культуры Среднего Поднепровья по материалам антропологии 278

О.М.Приходнюк (*Киев, Украина*). О культурно-историческом содержании археологических общностей 288

РИМ И ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА

В.М.Зубарь (*Киев, Украина*). По поводу присутствия римских войск в Херсонесе во второй половине III – на рубеже IV - V вв. 291

Р.В.Терпиловский (*Киев, Украина*). Киевская и черняховская культуры. Проблема контактов 303

Л.В.Вакуленко (*Киев, Украина*). Северные германцы в Украинском Закарпатье в конце позднеримского периода 312

Б.В.Магомедов (*Киев, Украина*). Этнические компоненты черняховской культуры 322

В.В.Лавров (*Санкт-Петербург, Россия*). Восточные германцы в Приазовье в III-IV вв. н.э. 331

И.В.Бруяко, А.А.Росохацкий (*Одесса, Украина*). К собранию светильников римского времени из Тиры 342

А.В. Гудкова (*Одесса, Украина*). Ранняя кружальная керамика черняховской культуры 346

М.Б.Щукин, О.В.Шаров (*Санкт-Петербург, Россия*). К проблеме финала черняховской культуры 369

ИСТОРИЯ НАУКИ

И.В.Тункина (*Санкт-Петербург, Россия*). Н. Я. Марр и Ф. А. Браун: История взаимоотношений (1920–1925 гг.) 384

РЕЦЕНЗИИ

Г.В.Засыпкина (*Кишинёв, Молдова*). Даки II-III вв. к востоку от Карпат. Новые исследования погребальных памятников 392

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 403

Уважаемые коллеги! 405

C O N T E N T S

FROM THE EDITORS

K.V. Kasparova — in Life, Science and Hermitage 11

We are numerous and omnipresent. In Memory of K.V.Kasparova 14

List of Publications by K.V.Kasparova 16

K.V. Kasparova 17

A Comment on V.E. Eremenko's Dissertation "The Lateneisation Process of Archaeological Societies in Late Pre-Roman Time in the Eastern Europe and Development of Zarubintsy Culture" 17

A Comment on the Manuscript of Article by A.M. Oblomskii "On Classification and Chronology of Zarubintsy Fibulae with a Triangular Shield" 20

A Comment on L.D. Poboli's Article "Iron Age in Belarus" (in Connection with A.G. Mitrofanov's Review) 23

K.V. Kasparova. Notes on mortuary rite practiced by Upper Dnieper variant of Zarubintsy culture 33

LA-TÈNE AND ZARUBINETSKAYA CULTURE

V.E. Eremenko (*S.-Petersburg, Russia*). New Perspectives in Study of Planigraphy and Topochronology of Early Iron Age Cemeteries (on Materials of Zarubintsy Cemeteries Chaplin and Velemichi I) 36

E.V.Maximov (*Kiev, Ukraine*). On Contacts between the Central European Population and Zarubintsy Tribes on Middle Dnieper 53

A.A. Egoreichenko (*Minsk, Belarus*). Zarubintsy Settlement in David-Gorodok 66

S.P. Pachkova (*Kiev, Ukraine*). On the Process of Lateneisation of Zarubintsy Culture 74

MONOGRAPH INSIDE THE JOURNAL

L.S.Klejn (*S.-Petersburg, Russia*). Archaeology in Saddle (Kossinna in 70 Years Retrospective) 88

RESEARCHES AND PUBLICATIONS

A.M. Oblomskii (*Moscow, Russia*). Findings of Zarubintsy Culture Period on Settlement Litvinovichi-3 in Middle Seim Area 141

G.I. Smirnova (*S.-Petersburg, Russia*), V.F. Megei (*Kamenets-Podolskii, Ukraine*). Dolinjany, a cemetery of the Poieneşti-Lukaşevka type (excavations of 1985, 1987, 1988) 156

N.P. Telnov, A.N. Levinski (*Kishinev, Moldova*). Free Dacians: A New Archaeological Culture in the Republic of Moldova 172

V.M.Zubar (*Kiev, Ukraine*). The Roman castle Charax 176

A.G.Furasiev (*S.-Petersburg, Russia*). Middle Tushemlya Sites in Dvina Area (Origins of Ceramic Tradition) 201

S.V. Beletskii (*S.-Petersburg, Russia*). Once Again about the Bottom Layer on Pskov Settlement 209

ARCHAEOLOGY OF REPRESENTATIONS

M.B. Shchukin (*S.-Petersburg, Russia*). A Finding at village Zalevki on Dnieper Bank and the Problem of Origin of North-European Filigree Style in I-II cc. AD 215

S.A. Yatsenko, V.Yu. Malashev (*Moscow, Russia*). On the Polychromic Style of the Late Roman Time in Sarmatia 226

S.A. Yatsenko (*Moscow, Russia*). The Antropomorphical Images in the Art of the Iranian-speaking Peoples of Sarmatia in the II-I CC. BC 251

A.V. Vorotinskii (*S.-Petersburg, Russia*). On Cherniakhov Cups with Crosses Found in Lepesovka 273

ETHNO-SOCIAL RECONSTRUCTIONS

T.A. Roudich (*Kiev, Ukraine*). Cherniakhov Population in Middle Dnieper Basin in View of Anthropological Material 278

O.M. Prihodniuk (*Kiev, Ukraine*). On Cultural and Historical Essence of Archaeological Societies (Towards Interpretation of Cherniakhov Culture) 288

ROME AND CHERNIAKHOV CULTURE

V.M. Zubar (*Kiev, Ukraine*). On Presence of Roman Troops in Chersonese in the second half of III - turn of IV - V cc. 291

R.V. Terpilovskii (*Kiev, Ukraine*). Kiev and Cherniakhov Cultures: the Problem of Contacts 303

L.V.Vakulenko (*Kiev, Ukraine*). Northern Germans in Transcarpathian Ukraine at the End of the Late Roman Period 312

B.V. Magomedov (*Kiev, Ukraine*). The Ethnic Elements in Cherniakhov Culture 322

V.V. Lavrov (*S.-Petersburg, Russia*). The East Germans on the Northen Coasts of the Azov Sea in III-IV cc. AD. 331

I.V. Bruiako, A.A. Rosohatskii (*Odessa, Ukraine*). On Collection of Roman Time Lamps from Tyra 342

A.V. Gudkova (*Odessa, Ukraine*). Early Wheel-Thrown Pottery of Cherniakhov Culture 346

M.B. Shchukin, O.V. Sharov (*S.-Petersburg, Russia*). On the Problem of the End of Cherniakhov Culture 369

HISTORY OF SCIENCE

I.V. Tunkina (*S.-Petersburg, Russia*). N.J. Marr and F.A. Braun: A History of Relationships (1920 – 1925) 384

REVIEWS

G.V.Zasypkina (*Kishinev, Moldova*). The Dacians from East of the Carpathian Mountains in II-III cc. New Studies of Funeral Sites 392

LIST OF ABBREVIATIONS 403

Call for Papers 405

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

КСЕНИЯ ВАСИЛЬЕВНА КАСПАРОВА — В ЖИЗНИ, В НАУКЕ, В ЭРМИТАЖЕ

Коллеги-археологи посвящают этот номер журнала 70-летию со дня рождения талантливого ученого, признанного специалиста по культурам племен Средней и Восточной Европы латенского и римского времени — Ксении Васильевны Каспаровой. Ксения Васильевна не дожила до своего юбилея почти целых пять лет, навсегда оставшись в памяти знавших ее сотоварищей, знакомых и друзей молодой и красивой, умной и деятельной женщиной. У большинства из них она вызывала искреннюю симпатию и уважение.

Ксения Васильевна родилась 8 декабря 1929 г. в Ленинграде в глубоко интеллигентной профессорской семье, пронизанной традициями истинно петербургской культуры. В 1947 г., после окончания средней школы, она по призванию поступает на исторический факультет Ленинградского Государственного Университета. Восемь последующих лет в ее биографии были неразрывно связаны с кафедрой археологии истфака: после окончания ЛГУ в 1952 г. три года она училась в аспирантуре.

Будучи ученицей проф. М.И.Артамонова, в те годы она принимает активное участие в работе всех возглавляемых им экспедиций, где приобретает опыт полевого изучения разных археологических памятников. В 1949-1951 гг. это была Волго-Донская новостроечная экспедиция, одним из главных объектов исследования которой явилась крепость Саркел — Белая Вежа с ее окружением из курганов древнерусской и позднекочевнической культуры. Раскопки этих памятников стали великолепной школой для нескольких десятков археологов разных поколений и специализации, в том числе студентов, проходивших здесь практику. Среди последних руководством экспедиции была замечена Ксана Дешкина, студентка второго-четвертого курсов, которой стали поручать трудные и ответственные участки раскопов. С любым порученным делом она прекрасно справлялась.

В годы аспирантуры, а точнее, в 1953-1954 гг. Ксения Васильевна работала в составе Юго-Подольской экспедиции, руководимой М.И.Артамоновым, собирая и исследуя материалы по теме диссертации, по ее выбору связанной не с хазарской тематикой, а со славянскими древностями второй половины 1 тыс. н.э. в Подолии (Украина). Основные работы проводились этой экспедицией на многослойном Григоровском городище в районе Могилев-Подольского и в его ближайшей округе. Славянского материала типа Луки Райковецкой, собранного во время этих работ, для диссертации оказалось недостаточно. Поиски славянских памятников проводились ею и в Полесье в экспедиции под руководством Ю.В.Кухаренко, ставшего уже тогда ее вторым учителем.

Однако и полесские находки не спасли создавшегося положения с нехваткой материала. Тем более, что в эти годы в украинской Лесостепи стали известны более ранние памятники славянской культуры, явно предшествующие древностям типа Луки Райковецкой. Известные в научной литературе под названием «памятники пражского типа», такие объекты из Припятского Полесья были выделены в отдельную группу на коллекциях, хранящихся в фондах Житомирского музея — житомирский тип, по Ю.В.Кухаренко (1955 г.). Тогда же или чуть позже были открыты новые поселения пражского типа на Среднем Днестре (Незвиско — Г.И.Смирнова, 1954, 1956-57 гг.) и в средней части Южного Буга (Скибинцы, Семенки — П.И.Хавлюк, 1960, 1961 гг.). Все это требовало хронологического расширения диссертационной темы Ксении Васильевны при глубоком осмыслении новых важных источников. А пока материал еще только накапливался и не был ей доступен. Поэтому работу над диссертацией пришлось приостановить. К тому же в это время у Ксаны родился сын.

В 1959 г. начинается трудовая деятельность К.В.Каспаровой в Эрмитаже. Как у многих эрмитажников ее поколения, послужной список Ксении Васильевны краткий, поскольку весь ее тридцатипятилетний труд был связан только с Эрмитажем. Сначала Ксения Васильевна была помощником директора Эрмитажа М.И.Артамонова, а затем ученым секретарем этого музея, преданно помогая своему Учителю во всех его

© Г.И.Смирнова, 2000.

административных делах. Она легко и быстро освоила свои обязанности, нашла общий язык со многими коллегами сложного и разноликого коллектива музея, достойно представляя его дирекцию. На занятия научной работой времени оставалось мало, но с 1960 г. она получила возможность проводить самостоятельные полевые исследования, возглавив Белорусско-Полесскую археологическую экспедицию Государственного Эрмитажа.

Пятилетний отрезок времени ее службы в дирекции Эрмитажа закончился в 1964 г. в связи с трагическим «уходом» М.И.Артамонова из музея. Покидая музей, он перевел К.В.Каспарову в Отдел истории первобытной культуры (ныне ОАВЕС), где она успешно и продуктивно трудилась последние 30 лет в должности старшего научного сотрудника. Без Эрмитажа и Отдела археологии она не мыслила своего существования, особенно остро ощущая это в последний год жизни, когда встал вопрос о ее полной нетрудоспособности.

В Эрмитаже Ксения Васильевна занималась разными видами музейной деятельности. Являясь хранителем больших коллекций древностей эпохи Латена, римского времени, раннеславянских и древнерусских, найденных в основном на территории Украины и Белоруссии (около 30 тыс. инвентарных номеров), она вела большую кропотливую работу по организации хранения и по новым приемкам коллекций, которые привозились ею из экспедиций. Прием и консультации многочисленных отечественных и зарубежных специалистов, приезжавших знакомиться с коллекциями Отдела, также входили в ее обязанности. И многие из посетителей еще долго будут помнить Ксению Васильевну — любезную и охотно предоставлявшую для работы вещи.

К.В.Каспарова активно участвовала в организации постоянной выставки «Древние племена Восточной Европы VII в. до н.э. — XII в. н.э.» и в ее реэкспозиции. Ею написаны соответствующие разделы в обоих изданиях путеводителей по этой выставке. Среди подготовленных Ксенией Васильевной зарубежных выставок заслуживает специального упоминания выставка «Сокровища хана Кубрата. Культура болгар, хазар, славян», проводимая в 1989 г. в Болгарии и пользовавшаяся там огромным успехом. Тогда в полной мере проявились ее незаурядные организаторские способности и профессионализм как музейного работника, так и специалиста широкого научного профиля.

Ее организаторский талант и четкость в работе обнаруживались также при приеме гостей на всех проводимых Отделом симпозиумах и конференциях. В этом плане всегда можно было быть уверенной в том, что Ксана не подведет и проявит себя гостеприимной хозяйкой.

Но, очевидно, самым первостепенным занятием Ксении Васильевны стала научная работа, основанная на материалах, полученных во время раскопок Белорусско-Полесской экспедиции. Она изменила не только основное место полевых работ, перебравшись в Припятское Полесье, но и научную специализацию, занявшись, по совету Ю.В.Кухаренко, изучением памятников зарубинецкой культуры, игравшей важную роль в проблеме славянского этногенеза.

В течение 11 полевых сезонов основные работы были сосредоточены на грунтовых могильниках Велемичи II, Отвержичи, Могиляны, а также на прилегающих к ним поселениях. Благодаря ее раскопкам значительно расширилась база полноценных источников для изучения одного из трех регионов зарубинецкой культуры наряду с соседними могильниками Велемичи I и Воронино. Привозимые из поля коллекции заполнили лакуну в эрмитажных собраниях по раннему железному веку — до тех пор зарубинецкая культура в них не была представлена. В постоянной экспозиции ОАВЕС появился также раздел, посвященный племенам, заселявшим Полесье на рубеже эр.

Доставляемые из поля в музей материалы (из более чем 200 погребений и нескольких поселений) оперативно и тщательно обрабатывались и издавались в виде статей в отечественных и зарубежных археологических изданиях. Главным в ее работах стал хронологический аспект изучения зарубинецкой культуры, как наиболее актуальный. В основу хронологических разработок с использованием закрытых комплексов легла типологическая классификация керамики, впервые проделанная К.В.Каспаровой для зарубинецкой культуры изучаемого региона, и фибул. Последние для зарубинецкой культуры — единственный хронологический индикатор. Их изучение позволило внести коррективы в имевшиеся представления о путях проникновения фибул латенских типов в ареал зарубинецкой культуры, в их датировки.

Хотя созданная Ксенией Васильевной периодизация и хронология зарубинецких памятников Полесья не вызывала сомнений у самых придирчивых специалистов, она не спешила с оформлением своих разработок в кандидатскую диссертацию. Свойственная ей требовательность к себе, многочисленные самопроверки и исправления, поиски и ожидание поступлений новой литературы, неожиданное обращение к так называемым «новым методам» для перепроверки и подтверждения сделанных ранее выводов мешали Ксении Васильевне представить свою работу в качестве кандидатской диссертации. Наконец, несмотря на проволочки, диссертация «Хронология зарубинецкой культуры Припятского Полесья (по материалам могильников)» в 1981 г. была блестяще защищена.

В целом, выводы и хронологические построения диссертации стали весомым вкладом не только в отечественную науку, они стали чрезвычайно важны для уточнения общеевропейс-

кой системы хронологии эпохи Латена и потому представляют большой интерес для европейских специалистов по латенским древностям. Важным результатом стали ее разработки по хронологии и проблеме происхождения фибул зарубинецкого типа и в этой связи по установлению юго-западных балканских контактов носителей зарубинецкой культуры. Тем самым был внесен существенно новый аспект в проблему генезиса зарубинецкой культурно-исторической общности, что может быть приравнено к научному открытию.

После защиты Ксения Васильевна не перестала заниматься уточнением хронологических рамок зарубинецкой культуры и микрохронологией отдельных памятников. В ее работах 80-90-х годов получили дальнейшее развитие вопросы не только хронологии, но и путей формирования зарубинецкой культуры.

В оценке слагающих эту культуру компонентов Ксения Васильевна никогда не являлась убежденным автохтонистом, она всегда была обращена лицом на запад, к древностям латенского круга, глубокое знание которых отличало все ее работы. Среднеевропейские материалы латенского типа она знала не только по публикациям. Разными способами (путем культурного обмена, научного туризма, связанного с проходящими международными конференциями, и по приглашению на конференции) она неоднократно выезжала в разные страны (Польша, Югославия, Чехословакия и др.), где на местах — в музеях и в фондах научных археологических учреждений — знакомилась с интересующими ее коллекциями. Эти зарубежные поездки способствовали установлению прямых контактов со специалистами, тесное общение с которыми затем продолжалось путем переписки и обмена научной литературой.

Высказывая свое мнение о механизме процесса латенизации, она понимала, что это явление еще не совсем ясное и нуждается в совместном изучении двух родственных культур — зарубинецкой и поянешти-лукашевской Прутo-Днестровского региона. Не случайно в начале 90-х годов она конкретизирует свою плановую научную тему, обратившись к вопросам соотношения локальных вариантов зарубинецкой культуры и ее этнокультурных контактов. Соответственно, в ее годовых плановых заданиях превалирует поянешти-лукашевская тематика: доклады «Зарубинецая и поянешти-лукашевская культура: сходство и различие», «Могильник Долиняны и его место среди памятников поянешти-лукашевской культуры», а также публикация материалов Долинянского могильника, совместная со мною.

Ксения Васильевна успела написать и издать только две работы по поянешти-лукашевской теме, в их числе значительный по объему раздел «Культура Поянешти-Лукашевка. Периодизация и хронология» в томе «Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э.» (Археология СССР. 1993 г.), блестяще выполненный ею по предложению ответственного редактора тома И.П.Русановой.

Неизлечимая тяжелая болезнь, с которой она боролась с поразительной стойкостью, и смерть 7 июля 1994 года прервали все ее планы и замыслы. Она не смогла подготовить аналитическую часть нашей совместной работы по материалам Долинянского могильника, оставив только свои ныне архивные наработки и наброски по репрезентативной коллекции этого нового уникального памятника типа Поянешти-Лукашевки на Среднем Днестре.

Все работы Ксении Васильевны, помимо высокого профессионализма, отличаются принципиальностью и предельной добросовестностью. Но пожалуй самой яркой ее чертой явилась абсолютная ответственность за порученное дело и взятые на себя обязательства. Последнее выразительно проявилось и в работе общественного характера. Она умела откликаться на чужую беду, приходила на помощь, а взявшись за то или иное дело, несмотря на невероятные трудности, всегда доводила его до конца, не жалея ни сил, ни времени. Особенно активно и эффективно она работала председателем жилищно-бытовой комиссии Местного комитета Эрмитажа, сделав много полезного для сотрудников музея.

За прошедшие 6 лет после смерти Ксении Васильевны все больше и острее понимаешь, кого потерял наш Отдел и ее друзья. Ксана была яркой личностью, интересным и духовно богатым человеком, надежным другом. Наша с нею дружба, помимо близких научных интересов, была скреплена преданностью и любовью к общему Учителю — Михаилу Илларионовичу Артамонову, которого мы высоко чтили и которому были глубоко признательны за все то, что он для нас сделал, введя в науку и в Эрмитаж.

Г.И.Смирнова

НАС МНОГО, И МЫ ВЕЗДЕ...
Памяти К.В.Каспаровой

С начала 80-х гг., изучая древности эпохи латена, я имел возможность постоянно пользоваться консультациями Ксении Васильевны Каспаровой, никогда не отказывавшей в помощи всем, кто к ней обращался. Она была моим бессменным официальным оппонентом. Ее отзывы, всегда корректные по отношению к точке зрения или концепции, отличной от ее собственной, вместе с тем были беспощадны к фактологическим ошибкам — вряд ли кто-нибудь знал на память состав подавляющего большинства комплексов зарубинецкой культуры так хорошо, как она. Вообще планка научных и человеческих требований Ксении Васильевны была чрезвычайно высока — и, может быть, поэтому у нее почти не было учеников. У нас достаточно часто случались приватные дискуссии, после которых приходилось не один месяц «переваривать» полученную в их ходе информацию. Поэтому со многими идеями Ксении Васильевны я познакомился впервые не в опубликованном виде, а изустно, при личном общении, и могу утверждать, что в публикациях она не говорила всего того, в чем на тот момент была совершенно уверена. Вообще в то время зачастую возникало впечатление, что наши коллеги пишут и публикуют статьи, оглядываясь на внешнего, а чаще — «внутреннего цензора». Теперь времена изменились: печатать можно все — по крайней мере, в России. Но, похоже, «внутренний цензор» оказался ничем не хуже внешнего, а может быть, и заменил его: с течением лет все труднее становится изменить хотя бы строчку в привычных построениях, все труднее слушать других, все легче не обращать внимания на отличающиеся точки зрения, развивая свою собственную.

Всех этих признаков «научного старения» была начисто лишена К.В.Каспарова. Она не была святым человеком, критиковала резко и нелицеприятно (см. впервые публикуемые рецензии в этом сборнике), могла и просто кого-то по-человечески не любить, но никто не может упрекнуть Ксению Васильевну в научной «негибкости» — посмотрите, сколько раз она пересматривала, например, свою схему относительной и абсолютной хронологии зарубинецкой культуры! О том, сколько лет труда было положено на каждый такой пересмотр, свидетельствуют десятки вариантов черновиков статей, сохранившиеся в ее архиве.

Основной темой наших дискуссий с Ксенией Васильевной были ранняя дата зарубинецкой культуры и памятников типа Поянешти-Лукашевка и их ясторфская подоснова. К.В.Каспарова была убеждена, что ранняя дата не выходит за пределы 180-160-х гг. до н.э., а поморская подоснова для этих древностей предпочтительнее ясторфской. Спор остался неоконченным. Многие статьи ведущих специалистов, занимающихся проблемами зарубинецкой культуры, вошедшие в предлагаемый вниманию читателей сборник памяти К.В.Каспаровой, продолжают прерванную дискуссию.

Когда-то в частной беседе Ксения Васильевна заметила, что нам в науке больше всего мешают политический заказ, недостаток информации и инертность мышления. От первого и второго нас избавило падение «железного занавеса» и развитие информационных технологий, избавиться от последнего можем лишь мы сами. И это постепенно происходит, о чем свидетельствуют основные тенденции, прослеживающиеся при прочтении сборника:

1. Общепризнанной стала датировка сложения зарубинецкой культуры временем около 230-220-хх гг. до н.э.
2. Ясторфская подоснова зарубинецкой культуры и памятников типа Поянешти-Лукашевка и их принадлежность бастарнам больше не вызывает принципиальных возражений.
3. Разногласия касаются частных вопросов — узких датировок отдельных типов вещей и памятников, соотношения вариантов зарубинецкой культуры и памятников типа Поянешти-Лукашевка с разными группами бастарнов, известными по письменным источникам.
4. Значительная часть археологов не признает существования хиатуса между зарубинецкой культурой и культурами предшествующего времени в Поднепровье и Поднестровье.

По поводу последнего позволю себе небольшое отступление. Д.А.Мачинскому достаточно было опубликовать в 1971 г. *лишь одну* статью «О времени первого активного выступления сармат». Аргументы, приведенные в ней, оказались столь бесспорны, а выводы до такой степени адекватны источникам, что дальнейшее учас-

© В.Е.Еременко, 2000.

тие Дмитрия Алексеевича в дискуссии оказалось ненужным: она продолжалась без него и угасла сама собой через некоторое время за отсутствием серьезных аргументов у оппонентов. Конечно, мы, археологи, всегда пристрастны в научных исследованиях, поскольку нам в эмоциональном плане небезразличен сам предмет исследования. Но не следует забывать, что спор идет не о том, как все было в древности на самом деле, а о том, как мы себе это представляем: над нами нет верховного судьи, машина времени пока не изобретена, и коллективная истина рождается в споре. В то же время археологическим источникам безразличны наши пристрастия, наше личное или коллективное «бессознательное» — здесь проявляется, по меткому выражению М.Б.Щукина, «естественное сопротивление материала». На археологические источники не действуют заклинания — многократно повторенные недостаточно обоснованные гипотезы или хронологические выкладки не становятся обоснованнее.

Археологические памятники абсолютно не волнуют, например, наши переживания о том, что плодородные земли Поднепровья, Поднестровья и Повисленья почему-то не использовались в III в. до н.э. Имеющиеся археологические источники явно противятся стремлению пресечь бесхозяйственное использование земель в древности путем их «заселения» с помощью искусственного растягивания временных рамок местных культур. В конце 70-х — начале 80-х гг. Р.Волангевич и Т.Домбровская обосновали существование хронологической лакуны между поморской, оксывской и пшеворской культурами. Закончив к 1990 г. исследование поздних комплексов поморской, гетской, милоградской и скифской культур, я пришел к выводу о существовании хронологической лакуны между ними и ранними поянешти-лукашевскими и зарубинецкими комплексами. С тех пор никаких новых аргументов сторонники местного происхождения латенизированных культур не привели. Не стоит навязывать древнему населению излишнюю склонность к постоянной оседлости и традиционности. Письменные и археологические источники свидетельствуют скорее об обратном — о достаточно высокой как географической, так и социальной мобильности племен эпохи раннего железного века, для которых переселение на пару тысяч километров, особенно по принципу «поближе к морю» или «где пограбить», никогда не было в тягость. Очевидно, пора, отбросив свои пристрастия, искать конкретные точно датированные археологические памятники, заполняющие уже существенно сократившийся хиатус второй-третьей четвертей III в. до н.э., или, не умножая сущностей сверх необходимого, переходить к решению проблемы, почему земли оказались в запустении.

Наиболее последовательно отстаивают наличие местных корней зарубинецкой культуры Е.В.Максимов и С.П.Пачкова, тем не менее признающие и существенный вклад ясторфской культуры. С.П.Пачкова, например, в серии статей сравнивает целые формы посуды зарубинецкой культуры с целыми формами посуды других культур и вычисляет их процентное сходство. Хотел бы отметить здесь три момента:

1) Типологическое сходство само по себе вовсе не доказывает существование генетической преемственности. При наличии хронологической лакуны исследование типологического сходства приобретает заметный схоластический оттенок: выявляемые сходства интересны лишь в плане стадиального сравнения характерных для разных культур керамических традиций и не имеют отношения к решению вопроса о преемственности культур.

2) Тем не менее, сравнение целых форм в целях выявления генетических сходств, на мой взгляд, следует проводить более корректно: сравнивать целые формы не культурных групп целиком, а происходящие из ранних комплексов зарубинецкой культуры и поздних комплексов поморской, скифской, милоградской культур и синхронных комплексов ясторфской культуры.

3) Следовало бы использовать более адекватные математические методы исследования пропорций — слишком уж разные формы оказываются математически подобны.

И последнее. В современной науке не должно быть «географических» научных школ, детерминированных местом проживания исследователей — это нонсенс в век информационных технологий, показатель оторванности от остального научного мира. Не существует «Санкт-Петербургской археологической школы» — существует направление современной постсоветской археологии, которое правильнее было бы назвать «хронологическим», являющееся частью современной европейской археологии раннего железного века, для которой не принципиальны современные политические границы — так же, как абсолютно не важны они были для не подозревавших об их появлении в будущем бастарнов или готов. Это направление использует общепринятые в европейской археологии методы хронологических исследований, корректно перенесенные на наши источники именно К.В.Каспаровой, М.Б.Щукиным и Д.А.Мачинским — учениками М.А.Тихановой, М.И.Артамонова, Ю.В.Кухаренко. Нас много, и мы везде: И.А.Бажан (Москва), Н.Е.Берлизов (Краснодар), В.Е.Еременко, С.Ю.Каргопольцев, О.В.Шаров, Ю.Ю.Шевченко (Санкт-Петербург), М.М.Казанский (Париж), М.Е.Ткачук (Кишинев), и многие другие. Все мы были знакомы с Ксенией Васильевной, и светлая память о ней остается с нами.

В.Е.Еременко

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ К.В.КАСПАРОВОЙ

1. Белорусская экспедиция в 1963 и 1965 гг. // Тез. докл. науч. сессии, посвящ. итогам работы Гос. Эрмитажа за 1965 г. Л., 1966. 17-18.
2. Могильник и поселение у д.Отвержичи // Пленум Института археологии АН СССР 1966 г. Секция «Ранний железный век». Тез. докл. Ч. 3. М., 1966. 16-17.
3. Раскопки могильника Отвержичи // СГЭ. 1966. Вып. XXVII. 89-91.
4. Могильник и поселение зарубинецкой культуры у д.Отвержичи // КСИА. 1967. Вып. 112. 118-125.
5. Работы Белорусского отряда в 1967 г. // СГЭ. Вып. XXX. 61-62.
6. Могильник и поселение у д.Отвержичи // МИА. 1969. № 160. 131-168.
7. Памятники рубежа нашей эры в Белорусском Полесье (новые исследования могильников Велемичи II и Отвержичи) // Międzynarodowy Kongres archeologii Słowiańskiej, II. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969. 258-263.
8. Племена Полесья и Волыни (IV в. до н.э. — IV в. н.э.). Ранние славяне на Южном Буге (VI-VII вв.) // Культура древних народов Восточной Европы (путеводитель). Л., 1969. 97-105.
9. Раскопки Полесского отряда Гос. Эрмитажа // АО — 1970. М., 1971. 278-279.
10. Белорусская экспедиция // СГЭ. 1971. Вып. XXXIII. 109-110.
11. Зарубинецкий могильник Велемичи II // АСГЭ. 1972. Вып. 14. 53-111.
12. Новый комплекс Черняховского времени из Хмельницкой области // СА. 1972. № 3. 344-349.
13. Зарубинецький могильник в селе Могиляны, Ровенской области // Тези пленарних секційних диповідей. XV наук. конф. Ін-ту археології. Одеса, 1972. 281-283.
14. Зарубинецький могильник в с.Могиляны на Ровенщині // Археологія. 1973. Вип. 10. 65-72.
15. О датировке фибул зарубинецкой культуры // Новейшие открытия советских археологов (тез. докл. конф.). Ч. III. Киев, 1975. 33-34.
16. Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры // АСГЭ. 1976. Вып. 17. 35-66.
17. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья // СА. 1976. №3. 128-140.
18. Рецензия на книгу Л.Д.Поболя «Славянские древности Белоруссии». Минск, 1971, 1973, 1974 (в соавт. с Д.А.Мачинским и М.Б.Щукиным) // СА. 1976. № 4. 241-253.
19. О фибулах зарубинецкого типа // АСГЭ. 1977. Вып. 18. 68-78.
20. Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры (к вопросу о ранней дате и юго-западных связях) // Проблемы археологии. Сборник памяти М.И.Артамонова. Л., 1978. 79-89.
21. Племена Полесья и Волыни; Древние славяне на Южном Буге — разделы путеводителя «Древние племена Восточной Европы» (соавтор М.Б.Щукин). Л., 1978. 111-129, 130-133.
22. Могильник Могиляны—Хмельник в Ровенской области (соавтор М.Б.Щукин) // Труды ГЭ. 1979. Т. XX. 147-168.
23. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА. 1981. № 2. 57-79.
24. Хронология зарубинецкой культуры Припятского Полесья (по материалам могильников) // Автореф. дисс. канд. ист. наук. 1981. 1-21.
25. Хронологическое соотношение зарубинецкой культуры и культур эпохи Латена // Тез. докл. науч. конф. «Контакты и взаимодействия древних культур» (к 50-летию Отдела истории первобытной культуры). Л., 1981. 35-37.
26. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи Латена // АСГЭ. 1984. Вып. 25. 108-117.
27. Поздняя фаза зарубинецких могильников // Культура Восточной Европы 1 тыс. Куйбышев, 1986. 5-26.
28. Зарубинецкое поселение Ремель в Белорусском Полесье // АСГЭ. 1987. Вып. 28. 52-70.
29. Об одном из возможных компонентов зарубинецкого погребального обряда // СА. 1988. № 1. 53-72.
30. Съкровище на хан Кубрат. Култура на българи, хазари, славяни. Каталог выст. в Болгарии. София, 1989 (в соавторстве).
31. Припятское Полесье на рубеже эр (по материалам Белорусско-Полесской экспедиции) // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989. 89-102.
32. Соотношение вельбаркской и зарубинецкой культур в Припятском Полесье // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. T. 2. Lublin, 1989. 263-283.
33. Некоторые спорные вопросы в изучении зарубинецкой культуры // Тез. докл. конф. «Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции». СПб, 1991. 21-24.
34. О хронологии и связях зарубинецкой культуры // Ziemie Polskie we wczesnej epoce żelaza i ich powiązania z innymi terenami. Rzeszów, 1992. 289-302.
35. О соотношении зарубинецкой культуры Полесья и Черничинской группы Юго-Восточной Польши / / Тез. докл. конф. «Население Белоруссии и смежных территорий в эпоху железа» по случаю 80-летия со дня рождения А.Г.Митрофанова (на белорус. яз.). Минск, 1992. 58-61.
36. Могильник Долиняны и его место среди памятников Поянешти-Лукашевской культуры // Тез. докл. симпоз. «Динамика культурных традиций: механизм передачи и формы адаптации». СПб, 1993. 34-36.
37. О времени возникновения зарубинецкой культуры // Археологические вести ИИМК РАН. 1993. № 2. 169-190.
38. Культура Поянешти-Лукашевка. Периодизация и хронология // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. // Археология СССР. М., 1993. 90-93.

Список опубликованных работ К.В.Каспаровой подготовлен Г.И.Смирновой.

К.В.Каспарова

Отзыв на диссертацию В.Е. Еременко «Процесс латенизации археологических общностей позднего предримского времени Восточной Европы и сложение зарубинецкой культуры»[1], представленную к защите на соискание ученой степени к.и.н.

A Comment on V.E. Eremenko's Dissertation "The Lateneisation Process of Archaeological Societies in Late Pre-Roman Time in the Eastern Europe and Development of Zarubintsy Culture".

K.V. Kasparova, V.E. Eremenko's opponent, is quite positive about his work in general, though she makes a number of comments. She does not agree, in particular, with the too early date of the stage C_{1b} in La Téne (225-190 BC); again, she is not quite convinced with an attempt to distinguish a stage on Zarubintsy sites, preceding the marches of Bastarnae to the Balakans in 179-168. She also points out a number of inaccuracies, particularly, in synchronisation of phases on the cemeteries of Poienesti, Lukashevka and Dolineni.

Зарубинецкая культура давно привлекает внимание ученых в связи с изучением этногенеза славян, в котором роль ее спорна. Исследованию культуры в разных аспектах посвящено немало работ. О происхождении культуры существует несколько гипотез, в том числе и рассматриваемая в защищаемой работе. Признается и зависимость формирования культуры от общеевропейских процессов латенизации, но о его сущности мнения противоречивы. Вопросы эти изучены недостаточно и неравноценно. А между тем в отечественной науке господствует концепция автохтонного происхождения зарубинецкой культуры с признанием незначительного участия пришлого компонента, и лишь кельтским воздействием объясняется ее латенизированный облик.

Поэтому очень актуально появление специальной работы, где последовательно рассмотрены процессы латенизации и, как один из них — сложение зарубинецкой культуры. В этом и новизна защищаемой диссертации. Круг вопросов, поднятых в ней, обширен: они охватывают период от IV до I вв. до н.э. на землях от Эльбы до Днепра и от Южного Причерноморья до Верхнего Днепра. Не все положения диссертанта оригинальны, но многие он обстоятельно и убедительно развивает, предлагает свои решения и гипотезы. Автор сам отмечает их дискуссионность, и это определяет еще одну сторону новизны в работе, но естественно, открывает и широкое поле для критики. Такая большая работа сложна для краткого отзыва, и я позволю себе не рассматривать все ее достоинства — они видны невооруженным глазом, а остановлюсь на разборе и критике тех разделов, которые, по-моему, того заслуживают.

Несколько общих замечаний. Структура работы отличается строгой логичностью и соответствует поставленным задачам; аспекты изучения процессов латенизации и сложение зарубинецкой культуры выбраны удачно и четко сформулированы. Четыре раздела диссертации написаны в соавторстве, их следовало бы представить в более сжатом виде; работа от этого не потеряет свою целостность. Это разделы об исторической экспансии кельтов, в соответствие с хронологией эпохи Латена, и хронология памятников Закарпатья (последние не столь важны для основной темы, ибо уже давно ясно, что не они послужили базой для распространения процесса латенизации). Тем более вышла уже и работа М.Б.Щукина (Shchukin 1989), где рассмотрены вопросы хронологии Латена. Множество ссылок к этим разделам не всегда оправданно увеличивают и без того огромный список литературы. Сокращен мог быть и раздел о корреляционном методе П.Райнеке — в принципе, это азбука хронологических разработок, достаточно было бы некоторых дополнений диссертанта.

В первом разделе необходимо отметить интересную гипотезу диссертанта о возможности уточнения спорной даты начала ступени Латена C_1, и она согласуется с новыми данными по хронологии эпохи Латена. Однако, для Восточной Кельтики и зарубинецкой культуры предлагаемые даты C_{1b} (225/190 гг. до н.э.), я думаю, занижены. Если запаздывание появления фибул в Карпатской Котловине по отношению к Италии признается диссертантом возможным, то почему не может быть аналогичная ситуация по отношению к зарубинецкой территории? Единичные ранние типы попали туда на исходе

[1] (Еременко 1990); опубликована с изменениями и дополнениями (Еременко 1997).

© К.В.Каспарова, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

их моды в латенских культурах, возможно, в период непосредственно связанный с походами бастарнов 179—168 гг., т.е. близки дате фибул зарубинецкого типа. Не убеждает и синхронизация ранних лукашевских погребений с фибулами варианта В и поселений с амфорными клеймами 200—180 гг. до н.э. В следующем разделе на основании анализа ранних импортов в Гетике и Скифии, в античных городах автор приходит к важному выводу: их основная часть не относится к периоду, непосредственно предшествующему формированию латенизированных культур, их незначительное попадание в Поднестровье и Поднепровье не могло явиться причиной начала латенизации местных культур.

Рассматривая аргументы сторонников местного происхождения зарубинецкой и поянештской культур, В.Е.Еременко отвергает их методы сопоставления культур новых и предшествующих, но в противовес не дает более серьезные разработки, его аргументы держатся на хронологии импортов. Это важно, но лакуна между культурами выглядит обоснованной, если только совсем не брать в расчет культурно-типологическое сходство их основных элементов. Так ли это бесспорно? На всех материалах поселений исследуемых культур присутствует керамика, которую действительно нельзя связать ни с какой другой, кроме скифской, поморской или гетской: горшки с раздутым туловом и ямочками по венчику, «поморские» типы с орнаментом «шахматными» защипами, фрагменты клошей, имитация черепками каменного ящика в погребениях, сосуды-приставки и др. Этого нет ни в кельтской, ни в ясторфской культурах. Думаю, что мнение Т.Домбровской о доживании поморского населения до конца III и начала II вв. до н.э. относится и к нашей территории: местный субстрат нельзя совсем исключить ни в Поднестровье, ни в Поднепровье. Рассматривая ряд памятников Поднепровья и опираясь на свод Н.М.Онайко, диссертант почему-то некоторые пропустил, не оговаривая, хотя они датированы III — II вв. (с. 71, 73, 190, ср.: Онайко 1970, № 595, 596, 603, 720 и др.).

Несмотря на необходимость ряда уточнений в этой проблеме, автор безусловно прав: ни зарубинецкая, ни другие латенизированные культуры не образовались путем прямой эволюции местных. Существенным вкладом диссертанта в хронологические разработки изучаемого периода является синхронизация фаз позднего предримского времени и ступеней Латена с учетом новых данных. Он корректирует схему Р.Хахманна на его же исходном материале, без включения новых разработок по ясторфским регионам, что и не требуется для данной темы. Однако, хотелось бы в итоговую таблицу ввести периодизацию поянештских памятников, а зарубинецкие не ограничивать Полесьем, представленным, кстати, бедно и неточно. Неясно, почему в могильнике Каммер не учтены важные для хронологии ранние фибулы позднелатенской схемы.

Вопросы, связанные с процессом латенизации в разных ее проявлениях, исследуются западными учеными (З.Возьняк, К.Годловский, Р.Волонгевич, Н.Венцлова и др.), в диссертации это можно было отразить полнее. В нашей же литературе специально они не рассматривались, а такой раздел в диссертации очень важен. Здесь рассмотрена зона кельтско-ясторфского пограничья, где начался процесс латенизации местных культур еще в Латене B_{2b}, анализирован один из окраинных ясторфских могильников — Любошице, внесены коррективы в его периодизацию. Попутно замечу, что в корреляционные таблицы вкрались неточности: например, в погребении 45 отсутствует фибула варианта А; в погребении 139 не учтена миска (Domanski 1975: табл. VII,c; XV,e): в результате погребение 45 попало не в I фазу, а в III.

Проведенный в следующем разделе хронологический анализ трех могильников поянештской культуры подтверждает связь их происхождения с ясторфской периферией. Основные положения диссертанта убедительны и соответствуют концепции М.Бабеша, развернутой в последних статьях. В защищаемой работе их не следовало бы игнорировать, это только усилило бы позиции диссертанта. Не буду утомлять уважаемых членов Ученого Совета перечислением конкретных замечаний (они переданы диссертанту), отмечу только, что некорректность в корреляционных таблицах указывает на своего рода нечистый эксперимент и портит хорошую работу. Кроме того, здесь мне спорной представляется синхронизация фаз могильников, исходя из данных самого диссертанта: фибулы варианта В диагностируют 3 фазу в Поянешти, 2 — в Лукашевке и 1 — в Долинянах, но на синхронизационной таблице фаза 1 Долинян совмещена с фазой 3 Лукашевки, хотя вариант В более характерен для Латена C_2, а не D_2. Эта синхронизация неверна уже потому, что в Долинянах есть поясные крючки, соответствующие 2 фазе Поянешти.

В IV главе диссертант рассматривает аргументы, позволяющие синхронизировать ранние зарубинецкие и поянештские комплексы с Латеном C_{1b}, т.е. с 225—190 гг. Для этого необходимо доказать существование в культуре начальной фазы, не связанной с балканскими походами бастарнов, т.е. до 179—168 гг. Лишь после них в зарубинецкой культуре появились характерные фибулы и она полностью сложилась. Эта задача решается исследованием двух могильников — Воронино и Корчеватое. Первый исследован при помощи кластерного метода и раздельной корреляции мужских и женских погребений, выделенных по археологическим признакам. Последнее мне представляется положительным, хотя и спорным. Но не могу согла-

ситься с некоторыми выводами. Остановлюсь на одном моменте. При рассмотрении хронологии фибул было определено, что расчлененные появляются раньше, чем вариант В, но в Воронино обратная последовательность, которую автор объясняет переживанием этих форм и тем, что иначе «нарушится вся корреляционная последовательность». Здесь ситуация сомнительна, т.к. эта фибула расчлененно-зарубинецкого типа, т.е. одна из тех, которые могли появиться после балканских походов, по мысли автора, во II фазе, и этим как бы предопределено ее место. Построение всего хронологического ряда неубедительно при сопоставлении с другими могильниками Полесья, а Воронино — наименее репрезентативный. Тем более неубедительна такая фаза в Корчеватовском могильнике. Здесь нет ни кластерной, ни обычной типологии керамики. Неясно, к примеру, отличие горшков ХИ-6 и 8, попавших в разные фазы, отнесение миски ХИ-13 к фазе 3 и др. Вместо Корчеватого уместнее было бы рассмотреть Пироговский могильник. Я думаю, что на материалах здесь использованных доказать наличие «добалканской» фазы и удревнение даты до 225—190 гг. не удается. Удревнение вообще вполне допустимо, но не обязательно связывать первые зарубинецкие погребения с первыми упоминаниями о бастарнах.

Интересные и новые результаты дала разработка В.Е. Еременко материалов могильника Чаплин. В них прослеживаются связи с ясторфской культурой (в т.ч. Ютландии), с оксывской, с позднескифскими памятниками. «Столь странный симбиоз культурных компонентов» диссертант объясняет известной по письменным источникам легендой о переселении кимвров-кельтоскифов, живущих в окрестностях Меотиды. Гипотеза действительно объясняет много неясного прежде в своеобразии верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры. По В.Е.Еременко, могильник возник около 150—120 гг., после походов бастарнов: здесь не выделена фаза, синхронная Воронино и Корчеватому, и фибулы варианта В в хронологическом ряду не стоят раньше зарубинецкого типа, как в Воронино. Хотя погр.142 с фибулой, близкой варианту А, по логике предыдущих хронологических рассуждений, должно бы соответствовать фазе C_{1b}, также как и погребения с фибулами I/II вариантов зарубинецких, которые в Полесье сочетаются с дериватом расчлененной. Эти несоответствия неубедительно трактуются, или не замечены автором, увлеченным интересной гипотезой. Думаю, диссертант прав, предложив свою типологию позднелатенских фибул из Чаплина и связав происхождение слабопрогнутых с рейнско-дунайскими землями, а прогнутых — с пшеворской и оксывской культурами.

Этой главой по сути дела исследование можно было завершить. Но В.Е.Еременко останавливается еще на некоторых вопросах, дополняет работу интересными наблюдениями и выводами, с большинством которых нельзя не согласиться.

В Заключении резюмированы результаты этого большого, сложного и интересного исследования, четко сформулированы выводы. Несмотря на их дискуссионность и излишнюю порой категоричность, для меня они в основном убедительны, но я пристрастна, так как сама придерживаюсь почти таких же взглядов. Необходимо отметить бесспорную ценность приложений — каталогов памятников и альбома иллюстраций, которые являются крайне важным разделом работы, характеризующим ее высокий профессиональный уровень.

Защищаемая работа является полноценным научным исследованием, несомненным вкладом в науку. Диссертант успешно справился с поставленными сложными задачами, но явно хотел объять необъятное, в результате чего возникли неточности, замечания, которые ни в коей мере не снижают значимости исследования. Она соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям, а автореферат — содержанию работы; основные ее положения опубликованы. Диссертант безусловно заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук.

ЛИТЕРАТУРА

Еременко В.Е. 1990. Процесс латенизации археологических общностей позднего предримского времени Восточной Европы и сложение зарубинецкой культуры. Автореф. канд. дисс. Л.

Еременко В.Е. 1997. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. СПб.

Онайко Н.А. 1970. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н.э. САИ Д1—27. М.

Domański G. 1975. Studia z dziejów środkowego Nadodrza w III—I wieku p.n.e. Wrocław.

Shchukin M.B. 1989. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe 1st century B.C. — 1st century A.D. // BAR. — International Series. №542. TT.1—2.

Отзыв о рукописи статьи А.М.Обломского «К вопросу о классификации и хронологии зарубинецких фибул с треугольным щитком»[1].

A Comment on the Manuscript of Article by A.M. Oblomskii "On Classification and Chronology of Zarubintsy Fibulae with a Triangular Shield".

K.V. Kasparova is rather friendly, though quite critical about the commented article. First of all, she criticises the author for weak knowledge of modern European literature (Godłowski, 1977, 1977a; Woźniak 1977; 1979) and citation of apparently obsolete works (Hachman 1961). In particular, the initial date of La Téne D1 has been changed already; it was earlier based on the wrong dating of the fall of Celtic oppidum Manching in 15 BC. Second, for a number of inaccuracies committed in description of fibulae, statements of various researchers' views, etc.

Предложенная статья касается темы, разработка которой весьма актуальна. Интересен и подход автора к уточнению классификации фибул — применение в качестве основных типологических признаков строгих параметров: измерения определенных частей предмета и их соотношений.

Такой, наиболее объективный подход к определению границ вариантов, бесспорно, заслуживает внимания. Еще важнее другая часть статьи — рассмотрение относительной и абсолютной хронологии фибул зарубинецкой культуры. Нет сомнений, что поднятые вопросы представляют интерес для читателей «Советской археологии». Тем более что классификации этих фибул уже существуют и приняты исследователями, а в хронологии много спорных моментов. Иначе говоря, написание статьи на подобную тему — задача ответственная и сложная. Мне представляется, что А.М.Обломский подошел к ней недостаточно серьезно и излишне поспешно, хотя явно проделал большую работу.

Во-первых, предложенная им классификация фибул с треугольным щитком по существу основана на тех же принципах, что и типология А.К.Амброза, ставшая классической (Амброз 1966). А.К.Амброз далеко не так произвольно определял свои варианты, как это представляется А.М.Обломскому. Учтены были те же самые соотношения размеров щитка и ножки («1:1»; «более половины общей длины» — см.: Амброз 1966:17 сл.), не говоря уже об учете других деталей. Только что он не строил графиков. Полагаю, что совершенно напрасно А.М.Обломский отказался от членения фибул зарубинецкого типа («зарубинецких») на варианты — как сделано у А.К.Амброза, а разбивает их на «типы», ничем это не обосновывая.

Определения «типов» этих фибул из зарубинецких могильников (табл.2), согласно системе расчета А.М.Обломского, во многих случаях совпадает с вариантами А.К.Амброза и других исследователей. С некоторыми поправками А.М.Обломского можно согласиться. Но большинство определений вызывает сомнения и решительные возражения. Если бы автор следовал не только расчету, а руководствовался простым сравнительным анализом, то фибулы из погребений №№ 66 Велемичей I, №№ 84, 85 Велемичей II и фибулы из погребений №№ 103 и 127 Велемичей I не попали бы в разные «типы» (см.: Кухаренко 1961: табл.18, *27*; 22,*16,17*; 23, *6, 7*; Каспарова 1972: рис.19,*2—5*). Примеров можно привести много. Кстати, в этой табл.2 допущены ошибки: в погребении № 92 Велемичей I не две, а одна фибула; в погребении № 31 Велемичей II указано две, но там нет ни одной; в погребении № 104 не две, а три; не указаны фибулы в погребении № 4 Велемичей I, а там их две. Кроме того, в погребениях №№ 6 и 95 Велемичей I тоже по две фибулы, и их изображения в публикациях не хуже других, использованных А.М.Обломским для обмеров.

Во-вторых, определения и измерения значительной части (если не всех) фибул автором произведены не по оригиналам, а по их не всегда удачным изображениями, в отличие от А.К.Амброза, державшего в руках 90% изучаемого материала. Досадным примером тому служит определение фибулы, приведенной в табл.7,*11*, которая не «среднелатенская гладкая типа Г1» (табл.4), а «зарубинецкая» с треугольным щитком (см. ее описание и рисунок: Каспарова 1972: 84.рис.18,*4*). Хронологические выводы А.М.Обломского о типе Г1 построены на этом экземпляре (табл.4). Вполне возможно, что при точных замерах оригиналов система расчета с построением графика может быть использована в совокупности с другими признаками. Но пока это не сделано, большего доверия заслуживает вариантное членение А.К.Амброза.

Автор статьи также предлагает рассматривать как типологические и хронологические признаки длину пружины и профиль спинки фибул. Детали эти всегда отмечались А.К.Амброзом, Ю.В.Кухаренко и другими исследователями, учитывались они и во всех классификациях. Но самостоятельно служить хронологическим признаком они не могут, поскольку, как и отмечает сам автор, «параллельно фибулам с длинной пружиной в те же периоды существуют и фибулы с короткой пружиной». Следовательно, выводы ненадежны. Вывод о времени бытования фибул I и II вариантов («типов») следует не из графика на табл.3: это давно доказано взаимовстречаемостью этих форм фибул,

[1] Статья А.М.Обломского опубликована с изменениями и дополнениями (Обломский 1983).

© К.В.Каспарова, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

их генетической связью с расчлененными, а не основывается только на длине пружины. График лишь иллюстрация. Профиль спинки ненадежный признак — есть расчлененные фибулы со скобчатым профилем в Румынии, Словакии, Словении и других местах, убедительно датированные фазой Латена C_1. Известны наши фибулы, у которых сочетаются пологая спинка (ранний признак) и короткая пружина (поздний); или прогнутая ножка (поздний) и пологая спинка. О ненадежности этого признака свидетельствуют фибулы Беляусского могильника (см.: Михлин 1980: 200—201). Поэтому делать выводы нет смысла. То же самое можно сказать по поводу обобщений о синхронизации «зарубинецких» фибул III и IV вариантов с фибулами позднелатенской схемы. Они звучат как «открытие». Между тем «данное положение нуждается в проверке» только для самого автора, если вспомнить, что это уже отмечали Ю.В.Кухаренко, А.К.Амброз, Е.В.Максимов, Л.Д.Поболь, К.В.Каспарова: составлены и схемы взаимовстречаемости (см.: Кухаренко 1964: рис.20 и 21; Каспарова 1976). Конечно, новые комплексы должны их дополнить, уточнить, возможно и поправить, но пока таких нет.

Не слишком удачной представляется и модификация А.М.Обломским схемы Ю.В.Кухаренко (Кухаренко 1964) для среднелатенских и позднелатенских фибул. Недаром последняя не получила широкого применения. Коррективы, предложенные автором, ничего не меняют, скорее запутывают. Типология же А.К.Амброза полнее и глубже, хотя и не идеальна (но таковой и не будет). А.М.Обломский упомянутые фибулы называет фибулами «западных» серий, что мне кажется внесением ненужной путаницы в нашу и так сложную терминологию: все фибулы имеют латенские прототипы, а термин «западные типы» стал привычным для фибул действительно западного происхождения (Амброз 1966: 36). Таким образом, полагаю, что уточнений в классификацию фибул зарубинецкой культуры А.М.Обломский не внес.

Часть работы, касающаяся абсолютной и относительной хронологии фибул, также требует ряда замечаний. Так, в проблеме хронологии Латена за последние 10—15 лет произошло много существенных изменений, частично, видимо, оставшихся автору неизвестными или им не понятыми. Так, А.М.Обломский глубоко ошибается, полагая, что не имеет принципиального значения для датировки фибул зарубинецкой культуры дата начала позднего латена, которой раньше являлся 15 г. до н.э. Имеет, и очень большое. Сейчас от этой даты, как даты гибели Манхинга, исследователи отказываются: этому вопросу посвящена огромная литература. Новые данные позволили передвинуть вглубь абсолютные даты периодов эпохи Латена. Автор пользуется работой К.Годловского и З.Возьняка 1970 г., но их современные взгляды нашли отражение в работах 1973—1979 гг. Наиболее новая хронологическая схема предложена в 1977 г. К.Годловским, который базировался на многих работах европейских исследователей (Godłowski 1976, 1977, 1977a; Woźniak 1970, 1974, 1977, 1979; и др.). Хронология З.Возьняка, которую принял А.М.Обломский, может уже быть корректирована. Нельзя называть ее «новой» сейчас. Автор не использовал многие работы, касающиеся хронологии рассматриваемых им фибул (статьи чешских, словацких, немецких, румынских и др. исследователей). Поэтому он уверен, что даты Р.Хахманна (Hachmann 1961) никем не опровергнуты. Кроме того, для зарубинецкой культуры важна хронология не только культур Северной Европы, а всего латенского ареала, в том числе юго-восточного. Замечаний здесь у меня много, обо всех говорить нет смысла, они вытекают из указанных выше. Отмечу некоторые конкретные.

При обозначении хронологических этапов эпохи Латена на протяжении всей статьи автор употребляет разные обозначения: «первая фаза латена D» (со ссылкой на Р.Хахманна, у которого совсем другие названия временных отрезков); «1 период латена D» или «первый период латена D». Несколько раз даны различные термины «вторая фаза», «2 фаза», и т.д. Отсутствие четкости формулировок режет слух: нельзя же так бросаться словами. Существует общепринятое членение Латена на периоды A,B,C,D с подразделением их на фазы, среди которых интересующие нас фазы C_1, C_2, D_1, D_2, D_3. Кто выделил еще D_4 или четвертый период позднего латена? Ссылок нет, только на Р.Хахманна, но он не выделял D_4 .

Судя по табл.5—6 автор считает, что в зарубинецкой культуре фибулы появились одновременно с появлением тех же типов на западе, и дату самых ранних расчлененных (и «зарубинецких» I варианта) он определяет рубежом III — II вв. до н.э. Получается, что в латенизированных западных культурах они появились позднее? Обоснований такой дате (даже «условной») нет. Даты фибул даны «широкие», даже слишком. Сейчас их можно сузить. Если принята хронология З.Возьняка, то почему на табл.6 — «рубеж III — II», а в тексте — «первая половина II в.»? Неправомерно прямо переносить латенскую схему на зарубинецкую культуру.

В отношении датировки фибул с треугольным щитком. Напрасно автор статьи считает, что попытка К.В.Каспаровой определить датировку этих фибул окончилась такой уж неудачей, в которой она сама же и признается. А.М.Обломский, вероятно, не совсем точно выразился. Хронология «копьевидных» фибул по югославским исследователям действительно неопределенна, но датировка наших «зарубинецких», предложенная К.В.Каспаровой на основе анализа балканских аналогов и закрытых комп-

лексов (Каспарова 1977,1978,1981), подтвердилась современными данными латенской хронологии, а теперь еще и датой фибулы из Беляусского могильника (III вариант — конец II в. до н.э.), которая обоснована античными материалами и получена независимо от соображений К.В.Каспаровой (Михлин 1980: 201—203, рис.5,*3*).

Вопрос о появлении и бытовании среднелатенских гладких и расчлененных: вывод о существовании в зарубинецкой культуре фибул типа Г1 (вариант А К.Костшевского) «между началом периода C_2 и концом второй фазы латена D» ничем не обоснован, а также противоречит сказанному автором выше. У нас фибулы, близкие варианту А, редки и не встречены с другими типами. Можно опираться лишь на западную хронологию, а там они синхронны расчлененным, т.е. возникают еще в фазе C_1. Почему же у нас их следует датировать более поздними периодами? Ссылка на В.Зирру ничего не дает, ибо он говорит лишь о бытовании этих фибул на семиградских могильниках (Zirra 1971), а не об их появлении. З.Возьняк даже в работе 1970 г. относит их к Латену C_2 (Woźniak 1970: 32). В современной литературе следующая генерация фибул — вариант В К.Костшевского (Г2 у Обломского) относят к Латену C_2 (см. работы Б.Бенадика, Х.Поленца, К.Годловского и др.), а не только к первой фазе латена D. О бытовании расчлененных фибул З.Возьняк, цитируемый А.М.Обломским, пишет, что они исчезли к фазе Латена D, а не в «первом периоде латена D» (Woźniak 1970: 158). В этой связи замечу, что К.В.Каспарова в упомянутой автором статье не говорит, что бытование расчлененных фибул надо сузить до конца фазы C_1, как пишет А.М.Обломский. Там сказано, что продлевать их датировку со стороны Е.В.Максимова — излишняя осторожность, а он продлевал ее до конца I в. до н.э. (Каспарова 1978: 85).

Время же применения расчлененных фибул было, конечно, коротким. Они редки, встречены с архаичной керамикой, быстро сменились другими типами фибул. Фибула из Воронино починена — видимо, использовалась вторично немного позднее. На севере Европы, в Скандинавии, например, фибулы с шариками вообще бытуют дольше, но для зарубинецкой культуры это не имеет значения, ее контакты с латенизированным миром шли другим путем.

Относительно абсолютной даты позднейших фибул зарубинецкой культуры. Косвенные аргументы автора против ее отнесения к середине I в.н.э. неубедительны. По-прежнему в собственно зарубинецкой культуре нет никаких материалов ступени B_1 римского времени; нет и других изменений, говорящих об ее перестройке. Переход к культурам последующего времени («киевского» типа, черняховской) нигде достоверно не прослежен, есть отдельные вещи, но нет культурного пласта такого переходного периода (или пока нет). Это надо пытаться объяснять, а не растягивать датировки. В «почепской» культуре фибулы позднелатенской схемы живут дольше — это и подтверждается другими вещами I — II вв., а в зарубинецкой культуре их нет. Самые поздние фибулы «бойев» (очень редкие и, скорее всего, импорт) говорят о связях с теми культурами, где они вышли из употребления самое позднее на рубеже эр. Могли ли в зарубинецкую такие фибулы попасть много позднее?

В числе мелких замечаний: фибулы, которые автор называет Р и П, не могут быть объединены вместе. Это варианты или подварианты. Ссылка на Р.Волонгевича здесь неуместна: именно он разделил фибулы варианта N по спинке, придавал хронологическое значение форме ее сечения. Фибула из погребения № 4 могильника Рахны П.И.Хавлюком не определялась как «смычковая» (Хавлюк 1976: 17). Почему автор так ее называет без всяких обоснований? Надо хотя бы дать ссылку на П.И.-Хавлюка, на рисунок фибулы у него и у А.К.Амброза. Отмечу также неточность и небрежность выполнения рисунков на табл.7, где перерисованы фибулы из публикаций. При перебелке могут быть еще искажения важных деталей. Другие таблицы тоже сделаны небрежно, неуважительно к редакции журнала.

Само собой разумеется, что, по моему мнению, без переработки статья не может быть издана. Полагаю, что автору нужно еще раз обратиться к материалу, к литературе. С рядом моих замечаний и с критикой некоторых рассуждений А.М.Обломский, вероятно, не согласится (ибо весь стиль статьи звучит достаточно самоуверенно), но свои положения он должен защитить более обоснованно. Редакцию «Советской археологии» прошу извинить за задержку отзыва. Причиной тому с одной стороны моя длительная болезнь с пребыванием в больнице, а с другой — множество замечаний по статье, потребовавших внимательной ее проработки.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А.К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР. САИ. Вып. Г1-12. 1966

Каспарова К.В. 1972. Зарубинецкий могильник Велемичи II // АСГЭ. Вып.14.

Каспарова К.В. 1976. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Полесья // СА. № 3. С.128-140.

Каспарова К.В. 1977. О фибулах зарубинецкой культуры // АСГЭ. Вып.18. С.53-111.

Каспарова К.В. 1978. Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры (к вопросу о ранней дате и юго-западных связях) // ПСА. Вып.2. С.79—88.

Каспарова К.В. 1981. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры //

СА. № 2. С.57-79.
Кухаренко Ю.В. 1961. Памятники железного века на территории Полесья. САИ. Вып. Д I — 29. М.
Кухаренко Ю.В. 1964. Зарубинецкая культура // САИ. Вып. ДI — 19. М.
Михлин Б.Ю. 1980. Фибулы Беляусского могильника // СА. №3.
Обломский А.М. 1983. О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры // СА. №1.
Хавлюк П.І. 1976. Зарубинецька культура Південного Побужжя та лівобережжя Середнього Дністра // Археологія. Вип.18.
Godłowski K. 1976. Strefy kulturove w okresie rzymskim w Europie Środkowei // Pr.Ar.
Godłowski K. 1977. Okres latenski w Europie. Kraków 1977.
Godłowski K. 1977a. Das Gräberfeld in Kryspinów bei Kraków und seine Bedeutung für Übergang zwischen der Laténe und der Römischen Kaiserzeit in Kleinpolen // SALZ.
Hachman R. 1961. Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit // BRGK. Bd.41.
Woźniak Z. 1970. Osadnictwo celtyckie w Polsce. Wrocław etc.
Woźniak Z. 1974. Wschodnie pogranicze kultury lateńskiej. Wrocław etc.1974.
Woźniak Z. 1977. Kulturelle Beziechungen zwischen der Gebieten Polens und der DDR während der La Téne und der frühen römischen Kaiserzeit // Arbeits und Forschungberichte Sachsen. Bd.22.
Woźniak Z. 1979. Chronologia młodszej fazy kultury pomorskiej w świetle importów i naśladownictwa zabytków pochodzienia południowego // Problemy kyltury pomorskiej. Koszalin.
Zirra W. 1971. Beiträge zur Kenntnis des keltischen Laténe in Rumänien // Dacia. T.XV.

Отзыв
о статье Л.Д.Поболя «Железный век Белоруссии» (по поводу рецензии А.Г.Митрофанова)

A Comment on L.D. Poboli's Article "Iron Age in Belarus" (in Connection with A.G. Mitrofanov's Review).

In this case K.V. Kasparova was asked by "Sovetskaya Arheologiya" Journal to act as a referee in debate between two researchers from Belarus: L.D. Poboli and A.G. Mitrofanov. The former published a big volume in 1983, called "*Arheologicheskie pamyatniki Byelorussii: Zheleznyi Vek*" (Archaeological Sites in Byelorussia: Iron Age), and the latter one made a review of the book, where he marked many inaccuracies, like one and the same site being cited under different names, while several different sites are united under one name, etc. L.D. Poboli's response was the article, which K.V. Kasparova was asked to comment.

After studying the materials, she draws a conclusion that the reviewer was right in all the cases. Besides, she adds her own observations. The conclusion she makes is the following: it is dangerous to use L.D. Poboli's book as a reference tool, which it pretends to be. There are too many errors and inaccuracies in it.

Статья является попыткой опровергнуть критические замечания рецензента, расцененные как вымысел, искажение фактов и т.п. Утверждается, что «ни одно из критических замечаний не может быть принято», все «при проверке легко отводится». Рецензенту (и соответственно — редакции журнала) предъявлены весьма серьезные обвинения, притом в очень резкой форме.

Попробуем разобраться, имеются ли у Л.Д.Поболя основания для столь категоричных заявлений. Рецензия на книгу «Археологические памятники Белоруссии: железный век», Минск 1983 (Поболь 1983), действительно «разгромная», но вполне корректная.

Л.Д.Поболь прав — замечания звучат как «истина в последней инстанции», ибо А.Г.Митрофанов в них уверен; они недостаточно аргументированы, что можно объяснить ограниченным объемом рецензии, но за этим стоят веские обоснования. Убедиться в них мне позволили проверка и сопоставление источников. Лишь некоторые замечания не удалось проверить по ссылкам на архивные документы. Обратимся к конкретным вопросам, прежде всего к тем, на которые Л.Д.Поболь дал ответы в своей статье.

Он утверждает, что у дер. Присно имеются три городища (Поболь 1983, №№ 116, 117, 119: 236), опираясь на дневники А.Н.Лявданского и Д.В.Ковалени (1936). Согласно другим авторам их два (Мельниковская 1967: 192; Древности... 1962: 25). Так же считает и А.Г.Митрофанов. Данные по Присно I и II в рецензированной книге и в (Поболь 1974) совпадают.[1] О городище Присно III в книге 1974 г. написано, что в указанных дневниках отмечено третье городище, находящееся «восточнее деревни и оно хорошо видно с городища в урочище Горск» (1974: №323). А в книге 1983 г. читаем: «Присно III, урочище Замостовье ... стоянка каменного и селище железного веков» (1983: 236, №118). О Присно IV (его нет в книге 1974 г.) сказано то же самое (1983 №119). А.Н.Лявданский и Д.В.Коваленя отмечают, что третье городище находится юго-восточнее деревни (1936). Оказывается, что «третье» городище в Присно совпадает с городищем у дер. Шерстин, расположенной рядом (Мельниковская 1967 №№135,190; Поликарпович 1928: 190-191). Но у Л.Д.Поболя есть и городище Шерстин (1983 №151; 1974 №333): его описание соответствует тому, что говорится о городище Присно III (1974 №323; 1983

[1] Пользоваться сводом в книге (Поболь 1983) невозможно, не имея под рукой книги (Поболь 1974), так как ссылки в первой даны только для новых памятников, а для повторенных (их большинство) ссылки во второй.

© К.В.Каспарова, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

№119). Поэтому и приведены планы только трех городищ у дер. Присно и Шерстин: Присно I, II и Шерстин (1974 рис.63,64,67). По привязке городищ у Л.Д.Поболя разночтения с авторами, на которых он ссылается: по О.Н.Мельниковской — два городища у Присно и одно у дер. Шерстин; по К.М.Поликарповичу — одно у Присно и два в Шерстине (1928 №№56-57). Все это в новом своде памятников Л.Д.Поболь был обязан скорректировать.

В ответ на замечание рецензента об отсутствии второго Чечерского городища (Поболь 1983 №921:300) Л.Д.Поболь не смог привести убедительных данных о его существовании. В действительности, А.Ганжин (1927), на которого ссылается Л.Д.Поболь, нигде не пишет, будто он обнаружил второе городище, а лишь упоминает об «остатках земляных укреплений бывшего когда-то замка». Речь может идти о городище позднего средневековья. Примечательно, что никто из старых археологов (С.А.Дубинский, А.Н.Лявданский) не упоминают о втором городище в Чечерске. Статья же А.Ганжина — популярный рассказ обо всех достопримечательностях Чечерска. Возможно, дело здесь в том, что Л.Д.Поболь в своде учитывает все городища, а не только железного века, часто вводя читателя в заблуждение. А.Г.Митрофанов же имеет в виду только городища по теме свода, в чем он, конечно, прав. Ссылки Л.Д.Поболя по рассматриваемому памятнику противоречивы. Чечерск II соответствует (Мельниковская 1967, №186) — но у нее это Ипполитовка, поселение в ур. Захарпольский Луг «(уничтоженное городище?)». По (Древности... 1962, №8:25) — это тоже селище, к северу от Захарполя. В обеих работах указывается еще Малыничское городище за пределами Чечерска, не учтенное у Л.Д.Поболя. Здесь следовало бы сопоставить информацию из разных источников, прежде чем ссылаться на все подряд.

Л.Д.Поболь помещает городище Жаробная I (1983 №180:241), ссылаясь на (Поликарпович 1928 №85). Подтверждая замечание А.Г.Митрофанова о том, что здесь нет городища, добавлю следующее: под №85 у К.М.Поликарповича описаны памятники на левом берегу р. Сож у с. Скиток[2], а не Жаробная, которая соответствует селищу в ур. Глушец. При описании подъемного материала, среди которого два черепка «культуры городищ», К.М.Поликарпович упоминает: «между прочим, городище находится в 3-4 км. на запад около церкви, на берегу Сожа» (Поликарпович 1928 №82:218,219) [3]. Дана ссылка на Е.Р.Романова (1908; 1910), у которого упоминается городок в с. Скиток, где был основан Терешковский монастырь на вершине доисторического городища. Но у Л.Д.Поболя тоже есть Скиток, ур. Монастырь (1983 №216:243), с данными по Е.Р.Романову и ссылкой на К.М.Поликарповича. Оказывается, что одно городище Скиток у Л.Д.Поболя фигурирует дважды (1983 №№180,216), и сведения первоисточника искажены.

Закономерно и справедливо указание А.Г. Митрофанова о необходимости проверки сомнительных сведений в работах предшественников, в том числе и Е.Р.Романова, что отнюдь не умаляет достоинств последнего. Что касается пунктов, упомянутых А.Г.Митрофановым и проверенных мною по Е.Р.Романову (1910), действительно, включать их в свод только по этой информации бессмысленно.

Ответ на замечание о Логойске неудовлетворителен и уводит в сторону от выяснения истины: в рецензии идет речь не об этом (Поболь 1983 №216 с.363). Этому городищу феодального периода вообще не место в своде железного века, а фибула из бывшей коллекции Тышкевичей совсем не обязательно происходит из данного пункта. Недостаточное основание и «несколько обломков лепных сосудов» (Поболь 1974: 331)[4], а замечание относится к (Поболь 1983 №214) — городище в ур. Паненкова Гора, находящееся в центре Логойска, а не «в 1 км восточнее города», как у Л.Д.Поболя.

Отводя замечание об искажении сведений о Черноручье (Поболь 1983, №372:161), Л.Д.Поболь неточно привел «данные о незнании первоисточников рецензентом» (статья:8). Все, на кого ссылается Л.Д.Поболь (А.Н.Лявданский, К.М.Поликарпович, Л.В.Алексеев, Г.В.Штыхов) пишут о расположении городища так, как указал в рецензии А.Г.Митрофанов.

Замечание (Поболь 1983 №№337,345:137) Л.Д.Поболь не понял, видимо, из-за ошибки в тексте рецензии (Митрофанов:290-291), где под №345 написано «Городенец» вместо «Городец II». А.Г.Митрофанов, скорее всего, сам допустил эту неточность, но, конечно, он имел ввиду, что Азяруты и Городец II — одно и то же городище, а не №343 — Городенец, как пишет Л.Д.Поболь в ответе. Относительно №343 нет сомнений, а совпадаемость сведений о №№337 и 345 внушает подозрение. Л.В.Алексеев и Г.В.Штыхов указывают одно городище на оз. Азяруты. А.Н.Лявданский и К.М.Поликарпович — одно на озере, второе — у д. Городец, но у них нет еще одного Городца, как у Л.Д.Поболя — №344. Локализация последнего неясна, сельский совет не указан. Связь памятников Городец I и II непонятна, поскольку, если Городец I находится в 15 км. к юго-востоку от Лепеля, то он не может иметь отношение к Городцу II, расположенному на берегу оз. Азяруты, в 10-12 км.

[2] У Л.Д.Поболя это селище названо Жаробная III (1983 №182:241).

[3] На основании этих находок у Л.Д.Поболя зафиксировано селище №181 Жаробная II. Его №183 Жаробная IV, селище в ур. Гать тоже относится к левому берегу р. Сож: Скиток (Поликарпович 1928 №84:221).

[4] См. (Штыхов 1971:181) и его ссылки.

к северо-западу от Лепеля. Неудачна, конечно, и привязка к несуществующим ныне населенным пунктам, что справедливо замечено рецензентом. Приходится признать правильной критику А. Г. Митрофанова по поводу недостаточно точной привязки многих памятников, а ответ Л. Д. Поболя неудовлетворительным.

На замечание о Жвирина (Поболь 1983 №37: 126) Л.Д.Поболь утверждает, что к его краткой информации подробным дополнением могут служить работы Х. и В.Голубовичей (Holubowiczowie 1940) и К. П. Шута. У Х. и В.Голубовичей дана карта с пунктами без их названий. Ни одно из городищ, описываемых Л.Д.Поболем, не упомянуто у К. П. Шута: в статье ротапринтного издания есть маленькая карта, где мелким шрифтом помещены названия памятников, 50% которых не читаются, больше нигде не упомянутых, о подробной локализации нет и речи. Местоположение памятника можно было уточнить по Ф.В.Покровскому (1899, Приложение:30)[5], где указано, что в 1½ версты на юг от дер. Жвирина находится высокая с плоской вершиной гора с признаками культурного слоя.

По поводу Кобринский уезд, урочище Замок (Поболь 1983 №153:107), где, по сведениям Археологической Комиссии, имеется городище, следует добавить, что кроме фактически отсутствующей привязки памятника, скудная информация о нем в единственном источнике еще и оборвана, можно сказать, на самом интересном месте: «Главным управлением уделов здесь произведены раскопки», цитирует Л.Д.Поболь (ОАК 1903), и ставит точку. А там еще написано: «причем ничего не обнаружено». Это как раз та самая «форма недозволенного цитирования», которую Л.Д.Поболь старается приписать рецензенту! Памятник оказывается сомнительным, каких в своде очень много.

Пытается Л.Д.Поболь отвести замечание о локализации городища в Смородске (№286: 118), ссылаясь на подробную информацию в приведенной литературе. Однако это не так. Ни в (Slownik 1889), ни у В.П.Семенова (1905), где дан дословный перевод из первоисточника, о городище на берегу р. Горыни нет никаких данных. Там идет речь о с. Смородске, его местоположении, о церкви и т.д. Затем сказано: «с. Смородск — древнее поселение, имеющее в окрестностях городища, окопы, курганы». Какой конкретно памятник имеет в виду Л.Д.Поболь, остается неясным.

Заявление Л.Д.Поболя (статья:10), что все выводы о 3685 памятниках «строго обоснованы документально», не соответствует действительности. Несмотря на большой список литературы, очень часто приведены ссылки на работы, где использована одна и та же информация. Например, ссылки на Г.В.Штыхова, Л.В.Алексеева, К.П.Шута, Х. и В.Голубовичей, которые сами ссылаются друг на друга, и все восходит к Ф.В.Покровскому (1893), на которого Л.Д.Поболь тоже дает ссылку. Причем ни у одного из авторов нет сведений дополнительно к Ф.В.Покровскому. И оказывается, что памятник никем не проверялся с 1893 г.!

Часто эти данные не позволяют бесспорно признать памятник археологическим, и вот кочуют эти «валы» и «насыпи» из книги в книгу. В своде Л.Д.Поболя таких «памятников» действительно слишком много. Он полагает, что на ряде примеров, рассмотренных нами выше, сумел показать «научную несостоятельность» замечаний А.Г.Митрофанова, и утверждает, что это в равной степени относится ко всем замечаниям на с.290, и также, не обсуждая, отвергает все остальные на с.289,291.

По замечаниям рецензента мною проверены почти все ссылки автора и многие ссылки тех, на кого он ссылается. Это позволило убедиться в обоснованности утверждений А.Г.Митрофанова об отсутствии городища в Луговцах (Поболь 1983 №94:132). Л.Д.Поболь ссылается на Л.В.Алексеева (1959), который на свою карту этот пункт не помещает, дает данные в примечании, ссылаясь на (Сведения 1873), откуда явствует, что насыпной вал у дер. Луговцы по форме и по находкам (старинные монеты, пуговицы, подковы, пули) не внушает уверенности в его принадлежности к археологическим памятникам, тем более — железного века.

Все приведенные ссылки о пункте Фортуна (Поболь 1983 №109:133), сводятся к (Сведения 1873), где сказано о земляной насыпи. У Л.В.Алексеева (1959) на карте пункта нет. Г.В.Штыхов (1971) ссылается еще на К.П.Шута, где Фортуна только на карте в числе «обследованных поверхностно». Таким образом, новых данных ни у кого нет.

Все ссылки о Латыголь (1983 №32:132) сходятся к В.Глаценку (1930), который действительно упоминает о «городке» с валом и рвами, где никогда не производились раскопки. Л.В.Алексеев относит его к городищам без культурного слоя. В.И.Шадыро городища там не обнаружил. Это не археологический памятник.

Стрелки (№103:133): Л.Д.Поболь ссылается на В.Глаценка (1930), который городище не упоминает, кроме надписи на карте «в Стрелки», т.е. в населенный пункт.

Сомнителен и памятник Верхнее (Поболь 1983 №160:139), со ссылкой на (Покровский 1893), сообщающего о «насыпном вале длиной 50 и высотой ½ саженей, по краям вала ров, при концах — болото».

По поводу Тумиловичей (№302 с.154), Л.Д.Поболь пишет: «предположительно» городище, ссылаясь на Г.В.Штыхова (1971), опирающегося на «непроверенные сведения Витебского музея». Аналогичные данные о Докшицах

[5] Эта работа в библиографическом списке Л.Д.Поболя не числится.

(№281:152), но здесь уже нет «предположительно».[6]

По Отруб (№№298 и 299:154), даны ссылки на Г.В.Штыхова (1971), а у него на (Опросный лист). Л.Д.Поболь указывает, что А.Г.Митрофанов памятники не обнаружил, но все-таки включает их в свод, не проверив старые данные.

Помещая городище Селище-Латыголь (Поболь 1983 №117:356), Л. Д. Поболь попросту искажает информацию источника: в работе А.Сапунова и В.Друцкого-Любецкого (1896) нет ничего о городище, а идет речь о следах старинного кладбища — могильных холмах около с. Латыголь и кургане Лысая Гора при дер. Селище.[7]

Неубедительны данные о наличии городища Мостище в ур. Солдатова могила (Поболь 1983 №50: 128). Ссылки восходят к (Покровский 1893), где сказано, что гор. «Солдатова» возле Мостища и «старые могилки» — может быть «стародавний могильник». О городище нет ни слова. Г.В.Штыхов указывает, что там нет культурного слоя, но Л.Д.Поболь об этом не упоминает.

Существование городища в Укольске (№71: 130), основано на ненадежных данных К.П.Шута (только название на карте) и на «непроверенных сведениях Витебского музея», как сообщает Г.В.Штыхов.

Замечание о том, что Опса и Плюссы (№№53 и 54:128) — природные образования, не вызывают сомнений. Все ссылки по Опсе[8] основаны на работах Ф.В.Покровского[9], в одной из которых (1899:31) сказано, что у дер. на оз. Опса имеется «возвышенность под названием “Черной Горы”». Остальные ссылки касаются курганов. Недавние обследования Л.В.Дучиц[10] подтвердили, что это природные образования.

О пунктах Волково, Дворчаны, Каменцы, Козлы, Щеберы (Поболь 1983 №№ 386, 388, 393, 395, 414: 162,165), вся информация восходит к (Покровский 1893: 2-3), где говорится, что, по сведениям местного учителя, в окрестностях м. Леонполь (около названных выше деревень и хуторов) находятся валы, а в одном из них находили разного рода оружие. Ссылки на других авторов дополнительной информации не дают[11], наоборот, есть расхождение с Г.В.Штыховым по №№386, 393, 395, 414. Он отмечает там только курганы (1971: 61, №437), опираясь на ту же работу Ф.В.Покровского. Не вполне ясно, почему у Л.Д.Поболя городища в Козлах и Щеберах помечены «предположительно», хотя информация основана на тех же источниках, что и по другим пунктам.

Относительно №388 указано, что А.Г.Митрофанов «памятника не выявил». То же самое касается Перебродья (№403:163). По Ф.В.Покровскому (1893: 2-3) известна насыпь около 10 саженей в окружности, в которой «много находок брусков для острения кос», а в (Сапунов, Друцкий-Любецкий 1896) данные повторены.

Учитывая все изложенное, а также негативные результаты обследования памятников А.Г.Митрофановым, известные ранее Л.Д.Поболю, думаю, что требовалась дополнительная проверка ненадежных и кое в чем путанных литературных источников прежде, чем включать памятники в свод.

Не бесспорны и данные о существовании городища Девгуны-Хомичи (№389:162), со ссылкой на Г.В.Штыхова, опирающегося только на карту Х. и В.Голубовичей без названий памятников.

Неубедителен ответ Л.Д.Поболя о Небышино-Далеком (№290:153). Если он пришел к выводу о существовании там городища, изучая (Опросный лист), незачем было ссылаться на Г.В.Штыхова, который в том же урочище помещает только могильник, причем тоже по данным «Опросного листа». Неудачна ссылка на (Митрофанов 1971) — эта работа не числится в библиографическом списке, и по ее данным в 0,5 км. от Небышино в ур. Городище расположены курганы. Название урочища еще ни о чем не говорит, особенно при изучении топографии местности лишь по «Опросному листу».

Под названием Домашковичи (№282:153) помещены три городища недалеко от деревни Осово с указанием, что А.Г.Митрофанов памятники не обнаружил. Не доверяя ему, Л.Д.Поболь пользуется сведениями (Описание церквей 1879:311), где указываются в окрестностях деревни Осово курганы с окопами вокруг, называемые «дворцом», «городком»; между Горелой и Дедиловичами — курганы, именуемые «городцами» и «старым селом». Никаких данных, удостоверяющих их принадлежность к памятникам раннего железного века, нет. Возможно, некоторые из них совпадают с настоящими городищами, расположенными поблизости, но привязанными исследователями к другим пунктам: в 2-х км — у Дедилович («Замковая гора»), и в 6-7 км — у Васильковки, о чем и пишет А.Г.Митрофанов (с.290), проводивший там многолетние раскопки. Л.Д.Поболь учел эти городища (1983: №№56;1995: 351, 362), но включил и старые сведения. В результате вместо двух городищ — пять!

Убедительно замечание о том, что Новый Погост и Пилаты (Поболь 1983 №№401, 702:

---

[6] Эти пункты могли быть помещены в список памятников, требующих проверки (если бы таковой был).

[7] То же см. (Покровский 1893:26,27; Штыхов 1971 с.171, №145).

[8] По Плюссе нет никаких ссылок.

[9] Имеются в виду работы (Покровский 1899;1905): первая не использована в книге Л.Д.Поболя (1983) вообще, вторая отсутствует в библиографическом списке, хотя на нее много ссылок.

[10] Архив ИИАН БССР, №576:124

[11] Попутно отмечу, что для №333 ошибочна ссылка на Г.В.Штыхова (1971): нужно Леонполь обозначить №437, а не №440.

163, 196) — одно и то же городище. Следует внимательно прочитать информацию Ф.В.Покровского, где говорится, что по сведениям местного священника городище — в 3-х верстах от церкви деревни Новый Погост, а по сведениям местного учителя «может быть то же городище — при деревне Пилат» (1893:11-12). Г.В.Штыхов это учел, сделав соответствующее замечание. У него есть Новый Погост (1971 №440: 61), но нет городища Пилат. Я.Г.Зверуго и Л.В.Дучиц городище привязывают к дер. Пилат, но у них нет Нового Погоста. Л.Д.Поболь свой список старается увеличить — у него и то, и другое, а сопоставить данные он не счел нужным.

Отводя замечание об отсутствии городища у Бегомля (№268:151), Л.Д.Поболь предлагает рецензенту «познакомиться с первоисточниками», а ими являются «непроверенные сведения Витебского музея, 1969 г.» (на них ссылается Г.В.Штыхов (1971), на которого дает ссылку Л.Д.Поболь; ссылка на (Опросный лист) касается курганов). Считаю, что данные обследования А.Г.Митрофанова надежнее.

На каких основаниях у дер. Белевичи помещено городище (1983 №394:379), осталось неясным — ссылок на источники нет, а по данным рецензента, проводившего разведки в этих местах, в ур. Церковище — болото.

Источником о городищах Сороги, Крайцы, Колосовичи (1983 №№ 414, 415, 70, 354: 381, 352, 158) служит только (Опросный лист), т.е. данные по состоянию памятников на 1924 г., причем в основном собранные непрофессионалами. Сомнительна и принадлежность таких памятников именно к железному веку. Многие из них к настоящему времени уже не сохранились (как №№414,415 — по обследованию А.А.Егорейченко (1979); или определены как природное образование (№354), о чем Л.Д.Поболю уже было известно (1983: 159), поэтому сведения обязательно нуждались в проверке.[12]

Думается, что некоторых замечаний рецензента можно было бы избежать, если бы Л.Д.Поболь ввел в Свод рубрику «сомнительных» памятников: городищ, не сохранившихся до настоящего времени, известных только по литературе XIX века, по ненадежным данным. Но, поскольку все-таки в некоторых случаях на этот счет встречаются оговорки, предполагается, что все остальные — бесспорны. Проверка же показывает, что это далеко не так.

В этой связи появились в рецензии и неправильные замечания: по поводу Голубичей (Поболь 1983 №162:139), где Л.Д.Поболь не утверждает, что нет древнего поселения, как считает А.Г.Митрофанов (с.290). Памятник ведь внесен в список согласно ссылкам, при оговорке, что проверка М.А.Ткачевым в 1973 г. не подтвердила данные. То же самое касается Высокого Городца (№621:187), где есть указание, что городище уничтожено.

Значительная часть замечаний касается памятников, занесенных в список под двумя разными названиями, за счет чего их количество преувеличено. Выше уже говорилось о тех, которые Л.Д.Поболь попытался «защитить» в рассматриваемой статье. Замечания по остальным сорока пунктам он просто отвел как «бездоказательные утверждения» и «вымыслы» А.Г.Митрофанова. Однако проверка источников, результаты которой привожу ниже, подтвердили, что указанные рецензентом памятники у Л.Д.Поболя фиктивные.

Под №№26,40 (1983: 125,127) числятся два городища — Бужа и Зазоны, в действительности — одно у дер. Зазоны, ур. Замок. Исследования (Алексеев 1955) подкрепили старые сведения Ф.В.Покровского: по его данным на оз. Бужа городища нет. Обследование Л.В.Дучиц (1981: 164) подтвердило наличие городища у дер. Зазоны .

Два городища вместо одного, Литовщина и Татаровщина (1983 №№45,66:127,129) возникли потому, что Л.Д.Поболь не сопоставил данные из (Дучиц 1977), привязавшей городище Татарская Гора к существующей ныне дер. Литовщина (хут. Татаровщина теперь нет) с прежними сведениями Ф.В.Покровского, Л.В.Алексеева, Г.В.Штыхова и др., по которым городище числилось за этим хутором.

А вот каким образом в своде получилось пять городищ вместо трех на оз. Укля: в Загорье-Укля (1983 №39:126) указаны три городища в ур. Тариловка, Козинец и Лыско, а также курганный могильник. В Укле (1983 №№69,70:129) — два городища с привязкой к дер. Укля и г. Браславу, в ур. Тариловка и Козинец отмечены и курганы. Для всех пунктов даны ссылки на один и тот же пункт (Штыхов 1971 №65); а также на Ф.В.Покровского — в одном случае на (1895) (этой работы нет в библиографии), в другом — на (1893), а также на (Сапунов, Друцкий-Любецкий 1896). Во всех источниках речь идет об одних и тех же городищах на берегу оз. Укля и о загорских курганах. Вероятно, когда Л.Д.Поболь писал с.129, он уже забыл, что написал на с.126.

Действительно дважды указана курганная группа Бельмонты I и II (1983 №№21,22:125), но дело не только в этом. Неточности в ссылках и привязках совершенно запутывают читателя. У Ф.В.Покровского (1895) описываются несколько могильников, в том числе Бельмонтские, Рацкие и Богинские курганы. У Л.Д.Поболя под №21 Бельмонты I — это «Рацкие курганы», «в 5 км. от Браслава». По Ф.В.Покровскому (1895: 181-184), они находятся на северо-западном берегу оз. Дривято, между дер. Машули и Шалтени, а бывшее имение Бельмонт — на про-

[12] В ответе Л.Д.Поболя под №354 какое-то недоразумение: каким образом из документа 1924 г. было «известно, что в 1927 г.», и даже имелся Колосовический сельсовет?

тивоположном берегу озера. Ссылка на (Штыхов 1971 №28:32) не подходит — у него это 76 курганов вблизи бывшего имения Бельмонт со ссылкой на Ф.В.Покровского (1895: 181-184), где описаны «Бельмонтские курганы». По №22 Бельмонты II Л.Д.Поболь ссылается на (Покровский 1895: 212-214), на которых описаны «Богинские курганы» (по Л.Д.Поболю они соответствуют №23). Здесь же дана ссылка на (Гуревич 1958: 55, №5), но Ф.Д.Гуревич ссылается на (Покровский 1895: 181-184), то есть на Бельмонтские курганы.

Так какая же группа курганов подразумевается под №22? Ведь никакой привязки памятника не дано. Но это еще не все! Есть продолжение «бельмонтской» путанице: Машули (1983 №48: 128), где говорится о 20 курганах, раскопанных Ф.В.Покровским, со ссылкой на (Покровский 1895: 55, №1), а там, конечно, нет ничего подобного. Затем — ссылка на (Гуревич 1958: 55,60-64, №1), которая опирается на (Покровский 1895: 185-197), где описаны Рацкие курганы. Однако у Л.Д.Поболя это уже было — под №21 Бельмонты I (?!). И в (Штыхов 1971 №46) речь идет о курганах в Рацком бору. Итак, дважды числится один памятник — Рацкие курганы (1983 №№21,48). Непонятно, какую группу курганов обозначает №22 (должно быть — Бельмонтскую, иначе они куда-то исчезли). А все было так просто и понятно — и у Ф.Д.Гуревич, и у Г.В.Штыхова, не говоря уж о Ф.В.Покровском...

Дважды фигурирует одна курганная группа под двумя названиями — Опса и Заборники (1983 №№53,38: 128,126). Известная Опсовская группа (Покровский 1895:197-202) оказалась дублированной благодаря ссылке на ошибочную привязку ее к дер. Заборники М.М.Чернявским, на которого ссылается Л.Д.Поболь под №38. Однако на соседней странице он помещает курганный могильник Браслав II (1983: 125 №25), расположенный в местности Заборные Гумна по Ф.В.Покровскому (Браславские курганы) (1895:176-180).

Городище Глубокое на левом берегу р. Аржаницы, на земле крестьян дер. Шарабай (№161: 139) со ссылкой (Покровский 1893: 9)[13] дублировано городищем Шарабан со ссылкой на Г.В.Штыхова (1983 №187: 142), который ссылается на те же данные Ф.В.Покровского. «Глубокого» у Г.В.Штыхова не числится. Несомненно, речь идет об одном и том же городище. Это подтверждается обследованиями (Дучиц 1981).

Березки-Осиновик и Новоселки-Витуничи числятся как два городища (1983 №№270, 292: 151, 153), на самом деле есть одно — городище Замок, расположенное между дер. Осиновик и Новоселки, привязанное к дер. Осиновик по отчету (Митрофанов 1971а), а в (Опросный лист) оно же значится по дер. Новоселки.

Это подтверждается сравнением памятников с данными (Штыхов 1971). Новоселки-Витуничи (№321), городище в 0,5 км от Новоселок, соответствует, как он указывает, городищу Осиновик №323, со ссылками на (Опросный лист) и (Штыхов 1967). У Л.Д.Поболя по городищу Березки-Осиновик (1983 №270:151) дана ссылка (Штыхов 1971 №294), где действительно помещено городище Березки, но по всем данным оно соответствует (Поболь 1983 №278). В тоже время у Г.В.Штыхова памятник под таким названием не числится. А.Г.Митрофанов и Г.В.Штыхов вели исследования в этих местах и их сведения не вызывают сомнений, особенно в сравнении с непрофессиональной информацией в старых документах и изданиях.

Безусловно, одной курганной группой являются Кублищино и Махировка (1983 №№396а, 400:163).В обоих пунктах указано по 62 кургана, в одном ссылкой на (Дучиц 1982), в другом на ее же отчет (Дучиц 1977). Снова сталкиваемся с небрежностью в ссылках, они затрудняют и проверку. Выясняется, что ссылка (Дучиц 1982:103-110) (по библиографическому списку — автореферат!) на самом деле относится к отсутствующей в списке работе (Дучиц 1982а: 103), где сказано: «В литературе курганная группа с привязкой к дер. Махировка впервые упоминается Ф.В.Покровским (1893:3)». Но поскольку сейчас нет дер. Махировка, Л.В.Дучиц привязала группу к Кублищино. Л.Д.Поболь вставил №396а дополнительно, после появления статьи Л.В.Дучиц, не пожелав сопоставить сведения, публикуемые им на одной и той же странице. Кроме того, это курганы X-XII вв., не относящиеся к теме свода.

Подтверждается замечание о том, что Клебань и Обольцы (№№632,630а:188) — один памятник, причем сведения Л.Д.Поболя расходятся с данными Г.В.Штыхова, на которого он ссылается. У последнего Обольцы — предполагаемый город XIV века Обольче, а не Клебань, как пишет Л.Д.Поболь. Ссылка на предположение О.М.Левко без аргументации и библиографических данных не проясняет ситуацию. Кроме того, этот памятник не относится к раннему железному веку.

Городище Безводное (1983 №98:354), согласно отчету (Митрофанов 1967), на который ссылается Л.Д.Поболь, тот же самый памятник, что и (1983 №108): по Ф.В.Покровскому последний привязан к дер. Ковали. Так же называет его и Г.В.Штыхов (1971 №128:170), не включая пункт Безводное.

Дважды, под названиями Губы-Геленово и Куренец (1983 №№104,111:355,356), значится городище Замковая Гора, расположенное в 1,3 км от дер. Геленово. Согласно Ф.В.Покров-

[13] Ссылки на Х. и В.Голубовичей, М.Балиньского и Т.Липиньского не дают никакой информации. В первой работе (Holubowiczowie 1940) дана только карта без названий. Во второй (Baliński, Lipiński 1850.- T.IV: 489-490) указано, что в окрестностях м. Глубокое есть следы окопов, в которых выкапывают скелеты и алебарды (ссылка на T. III ошибочна — там нет s. 604).

скому (1893: 29-30), оно находится в 4-х верстах от Куренца, а не в 8-9 км., как пишет Л.Д.Поболь, и совпадает с городищем в Губской Пуще, исследованном А.Киркором. Замечание Ф.В.Покровского о совпадении памятников подтверждено обследованиями Г.А.Кохановского в 1978 г. Замковой Горы. У Г.В.Штыхова (1971: 170) это городище числится только по дер. Куренец.

У дер. Речки помещены два городища (1983 №№116,116:356), между тем одно из них — Замок, очень позднего характера, о чем можно судить, внимательно читая Ф.В.Покровского, и, особенно, примечание, где сказано, что А.Киркор обнаружил сводчатую галерею и вал, обложенный тесаными камнями (1893: 28). По обследованию А.Г.Митрофанова, там теперь сохранились лишь следы памятника XVII века.

Городище Калдыки (1983 №128:357) расположено в ур. Жидова Гора, согласно отчету (Митрофанов 1967), на который ссылается Л.Д.Поболь. Скорее всего, это одно городище с (1983 №132:357) в ур. Еврейская Гора, о котором у Л.Д.Поболя сведения получены от некого Б.П.Власова (без литературы).

Городища у дер. Боровые, Кривичи, Неверы (1983 №№310,327,335:371,374) на самом деле один памятник — у дер. Боровые. По Ф.В.Покровскому (1983: 22), речь идет о городище четырехугольной формы на берегу р. Сервич около Кривич и Неверы. Судя по находкам (оружейные стволы, ядра и пр.), а главное — по разведке 1966 г., здесь «следов древних поселений не выявлено» (Штыхов 1971:195, №450).

Замечание А.Г.Митрофанова о том, что городище Некасецк повторяется под именем Новоселки (1983 №№336,341:375), мне представляется правильным, ибо он вел раскопки в Некасецке, обследовал окружающие места и вряд ли пропустил бы еще одно городище в 1,5-2 км. у Новоселок. Об этом памятнике (№336) и идет речь у Ф.В.Покровского (1893:34), указывающего на Черную Гору в 1,5 верстах от Новоселок. Там же и в (Сапунов 1893) упоминается городище в виде конусообразных насыпей, при раскопках одной из которых «не было ничего найдено». Эти сведения использованы Л.Д.Поболем, но без учета указанных оговорок. Надо, однако, отметить, что Г.В.Штыхов, кроме Некасецкого городища, указывает городище и курганы в Новоселках (1971 №462:196), ссылаясь на Ф.В.Покровского, «Сведения Минского краеведческого музея» и Ф.Д.Гуревич, у которой есть Некасецкое городище, а в Новоселках — только курганы.

В справедливости замечания рецензента трудно усомниться, увидев, как дважды описано городище в центре д. Дягили под разными номерами и названиями (Поболь 1983 №№320,317:372).

Бесспорно является одним памятником Ивань, городище в ур. Окоп и Селище, и городище на берегу ручья, правого притока р. Лахнеи (1983 №№403,411:380). Это явствует из сравнения ссылок, приведенных автором: у С.А.Дубинского говорится, что Селищанское городище близко от совхоза Ивань, а в (Описании церквей) описана местность Ивань «при реке Локнее», и указано, что древний Окоп («замочек»), обнесенный валом, находится у малого ручейка. А.Н.Лявданский и К.М.Поликарпович пишут о городище Селище, но не упоминают городище Ивань; в списке О.Н.Мельниковской (1967) тоже только Селище, между тем именно на них ссылается Л.Д.Поболь по пункту Ивань!

Таким образом, проверка показывает, что все замечания А.Г.Митрофанова совсем не «небылицы» и не «ненаучные приемы критики», как определяет их автор статьи, а вполне объективное выявление фактических ошибок. Как указывает рецензент, список последних можно продолжить. В подтверждение приведу лишь несколько пунктов (их много больше), правомерность внесения которых в свод вызывает сомнение. Судя по описанию, автору они неясны, ссылками не обеспечены, или последние ненадежны. Это (1983 №203:111; №272:117; №125:135; №508:176; №550:270; №676:279; №948:347), и т.д. Среди 42-х памятников Оршанского района только 10 относятся к железному веку (9 из них были в своде (Поболь1974)), а 20 памятников есть в своде (Штыхов 1971); то же и по другим районам и областям.

Статистические данные выглядят очень внушительно, например, городищ железного века 1726, а при распределении их по культурам получается следующее. Милоградская культура — 141, культура штрихованной керамики — 202, днепродвинская — 88, ранний этап зарубинецкой культуры — 142, поздний — 10, культуры пражского типа — 135, эпоха Древней Руси — 222. В результате сложения оказывается, что их 940, а у 786 культурная принадлежность неясна. Не слишком ли много? Ведь свод частями издавался автором раньше, в нем широко использованы списки к археологическим картам других авторов. Это подтверждает критику А.Г.Митрофанова (с.289).

Не лучшим образом обстоит дело со статистикой и по конкретным культурам. Например: городищ милоградской культуры 141, зарубинецкой культуры — 142, но фактически это одни и те же памятники (их 110); на табл.2 в подавляющем большинстве они значатся как милоградские, а на табл.7 — как зарубинецкие. Фактические цифры по каждой категории памятников значительно меньше указанных в таблицах.

Среди 786 непонятных городищ значительная часть вообще не относится к археологическим памятникам, о чем говорит рецензент (с.289). У Л.Д.Поболя, по-моему, превратное представление о назначении свода памятников железного века, судя по тому, что он пишет на с.9 статьи. Оказывается, он «ставил перед со-

бой задачу мобилизовать общественность на спасение всего того, что еще сохранилось в различных уголках Белоруссии». Все это справедливо для соответствующей литературы, но вряд ли «общественность» будет читать именно эту книгу. Автор слишком прямолинейно толкует и слова А.А.Формозова, цитируемые на с.7 статьи. Извлечение сведений об исчезнувших археологических памятниках из архивных документов и старых изданий следует производить корректно и тщательно, и не доводить эту работу до абсурда. Памятники, не относящиеся к теме свода, попали туда не по недоразумению, как пишет рецензент (с.289). Л.Д.Поболь полагает, что это поможет решению вопросов взаимосвязи древностей Руси с культурами предшествующими и проблемы славянского этногенеза (1983: 6,56). Однако все ограничивается лишь подобными декларативными утверждениями.

Ими пронизана вся первая часть книги, названная «Анализ археологических памятников железного века» (1983: 8-93). В действительности это краткий, но неравномерный обзор археологических культур. Заслуживает внимания, пожалуй, лишь систематизация фрагментов милоградской керамики (1983:12-16). Замечание А.Г.Митрофанова об отсутствии аргументации по хронологии милоградской культуры вполне закономерно. В то время как у О.Н.Мельниковской (1967) приведены обоснования всех возможных датировок, Л.Д.Поболь априорно удревняет даты, не сочтя нужным вступать в дискуссию. Вся хронология уместилась на полстраницы (1983: 12). Только в статье упоминается о дате Лебедовского типа по О.Н.Мельниковской. Действительно, сейчас есть данные, позволяющие несколько снизить и время возникновения милоградской культуры, и время ее конца, уточнив датировки определенных групп вещей, появившихся в результате контактов. Однако требуется их анализ, система доказательств, а не общие слова. Предположение О.Н.Мельниковской (1967: 19-22) о происхождении милоградской культуры на местной подоснове можно развить, но Л.Д.Поболь по этому поводу даже не ссылается на нее. А для выделения ранней догородищенской милоградской культуры эпохи бронзы (1983: 10) еще слишком мало данных.

Рассуждая о взаимоотношениях племен милоградской культуры и культуры штрихованной керамики, автор допустил весьма неудачные сравнения (1983: 16), а рецензент мягко указал на неточность. Следует не А.Г.Митрофанова упрекать в искажении смысла, а автора — в плохом изложении своих мыслей. Кстати, по этой проблеме Л.Д.Поболь мог бы указать и новые точки зрения, например А.А.Егорейченко (1982), выделившего среднебелорусский вариант милоградской культуры вместо восточнобелорусского варианта культуры штрихованной керамики.

Нельзя согласиться с аргументами Л.Д.Поболя, касающимися определения северной границы зарубинецкой культуры, и его возражениями рецензенту. Во-первых, последний в своей монографии сравнивает копье и дротик из Аздятичей, Лабенщины и др. именно с зарубинецкими, но совершенно правильно указывает, что подобные формы характерны для многих культур эпохи среднего латена (Митрофанов 1978: 37,38). Равно как и «позднелатенская» фибула из Малышек — широко распространенный общеевропейский тип. Обломки подлощенной керамики еще недостаточное обоснование для маркировки границ зарубинецкой культуры. Проверка пунктов, по которым проведена северная граница милоградской культуры на карте (статья рис.1) показывает, что к ней относятся только №№67 и 69, №350 — сомнителен; культурная принадлежность остальных аннотированных неизвестна (.№№327,226,41,698,632,450), или они средневековые (№№334,458,418); большинство пунктов — без номеров. Также ненадежно проведены восточная и западная границы. Полностью поддерживаю все остальные замечания рецензента, касающиеся карт. Объяснения в статье (с.15,16) их не снимают, а лишь вызывают недоумение. Нанесение на одну карту памятников всех культур не поможет установить их взаимосвязь — без разработки и анализа источников обойтись не удастся.

Вопрос о пересмотре этноса носителей культуры штрихованной керамики еще не решен, и безапелляционные утверждения, приведенные Л.Д.Поболем в книге и в статье, преждевременны. Идея о возможной принадлежности этой культуры праславянам-венедам (ставанам) — всего лишь рабочая гипотеза, интересная, но далеко не доказанная.

В первой части книги значительное место занимает «ранний этап зарубинецкой культуры» по могильнику Велемичи I, его периодизация «по опыту изучения Чаплина» (1983: 21-37). Причем автор вторично обращается к этому памятнику — попытка его хронологического расчленения уже была им предпринята (Поболь 1973: 34, рис.7). В рецензии (Каспарова, Мачинский, Щукин 1976), о которой упоминает А.Г.Митрофанов (с.287), подобный метод хронологических построений уже получил отрицательную оценку. Повторное его использование имеет смысл лишь в том случае, если теперь работа выполнена на более высоком профессиональном уровне. Однако этого не сделано. Кстати, замечание А.Г.Митрофанова о некорректном пересмотре периодизации Ю.В.Кухаренко не совсем точное — Л.Д.Поболь не пересматривал, а просто проигнорировал исследования Ю.В.Кухаренко (1961, 1964).

Ведь, чтобы его опровергнуть, надо проделать ту же работу на современном уровне знаний — произвести классификацию керамики,

фибул, их корреляцию. Вместо этого снова предлагается периодизация, в основе которой лежит тот же порочный метод. Даже исправление грубых ошибок, указанных в коллективной рецензии (1976), и учет некоторых замечаний не изменили картину в целом. По-прежнему отсутствует разработка типологии керамики и фибул данного могильника, не показана их взаимовстречаемость. А без этого невозможно построить схему его периодизации. Нельзя ограничиться изучением могильника «по типу Чаплина», как считает Л.Д.Поболь.

Поэтому закономерно, что хронологическая классификация погребений, лишенных явных датирующих признаков — фибул (а таковых большинство), осталась необоснованной. Как правило, их датировку предопределило местоположение на могильнике: ранние — в центре, поздние — по окраинам. Под это «правило» подогнаны многие погребения. Также искусственны и границы стадий на планах. Во всем этом легко убедиться, проведя несложные сопоставления. Однако здесь нет возможности углубляться в эти вопросы. Остановлюсь на некоторых других.

Положительной оценки могла бы заслуживать краткая систематизация погребального обряда и характеристика инвентаря. Но есть ли уверенность, что там нет фактических ошибок? Ведь всю книгу пронизывает небрежность к фактам (к «воздуху науки», как позволяет себе писать Л.Д.Поболь (с.2)), неточность информации, декларативность выводов. Не избежал подобной участи и этот раздел. На рис.15,*10* не показано наличие золы и угля в заполнении могильной ямы, а это существенно, учитывая, что Ю.В.Кухаренко погребение №22 относит к готогепидским, для которых этот признак характерен, а Л.Д.Поболь — к первому этапу зарубинецких. На рис.16,*12* горшок реконструирован произвольно; на рис.37,*7,8* фибулы изображены без орнамента и прорезей на приемнике (Кухаренко 1961:32, рис.17, табл.14, *6, 17,12,13*).

Некоторые утверждения вызывают, по меньшей мере, недоумение: погребение №129 автор считает «переходным от милоградской к зарубинецкой культуре» (1983: 25) по сосуду с жемчужным орнаментом, что является признаком ранней милоградской керамики. О каком же переходе идет речь? Трудно всерьез принять мнение о том, что захоронения с булавками принадлежат жрецам (1983: 27-28), ибо в таком случае жрецы составляли половину погребенных в Воронинском могильнике, а в Чаплине не было ни одного. Непонятно, на что опирался автор, связывая посоховидные булавки с кельтским миром (1983: 26), где их совсем нет.

Вопрос о дальнейшей судьбе зарубинецкого населения Белоруссии, вопреки утверждениям Л.Д.Поболя, окончательно не решен. Здесь еще много спорного. Переход от раннего этапа к позднему, к памятникам типа Абидня-Таймонова пока рассматривается как гипотеза, нуждающаяся в серьезной разработке. Исследования в этой области ведутся, и для их успешного завершения чрезвычайно нужны полностью изданные материалы Абидни, Тайманова и других памятников позднего этапа, давно раскопанных Л.Д.Поболем. До сих пор имеются лишь выборочные публикации и слабо обоснованные выводы. Для разработки этой проблемы в новой книге Л.Д.Поболь решительно ничего не добавил, кроме поверхностных рассуждений и цифр о количестве памятников. Оно велико — 633, но, кроме нескольких, это пункты с обломками керамики с расчесами или «груболепной I тыс.н.э.». Только по этим признакам большинство из них отнесены к позднезарубинецким. Но даже в определении такой важной, «датирующей категории находок» (1983: 40) нет четкости. Известно, что расчесы встречаются не только на керамике позднего этапа. И действительно, говоря о кельтских чертах, Л.Д.Поболь приводит сосуд с расчесами из Велемичей и тут же указывает, что керамика такого характера распространена на всех памятниках зарубинецкой культуры, в том числе и позднего этапа. В этой же связи упомянуты сосуды, аналогичные поморским, тоже с расчесами (1983: 25, рис.15,*7,* 19,*2,8*). Расчесы есть и на керамике типа Брест-Тришин. Об этом у автора (1983: 106, №138).

После этого трудно согласиться, что только по керамике с расчесами можно диагностировать памятники. Осталось неясным и мнение автора о происхождении этого признака в позднезарубинецких древностях. Всестороннее их рассмотрение особенно необходимо, поскольку эти памятники являются опорными для заключений о непрерывности развития культуры населения Белоруссии от зарубинецкой культуры до древностей пражского типа.

По этой проблеме также вместо анализа препарированного материала преподнесена поверхностная характеристика (по сути дела ограниченная рассуждениями о полуземлянках), и слабые попытки выразить несогласие с противниками своих взглядов. Не буду касаться подробностей, полностью соглашаясь с замечаниями А.Г.Митрофанова, тем более что и по этому поводу Л.Д.Поболь в статье не привел никаких опровержений, кроме безапелляционных высказываний. Весь этот порочный стиль декларирования научных выводов, бестактные упреки в адрес рецензента, неуместные примеры якобы ошибок в монографии последнего, свидетельствуют о беспомощности автора в попытках опровергнуть конкретную критику. До сих пор ни в одной из своих работ Л.Д.Поболь не ответил на серьезные замечания в рецензии на предыдущие книги (Каспарова, Мачинский, Щукин 1976), не привел аргументы в защиту своих положений, в том числе по хронологии зарубинецкой культуры и ее этапов, по этногенетическим построениям, подвергнутым крити-

ке. За это время появились новые исследования как по Чаплину, так и по полесским могильникам. Их игнорирование не усиливает позиций Л.Д.Поболя.

Безусловно, нельзя не согласиться с А.Г.Митрофановым, что первая часть работы научной ценности не имеет. Все сделанные (как и «оставшиеся за кадром») замечания по книге в целом подтверждают, что использовать ее как справочное издание небезопасно: слишком велико недоверие к помещаемой там информации.

Публикация статьи Л.Д.Поболя, по моему мнению, нецелесообразна — она не представляет никакого интереса и не опровергает рецензию на его книгу.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Л.В. 1955. Полевой отчет за 1955 г. Научный архив ИИ АН БССР.

Алексеев Л.В. 1959. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины // Труды Прибалтийской экспедиции. Т.1. М.

Ганжын А. 1927. Мястэчка Чачэрск Гомельскай акругі // Наш край. №1(16).

Глаценак В. 1930. Некоторыя з помнікаў Асвейскага раена // Наш край. №3(54).

Гуревич Ф.Д. 1958. О длинных и удлиненных курганах в Западной Белоруссии // КСИИМК. Вып.72.

Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. // САИ. Вып.ДІ-12. Отв. ред. Б.А.Рыбаков. М.1962.

Дучиц Л.В. 1982. Археологические памятники северо-запада Полоцкого княжества. Автореф. канд. дисс. Вильнюс.

Дучиц Л.В.1977. Полевой отчет за 1977 г. Архив ИИ АН БССР.

Дучиц Л.В.1981. Полевой отчет за 1981 г. Архив ИИ АН БССР.

Дучиц Л.В. 1982а. Курганная группа у дер. Кублищино (А1)

Егорейченко А.А. 1979. Полевой отчет за 1979 г. Архив ИИ АН БССР.

Егорейченко А.А. 1982. Поселения Белорусского Полесья в раннем железном веке (VI в. до н.э. — II в.н.э.). Автореф. канд. дисс. М.

Каспарова К.В., Мачинский Д.А., Щукин М.Б. 1976. (рец.) Л.Д.Поболь. 1976. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1971, 1973, 1974 // СА. №4.

Кухаренко Ю.В. 1961 Памятники железного века на территории Полесья. САИ. Вып. Д I — 29. М.

Кухаренко Ю.В. 1964. Зарубинецкая культура. САИ. Вып.ДІ-19. М.

Лявданский А.Н., Коваленя Д.В. 1936. Материалы по обследованию р. Сож в 1936 г.: Дневник // Архив отдела археологии ИИ АН БССР.

Мельниковская О.Н. 1967. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.

Митрофанов А.Г. 1967. Полевой отчет за 1967г. Научный архив ИИ АН БССР.

Митрофанов А.Г. 1971а. Полевой отчет за 1971 г. Архив ИИ АН БССРО.

Митрофанов А.Г. 1978. Железный век средней Белоруссии. Минск.

Описание церквей и приходов Минской епархии. Приложение к Минским епархиальным ведомостям за 1879 г. Минск. 1879.

Опросный лист Наркомпроса БССР. 1924. // Архив ИИ АН БССР.

Отчет Археологической комиссии за 1903 г. СПб.1904.

Палікарпович К.М. 1928. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга і Ніжняга Сажа (матэрыялы абследавання 1927 г. // Працы. Т.І.

Поболь Л.Д. 1973. Славянские древности Белоруссии. Минск.

Поболь Л.Д. 1974. Славянские древности Белоруссии (Свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры — с середины III в. до н.э. по начало II в.н.э.). Минск.

Поболь Л.Д. 1983. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск.

Покровский Ф.В. 1893. Археологические экскурсии по Виленской губернии. Вильна.

Покровский Ф.В. 1895. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии // Труды IX Археологического съезда. Т.I.

Покровский Ф.В. 1899. Археологическая карта Ковенской губернии // Труды X Археологического съезда. Т.3.

Романов Е.Р. 1908. Старина доисторическая Северо-Западного края. Вильна.

Романов Е.Р. 1910. Археологический очерк Гомельского уезда // Записки Северо-западного отделения Русского географического общества. Кн. 1. Вильна.

Сапунов А. 1893. Река Западная Двина. Витебск.

Сапунов А., Друцкий-Любецкий В. 1896. Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии. Витебск.

Сведения 1873 г. о городищах и курганах. Могилевская губерния // ИАК. Вып.5.

Семенов В.П. 1905. Россия: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. Т.9. СПб.

Штыхов Г.В. 1967. Полевой отчет за 1967 г. Научный архив ИИ АН БССР.

Штыхов Г.В. 1971. Археологическая карта Белоруссии. Минск. Вып.2.

Baliński M., Lipiński T. 1850. Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym. Warszawa 1850. — T.III; 1886. — T.IV.

Holubowiczowie H. i W. 1940. Wykopaliska na Wileńszczyźnie w latach 1938 i 1939. Wilno.

Słownik Geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T.I-XII.-1880 -1892.

К.В.Каспарова

ЗАМЕТКИ О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ВЕРХНЕДНЕПРОВСКОГО ВАРИАНТА ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

K.V. Kasparova. Notes on mortuary rite practiced by Upper Dnieper variant of Zarubintsy culture.

Having completed a typological study of different features of 282 interments on the cemetery in Chaplin and some other sites, the author concludes: as time passes, the number of interments in big round-shaped pits decreases, the percentage of interments with remains of mortuary fire increasing; the number of interments with arms grows, which is absolutely not typical of Zarubintsy culture. The author supposes that the later stages of existence of Zarubintsy culture were characterised by less peaceful and quiet situation in Upper Dnieper area, compared to Poles'e.

Погребальный обряд верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры исследован по материалам Чаплинского могильника, содержащего 282 погребения. Учтены также 5 погребений могильника Горошков. Другие могильники, упомянутые в работах Л.Д.Поболя, представлены случайными находками, разрушенными погребениями и не дают необходимых данных. Верхнеднепровские могильники в основных чертах однотипны полесским и среднеднепровским. Главное отличие состоит в способе (или форме) погребений — здесь исключительно ямный тип сожжений (279), остальные 8 — кенотафы.

По устройству могильной ямы погребения делятся на две группы по форме ям (78% удлиненных и 22% округлых) и на несколько групп по ориентации. Длинные ямы вытянуты вдоль кромки берега старого русла Днепра и ориентированы в 60% по линии СЗ—ЮВ, в обратном направлении всего 1%, С—Ю — 4%, остальные с незначительными отклонениями от основного направления.

По глубине ямы колеблются от 0,30 до 0,90 *м.*

По размерам выделяются две группы круглых — Б и В (диаметр 65—80 *см* и более 80 *см*). Нет ям группы А (маленьких). Длинные ямы в основном длиной 1,5 — 2 *м* (144 из 220), и в 21 погребении — более 2 *м.*

Как правило, остатки кремации помещались в сторону, противоположную от инвентаря — в 74% в ЮВ части ямы, в 13% — в ЮЗ (в том числе и в круглых), в остальных — в других местах.

По способу укладки остатков сожжения в яме (виды сожжений), большинство чаплинских погребений следует отнести ко второму виду по классификации, предложенной для полесских могильников. К сожалению, произвести статистический подсчет видов сожжений (а это важный признак) здесь оказалось невозможным, так как на планах и разрезах погребений все они «на одно лицо». Описания не унифицированы, остатки кальцинированных костей названы по—разному; «грудка», «кучка», «скопление», просто — «пережженные кости», «немного костей», «300 костей лежали к западу от ямы» и т.д.

Первые 44 погребения Чаплина раскопаны Ю.В.Кухаренко, который при описаниях остатков костей называл их «линзой», «скоплением», вкладывая определенный смысл, что соответствовало графическому изображению. Эти же погребения описаны и у Л.Д.Поболя, но без подобных уточнений, следовательно, и во всех других погребениях он не фиксировал этот признак. Поэтому мне удалось выделить лишь 7 «линзовидных» скоплений, соответствующих I виду сожжений. Бесспорно, их было больше, но главное, что они тоже были. В нескольких погребениях отмечены углубления в виде ямки в дне могильной ямы, где помещались кости (в середине или в другой части) — сожжение III вида (4 отмечены у Ю.В.Кухаренко, 3 — у Л.Д.Поболя). Думаю, и их было больше. Тем более что ямы здесь прослеживались хорошо и количество костей, как правило, значительно больше, чем в Полесских погребениях (до 800 обломков, в Полесье — максимум 300). Но на всех зарубинецких могильниках есть и погребения, содержащие и по 10—20 фрагментов кальцинированных костей.

Хорошо выраженных округлых ям IV вида можно отметить не более 12. Особо следует остановиться на погребениях V вида — в округлых ямах диаметром 0,4—0,7 *м*, где остатки кремации перемешаны с остатками погребального костра и заполнение, в котором встреча-

© К.В.Каспарова, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

ются обломки разных сосудов, имеет черный цвет. Таких оказалось всего 4, а в 5-ом была и целая миска.

Присутствие остатков костра в захоронениях всегда рассматривается как важный признак, а в зарубинецких он считается и хронологическим. Погребения с остатками костра разделяются на три группы. В Чаплине из 77 таких погребений к I группе относятся 36 погребений, ко II — 23, к III —18; кроме того, остатки костра были в двух кенотафах.

Среди 36 погребений I группы, как уже сказано выше, только 5 — в круглых ямах, причем в одном безинвентарном фрагментов костей было около 500. Остальные — в длинных ямах (от 1,5 до 2,0 м). В группу II входят погребения в длинных ямах. В группу III — в длинных и в круглых ямах.

В чаплинских погребениях выделены и мелкие детали — редкие случаи присутствия в могилах костей животных (3), причем это всего лишь зубы коровы, собаки и кости косули. В 3 погребениях находились кусочки охры; в 11 отмечено обособленное положение костей черепа. Иногда остатки кремации лежали двумя скоплениями, в одном из которых среди других костей выделены черепные кости.

По два скопления остатков кремации зафиксировано во многих захоронениях. В этой связи интересно остановиться на результатах антропологического анализа костного материала, произведенного Т.С.Кондукторовой. Исследованы 75% погребений, выделены возрастные группы, ограниченные определением взрослых, подростков, детей, причем в 22% погребений кости совсем не определены, а среди остальных около 50% спорных.

Отмечено 6 двойных погребений (взрослый и ребенок), но лишь 2 из них бесспорные. Костей в этих погребениях относительно мало (200 и 250), и залегали они одним скоплением. Сопоставление других погребений по количеству костей и скоплений с двойными захоронениями показали, что зависимости между этими признаками не прослеживается. Нет также прямой и постоянной зависимости между размерами и формами ям и возрастными группами: детские захоронения встречаются в больших ямах, взрослые — в маленьких.

Сочетание выделенных признаков, характеризующих основные черты устройства могилы, способы размещения остатков кремации и следы ритуальных действий, сопровождающих процесс совершения захоронения, представляют собой определенный тип погребального обряда населения, оставившего рассматриваемый могильник. Исследование развития этого типа обряда путем топографирования отдельных признаков, их коррелирования и сопоставления с хронологическим членением могильника по инвентарю позволили заключить, что в основных своих чертах весь период существования памятника он оставался неизменным. Почти на всей территории могильника совершались погребения — сожжения в круглых и длинных ямах, богатые и бедные по инвентарю, с различными мелкими деталями ритуала.

Тем не менее, некоторое развитие типа обряда происходит. Во II фазе могильника (в первой половине I в. до н.э.) наблюдается тенденция к уменьшению количества округлых ям группы Б (диаметром 0,5 — 0,8 *м*) и особенно ям группы В (диаметром 0,8—1,2 *м*). Погребения в длинных ямах всех размеров совершаются весь период. Ямы длиной более 2,0 *м* располагаются на окраине вдоль берега (19 из 21); погребение с основной ориентировкой ям — по всей территории могильника (19 из 21); погребения, ориентированные по направлению С–Ю и с отклонениями (34) расположены в северо-западной, поздней части могильника, там же находятся наиболее богатые погребения, а также погребения со значительным количеством костей.

Процент погребений с присутствием остатков костра I группы в удлиненных ямах всех размеров возрастает в последней фазе использования могильника. Они расположены преимущественно по его окраинам. Захоронения с остатками костра двух других групп распределены почти равномерно и хронологически, и топографически.

При классификации погребений по инвентарным комплексам выделено шесть групп:

I — безинвентарные (11, среди них 3 сомнительных, возможно, не зарубинецких, или даже не погребений).

II — с обломками разных груболепных и лощеных (реже) сосудов (26, среди них 2 сомнительных).

III — с одним сосудом или одной вещью (89).

IV — с двумя сосудами (40).

V — с 2—3 сосудами и несколькими вещами (94, по 3 сосуда только в 4-х погребениях).

VI— с 2—3 вещами (22).

Почти в 1/3 погребений III—V групп присутствовали и обломки керамики. Эта черта обряда, разбивание сосудов при совершении погребения, характерна для верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры. Твердой закономерности в топографировании этих групп нет, однако прослеживается тенденция к размещению наиболее богатых инвентарных комплексов в северо-западной части могильника. Там же и в центре находилось большинство погребений II группы.

Особо следует остановиться на группе погребений с оружием, точнее — с железными наконечниками копий. Группа таких погребений имеется только в Чаплинском могильнике (14), одно в Горошкове, где всего 5 захоронений, в то время как в Полесье на 462 погребения тоже одно.

Чаплинские погребения с копьями не составляют обособленной группы, преимущественно располагаясь на окраинах могильника (как и велемичское). В 4-х находились втульчатые двушипные дротики, в остальных — листовидные наконечники копий без выраженного ребра. Все копья не сломаны, не погнуты, не носят следов огня, лежали в горизонтальном положении в разных местах могильной ямы (в 8 — отдельно от останков кремации, в 4 — на костях, в 2 — под костями). Что же собой представляют эти нетипичные для зарубинецкой культуры погребения?

Во-первых, судя по антропологическому анализу, они индивидуальные, и только 5 из них достоверно принадлежали взрослым людям. В 3 предположительно остатки кремации детей, в 1 — подростка, остальные не определены. А по составу инвентаря (преимущественно довольно богатого) в 50% захоронений находились бусы или пряслица («женские» предметы). Лишь в 5 были «мужские» предметы — ножи, огнива, точило. Л.Д.Поболь, комментируя результаты антропологического анализа, отмечает, что некоторые погребения Чаплина по составу инвентаря можно считать парными захоронениями воинов с рабынями. Некоторое сомнение в этом плане вызывают «парные» по инвентарю погребения ребенка и подростка.

Шесть погребений с оружием можно отнести к поздней фазе могильников Верхнего Днепра по фибулам и реберчатым мискам. Остальные к I и II фазам по типу мисок. Наконечники копий имеют аналогии в пшеворских, оксывских и кельтских памятниках.

Детские погребения Чаплинского могильника ничем не выделяются среди остальных, также как и редкие «двойные».

Таким образом, на основании анализа погребального обряда Чаплинского могильника можно сделать следующие выводы по устройству могильных ям и способам размещения остатков кремации: погребения различаются по составу инвентаря, но выделенные группы не имеют твердой корреляции с группами погребений по устройству могильных ям и с другими деталями обряда. Погребения с различными инвентарными комплексами существовали весь хронологический период.

Сопоставление погребальных признаков с хронологическим членением могильника показывает, что с течением времени сокращалось число погребений в больших округлых ямах, увеличивался процент погребений с примесью остатков костра среди костей, а также богатых погребений с нестандартной ориентировкой, расположенных в основном в северо-западной части могильника. Одновременно увеличилось количество погребений с оружием.

Прослеженная дифференциация погребений по устройству могильных ям и по инвентарным комплексам, вероятно, отражает, в первую очередь, социальное положение умерших членов общины, использовавшей данное кладбище. Кроме того, отдельные детали могут свидетельствовать о сохранении древних родовых традиций. Вероятно, появление отдельных погребений с оружием показывает, что в Верхнем Поднепровье, во-первых, обстановка была менее спокойная, чем в Полесье (недаром местами поселений служили не только селища, но и городища, в противоположность Полесью). Во-вторых, обычай класть в некоторые могилы оружие позволяет думать, что в погребальном ритуале здесь имеются черты, чуждые основной массе населения.

ЛАТЕН И ЗАРУБИНЕЦКАЯ КУЛЬТУРА

В.Е.Еременко

НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЛАНИГРАФИИ И ТОПОХРОНОЛОГИИ МОГИЛЬНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

(по материалам зарубинецких могильников Чаплин и Велемичи I)

V.E. Eremenko. New Perspectives in Study of Planigraphy and Topochronology of Early Iron Age Cemeteries (on Materials of Zarubintsy Cemeteries Chaplin and Velemichi I)

The author proposes a new technique in planigraphic and topo-chronological analysis on the Early Iron Age cemeteries. He aggregates interments into groups based on the method of shortest distances. Sex, distribution of types of goods and chronological phase of the interments are also accounted for. The analysis of combination of these factors leads to a new dynamics in development of cemeteries. The dynamics is given several levels of interpretation: 1. "Big" cemeteries of Zarubintsy culture: these are kin cemeteries divided into family plots (interments aggregated into groups). There are always dominant groups among them, existing during the whole period of cemetery existence. The author supposes that they are plots of the most powerful and richest families. 2. The results of topographic analysis of the local versions of Zarubintsy-Poienesti society allow to presume that Poles'e and Middle Dnieper versions of Zarubintsy interments (ZI) correspond to two tribes of 5-6 thousand persons each, either of them being able to equip up to 1,000 soldiers. The author could not distinguish tribal groups from the Upper Dnieper and Poienesti-Lukashevka sites. Apparently, one can talk only about a big group of kins in this case. 3. Based on the above results, the author supposes that Klondik's and Cimbri campaigns must have involved all population of developing Lateneised cultures. Participation of representatives of different cultures made it possible existence of steady Zarubintsy-Jastorf connections during middle La Téne. 4. There were kin connections between ZI bearers and their preceding (Milograd) and succeeding cultures, which is evidenced by findings of Wielbark and Milograd cultures on Zarubintsy cemeteries. Notably, they are never superimposed by other interments and are part of dominant groups. Obviously, the bearers of Zarubintsy-Poienesti society participated in political, ethnic and cultural processes in Europe. Some of them would later return home, contribute new elements in culture and form the so-called "post-Zarubintsy" groups of sites. Others would join other tribes and kins, preserving, however their own "kin memory" and appearing, sometimes, on the studied territory many years later as bearers of other cultures.

Современная методика исследования планиграфии могильников раннего железного века (далее — РЖВ) окончательно сложилась к 1960-м гг. Общепринятым стало прослеживать не только распределение на территории могильников черт погребального обряда и типов инвентаря, но и расположение погребений разных хронологических фаз. Появился термин «горизонтальная стратиграфия» (Marciniak 1960; Hachmann 1961). Начиная с 1970-х гг. постепенно становилось ясно, что внутренняя организация могильников РЖВ более сложна, чем это показывают корреляционные и планиграфические таблицы: в пользу этого свидетельствовали данные этнографии, письменных источников, да и современные бытовые наблюдения. В 1980-х гг. идея обновления методики исследования могильников буквально витала в воздухе. Но все известные автору планиграфические разработки тех лет остались неопубликованными — по-видимому, потому, что их не удавалось уложить в стройные логические схемы: новые идеи основывались почти исключительно на интуитивном «чутье» материала. Вместе с тем накопленные наблюдения в соединении с некоторыми математическими методами, на мой взгляд, сегодня уже позволяют предложить новую методику планиграфических и топохронологических исследований, пусть и в первом приближении.

Прежде чем перейти к изложению этой методики, *необходимо сделать краткое отступление об этапах совершения зарубинецких погребений* (ср. Алексеев 1984: 73-74; Бажан, Еременко 1992).

Первый этап — составление погребальных наборов вещей. Последние в погребениях зарубинецкой культуры (далее — ЗБК) не обожжены, керамика не носит следов бытового использования — следовательно, погребальные наборы составлялись специально. Поскольку кенотафы сопровождаются стандартными наборами, можно сделать вывод, что эти наборы хранились в семье (роду). Время их составления косвенно определяется тем, что детские погребения Чаплина (по определениям Т.С.Кондукторовой) большей частью совершены по женскому погребальному обряду, независимо от пола ребенка (Еременко, Журавлев 1992: 61).

© В.Е.Еременко, 2000.

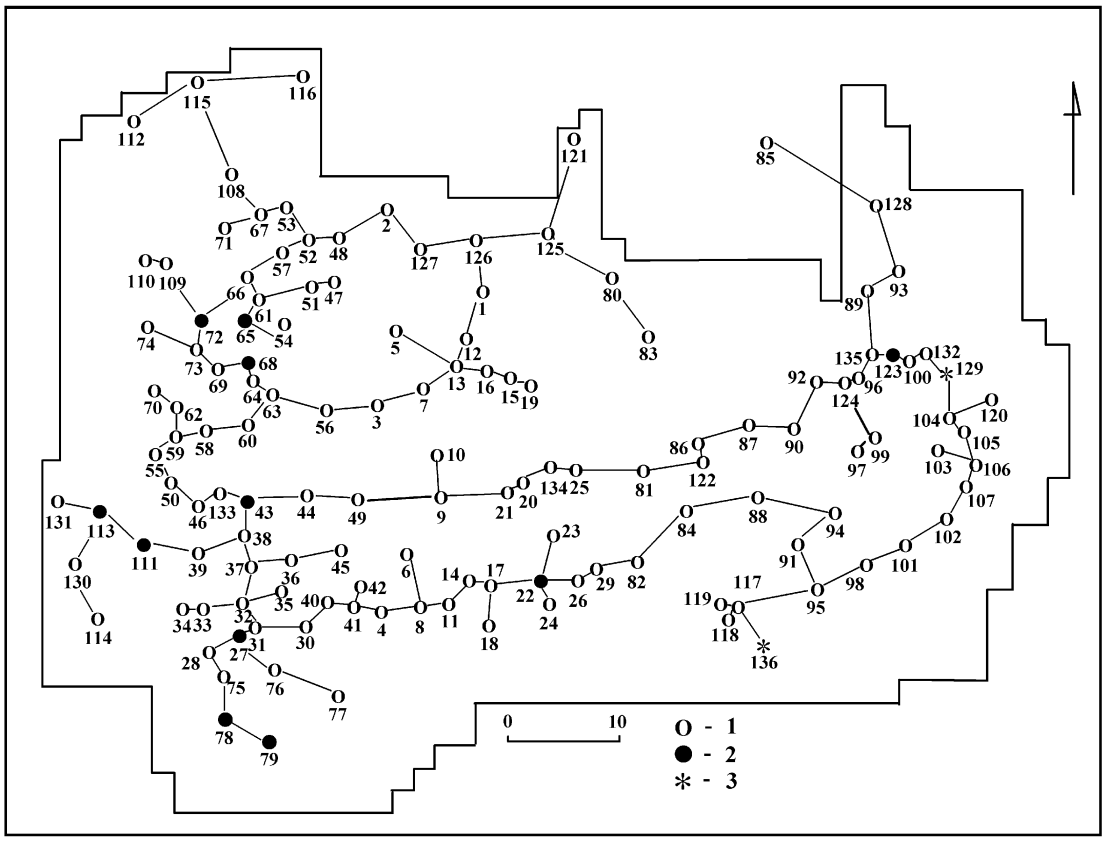

Таблица 1. Велемичи I: территориальные группы погребений. 1 – зарубинецкие погребения, 2 – вельбаркские погребения, 3 – милоградские погребения.

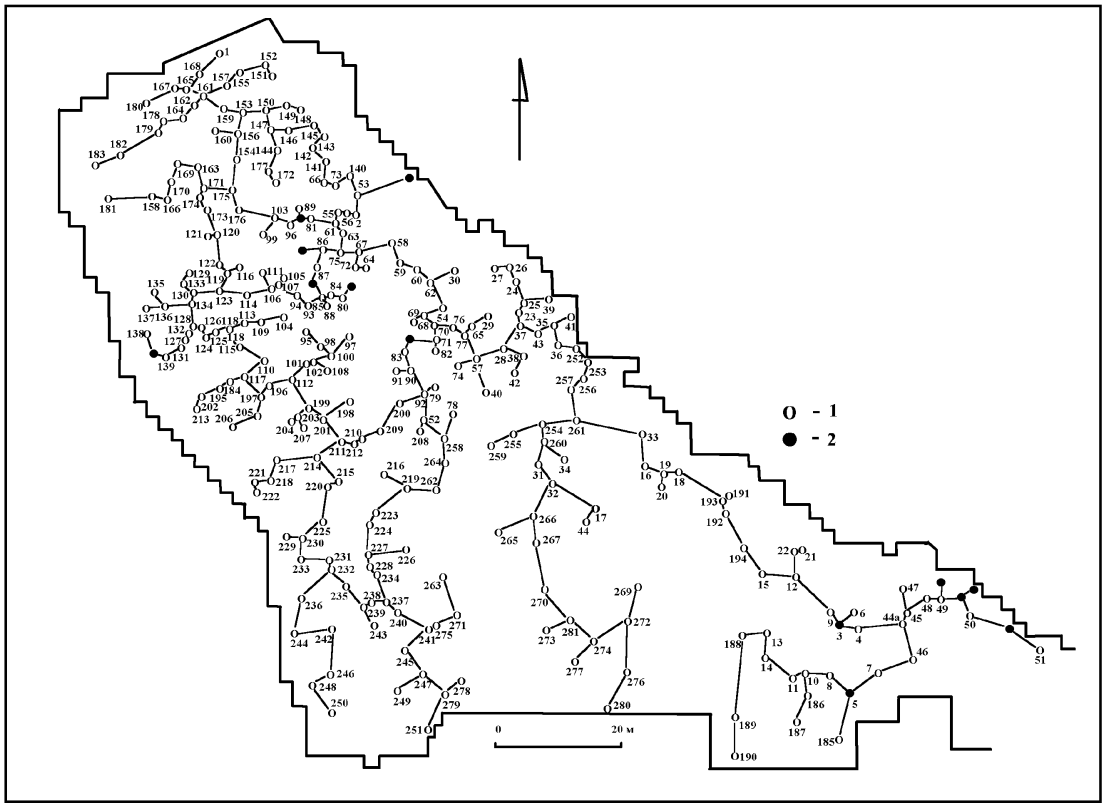

Таблица 2. Чаплин: территориальные группы погребений. 1 – зарубинецкие погребения, 2 – милоградские погребения.

Видимо, погребальный набор начинал составляться не после рождения ребенка, а гораздо позже, после обряда инициации, а для женщин, возможно, и после замужества. Причина этого могла заключаться в очень высокой детской смертности — до 50% населения того времени умирало, не дожив и до 15 лет (например, Kozak-Zychman 1989: 14). В таком случае оказывается логичным применение для детей погребального набора матери.[1] Окончание формирования набора, очевидно, совпадало с концом жизненного пути усопшего, то есть определялось погребальными и поминальными обрядами.

Изучая корреляции типов вещей в погребениях, мы выясняем тот период относительной хронологии, в течение которого составлялся погребальный набор (Алексеев 1984: 74; Бажан, Еременко 1992: рис.1). В данном случае a priori ясно, что он не является комплексом мгновенного или очень быстрого, «однократного» формирования, как полагает Ю.М.Лесман (Лесман 1997: 17), и рассуждения о «широкой дате» погребальных комплексов (Щукин 1978; Алексеев 1984: 73-74; Бажан, Еременко 1992) оказываются вполне уместны и, более того, необходимы. Если говорить об «однократности», то только в смысле одномоментного попадания всех вещей погребального набора в землю, то есть единовременного «выпадения из контекста живой культуры» (Л.С.Клейн). Но в ряде случаев погребальный набор оказывается даже и не комплексом длительного непрерывного однократного формирования, а комплексом многократного формирования — длительного или нет, в данном случае не столь важно (см. Елпашев 1997; Мончиньска 1997).

Второй этап — сожжение умерших. Места сожжения в ЗБК не обнаружены, информации для изучения нет.

Третий этап — захоронение остатков трупосожжений и погребальных наборов вещей, изучается путем исследования планиграфии могильников.

Четвертый этап — совершение поминальных обрядов, археологические следы которых в классической ЗБК пока достоверно не выделены. [2]

Места погребения усопших на могильниках РЖВ вряд ли выбирались случайно. В ряде случаев семейные (родовые) или территориальные группы очевидны — например, земляные склепы типа Неаполя Скифского с последовательными подхоронениями (Сымонович 1983), Княжинский и Лебединский могильники третьей четверти I тыс. н.э., явно разделенные на участки (Тихомиров 1990: 139, Рис.2), или родовые могильники Цебельды (Воронов 1975: 13,17,42). В ясторфской и лужицкой культурах появление отчетливых территориальных групп погребений относится к гальштату D_3 и последнему периоду бронзы соответственно (Fenske 1986: Abb.9; Czopek 1992a: Ryc.9-10). Для кельтской культуры эпохи раннего латена такое деление могильников не характерно (ср. Bergonci 1983: Tav.XXVIII), но начиная со ступени B_{2b} оно проявляется достаточно отчетливо (Bujna 1982: Abb.35). При этом ряд могильников северных европейских областей дает непрерывные линии развития от эпохи бронзы до позднего латена и римского времени (например, Nylen 1983: Tav. LXX; Fenske 1986: Abb.9).

Но для ЗБК, как и для многих других культур РЖВ, территориальные группы погребений неочевидны: распределение погребений явно неравномерное, заметны сгущения и разряжения, дуги, цепочки и даже аллеи, но четких границ между группами погребений нет. При этом случаи их взаимного перекрытия единичны — они явно были в древности отмечены на поверхности (Кухаренко 1961: 28). Для того, чтобы выявить закономерности территориального распределения погребений на могильниках ЗБК, целесообразно использовать метод кратчайших расстояний, когда каждое погребение на плане могильника соединяется линиями с двумя самыми близкими. В результате получается древовидная структура, границы между «ветвями» которой проводятся в местах наибольшего разряжения связей, по наиболее длинным из них (Табл.1,2). В математических терминах предлагаемый метод является простейшей разновидностью дисперсионного анализа. Могут быть применены и более сложные разновидности [3] — например, дисперсионные двупольные или кластерные многомерные таблицы.

[1] При этом, очевидно, зачастую остатки сожжений детей просто добавлялись к остаткам сожжений взрослых — только так может быть объяснено исчезающе малое, по сравнению с расчетной детской смертностью, количество детских погребений в Чаплине.

[2] Вместе с тем на ряде памятников, в том или ином смысле (типологическом, географическом или хронологическом) близких ЗБК, известны так называемые «поминальники» — имитации погребений, содержащие остатки не человеческих костей, а костей животных. Это, прежде всего, Высокий (Белый) Груд на Десне, датирующийся временем не ранее латена D_2 (Шевченко 1997: 122); памятники киевского типа (Щукин 1990: 119-120) и именьковской культуры (Старостин 1986: 96). Может иметь отношение к «поминальникам» и так называемый «ритуальный» комплекс на зарубинецком памятнике позднелатенского времени Девич Гора (Цындровська 1984).

Интересно отметить, что очень напоминают «поминальники» так называемые «милоградские погребения» могильника Горошков (Мельниковская 1962) — но для их достоверной атрибуции необходим анализ костных остатков.

[3] Возможно следующее возражение: раз мы не можем «на глаз» выявить территориальные группы погребений (семейные или родовые участки), значит, и древнее население вряд ли осознавало их существование (ср. сомнения О.А.Гей и И.А.Бажана в правомерности применения кластерного метода для вы-

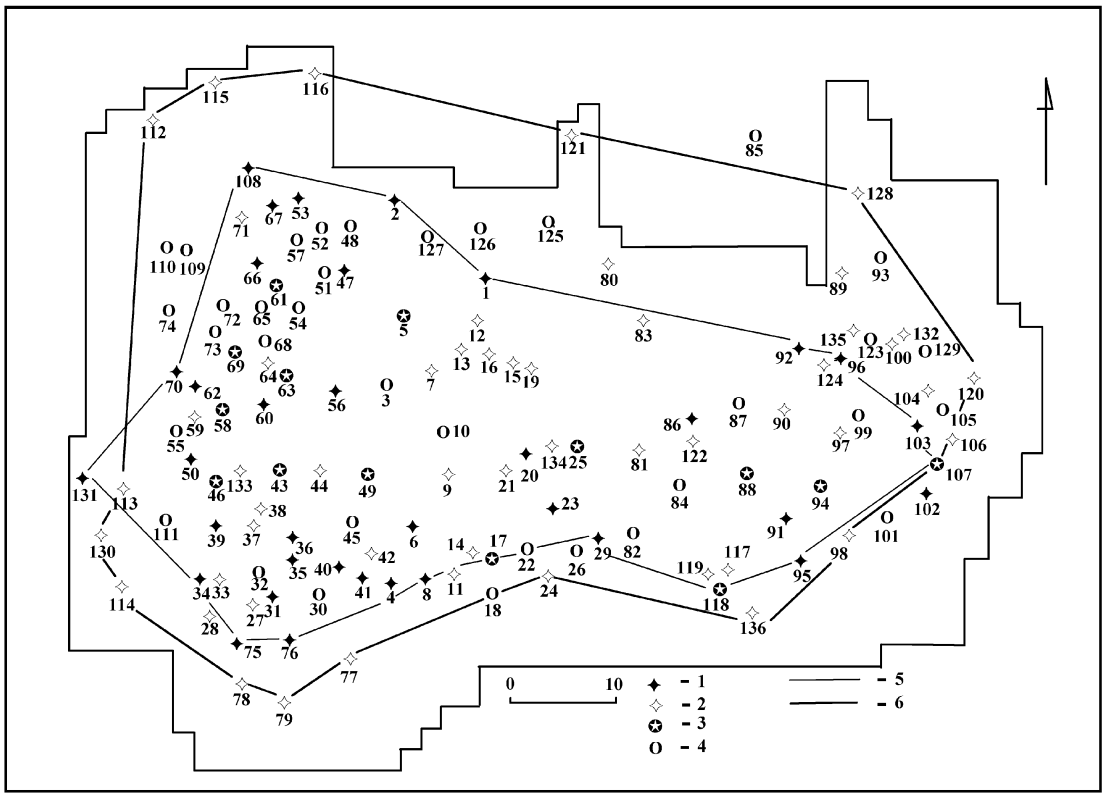

Таблица 3. Велемичи I: распределение погребений по полу. 1 – женские погребения,2 – мужские погребения, 3 – смешанные погребения, 4 – неопределенные погребения, 5 –внешняя граница женских погребений, 6 – внешняя граница мужских погребений.

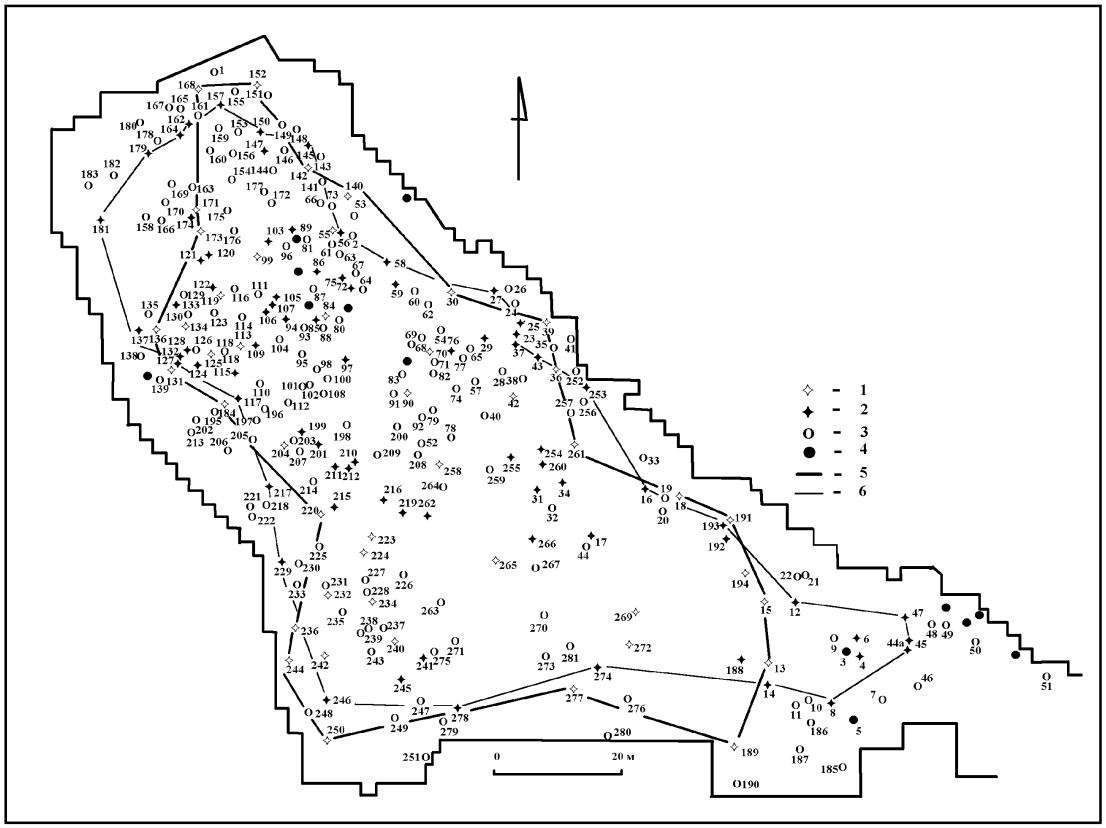

Таблица 4. Чаплин: распределение погребений по полу: 1 – мужские погребения, 2 – женские погребения, 3 – неопределенные погребения, 4 – милоградские погребения, 5 – внешняя граница мужских погребений, 6 – внешняя граница женских погребений.

Для демонстрации новой методики выбраны могильники Чаплин и Велемичи I (Кухаренко 1959, 1961; Поболь 1971; 1973). Оба удовлетворяют основному условию полноценного исследования планиграфии — они раскопаны практически полностью. Кроме того, погребения разделены по полу, а в Чаплине — и по возрасту. Хронология исследована раздельно для женских и мужских погребений с помощью метода П.Рейнеке — Р.Хахмана (Reinecke 1902; Hachmann 1961).[4] Керамика могильников обработана кластерным методом. Расстояния между погребениями измерялись по точным выкопировкам полевых планов могильников, хранящихся в архиве К.В.Каспаровой в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. На могильнике Велемичи I выделено 10 территориальных групп, в Чаплине — 17 (Табл.1, 2). Интересно проследить взаимную корреляцию этих групп с некоторыми другими данными.

Планиграфия погребений по полу. В Велемичах I в группах №№ 1,4,6,7,10 83% погребений — мужские. Все эти группы, кроме № 4, — периферийные, то есть мужские погребения как бы «окружают» или «охраняют» женские. В остальных пяти группах и в могильнике в целом наблюдается примерно равное соотношение мужских и женских погребений (Табл.3).

В Чаплине в группе №17 расположены только женские погребения, а в группах №№ 1, 3, 4, 8, 10, 11 они преобладают (около 70%). Мужские погребения преобладают в группах №№ 6,12 и №15 (около 72%). В целом на могильнике соотношение женских и мужских погребений примерно равное (Табл.4).

Феномен раздельного погребения мужчин и женщин известен в ясторфской культуре, где для этого использовались не только разные участки одного могильника, но даже и разные могильники (Die Germanen 1976: 87-95). Значительно различаются мужская и женская субкультуры восточного латена (Bujna 1982; Еременко, в печати). Роль обеих групп памятников в сложении поянешти-лукашевских и зарубинецких древностей трудно переоценить (см. Vulpe 1955; Tackenberg 1963; Мачинский 1965; 1966; 1966а; Babes 1969; 1973; 1978; 1993; Каспарова 1977; 1978; 1981; 1988; 1992; Щукин 1993а; 1994: 101-136; Еременко 1988; 1990; 1997: 87 сл.; и др.). Возможно, именно ясторфским и восточнолатенским влиянием и могут быть объяснены столь существенные различия мужской и женской субкультур ЗБК, проявляющиеся как в погребальном инвентаре (Еременко 1997: 79-82; 132-139; 145-161), так отчасти и в территориальном расположении погребений и их групп.

Планиграфия хронологических фаз. Использование Велемичей I начинается из двух центров. Первый — группы №№ 1-2, развивающиеся в последующих фазах в группы №№ 3-5; второй — группы №№ 7-9, развивающиеся в №№3-5. При этом только группы №№ 2 и 9 используются во всех периодах существования могильника и являются, таким образом, доминантными (Табл.5).

Использование Чаплина[5] начинается сразу из трех центров. Первый из них — группы №№ 1-3, развитие которых впоследствие идет в южном направлении (группы №№ 4-7, 10). Второй центр

деления типов зарубинецкой керамики, в целом достаточно аморфной и не поддающейся «визуальной типологизации» (Гей, Бажан 1997: 7-8)). Несомненно, «любая инновация должна была осознаваться … без каких-либо операций и исследований» (там же: 7). Естественно, древним населением она и осознавалась без проблем. Но ведь мы отнюдь не владеем и малой долей менталитета носителей ЗБК — нас отделяет от нее два тысячелетия! Даже в современной культуре зачастую возникают определенные проблемы, связанные с классификацией — так, например, европейцу на первый взгляд все монголоиды представляются на одно лицо, и наоборот. Что уж говорить об археологических древностях рубежа эр? Очевидно, что наш культурный опыт совершенно иной, и отнюдь не все древние культурные различия значимы сегодня — именно поэтому и возникает необходимость в специальных, в том числе статистико-комбинаторных исследованиях.

[4] Хронология Чаплина опубликована (Еременко, Журавлев 1992), хронология Велемичей I исследована аналогичным методом и готовится к печати (Еременко, Журавлев в печати). На могильнике Велемичи I выделено пять фаз женских и четыре фазы мужских погребений, охватывающих фазы позднего предримского времени от «a » до «f» (синхронны латену C_{1b} — римскому времени $B_{1b,}$ то есть 220-м гг. до н.э. — 40 гг. н.э. (см. Еременко, Щукин 1998: 79-85). Первая фаза могильника — добалканская, как и в Воронино (Абезгауз и др. 1992). Используемая в этой статье разбивка погребений Велемичей I на фазы (см. табл.) еще может быть подвергнута коррективам, но вряд ли они будут значительными.

Фаза могильника	Фаза женских погребений	Фаза мужских погребений	№№ погребений
I	1	1	67,108; 89,90,115,120
II	2	2	3,39,49,56,60,86; 9,81,88,117
III	3+4	3	5,8,20,92,95,96,103 + 1,4,23,36,50,76; 25,46,83,100
IV	5	4	6.47,61,62,66,70,75, 91,102,127; 64,69,118

[5] На Таблице 8 1-ой фазе соответствуют погребения первой фазы мужских и первой фазы женских, 2-ой фазе – второй фазы мужских, второй и третьей женских, 3–ей фазе — третьей фазы мужских и четвертой фазы женских, 4-ой фазе — четвертой фазы мужских и пятой женских соответственно (см. Еременко, Журавлев 1992: Рис.4-5)

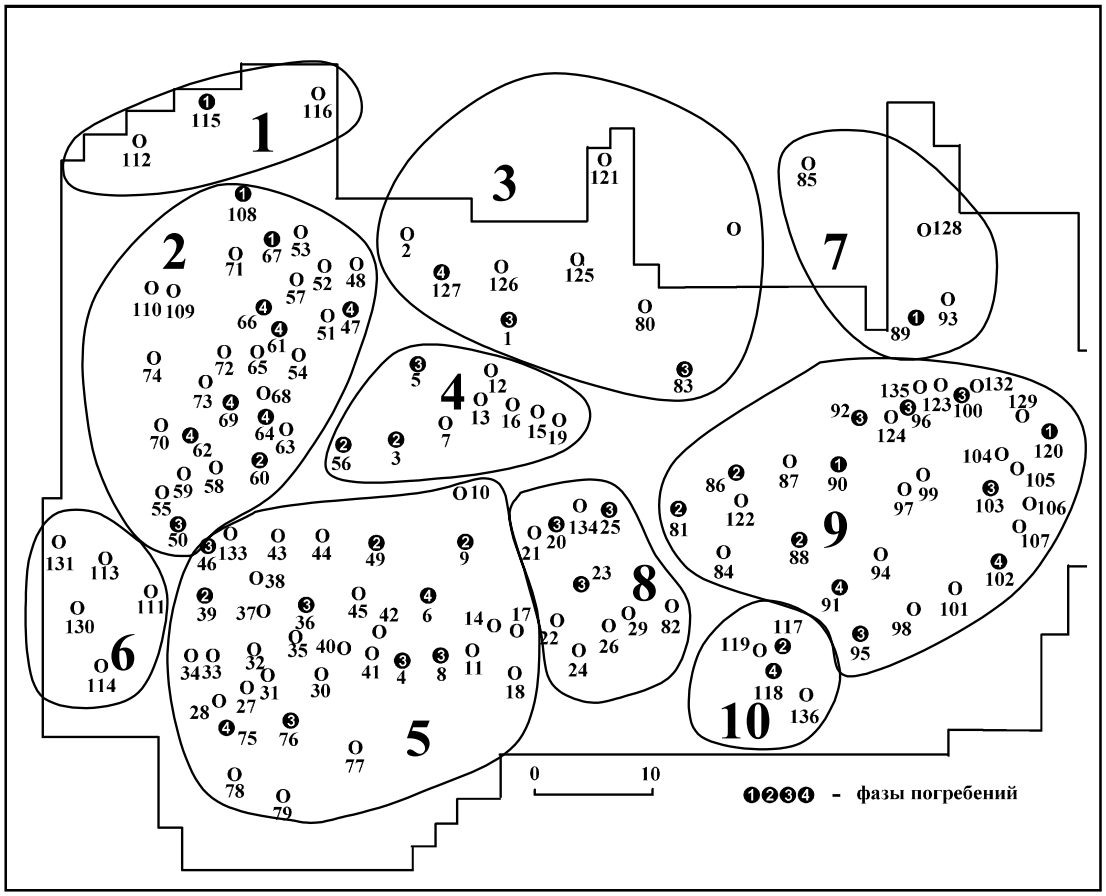

Таблица 5. Велемичи I: распределение погребений по фазам.

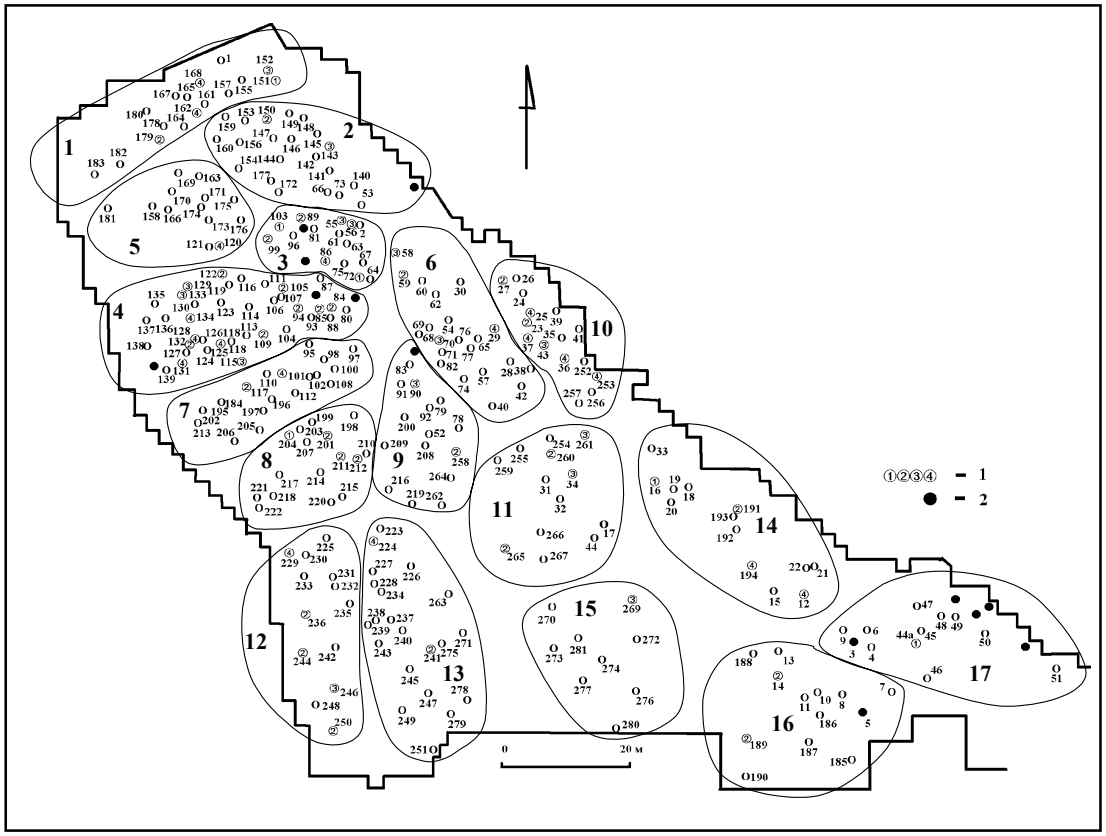

Таблица 6. Чаплин: распределение погребений по фазам. 1 – фазы погребений, 2 – милоградские погребения.

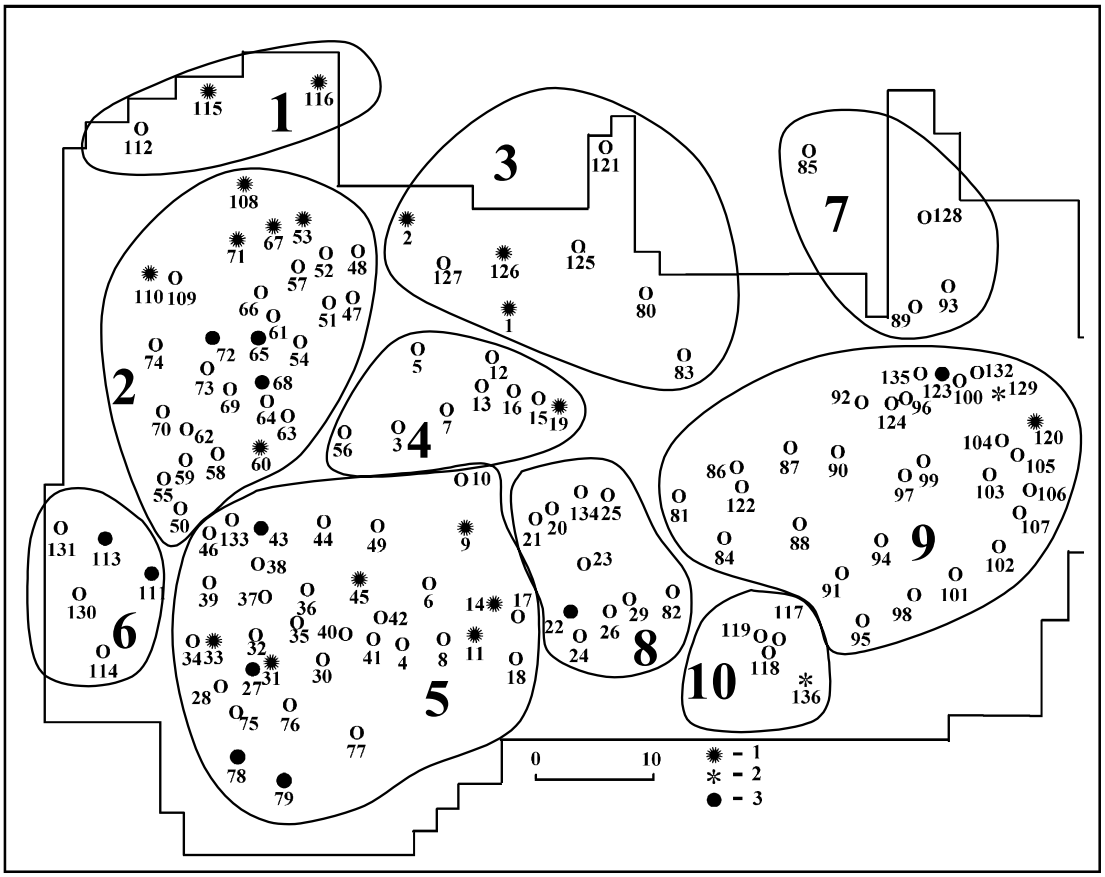

Таблица 7. Велемичи I: территориальное распределение импортов. 1 – импорты, 2 – милоградские погребения, 3 – вельбаркские погребения.

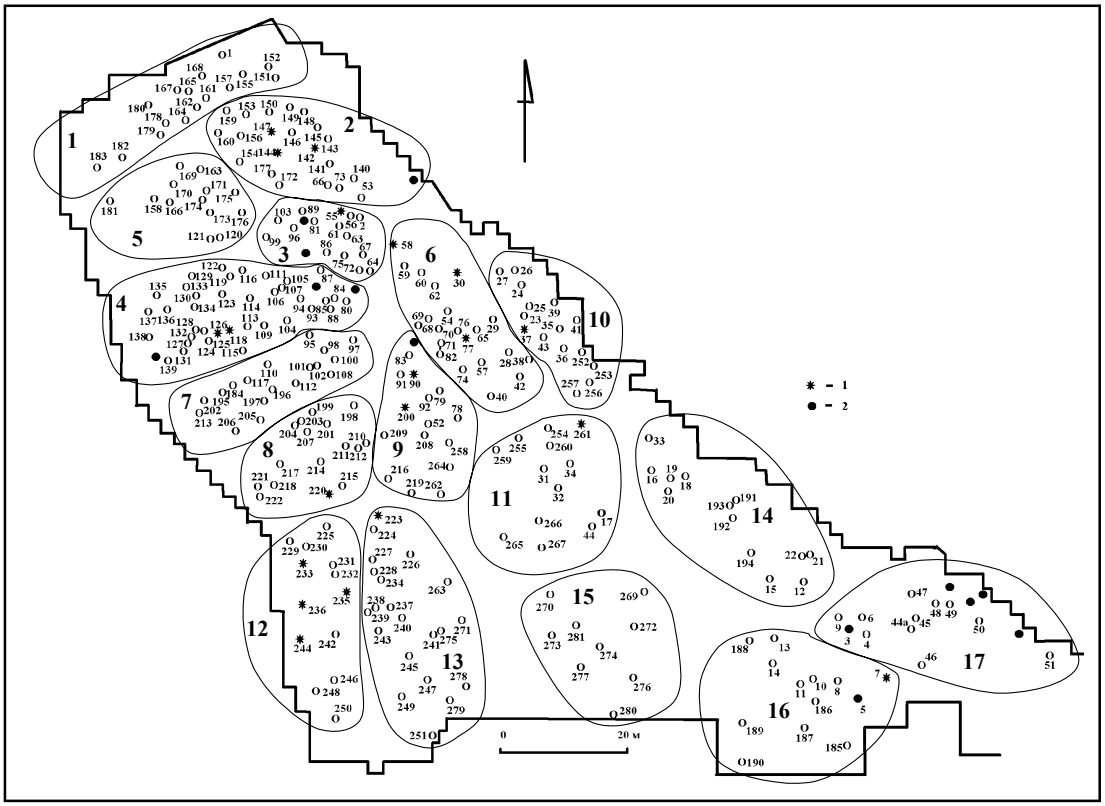

Таблица 8. Чаплин: территориальное распределение импортов. 1 – импорты, 2 – милоградские погребения.

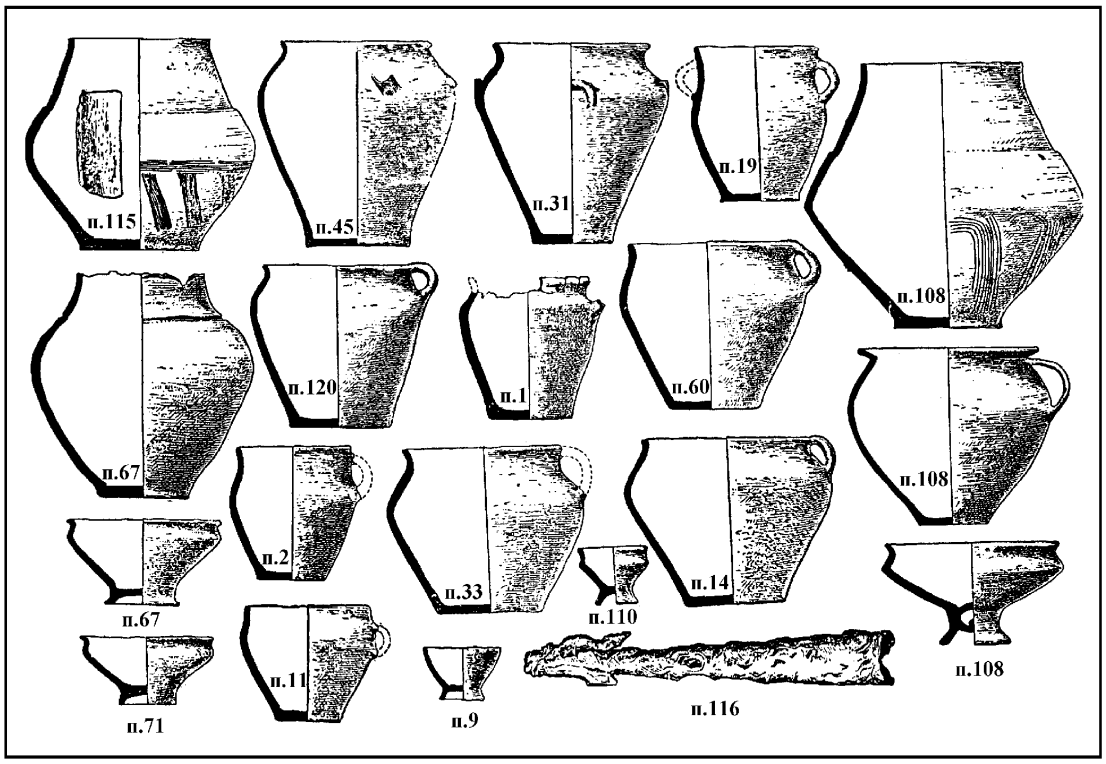

Таблица 9. Велемичи I: некоторые типы импортных вещей (расположение на территории могильника – см.табл.7).

— группа № 8, развивающаяся в группы №№ 9, 12-13. Третий — группы №№ 14 и 17, развивающиеся в №№ 11,15-16. Доминантными, то есть использующимися во всех периодах существования могильника, являются группы №№ 1-3 и 14. Могильник является трехполюсным (Табл.6) (ср. Обломский и др.1990: 123; Обломский 1997).

Планиграфия типов вещей. Большинство типов вещей распределяется по территориальным группам погребений равномерно. Но и в Чаплине, и в Велемичах I группы погребений, связанные с восточными доминантными, гораздо малочисленнее и беднее по инвентарю, чем связанные с западными (ср. Каспарова, в печати). Более того, в обоих могильниках выделяется ряд общих типов вещей, характерных почти исключительно для западных доминантных групп (Табл.7-10). Это ясторфские «постгальштатские» горшки с круговым уступом, горшки с налепами-подковками, высокие горшки с ручками-ушками; миски на высоких кольцевых поддонах, изготовленные по кельтским образцам. В Велемичах I к этому списку можно добавить фрагменты кельтской керамики и ясторфскую фибулу с шариками, в Чаплине — ясторфские топоры-кельты, поясные крючки, позднескифские точила, игольницы и нагубник (Табл.9, 10).

Таковы в общих чертах результаты наложения половозрастных различий, хронологических фаз и отдельных типов инвентаря инокультурного происхождения на территориальные группы погребений. Выявлена совершенно новая, неизвестная прежде внутренняя динамика развития могильников РЖВ — раньше, как правило, удавалось проследить лишь общее направление развития использования их территории — от центра к краям (ср. Обломский 1990; 1997) или от одного края к другому (ср. Hachmann 1961). Вновь выявленная динамика развития могильников требует, соответственно, и новой интерпретации. Последняя может быть предложена на нескольких уровнях.

Первый уровень интерпретации: отдельный могильник. Планиграфические исследования Чаплина и Велемичей I позволяют сделать вывод, что «большие» могильники ЗБК — это родовые кладбища, разделенные на семейные участки. Что же представлял из себя род в конце I тыс. до н.э.? Здесь интересны исследования немецких ученых конца прошлого века. Не имея в своем распоряжении представительных археологических источников, они оперировали данными источников письменных, создавая историко-экономические и историко-демографические расчеты, являющиеся по отношению к современным археологическим данным независимыми. Исследователи пришли к следующим выводам.

Плотность населения Германии на рубеже эр составляла 4-5 человек на квадратный километр. Один род (деревня, «сотня» семей) состоял из 100-200 семей, включал от 400 до 1000 человек и выставлял от 100 до 200 воинов с собственным военным предводителем; такой отряд являлся основной боевой единицей вар-

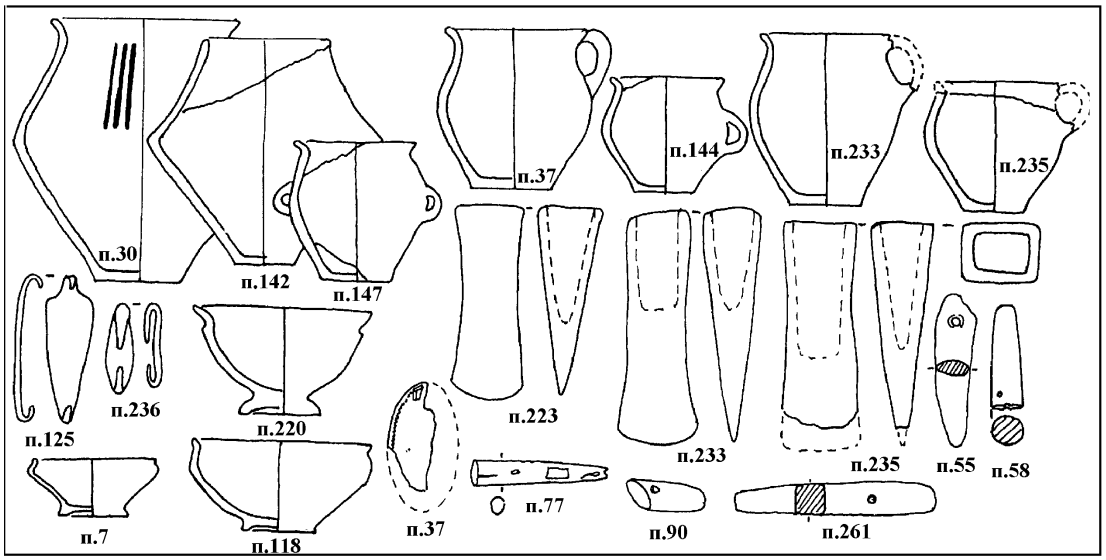

Таблица 10. Чаплин: некоторые импортные типы вещей (расположение на территории могильника – см. табл.8)

варов независимо от общей численности войск. Территория хозяйственного освоения рода вряд ли превышала 200 квадратных километров (ср. Обломский и др. 1990: 6). Члены рода могли селиться как одной деревней, так и системой хуторов. При этом род обладал очень высокой подвижностью: территория обитания менялась часто вследствие истощения почв или других причин (Дельбрюк 1994: 17).

Эти расчеты в сопоставлении с данными современной археологии оказываются усредненными. Так, если на о. Готланд в позднем латене используются 23 могильника (Могильников 1979: 143), то есть один могильник приходится на 130 квадратных километров, то в ЗБК на Полесье и в Среднем Поднепровье один могильник приходится примерно на 300 квадратных километров. Численность родов, оставивших позднелатенские могильники на Готланде и могильники зарубинецкой культуры, судя по количеству погребений, вряд ли превышала нижнюю расчетную границу — 400 человек.[6] Носители ЗБК селились и деревнями (скорее всего, часто менявшими местоположение), и хуторами — об этом свидетельствует то, что количество известных селищ в несколько раз превышает количество могильников. Такое же соотношение наблюдается и в постзарубинецкое время (Обломский 1991: 137-139).

Многополюсность могильников Чаплин и Велемичи I может свидетельствовать о существовании внутри родов групп семей, связанных близким кровным родством, внутри которых браки могли быть запрещены или ограничены. Доминантные группы погребений могут являться, в таком случае, участками наиболее влиятельных и зажиточных семей. То, что среди доминантных групп всегда выделяется одна наиболее зажиточная, свидетельствует о том, что именно из ее членов мог выбираться военный вождь — единственная реальная власть того времени (Дельбрюк 1994: 12-17). Естественная эволюция погребального обряда доминантных групп привела, по-видимому, в римское время, к середине I в.н.э., к выделению так называемых «княжеских» погребений в отдельные могильники (Kietlinska 1960; 1963; Никитина 1974: 7; Czarnecka 1990).

Второй уровень интерпретации: *топография локальных вариантов зарубинецко-поянештской общности*. Продолжим сопоставление археологических материалов и расчетных данных. По Г.Дельбрюку, племя германцев в начале эры включало 20-25 родов и насчитывало в среднем около 25 тысяч человек, будучи способно выставлять до 5 тысяч воинов. Территория хозяйственного освоения племени составляла около 5,5 тысячи квадратных километров. Племенные территории были отделены друг от друга «зонами безопасности» (Дельбрюк 1994: 10-19). Полесский вариант зарубинецкой культуры занимает около 5 тысяч квадратных километров, среднеднепровский — несколько больше, что вполне согласуется с расчетными данными для одного племени. При этом количество родов в каждом племени зарубинецко-поянештской общности не превышало полтора десятка, судя по количеству известных могильников, а численность рода, исходя из количества погребений в могильниках, вряд ли со-

[6] Предлагаемые рядом исследователей гораздо более низкие цифры, основанные на численности известных погребений и площади обследованных поселений (например, Гусаков 1985; Обломский и др.1990: 13) представляются неоправданно заниженными: вряд ли группа из десятка-полутора семей могла отстроить и тем более защищать такое городище, как Чаплин. Следует учитывать, что нам все же известны не все погребения, могильники, жилища и поселения древних жителей Поднепровья и Поднестровья.

ставляла более 400 человек. Следовательно, каждое племя насчитывало примерно 5-6 тысяч человек и могло выставить единовременно не более 1 тысячи воинов.

Иную топографическую картину дают верхнеднепровские и поянешти-лукашевские памятники. Выделить среди последних племенные группы, известные по данным письменных источников (Strabo VII,3,17; Livi XL 57,2; Vulpe 1955), пока не удается: могильники сильно удалены друг от друга и существенно различаются по обряду и инвентарю (Babeş 1993: Abb.7). Речь может идти лишь о большой группе родов, по численности населения сопоставимой с численностью племен полесского или среднеднепровского варианта. На Верхнем Днепре известны лишь два могильника. Говорить о племени не приходится — это явно отдельные роды.

Что касается взаимодействия друг с другом локальных вариантов зарубинецко-поянештской общности, то есть составляющих ее племен и родов, ясно, что общность происхождения еще не гарантирует однородности в культурном плане и одинаковой интенсивности контактов. Так, например, женские погребения Полесья, Среднего Поднепровья и Чаплина практически неотличимы друг от друга, то есть женская субкультура выказывает единство. Кухонная керамика (тоже явно женская «зона ответственности») зарубинецких и поянешти-лукашевских памятников, если не учитывать «гетские» формы последних, на удивление схожа. Вместе с тем в мужской субкультуре локальных групп зарубинецких и поянешти-лукашевских памятников прослеживаются существенные отличия. Общность женской субкультуры при локальных различиях мужской позволяет предположить, что в те времена жены при замужестве входили в рода мужей.

Скорее всего, Чаплин заложен позже ранних могильников Полесья и Среднего Поднепровья — около середины II в. до н.э. (Еременко, Журавлев 1992). Почти одновременно с ним закладываются новые могильники в Поднестровье (Долиняны (Смирнова 1981; Smirnova, Megei 1995)), на Полесье (Семурадцы (Поболь 1969)) и в Среднем Поднепровье (Вишеньки, Девич Гора (Петров 1959; Циндровська 1984; Пачкова 1985)), а также появляются зарубинецкие памятники в Подесенье (Шекун, Терпиловский 1993: 15, 18; Шевченко 1997). Но вместе с тем Чаплин явно оставлен населением, занимавшим в зарубинецко-поянештской общности обособленное положение. Находки специфических верхнеднепровских типов на Полесье и в Среднем Поднепровье единичны: это подковообразные фибулы в Воронино и Погосте, наконечники копий в Велемичах I и Корчеватом (Кухаренко 1961: Табл.39, 26; 41, 22; Самойловский 1959 Рис.3; Поболь 1969: Рис.7,7), да еще, пожалуй, разрушенный могильник в Левановщине, неподалеку от Давид-Городка, где найдены близкий чаплинским наконечник копья и горшки с ручками-ушками (Залашко, Еременко 1984). Нет на Полесье и в Среднем Поднепровье и такого количества позднескифских реминисценций, как в Чаплине: связи последнего с Нижним Поднепровьем явно не затронули эти территории и их население (Еременко, Журавлев 1992; Еременко, Щукин 1992; ср. Обломский 1983). Такое же обособленное положение среди памятников типа Поянешти-Лукашевка занимает могильник Долиняны (Пачкова 1984; Еременко 1997: 119).

Наблюдается интересное явление: роды, вошедшие в зарубинецко-поянештскую общность около середины II в. до н.э., то есть примерно через 80 лет после ее образования, и связанные с передвижениями населения перед и во время походов кимвров и тевтонов (см. Еременко, Щукин 1992), большей частью не включаются в племена и занимают обособленное положение, хотя женская зарубинецко-поянештская субкультура и остается единой. Такое сочетание племенной и родовой организации известно и по данным письменных источников, правда, для несколько более позднего времени: Дион Кассий сообщает, что германцы заключали мир с Марком Аврелием частично в качестве племен, частично в качестве родов (Cass.71,II). Возможно, процесс разложения большого племени на более мобильные роды, точнее, начало этого процесса, и фиксируют зарубинецко-поянештские памятники середины II в. до н.э. — Чаплин и Долиняны.

Третий уровень интерпретации: общность латенизированных культур. Итак, в конце III — середине II вв. до н.э. зарубинецко-поянештская общность, по археологическим данным, состояла из двух-трех племен и нескольких отдельных родов, и вряд ли могла выставить более 3-5 тысяч воинов. Если учесть, что население Поднестровья, скорее всего, не участвовало в походах бастарнов (Еременко 1997: 119), эта цифра сократится до 2-3 тысяч. Но только в походах Клондика участвовало 30 тысяч, то есть воины 6-10 племен, а в походах кимвров — 100 тысяч, то есть воины 20-30 племен. Если цифры письменных источников верны, то оказывается, что в походах бастарнов и кимвров должно было участвовать практически все население складывавшихся латенизированных культур, а сам процесс латенизации, скорее всего, и происходил во время походов и переселений (Еременко, Щукин 1992; Flemming, Martens 1995; Еременко 1997: 189-198).[7] Именно совместное участие в походах носителей разных латенизированных культур, часть которых вернулась по их окончании в исконные места обита-

[7] Конечно, пока известны памятники далеко не всех возможных участников походов – например, мы ничего не знаем о певкинах, живших на острове в устье Дуная. Значительная часть участников походов бастарнов и кимвров погибла. Но совершенно очевидно, что даже пятикратное увеличение количества известных зарубинецких и поянештских погребений не даст нам количество воинов, сопоставимое с приводимым в письменных источниках.

ния,[8] и обусловило возможность устойчивых зарубинецко-ясторфских связей на протяжении всего среднего латена. Показательно, что эти связи осуществляются в основном на уровне доминантных групп семей, из которых, очевидно, выбирался военный вождь: эти семьи явно имели наибольшие возможности инкорпорирования новых членов, в частности, воинов.

Иногда удается проследить конкретные цепочки связей доминантных семей. Например, погребение №108 Велемичей I показывает характерное для подмокельской группы сочетание миски на кольцевом поддоне, изготовленной по кельтскому образцу, ясторфского (постгальштатского) горшка с круговым уступом, ясторфского же горшка с ручкой-ушком и фибулой с шариками (Табл.9) (ср. Venclová: 1973). Кувшины с иксовидными ручками, характерные для второй фазы могильника Поянешти и первой — Лукашевки, известны в погребениях Верхней Эльбы и Ютландии (Peschel 1977: Taf.2; Martens 1996: Abb.11; Еременко 1997: 107). Ранние погребения Чаплина демонстрируют соединение форм керамики, характерной для ясторфской культуры Ютландии и оксывских типов наконечников копий (Еременко, Журавлев 1992: Рис. 9). Погребения могильника Долиняны близки погребениям надодерской группы ясторфской культуры (Пачкова 1984; Еременко 1997: 116), и так далее.

Эти наблюдения связей доминантных семей позволяют заключить, что общепринятая схема контактов археологических культур РЖВ, по крайней мере в применении к зарубинецко-поянештской общности, может быть кардинально пересмотрена. Считается, что контакты осуществлялись в процессе меновой торговли (например, Обломский 1991: 136). Но чем могли меняться зарубинцы с ясторфцами? Ведь натуральное хозяйство отвергает возможность нерентабельной торговли. Принимая во внимание огромные расстояния и отсутствие дорог, предметом рентабельного обмена могли служить только очень большие ценности, окупающие затраты снаряжения обменной миссии и ее охрану. Что же могло быть такой ценностью в эпоху господства натурального хозяйства? Только сокровища (которые пока не обнаружены в зарубинецких и поянештских комплексах) и люди — умелые воины, знахари, мастеровые, девушки на выданье из знатных родов.

Члены родов и племен могли переходить в другие рода и племена путем вступления в брак или усыновления (ср. более поздний обычай «сыновей по оружию»). Мог иметь место и «немирный» обмен людьми — например, захват пленных (Обломский 1991: 140). Можно предположить и третий вариант: обмен между военными вождями родов и племен при подготовке совместных походов почетными заложниками — наподобие того, как существование дипломатических соглашений в эллинистических государствах обусловливалось вербовкой наемников, и наоборот (Griffith 1935: 321-322).

Очевидно, именно динамика взаимодействия доминантных семей кельто-ясторфского происхождения определяла «культурное лицо» складывающихся латенизированных культур (Еременко 1988; 1990; 1997: 189-198). Поскольку в Поднестровье и Поднепровье эти культуры пришлые, нельзя не обратить внимание еще на один нюанс.

Переселение значительных групп населения, связанное с походами бастарнов (не менее 6 племен, в любом случае более 150 родов), *вряд ли могло быть осуществлено без предварительной разведки*. Поскольку бастарны впервые упоминаются под 229 г. до н.э. (латен C_{1b}), «разведчиками» могли быть оставлены латенские импорты к востоку от Карпат предшествующего времени, то есть латена C_{1a}. Но в латенизированных культурах переход к стадии, синхронной C_{1b}, осуществляется сразу от B_{2b}, минуя промежуточные фазы (Еременко 1997: 90). Следовательно, следами «разведчиков» могут быть импорты именно ступени B_{2b}, достаточно многочисленные — в том числе и кельтское погребение у с.Залесье (ср. Щукин 1994: 115; Еременко 1997: 37-54), а также находки ранних типов ясторфских шейных гривен-коронок (Kronenhalsringen) в междуречье Днестра и Серета (см. Babeş 1993: 107-108, Abb3; Flemming, Martens 1995: 136-137, Fig.21). Могут быть связаны с «разведчиками» и сообщения об угрозе Ольвии со стороны галатов и скиров, если принять удревнение датировки декрета Протогена, предложенное М.Б.Щукиным (Щукин 1993; Shchukin 1995: 214-217). Если это так, то разведка проводилась крупным военным отрядом — что вполне естественно, и, видимо, оказалась успешной: вскоре пришельцы-бастарны появились в Поднестровье, Полесье и на Среднем Днепре.

Верхнеднепровские памятники позднее полесских и среднеднепровских и могут быть связаны, как и могильник Долиняны в Поднестровье, с переселениями племен, синхронными походам кимвров и тевтонов (Еременко, Щукин 1992; Еременко 1997: 119). Кимвры тоже вряд ли обошлись без разведки: ее следами могут быть находки поздних шейных гривен-коронок (Kronenhalsringen) в Подесенье (Shchukin, Val'kova, Shevchenko 1993), датировка которых охватывает и латен C_2, а также упоминание Посидонием кимвров-«кельтоскифов» на берегах Меотиды. Кимвры и тевтоны впоследствии выбрали западное направление передвижений (Еременко, Щукин 1992; Flemming, Martens 1995), а часть их разведчиков, вероятно, осела в Верхнем Поднепровье и Верхнем Поднестровье, где также найдены поздние гривны-коронки (Babeş 1993: Abb.3, S.107-108; ср. Еременко

[8] Об этом могут свидетельствовать, например, находки нескольких фибул с треугольным щитком на Нижней Эльбе (Tackenberg 1963a; Flemming, Martens 1995).

1997: 102-103).

Четвертый уровень интерпретации: топохронология культур РЖВ Восточной Европы. При исследовании планиграфии могильников не исключались милоградские погребения (Кухаренко 1961; Поболь 1971: 60, 61, 75, прим.). Они в большинстве случаев расположены на участках доминантных групп или рядом с ними (Табл.1, 2) и ни разу не нарушены зарубинецкими погребениями. Известны милоградские погребения и на других зарубинецких могильниках, в том числе и на Среднем Днепре (например, в Корчеватом (Самойловський 1959: табл.III, 56, IV, 80)). При этом, если разрыв между зарубинецкой и милоградской культурами в Верхнем Поднепровье не превышает 150 лет (Еременко 1997: 58-60), а может быть и меньше, то на Западном Полесье и в Среднем Поднепровье нет даже достоверных милоградских комплексов IV в. до н.э. (Еременко 1989), и разрыв достигает 200 лет.

Но если допустить, что попадание милоградских погребений в доминантные группы могильников ЗБК не случайно, то вновь встает вопрос о поздней дате милоградской культуры, в частности — подгорцевского, среднебелорусского и верхнеднепровского вариантов, а также о том, когда и кем оставлен так называемый милоградский могильник Горошков (Мельниковская 1962; Еременко 1989; 1997: 56-62).

В конце III в. до н.э. складывающаяся зарубинецко-поянештская общность становится новым центром притяжения для лесной зоны, заменившим Скифию. Вплоть до середины II в. до н.э. носители этой общности поддерживали тесные связи с еще более развитыми областями кельтско-латенизированного мира. На ряде могильников последнего также известны отдельные погребения предшествующих культур — например, ясторфские на могильнике Любошице губинской группы (Domański 1975), постгальштатско-билленсдорфские в кобыльской группе (Venclová 1973), поморские в оксывской и пшеворской культурах (Dąbrowska 1988; 1988a; 1994; Wołągiewicz 1979). Как правило, между датами этих погребений и погребений латенизированных культур выявляются хронологические лакуны. Интересно было бы посмотреть, а не в доминантных ли группах латенизированных могильников оказываются погребения культур предшествующего времени? И не являются ли, соответственно, оксывская и пшеворская культуры новыми «центрами притяжения» остаточного местного субстратного населения, заменившими поморскую культуру? Если так, то, возможно, в конце III — начале II вв. до н.э. складывающиеся латенизированные культуры включили в себя это остаточное население.

В середине II в. до н.э., после закладки Чаплина, Долинян и ряда других могильников, связи зарубинецко-поянештской общности с другими латенизированными культурами прерываются, то есть с точки зрения родо-племенных отношений прекращается прием в роды новых членов — об этом свидетельствует отсутствие большого ряда типов вещей латена D_1, то есть 120-60-х гг. до н.э. (Каспарова 1981а). Является ли причиной этого «закрытость» военизированной пшеворской культуры (Godłowski 1976)? Возможно, хотя для поянешти-лукашевской группы, граничащей непосредственно с кельтскими территориями, и не обязательно. Причины вполне могли быть и внутренними, и тогда «закрытой» оказывается сама зарубинецко-поянештская общность.

Как бы то ни было, контакты зарубинецко-поянештской общности с родственными культурами восстанавливаются только в середине I в. до н.э., но уже не с периферийными группами ясторфской культуры и не с пшеворской и оксывской культурами, а с территориями бойев и маркоманов в верховьях Дуная и Рейна (Каспарова 1986: 7-9; Щукин 1986; 1994: 195). Эта направленность связей характерна и для памятников типа Лютеж-Рахны, ранняя дата которых охватывает первую половину I в. до н.э. (Щукин 1986). М.Б.Щукин считает эти связи возможным отражением поисков римскими торговцами нового янтарного пути в обход территории пшеворской культуры (Щукин 1981; 1994: 190-197). Гипотеза, несомненно, красивая. Но, во-первых, на территории зарубинецко-поянештской общности почти нет находок янтаря, а во-вторых, количество римских импортов и монет исчезающе мало (Еременко, Щукин 1998: 81-85). Вряд ли можно говорить о торговле, пусть даже и транзитной. Можно предложить более очевидную гипотезу: отряды воинов зарубинецко-поянештской общности могли участвовать в военных действиях на территориях бойев и маркоманов в 60-15 гг. до н.э. (латен D_1 — римское время A_1), равно как и отряды выходцев с верховьев Рейна и Дуная могли участвовать в каких-то событиях в Северном Причерноморье (см. Еременко 1997: 172-186). В результате новые типы вещей могли появиться в зарубинецко-поянештской общности — аналогично тому, как участие бастарнов в войнах на Балканах послужило причиной появления в Поднепровье фибул с треугольным щитком (Каспарова 1977, 1978, 1981).

В процессе походов группы воинов могли образовывать новые семьи и рода, которые, возвращаясь, оседали частью уже на новых территориях — мы можем предполагать археологические следы этого процесса в образовании памятников типа Лютеж-Рахны и звенигородской группы, а также типа Колоколино (ср. Обломский 1992: 34; Щукин 1986; 1994: 232-239). Воины, ушедшие в земли бойев и маркоманов после 15 г. до н.э., видимо, уже не вернулись, частью погибнув при завоевании римлянами этих земель (Щукин 1994: 186-187), частью включившись в другие рода и племена уже римского времени.

В пользу таких предположений могут быть

приведены некоторые косвенные свидетельства. Так, при изучении планиграфии Велемичей I выяснилось, что вельбаркские погребения (см. Каспарова 1989) в большинстве случаев совершены на участках доминантных семей или рядом с ними, ни разу не нарушив зарубинецкие погребения (Табл.1). К.В.Каспарова объясняет это тем, что последние были в древности отмечены на поверхности, а переселение вельбаркцев носило мирный характер, что располагало к осторожному отношению к чужим кладбищам (Каспарова 1992: 279). Но и милоградские погребения не нарушены зарубинецкими, а ведь приход носителей зарубинецкой культуры (бастарнов) в Поднепровье вряд ли был таким уж мирным. Милоградские, зарубинецкие и вельбаркские погребения оказываются в равной степени включены в семейные участки зарубинецких могильников, причем в основном в доминантные группы. Вряд ли это случайно. Следовательно, либо мы недооцениваем длительность сохранения «родовой памяти» (вельбаркцы знали, на каком участке могильника поместить свои погребения почти через 150 лет после прекращения зарубинецких погребений), либо имеющаяся в нашем распоряжении хронология (Ščukin, Eremenko 1991; Еременко, Щукин 1998), не совсем точна.

К.В.Каспарова отнесла вельбаркские погребения на Полесье к римскому времени C_{1b} — C_2, не исключая и возможность их совершения в B_2 — C_{1a}. Разрыв между поздними зарубинецкими и ранними вельбаркскими комплексами составляет 100 — 150 лет (Каспарова 1976а, 1984, 1986, 1989). Но к западу от полесской группы ЗБК обнаружен ряд позднезарубинецких погребений римского времени А-B_{2a} (не исключена и ступень B_2/C_1), ликвидирующих эту лакуну: Гриневичи Вельке, Гусыне Колония, Дронжков, Черничин и др. (см. Каспарова 1992: 300). Получается, что носители полесского варианта зарубинецкой культуры двигались навстречу вельбаркцам, и вряд ли избежали контактов с ними. Есть ряд свидетельств в пользу того, что появление вельбаркцев на Полесье может относиться к более раннему времени, чем датировка собственно вельбаркских комплексов Велемичей и Отвержичей. Это погребение в Пересыпках и ранние вещи в Брест Тришине ступеней B_{2b} и C_{1a} (Кухаренко 1970; Szczukin 1981a; Бажан, Гей 1989: 186; Гей, Бажан 1997: 39). Не следы ли это «разведки» вельбаркцев перед колонизацией новых территорий? Тогда вельбаркские вещи на Полесье могли быть оставлены членами тех же родов, к которым принадлежали классические зарубинцы, вернувшихся на землю предков в новом культурном обличье. А иначе откуда бы им иметь сведения о семейных участках могильников ЗБК?

Судьбы зарубинецкого наследия. В течение всего периода существования классических памятников ЗБК и типа Поянешти-Лукашевка происходил не только приток, но и отток населения — носители зарубинецко-поянештской общности участвовали в походах бастарнов и кимвров, военных действиях Митридата Евпатора, а возможно, и в более поздних кампаниях на территории бойев и маркоманов, а также в Северном Причерноморье (см. Щукин 1994: 144-147; Еременко 1997: 172-186).[9] Следовательно, упадок классической зарубинецко-поянештской общности мог быть обусловлен, кроме других причин (истощение почв, изменение климата — см. Обломский и др.1990; давление гетов и сармат — см. Babeş 1970, 1983; Щукин 1972), постоянным и порой значительным оттоком населения. Лишь часть воинов впоследствии возвращалась на территории зарубинецко-поянештской общности, а многие включались в другие племена и роды, сохраняя «родовую память», появляясь порой на этой территории через многие годы и в качестве носителей других культур.

Такой массовый возврат населения мог иметь место в начале новой эры, когда появляются группы так называемых «постзарубинецких» памятников. Их носители уже познакомились с провинциально-римской культурой, по-видимому, на территории бойев и маркоманов (памятники зубрецкого типа, тип Колоколино, Гриневичи Вельке — Черничин, Лютеж-Рахны, звенигородская группа — см. Козак 1983; Щукин 1986; Каспарова 1992; Обломский 1993: 48-49). Этот романизированный горизонт памятников смещен к северо-востоку от прежней территории памятников типа Поянешти-Лукашевка и к западу, востоку и югу — от территории зарубинецкой культуры. По сравнению с позднезарубинецкими латенизированными комплексами он представляет собой совершенно новую модель культуры (Godłowski 1976; Обломский и др. 1990).[10] Носители классических позднезарубинецких традиций (памятники типа Чечерск-Кистени, Титова речка, Белый Груд — см. (Обломский 1983а; Шекун, Терпиловский 1993; Шевченко 1997) смещаются к северу и востоку, в лесную зону, где складываются памятники типа Почеп-Синьково и, позднее, Абидня-Тайманово (Shchukin 1989 lll.11,26).[11] Создается

[9] В Северном Причерноморье население зарубинецко-поянештской общности, скорее всего, выступало в союзе с роксоланами — Страбон сообщает о союзе последних и бастарнов (Strabo VII,3,17). Этому есть и ряд археологических свидетельств — Субботовская группа памятников и находки зарубинецко-поянештской керамики на позднескифских и сарматских памятниках (Щукин 1972, 1994: 153,234).

[10] Интересно, что часть романизированных памятников по своей культурной принадлежности могут быть интерпретированы и как зарубинецкие, и как поянешти-лукашевские (см. Кухаренко 1978, 1978а).

[11] Особое положение занимают мощинская и именьковская культуры, не стыкующиеся с классической ЗБК хронологически, в сложении которых тем не менее явно поучаствовали носители именно латени-

впечатление, что «классические» зарубинцы избегали общения со своими «романизированными» родственниками. Таким образом, начиная с I в. н.э. происходит наслоение классических зарубинецких традиций на местные культуры балтского и финно-угорского круга. Постзарубинецкое романизированное население приняло участие в этом процессе значительно позднее и в других условиях (памятники киевского типа).

По вопросу об этнической принадлежности рассматриваемой группы памятников можно сказать следующее. Смена погребального обряда при сохранении населения, так же, как и смена погребального обряда при переходе в другие рода, была явлением заурядным (ср. Клейн 1988). Поэтому при исследовании этногенеза и культурогенеза решающее значение приобретают поселенческие материалы, менее регламентированные ритуальными ограничениями.[12] А эти материалы свидетельствуют о том, что, несмотря на частую смену культур, какое-то местное, пусть и немногочисленное, население существовало на Полесье и в Поднепровье начиная со скифского времени и вплоть до эпохи исторических славян. При появлении мощных центров влияния (Скифия, зарубинецкая культура, Сарматия, «Готское королевство») это местное население включалось в новые культуры, вплоть до полной потери культурного своеобразия, а в периоды отсутствия таких центров вновь появлялось в виде достаточно аморфных, невыразительных, а потому и археологически трудноуловимых групп памятников.

Уместно здесь вспомнить слова еще одного немецкого историка прошлого века: «бастарны подготовили образование позднейшего готского королевства, в котором и исчезли бесследно» (Энгельс 1961: 492). Затем исчезли готы, татаро-монголы и многие другие, а славяне так и живут до сих пор, время от времени примеряя на себя очередную иноземную культуру — будь то реформы Петра I, «пруссачество» Павла, «французомания» Александра I или современная американизация.

Приведем несколько археологических примеров.

В скифское время памятники киевской группы подгорцевского варианта милоградской культуры (Еременко 1989: 78), сочетающие милоградские, кобанские и лужицкие элементы, расположены чересполосно со скифскими, что позволило автору выдвинуть гипотезу о поселении скифами пленников-мастеровых, захваченных в европейских и переднеазиатских походах, в глубине своей территории, на одной из самых дальних периферий (Еременко 1997а: 53).

Через значительный промежуток времени на той же территории (!) наблюдается чересполосное расположение памятников киевского типа и черняховской культуры. Более того, погребальный обряд постзарубинецких памятников киевского типа обнаруживает сходство не с классическим зарубинецким, а с милоградским! (Абашина 1986; Терпиловский 1984: 17). Возникает и интереснейшее явление, названное М.Б.Щукиным «кельтским ренессансом» (Щукин 1973). Не на таких ли же условиях, что и скифское время, возникли и эти культурные феномены?

Возможны были и обратные процессы, то есть принятие культурой «зарубиноидного» облика при очевидном сохранении прежнего населения. Здесь интересна гипотеза М.Б.Щукина о переселении сарматами части зарубинцев в Поволжье, приведшем в конечном счете к сложению именьковской культуры (Щукин 1986: 32).[13]

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что при определении этнической принадлежности культур РЖВ надо быть очень осторожным, поскольку этногенез и культурогенез в применении к происхождению славян (и не только славян) оказываются совершенно различными процессами, плохо коррелирующими между собой.

Перспективы. В применении к зарубинецко-поянештской общности первостепенной задачей представляется продолжение разработки новой хронологической системы, учитывающей разделение на рода и племена, направления культурных и родственных связей которых могли существенно различаться. Интересное исследование может получиться при рассмотрении с точки зрения гипотезы о «разведчиках» ранних и поздних латенских импортов к востоку от Карпат и ряда других категорий вещей, в частности, ясторфского происхождения (ср. Залашко, Еременко 1986; Еременко, Берлизов 1989; Еременко, Зуев 1989; Shchukin 1995; Flemming, Martens 1995; Еременко 1997 и др.). Соотношение зарубинецкого круга древностей с культурами предшествующего, скифского, и последующего, римского времени также может предстать в несколько ином свете.

Низкая социальная стратифицированность памятников типа Поянешти-Лукашевка и зарубинецких по сравнению с кельто-латенскими, пшеворскими, оксывскими и римского времени

зированных, а не романизированных традиций: в мощинской — почепского типа, в именьковской — полесского варианта ЗБК (Седов 1970: 40-48; Матвеева 1981, 1986).

[12] О том, что такие ограничения были очень строги, свидетельствует исключительная редкость сознательного нарушения погребального обряда в эпоху РЖВ – например, совершение массовых захоронений по типу братских могил известно лишь в единичных случаях (Шинаков 1986: 69).

[13] Пока неясно, к какому времени может быть отнесена ранняя дата последней (Матвеева 1981; 1986: 115). В ней заметно также пшеворское влияние, раскопан «княжеский» Тургаевский могильник, то есть ощутимы признаки, характерные уже для римского времени.

(см. Bujna 1982; Sankot 1980; Bergonci 1983; Kietlińska 1963) позволяет предположить, что при их исследовании предлагаемым методом могут быть получены гораздо более интересные результаты.

Проверка того, действительно ли выделяемые планиграфически группы погребений являются семейными или родовыми участками, может быть произведена с помощью генетического анализа остатков праха — конечно, при условии сохранения раскопанных костных материалов и наличии достаточного финансирования.

ЛИТЕРАТУРА

Абашина Н.С. 1986. Население Среднего Поднепровья в III-IV вв. (по материалам киевской культуры). Автореферат канд.дисс. Киев.

Абезгауз Г.Г., Еременко В.Е., Журавлев В.Г., Каргопольцев С.Ю. 1992. К вопросу о ранней дате могильников зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.

Алексеев А.Ю. 1984. О месте Чертомлыкского кургана в хронологии скифских погребений // АСГЭ. Вып.25.

Бажан И.А., Гей О.А. 1989. Хронология могильника Брест-Тришин и эволюция погребального обряда // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin.

Бажан И.А., Еременко В.Е. 1992. Некоторые аспекты изучения хронологии железного века по методу П.Рейнеке // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.

Воронов Ю.Н. 1975. Тайна Цебельдинской долины. М.

Гей О.А., Бажан И.А. 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа) М.

Äóíàéêà Ì.À. 1985. Территория расселения и количество жителей у «племен» зарубинецкой культуры // Человек в древности и средневековье. М.

Дельбрюк Г. 1994. История военного искусства. Т.II. Германцы. СПб.

Елпашев С.В. 1997. Разрушенные погребения черняховской культуры // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб.-Кишинев.

Еременко В.Е. 1988. Поморская культура, кельты в Южной Польше и поморская версия сложения латенизированных культур // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. ТД IV Конференции молодых ученых ИА АН СССР. М.

Еременко В.Е. 1989. Археологическая карта милоградской культуры // Славяне: этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования). Л.

Еременко В.Е. 1990. Процесс латенизации археологических общностей позднего предримского времени Восточной Европы и сложение зарубинецкой культуры. Автореф.канд.дисс. Л.

Еременко В.Е. 1997. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. СПб.

Еременко В.Е. 1997а. Относительная и абсолютная хронология Скифии: взгляд со стороны // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб.-Кишинев.

Еременко В.Е. В печати. Пересмотр относительной хронологии восточного латена и позднего предримского времени: постановка проблемы.

Еременко В.Е., Берлизов Н.Е. 1989. Латенские импорты в сарматских памятниках Причерноморья: проблема интерпретации // I Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар.

Еременко В.Е., Журавлев В.Г. 1992. Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.

Еременко В.Е., Журавлев В.Г. В печати. Могильник Велемичи I и некоторые вопросы хронологии зарубинецкой культуры.

Еременко В.Е., Зуев В.Ю. 1989. Михаил Иванович Ростовцев и проблема кельто-скифских культурных контактов // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти М.И.Ростовцева. ТД. Новочеркасск.

Еременко В.Е., Щукин М.Б. 1992. Кимвры, тевтоны, кельтоскифы и некоторые вопросы хронологии рубежа среднего и позднего латена // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.

Еременко В.Е., Щукин М.Б. 1998. Современное состояние хронологии латена и позднего предримского времени // АСГЭ. Вып.33.

Залашко Г.М., Еременко В.Е. 1984. Новый зарубинецкий могильник на Полесье // СА. №2.

Залашко Г.М., Еременко В.Е. 1986. К вопросу о датировке кладов браслетов латенского времени в Поднепровье // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. ТД. М.

Каспарова К.В. 1976а. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Полесья // СА. №3.

Каспарова К.В. 1977. О фибулах зарубинецкой культуры // АСГЭ. Вып.18.

Каспарова К.В. 1978. Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры (к вопросу о ранней дате и юго-западных связях) // Проблемы археологии. Вып.2.

Каспарова К.В. 1981. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА. №2.

Каспарова К.В. 1981а. Хронология зарубинецкой культуры Припятского Полесья. Автореф.канд.дисс. Л.

Каспарова К.В. 1981б. Хронологическое соотношение зарубинецкой культуры и культур эпохи латена. // Контакты и взаимодействия древних культур. Краткие ТД конференции ОИПК Государственного Эрмитажа. Л.

Каспарова К.В. 1984. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи латена // АСГЭ. Вып.25.

Каспарова К.В. 1986. Поздняя фаза зарубинецких могильников // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.

Каспарова К.В. 1988. Об одном из возможных компонентов зарубинецкого погребального обряда // СА. №1.

Каспарова К.В. 1989. Соотношение вельбаркской и зарубинецкой культур в Припятском Полесье // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. T.II. Lublin.

Каспарова К.В. 1992. О хронологии и связях зарубинецкой культуры // Ziemie polskie we wczesnej epoce żelaza i ich powiązania z innymi terenami. Rzeszów.

Каспарова К.В. В печати. Заметки о погребальном

обряде верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры.
Клейн Л.С. 1988. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу (интеграция наук и синтез источников в решении проблем этногенеза) // СЭ. №4.
Козак Д.А. 1983. Памятники рубежа и первых веков н.э. в Поднестровье и Западном Побужье // Славяне на Днепре и Дунае. Киев.
Кухаренко Ю.В. 1959. Чаплинский могильник // МИА. №70.
Кухаренко Ю.В. 1961. Памятники железного века на территории Полесья. САИ. Вып. Д I — 29. М.
Кухаренко Ю.В. 1970. Погребение у села Пересыпки // МИА. №176.
Кухаренко Ю.В. 1978. О так называемых зарубинецких памятниках в Подолии // Проблемы советской археологии. Вып. 2.
Кухаренко Ю.В. 1978а. О памятниках поянештской культуры на Украине // Pracy i materiały Museum archeologicznego i etnograficznego w Łódz, Ser.arch. N 25.
Лесман Ю.М. 1997. Вероятностная датировка комплексов однократного формирования // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб.- Кишинев.
Матвеева Г.И. 1981. О происхождении именьковской культуры // Древняя и средневековая культура Поволжья. Куйбышев.
Матвеева Г.И. 1986. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тыс.н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.
Мачинский Д.А. 1965. Археологические памятники у с.Круглик и проблема зарубинецкой культуры // Тези доповідеі подільска історіко-краєзнавчей конференцьи. Хмельницкий.
Мачинский Д.А. 1966. К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешти-Лукашевка // Археология Старого и Нового Света. М.
Мачинский Д.А. 1966а. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // КСИА. Вып.107.
Мельниковская О.Н. 1962. Могильник милоградской культуры в д. Горошков в Южной Белоруссии // СА. №1.
Могильников В.А. 1979. Сравнительный анализ погребального обряда племен черняховской культуры и населения Готланда // Могильники черняховской культуры. М.
Мончинська М. 1997. Страх перед умершими и культ мертвых у германцев в IV — VII вв.н.э. (на основании так называемых погребений специфического обряда) // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб.- Кишинев.
Никитина Г.Ф. 1974. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тыс. до н.э. — I тыс.н.э. // Погребальный обряд племен Северной и Центральной Европы в I тыс. до н.э. — I тыс.н.э. М.
Обломский А.М. 1983. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры. Автореф.канд.дисс. М.
Обломский А.М. 1990. Периодизация и характер развития зарубинецкого комплекса Чаплинского могильника // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М.
Обломский А.М. 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I — IV вв.н.э. Москва-Сумы.
Обломский А.М. 1992. О роли позднезарубинецкого населения в сложении киевской культуры Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья // РА. №1.
Обломский А.М. 1993. Позднезарубинецкие памятники // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. М.
Обломский А.М. 1997. О некоторых спорных вопросах классификации керамики, периодизации и хронологии Чаплинского могильника // Stratum + Петербургский археологический вестник. Кишинев — СПб.
Обломский А.М., Терпиловский Р.В., Петраускас О.В. 1990. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины. Киев.
Пачкова С.П. 1984. Про культурну належність могильника поблизу с.Долиняни на Північній Буковині // Археологія. Вып.47.
Пачкова С.П. 1985. Могильник у с. Вишеньки и его место среди памятников зарубинецкой культуры // ТД советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М..
Петров В.П. 1959. Зарубинецкий могильник (по материалам раскопок В.В.Хвойки в 1899 г.) // МИА. №70.
Поболь Л.Д. 1969. Древности Туровщины. Минск.
Поболь Л.Д. 1971. Славянские древности Белоруссии. Минск.
Поболь Л.Д. 1973. Славянские древности Белоруссии. Минск.
Самойловский И.М. 1959. Корчеватовский могильник // МИА. №70.
Седов В.В. 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА. №163.
Смирнова Г.И. 1981. Могильник типа Поянешти-Лукашевка у с.Долиняны на Буковине // СА. №3.
Старостин П.Н. 1986. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.
Сымонович Э.А. 1983. Население столицы позднескифского царства. М.
Терпиловский Р.В. 1984. Ранние славяне Подесенья III-IV вв. Киев.
Тихомиров Н.А. 1990. Княжинский и Лебединский могильники // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.
Циндровська Л.О. 1984. Зарубинецкїї могильник Дівич-Гора // Археологія. Вып. 47.
Шевченко Ю.Ю. 1997. Высокий (Белый) Груд на рубеже нашей эры // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб. — Кишинев.
Шекун А.В., Терпиловский Р.В. 1993. Памятники I в. до н.э. — VII в.н.э. у с. Деснянка близ Чернигова. Чернигов.
Шинаков Е.А. 1986. Захоронения I тыс. н.э. на городище у с. Случевск // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.
Щукин М.Б. 1972. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // АСГЭ. Вып.14.
Щукин М.Б. 1973. Черняховская культура и явление кельтского ренессанса // КСИА. Вып.133.
Щукин М.Б. 1978. О датировках узких и датировках широких // Проблемы археологии. Вып.2.
Щукин М.Б. 1981. Зарубинецкая культура, янтарный путь и венеды // Контакты и взаимодействия древних культур. Краткие ТД научной конференции ОИПК Гос.Эрмитажа. Л.
Щукин М.Б. 1986. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Ев-

ропы I тысячелетия. Куйбышев.
Щукин М.Б. 1990. Раскопки у хутора Кулига в верховьях Псла // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.
Щукин М.Б. 1993. О галатах и дате декрета Протогена // Скифия и Боспор. Новочеркасск.
Щукин М.Б. 1993а. Проблема бастарнов и этнического определения поянешти-лукашевской и зарубинецкой культур. // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. Сборник археологических статей в честь 56-летия Дмитрия Алексеевича Мачинского. ПАВ. Вып.6.
Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб..
Энгельс Ф. 1961. К истории древних германцев // К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения. Т.16.
Babeş M. 1969. Noi date privind archeologia şi istoria Bastarnilor // SCIV. T.20 №2.
Babeş M. 1970. Dacii şi bastarnii // Memoria Antiquitatis. T.II.
Babeş M. 1973. Germanische latènezeitliche Einwanderungen im Raum östlich der Karpaten // Actes du IIIe Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Beograd.
Babeş M. 1978. Moldova centrală şi de Nord în secolele II-I i.e.n. Rez.tes.doctorat. Bucureşti.
Babeş M. 1983. Paftalele latènene tîrzii din Sud-estul Europei // SCIVA. T.34. №3.
Babeş M. 1993. Die Poieneşti-Lukaşewka Kultur. Ein Beiträg zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in den letzen Jahrhunderten von Christi Geburt. Bonn.
Bergonzi G. 1983. Münsingen-Rain (Svizzera) e Dürrnberg presso Hallein (Austria): aclune osservacione sulla struttura nel La Tène antico // Popoli a facies culturali celtiche a nord e a sud delle Alpi dal V al I sec. A C/ Milano.
Bujna J. 1982. Spiegelung der Sozialstructur auf latènezeitlichen Gräberfelder im Karpatenbecken // Pamatký archeologické. R.LXXIII. — C. 2.
Czarnecka K. 1990. Struktura społeczna ludności kultury przeworskiej. Warszawa.
Czopek S. 1992f. Zabytki żelazne w materiałach grupy tarnobrzeskiej // Ziemie polskie we wczesnej epoce żelasa i ich powiązania z innymi terenami. Rzeszów.
Dąbrowska T. 1988. Wczesne fazy kultury przeworskiej. Warszawa.
Dąbrowska T.1988a. Bemerkungen zur Entstehung der Przeworsk-Kultur // Prähistorische Zeitschrift. Bd.63. Hf.1.
Dąbrowska T. 1994. Wpływy jastorfskie na kulturą przeworską w młodszym okresie przedrzymskim // Kultura przeworska. T.1. Lublin.
Die Germanen. 1976. Bd.2. Berlin.
Domański G. 1975. Studia z dziejów środkowego Nadodrza w III-I wieku p.n.e. Wrocław.
Fenske R. 1986. Cosa. Ein Gräberfeld der vorrömischen Eisenzeit im Kreis Neubrandenburg. Berlin.
Flemming K., Martens J. 1995. Southeast European influences in the Early Iron Age of Southern Scandinavia. Gundestrup and the Cimbri. // Acta Archaeologica.- Vol.66.- København.
Godłowski K. 1976. Strefy kulturove w okresie rzymskim w Europie Środkowei // Zeszyty naukowe Universitetu Jagiellońskiego. Prace archeologiczne. Kraków.
Griffith G.T. 1935. The mercenaries of the Hellenistic world. Cambridge.
Hachmann R. 1961. Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit // 41 Bericht der Römische-Germanische Komission. Berlin.
Kietlińska A. 1960. Problem tzw. Grobów ksązecych we wczesnym okresie rzymskim // Wiadomości archeologiczne. T.XXVI.
Kietlińska A. 1963. Struktura spoleczna ludności kultury przeworskiej // Materiały starożytne. T.9.
Kozak-Zychman W. 1989. Analiza struktury biologicznej grupy maslomęskiej // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. T.II. Lublin.
Marciniak J. 1960. Znaczenie planigrafii dla badań archeologicznych // Archeologia Polski. T.4.
Martens J. 1996. Die vorrömische Eisenzeit im Südskandinavien: Probleme und Perspektiven // Prähistorische Zeitschrift. Bd.71. Hf.2.
Nylen E. 1983. Relative und absolute Chronologie in Keltischer Kultur nördlich und südlich der Alpen. Eine kritische Analyse mit Hifte von nordischem Fundmaterial // Popoli a facies culturali celtiche a nord e a sud delle Alpi dal V al I sec.B.C. Milano.
Peschel K. 1977. Frühe Waffengraben im Gebiet der südlichen Elbgermanen // Symposium Ausklang der Latène-Zivilization und Anfänge der germanischen Besiedlung im mittleren Donaugebiet. Bratislava.
Reinecke P. 1902. Zur Kentnis der La-Tène Denkmäler der Zöne nordwärts der Alpen // Festschrift der Römische — Germanische Zentralmuseums zu Mainz.
Sankot P. 1980. Studien zur Sozialstruktur der nordalpinen Flachgräberfelder der La Tène-Zeit im Gebiet der Schweiz // Zeitschrift der Schweizarische Archaologie und Kunstgeschichte. Bd.37.
Szczukin M.B. 1981. Zabytki wielbarske a kultura czerniachiowska // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk.
Shchukin M.B. 1989. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe 1st century B.C. — 1st century A.D. // British Archaeological Reports.- International Series.N 542. TT.1-2.
Shchukin M.B. 1995. The Celts in Eastern Europe // Oxford journal of Archaeology. V.14. N 2.
Ščukin M.B., Eremenko V.E. 1991. Zur Frage der Datierung keltischer Altertümer in Trans-karpatengebiet der Ukraine und einige Probleme der Latène-Chronologie // Acta Archaeologica Carpathica. T.XXX.
Shchukin M.B., Vaľkova I.P., Schevchenko Yu.Yu. 1993. New finds of «Kronenhalsringe» in the Chernigov region, Ukraine, and some problems of their interpretation // Acta archaeologica. V.63.
Smirnova G.I., Megei V.F. 1995. Necropola plană de tip Poieneşti-Lukaševka de la Dolinjany // SCIVA. T.46.
Tackenberg K. 1963. Zu den Funden von Lukaschewka im Bezirk Kischinew, Moldau-Republik // Alt-Thüringen. Bd.VI.
Tackenberg K. 1963a. Eine Fibel südrüssischer Form mit Mittellatčneschema von der Elbmündung // Die Künde. Bd.14.
Venclová N. 1973. Otázki etnické přislušnosti podmokelské a kobylské skupiny // Archeologické Rozhledý. T.25.
Vulpe R. 1955. Le probleme des Bastarnes à la lumiere des decouvertes archeologiques en Moldavie // Nouvelles études dhistoire, preséntées au X-me Congrès des Scienþes Historiques à Rome. Bucureşti.
Wołągiewicz R. 1979. Kultura pomorska a kultura oksywska // Problemy kultury pomorskiej. Koszalin.

Е.В.Максимов

О КОНТАКТАХ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ С ЗАРУБИНЕЦКИМИ ПЛЕМЕНАМИ СРЕДНЕГО ПРИДНЕПРОВЬЯ

E.V.Maximov. On Contacts between the Central European Population and Zarubintsy Tribes on Middle Dnieper.

The article deals with the materials of Central European cultures of the third century BC to the second century AD and, in particular, with the materials of Pomorsk, Jastorf and Przeworsk cultures which are found on the settlements and cemeteries of Zarubintsy culture in the Middle Dnieper area. These materials indicate an active influence of these cultures through trade and by direct presence of representatives of these Central European cultures in Zarubintsy cultural environment which can be interpreted as results of their numerous migrations to the territory of the Dnieper area and further eastward during the whole period of their existence. These migrations caused considerable changes in cultural and ethnic environment in the mentioned region and influenced the whole development of the historical process in Zarubintsy cultural area, as well as outside its limits, both in the period of its formation and in the periods to come. All these factors determined the flow of the historical process to a great extent.

Население Среднего Приднепровья в течение латенского и раннеримского периодов европейской истории находилось под сильным воздействием центральноевропейских племен. Это воздействие было и в период формирования зарубинецкой культуры, вследствие чего в зарубинецкой керамике, погребальном обряде, украшениях и некоторых других элементах культуры заметны отдельные черты центральноевропейских, в том числе — и германских древностей.

Это обстоятельство во многом способствовало появлению в европейской научной литературе гипотезы, согласно которой создателями зарубинецкой культуры являются именно германские племена, переселившиеся во II-I вв. до н.э. со своей европейский родины в Приднепровье.

Германская гипотеза о происхождении зарубинецкой культуры нашла своих последователей и в среде отечественных ученых, в том числе и К.В.Каспаровой. Правда, вначале она разделяла точку зрения Ю.В.Кухаренко, согласно которой создателями зарубинецкой культуры были поморско-клешевые племена бассейна Вислы, переселившиеся на юго-восток, в районы Припятского Полесья, где они в конце II в. до н.э. и трансформировались в зарубинецкую культуру, распространившуюся затем и в Приднепровье (Кухаренко 1964: 54). Позднее этногенетические разработки К.В.Каспаровой приобрели новые акценты, и главная роль в этом процессе отводилась уже западным соседям поморцев — германским ясторфским племенам, продвигавшимся на юго-восток, смешавшимся в верховьях Одера и Вислы с местным поморским населением и пришедшим затем в Приднепровье (Каспарова 1981: 57-79; 1992: 289-301), где и возникла зарубинецкая культура.

Эта версия, также как и гипотезы других исследователей, придерживающихся сходных позиций (Щукин 1994: 115; Еременко 1997: 79-201; и др.), естественно, нуждается в дальнейших разработках.

Степень участия поморско-клешевой и ясторфской культур в создании зарубинецкой культуры может быть прежде всего установлена при определении территории культурогенеза и фактов существования здесь контактов между культурами-субстратами и вновь возникающей зарубинецкой общностью.

Что касается поморско-клешевой культуры, то её памятники периода становления зарубинецкой общности в пределах зарубинецкой ойкумены почти не известны. Лишь в бассейне Западного Буга и по берегам Горыни встречены остатки нескольких, главным образом ранних, небольших памятников этой культуры (Никитина 1965: 194-205), хотя ее ареал, по мнению В.В.Седова, мог охватывать Припятское Полесье и Волынь (Седов 1979: 49: рис.7).

Вместе с тем обращают на себя внимание выводы С.П.Пачковой, сопоставившей поморско-клешевую и зарубинецкую керамику и установившей удивительно большое — до 20% — совпадение их форм (Пачкова 1992: 265-287).

Этот феномен — отсутствие контактов между субстратной поморско-клешевой культурой и её производной — зарубинецкой культурой, при наличии значительной близости их керами-

© Е.В.Максимов, 2000.

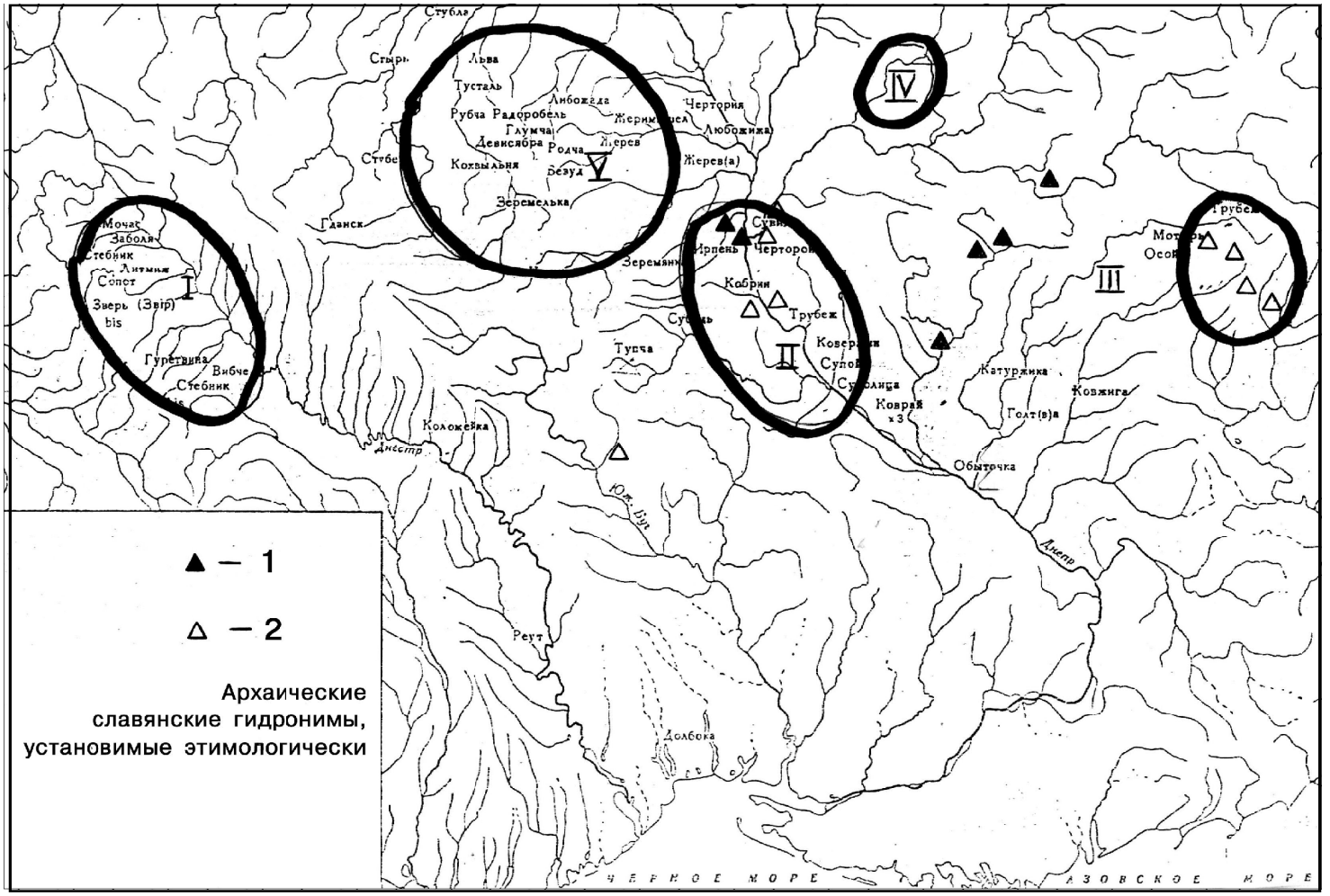

Рис. 1. Архаические славянские гидронимы (по О.Н.Трубачеву) и районы распространения археологических памятников Украины рубежа нашей эры:

I —Верхнее Приднестровье, область пшеворских памятников I-II вв.н.э.;

II — Среднее Приднепровье, регион зарубинецкой культуры конца III в. до н.э. — I в.н.э.;

III —Днепровское Левобережье, район местонахождения пшеворско-зарубинецких памятников типа Картамышево 2 — Терновка 2;

IV — памятники Почепского типа на Верхней Десне;

V — памятники Зубрицкого типа Восточной Подолии;

1 — некоторые памятники центрально-европейского облика III-II вв. до н.э.: Казаровичи на р. Ирпень, Юрковица-Киев, Харьевка на р. Сейме, Басовка на р. Суле;

2 — некоторые памятники пшеворско-зарубинецкого типа: Хатьяновка на Десне, Таценки на Стугне, типа Картамышево 2 — Терновка 2 в Днепровском Левобережье.

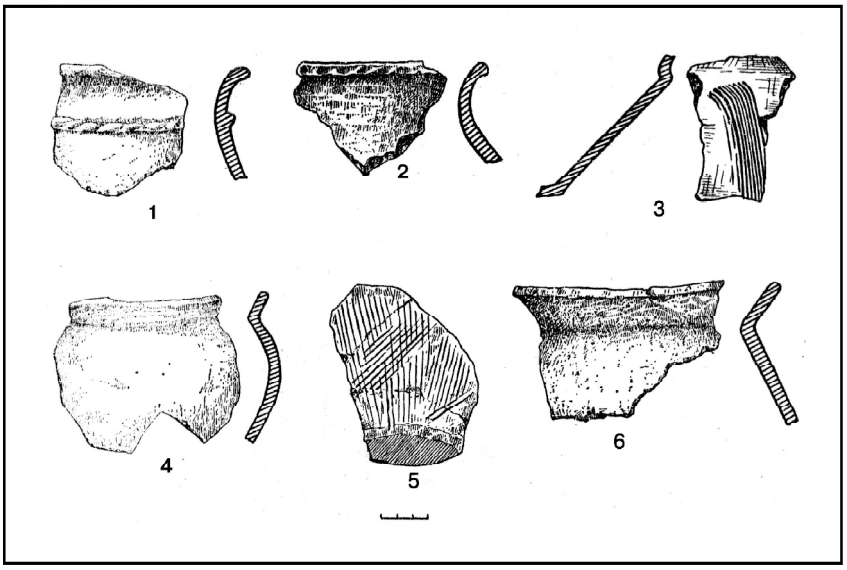

Рис. 2. Находки с поселения Казаровичи на р. Ирпень.

ческих форм, можно было бы объяснить тем обстоятельством, что зарубинецкая культура могла сформироваться непосредственно в поморско-клешевой среде. Однако более реалистичным представляется предположение, что в период возникновения зарубинецкой культуры уже существовала какая-то ясторфско-поморская общность, о возможности которой говорила, в частности, и К.В.Каспарова, отмечавшая, что почти все типы зарубинецких сосудов, находящие аналогии в поморско-клешевых материалах, известны также и в культурах ясторфского круга (Каспарова 1992: 297).

Археологические материалы Приднепровья, выходящие за пределы обычных для этого региона раннезарубинецких древностей, указывают на наличие здесь европейских компонентов раннего времени.

Так, в Киеве, на прибрежном холме Юрковица, обнаружены остатки поселения, уничтоженного в конце XIX в. при устройстве карьера для добычи глины. Культурный слой поселения был срыт и вывезен в овраг, ограничивающий Юрковицу с севера. Здесь находилось до 5 тыс. обломков столовой и кухонной посуды, фрагменты эллинистических амфор, биконические прясла, ножи с горбатой спинкой, бронзовый проволочный и спиральный браслеты, пастовая глазчатая бусина, наконечник дротика, бронзолитейный тигель, круглый гранитный снаряд для пращи, куски железных шлаков. Кухонные горшки были с гладкими стенками, или же хроповатые, орнаментированные по краям венчика ямками или насечками. Чернолощеная керамика представлена обломками горшков и мисок с небольшими остроугольными ручками высокого качества изготовления. Датировать памятник можно на основании находки бронзового трехгранного наконечника стрелы с внутренней втулкой конца III в. до н.э., а также фрагмента бронзовой проволочной фибулы среднелатенской схемы с шариком на спинке, возможно, аналогичной фибуле из Любошице (Каспарова 1992: рис.4,*10*).

Ещё одним европейским памятником можно считать поселение в пойме р.Ирпень, имевшее небольшой культурный слой. Здесь открыто срубное жилище квадратной формы (4,2 х 4,3 м) с углубленным до 0,6 *м* от современной поверхности полом и остатками очага в центральной части, близ которой найдены железное шило, прясло, обломки сосудов, кости животных. Аккуратно изготовленные округлобокие горшки с низкими плечами имели плавно или резко отогнутые венчики, орнаментированные по краю слабо вдавленными ямками, или расчлененным валиком по шейке, ниже которого стенки были хроповатыми, или с гребенчатыми расчесами. Такую же орнаментацию имела и часть стенок чернолощеных мисок (Максимов 1972: 21-23, табл.I).

Другие подобные памятники известны на территории днепровского Левобережья, в нижнем течении Сейма, притока Десны. Здесь, близ г.Путивля, у с.Харьевка Д.Т.Березовец, а позднее — И.И.Артеменко, А.М.Обломский и Р.В.Терпиловский открыли более десятка небольших поселений и остатков жилищ, в культурном слое которых находились обломки простой и чернолощеной посуды, эллинистических амфор, прясла, наконечник копья. Чернолощеные горшки имели хроповатые стенки и лощение под венчиком и над дном. Остроплечие миски и округлобокие вазы отличались наличием граненого венчика. Найденные здесь ручки, венчики и ножки косских эллинистических амфор указывают на конец III — начало II вв. до н.э. (Максимов 1972: 55, табл. XXII; Обломский, Терпиловский 1994: 41-51).

С этими поселениями можно связать находку в том же районе семи экземпляров шарнирных коронообразных шейных гривен, ясторф-

ское происхождение которых не вызывает сомнений (Щукин 1994: 119: рис.46).

К памятниками этого круга относится и уникальный по своей форме и орнаментации горшок-урна из разрушенного погребения, обнаруженного на дюнах поймы Сейма близ с.Пересыпка (Кухаренко 1970: 33-34).

Кроме Посеймья, на Левобережье европейские материалы были найдены В.А.Ильинской на Суле, в верхней части культурного слоя скифского городища в с.Басовка. Отсюда происходят обломки превосходно лощеных мисок, в том числе — и остроребериых, а также кружек с маленькой ручкой и граненым венчиком, горшков со стенками, покрытыми рустом или расчесами гребнем, орнаментированных по краям венчика ямками. Найдены также биконические прясла, украшенные врезными изображениями свастик, бронзовый рубчатый браслет, среднелатенская проволочная фибула без иглы с насечками по приемнику, железный наконечник копья, фрагменты фасосских и косских амфор, в том числе с клеймом на ручке, определяющих раннюю дату этого поселения второй половиной III в. до н.э. (Максимов 1972: 56, табл.XXIII).

Кроме этих поселений в Приднепровье известно несколько пунктов с аналогичными или близкими к ним материалами, происходящими из отдельных погребений или небольших могильников; последнее обстоятельство указывает на кратковременность пребывания здесь населения, находившегося, по-видимому, в движении.

К числу таких памятников относится с.Трахтемиров, расположенное на правом берегу Днепра. Здесь случайно выявлено трупосожжение с глиняными сосудами, в одном из которых были пережженные кости. Из этих сосудов два хранятся в Киевском историческом музее: чернолощеный горшок с четырьмя налепными валиками в форме подковок на корпусе и двумя параллельными валиками по шейке и остроребериая миска с высоким дном (Максимов 1972, табл.II,*10,11*). Ещё один чернолощеный горшок-урна с «подковками» на корпусе, заполненный пережжёнными костями, обнаружен в Киеве, у истоков р.Лыбедь (Шовкопляс 1969: 79). В с.Михайловка, в верхнем течении р.Тясмин, в кургане, раскопанном В.В.Хвойкой, находился чернолощеный горшок и два бронзовых рубчатых

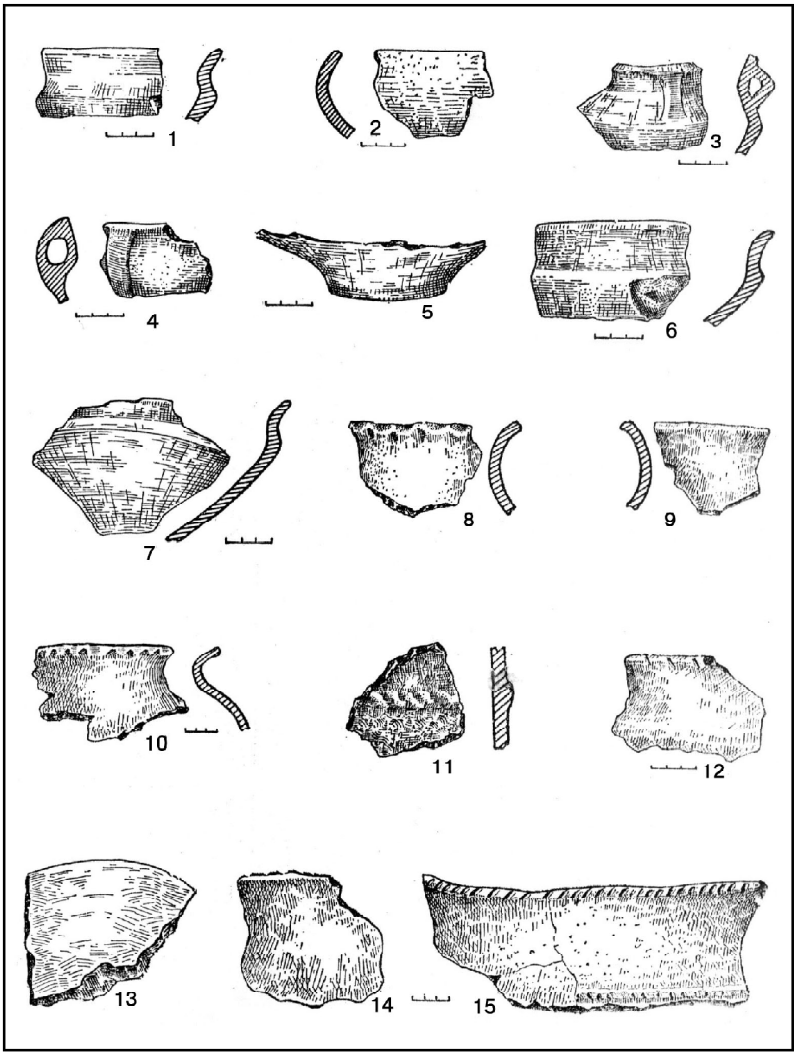

Рис. 3. Керамика поселения Юрковица в Киеве.

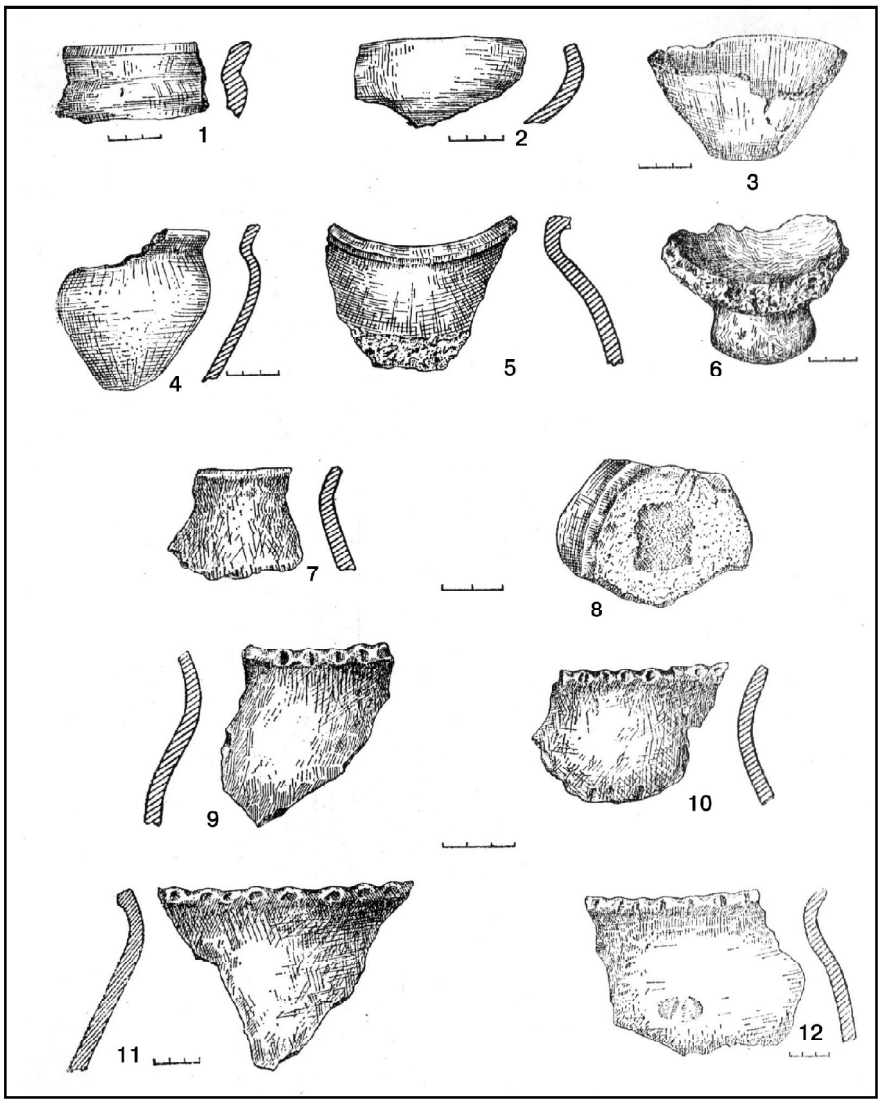

Рис. 4. Керамика поселения Харьевка на р. Сейм.

браслета (Максимов 1972: 57).

Близ Днепра, в устье р.Псёл у сёл Верхняя Мануйловка и Дьяченки в курганах эпохи бронзы найдены два впускных погребения — трупосожжения, с сосудами, «напоминающими зарубинецкие». Кроме сосудов, в Верхнемануйловском захоронении находились еще две среднелатенских фибулы, наконечник копья и бусы (Махно, Самойловский 1959: 21).

В г.Лубны на р.Суле, также левом притоке Днепра, в урочище Замок, в кургане высотой 1 *м*, на уровне дневной поверхности обнаружено кострище, в котором, кроме пережженных костей человека и козы, были чернолощеные миска и горшок с четырьмя дуговидными налепными валиками, курильница и обоженные стеклянные бусы (Махно 1965: 185).

Кроме поморско-ясторфских материалов, в пределах зарубинецкой ойкумены известны также более поздние материалы пшеворского типа.

Пшеворская культура, возникшая на территории Висло-Одерского междуречья, в центральной и южной Польше, почти одновременно с зарубинецкой культурой, отличалась от последней по меньшей мере двумя особенностями. Во-первых, она была отчетливо выраженной синкретической, полиэтнической культурой, объединявшей несколько различных по своему этническому составу хотя и близких по уровню социально-экономического развития, общностей*:* коренную славянскую, известную по памятниками поморско-клешевой культуры, и мигрировавших с запада и северо-запада кельтскую и германскую, определяемых по памятникам латенского и ясторфского типов. С течением времени своё место заняла и смешанная этно-культурная группа (Русанова 1990: 119-135).

На территорию пшеворской культуры практически непрерывно, с небольшим историческим интервалом, накатывались волны германских переселений, во всяком случае в течение позднелатенского — раннеримского времени отмечены три такие волны, прошедшие соответственно в конце II в. до н.э., затем в I в. до н.э. и во второй половине I в.н.э. (Русанова 1990: 120),

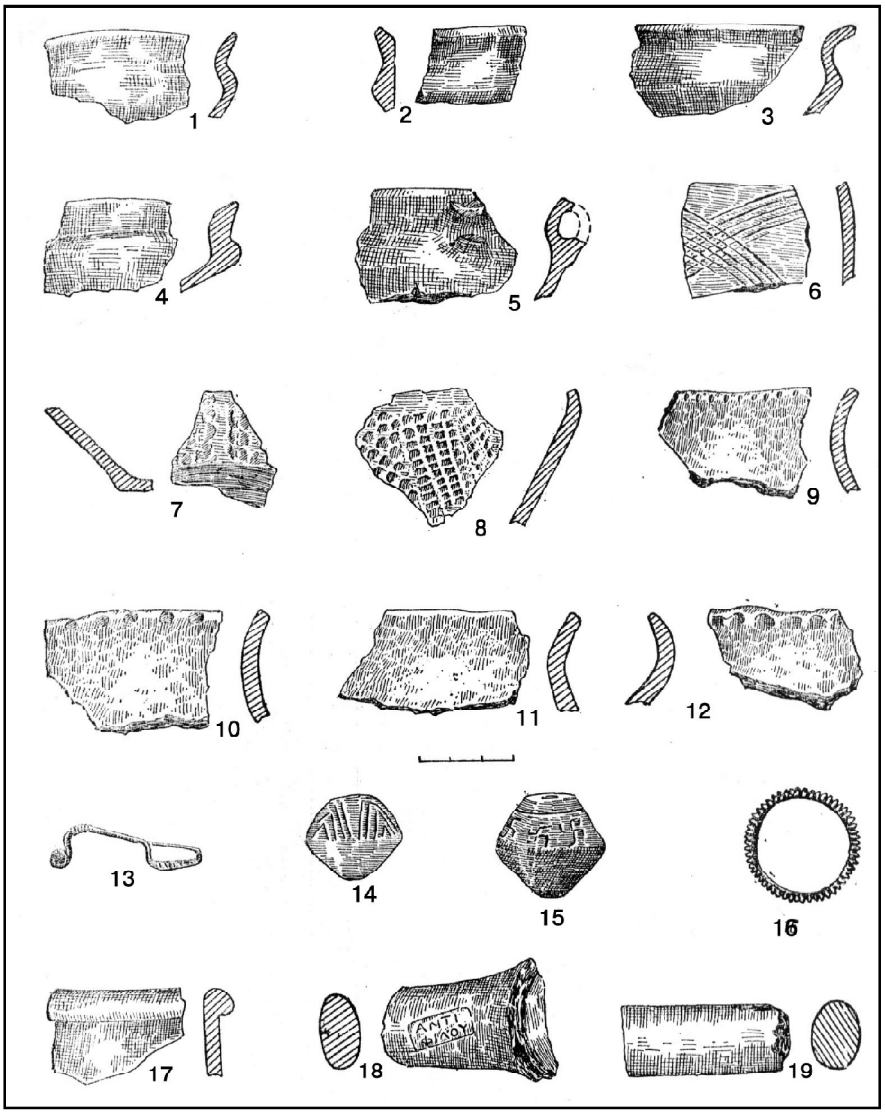

Рис. 5. Материалы верхней части культурного слоя городища Басовка на р. Сула.

докатившиеся и до Украины — Приднестровья и Приднепровья.

Эта миграционная активность во многом способствовала возникновению второй особенности пшеворской культуры, а именно оформлению четко выраженной военно-социальной структуры, отражением которой, помимо прочих черт, является наличие оружия в погребениях. Подобное явление отмечено и в других, более ранних и более поздних культурах, но в Европе этого времени пшеворское общество по своей военной силе и социальной организованности следует признать уникальным (Щукин 1994: 107).

В Украине пшеворские памятники появляются впервые в Верхнем Приднестровье в начале I в. до н.э. В эту местность носители пшеворской культуры переселились из Юго-Восточной Польши — Мазовии, создав здесь наиболее восточный для этого времени регион пшеворской культуры (Козак 1984: 36-45), который и стал плацдармом для дальнейшей пшеворской экспансии на восток.

Следы этой экспансии в Украине, в частности, в Среднем Приднепровье выступают вполне отчетливо. В зарубинецких могильниках и поселениях I-II вв. н.э. встречается характерная пшеворская керамика, предметы обихода, даже оружие, а в домостроительстве, а иногда и в погребальном обряде можно обнаружить пшеворские черты.

Одним из признаков пшеворского присутствия в среднеднепровском зарубинецком регионе следует считать появление небольших пшеворско-зарубинецких могильников, подобных Пуховке, Хотяновке, Вишенкам, Таценкам, Рахнам и другим, менее известным памятникам.

Могильник у с.Пуховка, расположенный в пойме Десны, близ её устья, раскапывал В.В.Хвойка. Обстоятельства раскопок не сохранились. Однако от В.В.Хвойки в Киевский исторический музей поступило пять чернолощеных сосудов из Пуховки, фотографии которых опубликовал В.В.Петров (Петров 1959: рис.10). Из этих сосудов к числу пшеворских принадлежит остроребериая миска на широком и высоком

поддоне (Петров 1959: рис.10, *1*), ничем не отличающаяся от миски, найденной в пшеворском погребении начала I в.н.э. могильника Гринив на Верхнем Днестре (Козак 1984: рис.39, *4*).

Из пуховских сосудов внимание привлекает и большой чернолощеный горшок, украшенный по корпусу несколькими вертикальными полосами ногтевых вдавлений. В такой же манере выполнены и подковообразные фестоны, расположенные под горизонтальной канавкой, отделяющей венчик сосуда (он не сохранился) от корпуса (Петров 1959: рис.10,*4*). Горшки такой формы встречаются в материалах находящегося недалеко Корчеватовского могильника (Самойловский 1959, табл.VII,*46*), однако орнаментация горшка является уникальной. Правда, близкие по исполнению орнаменты из рядов ногтевых вдавлений известны на пшеворских горшках (Славяне Восточной Европы… рис. 25,*21*).

Могильник у с.Хатяновка находился на левом берегу Десны, близ её устья. Здесь было шесть погребений, все они — трупосожжения, с захоронением костей на дне ям. В каждом погребении находилось по горшку и миске, других вещей не было. Из керамического комплекса могильника обращают на себя внимание сосуды, имеющие аналогии в материалах находящегося невдалеке Пуховского могильника. Это — остроребериая миска на широком и высоком поддоне (Максимов 1972: табл.III,*5*), и биконический горшок с валиком на шейке (там же: табл.III,*8*), имеющие аналогии в собственно пшеворской керамике. Близким ей является и горшок с валиками подковообразной формы на выпуклой части корпуса (там же: табл.III, *7*).

Уникальной находкой, имеющей отношение к этому могильнику, был древний челн, затопленный, а потом занесенный песком у самого берега реки. Челн был изготовлен из цельного дубового ствола, имел длину 8,24 *м* и ширину 0,60 *м.* Д.Я.Телегину, который руководил работами по расчистке челна, не удалось извлечь его в сохранившемся виде, он был разломан на небольшие фрагменты, которые затем деформировались и не дали никакой хронологической информации. О его дате могут свидетельствовать, помимо расположения рядом с мо-

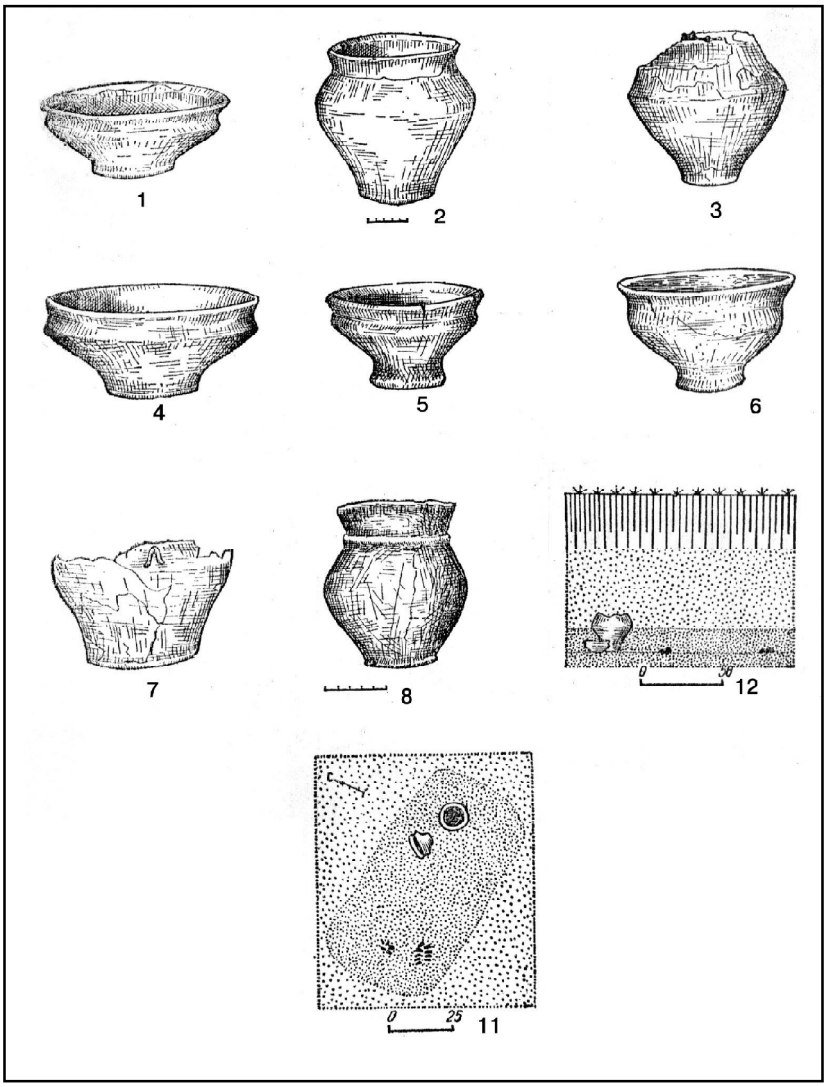

Рис. 6. Керамика могильника Хатьяновка на р. Десна.

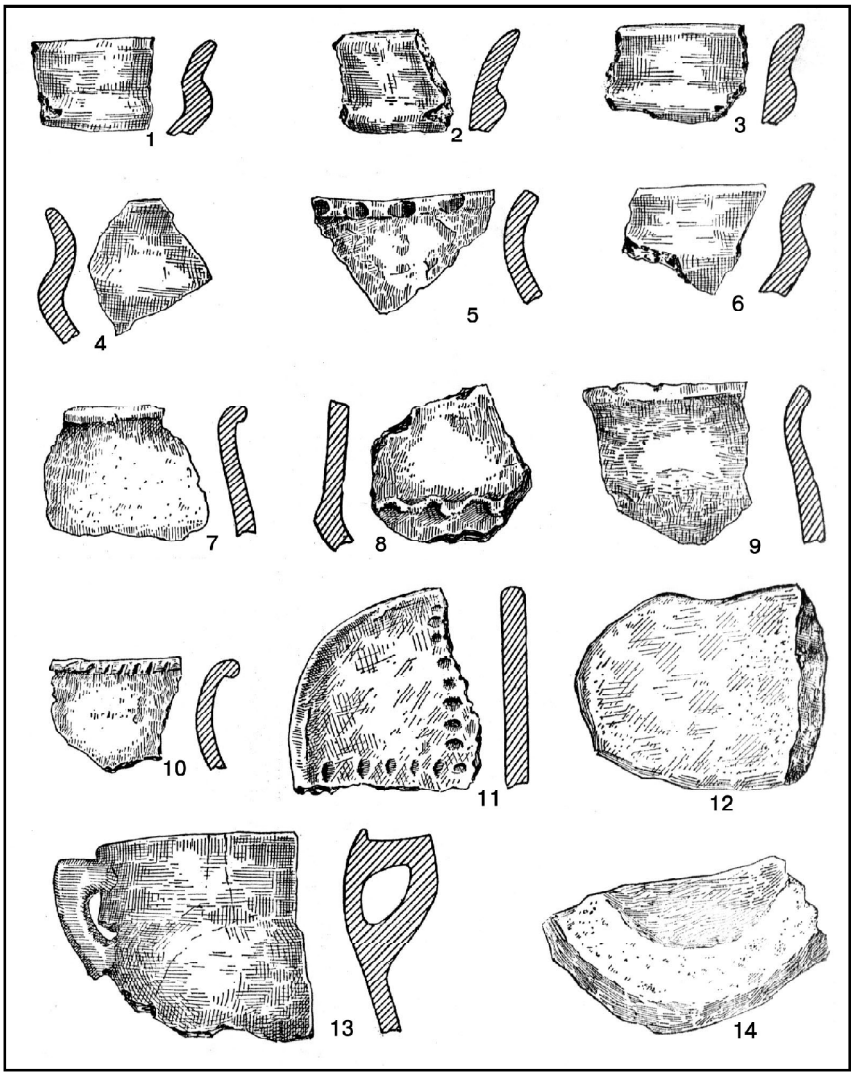

Рис. 7. Материалы поселения Таценки на р. Стугна.

гильником, найденные в покрывавшем челн грунте 9 обломков зарубинецко-пшеворской кухонной керамики.

Могильник у с.Вишенки находится на дюнах левого берега Днепра, недалеко от Киева. О нем упоминает В.В.Хвойка (Хвойка 1913: 43), хотя сведений о раскопках не сохранилось. Довольно многочисленные материалы из Вишенек, хранящиеся в Киевском историческим музее и опубликованные В.П.Петровым (Петров 1959: 54: рис.6,7), относятся к эпохе бронзы, зарубинецкому и черняховскому времени. К I в.н.э. принадлежат: остроребериая лощеная миска на широком и высоком поддоне типа найденной в Гриневе и Пуховке, два горшка — лощеный и шероховатый с «подковками» на плечиках, кувшин с небольшой ручкой, крупная чернолощеная остроребериая ваза с четырьмя остроугольными ручками, аналогии которой известны в материалах Пшеворского могильника. Здесь же были найдены пять бронзовых фибул среднелатенской конструкции и три булавки с посоховидной головкой.

На одной из дюн близ этого села С.П.Пачкова в 1980-1982 гг. исследовала зарубинецкий могильник с 61 погребениями позднего зарубинецкого времени, имеющими черты сходства с зарубинецкими могильниками Полесского региона (Пачкова 1985: 37), который наиболее близок материалам территории Польши (Каспарова 1992: 28). Исходя из этого, можно предполагать, что пшеворско-зарубинецкие находки из Вишенек и материалы могильника С.П.Пачковой представляют собой явление одного порядка.

Таким же является и могильник у с.Таценки, где в ур.Довжичек, находящемся в 1 км к югу от поселения, встречена керамика типа Вишенек, в том числе и чернолощеная ваза с четырьмя остроугольными ушками (Максимов 1972: табл.XII,*13*). К числу интересных, но случайных находок, происходящих из окрестностей этого села, относится денарий Антония Пия и глазчатая фибула прусской серии (там же: табл.XIII,*5*).

Могильник у с.Рахны находился в верховьях р.Соб, притока Южного Буга, на склоне долины ручья. Здесь П.И.Хавлюк раскопал 12 погребений в неглубоких овальных ямах, на дне кото-

рых лежали многочисленные пережженные кости без остатков погребального костра и погребальный инвентарь — чернолощеные миски с вертикальным венчиком, кухонные горшки с такой же профилировкой верхней части и расширенным ниже середины высоты корпусом. Встречена античного производства сероглиняная миска с загнутыми в середину венчиком и фрагмент красноглиняной остродонной амфоры I-II вв.н.э. Найдены разнотипные фибулы — одночленные позднелатенской схемы, а также типа Авцисса I в.н.э. и несколько глазчатых II в.н.э. (Хавлюк 1971: 89-95), характерных для европейских культур. Близкие к пшеворским аналогии имеют и горшки с прямым венчиком из рахновских погребений.

На Среднем Приднепровье и Южном Побужье известно до двадцати подобных, но менее известных памятников с небольшим количеством материалов I-II вв.н.э. пшеворско-зарубинецкого типа, о которых упоминают исследователи, начиная от В.В.Хвойки и до современных археологов — информация о них собрана в книге Е.В.Максимова (Максимов 1972: 17-59). Это — берега р.Почайны в Киеве, район Киевского Подола, затем Тетеревка, Лютеж, Ирпень, Грищенцы, Ржищев, Бобрица, Пищальники, Койлов, Рудяки, Пасечная, Хмельна, Кононча, Пастерское — на Днепре и его притоках, Ровец, Остапковцы, Сокольцы, Хутор Карбовский, Игнатовка — на Южном Буге и Собе.

Характеристика материалов, происходящих из этих пунктов, как правило, очень лаконична и не представляет возможности с уверенностью утверждать о зарубинецком, пшеворском или зарубинецко-пшеворском облике этих памятников. Однако некоторые пункты всё же дают определенную информацию.

Так, из окрестностей с.Грищенцы, что на Каневщине, известного В.В.Хвойке, происходит лощеная кружка черно-коричневого цвета с небольшим ушком, явно зарубинецкого облика, фрагментированная фибула среднелатенской схемы и три сильно профилированных фибулы европейского типа — так называемые фибулы бойев рубежа н.э., совершенно не свойственные зарубинецкой культуре (Петров 1959: 56). Такие фибулы в количестве более 20 экз. встречены в Поднестровье, в районе распространения пшеворских и липицких памятников и, естественно, в Повисленье, где они составляют необходимую принадлежность памятников пшеворской культуры. В Приднепровье фибулы бойев были найдены в Ржищеве, Хмельне, Кононче, Пастерском, недавно две серебряные фибулы бойев были обнаружены в центре Канева, на приднепровском холме в слабо выраженном культурном слое пшеворско-зарубинецого типа.

Из Пищальников происходит отличного черного лощения остроребериая миска с невысоким плоским конически расширенным дном (Петров 1959: рис.9,*3*). В Ржищеве была найдена (вместе с фибулой бойев) чернолощеная миска с высоким полым дном (Петров 1959: рис.11,*1*). В Рудяках и Андрусовке на Днепре и Пасечной на Трубеже с обломками чернолощеных мисок с прямым вертикальным венчиком найдены фибулы европейского типа II в.н.э. — двучленные, с гребнем на дужке и высоким приемником, известные у нас на Днестре, Нижнем Днепре и в Ольвии (Максимов 1991: рис.2,*1,2*), а в Бобрице, выше Канева, на берегу Днепра

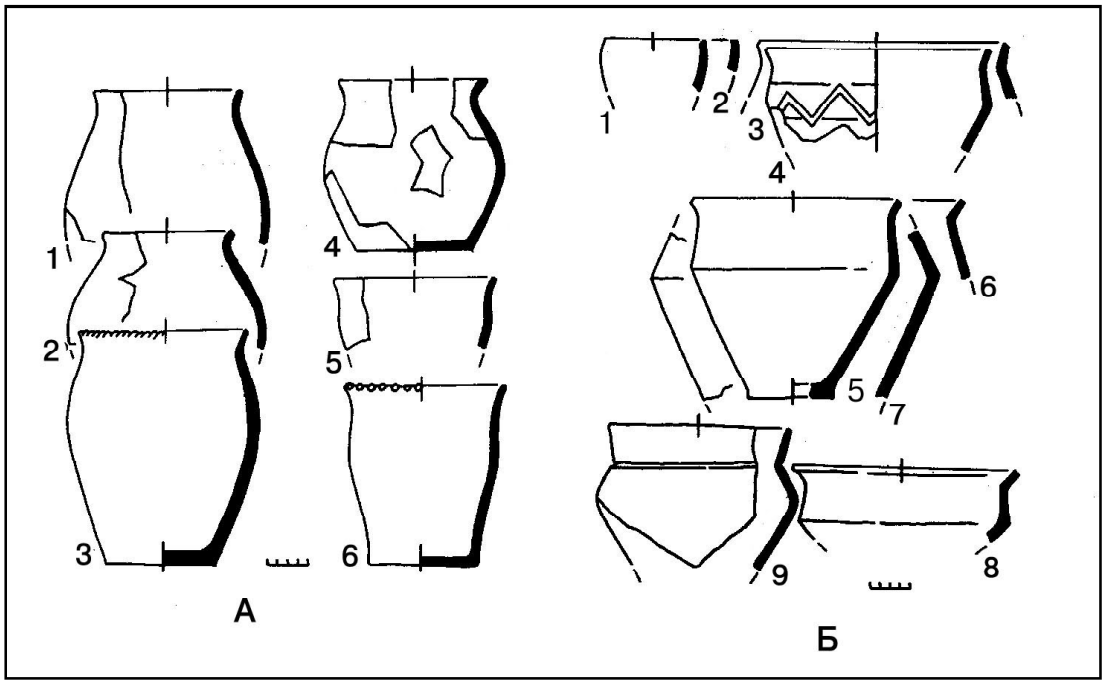

Рис. 8. Нелощеная (А) и лощеная (Б) керамика из поселений пшеворско-зарубинецкого типа в Днепровском Левобережье.

встретилась большая бронзовая европейская фибула с гипертрофированной треугольной спинкой II в.н.э. и римская шпора (Максимов 1991: рис.2,*9*,*10*). Шпоры — предметы, нехарактерные для зарубинецкой культуры, были найдены также на зарубинецком городище Монастырек и селище Оболонь в Киеве (Максимов 1991: рис.2,*11,12*). На зарубинецких поселениях изредка находят также железные бритвы с изогнутым лезвием, бронзовые рубчатые браслеты, поясные крючки, пинцеты (Максимов 1972, табл.VII,XXVIII), которые оказались здесь, очевидно, вместе с самими носителями пшеворской культуры. Об этом же свидетельствует и появление приемов пшеворского домостроительства, характерной чертой которого было не столбовое, а срубное устройство стен — остатки таких жилых сооружений встречены в поздних, датируемых I-II вв.н.э., зарубинецких селищах Среднего Приднепровья — на Ходосовке, Хотове, Монастырке, Оболони. Среди зарубинецких могильников известные также и погребения, совершенные по пшеворскому образцу, с пережженными ритуальными вещами и разбитой посудой (Рахны).

Появление носителей пшеворской культуры в зарубинецком регионе Среднего Приднепровья способствовало миграции приднепровского населения, возможно, уже в определенной степени интегрированного, далее на восток, прежде всего, на земли Днепровского Левобережья. Другой важнейшей причиной этой миграции следует считать демографический фактор, появление массы избыточного населения, вызванного подъемом экономики местного общества, начавшегося ещё в период расцвета зарубинецкой культуры, в I в. до н.э. — начале I в.н.э.

На это обстоятельство указывает увеличение количества зарубинецких поселений и соответственно — могильников. Так, в течение I в. до н.э. — в начале I в.н.э. на Среднем Приднепровье появилось более 20 новых мысовых поселений — городищ, таких как Бабина Гора, Ходоров, Хотов, Ходосовка, Балыко-Щучинка и др., а в днепровской пойме — не меньшее количество поселений открытого типа, до этого времени вообще не известных на Среднем Приднепровье, таких как Таценки, Ирпень, Лютеж, Оболонь и др. (Максимов 1982: 78,114). Время возникновения всех этих новых зарубинецких селищ твердо определяется найденными на них обломками античных амфор позднеэллинистического времени и фибулами среднелатенской схемы.

О демографическом наполнении приднепровского зарубинецкого общества свидетельствуют и данные могильников. Известно, что к I в. до н.э. относится начало функционирования Корчеватовского могильника, а на Пироговском некрополе, где 198 погребений из 263 были датированы фибулами, более половины их относится ко времени подъема зарубинецкой культуры.

Кроме сооружения новых поселений, зарубинецкое общество освоило пустовавшие до той поры внутренние земли своего региона, расположенные в бассейнах Роси, Тясмина и Южного Буга, где в конце I в. до н.э. — в I в.н.э. появилось более 20 новых поселений типа Межиричей, Суботова, Носовцев, Маряьновки и пр. (Максимов 1972: 17 сл.).

Одновременно с этими событиями продолжалась миграция на восток, а также вызванные ею и другими важными обстоятельствами внешнего и внутреннего порядка значительные изменения этнокультурного облика самого зарубинецкого общества. Этими обстоятельствами были: сарматская агрессия, пшеворская экспансия, а также кризис самой социальной структуры зарубинецкого общества. Постепенно исчезала так называемая классическая зарубинецкая культура, место которой со второй половины I в.н.э. начинают занимать новые этнокультурные образования, имевшие в своей основе зарубинецкое наследие. Это — зубрицкая культура на Волыни и Подолье, в которой интегрировались зарубинецкие, пшеворские и липицкие элементы. Затем — памятники типа Гриней с элементами зарубинецкой и культуры штрихованной керамики, известные в северной половине Украины. На днепровском Правобережье появляются памятники типа Рудяков, сочетавшие южнопшеворские и зарубинецкие черты и в чём-то аналогичные им памятники типа Рахнов на Южном Буге. На днепровском левобережье свое место в верховьях Сейма, Ворсклы и Северского Донца занимает многочисленная (более 20) группа памятников типа Картамышево-2 и Терновка-2, пшеворская суть которых проявляется в распространении жилищ срубной конструкции, в преобладании в керамике остроребериых мисок и горшков, украшенных пролощенным орнаментом из свастик и меандра, бронзовых подвесок — лунниц и глазчатых фибул (Обломский, Терпиловский 1991: 22 сл.).

Следует также обратить внимание еще на одну группу памятников, стоящих особняком в числе археологических объектов, но имеющих, по нашему мнению, прямое отношение к рассматриваемой проблеме. Это клады и отдельные находки римских серебряных денариев II в.н.э., топографически и хронологически не связанные с черняховскими древностями. Таких находок в пределах лесостепной Украины сравнительно немного, около 60 (Максимов 1963: 110 сл.; Брайчевский 1959: 118 сл.). Некоторые из этих монетных находок являлись кладами в полном смысле этого слова, поскольку в их составе были сотни и даже тысячи денариев, представлявших огромную материальную ценность.

О происхождении и этнической принадлежности этих кладов II в.н.э. не существует единого мнения. Однако торговый вариант следует с

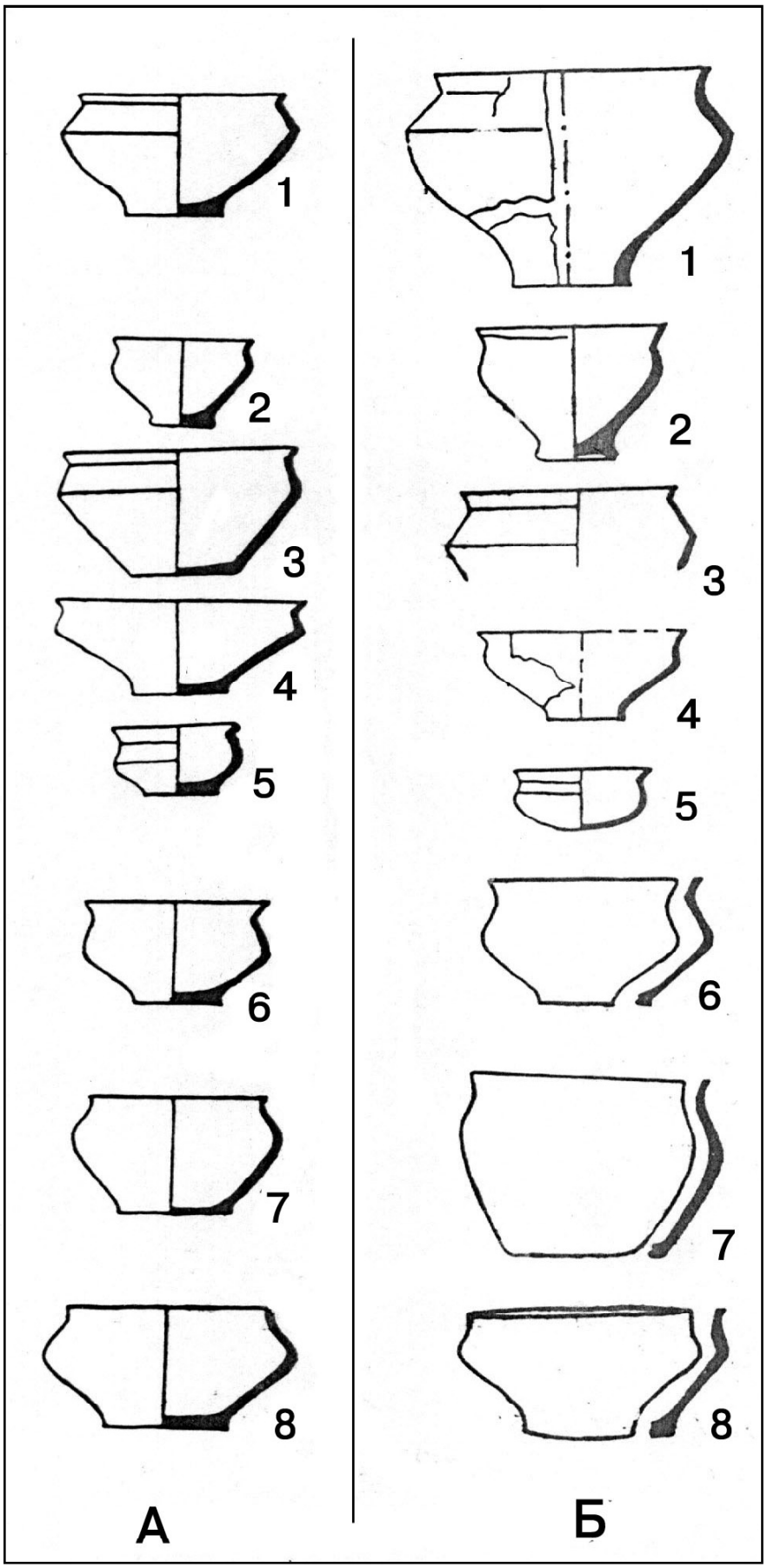

Рис. 9. Керамика пшеворско-зарубинецкого типа городища Лбище на Средней Волге (А) и могильника пшеворской культуры Спицымеж (Б) — по Г.И.Матвеевой.

самого начала исключить, поскольку торговля в местных экономически слабых общинах была незначительной по объему и носила обменный натуральный характер. Остается такой распространенный в те времена источник, как военный трофей. Он мог образоваться в ходе Маркоманской войны 167-175 гг., когда войска Империи несколько раз терпели поражение от своих варварских противников — германцев, фракийцев и сармат, вследствие чего императору Марку Аврелию приходилось платить большие выкупы. Какая-то часть этих денежных выкупов могла быть принесена в Украину и далее германцами — носителями пшеворской культуры или даже славянами, которые также входили в её состав (Седов 1979: 71; Русанова 1990: 122). Известно несколько находок денариев в зарубинецко-пшеворских комплексах, в Рахнах, Новых Безрадичах, Таценках, Рудяках, Шестовице, в Киеве на Подоле и др. (Максимов 1963: 115 сл.), подтверждающих высказанную версию.

Говоря о пшеворско-зарубинецкой миграции I-II вв.н.э., необходимо отметить её мощный пространственный размах. Она в своем движении на восток не ограничилась территорией днепровского Левобережья, а продолжалась далее на северо-восток, до бассейна Оки и средней Волги.

Известно, что еще в конце XIX в. на Оке была открыта новая и необычная для тех мест мощинская культура. Формы и орнаментация мощинской кухонной керамики, наличие чернолощеной посуды, железные фибулы римских типов, наконец погребальный обряд трупосожжения — всё это находило аналогии в далёкой зарубинецкой культуре (Третьяков 1977: 235). Только влиянием мощинской культуры можно объяснить появление в соседней по территории дьяковской культуре чернолощеной остроребернoй керамики и бронзовых украшений с характерным зарубинецким пуансонным орнаментом (Дьяковская культура 1974: рис.9, табл.XXV).

Что касается бассейна Волги, то пшеворско-зарубинецкая миграция достигла здесь района Самарской Луки.

Под влиянием западных пришельцев здесь во II в.н.э. кардинально изменяется комплекс керамики местной городецкой культуры — вместо характерной «текстильной» посуды появляются шершавые и лощеные остроребернbie и округлобокие сосуды, украшенные насечками по венчику, распространение получают железные дротики и наконечники стрел, одно- и двухлезвийные мечи, удила, пинцеты, крепления ремней, восьмеркообразные пряжки, шпоры, фибулы Авцисса, бронзовые украшения с пуансонным орнаментом, наконец, погребальный обряд трупосожжения с захоронением в овальных и округлых по форме грунтовых могилах, находящие прямые аналогии в зарубинецкой и пшеворской культурах (Матвеева 1986: 158-164: рис.1).

Самарская Лука являлась пределом зарубинецко-пшеворского продвижения на восток. Судьба этих западных пришельцев была обычной, они постепенно растворились в местном угро-финском субстрате, хотя особенности их культуры сохранялись здесь еще достаточно долго — до II-IV вв.н.э. в памятниках типа Лбищенска и Славкино и далее, до V-VI вв.н.э., когда в Среднем Поволжье возникла именьковская культура, в сложении которой приняли участие потомки племен, оставивших памятники славкинского и лбищенского типов (Матвеева 1986: 166).

Подводя некоторые итоги рассмотрения проблемы контактов между населением Центральной и Северной Европы и зарубинецкими племенами Среднего Приднепровья, нельзя не отметить значительного вклада носителей поморско-клешевой и ясторфской культур в процесс самого формирования зарубинецкой культуры во второй половине II в. до н.э. и затем влияние пшеворской культуры I-II вв. н.э. в определении исторических судеб позднезарубинецкого населения, его участия в грандиозном миграционном движении европейских племен на восток, вплоть до бассейна Оки и территории Средней Волги.

Представленные в этой статье материалы ещё раз подчеркивают плодотворность идей, высказанных в своё время К.В.Каспаровой и её единомышленниками о влиянии европейских этнокультурных импульсов на ход исторического процесса у племен и народов Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

Брайчевський М. Ю. 1959. Римська монета на території України. Київ.

Дьяковская культура. 1974. Сборник статей. М.

Еременко В. Е. 1997. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III-I вв. до н.э. в Центральной и Восточной Европе. СПб.

Каспарова К. В. 1981. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА. № 2. С. 57-79.

Каспарова К. В. 1992. О хронологии и связях зарубинецкой культуры // Ziemie polskie we wczesnej epoce żeliaza i ich powiązania z innimi terenami. Rzeszów.

Козак Д. Н. 1984. Пшеворська культура в Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі. Київ.

Козак Д. Н. 1991. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е. — IV ст. н.е.). Київ.

Кухаренко Ю. В. 1964. Зарубинецкая культура // САИ. Вып. Д1-19. М.

Кухаренко Ю. В. 1970. Погребение у с. Пересники // МИА. № 176. С. 33-35.

Максимов Є. В. 1963. Античний імпорт на Середньому Придніпров'ї в зарубинецький час // Археологія. Т.15. С. 110-122.

Максимов Е. В. 1972. Среднее Поднепровье на рубе-

же нашей эры. Киев.
Максимов Е. В. 1982. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев.
Максимов Є. В. 1991. Актуальні питання вивчення зарубинецької культури // Археологія. № 4. С. 3-10.
Матвеева Г. И. 1986. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии нашей эры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.
Махно Е. В., Самойловский И. М. 1959. Зарубинецкие памятники в лесостепном Приднепровье // МИА. № 70. С. 11-21.
Махно Є. В. 1965. Поховання на Замковій Горі в Лубнах // Археологія. Т.18. С. 185-189.
Никитина В. Б. 1965. Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине // СА. № 1. С. 194-205.
Обломский А. М., Терпиловский Р. В. 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.
Обломський А. М., Терпиловський Р. В. 1994. Посейм'я у латенський час // Археологія. № 3. С. 41-51.
Пачкова С. П. 1985. Могильник у с. Вишенки и его место среди памятников зарубинецкой культуры // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М. С. 37.
Пачкова С. П. 1992. О соотношении поморско-клешевой и зарубинецкой археологических культур по керамическим материалам // Ziemie polskie we wczesnej epoce żelaza i ich powiązania z innimi terenami. Rzeszów. S. 265-287.
Петров В. П. 1959. Зарубинецкий могильник (по материалам раскопок В.В. Хвойки в 1989 г.) // МИА. № 70. С. 32-60.
Русанова И. П. 1990. Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М. С. 119-150.
Седов В. В. 1979. Происхождение и ранняя история славян. М.
Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. 1990. Киев.
Третьяков П. Н. 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.
Хавлюк П. И. 1971. Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі // Археологія. № 4. С. 84-96.
Хвойка В. В. 1913. Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторическое время. Киев.
Шовкопляс А. М. 1969. Памятники зарубинецкого времени в Киеве // МИА. № 160. С. 75-81.
Щукин М. Б. 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. — I в.н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.

А.А.Егорейченко

ЗАРУБИНЕЦКОЕ СЕЛИЩЕ В ДАВИД-ГОРОДКЕ

A.A. Egoreichenko. Zarubintsy Settlement in David-Gorodok.

The author publishes materials of a small non-fortified settlement of Zarubintsy culture in Brest Oblast' of Belarus. Besides a series of pits of different shapes and use, excavations found remains of a square feature with pillar structure, deepened into the soil as far as 0.4 m. It is an unusual structure for Zarubintsy features in this region. The house is dated by the late stage of this settlement – as early as I c. AD.

Зарубинецкая культура в Белорусском Полесье, в отличие от других территорий, изучена, в основном, по погребальным памятникам. Поселения, среди которых доминируют неукрепленные поселки, исследованы крайне слабо. Достаточно сказать, что раскопки производились на семи памятниках, сосредоточенных в Столинском и Пинском районах Брестской области, на которых суммарно вскрыто всего лишь 2472 *кв.м.* (Табл. 1).

Табл. 1. Исследованные селища зарубинецкой культуры

N п/п	Памятник	Изученная площадь (кв.м.)
1	Велемичи	600
2	Давид-Городок	208
3	Остров	240
4	Отвержичи	288
5	Ремель	616
6	Рубель	250
7	Хотомель	270
	Всего	**2 472**

Изучение зарубинецких селищ в Полесье осложнено рядом факторов. Среди них можно отметить следующие. Во-первых, «чистых» поселений в этом регионе почти нет. Большинство из них имеют напластования как более раннего, так и более позднего времени, что затрудняет их характеристику. Во-вторых, неукрепленные поселения этой культуры имеют незначительный, в пределах 0,4—0,6 *м*, культурный слой, слабо насыщенный находками. В-третьих, жилые и хозяйственные постройки обычно разбросаны на большом расстоянии, поэтому решение вопроса о планировке и застройке поселений невозможно без широкомасштабных раскопок. Учитывая вышесказанное, приходится констатировать необходимость целенаправленной программы исследования этой категории памятников, которая позволит вывести на более высокий уровень исследование зарубинецкой культуры.

Одно из зарубинецких неукрепленных поселений было выявлено и исследовано автором в 1985 г. в зоне строительства перепуска «Хорск» (г.Давид-Городок Столинского р-на Брестской обл.), предназначенного для ликвидации затоплений города во время весенне-осенних паводков. Селище располагается в 1 *км* юго-западнее Давид-Городка и в 1 *км* южнее д.Туры на невысокой возвышенности левого берега р.Горыньки, впадающей в р.Горынь (рис.1). На момент проведения спасательных раскопок оно уже было частично уничтожено строящейся дорогой на г.Столин и песчаными карьерами. Размеры селища точно определить не представляется возможным, ибо цвет культурного слоя сливается с темно-серым оттенком почв этой местности. Однако, судя по находкам керамики, не исключено, что оно занимало площадь не менее 5 *га*.

Раскоп площадью 208 *кв.м.* был заложен в юго-западной части поселения, в месте прокладки строящегося шоссе. Культурный слой представлял собой гумусированный песок серого цвета, сменяемый на глубине 0,25—0,4 *м* желтым материковым песком. И только в некоторых квадратах мощность слоя достигала 0,6—0,8 *м.* По количеству и составу находок селище в Давид-Городке практически ничем не отличается от других зарубинецких неукрепленных поселений Белорусского Полесья: в основном, это находки лепной, изредка гончарной посуды, кости животных, единичные фрагментированные индивидуальные находки.

Самым важным результатом раскопок было обнаружение жилой постройки, относящейся к

© А.А.Егорейченко, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

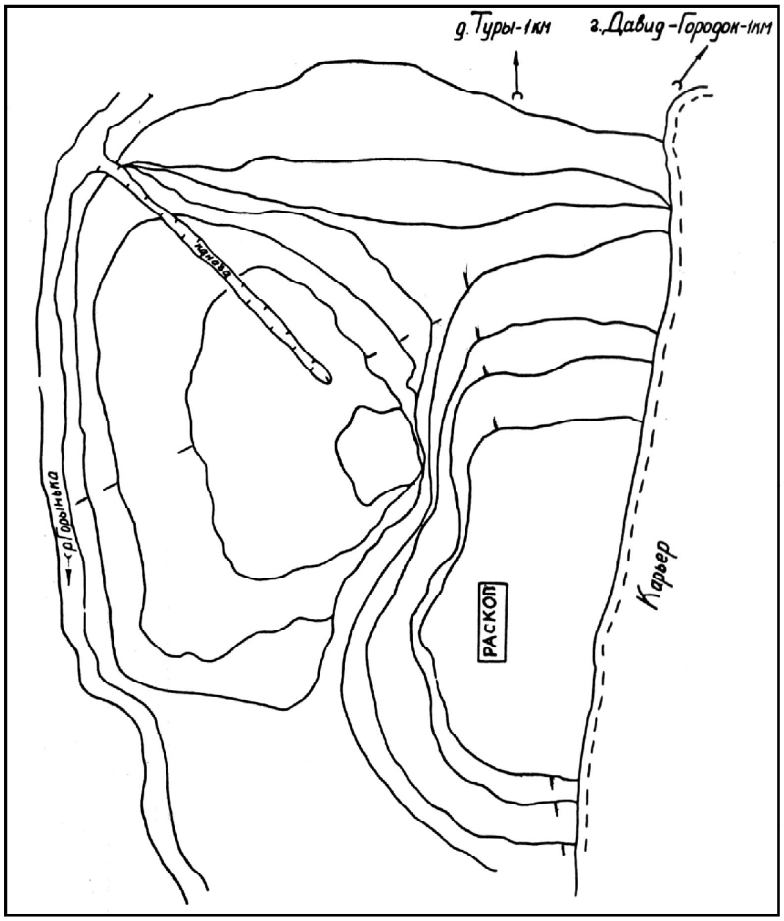

Рис. 1. Давид-Городок. План селища.

позднему этапу функционирования зарубинецкого селища. Его следы в виде черного супесчаного пятна, насыщенного мелкими углями, просматривались уже на глубине 0,2 *м* от дневной поверхности. Постройка имела прямоугольную форму и была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Ее размеры: 4 × 3,6 *м*. Основание жилища было углублено в почву до 0,4 *м*. Под слоем заполнения, заходящим в материковую почву на 0,1 *м*, был расчищен ряд столбовых ям диаметром 0,4—0,6 *м* и глубиной 0,2—0,4 *м* от уровня материковой поверхности (рис. 2). Ямы располагались в строгом порядке: четыре — по углам и две — по центру коротких стен. Последние, вероятно, поддерживали двускатную крышу. Жилище отапливалось глинобитным очагом размерами 0,45—0,6 *м*, который располагался в северо-восточном углу. От него уцелели куски обожженной глины, причем некоторые из них имели почти правильную форму в виде кирпичиков с закругленными углами размерами 10 x 10 *см*. В развале очага и в заполнении жилища найдено большое количество груболепной и лощеной посуды зарубинецкой культуры (рис. 3; 8,*1*—*5*).

Обнаруженная на селище постройка имела столбовую конструкцию стен — факт, не имевший ранее подтверждения в полесском ареале культуры. Все известные до этого времени жилища (Велемичи, Отвержичи, Ремель), относились к числу полуземлянок срубной конструкции (Каспарова 1969: 157-159, рис.18; 1987, рис.3; Кухаренко 1961: 51, 52). Наличие в полесском варианте столбовых жилищ можно было бы считать исключением из правил, однако этот факт подтверждается аналогичной постройкой, открытой на селище вблизи д. Хотомель Столинского р-на Брестской обл. (Белицкая 1991: 29). Как известно, этот тип жилищ был ведущим в Белорусском Поднепровье (Поболь 1971: 15-30; Третьяков 1959: 123-130). По-видимому, истоки зарубинецких полуземлянок срубной конструкции и наземных столбовых домов нужно искать среди позднепоморских памятников, на которых известны оба типа жилищ (Jazdzewski 1939: 108; Kostrzewski 1939: 275; Luka 1966: rус.XXXIII, *2*).

При подчистке материка был обнаружен ряд ям различного назначения. В двух *м.* северо-западнее жилища расчищена хозяйственная яма круглой в плане формы (рис. 2). Ее диаметр — 1,6 *м,* глубина — 0,2 *м* от уровня материка. В заполнении обнаружены фрагменты груболепных сосудов и кости животных. Не исключено, что к числу хозяйственных относятся ямы №№ 1—3, 5. Осталось невыясненным назначение ям №№ 6—9. Все они имели прямоугольную форму и были ориентированы по линии се-

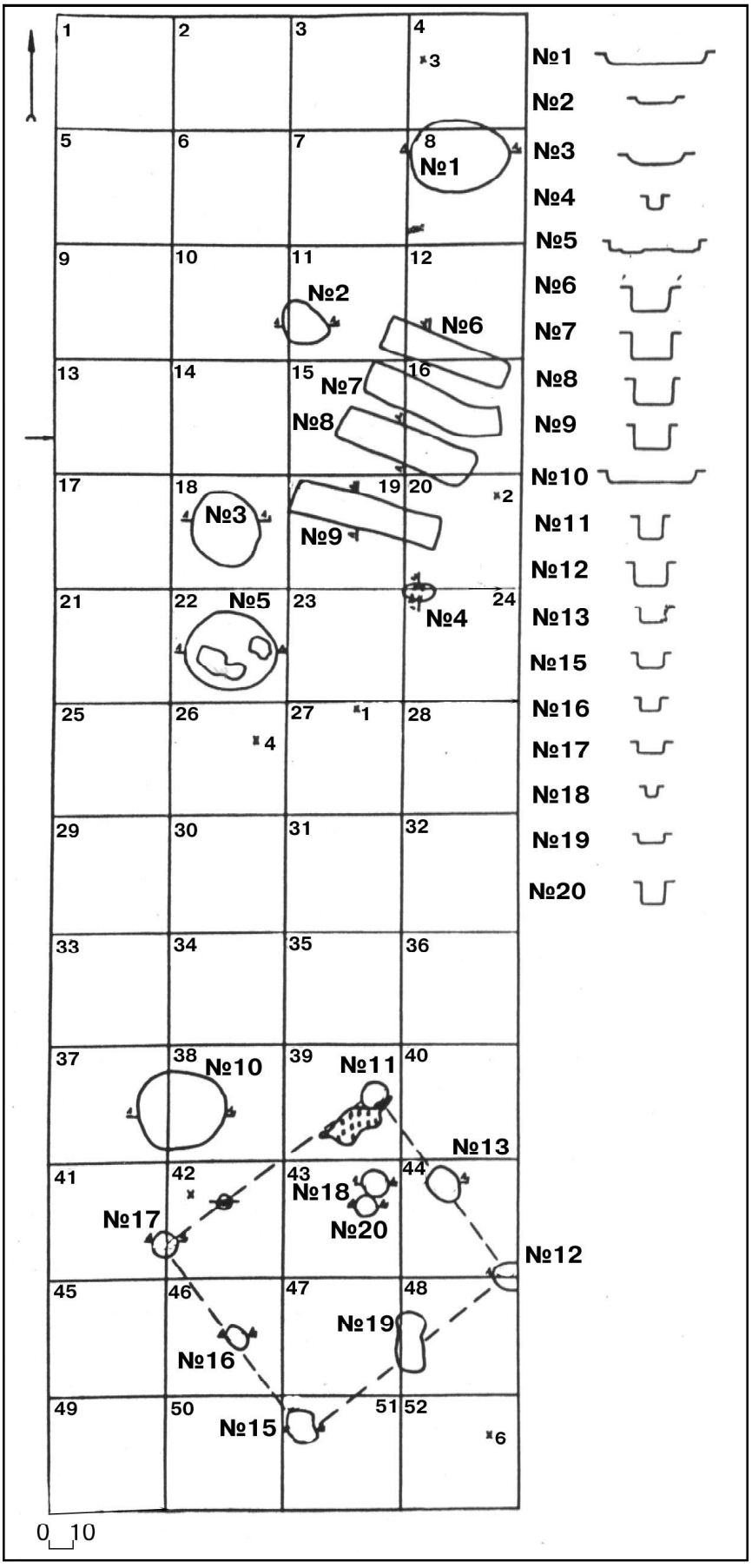

Рис. 2. Давид-Городок. План раскопа на уровне материковой поверхности.

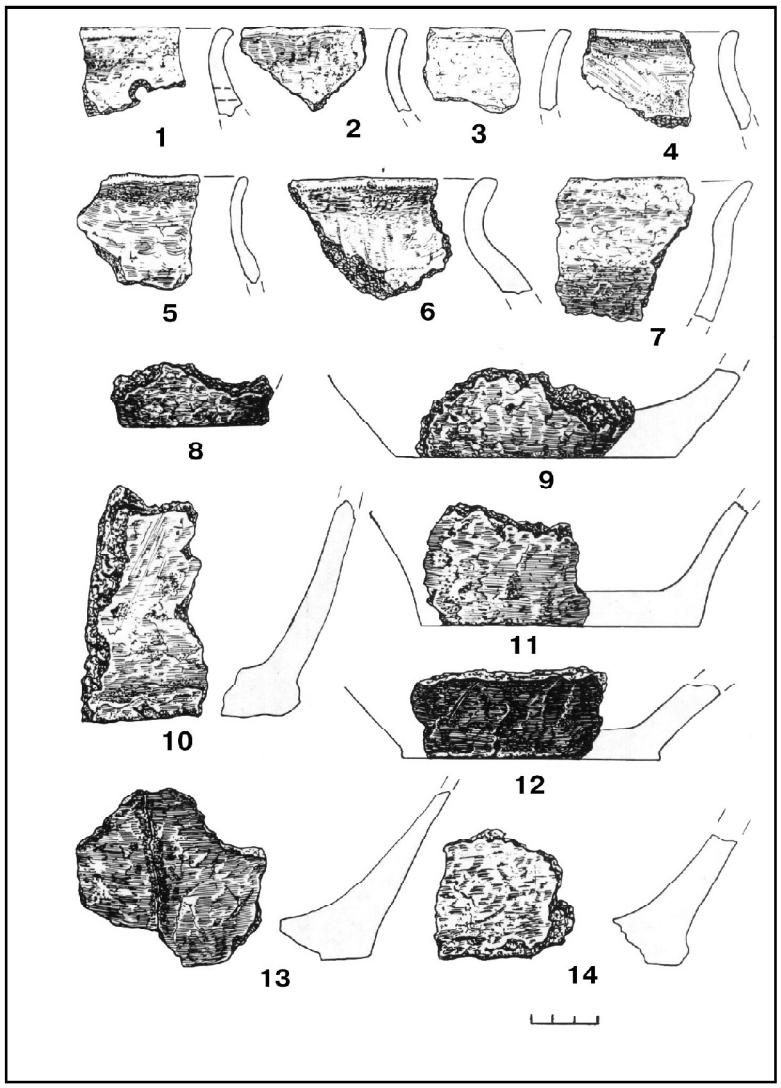

Рис. 3. Давид-Городок. Груболепная зарубинецкая посуда из жилища.

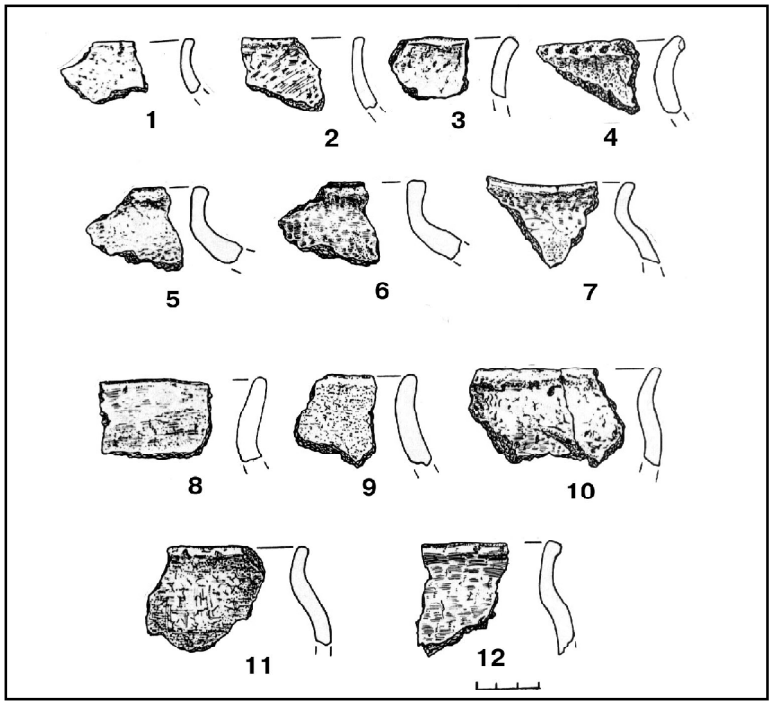

Рис. 4. Давид-Городок. Венчики груболепных горшков из раскопа (4 – милоградский).

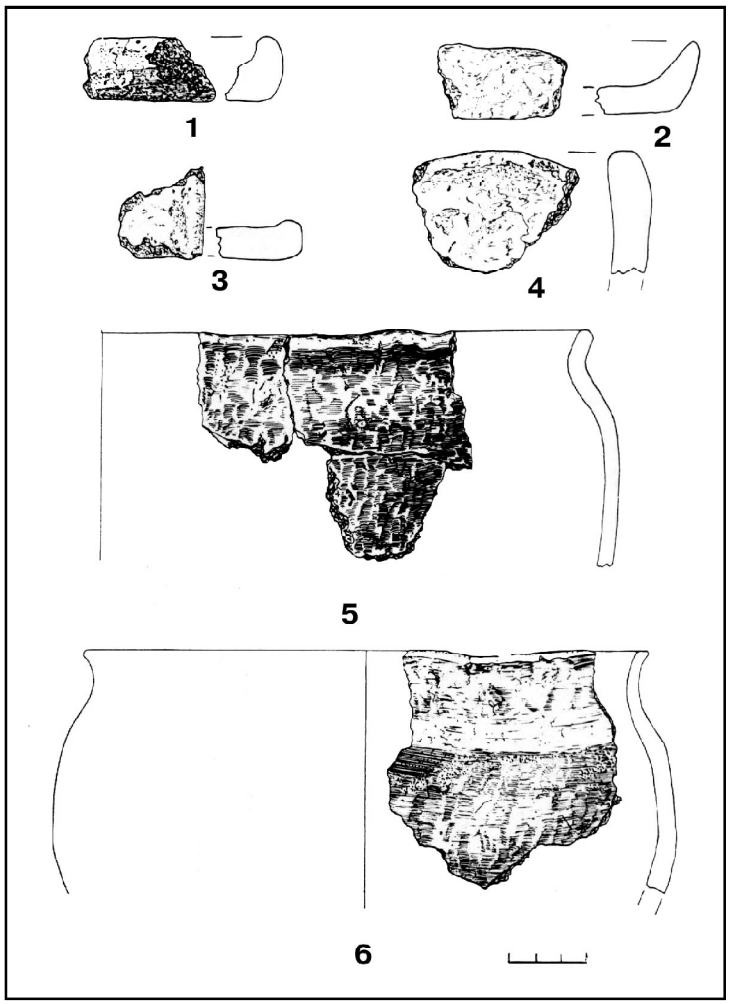

Рис. 5. Давид-Городок. Груболепные горшки и сковороды из раскопа.

веро-запад — юго-восток. Их размеры: 1) 2,2 х 0,6 *м* (№6); 2) 2,4 х 0,6 *м* (№7); 3) 1,8 х 0,6 *м* (№8); 4) 2,55 х 0,7 *м* (№9). Глубина ям — 0,45 *м* от уровня материковой поверхности. В их заполнении никаких находок не обнаружено. Возможно, эти ямы имеют позднее происхождение.

Подавляющая часть находок представляет собой обломки глиняной посуды, число которых достигает 1800 фрагментов. Среди них 95% относится к лепной посуде. Остальные принадлежат гончарным горшкам. Доля лощеной посуды составляет 4,4% от общего числа лепной керамики.

Характеризуя в целом лепную посуду, следует отметить, что она почти вся относится к зарубинецкой культуре. Только два венчика, вероятно, принадлежат милоградским горшкам (рис.4, *8*). Они имели невысокий (2,5 *см*) прямой, отогнутый наружу венчик, и были вылеплены из хорошо отмученной глины с примесью дресвы. Поверхность их тщательно заглажена. Цвет обломков — бежевый и коричневый.

Отличительной чертой изготовления груболепной зарубинецкой посуды от милоградской является то, что она в подавляющем большинстве содержит в качестве примеси не дресву, а шамот. По функциональному назначению эта керамика подразделяется на горшки, миски, кружки и сковороды.

Наиболее многочисленную группу зарубинецкой посуды составляют горшки. Подавляющая часть их относится к категории груболепных с заглаженной или бугристой поверхностью. К сожалению, ввиду сильной фрагментарности обломков дать целостную характеристику горшков не представляется возможным. Верхние части сосудов настолько малы, что определение их типа весьма проблематично. Можно лишь отметить, что по изгибу верхних частей выделяются сильно- и слабопрофилированные горшки (рис.3, *1-7*; 4, *7*, *9-12*). И только два относительно крупных фрагмента позволяют получить более полное представление об их форме.

Первый фрагмент относится к груболепному горшку со слабо выраженным ребром на плечике и округлым туловом (рис. 5, *6*). Его размеры: диаметр устья 22 *см*, толщина стенок 0,7—0,8 *см.* Обжиг горшка неравномерный: лицевая поверхность имеет серо-бежевый цвет, а внутренняя — коричневый. Максимальное расширение приходится на верхнюю треть высоты сосуда. В соответствии с типологией зарубинецкой посуды, разработанной К.В.Каспаровой по материалам могильников, горшок относится к II

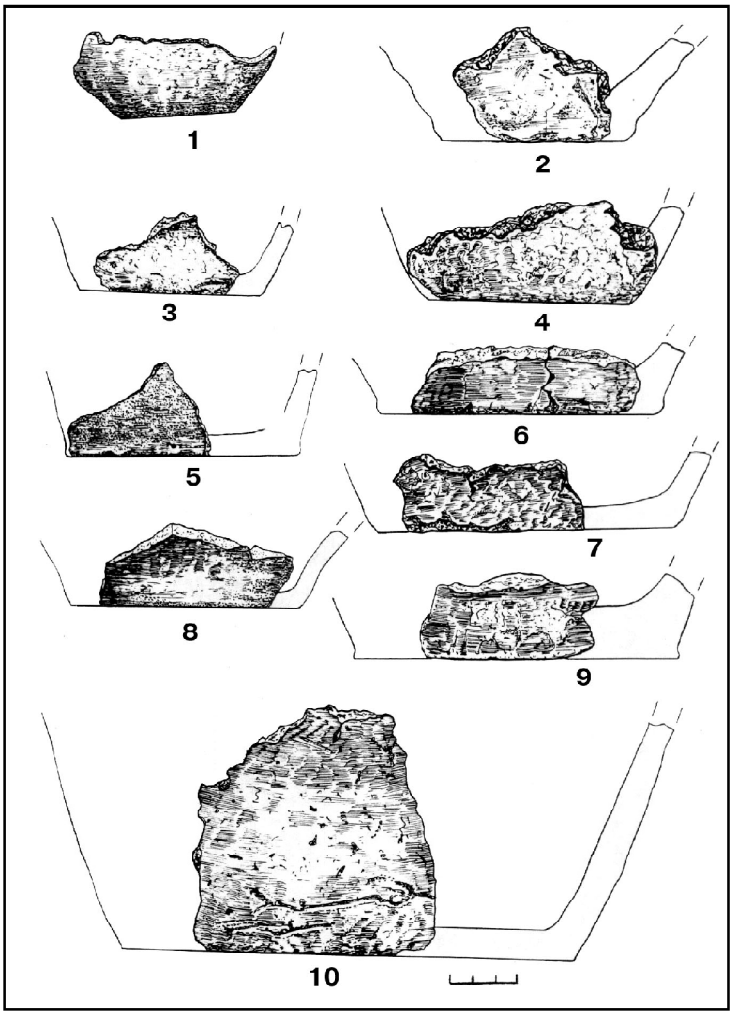

Рис. 6. Давид-Городок. Днище груболепных зарубинецких горшков из раскопа.

типу (Каспарова 1976: 57, рис.15, *5, 6*). Близкие по форме горшки были обнаружены ею в погребениях №№ 83 и 94 Отвержичского могильника, которые сопутствующим инвентарем датируются концом I в. до н.э. — первой третью I в.н.э. Аналогичные сосуды по классификации Ю.В.Кухаренко относятся к III группе (Кухаренко 1964: табл. 4, *11—14*).

Второй фрагмент принадлежал бугристому горшку с заглаженной поверхностью. Он имеет невысокий (1 *см*), отогнутый наружу венчик, переходящий в округлое тулово (рис.5, *5*). Максимальное расширение у него также приходится на верхнюю треть высоты. Его размеры: диаметр устья 28 *см*, толщина стенок 0,6 *см.* Лицевая поверхность имеет темно-серый цвет. По-видимому, горшок относится ко второму варианту III типа по классификации К.В.Каспаровой. В Отвержичском могильнике подобные сосуды встречались в захоронениях №№ 20, 32, 52, 81, 90, которые датируются достаточно широко: I в. до н.э. — первая треть I в.н.э. (Каспарова 1976: 60). Ю.В. Кухаренко аналогичные горшки относил к варианту А группы II и датировал примерно тем же временем: I в. до н.э. (Кухаренко 1964: табл.4, *6, 7*).

Рассматривая остальные венчики, отмечу, что они изготовлены из глины, в которой основной отощительной примесью был шамот. Их толщина колеблется от 0,5 до 1,3 *см.* Подавляющая часть венчиков лишена орнаментации. Лишь отдельные фрагменты имеют ногтевые вдавления по краю венчика (рис.4, *4*), ямочные вдавления по плечику (рис.3, *4*), а также сквозные отверстия под шейкой (рис.3, *1*). Три обломка груболепных горшков имели на лицевой поверхности расчесы, еще один фрагмент придонной части был орнаментирован рельефными пальцевыми бороздками. Лицевая поверхность отдельных обломков имеет легкую штриховку, однако ее, скорей всего, нужно связывать с техникой обработки поверхности, нежели с орнаментацией.

В процессе раскопок выявлено большое количество обломков днищ, позволяющих охарактеризовать придонные части сосудов (рис.3, *8-14*; 6). Диаметры днищ груболепной посуды колеблются от 5 до 20 *см.* Днища, как правило, толстостенные (1,5—3 *см*). Переход стенок к днищам либо плавный, либо с уступом.

Большая часть мисок также представлена фрагментами. И только в одном случае удалось

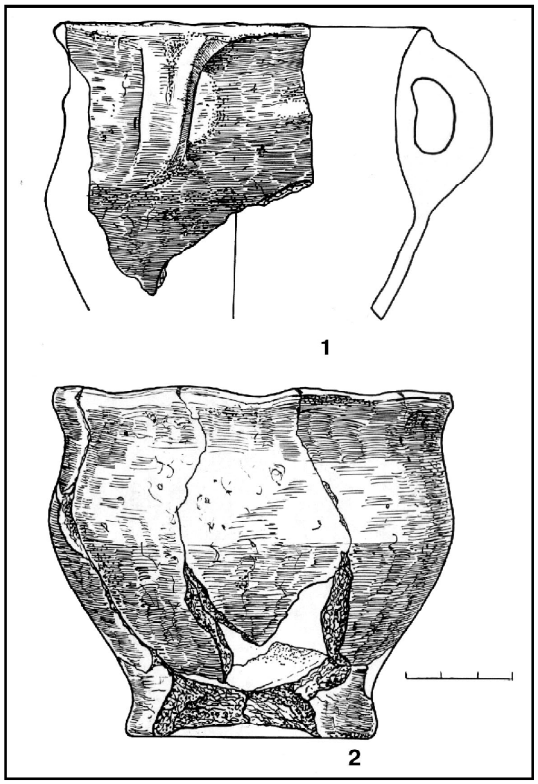

Рис. 7. Давид-Городок. Подлощеная посуда (1 – кружка, 2 – миска).

собрать из ряда обломков 2/3 части одной небольшой миски (рис.7, *2*). Она имела короткий, отогнутый наружу венчик, переходящий в плавно опущенное плечико. На месте перехода стенки в днище имеется уступ. Лицевая поверхность миски серо-бежевого оттенка, местами почти черного. Ее размеры: диаметр устья 11 *см*, дна 7 *см*, высота 10 *см.* Миска может быть сопоставлена с типом IV, выделенным К.В.Каспаровой по полесским могильникам Велемичи II и Отвержичи, или с вариантом Б группы I по классификации Ю.В.Кухаренко (Каспарова 1972: 78, рис.15, *1-14, 16*; 1987: рис.6, *10*; Кухаренко 1964: табл.6, *4*). Подобные миски имели широкое хождение. Они, в частности, обнаружены в погребениях №№ 21, 24, 45, 57 и др. Отвержичского могильника, датируемых К.В.Каспаровой I в. до н.э. — первой половиной I в.н.э. (Каспарова 1976: 60-62). Один из фрагментов лощеной миски имеет прямой, склоненный внутрь венчик и сглаженное ребро на месте перехода венчика в тулово (рис. 8, *4*). Миска имеет неравномерный обжиг, цвет лицевой поверхности колеблется от серого до черного. По классифи-

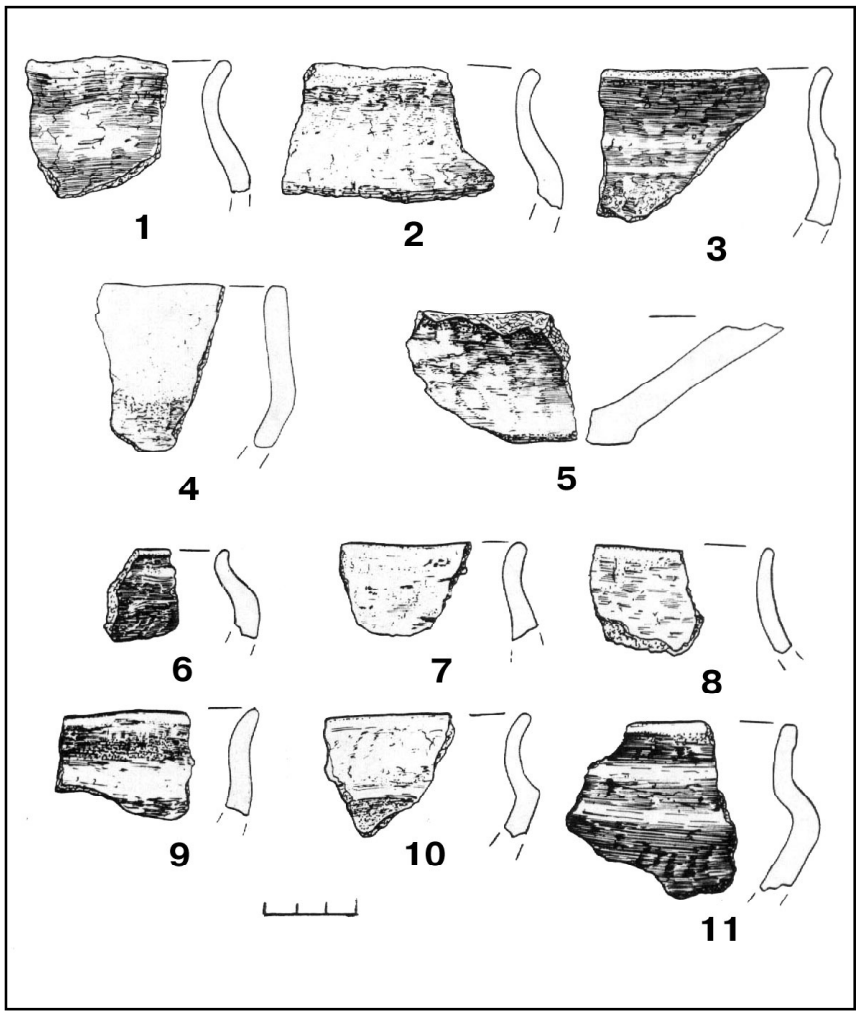

Рис. 8. Давид-Городок. Лощеная посуда (1–5 – из жилища).

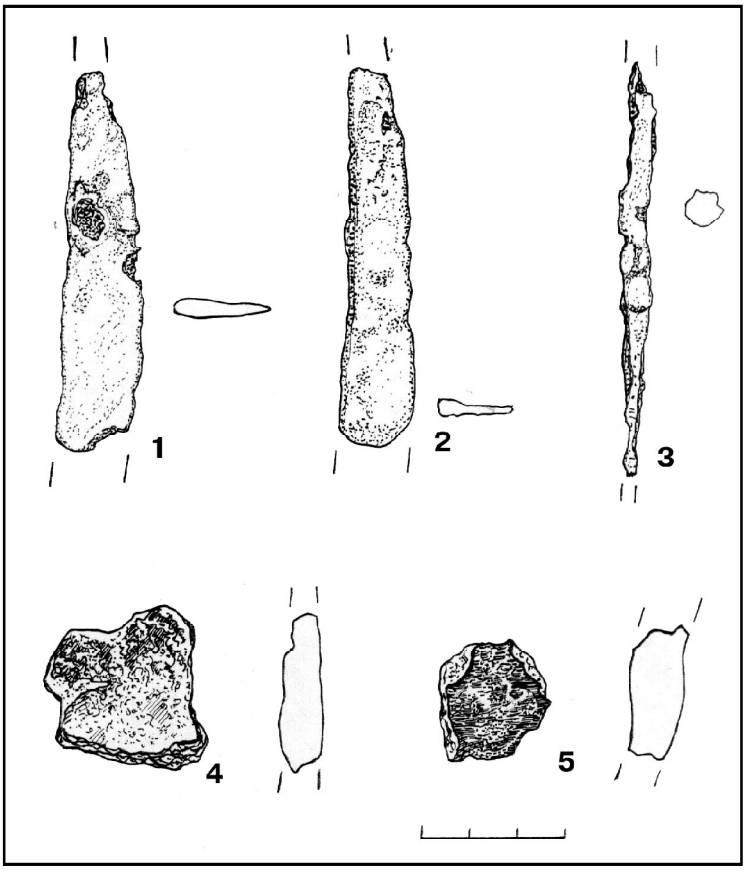

Рис. 9. Давид-Городок. Индивидуальные находки (1,2 – ножи, 3 – шило, 4, 5 – обломки тиглей).

кации Ю.В.Кухаренко, она относится к варианту Д группы II, который характерен для I в.н.э. (Кухаренко 1964: табл.6, *41*). Представляет интерес крупный фрагмент подлощеной миски (рис.7, *1*). Она имеет традиционную для зарубинецких кружек форму с ручкой в верхней части. Диаметр ее устья 10 *см*, толщина стенок 0,4 *см.*

Несколькими фрагментами представлены сковороды, имеющие невысокий (0,5—2 *см*) бортик (рис.5, *1-3*). Все они сделаны из хорошо отмученной глины с примесью песка и шамота.

К сожалению, индивидуальные находки, обнаруженные на селище, малочисленны и невыразительны. Железные изделия представлены двумя обломками ножей, имеющих прямую спинку (рис.9, *1, 2*) и одним фрагментом железного шила (рис.9, *3*). Помимо них найдено также два небольших обломка глиняных тиглей (рис.9, *4, 5*).

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. Зарубинецкое селище в Давид-Городке, вероятно, относится к позднему этапу культуры. Отсутствие ранних форм посуды, бедность ее орнаментации, поздние типы ножей — все это может служить доказательством того, что оно возникло, вероятно, во второй половине I в. до н.э. Важным результатом исследований является открытие нового типа жилой постройки, не встречавшегося ранее в этом регионе. Судя по стратиграфическим данным и фрагменту лощеной миски, жилище можно отнести к поздней поре функционирования селища и датировать его началом I в.н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Белицкая А.М. 1991. Зарубинецкое поселение Хотомель // Гомельщина: археология, история, памятники. Тезисы II Гомельской областной научной конференции по историческому краеведению. Гомель.

Каспарова К.В. 1969. Могильник и поселение у д. Отвержичи // МИА. №160.

Каспарова К.В. 1972. Зарубинецкий могильник Велемичи II // АСГЭ. Вып. 14.

Каспарова К.В. 1976. Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья // АСГЭ. Вып. 17.

Каспарова К.В. 1987. Зарубинецкое поселение Ремель в Белорусском Полесье // АСГЭ. Вып. 28.

Кухаренко Ю.В. 1961. Памятники железного века на территории Полесья // САИ. Вып. Д1-29.

Кухаренко Ю.В. 1964. Зарубинецкая культура // САИ. Вып. Д1-19.

Поболь Л.Д. 1971. Славянские древности Белоруссии. Минск. Ч. 1.

Третьяков П.Н. 1959. Чаплинское городище // МИА. №70.

Jaździewski K. 1939. Kujawskie przyzynki do zagadnienia tubylczości słowian na ziemiach polskich // WA. T.XVI.

Kostrzewski J. 1939. Kilka osad kultury grobow skrzynkowych // Pomorania Antiqua. T. VI.

Luka L. 1966. Kultura wschodniopomorska na pomorzu Gdańskim. Wrocław etc. T. 1.

С.П.Пачкова

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССЕ ЛАТЕНИЗАЦИИ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

S.P. Pachkova. On the Process of Lateneisation of Zarubintsy Culture.

The article raises questions on the process of development of Zarubintsy culture. The author supports the idea that both alien and substrata components participated in its development. Features of autochthonous cultures can be found in a number of artefacts, although the most significant evidence of their contribution is the fact that it is these features of the preceding culture which can be felt in all the three main regions of Zarubintsy culture.

The Lateneisation process in Zarubintsy culture was influenced by both alien Jastorf and, probably, Pomorsk tribes with determined syncretic features of La Tčne and barbarian cultures of Central Europe (in mortuary rite, types of clay wares and their decoration, house-building techniques). Also, it could be influenced by part of local population of Dnieper basin, which participated in colonisation of Danube basin together with the Bastarnae in the late III c. BC, and brought features of La Tčne and Celtic-Illyrian cultures of Carpathian-Balkan region in Zarubintsy culture. These features are most obviously manifested in fibulae *ÇÑ*, peculiarities of mortuary rite, the manner to blacken and gloss clay wares both inside and outside, and probably, in transition of the ethnic name of "Veneds" on to Dnieper basin.

The Lateneised archaeological cultures are those cultures, which were subjected not only to the La Tčne influence, but rather those ones, whose development and Lateneisation took place with participation of Jastorf tribes, which lay the foundation for the peoples known in the Classical ancient records as Bastarnae and Sciri.

Зарубинецкая культура относится к культурам латенизированного круга. Общими чертами этих культур считаются латенские формы украшений и, прежде всего, фибул, некоторых орудий труда, обычай вложения в могилы металлических украшений и оружия, чернолощеная глиняная посуда. Однако латенизированные культуры во многом отличались друг от друга и были достаточно своеобразны, что, несомненно, свидетельствует о специфических путях формирования и развития каждой из них в рамках общеевропейских исторических процессов.

Со времени открытия первых памятников зарубинецкой культуры в литературе высказано мнение о том, что она находилась под влиянием латенской культуры кельтов (Хвойка 1901: 172-190; 1913: 43). Но степень этого влияния исследователями оценивается по-разному, а механизм его проникновения, как правило, не анализируется. В свое время П.Н.Третьяков считал, что зарубинецкая культура, находясь на восточной окраине ареала латенского влияния, оказалась им сравнительно мало задета, а в целом была самобытной, этнически определенной культурой (Третьяков 1966: 9).

Близко к этому мнение Е.В.Максимова (в печати). Он полагает, что термин «латенизированные культуры» не отвечает сути явления, поскольку основные черты этих культур — погребальный обряд и лепная чернолощеная керамика — не были адекватными латенским, так как для кельтов было характерно трупоположение и кружальная посуда, в которой преобладали горшки и кувшины. Фибулы же латенских типов получили широкое распространение в Европе не только в латенизированных культурах. Поэтому можно говорить о латенском влиянии, которое проявлялось или в виде кельтских импортов, или в виде местных изделий, выполненных по латенским образцам, а также в заимствовании ряда достижений в металлургическом, кузнечном и ювелирном производстве. По мнению этого автора, на облик зарубинецкой культуры гораздо большее влияние оказал античный мир, представленный Ольвией с ее широкой периферией (Максимов 1982: 48).

Проникновение латенских (кельтских) черт в зарубинецкую культуру исследователи объясняли в основном влияниями и контактами. В.П.Петров считал, что со сменой общественно-хозяйственной кочевой структуры лесостепного населения скифской эпохи на оседло-земледельческую структуру зарубинецкой культуры изменилось и направление обменных и культурных связей местного населения с южного на западное (Петров 1972: 182).

Л.Д.Поболь связывал латенские черты в зарубинецкой культуре с контактами зарубинецкого населения с юго-западными кельтами, которые осуществлялись вплоть до разгрома последних римлянами в конце I в. до н.э. (Поболь 1971: 180).

© С.П.Пачкова, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

Ряд исследователей считал, что латенские черты в зарубинецкую культуру привнесены пришлым населением, например, бастарнами (Спицын 1899: 266; 1904: 78-86; 1948: 57-72), германцами (Reinecke 1906: 42-50) или поморскими племенами (Кухаренко 1964: 54).

В последние годы все активнее разрабатывается идея о привнесении латенизированных культур на различные территории практически уже в готовом виде. Наиболее развернуто она изложена в работах санкт-петербургских исследователей в двух вариациях. Согласно первой, изначально были латенизированы окраины ясторфской культуры. Предпосылками этого процесса послужила зона археологической непрерывности между ясторфской и латенской культурами на верхней Эльбе, типологическая близость ясторфского погребального обряда одной из разновидностей восточнокельтского, а также какие-то другие, неизвестные пока факторы (Еременко 1990: 1-7; 1997; Щукин 1991: 1-29; 1994: 107-191).

Зарубинецкая культура была привнесена в Поднепровье, по мнению этих авторов, бастарнами, скирами и кимврами с окраин ясторфской культуры в сложившемся виде на территории, обезлюдевшие уже на протяжении многих десятков лет (Еременко 1997: 56-70, 189, 193-200). Пришельцы были смешанной группировкой племен, включавшей в качестве основных компонентов германский и кельтский, а в качестве дополнительных гетский, балтский и на позднем этапе сарматский, которые археологически очень слабо фиксируются (Еременко 1997: 200). По мнению М.Б.Щукина, переселенцы двигались небольшими военизированными группами, значимость которых в преобразовании осваиваемых ими территорий была существенной, поскольку они формировали новые культуры без участия местного населения (1994: 13, 111).

По В.Е.Еременко, переселение не было одноразовым актом и сложение зарубинецкой культуры происходило в три этапа: первый синхронен началу формирования латенизированных культур (225 — 190 гг. до н.э.), второй связан с балканскими походами бастарнов (180 — 170 гг. до н.э.), третий (150 — 120 гг. до н.э.), вызванный передвижениями кимвров в окрестностях Меотиды, о которых сообщает Посидоний, закончился образованием верхнеднепровского зарубинецкого региона (Еременко 1997: 13, 14, 18). Вторая версия, изложенная в работах К.В.Каспаровой, в сущности, довольно близка первой и отличается тем, что формирование всех регионов зарубинецкой культуры считается одновременным, но сама культура признается более поздней по сравнению с другими латенизированными, так как ее появление связывается с возвращением бастарнов из балканских походов (Каспарова 1992: 291; 1993а: 172-177). В формировании зарубинецкой культуры, по ее мнению, принимали участие также поморские племена, хотя в некоторых работах и скользит сомнение по поводу значимости их вклада (Каспарова 1991: 22-25).

Анализируя изложенные выше взгляды санкт-петербургских исследователей, хочется отметить отрадную для киевских исследователей подвижку в вопросе определения начала формирования зарубинецкой культуры. Увязка ее с первыми известиями о бастарнах и датировкой начала латенизированных культур в Средней Европе по современной хронологии снимает противоречие между датировкой зарубинецких могильников по фибулам и поселений по амфорным клеймам. И в этом вопросе, бесспорно, нужно признать логичность выводов М.Б.Щукина и В.Е.Еременко, которые считают неправомерным омоложение наиболее ранних фибул из зарубинецких могильников (среднелатенских с шариками и восьмеркообразными петлями на спинке) по сравнению с аналогичными из латенских и ясторфских могильников, как это делает К.В.Каспарова. Но нельзя согласиться с отрицанием вклада местных культур в сложение зарубинецкой. Если, по мнению В.Е.Еременко, вклад балтов пусть слабо, но подтверждается наличием булавок со спиральными головками (Еременко 1997: 200), то почему нужно отрицать наличие элементов местных предшествующих культур, которые выражены совсем не слабо и к тому же проявляются не в одном, а в нескольких артефактах зарубинецкой культуры? Что могли создать мелкие группы воинов-переселенцев без участия местного населения? Как могли сохраниться черты автохтонных культур, если местное население на этих территориях исчезло еще 100-150 лет назад? Как можно объяснить вариантные различия в зарубинецкой культуре, если из автохтонных в каждом регионе преобладают элементы именно той культуры, которая предшествовала на этой территории? И, наконец, какие неведомые нам катаклизмы могли заставить обезлюдеть благоприятные в природно-климатическом отношении Верхнее и Среднее Поднепровье, если даже менее благоприятные для жизни территории севера Средней Европы остались обжитыми после ухода оттуда скиров, бастарнов, кимвров и возможно других, не известных античным авторам племен? Одного падения скифской державы или нескольких неблагоприятных лет для кочевничества в этом случае явно было недостаточно. Нужно интерпретировать вывод М.Б.Щукина о том, что хиатус между культурами в промежутке времени между распространением духцовских фибул в предшествующих АК и ранними памятниками зарубинецкой культуры отражает стрессовое состояние брожения и неустойчивости, в котором зарождалась новая культурная общность (Щукин 1994: 46), вовсе не означал полный уход населения из Поднепровья. Следы местного населения или местного

латенизирующегося населения отмечены на ряде зарубинецких могильников — это милоградские погребения — кенотафы в Отвержичах (№№ 33, 93), в Корчеватом (№№ 6, 9, 101), в Чаплине (№№ 3, 5 и др.), нормальное погребение № 49 в Вишенках с единичными кальцинированными косточками.

Зарубинецкая культура занимала территории, на которых в скифское время располагались памятники поморской, милоградской и лесостепной скифской культур. Сравнительный анализ материалов зарубинецкой и культур скифского времени позволяет увидеть элементы предшествующих культур в различных артефактах зарубинецкой, что говорит об их определенном вкладе в сложение облика последней. Вклад скифских лесостепных племен проявляется в наследовании технологических приемов производства глиняной посуды (примеси шамота в керамическом тесте, способах обработки поверхности), в аналогиях орнаментальных мотивов на кухонной посуде (насечки и пальцевые защипы по краю горловин), в распространении дисков-лепешечниц, в конструкции слегка углубленных в материк жилищ со стенами плетневой конструкции, обмазанными глиной. Из 78 зарубинецких черт погребального обряда 18 в большей или в меньшей мере зафиксированы у лесостепных скифов (табл. 1). Но большинство из них встречались там в сочетаниях с признаками или в комбинациях, не характерных для зарубинецкой культуры. Однако такие достаточно редкие в зарубинецкой культуре элементы погребального обряда, как имитация обычая сожжения деревянных погребальных конструкций и положения в могилу костей жертвенного мяса домашних животных, можно с уверенностью отнести к дериватам погребального обряда скифского времени, которые указывают на жизнеспособность традиций скифского времени в памяти наследников уже в зарубинецкое время. Черт сходства зарубинецкой культуры с лесостепной скифской немного, но ведь никто другой, кроме наследников лесостепных скифов, не мог привнести их в зарубинецкую культуру. Поэтому их оценка В.Е.Еременко как незначительных для доказательства генетической преемственности с зарубинцами (Еременко 1997: 66), вероятнее всего, несправедлива.

Милоградская культура, которая предшествовала зарубинецкой на территории восточного Полесья и в Поднепровье от устья Березины до Киева, функционировала, вероятно, значительно дольше, чем это представляется В.Е.Еременко. Об этом свидетельствуют клад орудий труда из Горошкова, цепь из которого может быть отнесена к III в. до н.э., местное изготовление рубчатых браслетов по латенским образцам, формы которых происходят из городищ Мохов 1, Чаплин и Горошково, могло продолжаться на протяжении всего III в. до н.э., поскольку отпечатки их найдены и на зарубинецкой керамике на городище Уваровичи. Но наиболее весомым доказательством участия наследников милоградской культуры являются остатки милоградских элементов в различных артефактах зарубинецкой культуры. К ним относятся близость топографии городищ обеих культур, конструктивные особенности наземных и углубленных жилищ с центральным опорным столбом, технологические особенности верхнеднепровской зарубинецкой посуды (состав глиняного теста с мелкой дресвой и слюдяными блестками), орнамент на кухонных горшках в виде групповых оттисков ногтями по корпусу. Большое количество аналогий в погребальном обряде: практически исключительно ямный обряд погребения в зарубинецкой культуре Верхнего Поднепровья, сочетание округлых и овальных по форме погребальных ям, одинаковая их пространственная ориентация, очищение косточек от остатков погребального костра, обычай вложения различных украшений, кроме фибул, и обломков посуды — всего 29 общих признаков из 78, характеризующих зарубинецкий погребальный обряд (табл. 1), 15 из них в зарубинецкой можно по происхождению связать с милоградской культурой. Перечисленные признаки неоднократно отмечали исследователи, многие из них признает и В.Е.Еременко, но считает их, к сожалению, общими и не конкретными (Еременко 1997: 60-62).

Поморская культура в основном предшествует зарубинецкой, хотя находки фибул А- и В-Костшевского в поморских памятниках в трех или даже четырех случаях (Dąbrowska 1988: 84-104) могут свидетельствовать не только о хронологическом стыке, но и о функционировании поморской культуры на каком-то отрезке времени синхронно зарубинецкой, а не об окончании функционирования поморской культуры в начале III в. до н.э., как полагает В.Е.Еременко (Еременко 1997: 60-62). Территория распространения ее памятников на Волыни перекрывается зарубинецкими. Поэтому поморская культура может рассматриваться и как субстратная, и как пришлая культура по отношению к зарубинецкой. Близость поморской и зарубинецкой культур отмечали многие исследователи (Кухаренко 1960: 289-300; 1964: 54; Мачинский 1966: 4-7; Каспарова 1981: 12-21). На этом факте построена теория о происхождении зарубинецкой культуры от поморской (Кухаренко 1960: 289-300). Представляется вполне обоснованным рассматривать поморскую культуру одним из компонентов зарубинецкой, а в дополнение к аргументам авторов, стоящих на близких позициях, приведу результаты сравнительного анализа керамических комплексов и погребального обряда этих культур, что значительно подкрепит аргументы о генетическом родстве этих культур, основанных в основном на сходстве украшений (булавки с кольцевой головкой, общие типы бус), форм некоторых пряслиц, типов на-

земных и углубленных жилищ, ряда орнаментальных мотивов на глиняной посуде.

Погребальный поморский обряд — трупосожжение, был более разнообразным по деталям, чем зарубинецкий. Из 78 признаков зарубинецкого обряда в поморском зафиксировано 48. Но по тенденции распределения лишь 20 могли бы считаться заимствованными зарубинцами из поморского, если бы они встречались только у поморцев (табл. 1). И лишь 6 признаков у зарубинцев находились в таких же сочетаниях, как и у поморцев. И, несомненно, единичные случаи имитации клешей и погребальных ящиков, безусловно, свидетельствуют о переживании поморских традиций.

Наибольшее сходство между поморской и зарубинецкой культурами наблюдается в керамических комплексах. Несмотря на то, что по структуре они различны, типовое сходство значительно. Из зарубинецкого керамического комплекса (1569 целых экземпляров) наиболее близким поморскому является посуда из Полесья: с керамикой из Гданьского Поморья (района преимущественного распространения ящичных погребений) сходство по типам составляет 21% (посуды этих типов в Полесье 25%); с керамикой из региона клешевых погребений сходство по типам составляет 24% (такой посуды в Полесье почти 36%). С посудой Среднего Поднепровья сходство несколько меньшее — по 19% с обеими регионами, но количество посуды подобной той, что происходит из региона ящичных погребений, в Среднем Поднепровье около 23%, а из региона клешевых погребений около 29%. Меньше общих типов с поморской у верхнеднепровского керамического комплекса: с регионом ящичных погребений сходство около 8% (количество экземпляров 18%), с регионом клешевых погребений — 7% (количество экземпляров — 16.5%).

Таким образом, поморская культура всех регионов оказала влияние на формирование зарубинецкой культуры, но значимость его была различной для отдельных зарубинецких регионов и менее всего для верхнеднепровского.

Ясторфская культура ступени Рипдорф и Зеедорф синхронна зарубинецкой культуре. С миграцией ее носителей санкт-петербургские исследователи связывают появление зарубинецких памятников в Полесье и Поднепровье. Однако ясторфских памятников или хотя бы отдельных объектов (погребений, жилищ) на территории зарубинецкой культуры не открыто. Можно связать только отдельные предметы — это фибула с шариками на ножке из погребения № 108 могильника Велемичи I, гривны-коронки из торфяников вблизи Мены (Леськи и Гребля). Некоторые черты в ряде артефактов также имеют корни в ясторфской культуре, например, в погребальном обряде — специальное повреждение посуды (обламывание ручек и части горловин, пробивание отверстий в стенках или днищах); погребения в виде линзоподобной кучки «чистых» спрессованных кальцинированных костей, которые можно рассматривать как урновые, где урнами служили емкости из органического материала. Подобных погребений в ясторфской культуре было немного — 7% в губинской группе, до 5% на севере Германии (Niewęglowski 1982: 23-40; Domański 1975: 72-86). В зарубинецкой их было больше (например, в Вишенках почти в 28% погребений), но часто в таких погребениях линзовидные кучки костей сочетаются с иными чертами погребального обряда, чем в ясторфской культуре. У зарубинцев зачастую они встречены в четко зафиксированной могильной яме подпрямоугольной формы, или в могилах имелось по несколько таких кучек, или, кроме нее, были еще кости, просто ссыпанные в могилу, и т.д. В некоторых зарубинецких могильниках отмечен такой ясторфский обычай, как мелкие камни булыжника или кремня (Чаплин, Вишенки). Из 78 зарубинецких погребальных признаков в ясторфских могильниках встречаются в том или ином количестве 59 (табл. 1). Появление 27 из них в зарубинецком могильнике можно было бы связать с губинским влиянием, а 34 с германским ясторфским, если бы эти черты были присущи только ясторфским могильникам. Несомненно, часть из них у зарубинцев появилась под ясторфским влиянием, хотя в целом зарубинецкий погребальный обряд — своеобразное явление, значительно отличающееся от ясторфского.

Сравнивая фибульные комплексы этих культур, видим, что в обеих используются средне- и позднелатенские схемы. Но типовой их набор различный. Общими в основном являются фибулы В-Костшевского, которые в отдельных зарубинецких могильниках составляют от 10% (Велемичи I) до 23% (Пирогов), а ясторфских от 11% (могильник Грефенхайнихен на средней Эльбе) до 23% (в губинской группе) (рис.1). Встречаются типы широко распространенные, например, в зарубинецкой культуре (фибулы ЗТ), но в ясторфской отмечены в единственном экземпляре, и наоборот, например, фибулы с шариками на спинке и ножке — распространенное явление в ясторфской культуре и единичное у зарубинцев. Сходство по фибулам между синхронными могильниками, например, ясторфским Грефенхайнихен и зарубинецким Пирогов составляет всего 12%, с Чаплиным — 13%. Не принесли ясторфские переселенцы на зарубинецкую территорию и свой характерный тип жилищ — длинные многокамерные дома, обложенные камнем. Но полуземлянки подпрямоугольной формы со стенами срубной конструкции (как в Полесье) и наземные однокамерные жилища с очагами и столбовой конструкцией стен, как в Чаплине, были типичны для обеих культур.

Для сравнения керамических комплексов этих культур использовалась посуда разных зарубинецких и ясторфских регионов (1569 зару-

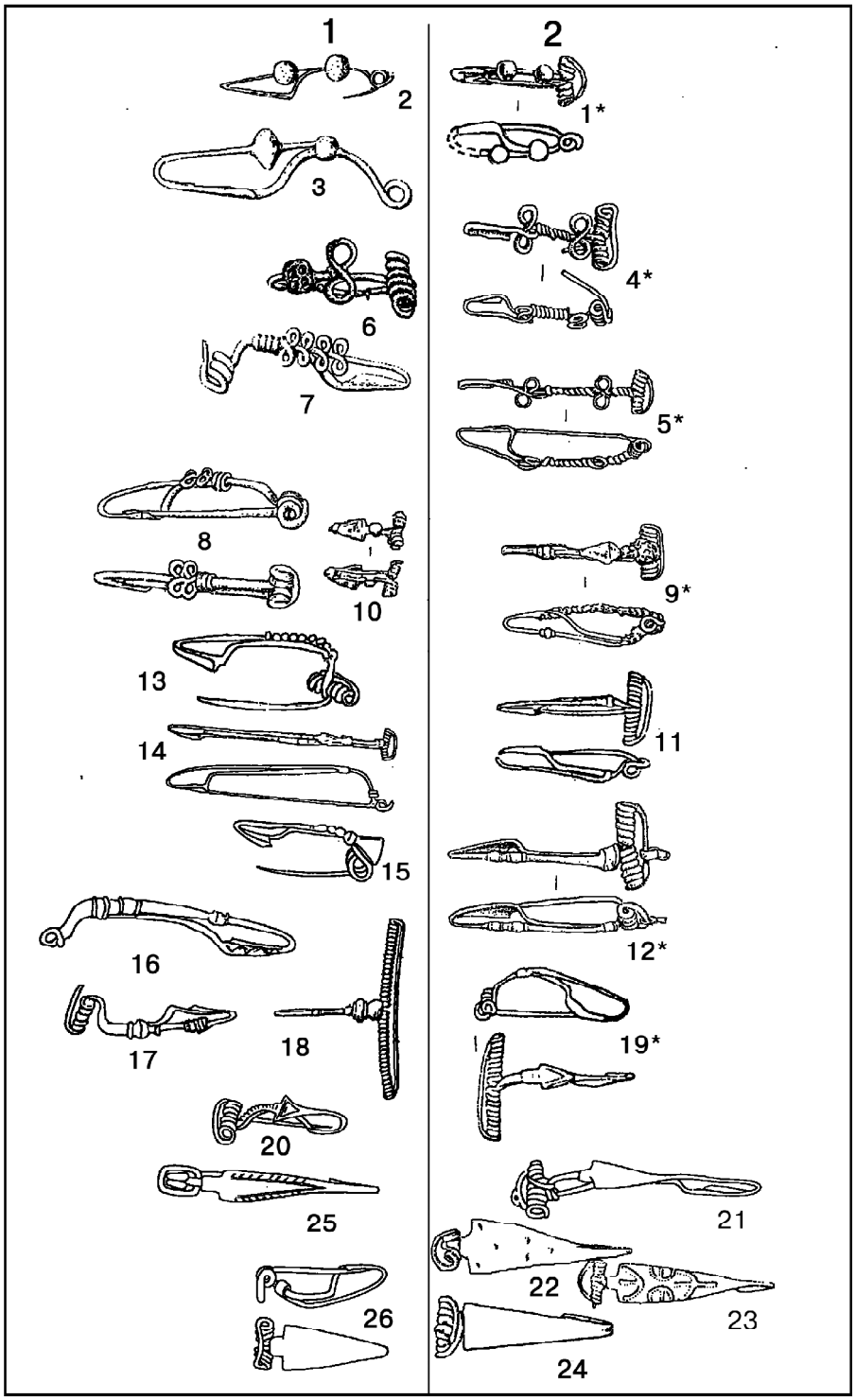

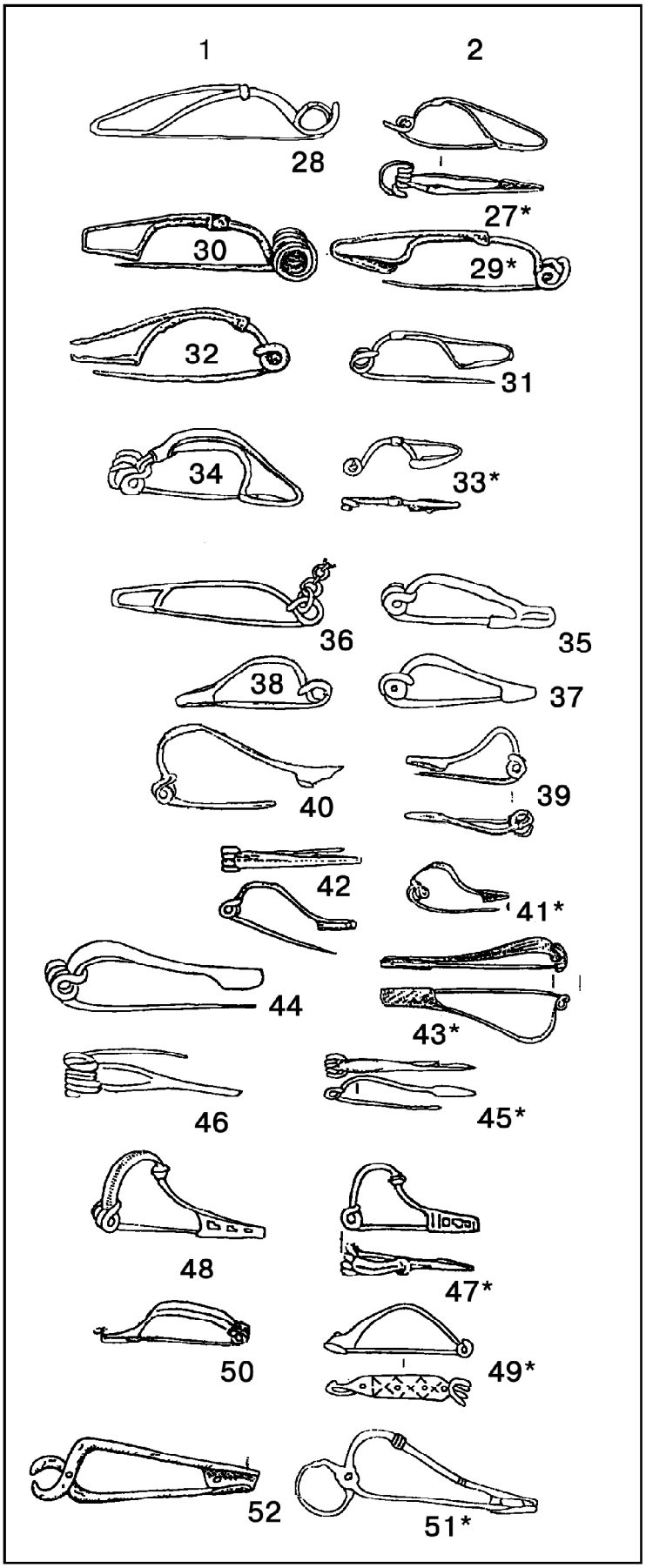
Рис. 1. Сопоставление фибул из памятников зарубинецкой культуры и латенских памятников Юго-Восточной Европы.

Условные обозначения: 1 — фибулы из латенских памятников, 2 — фибулы из зарубинецких памятников, 1 — редкие фибулы, мог. — могильник, пос. — поселение. гор. — городище, пог. — погребение.*

1 — тип P1 — мог. Велемичи II, пог. 108; 2 — Мокроног, Каринтская Крайна; 3 — Ленешице, Чехия; 4* — тип P2 — мог. Воронино, пог. 25; 5* — мог. Пирогов, пог. 26; мог. 6 — Голубиче, Моравия, пог. 6; 7 — мог. Елшовице, Словения; 8 — мог. Маня, Словакия, пог. 143; 9* — тип 2а — мог. Воронино, пог. 4; 10 — мог. Холиаре, Средний Дунай, пог. 741; 11* — тип P3 — мог. Велемичи II, пог. 105; 12* — тип P3 — мог. Пирогов, пог. 129; 13 — мог. Рибич, Босния, пог. 92; 14 — мог. Гостилья, Босния; 15 — мог. Рибич, Босния, пог. 153; 16, 17 — мог. Вир у Посушья, Югославия; 18 — мог. Шмарьета, Каринтская Крайна; 19* — тип 3T1/ор — мог. Велемичи II, пог. 105; 20 — мог. Езерине, Югославия; 21 — тип 3T I, — мог. Чаплин, пог. 103; тип 3T IY а — мог. Велемичи II, пог. 23; 23 — тип 3T IY б — мог. Велемичи II, пог. 85; 24 — тип 3T Y — мог. Гриневичи Вельки, пог. 13; 25, 26 — мог. Карабурма, Белград, пог. 29 и 4.*

Продолжение рис. 1.

27 — тип Ак — мог. Пирогов, пог. 128; 28 — гор. Вышний Кубин, Чехия; 29* — тип Ва — мог. Велемичи I, пог. 70; 30 — гор. Страдонице, Чехия; 31* — тип Вд — мог. Чаплин, пог. 241; 32 — гор. Страдонице, Чехия; 33* — тип G/H — мог. Чаплин, пог. 7; 34 — мог. Карабурма, Белград; 35 — тип N1а — мог. Чаплин, пог. 146; 36 — мог. Дитценбах, округ Гессен; 37 — тип N1б — мог. Чаплин, пог. 133; 38 — гор. Братислава; 39 — тип N1в — мог. Велемичи I, пог. 75; 40 — гор. Липтовская Мара;41 — тип N2в — мог. Велемичи I, пог. 61; 42 — мог. Девин, Словакия; 43* — тип М3б — мог. Отвержичи, пог.1; 44 — гор. Липтовская Мара, Словакия; 45* — тип N3б — мог. Семурадцы, пог. 21; 46 — Берн-Энгхальбинзель, Швейцария; 47* — тип О.3 — мог. Велемичи II, пог.81; 48 — Добжихов Пичора, Словакия; 49* — тип Амброз Гр. 12, вар. 3 — пос. Марьяновка; 50 — мог. Рибич, Босния; 51* — тип "щипцовая" — мог. Чаплин, пог. 152; 52 — мог. Вертиллум-Вертаулт, Франция.*

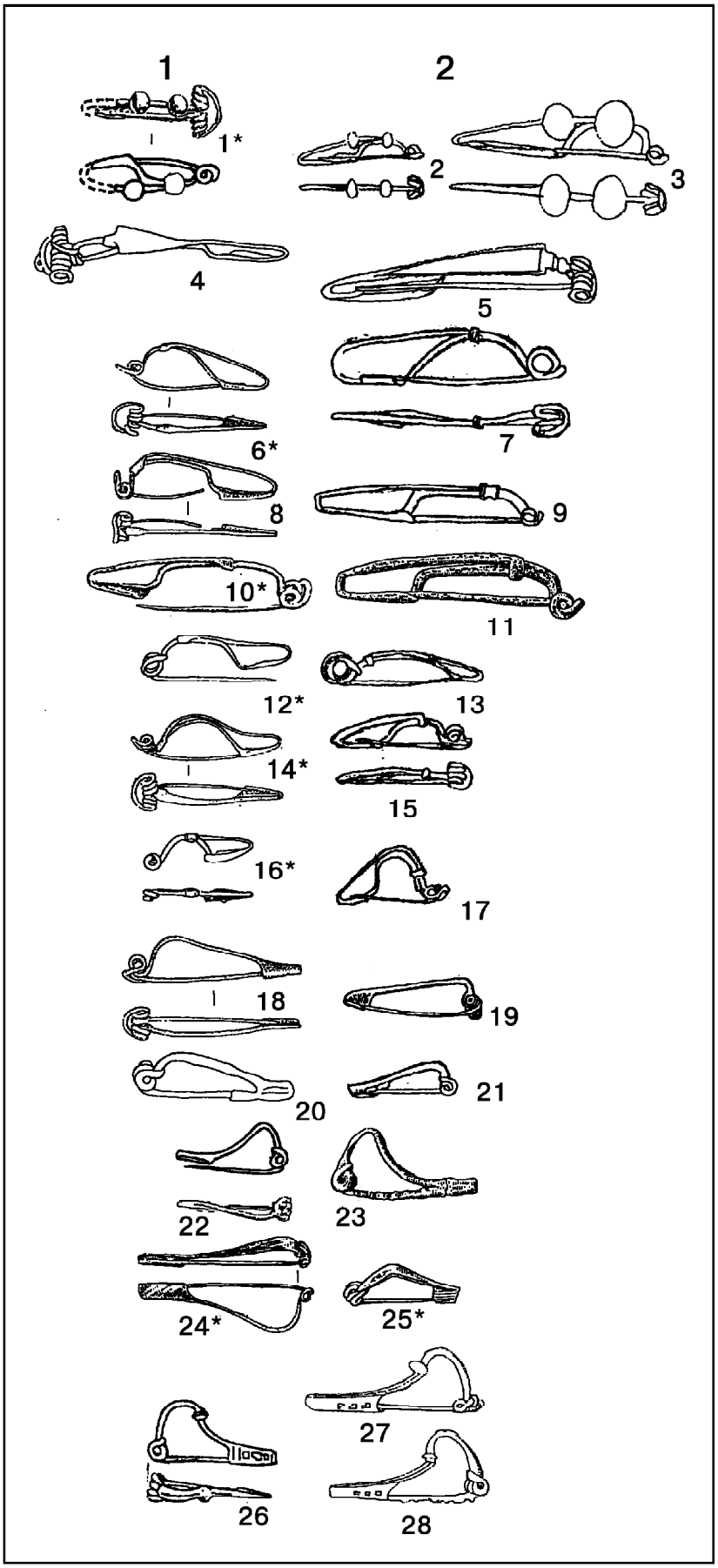

Рис. 2. Сопоставление фибул из памятников зарубинецкой и ясторфской культур: 1 — фибулы из зарубинецких памятников; 2 — фибулы из ясторфских памятников; 1 — редкие фибулы, мог. — могильник, пос. — поселение. гор. — городище, пог. — погребение.*

1 — тип P1 — мог. Велемичи II, пог. 108; 2, 3 — мог. Плетниц, округ Потсдам, Бранденбург, пог. 264; 4 — тип 3T I, — мог. Чаплин, пог. 103; 5 — Хольте в устье Эльбы; 6* — тип Ак — мог.Пирогов, пох. 128; 7 — мог. Плетцин, округ Потсдам, пог. 232; 8 — тип B — мог. Пирогов, пог. 150; 9 — мог. Бюкнитц, округ Бранденбург, пог. 25; 10* — тип. Ba — мог. Велемичі I, пог. 70; 11 — мог. Нитцан, округ Ратхенов; 12* — тип Bd — мог. Чаплин, пог. 241; 13 — мог. Грехенхайнихен, округ Грехенхайнихен, пог. 113; 14* — тип D пр. — мог. Пирогов, пог. 124; 15 — мог. Трайун, округ Виттенберг, пог. 40; 16* — тип G/H — мог. Чаплин, пог. 7; 179 — мог. Плетцин, округ Потсдам, пог. 255; 18 — тип M1a — мог. Пирогов, пог. 39; 19 — Хавельберг, ФРГ; 20 — тип N1a — мог. Чаплин, пог. 146; 21 — Леест, округ Потсдам; 22 — тип N1в — мог. Велемичи I, пог. 75; 23 — мог. Претцин, округ Шенебек; 24* — тип M3б — мог. Отвержичи, пог. 1; 25 — мог. Вестергель, округ Штрассфурт; 26 — тип O.3 — мог. Велемичи II, пог.81; 27, 28 — мог. Кляйн Кройтц, округ Бранденбург.*

бинецких и 283 ясторфских сосудов). Посуда близкая по структурному составу, хотя среди ясторфского преобладают сосуды с ручками, посуда мисковидных пропорций и практически нет кружек. Сходство по типам между зарубинецкой посудой из Полесья и губинской составляет около 30%, с территории современной Германии — около 23%, из городищ северной Ютландии — около 21% (количество такой посуды в Полесье составляет соответственно 33, 29 и 23%). Сходство зарубинецкой посуды среднеднепровского варианта с губинской составляет 23% (что составляет 34% сосудов в среднеднепровском комплексе), с территории Германии — 20% (или 26% сосудов в среднеднепровском комплексе), северной Ютландии — 32% (36% экземпляров в среднеднепровском комплексе). Верхнеднепровская зарубинецкая посуда по типам сходна с губинской на 27% (что составляет 37% экземпляров среди верхнеднепровской посуды), с территории Германии — 12% (что составляет 16% экземпляров среди верхнеднепровской посуды), с североютландской по типам — 11% (что составляет 12% экземпляров среди верхнеднепровской посуды). То есть вывод В.Е.Еременко о привнесении готовой зарубинецкой культуры ясторфскими переселенцами преувеличен, как и вывод о появлении верхнеднепровского варианта в результате импульса из северной Ютландии, поскольку, судя по керамическому комплексу, североютландский элемент наибольшее влияние оказал на среднеднепровское зарубинецкое население, а наименьшее на верхнеднепровское; в количественном выражении на верхнеднепровский регион оказала наибольшее влияние губинская группа.

Также не состоятелен и тезис санкт-петербургских исследователей о том, что почти все типы зарубинецкой посуды, которые имеют аналогии в поморской культуре, известны и в ясторфской культуре. Детальный сравнительный анализ керамики этих культур показал, что сходство по типам зарубинецкой с ясторфской и поморской составляет всего 15%. При этом по тенденции распределения отдельных типов посуды в выборках сравниваемых культур появление части типов в зарубинецкой культуре можно связать конкретно или с поморской, или с ясторфской, и только некоторые типы одинаково могут происходить или из той или из другой культуры.

Латенские черты в зарубинецкой культуре имеют корни из латенских культур не только Центральной, но и Юго-Восточной Европы, особенно фибулы ЗТ, дериваты фибул других типов, представленных в зарубинецких материалах отдельными экземплярами (рис. 2). Проанализировав погребальный обряд латенских памятников Карпато-Балканского региона, собранных в статье К.В.Каспаровой (1988: 53-71), и сравнив его с особенностями зарубинецкого погребального обряда, выяснилось, что из 78 зарубинецких признаков 62 были присущи и латенскому погребальному обряду, то есть больше, чем в других культурах (табл.1). 38 из этих признаков по тенденции распределения могли попасть в зарубинецкую из латенской, если бы часть из них не была также широко распространена и в других культурах, территориально более близких зарубинецкой. И, тем не менее, многие из них по происхождению, вероятно, связаны именно с латенскими культурами Карпато-Балканского региона или даже с кельто-иллирийскими культурами.

Как отмечалось выше, некоторые исследователи объясняли латенские черты в зарубинецкой культуре межкультурными контактами или влияниями латенской на зарубинецкую. Санкт-петербургские ученые считают, что они в готовом виде принесены бастарнами, среди которых помимо германцев были и кельты (Еременко 1997: 198-200). То есть в любом случае латенизация культуры населения Припяти и Поднепровья осуществлялась через конкретных людей или непосредственно (через зарубинцев и кельтов) или опосредствованно (например, через ясторфцев, поморцев, поздних скифов, сармат и т.д.). Е.В.Максимов в своих работах проводит мысль о тесных традиционных связях зарубинецкого населения Среднего Поднепровья с античной Ольвией и ее округой (1982: 48). Эта связь, несомненно, существовала, поскольку на зарубинецких поселениях найдены многочисленные обломки античной кружальной посуды и, прежде всего, амфорный материал. Но здесь, возможно, нужно согласиться с выводами В.Е.Еременко, что Ольвия не могла быть проводником латенских традиций в зарубинецкую культуру, поскольку она и ее периферия сами не были достаточно сильно подвержены латенскому влиянию (Еременко 1997: 186). Оказывать же сильное античное влияние на облик зарубинецкой культуры Ольвия, вероятно, также не могла, поскольку находилась на несовместимых уровнях развития с зарубинецкой. Однако нужно согласиться с мнением В.Е.Максимова, что

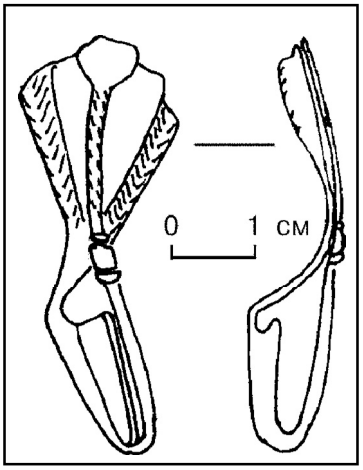

Рис. 3. Фрагмент фибулы с треугольно расширенной спинкой (бронза) из Бородянки, Киевская обл. — подъемный материал.

Таблица 1.Сравнение погребального обряда археологических культур по признакам, характерным для зарубинецкой АК.

Признаки	Зарубинецкая АК			латен Ю-В.	Ясторфская АК		Милогр. ВД	Помор-ская	Скиф. Л-ст. АК
	Пол	С.Д.	В.Д.		Губ	Гер			
1.1	+++	+++	+++	+	+++	+++	+++	+++	
2.1	+++	+++	+++	+++	+++	+++	+++	+++	+
3.1	+++	+++	+++	+++	+++	+++	+++	+++	
4.1	+++	+++	+++	+++	+	+	+++	++	+
5.1	+++	+++	+++	++	x	+	++	++	
7.1	+++	+++	+++	+++	+++		+++	++	
9.1	+++	+++	+++	+++	+++	+++	++	++	++
10.1	+++	+++	+++	+++		+++	+	+++	
11.2	+++	+++	+++	+					
12.1	+++	+++	+++	+++				+	
12.3	+++	+++	+++						
13.2	+++	+++	+++	++		++			
6.1	+++	+++	x	++	x		+++		
14.1	+++	+++		+	+			++	
15.1	+++	+++		+++	+	++			
16.1	+++	+++		++	+++	+++		+++	
17.1	+++	++		+++	++	++		++	
18.1	+++	++		+++	+	+		++	
20.1	+++	+++		+++		x		+	
20.3	+++	+++							
21.1	+++	+++		+	++	++		+	
8.1	++	+++	+++	++	++			+	x
8.2	++	++	++	x					x
8.3	++	++	x						
10.2	++	++	++	+++	++	++	+	+	
19.1	++	++		++	++	++		+	
19.2	++	++		++	++	x		+	
19.3	++	++		++	++	++		+	
23.12	++	++		x					
23.13	++	++		+	+	+		+	
5.3	++	+	+	x	+++	+++	+		
6.2	+	+	+++	++	x		+		
17.2	x	++		+	+++	+++		++	
23.1	x	++	x	+++	x	x	+		+++
23.2	x	++				x		++	
5.2	+	+	++	+++	++	+	+++	++	
11.1	+	+	++	+++	+++	+++	+++		
13.1	x	x	++	++		++			
12.2	+	+	++	++		+++	+++	+	
4.2	+	+	x	++	+++	+++		+++	+
7.2	+	+	++	+	x	+++	x	++	+
9.2	+	+	+	+	++	++	++	+++	++
11.3	+	+	+						
10.3	+	+	+	+++	+	++	x		
22	+	+	+	+	+	+		+	
18.2	+	+		++	++	+++		+	
2.5	+	x	+	+	+	++	+?	+	x
7.3	+	x	+		x		+		+
8.4	x	+	+	++	x	+++	+++	+++	x
7.4	x	x	+						
8.5	x	x	+						x
10.4	x	x	+	++	x	++	++		

Таблица 1 (окончание)

Признаки	Зарубинецкая АК			латен Ю-В.	Ясторфская АК		Милогр. ВД	Помор-ская	Скиф. Л-ст. АК
	Пол	С.Д.	В.Д.		Губ	Гер			
10.5	x	x	+	+++			+		
13.3	x	x	+	++		++			
23.10	+	+			++	++			
3.2	x	x	x	+	x	x	+?	+	
2.4	x	x		x			x		x
4.3	x	x		x				+	
21.2	+	+		+	++	+++		+	
15.2	x	x		+	+++	+++		+++	
16.2	x	+		+	+	+		x	
23.3	x	x	+	++		++	++		
23.4	x	+	x	+			x		+
23.14	+	x	x	+		+	+	+	
21.3	x	x		+++	++	++		+	
23.7	x	x		x	x				
2.2		o	x						+
12.4	x								
16.4	x					x			
18.3	x			+++	++	++		+	
20.2	+			+	+++	+++		+	
20.4	x								
2.3		x?		++					+++
14.2		+		+++	+++			++	
18.4		+		x	+	x		+	
23.6	o	o							++
23.8	o	o				x		++	
23.9	o					+		++	

К таблице 1. Список признаков погребального обряда к статье С.П.Пачковой «К вопросу о процессе латенизации зарубинецкой культуры».

1 – Вид могильника: 1.1 – «поля погребений» с преобладанием обряда кремации.

2 – Разновидности погребений: 2.1 – сожжение покойника на стороне; 2.2 – сожжение на месте погребения, 2.3 – трупоположение, 2.4 – погребение черепа; 2.5 – кенотаф.

3 – Количество погребенных в одном погребении: 3.1 – один; 3.2 – парное или несколько.

4 – Тип погребения: 4.1 – ямный; 4.2 – урновый: 4.3 – ямно-урновый.

5 – Форма могильной ямы: 5.1 – прямоугольная или овальная; 5.2 – квадратная или округлая; 5.3 – следов ямы не отмечено.

6 – Ориентация могильной ямы: 6.1 – восток – запад с отклонениями, 6.2 – север – юг с отклонениями.

7 – Присутствие остатков костра : 7.1 – «чистое» без остатков погребального костра; 7.2 – с остатками углей, золы и пепла; 7.3 – остатки костра в засыпке могилы; 7.4 – остатки костра в отдельной кучке.

8 – Размещение остатков кремации в ямном погребении: 8.1 – одно линзовидное (компактное) скопление; 8.2 – несколько линзовидних скоплений; 8.3 – кости в маленьком углублении на дне могилы; 8.4 – кости рассыпаны по дну могилы; 8.5 – остатки кремации в засыпке могилы.

9 – Наличие инвентаря в ямном погребении: 9.1 – есть; 9.2 – нет.

10 – Состав инвентаря в ямном погребении: 10.1 – керамика (посуда); 10.2 – фибулы та украшения; 10.3 – детали одежды; 10.4 -орудия труда; 10.5 – оружие.

11 – Место нахождения погребального инвентаря в ямном погребении: 11.1 – вместе с остатками кремации; 11.2 – в противоположной стороне от кремации; 11.3 – частично вместе с остатками кремации и частично в противоположной стороне от них.

12 – Состояние посуды в ямном погребении: 12.1 – целая или реставрирующаяся; 12.2 – обломки; 12.3 – посуда не пережженная; 12.4 – посуда пережженная.

13 – Следы пребывания погребального инвентаря в погребальном костре: 13.1 – инвентарь пережженный; 13.2 – не пережженный; 13.3 – часть пережженная (в основном украшения, детали одежды), а часть не пережженная (посуда, орудия труда).

14 – Вид урны: 14.1 – горшкоподобная посуда; 14.2 – мископодобная посуда.

15 – Детали обряда урновых погребений: 15.1 – урна не накрыта; 15.2 – урна накрыта сосудом (целым или обломком); 15.3 – урна накрыта камнем.

16 – Характер кремации в урне: 16.1 – «чистые» кости; 16.2 – кости с остатками костра; 16.3 – урна

обсыпана остатками костра; 16.4 – остатки костра в засыпке погребения.
17 – Наличие инвентаря в урновом погребении: 17.1 – есть; 17.2 – нет.
18 – Состав инвентаря в урновом погребении: 18.1 – керамика (посуда кроме урны и крышки); 18.2 – фибулы и другие украшения; 18.3 – детали одежды; 18.4 – орудия труда; 18.5 – оружие.
19 – Местонахождение инвентаря в урновом погребении: 19.1 – в урне; 19.2 – вне урны; 19.3 – в урне и вне урны.
20 – Состояние посуды в урновом погребении: 20.1 – целая или реставрирующаяся; 20.2 – обломки; 20.3 – не пережженная; 20.4 – пережженная.
21 – Состояние другого инвентаря в урновом погребении: 21.1 – инвентарь пережженный; 21.2 – не пережженный; 21.3 – часть инвентаря пережженная, а часть не пережженная.
22 – Дифференциация погребений по количеству инвентаря: 22.1 – есть; 22.2 – нет.
23 – Отдельные черты погребального обряда: 23.1 – кости жертвенного мяса; 23.2 – пережженные кости птиц и животных: 23.3 – небольшие камни; 23.4 – кусочки охры; 23.6 – остатки сожженных деревянных конструкций (плахи или бревен); 23.7 – остатки кремации под сосудом или его обломком; 23.8 – остатки кремации под клешем; 23.9 – остатки кремации в каменном ящике или имитация ящика; 23.10 – сосуды в погребении со следами ритуального повреждения; 23.11 – ритуальное повреждение другого инвентаря; 23.12 – «анатомическая» укладка кремации в ямном погребении; 23.13 -«анатомическая» укладка кремации в урновом погребении; 23.14 – следы внешних отметок места погребения – «надолбов».
Условные обозначения: +++ – преобладают; ++ – занимают значительное место; + – встречаются в небольшом количестве; х – в единичном количестве; 0 – имитация обряда.

нет доказательств и пребывания кельтов на зарубинецкой территории. Действительно, пока еще не зафиксировано ни одного бесспорно кельтского объекта или предмета среди зарубинецких пунктов (даже фибула с 8-образными петлями из Велемичей I, возможно, местного производства, на что указывает состав металла, из которого она изготовлена). Исключение составляет фибула, найденная в районе Бородянки в Киевской области (рис.3), которая могла принадлежать кому-то из выходцев одной из кельто-иллирийских областей Балканского региона. В.Е.Еременко и М.Б.Щукин полагают, что бастарны были смешанным германо-кельтским населением. Трудно с этим согласиться, поскольку подобное смешанное население в Северо-восточной Чехии и в Тюрингии имеет смешанную культуру, в которой сосуществуют традиционные латенские и ясторфские артефакты, а не синкретическую, как в латенизированных культурах. Трудно предположить, чтобы кельты восприняли более низкий уровень культуры. Возможно вливание какого-то очень ограниченного контингента кельтов в варварскую среду (может быть, женщин, пленных или детей, которые могли потерять сразу же свою культурную специфику), но допустить, что бастарны, то есть латенизированное население окраин ясторфской культуры ступени Рипдорф и Зеедорф, представляли в основном кельтов или что они были смешанным кельто-германским населением, невозможно. Правда, в литературе высказано мнение, что в разное время античные авторы под бастарнами понимали различный народ — сначала именно кельтов, а позже германцев (Домарадски 1984: 110-114; Щукин 1994: 116-119). Зарубинецкая культура далеко не идентична ясторфской культуре, поэтому представляется правомерным предположение М.Б.Щукина, что ясторфцы (бастарны) продвигались небольшими группами (Щукин 1994: 2-3). Но их организованность, вооруженность и активность позволяла выступать объединителями территорий, заселенных различными этносами, и быть катализатором латенизации их культур, что способствовало формированию новых культур, в частности, в Поднепровье — зарубинецкой. Конечной целью бастарнов было Подунавье, поэтому они, вероятнее всего, недолго задерживались по пути следования, а стремительно продвигались на Балканы, включая в свои отряды молодых здоровых искателей приключений из местного населения Полесья и Поднепровья. И все вместе уже в 233-216 гг. до н.э. они были известны античным авторам под именем бастарнов (Помпей Трог) или бастарнов-пришельцев (Деметрий из Калатиса в пересказе Псевдо-Скимна). Вполне можно допустить, что, прежде чем осесть в междуречье Серета и Днестра, бастарны «обследовали» не только низовья Дуная и проявили свою готовность выступать в качестве наемников. Представляется, что именно в это время они могли познакомиться с культурой и обычаями балканских кельтов и кельто-иллирийцев и уже тогда бастарны-поднепровцы могли перенять форму фибул с треугольным окончанием ножки, элементы латенского погребального обряда, которых не было у ясторфцев — германцев, гранение края горловины и двухстороннее черное лощение посуды и позаимствовать название народа «венеты» (венеды), широко распространенное в кельто-иллирийской среде. Доказательством того, что фибулы ЗТ были переняты еще в конце III в. до н.э., является практически синхронное развитие от маленького щитка к большому. Если бы зарубинцы познакомились со списоподобными фибулами только в результате балканских походов 179-175 гг. до н.э., то они переняли бы фибулы уже с большим (длинным и широким) щитком. Представляется, что бастарны, выходцы из окраин ясторфской культуры, после знакомства с Подунавьем сумели оставить за собой земли в Карпато-Днестровском регионе и сконцентрироваться в объединение, известное по памятникам поенешти-лукашевской культуры, очень

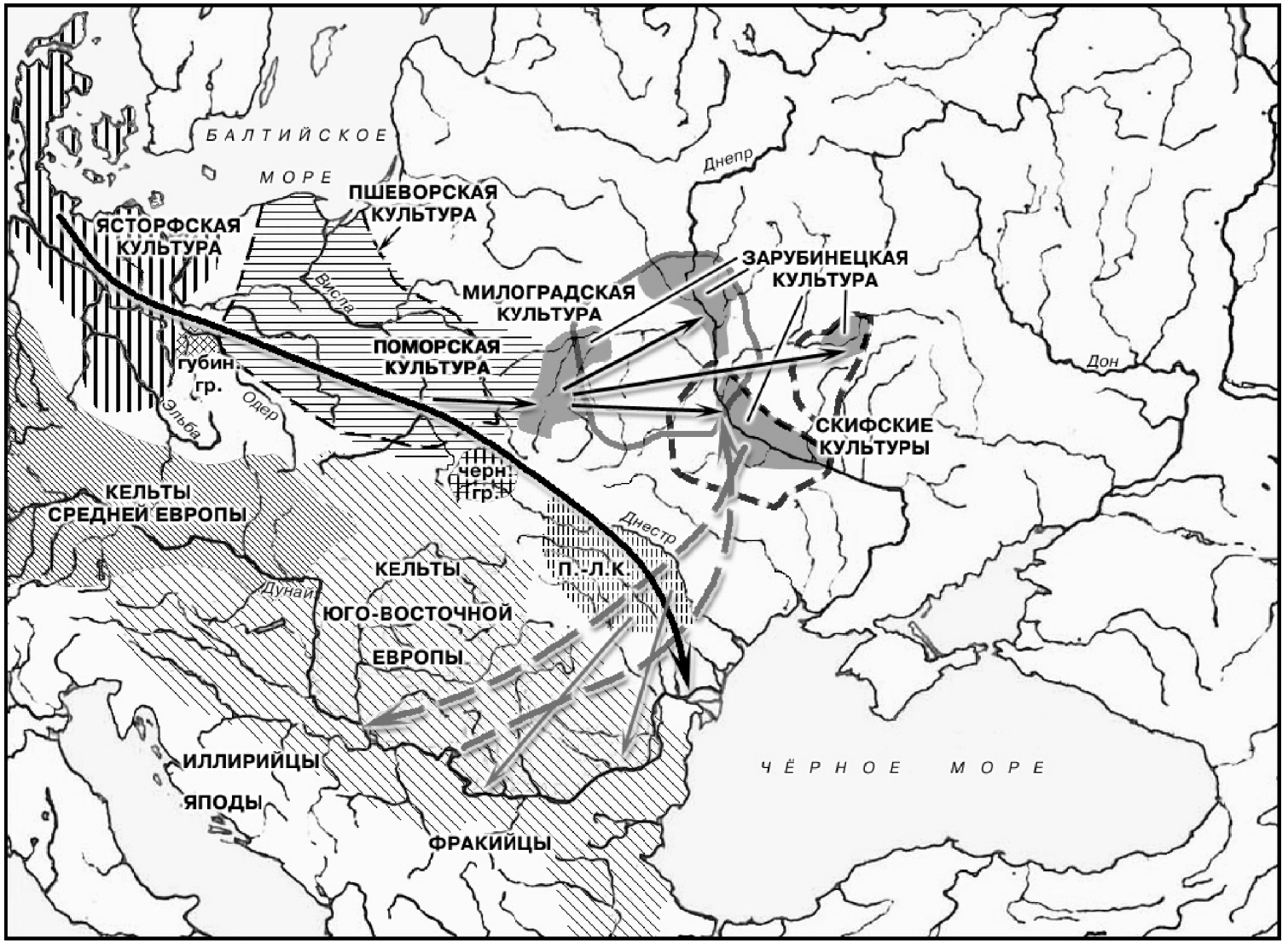

Рис. 4. Карта-схема распространения археологических культур конца I тыс до н.э. и движения племен в Подунавье.

Сокращения: П.-Л.К. – поенешть-лукашевская культура; губин.гр. – территория губинской группы памятников; черн. гр. – территория черниченской группы памятников.

Стрелки обозначают движение бастарнов.

близкой по основным артефактам к ясторфской культуре, хотя и не идентичной ей. Бастарны — выходцы из Поднепровья в значительной своей части вернулись домой и способствовали более интенсивному формированию зарубинецкой культуры, латенизация которой стала приобретать черты не только ясторфского типа, но и юго-восточных латенских и кельто-иллирийских культур. Контакты зарубинецкого населения с бастарнами-ясторфцами, вероятно, продолжались в период функционирования фибул с шариками и начала функционирования фибул В-Костшевского. Единичная находка фибулы с шариками в зарубинецких материалах, вероятнее всего, указывает на появление этих фибул в Поднепровье не в конце своего функционирования в ясторфской среде, как это считала К.В.Каспарова (1993а: 175-176), а на небольшое количество бастарнов-ясторфцев в Поднепровье и непродолжительность их пребывания на этих территориях.

Фибулы В-Костшевского сохранились в зарубинецкой среде значительно дольше, чем в ясторфской, потому что другие образцы ясторфских фибул в Поднепровье долгое время не поступали. И только позже, в период передвижений кимвров, в зарубинецких материалах появились отдельные экземпляры дериватов фибул C, D, E, F-Костшевского. Таким образом, первый начальный период зарубинецкой культуры охватывает время от рубежа LT C1a/C1b или LT C1b и, вероятно, самое начало LT C2 — время контакта местного населения Полесья и Поднепровья с бастарнами-ясторфцами у себя на родине и время участия бастарнов-ясторфцев и бастарнов-поднепровцев в освоении Балкано-Дунайского региона (рис.4). Это идет вразрез предположениям санкт-петербургских исследователей, которые полагают, что и латенизацию образца юго-восточных латенских и кельто-иллирийских культур из Карпато-Дунайского региона зарубинецкие племена получили в готовом виде от бастарнов-ясторфцев, которые снова вернулись в Поднепровье после балканских походов 179-168 гг. до н.э. (Еременко 1997: 171) или впервые пришли в Поднепровье после этих событий (Каспарова 1988: 53-71). Первым мысль о бастарнах, пришедших в Поднепровье после балканских походов, высказал Д.А.Мачинский (1966: 4-7). Но в то время он объяснял начало формирования зарубинецкой культуры соответственно хронологических схем Я.Филипа и Р.Хахманна. Согласно новым хронологическим разработкам, процесс латенизации культур углублен до первых упоминаний бастарнов в античных источниках 233-229 гг. до н.э., поэтому нет смысла настаивать на увязке начала формирования зарубинецкой культуры с окончанием балканских походов бастарнов и оставлять без внимания наиболее ранние упоминания о бастарнах в античных источниках. Кстати, и румынский исследователь поенешти-лукашевской культуры М.Бабеш полагает, что нет оснований говорить о возвращении бастарнов после балканских походов в Поднепровье, поскольку кельто-иллирийские вещи периода балканских войн появляются в поенешти-лукашевских памятниках, что и свидетельствует об участии именно поенешти-лукашевцев, а не зарубинцев, в балканских событиях этого времени (Babeş 1993: 175).

Формирование зарубинецкой культуры во всех основных ее регионах было одновременным, то есть в один хронологический период зарубинецкой культуры, и в этом можно полностью согласиться с К.В.Каспаровой (1993: 177). На это указывает самое большое количество наиболее ранних фибул ЗТ в Верхнем Поднепровье. Связи с юго-восточным латенским миром у зарубинцев продолжались и после посещения ими Балкан, о чем свидетельствует сравнительный анализ латенских и зарубинецких фибул (рис.1).

В заключение можно еще раз отметить, что в сложении зарубинецкой культуры принимали участие как местные, так и пришлые племена, отчего эта культура и отличается большим своеобразием среди других латенизированных культур.

На процесс латенизации зарубинецкой культуры оказали влияние как пришлые ясторфские и поморские племена с определенными синкретическими чертами латенской и варварских культур Центральной Европы (в погребальном обряде, типах глиняной посуды и ее орнаментации, приемах домостроительства), так и часть местного населения Поднепровья, участвовавшая в освоении Подунавья вместе с бастарнами в конце III в. до н.э. и принесшая в зарубинецкую культуру черты латенских и кельто-иллирийских культур Карпато-Балканского региона, наиболее ярко проявившиеся в фибулах ЗТ, специфике погребального обряда, манере двухстороннего чернения и лощения глиняной посуды, и возможно, в переносе на Поднепровье этнического названия «венеды».

Латенизированные АК — это культуры, подвергшиеся не только латенскому влиянию, а те, в сложении и латенизации которых приняли большое участие ясторфские племена, составившие основу народов, известных в античных источниках под именем бастарнов и скиров.

ЛИТЕРАТУРА

Домарадски М. 1984. Келтите на Балканския полуостров. София.

Еременко В.Е. 1990. Процесс латенизации археологических общностей позднего предримского времени Восточной Европы и сложение зарубинецкой культуры. / Автореф.канд. дисс. Л.

Еременко В.Е. 1997. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. СПб.

Каспарова К.В. 1981. Хронология зарубинецкой культуры Припятского Полесья (по материалам могильников). / Автореф.канд.дисс. Л.

Каспарова К.В. 1988. Об одном из возможных компонентов зарубинецкого погребального обряда // СА. №1. С.53-71.

Каспарова К.В. 1991. К вопросу о происхождении и этнической принадлежности зарубинецкой культуры // Гомельщина: археология, история, памятники. Гомель. С. 22-25

Каспарова К.В. 1993. О хронологии и связях зарубинецкой культуры // Zieme Polskie we wczesnej epoce żelaza i ich powiązania z innymy terenami. Rzeszów. S.289-302.

Каспарова К.В.1993а. О времени возникновения зарубинецкой культуры // Археологические вести ИИМК РАН. СПб. №2. С.169-90.

Кухаренко Ю.В. 1960 К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // СА. №1. С.289-300.

Кухаренко Ю.В. 1964. Зарубинецкая культура // САИ. Д1-19. М.

Максимов Е. В. 1982. Зарубинецкая культура на территории УССР. К.

Максимов Є.В. (в печати) Про перебування кельтів в Україні // Етнокультурні процеси Південно-Східній Європі в I тис.н.е. (в печати).

Мачинский Д.А. 1966. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // КСИА. Вып.107. С.4-7.

Петров В.П. 1972. Етногенез слав'ян. К.

Поболь Л.Д. 1971. Славянские древности Белоруссии. Минск.

Спицын А.А. 1899. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // ЗРАО. Т.11.

Спицын А.А. 1904. Памятники латенской культуры в России // ИАК. Вып. 12. СПб.

Спицын А.А. 1948. Поля погребальных урн // СА. Т.10. С.57-72.

Третьяков П.Н. 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.

Щукин М.Б. 1991. Центральная и Восточная Европа на рубеже нашей эры. / Автореф.докт. дисс. Л.

Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. — I в.н.э. СПб.

Хвойка В.В. 1901. Поля погребений в Среднем Поднепровье // ЗРАО. Т.12. Вып.1-2. СПб.

Хвойка В.В. 1913. Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена. Киев.

Babeş M. 1993. Die Poieneşti-Lukaşevka Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum ostlich der Karpaten in den letzten Jahrhunderten vor Christi Geburg // Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. Bd.30.

Dąbrowska T 1988. Wczesne fazy kultury przeworskiey. Chronologia — zasięg — powiązania. Warszawa.

Domański G. 1975. Studia z dziejów środkowego Nadodrza w III — I wieku p.n.e. Wrocław etc.

Niewęglowski A. 1982. Obrązdek pogrzbowy ludności kultury przeworskiej na przełomie er (II w. przed n.e. — II w.n.e.) . Wrocław etc.

Reinecke P. 1906. Aus der russischen archäologischen Literatur. Gräberfelder vom Ende der La Tene Zeit und aus der jüngeren römischen Kaiserzeit im Gouvernement Kiev // Meinzer Zeitschrift. №1. S.42-50.

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

Л.С.Клейн

АРХЕОЛОГИЯ В СЕДЛЕ
(Косинна с расстояния в 70 лет)

Leo S. Klein. Archaeology in Saddle (Kossinna in 70 Years Retrospective)

The article offers an analysis of Kossinna's "archaeology of habitation". It first reveals the attitudes towards Kossinna's heritage, ignored by the modern historiography. Then it studies Kossinna's biography and, in this context, development and crystallization of his concept. Most curiously, an observation is made that the racial theory was only introduced into Kossinna's concept at a later stage in its existence.

Then the article offers a systematisation of Kossinna's views, which he, as a matter of fact, did not manage to do on his own. The thirteen positions of his "archaeology of habitation" (Siedlungsarchäologie) are set forth and analysed. Part of these dogmas are concerned with developing ethnic history, origins of peoples and language families (ethnic explanations of archaeological cultures, cultural continuity and typological correlations, migration treatment of a culture's spread, ethnic attribution of a type and matching peoples and races). The other part is concerned with use of results of the study (address to "historical right", selection of archaeological precedents of the modern plans of aggression and the doctrine of primacy). Still a number of other dogmas deal with driving forces in development of a society (declaration of the Germans' mission as cultural carriers, principle of imposition of the past over the present, biological determinism and the principle of drawing ideals and direct lessons from archaeology).

The last part of the article sets forth the arguments supported by Kossinna's critics, and development of the criticism is followed – from his first critics (respectful German scholars of the early century) and Kossinna's Polish adversaries to his West European opponents and Soviet Marxists, as well as West German sceptics.

Evaluating Kossinna's concept, the author maintains the opinion that despite his dilettantism and bias, Kossinna is a classic of the German archaeology. He founded the entirely new direction of ethno-genetic studies in the primitive archaeology, knitted a school together and introduced a series of methodological techniques which were accepted and applied in studies even by his enemies. And it is the fault of the social and historical situation and the spirit of the age in the Germany of the two world wars it initiated that the German archaeology had such a classic in the early XX century.

Часть первая. Отношение к наследию Косинны

1. По следам Косинны (Лирическое введение)

Густав Косинна — крупный ученый, немецкий националист. По иронии судьбы, фамилия у него славянская, от корня *кос-* (*косой, косить*). Видимо, дальние предки его — онемеченные славяне. В немецком она пишется со сдвоенными *с* и *н*: *Kossinna*. В современной русской транслитерации, которая стремится к фонетической передаче, почему-то оставили сдвоенное с (хотя в немецком оно попросту означает, что произносится *с*, а не *з*), но не стали сдваивать *н*. Правильнее *с* передавать одной буквой, а *н* как раз лучше удвоить: хоть оно означает просто краткость предшествующего слога, но всё же может звучать дольше простого *н*: Косинна.

Странное место занимает этот человек в истории науки. Выдающийся археолог, он за всю свою жизнь был на раскопках всего несколько дней. Он возглавлял целое направление и несомненно обогатил науку. В то же время его повсеместно осуждают, и он безусловно достоин осуждения. За то, *чем* обогатил науку? За то, *как* обогатил науку? Или за нечто иное?

Это он, Густав Косинна, сказал: «Подсадимка первобытную археологию в седло, а уж поедет она сама!» (Mannus 1, 1909: 13 — см. Gummel 1938: 317– 318). Археология была для него чем-то вроде древнего германского рыцаря-крестоносца — в панцире, при оружии и непременно в седле, готовая ехать и завоевывать далекие земли. Почти на полвека его слова стали лозунгом. И она поехала, у, как поехала!

При жизни он возбуждал ненависть и презрение, но пользовался огромной славой и популярностью, получил множество почестей. Тогда же, однако, самый верный и последовательный его ученик (поляк Ю. Костшевский) стал его злейшим врагом и одним из главных противни-

© Л.С.Клейн, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

ков. Другой ученик, самый крупный теоретик из всех учеников (Э. Вале), стал его главным критиком. Его главным союзником и наследником стал его самый ненавистный соперник и враг (Карл Шухардт). Через полтора десятка лет после смерти Косинны все его ученики и ученики учеников от него отреклись и отвернулись. Но именно в это время его старые заклятые враги — принципиальные противники и ученики его противников (прежде всего советские археологи), ни на минуту не оставляя своей враждебности, переняли и освоили его методы. Так всё ли из его наследия должно оставаться втуне, вне науки? Он был врагом, боролся, побежден. Он сеял зло, он строил злую науку. Но из чего строил, что для этого находил и создавал? Надо разобраться.

Конфликтный, склочный, недоброжелательный, завистливый, воинственный... Психологический портрет злого гения? Разбор его творчества — это что, погружение в потемки его подсознательных стимулов и осознанных стремлений? В детстве, — повествует его панегирический нацистский биограф, — его сильно подавлял и обижал старший брат Рихард (три года разницы). Отсюда появились в нем эта замкнутость, этот комплекс реактивности, пружинной агрессии. В то же время он очень любил играть на рояле (Stampfuß 1935: 9-10, 15). Что же, Вагнер тоже любил и был схож с ним в шовинизме. Но не это важно.

Почему он стал для широких кругов научной молодежи властителем дум? Только ли молодежи? Какие силы истории вознесли его на гребне волны, чтобы затем уронить в пучину забвения? Сколь глубоко это забвение? И кому оно нужно? Где сейчас силы, стоявшие за Косинной? Почему им не нужен сейчас Косинна? Вот вопросы, гораздо более важные. Вопросы волнующие, потому что они задевают основы тяжелой исторической драмы, так недавно потрясшей Германию, Европу и мир. Драмы, оставившей семена недоверия и тревоги.

И еще. Вот я каждое лето выезжал в степь копать курганы. В нашу степь. Под знойным солнцем мы вонзаем лопаты в могучие горбы и к осени стоим глубоко на древней поверхности в кольце обширного отвала. У ног чернеют входы в подземелья, а там в катакомбах лежат скорченные скелеты, с костями, окрашенными в малиновый цвет. Лежат то поодиночке, то парами, по трое и больше. При них горшки с узорами, образованными оттисками шнура и тесьмы, каменные боевые топоры, бронзовые ножи и шилья. Так хоронили здесь своих покойников люди бронзового века, II тыс. до н.э. — четыре тысячи лет тому назад. В незапамятные времена, от которых не сохранилось ни письменных, ни устных преданий.

Но очень похожие горшки и топоры находят в курганах Дании и Северной Германии: шнуровая керамика, боевые топоры-молоты. Косинна и его ученики имели для этого наготове объяснение: цивилизаторский поход древнейших прагерманцев — один из их многих центробежных походов (по нумерации Косинны десятый) — принес эту культуру в степи России. Наглядный урок для потомков. Сколько усилий потратили наши, и не только наши, но и английские, чешские, польские археологи, чтобы опровергнуть это построение!

Одни доказывали, что всё было навыворот: поход шел из степей Предкавказья и Украины в Центральную и Северную Европу, а не обратно, неверна хронология Косинны, северные памятники — поздние. Недавно радиоуглеродным методом физики установили: северные курганы — древние, относятся к III тыс. до н.э., тогда как наши — ко II тыс. Не мог идти поход с юго-востока на северо-запад. Да и нужно ли было ждать радиоуглеродного метода — ведь наши памятники с металлом, а северные родичи жили еще в каменном веке!

Другие археологи утверждали, что вообще не было тут никаких походов, никаких переселений, никаких миграций. Северные курганы сами по себе, наши — сами по себе: параллельное развитие. Тоже не получается. У северных есть на месте предковые формы (прототипы), у наших — нет. Все попытки вывести новую культуру целиком из предшествующей не выдерживают проверки (хотя, конечно, кое-что из предшествующей культуры сохранилось в новой). У предшествующего населения другая посуда, другие могилы и даже другие черепа.

Наконец, оставался еще один спасительный отвод: ладно, пусть ни местное происхождение, ни поход на северо-запад не подтверждаются, но и приход с северо-запада недостоверен! Не все элементы новой культуры выводятся с северо-запада — например, катакомб там и не бывало, характерных ритуальных сосудов (курильниц) — тоже. Верно, более ранние курильницы близкого типа оказываются на Дунае, а дальний очаг погребений в катакомбах — Восточное Средиземноморье. Как же они все «стеклись» в нашу степь? На каждый элемент — по походу? Но тогда почему походы приносили только по одному — два элемента культуры? Куда девались остальные? Предположить импорт идей? Но как они передавались на далекие расстояния? Ведь телевидения не было. Значит, оставим всё в неясности. Откуда пришли эти племена к нам — неизвестно. Может быть, с юга, востока и т.п. Причина совпадений с северными и западными находками непонятны — может быть, случайность...

Ах, слишком много случайностей. Слишком близки сходства. И главное — слишком проста та гипотеза, которая отвергается. Вышли оттуда, пришли сюда, что имели — принесли с собой, маршрут усеяли тем, что теряли по дороге... А было ли в жизни всё так просто? Миграции древних племен не были похожи ни на эту

модель, ни часто друг на друга. Они были все очень разнообразны — этому учит этнография. Переселенцы отрывались от родины, еще не зная, куда идут. Чаще всего их гнал голод, иной раз давление соседей. Не сразу попадали в конечный пункт. Не оставляли по могиле на каждом привале. Недолго сохраняли отечественные традиции, да зачастую и не все традиции знали (если не всё общество снималось с места). Являясь в земли чужих богов, старались приспособиться. Новое впитывали жадно, легко. И выйдя через сотни лет к землям, на которых почему-либо смогли задержаться, приносили туда лишь часть того, что имели первоначально, зато много — захваченного по пути.

Что ж, проверим эту модель. И вот я нахожу по литературе отчетливые следы временного пребывания северян как раз там, где оказались прототипы других наших загадочных явлений — катакомб, курильниц, а именно — на Балканском полуострове, в Подунавье... Вдобавок, в наших степях не все эти элементы соединены вместе. Здесь тоже были разные пришельцы. В том числе, видимо, северяне. Предки германцев? Или славян, балтов и т.п.? Любой вариант нельзя утверждать. Но не исключается.

Это была моя кандидатская диссертация (Клейн 1962; 1966; 1968). Для права на защиту полагается иметь две-три статьи по избранной теме. Я решился представить диссертацию к защите, когда по этой теме у меня накопилось больше двух десятков опубликованных статей. Но диссертация проходила трудно. Много жестких предварительных обсуждений, сама защита — четыре часа. Коллеги были вежливы, ударов ниже пояса не наносили, нападали только на саму аргументацию. Никто не произнес этих слов: «десятый поход Косинны...».

Что же мне удалось доказать всем? Что здесь не одна культура, а несколько. Что все они не местные, а пришлые. Это теперь общепризнано. Что у одной, по крайней мере, есть какое-то родство с северянами и другими европейскими племенами. Что те культуры древнее наших. Что миграции бывали разными. Это всё как будто не отрицается, хотя такого дружного и активного принятия, введения в практику исследований тут уже нет. Наконец, моя конкретная реконструкция миграции (маршрут, даты и т.д.) расценивается как лишь одна из возможных гипотез. Допустимых. С трудом. Но пока она осталась единственной, объясняющей связи с севером. Возможно, появится другая, лучше, точнее, убедительнее — другой маршрут, другая дата... Помогут новые факты, новые методы.

Но если не исчезнут *старые* факты, то новые гипотезы будут вынуждены удерживать ту же основу. А старые факты в науке отменяются чрезвычайно редко. «Теоретически», «в принципе», можно, конечно, понастроить сколько угодно гипотез, развернутых в любых направлениях. Но это если нет фактов. Факты сковывают. Они ограничивают полосу возможных поисков. Они выталкивают с других направлений на одно, пусть еще весьма широкое. Новые факты его сузят. Это направление, ведущее к истине.

И вот обида, выходишь на него — и устанавливаешь: задолго перед тобой по нему прошел этот проклятый Косинна! Скверно прошел. Наследил и напутал. Наставил рогаток и сетей. К полной истине не вышел, увел потом куда-то в сторону. Но прошел. И никуда от этого не денешься. Не сворачивать же на другое направление только поэтому!

Небольшое уточнение. Десятый поход Косинны достигал, собственно, лишь Днепра, дальше его распространяли уже ученики Косинны, ознакомившись с материалами этих территорий. Но и на самом Днепре есть также группа памятников (шнуровая керамика, боевые топоры), судьба которых в науке очень схожа с нашими курганами — с тою лишь разницей, что защитники ее местного происхождения, хоть уже и не представляют общее мнение, еще не отказались от своих надежд вывести всё из местных корней. А ведь придется отказаться, это понимание распространяется всё шире.

Другой сюжет. Уже не бронзовый век, а железный. Первое тысячелетие нашей эры. Территория не степной, а лесостепной Украины. На обширных пространствах густо разбросаны могильники и поселения с гончарной (изготовленной на гончарном круге) посудой, свидетельствами развитого земледелия и скотоводства. На могильниках в урнах — прах и пережженные косточки кремированных покойников. Рядом — гребни, застежки-фибулы. Много римских монет. Культура эта, открытая в начале XX века и названная по одному из типичных могильников черняховской, привлекла к себе пристальное внимание археологов.

По территории она включает в себя самое ядро будущего Киевского государства. По высокому уровню развития могла бы объяснить подготовленность восточных славян к образованию государства в самом конце тысячелетия, являясь как бы передаточным звеном в эстафете культурной традиции от скифов-пахарей к историческим славянам-русичам. По облику посуда как будто напоминает славян великокняжеской поры, а что славяне до принятия христианства сжигали своих покойников, известно из летописи, да и следы есть в лексике: мы до сих пор называем останки *прахом*. Наконец, по сведениям византийских авторов, где-то на этой территории в VI-VII веках н.э. обитали анты, славянская принадлежность которых видна из их имен: Доброгаст, Межимир (Мечемир?)...

И черняховская культура была объявлена раннеславянской.

Для Косинны же и его учеников (Stampfuß 1942), да и для всех его немецких коллег было несомненно, что все такие памятники оставле-

ны ранними германцами: очень схожие «поля погребальных урн» покрывают всю Центральную Европу. Это сходство первым заметил немецкий ученый Пауль Рейнеке (кстати, критик Косинны). Что германцы побывали в те давние времена и на Украине, известно из письменных источников. В 238 г.н.э., например, туда вторглись с северо-запада готы, подчинили ряд местных племен и держались там до 375 г., когда их смело нашествие гуннов. Об этом оставил записи готский епископ VI века Иордан. Еще в XVIII веке в Крыму жили остатки этих готов, говорившие на готском языке. Латинские географические и исторические сочинения знают и другие германские племена на побережье Черного моря: герулов, бастарнов, гепидов.

Советские археологи, особенно украинские, положили много усилий на то, чтобы отстоять славянскую принадлежность черняховской культуры, «не отдать» ее готам. Полагали, что готов там было мало, а пребывание их на Украине столь кратковременно, что заметных следов от них не осталось. Отыскивали в Крыму погребения поздних готов, чтобы показать: не похожи. Исследовали сходства с культурой Киевской Руси, с одной стороны, скифов-пахарей — с другой. Более грубую достоверно славянскую культуру непосредственно предшествовавшей Киеву поры — роменскую, раз она означала регресс по сравнению с черняховской, трактовали как периферийную, захолустную. Особенно внимательно изучали хронологию: покрывает ли черняховская культура (вместе с родственной ей зарубинецкой) разрыв между скифами и историческими славянами или вписывается в тот узкий интервал, который заняли готы.

С хронологией, прямо скажем, получалось плохо. Римские монеты с черняховских мест упорно группировались именно в тех веках, которые надлежало отвести готам: III-IV. Ушли готы — и черняховской культуре конец.

Один киевский археолог сумел очень изящно объяснить это противоречие: монеты сигнализируют не продолжительность культуры, а лишь продолжительность торговли с Римской империей. Империя шла к упадку и гибели, торговля с Причерноморьем прервалась — и приток монет прекратился. Черняховская же культура продолжала жить вплоть до VII века. Вот черняховские памятники, в которых найдены очень поздние вещи: стеклянный кубок, глиняная амфора и др. Археолог выступил с блестящим докладом на конференции в Киеве (Доклады 1953).

Я, тогда недавний выпускник Университета, ввязался в этот спор случайно. Написал рецензию на сборник докладов этой конференции. Весьма скептически отнесся к отысканию предков славян среди скифского населения (я тогда специально занимался скифами), а вот о расширении хронологического диапазона черняховской культуры отозвался всего парой слов, притом с некоторой даже симпатией: оригинальность идеи мне понравилась. Рецензию отослал в московский научный журнал.

Вскоре получил оттуда извещение, что рецензия принята к печати, но редакция просит рассмотреть подробнее именно вопрос о черняховской культуре и рекомендует внимательнее рассмотреть доказательства докладчика. То есть мне был дан намек, что я недостаточно критически воспринял его выводы. Я набрал книг, проконсультировался у старших коллег и засел за проверку. Одно за другим рушились доказательства: и амфора не того века, и стеклянный кубок не того типа, и т.д. Опять остались два «готских» века для черняховской культуры. Об этом я и написал в рецензии. Рецензию напечатали (Клейн 1955). Это была моя первая печатная работа. В том же номере была напечатана большая статья пожилой ленинградской исследовательницы славянских древностей — в статье очень солидно опровергалась непрерывность развития на землях Украины в I тыс. н.э.

Вот уж не ожидал, что поднимется такой шум. В Киевском институте археологии два дня шло обсуждение этих двух статей на расширенном заседании Ученого совета, протоколы обсуждения были опубликованы. Одни участники резко против, другие — за, третьи — ни за, ни против (Максимов 1956). Еще долго появлялись отклики в печати...

С тех пор прошло много лет. Отгремел еще ряд дискуссий по черняховской культуре. Хронология ее установлена прочно — узкая, меньше двух веков. Многочисленными раскопками обнаружена настоящая культура антов VI-VII веков — корчакская или «пражского типа»: увлекшись черняховской, эту как-то не замечали. Теперь она известна — и поселения, и могильники. Керамика грубая, лепная, от руки (сделана без гончарного круга). Культура в целом менее развитая, чем роменская. От нее через роменскую к культуре Киевской Руси идет несомненный и довольно быстрый прогресс. Предки ее носителей пока неизвестны, но это никак не люди черняховской культуры: ничем нельзя было бы объяснить резкий упадок хозяйства, утрату многих технических навыков, да и формы вещей, жилищ, могил несхожие. Сторонники единой линии развития от скифов через черняховскую культуру к Киевской Руси оказались, по печатному признанию одного из них, «у разбитого корыта».

Видимо, предки славян проходили более ранние стадии своего развития где-то севернее и не успели еще тогда воспользоваться соседством с развитой римской цивилизацией — тем, чем явно воспользовались люди черняховской культуры, «черняховцы».

Кто же они? Лишь кое-кто из украинских археологов да один-два москвича долго отстаивали славянскую принадлежность черняховцев. Очень многие предполагают, что под этой культурой скрываются разные племена, однако возглавленные готами. А некоторые современные

российские археологи прямо считают готами всех черняховцев и людей родственной им культуры Молдавии и Румынии, и не только готами, вообще — германцами.

Признали. В соответствии с Косинной. Оказывается, можно признать такой факт, и из него не следуют с необходимостью никакие политические выводы. Вопреки Косинне. Но не причастность ли духа Косинны к этому факту мешала нам спокойно и объективно оценить этот факт раньше? А за черняховскими баталиями до недавних лет оставалась в тени подлинная культура ранних славян...

В самом деле, вот в каком тоне один из последних сторонников славянской принадлежности черняховской культуры писал о своих научных противниках: «Как ни странно, попытка воскресить построения германской националистической науки, отнюдь не пополненные фактическими доказательствами, встретила поддержку у ряда советских археологов». Будто из обвинительного акта. Попробуй теперь, воскреси! И далее: «Не так важно доказывать в настоящее время славянскую принадлежность памятников полей погребений (аргументов в пользу этого мнения приведено множество). Основным требованием в данный период должно явиться обращение к сторонникам миграционной теории происхождения черняховских памятников с предложением предъявить развернутые доказательства в пользу восточногерманской теории происхождения черняховской культуры». То есть нам доказывать нечего, а вот вы давайте, доказывайте! Потому что «указанная тенденциозная теория или должна быть заново доказана и подкреплена фактами, или же она не имеет права на существование» (Сымановичь 1970: 83, 87). Любопытно: а если будет «подкреплена фактами», то перестанет быть тенденциозной?

Мне приятно, что именно мой ученик написал наиболее капитальные труды, в которых представлены эти факты, и создал в Эрмитаже многолетний семинар, в котором выросла целая школа исследователей, не боящихся объективно исследовать факты этого плана (Щукин 1977; 1994; Stratum plus 1999, 4).

Третий сюжет. Острый. Очень острый. Еще ближе к нашему времени. Речь идет о призвании варягов. Варягами в нашей истории принято называть тех, кого вся Европа знала как норманнов. Норманны — северные германцы. Нордические. Самые почитаемые Косинной и его последователями.

Восемьсот лет назад записал русский летописец рассказ о том, как призвали новгородцы варяжских князей Рюрика с братьями, как захватили варяги Киевский стол и положили начало династии. Варяги те были от рода Русского, «от них же и ны прозвашася» (от них и мы стали так называться). И вот уже более двухсот лет идет жаркий спор о достоверности этих строк.

Одни (их стали называть норманистами) признали сообщение летописца достоверным и привлекли в доказательство много других фактов: два ряда названий днепровских порогов в византийской хронике Константина Багрянородного («славянские» и «русские»); значение слова «Русь» (ruossi) в старом финском языке (не славянин, а швед); сообщения арабских путешественников X века (о походах руссов к славянам) и т.д. На этом основании норманисты признали норманнов создателями восточнославянской государственности.

Другие противопоставили этому хронологические неувязки летописных подробностей «призвания», распространенность сказочного сюжета о призвании трех братьев, малочисленность скандинавских заимствований в восточнославянских языках и т.д. На этом основании они отвергли достоверность летописного сообщения и отказались признавать сколько-нибудь существенную роль норманнов в истории Восточной Европы. Этих стали называть антинорманистами.

Первые антинорманисты (от Ломоносова до Костомарова) отрицали вообще, что варяги — это норманны. Варягов они производили от западных славян — поморских и полабских — или, на худой конец, от балтов (латышей и литовцев). Археологические находки лишили эту гипотезу малейшей правдоподобности: типично скандинавские вещи и обряды IX-X веков открыты на обширном пространстве от Старой Ладоги до Киева: застежки-фибулы, шейные гривны с подвесками в виде молоточков Тора, погребения в ладье, «умерщвленные» (согнутые) мечи и т.п. А западнославянских вещей почти нет, балтские — только в северных районах, по соседству с балтскими землями. В наши дни только несколько историков всё еще отстаивают старую идею антинорманистов (впрочем, их голоса, кажется, умолкли).

Большинство антинорманистов вынуждено считаться с археологическими фактами и перешло к иной трактовке: да, варяги — это норманны; да, княжеская династия, оказавшаяся на престолах восточнославянских городов, ведет свое происхождение от них. Но, в отличие от Западной Европы, где именно норманны выступили создателями нескольких государств, у нас они лишь внедрились в почти готовое государство и почти никаких следов в нем по себе не оставили, даже имени, да и вообще их было очень мало, а культура их была не выше, а ниже восточнославянской...

Советские историки-марксисты вначале вообще отказались вести спор в этом плане.

Ведь с точки зрения марксизма народы не делятся на способные от природы к созданию культур и государств и неспособные, а государства не создаются по воле отдельных исторических личностей — государей и героев. Государства складываются на базе социально-экономического развития данного общества. Участие местных и пришлых групп населения в этом процессе может быть самым разным — в зави-

симости от конкретных исторических обстоятельств. Норманнские военные дружины, включившись в этот процесс, могли и ускорить его, выступив объединителями племен и предоставив господствующему классу готовую отделенную от народа вооруженную силу — необходимую часть государственной машины. Ничего зазорного в этом для восточных славян нет. Бывало, что и они ускоряли ход истории в каких-то областях мира. Всяко бывало.

Но тут послышались голоса Косинны и его учеников. Они становились всё громче и яростнее. Для этих всё было ясно. Конечно, норманны принесли восточным славянам и государственность, и культуру, иначе и быть не могло: ведь только норманны, эти нордические германцы, и могли создать то и другое на Востоке. Без Рюрика и его братьев славяне и по сей день прозябали бы в бескультурье, невежестве и неорганизованности. Упование на пришествие современных варягов остается и сейчас единственной перспективой для славян удержаться в числе цивилизованных народов. Для германцев же цивилизаторская и культуртрегерская миссия получает историческое обоснование: вот они, следы древних северных германцев в Восточной Европе — фибулы, погребения в ладье, согнутые мечи и т.д.

— Нет, — возразили советские археологи, — фибулы могли попасть сюда в результате торговли; мечи у самих-то норманнов не свои, а франкские; погребения в ладье, может, вовсе и не норманнские; вот разве что молоточки Тора — но их так мало... Варяги здесь если и были, то в ничтожном количестве и никакой существеной роли не сыграли, а культура их...

И спор перешел в прежнее русло: норманизм — антинорманизм. Гипотезы? Тенденциозны. Факты? Недостоверны. Признания? Вредны.

В самом деле вредны?

И в этом споре у меня была своя личная заинтересованность, своя доля участия. Тоже втянулся как-то незаметно. Обратил внимание на очень уж натянутые доводы антинорманистов, на сдвиг от позиций, казалось бы, марксистских, к старым, явно националистическим. Стал излагать свои сомнения по этому поводу в выступлениях на дискуссиях и в лекциях. Среди идеологических заправил факультета возникли недоумения — как же так? Ведь эти самые мысли провозглашает — кто? Достаточно ли у вас аргументов, чтобы выдвигать столь ответственные (или безответственные) утверждения? Заинтересовалась молодежь.

И вот сложился в моем семинаре коллектив молодых археологов, занявшийся поначалу сбором и проверкой всех материалов по «варяжскому вопросу» (позднее задачи расширились, и этот вопрос стал лишь частью тематики семинара). Старались, чтобы сбор был полным, методика строгой и продуманной. Трудились несколько лет. В 1965 г. противники вызвали нас на публичную дискуссию, которая собрала неожиданно большую аудиторию и прозвучала громко. В дискуссии удалось отстоять свою позицию и, по крайней мере, право на существование в советской науке (Клейн и др. 1970; Клейн 1999).

Но может быть, наша работа неуместна, ненужна, вредна? Может быть, признавая «неприятные» факты, мы льем воду на мельницу врагов нашей страны? Может быть, «как ни странно», мы делаем «попытки воскресить» и т.д.? Может быть, мы забыли, что именно Косинна и его ученики утверждали, что... и т.д.?

Тогда для нас особенно опасными были обвинения в противоречии марксизму. Но мы ссылались на классиков марксизма. А вот Энгельс (1964: 366) писал дочери Маркса Лауре: «говорить: *белое*, только потому что мой противник говорит: *черное* — значит просто подчиняться закону своего противника, а это ребяческая политика». А вот Ленин (1961: 49) писал о философах и историках прошлого, что они «науку двигали вперед, несмотря на свои реакционные взгляды». А Маркс и вовсе был, по нынешним оценкам, норманистом...

Нет, мы не собираемся «воскрешать» Косинну. Мы не воспылали к нему любовью, раз в Западной Германии от него отреклись, а в Англии и США игнорируют. Но мы и не будем говорить «белое» обо всем, что Косинна называл «черным». И мы не будем отвергать то, в чем он продвинул науку вперед «несмотря на свои реакционные взгляды» — если продвинул. Мы хотим разобраться.

2. Наш ярлычок косиннизма (Историографическое введение)

Нет археолога, сочинения которого выдержали бы столько изданий, сколько книги Косинны. Полвека вся европейская археология ожесточенно спорила, прав он или не прав. Но в объемистой историографической книге Даниела, озаглавленной «Сто лет археологии», имя Косинны упоминается лишь однажды, в случайном контексте, и не вынесено в указатель (где есть, однако генерал Рой и мисс Эдвардс), а его учению не уделено ни строчки (Daniel 1950: 241). Молчание — не всегда знак согласия, чаще — разновидность критики. Но не лучшая разновидность, особенно для историографа. Неужто Косинна был настолько непримечательной фигурой в истории науки? Можем ли мы, положа руку на сердце, сказать, что от его вклада не осталось ничего в современной археологии? Или все дело в том, что Косинна был малоприятной личностью, что с его именем связаны мрачные страницы истории немецкой науки и хочется поскорее о них забыть? Но историк не вправе забывать и вычеркивать. На то и исто-

рия науки, чтобы извлекать из нее уроки. А для этого необходимо штудировать все страницы — трагические и веселые, скучные и увлекательные, удручающие и патетические. Анализировать, рассматривать в перспективе времени, оценивать, различать.

В декабре 1931 г. умер Косинна, не дожив всего полутора лет до воцарения нацизма в Германии. Косинна стал предтечей и основоположником гитлеровской археологии, и его учение вошло в идеологический арсенал национал-социализма. Естественно, что крах нацистского государства и падение его идеологии означали дискредитацию учения Косинны, — пожалуй, особенно в Германии. «Вторая мировая война, — пишет Прейдель, — не только передвинула политические границы, она также устранила некоторые духовные ограничения, которые до сих пор сужали наш кругозор, она отрезвила и очистила всю атмосферу. Полюбившаяся и ставшая родною картина мира зашаталась, мы утратили всякую твердую основу и вдруг узнали, как непрочен и далек от действительности был наш мир идей, в котором мы до того жили» (Preidel 1954: 7). Этот мир для немецкой археологии был в значительной мере миром Косинны. «Разве верит сегодня еще хоть кто-нибудь, — восклицал сразу после войны (1946) Якоб-Фризен, — в его «доббертинцев», в его 14 индогерманских походов или в его расово-психологический закон...?» (Jacob-Friesen 1951: 3). Конечно, бывает, что промелькнет и в наши дни в литературе писанина какого-нибудь лондонца Роджера Пирсона о культуртрегерских завоеваниях нордической расы (Pearson 1966), но все понимают, что это не более, чем редкостный патологический казус, курьезный анахронизм, стоящий вне науки.

У Косинны никогда не было недостатка в противниках и критиках, но теперь критиковать Косинну стали все. Вернер выступил даже (против Отто) в защиту приоритета западнонемецких археологов перед восточнонемецкими в критике Косинны, ссылаясь на работу Вале 1941 г. (Werner 1954). Российские археологи могли бы включиться в этот спор, напомнив о статьях 30-х гг. Равдоникаса и др. В свою очередь, поляки могли бы потребовать пальму первенства для Костшевского, выступавшего с критикой Косинны еще раньше. На это немцы могли бы возразить, что Костшевский критиковал Косинну методами, которыми он выучился у самого Косинны, а вот гораздо раньше с Косинной начал войну Шухардт. Ну, относительно Шухардта советские археологи уже давно определили, что он, несмотря на свою академичность и все нелады с Косинной, занимал позиции, очень близкие Косинновским. Не лучше ли уже припомнить старых немецких и австрийских археологов и историков, Гёрнеса, Шрадера, Эд. Мейера, Рейнеке, критиковавших Косинну еще в самом начале века? И не окажутся ли тогда первыми в скептическом отношении к Косинне те, кто первыми применил к нему фигуру умолчания скажем, Мух, Мерхард? Но в таком случае спор, начатый Вернером, мог бы решить разве что господь бог, потому что ему одному ведомо, кто, когда и о чем молчал.

Да и не столь важно, кто первый сказал (или промолчал) «а». Важнее другое: сколь различны были сами критики и как они по-разному и за разное критиковали Косинну? Но ведь это и в наши дни так. А кто и за что сейчас критикует Косинну? Странное дело, до чего различны современные критики в своем подходе к учению Косинны, в своем понимании сути этого учения, в определении его социально-исторических корней, места и значения в истории науки!

В Советском Союзе долго было принято отождествлять с учением Косинны миграционизм вообще (напр., Брайчевский 1968: 11; Монгайт 1952: 17), а так как к миграционизму на практике относили любое признание значительной роли миграций (особенно в расселении индоевропейцев), а нередко и любую констатацию конкретного переселения, то рамки школы Косинны в представлении советских археологов непомерно раздвигались и в его сторонники попадали не только такие люди, как Шухардт (это бы еще было не столь парадоксально), но и такие, как Чайлд (Богаевский 1931). В Германии же Косинну было принято именовать не миграционистом, а наоборот — автохтонистом, поскольку он отстаивал автохтонность германцев на Севере Европы, откуда и расходились все его миграции. Миграционистами же оказывались лишь те, кто отстаивал противоположные направления древних переселений. Рамки школы Косинны чрезвычайно сужались, и даже его ученик Костшевский, несмотря на преемственность в методике, уже выпадал из охвата.

В недавние годы Брюсов усмотрел в работах Хойслера признание дальних миграций народа шнуровой керамики на восток и расценил это как наследие Косинны (Брюсов 1965: 47-49). Хойслер, который, кстати, вообще скептически относится к констатациям дальних переселений, конечно, отверг это обвинение. Более того, намекая, видимо, на гипотезу самого Брюсова о движении катакомбной культуры в Центральную Европу (а всего-то там есть только аналогичные боевые топоры да одна молоточковидная булавка), Хойслер мягко заметил: «Я думаю, что не меня следует упрекать в миграционистских построениях Косинновского размаха» (Гейслер [Häusler] 1966: 323). Здесь критерием уподобления Косинне стало уже не направление миграций, а размах построений в сопоставлении с незначительностью и узостью фактологической базы. В устных дискуссиях автору этих строк тоже доводилось встречаться с подобными намеками — в связи с его гипотезой о ютландском происхождении одного из составных компонентов донецкой катакомбной культуры (Клейн 1962; Klejn 1966; 1969) — в этом случае и направление миграции пошло бы в счет!

По иному пониманию, идущему от Вале, краеугольным камнем здания Косинны и истоком всех бед было отождествление археологической культуры с этносом. Польский археолог Мошинский именно это отождествление принял за основу «косиннизма» и, пользуясь этим критерием, отнес всех советских археологов к последователям Косинны, сделав единственное исключение для автора этих строк (Moszynski 1957: 10-12). (Впоследствии он уже не мог бы провести столь всеобъемлющее обобщение: многие советские археологи поставили под вопрос уравнение «культура — этнос». — см. Монгайт 1967).

Расплывчатость представлений о содержании косиннизма была одной из причин, по которым советские археологи поначалу не замечали важных изменений в теоретических взглядах послевоенной западнонемецкой науки. Монгайт (1952: 17) оценивал господствующую ситуацию еще в 1952 г. следующим образом: «Реакционные идеи Косинны возведены в идеал, к которому наука должна стремиться. Миграционизм в его наихудшей форме, националистические, расистские идеи культивируются австрийскими и западнонемецкими археологами особенно усердно». В 1963 г. Монгайт (1963: 46-47) должен был уже признать: «Косинна умер уже 30 лет назад, и уже почти не осталось его учеников и последователей...». Он, однако, добавляет: «От нордического мифа ничего не осталось, но реакционные шовинистические идеи продолжают жить в буржуазной науке, и борьба против них остается важнейшей задачей советских исследований». Через еще 4 года Монгайт подробно и сочувственно изложил взгляды западнонемецких критиков Косинны, противопоставив их косинновскому отождествлению культуры с этносом, признанному многими советскими археологами. Имея в виду презрительную оценку вклада Косинны Вернером (Werner 1954), Монгайт возражает: «... сколько бы ни говорилось, что учение Косинны — «детская комната археологии» (Й. Вернер) и что мы его давно преодолели, надо сказать, что его концепции лежат в основе многих построений современных археологов». Скоро стало ясно, что и собственная дефиниция культуры Монгайта все эти годы развивалась в русле Косинновского картографического восприятия культур (Клейн 1970: 40).

В. Хенсель (Hensel 1971: 465-491) в своем историографическом обзоре «Археология обитания и ее предшественники» показал, что учение Косинны нередко отождествляется с этнической идентификацией культур вообще и что либо из правомерности этой постановки вопроса выводят правомерность догм Косинны, либо из дискредитации учения Косинны легко делают шаг к отвержению самой постановки этого вопроса.

Так нечеткость историографических представлений порождает забавную путаницу в методологических оценках современных исследователей, ведет к смещению позиций. Западнонемецкий археолог Гахман оценивает ситуацию совсем иначе, чем его цитированные выше коллеги: «мышление Косинны, — утверждает он, — действует в германистике до сего дня» (Hachmann 1970: 181). Констатируя у самого Вале и других критиков Косинны повторение важных особенностей Косинновского подхода к исследованию, Гахман находит в этом даже нечто вроде оправдания для Косинны: «было бы неверно также стремиться подчеркивать недостатки Косинны, которые он нашел готовыми и попросту перенял в мышлении своего времени — времени, в котором он вырастал как ученый. Как тяжело ему, должно быть, было найти истинную дорогу, видно хотя бы из того, что его «ошибки» до сего дня едва ли верно опознаны» (Hachmann, Kossack und Kuhn 1962: 23-24). «Во всяком случае, — отметил Гахман в другом месте, — не каждый критик сознавал, что он работает в основе тем же методом, что и Косинна» (Hachmann, Kossack und Kuhn 1962: 13).

Не пора ли разобраться более основательно в том, что же, собственно, такое «косиннизм», «археология обитания»?

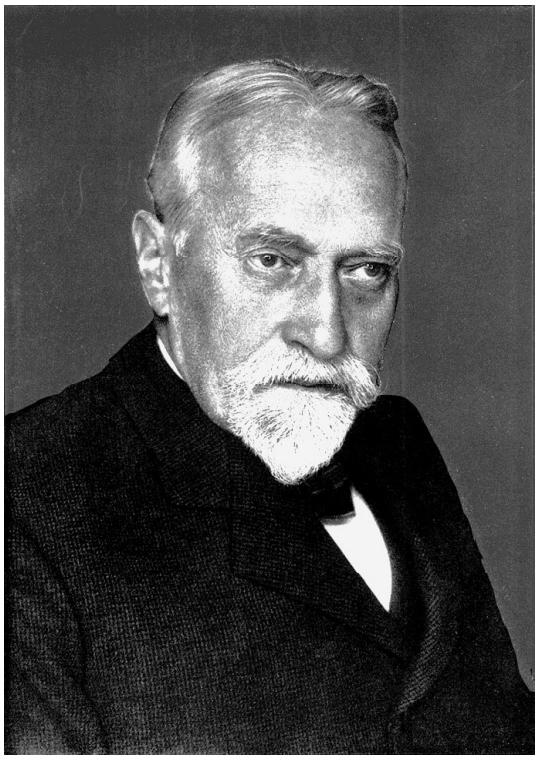
Для лучшего понимания логической связи всех основных положений в косинновском учении и для выяснения исторической основы и социальных корней этого учения есть смысл проследить по этапам, как и в каких условиях это учение создавалось. Небезынтересна в этом плане и личность основоположника.

Часть вторая. Становление концепции

1. У истоков «доисторической этнологии»

Кроме трудов самого Косинны, мы располагаем несколькими обобщающими работами о его жизни, деятельности и учении — это биографическая сводка Г. Гане (Hahne 1922), апологетическая биография пера Р.Штампфуса (Stampfuß 1935) и ряд разделов в замечательной книжке Г.-Ю. Эггерса «Введение в доисторию» (Eggers 1959), которой надежнее всего следовать в изложении канвы биографических фактов.

Густав Косинна (Gustaf Kossinna) родился в 1858 г. в Тильзите (позже Советск, б. Восточная Пруссия) в семье учителя гимназии. По обычаям того времени Густав переменил ряд университетов — учился в Гёттингене, Лейпциге, Берлине и Штрассбурге, слушал лекции по классической и германской филологии, истории и географии. Особенно увлекли его в Берлине лекции К. Мюлленгофа, а в Штрассбурге Р. Геннинга по германскому и индоевропейскому языко-

Г.Косинна.

знанию — проблема «индо-германской» прародины захватила его воображение. Диссертацию Косинна защитил в Штрассбурге в 1881 г. на чисто лингвистическую тему: «Древнейшие верхнефранкские письменные памятники».

Затем молодому филологу пришлось зарабатывать на жизнь сначала в Граце, потом в Бонне, а с 1892 г. — в Берлине службой в библиотеках, которая стала его основной профессией.

Увлекаясь письменными древностями германцев, памятниками их языка и духовной культуры, Косинна, конечно, должен был ознакомиться и с памятниками их материальной культуры. С середины 80-х годов он штудирует археологическую литературу, начав с работ Тишлера по археологии Восточной Пруссии — вероятно, потому, что сам Косинна оттуда родом. Проведенное Тишлером разделение древней Восточной Пруссии на несколько культурных областей и, главное, попытки Тишлера (Tischler 1886-90) объяснить это разделение племенными различиями произвели на Косинну огромное впечатление. Он сразу безоглядно поверил в правильность такого объяснения. И стал соображать: значит, в археологическом материале могут отразиться и границы расселения древнегерманских племен — предмет длительных споров историков: ведь указания древних писателей очень скупы и часто противоречивы, а здесь всё так точно! Конечно, своеобразие тех или иных групп памятников и даже возможности их соотнесения с теми или иными древними народами отмечались и другими археологами, но ни у кого Косинна не встречал такого упора на районирование, такого четкого проведения границ!

Впоследствии в работах Косинны не раз упоминается с явно преувеличенной оценкой «самый выдающийся из всех немецких преисториков прошлого века ... отличный ученый Отто Тишлер» (Kossinna 1941: 154).

Интерес к первобытному прошлому, к археологии привел Косинну в Берлинское антропологическое общество, основанное еще в 1869 г. Вирховом и Бастианом. Его учитель Геннинг был зятем Вирхова.

Около трех десятков лет Вирхов стоял во главе германской первобытной археологии. Этот медик, политик и этнолог сделал и сам ряд важных археологических открытий, в частности он определил «городищенскую» керамику как славянскую, оставляя предшествующие этой культуре поля погребений раннего железного века за германцами. В более глубокой древности, в бронзовом веке, он обнаружил культуру «*урн с выпуклинами*» (Buckelurnen), названную впоследствии *лужицкой*, и воздержался от ее этнического определения. Созданное им общество издавало «Журнал по этнологии» (Zeitschrift für Ethnologie), «Доклады» (Verhandlungen) и «Сообщения о немецких археологических находках» (Nachrichten über deutsche Altertumsfunde).

В обществе царило горячее увлечение первобытностью и ощущалась конкурентная неприязнь к античной, классической археологии — старшей и более зажиточной сопернице. Об одном из археологических конгрессов Вирхов сказал: «Тут появились мы, презренные антропологи, в известной мере как пролазы на паркете классической археологии» (Virchow in Korrespondenzblatt 1886: 72). Директор Майнцского музея Л. Линденшмидт (в свое время главный противник системы «трех веков» Томсена) иронически называл классических археологов «олимпийцами» (Gummel 1938: 205-206).

После его смерти разгорелась борьба за руководство этим музеем между античниками и первобытниками. Вирхов, выступая в Берлинском антропологическом обществе, докладывал об этом в таких словах: «...Наше дело казалось почти безнадежным, так как новички нашли энергичную поддержку в администрации германского государства. Кризис наступил, когда исследование лимеса представило как людей, так и находки, и когда эти люди с решимостью повели к тому, чтобы оккупировать дотоле независимый музей для своих целей...» (Virchow 1900: 579). Дело закончилось компромиссом — стороны сошлись на кандидатуре Шумахера. Такова была атмосфера в антропологическом обществе Вирхова.

Косинна прилежно посещал ежемесячные заседания этого общества в Музее этнографии, где другом Вирхова (также медиком) А. Фоссом

была собрана единственная в Германии коллекция по археологии всей Европы. С заседаний Косинна обычно возвращался вместе с Альфредом Гётце, который жил неподалеку от него. Это сблизило их.

Гётце был вторым немцем, получившим профессиональную подготовку именно по первобытной археологии (первым был Бушан): он учился в Галле у Клопфлейша — одного из нескольких профессоров, читавших тогда первобытную археологию, и защитил в 1890 г. диссертацию по первобытной же археологии. Когда в Трое понадобился специалист по первобытным древностям, Вирхов рекомендовал туда А. Гётце. В эту кампанию раскопок, проведенную уже после смерти Шлимана, именно Гётце и опознал в VII городе Трои черепки лужицкой керамики. Он обнаружил их также во многих музеях Подунавья. Ввиду того, что у Геродота фракийцы самый большой народ после индов, Гётце определил лужицкую культуру как фракийскую, тогда как большинство считало ее германской.

Гётце не любил писать (его диссертация — это тоненькая книжечка, хотя в ней аккумулирован огромный труд). Но он охотно делился мыслями с коллегами. И мысли Гётце были выражены на бумаге — но в работах Косинны. «Гётце, — пишет Эггерс, — сам так и не собрался опубликовать свое “троянское открытие”, иначе *он* и был бы сегодня открывателем “великого переселения” народа “полей погребальных урн”» (Eggers 1959: 207).

Но если лужицкая культура Центральной Европы — не германская, то где же в бронзовом веке жили предки германцев железного века? Косинну интересовали прежде всего именно германцы. Ответ он должен был увидеть в первых же новаторских исследованиях шведского археолога Монтелиуса, которые, конечно, не могли пройти мимо внимания членов Берлинского антропологического общества. К концу 80-х годов Монтелиус уже разработал типологический метод, применил его к бронзовому веку Северной Европы и продвигал в неолит. В работе 1884 г. (немецкий перевод — 1888) он высказался в том смысле, что по смене археологических культур можно устанавливать вторжения древних племен, а проследив с помощью типологического метода непрерывное развитие в культуре Дании, Швеции и Норвегии в глубь веков — от древних германцев через бронзовый век вплоть до неолита, мы вправе заключить, что германцы жили здесь уже в неолите. «Культурная преемственность свидетельствует о постоянстве населения» (Montelius 1888: 151-160).

Но Монтелиус бросил эту идею мимоходом. Типологический метод был для него в основном средством установления относительной хронологии (по крайней мере декларативно), а как способ выявления генетических связей культур разных эпох — не интересовал. Что германцы жили здесь уже в неолите, было любопытно, и только. Какие точно земли они занимали, где проходили границы расселения — опять же ему было безразлично.

Иное дело Косинна — именно территорию, именно границы он жаждал узнать. Уже в исследованиях его немецких коллег и предшественников — Вирхова, Гётце, Тишлера — всплывал вопрос о территориях культур как этнических областях народов, о которых сообщают древние авторы. Косинна же поставил его во главу угла. Идея Монтелиуса послужила путеводной нитью для заполнения еще более древних культурных ареалов этническим содержанием.

Так были подготовлены основы метода Косинны — «археологии обитания». Ее разрозненные элементы уже существовали у его предшественников: обнаружение отдельных культур, занимающих определенные территории; этническое определение их; объяснение сходств дальними переселениями, а различий — вторжениями; прослеживание генетических связей по археологическим остаткам; автохтонность германцев в Северной Европе; филиппики против античной археологии...

2. Начало «археологии обитания»

Ежегодно немецкие исследователи первобытного общества съезжались на свое общее собрание — каждый раз в ином городе. В 1895 г. очередным местом съезда стал Кассель. Там 37-летний библиотекарь Косинна выступил с докладом на тему: «Доисторическое распространение германцев в Германии» (Kossinna 1896). Это был знаменитый «Кассельский доклад» Косинны — первое применение нового метода, важность которого сам автор отнюдь не склонен был недооценивать.

На заре истории, утверждал Косинна, мы везде, где письменные источники указывают германцев, застаем своеобразные погребения и вещи. Это позволяет провести границы раннегерманской территории гораздо более точно, чем по указаниям письменных источников. Карт, которые могли бы подтвердить это утверждение, докладчик не предъявил, но заявил, что всегда готов это сделать. По аналогии он распространил это утверждение и на доисторические времена — и тогда «культурные области» должны были означать территории народов.

Каких народов? Следуя указанию Монтелиуса, Косинна проследил по археологическим материалам на Севере Германии и в Южной Скандинавии преемственность между культурой достоверных, засвидетельствованных классическими авторами, германцев раннежелезного века и предшествующей культурой бронзового

века, для которой письменных источников нет, и перенес на эту более древнюю культуру название германцев. Тем самым он указал территорию, обитаемую германцами в бронзовом веке, и провозгласил глубокую древность германцев в Северной Европе — удревнил их проживание там на полтысячи или даже на тысячу лет. Был им выдвинут и тезис о том, что волны распространения культуры с юга на север объясняются передачей элементов культуры, а направленные с севера на юг — переселением народа.

Дальше этого он тогда не пошел (о чем вскоре пожалел).

Косинна был твердо убежден, что своим кассельским докладом не только превратился в археолога высокой квалификации, но и совершил переворот в археологической науке. Исходя из этого, он сразу же стал тяготиться своим местом библиотекаря и подумывать о должности профессора, но в Берлинском университете этот пост был занят Вирховом.

Между тем претендент не имел профессионального археологического образования, не участвовал в раскопках и не обрабатывал музейных коллекций. Доклад, правда, заинтересовал специалистов свежестью постановки проблемы, открытием нового направления исследований, любопытными предложениями, но никого не убедил, да и не мог убедить: он не содержал доказательств. Одни ученые ограничились вежливыми, но сдержанными похвалами (как А.Гётце, П. Рейнеке), другие, скептически настроенные, пока вообще не отозвались, и немногие, которым доклад импонировал, выражали свой энтузиазм с оговорками. Так, националистически мыслящий профессор Зиглин писал в те годы: «Косинна сейчас бесспорно самый значительный исследователь в области германской первобытной истории, которого мы имеем... Он соединил в себе такое сочетание знаний, как никто кроме него; он понимает ход развития германских древностей, как никто иной. Если бы Косинна был вдруг отнят от науки до того, как он опубликует свои исследования, это означало бы потерю для нас, которую в обозримом времени нельзя было бы восполнить. После смерти Мюлленгофа наука о германских древностях попала в нечто вроде застоя... Из этого застоя нас мог бы вывести только своеобразный талант Косинны, если он опубликует результаты своих исследований в сводном труде» (Sieglin, цит. по Eggers 1959: 215).

В 1901 г. появилась книга известного австрийского археолога М. Муха «Родина индогерманцев в свете первобытной археологии» (Much 1901). Мух применял совершенно иной метод, чем Косинна, а именно — поиски прямых соответствий в археологическом материале облику или, точнее, лингвистической характеристике индоевропейского пранарода. Пользуясь этим методом, Мух пришел к выводу о том, что на севере Европы располагалась общая индоевропейская прародина, т. е. не только древний очаг германцев, но и колыбель всех «индогерманцев». Косинна же до этого не додумался — в Кассельском докладе прародина «индогерманцев» помещалась на Среднем и Нижнем Дунае.

Теперь Косинну осенило, что корни германцев на Севере Европы можно и нужно было прощупать и глубже рубежа неолита и бронзового века; что если германцы там испокон веков сидели, то, значит, — и тогда, когда еще не выделились из индогерманского пранарода и, стало быть, там жил и этот пранарод, а уж оттуда шло расселение его потомков по Европе; что принцип расселения с севера надо было распространить и на праиндогерманскую эпоху... Не сделал этого. Оставалось кусать себе локти.

Но не таков Косинна, чтобы уступить за здорово живешь приоритет в деле, которое должно остаться его исторической миссией и в котором если даже другой опередил его, то лишь по недоразумению, каковое немедленно должно быть исправлено. Он тотчас разразился громовой статьей «Индогерманский вопрос, археологически разрешенный», в которой обрушился на Муха с обвинениями чуть ли не в плагиате. «М.Мух в своей новой книге ... ныне полностью взобрался на мои плечи и опознанную мною прародину германцев объяснил одновременно как родину индогерманцев, соответственно моему давнему убеждению, что эти обе области первоначально совпадали. Но он умудрился во всей своей книге намертво умолчать мой столь знаменитый в свое время доклад и вообще мое имя» (Kossinna 1902: 163). А между тем, в своем «знаменитом» докладе Косинна ведь помещал прародину на Дунае, к тому же Мух работал совершенно иным методом!

Мух выводил из языкознания характеристики пранарода и затем искал археологические пути от исторически достоверных индоевропейцев к культуре этого района. Косинна же заявлял: «Все снова я прихожу к выводу: сначала археология, потом языкознание. Там, где археология еще совсем молчит или мы не понимаем еще ее языка и не можем объяснить, исследованию лучше бы потерпеть» (Kossinna 1902: 185).

Надо отдать должное самообладанию и эпическому спокойствию Муха: уже в 1904 г. он выпустил второе издание своей книги, в котором снова ни о Косинне, ни о его методе и претензиях нет ни малейшего упоминания. Мы же вправе видеть в Мухе еще одного из предшественников Косинны, поскольку от Муха заимствовано и включено в концепцию одно из важных ее положений. Чтобы оправдать свои претензии на лидерство, Косинна постарался в этой статье задним числом придти к упущенному результату уже *своим* методом — реализовать идею расселения из Северной Европы в связях археоло-

гических культур, но эти его поспешные попытки оказались очень общими, декларативными и голословными.

В обеих работах — в Кассельском докладе 1895 г. и, так сказать, «поправочной» статье 1902 г. — ни новые методические принципы, ни конкретные археологические выводы не были обоснованы и детализированы. Они были провозглашены в общей и крайне категоричной форме, так сказать, *ex cathedra*.

Впрочем, кафедра (cathedra, Lehrstuhl) была пока лишь воображаемой и желанной. Но после выхода названной статьи, в том же году появилась и реальная кафедра: умер Вирхов, и, как это ни странно, Косинна действительно получил пост профессора археологии в самом влиятельном среди тогдашних университетов Германии — Берлинском. Сорокачетырехлетний библиотекарь отнюдь не воспринял это как нечаянный дар судьбы. Наоборот, его душило негодование: почему так поздно и почему в такой унизительной форме (он был назначен экстраординарным, т. е. внештатным профессором — это означало: жить на пенсию библиотекаря). И всё же налицо был важный успех: дело было не только в официальном признании и в укреплении авторитета, но и в том, что высвободилось время для более детальных исследований и появилась возможность формировать по-своему научную молодежь. Косинна не преминул воспользоваться тем и другим.

В 1905 г. появилась его большая статья, которой, по мнению Эггерса, суждено было остаться лучшей из работ Косинны, — «Орнаментированные железные наконечники копий как признак восточных германцев» (Kossinna 1905). В этой статье Косинна на конкретном примере детально реализовал свое этническое объяснение археологических «культурных провинций». Установленную языковедами и совершенно неизвестную античным авторам дуальную классификацию германских племен (разделение их по диалектным особенностям на восточных и западных) Косинна усмотрел на археологической карте памятников I тыс. до н.э., продемонстрировав тем самым превосходство в данном вопросе археологических источников над письменными. Он увидел это деление в размещении наконечников копий, фибул и глиняных сосудов, т. е. старался учесть разнообразные части культурного комплекса. Но этой комплексностью характеризовался лишь **подход** к данной работе. **Выход** же из нее, т. е. полученный результат, как его понял Косинна, оказался противоположным, что отражено в названии статьи: и один элемент, одна категория вещей, может послужить опознавательным признаком этноса.

Эггерс отметил, что из этой работы Косинны выросли как ее продолжение и развитие первые крупные работы трех лучших учеников Косинны — Эриха Блюме, Мартина Яна и Юзефа Костшевского (Blume 1912; Jahn 1916; Kostrzewski 1918). Можно лишь добавить, что в их работах нашла развитие лучшая сторона этого исследования Косинны — его комплексный подход к культуре, тогда как сам Косинна в своих дальнейших работах продолжил разрабатывать худшую сторону — ему впоследствии весьма пригодилась завоеванная тогда свобода спекуляций отдельными категориями вещей как опознавательными признаками народов.

Окруженный покорными учениками и вдохновленный их восторженным и юношески некритическим восприятием новизны его идей, Косинна быстро утратил последнюю возможность выслушивать критику со стороны коллег. Раздражаясь и приходя в ярость от малейшего возражения, он всё больше проникался мыслью о необходимости захвата ключевых позиций в археологической науке, чтобы беспрепятственно внедрять свои идеи и направить всё исследование в новое русло. Здесь на его пути встала другая крупная фигура германской археологии его времени — Карл Шухардт.

3. Противостояние и борьба за господство

На год младше Косинны, уроженец Ганновера, Шухардт изучал классическую филологию и археологию в Лейпциге и Гейдельберге, диссертацию защитил по классической филологии, а затем, поступив домашним учителем в семью румынского князя Бибеску, использовал пребывание в Румынии для изучения валов Траяна. Отчет молодого учителя заинтересовал знаменитого историка Т. Моммзена, который предложил Шухардту стипендию для путешествия по археологическим памятникам античного мира.

В 1886 г., т. е. в то самое время, когда Косинна взялся за штудирование классической литературы, Шухардт принял участие в раскопках Пергама. Когда в том же году Шлиман решил поручить составление сводного труда о своих раскопках квалифицированному «способному археологу», специалисту по первобытной археологии, Вирхов рекомендовал ему для этой работы молодого Шухардта, который весьма успешно справился с этой задачей — в 1889 г. вышла его книга «Шлимановы раскопки в Трое, Тиринфе, Микенах, Орхомене, Итаке в свете сегодняшней науки» (Schuchhardt 1889).

Затем Шухардт возглавил музей в Ганновере и объединил в одну организацию все музеи Северо-Западной Германии, обильно публиковал памятники, явился инициатором создания в 1906 г. на месте Limeskommission знаменитой Римско-Германской Комиссии, действующей и поныне. С участием Шухардта в исследовании римских укреплений были открыты пятна ямок от столбов, по которым археологи стали реконструировать деревянные конструкции. Ко вре-

мени смерти Фосса, директора Берлинского музея (1906 г.), за плечами Шухардта было 20 лет раскопок, музейной работы и публикационной деятельности. Немудрено, что именно Шухардт и был назначен в 1908 г. директором археологического Берлинского музея (точнее, археологического отдела «Берлинских музеев»).

Как был поражен Косинна! Он считал себя единственным законным претендентом на этот пост (собираясь совмещать его с преподаванием в Университете), так как Шухардт в его глазах — не специалист, пусть занимается своей античной археологией, а первобытные древности — не его дело!

Тем временем Шухардт начал раскопки первобытного городища Рёмершанце близ Потсдама и перенес в практику первобытной археологии анализ столбовых конструкций. Раскопки Шухардта шли поблизости от резиденции кайзера, и тот часто посещал их, любовался ямками от столбов. Августейшую особу очень позабавили слова Шухардта о том, что «нет ничего более долговечного, чем простая дыра» («nichts ist mehr dauerhaftes als ein ordentliches Loch»), хотя шуточка была нечаянно злой: всего несколько лет оставалось до краха империи Вильгельма II.

Побывал там и Косинна. Шухардт впоследствии вспоминал об этом так: «И на Рёмершанце потом меня посетил Косинна. Они тут, конечно, со своим учеником Блюме, которого он привез с собой, беседовали, собственно, исключительно о различных сортах черепков; с деревянными конструкциями в валу и очертаниями ворот покончили мимолетным взглядом. Я уже тогда видел: наблюдения в поле — не дело Косинны» (Schuchhardt 1909).

Всё же, когда Шухардт в 1909 г. вместо упраздненных «Сообщений» основал «Преисторический журнал» («Prähistorische Zeitschrift»), он вначале имел в виду редактировать журнал вместе с Косинной: видимо, особых идейных разногласий с Косинной у него не было. Но этому воспротивились коллеги: нетерпимость, неуживчивость и бесцеремонность Косинны успели уже приобрести общую известность. Косинна был взбешен: его опять обошли! Он демонстративно вышел из Берлинского антропологического общества и основал собственную организацию — Немецкое общество доистории (Deutsche Gesellschaft für Vorgeschichte), а на членские взносы стал с того же года издавать свой журнал «Маннус» («Mannus» — для названия взято имя одного из героев древнегерманской мифологии) и серию приложений к нему («Mannus-Bibliothek»). Девизом для общества были избраны слова Косинны: «Подсадим-ка первобытную археологию в седло, а уж поедет она сама!» («Setzen wir die Vorgeschichte in den Sattel, reiten wird sie schon können!»).

В числе основателей журнала был и еврей — известный историк-индогерманист Зигмунд Фейст. Вскоре он ушел или от него избавились, во всяком случае, поместили статью против его работ (он отвергал идею трактовки германцев как оставшихся на месте индогерманского очага, отвергал и особую чистоту наследия у них).

На обложке и титульном листе «Маннуса» была помещена виньетка с плохонькой и неясной прорисовкой бюста юноши. Выбор этого изображения Косинна мотивирует так: Маннус — мифологический родоначальник северных индогерманцев. «Их тип, однако, в наибольшей чистоте сохранился у германцев. Поэтому напрашивалось само собой избрать в качестве изображения нашего Маннуса для титульной виньетки одно из прекраснейших и красноречивейших воплощений этого типа — хранящийся в Берлинском музее бюст германца, блещущего самым расцветом юности — прежде он шел под именем императора Викторина» (Kossinna in Mannus-Probeheft 1909).

Уже во втором томе «Маннуса» Косинна поместил большую статью некоего Ф. Кноке «Карл Шухардт как римско-германский исследователь». Статья должна была, по словам Косинны (в редакционном примечании) охарактеризовать «научно-моральную индивидуальность Шухардта» или, как выразился сам автор, «вывести деятельность этого человека на свет божий». Кноке старался подробно доказать, что вся научная биография Шухардта, все его раскопки и публикации — это сплошная серия ошибок и провалов и что даже в классической археологии он всего лишь нахальный дилетант, не говоря уж о первобытной (Knoke 1910).

Печатая в *своем* журнале отчеты о Потсдамских раскопках, Шухардт определил городище с его лужицкой культурой как германское, основываясь на своем понимании Тацита (Schuchhardt 1909). То есть посмел уклониться от косинновской диспозиции, по которой германцам надлежало жить в Северной Германии! Косинна немедленно ответил в *своем* журнале:

«Здесь он ссылается на своего друга Тацита, который ему сообщил, что в его время «в Лужице» (так говорит Шухардт) сидели семноны и что они были очень древним народом; следовательно, заключает Шухардт, с очень древних пор, т. е. уже во времена лужицкой культуры эпохи бронзы должны были сидеть там.

Так вот я ему отвечаю: мои ученики знают это лучше. Они знакомы также с *их* Тацитом, с которым они регулярно беседовали целый зимний семестр, и им он сделал совсем иные сообщения. Они в частности указали ему сначала на статью Косинны об «орнаментированных железных наконечниках копий», где показано, что...» и т.д. (что семноны во времена Тацита жили гораздо севернее).

«... Когда Тацит услышал это мнение моих учеников, то он сказал: Мне было очень интересно услышать это. Но это вообще не отличается от того, что я слышал в Риме... Если, одна-

ко, вы знаете настолько больше, чем господин Шухардт, то почему же он не спросит сначала у вас, прежде чем печатать такие сказки о моих взглядах и о моей «Германии»? И почему бы ему не поработать пару семестров в вашем семинаре вместе с вами, прежде чем публично обсуждать эти вопросы?

На это мои ученики не могли дать Тациту вразумительного ответа. И я, — заключает Косинна, — тоже не могу» (Kossinna 1911b: 325 — 326).

Чувство юмора и вкус Косинне явно не были даны. Шухардт же впоследствии вспоминал, что ему доставило огромное удовольствие читать эти строки (Eggers 1959: 227-229). Но он не поспешил в семинар Косинны изучать Тацита.

Между тем Косинна решил, что приспело время разделаться и с другими корифеями, посмевшими усомниться в благотворности нового метода и достоверности его результатов. Со скептическими отзывами теперь уже успели выступить маститые ученые.

Глава школы историков древнего мира Эдуард Мейер высказался до обидного пренебрежительно: «С такими аргументами, которые приводятся в пользу длительного заселения берегов Балтики индогерманцами, — заявил он, — можно доказать преемственность населения почти для каждой страны на свете», и в частности назвал Грецию (Meyer 1907, II: 673; также 1899 II: 55, 673, 735, 752, 787, 800). Авторитетнейший австрийский археолог Мориц Гёрнес написал, что готов был бы принять «эту упрощенную идентификацию доисторических горшков с историческими племенами за шутку, ... пародию, если бы не святая серьезность автора» (Hoernes 1903: 141; см. также 1905: 233). Наконец, известный лингвист и историк культуры Отто Шрадер, автор капитальных трудов по индоевропейской проблеме, призывает «полностью отвергнуть» гипотезы Муха и Косинны, хотя и не отрицает, что «также и в этих трудах, в частности в труде М. Муха, содержатся некоторые тонкие... важные наблюдения». В адрес обоих Шрадер выдвигает пять обвинений, указывая на

1) «излюбленные обоими исследователями *бездоказательные* отождествления известных культурных районов с определенными народами, особенно с пранародом индогерманцев», у Косинны здесь — «голая аксиома»;

2) «объяснение различных культурных групп *переселениями народов* (а не, скажем, торговлей или передачей культуры) — у Муха почти полностью, а у Косинны полностью бездоказательно;

3) отсутствие доказательств, что переселения шли с севера на юг и с запада на восток, а не в противоположном направлении;

4) «фактический материал, особенно у Косинны, неописуемо скуден»;

5) «у обоих ... материал происходит почти исключительно из западной половины Европы... Так, например, у Косинны арии (индо-иранцы) с помощью шаровидной амфоры продвинуты до Днепра, после чего безнадежно предоставлены собственной участи» (Schrader 1906-1907, I: 118-119, II: 472-473).

Таковы были суровые отзывы представителей трех наук — истории, археологии и лингвистики. Отзывы эти относятся и к результатам и к основам самого метода. Самое время было бы и дать, наконец, систематическое изложение и обоснование самого метода, до тех пор отсутствовавшее. Настоятельную необходимость этого чувствуют и ученики — Эрих Блюме даже сам предпослал своей работе главу методическую, выполненную в 1908 и напечатанную впервые в 1910 г.

Мэтру надо поспешить: его опережают ученики! В 1911 г. также в этнологии вышел знаменитый учебник Ф. Гребнера, так и озаглавленный «Метод этнологии». Там были сформулированы важные для миграционизма критерии родства схожих предметов. И Косинна быстро (в 1911 г.) откликается тоненькой книжечкой «Происхождение германцев. К методу археологии обитания» (Kossinna 1911a).

Конечно, — притворно смиренничает Косинна, — можно было бы «в ответ на дилетантские скептические разговорчики пройти мимо, с усмешкой пожимая плечами... Но мои друзья и ученики в последнее время так сильно давили на меня, побуждая (в интересах науки и влияния «нового направления» в преистории) впредь не игнорировать эти нападки, что я поддался их пожеланиям» (Ibid. 13). И вот так нехотя, «поддавшись» давлению, этот «простой немецкий ученый», как он тут же себя аттестует, вдруг скидывает маску смиренной благости и с остервенением набрасывается на инакомыслящих.

Эдуард Мейер, увы, «король в мире древней истории» (Ibid. 8), и с ним приходится еще соблюдать некоторую вежливость. «Конечно, я охотно преклоняюсь перед выдающимися достижениями, которые представляет «История древности» Мейера. Каким, однако, односторонним выступает Мейер в кругозоре чистого писателя истории, отовсюду отлученный. Ему отказано в верном взгляде, когда речь идет о вопросах, которые с высшей культурно-исторической точки зрения являются решающими и для которых необходимо овладение известными естественнонаучными познаниями, как, например, расовая история при разработке индогерманской проблемы, где Мейер, к сожалению, так полностью заблуждается». После такого предисловия можно ответить и на само возражение. Мейер приводит Грецию в доказательство невозможности установить преемственность. Так ведь Греция попросту плохо исследована. «Страны с недостаточной исследованностью еще не созрели для достоверного ответа на мои вопросы» (Ibid. 6-7).

Мейеру этого будет достаточно. «Теперь нам, к сожалению, надлежит еще разделаться с дву-

мя другими названными учеными, которых приходится отнести лишь «dii minorum gentium» (второстепенным божествам)... — обоими талантами, сила которых состоит не в комбинировании, как того Роон требует от историков, а только в компилировании. Строгая критика — не их удел» (Ibid. 8-9).

Из пяти обвинений Шрадера Косинна считает нужным ответить здесь только на два первых. Шрадер отвергает отождествление культурных провинций с народами — Косинна перечисляет (только перечисляет) ряд примеров, когда народы, известные истории, можно связать со специфическими памятниками: викинги в Нормандии, Британии и России, венды в Центральной Европе, скифы в Юго-Восточной Европе и т.д. Весь перечень умещается на половине одной страницы и в первом абзаце следующей страницы. Кроме того, Шрадер не согласен с манерой объяснять распространение культуры исключительно переселениями народов, тогда как может ведь идти речь и о торговле или о полной передаче культуры. «Ну, речь о них может идти только для того, кто касается этих вещей в качестве начинающего, — терпеливо разъясняет Косинна, — а не для того, кто эти вещи разрабатывает в полном вооружении историка культуры, затем как всесторонне образованный археолог и одновременно как антрополог» (Ibid. 9).

Дав мимоходом столь полную и лестную характеристику своей квалификации (еще не вполне очевидную для большинства его коллег), Косинна совершенно отвергает возможность полной передачи культуры без одновременного переселения людей и обращается к торговле. В состав культуры входят такие элементы, которые не продаются и не покупаются. «Итак, — иронизирует Косинна, — торговля не только определенным оружием, орудиями, украшениями, глиняными сосудами, но одновременно и определенным могильным ритуалом, даже определенной расовой принадлежностью... Так что дело идет о поистине удивительной торговле!» (Ibid. 11).

Для вящего усмирения он еще и пригрозил Шрадеру: «Отдельная полемическая рукопись против Шрадера, хочу я открыть этому ученому, покоится в моем письменном столе и будет храниться на грядущие оказии, если Шрадер меня к тому вынудит, готовой к печати».

Заставив трепетать Шрадера, автор восклицает: «Но тут ведь я еще, как я вижу, к сожалению, не рассчитался с третьим противником ... Морицем Гёрнесом». Ну, с этим и вовсе просто, потому что «его приходится поставить еще одной ступенькой ниже Шрадера, почти на самый низ учености — на уровень чистого компиляторства. С некоторых пор обсуждение этнологических познаний доисторической археологии действует на Гёрнеса, как красная тряпка. Десятки лет он так усердствует против этих занятий преистории, как если бы от этого зависело его существование. Они ему не даются, у него нет для этого ни малейшего дарования, и всё же он чувствует в себе позывы всё снова и снова подавать голос об этих вещах... Это упражнения ядовитой издевки и желчной злобы...» (Ibid. 14).

И Косинна возмущается: «Разве ж я когда-либо просто горшки идентифицировал с народами?... Разве я не рассматривал всегда скорее целые культуры?... Какое богатое содержание подразумевается, когда специалист упоминает простое слово «шнуровая керамика», очень хорошо известно исследователю-преисторику, но, конечно, не дилетанту» (Ibid. 11).

В полемике у Косинны был свой стиль. Здесь для него всегда дело шло не о том, чтобы совместно с оппонентами искать истину или чтобы убедить его, и даже не о том, чтобы припереть противника к стенке и уязвить парой шпилек. Достичь удовлетворения Косинна мог лишь тогда, когда, пустив в ход кулаки и дубину, валил врага наземь и топтал его ногами.

Итак, всем сестрам по серьгам. А как же с обоснованием метода?

В полемике с критиками сформулированы и взяты под защиту три положения: 1) этническая трактовка археологических «культурных провинций», 2) реалистичность прослеживания этнической преемственности по археологическим данным и 3) необходимость объяснять распространение культур переселениями народов. Обоснования по-прежнему не развернуты, сжаты до предела. В упомянутой работе Блюме рассмотрено лишь первое из этих положений, которое тот постарался подтвердить не примерами, как Косинна, а логическим осмыслением данных истории и этнографии — мотивировать закономерность и неизбежность совпадения.

У Блюме самый метод еще именуется «этнографическим» («ethnographische Methode»), что, очевидно, отражает тогдашнюю терминологию Косинновского семинара. Косинна тоже иной раз именует свое направление «этнографической доисторией» («ethnographische Vorgeschichte» — Kossinna 1911a: 13) или «доисторической этнологией» («Vorhistorische Ethnologie» — Ibid. 16). Позже он яростно возражал против сближения двух наук: «От сильного привлечения этнографии я могу лишь предостеречь; европейская культура и внеевропейская — это всегда были два совершенно различных мира» (Kossinna, цит. по Eggers 1959: 239).

Но в подзаголовок книги 1911 г. вынесено уже другое наименование — «метод археологии обитания» (Methode der Siedlungsarchäologie). В нашей литературе термин *Siedlungsarchäologie* иногда переводят как «археология поселений», следуя основному значению слова *Siedlung* и трактовке косинновского ученика Кикебуша. Последний, разъясняя этот термин в словаре Макса Эберта и, видимо, учитывая интересы и убеждения этого ученика Шухард-

та, быстро свернул изложение «тождеств» и перевел разговор на изучение поселений (Kikebusch 1928). Чаще у нас дают перевод «археология расселения», имея в виду миграционизм Косинны. Но этому не соответствуют ни точный перевод слова Siedlung, ни то значение, которое сам Косинна вкладывал в свой термин.

Оно разъясняется из следующего текста Косинны. Мотивируя необходимость разработки особого метода для реализации идеи, которую Монтелиус применил без сложных разработок, Косинна поясняет, что для замкнутой Скандинавии достаточно простых указаний Монтелиуса. А вот «для такой области, как Средняя Европа, открытой со всех сторон притоку чуждых масс населения и всегда скрывавшей в себе много очень различных культур, способ доказательства Монтелиуса. Он должен быть пополнен тем, что я ввел в доисторические исследования, — изучением мест обитания (Siedlungskunde), нанесением культур, нанесением культур, т. е. всего ... материала находок на карту страны...» (Ibid. 16). Здесь, конечно, не имеется в виду изучение только поселений, какое-то «поселковедение»: на карту наносится «весь материал находок» — также из могильников, кладов и проч. Не имеется в виду и перемещение народов. И единственная карта, приложенная к этой книжке, озаглавлена: «Области обитания германцев, кельтов и карподаков...» («Siedlungsgebiete der Germanen, Kelten und Karpodaken...»). На ней не обозначены поселения или захваты — выделенные области заштрихованы сплошь.

Слово «расселение» хотя и может в русском языке употребляться как синоним слову «обитание», всё же меньше подходит для точной передачи рассматриваемого термина, так как имеет и второе значение, выражая динамику (синонимы: «расширение границ», «освоение новых территорий»), чего Косинна в данном случае не имел в виду.

Отныне термин *Siedlungsarchäologie* («археология обитания») стал официальным наименованием нового направления, а *siedlungsarchäologische Methode* («метод археологии обитания») — названием нового метода. Это название устраивало Косинну больше, чем прежние, вероятно, потому, что подчеркивало ориентировку на территориальное изучение памятников и не содержало нежелательного для Косинны оттенка зависимости от другой науки — этнографии.

Выдвижение особого, апробированного названия, так же как формулировка и обоснование методических принципов, безусловно способствовали дальнейшей консолидации формирующейся научной школы, ее выделению и обособлению, так сказать кристаллизации сил на базе фракционного самосознания и противопоставления другим научным течениям. Эти другие не были столь унифицированы идейно. Шухардт, Эд. Мейер, Шрадер, Гёрнес не стремились к созданию собственных методологических платформ или общей платформы, к монополизации науки. Из них только у Шухардта были сильные позиции в немецкой археологии и широкая организационная база — поэтому, хоть он как раз менее других нападал на методологические принципы Косинны, он и был для Косинны врагом номер один.

В ближайших последующих своих произведениях Косинна сумел соединить тактические операции конкурентного характера против Шухардта со стратегическим развитием своего учения в духе шовинизма.

4. «Чрезвычайно национальная наука»

В том же 1911 году, когда вышли из печати оба полемических сочинения — рецензия на отчет Шухардта и книжка с нападками на Э. Мейера, Шрадера и Гёрнеса, — Косинна выступил в Кобленце на третьем годичном собрании своего общества с докладом, сопроводив его 60-ю «очень содержательными диапозитивами». Снабженный нескладным, но броским названием и «рассчитанный ... на широчайшие круги интересующегося наукой мира», этот доклад лег в основу книги, вышедшей в следующем, 1912, году под тем же ударным названием: «Немецкая доистория — чрезвычайно национальная наука» (Kossinna 1912). Кобленцский доклад и эта книжка означали наступление нового этапа в истории учения Косинны.

В предисловии к книге Косинна писал: «Наше сегодняшнее воодушевление наследственным немецким искусством не имеет поистине ничего общего с экзальтацией, обязанной голому чувству, а покоится на глубоком, надежном и нерушимо прочном основании могуче развитых историко-естествоведческих знаний». Но это были одни слова. Именно «экзальтация», именно «голое чувство»!

Книга написана как бы одним духом, со страстью и вдохновением, которые во многих местах должны закрыть слабость или отсутствие доказательств. Через все главы красной нитью проходит одна фанатически отстаиваемая идея — что, вопреки сообщениям античных писателей и мнению современных ученых-классиков, ранние германцы и их предки индогерманцы не были варварами, что, наоборот, они в основных проявлениях культуры стояли выше всех других народов (в том числе и народов Древнего Востока), обладая приоритетом на ряд крупнейших культурных открытий и феноменов.

Так, мегалиты возникли в Португалии и оттуда проникли сперва в Северную Европу, затем в Переднюю Азию (вопреки утверждению противоположного направления у Монтелиуса).

Лошадь одомашнена восточными индогерманцами и от них заимствована народами Востока. Алфавит возник у европейцев еще в каменном веке — значение семитов (финикийцев) неправомерно преувеличено. Азиатское происхождение бронзы можно взять под сомнение, а по качеству металлических изделий германцы бронзового века безусловно превзошли всех соседей: «Если мы исследуем металлическую продукцию эпохи бронзы Южной Германии и Швейцарии, или Франции и Англии, или Восточной Германии и Венгрии или Австрии и даже Италии, то ни одна из них не может сравниться с северогерманскими достижениями!» (Ibid.).

Книга пестрит такими подзаголовками отделов, как: «Превосходство германского художественного вкуса в производстве оружия, в частности мечей», «Величие (Großartigkeit) германской спиральной орнаментации», «Меньшую ценность представляют бронзы кельтов» и т.д. И лишь в одном допущено противоположное соотношение: «Отставание германцев в керамике» — северогерманские грубые лепные горшки уж никак не поставить выше лужицкой или критской керамики! Но от гордого народа воинов и не приходится ожидать, чтобы он преуспевал в таком прозаическом ремесле: всё его внимание было отдано металлу.

Общий вывод из этого перечня: «Такой народ, как германцы, который уже имел за собой тысячелетнюю культуру, который пережил такой период, каким мы узнаем и с изумлением изучали германский бронзовый век, нельзя же в конце концов называть варварами, хотя бы это и делали римляне, а больше, собственно, романские наследники римлян, а с особенным пристрастием — сегодняшние французы. Это тем менее нас трогает, что они иногда предпочитают нас сегодня так называть — поскольку они особенно рассержены одним из наших успехов (Косина имеет в виду Седан. — Л.К.) — невзирая на свое собственное *действительное* варварство, свидетельства которого немецкая Рейнская провинция сегодня еще повсюду выдает. *Древний* же Рим говорил о германцах только с высочайшим уважением...» (Ibid. 62).

За этим следует рассмотрение внешнего облика ранних германцев, как их изображают римские скульпторы. «Из всех германских образов выступает спокойное чувство собственного достоинства, сдержанная сила и энергия, телесная мощь и духовная настроенность, которая отличает немцев: спокойное соразмеренное мышление, но также и неудержимая тяга к свободе, своевольный индивидуализм. Во всяком случае — телесная красота, высокая духовная одаренность, твердый характер.

Такой народ — это были не какие-нибудь ленивые лежебоки, которые прерывали свою дремоту только для того, чтобы выпить «еще по одной» («immer noch eins») и затем насмерть разодраться в свалке. Нет, подобные классические побасенки годятся лишь для бульварных листков да потешных кабацких песен, но не для серьезного исторического изложения, — хотя бы историки-классики и сохранили на сей счет особое мнение» (Ibid. 83). Впрочем, известно, что Косинна сам с большим запалом певал кабацкую песню, припев которой гласил: «Древние немцы пили ведь тоже!» («Die alten Deutschen tranken ja auch!») (Kossinna 1935: 71). «С первобытных времен мы были не дураками выпить (gute Trinker) и таковы же мы сейчас; но мы пьем не постоянно, и мы пили также не постоянно; сначала мы исполняли свой долг с энергией и упорной выдержкой... Так было и у германцев; так и *должно* было всегда у них быть... Ведь только насквозь мужественному, могучему народу было под силу в конце римского времени завоевать мир» (Kossinna 1912: 83).

В этих разработках приведенная выше краткая мотивировка к выбору виньетки для «Маннуса» получила весьма полное развитие.

Столь безмерному возвеличению германцев противопоставлена трактовка отображения их южных и восточных соседей в римском искусстве. У кельта в лице — «мужицко-варварское уродство», те же черты — у дака, «о неблагородстве этого национального типа по сравнению с типом германца и говорить незачем» (Ibid. 80). Что же касается гетов, мизийцев и фракийцев, то «все они, с их одутловатым, вялым телом, с их сбитыми в длинные тугие космы волосами, обрамляющими слишком узкое и слишком пухлое мужиковато-топорное малоинтеллигентное лицо, уж очень живо напоминают грубые проявления сегодняшних племен того же края в южной России...» (Ibid. 81).

С этой характеристикой уместно сопоставить сообщение одного из учеников Косинны — знаменитого польского археолога Ю. Костшевского. «Когда в преисторическом семинаре в Берлинском университете, — вспоминает он,– дошли до рассмотрения культуры раннесредневековых славян, профессор Косинна в присутствии меня и второго славянина болгарина Чилингирова — выразился так: а теперь будем разбирать славянскую культуру, точнее, отсутствие культуры у славян» (Kostrzewski 1964: 213).

Носителями культуры — культуртрегерами — у Косинны выступают только северные индогерманцы и их прямые и наиболее чистые наследники — германцы. Несколько характерных пассажей: «Из северной части Средней Европы, от берегов Балтики и далее с верхнего и среднего Дуная тогда, в третьем тысячелетии до Р. Х. выходили великие движения народов, которые наполнили всю Европу, прежде всего Южную Европу и Переднюю Азию тем населением, которое говорит нашей речью, речью индогерманцев. Повсюду там среднеевропейская кровь дала господствующий класс, и даже там, где она постепенно растворилась без остатка или почти без остатка, она для вечного напоминания

о всемирно-историческом призвании наших племен оставила там по крайней мере наш язык — неизгладимым отпечатком по всей стране» (Ibid. 82).

«Здесь нет надобности в пространном изложении ныне уже, пожалуй, достаточно известного факта, что культуры Южной Европы и частично также Востока достигли своей важной для мирового развития, истинной высоты только после того, как выбросы северного населения овладели этими областями...

Как для других оплодотворенных Севером народов, так и для последнего остатка сохранившегося на прародине расового капитала индогерманской Европы, т. е. для германцев Севера, настал, наконец, час, когда они должны были отрешиться от своей сдержанности... Теперь только, в теснейших трениях с чуждой культурой, могли сохранившиеся наиболее чистыми германцы показать, чего они способны достичь в соревновании со всем миром, и постепенно наступали времена, когда немцы, а с ними и другие германские народы всё больше становились во главе европейской и, наконец, мировой культуры, — времена, принадлежащие уже новой истории» (Ibid. IV — V).

«Вот то великое, что возвещает доисторическая археология...» (Ibid. 82).

И теперь самая квинтэссенция всей книги: «Но всё, что мы в этих кругах еще ожидаем от германства, — всё это содержалось в нем изначально...

Откуда нам, однако, лучше узнать наших предков, как не из их древнейшего и доступнейшего проявления? то есть из доисторического прошлого! И каким путем чище, чем из рассмотрения их собственных творений на родине? Всего этого нам не узнать из древней истории, которая предоставляет нам лишь естественно односторонние и ограниченные мнения отдельных хотя бы и отечественных писателей о нашем народе, а если речь идет о глубокой древности, то лишь злобную клевету иностранных критиканов.

Кто хочет поддаться воздействию нашего древнейшего и самобытнейшего искусства, чистого и неискаженного, тот должен обратиться к первобытной археологии (Vorgeschichte). Вот почему эта молодая наука обладает столь чрезвычайной современной ценностью, столь высоким национальным значением» (Ibid. V). «Ибо пробуждать воодушевление, даже больше того, страстную преданность, — ни одна национальная наука не приспособлена к этому лучше, чем наша преистория...» (Ibid. 86).

Так объясняется необычное название книги. «Чрезвычайно национальная археология» раскрывается как *шовинистическая археология*.

Косинна не преминул сослаться на руководящее указание наследника престола ученым «подчеркивать немецко-национальную народность в противоположность интернационализирующим стремлениям, грозящим промотать нашу здоровую народную самобытность». Заручившись этой опорой, докладчик восклицал (и это в неизмененном виде отпечатано в книге):

«Вы видели и слышали, высокоуважаемые дамы и господа, насколько немецкая доистория, правильно понимаемая, в точности подходит — будто специально создана — к тому, чтобы повсюду и непринужденно выполнять требование нашего кронпринца» (Ibid. 84).

Косинновская преистория действительно была «будто специально создана»...

Конечно, потенциальные возможности такого использования можно усмотреть и в начальном варианте учения Косинны — в гипотезе о северной прародине «индогерманцев». Уловивший это О. Шрадер еще в 1910 г. (напечатано в 1911) иронизировал по поводу «столь популярной сегодня и тешащей наше национальное тщеславие доктрины о северноевропейском происхождении индогерманского пранарода» (Schrader 1911: 152). Но одно дело *возможность* злоупотребления гипотезой, которая вне зависимости от этого может оказаться верной или неверной, а другое дело — *реализация* этой возможности. Есть достаточно оснований полагать, что «национальное тщеславие» с самого начала было в числе стимулов, определивших увлечение Косинны северной прародиной германцев и индогерманцев. Но и это обстоятельство, важное в *историографическом* аспекте, не может определять степень достоверности самой гипотезы и не должно влиять на оценку *содержания* самой гипотезы.

Теперь «национальное тщеславие» было включено органической составной частью в само содержание концепции и должно было определять характер ее использования. Возможность злоупотребления была реализована.

Как с присущим ему своеобразным представлением о скромности, но, видимо, и без преувеличения, неоднократно отмечал Косинна, его Кобленцский доклад был встречен «прямотаки бурной овацией», а выход в свет книги вызвал «поразительно сильный и радостный отзвук в немецком народе: несмотря на немалую цену, тираж в тысячу экземпляров разошелся за десять месяцев» (Предисловие ко второму изданию — см. Kossinna 1941: V; см. также Kossinna 1913:1).

Итак, Кобленцский доклад пополнил несколькими новыми положениями Косинновскую версию конкретной картины первобытной истории Европы: он «упразднил» представление о ранних германцах как варварах, провозгласил их древнее культурное превосходство над всеми другими народами и великую культуртрегерскую миссию — «всемирно-историческое призвание». Методический арсенал «археологии обитания «тоже обогатился, хотя новые методические принципы были применены опять же без предварительного обоснования и поначалу

без четких формулировок. Они подразумеваются, и читателю предоставлено судить о них по их конкретным проявлениям, по их реализации в конкретных трактовках, да еще по мимолетным замечаниям. Таких принципов можно отметить три:

1) деление народов на Kulturvölker и Naturvölker, активные и пассивные, творческие и воспринимающие, высшие и низшие, призванные господствовать и обязанные повиноваться (ср. постоянный приоритет Севера, превосходство «северных достижений», «оплодотворенные Севером народы», «всемирно-историческое призвание», «под силу завоевать мир», «господствующий класс с среднеевропейской кровью»);

2) признание неизменности национальных особенностей, исключительной устойчивости национальных традиций («таковы же мы и сейчас», «так было и у германцев, так и должно было у них всегда быть»);

3) наделение первобытной археологии функцией идеологического воздействия на народ, задачей национального воспитания на этих «неизменных» традициях, в духе разжигания национализма («то великое, что возвещает доисторическая археология», обращение к «широчайшим кругам интересующегося наукой мира», «поддаться воздействию»), в частности воспитания научным обоснованием националистических эмоций («ничего общего с экзальтацией, обязанной голому чувству», «на глубоком и прочном основании ... знаний»).

Всё это связано в единую последовательно логическую цепь: народы не равны («низшие» — «высшие»), это извечно, что и надлежит внушить всем.

Здесь содержится многое для того, чтобы увенчать всю концепцию последним тезисом — принципом расовой обусловленности (ср. особое внимание к физическому типу). Проскальзывают и отдельные словечки, показывающие, что эта идея уже питала вдохновение мэтра («среднеевропейская кровь», «расовый капитал», «историко-естествоведческие знания»). Более того, в предисловии к книге эта идея даже высказана: «Еще очень почитаемый нами Пауль де Лагард мог ... в 1853 и 1874 гг. говорить: «Немецкий дух не в крови, а в душе» («Das Deutschtum liegt nicht im Geblüte, sondern im Gemüte»). Сегодня мы понимаем это иначе и громко исповедуем: кровь и определяет душу (Das Geblüt macht erst das Gemüt)... Наши давно почившие предки передали нам в наследство не только свою плоть и кровь, но и свои мысли, свой дух и свой характер...» (Ibid. IV).

В год выхода книги о «чрезвычайно национальной» Косинну постиг тяжелый удар — выстрелом из пистолета был убит любимый ученик, 29-летний Эрих Блюме, гордость и надежда Косинны: «копия моей собственной научной индивидуальности» — называл он его. В некрологе Косинна в обычной для него манере писал не столько о покойном, сколько о себе: «Он учился от меня признавать ценность германского духа и германской деятельности для прошлого еще больше, чем для современности. Также он достаточно слышал от меня о благородном облике германского физического типа, о ценности неразбавленной примесями германской крови, воспринял эти истины в сокровищницу своей веры и часто достаточно их защищал».

«Ценность не разбавленной примесями германской крови» имела для Косинны не только чисто теоретическое значение. Блюме был убит своей женой. «Если, — писал об этом Косинна, — учение и жизнь вступили у него в острейшее противоречие из-за того, что он возжегся сильнейшей страстью к существу, которое не только явно представляло выразительно не-германский тип, но даже отталкивающие черты вполне дегенеративной помеси..., то это объясняется только гипнотическим влиянием, которое эта особа приобрела на Блюме...» (Kossinna 1912b).

Но эта милая сердцу Косинны «истина» о ценности германской крови осталась пока не освоенной в книге, нереализованной в ее материале. Ее час еще не пришел.

Книга содержит и, так сказать, оргвывод частного, ведомственного характера. Если доисторическая археология настолько выше, ценнее и патриотичнее классической, античной, то «как вяжется» с этим тот факт, что она не представлена «в нашей самой уважаемой научной корпорации — Берлинской Академии Наук»? «Как долго будет еще продолжаться, что немецкая доистория будет полностью игнорироваться первыми представителями германской науки — германистами Берлинской Академии? Как долго еще будет немецкая археология лишена тех величественных организаций, которые сумели создать внутри Академии наук представители римской, греческой, египетской и восточной археологии, этих чуждых отраслей археологии? Я взываю здесь изо всех сил к чувству чести и патриотизма тех берлинских академиков, которые прежде всего призваны придти на помощь...» (Ibid. 84 — 85).

Академики зашевелились и почувствовали, что придется действительно что-то сделать для немецкой доисторической археологии. Они решили избрать в свою среду ее ведущего представителя. И вот в Академию наук был избран новый член: Карл Шухардт (Eggers 1959: 229).

Это был второй тяжелый удар. Но за ним последовал еще один — третий.

16 мая 1913 г. на территории латунного завода близ Эберсвальде (севернее Берлина) рабочие, копая котлован для фундамента, наткнулись на большой глиняный сосуд, до краев наполненный золотом: 8 чеканных чаш, гривна, браслеты и прочее — всего 81 предмет общим весом в 2,5 *кг*. Это был самый большой клад золотых вещей бронзового века в Европе. Ра-

бочие приняли вещи за латунные и вручили хозяину завода. Тот, сообразив, с чем имеет дело, обратился к кайзеру с просьбой принять сокровище в дар. А кайзер, надумав поручить квалифицированному археологу роскошное издание клада, немедленно призвал, конечно же, своего хорошего знакомого — Шухардта.

Этого Косинна уже не мог перенести. Ведь найдены вещи его древних германцев! «Это событие, — писал он о находке, — явилось мне как кивок древнегерманского бога неба и солнца, чтобы я не уставал в прилежном тщании просвещать наш народ обо всем великолепном из прагерманского наследства». И, захватив с собой фотографа, он помчался в Эберсвальде. Там, получив «любезное разрешение» хозяина завода осмотреть и сфотографировать «отдельные предметы» и отстранив молодых людей из музейной охраны, он обследовал и заснял *всё*. Уже через несколько месяцев в «Библиотеке Маннуса» вышла тоненькая книжечка «Золотой клад Латунного завода близ Эберсвальде и золотые культовые сосуды германцев» (Kossinna 1913) — это была исследовательская публикация клада. В публикации, откуда взяты и приведенные выше строки (Ibid. 1), читателю между прочим сообщалось также следующее:

«Когда я уже был в разгаре работы по фотосъемке, мне показали копию составленного на Латунном заводе каталога находок (стало быть, и каталог был уже составлен! — Л. К.).

Я тотчас увидел, что он, видимо, сработан не специалистом, а интересующимся любителем или, возможно, начинающим в области первобытной археологии. Золотые спирали, в частности, названы «петельными кольцами» («Noppenringe»). То есть составитель каталога находок, видимо, читал или по меньшей мере слышал что-то из профессиональных выражений науки; но эти выражения не связаны у него с ясными представлениями о вещах, к которым эти выражения относятся. Вот ему и пришло в голову применить здесь совершенно неподходящий термин «петельные кольца», который, возможно, потому звучал привлекательно для него, что так учено выглядит...

На мой вопрос, кто же составил этот список, мне было сказано: *Карл Шухардт* из Берлина.

... Через некоторое время кем-то неизвестным мне была прислана вырезка из газеты..., где находилась короткая статья, написанная самим Карлом Шухардтом, о новонайденном кладе золота. Какие же новости узнаем мы из нее? ... Мы узнаем, что еще вопрос, были ли эти золотые сосуды *местной, германской* работы или прибыли *с чужбины*. Ну, для специалистов этот вопрос давно решен в первом смысле. Но такова печальная привилегия дилетантов быть другого мнения и ковылять на 50 — 100 лет позади науки» (Ibid. 8 — 9).

Дилетантом он называл Шухардта не сгоряча — обвинение было обдуманное, выношенное и, надо признать, не вовсе голословное. «Noppenringe» послужили только лишним доказательством и поводом. Готовя в те же месяцы второе издание «чрезвычайно национальной», Косинна внес туда пространную филиппику против не названных по имени «школяров классической археологии», которые «с присущей им врожденной скромностью... полагают себя в силах во мгновение ока (in Handumdrehen) стать не только образованными преисториками, но (слушайте и изумляйтесь!) даже лучшими, априори самыми лучшими... Между тем эти две отрасли «не имеют между собой ничего общего», первобытная археология «гигантски превосходит классическую по своим задачам (та — всего лишь часть искусствоведения), географическому охвату, арсеналу методов («в доисторическое исследование входит, наконец, важной частью созданная мною археология обитания»).

Далее упоминается без имени «этот господин, между прочим прежний представитель классической археологии в Берлине», который «чувствует в себе призвание» к первобытной археологии, хоть и будучи в ней «полнейшим профаном», и который, по слухам, угрожал сделать ей каюк (Garaus machen) (Kossinna 1941: 262-263).

Да и в публикации клада Косинна не ограничивается этими «Noppenringe». Перечислив еще ряд грехов Шухардта, частью действительных (отнесение сосудов к лужицкой культуре и семнонам, датировка сосудов VII-VIII вв. вместо XI-XII вв. до н.э., определение их как парадной бытовой посуды, тогда как они должны быть культовыми) и констатировав, что «вряд ли найдется другой такой научный фельетон», который бы содержал «в 72 .. строчках такую уйму ошибок», Косинна приканчивает противника последним ударом: «И эти неосновательные утверждения преподносятся не только неосведомленному кругу читателей, нет, они наверняка преподносятся также нашему кайзеру...» (Kossinna 1913: 10-11).

Для Косинны золотые сосуды из Эберсвальде были дополнительным материалом к его идее о превосходстве древней германской культуры. «Кто прочтет эту книжечку, пожалуй, будет заново изумляться и спрашивать себя, как же это объяснить, что именно германцы снова создали нечто самое прекрасное во всей Европе?» (Ibid. 2).

Но Карл Шухардт, прочтя «эту книжечку», не стал «изумляться и спрашивать себя». Не заметил на сей раз и юмористической стороны в ней. Он ответил гневной рецензией в *своем* журнале.

«Господин Косинна, — писал он, — очень быстро издал публикацию Эберсвальдского золотого комплекса. Он даже чувствует потребность обосновать эту спешку». Далее, приведя ссылку Косинны на кивок древнегерманского бога неба и солнца, Шухардт продолжает: «Так

он и решился... А вот о разрешении на публикацию от владельца нет ни слова». Шухардт не отрицает погрешностей в каталоге, но язвительно замечает: «Несмотря на то, что он так недоволен моим каталогом, он всё же взял из него цифры веса...»

Рассмотрев затем рассуждения Косинны о радиальном и циркульном орнаменте на днищах, долженствующем отображать культ солнца, рецензент резюмирует: «Так и идет дальше в фантастической игре, без всякого представления о том, как вообще возникает орнаментика...» И вывод:

«Книга Косинны — поверхностная и несимпатичная халтура (Machwerk), ибо всякий заметит, что поверхностность проистекает от спешки, с которой он старался опередить другого — того, кому была уже поручена официальная публикация. «Мое или твое» — был вопрос, и этот вопрос Косинна решал не по тягостным правилам человеческого общества, а по свободному закону своего германского солнечного бога, который там вверху светит над правыми и виноватыми» (Schuchhardt 1913). Впервые Шухардт употребил столь резкие выражения. Вскоре вышла *его* публикация клада (Schuchhardt 1914).

Всё было кончено между ними. Пропасть легла не только между Косинной и Шухардтом — она разделила надвое всю первобытную археологию Германии.

С одной стороны Шухардт, Римско-Германская Комиссия Немецкого Археологического Института, Берлинское Археологическое Общество. С другой стороны — Косинна, Берлинский университет, Немецкое общество доистории. Органом первых являлся «Преисторический журнал» («Prähistorische Zeitschrift»), а позже (с 1917 г.) к нему был добавлен еще один журнал — «Германия». У вторых были «Маннус» и «Библиотека Маннуса», а с 1929 г. — еще и «Вестник доистории» («Nachrichtenblatt für Vorgeschichte»).

Ученики и приверженцы Шухардта — Макс Эберт, В. Унферцагт, Ф. Бен, Губерт Шмидт, К. Шумахер, Г. Швантес, Г. Берсу, Ф. Кёпп и др. Объединенные прежде всего в Римско-Германской Комиссии, они осели главным образом в музеях южной и западной частей Германии — по Рейну и Дунаю, где у Комиссии было больше всего работы, и на Северо-Западе — в исконном очаге Шухардта. В общем, в промышленной части Германии. Их дело — раскопки, составление сводов и археологических карт, музейная работа и публикационная деятельность. Они прежде всего накопители и препараторы материала. В первобытной археологии венцом их усилий явился коллективный труд — гигантская многотомная энциклопедия первобытной археологии («Reallexikon») под редакцией Макса Эберта, незаменимый справочник, до сих пор не сходящий со стола любого археолога-первобытника.

Ученики Косинны — Эрих Блюме, Ганс Гане, Мартин Ян, Вальтер Шульц и др. — штамповались семинаром Косинны в Берлинском университете (они иногда называли себя Берлинской школой) и преимущественно осваивали музеи и университеты восточной половины Германии — на землях Прусского королевства, т. е. в старом очаге прусского юнкерства и офицерства, и вообще по соседству со славянами — в Саксонии, Силезии, губернаторстве Польском. Их забота — переосмысление всей первобытной археологии в духе идей их учителя, яростная полемика с инакомыслящими, теоретические заключения и популяризация археологии с определенным политико-воспитательным запалом. Они активизировали теоретические исследования в археологии, выделили и разработали (хотя и односторонне) некоторые интересные в этом плане категории материалов и технические приемы работы. Но самые капитальные результаты деятельности их наиболее сплоченного круга выходили за пределы археологии и не составляли их исключительного и безраздельного достояния — здесь было налицо соавторство с другими, более могучими силами. Эти результаты — две мировые войны и Третий Рейх.

5. Война и могилы

Первую мировую войну Косинна встретил с ликованием — как исполнение вскрываемого им «предназначения» немецкого народа. Предисловие ко второму изданию своей «чрезвычайно национальной» он многозначительно датирует: «Берлин, 1 августа 1914 г., в день указа о всеобщей мобилизации» (Kossinna 1941: VIII).

Когда в 1915 г. в ходе военных действий в Мазурских лесах был обнаружен Лётценский урновый могильник, фельдмаршал Пауль Гинденбург, видимо, сразу же оценивший политическое звучание вопроса о том, *чьи* могилы находятся на этой земле, велел военному геологу фон Вихдорфу приступить к раскопкам и тотчас вызвал Косинну. Тот приехал в ставку и с ходу сделал доклад о похороненных там древних германцах. Раскопки (уже без Косинны) шли полгода с лишком, и каждые неделю или две их навещал Гинденбург; «он тогда даже проштудировал мою книгу», — умиляется Косинна. «При виде высоко развитой древнегерманской культуры, — отчеканил свой вывод фельдмаршал, — мы должны заново уяснить себе, что только в том случае останемся немцами, если научимся держать наш меч всегда острым, а нашу молодежь — всегда готовой к оружию» (Kossinna 1934: 225).

Ученики Косинны быстро испытали на себе

пагубные следствия агрессивных идей: добрый десяток участников Берлинского семинара сложил свои головы на фронтах мировой войны — «Маннус» в эти годы пестрел некрологами.

Тяжело переживая поражение в войне, 60-летний Косинна отнюдь не утратил своей активности. С волнением воспринял он в 1918 г. весть о том, что на Версальском конгрессе началось обсуждение вопроса о передаче «данцигского коридора» (к морю) Польше. Тут же он садится за стол и пишет книжку о прошлом этого района, суть которой предельно четко выражена в ее названии: «Немецкая Восточная марка — родная земля германцев» (Kossinna 1919). В переизданиях название было видоизменено: «Повисленье — родная земля германцев». Основной аргумент — этническое определение культуры лицевых урн как германской. Пытаясь как-то повлиять на ход событий, Косинна даже послал рукопись своего произведения в Версаль участникам конгресса, наивно надеясь убедить их.

В этой работе (она издана в 1919 г.) Косинна пополнил свое учение новым положением принципиальной важности. Вся книга пронизана идеей о том, что права народа на территорию определяются и измеряются древностью его пребывания на ней, что прежние, хотя бы и очень давние хозяева земли вправе сгонять с нее нынешних жителей, что больше прав на нее имеет тот, кто раньше ею владел, и что, следовательно, археологические факты, интерпретированные методами «археологии обитания», являются законными аргументами в территориальных спорах. Археология становится орудием внешней политики и средством ее оправдания, источником обоснования территориальных претензий и агрессии, полем для национальных столкновений и «войны на картах».

Эта идея, брезжившая в глубоком подтексте прежних сочинений Косинны, книгой 1919 г. была впервые ясно декларирована в конкретной специальной разработке. В этой идее выдвинутая прежде «политико-воспитательная» установка археологии на утверждение веры в превосходство собственного народа над другими получила поддержку и дополнение. Косинновская археология приобрела более широкий выход в политику.

Сделав первобытную археологию «чрезвычайно национальной» и весьма политической, Косинна еще более прежнего проникся сознанием собственного величия. Отмечая в 1920 г. четверть века своего учения, он утвердил печатать в «Библиотеке Маннуса» сборники под редакцией своего ученика Ганса Гане «25 лет археологии обитания. Работы из круга Берлинской школы» (Hahne 1922), а сам поместил в журнале «Маннус» собственную статью под беспрецедентным в научной литературе названием: «Победоносное внедрение моих научных взглядов как результат моего научного метода» (Kossinna 1920).

6. Нордические арийцы и их 14 походов

Осенью 1924 г. Косинна выступил в Берлине с новым докладом, который зимою 1924-25 гг. ему «по требованиям со всех сторон» пришлось «вопреки обыкновению» несколько раз повторить — в Берлине же и других местах. Затем доклад, уже по обыкновению, был переработан в книгу, которая вышла в свет двумя частями в 1926 и 1927 гг. под названием «Происхождение и распространение германцев в до- и раннеисторическое время» (Kossinna 1926-27).

Берлинский доклад явился новым шагом в развитии учения Косинны, пожалуй, последним шагом.

Прежде всего, он завершил вооружение «археологии обитания» расовой теорией. Уже давно О.Шрадер констатировал, что с самого начала теория северноевропейского происхождения индогерманцев коренилась не только в гипотезе об автохтонности на севере от неолита или даже мезолита, но и «в этих представлениях о белокуром и длинноголовом народе индогерманцев» (Schrader 1912: 152). И мы видели, что эти представления незримо и даже зримо присутствовали в разных работах Косинны, но лишь как фон, не участвующий в основном рисунке. На то были свои основания: судьба нордической расовой теории в Германии не прямолинейна.

Как известно, доктрина о превосходстве нордической расы появилась впервые не в Германии, а во Франции. Граф де Булэнвилье первым додумался до идеи, что господствующей слой Франции происходит от германского племени франков, а низы — от завоеванного теми галло-романского и кельтского населения (Boulainvillier 1727). Граф Артюр де Гобино в середине XIX в., расширив эту идею, объявил в своем «Рассуждении о неравенстве человеческих рас», что не только Франция, но и весь мир обязаны всеми культурными достижениями арийской расе, вторгшейся из Азии и оставившей в белокурых европейцах своих самых чистых представителей. Кстати, немцев он таковыми не считал, а евреев ценил высоко (Gobineau 1853-55). Приноравливая учение именно к немцам, его всячески популяризировал в Германии композитор Рихард Вагнер, основавший вместе с Г.Шеманом в 1894 г. даже специальное общество — «Объединение Гобино» (Gobineau Vereinigung). Черпая свое вдохновение для музыкального творчества в образах древнегерманской мифологии, Вагнер в своих политических писаниях разжигал агрессивные и националистические инстинкты, особо подчеркивая, между прочим, антисемитский акцент.

Однако всё это оставалось на уровне дилe-

тантских наблюдений и «рассуждений» со ссылками главным образом на облик выдающихся индивидов и древние изображения. Чисто антропологические исследования не давали не только подтверждений расовой теории, но и надежды на возможность таковых. Рудольф Вирхов, десятки лет трудившийся над задачей опознать древние взаимоотношения и передвижения народов в распределении их расовых типов (по древним черепам и современным измерениям), примерно к 1890 г., т. е. незадолго до косинновского «этнографического метода» в археологии, отчаялся и отказался от этих попыток: расы не удавалось связать с этносами (Schuchhardt 1926: 280). Группа антропологов (Пенка, Вильзер, Аммон) выдвинула еще в конце XIX века догадку о единстве и скандинавском происхождении расового типа «индогерманцев», но даже на Косинну их исследования произвели впечатление «дилетантских» (Kossinna 1902: 161). В немецкой науке, с ее традиционным культом обстоятельности и фундаментальности, эти неудачи не могли остаться без последствий — расовая теория претерпела известную трансформацию.

Англичанин Хаустон Стюарт Чемберлен, пасынок Вагнера, стал автором первого немецкого труда о культуртрегерской роли германцев в истории, вышедшего в 1899 г. под названием «Основания девятнадцатого века» (Chamberlain 1899). Чемберлен придал расизму мистический характер, ослабив биологическую сторону: для него, англичанина, важно не тело, а дух. «Кто своими делами проявит себя германцем, тот германец, какова бы ни была его родословная». «Можно легко стать евреем, ... достаточно только иметь случайные сношения с евреем или читать еврейские газеты». Это придало учению известную гибкость и защитило наиболее уязвимые места (черноволосых гениев и завоевателей можно было объявить «арийцами по духу»), но в то же время несколько размыло жесткий и четкий вначале каркас учения, перенеся акцент с биологических проявлений на культурные.

С этих пор и в этом виде гобинизм распространился в Германии. Кайзер читал своему сыну вслух книгу Чемберлена и очень заботился о ее популярности среди офицеров в армии (Daniel 1950: 110-111). Но попытки вернуть расовой теории ее биологическое обоснование не прекращались. Одновременно с книгой Чемберлена в Германии во Франции вышла книга Ваше де Ляпужа «Ариец и его роль в обществе» (Lapouge 1899). Автор собрал уже немало фактов в пользу распространения светлого нордического расового типа у «индогерманцев» (правда, игнорируя факты противоположного характера). Немецкий профессор Зиглин, тот самый, который с энтузиазмом приветствовал первые работы Косинны, выступил в 1901 г. с докладом, в котором заявлял, что древние греки, италики и даже семиты были блондинами (Sieglin 1902; см также 1935). Но этого было мало, и в своей работе 1902 г. («Индогерманский вопрос, археологически разрешенный») Косинна, упоминая с симпатией эти работы, прямо указывает, что всё же приходится воздержаться от привлечения антропологии, так как нет еще солидных обзорных трудов и так как конкретные культуры пока не удается связать с чистыми расами; краниологических материалов мало, а те, которые есть, обнаруживают за культурами смешение разных расовых типов, «запутывая» картину (Kossinna 1902: 217-218).

За первое десятилетие XX века положение, однако, изменилось. В 1908 — 1915 гг. гейльбронский антрополог и археолог Шлиц, отойдя от огульного рассмотрения широких географических районов, исследовал краниологические серии из памятников конкретных культур европейского неолита и сумел показать, что каждой из них присущ свой особый физический тип населения. Дальнейшая группировка этих серий привела к совпадению антропологических характеристик с археологическими критериями объединения в три круга: нордический, шнуровой керамики и ленточной керамики.

В 20-е годы этой проблемой занялся антрополог Ганс Гюнтер, который, расширяя круг привлекаемых материалов, стал всё более и более целеустремленно направлять всю эту работу на обоснование расовой теории (Günther 1925; 1926a; 1926b; 1928; 1930; 1934; 1935 и др.). Вскоре он уже выделил в Европе 5 рас, из которых «нордической» наиболее близка «западная» (по старой терминологии «средиземноморская»), «восточной» — «восточнобалтийская» (к ней относятся славяне), а особняком стоит «динарская» (по старой терминологии — «альпийская»). Прослеживая их в палеоантропологических материалах (из археологических памятников), Гюнтер затем подбирал живых индивидов (в частности, известных исторических деятелей современности), соответствующих своими физическими характеристиками этим расам (например, «нордическую» расу у него представляли Фридрих Вильгельм III и фельдмаршал Мольтке, «восточнобалтийскую» — Достоевский и т.д.).

Перенесение известных (и достаточно субъективных) характеристик психики, характера и жизненных результатов этих лиц на древние народы позволяло разрабатывать биологическое объяснение культурных и исторических явлений, а произвольность выбора индивидуальных представителей обеспечивала свободное достижение желательных выводов. Для националистически настроенных людей, эмоциональных, субъективных и предубежденных (а таким, несомненно, был Косинна), этот наглядный способ доказательств обладал огромной убедительностью. В самом деле, вот решительный и ясно мыслящий победитель Мольтке —

ну, разве не типичный германец? Вот Достоевский с его слабовольными полубезумными героями — о эта загадочная «славянская душа»! А что немецкому фельдмаршалу можно было противопоставить Суворова, Ломоносова или, скажем, Петра Великого — это никак в голову не приходило.

Характерен и нарочитый подбор фотоснимков массовых представителей современных рас: «нордические арийцы» представлены эстетически привлекательными (по крайне мере для Косинны) лицами, представлять славянство отобраны как можно более отталкивающие физиономии, с уродливо гипертрофированными «расовыми признаками». Недаром еще достаточно молодым Гюнтер добился бешеного успеха в послеверсальской Германии (к 1928 г. вышло уже 12 изданий его «Расоведения немцев») и впоследствии некоторое время он был основным теоретиком расоведения в III Рейхе.

В своем Берлинском докладе Косинна смог уже опереться на результаты работ Шлица и Гюнтера. Докладу непосредственно предшествовала также серия собственных работ Косинны, направленных на увязку культур с расами, «нордической расы» — с «индогерманскими» народами и с древнейшим Севером Европы: «Zum Homo Aurignacensis», «Нордический физический тип греков и римлян», «Индогерманцы. Очерк. I. Индогерманский пранарод» (Kossinna 1910; 1914; 1921).

В книге «Происхождение и распространение германцев» (1926–27) разбору антропологических вопросов посвящено из четырех глав две целиком и еще в одной — разбросанные отрезки. «С определенными телесными признаками, — повторяет вслед за Гюнтером и другими расистами Косинна, — связаны и определенные душевно-духовные силы или, по крайней мере, особые способности, которыми они частично проявляются». И далее конкретизирует этот тезис в приложении к европейским расам: «Северный длинноголов — это собственно творческий, культуросозидательный, изобретательный человек прогресса, аристократический и геройский, который жизнь воспринимал как постоянную серьезную борьбу, к тому же волевой и отважный, гордый и презирающий смерть, всегда беспокойный, даже авантюристичный и особенно склонный к путешествиям и деятельный в завоеваниях; высокий моральный закон для него — нерушимая верность своей семье ... , но он, далее, прирожденный завоеватель моря, блестящий техник. Но он не охоч работать наподобие муравья или пчелы равномерно, машинообразно, предпочитает — рывками.

Совершенно иным оказывается восточный короткоголов с широким лицом. Более консервативный, упрямо косный, он — прилежный работник, но слабоват в мышлении; удовольствующийся тем, что есть, и экономный, он уклоняется от высоких планов, особенно от военных походов, всегда держится за унаследованные жизненные привычки, больше думает о своей собственной выгоде, чем об общественных интересах..., склонен к зависти и демократической уравниловке. Он восприимчив к религии и одарен в поэзии и музыке. Короче — человек настроения с темной или светлой окраской, ... не имеет ни военных способностей, ни качеств вождя» (Ibid. 94 — 95).

Это противопоставление иллюстрируется без тени юмора редкостными портретами двух норвежских крестьян, из которых длиннолицый дебил с выражением жесткого фанатизма на лошадиной физиономии должен отображать аристократические качества северной расы, а туповатый подавленный кретин с недоверчивой и кислой миной — особенности демократической восточной расы (Ibid. Fig. 135-136 на стр. 94).

Отметив, что древние народы, представленные в археологии культурами, обладали значительной расовой чистотой, так что расовые подразделения совпадают с археологическими культурами, Косинна с сожалением признает, что теперь всё смешалось. В современном немецком народе в целом 60% северной крови, но людей чистого северного типа — только 6 — 8%, да и то их количество убывает. Восточная раса быстрее размножается, и стоит призадуматься над проблемой «восточной опасности». Правда, у северной расы есть свои недостатки, а у восточной — свои достоинства, «но северная раса всё же несомненно более ценна в нашем народе» (Ibid. 96).

«Археология обитания», родившаяся, так сказать, под сенью расовой теории, с самого начала поглядывала на нее с симпатией и под конец стала постепенно вползать на ее позиции и осваивать ее аргументацию — Берлинским докладом 1924 г. этот процесс был завершен. Расовая теория в своем нордическом Гюнтеровском варианте была включена в догматику «археологии обитания» и стала одним из ее основных методических принципов. У Косинны в этой части не было ничего оригинального — всё было взято в готовом виде у Гюнтера: и систематика, и терминология и даже многие фотоснимки.

Освоение нордической расовой теории не только придало внутреннюю связность и завершенность всей концепции Косинны, введя в нее биологическое объяснение силы и устойчивости культурных традиций. Увязка культуры с расой позволила Косинне преодолеть одно старое и очень неприятное препятствие в решении «индогерманской» проблемы.

Дело в том, что, прослеживая ретроспективным методом в глубь веков культурную преемственность на Севере Европы, Косинна в прежних работах добрался только до II периода эпохи бронзы, а на первом периоде традиция обрывалась (типы бронзовых изделий оказываются не местными), и в неолит Косинна пере-

браться конкретными исследовательскими операциями уже не мог. Еще в «Происхождении германцев» в 1911 г. он называл носителей культуры бронзового века «первыми немцами в Германии» и лишь предполагал прибытие их из Ютландии и Скандинавии (Kossinna 1911: 25). Правда, в этой и следующей книге и даже в нападках 1902 г. на Муха он довольно смело говорил об индогерманской принадлежности мегалитических культур неолита Ютландии и Северной Германии, но конкретных доказательств привести не мог и старался обойти самый вопрос об их необходимости. Приходилось довольствоваться общими соображениями: раз нет заметных приливов населения в Европу на рубеже неолита и бронзы, значит, праиндогерманцев надо ожидать где-то поблизости от германцев бронзового века. Но всё это было на уровне пустых разговоров.

Теперь Косинна пишет, что лишь «Вначале препятствие кажется непреодолимым. Мы должны, значит, перевернуть предмет и рассмотреть с другой стороны. Мы должны двинуться оттуда сюда....» (Kossinna 1926-27: 51). Оптимистические нотки появились оттого, что он увидел возможность перепрыгнуть через разрыв, опираясь на антропологию. Не навести мостик, а именно перепрыгнуть, и не на противоположный край разрыва, в конец неолита, а гораздо дальше — к самым истокам индогерманского пранарода, в начало неолита или даже в мезолит. И уже оттуда двигаться плавно к более поздним временам навстречу пройденному ранее маршруту. Ведь если индогерманцам от эпохи бронзы до современности присущ нордический расовый тип, а раса очень тесно связана с этносом и культурой, то очаг происхождения нордической расы будет одновременно и очагом происхождения индогерманцев вообще. Ну, а место происхождения нордической расы в принципе ясно — это Север Европы, палеоантропологические находки помогут установить более точно границы ареала...

Таким образом, Косинна изменил своему ретроспективному методу — там, где этот метод отказал. Нововведение же оказалось каким-то подобием старого метода Муха, только с тем отличием, что вместо опоры на сопоставление лингвистических данных с археологическими Косинна в своем прыжке оперся только на антропологию. То есть в решении этого вопроса вообще он отказался от столь громогласно декларированного прежде первенства археологии («единственный надежный указатель», «только она одна», «на чисто археологической основе» и т.п. — ср. Kossinna 1911: 1-2).

Но теперь нужно было от ранненеолитических индогерманцев, отмеченных хорошими длинными черепами и весьма примитивной культурой кьёккенмеддингов, именуемой у Косинны «культурой Эллербек» (остродонная мешковидная керамика, макролиты, костяные шилья и проч.), провести линии генетических связей не только к местным культурам последующих времен, но и во все концы индоевропейского мира, к культурам всех потомков «индогерманского пранарода» от Испании до Индии. Таких возможностей материал не предоставляет: культуры этих народов отнюдь не выглядят продолжением и развитием «культуры Эллербек». Задача была бы невыполнимой, если бы Косинна не ввел еще одно методическое облегчение.

Вот когда пригодился полученный за 20 лет до того вывод о том, что и один тип, и одна категория вещей ***может*** быть опознавательным признаком этноса. Между «может» и «должен» расстояние для Косинны невелико. Оно было преодолено во мгновение ока (in Handumdrehen). Забыты были добродетельные возмущения вроде «Разве ж я когда-либо просто горшки отождествлял с народами?... Разве я не рассматривал всегда скорее целые культуры...?» Теперь надо было проследить центробежное движение «целых культур», а культуры, увы, упорно оставались на месте. Распространение целых комплексов культурных явлений за пределы старых границ оказывалось чрезвычайной редкостью. Зато гораздо чаще, конечно, вылезало за старые границы «целой культуры» распространение какого-нибудь одного ее элемента, каждый раз (у каждой культуры) иного — то это были мегалитические сооружения, то боевые топоры, то какая-нибудь категория глиняной посуды.

По одному элементу можно было проследить «передвижку населения» за пределы определенной культуры на земли, занятые позже другой культурой. Затем оставить его и посмотреть, какой элемент этой другой культуры выходит за ее пределы и приводит к ареалу третьей культуры, и т.д. Так, на перекладных, меняя лошадей, можно было, глядишь, и доехать от ютландской «культуры Эллербек» до весьма отдаленных Индий.

И Косинна реконструирует в деталях 14 завоевательных походов нордических «арийцев», носителей индогерманской речи, походов, осуществленных в неолите, так и именуя эти походы порядковыми номерами: «der erste Indogermanenzug», «der zweite Indogermanenzug»... — совсем как в какой-нибудь диспозиции старого прусского генерального штаба: «die erste Kolonne marschiert...», «die zweite Kolonne marschiert...».

Первый поход был направлен на запад и принес мегалитическую культуру Дании и Шлезвиг-Гольштейна в Голландию. Второй поход распространил ее оттуда же на восток и юг, в Центральную Германию, где в результате образовалась рёссенская культура. Третий поход переносит эту рёссенскую культуру в Юго-Западную Германию, на Рейн. В результате четвертого похода, исходящего из мегалитической Северо-Западной Германии, на Средней Эльбе возни-

кает вальтерниенбургская культура. Пятый поход — это ее продвижение на восток, в северный Бранденбург. Шестой поход приносит из начальной области (Ютландия и смежные районы) новую волну переселенцев в Центральную Германию, и там возникает культура шаровидных амфор. Седьмой поход опять же берет начало в Ютландии и приносит оттуда в Центральную и Восточную Германию шнуровую керамику. Это предки кельтов, италиков и иллирийцев. Восьмым походом поздние воронковидные кубки разносятся по Висле, Одеру, Мораве и создают в Чехии и Словакии носвицкую и баденскую культуры. Девятый поход направлен из Бранденбурга в Силезию и Моравию — он расширяет ареал культуры шаровидных амфор. Десятый поход продвигает шнуровую керамику из бассейна Одера на юго-восток до Днепра. Одиннадцатый поход выводит из области насвицкой культуры на юг создателей культуры Мондзее — ядро будущих греков. Двенадцатый поход приводит их в Грецию. Тринадцатый продвигает шнуровую керамику из Центральной Германии в Юго-Западную, а четырнадцатый приносит зонные кубки, возникшие на базе развития северо-западных ответвлений шнуровой керамики, в Англию.

Прямые же потомки мегалитических индогерманцев остались сидеть на месте и, пополнив убыль северным прафинским населением, образовали позднейших германцев. Под действием восточных волн индогерманизации где-то образуются фракийцы, балтославяне и иранцы.

Маршруты первых нескольких походов установлены по карте распространения воротничковых фляг, шестого и девятого — картой распространения шаровидных амфор, одиннадцатого — шестигранных боевых топоров и т.д. Если взять генетическую линию, соединяющую греков с индогерманской прародиной (походы 8, 11 и 12), то одно и то же движение из Ютландии на юг прослеживается на первом этапе по шаровидным амфорам, на следующем — по боевым топорам, а на третьем — и вовсе не прослеживается, а лишь предполагается.

Суть этого метода «путешествия на перекладных» Косинна нигде специально не излагал и правомерность принципиального превращения каждого отдельного элемента культуры в опознавательный признак этноса нигде специально не декларировал и не отстаивал. Наоборот, даже, как мы видели, высказывался в противоположном смысле. Но на деле применил именно этот метод, этот принцип, когда пробил час решающего испытания — на самом трудном участке доказать реальными разработками превосходство своей методики над старой методикой Муха, Шрадера и др.

Иными словами, Косинна и в этом изменил своей методической системе в решающий момент и на самом ответственном участке. То есть молчаливо признал ее банкротство в столкновении с той основной исследовательской задачей, для решения которой эта система и была создана, — задачей отыскания «индогерманского пранарода», реконструкции расселения «индогерманцев».

Если до того методическая система Косинны, пополняясь новыми положениями, просто благополучно росла и расширялась, то оба последних методических новшества, введенных со спасательными целями, противоречили некоторым важным старым положениям и явились их отрицанием. Система заметно видоизменилась и приобрела внутренне противоречивый характер и двойственность. С одной стороны, археология декларируется единственным надежным средством реконструкции расселения пранарода; с другой — признается, что она пасует на важном участке и ее предлагается заместить антропологией. С одной стороны, единственно правильным путем признается последовательно-постепенное ретроспективное продвижение по археологическим культурам вглубь веков; с другой стороны, рекомендуется прыжок через эпохи с опорой не на археологию, а на антропологию. С одной стороны, и один тип допущено считать опознавательным признаком этноса — лишь постольку, поскольку установлен принцип точного совпадения с этносом всей культуры, во всех ее проявлениях. С другой стороны, разрешено опознавать этнос по одной категории археологического материала и при отсутствии совпадения с нею остальных категорий.

Конечно, между старыми и новыми положениями можно найти логическую связь — в этом смысле система остается внутренне цельной. Ее противоречивость и двойственность проявляются в действии: из старых и новых положений вытекают противоположные рекомендации. Одни — более строгие (для сравнительно легких задач). Другие — более свободные (для «крепких орешков»).

Методическая система «археологии обитания» приобрела свой окончательный вид. Это и была та система, которая обеспечила Косинне выполнение его «жизненной цели» — разработку генезиса «индогерманцев» на базе нордической гипотезы.

Сочтя свою задачу выполненной, Косинна семидесяти лет оставил кафедру (в 1927 г. в торжественной обстановке он прочел свою прощальную лекцию) и уступил кафедру, как ни странно, без боя Максу Эберту — хоть и занимавшемуся в семинаре Косинны, но другу и соратнику Шухардта. В последние годы жизни Косинна вернулся к исходному пункту своего путешествия в глубь веков — к германцам I тыс. н.э., культуру которых решил на досуге исследовать фундаментально. Но он успел лишь подготовить к печати первый том. Через три года после обнародования концепции «14 походов», в 1931 г., ученики и поклонники Косинны устро-

или торжественное празднование 50-летия докторской диссертации Косинны, а в декабре того же года 73-летний юбиляр умер.

Уже через год после его смерти в томе «Маннуса», посвященном памяти Косинны, пришлось поместить признание, что голова германца, которая в течение всех лет была на титульном листе, оказалась фальшивкой; ее придется заменить другой (Mannus 24, 1932: 584). Признания, что ложны и многие предпосылки учения, вдохновлявшего «Маннус», тогда сделано не было.

7. Личность и наследие

Густав Косинна... «Перед мысленным взором того, кто его лично знал, — пишет один из последователей, — при звуке этого имени возникает небольшая подобранная фигурка со всегда воинственно напряженными чертами, с изобилием вихрящихся мыслей…» (Hammer in Kossinna 1941: 303). Портреты дополняют эту характеристику: немного одутловатое лицо, под насупленными бровями — водянистые глаза слегка навыкате (возможно, щитовидка не в порядке), большие чуть подкрученные усы пруссака и седенькая треугольная бородка. На общем снимке одного конгресса он стоит впереди между величественно-монументальным шведом Гильдебрандтом и спокойным тяжеловесным Брауном из России. Кривобокий, как-то скособочившись, он — весь в движении, резко развернувшийся, будто готовый к драке (см. Mannus 1912, вклейка после с. 444).

«При звуке этого имени» возникает также весьма своеобразный стиль исследовательской работы и ознакомления научной общественности с ее результатами, а равно не менее своеобразная манера полемики.

Косинна обычно очень мало заботился о логическом и фактическом доказательстве своих положений, особенно методических. Он выдвигал их как аксиомы, как догмы, как символ веры. Для него каждая из них — с самого начала «тысячекратно доказанная и постоянно заново подтверждаемая», а против возможных возражений — вместо доказательств: «да будет здесь воздвигнута очевидность противоположного со всей определенностью» (Kossinna 1911: 3). Но ведь это заклинания, а не научные доказательства!

И тем не менее ученые встречали их «бурными овациями» и принимали, как Эрих Блюме, «в сокровищницу своей веры»... Огромную роль в способе утверждения идей играл у Косинны эмоциональный фактор — это была замена доказательств, а нередко — и исходная посылка для выводов.

Вот характерный пример. Двое исследователей, Бенковски и Шумахер, интерпретировали на римских рельефах женские фигуры в штанах как изображения германок в повседневном костюме. Косинне же это представлялось несовместимым с германской моралью, строго ставящей женщину «на свое место», и он выступил со следующим опровержением: «Мнение, что стыдливые германские женщины и именно только они разгуливали в узких брючках (Trikothosen), столь чудовищно и прямо-таки оскорбительно для германского чувства, что без внутреннего негодования этот пункт даже трудно обсуждать». Упомянув римские символические изображения Германии в виде женщины с обнаженной верхней частью тела, Косинна победоносно вопрошает: «Не думают ли Бенковски и Шумахер, что германки и в самом деле, подобно индийским женщинам, показывались так?» (Kossinna 1912a: 251). Бедный Косинна! Как ему повезло, что он не дожил до второй половины XX века — а то бы увидел своих немок, не только разгуливающих в узких брючках, но и «показывающихся *так*» — в бикини и даже в завезенных из Англии *topless*! Я уж и не говорю об FKK[1] ...).

Свободно манипулируя методами в зависимости от их удобства для желательных выводов, Косинна отстаивал, в сущности, дилетантизм в науке. О его дилетантских настроениях свидетельствует его резкое неприятие закона об охране памятников — он же нарушит свободу раскопок! (Mannus 2, 1910: 329). Впрочем, самто Косинна копал всего 14 дней в своей жизни...

Дилетантскому характеру работы Косинны вполне соответствует и его средневековая манера полемики: если нет доказательств, то идеи приходится отстаивать с помощью удвоенной и утроенной категоричности, оглушать крикливой фразой, ошеломлять грубой бранью и апломбом. Отсюда все эти косинновские *argumenta ad hominem*, презрительные клички противникам, удары ниже пояса. «Это безобразная манера Косинны, — писал выведенный из себя Шухардт, — личные высказывания, скажем, из писем или от пивного стола, да еще нарочито искаженные, класть в основу своей книжной полемики — «Маннус» дает тому достаточно примеров» (Schuchhardt 1913: 586, Fußnote 1).

В некрологе по поводу смерти Косинны в Шухардтовском журнале Г. Зегер писал: «Его работы полны жесточайших нападок не только на инакомыслящих, но и на единомышленников, которые по какому-либо поводу ему не понравились, Он не знал никаких уступок, никаких смягчающих обстоятельств. Кто не был его безусловным сторонником и другом, того он рассматривал как своего личного врага. Не случайно, что в конце концов он стоял почти один сре-

[1] FKK — Freie Körper-Kultur, «культура свободного тела». Так называются в Германии пляжи, где посетители обоего пола совместно купаются и загорают вовсе без одежды.

ди своих ближайших коллег» (Seger 1931: 295). Да, если считать маститых ученых — Эд. Мейер, Шрадер, Гёрнес, Фейст, Мух, Шухардт, Рейнеке, Софус Мюллер, Шумахер, даже Шлиц — всех он успел оскорбить и обидеть, всех шокировал, все от него отвернулись, а с ними их друзья и ученики, чуть ли не весь ученый мир, особенно Германии и Австрии. В этом мире Косинна остался один. Но он создал себе собственный мир, свой круг сотрудников и приспешников.

«При звуке этого имени» возникает целая толпа учеников. Среди них известные впоследствии археологи. Из ранних заметны четверо: Ганс Ганс, Эрих Блюме, Макс Эберт и Альберт Кикебуш. Но двое последних стали вскоре сотрудниками Шухардта. Затем появились Эрнст Вале, Вальтер Шульц, Мартин Ян и поляк Юзеф Костшевский. Далее, в первые послеверсальские годы в семинаре занимались Герберт Кюн и испанец Педро Бош-Гимпера. Позже народ мельчает — в годы увлечения мэтра расовой теорией и 14 походами вокруг него толпятся личности (уже не только прямые ученики) вроде Рейнерта, Штампфуса, Хюлле, Лехлера, Гешвандта, Бикера, Гуммеля, Гаммера и др. — из этих мало кто оставит прочный след в науке, зато многие заметно наследят в политике.

Но что «при звуке этого имени» выступает прежде всего «перед мысленным взором» всякого, кто знал и кто не знал Косинну, — это написанные им книги и статьи, воспитанные им ученики и его учение, «археология обитания», косиннизм.

Часть третья. «Археология обитания»

А. Состав наследия Косинны

Сам факт расхождения определений «косиннизма», основанный на возможности выбора разных критериев определения, говорит о том, что «косиннизм» — явление сложное. Очевидно, чтобы избежать упрощений, при таком разборе надо будет исходить из того, что косиннизм, как и всякое цельное и деятельное учение, представляет собой логически последовательную систему основных положений, что он сохраняет свою специфику лишь как совокупность всех или, по крайней мере, многих этих основных положений и не может быть сведен к одному из них. Каждое из них, взятое в отдельности, может, конечно, и сохранить некоторые существенные органичные особенности всего учения, но может и не нести в себе подобного заряда, удерживая лишь первое время «аромат» всего учения в субъективном восприятии людей. Любое такое положение могло существовать и до всего учения, одновременно с ним вне его, а затем и после него — в других системах. В них оно может иметь и другой смысл.

Более того, если учение Косинны было не просто переносом некоторых политических идей в археологию, а в каких-то отношениях необходимым звеном в логическом развитии одной науки, то такие переходящие элементы, инварианты, как их называют философы, должны с неизбежностью в нем оказаться. В этом случае закономерен вопрос, не перейдут ли они в новые концепции, сменившие старую и даже спорящие с нею, в каком виде и в каком наборе перейдут, какие именно и в какие концепции. Другое дело, что какие-то из элементов учения были особенно важными для исполнения его социальной функции, его идеологической роли, его использования в политических целях — в данном случае явно злонамеренных. Любопытным может оказаться вопрос о том, в каком отношении эти элементы окажутся к инвариантам, войдут ли в их число, сохранят ли при этом свои политические потенции и претензии, в какие и чьи концепции попадут. Надобно проверить справедливость утверждения Брюсова (1956: 16-17), что Косинна все ценное заимствовал, а сам ничего не внес в науку, кроме тенденциозных и шовинистических идей.

Что учение Косинны с самого начала создавалось под определенным политическим стимулом, вполне очевидно. Оно должно было внушать немецкому народу сознание несправедливости доставшейся ему доли в империалистическом дележе мира, воспитывать чувства национального превосходства и агрессивные устремления. Это лежит на поверхности. Этого не скрывал и сам Косинна. Западнонемецкие критики также отмечали (обычно вскользь) это обстоятельство, но совершенно упускали из внимания социальную обусловленность этого настроя Косинны, связь со спецификой развития германского империализма. Именно в советской археологической литературе рассмотрена эта сторона дела (Равдоникас 1932; 1935; Артамонов 1937).

В 1888 г. к власти в Германии пришел кайзер Вильгельм II, сторонник пангерманизма. Через два года, в 1890, ушел со своего поста канцлер Бисмарк, который провел объединение Германии, но стремился ограничить это объединение, не включая в него всех немцев Европы, — дабы не восстановить против Германии остальные крупные государства Европы — Россию, Англию. Итак, уже соседи — Франция, Австро-Венгрия и Дания — были задеты. Кайзер же был молод и агрессивен.

В политике кайзера особую остроту приобрел вопрос о территориальных границах Германии. Издавна при попытках перекройки границ дипломаты обращались к так называемому «историческому праву». И не случайно именно в

это время на рубеже XIX-XX вв. именно в германской археологии отыскиваются средства установления древних границ обитания германцев, создается «археология обитания». Случайно лишь то, что это сделал Косинна — так сложилось стечение многих обстоятельств, по отношению к общим закономерностям истории — случайных. При небольших изменениях роль Косинны мог выполнить (может быть, иначе) и кто-то другой. Мы знаем, что у Вирхова были подобные мысли, только он не разработал их в систему. Ратцель создал систему антропогеографии и сформулировал принципы миграционизма в этнологии и культурной антропологии. Его «Антропогеография» выходила с 1882 по 1891 гг. Идеи витали в воздухе Германии.

Но закономерность появления косиннизма имеет и другой план, более широкий. Рубеж XIX и XX веков был переломным моментом в развитии теоретической мысли историков культуры в целом. Четко обозначился кризис эволюционизма. Даниел (Daniel 1950: 239) верно подметил ряд причин этого кризиса (демонстрация одновременности разностадиальных явлений, охват культур всего мира археологическими исследованиями, влияние географии расселения и антропологии, интеграция разных отраслей археологии), но упустил из виду его связь с общим кризисом прогрессивной буржуазной идеологии вообще. Выступления пролетариата и социалистическое революционное движение подорвали веру в безоблачность перспектив и в дальнейший прогресс и подъем буржуазного мира, в закономерность эволюции вообще. Но так как трудно отрицать движение, будучи на подступах к XX веку, то стали подыскивать другое объяснение движению — на месте качественного и количественного роста было подставлено перемещение в пространстве. Одни стали объяснять основные перемены и нововведения миграциями, другие — влияниями. «Нордическая теория» Косинны — не единственная разновидность моноцентрического миграционизма (немало сторонников имел и понтийский центр расселения), а моноцентрический (центробежный) миграционизм — не единственная разновидность миграционизма (полицентрическая представлена у Брейля). Трансмиссионизм (нередко называемый диффузионизмом, хотя это не одно и то же) можно рассматривать как функциональную параллель миграционизму — у них схожие методологические основы, поэтому обе теории были выдвинуты, развивались и пришли в упадок одновременно (косинновская разновидность миграционизма, будучи сильно дискредитирована своими политическими приложениями, рушилась на десятилетие раньше других). В этом смысле Брейль, Косинна и Эллиот Смит, несмотря на все свои различия, — порождения одного и того же духа времени.

За всем этим открывается еще и третий план, в котором должны быть рассмотрены работы Косинны. Это план гносеологический, определяемый последовательностью движения по дороге познания, внутренней логикой развития науки. Поскольку общественная наука как развивающаяся система является подсистемой не только идеологии, но и научного знания в целом, она не только отражает социальные силы, но и обладает определенной относительной автономией, имеет собственные законы развития, внутреннюю логику. Облик теорий определяется взаимодействием всех этих и упомянутых выше факторов. Поскольку Монтелиусом был создан исследовательский механизм прослеживания процессов культурного развития, то дело не могло ограничиться применением этого инструмента только к выявлению относительной возможности преемственности.

Сам Монтелиус эту возможность даже реализовал (Montelius 1888), но мельком, без размаха и концентрации внимания на этом. Интенсивное приложение этого средства к изучению культурно-генетических связей было делом времени и интересов. К началу XIX в. открытые археологические памятники представляли собой немногие далеко разбросанные точки на обширном белом поле. Никакой интерес к географии не мог бы привести к выявлению культурных провинций на этой базе.

К началу XX века поле покрылось густой россыпью открытий, и отдельное рассмотрение по территориям стало возможным. Понятия типа и замкнутого комплекса, разработанные эволюционистами, приучили исследователей фиксировать внимание на повторяемости вещей и их сочетаемости. Распространить эту установку на повторяемость локализации вещей и на сочетаемость их не только в замкнутом комплексе, но и — шире — в одном районе было логически естественным следующим шагом и когда-нибудь должно было произойти. То, что произошло именно в конце XIX — начале XX вв. и осуществилось больше всего в Германии, — результат факторов первого и второго планов. Этим же определен и конкретный облик, который приобрела концепция. По сути, уже Вирхов и Тишлер выделяли «культурные провинции», а Шлиман группировал древности по «цивилизациям»: и Вирхов, и Шлиман связывали их с определенными древними народами (Gummel 1938: 277; Daniel 1950: 243). Одновременно в далекой России тишайший Спицын (1899), картографируя типы височных колец, реконструировал расселение летописных славянских племен. Все это вне зависимости от Косинны, но все без той интенсивности, того размаха и той систематической разработанности, которые придал этим операциям Косинна. Деятельность Косинны стояла в русле логики развития самой археологической науки, наиболее ярко выражая определенное звено логической цепи этого развития.

Следовательно, мы вправе ожидать, что в учении Косинны окажутся какие-то важные ин-

варианты, и вполне правомерен вопрос о содержании, характере и размере вклада Косинны в археологию наших дней. Для советской и восточногерманской (в ГДР) археологии вопрос этот был особенно острым: можно ли говорить о положительном вкладе столь одиозной личности? Но я мог сослаться на классиков марксизма. Ленин (1961: 49) писал о философах и историках прошлого, что они «науку двигали вперед, несмотря на свои реакционные взгляды». По своим основным воззрениям Косинна был несомненным противником марксистской концепции исторического процесса, но было бы ошибкой отвергать все, что он говорил, только потому, что это говорил он, и выдвигать нечто прямо противоположное по этой же причине. Энгельс (1964) писал дочери Маркса : «говорить: ***белое***, потому что мой ***принцип*** говорит: ***черное*** — значит просто подчиняться закону своего противника, а это ребяческая политика». Не стоит упрощать. Надо разобраться.

Научное наследие Косинны в настоящее время являет собой весьма пеструю массу утверждений, поучений, деклараций, гипотез и трактовок: «этническое объяснение» (ethnische Deutung), ретроспективный метод, северная прародина, превосходство древней германской культуры и нордической расы, длинная хронология, 14 неолитических походов «индогерманцев» и т.д. — все это обычно подставляется выборочно или все скопом под каким-нибудь из примелькавшихся терминов: учение Косинны, косиннизм, «археология обитания», работы «Берлинской школы...»

Запутанность этого нагромождения немало способствовала тому, что, как отметил Гахман, «к идее проверить методологические предпосылки так наз. “метода Косинны” в их полном объеме еще никто не пришел» (Hachmann 1970: 176).

Для более основательной оценки взглядов и утверждений Косинны их нужно рассмотреть в полном объеме и упорядоченном виде. Постараемся проделать эту работу за Косинну — сам он систематизации своих принципов не дал. Не сделал этого и никто из его учеников и критиков.

Вся совокупность научных результатов Косинны и его «берлинской школы» состоит в основном из двух систем положений: ***конкретно-фактоведческой*** и ***принципиально-установочной (методико-методологической)***.

Под ***первой*** следует разуметь разработанную Косинной и его учениками конкретную источниковедческую трактовку и историческую интерпретацию археологических материалов. В эту систему входят, прежде всего: автохтонность германцев в Северной Европе, ютландско-северогерманская прародина «индогерманцев», вытеснение прафинской культуры «доббертинцев» (маглемозе) в Скандинавию, германская принадлежность культуры «Эллербек» (кьёккенмеддингов Эртебёлле) и мегалитической культуры воронковидных кубков, выведение саксотюрингской шнуровой керамики из ранней баальбергской и датской культуры одиночных погребений, 14 неолитических походов «индогерманцев», связь «индогерманизации» Европы с деятельностью нордической расы, изобретение бронзы в северной Европе и превосходство северных бронз над всеми другими, длинная хронология европейских древностей, иллирийский этнос лужицкой культуры, дуальное деление археологической культуры германцев железного века и т.п. Эти трактовки археологических факторов являются основными в конкретной картине первобытного прошлого, которую рисовал Косинна, опорными для его общих идей.

Отдельные детали картины, создававшейся Косинной и его учениками, у них не раз заменялась. Скажем, мегалиты Косинна вначале выводил из Ютландии и Скандинавии, позже склонялся к приоритету Португалии, лужицкое городище Рёмершанце вначале отдавал иллирийцам (и ожесточенно спорил с Шухардтом), позже признал германским; культуру линейно-ленточной керамики вначале не включал в индоевропейский круг, затем объявил «южными индогерманцами», а позже отказался от этого термина и отнес названную культуру к «несеверному субстратному населению»; зато мегалитическую культуру воронковидных кубков объявил индогерманской, хотя вначале не относил к предкам германцев; и т.д. Ученики тоже позволяли себе заменять некоторые кирпичики из этого здания другими. Здесь сказывались и наращивание методической системы, и накапливание новых материалов, и субъективные представления. Еще больше было опровергнуто противниками.

Правда, сам Косинна и его ученики шли на замену лишь второстепенных положений или, если вставал вопрос о слабости более важных, старались заменить их похожими, но более удачными. Противники часто нападали на положения основные, опорные для Косинновских общих идей. Но опровержение еще какого-то или каких-то из этих опорных вряд ли само по себе способно погубить связанную с ним идею — она может найти другие воплощения, не говоря уже о том, что вся сплошная идейная концепция нередко может обойтись и без той или иной частной идеи — одной из составляющих.

Нельзя забывать и о том, что какие-то из конкретных положений Косинны могут ведь и подтвердиться. Отрицать такую возможность и даже вероятность не приходиться: некоторые как будто уже и подтверждаются. Так, весьма вероятна длительность обитания германцев в Северной Европе; радиоуглеродные датировки упорно возвращают археологов к длинной хронологии европейских древностей; почему бы и тому или иному из «14 походов» не найти соответствия в новейшей реконструкции неолитичес-

ких миграций, хотя бы в первом приближении?

Как предпосылки построения рассмотренной системы, так и ее значение коренятся во ***второй*** из указанных систем — в системе принципов и связанных с ними методов исследования и истолкования археологических фактов. Эта вторая система, которую и есть резон называть ***учением Косинны*** или ***косиннизмом***, состоит из двух частей, двух логических рядов. ***Первый*** определяет работу в ***этнической истории*** (решение задач о происхождении и расселении родственных по языку народов, изучение этнических передвижений). ***Второй*** ряд составляет принципы, определяющие разработку ***истории культуры*** (исследование движущих сил культурного процесса).

Первый ряд состоит из 9 основных положений.

Б. Косинновские принципы разработки этнической истории — происхождение народов и языковых семей

Шесть из этих положений определяют, как выяснять происхождение народов и языковых семей.

1. Этническое истолкование (ethnische Deutung) археологических культур.

Суть этого принципа сформулирована Косинной в знаменитых правилах: «Резко ограниченные археологические культурные провинции (Kulturprovinzen) во все времена совпадают со вполне определенными народами или народоплеменными общностями (Völker oder Völkerstämmen)» (Kossinna 1911: 3). «Четко ограниченные, резко замкнутые археологические провинции безусловно совпадают с территориями определенных народов и племенных общностей» (Kossinna 1926: 21).

И в лаконичных формулах :

«мое уравнение: культурная группа = народ» (Kossinna 1911: 9).

«уравнение: культурные области — это народоплеменные общности» (Kossinna 1911: 4).

«Наш принцип: территории культур — это территории народов» (Kossinna 1911: 5).

На практике до Косинны из этого принципа исходили Вирхов, Тишлер и др. Сам Косинна доказательств не выдвигал (да их и не требовали!), он только привел перечень примеров (не всегда надежных) из древности и раннего средневековья, а экстраполяцию вывода на первобытные времена считал естественной. Логические доказательства подобрал его ученик Блюме. Он ссылался на племенную организацию и первобытную изоляцию. Он же дал и определение «культурной провинции» как «суммы одинаково распространившихся форм культуры» (Blume 1912: 1-7).

Принцип этот требует картографирования находок и превращает его в необходимый прием исследования и доказательства в реконструкции этнической истории (позже стали говорить о «картографическом методе»). Ссылаясь на специфику Центральной Европы, Косинна пишет, что его здесь «Монтелиусов способ доказательств уже не удовлетворяет. Он должен быть пополнен тем, чтó я ввел в доисторические исследования, — изучением мест обитания (Siedlungskunde), нанесением культур, т. е. всего ... материала находок на карту страны ...» (Kossinna 1911: 8). Требование «карт обитания» дало и одну из кличек всему направлению (Siedlungsarchäologie).

2. Этническое истолкование культурной преемственности.

«Если надо войти в происхождение германцев, — писал Косинна, — то это возможно только одним единственным изобретенным мною ... очень простым способом. Надо исходить от самых ранних историй засвидетельствованных областей распространения германцев и прослеживать век за веком назад (т. е. еще дальше вглубь веков — Л. К.) их границы, частью меняющиеся, частью остающиеся неизменными, пока не дойдем до начала или до препятствия, не дающего продвигаться дальше» (Kossinna 1926: 5). На деле суть «изобретенного мною» способа была сформулирована уже Монтелиусом (Montelius 1888): «преемственность культуры (Kulturkontinuität) указывает на постоянство населения». И для прослеживания этой преемственности не было предложено ничего нового в дополнение к типологическому методу Монтелиуса, лишь утерявшему в новых облегченных приложениях первоначальную строгость. У Косинны лишь был перенесен акцент с хронологических задач на этногенез и более четко, чем у Монтелиуса, сформулирован технический рецепт прослеживания — от поздних времен в глубь веков, получивший впоследствии название *ретроспективного метода*. Прослеживание Косинна начинал не от современности, а, ради экономии, от самого раннего из периодов, освещенных письменной историей, пусть даже не собственной, но хотя бы сообщениями письменных источников (древних авторов) из соседних стран. Таким образом, все движение в глубь веков начиналось с наделения археологических культур именами народов, известными древним авторам, и наделение это производилось в соответствии с географическими, этнографическими и другими сведениями этих авторов.

3. Этническое истолкование типологических соотношений.

Возможность по сходству культур заключать о родстве народов, по различию культур — о неродственности и по степени сходства — о степени родства нигде Косинной не сформулирована, но везде подразумевается и используется. Количественная оценка типологических

сходств или различий даже у Монтелиуса не получила строгого методического воплощения, а уж у Косинны и подавно. Археологическое определение родства не было доведено до уровня строгого метода. Но и в таком виде этот прием позволял Косинне переносить этнические определения с тех групп населения, которые были освещены в письменных источниках (или генетически связаны с таковыми), на те соседние, которые не были освещены, и таким образом заполнять этнические карты первобытной Европы, находить древние границы между крупными этноязыковыми общностями (семьями народов).

В последовательном ряде карт отражались передвижки этих границ, передвижки культур и групп культур.

Все три рассмотренных принципа имеют одну суть: этническое истолкование культурно-исторических связей и общностей в статике и в динамике.

4. Миграционная трактовка распространения культуры.

Косинна (Kossinna 1911: 9-11) подчеркивал, что многие категории культурных явлений, в отличие от вещей, не продаются и не покупаются, и полная передвижка всего состава культуры немыслима без переселения людей (проблему заимствований и диффузии он при этом игнорировал). Этот принцип он заимствовал у Ратцеля. На основании подобных высказываний и под впечатлением пресловутых «14 походов» Косинну принято считать типичным представителем миграционизма. Между тем, миграционизм как общий методический принцип подразумевает тенденцию к тому, чтобы всякое распространение культурных явлений, более того — всякое сходство в культуре разных мест объяснять миграциями. Таков полицентрический миграционизм (например, в известной мере, у Брейля). Миграционизм Косинны относителен и ограничен. Моноцентрический миграционизм Косинны оставляет место и для автохтонного развития, но только одно место — на северной прародине германцев.

«Одним из наиболее ясно познаваемых принципов — писал Косинна, — было для меня, что волны распространения культуры, идущие с юга на север, — это только культурные волны или их характерных частей, направленные на юг, должны рассматриваться как свидетельства переселения народов» (Kossinna 1902: 162). Никаких фактических доказательств, что с севера на юг шла полная передвижка культуры, а с юга на север — неполная, конечно, не было предъявлено.

В методике исследований реализация этого принципа в лучших случаях сводилась к эволюционно-типологическим рядам, положенным на карту.

5. Этническая атрибуция типа.

Исходным для Косинны было романтическое представление о культуре как эманации народного духа. Согласно этому представлению, в каждом отдельном элементе культуры сказывается этот специфический дух народа, свойственный только ему и недоступный другим. В первобытное время это должно было проявляться особенно ярко из-за слабости межплеменных контактов.

Начав с этнической атрибуции культур, Косинна быстро перешел к этнической атрибуции отдельных типов вещей. Сперва он проводил этот принцип лишь в практике исследований, подспудно, не декларируя в теории и даже открещиваясь от него в полемике: «Разве ж я когда-либо просто «горшки идентифицировал с народами»?... Разве не рассматривал я всегда в гораздо большей мере скорее целые культуры...?» (Kossinna 1911: 11).

Постепенно, однако, в «Берлинской школе» накапливались опыты этнической атрибуции конкретных типов и некоторые соображения в пользу правомерности такой атрибуции. Поддержка пришла из этнографии, где этот принцип был в 1904 году провозглашен Гребнером (Westphal-Hellbusch 1969: 170).

В 1905 году Косинна определил «Орнаментированные железные наконечники копий как признак восточных германцев» (Kossinna 1905). В теоретической работе 1911 года он подчеркивал особое значение керамики для прослеживания этнических отношений (Kossinna 1911: 9-11). Его ученик Блюме отмечал: «то, что необходимо для одежды, как фибулы и другие булавки, также часто встречающиеся украшения, оружие и т.п. как раз были, как правило, германскими, постоянными для племени изделиями... Если уж культурные изделия, которые могут распространяться торговлей, все же дают возможность этнографических разграничений, то в еще большей мере это должно относиться к тому достоянию, которое туго идет в торговлю или вовсе не идет. Костюм, устройство дома и поселения наверняка выступали, как правило, в различных племенных разновидностях... В способах обхождения с покойником, в могильном устройстве и снаряжении инвентарем мы находим значительные различия, и здесь часто более резкие границы, чем у предметов, распространяемых торговлей. Так способ погребения иной раз разделяет племена там, где отказывают формы орудий и утвари» (Blume 1912: 5, 7, 8). У учителя и его учеников не было ни тени подозрения, что границы ареалов разных категорий находок и за вычетом импорта могут не совпасть.

В методике исследований приложение этого принципа позволило подставить карты типов (Typenkarten) вместо карт ареалов культур в качестве карт распространения народов. Это существенно облегчило конструирование миграций, необходимых для развертывания идеи о северной прародине «индогерманцев» (куда не

простирались культуры, шли типы) и было широко использовано в концепции 14 походов...

6. Совмещение народов с расами.

Представление о белокуром длиноголовом арийце с самого начала вдохновляло Косинну, но в его концепции антропологическая аргументация была включена не сразу. В 1902 году он только ссылался на вывод Ляпужа о связи индогерманской языковой общности народов со светлыми нордическим расовым опытом, но не считал возможным жестко увязать частные археологические культуры с расами (Kossinna 1902). Через несколько лет он уже преодолел это препятствие: «с 1908 года, — пишет он в 1911 году, — благодаря Шлицу мы знаем, что каждое более или менее значительное подразделение больших культур обладает собственным расовым подвидом» (Kossinna 1911: 11). Он и сам выпускает несколько работ (Kossinna 1910; 1914; 1921) о связи индогерманцев с нордическим расовым типом. Но лишь в 1924-27 гг. этот принцип был включен в методологическую систему Косинны и реализован в прослеживании генетических связей (Kossinna 1926). Теперь на тех участках, где в археологическом материале связь между культурами слабеет и обрывается, Косинна стал заполнять брешь, прослеживая расовую связь. Антропология у него подменяет в таких лакунах археологию.

Тезис о принципиальном совпадении археологических культур с расами сам по себе не предполагает непременной связи с расовой теорией. Это зависит от того, ищут ли его обоснование в идеях о зависимости облика культуры от биологических особенностей популяции или в представлении о значительной разобщенности древнего человечества. В аргументации Косинны первое постепенно брало вверх над вторым.

Изложенные 6 принципов определяют у Косинны методику исследования проблемы происхождения народов и языковых семей.

В. Этническая история — использование результатов

Продолжение ряда составляют принципы, которыми определяются у Косинны оценка и использование получаемых результатов, а вместе с тем — и дальний прицел исследования.

7. Апелляция к «историческому праву».

Задолго до Косинны в юридических и дипломатических спорах способом обоснования территориальных прав нации и утверждения национальных претензий и амбиций были ссылки на историческую давность обитания. Но обычно экскурс в прошлое ограничивался несколькими предшествующими поколениями или веками, а в поисках свидетельств спорящие обходились письменными документами. Редко сей поиск выдвигался как ведущая задача исследователей, да еще целой школы. Задача эта интересовала Вирхова (Virchow 1984: 74; 1897: 69), но ставилась как попутная и в академической форме. Косинна поставил ее во главу угла, придал откровенно политическое звучание и заменил века тысячелетиями, историческую давность — доисторической, письменные документы — археологическими памятниками. Он призывал «отнять у богатых памятников родной земли их безличность» и определить, «где в нынешней Германии мы имеем в доисторические времена дело с германцами, а где — с не-германцами» (Kossinna 1896: 1). Места последних (кельтов на западе, славян на востоке) оказывались чрезвычайно узкими территориально и хронологически, роль — минимальной. Особенно интересовали Косинну спорные, недавно присоединенные к империи территории на востоке. Для Косинны имел значение не сам факт давности современного обитания, а величина давности появления и длительности обитания, сравнительный подсчет веков и тысячелетий: кто раньше, кто первее, тот законный хозяин. Это убеждение водило его пером в 1918 — 1919 гг., когда он писал брошюру «Немецкая Восточная марка — исконная родная земля германцев» (Kossinna 1919) и отправлял ее делегатам Версальского конгресса, надеясь повлиять на решение. Затем отыскание все новых территорий, на которых германцы появились раньше современных обитателей, превратилось в увлекательную и весьма азартную игру.

8. Подбор археологических прецедентов современных планов агрессии.

С самого начала возможность подкрепить современные агрессивные политические планы и акции государства, обращаясь за примерами в древнейшее прошлое, широко эксплуатировалась Косинной. Уже кассельский доклад был опубликован со следующей концовкой: «Немецкая народная сущность и немецкая культура с их полным сил превосходством не нуждаются в том, чтобы обращаться за поддержкой их дальнейшего распространения или даже за гарантией их прочности к титулу обладателя доисторических тысячелетий. ...Нас, немцев, а с нами и всех других членов германского племени, может, однако, лишь наполнять гордостью и мы должны изумляться силе маленького северного пранарода, когда мы видим, как его сыновья в первобытности и древности завоевали всю Скандинавию и Германию, а в средние века распространились по Европе, в новое время — по далеким частям света» (Kossinna 1896: 14). «Завоевали», «распространились» — вот что оказывается исторической константой германцев. Косинна здесь извлекает стимул для национальной гордости. Но национальная гордость не беспредметна и не бесцельна. ***Чем*** предлагает Косинна гордиться «нам, немцам, а с нами и всем другим членам германского племени»? Завое-

ваниями. ***Зачем***, однако, надо пробуждать ***такую*** национальную гордость? Для «дальнейшего распространения». А распространение культуры с севера шло, как гласит закон Косинны, только в порядке переселений, миграций, переселения же трактуются только как завоевания, походы.

9. Доктрина первородства.

Гипотезу о северной прародине «индогерманцев» Косинна (Kossinna 1912) потому с такой яростью «отобрал» у Муха (оспорив приоритет), что увидел в ней средство для утверждения особого места германцев среди других индоевропейских народов, особой роли Германии в истории. По этой гипотезе, только германцы остались сидеть на старых землях, унаследовав родительский очаг, и сберегли поэтому в наибольшей чистоте культурное достояние предков. Это означает, что только германцы являются прямыми потомками и продолжателями тех, кто осуществлял «индогерманизацию» остальных территорий. Старшинство, привилегии и обязанности первенца, второстепенность «бастардов» — все это были ходячие представления, так что разъяснить аналогии не было надобности.

Три рассмотренных положения Косинны определяли выход его концепции этногенеза в политику. Ими завершается первый ряд Косинновских методологических принципов, который, собственно, и заслуживает наименования «археологии обитания» (Siedlungsarchäologie) в узком смысле, хотя сам Косинна распространял этот термин на всю свою методическую систему.

Г. Принципы изучения истории культуры

Между тем, остальные принципы — образующие второй ряд — не связаны непосредственно ни с задачами изучения этнических границ и территорий обитания, ни с соответствующими картами, ни вообще с территориальным аспектом археологии. Связь второго ряда с первым проходит через политический и биологизаторский узлы концепции. Принципы второго ряда (их 4) имеют дело с изучением прогресса культуры, движущих сил развития общества.

10. Декларация культуртрегерской миссии.

В основе лежит традиционное для тогдашней немецкой науки деление народов на «культурные» (исторические, творческие) и «природные» (близкие к животному состоянию). Германцы, конечно, были всегда Kulturvolk, не Naturvolk. Они несли культуру при своих завоеваниях во все стороны, были всегда культуртрегерами. Этим завоевания объясняются, оправдываются и подтверждаются. Пропаганде древнего культурного превосходства своего народа над всеми другими Косинна посвятил вышедшую накануне войны популярную книжку «Немецкая археология — чрезвычайно национальная наука» (Kossinna 1912a), а затем создал более короткую откровенную агитку «Древнегерманская культурная высота» (Kossinna 1919). Сравнительная оценка культурного уровня народов в ту или иную эпоху переносится из академических сопоставлений в сферу бурных эмоций и политики. «Отрицательные» оценки (например, утверждение, что древние германцы были варварами) воспринимаются как порочащие, враждебные, клеветнические выпады, доказательство противоположного — как священный долг и дело чести ученых. При этом речь идет не только о том, чтобы доказать, что древние германцы были не хуже других народов, а о том, чтобы доказать, что они были лучше, выше, культурнее всех других.

Для достижения этого вывода применяется несколько методических приемов:

1) Аккумуляция приоритетов и суперприоритетов — старательное накопление реальных или мнимых фактов о первенстве германцев в чем-либо: первыми взнуздали лошадь, создали лучшие в Европе бронзы и т.п.

2) Гиперболизация этих фактов и их значения — вплоть до фантастических размеров — при одновременном преуменьшении и замалчивании фактов противоположного характера (например, о внешних влияниях на германцев): алфавит изобрели не финикийцы, а европейцы каменного века; «величие германской спиральной орнаментации» (Kossinna 1912a) и т.п.

3) Генерализация и абсолютизация полученных выводов: «Германцы со времен первобытности — телесно, духовно и морально высоко стоящий народ»; «вандализм» — гнусная выдумка: разве могли так поступать «те германцы, которых преследовала сильнейшая жажда культуры, как это примечательно показывают все их племена без исключения при завоевании римских провинций» (Kossina 1912a: 3) и т.п.

11. Наложение прошлого на современность.

Признание постоянства национальных особенностей и устойчивости культурных традиций было важно для распространения вывода предшествующего тезиса на современных немцев: «таковы же мы и сейчас», «так было и у германцев, так и ***должно*** было у них всегда быть» (Kossinna 1912a: 82). Развитие культуры, прогресс отрицаются или сводятся к несущественным, чисто внешним, формальным переменам. Современные немцы отождествляются с древними германцами.

А так как в первобытном обществе благодаря большей обособленности народы и культуры были чище и их особенности выступали в более ярком и самобытном виде, то и познать современные народы и культуры можно лучше всего по их предковым, первобытным формам. Отсюда — особое значение первобытной архе-

ологии для познания современных народов и, следовательно, для решения современных проблем. «... Все, что мы в этих кругах еще ожидаем от германства, — все это содержалось в нем изначально... Откуда нам, однако, лучше узнать наших предков, как не из их древнейшего и доступнейшего проявления? То есть из доисторического прошлого! И каким путем чище, чем из рассмотрения их собственных творений на родине?» (Kossinna 1912a: V).

12. Биологический детерминизм (расизм).

С самого начала дух нордического расизма присутствовал в учении Косинны. Но органической частью в структуру учения расовая теория была включена не сразу, из-за затруднений в увязке культур с расами. Ведь если для увязки культур с расами не обязательно принимать расизм, то для утверждения расизма увязка культур с расами, по-видимому, более важна, а уж тем более удобна она для внедрения расизма в археологию. В Кассельском докладе кооперация с нордическим расизмом лишь подготавливается — не столько различной интерпретацией культурных потоков (с юга диффузия, с севера миграция), сколько общей направленностью работы (совпадение некоторых косвенных и необязательных положений, например, о древности германцев в Северной Европе). В работе 1902 г. Косинна уже прямо ссылается на проповедников нордического расизма Ляпужа и Зиглина, однако воздерживается от жесткой увязки культур с расами. Вслед за работой Шлица (Schliz 1908) начинают выходить специальные работы самого Косинны о связи индогерманцев с нордическим расовым типом (Kossina 1910; 1914; 1921). В книге о «чрезвычайно национальной» преистории и в некрологе о Блюме (Kossinna 1912b) расистский колорит уже явственно проступает в отдельных высказываниях, в выражениях типа: «среднеевропейская кровь», «расовый капитал», «кровь и определяет душу», «ценность истинно-германской крови» и т.п.

Собственно, идеи уже налицо. Но только с расами концепция была включена в методическую систему Косинны. Вот когда расовая теория в виде развернутых разработок вошла в структуру всего учения Косинны как объяснение многих положений, а тем самым как объединяющее звено всей концепции. Признание биологической обусловленности духовных качеств и культурных достижений подвело теоретическую базу под увязку культур с расами, а установление неравноценности рас, деление на высшие и низшие, принцип изначального превосходства нордической расы над всеми остальными пригодились для объяснения культурного превосходства древних германцев, а заодно — и завоеванных успехов германских культуртрегеров. Наконец, тезис о неизменности расовых признаков позволил объяснить постоянство этнических особенностей и устойчивость культурных традиций.

13. Извлечение идеалов и прямых уроков из археологии.

Косинна открыто провозглашал установку на политико-воспитательное использование культурных норм, оценок и традиций, восстанавливаемых археологией. Он не скрывал, что возвеличивание и восхваление древних германцев, проповедь их культурного, а затем и расового превосходства предпринимает для «напоминания о всемирно-историчеком призвании наших племен» — тех самых, которые уже сумели однажды «в конце римского времени завоевать мир» (Kossinna 1912a: 82), а затем «все больше становились во главе европейской и, наконец, мировой культуры» (Kossinna 1912a: V). И заключил: «Вот то великое, что возвещает доисторическая археология» (Kossina 1912a: 82) и к чему она должна «пробуждать воодушевление»... (Kosinna 1912a: 86).

Методика формирования идеалов и взглядов на мир из археологических образов сводились к нагромождению упрощений: примитивные аналогии, прямые увязки разнородных фактов, прыжки через тысячелетия. Но изобретательность Косинны в отыскании поводов для таких манипуляций очень велика.

Почему, например, в эпоху бронзы германцы не сопровождали покойных сосудами с пищей, а лишь оружием и украшениями? Потому что «геройский дух, проявлявшийся германцем в любых жизненных ситуациях, сказывался также и в том, что именно только в полном вооружении германец вступал в неведомый мир... При этом они отрекались от предусмотрительных забот о повседневных нуждах, ибо герою все это должно приходить само...

И кому не припомнится в этой связи героический, отрешенный всякой заботы о земных вещах способ, которым некогда команда нашей канонерки «Ильтис» при тайфуне на китайском берегу встретила свои последние минуты? Ну, а теперь свидетельства древнегерманского духа в мировой войне!» (Kossinna 1941: 59).

Иное дело славяне. О древних славянах сказано: «Они тогда уже исповедывали большевизм, смягченный невозможностью скоплений и жалким отсутствием потребностей, большевизм, который у германцев, требовавших везде, даже на войне, законности и права, вызывал только глубокое отвращение» (Kossinna 1940: 19).

Этим прямым выходом в политику завершается второй ряд принципов, входящих в методологическую систему Косинны. По аналогии с названием первого, этот можно было бы назвать «археологией культурной высоты» (Kulturhöhearchäologie). Он-то и был охарактеризован самим Косинной как «чрезвычайно национальная археология». Оба эти ряда в совокупности — 13 принципиально-методических положений, так сказать «чертова дюжина», — составляет методологическую систему Косинны — то, что и есть смысл назвать: косиннизм.

Д. Критики Косинны

Вот теперь любопытно будет проверить, какие же из этих догм подвергались критике со стороны того или иного противника косиннизма. Иными словами, кто и за что критиковал Косинну.

1. ***Ранние критики*** еще на рубеже XIX и XX веков — Эд. Мейер, Шрадер, Гёрнес — направили свой скепсис на первые пять догм, то есть на этническое использование археологических фактов и на прослеживание древних миграций. Но это вполне понятно: именно с этого и начинался косиннизм, прочие догмы были разработаны позднее. Корифеи тогдашней науки отметили слабость методов, примененных Косинной, бездоказательность положений, скудость фактов. «С такими аргументами, которые приводятся в пользу длительного заселения берегов Балтики индогерманцами, — заявил Эд. Мейер, — можно доказать преемственность населения почти для каждой страны на свете» (Meyer 1907: 55, 537, 735, 787, 800). Австриец Гёрнес (Hoernes 1903) написал, что готов был бы принять «эту упрощенную идентификацию доисторических горшков с историческими племенами за шутку,... пародию, если бы не святая серьёзность автора». Шрадер выдвинул пять обвинений, указывая на:

1) «бездоказательные отождествления известных культурных районов с определенными народами, особенно — с пранародом индогерманцев»;

2) «объяснение различных культурных групп переселениями народов (а не, скажем, торговлей или передачей культуры)»;

3) отсутствие доказательств, что переселения шли с Севера на Юг и с Запада на Восток, а не в противоположном направлении;

4) скудость фактического материала;

5) происхождение материала «почти исключительно из Западной половины Европы» (Schrader 1906-1907, II: 472-473).

Как видим, отзывы суровые, но лаконичные — опять же естественно: трудно было бы требовать обстоятельного критического разбора слабо разработанных и декларативно предъявленных положений. Косинна отвечал бранью (Kossinna 1906: 6-14).

Осторожными и узко ограниченными были возражения Рейнеке (Reinecke 1912). Баварский мэтр указывал на слабость фактологической базы для таких построений — шаткость хронологии, спорность культурно-типологической группировки и обилие белых пятен. Однако обстоятельный разбор Косинны все же был сделан в этот ранний период, но не в Германии, а в Польше. Он был сделан в блестящей по форме и основательной по содержанию статье Маевского (Majewski 1905) — первого польского критика Косинны, впоследствии заслоненного в критике другим польским археологом, учеником Косинны.

Объектом критического разбора послужила статья «Индогерманский вопрос, археологически разрешенный». Маевский перевел ее целиком на польский язык и абзац за абзацем проанализировал в подстрочных комментариях. Иногда его контраргументы фактологического плана ошибочны (например, отрицание культур линейно-ленточной и шнуровой керамики) или спорны (отрицание миграций из Северной Европы), но сила его критики не в фактологических возражениях, а в методологических. Он верно оценил и политическую установку Косинны (раздувание шовинизма в немецком обществе), но сконцентрировал критику на методологических вопросах.

Маевский констатировал, что индоевропейская проблема «вообще еще не созрела для сколько-нибудь уверенного решения: исходных данных недостаточно». Не то скверно, что Косинна взялся доказывать ту, а не эту колыбель «индогерманцев», а то, что — методами, которые в науке непозволительны. Три коренных ошибки усматривает Маевский в рассуждениях Косинны:

1) отправным пунктом служат идеи, а не факты (пример: различный подход к объяснению достижений с севера и с юга),

2) археология объявлена главным и даже единственным средством решения явно лингвистической проблемы,

3) отсутствие строгих правил: сходство типов толкуется по произволу — то как свидетельство этнической общности, то — лишь культурной.

Взгляды Маевского на интеграцию наук предвосхитили позднейшую западногерманскую критику. Маевский отвергает априорное совмещение культур с этносами и языками, не принимает и уравнения нордической расы с индоевропейцами — все это смешивание разноплановых понятий. Исследовательскую задачу Маевский предлагает разделить и сначала решать раздельно по наукам: «Сначала надо стремиться к расшифровке чисто археологической стороны остатков прошлого, а лишь когда будет точно определено их археологическое значение, можно будет приступить к подстановке под археологические понятия этнологических понятий. Тогда эта вторая работа будет благодарной, методичной и выполнимой» (Majewski 1905: 144).

Но даже если отвлечься от перечисленных грехов Косинны, если бы даже эти его установки были правомерны, то в основе всей его концепции остаются другие недоказанные допущения. Косинна делит неолитическое население Европы на «народ шаровидных амфор», «народ линейно-ленточной керамики», «народ шнуровой керамики» и т.д. Он объявляет первый из них северным по происхождению и индоевропейским по языку, остальным в этом отказывая,

и прослеживает его расселение во все стороны. Но требовалось бы доказать,

а) что выделенные в археологическом материале культурные районы реальны,

б) что их этнические идентификации удачны,

в) что в них и между ними проходили именно те процессы, о которых говорит Косинна.

Между тем, в неолите еще слишком много спорного, хронология недостоверна (шнуровую керамику сам же Косинна помещает то перед линейно-ленточной, то после), правильность выделения ряда культурных групп оспаривается (например, рёссенской). Порочен метод манипулирования отдельными типами вещей. Шаровидные амфоры могли распространиться не только переселением народа, но и в порядке обмена и т.п., притом в любом направлении. Кто бы осмелился по греческим амфорам или римским монетам реконструировать переселение греков или романизацию Германии? «Что же остается от основ Косинны? Немногое или вовсе ничего. Его археологические группы и районы неизвестно чем были, неизвестно даже были или нет» (czem sa, czy sa). Если бы мы не должны были бы различать предметы и метод, то и беспорядочные удары по фортепиано (bicie w fortepian) были бы музыкой, но ведь такую музыку мы называем какофонией». И Маевский окрестил работу Косинны (кстати, любившего играть на фортепиано), «какофонией в области археологии» (Majewski 1905: 95).

Маевский — единственный ранний критик, которому Косинна ничего не ответил. Трудно сказать, потому ли, что Маевский критиковал на польском языке, или потому, что отвечать было затруднительно.

В самой Германии традиция скептического отношения к Косинне, занятая первыми критиками, нашла продолжение в дальнейших кратких высказываниях такого влиятельного авторитета как Пауль Рейнеке (Reinecke 1906), а затем была четко выражена в очень систематичной книге Якоб-Фризена о теоретических основах и методах археологии (Jacob-Friesen 1928). Якоб-Фризен резко отверг обыкновение смешивать и отождествлять понятия и задачи разных наук. Он призвал оставить расы антропологам, народы — этнографам, праязыки, пранароды и прародины — лингвистам. Археологи же должны заняться кругами форм, соотношения которых даже только с культурными кругами сложны и неоднозначны. Якоб-Фризен привел сводку аргументов антропологов против расовой теории в самой антропологии и указал на выступления в языкознании против теории праязыка (в том числе сослался и на Марра). В книге были также осуждены политические приложения археологических выводов об автохтонности, древних границах и т.п. — с чьей бы стороны такие приложения не делались: германской или славянской. «Расовая философия, — писал Якоб-Фризен, — в наши дни откристаллизовалась в расовый фанатизм и даже внесена в политику. Многие непрофессионалы бросаются антропологическими понятиями, смысл которых они едва ли поняли, значение которых в здании науки они ни на йоту не могут взвесить» (Jacob-Friesen 1928: 35). В целом книга Якоб-Фризена была последним до войны крупным критическим выступлением против Косинны в Германии и самым глубоким из всех прижизненных по отношению к Косинне. Якобу-Фризену через несколько лет последовал Цейсс, убедительно опровергший попытки Косинны, Кюна и Прейделя узнавать племена по фибулам (Zeiß 1930; 1931).

Вскоре после того как нацисты пришли к власти в Германии, умерший незадолго до этого Косинна был посмертно беатифицирован в нацистской идеологии, а выступления против косиннизма подверглись преследованию и стали чрезвычайно опасными для критиков. Книга Якоб-Фризена была осуждена в партийной печати (Hülle 1935), а сам он отстранен от многих постов, кроме руководства Ганноверским музеем, где, однако, к нему был приставлен инспектор-эсэсовец (Zylmann 1956).

Все же отдельные критические выступления, по более узкому фронту, имели место. Так, профессор Карл Клемен из Бонна в газетных статьях 1935-1937 гг. отрицал автохтонность индогерманцев в Средней Европе и выводил их с востока (Clemen 1935; 1937). В 1936 г. даже был выпущен в Кёльне сборник в честь Пауля Клемена, содержавший статьи ряда авторов (в том числе Керстена и фон Услара) с изъявлениями неприятия некоторых идей Косинны (Clemen-Festschrift 1936). Сборник вызвал резкую отповедь в «Маннусе» (Stampfuß 1937). В 1937 г. вышел школьный учебник по археологии Ганса Филипа (Philipp 1937), молодого автора, не поддававшегося воздействию косиннизма, — опять же роковая отповедь в «Маннусе» (Frenzel 1937). Открытая критика явно угасала.

И лишь один критик в Германии продолжал изъявлять свою оппозицию Косинне открыто и во весь голос. Это Карл Шухардт.

2. ***Перепалка с Шухардтом*** разгорелась со времени раскола первобытной археологии Германии (1909 г.) на группу «Маннуса», возглавленную Косинной, и группу «Преисторише Цейтшрифт», консолидированную вокруг Шухардта, и продолжалась громогласно около десятилетия. Затем Шухардт продолжал более спокойно критиковать работы Косинны, также и после смерти последнего — в 30-е годы (Schuchhardt 1913; 1926: 200; 1928: X; 1934: III, V).

В основе этой перепалки лежали вовсе не случайные расхождения толкований и не только личная неприязнь и конкурентная борьба, но и некоторые принципиальные разногласия. Однако лишь яростность и громогласность перепалки придавали последним видимость значительных и широких. На деле они были весьма

ограниченными.

Идею совпадения археологических культур с этносами Шухардт принял (Schuchhardt 1926: 132), только исключая из признаков этноса язык. Совпадение культур с языковыми общностями он не считал обязательным (Ibid. 3). Соответственно рассматривался и вопрос о преемственности (Ibid. 8-9). Ретроспективный метод Шухардт отвергал (Ibid. 280), но лишь как метод изложения, исследовательская суть этого метода (проецирование современных этносов и их родственных отношений на карту первобытных культур) оставалась и для Шухардта вполне приемлемой (Schuchhardt 1919: VIII-IX). Принцип этнического истолкования типологических соотношений (ср. третью догму Косинны) Шухардт даже разработал более полно и последовательно, чем Косинна, исходя из тех же предпосылок (понимание культуры как эманации народного духа) и используя в этом плане понятие «стиля». «Я хотел... показать именно стиль в культурах и типах, — заявлял Шухардт, — ибо именно по нему скорее всего можно узнать большие линии развития: дуализм древней Европы» (Schuchhardt 1926: X).

Таким образом, как раз те догмы Косинны, которые вызывали скептические насмешки ранних критиков, Шухардт в основном одобрил и даже развил. Зато Шухардт, хоть и лаконично, но решительно отверг шестую догму — совмещение народов и культур с расами: «Народ — не раса», — заявил он (Schuchhardt 1926: 3). В преистории он отмечал «часто полное расовое смешение» (Ibid. 279); «расовая общность отступает на второй план за народной общностью» (Ibid. 3); и т.п.

Чтобы понять, почему такая радикальность оказалась возможной в Третьем Рейхе и не вызвала гонений на Шухардта, надо вспомнить, что после прихода к власти нацистское руководство встало перед задачей национальной консолидации всех немцев в подготовке к близкой тотальной войне (ср. Schuchhardt 1934: 363). Перед лицом этой задачи воспринятый Косинной архаичный расизм гюнтеровского толка, с его резким противопоставлением северных немцев южным, оказался не совсем уместным и был отодвинут на задний план в пропагандистском арсенале. Этому соответствовала и произведенная Шухардтом (Schuchhardt 1926: 282-284; 1934: 34) передвижка очага праиндогерманцев из Северной Германии и Скандинавии в Центральную Германию (ср. другое объяснение мотивов этой передвижки у Артамонова — Артамонов 1947). В обстановке, когда нацистский Рейх вознамерился сколотить и возглавить интеграцию всего европейского Запада против большевистского Востока и временами искал союзников на Западе, более академичные и широкие шухардтовские идеализации первобытных европейцев пришлись больше ко двору, чем узкий нордический фанатизм Косинны.

Отошел ли Шухардт вовсе от расизма в своих трудах? Ни в коей мере. Мы находим у него типичные противопоставления высших народов низшим, только с другой конкретизацией: не одних лишь северных германцев всем остальным людям — от испанцев до жителей Южной Германии, как у Косинны, а германцев вкупе с западными соседями восточным соседям — прежде всего славянам (Schuchhardt 1926: VII, 281). «Первоначальное родство Запада и Севера можно узнать еще сегодня» (Ibid. 280). Что же касается славянского мира, то «эти страны в те ранние времена не имели еще вовсе какой-либо собственной и единой культуры» (Ibid. 284). Налицо и объяснение культурных традиций биологическими особенностями: «национальная кровь, однако, взяла свое и показывает ... прежний народ на прежнем месте» (Schuchhardt 1919: 298), под чуждыми, наносными культурными формами «решительно пульсирует старая национальная кровь, говорящая о себе весьма ясно». Пусть не чистая, а смешанная, но — кровь. Есть у Шухардта и обращения к миграционному рецепту (Schuchhardt 1926: 2), и апология древних германских завоеваний (Ibid. VIII; 1934: 363), и т.п. Можно было бы привести разительные соответствия принципиальных высказываний Шухардта почти всем теоретическим догмам Косинны. За некоторыми исключениями (особенно в вопросе о синтезе наук) немногим различались и методы: Шухардт был лишь обстоятельнее, осторожнее и вежливее Косинны.

Итак, теоретические взгляды Шухардта, которого сейчас нередко изображают не только оппонентом и врагом, но и антиподом Косинны (ср. Eggers 1959), оказываются на поверку всего лишь академическим и модернизированным вариантом косиннизма. Лишь его критика шестой догмы Косинны подтачивала основы косиннизма, но она-то как раз была сугубо лаконичной. В остальном же критическая деятельность Шухардта была направлена на упрочение позиций косиннизма, и руководящая работа Шухардта в организациях нацистских археологов не расходилась с этим направлением (Andree 1969: 129-130). Фигуру Шухардта не стоит идеализировать.

3. От вспышки националистических страстей, сопровождавших первую мировую войну, разгорелась ***польско-немецкая археологическая баталия***, в основном вокруг конкретизации седьмого принципа Косинны. Этот принцип (апелляция к историческому праву), завершая логическую цепь предшествующего ряда догм, выливался в археологическое обоснование прав Германии на Силезию, Поморье и Великопольшу. С польской стороны борьбу возглавил ученик Косинны Юзеф Костшевский. В основу дискуссии легли две работы: брошюра Косинны «Немецкая Восточная марка — исконная родина германцев» (Kossinna 1918) и книга Костшев-

ского «Великопольша в доисторические времена» (два первых издания следовали быстро одно за другим: Kostrzewski 1914; 1923). Костшевский осуществил то, что предсказывал Эд. Мейер: методами Косинны построил систему доказательств постоянства обитания славян на землях, о которых шел спор, то есть построил по соседству с германской секвенцией культур другую, исключив из нее германцев.

Костшевскому возразил другой последователь Косинны Болько фон Рихтгофен брошюрой: «Принадлежит ли Восточная Германия к исконной родине поляков. Критика методов преисторического исследования в Познанском университете» (Richthofen 1923). Костшевский отпарировал яркой критической статьей «О наших правах на Силезию в свете преистории этой области» (Kostrzewski 1927). На это Рихтгофен переиздал свою брошюру (Richthofen 1929) и написал статью: «Является ли Познань прапольской страной?» (Richthofen 1929a). Костшевский ответил критическим разбором этой брошюры: «Исследование преистории и политика. Ответ на сочинение д-ра Болько фон Рихтгофена...» (Kostrzewski 1930). Немедленно последовал контрвыпад Рихтгофена: «Исследование преистории и политика. Слово возражения д-ру Ю.Костшевскому» (Richthofen 1929b). и т.д.

В ходе полемики у Костшевского вырывались фразы такого рода: «Польша не имеет ничего, что она могла бы отдать немцам, но она должна отобрать от них еще значительную часть чисто польской страны» (цит. по: Ostlandsberichte 1928: 4). (Само собой разумеется, что нынешнее вхождение этих территорий в состав Польского государства оправдано вовсе не славянской принадлежностью Лужицкой культуры и т.п., а событиями Второй мировой войны и задачами ликвидации очага агрессии в Европе).

Вся последующая научная деятельность Ю.Костшевского, приведшая к созданию фундаментальных трудов и образованию целой школы польских археологов, протекала под выкованным в этой баталии девизом: обосновать права поляков на указанные районы археологическими средствами — построением неразрывной цепочки культур от современной польской до каменного века (ср. «Преистория Польского Поморья», 1936; «Лужицкая культура в Поморье», 1958; «Проблема преемственности обитания на польских землях», 1960, и др. — Kostrzewski 1936; 1958; 1960).

Совершенно очевидно, что критика взглядов Косинны со стороны Костшевского была узко ограниченной и не носила принципиального характера. Методические позиции Костшевского носят отчетливое тавро школы Косинны. В польской печати понимание этого обстоятельства выражено уже в самом заголовке резкой и несколько односторонней статьи В. Антоневича «Юзеф Костшевский следом за Рихтгофеном» (Antoniewicz 1950). Все же критическая работа Костшевского нанесла значительный урон авторитету косиннизма. Этот урон заключался в том, что

1) была наглядно и фундаментально продемонстрирована нестрогость методов, раз они допускают такую свободу построений;

2) была впервые обнажена империалистическая подоплека установок и целей косиннизма — притом (взаимными разоблачениями) с обеих сторон (что было немедленно отмечено в советской печати В. И. Равдоникасом — 1932);

3) была расшатана важнейшая для всей баталии восьмая догма Косинны. Правда, ни Костшевский, ни Рихтгофен не подвергали сомнению ее правомерность в принципе, они лишь оспаривали законность и правильность ее конкретизаций, но так как обе конкретизации были вполне последовательными, то доводы автоматически обращались и против самого принципа. Понимание этого было реализовано в блестящей статье Р. Якимовича (Jakimowicz 1929) в главе «О политическом значении доисторических находок».

Якимович очень трезво подошел к делу и показал несостоятельность самого принципа «исторического права», на который опирались Косинна и его немецкие последователи. «Дело касается у них того, — писал Якимович, — чтобы доказать, что германцы заселяли область Средней Европы до славян и что вследствие этого подчинение и истребление славян на Эльбе и Одере огнем и мечом было делом вполне справедливым и обоснованным. Согласно таким взглядам, немцы имеют право на эту страну как наследники старых традиций и старых прав отдельных германских племен. Это утверждение не допускает строго научного обоснования».

Вот именно! В этом-то суть дела, и Якимович, кажется, первым среди археологов отметил слабость этого устоя в концепции косиннизма.

«Но так называемый Drang nach Osten, — с иронией продолжал он, — открыто находит здесь сильную опору. Когда немецкая доисторическая наука доказывает, что нынешние чисто польские страны на Висле и Буге и даже области, лежащие еще дальше на восток, в эпоху до славян находились под господством германских племен, то на этом основании считается необходимым отнять эти страны у славян и возвратить их законным владельцам». И далее следуют высказывания, демонстрирующие коренное расхождение с Костшевским в выборе путей критики: «Мы не будем следовать немцам в обосновании нашего права на нашу страну при помощи доводов из области доистории. Мы имеем живое право, опирающееся на язык населения, которое живет в нашей стране и живет не со вчерашнего дня... Мы предоставляем другим их мнимо-научные обоснования, которые в будущем только поднимут их самих на смех... Как мало серьезно выглядят те «ученые» требования, которые опираются на время заселе-

ния. Может быть, бог создал немцев в области Вислы? Никто не жил до них в Средней Европе?... Путь, избранный большинством немецких доисториков, неверен и неправилен. Мы должны поднять брошенную перчатку только с той целью, чтобы показать всю несостоятельность подобного рода работ... При этом выводы доисторической науки не будут оружием нападения, но только оружием защиты» (Jakimowicz 1929: 16-18).

Эта линия критики совпадала с позициями тех советских историков, которые опирались на известное высказывание Маркса об абсурдности «исторического права». Маркс писал об Эльзасе и Лотарингии (немецкое «историческое право» на них, кстати, позже отстаивал Шухардт):

«Территория этих провинций некогда принадлежала давным-давно почившей Германской империи. Поэтому эта территория с ее населением, видимо, должна быть конфискована как не теряющая давности немецкая собственность. Если восстанавливать старую карту Европы согласно капризам любителей старины, то не следует ни в коем случае забывать, что в свое время курфюрст Бранденбургский в качестве прусского владетельного князя был вассалом Польской республики» (Маркс 1960: 276).

Принцип «исторического права» время от времени всплывает и в современной дипломатии — в недавнем прошлом его выдвигали реваншистские круги ФРГ и Японии, на нем замешаны споры арабов с Израилем, то и дело о нем вспоминают в разных местах на Балканах. Историкам уготовляется роль, которую для них давно уже наметил Фридрих II Прусский: оправдывать агрессию, основываясь на принципе «исторического права», в модернизированном варианте — с углублением в археологию. Фальсификации при этом возможны, но не обязательны. Суть дела не в их наличии или отсутствии, а в порочности самого принципа, который требует игнорировать «живое право», продолжающуюся традицию, патриотические чувства последних поколений, историческую реальность и приспособлен к обоснованию перекройки карт: почти у всякого народа бывали периоды, когда он жил и на других землях. Мало ли, что жил! Не все, что было в истории, возможно и нужно восстановить. Особенно если восстановление несет бедствия народам.

4. По способу и результатам с критической деятельностью Костшевского были схожи антикосинновские разработки более древних материалов, предложенные ***рядом других известных европейских ученых*** — Чайлдом, Борковским, Сулимирским. Начиная с 30-х годов, эти археологи не только отвергли принцип обязательной восточной или южной направленности миграций (четвертая догма Косинны), но и реконструировали на тех же материалах и теми же методами противоположно направленные миграции в позднем неолите как основу для самого дорогого Косинне события — расселения индоевропейцев. Исходным очагом расселения были избраны понтийские степи, а основным направлением — с юго-востока на северо-запад. Принцип истолкования сходств и перемен оставался в значительной мере тем же, что у Косинны (за исключением непременной направленности) (Childe 1926; Borkowskyj 1933; Sulimirski 1933). Методика доказательств миграции оставалась почти той же, что у Косинны. Косинновские походы индогерманцев были как бы вывернуты наизнанку. (Но Чайлд не принимал ни пятой, ни шестой догм Косинны).

Главным аргументом для всей операции послужил переход на короткую хронологию центральноевропейского неолита, но сам же Чайлд признавал, что эта хронология имеет не больше оснований, чем длинная, и что он предпочел короткую лишь по общим соображениям, субъективно (Чайлд 1952: 175-177б 452). При такой ситуации антикосинновская концепция расселения индоевропейцев побеждала лишь в тех кругах, которые и без того были настроены против выводов Косинны. В значительной мере это определялось политической расстановкой сил и национальной принадлежностью археологов. После войны в связи с общим крахом нацистской идеологии и с, казалось, окончательным научным упрочнением короткой хронологии понтийская концепция оказалась почти общепринятой, хотя новых конкретных доказательств не прибавилось. Новые опыты конкретной разработки этой концепции (Gimbutas 1956: 150-152; Брюсов 1961 и др.) не превосходили прежние ни фундаментальностью, ни строгостью методики, а скорее уступали им (Брюсов применял здесь с небольшими поправками все пять первых принципов Косинны), и уже явно уступали в злободневности критического запала; к тому времени наукой были уже накоплены более глубокие способы критической оценки методических принципов Косинны, чем простая и к тому же непреднамеренная дискредитация их расходящимися результатами применения. Авторы-то строили свои миграции не в виде пародии, а с той же «святой серьезностью», над которой иронизировал Гёрнес!

Чайлд продолжал традицию Софуса Мюллера в диффузионистской интерпретации культурных соотношений Центральной и Северной Европы с Ближним Востоком под девизом «Ex Oriente lux» (Childe 1925; 1929; 1930). Хотя и у Чайлда не обошлось (особенно вначале) без преувеличений и абсолютизации идеи диффузии культурных достижений с Юго-Востока, но в значительной части эта концепция была у него обоснована гораздо серьезнее, чем у его предшественников. Эта деятельность Чайлда имела большое значение в опровержении косинновской доктрины превосходства и культуртрегерской миссии германцев, хотя диффузионисты и не выступали непосредственно против самой

идеи культуртрегерства и деления народов на цивилизаторов и цивилизуемых (десятая догма Косинны).

5. Принципиально новые основы критики косиннизма представила «теория стадиальности», построенная ***советскими археологами*** в течение десятилетия с середины 20-х по середину 30-х годов в результате внедрения в археологию идей марксизма. Амброз (1969: 267), сравнивая два направления критики коссинизма — западнонемецкое и советское, — пришел к впечатлению, что советские ученые критиковали больше политические основы концепции Косинны, тогда как западно-немецкие ученые стали пересматривать методические корни ошибок Косинны. С аналогичным впечатлением связано и утверждение Монгайта (1967), что серьезная критика учения Косинны началась только после конца II мировой войны. Это мнение нуждается в существенных коррективах.

«Теория стадиальности» полностью отвергла этнический характер культур, не говоря уж о типах, а также роль этнической преемственности в формировании культур и народов и в определении культурных сходств. На первый план были выдвинуты экономические и социально-политические факторы, а в объяснении сходств на место родства было поставлено совпадение по уровню развития — синстадиальность. В проведении этого принципа адепты «теории стадиальности» впали в сугубые преувеличения и абсолютизацию, но все же нельзя забывать, что именно с позиций «теории стадиальности» был впервые подвергнут острой критике в целом самый принцип непременно этнического истолкования археологических фактов, были впервые рассмотрены другие факторы формирования культуры. Поиски иного содержания в реально выступающих из материала археологических культурах начались именно тогда. Принципиально новым было и объяснение смены культур стадиальным скачком, революционной трансформацией в обществе (Равдоникас 1932; Третьяков 1931; Круглов, Подгаецкий 1935; и др.) Это было использовано как база для практически полного отрицания миграций. Провозглашение «повсеместной автохтонности» было, конечно, преувеличением, но важно, что неизбежность миграционного объяснения была поставлена под вопрос и применительно к реальной и полной смене культур (те же, а также Мещанинов 1931).

Великолепным образцом конкретной разработки этих идей явилась статья Кричевского, точное критическое противопоставление которой Косинне подчеркнуто аналогичным названием: «Индоевропейский вопрос, археологически разрешенный» (1933). В этой статье, которую Чайлд назвал «выдающейся» (1952: 243), Кричевский предложил объяснение ряда сходств в позднем неолите Европы действием одних и тех же закономерностей в сходных условиях и попытался показать местные корни нововведений в каждом крупном районе.

Большое внимание уделялось в советской археологической и антропологической науке теоретическому и особенно фактологическому опровержению расизма, доктрины расового и культурного превосходства германцев или нордических арийцев и принципа отождествления культур с расой, а также положения о расовой чистоте древних народов (6-я, 9-я, 10-я и 12-я догмы Косинны) (Петров 1934; Наука 1938; Кагаров 1939; Чебоксаров 1936; Бунак 1946; 1951; Гинзбург 1958).

В понимании советских ученых существенным для критики косиннизма было опровержение правомерности использовать понятия «нация», «народ» в применении к первобытным людям, а также неверие в реальность понятий «праязык», «пранарод» вообще (Быковский 1932; Арский 1941; Артамонов 1949; и др.).

В советской критике косиннизма, как и ряда других западных археологических концепций, выделялось требование отвергнуть формально-типологические построения (Брюсов 1935; Бернштам 1949). Это был доведенный до чрезмерности, но по замыслу логичный результат идеи отойти от распространившегося обыкновения извлекать непосредственно весьма широкие и уверенные выводы из узких данных изолированной топологической схемы. В статьях советских авторов была не только четко показана связь учения Косинны с агрессивной идеологией германского империализма, но и вскрыты социально-экономические, классовые корни этой идеологии и прослежены их проявления в археологических интерпретациях как в Германии, так и вне ее (Петров 1934; Равдоникас 1935; Артамонов 1947; Гейден 1960). Пожалуй, со стороны советской археологии на учение Косинны велось наиболее широкое наступление, критике подвергалось наибольшее количество принципиальных положений, и критика эта по характеру была наиболее глубокой и радикальной.

Эффективность этой критики ослаблялась теми преувеличениями и крайностями, в которые впали адепты «теории стадиальности», схематичностью концепций самих критиков и декларативностью некоторых их положений. Материалам, которыми оперировал Косинна, большей частью посвящались небольшие полемические статьи, и не было крупных позитивных разработок на иной методической основе. Падение и дискредитация «теории стадиальности» (Против 1953) не только восстановили в правах миграционные интерпретации в советской археологии (Брюсов 1957; Клейн 1962; Klejn 1963; Григорьев 1964), но и привели к некоторой реанимации отдельных косинновских догм. Пружиной реакции на засилье «теории стадиальности» явился временный уклон к противоположному, и парадоксальным образом в советской археологии нашли выражение такие идеи,

как узко этническое истолкование культур и их генетических и типологических соотношений (Брюсов 1956; Захарук 1964; Брайчевский 1968), этническая атрибуция типа (Брюсов и Зимина 1966: 7, 17), иногда даже появлялись гипертрофированные поиски собственных, славянских, праславянских и предславянских приоритетов и попытки доказать с помощью «археологического права» то, что вовсе не нуждается в таких доказательствах (Авдусин 1953; Брайчевский 1959: 5-6; ср. 1964: 10). И все же, конечно, это не было косиннизмом, а критическая работа 20-х–30-х и 40-х годов не прошла даром ни в самой советской археологии, ни за рубежом.

Впечатление, которое эта критика Косинны и миграционизма в целом производила на ученый мир, на трактовку материалов других стран, было значительным и нашло явное отражение в словах Чайлда: «Наши советские коллеги критиковали, быть может, немного чересчур резко это увлечение британских археологов (переселениями — Л. К.); они показали, как внутреннее развитие обществ может объяснить обширную область археологических фактов. Применение ими марксизма к археологии породило исследования, которые кажутся более историческими, чем перечни вторжений, и солидно обоснованы наблюдениями». И далее Чайлд указывает, что «решился применить» к шотландской преистории «метод, так успешно примененный Е. Ю. Кричевским, А. П. Кругловым, Г. В. Подгаецким, П. Н. Третьяковым и другими марксистами в русской археологии» (Childe 1946: V).

И в наиболее известной книге Чайлда «У истоков европейской цивилизации» мы также находим самокритичное признание. «Возможно, что черты, общие для всех культур боевых топоров, слишком немногочисленны и слишком расплывчаты, чтобы служить достаточным основанием для предположения миграций в каком бы то ни было направлении. Во всяком случае, советские археологи поставили это предположение под сомнение и попытались объяснить наблюдаемое сходство, не прибегая к миграциям». Изложив далее аргументы советских археологов, Чайлд признает, что в них, «несомненно, гораздо меньше недоказуемых предположений, чем в любом толковании миграционистов». Далее упоминается, однако, и «трудно объяснимые» с позиции Кричевского моменты (Чайлд 1952: 243 — 244).

Очевидно, влияние советских исследователей можно заметить и в более ранней работе Чайлда (Childe 1935), как и в почти одновременной работе Тальгрена (Tallgren 1936). Оба автора, хорошо знакомые с советской наукой, призывают к преодолению формально-типологических схем и примитивных отождествлений культур и народов. Такие призывы были тогда повседневными лозунгами и советской археологии.

6. Основоположник ***современной критики косиннизма в западно-германской археологии*** Эрнст Вале указывает на Чайлда и Тальгерна как на своих непосредственных предшественников в отвержении «скандинавизма» и в критическом отношении к учению Косинны (Wahle 1951: 90).

Он не упоминает советских археологов в числе своих предшественников, но если непосредственные влияния на формирование его взглядов оказали выступления Чайлда и Тальгерна, то это значит, что косвенное влияние оказали работы советских ученых. Во всяком случае, многие взгляды и положения советских критиков Косинны повторяются затем в творчестве Вале, хотя и в иной форме и ином контексте.

Вале начал свою научную деятельность как ученик Косинны задолго до I мировой войны. Среди учеников Косинны он принадлежал к тем немногим, которые не разделяли пламенного фанатизма своего учителя, не приняли расовой теории и сторонились политики. Стремлением к объективному изложению фактов некоторые его работы вызывали неудовольствие административных органов Третьего рейха (Wahle 1964: 495).

В 1941 году, когда II мировая война была в разгаре, когда в Германии опьянение победами усиливало разгул шовинистических страстей и особенно интенсивно переиздавались книги Косинны, Вале осмелился выступить со своей знаменитой работой «К этническому истолкованию преисторических культурных провинций» (Wahle 1941), в которой подверг коренной ревизии четыре первых догмы своего учителя. Правда, их критиковали и до него, но Вале первым проделал это фундаментально, обстоятельно, с обоснованием своих выводов на большом материале. Он показал, что во многих случаях границы археологических культур и отмечаемые древними авторами границы народов не совпадают. Он показал также, что в ряде других случаев смена культур произошла без смены населения и, наоборот, при смене населения сохранилась преемственность в культуре, что культуры, чуждые по языку, часто оказываются схожими археологически, а родственные — очень различными.

Работа Вале была сделана после войны и подкреплена несколькими другими работами его же (ср. Wahle 1964). В них он подчеркивает опасность прямолинейной интерпретации формально-типологических схем (он называет это «материалистическим обездушиванием» археологического материала) (Wahle 1951: 100), ставит под вопрос правомерность перенесения понятий «народ» — «этнос» из современности в первобытное время, предлагает отказаться от преувеличения роли миграций в преистории — по его мнению, их эффективность была незначительной, так как географическая среда воздействовала на культуру населения в большей мере, чем принесенное наследие. Из всего этого Вале сделал вывод, что в этническом определении лучше опереться на письменные ис-

точники, археологические же не могут нам помочь в этом деле: этническое определение находиться вне «границ познавательных возможностей археологии» (выражение, вынесенное в подзаголовок его труда).

С возражениями выступил другой ученик Косинны — Мартин Ян. Еще в 1941 году он ответил небольшой статьей «Находится ли первобытная археология в тупике?», где привел ряд примеров, подтверждающих методические тезисы Косинны. Но ведь заведомо ясно, что раз есть несовпадения, то из совпадений уже нельзя вывести правила так, как это делал Косинна — не ограничив поле, не объяснив исключения. Тем не менее Ян показал, что такая возможность подтвердить в каких-то границах не исключена. После войны в более пространной статье Ян ввел некоторые частные поправки в «правила» Косинны: признал расплывчатость границ культур, наличие осложняющих факторов, как торговля и т.п. (Jahn 1953).

Взгляды Вале по этой причине защищали и развивали далее в западнонемецкой науке Вернер, Прейдель, Килиан, У. Фишер и особенно Эггерс и Гахман (Werner 1950; Preidel 1954; Kilian 1960; Fischer 1958; Eggers 1950; 1959; Hachmann, Kossack und Kuhn 1962; Hachmann 1970). Прейдель отметил, что история имеет дело с политическими, а не этническими общностями, которые и вообще-то с трудом уловимы. Он считает, что концепция праязыка обанкротилась, а, следовательно, поиски праиндогерманцев на археологической карте есть поиски фикции.

Эггерс и Гахман не пошли за Вале в полном отрицании возможностей археологии реконструировать этническую историю. Они заинтересовались коренным для данной проблемы вопросом: почему же все-таки в одних случаях «уравнение» Косинны подтверждается, а в других нет, и нельзя ли из этого извлечь какие-либо методологические заключения.

Косинна уклонялся от систематической проверки своего «уравнения» (для него это был «символ веры») и поэтому не замечал расхождений между письменными источниками и археологией. Он переносил имена и географические характеристики, взятые из письменных источников, на археологию, а археологические границы дописьменных культур уравнивал в правах с полученными от древних авторов. Многие его ученики и последователи, наталкиваясь на расхождения, решали спор в пользу археологии, так как древние авторы всегда были тенденциозны, а археологические памятники такими быть не могут. Вале ужаснулся размаху расхождений и, указав на неполноту, ограниченность и фрагментарность археологических материалов, решил спор в пользу письменных источников. Эггерс и Гахман расценили все эти выводы как неправомерные упрощения.

Эггерс подметил, что ходячее представление о «естественной объективности» археологических источников в противоположность письменным не соответствует истине. Древний мир отражается в археологических источниках не с прямолинейной адекватностью. Сама неполнота и фрагментарность археологических материалов происходит частично от действия природных факторов, а частично от избирательной деятельности древних людей (что из наличных вещей класть в могилу, что выбрасывать на помойку, которая достанется археологам, и т.п.). Этим вносится субъективный элемент, а дополнительный субъективный элемент обычно присовокупляется самим археологом, так как почти всякое опознание и определение находок уже есть реконструкция, всякое исследование начинается с отбора материала, и то и другое зависит от субъективных представлений археолога. Вот что предстает перед синтезирующим исследователем в виде данных археологии! «И археологические находки могут лгать!» (Eggers 1959).

Поэтому Эггерс выдвинул требование не ограничиваться в исследованиях общепринятой внешней критикой археологических источников, которая преследует цель проверить правильность и точность полученных данных о памятнике и аналогична текстологической критике письменных источников. Эггерс предложил, чтобы за этим этапом критики следовал (так же как при работе с письменными источниками) второй этап — внутренняя критика источников, имеющая задачей установить, как отражался древний мир в данном источнике, с какой полнотой и точностью, в каких-вопросах — прямо, в каких — косвенно, в каких — вовсе не отражался. Для облегчения этой задачи Эггерс разработал концепцию различения «живой» и «мертвой» культур.

Гахман добавил к этому, что и на письменные источники археологи обычно опираются без предварительной квалифицированной критической проверки, без учета выводов исторической науки, добытых многими десятилетиями углубленной внутренней критики, трудом нескольких поколений историков. Особенно это относится к археологическому изучению древних германцев. Оно развивалось не в контакте с работой историков, а в рамках германистики, выросшей на почве филологии и фольклористики, где существовала только внешняя критика источников, текстологическая.

Эггерс и Гахман выдвинули новое требование к интеграции наук. Они решительно отвергли косинновскую манеру по ходу исследования заполнять лакуны одного вида источников данными другого вида источников, где молчат древние авторы, подставлять археологические факты, где отказывает археология в продвижении в глубь веков, перебрасывать мостик из антропологических связей (догмы 1 и 6) и т.п. По Эггерсу и Гахману, такой синтез источников не-

правомерен. Сначала каждая наука должна разработать полностью свою категорию источников по всем правилам своей собственной методики, и лишь полученные готовые результаты можно сопоставлять на уровне интеграции наук, сравнивать друг с другом, проводить взаимную проверку и извлекать общие выводы. Это требование выраженное старым девизом немецких стратегов: getrennt marschieren, zusammen kämpfen, было предвосхищено уже в начале века Маевским.

Первой догмы Косинны касалось также замечания Эггерса и Гахмана, что письменные и археологические источники дают сведения в разных плоскостях. Кроме того, Гахман отметил, что для Косинны археологическая культура — всего лишь механическая сумма одинаково распространенных находок; отвергая помощь сравнительной этнографии, Косинна не представлял себе ни реальной жизни древних народов, ни сложных внутренних связей культуры. Третьей догмы Косинны касалось наблюдение Гахмана относительно еще одного промаха Косинны, допускаемого и другими исследователями и психологически коренящегося все в той же недооценке лимитов методики реконструкций. Косинна, реконструировав по наличным группам и остаткам крупные этнические массивы — ветви индогерманской семьи, заселяющие ныне всю Европу, переносил эту картину в прошлое, не учитывая, что ныне этими наличными заполнены и места выбывших членов семьи, и членов других семей, не доживших до нашего времени. Он не оставлял на древней карте места для несохранившихся и неведомых нам этнических массивов. Из решения его уравнений неизвестные (*x, y* и т.д.) изгонялись полностью, на что объективная наука часто идти не вправе. Гахман не только отверг пятую догму Косинны (этническую атрибуцию типа), но и рассмотрел ее гносеологические и исторические корни. Он показал, что истоки этой идеи кроются в романтическом представлении о культуре как эманации «народного духа». Отсюда мысль о неизбежном органическом единстве всех частей культуры и вывод о возможности восстанавливать по каждой небольшой части всю культуру (pars pro toto). С представлением о вечном и неизменном «народном духе» гносеологически связана и идея наложения прошлого на современность (11-я догма Косинны).

Большой интерес для археологов представляют разработки Эггерса и Гахмана по методике исследования миграций.

Эггерс и Гахман расширили и углубили фактологическую базу выводов Вале о неправомерности всякую смену культуры, не говоря уже об элементах, объяснять миграцией, а всякую преемственность автохтонностью. Но Эггерс и Гахман поставили вопрос о том, что, вероятно, в каких-то условиях это все-таки возможно (Hachmann 1970).

Критика учения Косинны послевоенными западно-немецкими археологами отличается фундаментальностью, деловой серьезностью и поисками теоретических обоснований, но в основном ограничена пятью-шестью первыми догмами Косинны и уж во всяком случае нацелена только на первую часть его учения — «археологию обитания», оставляя совершенно без внимания вторую часть — «чрезвычайно национальную археологию». Критика концентрируется на Косинне и почти не задевает Шухардта. Это не значит, что то, что не критикуется, принимается. Некоторые тезисы, оставшиеся вне критики, декларативно отвергались (расизм, поиски приоритетов и суперприоритетов и т.п.), другие игнорировались с молчаливым осуждением (апелляции к историческому праву, доктрина первородства, идеи культуртрегерства и т.п.). Почему эти тезисы ускользнули от критики, трудно сказать. Возможно, они потому остались в тени, что они в глазах западно-немецких археологов уже потеряли практическое значение для науки, тогда как методическое значение первых пяти-шести принципов еще не было освоено.

Возможно, однако, что общая идеологическая атмосфера в ФРГ, где в части общества культивировались идеи реваншизма и «интеграции Запада», тормозила спокойный и трезвый анализ основы апелляции к «историческому и археологическому праву», доктрины первородства и вопросов приоритета, представлений о культуртрегерстве и т.п. В ФРГ еще имелось видимо много личностей, для которых представления Косинны, Шухардта и Рихтгофена о «Восточной марке», о Силезии и других потерянных на Востоке территориях еще не потеряли эмоционального, актуально-политического звучания.

Существенно, что во взглядах самих критиков осталось нечто, что в ряде принципиальных вопросов связывало их с Косинной и Шухардтом. Это заметил и Гахман (Hachmann 1970: 177, 221-222), но совпадения глубже и шире по охвату, чем он это увидел.

Стоящее для Вале в начале начал членение народов на «делающих историю» и «получающих историю» — это лишь иное изложение старого и принятого Косинной деления на «естественные» и «культурные» народы. Археологическое представление «самодовлеющего патриотизма» («наше существо — в основных чертах еще сегодня это существо наших отцов», как одобрительно цитирует Вале — 1951: 89 — Хиллебрандт, «под чужим мы все те же, что и тогда») это отпрыск той же идеи жизненного «народного духа». Загадку смены археологических культур, происхождения культур Вале решает так: культуры не создаются народами, а навязываются им творческими личностями и маленькими группами, невидимыми и неуловимыми для археологии; поэтому они так внезапно возникают и исчезают. Внешнюю миграцию Косин-

ны здесь подменяет нечто типа внутренней миграции (миграции изнутри): и тут и там культура навязывается народу, а не создается им. Эту идею принимают и другие западно-немецкие археологи. Подобно Косинне, Вале и его последователи отказываются рассматривать историю культуры как единый логически последовательный и закономерной процесс. У Косинны его разрывали миграции и смена рас (у Вале — индивидуальный творческие деяния вождей (Führerpersönlichkeiten), но разрывы между периодами налицо там и тут. «Материал, — пишет Вале, — ... побуждает рассматривать разрывы между кругами форм (здесь: периодами. — Л.К.) как более важные, чем это археологически заметно» (Wahle 1951: 94).

Это сходство с общим подходом Косинны представляется мне гораздо более глубоким и коренным, чем чьи-либо совпадения в трактовке культур или методах выявления миграций.

В ***Восточной Германии*** критическая проработка наследия Косинны началась позже, и ей уделялось меньше внимания. Тому есть несколько причин. Вначале сказалось действие традиций. Дело в том, что из-за особой обостренности интересов Косинны к восточным землям деятельность его школы во многих городах развертывались именно на этой территории, где во многих городах работали преимущественно его ученики (Hachmann 1970: 145-147). Позиции же Юга и Запада Германии были частично захвачены соратниками Шухардта, а частично оставались в руках других старых противников Косинны. Начавшийся после II мировой войны на Востоке Германии бурный процесс денацификации и социалистических преобразований не мог, конечно, не затронуть и археологию, но для ряда ведущих местных археологов — старых учеников Косинны (Ян, Вальтер Шульц) и молодых (питомцев Ганса Гане и Вальтера Шульца) методологическая перестройка и критическая проверка укоренившихся в сознании установок была очень трудным (а для стариков, видимо, и невозможным) делом и, во всяком случае, требовала времени.

К тому же на этих особенно пострадавших от войны территориях был непочатый край организационной работы по восстановлению разрушенных научных учреждений и музеев, а задачи строительства новой науки под советским господством диктовали прежде всего позитивную разработку ряда проблем на базе марксизма с использованием опыта советской науки. На что и были направлены основные силы. Наследие Косинны просто игнорировалось. К тому времени, когда археологи ГДР приступили к критическому рассмотрению учения Косинны (Ян, Отто, Герман), в советской археологической науке произошло резкое изменение ряда теоретических положений (отказ от теории стадиальности), служивших ранее исходными позициями для критики ряда частей учения Косинны. Это привело к некоторому смещению позиций и к реанимации некоторых положений Косинны, о чем говорилось выше. В такой обстановке критическая проверка положений Косинны, начатая в науке ГДР, иной раз выливалась в исправление и защиту косинновских догм (разумеется, далеко не всех), а в других случаях критика оказывалась неполной и непоследовательной (напр., Отто принимал этническую интерпретацию культур и необходимость ретроспективного метода исследования этногенеза).

Все же критическая работа археологов ГДР содержала ряд новых элементов и была весьма плодотворной. В статье Отто особенно интересно было стремление определить этнографический облик тех ближайших реальных жизненных общностей прошлого, которые могут скрываться за археологическими культурами. Это стремление привело к различению хозяйственно-культурных типов и историко-культурных областей (Otto 1953). Более подробно эта идея была затем разработана советскими ученым — антропологом Левиным и этнографом Чебоксаровым, которые на ряде примеров показали, что обязательного совпадения у этноса нет ни с одной из этих общностей, что этнические общности в этнографии различаются как третья категория, способная совпадать или не совпадать с этими двумя (Левин, Чебоксаров 1955). Левин и Чебоксаров сами не сделали вывода относительно археологических соответствий их категориям, но нетрудно заметить, что непосредственное проявление в виде разных типов археологических общностей находят две первых этнографических категории, а третья — этнос — непосредственного выражения не находит и опознается в своих границах лишь постольку и лишь в тех случаях, когда они совпадают с одной из первых двух (преимущественно второй). Статья Левина и Чебоксарова снабдила Монгайта (1967) ресурсами примеров, сильно упрочившими его позицию.

Заслугой новейших работ критиков из ГДР явилась постановка вопроса (особенно острая у Германа) о необходимости перейти от одностороннего и внешнего понимания культуры как механической суммы элементов, на манер Косинны, к более глубокому и всестороннему ее пониманию, основанному на выявлении функциональных связей между элементами (Herrmann 1965), хотя ясно и четко способов выявления такой связи не было указано. Именно Герман подметил некоторые черты сходства в положениях Косинны и его современных западнонемецких критиков и первым предпринял критику критиков с позиции марксизма.

Таково развитие взглядов в археологической науке на учение Косинны за 40 лет, если считать от года смерти Косинны или (так будет точнее) — за 75 лет, считая со времени первых откликов на «археологию обитания».

Е. Значение наследия Косинны

Многие критики справедливо отмечали дилетантизм Косинны, его неприязнь к собственному научному методу — систематической проверке выводов на фактах. Эггерс в своей замечательной книжке «Введение в археологию» (не устаревшей и несомненно заслуживающей перевода) пишет:

«Для многих его приверженцев его имя звучит так же, как имя Монтелиус. И все же следует воздержаться ставить эти две личности исследователей на одну доску.

Хоть Монтелиус тоже мог ошибаться, у него хватило характера и самокритичности видеть свои ошибки и устранять их. И если сегодня, например, «типологический метод» строжайше запрещен иными исследователями потому, что наследники великого шведского мэтра неверно применяли этот метод, то в этом Монтелиус не повинен — он-то все эти возможные недостатки уже предвидел и знал пути их преодоления: Монтелиус — классик археологии.

Иное дело Косинна. Когда сегодня его метод «этнического истолкования» тоже подвергается резкой критике, то он, к сожалению, сам в этом виноват. Ученики лишь повторяют недостатки, которые у их учителей имелись в большей мере... Косинна не довел до конца, до конечного выражения свои идеи. Это была, быть может, гениальная голова, но это не классик» (Eggers 1959: 199-200).

Что ж, может быть, тогда прав Даниел, вычеркивая из «ста лет археологии» 50 лет царствования и посмертной беатификации Косинны и 75 лет критики косиннизма? Вряд ли Эггерс так считает.

Далее Эггерс развивает свое противопоставление:

«Если Монтелиус сначала разъясняет понятия, а затем с классической ясностью нанизывает доказательство за доказательством и старается исчерпывающе разъяснить ход своей мысли также и археологически неподготовленному внимательному читателю, то Косинна противопоставляет всем сомневающимся в справедливости его метода «очевидность противоположного со всей определенностью». Он не приводит доказательств, он выдвигает утверждения» (Eggers 1959: 212).

Но ведь этой конкретизацией Эггерс снимает свой вывод из антитезы, а именно: что здесь с одной стороны — «классик», с другой — «быть может, гениальная голова, но не классик». Разве здесь классик противопоставляется не-классику? Да нет же: здесь ученый противопоставляется дилетанту. Не объем знаний, а именно отсутствие тяги к проверке выводов и доказательствам, отсутствие систематической работы в этом направлении и есть самое главное отличие дилетанта от ученого. Косинна всех противников обзывал дилетантами — Шухардта, Гёрнеса, Эд. Мейера, козыряя их ошибками. На деле дилетантом был он сам. Ошибаться могут и ученые, но они владеют механизмом устранения ошибок, дилетанты — нет.

Вероятно, Косинна был ученым в своих ранних лингвистических работах, но в археологии чем дальше, тем меньше он доказывал, тем категоричнее и яростнее утверждал, вещал и проповедовал. Проделав прыжок из филологической германистики в первобытную археологию, он оставил на старом месте строгие и обременительные правила проверки научных результатов и, как это бывает с учеными, пускающимися хотя бы с небольшими экскурсами в чуждую отрасль науки, вообразил, что там-то без них можно обойтись, там эти правила не действуют, там — пленительная свобода творчества. То есть превратился из вышколенного ученого в разнузданного и воинствующего дилетанта. Но такие дилетантские экскурсы (мы немало их наблюдали у солидных археологов — в топонимику, этнонимику, антропологию, фольклористику, даже письменную историю, равно как у историков — в археологию) не превращают ученого вообще в дилетанта, если он своим главным делом сохраняет свой труд в своей прежней специальности. Для Косинны переход в археологию был не мимолетным экскурсом, а полной перестройкой жизненной программы. И он стал дилетантом. Этому способствовало и то, что в самой филологической германистике, в отличие от исторической науки, как уже было отмечено, критика нарративных источников была неполной — и эту «степень свободы» от критики Косинна просто захватил с собой из филологической германистики, остальные «степени свободы» добавил в прыжке.

И тем не менее, хоть это и показалось бы, быть может, странным Эггерсу, Косинна, конечно, классик археологии. Ибо он дал классическое выражение одной из главных тенденций развития археологической науки в его время — тенденции рассматривать развитие культуры как развертывание в пространстве и за социальными факторами развития увидеть биологические. У Косинны мы действительно находим классическое выражение этой тенденции. Классическое — значит самое яркое, самое отчетливое, самое развернутое, представительное и авторитетное.

А что классикой в данном случае оказалось дилетантство, что именно такая личность оказалась наиболее ярким и авторитетным выразителем духа времени, классиком, тому есть свои причины: и сам характер этого «духа времени» (сей «дух» не был расположен к объективности), и ситуация в стране, где была осуществлена интенсивнейшая разработка указан-

ной тенденции, и, быть может, конфликт между запросами этой тенденции и тогдашним состоянием фактического материала.

В этих условиях однобокий эрудит и воинствующий дилетант Косинна оказался не только классиком, но еще и классиком первого разряда — основоположником нового учения в археологии. Здание этого учения, несмотря на дилетантскую слабость фундамента, вросло верхними этажами в строгую науку и различными деталями своей структуры цепко в ней укрепилось. Задачи, принципы и приемы этого учения повлияли на ход многих вполне профессиональных исследований.

Я понимаю мотивы и глубинный смысл антитезы Эггерса: в титуле «классик» подразумевается еще и качественная оценка, признание недосягаемой высоты, идеальной нормы, эталонности, образцовости. Конечно, мы сейчас не воспринимаем Косинну образцом для подражания ни в реконструировании «походов», ни в сопоставлениях «культурной высоты», ни во многом другом. Но не следует забывать, что некоторые работы Косинны, все-таки служили в науке образцом для подражания — и не всегда бесплодно, и не во всем во зло. Сам же Эггерс отмечает (Eggers 1959) как образцовую работу Косинны «Железные орнаментированные наконечники копий как признак ранних германцев» и констатирует, что из этой работы выросли крупные и полезные труды трех лучших учеников Косинны — Блюме, Яна и Костшевского. Из работ других классиков археологии Винкельмана, Мортилье, Флиндерса Питри, Эллиота Смита и даже самого «короля археологии» Монтелиуса (кстати, «королем» его назвал впервые Косинна) тоже не так уж много читается археологами по сей день. Классики науки отличаются в этом от классиков поэзии. Стихи Шиллера и Пушкина воздействуют с прежней силой на современного читателя и не могут быть заменены стихами Гейне и Маяковского. Произведения классиков науки, при всех своих высоких качествах, имеют возрастной предел, устаревают и выходят на пенсию. Далее они уже не оказывают непосредственного воздействия на ход науки, а участвуют в нем лишь косвенно — своими результатами и идеями, включенными в более современные труды, нередко через ряд передаточных пунктов и иногда неосознанно. Как принято говорить, они сохраняют лишь историческое значение. «Историческое значение» — не значит: никакого значения для современности. Это историческое значение определяется вкладом в науку.

А только рассмотрев в исторической перспективе этот вклад и условия его введения в науку, мы можем правильно оценить его, легче отыскать слабые звенья, извлечь поучительные уроки для современности и наметить перспективы дальнейшего развития.

Вклад Косинны в археологическую науку нельзя абсолютизировать, но нет надобности и отрицать.

Прежде всего, Косинна первым ввел пространственную определенность в восприятие одной из основных дискретных единиц археологического материала — культуры. Не он первым заметил, что материал на этом уровне дискретен: уже «века» Томсена, «периоды» Монтелиуса и «эпохи» Мортилье были шагами в этом направлении, но эволюционное понимание дискретности имело только временную определенность, временные границы. Не он первым обнаружил пространственную определенность вообще: уже у Шлимана выступали территориально-этнические цивилизации. Но Косинна первым ввел и дал первую характеристику понятия культуры. Теперь мы считаем его характеристику неполной и неглубокой, но включаем как часть в более полную (Клейн 1970; 1991: 125-153; Klejn 1971). Без учета его характеристики наше новое определение не будет достаточно полным.

Одна из почти общепризнанных заслуг Косинны — введение картографического метода в археологию. Это, однако, нуждается в уточнении. Археологи наносили находки на карты и до Косинны. Сам Косинна опубликовал не так уж много карт. Серию карт за него представили Вильке и Лиссауэр. И даже этническое расселение узнавали по картам находок и независимо от Косинны — например, Спицын (1899) в России по распространению типов височных колец выявлял территории восточнославянских летописных племен.

Но именно под влиянием Косинны всей этой деятельности был придан широкий размах, Косинна теоретически обосновал ее необходимость и сделал обыкновением в археологии не только карты распространения типов, но и карты культур. Кроме того, именно он породил традицию сопоставления карт, практику различных взаимоналожений и аппликации ареалов, и тем самым превратил карты из средства учета и наглядности в средство исследований. По почину Косинны на картах археологов появилась динамика культур и стали отрабатываться технические средства ее отображения. Позже нашлись возможности проникновения картографического метода и в другие аспекты археологии — анализ экономических связей, взаимоотношения культуры со средой, оценку степени изученности и т.п. Но первый шаг труднее других. Если количество и разнообразие карт в археологических исследованиях растут, то это значит, что увеличивается место и значение вклада Косинны.

Вкладом Косинны является также постановка проблемы этнического истолкования археологических материалов. Вопросы этнической атрибуции тех или иных памятников изредка возникали и до Косинны, но решения строились как одиночные, по случайным наитиям. Косин-

на впервые поставил задачу этнического истолкования как научную проблему, причем проблему первостепенной важности — широко, смело, с поиском общих принципов решения. Найти и обосновать убедительное решение ему не удалось, но и постановка проблемы была нужным и назревшим делом, а некоторые частные успешные отгадки, реализованные вместо ожидавшегося всеобщего решения, показали, что какое-то решение здесь в принципе возможно — не простое и не всеобщее, но и в достаточной мере общее. Надо заранее ограничить сферу приложения искомых правил, разделить и обусловить определенными обстоятельствами их функции, найти способ проверки на разнородных фантах и т.д. — это один из путей, по которому движется современная археология. В начале его стоит Косинна.

Еще одна часть его вклада — изучение культурной преемственности, постановка задач констатации автохтонности и миграций. До него такие вопросы вставали лишь спорадически и решались мимоходом. Эволюционистов это не интересовало. Косинна вывел эту задачу на первый план и первый использовал достижения эволюционистов (идею эволюции, типологический метод) для принципиального решения этой задачи. Предложенные им критерии констатации автохтонности или переселения оказались недостаточными, но ведь и выдвинутые Мортилье критерии отличения кремневых орудий от случайных природных обломков тоже пришлось впоследствии дополнять. Задача разработки строгих и полных археологических критериев, по которым можно было бы выявить автохтонность и миграции, стоит сейчас перед нашей наукой, но сколь бы ни усложнились эти критерии, в основе их останется то, что указывал Косинна: количественное и качественное соотношение между традициями (линиями непрерывной типологической эволюции) и инновациями, географическая локализация истоков того и другого. Его неполные критерии и его предрассудки стоить помнить — хотя бы для того, чтобы избежать его ошибок. Оправдание некоторых его предсказаний стоит учитывать — хотя бы для того, чтобы не впасть в искушение делать все наоборот по сравнению с Косинной — всегда утверждать нечто прямо противоположное.

Теперь стало модно говорить, что Косинна крайне преувеличивал место и значение этнических определений и выявления культурной преемственности (миграций и автохтонности) в археологии (Eggers 1959; Монгайт 1967). Это не совсем так. Косинна скорее исказил их роль, направляя эти исследования на прямолинейную увязку прошлого с современностью и на обслуживание современных политических задач. Раздутым их значение выглядит от того, что он при этом игнорировал и отбрасывал другие важные аспекты разработки археологических материалов: социально-экономическую интерпретацию, выявление политических и религиозных общностей, прослеживание культурных влияний, роль географической среды и пр. Преувеличение относительно. На деле, так сказать, в абсолютном исчислении, важность того аспекта, который выдвинул на первый план Косинна, действительно очень велика, и то, что Косинна обратил археологию лицом к этому аспекту, — несомненная заслуга этого археолога при всей профанации, в которую он при этом впал.

Для эволюционистов XIX века был характерен сугубо общий подход к миру, представленному археологическими памятниками. Выявлялись самые общие законы, самые крупные процессы, мир рассматривался как единое целое, как одна весьма однообразная культура — снивелированная, усредненная и поэтому абстрактная. Это был необходимый этап познания, и он принес свои плоды. Однако было бы печально застрять на нем. У этого подхода были и слабости: с накоплением материалов становилось все труднее уложить конкретную историю и все богатство конкретных культурных явлений в узкое и жесткое русло стандартизированного единого культурного процесса.

Косинна был одним из тех, кто выступил с целью разрушить и опровергнуть это единство. Он воспринял этот мир расчлененным в современности и старался получше спроецировать эту расчлененность на прошлое. Для этого он прослеживал линии культурной преемственности. Представление о единстве мира было утеряно, зато начали отрабатываться средства вычленения и изолированного изучения отдельных процессов и участков. Это тоже был закономерный этап познания, и деятельность Косинны — часть этого этапа, сказавшегося на нашем сегодняшнем подходе.

Мы сейчас не отвергли единства мира и его основных законов, но мы уже не можем удовлетвориться общими контурами. Мы учимся понимать, чем определяются те или иные конкретизации этого общего, ибо без этого невозможно предсказывать и планировать. Мы стремимся распознавать общее в частном, не игнорируя различия конкретных путей истории и не теряя представления об общем, когда изучаем частности. А для этого необходимо изучать конкретные процессы развития в конкретных обществах (о значении этой смены подхода в палеолите см. Григорьев 1969). Но эти общества были различны по величине, они двигались, переселялись, смешивались. Поэтому необходимо определять их реальные границы и реальные генетически образованные культурные последовательности, в которых и протекали конкретные процессы развития. А для этого нужно прослеживать культурную преемственность, выявлять автохтонность и миграции. Иначе, изучая один район, мы окажемся в положении человека, читающего механически сшитые главы различных повестей как продолжение одного романа.

В археологии мы все время имеем дело с секвенциями — рядами последовательных культур. Изучая подробно районы и выявляя в них стратиграфические колонки, мы получаем ряды культур для каждого района — колонные секвенции. Соединив последовательно культуры, генетически связанные, безразлично, из одного района или разных, мы получаем генетические секвенции (во избежание биологических коннотаций лучше именовать их трассовыми). Суть дела в том, что археологические материалы предстают перед нами в колонных секвенциях, а развитие протекало в генетических (или трассовых) секвенциях, и наша неизбежная задача — перевести первые во вторые. А для этого необходимо прослеживание культурной преемственности — то, к чему Косинна повернул археологию и для чего он усердно разрабатывал технические приемы, хоть и имел перед собой иную конечную цель.

Проводя по-своему интеграцию археологии с исторической этнографией древних авторов, лингвистикой и антропологией, Косинна исходил из романтического представления о нераздельности различных проявлений культуры как эманации народного духа. Отсюда его многочисленные априорные «уравнения», подстановки и аметодичные переплетения данных разных наук. Его послевоенные западно-немецкие критики считают позволительным сопоставлять лишь готовые результаты исследований, проведенных по отдельности в каждой из наук ее специфическими методами. Привлекательны в этой постановке чистота операций и строгая адекватность методов специфике материала.

Но как обстоит дело с глубиной проникновения в исследуемый мир? Принцип взаимной проверки готовых результатов разных наук неправомерно укорачивает возможности исследователя, ибо игнорирует значение и многообразие связей между разными сферами функционирования системы, состоящей из популяции, культуры и среды. Никакое суммирование данных об элементах, изученных в расчлененном состоянии, не может подменить информацию об их облике, связях и деятельности в составе системы — это один из устоев современнейшего принципа науки: системного подхода. Косинна прямолинейно совмещал все части этой системы. Его критики разрывают их настолько, что вместо синтеза получают лишь сравнение. Смешанному применению разнородных методов аналитического исследования надо противопоставлять не одно лишь несмешанное применение, а и поиск методов синтетического исследования. На этом пути некоторые находки Косинны (например, заполнение лакун в одной категории материала данными другой) при введении соответствующих условий, ограничений и, так сказать, переводных коэффициентов, все же могут пригодиться. Сознанием закономерных связей наш системный подход, пожалуй, ближе к наивному романтизму Косинны, чем к рационалистическому скептицизму его нынешних западно-немецких критиков.

В конце концов, ультраметодичное расчленение указанной системы вполне логично было бы продолжить и усугубить: почему бы не рассечь и ее составную часть — культуру — на дальнейшие, более дробные подразделения, требующие раздельного изучения специфическими методами? Ведь ареалы могильников, жилищ, керамики, оружия и прочего инвентаря тоже далеко не всегда совпадают в своих границах. Но тогда культура исчезнет — и на это идут!

В наши дни с разных сторон то и дело раздаются голоса, утверждающие, что понятие археологической культуры устарело, да и с самого начала было лишь условным, что задача изучения конкретных культур искусственна, что нет ни единых общих законов, ни частных законов в культурно-историческом процессе, ни возможности проследить объективно отдельные конкретные процессы на значительном продолжении, ибо все определяется случайной и недетерминированной игрой волевых усилий отдельных личностей, а результаты к тому же безнадежно разрушены и обрывочно представлены в археологических материалах. С подобными идеями или их элементами выступали и выступают известные археологи Уолтер Тейлор, Стюарт Пиготт, Глин Даниел, Чжан Гуан-чжи, Мюллер-Карпе, Колин Ренфру (Taylor 1948; Piggott 1965; Daniel 1950; Chang 1958: 231 — 232; Müller-Karpe 1966: 187; Renfrew 1969: 149) и др. «Вполне может статься, — пишет Даниел, — что... мы в нашем новом, историческом подходе к преистории должны довольствоваться скорее историческим контекстом и культурой, чем эпохами и культурами». Даниел особенно активно и широко проповедует этот новый подход, который ему угодно именовать историческим. Вполне естественно, что Косинна с его культурами и надеждой выявить их конкретно-генетические связи, оказался, с точки зрения Даниела, далеко в стороне от генерального пути развития нашей науки и просто выпал из ее истории (в версии Даниела). Конечно, Даниел может сослаться на дилетантизм Косинны, но в той же мере дилетантом был и Элиотт Смит, основоположник другого крупного течения первой половины XX века — диффузионизма, а Смита Даниэл в своей книге не счел возможным обойти. Может быть, Смиту оказано снисхождение из-за того, что он соотечественник Даниела, и еще из-за того, что Даниел сам вырос в рамках диффузионизма, преодолел его, и критика этого учения не была ему вовсе безразлична — несмотря на то, что впоследствии он стал одним из лидеров нового течения.

Наука, несомненно, сумеет извлечь пользу и из этого нового подхода — уточнит границы своих возможностей, усовершенствует критику источников, выявит долю условностей в поня-

тиях и научится полнее учитывать элемент случайности в конкретных исследованиях. Опасна та новая абсолютизация, которую принципам этого подхода стремятся придать его увлеченные проповедники. Отрицание закономерностей культурно-исторического развития, неверие в возможности исторических реконструкций, отказ от оправдавших себя понятий науки означают на деле отход от настоящей науки, ослабление научности археологии. Полный учет и дальнейшая разработка того позитивного вклада, который Косинна внес в науку, и той дискуссии, которая была вызвана задачами критики всего учения Косинны, поможет предохранить нашу науку от этой новой ереси — ереси гиперскептицизма.

Археологам незачем бояться прикосновения к праху Косинны: опасность заразиться не грозит тем, кто, опираясь на собственные принципы, помнит, оценивает и различает.

ЛИТЕРАТУРА

Авдусин Д. А. 1953. Неонорманистские измышления буржуазных историков. // Вопросы истории 12: 114-120.

Амброз А. К. 1969. Рецензия на книгу Гахмана и др. «Народы между германцами и кельтами». // СА 4: 266-272.

Арский И. В. 1941. Вопрос о формировании национальностей в Западной Европе. // Ученые записки ЛГУ, сер. истор., вып. 12: 101-125.

Артамонов М. И. 1947. Археологические теории происхождения индоевропейцев в свете учения Н.Я.Марра. // Вестник Ленинградского университета 2: 79-106.

Артамонов М. И. 1949. К вопросу об этногенезе в советской археологии. // КСИИМК 29: 3-6.

Бернштам А. Н. 1949. К пересмотру формально-типологических схем. // КСИИМК 29: 17-23.

Богаевский Б. Л. 1931. К вопросу о теории миграций. // Сообщения ГАИМК 8: 35-38.

Брайчевський М. Ю. 1959. Радянська наука про походження слов'ян. Київ, Тов-во для поширення політ. і наук. знань УРСР, сер. 10, № 9.

Брайчевський М. Ю. 1964. Біля джерел слов'янської державности. Київ, Наукова Думка.

Брайчевський М. Ю. 1968. Походження Русі. Київ, Наукова Думка.

Брюсов А. Я. 1935. Кризис буржуазной археологии и поиски новых путей вслепую (А. Брёггер). // Проблемы истории докапиталистических обществ 9-10: 213-221.

Брюсов А. Я. 1956. Археологические культуры и этнические общности. // СА 26: 35-63.

Брюсов А. Я. К вопросу о передвижениях древних племен в эпоху неолита и бронзы. // СА 27: 5-13.

Брюсов А. Я. 1961. О распространении «культур боевого топора» в конце III тысячелетия до н.э. // СА 3: 14-33.

Брюсов А. Я. 1965. Восточная Европа в III тыс. до н.э. // СА 2: 47-56.

Брюсов А. Я., Зимина М. Г. Каменные сверленые боевые топоры-молоты на территории Европейской части СССР. Археология СССР. Свод археологических источников. В 4-4.

Бунак В. В. 1946. Краниологические типы западноевропейского неолита. // КСИЭ 1: 51-54.

Бунак В. В. 1951. Краниологические типы западноевропейского неолита в сравнении с более древними. // КСИЭ 13: 38-46.

Быковский С. Н. 1932. Племя и нация в работах буржуазных археологов и историков и в освещении марксизма-ленинизма. // Сообщения ГАИМК 3-4: 4-18.

Гейден Г. 1960. Критика геополитических экспансионистских теорий немецкого империализма. // Против современной буржуазной идеологии. М.: 147-231.

Гинзбург В. В. 1958. Человеческие расы и реакционная сущность расистских теорий. Л., Об-во по распростран. полит. и научн. знаний.

Григорьев Г. П. 1964. Миграции, автохтонное развитие и диффузия в эпоху верхнего палеолита (VII Международный конгресс доисторических и протоисторических наук). М..

Григорьев Г. П. 1969. Совершенствование методики изучения палеолита в СССР. // Теоретические основы советской археологии. Л.: 12-17.

Гейслер А. 1966. Письмо в редакцию. // СА 1: 323.

Доклады 1953. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, АН Украинской ССР.

Захарук Ю. М. (Ю. Н.) 1964. Проблеми археологичної культури. // Археологія 17: 12-42.

Кагаров У. Г. 1939. Фальсификация истории раннегерманского общества фашистскими лжеучеными. // Против фашистской фальсификации истории. М.-Л.: 83-103.

Клейн Л. С. 1962. Краткое обоснование миграционной гипотезы о происхождении катакомбной культуры. // Вестник ЛГУ 2: 74-87.

Клейн Л. С. 1955. Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии АН УССР. // Советская Археология (М.), XXII: 257-272.

Клейн Л. С. 1966. Прототипы катакомбных курильниц и проблема происхождения катакомбной культуры. // Археологический Сборник Гос. Эрмитажа (Л.), 8: 5-17.

Клейн Л. С. 1968. Происхождение Донецкой катакомбной культуры. Автореф. диссертации ... канд. истор. наук. Л., ЛОИА АН СССР.

Клейн Л. С. 1970. Проблема определения археологической культуры. // СА 2: 37-51.

Клейн Л. С. 1999. Норманизм-антинорманизм: конец дискуссии. // Stratum plus (Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса), 1999, № 5: 91-101 [в разделе: 30 лет Варяжской дискуссии (1965-1995)].

Клейн Л. С., Лебедев Г. С. и Назаренко В. А. 1970. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. // Шаскольский И. П. (отв. ред.). Исторические связи Скандинавии и России в IX-XX вв. М.-Л., Наука, 1969, с. 226-252.

Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. 1935. Родовое общество степей Восточной Европы (Известия ГАИМК 119).

Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. 1955. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. // СЭ 4: 3-17.

Ленин В. И. 1914/1961. Еще одно уничтожение социализма. // ПСС, 25: 31-54.

Максимов Е. В. 1956 Обсуждение вопросов ранней истории восточных славян в Институте археологии АН УССР. // Краткие сообщения Института ар-

хеологии (Киев), 5: 72-78.
Маркс К. 1870/1960. Второе воззвание Генерального Совета Международного товарищества рабочих о франко-прусской войне. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 17, 274-282.
Мещанинов И. И. 1931. Теория миграций и археология. // Сообщения ГАИМК 9-10: 33-39.
Монгайт А. Л. 1952. Предисловие. // Чайлд 1952: 3-18.
Монгайт А. Л. 1963. Археология и современность. М., АН СССР.
Монгайт А. Л. 1967. Археологические культуры и этнические общности. К вопросу о методике историко-археологических исследований. // Народы Азии и Африки 1: 53-76.
Наука 1938. Наука о расах и расизм. Труды НИИ Антропологии МГУ, вып. VI. М.-Л., АН СССР.
Петров Г. И. 1934. Расовая теория на службе фашизма. // Известия ГАИМК 95.
Против 1953. Против вульгаризации марксизма в археологии. М., АН СССР.
Равдоникас В. И. 1932. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья. // Известия ГАИМК 12, вып. 1-8: 5-106.
Равдоникас В. И. 1932. Археология на службе у империализма. // Сообщения ГАИМК 3-4: 19-35.
Равдоникас В. И. 1935. Археология в Германии после фашистского переворота. // СЭ 1: 140-145.
Спицын А. А. 1899. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. // ЖМНП 8: 301-340.
Сымонович Э. А. 1970. Страницы истории отечественных исследований памятников культуры полей погребений после Великого Октября. // КСИА (М.) 121, 1970: 82-88.
Третьяков П. Н. 1931. Из материалов Средневолжской экспедиции ГАИМК. // Сообщения ГАИМК 3.
Третьяков П. Н. 1948. Восточнославянские племена. М., АН ССР.
Чайлд Г. 1952. У истоков европейской цивилизации. М., Иностр. лит.
Чебоксаров Н. Н. 1946. Этническая антропология Германии. Короткий исторический очерк. // КСИЭ 1: 55-62.
Щукин М. Б. 1977. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура. // Археологический сборник Гос. Эрмитажа 18: 79-91.
Щукин М. Б. 1994. На рубеже эр. СПб, Фарн.
Энгельс Ф. 1883/1964. Письмо Лауре Лафарг от 16/17.2.1883. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 35: 366.
Andree Chr. 1969. Geschichte der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, 1869—1969. // Festschrift zum hundertjährigen Bestehen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte 1869—1969. Teil 1. Berlin, Pohle und Mahr: 9-142.
Antoniewicz W. 1950. Józef Kostrzewski sladami Richthofena. // Z otchłani wieków 11-12: 180-182.
Blume E. 1912—1915. Die germanischen Stämme und Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit. Bd. (Mannus-Bibliothek 8 und 14. Würzburg).
Borkovskyj I. 1933. The origin of culture with corded ware in Central Europe. // Proceedings of the Prehistoric Congress (London 1932), London: 211-213.
Boulainvillier J. comte de. 1727. Histoire de l'ancien gouvernement de la France. Avec XIV. lettres historiques sur les parlemens ou etats-generaux. Haye et Amsterdam.
Brjussow A. Ja. 1954. Die Wanderungen der ursprünglichen Stämme und die Resultate der Archäologie. // Acta Archaeologica Kopenhagen 25: 309-321.
Chamberlain H. S. 1899. Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts. München.
Chang K. C. 1958. Study of neolithic social grouping: examples from the New World. // American Anthropologist: 298-334.
Childe V. G. 1925. The dawn of European civilisation. London, Kegan Paul.
Childe V. G. 1926. The Aryans. A study of the Indo-European origins. London-New York, Kegan Paul.
Childe V. G. 1929. The Danube in prehistory. Oxford, Oxford University Press.
Childe V. G. 1930. The Bronze Age. Cambridge, Cambridge University Press.
Childe V. G. 1935. Changing methods and aims in prehistory. // Proceedings of the Prehistoric Society 1: 1-15.
Childe V. G. 1946. Scotland before the Scotts. London, Methuen.
Clemen C. 1935. Die Urheimat der Indogermanen. // Die Kölnische Zeitung.
Clemen C. 1937. Indogermanenfrage und kein Ende. // Die Kölnische Zeitung.
Clemen-Festschrift 1936. Festschrift für Paul Clemen. Zeitschrift des Rheinischen Vereins für Denkmalpflege und Heimatkunde 29, 1, Düsseldorf.
Daniel G. E. 1950. A hundred years of archaeology. London, Duckword.
Eggers H. J. 1950. Das Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte. // Kirchner H. (Hrsg.). Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft (Wahle-Festschrift), Heidelberg, Winter: 49-59.
Eggers H. J. 1959. Einführung in die Vorgeschichte. München, Piper.
Fischer U. 1958. Mitteldeutschland und die Schnurkeramik. // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte 41/42: 254-298.
Frenzel W. 1937. Besprechung von Philipp 1937. // Mannus 29: 150-151.
Gimbutas M. 1956. The prehistory of Eastern Europe. Pt. I. Mesolithic, Neolithic and Copper Age cultures in Russia and the Baltic area. American School of Prehistoric Research Bulletin 20. Cambridge, Mass.
Gobineau J.-A. comte de. 1853—55. Essai sur l'inégalité des races humaines. 4 vols. Paris, Didot.
Gummel H. 1938. Forschungsgeschichte in Deutschland. Die Urgeschichte und ihre historische Entwicklung in den Kulturstaaten der Welt. Bd. I. Berlin, de Gruyter.
Günther H. F. K. 1925. Klerine Rassenkunde Europas. München, Lehmann.
Günther H. F. K. 1926a. Adel und Rasse. München, Lehmann.
Günther H. F. K. 1926b. Rasse und Stil: Gedanke über ihre Beyiehungen im Leben und in der Geistesgeschichte.
Günther H. F. K. 1928. Rassenkunde des deutschen Volkes. 12. Aufl. München, Lehmann.
Günther H. F. K. 1930. Rassenkunde des jüdischen Volkes. München, Lehmann.
Günther H. F. K. 1934. Die nordische Rasse bei den Indogermanen Asiens. München, Lehmann.
Günther H. F. K. 1935. Herkunft und Rassengeschichte der Germanen. München, Lehmann.
Hachmann R. 1970. Die Gothen und Skandinavien. Berlin, Walter de Gruyter.
Hachmann R., Kossack G. und Kuhn H. 1962. Völker zwischwen Germanen und Kelten. Neumünster, Wachholtz.

Hahne H. 1922. 25 Jahre der Siedlungsarchäologie; Arbeiten aus dem Kreis der Berliner Schule. Mannus-Bibliothek 22. Leipzig.

Hensel W. 1971. Archeologija i prahistoria. Studia i szkice. Wroclaw-Warszawa-Kraków-Gdansk, Ossolineum.

Herrmann J. 1956. Archäologische Kulturen und sozialökonomische Gebiete. // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift 6: 97-128.

Hoernes M. 1903. Das Campignien, eine angebliche Stammform der neolithischen Kultur Westeuropas. // Globus 83: 139-144.

Hoernes M. 1905. Die Hallstattperiode. // Archiv für Anthropologie, N. F., 3: 233-235.

Hülle W. 1935. Vorwort zu: Kosssinna G. Die deutsche Vorgeschichte eine hervorragend nationale Wissenschaft, 7. Aufl.

Jacob-Friesen K. H. 1928. Grundlagen der Urgeschichtsforschung. Stand und Kritik der Forschung über Rassen, Völker und Kulturen in urgeschichtlichen Zeit. Hannover.

Jacob-Friesen K. H. 1951. Vorgeschichte oder Urgeschichte? // Festschrift für Gustav Schwantes. Neumünster: 1-3.

Jahn M. 1916. Die Bewaffnung der Germanen in der älteren Eisenzeit. Mannus-Bibliothek 14. Würzburg.

Jahn M. 1941. Die deutsche Vorgeschichtsforschung in einer Sackgasse? // Nachrichtenblatt für deutsche Vorzeit 17: 73-82.

Jahn M. 1952. Die Abgrenzung von Kulturgruppen und Völker in der Vorgeschichte. // Berichte über die Verhandlungen der Sächsische Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Phil.-hist. Klasse. Berlin 99, 3: 1-27.

Jakimowicz R. 1929. Ochrona zabytków przedhistorychnych. // Wiadomosci archeologiczne 10: 1-26.

Kikebusch A. 1928. Siedlungsarchäologie. // Ebert M. (Hrsg.). Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin, Walter de Gruyter. Bd. 12: 102-117.

Klejn L. S. 1969. Die Donez-Katakombenkeramik, eine Schnurkeramik der Becherkultur. // Die neolithischen Becherkulturen im Gebiet der DDR und ihre europäischen Beziehungen (Veröffentlichungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle 24: 275-285.

Klejn L. S. 1969. Die Donez-Kastakombenkeramik, eine Schnurkeramik der Becherkultur. // Behrens H. und Schlette F. (Hrsg.). Die neolithischen Becherkulturen in Gebiet der DDR und ihre europäischen Beziehungen. Berlin, Deutscher Verlag der Wissenschaften: 192-200.

Klejn L. S. 1971. Was ist eine archäologische Kultur? // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift 12: 321-345.

Knoke F. 1910. Carl Schuchhardt als römisch-germanischer Forscher. // Mannus II: 255-265.

Kossinna G. 1896. Die vorgeschichtliche Ausbreitung der Germanen in Deutschland. // Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, Berlin, 6, 1: 1-14.

Kossinna G. 1902: Die indogermanische Frage archäologisch beantwortet. // Zeitschrift für Ethnologie 34: 161-222.

Kossinna G. 1905. Die verzierten Eisenlanzenspitzen als Kennzeichen der Ostgermanen. // Zeitschrift für Ethnologie 37: 369-407, 596-598.

Kossinna G. 1910. Zum Homo Aurignacensis. // Mannus II.

Kossinna G. 1911a. Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchäologie. Mannus-Bibliothek 6, Würzburg, Kabitzsch.

Kossinna G. 1911b. Zur ältesten Bronzezeit Mitteleuropas. // Mannus 3: 325-326.

Kossinna G. 1912a. Die deutsche Vorgeschichte eine hervorragend nationale Wissenschaft. Mannus-Bibliothek 9, Würzburg Kabitzsch (8. Aufl. 1941).

Kossinna G. 1912b. Dr. Erich Blume †. // Mannus 4: 451-456.

Kossinna G. 1913. Der Goldfund von Messingwerk bei Eberswalde und die goldenen Kultgefäße der Germanen. Mannus-Bibliothek 12. Würzburg, Kabitzsch.

Kossinna G. 1914. Der «nordische» Körpertypus der Griechen und Römer. // Deutsche Volkswart (Leipzig) 1: 265-272.

Kossinna G. 1919a. Die deutsche Ostmark, ein uralter Heimatboden der Germanen (Monatsschrift für Oberschlesien 17, H. 12).

Kossinna G. 1919b. Die altgermanische Kulturhöhe. Ein Kriegsvortrag. // Die Nornen (Jena).

Kossinna G. 1920. Das siegreiche Vordringen meiner wissenschaftlichen Anschauungen als Ergebnis meiner wissenschaftlichen Methode. // Mannus 12.

Kossinna G. 1921. Die Indogermanen. Ein Abriß. I. Das indogermanische Urvolk. Leipzig, Kabitzsch (Mannus-Bibliothek 26).

Kossinna G. 1926—27. Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit. Teile 1-2. Irminsul, Blätter für deutsche Art und Kunst (2. Aufl. 1934. Mannus-Bücherei 6).

Kossinna G. 1934, 1935. Die altgermanische Kulturhöhe. Eine Einführung in die deutsche Vor- und Frühgeschichte. 3.Aufl. Würzburg, Kabitysch (5. Aufl. 1935, 7. Aufl. 1939).

Kossinna G. 1940. Das Weichselland ein uralter Heimatboden der Germanen. 3. verarb. Aufl. Würyburg, Kabitysch.

Kostrzewski J. 1914. Wielkopolska w czasach przedhistorycznych. Poznan, Niemierkiewicz.

Kostrzewski J. 1918. Die ostgermanische Kultur der Spätlatčnzeit. 2 Bde. Mannus-Bibliothek 18 und 19. Leipzig—Würzburg.

Kostrzewski J. 1927. O prawach naszych do Slaska w swietle pradziejów tej dzielnicy. // Z otchlani wieków 2: 1-9.

Kostrzewski J. 1930. Vorgeschichtsforschung und Politik. Eine Antwort auf die Schrift von Dr. Bolko von Richthofen «Gehört Ostdeutschland zur Urheimat der Polen?». Poznan, Jakowski.

Kostrzewski J. 1936. The prehistory of Polish Pomerania. Torun, The Baltick Pocket Library.

Kostrzewski J. 1958. Kultura Íuzycka na Pomorzu. Poznan, Panstwowe Wydawnictwo Naukowe.

Kostrzewski J. 1961. Zagadnienie ciaglasci ziem polskich w pradziejach. Poznan, Polskie wydawnictwo przyjaciól nauk, Prace komisji archeol., T. 10, z. 3: 219-360 (íÍě. čçä. WrocÍaw 1965).

Kostrzewski J. 1964. W walce y szowinizmem. // Z otchlani wiekňw 30, 4.

Lapouge, G. Vacher de. 1899. L'Arien, son rôle social. Paris, Fontemoing.

Majewski E. 1905. Hipoteza Kossiny o germanskiem pochodzeniu indoeuropejczyków a prawda w nauce. Studium krytyczne. // Swiatowit 6: 89-144.

Meyer E. 1899. Forschungen zur alten Geschichte. Bd. II. Halle, M. Niemeyer.

Meyer E. 1907. Geschichte des Altertums. 2. Aufl. Bd. II . Stuttgart-Berlin, J. G. Gotta.

Montelius O. 1888. Über Einwanderung unserer Vorfahren in den Norden. // Archiv für Anthropologie 17: 151-160.

Moszynski K. 1957. Pierwotny zasieg jezyka prasÍowianskiego (Prace jezykoznawcze PAN 16.

Wroclaw—Kraków).
Much M. 1901. Die Heimat der Indogermanen im Lichte der vorgeschichtlichen Forschung. Jena, Costenoble (2. Aufl. 1904).
Müller-Karpe H. 1966. Hanbdbuch der Vorgeschichte. Bd. II. München, C. H. Beck.
Ostlandberichte 1928, 4.
Otto K. H. 1953. Archäologische Kulturen und die Erforschung der konkretern Geschichte von Stämmen und Völkerschaften. // Ethnograhisch-Archäologische Forschungen 1: 1-27.
Otto K. H. 1954. Über den Standort der Archäologie in der deutschen Ur- und Frühgeschicjhtsforschung. // Forschungen und Fortschritte 28: 339-341.
Pearson R. 1966. Early civilisations of the Nordic peoples. London, Clair Press.
Preidel H. 1954. Die Anfänge der slawischen Besiedlung Böhmens und Mährens. Bd. I. Gräfelfing bei München, Gans.
Ratzel F. 1882-1892. Anthropogeographie. 2 Bde. Stuttgart, Engelhorn.
Reinecke P. 1902. Neolithische Streitfragen. Ein Beitrag zur Methodik der Prähistorie. // Zeitschrift für Ethnologie 34 223-272.
Reinecke P. 1906. Aus der russischen archäologischen Literatur. // Mainzer Zeitschrift 24-25: 58.
Renfrew C. 1969. Trade and culture process in European prehistory. // Current Anthropology 10 151-169.
Richthofen B.von. 1923. Gehört Ostdeutschland zur Urheimat der Polen? Kritik der vorgeschichtlichen Forschungsmethoden an der Universität Posen. Danzig, W. F. Burau (2. Aufl. 1929).
Richthofen B.von. 1929a. Ist Posen urpolnisches Land? Deutsche Blätter in Polen 2, H. 9.
Richthofen B.von. 1929b. Vorgeschichtsforschung und Politik. Ein Wort der Erwiderung an Museumsdirektor Universitätsprofessor Dr. J. Kostrzewski. // Die Provinz Oberschlesien 4, Nr. 45.
Schrader O. 1906-1907. Sprachvergleichung und Urgeschichte. Bd. I-II. Jena, Costenoble.
Schrader O. 1912. Die Indogermanen. Leipzig, Quelle und Meyer (3. verb. Aufl. 1919; русск. перев. Индо-европейцы. М, 1913).
Schuchhardt C. 1889. Schliemann's Ausgrabungen in Troja, Tiryns, Mykenä, Orchomenos, Ithaka im Lichte der heitigen Wissenschaft . Leipzig, Brockhaus.
Schuchhardt C. 1909. Die Römerschanze bei Potsdam nach den Ausgrabungen von 1908 und 1909. // Prähistorische Zeitschrift 1.
Schuchhardt C. 1913. Besprechung von G. Kossinna «Der germanische Goldfund...» // Prähistorische Zeitschrift 5: 585-587.
Schuchhardt C. 1914. Der Goldfund vom Messingwerk bei Eberswalde. Berlin, Verlag für Kunstwissenschaft.
Schuchhardt C. 1919. Alteuropa in seiner Kultur- und Stilentwicklung. Straßburg-Berlin, Trübner.
Schuchhardt C. 1926. Alteuropa. Eine Vorgeschichte unseres Erdteils. 2. Aufl. Berlin-Leipzig, Walter de Gruyter.
Schuchhardt C. 1928. Vorgeschichte von Deutschland. München (2. Aufl. 1934 München-Berlin), Oldenbourg.
Seger H. 1931. Gustaf Kossinna. // Prähistorische Zeitschrift, Bd. 22: 293-295.
Sieglin W. 1901. [Die blonden Haare der homerischen Helden]. // Verhandlungen des 46. Versammlung deutscher Philologen zu Strassburg i. E.: 121.
Sieglin W. 1902. Ethnologische Eindrücke aus Italien und Griechenland. // Verhandlungen des sechsundvierziegsten Versammlung deutschen Philologen und Schulmänner in Straßburg (Elsaß), 1901. Leipzig, Teubner: 121-122.
Sieglin W. 1935. Die blonden Haare der indogermanischen Völker des Altertums. München.
Stampfuß R. 1935. Gustaf Kossinna. Ein Leben für die deutsche Vorgeschichte. Leipzig, Kabitzsch.
Stampfuß R. 1937. Besprechung der Clemen-Festschrift. // Mannus 29: 453-454.
Stampfuß R. 1942. Germanen in der Ukraine. // Germanen-Erbe, 7: 131-135.
Sulimirski T. Die Schnurkeramischen Kulturen und das Indo-Europäische Problem. // La Pologne au VII-me Congrčs Internationale des Sciences Historiques (Varsovie, 1933). Vol. I: 287-308.
Taylor W. 1948. A study of archaeology (Memoir No. 69, American Anthropologist 50, 3, part 2).
Tischler O. 1886-1890. Ostpreußische Gräberhügel I-III. // Schriften der physikalisch-ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg, 27: 113-178; 29: 106-135.
Virchow R. 1884. Über ostdeutsche prähistorische Altertümer. // Korrespondenzblatt der Deutscher Anthropologischen Gesellschaft 15 (9): 65-75.
Virchow R. 1886. Eröffnungsrede des Vorsitzenden. // Korrespondnzblatt der Deutscher Anthropologischen Gesellschaft 17 (9): 67-80.
Virchow R. 1897. Eröffnungsrede. // Korrespondenzblatt der Deutscher Anthropologischen Gesellschaft 28 (9): 67-75.
Virchow R. 1900. Die armenische Expedition Belck-Lehmann. // Zeitschrift für Ethnologie, 31, H. VI: 579-586.
Virchow R. 1900. Verwaltungs-Bericht für das Jahr 1900. // Zeitschrift für Ethnologie, 31 (9): 578-580.
Wahle E. 1941. Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlicher Kulturprovinzen. Grebzen der frühgeschichtlichen Erkenntnis. I. Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse, Jg. 1940/41, 2 Abh. Heidelberg (2. Aufl. 1952).
Wahle E. 1950/51. Geschichte der prähistorischen Forschung. // Anthropos (Freiburg) 55, 1950: 497-538, 1951: 49-112.
Wahle E. 1964. Tradition und Auftrag prähistorischen Forschung. Ausgewählte Abhandlungen. Berlin, Duncker & Humblot.
Werner J. 1950. Zur Entstehung der Reihengräberzivilisation. Ein Beitrag zur Methode der frühgeschichtlichen Archäologie. // Archaeologia Geographica 1: 23-32.
Werner J. 1954. Neue Wege vorgeschichtlicher Methodik? // Forschungen und Fortschritte 28: 246-248.
Westphal-Hellbusch S. 1969. Hundert Jahre Ethnologie in Berlin, unter besonderer Berücksichtigung ihrer Entwicklung an der Universität. // Festschrift zum hundertjährigen Bestehen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte 1869-1969. Teil 1. Berlin: 157-183.
Zeiß H. 1930. Zur ethnischen Deutung frühmittelalterlicher Funde. // Germania 14: 14-24.
Zeiß H. 1931. Aktuelle Probleme der frühmittelalterlichen Archäologie. // Prähistorische Zeitschrift 22: 240-242.
Zylmann P. Karl-Hermann Jacob-Friesen. Leben und Werk. // Zur Ur- und Frühgeschichte Nordwestdeutschlands (hrsg. von P. Zylmann). Hildesheim: 1-20.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

А.М.Обломский

МАТЕРИАЛЫ ЗАРУБИНЕЦКОГО ПЕРИОДА НА ПОСЕЛЕНИИ ЛИТВИНОВИЧИ-3 В СРЕДНЕМ ПОСЕЙМЬЕ

A.M. Oblomskii. Findings of Zarubintsy Culture Period on Settlement Litvinovichi-3 in Middle Seim Area.

The basin of the middle stream of the river Seim is rather far to the east of the main Zarubintsy area of habitation. Although some sites of Zarubintsy type were known here earlier (Berezovets 1955), the last years saw a significant increase in these findings here. This article is a publication of materials collected on one of such settlements (fig. 16, *9*). Excavations works yielded one almost square feature deepened into the soil (fig. 3Á), a series of pits of various sizes, a few assemblages of pottery. The findings show a rather wide chronological span, and are dated by all the period of existence of Zarubintsy culture.

Первые сведения о памятниках зарубинецкого круга, расположенных на территории Среднего Посеймья, появились в 40-х гг. в результате разведок Д.Т.Березовца и И.И.Ляпушкина. На одном из этих поселений, в Харьевке Путивльского района Сумской обл., Д.Т.Березовец провел раскопки (Березовець 1955: 63). К сожалению, опубликовать лепную керамику из Харьевки удалось сравнительно недавно (Обломский, Терпиловский 1991: рис.19). В 1957 г. В.А.Ильинская во время раскопок Басовского городища в верховьях Сулы обнаружила материалы, в известном смысле близкие происходящим из Харьевки (Ильинская 1961; Іллінська 1965). Впоследствии в результате изысканий В.А.Ильинской, А.И.Тереножкина и И.И.Артеменко количество памятников существенно увеличилось.

В 1990—1994 гг. в Среднем Посеймье проводила исследования Левобережная раннеславянская экспедиция Институтов археологии АН СССР и АН УССР под руководством Р.В.Терпиловского и автора настоящей статьи. Сплошь были обследованы долина Сейма от Рыльска до Конотопа, а также поречье впадающей в него р. Клевень и ее притока р. Эсмань. В результате этих работ была обнаружена целая серия памятников зарубинецкого круга (в настоящее время, учитывая данные предшественников, в этом регионе их насчитывается 18), а на четырех из них, в Красном-4, Чаплищах-3, Пересыпке-1 и Литвиновичах-3, были проведены раскопки (рис.1). Итоги исследований были подведены мною и Р.В.Терпиловским в двух статьях (Обломський, Терпиловський 1994; Обломский, Терпиловский 1994). К сожалению, издать всю имеющуюся информацию об этих памятниках до сих пор не удалось. В предлагаемой вниманию читателя статье публикуются материалы поселения Литвиновичи-3, раскопанного наиболее широкой площадью из четырех упомянутых выше.

Этот памятник занимает мыс первой надпойменной террасы правого берега р. Клевень (правого притока Сейма) в 380 *м* к югу от юго-западной окраины с. Литвиновичи Кролевецкого района Сумской обл. Размеры селища — 600 × 200—300 *м*, высота над уровнем поймы — 1—7,5 *м*, мощность культурного слоя — 0,2—1,5 *м*. Вся территория поселения распахана (рис. 2). На юго-восточном склоне террасы на поверхности пашни видны пятна глиняной обмазки — следы жилищ.

Раскопки памятника проводились в 1992 г. Всего было заложено 3 раскопа общей площадью 432 *кв.м*. Обнаружены находки и сооружения эпохи бронзы, лесостепной скифской, зарубинецкой, раннего периода колочинской культур, волынцевского культурно-хронологического этапа, Киевской Руси и позднего средневековья.

К зарубинецкому этапу заселения памятника относятся материалы из культурного слоя и заполнения более поздних сооружений, двух ложбин естественного происхождения, в которых были устроены свалки мусора, а также из хозяйственной постройки и пятнадцати ям (№№ 9, 10, 14, 20, 22, 23, 28, 29 в раскопе 1 и №№ 1, 3, 4, 11, 15, 17 и 20 в раскопе 2) (рис.3А).

РАСКОП 1

Общая толщина культурного слоя на раскопе составляет 90—104 *см*. Верхние его 20—25 *см* нарушены современной распашкой. Ниже слоя пашни залегала черная гумусированная супесь толщиной 40—50 *см*, ее подстилал слой серой супеси мощностью 20—36 *см*. Граница

© А.М.Обломский, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

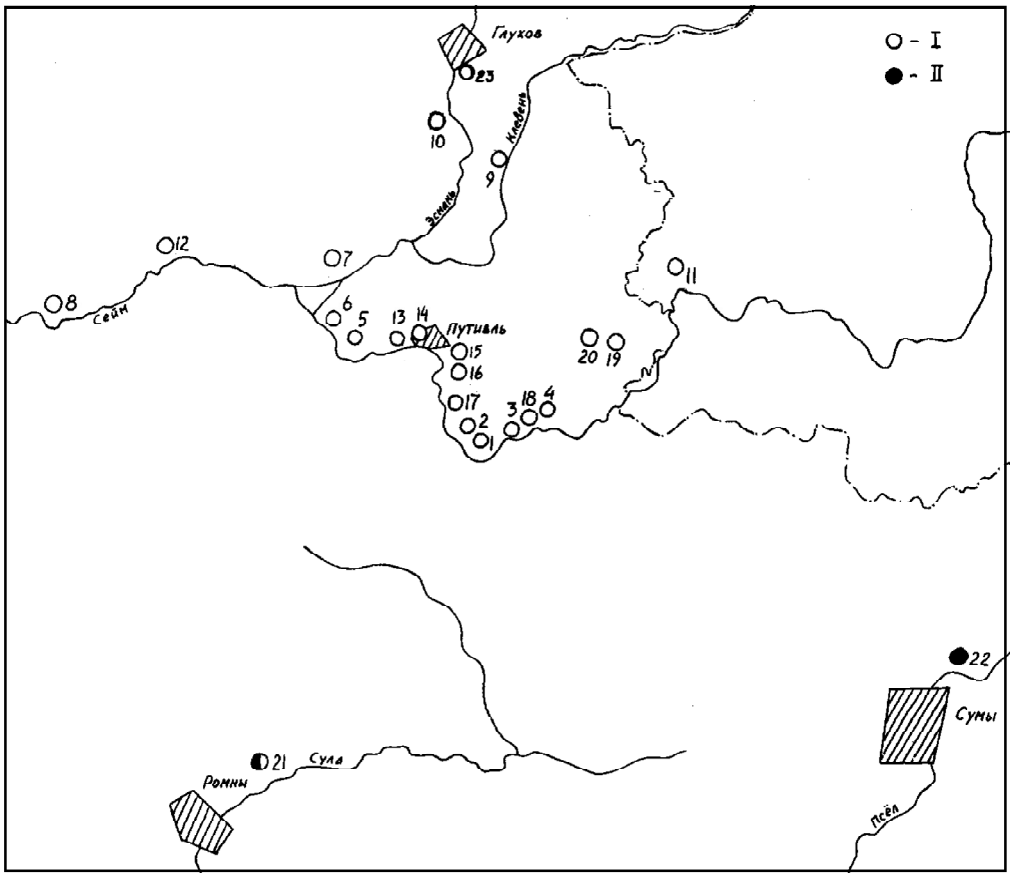

Рис.1. Северо-восток Днепровского Левобережья в предримский период. I — памятники типа Харьевки; II — позднескифские памятники; 1 — Пересыпки-1; 2 — Пересыпки-2; 3 — Чаплищи-3; 4 — Ивановка-1; 5 — Красное-2; 6 — Красное-4; 7 — Литвиновичи-3; 8 — Любитово-2; 9 — Баничи-2; 10 — Некрасово; 11 — Дроновка Вторая; 12 — Червоный Ранок; 13 — Пруды; 14 — Путивль; 15 — Калище; 16 — Хутор Пешков; 17 — Харьевка; 18 — Волынцево; 19 — Марьяновка (Бунякино); 20 — Новая Слобода; 21 — Басовка; 22 — Битица.

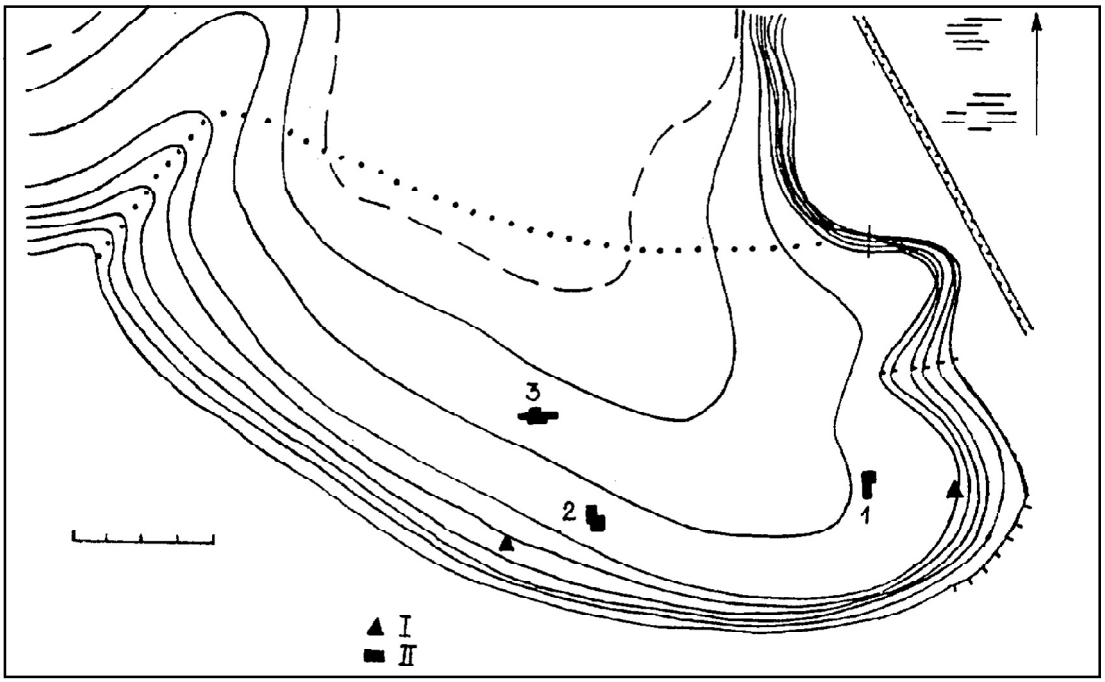

Рис.2. Литвиновичи-3, план памятника. I — охранные знаки Министерства культуры Украины; II — раскопы.

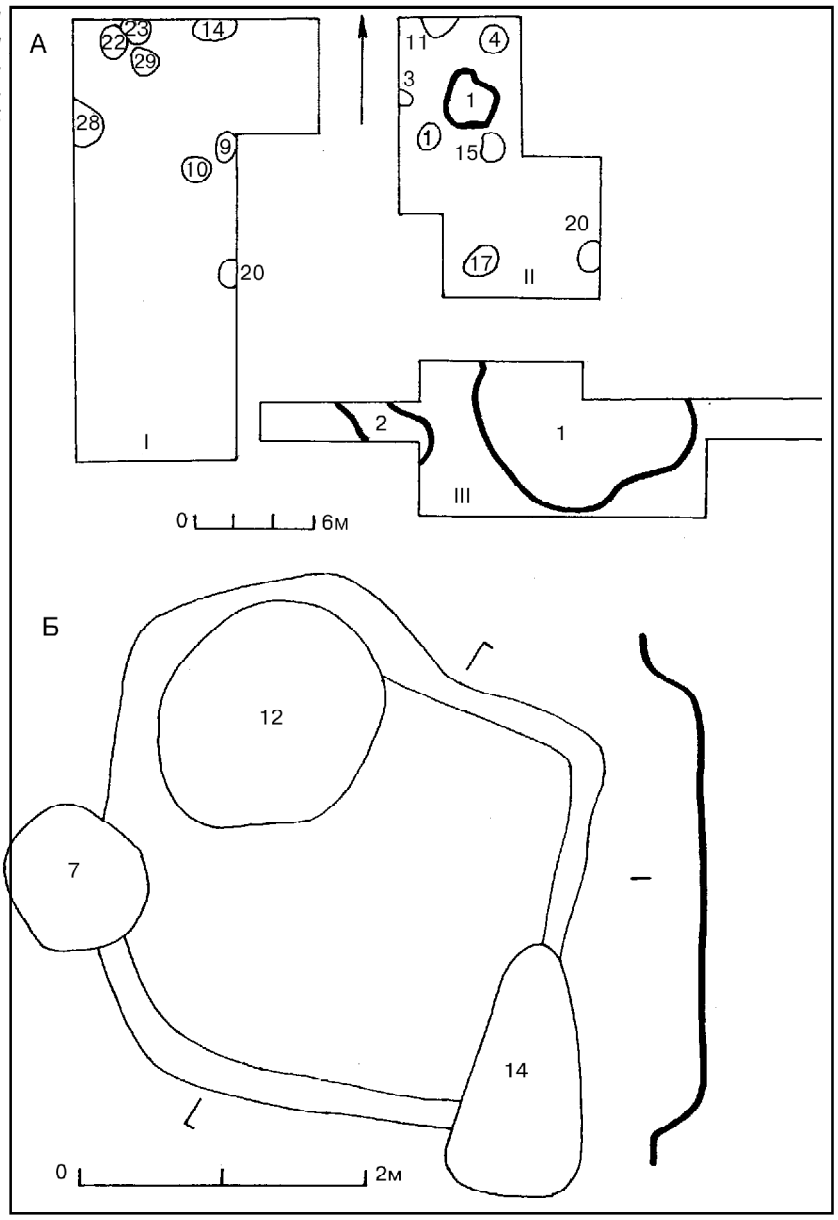

Рис.3. Планы раскопов и объектов. А — планы раскопов с обозначением объектов зарубинецкого периода; Б — план постройки 1 раскопа 2.

между черным и серым слоями во многом условна. Нигде она не читалась отчетливо, как правило, выглядела размытой. Поскольку на раскопе прослежены сооружения разных эпох, то находки всех культурно-хронологических групп, представленных на памятнике, встречались по всей толще гумусного слоя, от первого штыка до последнего. Тем не менее, в распределении материала все же удалось выявить некоторые закономерности. Зарубинецкая керамика концентрировалась в нижней части черного и в верхней — серого слоев. Далее к материку количество находок резко уменьшалось, хотя фрагменты зарубинецких сосудов встречались вплоть до основания культурного слоя. Из нижних напластований слоя черной супеси происходят два развала (№№ 1 и 3; рис.4,*1,2*) груболепных корчаг с пальцевыми вдавлениями по венчикам.

Ямы зарубинецкого периода прослежены в нижней части черного горизонта, в сером слое и на уровне материка.

Яма 9 зафиксирована в основании черного слоя. Ее глубина составляла 0,77—0,89 *м*, размеры по верхнему краю — 1,2 × 1,24 *м*, в нижней части — 1,06 × 1,1 *м.* Из заполнения, которое представляло собой черную супесь, происходят 3 фрагмента стенок сосудов эпохи бронзы, 15 черепков с примесью шамота в тесте, в т.ч. один с расчесами, нанесенными гребнем по внешней поверхности и фрагменты венчиков сосудов, орнаментированные пальцевыми вдавлениями. В яме также обнаружены кости животных.

Яма 10 прослежена на поверхности нижнего серого слоя. Она имела глубину около 0,5 *м*, размеры по верхнему краю 1,16 × 1,5 *м*, по дну — 1,1 × 1,2 *м.* В заполнении (черная супесь)

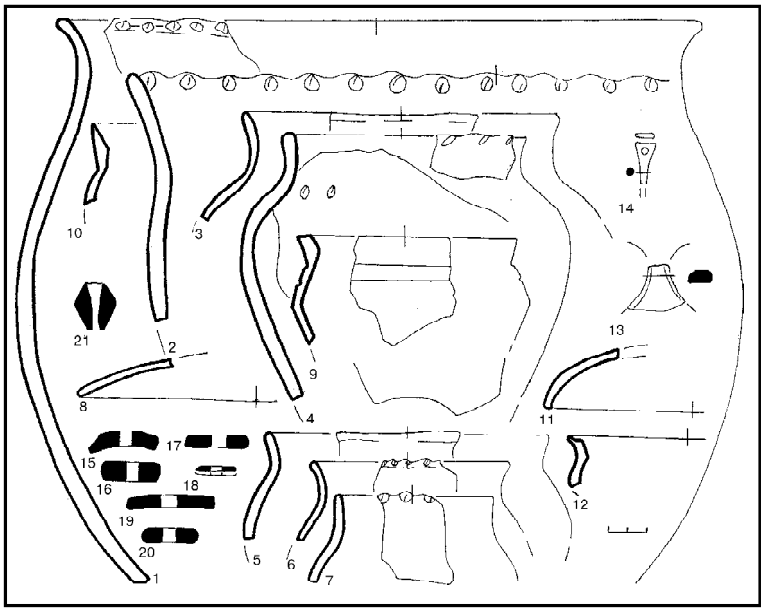

Рис. 4. Материалы раскопов 1 и 2. 1-8, 11 — груболепная керамика; 9, 10, 12, 13 — лепная лощеная керамика; 14 — костяная булавка (обломок); 15-18 — пряслица из обломков амфор; 19, 20 — пряслица из черепков лощеных сосудов; 21 — глиняное пряслице; 1 — раскоп 1, развал 3; 2 — раскоп 1, развал 1; 3-5, 8, 10, 13, 17, 18, 20 — раскоп 1, слой; 6, 7 — раскоп 2, слой; 9, 15 — раскоп 1, яма 6-7; 11 — раскоп 1, яма 22; 12 — раскоп 1, постройка 1, заполнение; 14 — раскоп 1, постройка 2, заполнение; 16 — раскоп 2, постройка 2, верхний уровень; 19 — раскоп 1, постройка 2; 21 — раскоп 1, яма 33.

найдены кости животных, фрагмент стенки эллинистической амфоры, обломок плоского колесиковидного пряслица и разновременная лепная керамика, среди которой преобладает зарубинецкая.

Яма 14 зафиксирована на уровне материка. В пределы раскопа вошла не полностью. В плане была овальной и имела размеры по верхнему краю около 1,25 × 2,2 *м*, в нижней части — 1,0 × 1,8 *м*, глубина — 0,76—0,84 *м.* Из заполнения, которое состояло из темно-серой супеси, происходит керамика эпохи бронзы и зарубинецкая (рис.5,*18*). Объект перекрывался ямой 36.

Яма 20 прослежена на том же уровне, что и яма 14, и частично перекрыта ямой 18 волынцевского периода. Имела светло-серое заполнение, поэтому ее контуры совершенно терялись в южной части. Размеры объекта составляли приблизительно 1,4 × 1,8 *м*, глубина — 0,26 *м.* Из заполнения происходят кости животных, черепки зарубинецких сосудов, как груболепных, так и лощеных, 6 обломков стенок эллинистических амфор.

Яма 22 в плане была овальной и имела размеры по верхнему краю 1,44 × 1,68 *м*, по дну — 0,9 × 1,2 *м*, глубину 0,36—0,44 *м.* Контуры ее прослежены на поверхности нижнего слоя серой супеси, а заполнение было довольно темным. В нем обнаружены кости животных, фрагменты сосудов эпохи бронзы и зарубинецких (рис.4,*11*).

Яма 23 в пределы раскопа вошла частично. Прослежена на уровне материка. В плане была округлой диаметром 1,9 *м* в верхней части и 1,65 *м* — в нижней. Глубина ямы составляет 0,63—0,7 *м.* В заполнении (темно-серая супесь) найдены кости животных и обломки лепных сосудов, среди которых преобладает зарубинецкая керамика.

Яма 28 зафиксирована на том же уровне, что и предыдущая, и также частично выходит за границы раскопа. Размеры объекта по этой причине не ясны, а его глубина — 0,3—0,37 *м.* В заполнении (очень темная супесь) находок не было. Со дна объекта происходит несколько фрагментов стенок лепных сосудов с примесью

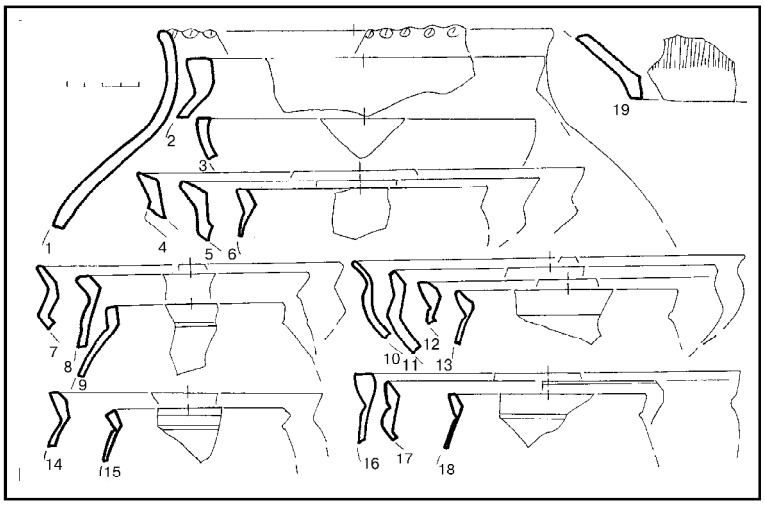

Рис.5. Керамика раскопов 1 и 2. 1, 2 — груболепная; 3-19 — лощеная; 1, 4 — раскоп 2, постройка 1, заполнение; 2, 10-16, 19 — раскоп 1, слой; 3, 5, 6 — раскоп 2, постройка 2, заполнение; 7 — раскоп 1, яма 29; 8 — раскоп 1, яма 28; 9 — раскоп 1, яма 34; 17 — раскоп 1, яма 2; 18 — раскоп 1, яма 14.

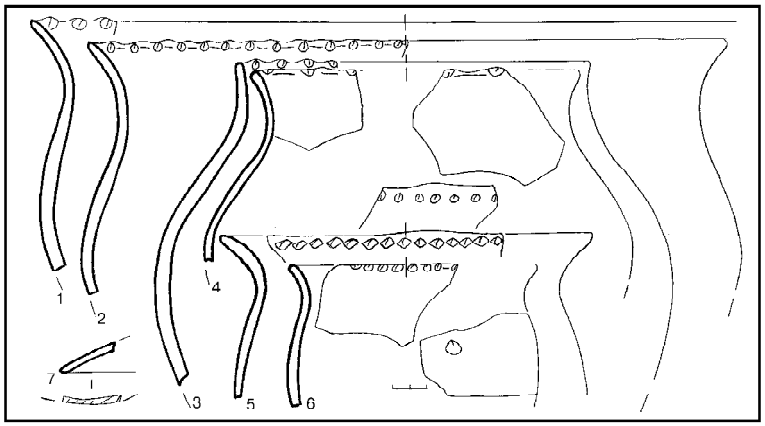

Рис.6. Лепная керамика с шероховатой поверхностью раскопа 3. 1-3, 5 — ложбина 1; 1 — развал 1; 2, 5 — развал 4; 3 — развал 3; 4, 6, 7 — культурный слой.

шамота в тесте и обломок венчика лощеной миски (рис.5,*8*).

Яма 29 также зафиксирована на поверхности материка. В плане близка к овалу и имеет размеры 1,06 × 1,26 *м* по верхнему краю и 0,85 × 1,0 *м* в нижней части. Глубина составляет 0,48—0,68 *м.* В заполнении (однородная темно-серая супесь) найдены кости животных, 3 фрагмента сосудов эпохи бронзы и зарубинецкая керамика, как груболепная, так и лощеная (рис.5,*7*). Из ямы происходят два обломка венчика корчаги, большинство фрагментов которой составляли развал 1 (см. выше).

Судя по стратиграфии сооружений, зарубинецкие ямы на раскопе 1 делятся на два яруса. Из них ранний составляют те, которые прослежены на материке (№№ 14, 20, 23, 28, 29), а более поздний — зафиксированные в нижней части черного горизонта культурного слоя или на поверхности подстилающей его серой супеси (№№ 9, 10, 22).

РАСКОП 2

На этом участке памятника культурный слой был гораздо тоньше (0,43—0,59 *м*) и ниже основания пашни — совершенно однородный, поэтому стратиграфия здесь отсутствовала. Все зарубинецкие объекты зафиксированы на поверхности материка, а заполнение их было практически одинаковым: оно представляло собой либо серую, либо темно-серую супесь. Исключениями из этого правила были лишь ямы 17 и 20.

Постройка 1 (рис.3Б) перекрывается более поздними ямами 7, 12 и 14. В плане — подпрямоугольная, размерами около 3,0 × 3,3 *м* по верхнему краю и 2,6 × 2,8 *м* в нижней части. Прослежена на уровне материка, углублена в грунт на 35—47 *см.* Из заполнения происходят кости животных, зарубинецкая керамика, как груболепная, так и лощеная (рис.5,*1,4*), а также небольшой фрагмент стенки сосуда эпохи бронзы.

Яма 1 в плане близка к овалу. Имела размеры по верхнему краю 1,4 × 1,6 *м*, в нижней части — 0,78 × 0,9 *м*, глубину 0,52—0,58 *м.* В заполнении найдены кости животных, груболепная керамика с шамотом в тесте. В том числе — обломок венчика горшка с пальцевыми вдавлениями по краю и два фрагмента лощеных мисок.

Яма 3 своим краем уходила за пределы раскопа. Размеры не ясны, глубина составляла 0,3 *м.* Из заполнения происходят около десятка мелких фрагментов груболепных сосудов и обломок венчика лощеной миски.

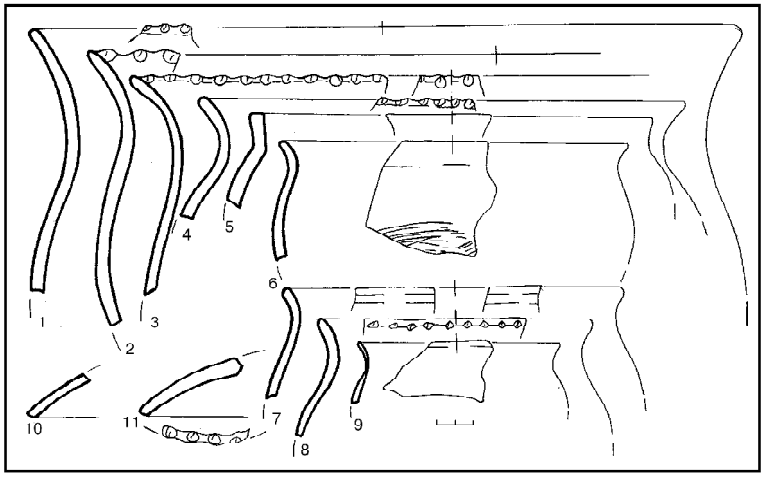

Рис.7. Лепная керамика с шероховатой поверхностью раскопа 3. 1-3, 6, 7, 9 — ложбина 1 (1 — развал 3); 4, 5, 8, 10-11 — слой.

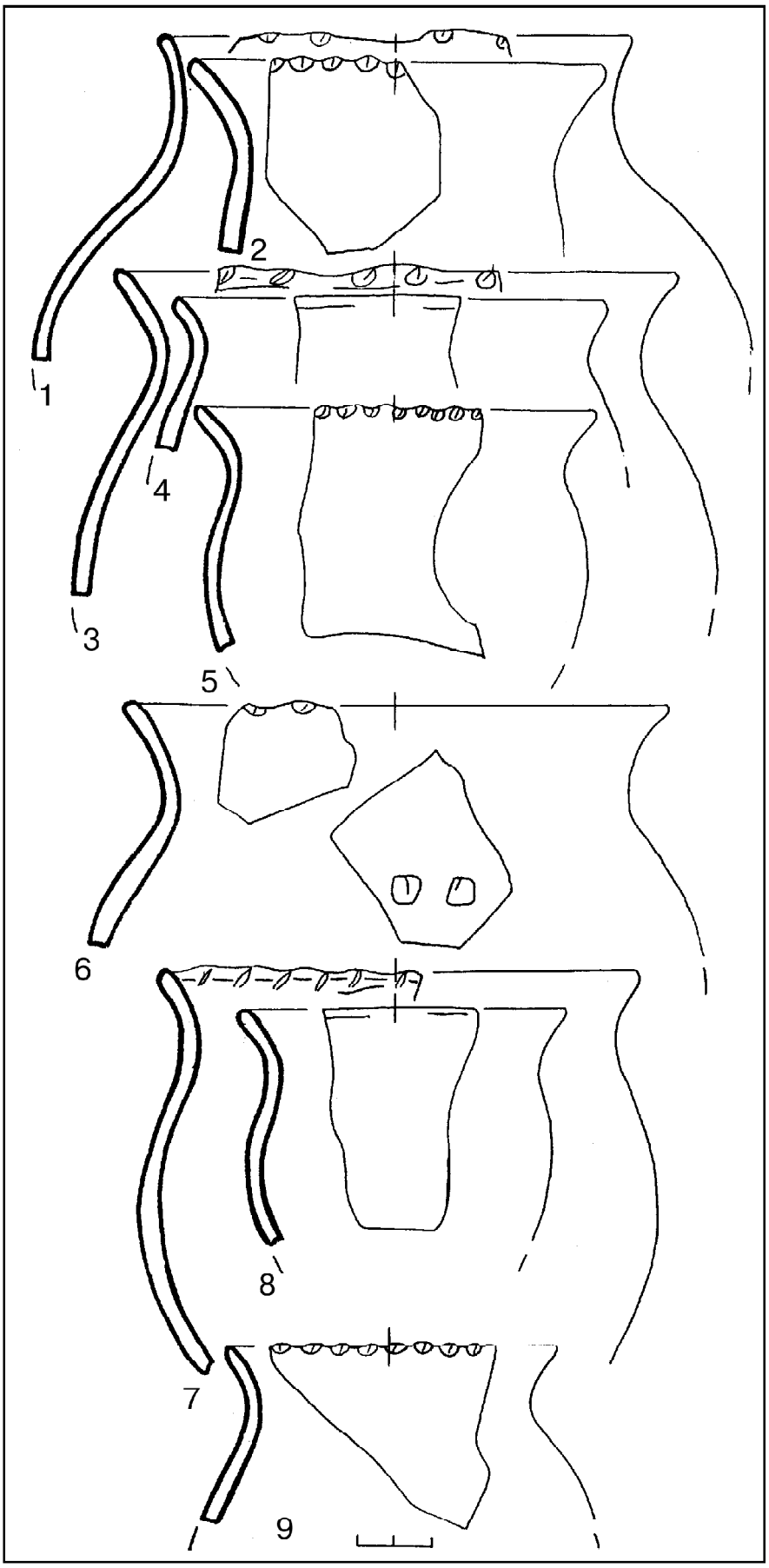

Рис.8. Лепная керамика с шероховатой поверхностью раскопа 3. 1, 3, 4, 6-9 — ложбина 1; 2, 5 — культурный слой.

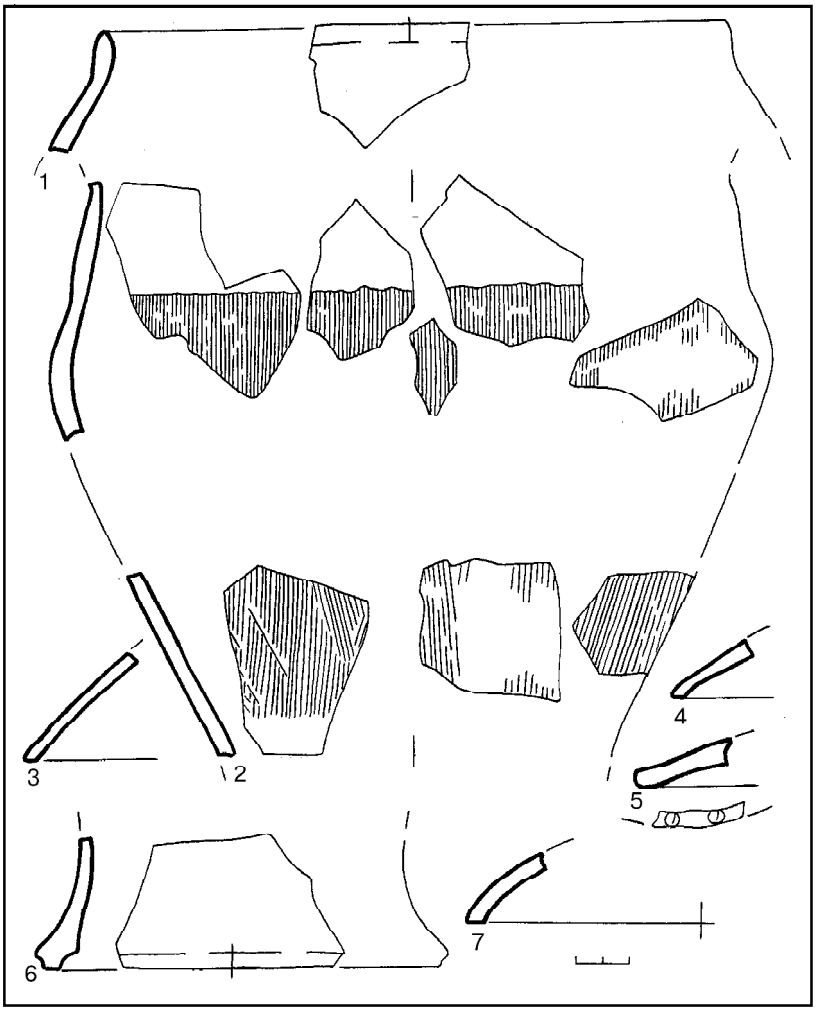

Рис.9. Лепная керамика с шероховатой поверхностью раскопа 3. 1-3, 6, 7 — ложбина 1; 4, 5 — культурный слой.

Яма 4 в плане — круглая. Диаметр составлял 1,46—1,5 *м*, глубина — 0,46—0,53 *м*, а стенки были почти отвесными. В заполнении обнаружены кости животных, обломки зарубинецких сосудов, фрагмент скифского горшка.

Яма 11 приблизительно наполовину выходит за пределы раскопа. Судя по исследованной части, в плане она была круглой диаметром 1,74 *м* по верхнему краю и 1,5 *м* по дну. Глубина составляла около 0,4 *м.* Из заполнения происходит зарубинецкая керамика и кости животных.

Яма 15 в плане близка к овалу размерами 1,56 × 1,65 *м.* Имела почти отвесные стенки и глубину 0,72—0,*74* м. В заполнении найдены кости животных, обломки зарубинецких сосудов и черепок скифского горшка.

Яма 17 в плане была овальной размерами 1,4 х 1,6 *м* по верхнему краю и 0,8 × 1,0 *м* по дну. Глубина — 0,27 — 0,45 *м.* Заполнение представляло собой очень темную супесь с включениями мелких кусочков печины. В яме обнаружены обломки зарубинецких сосудов, в т.ч. фрагмент нижней части горшка с хроповатой поверхностью.

Яма 20 частично выходит за пределы раскопа, поэтому точные размеры не ясны. Глубина составляла 0,28—0,47 *м.* В заполнении (черная супесь) обнаружены кости животных, фрагмент сосуда эпохи бронзы, около двадцати обломков груболепных горшков с примесью шамота в тесте, три фрагмента стенок лощеных мисок.

РАСКОП 3

Ложбина 1 со свалкой мусора. Продолжалась к северу от исследованной площади, однако сделать прирезку в этом направлении не удалось: помешали посевы. В пределах раскопа имела длину 7,8 *м*, ширину 11,6 *м*, максимальная глубина составляла 1 *м.* Заполнение ложбины состояло из двух слоев. Верхний, представлявший собой черную супесь, достигал в толщину 30—40 *см*, нижний (серая супесь) имел мощность 20—50 *см.* Повышенная концентрация культурных остатков (зарубинецкая керамика, обломки амфор, кости животных, различные бытовые изделия — рис. 6—15) наблюдалась в черном слое. Здесь же зафиксировано пять локальных скоплений черепков груболепных сосудов, из которых удалось реконструировать

верхние части нескольких горшков (рис. 6,*2*; 3,*5*; 7,*1*; 8,*8*). Ниже количество находок резко уменьшалось. Кроме зарубинецкой керамики, здесь встречались отдельные фрагменты сосудов эпохи бронзы и лесостепной скифской культуры.

Помимо массового материала, из верхнего слоя заполнения ложбины происходят два пряслица из черепков амфор, высокое биконическое пряслице и костяная булавка. Еще одно такое же изделие и тупик из кости обнаружены в нижнем слое (рис.14,*5,6,12,17*).

Ложбина 2 имела значительно меньшие размеры, чем предыдущая (длина в пределах раскопа составляла 4 *м*, ширина — 2,6—2,0 *м*, глубина не превышала 46 *с*м). В заполнении (черная однородная супесь) обнаружена зарубинецкая керамика, правда, в значительно меньшем количестве, чем в предыдущем объекте, кости животных, обломок глиняного биконического пряслица и железная фибула (рис.14,*3,16*)

Судя по характеру заполнения, материал из обеих ложбин представлял собой зарубинецкие комплексы длительного накопления.

В культурном слое раскопа 3 резко преобладает зарубинецкая керамика (рис.6—13), хотя встречались и отдельные фрагменты лепных сосудов эпохи бронзы, раннеколочинских, черняховских, древнерусских и позднесредневековых гончарных. Из индивидуальных находок к зарубинецкому периоду относится серия из шести пряслиц, фрагмент ножки глиняного алтаря (рис.14,*4,10,11,13—15*), нож с горбатой спинкой и обломок такого же изделия с остатками бронзовой рукояти на лезвии у черешка (рис.14,*1,2*), 2 стеклянные бусины (рис.14,*9*), возможно, амулет-подвеска из клыка животного с бронзовым ушком, железной пластинкой в верхней части и фрагмент бронзового браслета (рис.14,*8*), костяная игла (рис.14,*7*). Из двух других раскопов группу зарубинецких находок составляют (по аналогиям) 2 пряслица из черепков лощеных лепных сосудов, 2 — высоких биконических и 1 — лепешковидное с узким отверстием, 4 — из обломков амфор (рис.4,*15*—

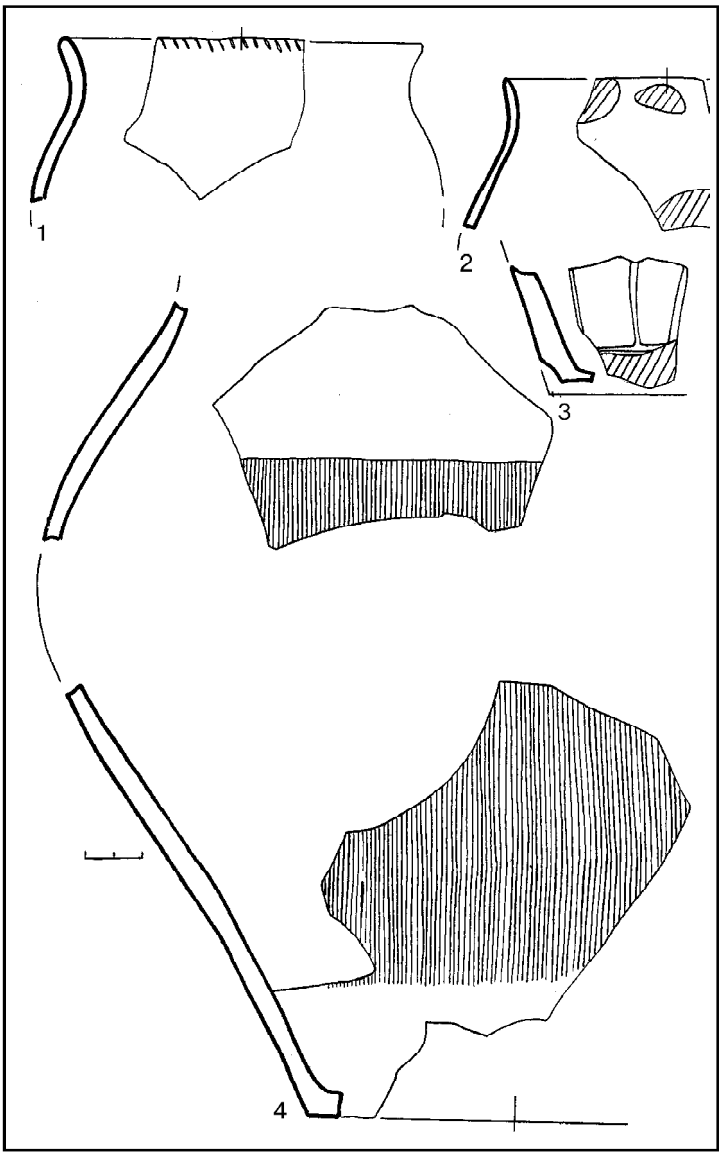

Рис. 10. Лепная керамика раскопа 3. 1-3 — груболепная; 4 — лощеная; 1-3 — ложбина 1; 4 — слой.

Рис.11. Лепная лощеная керамика раскопа 3. 1, 5, 7, 11 — ложбина 1; 2-4, 6, 8-10, 12 — слой.

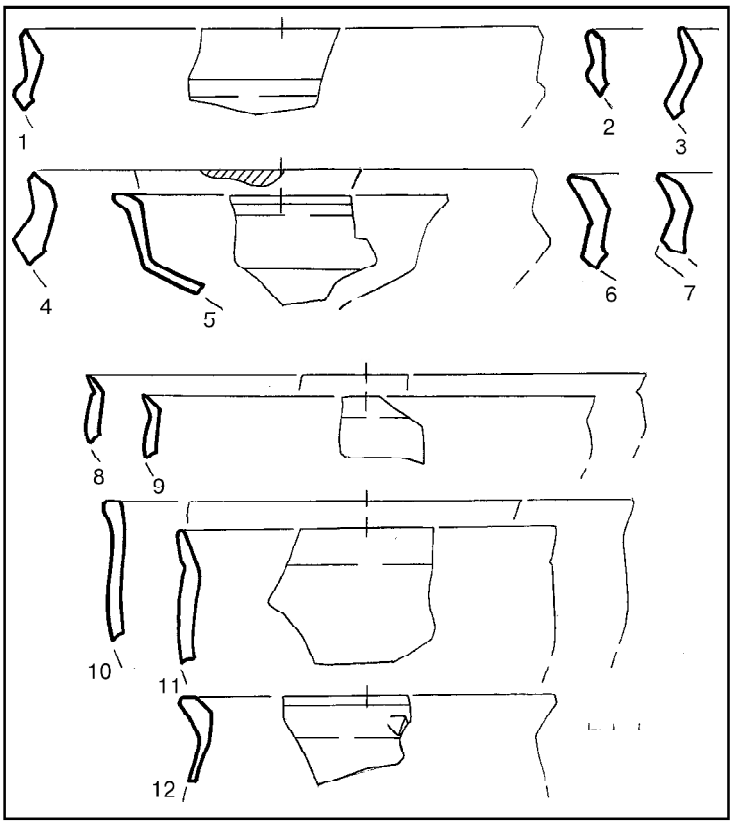

Рис. 12. Лепная лощеная керамика раскопа 3. 1, 2, 5-7 — ложбина 1; 3, 4 — культурный слой.

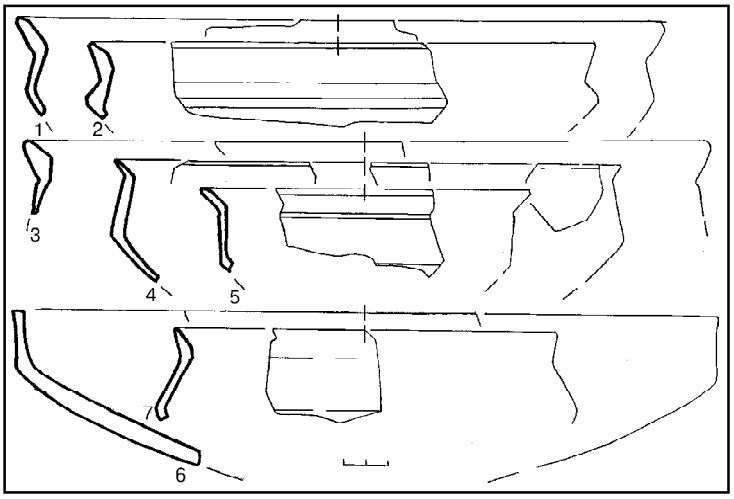
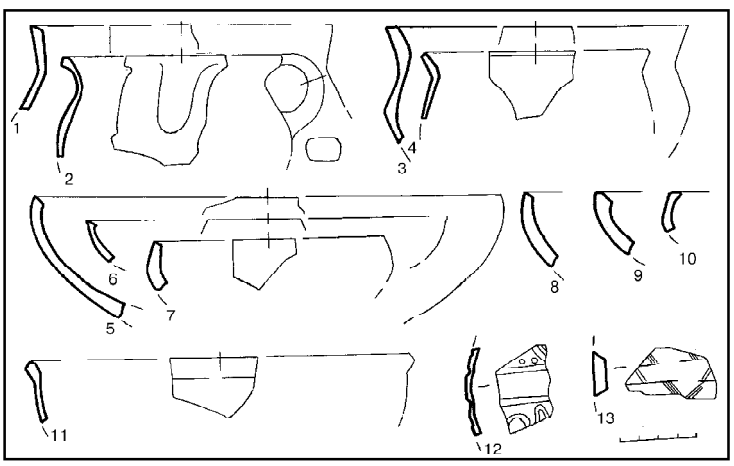

Рис. 13. Лепная лощеная керамика раскопа 3. 1, 5, 8, 9, 11 — ложбина 1; 2-4, 6, 7, 10, 12, 13 — культурный слой.

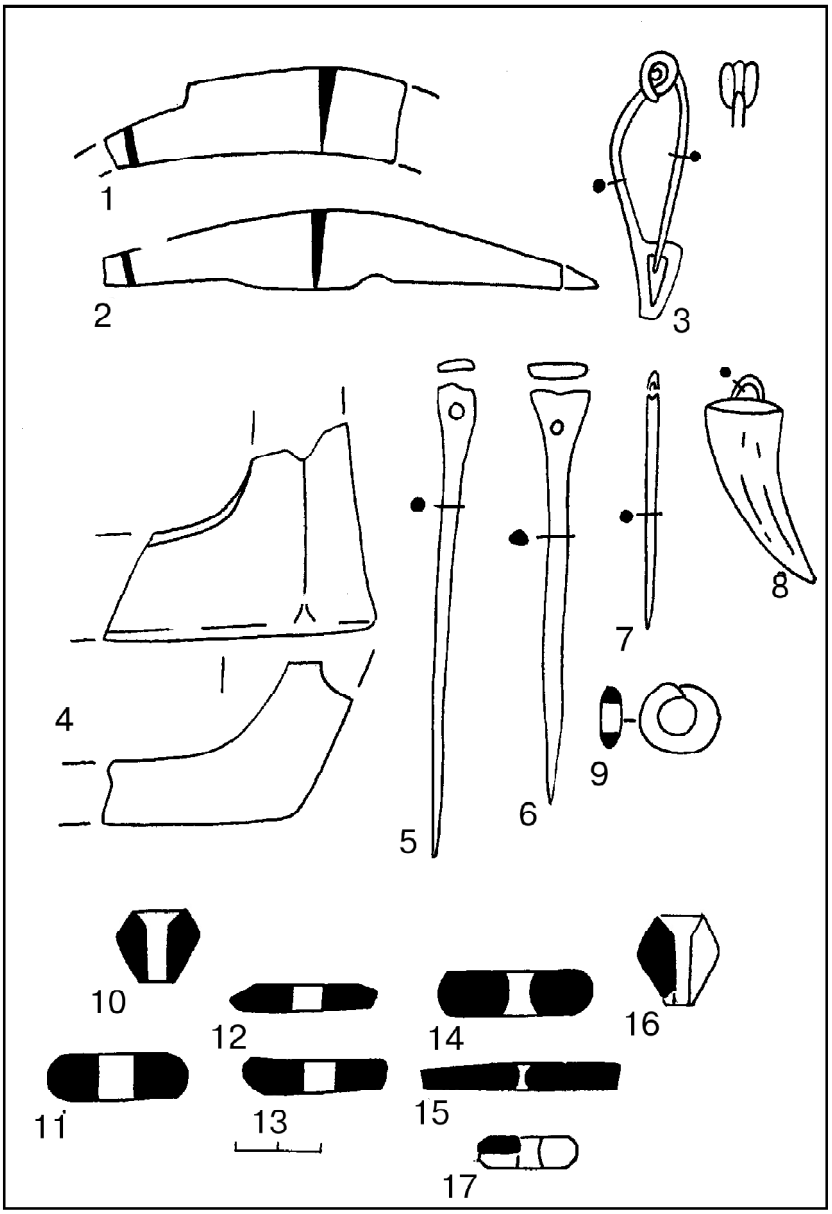

Рис.14. Раскоп 3, индивидуальные находки. 1, 2 — железные ножи; 3 — железная фибула; 4 — ножка глиняного "алтаря"; 5, 6 — костяные булавки; 7 — костяная игла; 8 — клык с железной пластиной сверху и бронзовым ушком для подвешивания; 9 — бусина из светло-фиолетового прозрачного стекла; 10, 11, 13, 16 — глиняные пряслица; 12, 14, 17 — пряслица из черепков амфор; 15 — пряслице из стенки лепного лощеного сосуда; 1, 2, 4, 7-11, 13-15 — культурный слой; 5, 6, 12, 17 — ложбина 1; 3, 16 — ложбина 2.

21), 3 фрагмента ножей с горбатыми спинками, верхняя часть костяной булавки (рис.4,*14*).

Материалы поселения Литвиновичи-3 до проведения новых, более масштабных раскопок, не дают оснований для реконструкции его планиграфии. Отсутствуют на этом памятнике и объекты, «узкие» даты которых можно было установить, а большинство бытовых предметов (пряслица, ножи, костяные булавки и т.п.) распространены во многих культурах и существовали достаточно долго. Наибольший интерес, по моему мнению, представляет коллекция лепной керамики памятника.

В технологическом отношении лепная посуда делится на две группы. В первую из них включены кухонные сосуды с шероховатой (в т.ч. и хроповатой, т.е. искусственно ошершавленной) поверхностью. В их тесте заметна примесь крупного шамота, наружное ошершавливание — очень грубое, бугристое. Ко второй группе относится лощеная керамика черного, темно-серого, реже — коричневого или желтого цвета, содержащая в глине примеси очень мелкого шамота или песка. Лощение — как правило, хорошее, глянцевое, двустороннее. Керамика с шероховатой поверхностью и лощеная одновременны. Об этом свидетельствуют материалы из практически всех объектов зарубинецкого периода Литвиновичей, где посуда обеих групп постоянно встречается вместе. Соотношение столовой лощеной и грубой кухонной керамики в сооружениях и ложбинах-свалках показано в табл.1.

В статье, опубликованной в журнале «Археологія», керамика зарубинецкого периода с территории Среднего Посеймья была поделена на несколько типов (Обломський, Терпиловський 1994: 44—47). Ниже приводятся описания лишь тех из них, которые встречены на поселении Литвиновичи-3.

Таблица 1. Состав материала из зарубинецких объектов поселения Литвиновичи-3.

Раскоп / объект	Лепная керамика с шамотом в тесте		Лепная лощеная керамика		Фрагменты амфор		Керамика других эпох
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	
Раскоп 1, яма 9	15	100%					3
яма 10	36	95%	1	2,50%	1	2,50%	4
яма 14	31	94%	2	6%			14
яма 20	21	70%	3	10%	6	20%	
яма 22	6	100%					5
яма 23	53	91%	5	9%			2
яма 28	5		1				1
яма 29	16	84%	3	16%			4
Раскоп 2, постройка 1	143	96%	6	4%			5
яма 1	23	92%	2	8%			1
яма 3	10	83%	2	17%			
яма 4	23	88%	3	12%			2
яма 11	25	93%	2	7%			
яма 15	13	100%					4
яма 17	26	93%	2	7%			2
яма 20	17	85%	3	15%			8
Раскоп 3, ложбина 1, горизонт 1 (черный слой)	1311	94%	71	5%	19	1%	21
ложбина 1, горизонт 2 (серый слой)	66	99%	1	1%		0%	
ложбина 2	единичные черепки		единичные черепки				

СТОЛОВАЯ КЕРАМИКА

Миски

1. Низкий открытый округлобокий сосуд с отогнутым наружу венчиком и слабо выраженным бочком. Венчик утолщен и снабжен тремя гранями с внутренней стороны — 1 экз. (рис.13,*11*).

2. Низкие закрытые миски с округлыми валикообразными бочками, отогнутыми наружу прямыми утолщенными венчиками, снабженными гранями с внутренней стороны. Венчик иногда отделяется от шейки каннелюрой — 3 экз. (рис.4,*10,12*; 5,*17*).

2а. Округлобокие миски с изогнутым, отогнутым наружу венчиком и плавным перегибом в области плеча, на внутренней стороне венчика может быть одна грань — 3 экз. (рис.5,*10*; 11,*8,9*).

2б. Чашевидные округлобокие миски — 6 экз. (рис.5,*3*; 13,*5—9*).

3. Ребристая миска с S-видным профилем и одной гранью на внутренней стороне венчика (рис.13,*3*) — 1 экз.

4. Ребристые миски с зигзаговидным профилем и гранями на венчике (рис.5,*5,7*,*11*; 11,*3,5,6*; 12,*1,4,5,7*) — 10 экз.

4а. Ребристые миски с прямым вертикальным или прямым загнутым внутрь венчиком — 2 экз.

4б. Ребристые миски с прямым венчиком, снабженным несколькими гранями, и валикообразным, подтреугольным в сечении бочком (рис.12,*4*).

Мискоообразные сосуды или высокие миски (диаметр венчика приблизительно равен высоте)

5. Округлобокие формы с отогнутыми наружу венчиками, иногда снабженными несколькими гранями (рис.11,*10,11*; вероятно, к этому же типу относится и рис.5,*14*).

5а. Округлобокая кружка с петлевидной ручкой и S-видным профилем — 1 экз. (рис.13,*2*).

7. Сосуд со сглаженным ребром, расположенным около середины высоты, судя по направлению стенок нижней части (рис.4,*9*). На тулове выше ребра заметны две каннелюры, на утолщенном венчике — две грани с внутренней стороны.

Горшки

10.Округлобокие сосуды с прямым отогнутым наружу утолщенным венчиком, сильно раздутым туловом. Венчик снабжен двумя гранями и может быть отделен от тулова каннелюрой — 3 экз. (рис.5,*9*,*15*; 7,*5*).

КУХОННАЯ КЕРАМИКА

13. *Сильнопрофилированные округлобокие горшки* с высокими изогнутыми отогнутыми наружу венчиками. Зачастую они украшены пальцевыми вдавлениями или насечками по его краю и редкими, расположенными пояском, вдавлениями по тулову. По форме горшки довольно стандартны и делятся на два варианта. В первый из них объединены закрытые сильнопрофилированные округлобокие сосуды (рис.4,*1,3—7*; 5,*1*; 6,*2—4,6*; 7,*1,4,6—9*; 8,*1,3,4,6,7,9*; 10,*1,2*).

Ко второму варианту относятся открытые сосуды с близкой профилировкой, диаметр венчика которых превышает диаметр наибольшего расширения тулова (рис.4,*2*; 6,*1,5*; 7,*2,3*; 8,*2,5,8*). Их — значительно меньше, чем горшков варианта 1.

14. *Чашеобразные крышки.* По аналогиям имели полую ручку и тулово, близкое к сегменту шара. Венчики по краю бывают иногда орнаментированы пальцевыми вдавлениями. Целых форм в Литвиновичах нет, найдены только фрагменты (рис.4,*8,11*; 6,*7*; 7,*10—11*; 9,*3—5, 7*).

* * *

По происхождению керамика Литвиновичей делится на три группы. Часть форм сосудов типична для среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры (типы 2,3,4,4а,4б, 13 и 14) (Максимов 1969: рис.5,*4*; 6,*19*; 8,*5*; 9,*3*; Максимов 1972: табл.V,13; XVI,2; XX,1; Максимов 1982: рис.III,10; XXI,10-12; Кухаренко 1964: 28: табл.9,*21*). При этом ребристые миски с прямыми вертикальными венчиками являются ведущей формой этой категории посуды на позднезарубинецких поселениях раннеримского периода, но встречаются, хотя и редко, на классических памятниках среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры, датирующихся временем около ее финала (Обломский 1987: 81—83, рис.5,*11*; 7,*7*).

Кухонные горшки типа 13 и чашевидные крышки типа 14 также характерны для классических зарубинецких поселений Среднего Поднепровья, хотя они и редки на могильниках (Самойловский 1959: табл.II,45,52). Обычно эта керамика по происхождению связывается с лесостепной скифской традицией (Максимов 1972: 127; Максимов 1982: 20). Кухонные горшки с вдавлениями по венчику встречены и на памятниках ясторфского культурного круга от Ютландии до Прикарпатья (Пачкова 1983: рис.16,*16—18*; 18,*8,10,14*; 25,*8*; Dąbrowska 1994: rys.7,j,k), но они отличаются от днепровских небольшими короткими венчиками, на которые орнамент зачастую нанесен не сбоку, а сверху. На поселении Литвиновичи, кроме зарубинецких, найдены обломки сосудов скифского периода, по формам и орнаментации близкие к зарубинецким горшкам. Тем не менее, кухонная скифская посуда имеет другую фактуру: в ее керамическом тесте содержатся примеси дресвы, а не крупного шамота. В Посеймье фрагменты груболепных горшков с вдавлениями по венчикам были обнаружены Д.Т. Березовцом на поселении Харьевка (Обломский, Терпиловский 1991: рис.19,*1—7*). Целая такая корчага, наряду с крупным обломком горшка с хроповатой поверхностью и фрагментами других сосудов, входила в состав жертвенного комплекса на поселении Чаплищи-3 (Обломський, Терпиловський 1994: рис.2).

Сосуды второй группы имеют общезарубинецкое распространение. К ним относятся типы 2а, 2б и 5а (Каспарова 1969: рис.10,*8*: 146; Максимов 1982: 16; Обломский 1985: рис.3,*1—4*). Отмечу, что чашевидные миски встречены не только на зарубинецких поселениях и могильниках, а на памятниках практически всех латенизированных культур.

Керамика третьей группы по происхождению связана с центрально-европейским культурным кругом, в основном, с ясторфским. Подробно вопрос о культурной принадлежности посуды этой группы рассмотрен в статье (Обломський, Терпиловський 1994). К ней относятся формы типов 1,5,10, а также, по всей видимости, фрагмент Х-видной ручки от кружки (рис.11,*13*), посуда с мелкими частыми расчесами, нанесенными по лощеной поверхности, фрагмент лощеного кубка (?) с рельефным орнаментом, обломок миски с прочерченными штрихами, сгруппированными в три ряда, фрагменты лощеных сосудов с подтреугольными в сечении массивными венчиками, имеющими мягкие грани, что характерно не столько для зарубинецкого и ясторфского, сколько для пшеворского гончарства (рис.12,*2,12*;16). Т.Домбровская, специально исследовавшая вопрос о взаимосвязи пшеворской и ясторфской культур, отмечала, что переплетение их черт характерно для многих территорий Центральной Европы (Dąbrowska 1988: 151—204). Типичным для мно-

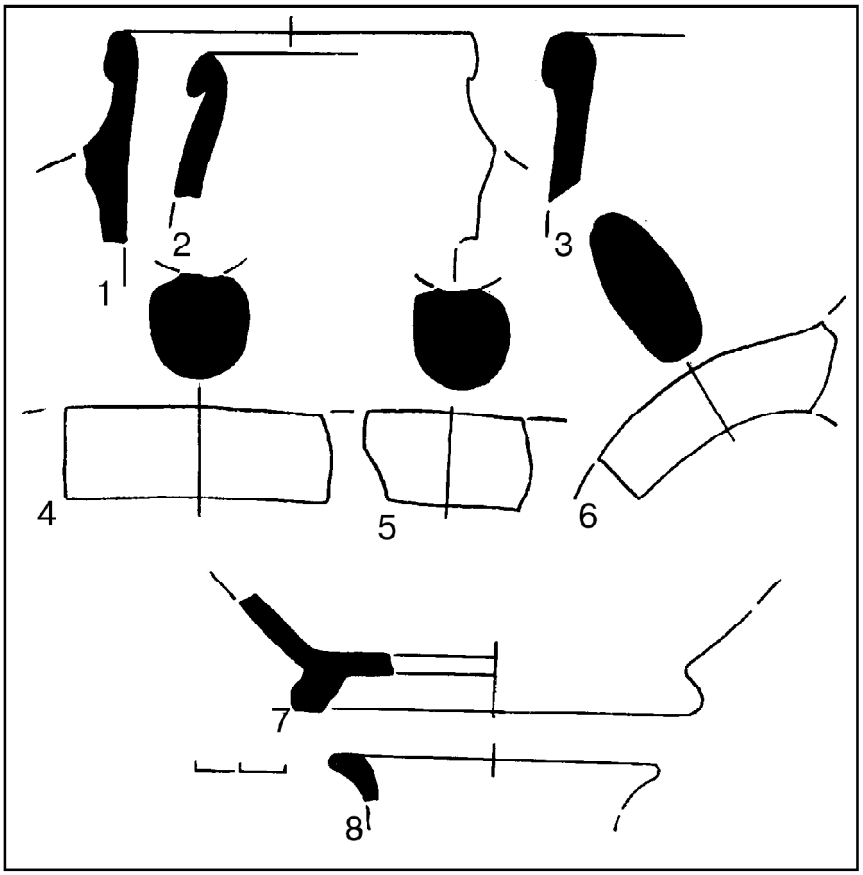

Рис. 15. Импортная гончарная керамика. 1, 2 — фрагменты синопских амфор; 3, 4 — фрагменты косских амфор; 5 — фрагмент красноглиняной амфоры с двуствольной ручкой; 6 — фрагмент ручки красноглиняной амфоры (центр производства не определим); 7, 8 — фрагменты античных краснолощеных сосудов; 1 — раскоп 2, слой; 2 — раскоп 3, ложбина 1; 3, 5, 7, 8 — раскоп 3, слой; 4, 6 — раскоп 1, слой.

гих группировок ясторфского происхождения изделием является и фрагмент ножки керамического алтарика (Dąbrowska 1988: 186—187; Еременко 1997: 103).

Хронология поселения Литвиновичи-3 устанавливается по железной фибуле позднелатенской схемы с рамчатой ножкой (рис.14,*3*) и по обломкам амфор, которых было найдено 190 фрагментов (рис.15). По определению А.В.Завойкина,[1] большинство из них относится к группе косских или круга косских. Кроме того, из Литвиновичей происходят венчик родосской амфоры, два обломка венчиков синопских и еще два фрагмента стенок того же центра изготовления, фрагмент ручки двуствольной красноглиняной амфоры.

Судя по профилированным частям, косские амфоры из Литвиновичей не были типологически ни наиболее ранними, ни самыми поздними. Наиболее вероятная дата их — вторая половина III — II, возможно, I в. до н.э. Обломок венчика родосской амфоры датируется так же — второй половиной III — I вв. до н.э. Фрагменты венчиков синопских амфор — типологически поздние и, скорее всего, относятся к III — II вв. до н.э. Самым поздним является обломок красноглиняной двуствольной ручки (I в. до н.э. — середина I в.н.э.) (Абрамов 1993). В древностях классической зарубинецкой культуры амфоры такого типа известны вплоть до ее финала (Обломский 1987: 83). О том, что поселение Литвиновичи доживает до начала третьей фазы предримского времени, а может быть, существует и в первые десятилетия I в.н.э. свидетельствуют фибула с рамчатой ножкой и обломки лощеных ребристых мисок с прямыми венчиками. По имеющимся данным памятник, таким образом, датируется широко — всем периодом существования зарубинецкой культуры.

Поселение Литвиновичи-3 по составу материалов является достаточно типичным для Среднего Посеймья. Для памятников предримского времени этого региона характерно наличие двух этнокультурных компонентов: среднеднепровского зарубинецкого и ясторфского круга. Соотношение между ними может быть различным. В Красном-4, например, центральноевропейская керамика разнообразнее, чем в Литвиновичах, а зарубинецкая представлена меньшим количеством типов. В Литвиновичах наблюдается обратная картина. Здесь присутствуют почти все основные формы как столовой, так и кухонной посуды зарубинецкого среднеднепровского комплекса, а центральноевропейских — сравнительно немного. Чем обусловлены эти различия — хронологией или составом населения конкретных общин — пока выяснить невозмож-

[1] Пользуясь случаем, приношу ему глубокую благодарность.

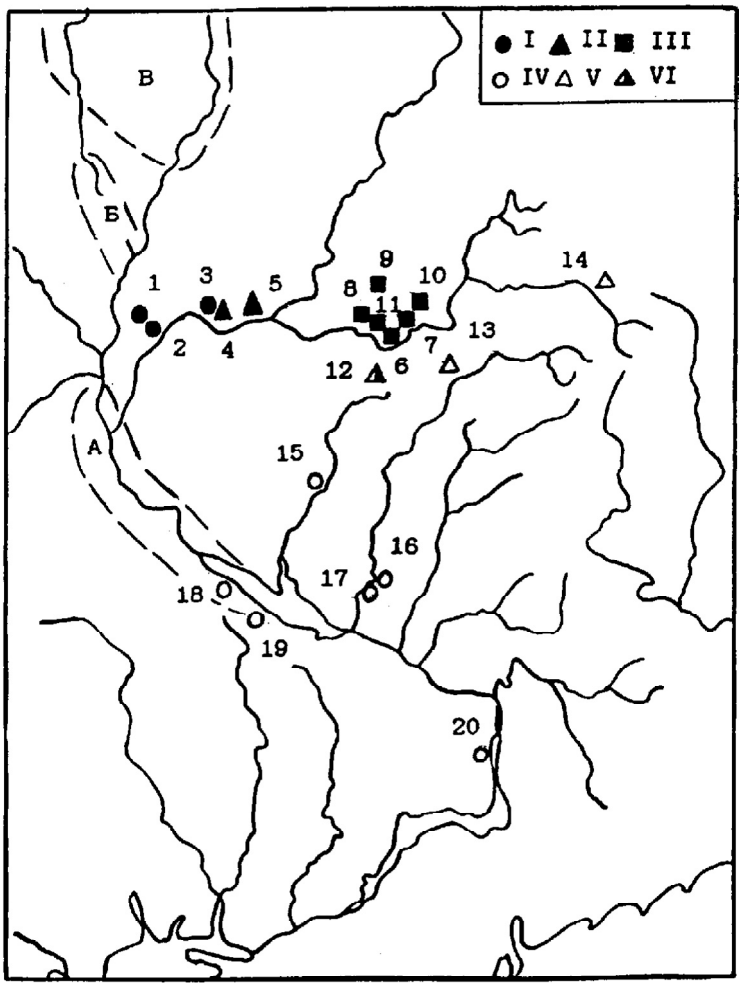

Рис. 16. Днепровское Левобережье в предримский период. А — среднеднепровский вариант зарубинецкой культуры; Б — верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры (памятники типа Чаплина); В — памятники типа Чечерск — Кистени; I — деснинские памятники верхнеднепровской традиции; II — места находок коронообразных гривен; III — памятники типа Харьевки; IV — курганы с зарубинецкими трупосожжениями; V — позднескифские городища Днепровского Левобережья; VI — городище Басовка; 1 — Титова речка; 2 — Яловщина; 3, 4 — Гребля; 5 — Лески; 6 — Пересыпки-1 и 2; 7 — Чаплищи-3; 8 — Красное-4; 9 — Литвиновичи-3; 10 — Марьяновка; 11 — Харьевка; 12 — Басовка; 13 — Битица; 14 — Ратское; 15 — Лубны; 16 — Верхняя Мануйловка; 17 — Дьяченки; 18 — Лозивок; 19 — Михайловка (Прусы); 20 — Кичкас.

но. Тем не менее, центральноевропейская по происхождению керамика с территории Посеймья по формам, орнаментации и характеру обработки поверхности совсем не выглядит архаичной, а относится к тому периоду, когда ясторфские группировки уже испытали воздействие латенизации. Наличие двух компонентов в материальной культуре памятников зарубинецкого времени Среднего Посеймья свидетельствует о сложности этнического состава населения этого региона.

В заключение необходимо отметить, что в предримский период Днепровское Левобережье не является единой в этнокультурном отношении областью. Кроме древностей среднесеймского круга, к которому относится поселение Литвиновичи-3 (т.н. памятники типа Харьевки), здесь известны и иные. В Нижнем Подесенье распространены поселения верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры (Чаплинской группы). Эталонным для них является ранний горизонт селища Деснянка (Титова речка) (Шекун, Терпиловский 1993). С территории Среднего Подесенья происходит 7 коронообразных гривен, найденных в двух пунктах (около хут. Гребля и Лиски) (Shchukin, Val'kova, Shevchenko 1993). Принадлежность этих украшений ясторфскому культурному кругу не вызывает сомнений.

Третьим типом зарубинецких древностей Левобережья являются трупосожжения в курганах. Они распространены в низовьях Псла и Сулы, но встречаются и в долине Днепра, а также на Днепровском Правобережье.

Параллельно с различными группами зарубинецких древностей в лесостепи Днепровского Левобережья существовали памятники другой культурной традиции. Ко времени около рубежа н.э. (по обломкам амфор с двуствольными ручками, воинской одночленной прогнутой фибуле и застежке круга Алезии, изделиям из египетского фаянса) относятся позднескифские напластования на двух городищах — Битицком под Сумами и Ратском под Курском (по материалам из фондов Сумского и Курского краеведческих музеев).

Хронологическое соотношение этих культурных группировок между собой пока не выяснено. Не понятно также, в какой степени позднезарубинецкое население Днепровского Левобережья связано с местными племенами классического зарубинецкого периода. Для однозначных ответов на эти вопросы материала пока недостаточно. Требуются новые полевые исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов А.П. 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. 3.

Березовець Д.Т. 1955. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. V.

Еременко В.В. 1997. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. СПб.

Ильинская В.А. 1961. Позднескифский слой Басовского городища // Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Вип.11.

Іллінська В.А. 1965. Басівське городище. // Археологія. Т. XVIII.

Каспарова К.В. 1969. Могильник и поселение у дер. Отвержичи // МИА. № 160.

Кухаренко Ю.В. 1964. Зарубинецкая культура // Свод археологических источников. Вып. Д1—20. М.

Максимов Е.В. 1969. Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье // МИА. № 160.

Максимов Е.В. 1972. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев.

Максимов Е.В. 1982. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев.

Обломский А.М. 1987. О финале среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры // СА. № 3.

Обломский А.М. Терпиловский Р.В. 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые вв. н.э. М.

Обломский А.М. Терпиловский Р.В. 1994. О связях населения Центральной Европы и Востока Днепровского Левобережья в латенское и раннеримское время // Kultura przeworska. T.I. Lublin.

Обломський А.М. Терпиловський Р.В. 1994. Посейм'я у латенський час // Археологія. Вип. 3.

Пачкова С.П. 1983. Археологические исследования многослойного поселения Горошова Тернопольской обл. // Археологические памятники Среднего Поднестровья. Киев.

Самойловский И.М. 1959. Корчеватовский могильник // МИА. № 70.

Шекун А.В. Терпиловский Р.В. 1993. Памятники I в. до н.э. — VII в.н.э. у с. Деснянка близ Чернигова. Чернигов.

Dąbrowska T. 1988. Wczesne fazy kultury przeworskiej (chronologia — zasiąg — powiązania). Warszawa.

Dąbrowska T. 1994. Wpływy jastorfskie na kulturą przeworską w młodszym okresie przedrzymskim // Kultura przeworska. T.I. Lublin.

Schukin M.B. Val'kova T.P. Shevchenko Y.Y. 1993. New finds of «Kronenhalsringe» in the Chernigov region, Ukraine and some problems of their interpretation // Acta Archaeologica. 1992. Vol.63. København.

Г.И.Смирнова, В.Ф.Мегей

МОГИЛЬНИК ТИПА ПОЯНЕШТЬ-ЛУКАШЕВКА У С. ДОЛИНЯНЫ (РАСКОПКИ 1985, 1987, 1988 гг.)

G.I. Smirnova, V.F. Megei. Dolinjany, a cemetery of the Poienesti-Lukasevka type (excavations of 1985, 1987, 1988).

The cemetery is situated close to the village Dolinjany (Chernovtsy oblast', Ukraine) and was excavated during 1977-1988. Fifty-eight burials were discovered on the cemetery. The article gives materials of the second period of research on the Dolinjany cemetery (burials 25-58).

Cremations in pits predominate on the cemetery (46 out of 58), others are in urns. Grave goods isn't very rich – 1-2 fibulae, 1-2 bracelets almost in each grave, only five burial complexes could be called rich. Besides that, clasps, pendants, various glass beads were found. There were 24 ceramic vessels, basically, black polished pottery found in the graves.

The majority of the burial complexes of Dolinjany are from the second phase of Poienesti-Lukasevka culture (La-Téne C2-D1), others are from the final phase (La-Téne D1-D2). So, the Dolinjany cemetery could be dated between 2nd half of II c. BC – late I c. BC.

Открытие могильника типа Поянешты-Лукашевка у с. Долиняны (Черновицкая область, Украина) и публикация материалов первых 24 погребений, исследованных Западноукраинской экспедицией в 1977-1978 гг. (Смирнова 1981: 193-207)[1], вызвали особый интерес в рядах специалистов (Пачкова 1984: 99-101; Babeş 1988: 132; Еременко 1990: 12).

В 1985 г., после семилетнего перерыва, у села Долиняны, на скифском поселении и открытом недалеко поянешть-лукашевском могильнике, были возобновлены раскопки. Проведение раскопок было поручено В. Ф. Мегей, руководителю археологической практики у студентов исторического факультета Каменец-Подольского Педагогического Института. В 1985 г. был осуществлен поиск южной и западной границ могильника, в результате чего на площади в 272 м^2 было открыто 5 погребений (п.25-29). В 1987-1988 гг. была увеличена площадь раскопок. За эти два года была исследована территория площадью 1300 м^2, в результате чего было открыто 29 погребений и выявлены границы могильника: северная и западная, за исключением северо-западной, в зоне раскопов VII и VIII. Также была зафиксирована восточная граница могильника в восточной части раскопа VI, где с большим трудом были прослежены остатки погребений (п.33, 34).

Таким образом, в результате раскопок было открыто 58 погребений (включая кенотафы), из которых всего 12 было в урнах. На территории в 2550 м^2, вскрытой в результате исследований, были также обнаружены обожженные кости, предметы погребального инвентаря, фрагменты посуды, которые никак нельзя связать с определенными погребениями. Тем не менее, они указывают на то, что могильник включает гораздо больше погребений, чем было вскрыто.

Необходимо также отметить, что все погребения Долинянского могильника были прослежены с глубины 0,25-0,40 м от современной поверхности, поэтому в результате сельскохозяйственных работ были повреждены края многих урн и мисок, которыми урны были накрыты, а также погребальные ямы, находившиеся не столь глубоко. Как правило, контуры ям прослеживались на участках, не затронутых плугом, либо на возвышенности.

Погребение 25 (раскоп VI), трупосожжение в урне. Было прослежено с уровня верхней части урны, на глубине 0,45 м. Яма (диаметром 0,6 м) выше не была заметна. Округлый контур ямы был с трудом выявлен ближе ко дну, которое находилось на глубине 0,57 м. В разбитом сосуде в небольшом количестве были обнаружены мелкие кальцинированные косточки, очищенные от угольков, два фрагмента железного стержня и два фрагмента оплавленного стекла, возможно, от бусины. Кроме этого, в урне была найдена небольшая мисочка, фрагменты которой были отделены от черепков урны (рис. 9/25).

В качестве урны служил высокий кувшин с прямоугольной в сечении ручкой, которая соединяла венчик с округлым плечиком. Горло у кувшина узкое, край венчика фацетированный. Ручка угловатая, в ней проделано наклонное отверстие к венчику. Сосуд деформирован (поврежден?). Высота 19,6 см, диаметр венчика 10,3 см (рис. 4/25а).

[1] В предлагаемой работе приводится инвентарь погребений 1-24 (рис. 2-3) для сравнения с публикуемым материалом.

© Г.И.Смирнова, В.Ф.Мегей, 2000.
© Английское резюме Д.А.Топал, 2000.

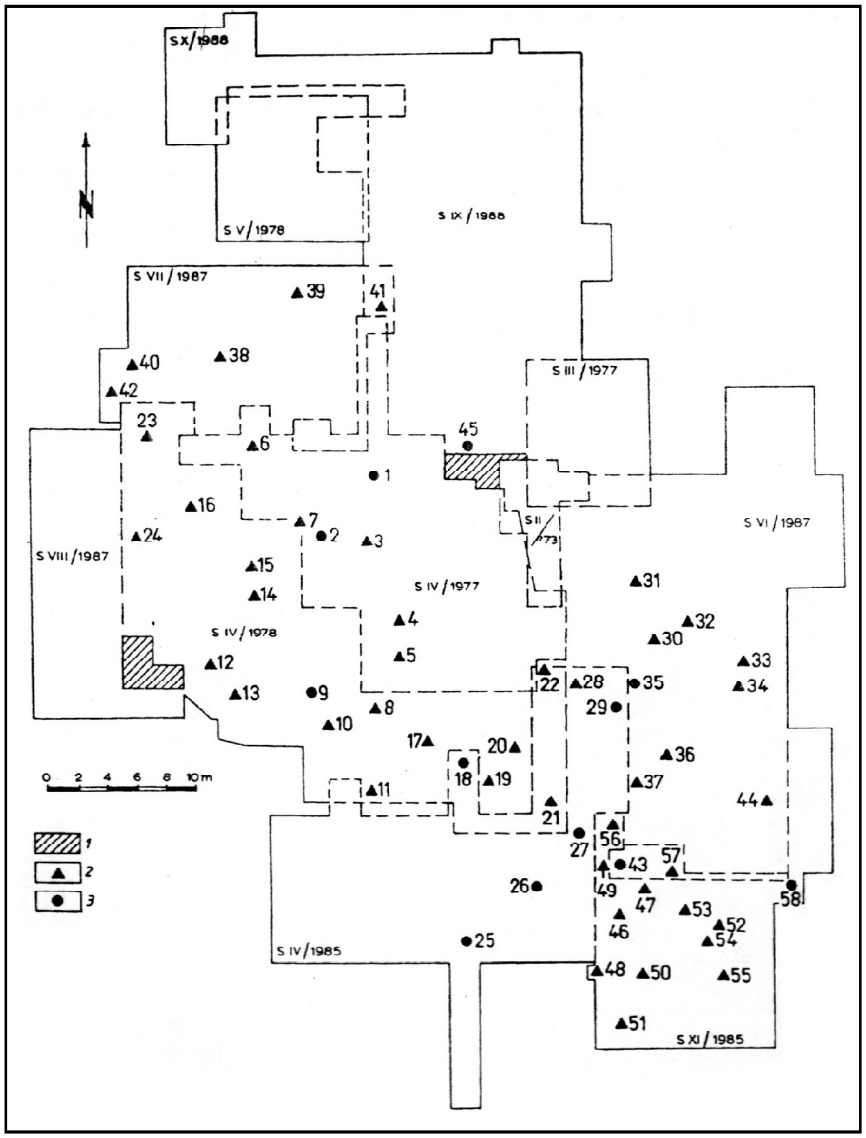

Рис. 1. Ситуационный план могильника Долиняны. 1 – неисследованная площадь; 2 – погребения в ямах; 3 – погребения в урнах.

У миски, которой, скорее всего, была накрыта урна, полусферическая форма; дно округлое, однако венчик непрофилированный. Поверхность миски черная, залощенная. Высота 3,5 см, диаметр 10,5×11 см (рис. 4/25b).

Погребение 26 (раскоп IV), трупосожжение в урне. Прослеживалось по верхней части урны, на глубине 0,51 м. Урна была покрыта миской и была положена в яму округлой формы (0,34×0,40 м). Глубина ямы составляет 12 см, выше контуры не прослеживались (рис. 9/26).

Посуда из погребения была разбита на мелкие рассыпающиеся фрагменты, поэтому невозможно восстановить форму сосудов. Внутри урны было большое количество обожженных костей, очищенных от продуктов горения. На дне урны, среди обожженных костей, было обнаружено скопление коррозированных фрагментов оплавленного железа. В процессе реставрации было выделено три железных предмета: фибула, поясной крючок и бритва (?) с двумя лезвиями (возможно, ножницы?).

В качестве урны служил чернолощеный горшок с фасетками по краю венчика.

– Чернолощеная миска с фацетированным венчиком и округлыми плечиками.

– Железная фибула, длиной 8,5 см. Принимая во внимание выгнутость дужки и расположение крепления приемника, которое находится не посередине дужки, а ближе к пружине, фибула может быть отнесена к варианту B по Костшевскому (Kostrzewski 1919: 17) (рис. 4/26c).

– Массивная деталь железного пояса в форме широкого кольца диаметром 3 см, с выступами в виде рожек с одной стороны и кнопкой-крючком с другой стороны (рис. 4/26d).

– Ножницы (?). От данного предмета сохранились два широких и коротких лезвия подтреугольной формы, соединенных пластиной. Длина одного лезвия 5,7 см, другого – 5 см (рис. 4/26e).

– Фацетированный венчик чернолощеного сосуда, обнаруженный среди фрагментов урны и миски.

– Глиняное лощило.

Погребение 27 (раскоп IV), трупосожжение в урне. Яма не прослежена. Верхняя часть урны была замечена на глубине 0,50 м, дно сосуда находилось на глубине 0,62 м. (рис. 9/27). В урне находились довольно большие фрагменты кальцинированных костей, очищенные от угольков. Среди костей был обнаружен фрагмент проволоки и, возможно, приемник железной фибулы.

– Урна. В качестве урны была использована глубокая миска с округлым туловом и фацетированным венчиком. Диаметр 20,5×22 см, высота 17,5 см. поверхность черная, лощеная (рис. 4/27a).

– Миска. В качестве крышки была использована приземистая миска с черной лощеной поверхностью, с фасетками по краю венчика. Верхняя часть венчика срезана под прямым углом. Диаметр 23,6 см, высота 8,4 см (рис. 4/27b).

Погребение 28 (раскоп IV), трупосожжение в яме. Яма овальной формы (0,63×0,72 м), с наклонными стенками, прослеживалась на глубине 0,35 м как пятно темного цвета, содержавшее кусочки угля и обожженных костей. Глубина ямы 17 см. Костей относительно немного, однако они достаточно большие. В заполнении, в основном, в верхней части ямы, на глубине 0,38-0,43 м, были обнаружены фрагменты двух фибул, ножа и двух браслетов. На дне ямы был найден фрагмент лепного серого сосуда открытого типа (рис. 9/28).

– Железная фибула, длиной 8,6 см (приемник отсутствует). Принимая во внимание выгнутость дужки и расположение крепления приемника, которое ближе к пружине, фибула может быть отнесена к варианту В по Костшевскому (Kostrzewski 1919: 17) (рис. 4/28a).

– Железная фибула позднелатенской схемы с выгнутой спинкой, нижней тетивой и рамчатым приемником. Длина 5,5 см (рис. 4/28b).

– Железный нож с горбатой спинкой и язычком для ручки, лезвие сломано. Длина сохранившейся части 15 см, наибольшая ширина лезвия 2,8 см (рис. 4/28c).

– Железный браслет, во фрагментах, кончики браслета заходят друг на друга. Изготовлен из круглой в сечении проволоки, в 1,5 оборота. Внешний диаметр 8 см (рис. 4/28d).

– Браслет такого же типа, форма реконструируется по мелким фрагментам.

Погребение 29 (раскоп IV), трупосожжение в урне. Яму невозможно было проследить. Днище урны находилось на глубине 0,47 м. Внутри нее, наряду с небольшим количеством кальцинированных костей больших размеров, были обнаружены: железное колечко, фрагмент железной пластинки и игла от фибулы. Урна была накрыта миской. В 8 см от урны находился небольшой горшочек (рис. 9/29).

– Урна – горшок стройных пропорций с отогнутым венчиком и округлым биконическим туловом, сужающимся к днищу. По краю венчика нанесен ряд ногтевых вдавлений, на плечиках сосуда – три налепа с углублением в центре. Горшок вылеплен небрежно, стенки толстые, цвет поверхности оранжево-желтый. Диаметр венчика 13,5 см, высота 16,5 см, диаметр дна 8 см (рис. 5/29a).

– В качестве крышки для урны послужила широкая усеченно-коническая миска: венчик отогнут наружу, плечики выступают вперед, дно узкое. Цвет темно-серый, поверхность заглажена. Диаметр венчика 13,2 см, высота 7,4 см (рис.5/29b).

– Горшочек с прямым венчиком, тулово немного закруглено, сужаясь ко днищу. На выступающей части тулова – четыре конических налепа. Диаметр венчика 7×7,5 см, высота 9,4 см (рис. 5/29c).

– Железное колечко из круглой в сечении проволоки. В месте, где сходятся кончики кольца, видны следы пайки. Диаметр кольца 3,1 см (5/29d).

– Железная пластинка, овальная, вытянутая с неровными краями (1,7×4,6 см). Края обломаны.

Во многих частях раскопа IV были обнаружены отдельные фрагменты керамики, характерные для данного памятника и фибула типа В по Костшевскому (рис. 8/4).

Погребение 30 (раскоп VI), разрушено, поэтому невозможно было проследить границы ямы. Было выявлено на глубине 0,47 м благодаря фрагментам фибулы и ножа, обнаруженным вместе с фрагментами кальцинированных костей.

– Железная фибула, у которой отсутствуют игла и приемник. Длина сохранившейся части 5,5 см. принимая во внимание изогнутость спинки и крепление ножки ближе к пружине, фибулу можно отнести к типу В по Костшевскому (рис. 5/30a).

– Фрагмент железного ножа длиной 4,2 см. Кончик лезвия закруглен (рис. 5/31b).

Погребение 31 (раскоп VI), разрушено. В слое, на глубине 0,45 м были обнаружены две деформированные железные фибулы, игла и фрагмент сильно деформированного браслета. Поблизости, на глубине второго штыка, в слое были обнаружены отдельные кальцинированные кости.

– Железная фибула длиной 9 см с высокой тетивой и пружиной в 4 оборота. Принимая во внимание расположение крепления ножки ближе к пружине, фибулу можно отнести к типу В по Костшевскому (рис. 5/31a).

– Железная фибула длиной 6,5 см с верхней (внешней) тетивой и пружиной в 4 оборота. Ножка крепится к головке фибулы, что позволяет ее отнести к типу В по Костшевскому (рис. 5/31b).

– Бронзовый браслет с обломанными концами (рис. 5/31c). Относится к типу браслетов, полых в средней части. Браслет был изготовлен из полуовальной в сечении проволоки, которая

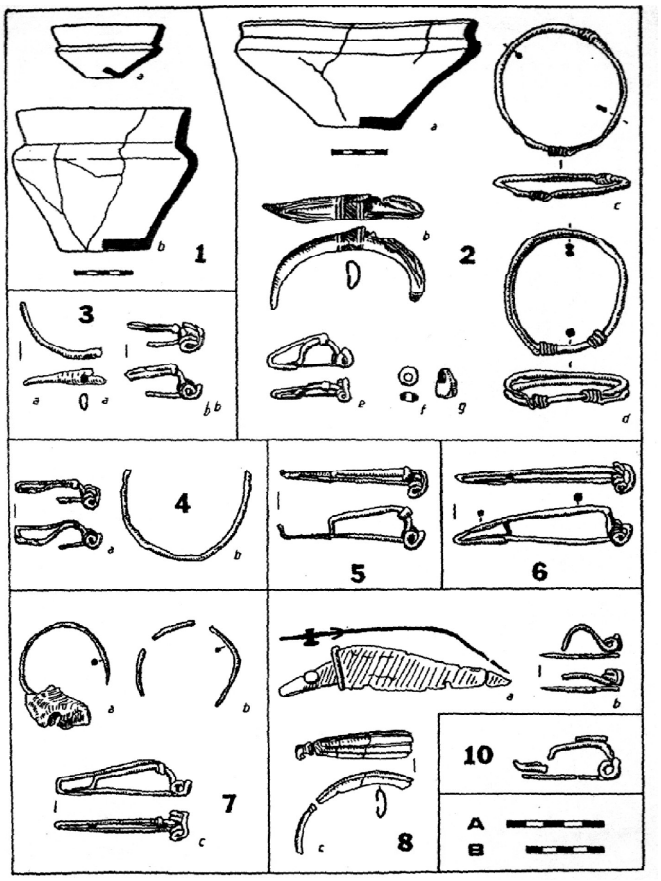

Рис. 2. Инвентарь п.1-8, 10. 1, 2a – керамика; 2f, 7a – стекло; 2b, 8c – бронза; остальное – железо.

в результате ковки в средней части приобрела цилиндрическую форму.

Железная спиралевидная игла с немного раздвоенной головкой. Длина 6,6 см (рис. 5/31d).

Погребение 32 (раскоп VI) было разрушено более поздним христианским погребением. Вокруг не было замечено кальцинированных костей. К данному погребению относится пряслице, обнаруженное в слое на глубине 0,50 м вместе со «скифским» материалом, и миниатюрная чаша, происходящая из заполнения более позднего погребения.

– Небольшая чернолощеная чашечка конической формы на кольцевом поддоне. Диаметр венчика 4,5 см, высота 2,1 см (рис. 5/32a).

– Плоское пряслице округлой формы. Изготовлено из керамического фрагмента красного цвета (от амфоры?) с блестящими частицами в тесте (рис. 5/32b).

Погребение 33 (раскоп VI), трупосожжение в яме, верхняя часть разрушена (рис. 10/33). Яма (0,35×0,40 м) была прослежена на глубине 0,45 м, дно находилось на 15 см ниже. В заполнении была найдена кальцинированная косточка. Выше, в связанном с заполнением слое, при снятии второго штыка были обнаружены рассеянные кальцинированные кости, фрагмент расплавленного предмета из стекла, а также фрагмент бронзового браслета, круглого в сечении (толщина 0,5 см).

Погребение 34 (раскоп VI), трупосожжение в яме, верхняя часть разрушена (рис. 10/34). Яма (0,35×0,50 м) была прослежена на глубине 0,40 м, дно – на 15 см ниже. В заполнении были найдены 3 кальцинированные косточки. Выше, в слое, на глубине первых двух штыков были обнаружены рассеянные кальцинированные кости и железная игла.

– Железная игла с уплощенной и загнутой головкой, в сечении круглая (рис. 5/34). Длина иглы 7,5 см.

Погребение 35 (раскоп VI), трупосожжение в урне. Контуры ямы не прослеживались. Дно урны находилось на глубине 0,45 м; горло, от которого сохранился всего один фрагмент, давший возможность реконструировать сосуд, тогда должно было бы находиться на глубине 0,25-0,26 м (рис. 10/35). Кальцинированные кости были сконцентрированы на дне урны. Среди костей взрослого и ребенка (кости предварительно были очищены от угольков) были обнаружены фрагменты железной фибулы, 3 стеклянные бусины, расплавленные и полностью деформированные, фрагментированное пряслице и органический объект, возможно, орех.

– Урна – лепной кувшин с сломанной ручкой, поверхность черная, лощеная, профиль четко делит сосуд на три части. Высота 19 см, диаметр венчика 11,2 см (рис. 5/35a).

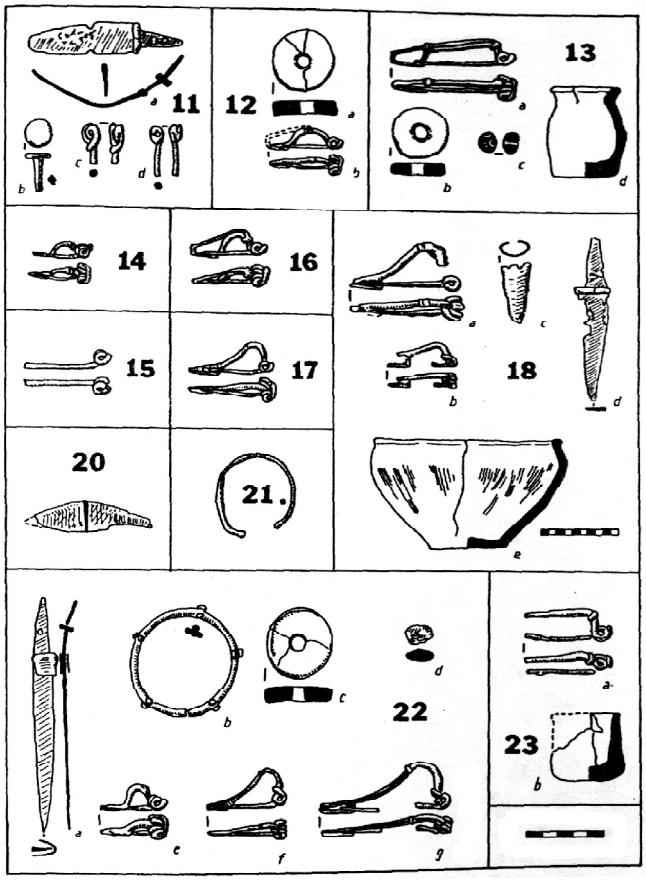

Рис. 3. Инвентарь п.11-18 и 20-23. 12a, 13b,d, 18e, 22c – керамика; 13c – стекло; 13a, 22b,d,g – бронза; остальное – железо.

– Железная фибула, представленная тремя фрагментами. Дужка выгнута, тетива верхняя. Относится к типу H по Костшевскому (рис. 5/35b).

– Плоское пряслице, изготовленное из фрагмента светло-серого сосуда. Оббито по краям (рис. 5/35c).

– Фрагменты трех стеклянных расплавленных бусин синего цвета (рис. 5/35d).

Погребение 36 (раскоп VI), трупосожжение в яме (рис. 10/36). Остатки кремации были помещены в яму размерами 0,50×0,58 м, обнаруженную на глубине 0,45 м, дно которой находилось на глубине 0,50 м. В заполнении кости представлены большими, но немногочисленными фрагментами. Большое количество кальцинированных костей было обнаружено над ямой и вокруг нее, в слое, на глубине 0,31-0,45 м. В верхней части ямы найден железный наконечник ножен меча.

– Наконечник ножен треугольной формы с уплощенным шариком на конце. В верхней части нанесен орнамент из двух параллельных линий. На другой стороне заметна линия соединения краев железной пластины, раздвоенной для принятия формы наконечника. Длина 10,2 см, максимальная ширина 3 см (рис. 5/36).

Погребение 37 (раскоп VI), трупосожжение в яме. Контуры ямы не прослеживались. Размеры ямы могут быть определены в границах пятна с кальцинированными костями на глубине 0,30 м. Размеры скопления 0,32×0,50 м, толщина слоя с костями 15-20 см. Кости небольшие, однако многочисленные. Инвентарь отсутствует.

Погребение 38 (раскоп VII), трупосожжение в яме (рис. 10/38). Яма с наклонными краями (0,54×0,60 м), глубиной 12 см, обнаружена на глубине 0,35 см на уровне древней дневной поверхности. В заполнении были многочисленные кальцинированные кости, среди которых около 20 – значительных размеров. Единственным целым предметом, из обнаруженных в яме, было бронзовое колечко, замкнутое, изготовленное из массивной проволоки, круглой в сечении, диаметр колечка 3 см (рис. 6/38). Оно находилось на дне ямы. Фрагменты других предметов, сломанных или пострадавших от огня обнаружены на разной глубине. Среди них 4 фрагмента бронзового браслета, стеклянные бусины, расплавленные и деформированные (3 фрагмента), два небольших бронзовых шарика и один из зеленого стекла (диаметр около 3-4 мм).

Погребение 39 (раскоп VII), трупосожжение в яме. Было прослежено на глубине 0,44 м, яма размерами 0,51×0,55 м сокращается ко дну (0,37×0,40 м) на глубине 0,68 м. В заполнении темного цвета были обнаружены кальцинированные кости (свыше 50), отдельные угольки и

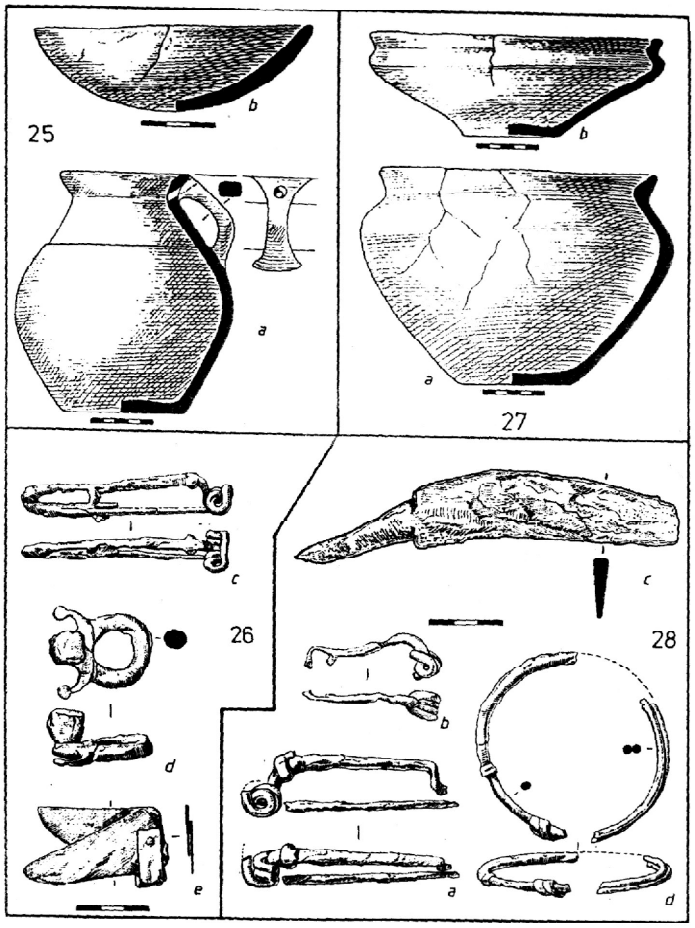

Рис. 4. Инвентарь п.25-28. 25, 27 – керамика; 26, 28 – железо.

отдельные фрагменты браслета и фибулы. Браслет и фибула, сильно поврежденные, находились на дне ямы (рис. 10/39).

– Железная фибула позднелатенской схемы, реконструированная по отдельным разрушенным фрагментам. Длина около 10 см (рис. 6/39a).

– Железный браслет, изготовленный из проволоки, свернутой в 1,5 оборота с заходящими концами. Диаметр 6,6 см (рис. 6/39b).

Погребение 40 (раскоп VII), трупосожжение в яме. Пятно ямы (диаметром 0,6 м) было замечено на глубине 0,35 м, глубина ямы 10 см. В заполнении темного цвета, кроме многочисленных кальцинированных костей небольшого размера и включений угольков, были найдены стеклянные и бронзовые бусины, пострадавшие от огня, фрагменты двух поломанных браслетов различных размеров, две антропоморфные подвески из фаянса и отдельные фрагменты предмета, изготовленного из узкой бронзовой пластины. Наибольший фрагмент данной пластины был найден в северо-восточной части ямы вместе с поясным крючком, ножом и шилом, изготовленными из железа. На дне ямы были обнаружены фрагменты стенок толстостенного сосуда желто-красного цвета, схожего по тесту и обжигу с керамикой из погребений 29 и 43 (рис. 10/40).

– Железный поясной крючок, один край отломан, другой оформлен в виде крючка. Внутренняя часть пластины прямоугольной формы – гладкая, наружная – с «бордюром», благодаря загнутым краям пластины. Длина 12,7 см, максимальная ширина 3,8 см (рис. 6/40a).

– Железный нож со сломанным кончиком. Спинка выгнута, лезвие постепенно переходит в широкий язычок для ручки. Длина сохранившейся части 8,5 см (рис. 6/40b).

– Железное шило, четырехгранное в сечении в одной части и круглое в другой. Рукоять сломана. Длина 7 см.

– Фрагменты узкой бронзовой пластины (20), сильно пострадавшей в огне, представляющие собой, возможно, обивку железного поясного крючка (a).

– Две фаянсовые подвески в форме человеческих фигурок. У одной из них не сохранилась голова. Фрагментированная подвеска отличается также более утонченной техникой исполнения, живот у фигурки подчеркнут, имеется хвост. Ушко для подвешивания находилось прямо на горле фигурок (рис. 6/40e).

– Фрагменты двух одинаковых бронзовых браслетов (28) с глубоким орнаментом в виде полукругов, поверхность заполнена прямыми и наклонными линиями. Полукруги разделены поперечными линиями. Браслеты изготовлены из

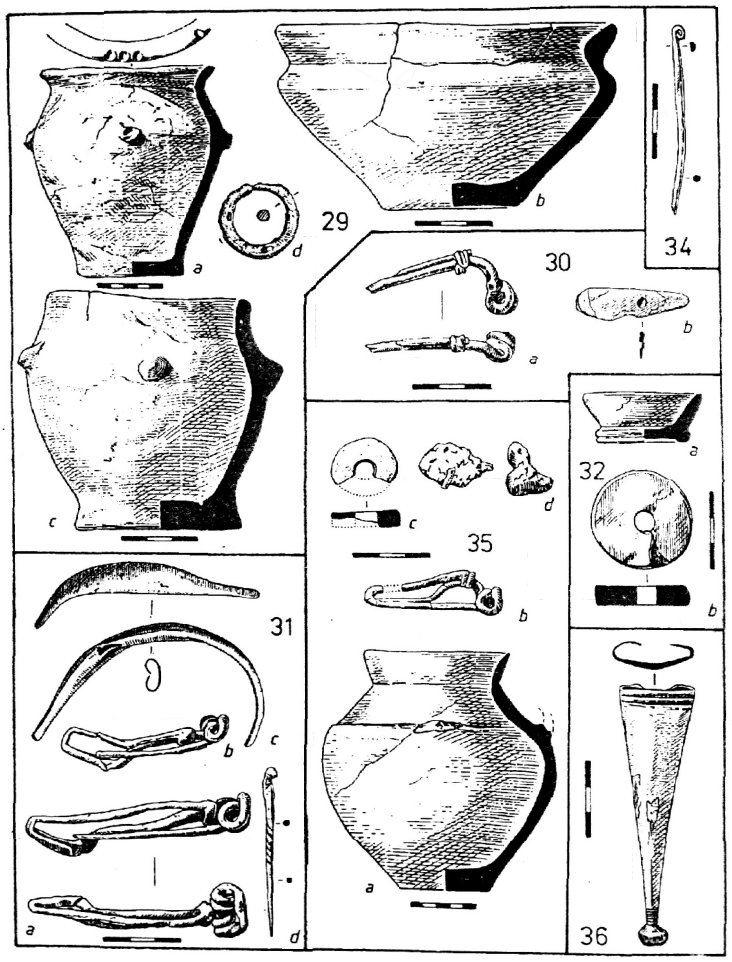

Рис. 5. Инвентарь п.29-32 и 34-36. 29a,b,c, 32, 35a,c – керамика; 31c – бронза; 35d – стекло; остальное – железо.

круглого в сечении бронзового дрота, сплющенного в середине. Сплющенная часть была согнута в форме цилиндра, для того, чтобы в средней части украшения были пустоты, а концы оставались массивными (рис. 6/40f).

– Бронзовые скобы (14) в форме небольших полукруглых колечек. Были изготовлены из узкой пластины (рис. 6/40g).

– Стеклянные бусы различной формы и цвета, частью расплавленные, представляющие собой, возможно, один набор (рис. 6/40h). Было обнаружено 10 целых бусин и 7 во фрагментах: 1) разрушенная бусина из стеклянной пасты бирюзового цвета; 2) две бусины биконической удлиненной формы, белого цвета, матовые, из обожженного корналина; 3) расплавленная бусина из стеклянной пасты белого цвета; 4) бусины стеклянные матовые, темно-синего оттенка, близкого к черному, орнаментированные полосками белой дымчатой пасты. Все три деформированы, одна из них удлиненной, две других округлой формы; 5) прозрачная бусина бесцветного стекла; 6) круглые глазчатые бусины синего цвета («глазки» бело-желтого цвета) (4) и одна разрушенная, зеленого цвета; 7) круглая бусина синего цвета, блестящая, орнаментированная зигзагами из белой стеклянной пасты; 8) бусина синего стекла, блестящая, расплавленная; 9) бусина из стеклянной пасты красноватых оттенков; 10) бусина из стеклянной пасты светло-зеленого цвета с «глазком» голубоватого цвета из синего стекла.

– Бронзовые шарики (10 шт.), расплавленные бусины (?) и фрагменты золотой пластины размерами 2×3 мм (рис. 6/40i).

– Фрагменты железного предмета, возможно, фибулы.

– Фрагменты железной пластинки прямоугольной формы; у одного из них следы от заклепки, у другого края немного раздвоены. Скорее всего, они остались от предмета, описанного выше (a).

– Фрагменты стенки лепного сосуда желтокрасного цвета.

Погребение 41 (раскоп VII), трупосожжение в яме. Вероятно, из восточной части ямы происходит фибула, обнаруженная в слое, в кв. V/2. После расширения раскопа на запад, была полностью оконтурена яма размерами 0,62×0,64 м и глубиной 12 см с уровня обнаружения. В заполнении, кроме кальцинированных костей, были найдены фрагмент стенки толстостенного сосуда и миниатюрный сосудик (рис. 10/41).

– Железная фибула без иглы (длина 8,7 см). По форме дужки, месту крепления ножки, верхней тетиве фибула относится к типу B по Кост-

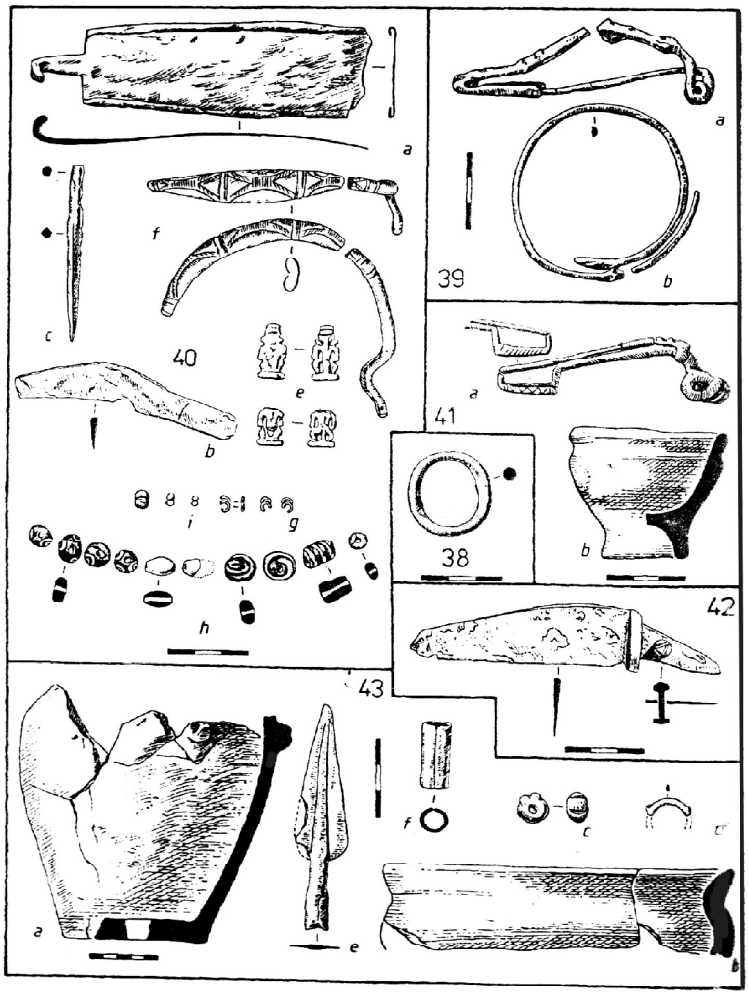

Рис. 6. Инвентарь п.38-43. 41b, 43a,b – керамика; 38, 40f,g, 43d – бронза; 40e – фаянс; 40h, 43c – стекло; остальное – железо.

шевскому. Приемник орнаментирован небольшими насечками, которые имеются также и на самом начале ножки (рис. 6/41a).

– Небольшая сероглиняная чашка на полой конической ножке. Переход от венчика к тулову обозначен хорошо выраженной нервюрой. Высота 5 см, диаметр венчика 5,9 см (рис. 6/41b).

– Фрагмент лепного сероглиняного сосуда.

Погребение 42 (раскоп VII), трупосожжение в яме. Границы ямы не удалось проследить. На глубине 0,28 м найден нож и несколько кальцинированных костей. Очевидно, погребение было нарушено.

– Железный нож с относительно широким лезвием и выгнутой спинкой (длина 11,9 см). Язычок для крепления пластинок рукояти отделен от лезвия узкой перегородкой и скреплен заклепкой. На круглой головке заклепки имеется углубленный орнамент в виде треугольника.

Погребение 43 (раскоп VI), трупосожжение в урне. Контуры ямы не удалось проследить. На глубине 0,43 м было обнаружено скопление мелких кальцинированных костей (0,46×0,60 м) вместе с обломками двух сосудов, расплавленными бусинами (2), фрагментом колечка и фрагментом разрушенного железного предмета. В этом же квадрате (на глубине 0,28 м) были найдены наконечник копья и цилиндрическая втулка, которые, мы считаем, являются частью погребального инвентаря.

– Нижняя часть толстостенного сосуда желто-серого цвета с небольшими выступами на тулове. Верхняя часть сосуда, который служил в качестве урны, не сохранилась. В центре днища было проделано отверстие (рис. 6/43a).

– Верхняя часть лепной миски светло-серого цвета с тонкими стенками и немного отогнутым краем, хорошо выраженным профилем (рис. 6/43b). Возможно, миска служила крышкой для урны.

– Округлые уплощенные бусины, пострадавшие от огня – 2 экз. (рис. 6/43c).

– Обломок узкого бронзового колечка с шишечками (рис. 6/43d).

– Железный наконечник копья листовидной формы (рис. 6/43e).

– Железная цилиндрическая втулка со швом (рис. 6/43f).

Погребение 44 (раскоп VI), трупосожжение в яме. Яма не была прослежена, предметы из заполнения были перемещены в результате вспашки. В этом же квадрате, в первом штыке

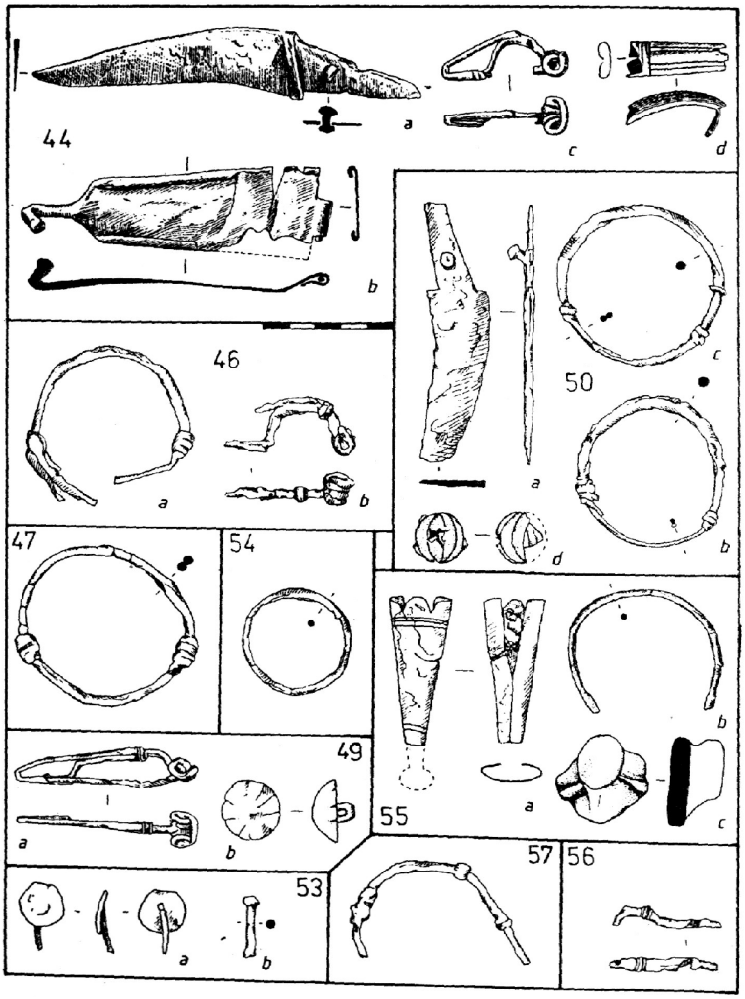

Рис. 7. Инвентарь п.44, 46, 47, 49, 50, 53-57. 44d – бронза; 50d – стекло; остальное – железо.

(на глубине 0,20-0,30 м) были найдены обломки небольших костей, нож, поясной крючок, фибула и браслет.

– Железный нож (длина 14,5 см) с горбатой спинкой и язычком для крепления ручки, отделенным от лезвия узкой перегородкой. На месте крепления ручки сохранилась заклепка с уплощенными концами (7/44a).

– Железный поясной крючок трапециевидной формы. Внутренняя поверхность пластины гладкая, у внешней – «бордюр», полученный в результате загнутых краев. С одной стороны пластины сохранился крючок, другая загнута вовнутрь, в ней обнаружены остатки оси. Длина 11,8 см, наибольшая ширина 4,7 см (рис. 7/44b).

– Железная фибула (длина 4,8 см) с насечками на приемнике. Принимая во внимание изогнутость дужки полукругом, прямоугольную форму приемника и наличие верхней тетивы, возможно отнести данную фибулу (рис. 7/44c) к типу H по Костшевскому (Kostrzewski 1919: 22-23, рис. 8).

– Фрагмент орнаментированного бронзового браслета, пострадавшего в огне (рис. 7/44d). Возможно, к данному браслету относятся также два фрагмента бронзового браслета с похожим орнаментом, которые происходят из распаханного слоя.

Кроме этого, в южной части раскопа VI, где были обнаружены погребения 43 и 44, были открыты еще два объекта, которые не могут быть отнесены с уверенностью к одному из этих погребений. Речь идет о бронзовом колечке с четырьмя группами из трех шишечек по периметру, между которыми находились четыре поменьше (рис. 8/2), и разрушенном предмете (возможно, браслете), изготовленном из бронзовой проволоки (рис. 8/3).

В разных частях раскопов VI и VII также находились разбросанные кальцинированные кости и предметы, которые нельзя с уверенностью связать с перечисленными погребениями. Среди них небольшой обломок железной фибулы с изогнутой спинкой, пружиной в 4 оборота и высокой тетивой (рис. 8/8), колечко с заходящими концами, найденное на поверхности (рис. 8/1). В слое «скифского» поселения также были собраны фрагменты венчиков от разных сосудов культуры Поянешты-Лукашевка (рис. 8/12-16).

Погребение 45 (раскоп IX), трупосожжение в урне, разрушено. Яма круглой формы, прослежена на глубине 0,25 м, диаметр 0,50 м, глуби-

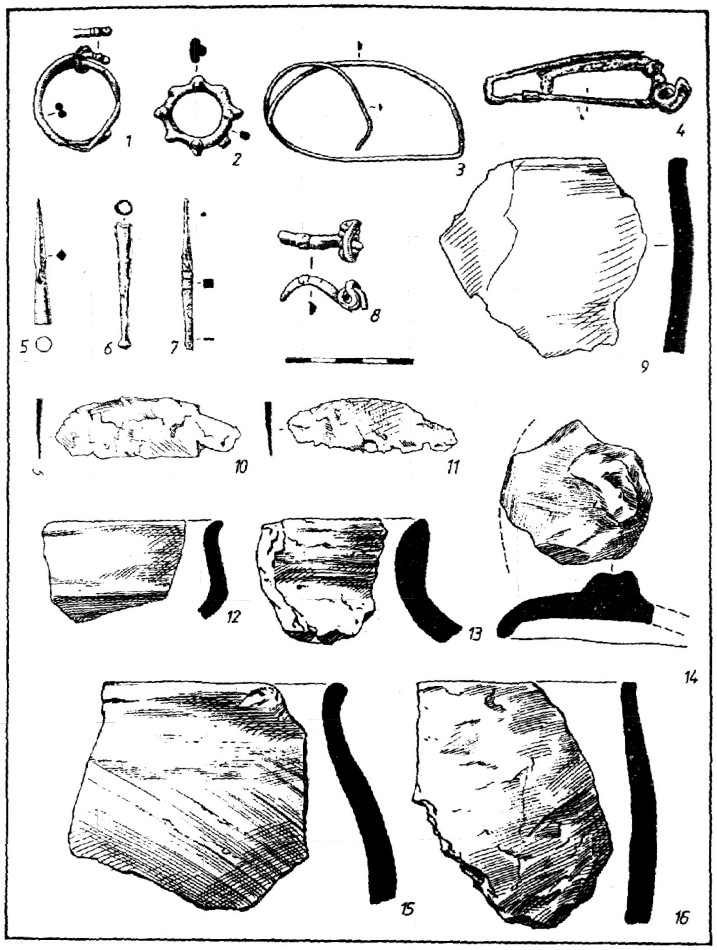

Рис. 8. Предметы, обнаруженные вне погребений. 2,3,5 – бронза; 1-4,6-8,10,11 – железо; остальное – керамика.

на ямы 6 см. Верхняя часть ямы и устье урны были разрушены вспашкой. В яме обнаружено скопление керамических фрагментов чернолощеного сосуда и значительное количество кальцинированных костей относительно больших размеров. В заполнении урны, среди костей, никаких вещей не обнаружено (рис. 11/45).

Погребение 46 (раскоп XI), трупосожжение. В яме (0,27×0,30 м), которая прослеживалась на глубине 0,45 м, уходящей на 6 см в глубину, были обнаружены железные браслет и фибула. Костей в яме не обнаружено. Выше, вокруг ямы, находились отдельные кальцинированные кости (рис. 11/46).

– Железный проволочный браслет в 1,5 оборота с заходящими концами. Диаметр 5,9 см. Часть браслета отсутствует (рис. 7/46a).

– Железная фибула с высоко поднятой и сильно выгнутой спинкой, пружиной в 4 оборота и нижней тетивой. Длина 5,1 см. Относится к варианту G/H по Костшевскому (Kostrzewski 1919: 21-22, рис. 7-8) (рис. 7/46b).

Погребение 47 (раскоп XI), трупосожжение в яме круглой формы (диаметр 0,40 м) с наклонными стенками (диаметр дна 0,25 м, глубина 18 см) (рис. 11/47). В заполнении ямы костей обнаружено не было. Инвентарь представлен двумя железными проволочными браслетами.

– Браслет, изготовленный из железной проволоки, согнутой в 1,5 оборота, с обмотанными концами. Браслет немного деформирован; его диаметр 5,9×6,4 см (рис. 7/47).

– Железный браслет такого же типа, фрагментирован.

Погребение 48 (раскоп XI), трупосожжение в яме. Диаметр ямы приблизительно 0,50 м, глубина 0,35 м, ко дну яма сужается (0,35×0,39 м). Кроме кальцинированных костей (15 фрагментов), ничего не было обнаружено.

Погребение 49 (раскоп XI), трупосожжение в яме (рис. 11/49). Яма диаметром 0,30 м, глубиной 8 см, с наклонными краями. В заполнении ямы, темного цвета, кальцинированные кости отсутствовали. Индивидуальные находки (железная пуговица и фибула) были найдены в 4 см от дна ямы.

– Железная фибула с пружиной в 4 оборота и верхней тетивой (длина 6,6 см). По форме, месту крепления ножки и другим признакам фибула относится к типу B по Костшевскому (рис. 7/49a).

– Железная пуговица полусферической формы (диаметром 2,2 см), украшенная радиальными углублениями (рис. 7/49b).

Погребение 50 (раскоп XI), трупосожжение в яме (рис. 11/50). Яма округлой формы с на-

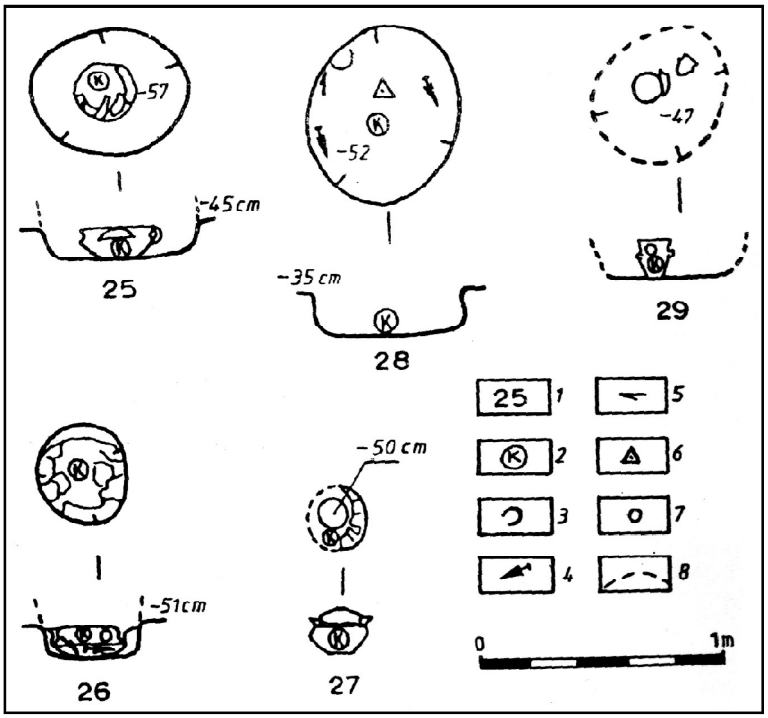

Рис. 9. Планы и разрезы погребений 25-29. 1 – № погребения; 2 – кальцинированные кости; 3 – браслет; 4 – фибула; 5 – нож; 6 – керамика; 7 – кольцо; 8 – предполагаемый контур погребения.

клонными стенками диаметром 0,37 м и глубиной 0,46 м (диаметр дна 0,30 м). Костей обнаружено не было. Инвентарь состоял из двух железных браслетов и ножа. Над ямой и в заполнении найдены фрагменты бусины белого цвета. Несколько обломков этой бусины были обнаружены в соседнем квадрате.

– Железный нож с горбатой спинкой и узкой ручкой с заклепкой для крепления пластин. Длина 10 см (рис. 7/50a).

– Железный проволочный браслет в 1,5 оборота, круглый в сечении, с утолщениями. Диаметр около 6 см (рис. 7/50b). Один из концов не сохранился.

– Браслет, подобный описанному выше. Диаметр около 6 см (рис. 7/50c).

– Сферическая бусина белого стекла с параллельными углублениями. Диаметр 1,9 см (рис. 7/50d). Сохранилась наполовину. За пределами ямы были обнаружены обломки расплавленного стекла белого цвета от этой же бусины, либо аналогичной ей. Поверхность фрагментов также украшена углублениями.

Погребение 51 (раскоп XI), трупосожжение в яме. В яме диаметром 0,52 см и глубиной 12 см было обнаружено множество угольков, пепел, 15 обломков кальцинированных костей и множество мелких фрагментов. Кроме этого, был найден фрагмент разрушенного стекла, возможно, бусины, пострадавшей в огне.

Погребение 52 (раскоп XI), трупосожжение в яме. Яма овальной формы (0,35×0,40 м), ориентированная в направлении В-З, с наклонными стенками. Яма углублена на 9-10 см, с уровня 0,45 м. В заполнении было обнаружено около 20 мелких кальцинированных костей, среди которых 3 зуба. Безынвентарное.

Погребение 53 (раскоп XI), трупосожжение в яме. Яма овальной формы (0,46×0,56 м), ориентированная в направлении В-З, глубина ямы 8 см (рис. 11/53). В слое, вокруг ямы (кроме тех, что в заполнении) были найдены большие кальцинированные кости и угли, и железные предметы со шляпкой побольше и поменьше (рис. 7/53). Предмет с большей шляпкой (диаметр 1,9 см) мог служить в качестве гвоздика. Также был обнаружен фрагмент бронзового расплавленного изделия с загнутым краем.

Погребение 54 (раскоп XI), трупосожжение в яме (рис. 11/54). Яма круглой формы (диаметр 0,36 м) с немного наклонными стенками (диаметр дна 0,25 м, глубина 0,14 м). Материал в нижней части отсутствовал. В верхней части, недалеко от краев, были найдены два железных кольца; возле ямы, в слое, были обнаружены отдельные кальцинированные кости и расплавленная стеклянная бусина.

– Железное кольцо из круглой в сечении проволоки, диаметром 4,1 см (рис. 7/54).

– Обломки кольца, возможно, того же типа.

Погребение 55 (раскоп XI). Яма не была прослежена. Было обнаружено скопление угольков и кальцинированных костей размерами 0,60×1,30 м и толщиной 5-7 см. В скоплении были найдены железный браслет, железный наконечник ножен, неопределенные фрагменты железных предметов (возможно, фибулы) и два фрагмента от разных сосудов. Данное скопление материала условно принято за погребение 55.

– Наконечник ножен конической формы с несохранившимся сферическим навершием. Верх-

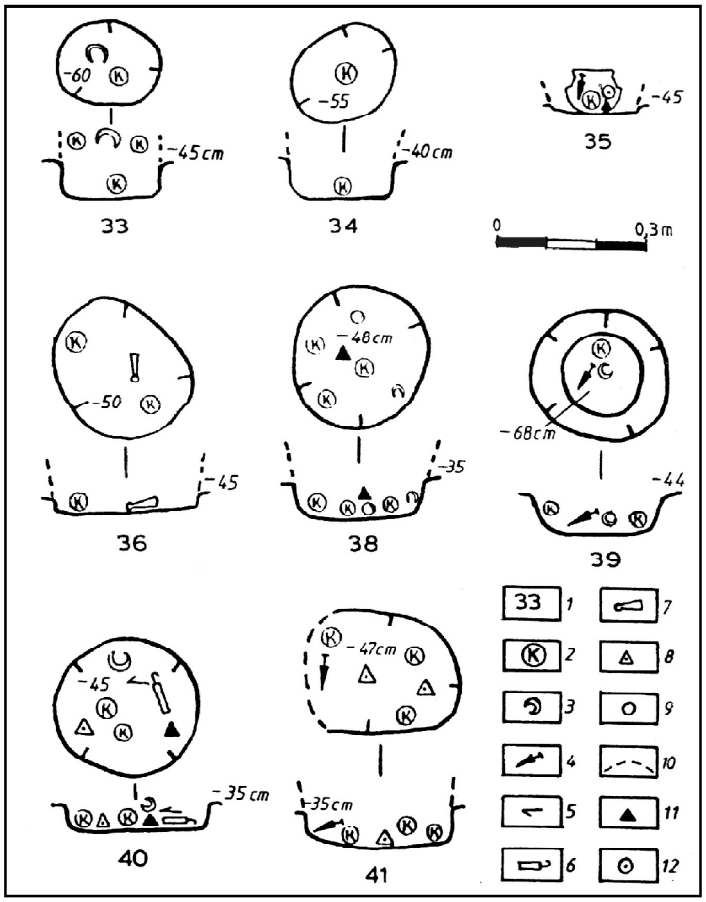

Рис. 10. Планы и разрезы погребений 33-36 и 38-41. 1 – № погребения; 2 – кальцинированные кости; 3 – браслет; 4 – фибула; 5 – нож; 6 – поясной крючок; 7 – наконечник ножен; 8 – керамика; 9 – кольцо; 10 – предполагаемый контур погребения; 11 – бусины; 12 – пряслице.

ний край орнаментирован. На обеих сторонах наконечника нанесены углубленные горизонтальные линии. Длина сохранившейся части 5,5 см (рис. 7/55a).

– Железный браслет, изготовленный из круглой в сечении проволоки. Концы браслета отсутствуют. Диаметр 6,3 см (рис. 7/55b).

– Фрагмент лепного горшка красного цвета с цилиндрическим выступом, с которого берут начало два ровных валика (рис. 7/55c).

– Фрагмент сосуда серо-желтого цвета, по тесту и фактуре сходный с сосудами из погребений 40 и 41.

Погребение 56 (раскоп XI) представлено компактным скоплением костей площадью 0,40×0,55 м. Яма не была прослежена. Среди костей (обломки черепа, трубчатые кости и множество неопределенных остатков) никаких вещей обнаружено не было. Возможно, фрагмент железной фибулы с выступом на дужке, обнаруженный в слое поблизости, происходит из этого погребения (рис. 7/56). Фибула, к которой он относится, позднелатенской схемы – типа M-N(?) по Костшевскому (Kostrzewski 1919: 37-38, рис. 23-24).

Погребение 57 (раскоп XI), трупосожжение в яме. На глубине 0,45 м от уровня современной поверхности была прослежена яма круглой формы (диаметр 0,40 м) с наклонными стенками (диаметр дна 0,32 м, глубина ямы 5 см). В заполнении черного цвета (из-за пепла и угольков), в сочетании с большим количеством мелких кальцинированных костей, был найден железный браслет (рис. 11/57). В слое, в этом же квадрате был железный предмет, пострадавший в огне.

– Железный проволочный браслет, разрушенный, от которого сохранилась лишь половина. На краях видны остатки намотанной проволоки. Браслет, вероятно, был в 1,5 оборота (рис. 7/57).

Погребение 57 (раскоп XI), трупосожжение в урне (рис. 11/58). Контуры ямы размерами 0,45×0,48 м были обнаружены на глубине 0,35 м от уровня современной поверхности. Ко дну яма сужается (диаметр дна 0,38 м; глубина 0,14 м). В заполнении были найдены около 40 обломков кальцинированных костей, 10 кусочков угля и 7 фрагментов тонкостенного сосуда серого цвета, изготовленного, возможно, на гончарном круге. Фрагменты этого сосуда находились и выше, над ямой, вместе с венчиком лепной чашки.

Кроме описанных выше комплексов, в слое раскопа XI были найдены отдельные предметы, которые нельзя с уверенностью отнести к тому или иному погребению. В кв. B/6 и G/6 были найдены два маленьких железных ножика с изогнутой спинкой и короткой ручкой (рис. 8/10-11), кусочки расплавленного стекла и несколько

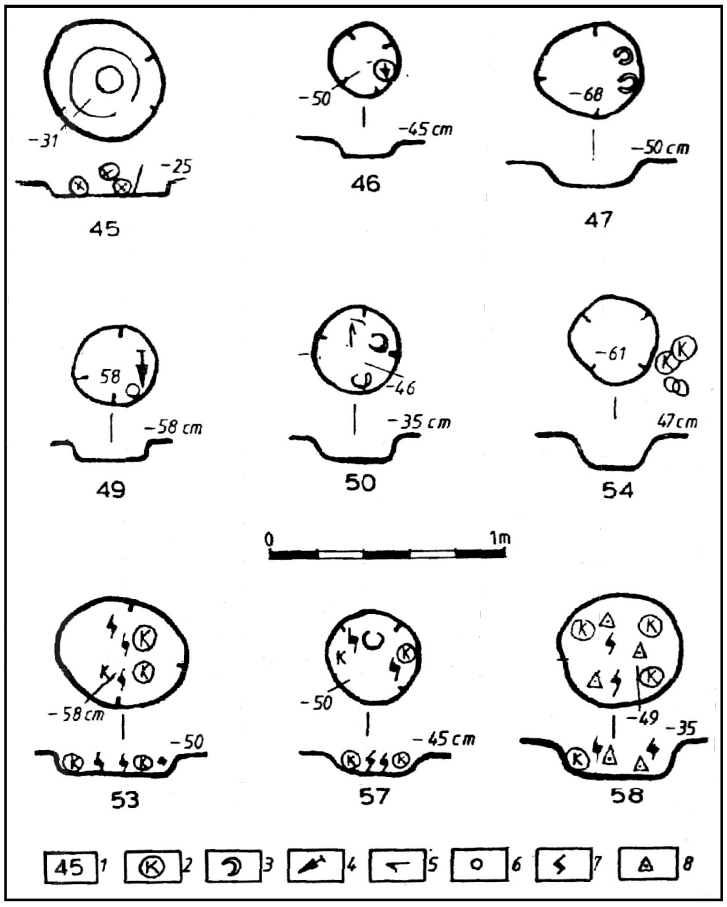

Рис. 11. Планы и разрезы погребений 45-47, 49, 50, 53, 54, 57, 58. 1 – № погребения; 2 – кальцинированные кости; 3 – браслет; 4 – фибула; 5 – нож; 6 – кольцо; 7 – угли; 8 – керамика.

фрагментов «нескифских» сосудов.

Характеристика могильника. На основании результатов исследований 5 лет (1977-78, 1985, 1987-88) можно составить некоторое представление о данном могильнике.

Могильник располагается в верхней части южного склона плато, в культурном слое скифского поселения. Исключение составляет юго-восточный край, где культурный слой как таковой отсутствует. Из ситуационного плана видно, что погребения совершались в границах полосы, направленной с северо-запада на юго-восток, протяженностью 60 м и шириной 26 м. Расстояния между погребениями от 1,5-2 м до 4 и выше.

Преобладают трупосожжения в ямах (46 из 58), в круглых или овальных, диаметром 0,30-0,60 м (рис. 9-11). Остатки трупосожжения, как правило, очищенные от продуктов горения, клались в яму в виде мелких фрагментов костей (крупные встречаются редко). Только в 8 погребениях, в основном, в юго-восточной части могильника было зафиксировано наличие углей (п. 19, 28, 40, 51, 53, 57, 58). Обычно в погребениях находилось небольшое количество костей, за исключением погребений 13, 19, 36, 37, 38, 39, 40, 57. В урнах, как правило, много костей. Необходимо, однако, отметить, что в Долинянах также представлены погребальные ямы с незначительным инвентарем, но без костных остатков в заполнении. Такие ямы (п. 47, 49, 50) обычно интерпретируются как кенотафы.

В 12 погребениях – трупосожжениях в урне, в 7 случаях (п. 13, 23, 40, 41, 55, 27, 29, 43) урна покрыта миской или днищем миски. Только в одном погребении в урне (п. 29) был обнаружен еще один ритуальный горшочек. Необходимо также отметить находки отдельных сосудов малых форм или фрагментов кухонной керамики в нескольких погребениях в ямах без урн (п. 13, 23, 32, 40, 41, 55).

Погребальный инвентарь чаще всего находится внутри заполнения ямы. В погребениях с урной, он клался внутрь сосуда, вместе с остатками сожжения (п. 2, 18, 25, 26, 29, 35, 43); в двух случаях предметы находились также на дне ямы (п. 2, 18). Все предметы погребального инвентаря, за редким исключением, проходили через огонь, в результате чего были сильно повреждены. Некоторые находки (например, бронзовые браслеты, бусы) намеренно были поломаны и испорчены.

На могильнике преобладают бедные погребения: безынвентарные или содержащие 1-2 фибулы, 1-2 браслета, 2-3 предмета различного назначения. Количество относительно богатых погребений, известных ранее, увеличилось за счет открытых на последнем этапе исследования. Среди них: погребение в урне 26, с миской, фибулой, пряжкой, ножницами(?) и лощи-

лом и погребение 28, содержавшее нож, две фибулы и два браслета. Выделяется также погребение 40, инвентарь которого представлен поясным крючком, шилом, антропоморфными подвесками, двумя орнаментированными бронзовыми браслетами и большим количеством стеклянных бусин различных форм и цветов. Среди богатых погребений может быть упомянуто погребение 44 с поясным крючком, ножом и бронзовым орнаментированным браслетом и погребение 50 с двумя железными браслетами, ножом и стеклянной бусиной белого цвета.

Керамика. По сравнению с раскопками первых лет, ассортимент посуды значительно обогатился новыми типами и формами. Керамическая коллекция состоит из 24 целых и археологически целых сосудов: урн, крышек для урн, жертвенных и миниатюрных сосудов из погребений без урн. Исходя из техники изготовления, выделяются две категории лепной керамики: тонкостенные сосуды с лощеной или заглаженной поверхностью, чаще всего черного цвета – господствующий тип на могильнике. Вторая категория представлена грубыми толстостенными сосудами с ошершавленной поверхностью. Кроме лепной керамики встречаются, в виде исключения, сосуды, изготовленные на гончарном круге (например, нетипичные тонкостенные фрагменты серого цвета, возможно, кельтские из п.58).

В категории тонкостенных сосудов выделяются глубокие миски I типа по М. Бабешу (рис. 4/27a); разнообразные миски средней и низкой глубины (II тип по Бабешу) (рис. 4/27b, 5/29b); полусферические чаши (рис. 4/25b) и кувшины с иксовидной ручкой (V тип по Бабешу – рис. 4/25a, 5/35a). У нескольких тонкостенных сосудов во внутренней части венчика отмечается одна или две фасетки (рис. 4/27a-b). Также фасетки отмечаются и на самих венчиках у тонкостенных сосудов, обнаруженных, в основном, вне погребений, либо гипотетически отнесенных к определенным погребениям (п.11, 20).

Среди толстостенных сосудов есть горшки красно-желтого или желто-серого цвета с налепами в верхней части тулова (рис. 5/29a,c, 6/43a). У одних из них венчик отогнут, у других – прямой. Отдельные фрагменты толстостенных сосудов также встречаются в погребениях без урн, например, в п.40, 41, 55 (рис. 7/55c).

К этой группе керамики можно также отнести миску со слабо выраженным профилем, украшенную узкими вертикальными насечками из п.18; тем не менее, от остальных тонкостенных сосудов могильника она отличается не только по форме, но и по другим признакам (стенки относительно толстые, поверхность серо-коричневого цвета, не лощеная, а только заглаженная) (Смирнова 1981: 200, рис. 7/5 = рис. 3/18e).

В четырех погребениях (п. 13, 23, 32, 41) были обнаружены миниатюрные сосуды различных типов. К ранее известным горшковидным сосудикам (Смирнова 1981: 198, 202, рис. 6/4, 12 = рис. 3/13d, 23b) прибавилась коническая чашечка на кольцевом поддоне и чашка на полой ножке (рис. 5/32a; 6/41b).

Среди индивидуальных находок – предметов погребального инвентаря преобладают проволочные фибулы, в основном железные, среднелатенской схемы. Среди фибул, поддающихся определению, главным образом, фибулы типа B по Костшевскому – не менее 14 экземпляров (рис. 4/26c; 28a; 5/30a; 31a-b; 6/41a; 7/49a; 8/4) (Смирнова 1981: 196, рис. 4/4,5; 5/1; 6/1, 11 = рис. 2/3b, 5, 7c; 3/13a, 23a). Несколькими находками представлены фибулы типа E и D (Смирнова 1981: 195, 198-199, рис. 3/6; 5/12; 6/5 = рис. 2/2e; 3/12b, 16), G/H (рис. 5/35b; 7/44c; 46b) (Смирнова 1981: 198, 201, рис. 6/6; 7/9 = рис. 3/14, 22e) и одна типа I (Смирнова 1981: 196, рис. 4/7 = рис. 2/4a). Кроме этого, были обнаружены фибулы позднелатенской схемы (9 экземпляров). Среди них господствующим является тип M и N по Костшевскому – 6 экземпляров (рис. 4/28b) (Смирнова 1981: 196, 199-201, рис. 4/6; 6/8; 7/2, 3, 8, 11 = рис. 2/6; 3/17, 18a-b, 22f-g), и одна фибула периода D1 (Смирнова 1981: 196, рис. 4/6).

Второй по значению категорией индивидуальных находок являются бронзовые и железные браслеты различных вариантов:

а) железные проволочные браслеты в 1,5-2 оборота, круглые в сечении, с утолщениями на концах (рис. 4/28d; 7/46a, 47, 50b-c, 57);

б) железные проволочные браслеты, круглые в сечении, иногда с нанизанными бусинами (Смирнова 1981: 196, рис. 4/1; 5/2-3 = рис. 2/4b, 7a-b);

в) браслеты, цилиндрические в средней части. Господствуют изготовленные из бронзового дрота, круглого в сечении, раскованного и уплощенного до принятия цилиндрической формы. Во внутренней части браслетов, в месте соединения уплощенных краев имеется шов. Снаружи браслеты украшены гравированным орнаментом (рис. 6/40f; 7/44d) (Смирнова 1981: 196, рис. 3/3; 4/3; 5/4 = рис. 2/2b, 3a, 8c);

г) представлен одним литым бронзовым браслетом с пятью тройными выступами по краям (Смирнова 1981: 196, рис. 7/6 = рис. 3/22b).

Кольца также представлены различными вариантами: а) бронзовое литое кольцо с четырьмя тройными выступами в сочетании с простыми округлыми выступами (рис. 8/2); б) бронзовое кольцо с обычными полуовальными выступами (рис. 6/43d); в) гладкие кольца, изготовленные из круглого в сечении железного или бронзового дрота со скрепленными концами (рис. 5/29d; 6/38); г) железное кольцо с заходящими друг на друга концами и пропущенным через них колечком (рис. 8/1).

Железная пуговица с полусферической шляпкой, орнаментированная углубленными радиальными линиями, с петлей-ушком с внут-

ренней стороны шляпки (рис. 7/49b).

Железные иглы со спирально загнутой головкой (рис. 5/31d, 34). У одной из них стержень гладкий и круглый в сечении, у другой уплощен.

Были обнаружены подвески двух видов: а) железная ведеркообразная подвеска, найденная в двух экземплярах в п.2 (Смирнова 1981: 196, рис. 3/5 = рис. 2/2g); б) антропоморфные, из египетского фаянса, обе были обнаружены в п.40 (рис. 6/40e).

Бусы из стекла, бронзы, и, возможно, пастовые. Многие пострадали в огне, из-за чего большая их часть потеряла исходную форму и цвет. Некоторое представление о форме и цвете можно составить на основании бусин из п.40 (рис. 6/40h). По определениям З. А. Львовой, они изготовлены из стекла и корналина. Стеклянные бусы имеются белого, синего, бирюзового, зеленого, красноватого или малинового цвета; были найдены как монохромные, так и полихромные бусы, «глазчатые», полосатые и с зигзагообразным орнаментом. Некоторые из них овальной, другие биконической или удлиненной биконической формы. Среди бусин, обнаруженных в других погребениях, обращает на себя внимание округлая ребристая бусина больших размеров (диаметр 1,9 см) из молочно-белого стекла (рис. 7/50d).

Глиняные пряслица (5 экз.), плоские, серого или красного цвета. Все, без исключения, были изготовлены из стенок гончарных сосудов, в том числе амфоры (рис. 5/32b, 35c) (Смирнова 1981: 198, 201, рис. 5/11; 6/3; 7/7 = рис. 3/12a, 13b, 22c).

Поясные крючки впервые в Долинянах были обнаружены в 1987 г. (п.40 и 44). Обе находки принадлежат к категории Plattengürtelhaken – типу I по М. Бабешу (Babeş 1988: 138, рис. 7/1, 1-3; 8). Они были изготовлены из узкой и длинной пластины, прямоугольной и трапециевидной формы, оканчивающейся крючком с одной стороны. С противоположной стороны располагается петля для крепления. Широкие стороны утолщены в виде бордюра посредством загнутых наружу краев (рис. 6/40a; 7/44b).

Необходимо также отметить находку ременной застежки в форме кольца с крючком, разделенным с двух сторон на два «рожка», из п.26 (рис. 4/26d). Эта кольцевидная пряжка не имеет аналогий на могильниках типа Поянешты-Лукашевка. Прямые аналогии можно найти в центрально-европейских комплексах, датированных поздним Латеном (Kostrzewski 1919: 62, рис. 48-49; Hachmann 1960: табл. 5/16; Werner 1979: 145-147, рис. 4/5-15; 5). С другой стороны, подобные пряжки встречаются в позднескифских комплексах Крыма (конец II-I вв. до н.э.) (Дашевская 1991: 36, табл. 62/17-20).

Железные ножи представлены тремя типами: а) господствуют ножи с широким лезвием и изогнутой спинкой (7 экз.). Ручка отделена от рабочей части узкой прямоугольной перегородкой. Для закрепления пластин рукояти применялись заклепки (рис. 6/42; 7/44a; 50a). Только на одном из ножей отсутствовали перегородка и заклепка для крепления ручки (рис. 4/28c); б) нож с узким лезвием с прямой спинкой (1 экз.). Принцип крепления такой же как и у описанных выше, за исключением того, что рабочая часть отделена пластиной (Смирнова 1981: 201, рис. 7/12 = рис. 3/22); в) нож с узким лезвием и горбатой спинкой, переходящей в широкую рукоять (1 экз. – рис. 6/40b).

Только в одном случае вместе с ножом типа «а» было обнаружено железное коническое навершие от его футляра. В верхней части навершия были отмечены 2 насечки на острых углах (Смирнова 1981: 201, рис. 7/4 = рис. 3/18).

Железные бритвы (3 экз.). Представляют собой железные предметы с коротким и широким лезвием и язычком для пластин, горбатой спинкой (рис. 8/10-11).

Ножницы (?). Предмет состоит из двух коротких и широких лезвий треугольной формы, закрепленных гвоздиком (рис. 4/26e). Возможно, речь идет о складном ноже.

Железное шило. Сечение рабочей части прямоугольной формы, противоположной – круглое (рис. 6/40c).

Железное шило или небольшое долото с тремя насечками в средней части, в сечении – прямоугольное (рис. 8/7).

Предметы вооружения немногочисленны и редки. Речь идет о железном наконечнике копья листовидной формы с относительно короткой втулкой (рис. 6/43e) и бронзовом наконечнике стрелы с узкой и длинной головкой, четырехгранной, втульчатой (рис. 8/5).

Из предметов вооружения следует также указать наконечники ножен мечей, впервые обнаруженные на могильнике типа Поянешты-Лукашевка. Форма наконечника из п.36 треугольная, продолговатая, с округлым навершием. С обеих сторон наконечник ножен украшен углубленными пересекающимися линиями (рис. 5/36). Другой наконечник ножен из п.55 также конической вытянутой формы, но, к сожалению, его навершие не сохранилось. На поверхности, в верхней части также имеются угловатые насечки, аналогичные тем, что на находке из п.18 (Смирнова 1981: 199-200, рис. 7/4 = рис. 3/18c). На краях наконечника ножен расположены 2-3 резные горизонтальные линии (рис. 7/55a). К этой категории находок можно отнести фрагмент верхней части продолговатого конического предмета, полого внутри, со сферической шишечкой на конце. Длина сохранившейся части около 5 см. Предмет был обнаружен в бровке раскопа IV/1977 (рис. 8/6).

Подобные наконечники ножен находят прямые аналогии в римских комплексах Западной Европы. Так как сохранились только верхние части, можно предположить, что данные находки представляют собой части ножен римских гладиусов. Выделяются два основных типа внутри

этой категории предметов римского легионерского вооружения: тип Майнц и помпейский тип (Ulbert 1969: 119-128). Особенности ножен мечей данного типа состоят в изготовлении всего корпуса из металла, который не сохранился в нашем случае. Г. Улберт обращает особое внимание на указанные особенности изготовления наконечников ножен. Так, сравнивая их, он отмечает, что наконечники ножен типа Майнц конической или сферической формы соединены с навершием посредством хорошо выраженной горловины (Ulbert 1969: 120, табл. 32/2). Отличительная черта наконечников типа Майнц от помпейских, то, что у последних отсутствует горловина, а навершие ножен невысокое и более плоское (Ulbert 1969: 120, табл. 19/26-27, 1a-b; рис. 4). Если принять во внимание рассмотренные признаки, то находки из Долинян можно будет отнести к типу Майнц по форме и продолговатой горловине.

Римские гладиусы датируются I в. н.э., иногда уходят в I в. до н.э. Считается, что тип Майнц опережает помпейский тип и датируется первой половиной указанного периода – кон. I в. до н.э. – первой пол. I в. н.э. (Ulbert 1969: 118-119, 123-124; Berciu 1982: 151, рис. 1/2).

Открытие в Долинянах римских гладиусов – не единственное в правобережье Среднего Поднестровья. В 1985 г. мы открыли навершие ножен меча типа Майнц во впускном сарматском погребении в кургане 3 около с. Ленковцы Черновицкой обл., которое датируется первой пол. I в. н.э. (Смирнова 1990: 17, 23-24, рис. 5/13).

Материалы, открытые в результате последних исследований могильника у с. Долиняны, подтверждают предварительное мнение относительно поздней датировки данного памятника в культуре Поянешты-Лукашевка. Датировка памятника на данный момент укладывается в рамках 2 пол. II – кон. I в. до н.э.

Материалы первых 24 погребений позволили Мирче Бабешу определить хронологическую позицию Долинянского могильника среди других однокультурных могильников и датировать большую часть погребений концом II-ой фазы культуры Поянешты-Лукашевка, остальные же III-ей фазой (Babeş 1988: 141-145, рис. 10-12). Другими словами, М. Бабеш уточняет время существования Долинянского могильника временем конца существования могильника Боросешть и перехода в заключительную, III фазу, которая выделяется на данный момент только на материалах могильника Долиняны. К подобным выводам пришла и К. В. Каспарова, у которой в распоряжении были лишь материалы первых 24 погребений и 34 последующих (Каспарова 1993a: 90-93, табл.30; Каспарова 1993b: 34-36).

Новыми находками, которые указывают на существование могильника в 1 пол. I в. н.э., считаются ножны римских гладиусов. Группа погребений III фазы культуры Поянешты-Лукашевка пополнилась за счет новых погребений, в которых были обнаружены круглая пряжка с крючком, фибулы типа M и N по Костшевскому и другие фибулы позднелатенской схемы. Среди них могут быть выделены комплексы, которые с уверенностью можно отнести к заключительному этапу существования могильника. Речь идет о п.6, 17, 18, 22, 26, 28, 36, 39, 55, в которых, кроме упомянутых выше типов фибул, пряжки и ножен, были обнаружены браслет с выступами и нож с прямой спинкой – вещи, характерные для Латена D2.

ЛИТЕРАТУРА

Еременко В. Е. 1990. Процесс латенизации археологических общностей позднего предримского времени Восточной Европы и сложение зарубинецкой культуры. Автореферат канд. дисс. Л.

Дашевская О. Д. 1991. Поздние скифы в Крыму // САИ Д1-7.

Каспарова К. В. 1993a. Культура Поянешты-Лукашевка. Периодизация и хронология // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.

Каспарова К. В. 1993b. Могильник Долиняны и его место среди памятников поянешты-лукашевской культуры // Динамика культурных традиций: механизм передачи и формы адаптации. ТД симпозиума. СПб.

Пачкова С. П. 1984. Про культурну належність могильника поблизу с. Долиняни на Північнії Буковині // Археологія. №47.

Смирнова Г. И. 1981. Могильник типа Поянешты-Лукашевка у с. Долиняны на Буковине (раскопки 1977-1978 гг.) // СА. №3.

Смирнова Г. И. 1990. Курганы у с. Ленковцы и Кельменцы в Среднестровском Правобережье // Древние памятники и культуры на территории СССР. Вып.3.

Babeş M. 1988. Die Frühgermanen im östlichen Dakien in den letzten Jahrhunderten v.u.Z. Archäologische und historische Belege // Frühe Völker in Mitteleuropa. Berlin.

Hachmann R. 1960. Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit // 41. Bericht der RGK.

Kostrzewski J. 1919. Die ostgermanische Kultur der Spätlatenezeit. Leipzig-Würzburg.

Werner J. 1979. Spätes Keltentum zwischen Rom und Germanien. München.

Н.П.Тельнов, А.Н.Левинский

ДРЕВНОСТИ СВОБОДНЫХ ДАКОВ. НОВАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В МОЛДАВИИ

«*Милый мой!*
Молдавия полна неожиданностей».
Г.Ф. Чеботаренко.

N.P. Telnov, A.N. Levinski. Free Dacians: A New Archaeological Culture in the Republic of Moldova.
It is the first publication of artifacts from the Dacian settlement of II-III cc. AD. The site yielded findings that have no precedents in Moldova. The article provides characteristics of pottery which was used to date the site.

В эпиграф вынесено высказывание одного из старейших археологов Молдавии, ставшее крылатым выражением среди археологов республики, которое как нельзя лучше характеризует суть этого края с древнейших времен и по сей день. Подтверждается оно и материалами настоящей публикации.

В истории Республики Молдова есть периоды, изученные еще не в достаточной мере полно. Причиной этому, чаще всего, является отсутствие необходимых источников. Так, к примеру, в археологическом отношении недостаточно изученными для этой территории остаются памятники первых веков нашей эры.

Несмотря на то, что, начиная с послевоенного времени, здесь были проведены широкомасштабные полевые исследования и к середине 70-х годов был издан отдельный том археологической карты, посвященный древностям римского и позднеримского времени, в регионе были выявлены лишь сарматские памятники, датированные I в. до н.э. – III в.н.э., в основном могильники, и более поздние древности черняховской культуры, представленные многочисленными поселениями и грунтовыми могильниками, датированные III – IV вв.н.э. (Рикман 1975). В последние годы были выделены памятники типа Этулия, сконцентрированные, в основном, в степной зоне и синхронные черняховским (Щербакова 1987; 1991).

Черняховские памятники, исследованные довольно интенсивно в последнее время, оставлены полиэтничным населением, но выделение отдельных этнокультурных компонентов в них затруднено, и пока они трудно уловимы.

В этой связи выделение этнокультурного субстрата в целом и по отдельным регионам является одной из первоочередных задач исследования черняховских древностей. Для более же раннего времени, как было сказано выше, в Молдавии известны лишь сарматские могильники.

Имеющиеся на сегодняшний день археологические данные входят в определенное противоречие с письменными источниками, называющими для этой территории в I – III вв.н.э. кроме сарматов и другие племена, в том числе и гето-дакийские общности.

На территории Румынии дакийские памятники I – III вв.н.э. хорошо известны. После 106 г.н.э., когда на территории современной Румынии была создана римская провинция Дакия, практически все проживавшее в ней дакийское население было покорено и со временем романизировано. Часть же даков, в частности, к востоку от Карпат, осталась свободной и, хотя и подвергалась некоторому влиянию римской цивилизации, но в основном развивалась в русле своей традиционной культуры. В этой связи памятники свободных даков привлекают особый интерес ученых.

Однако, так как более чем за 50 лет археологических поисков в Днестровско-Прутском междуречье не удалось достоверно выявить дакийские памятники этого времени, среди ученых возникло предположение, переросшее со временем в убеждение, что река Прут была восточной границей расселения свободных даков, а территория современной Республики Молдовы была занята в первых веках н.э. только сарматским населением.

В этой связи несомненный интерес представляют новые памятники, открытые впервые в Молдавии, в результате разведок, проведен-

© Н.П.Тельнов, А.Н.Левинский, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

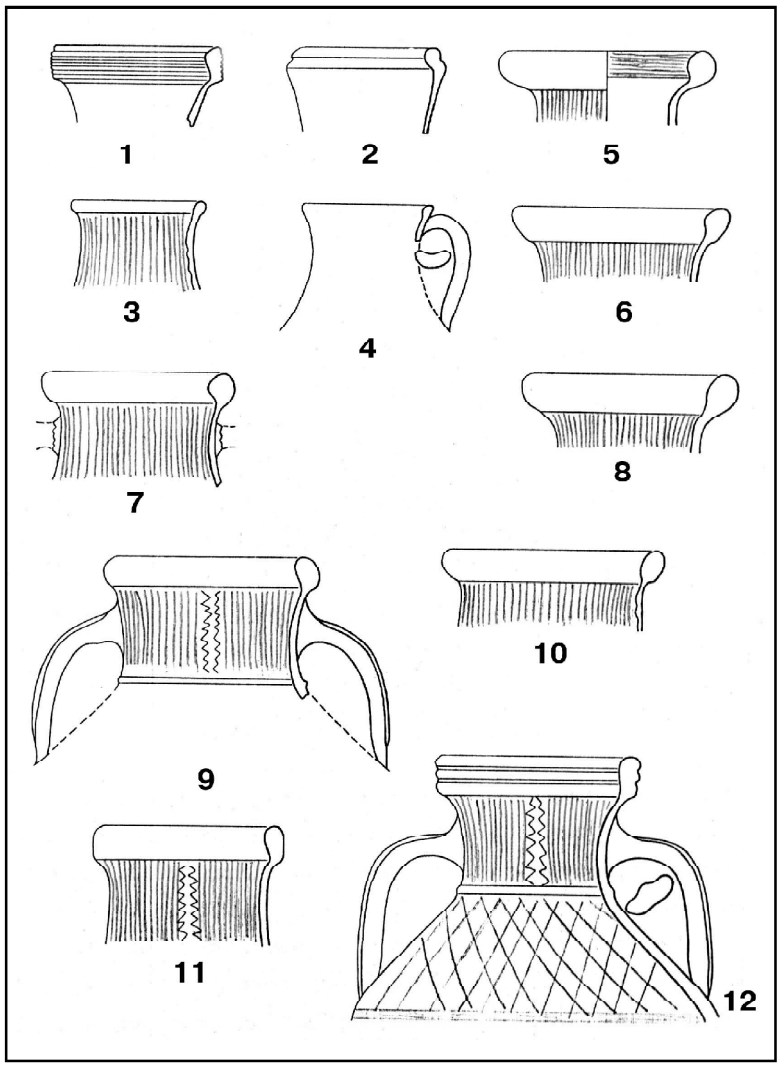

Рис. 1. Прутень. Сероглиняная гончарная керамика: 1-2 – кувшины; 3-4 – кружки; 5-12 – дакийские амфоры.

ных осенью 2000 г. Н.П.Тельновым в центральных Кодрах. Материалам одного из них и посвящена настоящая публикация.

Поселение обнаружено на юго-восточной окраине с. Прутень Бельцкого уезда в местности «Суб дялу бабей», на левом склоне долины, по дну которой течет ручей, возле родника «Изворул де ла Сухат». Склоны долины в верхней части покрыты молодым лесом и кустарниковой растительностью. В нижней части долина занята огородами и жилыми строениями жителей села. По внешнему осмотру достоверные размеры поселения, из-за задернованности поверхности, установить трудно. Часть его находится под огородами жителей. В результате детального осмотра этой части поселения был собран керамический материал, характеристика которого и приводится ниже.

Собранная керамика, исключительно гончарная сероглиняная, из хорошо отмученной пасты без видимых примесей. Обжиг равномерный, поверхность хорошо залощена. Кроме этого, в коллекции присутствуют красноглиняные фрагменты с красно-пунцовым ангобом, светло-сероглиняные с коричневым ангобом и фрагменты с черноватым ангобом и кирпичного цвета в разломе. Качество этих фрагментов указывает на разную степень обжига сосудов. Красноглиняная с красным ангобом характерна для первого этапа обжига. Ангоб сохранился местами, поверхность меловато-рассыпчатая. Красноглиняную с коричневым ангобом, по качеству черепка, можно считать характерной для предпоследнего этапа обжига. Учитывая высказанные замечания, эту керамику можно считать керамическим браком или изготовленную с несоблюдением технологии при обжиге, тем более что формы сосудов из этих последних категорий идентичны сероглиняным формам с лощеной поверхностью.

Набор форм сосудов, судя по фрагментам венчиков, не так разнообразен. В первую очередь явно преобладают фрагменты так называемых дакийских амфор. Это двуручные сосуды с приземистым биусеченноконическим туловом. Горло цилиндрическое, венчик отогнут и сильно утолщен валикообразно (рис. 1: *5-10*) или утолщен удлинённо и слегка стянут во внутрь, в одном случае с двумя горизонтальными врезными линиями-каннелюрами с внешней

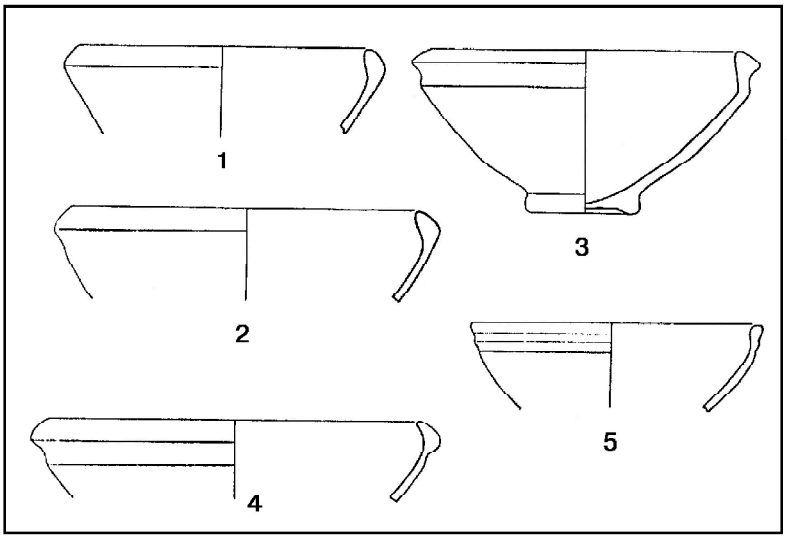

Рис. 2. Прутень. Сероглиняная гончарная керамика: 1-5 – миски.

стороны (рис. 1: *11-12*). В обоих случаях с внутренней стороны округлость венчика выделена широким горизонтальным каннелюром в виде паза под крышку. Ручки сосудов, связывающие горло с плечиками, ленточные, с продольным рельефным валиком (рис. 1: *9,12*). Горло амфор, отделенное от плечиков рельефным валиком, покрыто вертикальным лощением, а по центру, между ручками, нанесены две вертикальные зигзагообразные линии, образующие неправильные ромбы, внутреннее пространство не было лощеным (рис. 1: *9,11-12*). Плечики сосудов, до основания ручек не лощеные, иногда покрывались косыми пролощенными линиями, образующими сетчатый орнамент. Снизу орнаментальная полоса ограничивалась полосой горизонтального лощения (рис. 1: *12*). Следует добавить, что эта форма сосудов довольно стандартизирована по размерам, имея диаметр по венчику 14-16 см. В качестве аналогий указываем, что речь идет о сосудах типа B/II, a/3 согласно классификации Г.Бикир (Bichir 1973: 80-81: pl. CXVII/1) или дакийских амфорах типа II D2 по М.Игнат (Ignat 1999: 94-95: f. 12/2a).

Близкими по форме являются два профиля сосудов с удлиненным утолщенным венчиком, стянутым вовнутрь, с внешней стороны имеющего полосу врезных горизонтальных линий (рис. 1: *1*) или небольшое углубление (рис. 1: *2*). Горло сосудов воронковидное, диаметр по венчику 12-13 см. Возможно, это тоже фрагменты амфор, только другого типа или, скорее всего, это кувшины или кружки. Наличие неполного профиля затрудняет более точное их определение. Второй фрагмент явно указывает, что сосуд был обожжен не полностью, цвет его поверхности светло-серый с коричневым ангобом. Учитывая типологию Г. Бикир, можно полагать, что это кружки типа B/II, c/3 (Bichir 1973: 82: pl. CXXII/2), а по М. Игнат – кувшины типа II F 3 (Ignat 1999: 99: f. 14/3).

Немногочисленными являются фрагменты кружек с округленным туловом, воронкообразным горлом и простым отогнутым или утолщённым венчиком. Ленточная ручка с продольным каннелюром с внешней стороны крепится под венчиком. Горло сосуда покрыто вертикальным лощением. Диаметр по венчику 10 см (рис. 1: *3-4*). По типологии Г.Бикир, это кружки типа B/II, d/3, которые являются довольно распространенными в среде свободных даков.

Фрагменты мисок составляют довольно многочисленную группу находок, среди которых и один полный профиль. Все экземпляры усеченноконической формы с вогнутым утолщенно-округленным или утолщенным под углом венчиком, днище на кольцевом поддоне (рис. 2). В отдельных случаях венчик выделен широким горизонтальным каннелюром (рис. 2: *3-4*) или двумя более узкими каннелюрами (рис. 2: *5*). Из пяти форм, присутствующих на рисунке, только два сосуда были обожжены полностью – сероглиняная поверхность и слом (рис. 2: *2-3*), среди остальных – два сосуда на первой стадии обжига, кирпичного цвета с красно-пунцовым ангобом и пачкающейся поверхностью (рис. 2: *4-5*); последний сосуд имеет тёмно-серую поверхность, черепок в изломе кирпичного цвета (рис. 2: *1*). Диаметр сосудов по венчику 22-31 см, и по типологии Г.Бикир речь идёт о сосудах типа B/I, c/5, однако он уточняет, что известны только сероглиняные формы (Bichir 1973: 75: pl. LXXXVIII/4).

Завершив описание керамики с поселения Прутень, следует отметить, что технологически и типологически она аналогична или идентична керамике памятников типа Поенешть-Выртешкой восточно-карпатского региона, древности которых оставлены свободными даками, а поселение Прутень является первым достоверным памятником этого круга древностей на левобережье Прута.

Что касается предварительной датировки материалов поселения, то на данный момент мы располагаем только местной сероглиняной гончарной керамикой. Однако в её составе присутствуют выразительные фрагменты приземи-

стых дакийских амфор с биусеченноконическим туловом, которые представляют собой один из характерных признаков для поздних могильников типа Поенешть, и датируют их исследователи III в.н.э., в основном, серединой или второй половиной столетия (Marinescu, Mirițoiu 1987: 114-115), что соответствует концу III-IV фазам могильников типа Поенешть по М. Игнат (Ignat 1999: 132-135). Исходя из этого, для поселения Прутень мы предлагаем предварительную датировку в рамках середины – второй половины III в.н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Рикман Э.А. 1975. Памятники сарматов и племён черняховской культуры. Археологическая карта Молдавии. Вып. 5. Кишинёв.

Щербакова Т.А. 1987. Жилые и хозяйственные сооружения на поселениях позднеримского времени в зоне Буджакской степи // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс.н.э. Киев.

Щербакова Т.А. 1991. Памятники типа Этулия (истоки и пути формирования, направленность хозяйственной деятельности) // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э.-V в.н.э.). Киев.

Bichir Gh. 1973. Cultura carpică. Bucureşti.

Ignat M. 1999. Dacii liberi din Moldova – contribuţii arheologice – necropolele de la Podeni şi Zvorâştea. Iaşi.

Marinescu G., Mirițoiu N. 1987. Die karpische Necropole fon Şopteriu, Gem. Urmeniş, Krei Bistrița-Năsăud // Dacia N.S. XXXI.

В.М. Зубарь

РИМСКАЯ КРЕПОСТЬ ХАРАКС

V. M. Zubar. The Roman castle Charax.

It is already well known, that in the second half of II – first half of III cc. the Chersonesos was the main point of Roman military presence in Taurica. But Roman troops were present as well in other places of South-West and South Krimea. One of such places was Charax. Monuments connected with presence of Roman troops of Roman army on the Ai-Todor cape were published and used in a scientific works but, till now still absent general historian-archeological work devoted to this castle. That"s why author consider that it is very important apply to materials of this monument and on the base of complex search of sources to show the place of this Roman point in the history of Taurica.

On the base of analyzing of results of archeological researches in an article was given information about fortifications, inside buildings, terms and other buildings, which were fixed on Ai-Todor. Using the information detected from lapidary and ceramic epigraphic, author search the topic about quality and quantity content of Roman garrison of Charax and search about chronological frames of Roman military presence in this place.

Author think that Roman garrison on the Ai-Todor cape first appeared in 60-th of I c. at the time of military expedition of T. Plavtius Silvanus, when on the ships of Ravennian squadron soldiers of navy were moved to Taurica. Exactly in that time on that cape Roman militaries began erection of point of support. Now we may speak about it only on the base of tiled fragments with Latin stamps because any strong traces of buildings of third quarter of I c. still not found. But Roman garrison at the South coast of Taurica was present there not for a long time and possibly was moved out because of events of civil war in Rome of 68-69.

At the beginning of 20-th of II c. Roman garrison was fixed on the territory of Charax again. But it is still not clear whether it was located here until year 166 or it was short presence of troops connected with some unknown and extraordinary event of history of Back Sea coast area. In the third quarter of II c., as Latin inscription of 1984 witnessed, Roman troops already kept building works on Ai-Todor and from that time until second quarter of III c. vexillation all the time was based here. There are some foundations for the conclusions about working of lighthouse there and Roman troops controlled wide territory in a nearest environs and observed for the sailing along the South coast of Taurica.

Now it is very difficult to say, when Roman troops left the castle. M. I. Rostovtsev considered that it was somewhere nearly year 244 and in possibly was connected with preparations of Philippus Arabus (244-249) to war against barbarians, who threatened to Thrakia and Mesia. But possibly, that Roman garrison left Charax in the second half of 30-th of III c. Because of earthquake when may be destroyed defending fortress and water pipes. After leaving of Roman soldiers Ai-Todor cape was occupied by representatives of Goths tribes, who made a graves with cremations in the neighborhood of ex-Roman point of support. Possibly, that their location there was agreed with Roman administration, which had in barbarians as allied of the Roman empire.

Основным пунктом римского военного присутствия в Таврике был Херсонес, где на протяжении второй половины II – первой половины III вв. находилась штаб-квартира римского военного командования, которое осуществляло контроль за военно-политической обстановкой в регионе (Зубарь 1994: 41 – 60). Однако, помимо Херсонеса, римские войска дислоцировались и в других пунктах Юго-Западного и Южного Крыма, одним из которых был Харакс (Рис. 1). Несмотря на то, что памятники, связанные с дислокацией римских военнослужащих на мысе Ай-Тодор, неоднократно публиковались и использовались в научных работах общего плана, до настоящего времени отсутствует обобщающий историко-археологический очерк, посвященный римской крепости Харакс. Поэтому представляется целесообразным еще раз вернуться к этому памятнику, а также попытаться на основе всего имеющегося материала рассмотреть место и роль этого римского опорного пункта в истории Таврики первых веков н. э.

Харакс, название которого интерпретируется как укрепленное место, кастелль (Ростовцев 1900: 159; Фирсов 1990: 268 – 269), упоминается в письменных источниках только один раз Клавдием Птолемеем в «Географическом руководстве» (середина II в.). По мнению М.И.Ростовцева, его следует отождествлять с остатками городища, расположенного в семи километрах к западу от Ялты, на мысе Ай-Тодор (Ростовцев 1900: 159).

Мыс Ай-Тодор представляет собой окончание Гаспринского хребта. Это колоссальный

© В.М.Зубарь, 2000.

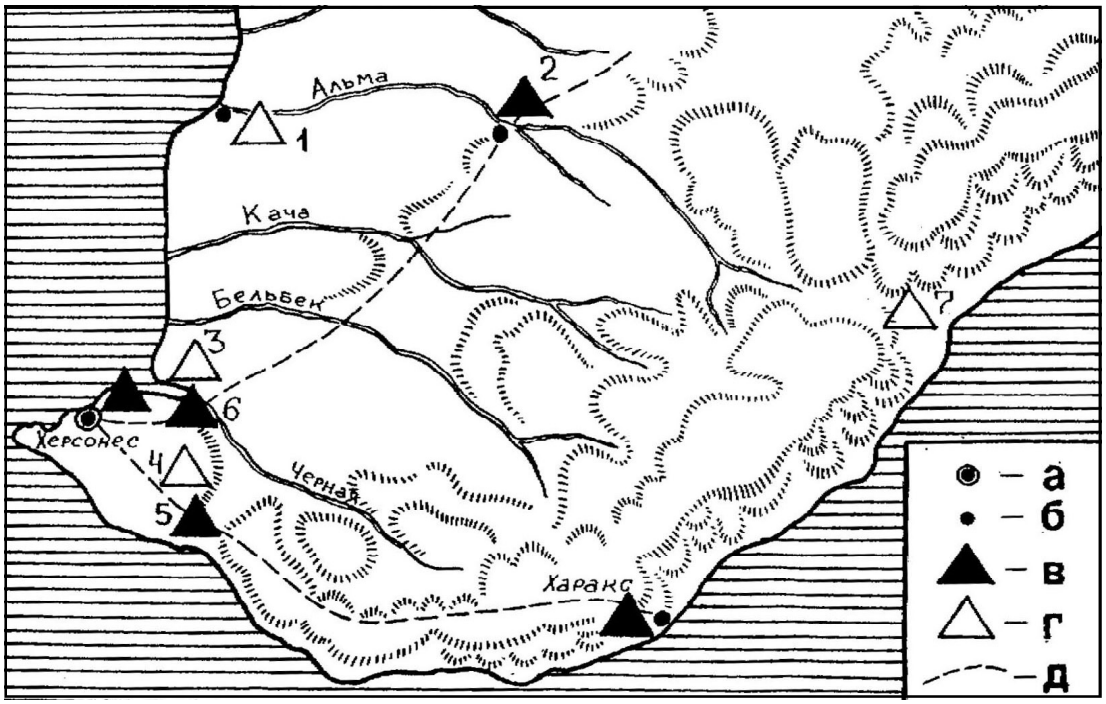

Рис. 1. Места дислокации римских гарнизонов в Таврике. 1 – Усть-Альминское городище; 2 – городище Алма-Кермен; 3 – Северная сторона современного г. Севастополя; 4 – Гераклейский полуостров; 5 – Балаклава; 6 – высота Казацкая; 7 – Алуштинская долина.
а – города; б – городища; в – места стоянок римских войск; г – предполагаемые места стоянок римских войск; д – древние дороги.

блок грубослоистых известняков, наклоненных на 20 – 40° к северу, определяет его рельеф – скалистый дугообразный берег, отороченный развалами глыб. Верхушка мыса относительно ровная, а обращенный к северу разной крутизны склон переходит в седловину (Рис. 2). В ясный день с мыса Ай-Тодор четко видны Никитский мыс и Аю-Даг, а также горы в районе Судака, расположенного в 90 км северо-восточнее. В юго-западном направлении видимость ограничивается Лименским хребтом и горой Кошка у Симеиза. Ай-Тодорский мыс, таким образом, идеальное место для размещения на нем наблюдательного или сигнального поста на Южном берегу Крыма, чем и объясняется строительство здесь в 1865 г. маяка Гидрографического департамента Черноморского флота, который используется поныне (Фирсов 1990: 258 – 259). С юго-восточной стороны мыса Ай-Тодор имеется маленькая бухточка с ровным пляжем, которая была единственным местом для сооружения пристани. Именно в этой бухте и находилась гавань римской крепости, которую с востока прикрывал мыс, носящий название Лимен-Бурун, т. е. Мыс Гавани (Дьяков 1930: 7).

Впервые остатки крепости на мысе Ай-Тодор зафиксировал П. И. Кеппен в 1837 г. (Кеппен 1837: 192 – 193), а в 1849 г. здесь провел первые раскопки граф Шувалов, о результатах которых в 1873 г. лишь очень кратко упомянул В. Х. Кондараки (Кондараки 1873:169). Начало систематических археологических раскопок на Ай-Тодоре было начато Великим князем Александром Михайловичем в 1896 г., а уже в следующем году Н. П. Кондаков в письме В. В. Латышеву отнес открытые здесь остатки к греко-римскому времени и атрибутировал памятник в качестве укрепленного городка (Дьяков 1930: 17-53). В интерпретации и публикации материалов из этих раскопок, которые велись с перерывами около 15 лет, принял активное участие М.И.Ростовцев, который не только отождествил это укрепление с Хараксом, но и определил его как место укрепленной стоянки римских войск. (Ростовцев 1900: 153 – 158). М.И.Ростовцевым были опубликованы план крепости, эпиграфические памятники, обнаруженные здесь, и дана краткая история римского военного присутствия в этом пункте Таврики (Ростовцев 1900: 140 – 158; Rostovzeff 1902: 80 – 95).

В ходе раскопок конца XIX – начала XX вв. были открыты и зафиксированы две крепостные стены с башнями и воротами, нимфей – бассейн для воды, термы, святилище бенефициариев и остатки других построек, возведенных на территории крепости римскими военнослужащими (Рис. 3), а также получен значительный вещественный материал и обнаружен целый ряд эпиграфических памятников (IOSPE 12: 674 – 683; Дьяков 1930: 4; Блаватский 1951: 258). Материалы из этих раскопок хранились в Ялтинском музее, но во время Великой Отечественной войны частично погибли (Блаватский 1951: 250).

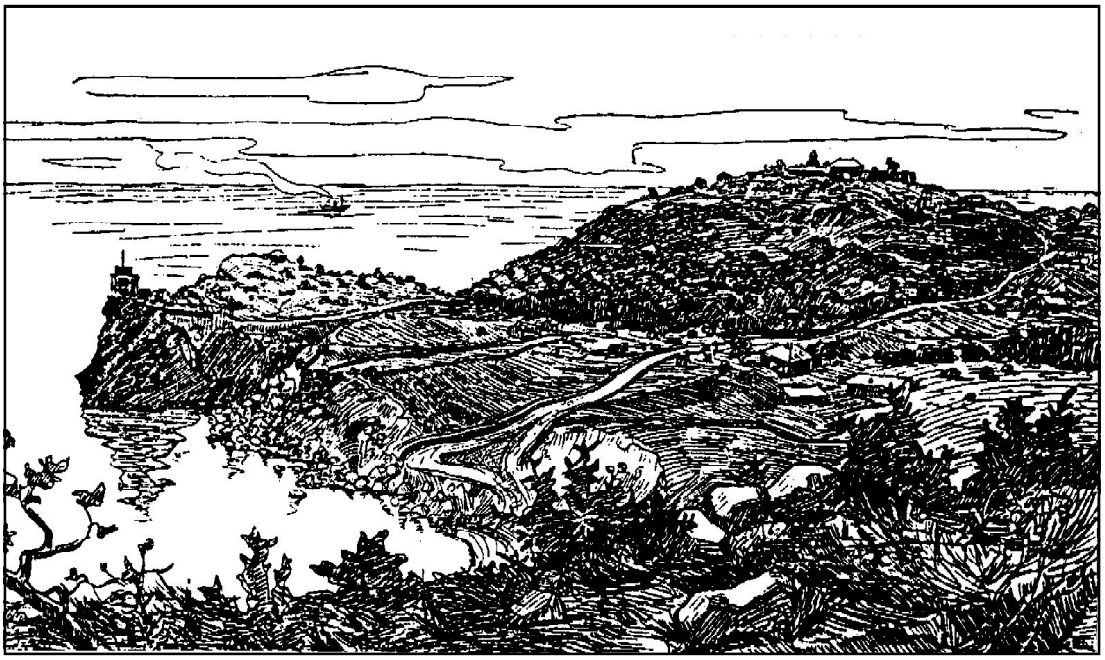

Рис. 2. Общий вид мыса Ай-Тодор. Рисунок с фотографии конца XIX в. по В.Н. Дьякову.

Новый этап археологических исследований на Ай-Тодоре начался в 30-е годы. В 1931, 1932 и 1935 гг. экспедиция под руководством В.Д.Блаватского провела исследование верхней и нижней оборонительных стен и пространства между ними, а также расчистила здание терм и нимфей, раскопанные еще в начале века (Рис. 4). Помимо работ на территории крепости, В.Д.Блаватский открыл некрополь второй половины III – IV вв., который принадлежал населению, жившему здесь после ухода римского гарнизона. Материалы этих раскопок были опубликованы. Причем, их публикацию предварял обзор всех известных в то время памятников из предыдущих раскопок Харакса (Блаватский 1951: 250-291).

В 1963 г. Крымский отряд экспедиции Института археологии НАН Украины (П.Н.Шульц, О.И.Домбровский, Л.В.Фирсов) провел разведку на территории Харакса и исследовал часть нижней оборонительной стены (Фирсов 1990: 269 – 278). После этих небольших по объему работ археологические исследования на территории Харакса были возобновлены Южнобережным отрядом Крымской экспедиции и Ялтинским музеем под руководством К.К.Орлова. В конце 70-х – начале 80-х гг. под его руководством были доследованы термы, проведены зачистки оборонительных стен, а также предприняты работы на территории некрополя и цитадели (Рис. 5). Было уточнено время возведения нижней оборонительной стены, терм и получен значительный вещественный материал, среди которого особо следует отметить черепицу с латинскими клеймами и обломки расписной штукатурки (Орлов 1978: 366 – 367; 1982: 298 – 299; 1984: 309 – 310; 1985: 331 – 332; 1987: 106 – 133; 1988: 12 – 27). В 1984 г. при исследовании трассы водопровода был частично исследован нимфей II и на территории предполагаемого претория найдены фрагменты мраморной плиты с латинской надписью, которая имеет важное значение для изучения римского военного присутствия на территории Харакса (Орлов 1988: 19 – 21).

Кроме работ на территории мыса Ай-Тодор, Южнобережным отрядом также были проведены разведки в окрестностях Харакса, в результате которых у юго-западного склона г. Аю-Даг было открыто не связанное с таврами поселение I – III вв., погибшее в результате горного обвала (Орлов 1975: 10). В 1982 г. между пос. Гаспра и нижним алупкинским шоссе зафиксированы следы террасирования склонов, остатки построек и вещественный материал первых веков н. э. При осмотре трассы газопровода Ялта – Алушта в районе г. Алушта обнаружены обломки красноглиняных амфор II – III вв. (Орлов 1984: 310).

Мыс, на котором стоит римская крепость Харакс, делится как бы на три отдельных выступа, которые обрываются в сторону моря (Рис. 3, 4, 5). На южном выступе расположены две огибающие вершину крепостные стены. Внешняя оборонительная стена, «циклопическая», расположена у основания склона. А верхняя была построена приблизительно на 60 м выше и огибала вершину мыса, где располагалась центральная часть крепости площадью 1,5 – 2 га (Блаватский 1951: 291; ср.: Фирсов 1975: 95) (Рис. 3, 4, 5). Общая площадь, которая была защищена стенами, по оценке Л. В. Фирсова составляла 4, 5 га (Фирсов 1990: с. 270).[1]

Нижняя оборонительная стена была возведена из крупных глыб камней в так называемой

[1] М. И. Ростовцев указывал, что эта площадь была равна 5, 7 га (Rostovzeff 1902: Abb. 89), а В. Н. Дьяков – 6 га (Дьяков 1930: 47; 1942: 55).

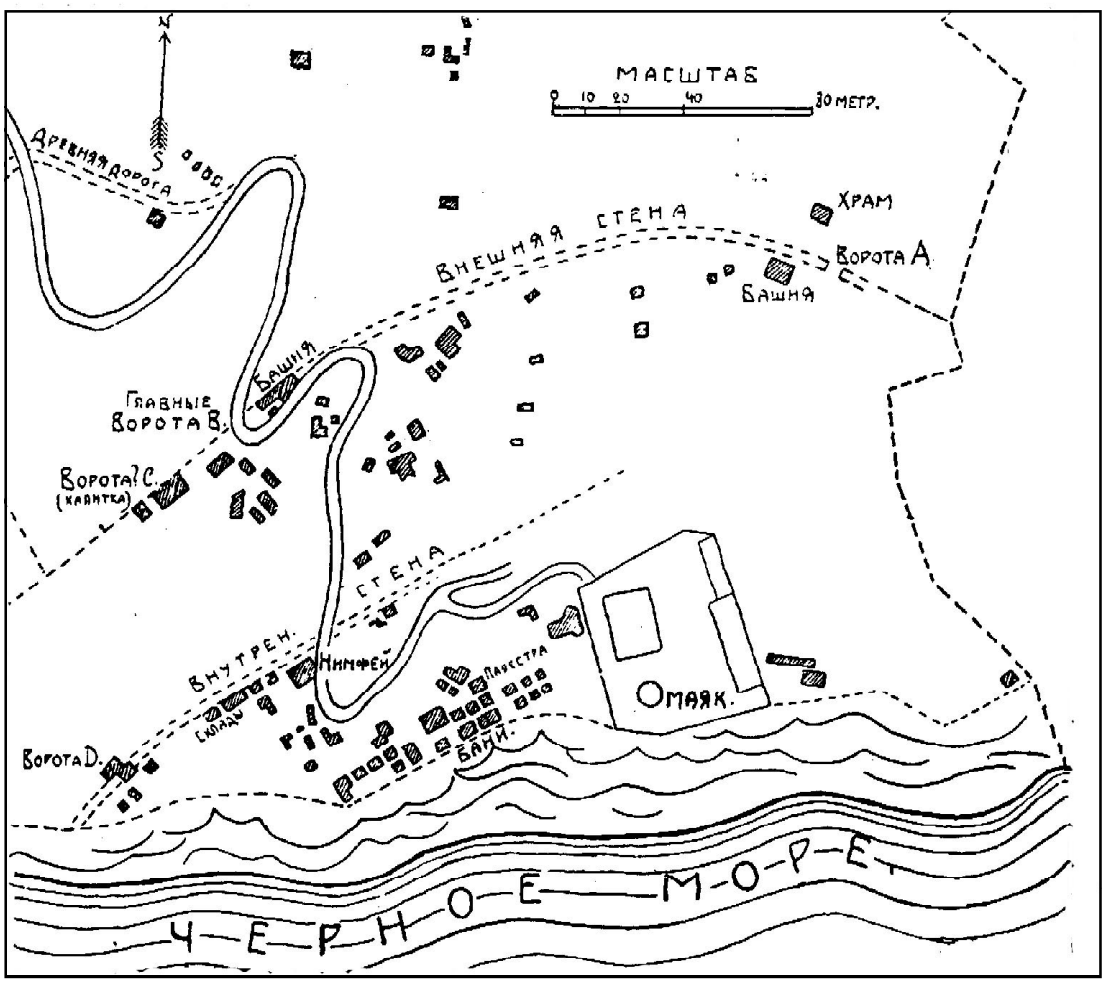

Рис. 3. План раскопок римской крепости Харакс по М.И. Ростовцеву с уточнениями В.Н. Дьякова

технике циклопической кладки почти у основания северного склона и ее первоначальная длина была равна 550 м. В середине 60-х гг. эту стену можно было еще проследить на протяжении 420 – 430 м. (Фирсов1975: 95; 1990; 270). Именно то, что эта стена была возведена из особенно крупных блоков, и позволило М.И.Ростовцеву, а вслед за ним и другим исследователям, считать ее таврской, т. е. построенной еще до прихода на мыс Ай-Тодор римлян (Дьяков 1942: 37; Блаватский 1951: 259, 261; Шульц 1958: 248; Орлов 1988: 22; Фирсов 1990: 262). Однако в результате работ 1963 г., инициатором которых был Л. В. Фирсов, было установлено, что центральная часть нижней оборонительной стены не является циклопической (Фирсов 1990: 271 – 272). Наружная оборонительная стена достигает у основания ширины 5,5 м, состоит из мощного наружного и внутреннего панциря высотой соответственно 3,5 и 2 м. Наружный панцирь, шириной 1,2 – 1,5 м, сложен из гигантских параллелепипедальных глыб известняка, которые добыты поблизости, и имеет угол наклона 82 – 85°. Внутренний панцирь, шириной до 1 м, сложен из разномерных камней небольшой и средней величины с наклоном под углом 75 – 770. В разрезе стена трапециевидная, расстояние между наружным и внутренним панцирями было заполнено забутовкой из мелких камней, а также щебнем на суглинке (Рис. 6, 1 – 2). В швах наружного и внутреннего панциря этой стены, приблизительно в центре сохранившегося участка, в нижних рядах кладки, был обнаружен вяжущий известковый раствор, состоявший из белой гашеной извести, морского песка с незначительным количеством примеси крошки розоватого и оранжевого цвета. Именно наличие такого раствора, характерного для римской строительной практики, и позволило Л. В. Фирсову достаточно аргументированно отвергнуть таврское происхождение внешней оборонительной стены Харакса и отнести ее строительство к первым векам н. э. (Фирсов 1990: 271 – 275). Правда, несмотря на то, что доводы Л. В. Фирсова достаточно убедительны, его точка зрения пока не принята большинством исследователей. К. К. Орлов, например, указал, что такому заключению противоречит концентрическая система построения обороны Харакса, а также то, что нижняя оборонительная стена состоит из двух участков, которые разнятся между собой приемами стро-

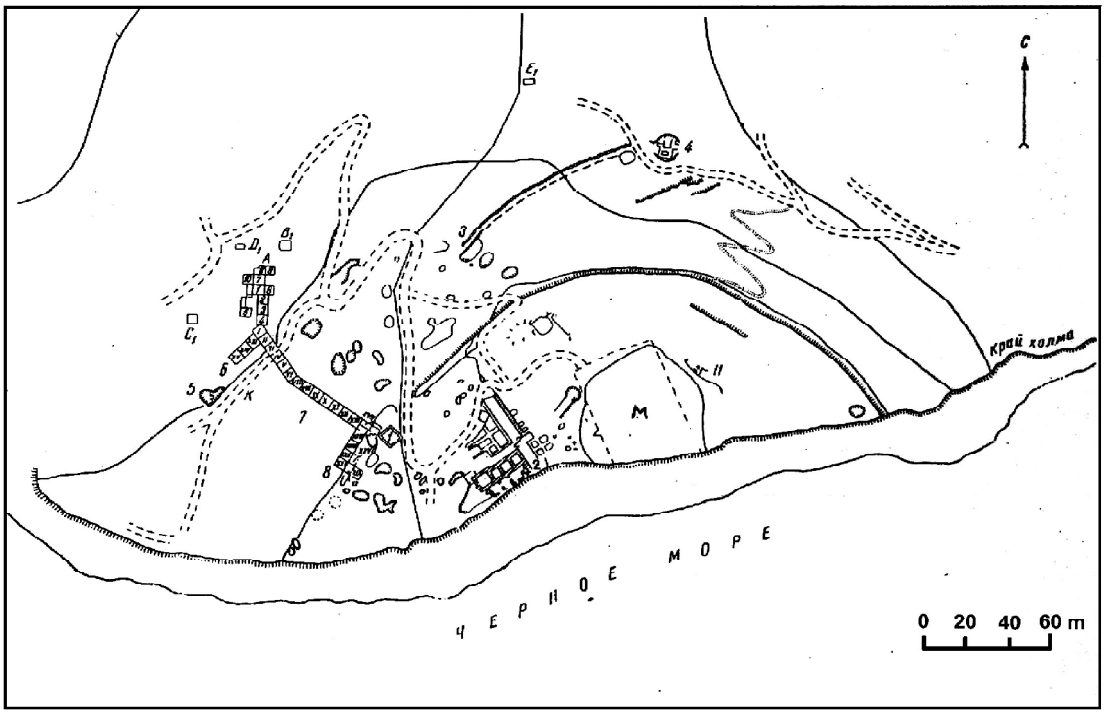

Рис. 4. План римской крепости Харакс по В. Д. Блаватскому. 1- нимфей; 2 – термы; 3 – нижняя оборонительная стена; 4 – башня; 5 – ворота; 6 – нижняя оборонительная стена; И – раскоп 1931 – 1932 гг.; К – раскоп 1931 г.; А – раскоп 1932 и 1935 гг.; В1, С1, D1, Е1 – раскопы 1935 г.: М – маяк.

ительства (Орлов 1988: 23).

В данном случае К.К. Орлов опирается на материалы исследований В. Д. Блаватского 1935 г., в ходе которых на западном склоне Ай-Тодора на протяжении 23 м был открыт и исследован еще один участок нижней оборонительной стены, ориентированный по линии северо-восток – юго-запад (Рис. 4). При этом В.Д.Блаватский указал, что раскопанный им участок внешней оборонительной стены по технике отличается от «таврской» или «циклопической стены», расположенной восточнее (Блаватский 1951: 276). Наружный и внутренний панцирь этого участка стены, которая достигает толщины 2, 2 – 2, 4 м, сложен из менее крупных камней различных размеров и формы, а промежуток между ними заполнен бутом. Исходя из каменного завала, исследованного снаружи стены, В. Д. Блаватский рассчитал ее высоту, которая достигала 3 м. (Блаватский 1951: 278) (Рис. 7).

Сопоставление двух участков внешней оборонительной стены показывает, что их направление не совпадает и, следовательно, древние строители не создали неразрывную линию наружной обороны, что, по мнению В. Д. Блаватского, является достаточно веским аргументом в пользу «таврского» происхождения внешней оборонительной стены, которая была римлянами лишь использована при возведении укрепления (Блаватский 1951: 267). Однако не исключено, что зигзаг стены был сделан намеренно с тем, чтобы лучше использовать рельеф местности в фортификационном отношении и уменьшить мертвое пространство перед стеной (Орлов 1988: 24). Но окончательную ясность в вопрос о времени сооружения этой стены внесли раскопки К. К. Орлова 1977 и 1980 гг. На основании исследования западного конца «циклопического» участка нижней оборонительной стены шириной 4,6 – 5, 4 м он пришел к заключению, что стена была возведена не ранее II в. В ходе этих работ в верхней части стены, менее широкой, чем нижняя, был зафиксирован бут на известковом растворе. Это и позволило К.К.Орлову утверждать, что нижняя циклопическая кладка выполняла роль противотаранного пояса, над которым высилась собственно оборонительная стена (Орлов 1988: 24 – 25, рис. 4) (Рис. 8).

К сожалению, в ходе активных строительных работ на территории Харакса в новое время западная и восточная части нижней оборонительной стены были полностью разрушены. Поэтому для того, чтобы восстановить отдельные элементы фортификационных сооружений, входившие в комплекс нижней оборонительной стены, необходимо обратиться к материалам, полученным в ходе раскопок начала XX в.

В 1909 г. на северо-восточном фланге обороны, который ниже всего спускается к котловине, была исследована монументальная четырехугольная башня размерами 6 × 4 м, стены которой достигали в толщину 1 м, примыкавшая к участку нижней оборонительной стены шириной 6 м (Ростовцев 1911: 3; ср.: Виноградов

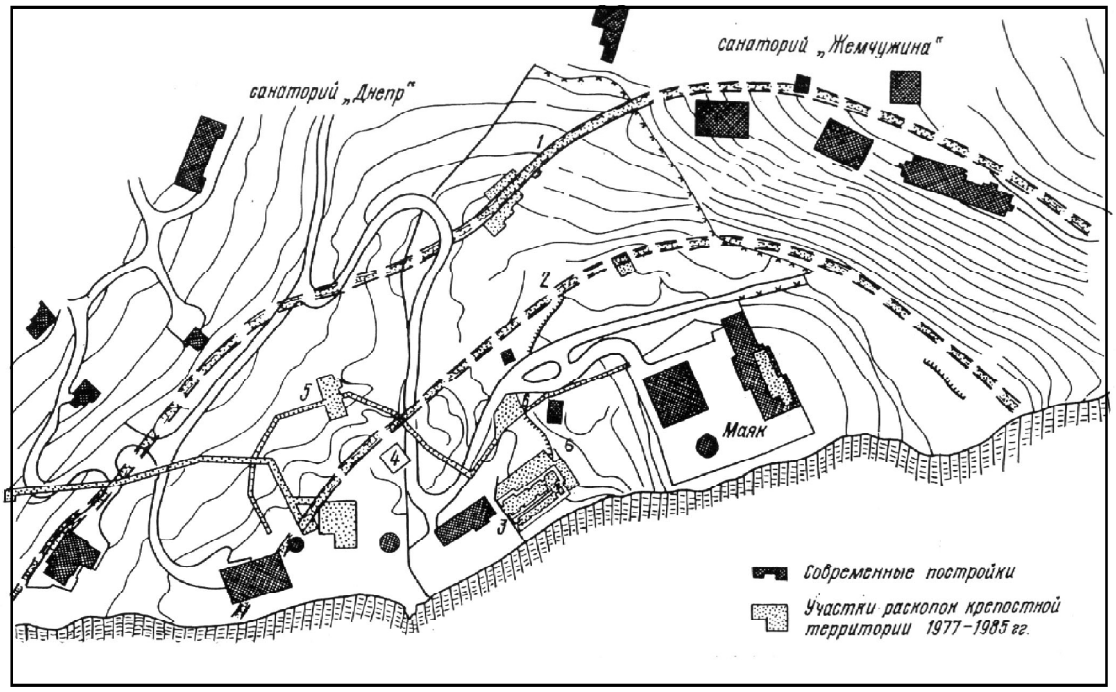

Рис. 5. Сводный план раскопок римской крепости Харакс в 1977 – 1985 гг. по К. К. Орлову.
1 – нижняя оборонительная стена; 2 – верхняя оборонительная стена; 3 – термы; 4 – нимфей I; 5 – нимфей II; 6 – преторий.

1910: 3). В. Н. Дьяков полагал, что эта башня была многоярусной и располагалась рядом с воротами шириной 3 м, которые использовались гарнизоном для связи с бухтой (Дьяков 1930: 21-22). Недалеко от этой башни, с наружной стороны нижней оборонительной стены, в 1907 г. было открыто святилище бенефициариев, к которому можно было пройти через указанные ворота (Ростовцев 1911: fig. 3; Дьяков 1930: 21, рис. 8) (Рис. 3). В 30-х годах в ходе работ экспедиции В. Д. Блаватского эта башня была вновь обмерена (Блаватский 1951: 260, рис. 2). Но, несмотря на то, что полномасштабный план не был опубликован, К. К. Орлов указал, что эти обмеры показали иную планировку объекта (Орлов 1988: 23). К тому же неясной остается и конструкция самой стены на этом участке.

Главные ворота, которые вели в крепость, находились в нижней оборонительной стене в северо-западной части склона, там, где стену пересекает современная дорога, идущая на маяк (Рис. 3, 4, 5). В. Н. Дьяков писал, что в этом месте были развалины двух массивных башен, сложенных в римской строительной технике с использованием известкового раствора, и сравнивал это сооружение с городскими воротами, зафиксированными в Ламбезисе, Заальбурге и Трире (Дьяков 1930: 22; ср.: Johnson 1990: 93 – 114, Abb. 70). Однако сейчас проверить это утверждение нельзя, так как никаких признаков башен в настоящее время проследить невозможно (Орлов 1988: 23). Сказанное в полной мере касается и слов В. Н. Дьякова о том, что дорога, которая шла через эти ворота, продолжалась вдоль внутренней части нижней оборонительной стены, упиралась в ее угол, где располагалась полукруглая башня, сложенная из массивных камней, а уже затем поворачивала вглубь укрепления (Дьяков 1930: 20, рис. 7) (Рис. 3).

Еще один вход в крепость располагался на северо-западном участке внешней оборонительной стены, который был открыт в 1907 г. (Рис. 9). Но сейчас не ясно, были ли это ворота, как считали М. И. Ростовцев, Ф. А. Виноградов и В. Д. Блаватский и Л. В. Фирсов, или же это была вылазная калитка, как думал В. Н. Дьяков (Орлов 1988: 23 – 24), по своей конструкции напоминавшая аналогичные сооружения римских лагерей (Johnson 1990: 65, Авв. 30). Как показала топографическая съемка 1979 г., проведенная под руководством К. К. Орлова, этот узел обороны располагался в 129 м от края обрыва скалы и в 70 м от верхней оборонительной стены (Орлов 1988: 24) (Рис. 5).

Таким образом, на основании имеющихся данных можно более или менее уверенно заключить, что в нижней оборонительной стене имелось три прохода, вероятно, укрепленных башнями. Не исключено, что в эту линию обороны были включены и другие башни, но ввиду отсутствия материала об этом можно говорить лишь предположительно.

Верхняя оборонительная стена, протяженностью 380 м, располагавшаяся приблизительно на 60 м выше нижней, отгораживала наиболее высокую и плоскую площадку мыса Ай-То-

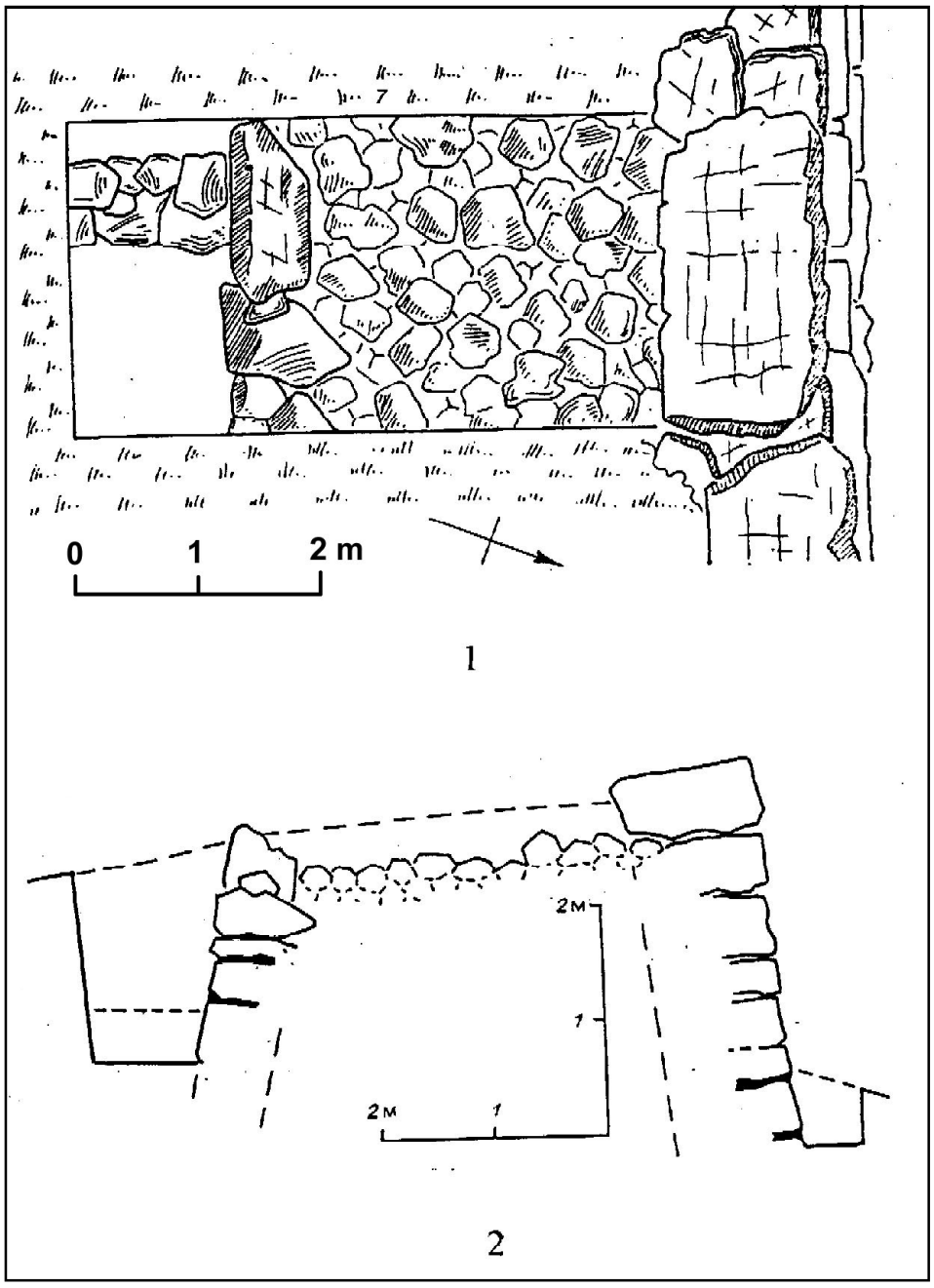

Рис. 6. План и разрез нижней оборонительной стены по Л. В. Фирсову.

дор размерами около 2 га, так называемую цитадель, где были сосредоточены жилые и административные сооружения крепости (Фирсов 1990: 269) (Рис. 3, 4, 5). Юго-западная часть этой стены на протяжении 80 м полностью разрушена. В настоящее время стена сохранилась в центральной и северо-восточной части на протяжении 180 м. Она представляет собой задернованный вал высотой до 3 м, поросший густым кустарником и можжевеловыми деревьями (Орлов 1988: 25). В некоторым местах на поверхности прослеживаются ряды двухпанцирной кладки с забутовкой в середине (Фирсов 1990: 269).

Структура верхней оборонительной стены тождественна нижней. Она сложена из средних и мелких по размерам камней необработанного известняка толщиной 1, 8 – 2, 4 м. Наружный и внутренний панцирь имеет наклон 80 – 85°. Пространство между двумя ее панцирями заполнено бутом на известняковом растворе (Блаватский 1951: 280; Орлов 1988: 25 – 26; Фирсов 1990: 270).

Юго-западный участок этой стены был исследован до революции и описан М. И. Ростовцевым. По М. И. Ростовцеву, эта двухпанцирная стена на этом участке была шириной 5, 5 м, и, следовательно, здесь стена была более мощ-

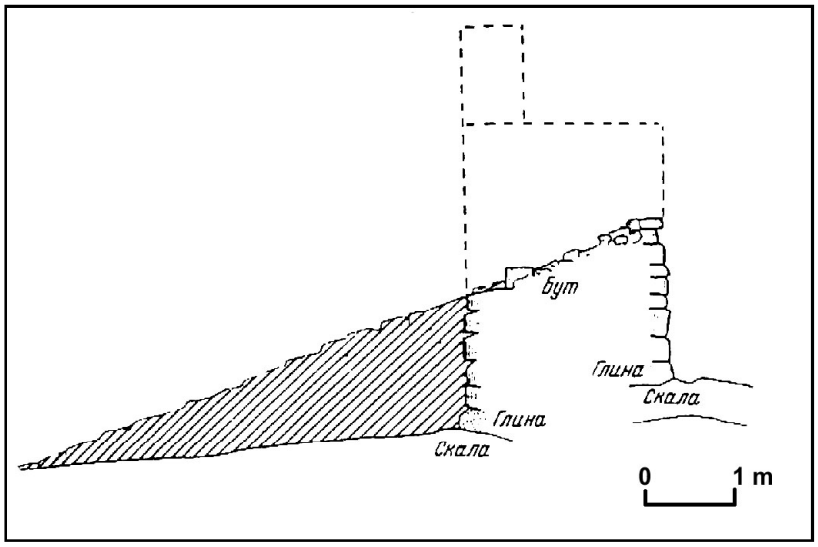

Рис. 7. Реконструкция нижней оборонительной стены по В.Д.Блаватскому. Раскопки 1935 г.

ной, чем в северо-западном секторе обороны. Перед ней отсутствовали ров и вал, а с внутренней стороны к стене были пристроены подсобные помещения (Ростовцев 1900: 96; Блаватский 1951: 281 – 282). В северо-западной части верхней оборонительной стены были несохранившиеся ворота, через которые, видимо, шла дорога, проходившая через аналогичные ворота в нижней оборонительной стене (Орлов 1988: 25) (Рис. 3, 4, 5).

В 1977 – 1978 гг. были проведены археологические исследования пространства у внутренней части верхней оборонительной стены, на юго-западном ее фланге. В результате этих работ полностью раскопано помещение прямоугольной формы, которое частично было открыто еще в середине 30-х годов экспедицией В.Д.Блаватского, размерами 5, 2 × 5, 4 м, с дверным проемом, встроенное в оборонительную стену. Рядом с этим помещением была выявлена еще одна пристройка к стене размерами 1, 9 × 2, 2 м, которая использовалась в качестве хозяйственного помещения. В восточной части раскопа было открыто и третье сооружение размерами около 6 × 4 м со стенами толщиной 0,8 – 0, 85 м. На глинобитном полу постройки лежали фрагменты гончарной керамики и другие предметы бытового назначения, а у северной стены располагался очаг или горн, с разрушенным сводом из фрагментов черепицы.

Рис. 8. Реконструкция нижней оборонительной стены по К. К. Орлову.

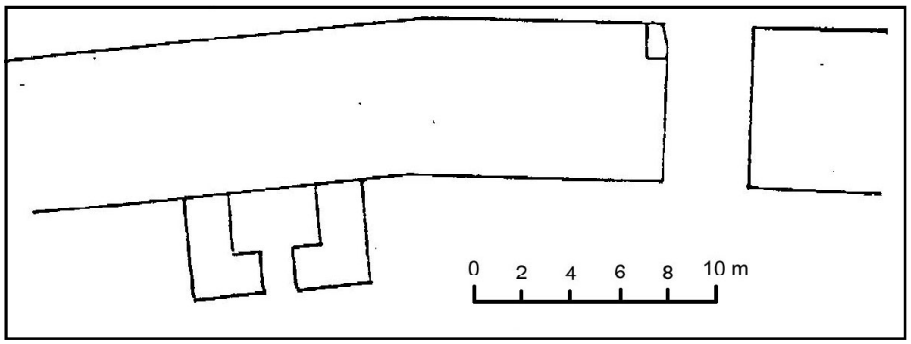

Рис. 9. План северных ворот и башни в нижней оборонительной стене по М.И.Ростовцеву и В.Н.Дьякову.

К. К. Орлов предполагал, что эта постройка была двухэтажной, и, исходя из наличия неподалеку более чем 700 ядер для метательных машин, атрибутировал ее как помещение для караула или отряда баллистариев (Орлов 1980: 115 – 116; 1988: 26).

В ходе работ К. К. Орлова были также получены новые данные о конструкции верхней оборонительной стены. Его раскопками было установлено, что на ней имелись небольшие крепиды, ограничивавшие террасы шириной 0, 8 – 1 м, ведущие к наружному панцирю. По мнению исследователя, верхняя оборонительная стена может рассматриваться в качестве вала с боевыми площадками, аналогичного укреплениям обычных римских военных лагерей (ср.: Johnson 1990: 73 – 93). Одна такая площадка, пристроенная к внутренней части стены, была зафиксирована в 1983 г. на юго-западном участке обороны и предназначалась, по мнению исследователя, для установки метательных машин типа баллист (Орлов 1988: 26 – 27).

На основании наличия в кладке верхней оборонительной стены обломка черепицы с клеймом Равеннской эскадры и другого датирующего материала, В. Д. Блаватский в свое время датировал ее сооружение временем не ранее второй половиной I в. Впоследствии эта стена подвергалась ремонту (Блаватский 1951: 280) или же была возведена вновь на культурных отложениях, содержавших археологические материалы II – III вв. (Орлов 1988: 26).

Говоря об укреплении на мысе Ай-Тодор, следует обратить внимание на то, что концентрическая система построения оборонительных сооружений Харакса резко контрастирует с хорошо известной планировкой, применявшейся при строительстве римских военных лагерей и крепостей на территории империи (ср.: Johnson 1990: 38 – 58; Richardson 2000: 425 – 437). Объясняется это тем, что мыс Ай-Тодор – наиболее удобная на Южном берегу Крыма точка, с одной стороны, для наблюдения за побережьем, а с другой – для сооружения здесь маяка, который, вероятно, в древности располагался на месте нынешнего навигационного комплекса (Орлов 1988: 22). Поэтому именно на мысе Ай-Тодор и был возведен римский опорный пункт для наблюдения за каботажным плаванием вдоль берегов Таврики и противодействия пиратским действиям местного населения. Ведь римляне должны были хорошо помнить трагические события, которые произошли с военными кораблями, которые возвращались с Боспора после боевых действий в 45 – 49 гг. и были выброшены во время шторма на берег, а экипажи перебиты таврами (Tac. Ann. XII: 15 – 21; Зубарь 1998: 33).

Но рельеф местности на мысе Ай-Тодор не позволял возвести здесь традиционно римское по планировке укрепление и военные инженеры при строительстве вынуждены были максимально приспособиться к конкретным топографическим условиям. Вместе с этим, на Южном берегу Крыма римским войскам противостояло местное варварское население, которое вряд ли имело опыт осады крепостей, что также является немаловажным фактором, который учитывался при возведении крепости. Иными словами, в данном случае римляне были вынуждены приспосабливаться к местным условиям, чем и объясняется концентрическая, а не прямоугольная планировка оборонительных сооружений и некоторые другие их конструктивные особенности. Хотя сооружение во II в. противотаранного пояса нижней оборонительной стены свидетельствует о том, что даже в условиях горной местности в самых доступных для применения осадных машин местах римскими военными строителями были учтены обязательные требования тогдашней фортификационной практики.

Пространство между нижней и верхней оборонительными стенами, как показали раскопки В. Д. Блаватского, оставалось не застроенным и, вероятно, использовалось для оперативного развертывания войск (Блаватский 1951: 261, 291) (Рис. 4, 5). Л. В. Фирсов считал возможным рассматривать его в качестве своеобразного перибола, а нижнюю оборонительную стену как своеобразную протейхизму (Фирсов 1990: 270). Однако не исключено, что пространство между двумя оборонительными стенами могло использоваться в качестве временного убежища для населения, жившего в окрестностях Харакса и связанного с римским гарнизоном крепости, как это было, например, в Неаполе Скифском и на ряде других городищ раннесредневекового вре-

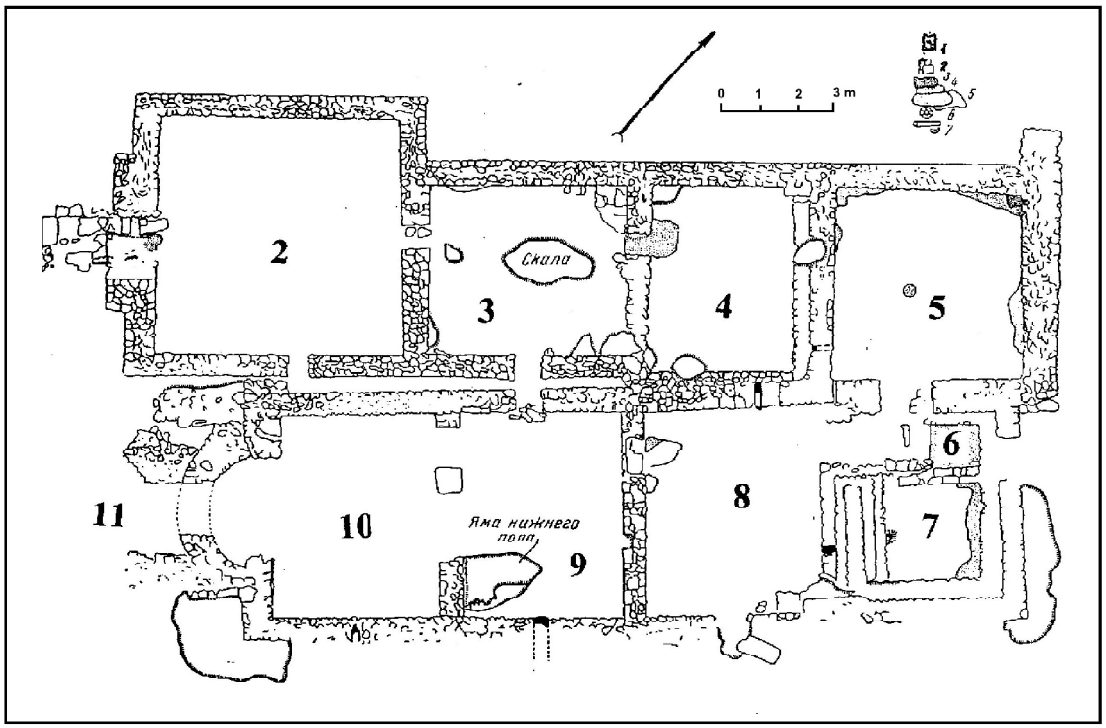

Рис. 10. План терм на территории Харакса по В. Д. Блаватскому.
1- кладка из рваного камня на известковом растворе; 2 – кирпич; 3 – пол, покрытый известковым раствором с песком; 4 – пол, покрытый известковым раствором; 5 – пол, покрытый известковым раствором с мелким щебнем; 6 – пень дерева; 7 – керамические трубы.

мени в Юго-Западном Крыму (ср.: Ростовцев 1900: 152; Дьяков 1930: 29; Блаватский 1951: 291; Орлов 1988: 21). Косвенно на это указывают материалы работ Южнобережной экспедиции на западном склоне г. Аю-Даг, о чем уже говорилось, а также частично открытый в межстенном пространстве нимфей II, служивший для хранения пресной воды (Орлов 1988: 21, рис. 1, 5; ср.: Ростовцев 1911: 3) (Рис. 5).

Территория, ограниченная верхней оборонительной стеной, традиционно атрибутируется как цитадель крепости. Однако отсутствие следов какой-либо застройки в межстенном пространстве не позволяет согласиться безоговорочно с таким утверждением, ибо именно эта территория была застроена, и здесь находились все известные в настоящее время строительные комплексы, которые следует связывать с деятельностью римских военнослужащих. Следовательно, именно вершину мыса Ай-Тодор необходимо рассматривать в качестве собственно римской крепости.

К сожалению, именно эта часть Харакса подверглась разрушениям в новое время. Так, например, функционирующий здесь маяк, по мнению В. Н. Дьякова, был возведен на месте, где мог располагаться преторий и древний маяк (Дьяков 1942: 38 – 39). До революции на месте современного радиомаяка зафиксированы остатки здания первых веков с примыкавшими друг к другу помещениями, расположенными в два ряда, которое было атрибутировано в качестве терм (Орлов 1988: 19) (Рис. 10). Термы были открыты до революции, а в середине 30-х гг. они были вновь расчищены и обмерены, а затем новые раскопки терм в связи с предполагавшимися реставрационными работами провел К. К. Орлов в конце 70-х – начале 80-х гг.

Остатки терм расположены на вершине Ай-Тодорского холма, вдоль морского берега, в 70 м от его высшей точки, и представляли собой восемь помещений, возведенных в два ряда длиной 24,65 м и наибольшей шириной 14, 85 м. (Блаватский 1951: 287) (Рис. 8). Стены толщиной 0, 75 – 1 м сложены из камней средних размеров с прокладкой кирпичом (opus mixtum) на известковом растворе. Стены были покрыты штукатуркой с росписью (Орлов 1977: 6, 8, 9). Южный ряд помещений (7 – 10), располагавшийся ближе к морю, был собственно термами, а второй, северный (2 – 5), как считали исследователи, являлся палестрой, предназначавшейся для физических упражнений, или военным клубом (Дьяков 1930: 27). Северный ряд помещений (2, 3, 4) соединялся с южным (7, 8, 9, 10) через помещение 5. Во внутренних стенах трех помещений южного ряда имелись просветы, вероятно, для теплоходов отопления, имевшие арочные перекрытия. В середине помещения 10 был сделан перекрытый аркой проем, который примыкал к топке печи кальдариума (Дьяков 1930: 26; Орлов 1980 а: 16). Вода нагревалась в котельной, которая располагалась в помещении 11, видимо, в металлических чанах (Дьяков

Рис. 11. Вид одного из помещений терм с гипокаустом. Рисунок с фотографии начала XX в. по В.Н.Дьякову.

1930: 26). Помещения 2, 3, 4, 8, 9, 10 были оборудованы гипокаустом, остальные – такового не имели (Орлов 1980 б: 7 – 8). С целью обогрева пола, состоявшего из глиняных плит-изразцов, которые были уложены на известняковые и кирпичные опоры, под ним было оставлено пространство для циркуляции горячего воздуха (Дьяков 1930: с. 26) (Рис. 11). Поверх плит пола был уложен гидроизоляционный раствор, а на нем был выполнен мозаичный геометрический узор из морской гальки. (Орлов 1980 а: 14; 1980 б: 13). В. Н. Дьяков интерпретировал помещение 8 с остатками скамеек в северо-западном углу как apoditerium (раздевалка); помещение 7 с бассейном, покрытым цемянковым раствором, с тремя ступеньками – frigidarium (холодная ванна); помещение 9 – tepidarium (умеренно-теплое помещение), соединенное проходом с помещением 10 – caldarium'ом (горячее помещение) (Дьяков 1930: 26) (Рис. 10). Не исключено, что здание терм было двухэтажным, о чем свидетельствуют следы лестницы, открытые в процессе раскопок (Дьяков 1930: 27; Блаватский 1951: 287).

В. Н. Дьяков и В. Д. Блаватский на основании археологического материала, обнаруженного в процессе раскопок, полагали, что южный ряд помещений терм был построен в третьей четверти I в., а северный пристроен к нему не ранее середины II в. (Блаватский 1951: 287 – 288). Однако в ходе доисследования памятника, проведенного К. К. Орловым, было установлено, что как южный, так и северный ряд помещений комплекса терм был возведен не ранее II в. (Орлов 1977: 10; 1980 а: 37; 1985: 299). В частности, об этом свидетельствует наличие открытых к востоку от терм остатков системы водостоков ливневой канализации, перекрытых каменными плитами, которая была разрушена во II в. при строительстве терм (Орлов 1980 а: 24). Таким образом, термы представляют собой комплекс построек, возведенных во II в., который неоднократно ремонтировался (ср.: Блаватский 1951: 288) и просуществовал вплоть до вывода римский войск с территории Ай-Тодора около середины III в.

Еще один строительный комплекс, расположенный к северу от терм, был раскопан лишь частично. Это здание, в отличие от терм, состояло из нескольких крупных по своим размерам помещений, которые не были оборудованы отопительной системой. Со стороны переулка или улицы оно имело портик длиной 22 м (Рис. 12). В. Н. Дьяков полагал, что это могла быть палестра, где солдаты римского гарнизона могли заниматься физическими упражнениями (Дьяков 1930: 28). Но, учитывая, что был исследован лишь его юго-восточный угол, настаивать на этом сейчас нельзя. В гипотетическом плане, исходя из планировки раскопанных помеще-

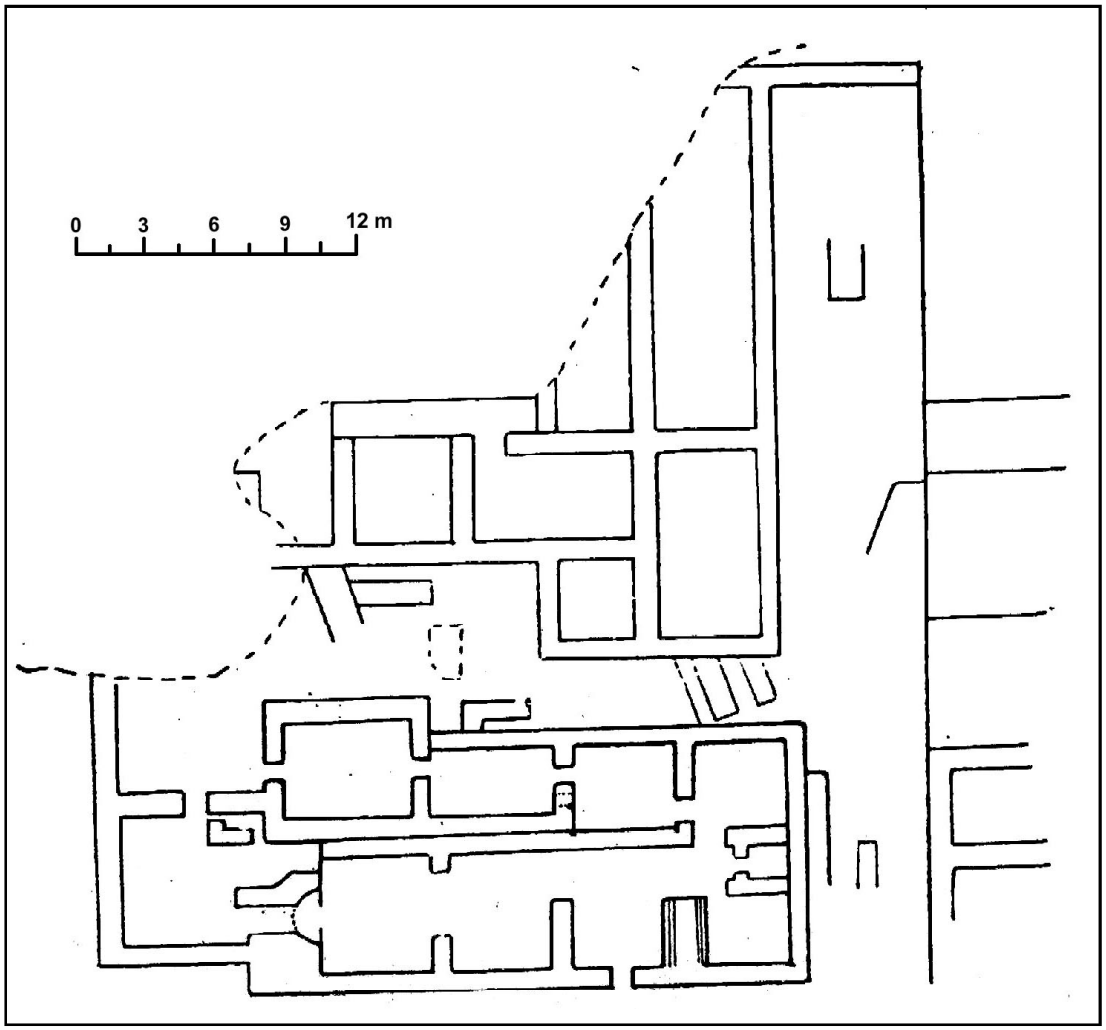

Рис. 12. Схематический план терм и прилегающих к ним построек по В. Н. Дьякову.

ний, можно предположить, что эта могла быть принципия, располагавшаяся в центре крепости, где размещался штаб римского гарнизона Харакса (Ростовцев 1911: 4; ср.: Johnson 1990: 123 – 152).

К сожалению, какие-либо более или менее точные данные о других строительных комплексах крепости отсутствуют. Можно лишь отметить, что Ф.А.Виноградов в 1910 г. писал, что на территории верхней части мыса Ай-Тодор прослежено две улицы, одна из которых шла вдоль верхней оборонительной стены, а вторая – пересекала городище с юга на север (Виноградов 1910: 251), т. е. внутреннее пространство имело прямоугольную планировку (Рис. 12). На территории между улицами были зафиксированы остатки прямоугольных и квадратных помещений, размерами от 9 × 7,5 м до 1,18 × 1, 18 м, которые представляли собой систему небольших смежных помещений, в ряде случаев соединявшихся дверными проемами (Виноградов 1910: 251). По своей планировке эти постройки чрезвычайно напоминают казармы центурий, строившиеся в римских военных лагерях (ср.: Petrikovits 1975: 35 – 43; Johnson 1990: 188 – 198). Но отсутствие каких-либо планов этих строительных остатков не позволяет говорить об этом с полной уверенностью.

В 1980 г. в ходе работ к востоку от маяка также были открыты остатки кладок и очаги, что позволило К. К. Орлову атрибутировать эти постройки в качестве казарменных помещений, которые функционировали, судя по археологическому материалу, во II – III вв. (Орлов 1980 а: 38 – 48). Но строительство конюшни и подсобных помещений действующего маяка не позволили провести археологические исследования здесь в полном объеме (Орлов 1988: 19 – 21).

Представление об археологических памятниках Харакса будет далеко не полным без хотя бы краткого обзора вопроса об его водоснабжении. В ходе раскопок на мысу Ай-Тодор еще в начале XX в. был открыт нимфей, который располагался в юго-западной части так называемой цитадели, в верхней оборонительной стене. Этот памятник был расчищен и обмерен

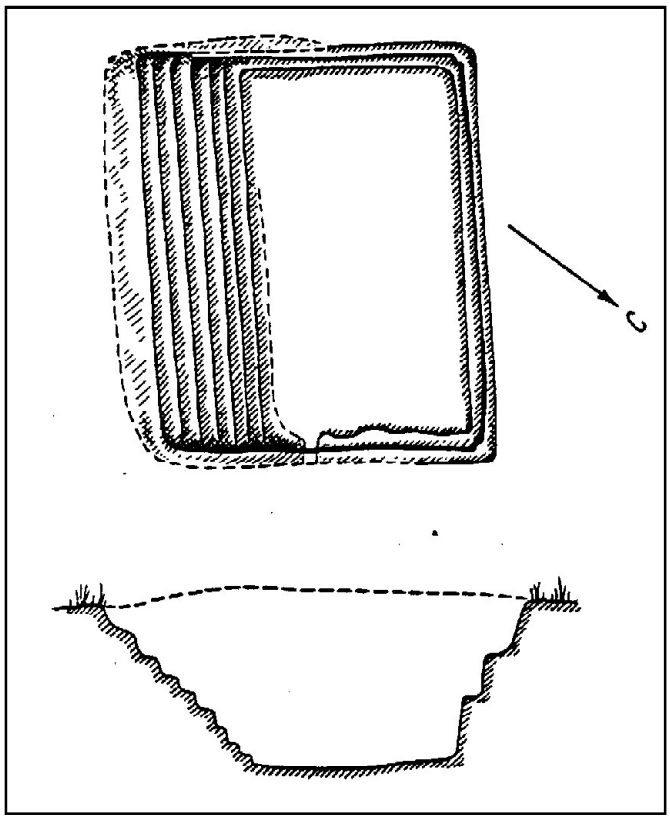

Рис. 13. Нимфей в верхней оборонительной стене по В. Д. Блаватскому.

в ходе работ экспедиции В. Д. Блаватского в середине 30-х гг.

Нимфей представлял собой цистерну, прямоугольную в плане, размерами 9 × 7,7 м, с сохранившимися стенами на высоту 2,55 м, которая была сооружена над скалой. Вдоль юго-восточной стороны нимфея, обращенного во внутрь крепости, была сооружена лестница, спускавшаяся до самого дна. В трех других сторонах его стены образуют уступы (Рис. 13). Стены нимфея сложены из щебневой забутовки, покрытой цемянкой с черными включениями, поверх которой лежал еще один слой цемянки, смешанной с толченой керамикой. Пол – ровный, понижающийся к северо-востоку. В северо-восточной части нимфея имелся слив, служивший для стока воды при его чистке. В ходе дореволюционных раскопок здесь была найдена фрагментированная известняковая плита с фрагментированной надписью [N]YMPH[AEVM] (Ростовцев 1911: 41 – 42) (Рис. 14), что позволяет предполагать наличие над бассейном какой-то постройки, видимо, посвященной нимфам (Дьяков 1930: 24). Большое количество фрагментов кровельной черепицы, обнаруженных рядом с нимфеем, свидетельствует о том, что эта цистерна сверху имела перекрытие. Фрагмент мраморного рельефа с изображением женской фигуры на фоне дерева, найденный здесь же (Рис. 15), позволил В. Д. Блаватскому предположить, что это была нимфа, а сам рельеф относился к постройке, которая возвышалась над нимфеем (Блаватский 1951: 282 – 283).

М. И. Ростовцев считал, что нимфей заполнялся собираемой с крыш дождевой водой, которая поступала в его цистерну по системе водостоков (Ростовцев 1900: 42; 1911: 42). Но в середине 30-х гг. на территории нынешнего санатория «Днепр» был зачищен участок водопровода длиной 2, 60 м, который располагался в 700 м к северо-северо-западу от нимфея (Рис.4, 5). Он состоял из семи гончарных труб и шел от подножия горы Ай-Петри к нимфею. Это позволило В. Д. Блаватскому заключить, что ключевая вода по этому водопроводу поступала в нимфей (Блаватский 1951: 288 – 289). С таким заключением нельзя не согласиться, так как в жаркие летние месяцы вряд ли только дождевая вода полностью могла обеспечить римских солдат. Вследствие этого римлянами, как и в других местах дислокации, был построен водопровод и резервуары для хранения воды (ср.:

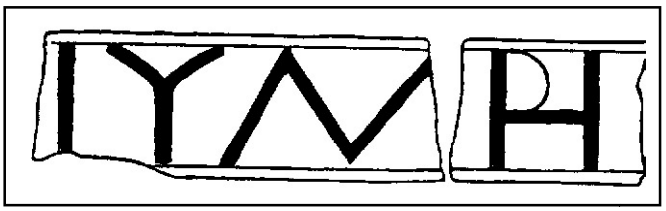

Рис. 14. Известняковая плита с фрагментированной надписью из нимфея по М.И.Ростовцеву.

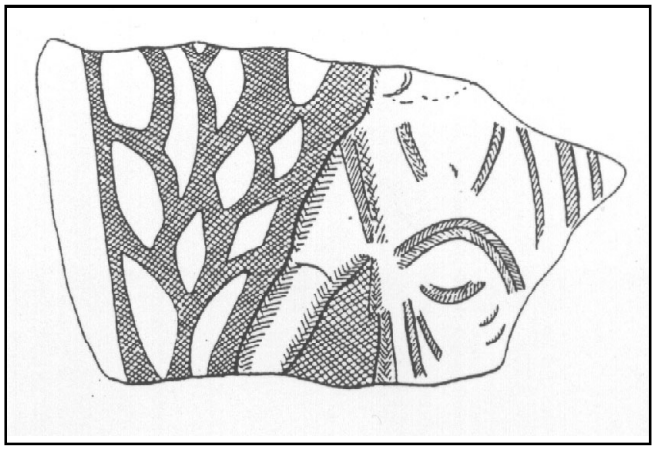

Рис. 15. Фрагмент мраморного рельефа, обнаруженный при раскопках нимфея в 1935 г. по В. Д. Блаватскому.

Johnson 1990: 223 – 231). Видимо, сейчас можно согласиться с В. Д. Блаватским, который считал, что нимфей был сооружен во второй половине I в., а водопровод, который шел от подножия г. Ай-Петри в верхнюю часть крепости, был построен во II в., когда гарнизон Харакса количественно увеличился (Блаватский 1951: 289). Не исключено, что такой же водопровод шел и к нимфею II, который был частично раскопан между нижней и верхней оборонительной стеной (Ростовцев 1911: 3; Орлов 1988: 21), но уверенно об этом говорить пока преждевременно, так как данные об этом памятнике отсутствуют в отчетах и публикациях.

Говоря о водоснабжении Харакса, следует обратить внимание на то, что на территории Ай-Тодора отсутствуют следы памятников как более раннего, так и более позднего, средневекового времени (Фирсов 1990: 258 – 278). Объясняется это, видимо, тем, что на территории Ай-Тодора и в его ближайшей округе отсутствуют источники питьевой воды. Поэтому стационарная жизнь здесь была возможна только при надежном функционировании водопровода, построенного по системе «сифон», который подавал воду из источников у подножия Ай-Петри в специальные резервуары-накопители типа описанного нимфея (Орлов 1988: 22). Такой водопровод и был построен римскими военнослужащими. Но в середине III в., перед уходом римлян с территории Ай-Тодора, он, как и оборонительные сооружения, был разрушен (Орлов 1988: 22, 27), чем и следует объяснять отсутствие следов средневекового поселения на месте бывшей римской крепости.

За пределами нижней оборонительной стены были открыты остатки двух святилищ. В 1907 г. у северных ворот в нижней оборонительной стене, которые вели к бухте, среди нагромождения камней были обнаружены известняковые алтари с посвящениями от имени бенефициариев и фрагментированные рельефы фракийского круга (Рис. 3, 4). К сожалению, в ходе раскопок этого интереснейшего памятника не удалось проследить даже его план. Поэтому в настоящее время об этом святилище можно судить лишь по эпиграфическим памятникам и рельефам, которые были опубликованы М. И. Ростовцевым (Ростовцев 1900: 1 – 42).

Второе аналогичное святилище, видимо, располагалось за крайним западным кольцом нижней оборонительной стены (Рис. 3). Раскопки его не производились, однако находка здесь фрагментов трех рельефов фракийского круга позволила предполагать наличие здесь культового комплекса, связанного с почитанием, скорее всего, Артемиды (Ростовцев 1911: 12, 16; Дьяков 1930: 32).

М. И. Ростовцев полагал, что эти святилища были связаны со специальными постами бенефициариев, которые, как и в других районах Римской империи, располагались вне пределов римских лагерей и использовались для наблюдения за движением по дороге, проходившей мимо крепости (Ростовцев 1911: 7 – 9). Не отрицая этого вывода в принципе, следует указать на то, что оба святилища находились на незначительном удалении от ворот в нижней оборонительной стене и, скорее всего, военные посты, которые могли быть связаны с ними, контролировали не дороги, а въезды в крепость. С другой стороны, наличие здесь значительного количества фрагментов мраморных рельефов фракийского круга, видимо, позволяет предпо-

Рис. 16. Клеймо Равеннской эскадры по В. Д. Блаватскому.

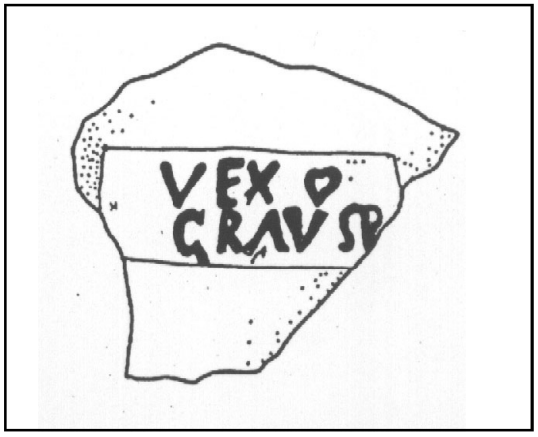

Рис. 17. Клеймо с упоминанием центуриона, препозита вексилляции войск Нижней Мезии по М. И. Ростовцеву.

ложить, что здесь, за пределами крепости, могли приноситься жертвы и отправляться культовые действия солдатами фракийского происхождения, которые, наряду с официальными божествами римского пантеона, чтили богов своей родины. Ведь хорошо известно, что на территории римских лагерей, за исключением мест, связанных с почитанием официальных римских богов или императоров, отсутствовали какие-либо культовые комплексы (Petrikovits 1975: 75 – 78, Авв. 15; Fellmann 1983: 16 – 17; Johnson 1990: 115 – 244). Это, вероятно, и привело к тому, что такие культовые места на Ай-Тодоре были вынесены за пределы римской крепости, как это имело место на территории римских провинций (Baatz 1975: 117 – 121, Abb. 48; Die Romer 1982: 197 – 203; Clauss 1990: 51 – 60). Но, естественно, на этом настаивать сейчас преждевременно, так как в пользу этого вывода имеются только косвенные данные. В то же время тот факт, что святилища располагались за пределами оборонительных стен римской крепости, позволяет говорить о достаточно мирных отношениях с окружающим варварским населением.

В ходе раскопок на территории Харакса в разные годы был обнаружен разнообразный вещественный материал, среди которого особо следует отметить куски шлаков керамического и железоделательного производства (Блаватский 1951: 289). Они свидетельствуют, что в составе римского гарнизона Харакса, как и в других местах на территории Римской империи, где дислоцировались римские воинские подразделения, были ремесленники, которые изготовляли не только оружие и амуницию, но и керамические строительные материалы. В связи с этим значительный интерес представляют обломки черепицы и кирпича с латинскими клеймами, обнаруженные на территории Ай-Тодора. Они представлены тремя типами.

Аббревиатура первого типа VEX/CRAVSP была восстановлена М. И. Ростовцевым как vex(illatio) c(lassis) Rav(ennatis) s(umptu) p(ublico) и интерпретирована как продукция, изготовленная моряками Равеннской эскадры (Ростовцев 1900: 155; Блаватский 1951: 254) (Рис. 16).[2] Второй тип клейм представлен легендой PER L A C >/LEG I ITAL PRAEP/VEX MOES INF, который транскрибируется как Per L. A(—)C(—) >(centurionem) / leg(ionis) I It(alicae) praep(ositum) / vex(illariorum) Moes(iae) inf(erioris) (CIL III:14215,4; Rostovzeff 1902: 93; Saxer 1967: 92, № 270) (Рис. 17), то есть строительные материалы с такими клеймами были изготовлены при попечительстве неизвестного нам центуриона I Италийского легиона, командира вексилляции войск провинции Нижняя Мезия (Ростовцев 1900: 155 – 156; Блаватский 1951: 254). И, наконец, третий тип штемпеля латинских клейм LEGXICL без особого труда восстанавливается как название XI Клавдиева легиона – le(gio) XI Cl(audia) (Ростовцев 1900: 156; Блаватский 1951: 254) (Рис. 18).

Находки латинских клейм с упоминанием вексилляции Равеннской эскадры в свое время позволили М. И. Ростовцеву, а вслед за ним В.Н.Дьякову и В. Д. Блаватскому утверждать, что первый римский опорный пункт на мысу Ай-Тодор появился во время так называемой первой оккупации римлянами Таврики в третьей четверти I в. (Ростовцев 1900: 155; Дьяков 1942: 95; Блаватский 1951: 254; Сапрыкин 1981: 61), которая последовала за экспедицией Тиберия Плавтия Сильвана, пришедшего на помощь Херсонесу. В этой экспедиции, по мнению исследователей, принимали участие корабли Равеннской эскадры с солдатами на борту, которыми и был занят мыс Ай-Тодор (Дьяков 1930: 94; Репников 1941: 121 – 123; Блаватский 1951: 254; 1985: 232).

Клейма с легендой VEX/CRAVSP позволяют заключить, что до похода Тиберия Плавтия Сильвана в Таврику отдельного Мезийского флота не существовало, а корабли, которые

[2] Т. Сарновский в противоположность этому недавно предложил иное восстановление этого клейма: vex(illatio) c(lassis) Rav(ennatis) S(cythica?, -inopensis?) P(ontica?). См.: Sarnowski, Savelja 1998: 46.

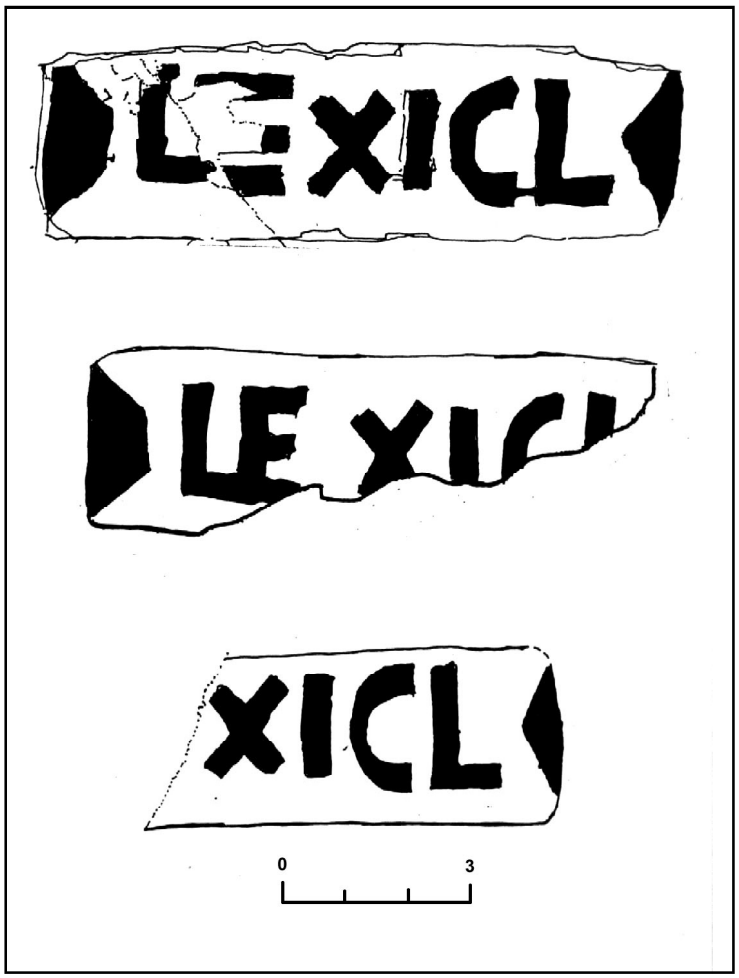

Рис. 18. Клейма XI Клавдиева легиона из Харакса по К. К. Орлову.

использовались для транспортировки римских войск как в период подавления паннонско-далматинского восстания (6 – 9 гг.) (Starr 1960: 22)[3] и похода на Боспор А. Дидия Галла (Tac. Ann. XII: 17; Шелов 1981: 61), так и во время экспедиции Т. Плавтия Сильвана, в оперативном отношении были подчинены равеннскому префекту и являлись составной частью Равеннской эскадры Римской империи (Зубар 1988: 22). Косвенно это подтверждается и тем, что отдельный Понтийский флот был сформирован только в 64 г., после аннексии Понта и заключения Рандейского мирного договора с Парфией (Starr 1960: p. 125 – 129; Kienast 1966: 112 – 119; Bollini 1968: 36; French 1984: 53 – 60).

К еще более позднему времени относятся данные об отдельном Мезийском флоте (classis Flavia Moesica), который был сформирован после 69 г. при легате Мезии Рубрии Галле, и в период правления императоров Веспасиана (69 – 79 гг.) или Домициана (81 – 96 гг.), как и италийские флоты, получил почетный титул Praetoria (см.: Fiebiger 1899: 2398; Starr 1960: 127; Велков 1961: 78 и сл.; Соломоник 1966: 165–166; Watson 1969: 21; Condurachi 1974: 85; Redde 1986: 263 – 264, 515 – 521). В этом отношении показательно, что первые военные дипломы моряков Мезийского флота датируются только концом I в. (CIL XVI: 37; Aricescu 1977: 70). А это в свою очередь является косвенным свидетельством того, что только после окончания гражданских войн в Риме и начальные годы правления императора Веспасиана следует рассматривать в качестве terminus post quem для формирования отдельного Мезийского Флавиева флота, большую часть которого составляли корабли, до этого находившиеся в оперативном подчинении равеннского префекта (Зубар 1988: 22; 1995: 136), а, следовательно, и для клейм с аббревиатурой VEX/CRAVSP из Харакса. Исходя из этого, сейчас более или менее уверенно можно говорить, что римские военные моряки и солдаты морской пехоты с кораблей Равеннской эскадры появились на территории Ай-Тодора не ранее 63 – 64 гг., когда была предпринята военная акция Т. Плавтия Сильвана, и находились там относительно недолго, до конца 60 гг. I в., когда они, вероятно, так же как и другие соединения Мезийской армии, были выведены из Таврики и приняли участие в событиях гражданских войн. Косвенно сказанное подтверждается и тем, что в на-

[3] Подр. об этом восстании см. : Малеванный 1997: 223 – 258.

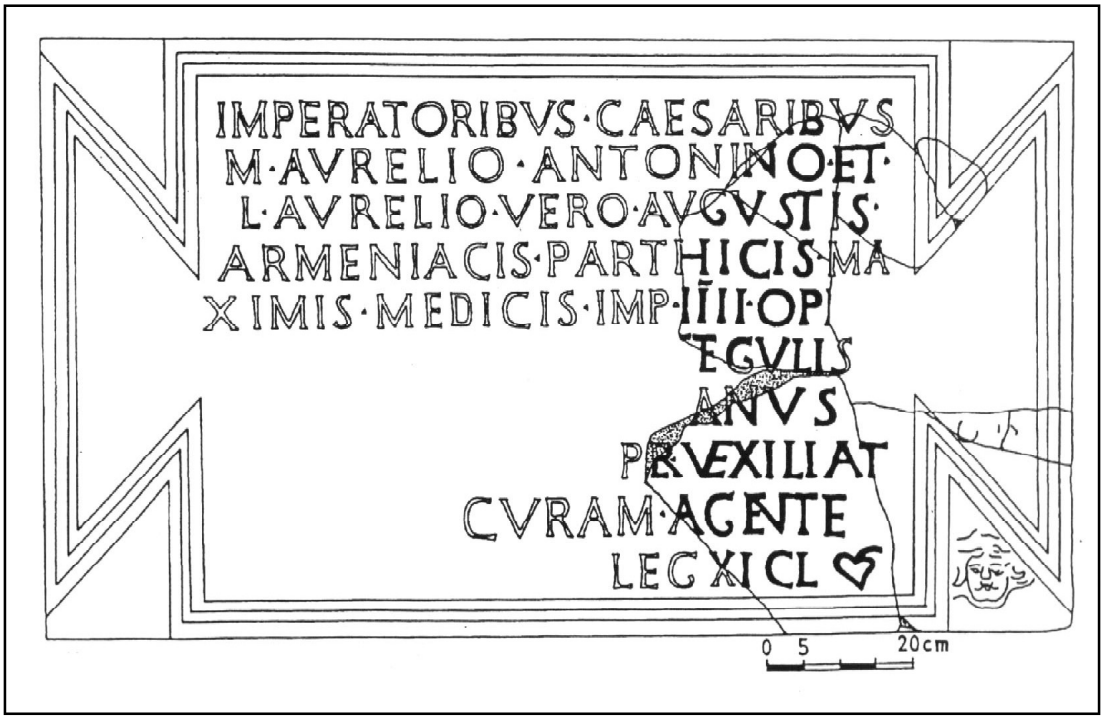

Рис. 19. Латинская строительная надпись из раскопок 1984 г. Реконструкция Т. Сарновского и В. М. Зубаря.

стоящее время на Ай-Тодоре не зафиксировано никаких строительных остатков, которые безусловно можно было бы датировались третьей четвертью I в., а о присутствии здесь римских военнослужащих можно говорить только на основании клейм с аббревиатурой VEX/CRAVSP и монет I в. Черепица и кирпичи с клеймами Равеннской эскадры обнаружены на м. Ай-Тодор вне четкого археологического контекста, в строительных остатках более позднего времени, поэтому пока не ясно, где располагался в это время римский опорный пункт (пост, лагерь или только маяк с подсобными помещениями).[4]

В ходе дореволюционных раскопок на мысе Ай-Тодор был обнаружен алтарь с посвящением Юпитеру от имени М. Геминия Фортиса, бенефициария Уммидия Квадрата. М. И. Ростовцев, впервые издавший этот памятник, датировал его серединой II в. и предположил, что Уммидий Квадрат был наместником Нижней Мезии между 149 и 151/152 гг. (IOSPE 12: № 674; Ростовцев 1911: 11 – 12). Но позднее А. Штейн отнес время наместничества Уммидия Квадрата к более широкому хронологическому диапазону и предложил датировать его периодом между 145 и 155 гг. (Stein 1940: 70, 126). Его точку зрения поддержал Е. Фиц, который посвятил легатам Нижней Мезии специальную работу (Fitz 1966: S. 15; ср.: 1964: 45 – 58). Однако с такой датировкой не согласился Р. Сайм. Тщательно проанализировав родословную Уммидиев Квадратов, он пришел к заключению, что упомянутый в посвящении с Ай-Тодора Уммидий Квадрат был консулом 118 г., причем не ординарным, а выбранным дополнительно, вместо консула, который прекратил свои полномочия (consul saffectus) (Syme 1968: 89, 91, 97). По Р.Сайму, на посту легата Нижней Мезии Уммидий Квадрат находился в начале 20-х годов II в. (ср.: Radulescu, Munteanu 1977: 107 – 110), с чем полностью согласился Б. Томассон (Thomasson 1984: 132, № 74). Этот вывод подтверждается билингвой из Том, которая датируется третьим консулатом императора Адриана (120 г.), в которой Уммидий Квадрат назван легатом (CIL III: 7539 – 12493). А В. Эк указал, что Уммидий Квадрат, упомянутый в надписи с Ай-Тодора, занимал пост наместника Нижней Мезии в 118/119 – 121/122 гг. (Eck 1983: 150, 224).

Таким образом, в настоящее время рассмотренный алтарь может быть датирован временем не позднее начала 20-х гг. II в. и свидетельствовать о том, что уже в это время на мысу Ай-Тодор находились римские войска. Это в свою очередь свидетельствует, что только в период правления Адриана, когда империя перешла от политики внешней экспансии к обороне своих границ, стало возможным размещение римского гарнизона в таком удаленном месте, каким в

[4] В послевоенные годы, по сообщению П. Я. Павлова, бывшего смотрителя ай-тодорского маяка, рядом с современной маячной башней и домом 1876 г. был раскрыт фундамент большого круглого строения, которое, вероятно, может рассматриваться как остатки древнего маяка (см.: Орлов 1988: 19, 22). В связи с этим необходимо подчеркнуть, что два римских маяка в Довере (Dover) и один у Булони (Boulogue), как и Айтодорский, были довольно далеко удалены от основных стоянок подразделений Британского флота (classis Britannica) (см.:Wheeler 1929: 47-58; Johnson 1989: 145 – 152; Brulet 1989: 62-72).

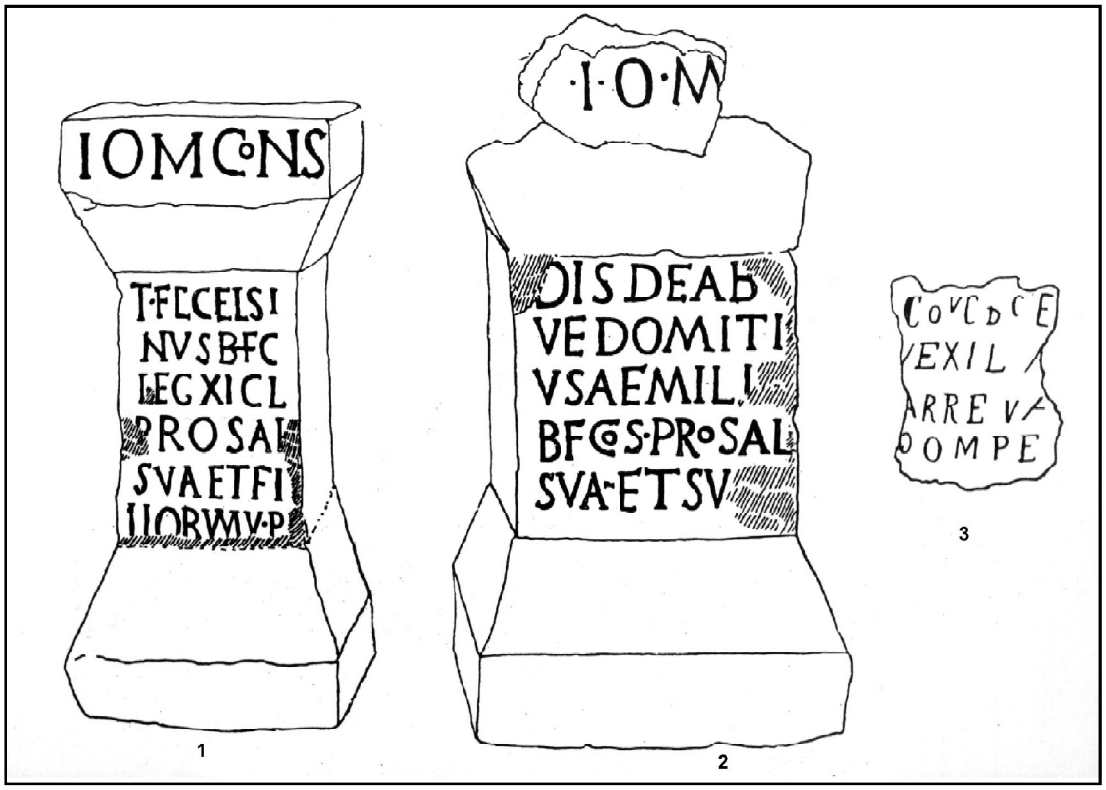

Рис. 20. Эпиграфические памятники из раскопок Харакса по М. И. Ростовцеву.
1 – алтарь с посвящением Юпитеру Лучшему Величайшему от имени Тита Флавия Цельсина, бенефициария консуляра XI Клавдиева легиона; 2 – алтарь с посвящением Юпитеру Лучшему Величайшему от имени Домиция Эмилиана, бенефициария консуляра; 3 – фрагментированная латинская надпись.

то время был Харакс. Причем интересно, что дислокация здесь римских военнослужащих фиксируется на несколько лет позже появления стационарного римского гарнизона в Тире (Карышковский, Клейман 1985: 98; Сон 1986: 98; 1993: 31 – 41). Следовательно, сейчас есть все основания говорить, что появление римского гарнизона или поста на Ай-Тодоре в это время можно рассматривать в русле целенаправленной стратегической римской политики в Северо-Западном и Северном Причерноморье, направленной не только на оборону собственных границ империи, но и подступов к ней (Luttwak 1976: 55; Зубарь 1998: 69 – 78).

Следует также подчеркнуть, что в отличие от более поздних эпиграфических памятников из Херсонеса и Харакса (Рис. 20, 1 – 2), в которых упоминаются бенефициарии, М. Геминей Фортис был бенефициарием консуляра не легиона, а легата провинции Уммидия Квадрата (Domaszewski 1967: 32 – 34; Breeze 1974: 274). Не исключено, что М. Геминей Фортис мог возглавлять римский военный пост, располагавшийся в это время на Ай-Тодоре (ср.: Mann 1983: 38, 66; Зубар 1990: 113), а мог заведовать его канцелярией и находиться в подчинении другого лица более высокого воинского ранга, например, центуриона. Ни тот, ни другой вариант полностью исключить нельзя.

Сейчас традиционно принято считать, что второй тип латинских клейм с упоминанием вексилляции I Италийского легиона, обнаруженный при раскопках Харакса (Рис. 17), датируется не ранее второй половины II в. (Ростовцев 1900: 151; Блаватский 1951: 259; Зубарь 1994: 63; Sarnowski, Zubar 1996: 234; Зубарь, Сарновский 1997: 50 – 59), когда в Херсонесе и его окрестностях появляются военнослужащие этого соединения (Соломоник 1983: 37 – 38, № 9; 44, № 14; 48 – 49, № 20; Зубар, Сарновський, Савеля, 1998: 68 – 72).

Однако не исключено, что эти клейма могут датироваться и более ранним временем. Дело в том, что, как уже говорилось, сейчас есть достаточно убедительные данные, свидетельствующие о присутствии солдат I Италийского легиона в Херсонесе не позднее конца 20-х – начала 30-х гг. II в. (подр. см.: Зубар 1993: 133 – 137; 1998: 75 – 78). С другой стороны, в Херсонесе до настоящего времени отсутствуют какие-либо памятники керамической эпиграфики, которые можно было бы связывать с производственной деятельностью военнослужащих I Италийского легиона. Следовательно, не исключено, что до появления нового материала датировку этой группы клейм нельзя ограничивать второй половиной II в., а можно в предположительном плане относить даже к началу 20-х гг. II в., когда в Херсонесе впервые фиксируется присутствие военнослужащих I Италийского легиона.

К сожалению, до самого последнего времени о римском гарнизоне Харакса середины – третьей четверти имелись очень отрывочные данные. Но в 1984 г. в ходе спасательных археологических работ, проводившихся на территории центральной и юго-западной части римского укрепления, экспедицией Института археологии НАН Украины под руководством К.К.Орлова было обнаружено восемь фрагментов плиты с латинской надписью (Орлов 1988: 19 – 21), которая внесла существенные коррективы в вопрос о римском гарнизоне Харакса.

Надпись была вырезана на плите плотного белого мрамора и представляла собой фрагмент правой части документа на латинском языке в профилированной рамке (Sarnowski, Zubar 1996: 229 – 234; Зубарь, Сарновский 1987: 50 – 59) (Рис. 19). Он состоит из десяти строк, вписанных в профилированную и покрытую красной краской рамку (tabula ansata). В правом нижнем углу, под рамкой, имелось изображение мужской маски. От другого изображения внутри рамки сохранились лишь незначительные следы заглубления. До настоящего времени дошла приблизительно одна треть документа, который первоначально был вырезан на плите размерами около 140 × 80 см. Надпись нанесена на отполированную поверхность без линеек. Буквы высотой 3,5 – 5 см вырезаны глубоко, тщательно и красиво. За исключением буквы S и T в третьей строке, а также четырех лигатур (стр. 6: T+E; стр. 8: E+R и V+E; стр.9: E+N), все остальные буквы расположены на значительном удалении друг от друга. Слова в надписи разделены точками треугольной формы. В конце последней строки помещен листик плюща. Шрифт памятника напоминает scriptura monumentalis и близок надписи на фронтоне неизвестной небольшой постройки из Тиры времени правления Антонина Пия (138 – 161 гг.) (Сон 1986: 60 – 68, рис. 1, 2), а лигатуры – посвятительной надписи из Херсонеса 185 г. (CIL III: 14214, 34 = IOSPE 12: 417 = Соломоник 1983: 37, № 9). Сохранившаяся часть документа читается:

– - -IBVS
– - -NO ET
– - -GVSTIS
– - -HICIS//
– - -IIII OP/- – -
– - -/ TEGVLIS
– - – ANVS
– - -ER VEXILLAT
– - -AGENTE
– - -XI CL

В конце четвертой строки, после HICIS и разделителя, сохранились остатки двух первых букв следующего слова: вертикальная гаста первой и апекс второй. В конце пятой строки видна вертикальная гаста с апексами. С левой стороны перед ET сохранился верхний фрагмент последней буквы (C, E, F, G, S или T) предшествующего слова, а на поврежденной поверхности плиты перед NVS в седьмой строке виден нижний конец наклонной линии буквы A, R или X.

Пять первых строк документа содержит титулатуру двух (стр. 2-3: – -]NO ET/[- – -AV] GVSTIS) Августов, которые именовались Парфянскими (стр. 4: [- – -PART]HICIS) и одновременно в тот же самый раз (стр. 5: IIII или [V]IIII) были императорами. Первый из упомянутых императоров носил имя на -nus (стр. 2: [- – -]NO). Учитывая эти данные, можно отождествить этих двух Августов с Марком Аврелием (161 – 180 гг.) и Луцием Вером (161 – 169 гг.), которые в 166 г. стали в четвертый раз императорами (Kienast 1990: 139, 144). Почетное имя Parthicus maximus они получили около середины этого же года после победы над парфянами (victoria Parthica) (Johne 1967: 178; Kneissl 1969: 97). Следовательно, надпись может быть датирована второй половиной 166 г. или началом 167 г., так как, вероятно, уже в 167 г. оба Августа были в пятый раз императорами, а Марк Аврелий в 171 г. стал им в шестой раз (Kienast 1990: 139,144). Можно заключить, что в пятой строке надписи, кроме IMP, перед цифрой, были помещены только прозвища Августов – Medici, которые ими были получены также летом 166 г. (Kienast 1990: 139,144)

Видимо, можно предположить и то, что перед [PART]HICIS в четвертой строке во множественном числе стоял титул Armeniacus, который Луций Вер носил с осени 163 г., а Марк Аврелий – с середины 164 г.(Kienast 1990: 139,144). В пятой и шестой строках памятника упоминались в винительном падеже либо какие-то сооружения (OP[ERA]) с черепицей (TEGULI[S]), либо в творительном падеже пристройка или отделка, которой (например, opere tectorio – лепным декором) вместе с черепицей было дополнительно украшено существующее здание. Трудно сказать, шла ли в слове TEGVLI[S] речь о черепичной крыше или, например, об используемых часто в воздушном отоплении tegulae mammatae. В следующей, седьмой строке, говорилось о том, что такой-то (имя на -ANVS) построил, восстановил или украсил неизвестное нам сооружение. Название должности этого лица, скорее всего в сокращенном виде, занимало начало восьмой строки надписи. Как и в тирской строительной надписи времени правления императора Траяна (Nicorescu 1944: 502–503; Карышковский 1959: 116, № 5), вероятно, это был легат провинции Нижняя Мезия. В то время этот пост мог занимать либо M. Сервий Максим, либо M. Потий Лелиан (Stein 1944: 76 – 79; Fitz 1966: 47-48; Alföldy 1977: 232 – 233; Thomasson 1984: 20, 22). Однако нельзя исключить и того, что здесь упомянуто какое-то иное должностное лицо римской администрации (ср.: CIL VIII: 619 = ILS: 2747 = Saxer 1967: 42, 92, №74; Беляев 1968: 127 – 137). Но так или ина-

че, строительные работы в крепости были осуществлены солдатами вексилляции или вексилляций (стр. 8: [P]ER VEXILLAT[IONEM или IONES]),[5] заботой (стр. 9: [CVRAM] AGENTE) неизвестного нам, видимо, центуриона XI Клавдиева легиона (стр.10: [- – -> LEG] XI CL), штаб-квартира которого располагалась в Дуросторуме, в Нижней Мезии. Из нескольких возможных восстановлений утраченного в девятой строке названия принадлежности вексилляции или вексилляций наиболее приемлемым представляется засвидетельствованное вторым типом керамических клейм из Харакса наименование провинции (Moesia inferior), откуда в Таврику откомандировывались солдаты для несения службы.

Если предложенные выше наблюдения и замечания справедливы, то новая надпись из Харакса восстанавливается следующим образом:

[Imperatoribus Caesar]ibus
[M.Aurelio Antoni]no et
[L. Aurelio Vero Au]gustis
[Armeniacis Part]hicis [Ma]-
[ximus Medicis imp.] IIII op[- – -]
[- – -] tegulis
[- – -] anus
[- – - p]er vexillat(ionem или -iones)
[- – - curam] agente
[- – - >(centurione) leg(ionis) XI Cl(audiae).

По мнению М. И. Ростовцева и В. Д. Блаватского, около середины II в. н. э. на м. Ай-Тодор вновь дислоцировался сравнительно сильный римский гарнизон, силами которого здесь была возведена римская крепость (Ростовцев 1900: 151; Блаватский 1951: 259). Это заключение хорошо согласуется с публикуемым новым эпиграфическим памятником, который является одним из самых ранних из известных сейчас документов, свидетельствующих о римском военном строительстве в Таврике. Исходя из восстановленного текста, можно говорить, что не позднее 166 г. здесь уже велось достаточно масштабное строительство, связанное с размещением на м. Ай-Тодор римского гарнизона. Причем, содержание надписи хорошо согласуется с результатами археологических исследований, проводившихся здесь К. К. Орловым. В ходе этих работ, как уже говорилось, было установлено, что целый ряд сооружений, в том числе оборонительные стены и термы, были построены не ранее II в. н. э. (Орлов 1988: 24, 26).

Из восьмой и девятой строк надписи следует, что в ней речь идет о каких-то строительных работах. Возведение крепости на м. Ай-Тодор, где отсутствовали источники питьевой воды и где водоснабжение было возможно только с помощью специального водопровода, подававшего воду из родников с Ай-Петри к резервуарам-накопителям (Блаватский 1951: 289; Орлов 1988: 22), с известной долей вероятности позволяет предполагать, что в надписи могла упоминаться постройка, связанная с водоснабжением. Это могли быть, например, opera thermarum или nymphaei.[6] В связи с этим следует вспомнить, что здесь были открыты два резервуара для воды. В одном из них, как уже говорилось, было обнаружено довольно много кровельной черепицы и фрагмент надписи, упоминающей нимфей (IOSPE I2: № 680). Причем, особое значение, которое придавалось здесь хранению воды, объясняется не только нуждами гарнизона, но и экипажей римских военных кораблей, которые курсировали вдоль Южного побережья Таврики и с помощью которых осуществлялась связь Харакса с Херсонесом, где располагалась главная штаб-квартира римских войск (Зубарь 1994: 55 – 56).

Судя по тексту надписи, римские солдаты (vexillarii), дислоцировавшиеся на Хараксе в 166 г., находились под командованием офицера XI Клавдиева легиона, хотя до настоящего времени считалось, что военнослужащие этого соединения появляются в Таврике, в отличие от Ольвии, не ранее рубежа II-III вв. н. э. (Зубар 1991: 121 – 122; 1994: 57). Поэтому упоминание в новой надписи с мыса Ай-Тодор XI Клавдиева легиона позволяет несколько по-иному реконструировать систему римской организации в этом районе и проследить ее в динамике.

В настоящее время установлено, что в 60-х гг. II в. н. э. для охраны Тиры, Ольвии и, видимо, Харакса выделялись солдаты из всех нижнемезийских легионов и вексилляции, дислоцировавшиеся в этих пунктах, были смешанными (Сон 1993: 33 – 34; Зубарь, Сон 1995: 181 – 187). Причем, в Ольвии и Хараксе они находились под командованием центурионов XI Клавдиева, а в Тире и Херсонесе – I Италийского легионов. Поэтому не исключено, что в состав вексилляции Харакса в это время входили не только легионеры, но и солдаты вспомогательных подразделений римской Мезийской армии.

На территории могильника более позднего времени, расположенного в окрестностях римской крепости Харакс, в начале века был найден надгробный рельеф, который в настоящее время хранится в ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве (Ростовцев 1911: 38 – 39, табл. III, рис. 3; Дьяков 1930: 4). В верхней части надгробия изображены Фракийский всадник, собака и кабан, а ниже надпись, которая была восстановлена М. И. Ростовцевым следующим образом:

[5] По мнению профессора В. Эка, при написании текста памятника не имелась в виду передача удвоения L (L geminata) одной буквой, как первоначально думали издатели, но такое написание vexiII было обычным в надписях, хотя поперечный штрих в нижней части второй буквы L значительно короче, чем в первом L.

[6] Ср., например, восстановленное солдатами XXII легиона в Могунтиакуме opus the[rmarum] (CIL XIII: 6804), aquae ductus et nymphaei opu[s] в Ламбезисе (CIL VIII: 2658), но и opu[s] valetudinar[ii] (CIL XIII: 8009). О наличии нимфея в лагере III Августова легиона в Ламбезисе см.: Rakov 1979: 374 – 389.

D(is) M(anibus) / L. F(urio) Seu(tho) / op(tioni) / [prae]f(ecti) coh(ortis) I T[hr(acum) ... – Богам Манам. Луций Фурий Север, оптион префекта (помощник командира) I Фракийской (когорты) ... (Ростовцев 1911: 38; Блаватский 1951: 258).

Однако недавно М. Спейдел предложил несколько иначе восстанавливать эту надпись: D(is) M(anibus) / L. F(urio) Seu(tho) / [se]q(utori) p[r(aepositi)] / [v]ex(illationis) coh(ortis) I T[hr(acum)]. М. Спейдел полагает, что Л. Фурий Север был secutor командира вексилляции I Фракийской когорты, который в римской армии соответствовал должности optio praefecti, т. е. помощника командира этого подразделения. М. Спейдел указал, что имя Север в римской просопографии наиболее часто встречается в северовское время, что, видимо, дает основания датировать этот памятник рубежом II – III вв. или началом III в. При этом исследователь считает, что это надгробие, видимо, происходит не с территории Харакса, а откуда-то с территории Боспора и попало в бывший Алупкинский музей после революции из частной коллекции (Speidel 1989: 515 – 516; ср.: AE 1990: 871).

Но вряд ли на этом можно сейчас настаивать, так как, во первых, подавляющее большинство латинских эпиграфических памятников, обнаруженных в Крыму, происходит из района Херсонеса и Харакса, где дислоцировались военнослужащие подразделений Мезийской армии, а на Боспоре пока известно только три надписи (КБН: 66, 691, 726), которые в той или иной мере можно связать с римскими военнослужащими (Зубарь 1998: 82 – 85). И, во-вторых, имеются данные о том, что надгробие Л. Фурия Севта найдено на территории более позднего могильника в окрестностях Харакса (Ростовцев 1911: 38 – 39), что исключает возможность связывать его с иным регионом Северного Причерноморья.

В составе римской армии известно десять первых Фракийских когорт, три из которых располагались на территории дунайских провинций Римской империи (Jarrett 1969: 215 – 224), и, следовательно, могли из своего состава выделять солдат для несения службы в Хараксе. Cohors I Thracum Germanica Civium Romanorum Equitata в конце I в. находилась в Верхней Мезии, а после Дакийских войн императора Траяна около 110 г. была расквартирована в Дакии, откуда в 116 г. передислоцировалась в Верхнюю Германию (Cichorius 1900: 335 – 336; Stein 1932: 212 – 214; Wagner 1938: 189 – 190; Benes 1978: 52, № 128/91). Сказанное в полной мере касается и Cohors I Thracum Sagittariorum, которая во II в. была размещена в Верхней Дакии (Герасимова 1969: 8; Jarrett 1969: 200, № 18; Benes 1978: 52).

Иначе дело обстоит с Cohors I Thracum Syriaca Equitata, которая, судя по военным дипломам, была в 70 г. переведена из Сирии в Мезию, а после раздела этой провинции на две (86 г.) входила в состав армии Верхней Мезии, где она фиксируется в 100 г. (CIL XVI: 22, 46). Она участвовала в войнах императора Траяна с даками, а после 106 – 110 гг. была переведена в Нижнюю Мезию, где ее лагерь находился в Трансмариске (совр. Тутракан) (Jarrett 1969: 219; Benes 1978: 53; Strobel 1984: 144).

Исходя из всего этого, Луций Фурий Север мог быть помощником префекта только Cohors I Thracum Syriaca Equitata и на него, возможно, были возложены функции командования отрядом кавалерии, который входил в состав римского гарнизона Харакса (Ростовцев 1911: 39, прим. 1). Не исключено, что основной лагерь этой когорты располагался в Трансмариске, недалеко от Дуросторума – основной стоянки XI Клавдиева легиона, позволяет предполагать ее оперативное подчинение командованию этого соединения. Поэтому вполне вероятно, что солдаты Cohors I Tracum Syriaca Equitata находились на территории Харакса вместе с военнослужащими XI Клавдиевого легиона.

Ввиду отсутствия источников, сейчас трудно сказать что-то определенное о динамике изменений в составе римской вексилляции Харакса. Нельзя исключить того, что после пребывания там около 166 г. военнослужащих XI Клавдиева легиона они были заменены солдатами I Италийского легиона, на базе которого с третьей четверти и до конца II в. формировался римский гарнизон, дислоцировавшийся в Херсонесе и его окрестностях (Зубар 1991: 119 – 123; Зубар, Сарновський, Савеля 1998: 74 – 83). Но невозможно полностью отрицать и того, что, в отличие от Херсонеса и его окрестностей, на территории Харакса вплоть до середины III в. ядро римского гарнизона составляли военнослужащие XI Клавдиева легиона, которые в Херсонесе и его окрестностях в конце II или на рубеже II – III вв. сменили солдат I Италийского легиона (Зубар 1991: 119 – 123; 1994: 52; 1998: 117). Ведь при раскопках Харакса неоднократно встречались латинские клейма с аббревиатурой LEG XI CL, в которых написание букв достаточно близко аналогичным экземплярам из Херсонеса и раскопок у с. Заветное (Рис. 18). Именно это, а также отсутствие до самого последнего времени хорошо датированных памятников лапидарной эпиграфики с упоминанием XI Клавдиева легиона дало основание М.И.Ростовцеву и В.Д. Блаватскому, а вслед за ними и другим исследователям считать их самыми поздними и относить к концу II – первой половине III вв. (Ростовцев 1900: 144; Блаватский 1951: 256; ср.: Зубарь 1994: 63). Но после находки в 1984 г. рассмотренной латинской надписи на этом настаивать вряд ли можно, так как такое заключение пока не может быть проверено данными лапидарной эпиграфики.

Помимо военнослужащих указанных легионов и солдат Cohors I Thracum Syriaca Equitata, М.И. Ростовцев в очень осторожной форме

предположил, что в составе римского гарнизона Харакса были и солдаты алы II Hispanorum et Arvacorum (IOSPE I2: № 677; Ростовцев 1911: 37), присутствие которой на территории Нижней Мезии фиксируется военными дипломами со времени Дакийских войн императора Домициана (81 – 96 гг.) и до конца II в. (Cichorius 1893: 1229 – 1230; Cheesman 1914: 75; Benes 1978: 10, № 23). Правда, М. И. Ростовцев, сделавший это предположение на основе фрагментированной латинской надписи с Ай-Тодора (Рис. 20, 3), не настаивал на нем, а лишь не исключал возможности наличия солдат этого подразделения в составе гарнизона Харакса (IOSPE I2: 513). Действительно, в военных дипломах эта ала называется Arvacorum, а в лапидарных – Aravacorum (Benes 1978: 10; Diets 1985: 215) без удвоения *r*, как это имеет место в надписи с Ай-Тодора (ср.: Ростовцев 1911: 37) (Рис. 20, 3). Следовательно, до настоящего времени вопрос о присутствии солдат этой алы в составе римского гарнизона Харакса должен считаться открытым, и только новые эпиграфические находки могут внести окончательную ясность в этот вопрос. В свое время Н. П. Розанова предполагала, что с Хараксом можно связывать надгробие Луция Сабина, датирующееся II в. и хранящееся в Ялтинском музее (Розанова 1951: 151 – 154). Но с уверенностью об этом говорить нельзя. Сведения о месте его находки отсуствуют и он мог попасть в коллекцию музея не из Харакса, а из одной из многочисленных частных коллекций, которыми после революции пополнилось его собрание.

Фракийские посвятительные рельефы, обнаруженные в так называемых святилищах бенефициариев, в свое время позволили М.И. Ростовцеву сделать достаточно убедительный вывод о том, что значительный процент в составе гарнизона Харакса составляли солдаты фракийского происхождения (Ростовцев 1900: 36). Об этом же косвенно свидетельствует и надгробие Луция Фурия Севта, помощника префекта I Фракийской когорты, долго время дислоцировавшейся на территории Подунавья. Процесс включения в состав римских воинских подразделений уроженцев провинций, где были расквартированы войска, особенно активно начался с 30-х гг. II в., после военной реформы Адриана (Dobson, Mann 1973: 191, 196; Campbell 1978: 165; Mann 1983: 38, 66; Keppie 1984: 180 – 181). Причем во второй половине II в. он затронул не только вспомогательные войска, но и легионы, куда набирались жители провинциальных городов Подунавья (Weerd 1907: 305 – 312; Mann 1983: 37). Таким образом, состав римского гарнизона Харакса в этом отношении не составлял исключения и лишь подтверждает сделанные выводы относительно этнического состава Мезийской армии. Вполне возможно, что на территории Харакса жило какое-то количество гражданских лиц. В пользу этого косвенно свидетельствует фрагмент мраморной вотивной плитки с надписью, в которой упоминается женское имя Parthenope (Ростовцев 1911: 42), хотя о наличии специальной канабе пока говорить не приходится (Орлов 1988: 25; ср.: Дьяков 1930: 29; Савеля, Сарновский 1999: 43 – 44).

Сейчас трудно что-то определенное сказать о количественном составе римского гарнизона, расквартированного на мысе Ай-Тодор. Видимо, можно согласиться с М. И. Ростовцевым в том, что состав римского гарнизона Харакса был смешанным и состоял в основном не из легионеров, а солдат вспомогательных подразделений (Ростовцев 1911: 38) и он находился под командованием центуриона (Sarnowski, Zubar 1996: 232; Зубарь, Сарновский 1997: 53 – 54). Причем, видимо, на основании надгробия Луция Фурия Севта нельзя исключить, что в состав римской вексилляции Харакса, помимо пехотинцев, входили кавалеристы, так как должность оптиона известна в штабах именно конных вспомогательных подразделений (Domaszewski 1967: 55 – 59; ср.: Ростовцев 1911: 39, прим. 1). А это, наряду с другими косвенными данными, и в первую очередь наличием следов водопровода, который шел в римскую крепость, позволяет заключить, что на римскую вексилляцию, дислоцировавшуюся на мысе Ай-Тодор, была возложена не только защита самой крепости, но и его ближайших окрестностей. Следовательно, она не могла быть меньше квингенарной когорты численностью в 500 военнослужащих, что, по мнению М. И. Ростовцева, хорошо согласуется с размерами самой крепости (Ростовцев 1911: 38; Дьяков 1930: 33; Блаватский 1985: 232; ср. Rechardson 2000: 425-437). Причем, вне всякого сомнения, во второй половине II в. римская вексилляция Харакса в оперативном отношении была подчинена препозиту всех воинских подразделений в Таврике, резиденция которого находилась в Херсонесе (Беляев 1968: 132 – 133; Кадеев 1981: 29; Зубарь, Сарновский 1997: 56 – 58).

На основании имеющихся в настоящее время материалов можно заключить, что римский гарнизон на мысе Ай-Тодор впервые появился в 60-х гг. I в. во время военной экспедиции Тиберия Плавтия Сильвана, в ходе которой на кораблях Равеннской эскадры в Таврику были переброшены солдаты морской пехоты. На основании находок латинских клейм с упоминанием Равеннской эскадры более или менее уверенно можно говорить, что именно в это время на мысе Ай-Тодор римскими военнослужащими было начато сооружение опорного пункта. Но, к сожалению, сейчас об этом можно говорить лишь на основании фрагментов черепицы с упомянутыми клеймами, так как какие-либо надежные следы строительной деятельности третьей четверти I в. пока археологически не выявлены. Однако римский гарнизон на Южном берегу Таврики находился недолго, и, вероятно, был выведен в связи с событиями граждан-

ской войны в Риме.

В начале 20-х гг. II в. римский гарнизон вновь фиксируется на территории Харакса, хотя пока не ясно, дислоцировался он здесь вплоть до 166 г. или же это было кратковременное пребывание военнослужащих, связанное с каким-то неизвестным нам экстраординарным событием причерноморской истории. В третьей четверти II в., как об этом свидетельствует латинская надпись 1984 г., на Ай-Тодоре римскими военнослужащими уже велось строительство и с этого времени и вплоть до второй четверти III в. вексилляция здесь дислоцировалась постоянно. Есть также основания полагать, что римские военнослужащие охраняли маяк, взяли под свой контроль более или менее обширные территории в ближайших окрестностях и наблюдали за каботажным судоходством вдоль южного берега Таврики.

К сожалению, сейчас трудно сказать, когда римские военнослужащие покинули крепость. М.И. Ростовцев полагал, что, судя по данным нумизматики, это произошло около 244 г. (Ростовцев 1900: 156; ср.: Блаватский 1951: 254; Sarnowski 1988: tabl. 8), что, видимо, было связано с подготовкой Филиппа Араба (244 – 249 гг.) к военным действиям против варваров, угрожавших Фракии и Мезии (Vinogradov, Zubar 1995/ 1996: 139 – 140; Виноградов, Зубарь, Антонова 1999: 78). Хотя, не исключено, что римский гарнизон был выведен из Харакса несколько ранее, во второй половине 30-х гг. III в., в связи с землетрясением, в результате которого могли быть разрушены оборонительные сооружения этой римской крепости. На возможность этого, в частности, указывают трещины сейсмического характера, обнаруженные на оборонительных сооружениях и ядре башни XVII Херсонеса (Антонова, Никонов 1995: 36). Ко времени после этих событий И. А. Антонова относит работы по обновлению и перестройке оборонительных сооружений в юго-восточной части города (Антонова 1996: 119), что косвенно подтверждается надписью 245 г., в которой говорится о постройке в Херсонесе башни (IOSPE I2: 439).

В связи с этим весьма показательны данные источников, сообщающих о том, что в 236/7 г. сильные землетрясения, с образованием на поверхности складок, имели место на территории Каппадокии и Понта (Guidoboni, Comastri, Traina 1994: 240 – 241, № 123).[7] Сейсмическая волна от этих землетрясений, как и после землетрясения 480 г. (Виноградов 1998: 243), вполне могла докатиться и до Таврики, в результате чего пострадали не только оборонительные сооружения Херсонеса и сооружения на Гераклейском полуострове (Ковалевская 1998: 98), но и постройки на территории Харакса. Именно этими событиями, скорее всего, следует объяснять работы по укреплению оборонительных сооружений Херсонеса и возведение новых построек на месте разрушенных на территории цитадели, которые по археологическому материалу и эпиграфическим памятникам относятся к 40-м – 50-м гг. III в. (Антонова 1997: 12; Зубарь, Антонова 2000: 68 – 70).

Но как бы там ни было, после ухода римских солдат водопровод и оборонительные сооружения Харакса были разрушены (Орлов 1988: 22, 27), а мыс Ай-Тодор занят представителями готского разноэтничного союза племен, которым принадлежали погребения, совершенные по обряду кремации в окрестностях бывшего римского опорного пункта (Блаватский 1951: 262 -274; Орлов 1987: 106 – 132; Сидоренко 1987: 133 – 143; Гей, Бажан 1997: 31 – 35). Причем, не исключено, что их размещение здесь было согласовано с римской администрацией, которая рассматривала обитавших здесь варваров в качестве союзников империи (подр. см.: Зубарь 1998: 148 – 150; ср.: Гей, Бажан 1997: 34).

Суммируя все сказанное, следует отметить, что имеющиеся в настоящее время материалы позволяют заключить, что на протяжении более ста лет мыс Ай-Тодор был одним из наиболее значительных после Херсонеса пунктов римского военного присутствия в Таврике. Основной задачей расквартированных здесь солдат римской вексилляции было обслуживание маяка, наблюдение за каботажным плаванием вдоль берегов Южного берега Крыма и его охрана от пиратских вылазок варваров. Но, наряду с этим, римлянами была взята под контроль и территория в непосредственной близости от крепости. Следовательно, размещение и длительное присутствие на Ай-Тодоре римских военнослужащих должно было стать фактором, который в значительной мере определял военно-политическую ситуацию в этом районе. К сожалению, в результате застройки окрестностей и самой крепости в XX в. многие памятники погибли безвозвратно, но, как представляется, исследования всего комплекса проблем, связанных с Хараксом, должно быть продолжено, и начать следует с публикации всех категорий массового археологического материала, полученного в ходе многолетних раскопок на Ай-Тодоре под руководством К. К. Орлова, который до настоящего времени не введен в научный оборот. Это значительно расширит источниковую базу и позволит получить более объективную картину различных аспектов римского военного присутствия в Южной Таврике во всем ее многообразии и неповторимости.

[7] В эпитафии из Амасии, в которой говорится об этом землетрясении, Ю. Г. Виноградов считает возможным восстанавливать не sl[h00] – 238 г. = 235 – 236 гг. н. э. по эре этого центра, начало которой относится к 3/2 г. до н. э. (см.: Leschorn 1993: 115 – 118), а sl[y00] – 239 г., что соответствует 236/7 г. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Антонова И. А. 1996. Юго-восточный участок обороны Херсонеса // Хсб. Вып. 7.

Антонова И. А. 1997. Административное здание Херсонесской вексилляции и фемы Херсона // Хсб. Вып. 8.

Антонова И. А., Никонов А. А. 1995. Следы сейсмических воздействий на оборонительных сооружениях Херсонеса // Проблемы сейсмоопасности Крыма. – Сборник материалов конференции. Севастополь.

Беляев С. А. 1968. К пониманию CIL VIII: 619 // ВДИ. № 4.

Блаватский В. Д. 1951. Харакс // МИА. № 19.

Блаватский В. Д. 1985. О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н. э. // Античная археология и история. М.

Велков В. 1961. Из истории Нижнемезийского лимеса в конце I в. н. э. // ВДИ. № 2.

Виноградов Ф. А. 1910. Развалины на Ай-Тодоре // Гермес. №№ 9 – 10.

Виноградов Ю. Г. 1998. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (В свете датированных боспорских надписей V века) // ВДИ. № 1.

Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. 1999. Schola principalium в Херсонесе // НЭ. Т. XVI.

Гей О. А., Бажан И. А. 1977. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.

Герасимова В. 1969. Разместване на римските помощни войски през II в. в Мизия и Дакия // Археология. Кн. 4.

Дьяков В. Н. 1930. Древности Ай-Тодора. Ялта.

Дьяков В. Н. 1942. Таврика в эпоху римской оккупации // Уз. МГПИ. Т. 28. Вып. 1.

Зубар В. М. 1988. Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. Вып. 63.

Зубар В. М. 1990. Нотатки з латинської епіграфіки Херсонеса і Харакса // Археологія. № 2.

Зубар В. М. 1991. Новий латинський напис з Болгарії і деякі питання історії Таврики // Археологія. № 1.

Зубар В. М. 1993. Нові свідотцтва про римські війська в Херсонесі // Археологія. № 4.

Зубарь В. М. 1994. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. К.

Зубар В. М. 1995. Про ранню дату клейм Мезійського Флавієва Флота // Археологія. № 4.

Зубарь В. М., Сарновский Т. 1997. Новая латинская строительная надпись с Ай-Тодора и некоторые вопросы римской военной организации в Таврике во второй половине II в. // ВДИ. № 4.

Зубар В. М., Сарновський Т., Савеля О. Я. 1998. Нові латинські написи з римського храму в околицях Херсонеса Таврійського // Археологія. № 4.

Зубарь В. М. 1998. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н. э. – первая половина VI в.). К.

Зубарь В. М., Сон Н. А. 1995. К интерпретации одной латинской надписи из Ольвии (IOSPE, I2, № 322) // ВДИ. № 3.

Зубарь В. М., Антонова И. А. Новые данные о римском гарнизоне Херсонеса в первой половине III в. // ВДИ. № 1.

Кадеев В. И. 1981. Херсонес Таврический в первые века н. э. Харьков.

Карышковский П. О. 1959. Надписи Тиры // ВДИ. № 4.

Карышковский П. О., Клейман И. Б. 1985. Древний город Тира. Киев.

Кеппен П. О. 1837. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.

Ковалевская Л. А. 1998. Керамический комплекс конца II – первой половины III вв. н. э. из раскопок виллы 341 // Хсб. Вып. 9.

Кондараки В. Х. 1873. Универсальное описание Крыма. Николаев. Ч. 1.

Малеванный А. М. 1997. История иллирийцев и римской провинции Иллирик. Тула.

Орлов К. К. 1975. Отчет об археологическом обследовании холма Тоха-Дахир и урочища Осман в Артеке в 1975 // НА НАНУ. Дело № 1975/22 б.

Орлов К. К. 1977. Отчет об археологических исследованиях римской крепости Харакс в 1977 г. // НА ИА НАНУ. Дело № 1977/17а.

Орлов К. К. 1978. Исследования Харакса // АО за 1977 г. М.

Орлов К. К. 1980. Раскопки внутрикрепостной территории Харакса // АИУ, 1978 – 1979 гг. – Тезисы докладов. – Днепропетровск.

Орлов К. К. 1980. Отчет об археологических исследованиях римской крепости Харакс в 1980 г. // НА ИА НАНУ. Дело № 1980/ 10 «0»а .

Орлов К. К. 1981. Отчет об археологических исследованиях римской крепости Харакс в 1981 г. // НА ИА НАНУ, дело № 1981/3 «3» б.

Орлов К. К. 1982. Раскопки терм Харакса // АО за 1981 г. М.

Орлов К. К. 1984. Работы Ай-Тодорского отряда // АО за 1982 г. М.

Орлов К. К. 1985. Изучение Харакса // АО за 1983 г. М.

Орлов К. К. 1987. Ай-Тодорский некрополь // Материалы по этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. Киев.

Орлов К. К. 1988. Архитектурные комплексы Харакса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев.

Репников Н. И. 1941. О характере римской оккупации Южного берега Крыма // СА. Т. 7.

Розанова Н. П. 1951. Эпиграфические памятники Ялтинского музея // ВДИ. № 1.

Ростовцев М. И. 1900. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость // ЖМНП. Март.

Ростовцев М. И. 1911. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. Вып. 42.

Савеля О. Я., Сарновский Т. 1999. Две латинских надписи из Балаклавы и Херсонеса // ВДИ. № 1.

Сапрыкин С. Ю. 1981. Черепица с клеймами римского легиона из усадьбы хоры Херсонеса // КСИА. Вып. 168.

Сидоренко В. А. 1987. К вопросу об этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV – начала V вв. с подражаниями «лучистинского типа» // Материалы по этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. Киев.

Соломоник Э. И. 1966. О римском флоте в Херсонесе // ВДИ. № 2.

Соломоник Э. И. 1983. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М.

Сон Н. А. 1986. Новая латинская надпись из Тиры // ВДИ. № 4.

Сон Н. А. 1993. Тира римского времени. Киев.

Фирсов Л. В. 1975. Известковый вяжущий раствор в оборонительных стенах Харакса (Крым) // СА. № 1.

Фирсов Л. В. 1990. Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск.

Шелов Д. Б. 1981. Римляне в Северном Причерноморье во II в. н. э. // ВДИ. № 4.

Шульц П. Н. 1958. О некоторых вопросах истории тавров // ПИСПАЭ. М.
Alföldy G. 1977. Konsulat und Senatorenstand unter den Antoninen. Prosopographische Untersuchungen zur senatorischen Fuhrungsschicht. Bonn,
Aricescu A. 1977. Armata în Dobrogea Romană. Bucureşti.
Baatz D. 1975. Der römische Limes. Archäologische Ausfluge zwischen Rhein und Donau. – Berlin.
Benes J. 1978. Auxilia Romana in Moesia atque in Dacia. Praha.
Bollini M. 1968. Antichita classiarie. Ravenna.
Breeze D. 1974. The Organisation of the Career Structure of the Immunes and Principales of the Roman army // Bonner Jahrbücher. Bd. 174.
Brulet R. 1989. The Continental Litus Saxonicum // The Saxon Shore. – Exeter (=Exeter Studies in History 25).
Campbell B. 1978. The Marriage of Roman Soldiers under the Empire // JRS. Vol. 18.
Cheesman C. L. 1914. The Auxilia of the Roman Imperial Army. Oxford.
Cichorius C. 1900. Ala // RE. Bd. 1.
Ńlauss M. 1990. Mithras. Kult und Mysterien. Munchen.
Condurachi Em. 1974. Classis Flavia Moesica au I-er siècle de N. E. // D'Études sur les frontieres Romaines. Actes du IX-e Congres International. – Bucureşti, Köln, Wien.
Die Römer in Hessen. 1982. Stuttgart.
Diets K. 1985. Das alteste Militardiplom fur die Provinz Pannonia Superior // Bericht der römisch-germanischen Kommission. Bd. 65.
Dobson B., Mann J. C. 1973. The Roman Army in Britain and Britons in the Roman Army // Britannia. Vol. 4.
Domaszewski A. 1967. Die Rangordnung des römischen Heeres. – Wien, Köln.
Eck W. 1983. Jahres- und Provinzialfasten der Senatorischen Statthalter von 69/70 bis 138/139 // Chiron.
Fellmann R. 1983. Principia-Stabsgebaude // Limes-museum Aalen. Heft 31.
Fiebiger E. 1899. Classis // RE. Bd. 3.
Fitz J. 1964. Ummidio Quadrato Covernatore della Moesia Inferiore // Epigraphica. ą 26.
Fitz J. 1966. Die Laufbahn der Statthalter in der romischen Provinz Moesia Inferior. Weimar.
French D. H. 1984. Classis Pontica // Epigraphica Anatolica. IV.
Guidoboni Ed. E., Comastri A., Traina G. 1994. Catalogue of Ancient Earthquakes in the Mediterranean area up to the 10th Century. Roma.
Jarrett M. G. 1969. Thracian Units in the Roman Army // Israel Exploration Journal. Vol. II.
Johne K.-P. 1967. Zu den Siegerbeinamen der Kaiser Marc Aurel und Commodus // Klio. 48.
Johnson A. 1990. Römische Kastelle. Mainz am Rhein.
Johnson S. 1989. Dover // The Saxon Shore. Exeter (= Exeter Studies in History 25).
Keppie L. 1984. Making of the of the Roman Army from Republic to Empire. New York, Tawota.
Kienast D. 1966. Untersuchungen zu den Kriegsflotten der römischen Kaiserzeit // Antiquites. – Abhandlungen zur alten Geschichte. Bd. 13.
Kienast D. 1990. Römische Kaisertabelle. Grundzuge einer römischen Kaiser chronologie. – Darmstadt.
Kneissl P. 1969. Die Siegestitulatur der römischen Kaiser. Göttingen.
Leschorn W. 1993. Antike Aren. Stuttgart.
Luttwak Ed. N. 1976. The Grand Strategy of the Roman Empire. From the First Century A. D. to the Third. Baltimore and London.
Mann J. C. 1983. Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principate. London.
Nicorescu P. 1944. O inscripție a impăratului Traian găsită la Cetatea Albă // Analele Academiei Române. Memoriile secțiunii istorice. Ser. III, 26.
Petrikovits H. v. 1975. Die Innenbauten römischer Legionslager während der Prinzipatszeit // Abhandlungen der Rheinisch – Westfalischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 56.
Rădulescu A., Munteanu M. 1977. Unveröffentliche Inschriften aus Tomis und Callatis // Epigraphica (VII Congres International d'Epigraphie Grecque et Latine). – Bucureşti.
Rakov F. 1979. Das Groma – Nymphaeum im Legionslager von Lambaesis // RM. 86
Redde M. 1986. Mare Nostrum. Les infrastructures, le dispositif et l'histoire de la marine militaire sous l'Empire romain. Rome.
Richardson A. 2000. The numerical Basis of roman Camps // Oxford Journal of Archaeology. 19 (4).
Rostovzeff M. 1902. Römische Besatzungen in der Krim und das Kastell Charax // Klio. II. I.
Sarnowski T. 1988. Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na Północnym wybrzeżu morza Czarnego. Warszawa,
Sarnowski T., Zubar V. M. 1996. Römische Besatzungstruppen auf der Südkrim und eine Bauinschrift aus dem Kastell Charax // ZPE. Bd. 112.
Sarnowski T., Savelja O. 1998. Das Dolichenum von Balaklawa und die römischen Streitkräfte auf der Südkrim // Archeologia. 49.
Saxer R. 1967. Untersuchungen zu den Vexillationen des römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diokletian. – Bonn.
Speidel M. P. 1989. Furius' Gravestone from the Crimea // The Eastern Frontier of the Roman Empire. BAR. 553 (II).
Starr C. G. 1960. Roman Imperial Navy 31 D. C. – 324 A. D. – New – York.
Stein E. 1932. Die kaiserlichen Beamten und Truppenkörper im römischen Deutschland under dem Prinzipate. Wien,
Stein A. 1940. Die Legaten von Moesien. Budapest.
Strobel K. 1984. Untersuchungen zu den Dakerkriegen Trajans. Studien zur Geschichte des mittleren und unteren Donauraumes in der hohen Kaiserzeit. Bonn.
Syme R. 1968. Ummidii // Historia. Bd. 17.
Thomasson B. E. 1984. Laterculi praesidum. Gøteborg. Vol. I.
Vinogradov Ju. G., Zubar V. M. 1995/1996. Die Schola Principalium in Chersonesos // Il Mar Nero. II.
Wagner W. 1938. Die Dislocation der römischen Auxiliarformationen in den Provinzen Noricum, Pannonien, Moesien und Dacien von Augustus bis Gallienus. Berlin.
Watson G. R. 1969. The Roman Soldier. London.
Weerd H. 1907. Étude historique sur trois legions romaines du Bas-Danube. Paris.
Wheeler R. E. M. 1929. The Roman Lighthouses of Dover // Archaeological Journal. LXXXVI.

А.Г.Фурасьев

СРЕДНЕТУШЕМЛИНСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПОДВИНЬЯ
(истоки керамической традиции)

A.G. Furasiev. Middle Tushemlya Sites in Dvina Area (Origins of Ceramic Tradition).

The article analyses development of ceramic assemblage on the sties of Middle Tushemlya type, basing on the model of three settlements in Dvina area (south of Pskov Oblast'), which are dated by II–III cc. AD. The pottery on these sites is mainly represented by typical big hand-made vessels of truncated conic shape with everted rim decorated with tucks and incisions. Some wares have hatching decoration on the external surface. This type of wares find no local roots. The closest analogues can only be found as near as on the sites in Sozh river basin and on Dnieper at the confluence of the rivers Sozh and Berezina (sites of Chechersk-Kisteni type); they are, however, dated there by earlier period: II c. BC – I c. AD. The author believes that the facts of disappearance of such sites in Sozh basin and appearance of pottery typical of the middle layer of Tushemlya in Dvina basin are interconnected and seem to be evidence of migration activities.

История изучения памятников типа среднего слоя городища Тушемля, начало которой было положено около сорока лет назад П.Н.Третьяковым, впервые выделившим их в особую культурную группу, не богата бурными дискуссиями и разнообразием гипотез и мнений. Практически вся информативно-интерпретационная база знаний об этих древностях сложилась уже в 60—70-е годы после раскопок основных городищ, в том числе — поселения-эпонима на Смоленщине. Проблема формирования среднетушемлинского культурного комплекса на территории Верхнего Подвинья и Поднепровья в основных чертах также сегодня не является спорной. Исследованиями П.Н.Третьякова выявлена решающая роль в данном процессе зарубинецкой культуры, оказывавшей серьезное влияние на местные днепро-двинские племена.

Целью настоящей работы является попытка выявления наиболее вероятных корней «зарубиноидного» компонента керамики среднетушемлинских поселений Подвинья (юг Псковской обл.) с учетом существующих ныне представлений о локальных различиях классической зарубинецкой культуры и о ее соотношении с позднезарубинецкими культурными группами. Статья основана на материале нескольких городищ верховьев рек Ловати и Западной Двины (рис.1).

Далее приводится описание имеющихся в нашем распоряжении коллекций материала по каждому памятнику. Полную информацию об этих поселениях можно найти в публикациях. Все коллекции хранятся в фондах Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. Мы выражаем свою признательность Р.С.Минасяну — хранителю этих коллекций и автору раскопок использованных в работе памятников за любезное разрешение публикации его материалов.

Городище Полибино. Расположено на берегу р.Ловати, в верхнем ее течении (рис.1).

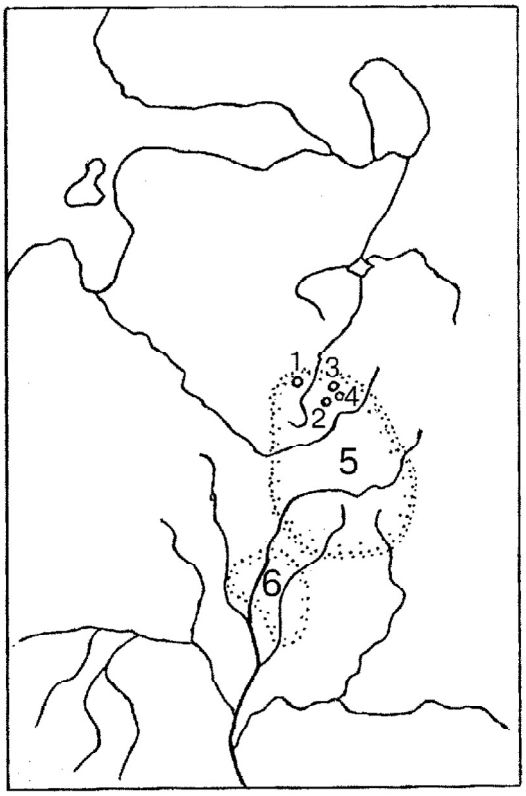

Рис.1. Карта памятников. 1 — Полибино, 2 — Староселье, 3 — Назимово, 4 — Михайловское, 5 — ареал памятников типа среднего слоя Тушемли (по: Шмидт 1992: 206), 6 — ареал чечерской группы памятников (по: Обломский, Терпиловский 1991: рис.25).

© А.Г.Фурасьев, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

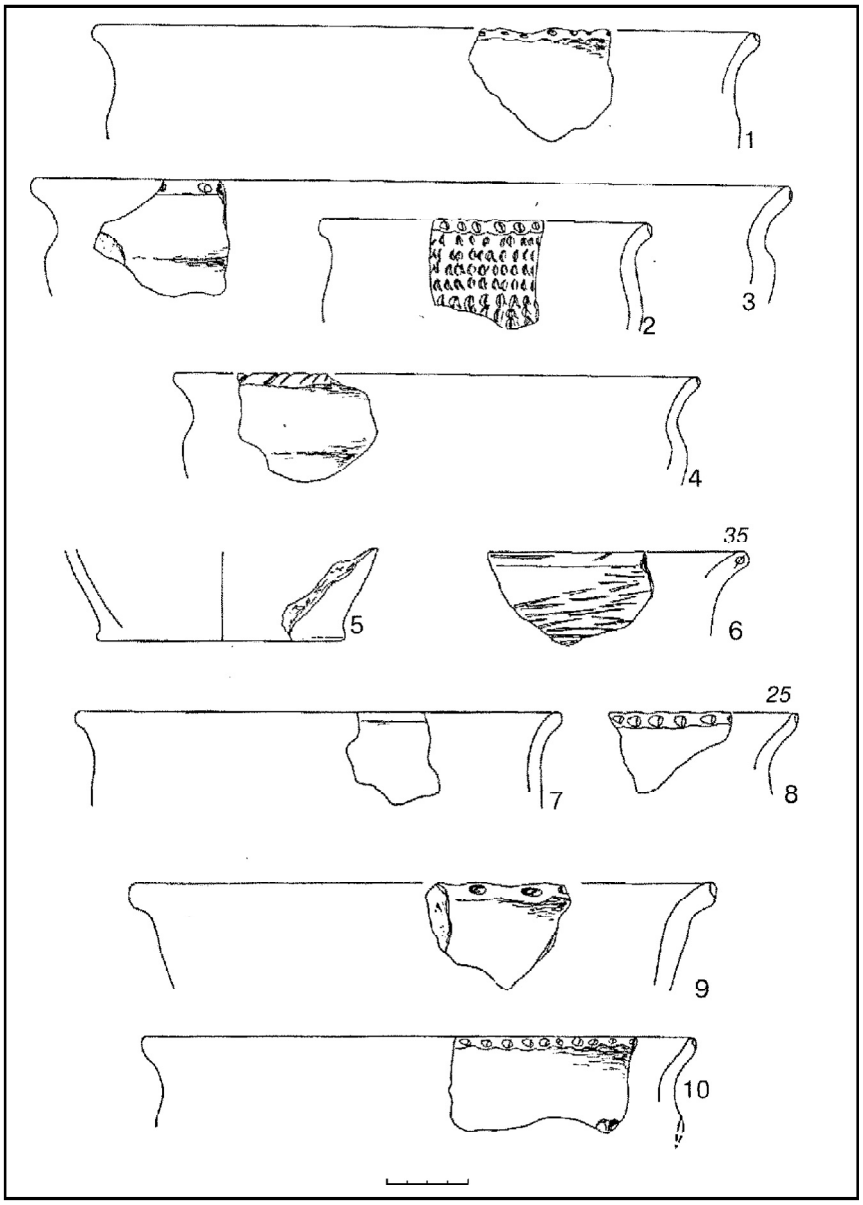

Рис.2. Городище Полибино. 1-4, 6-10 — грубая лепная посуда, 5 — фрагмент лощеного сосуда.

Раскопки на городище проводились в 1913 г. Д.Н.Эдингом и в 1953—1954 гг. Я.В.Станкевич (Станкевич 1960).

Коллекция керамики из раскопок Я.В.Станкевич насчитывает на сегодняшний день 33 венчика типа среднего слоя (из них типологически определимых — 17), 6 венчиков днепро-двинских баночных сосудов, 4 фрагмента чернолощеной посуды. В качестве отощителя керамического теста использована дресва. В культурном отношении материалы очень однородные: верхний слой содержит почти исключительно хорошо профилированную посуду довольно крупных размеров (диаметр от 20 до 35 *см*), а единичные фрагменты днепро-двинской посуды относятся в основном к раннему периоду жизни городища.

Приводимая ниже ***типология груболепной керамики*** является общей для всех памятников. Лощеная посуда рассматривается отдельно.

1) Сосуды максимально открытой формы с коническим туловом, слабо выраженными плечиками, короткой шейкой и резко отогнутым наружу венчиком. Плечико может быть либо вовсе не выражено, либо едва намечено. Максимальный диаметр приходится на край венчика (рис.2, *1, 7-9*; 3, *1*). Четко диагностируются 7 фрагментов.

2) Сосуды, пропорционально близкие типу 1, но с более резкой профилировкой. Плечико имеет вид четкого перегиба или даже ребра. Максимальный диаметр приходится на уровень плечиков, диаметр устья чуть меньше или равен ему (рис.2, *2-4*; 3, *3*). 3 фрагмента.

3) Округлобокие сосуды с выпуклым туловом, сужающейся шейкой и плавно отогнутым венчиком. Максимальное расширение приходит-

ся на середину — две трети высоты (рис.2, *7*). 2 фрагмента.

4) Слабопрофилированные сосуды с прямым почти вертикальным венчиком и слабо выраженным плечиком. Найден всего 1 фрагмент.

Подавляющая часть керамики, относящейся к собственно среднетушемлинскому типу — гладкостенная. Лишь один фрагмент венчика (рис.2, *6*) и несколько небольших фрагментов стенок покрыты грубой штриховкой, но зато довольно часто встречаются пальцевые защипы по тулову, в том числе даже на придонной части, защипы по плечикам, глубокие ногтевые вдавления по тулову (рис.2, *2, 10*). Основной способ орнаментации края венчика — пальцевые защипы с отпечатком ногтя, в двух случаях отмечены просто неглубокие ямочные вдавления, в одном случае — глубокие косые насечки и отпечатки ногтя (рис.2 и 3). В нескольких случаях край венчика не орнаментирован.

Найдено четыре фрагмента лощеной посуды, два из которых принадлежат стенкам скорее всего одного сосуда, один является фрагментом донца (рис.2, *5*), еще один также напоминает на первый взгляд донце диаметром 5 *см,* однако не может им являться, так как имеет выпуклую поверхность и сильно расширяющиеся «стенки». Вероятно, это фрагмент крышки. Лощение во всех случаях не очень качественное, но тем не менее имеет характерный зеркальный блеск.

По качеству обработки поверхности им немногим уступают фрагменты мисковидных сосудов, не лощеных, но очень тщательно заглаженных или замытых, которые по составу теста (отсутствие крупных примесей) и характеру обжига (плотный однородный черепок) не отличаются от собственно лощеных. Один фрагмент принадлежит небольшой миске с коротким вертикальным венчиком и четким ребром (рис.3, *2*). Аналогии ей известны на памятниках позднезарубинецкого времени (Обломский, Терпиловский 1991, рис.9, *11, 20*, 21, *4*). Обломок второй миски имеет вогнутый внутрь край венчика и коническое чашеобразное тулово (рис.3, *4*). Он практически идентичен сосудам, распространенным на памятниках типа Почепа и Гриней (Обломский, Терпиловский 1991, рис.12, *1*; 30, *14*; 21, *6*).

На городище обнаружен еще один мискообразный сосуд, опубликованный в книге Я.В.Станкевич (Станкевич 1960, табл.LXII, *8*). Такая форма мисок довольно широко распространена на памятниках позднезарубинецкого времени и киевской культуры. Близкие по пропорциям аналоги известны на различных поселениях, однако все предполагаемые лощеные

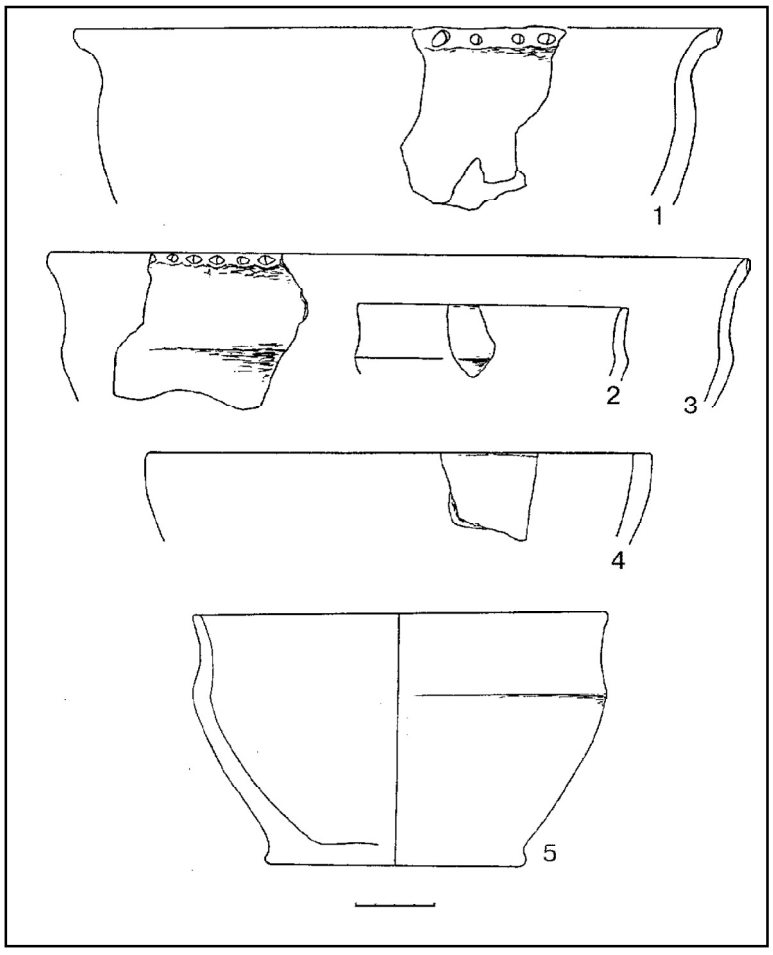

Рис.3. Городище Полибино. 1,3 — грубая лепная посуда, 2,4,5 — столовая посуда (нелощеная).

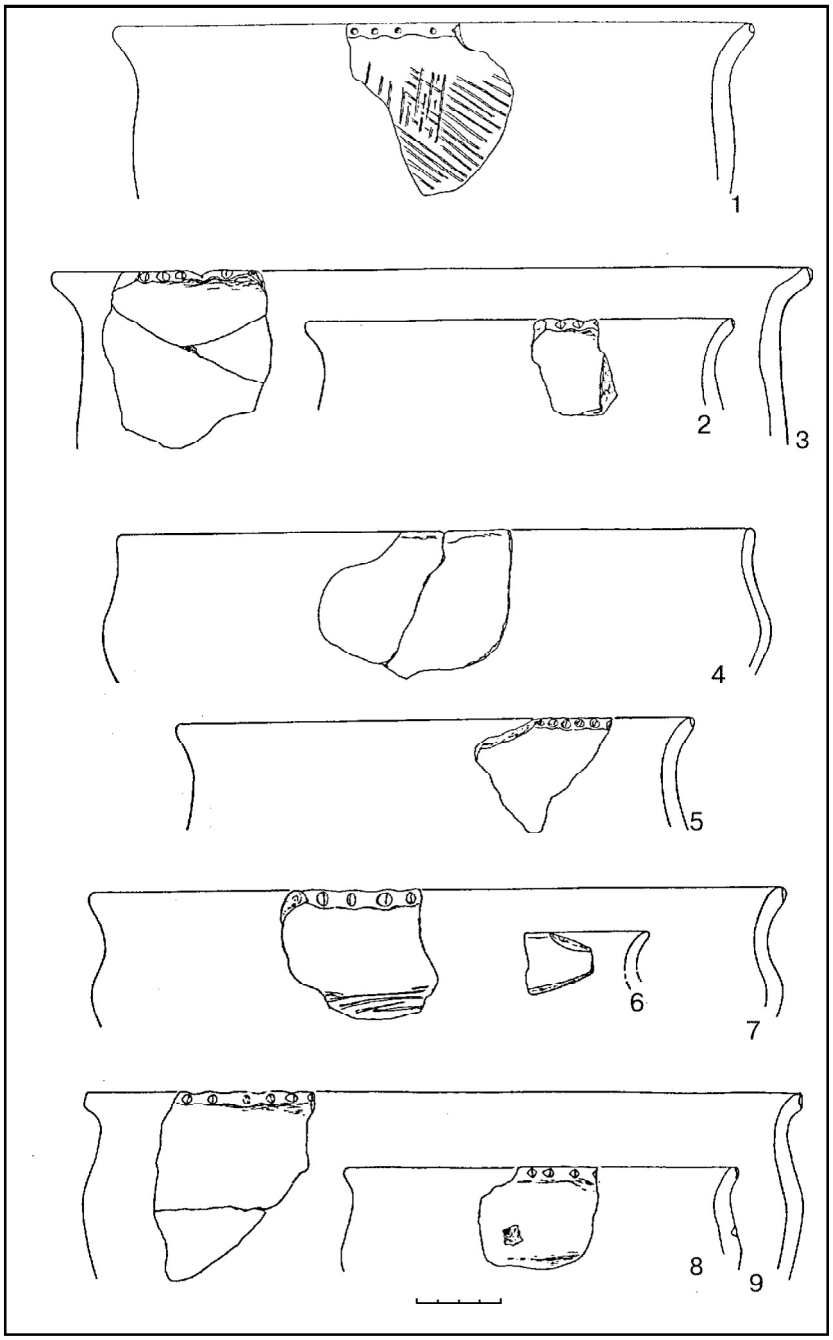

Рис.4. Городище Староселье. 1-5, 7-9 — грубая лепная посуда, 6 — фрагмент лощеной миски.

прототипы отличаются либо четкой и резкой профилировкой верхней части, либо большей глубиной. К тому же полибинская миска (рис.3, *5*) отличается по составу теста, качеству обработки поверхности и характеру исполнения, значительно уступая по этим показателям даже нелощеной столовой посуде, найденной на городище. Близка полибинской миска из погребения III в.н.э. могильника Брест-Тришин (Кухаренко 1980, табл.XXV, *36, 55*).

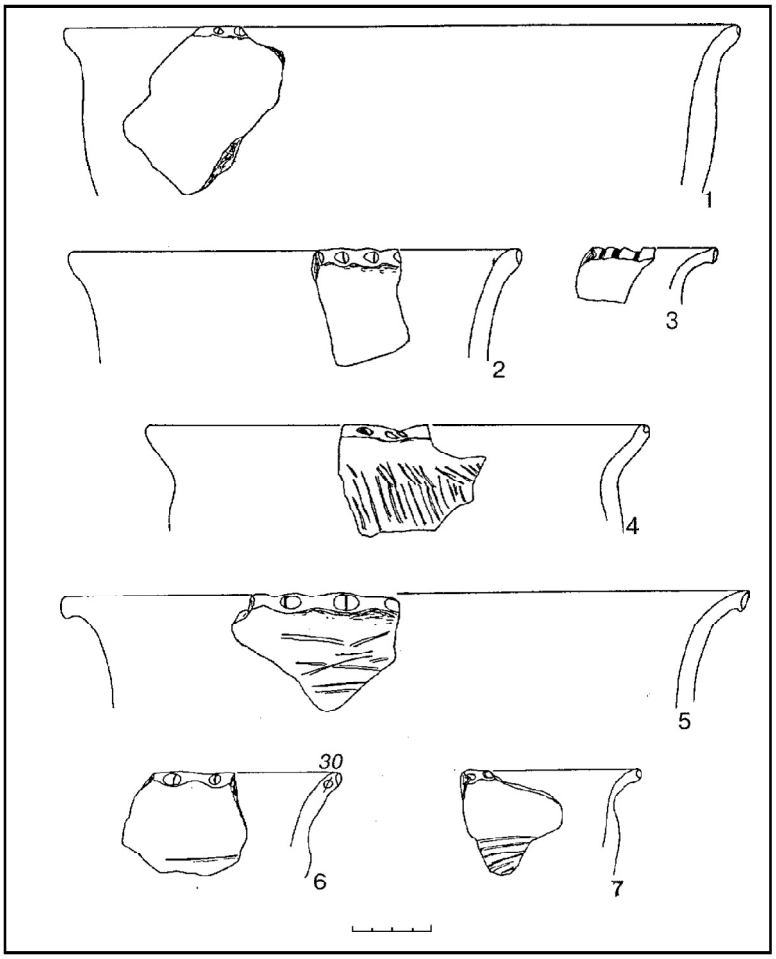
Датировка памятника может опираться на аналогии столовой посуде, которые указывают вероятнее всего на I—III вв.н.э.

Коллекция раскопок 1913 года, хранимая ныне в Государственном Историческом Музее (инв. № 80135), не вносит никаких существенных дополнений в характеристику памятника. Среди фрагментов керамики практически нет типологически определимых венчиков.

Городище Староселье. Расположено на берегу оз.Двинье (рис.1). Раскопки на городище проводились Р.С.Минасяном в 1969-70 гг. (Минасян 1974).

Коллекция керамики насчитывает 26 фрагментов венчиков среднетушемлинского типа (из них 13 типологически определимых), 4 фрагмента лощеной посуды, 18 венчиков днепро-двинской посуды. Основная примесь в тесте керамики — дресва, однако найдено несколько фрагментов сосудов с примесью шамота. Днепро-

Рис.5. Городище Назимово. Грубая лепная керамика.

двинский и среднетушемлинский слои стратиграфически разделяются, но единичные обломки днепро-двинской керамики есть и в верхнем слое. Замечание Б.С.Короткевича о преобладании днепро-двинской керамики в верхнем слое Староселья, как и в среднем слое городища Тушемля (Короткевич 1992: 65), ошибочно.

Основной способ орнаментации посуды — пальцевые защипы и вдавления с отпечатками ногтя по краю венчика. Штриховка встречается довольно редко, есть лишь 2 фрагмента венчиков, причем один из них отличается регулярностью штриховки и четкостью наносившего ее штампа, а по венчику украшен круглыми ямочными вдавлениями (рис.4, *1*). Есть также несколько фрагментов стенок, покрытых штриховкой с внешней, а иногда и с внутренней стороны. Три фрагмента принадлежат стенкам сосудов, имеющих пальцевые защипы по тулову.

На городище найдено несколько обломков чернолощеной посуды, среди которых есть небольшой обломок плавно отогнутого венчика (рис.4, *6*). Лощение очень качественное, черепок довольно тонкий и плотный, без примесей. Судить о форме миски по этому обломку крайне затруднительно. Еще три маленьких фрагмента стенок покрыты черным лощением очень низкого качества. Распределение керамики по типам следующее: тип 1 (рис.4, *1, 3*) — 3 фрагмента (диаметр — 30-35 *см*), тип 2 (рис.4, *7-9*) — 4 фрагмента (диаметр 19-36 *см*), тип 3 (рис.4, *2, 5*) — 4 фрагмента (20-36 *см*), тип 4 — 1 фрагмент.

Особняком стоит обнаруженный на городище развал крупного горшка с тонкими гладкими стенками, неорнаментированного, имеющего сильно выпуклое тулово и сужающуюся верхнюю часть с почти прямым коротким венчиком, шейка практически не выражена (рис.4, *4*).

Городище Назимово. Расположено близ северного берега Жижицкого озера (рис.1). Разведочные раскопки проведены В.А.Семеновым в 1972 г.

В состав коллекции входят 10 венчиков среднетушемлинского типа и только один днепро-двинский. Лощеной керамики нет. Все типологически определимые фрагменты венчиков, а их 6, относятся к типу 1 (рис.5). Диаметр сосудов от 22 до 35 *см.* Плечики двух сосудов выражены в виде четкого излома, не имеющего, однако, соответствия на внутренней поверхности (рис.5, *6, 7*). Штриховкой изнутри и снаружи покрыты несколько фрагментов стенок и 4 венчика (рис.5, *4-7*). Край венчика у сосудов орнаментирован пальцевыми защипами с отпечатком ногтя, в одном случае — очень глубокими паль-

цевыми вдавлениями (рис.5, *7*), один фрагмент украшен по венчику отпечатками раздвоенной палочки (рис.5, *4*). Найден один обломок венчика, украшенного косой «насечкой», аккуратно и глубоко вырезанной ножом (рис.5, *3*).

Городище Михайловское. Расположено на северном берегу Жижицкого озера, в устье р.Висечи (рис.1). Памятник исследовался Я.В.Станкевич в 1950 и 1952 годах (Станкевич 1960: 202-214).

При раскопках была получена очень богатая керамическая коллекция, которая, к сожалению, не сохранилась до наших дней. До нас дошли только фотографии и рисунки автора раскопок, помещенные ею в публикацию и в полевые отчеты. Как можно судить по этим сведениям, коллекция, как и сам памятник, интересна тем, что среднетушемлинский и днепродвинский материал перемешаны не только в одном слое, но зачастую и в одних комплексах (Станкевич 1960: 205-212). Значительная часть посуды покрыта штриховкой. Интересно и то, что типичные среднетушемлинские способы орнаментации посуды (штриховка поверхности, защипы, насечки и вдавления по венчику) встречаются и на типичных днепро-двинских баночных сосудах (Станкевич 1960, Табл.XXIII-XXV).

Проблема датировки среднетушемлинских памятников Подвинья рассматривается в статье Б.С.Короткевича (Короткевич 1989). Отсутствие узко датируемых вещей не позволяет четко определить хронологические рамки использования каждого из этих поселений. Судя по незначительной мощности культурных напластований, время жизни среднетушемлинских городищ, как и длительность всего среднетушемлинского периода на территории Подвинья, вряд ли превышало 100—150 лет, а возможно было еще меньше. По имеющимся ныне данным время функционирования поселений Михайловское и Староселье скорее всего лежит в пределах II—III вв.н.э. Основанием для подобной датировки послужили найденные в Михайловском трапециевидная подвеска, полусферическая бронзовая бляшка, посоховидные булавки, узколезвийный проушной топор, которые имеют аналогии на памятниках Прибалтики и Среднего Поднепровья. В Староселье обнаружены железная бритва с круто выгнутым лезвием, грузики дьякова типа и биконическое пряслице, датируемые первыми вв.н.э. Все это дает основание с наибольшей вероятностью датировать памятники II—III вв.н.э. (Короткевич 1989: 11-13).

Нельзя не привлечь здесь и данные по городищам Смоленщины. Самые ранние находки, обнаруженные на среднетушемлинских поселениях Поднепровья, также относятся к первым векам н.э. Глазчатая фибула прусской серии, найденная на городище Церковище (Седов 1964: рис.26, *5*), по классификации Р.Ямки, наиболее близка экземплярам типа III, распространенного преимущественно в низовьях Вислы с конца I в.н.э. до рубежа II—III вв. (Jamka 1964: 65-67). Подвязная прогнутая одночленная фибула верхнеднепровского варианта по А.К.Амброзу, происходящая из среднего слоя городища Тушемля (Третьяков, Шмидт 1963: рис.21), была датирована II в.н.э. (Амброз 1966: 68). Однако самые ранние образцы подобных фибул (вариант Ф по Ю.В.Кухаренко) обнаружены на памятниках финала классической зарубинецкой культуры, и поэтому их появление следует относить к I в.н.э. (Обломский, Терпиловский 1991: 23-24). Проникновение «верхнеднепровских» фибул в лесную зону, как и формирование среднетушемлинской культуры, по мнению М.Б.Щукина, связано с процессами второй половины I в.н.э. (Щукин 1994: 238-239).

Бронзовые фибулы среднелатенской схемы, найденные в Городке (Третьяков, Шмидт 1963: рис.52) и на Девичьей Горе (Алексеев 1963: рис.21, *9*), происходят из перемешанных слоев и могут относиться скорее к раннему днепродвинскому этапу жизни этих поселений (Щукин 1994: 112). Впрочем, вторая из указанных находок, по мнению автора раскопок и Ю.В.Кухаренко, датируется, вероятнее всего, также I в.н.э. (Алексеев 1963: 78). С учетом этих данных, наиболее вероятная датировка памятников типа среднего слоя Тушемли на территории Верхнего Поднепровья и Подвинья — конец I—II вв.н.э. Возможно, некоторые доживают и до III в.

Попытка узко определить генетические истоки керамического комплекса среднетушемлинских памятников Подвинья была сделана Н.В.Лопатиным. Опираясь на особенности орнаментации и обработки поверхности посуды, он выделил два вероятных компонента, участвовавших в формировании среднетушемлинских керамических традиций. Штрихованные сосуды с защипами по венчику, по его мнению, связаны с памятниками типа Чечерск-Кистени нижнего Посожья, а наличие в Смоленской области нескольких среднетушемлинских городищ, где штриховка отсутствует, говорит о влиянии памятников типа Горошков-Чаплин зарубинецкой культуры и почепской культуры Подесенья (Лопатин 1991: 51-52; 1995: 44).

Памятники типа Чечерск-Кистени или чечерской группы, впервые выделенные А.М.Обломским (1983: 15-16), сегодня рассматриваются как один из локальных вариантов зарубинецкой культуры и датируются II в. до н.э. — I в.н.э. (Обломский, Терпиловский 1991: 96-102; Дробушевский 1994: 82-85; Дробушевский, Лошенков 1995: 45-49). Отличительной чертой этого варианта является сочетание типичных зарубинецких форм и орнаментации венчиков сосудов с обычаем покрывать их поверхность штриховкой или расчесами, который связан с влиянием населения культуры штрихованной керамики. Близкие памятники с аналогичной посудой, но без штриховки, образуют отдельную группу —

Горошков-Чаплин (Обломский 1983: 15-16).

Предположение Н.В.Лопатина о связи среднетушемлинских памятников с поселениями чечерской группы Посожья, основанное на единстве орнаментальных традиций, находит дополнительные подтверждения и в области морфологии керамики. Прежде всего, отметим присущий и тем и другим поселениям бедный набор керамических форм (Дробушевский 1988: 108), практически полное отсутствие глиняных дисков, крышек, кружек, лощеных мисок (известны лишь единичные фрагменты на некоторых памятниках). Основной чертой керамического комплекса является также количественное преобладание крупных профилированных сосудов усеченно-конической формы с отогнутым наружу венчиком (типы 1 и 2). Для памятников классической зарубинецкой культуры сосуды таких пропорций вообще нехарактерны (Дробушевский, Лошенков 1995: 43-45), они отличают лишь верхнеднепровский вариант культуры. В позднезарубинецкий период такие горшки наиболее типичны для памятников круга Гриней, генетически связанных с чечерской группой, а на поселениях других культурных групп встречаются значительно реже (Обломский, Терпиловский 1991: 82).

Профилировка и пропорции сосудов, найденных на городищах Подвинья и Посожья, в целом совпадают (Обломский, Терпиловский 1991: рис.26; Дробушевский 1994: рис.2; Дробушевский, Лошенков 1995: рис.5). Их характеризуют сильно раскрытая форма, едва намеченные плечики, расположенные довольно высоко (рис. 2—5). Определенное сходство прослеживается и с керамикой типа Гриней, но орнаментация их уже несколько иная: вместо штриховки — расчесы; насечки и особенно защипы встречаются значительно реже. Что касается других, менее распространенных в Подвинье типов посуды (типы 3 и 4), то они имеют широкое распространение по всему зарубинецкому ареалу и не позволяют судить о локальных особенностях.

Следует также обратить внимание на такой важный показатель, как керамические примеси. Для зарубинецкого и позднезарубинецкого периодов одним из основных отощителей керамического теста является шамот. На этом фоне выделяются чечерские памятники Посожья, характеризующиеся крайне редким использованием шамота и широким распространением примеси дресвы. На городищах Подвинья присутствие шамота в тесте зафиксировано лишь в одном случае: несколько фрагментов сосудов, найденных в Староселье. Но основной отощитель здесь также дресва.

Таким образом, связь среднетушемлинских традиций в области изготовления керамики, распространенных на территории Подвинья, с памятниками Посожья нам представляется вполне очевидной. Сложность состоит в том, что периоды бытования тех и других почти не совпадают. В Посожье они доживают до середины — третьей четверти I в.н.э., а появление среднетушемлинских городищ с учетом ранних находок с территории Смоленщины относится ко времени около рубежа I—II вв.н.э. Складывается парадоксальная ситуация: фибулы и некоторые формы столовой посуды позволяют четко синхронизировать среднетушемлинские памятники с древностями постзарубинецкого круга (горизонт Рахны-Почеп), но лепная посуда выглядит для этого времени уже архаично.

Предположение о возможном влиянии почепской культуры на среднетушемлинские памятники, казалось бы, должно привлечь самое пристальное внимание, так как эта культура наиболее близка им в территориально-хронологическом отношении: те и другие памятники существуют практически синхронно, почепские поселения с юга вплотную подступают к среднетушемлинским городищам Смоленщины. Однако на конкретном материале эта связь не прослеживается: керамический комплекс почепских памятников имеет ряд специфических особенностей (сосуды с высоким раструбообразным венчиком, большое количество лощеных мисок цилиндро-конических форм), совершенно не представленных на городищах Подвинья и Верхнего Поднепровья. И наоборот, основные отличительные признаки керамики Подвинья (сосуды 1 и 2 типов со штриховкой) не имеют почепских аналогов.

Здесь мы напрямую подходим к проблеме механизма распространения керамических новаций, каковыми для территории Подвинья и являются рассматриваемые особенности. Тот факт, что прекращение жизни чечерских поселений Посожья совпадает по времени с началом распространения среднетушемлинских памятников Верхнего Поднепровья и Подвинья, говорит о невозможности культурного влияния одних на другие, предполагаемого некоторыми исследователями (Шмидт 1992: 134-137; Короткевич 1992: 66-67). Возможное время их сосуществования — не более полувека. Следами культурного влияния являются скорее находки фибул и образцов столовой посуды, подражающей постзарубинецким прототипам и вполне современной для первых вв.н.э. Довольно широкое распространение архаичных типов грубой кухонной посуды, на наш взгляд, может свидетельствовать скорее о расселении непосредственных носителей этой традиции, по каким-то причинам вынужденных продвинуться в зону днепро-двинских племен (Дробушевский 1996: 29).

Как можно судить по характеру распределения материала на различных городищах, процесс взаимодействия двух компонентов мог протекать по-разному. Преобладание поселений, на которых среднетушемлинский слой стратиграфически отделен от более раннего, а днепро-

двинские материалы представлены крайне бедно (Староселье, Назимово, Тушемля, Полибино), свидетельствует в пользу того, что иммигранты предпочитали осваивать уже заброшенные городища. Возможно, было и смешение традиций на одном памятнике (Михайловское). Наряду с возникновением в это время первых открытых поселений это свидетельствует о спорадическом и, скорее всего, мирном характере расселения пришельцев.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Л.В. 1963. Городище Девичья Гора в Мстиславле // КСИА. №94.

Амброз А.К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Вып.Д1-30.

Дробушевский А.И. 1988. Экономические связи населения Гомельского Посожья на рубеже н.э. // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. М.

Дробушевский А.И. 1994. Памятники Нижнего Посожья на рубеже н.э. // Археалогія і старажытная гісторыя Магілеушчыны і сумежных тэрыторый. Магілеў.

Дробушевский А.И., Лошенков М.И. 1995. Шепотовичское городище эпохи раннего железа // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.

Дробушевский А.И. 1996. Северная граница зарубинецкой культуры в Белорусском Посожье // Беларусь у сістэме трансеурапейскіх сувязяў у I тыс. н.э. Мінск.

Короткевич Б.С. 1989. Верхнее Подвинье в раннем железном веке // Памятники железного века и средневековья на верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин.

Короткевич Б.С. 1992. Памятники типа среднего слоя городища Тушемля и днепро-двинская культура // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый ў эпоху жалеза. Мінск.

Кухаренко Ю.В. 1980. Могильник Брест-Тришин. М.

Лопатин Н.В. 1991. Южные традиции в керамике Смоленского Поднепровья и Северной Белоруссии в 1 половине I тыс.н.э. // Археология и история юго-востока Руси. Курск.

Лопатин Н.В. 1995. Стили декора керамики днепродвинского региона в первой половине — середине I тысячелетия н.э. // Древности северо-западной России. СПб.

Минасян Р.С. 1974. Новые памятники раннего железного века на юге Псковской области // АСГЭ.— Вып.16.

Обломский А.М. 1983. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры. Автореф.канд. дисс. М.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.

Седов В.В. 1964. Городище Церковище // КСИА. №102.

Станкевич Я.В. 1960. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н.э. // МИА. №76.

Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. 1963. Древние городища Смоленщины. М.-Л.

Шмидт Е.А. 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. М.

Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб.

Jamka R. 1964. Fibule typu oczkowatego w Europie środkowej ze szcsególnym uwzglednieniem ziem polskich // Materialy starożytne.— T.X.

С.В.Белецкий

ЕЩЕ РАЗ О НИЖНЕМ СЛОЕ ПСКОВСКОГО ГОРОДИЩА

S.V. Beletskii. Once Again about the Bottom Layer on Pskov Settlement.

The stratigraphy and chronology of cultural layer on Pskov settlement has not infrequently become subject of debates. In his paper of 1980, the author proposed a scheme for cultural stratigraphy of the bottom layer, identifying four disconnected periods in the life of the cemetery: Pskov-А (settlement of stone cemeteries culture bearers), Pskov-Б (settlement of long barrows culture bearers), Pskov-В (settlement of Rõuge culture) and Pskov-Г (early urban structure with apparent Varangian presence). This scheme was proved by further excavations, though till present the literature is dominated by the idea of successive connection between the settlements of periods Pskov Б and В.

The article is a publication of excavations results obtained in 1983 and 1991-1992 and is dedicated to correlation of the earliest periods in existence of Pskov settlement. The results of these excavations introduced some corrections into the scheme of cultural stratigraphy of the site proposed in 1980. Meanwhile, the conclusion on absence of succession between the earliest periods in history of the site received additional evidence: it becomes obvious now, that there is no succession between the periods Pskov-А, Pskov-Б and Pskov-В, but, moreover, there were also chronological intervals, during which the area of the settlement was not inhabited.

Стратиграфия и хронология культурного слоя в Псковском кремле неоднократно становились предметом обсуждения. Итоги споров 1940-1970-х годов были подведены в 1979 г. (Белецкий 1979; 1980а: 3-18; 1980б: 8-10). Раскопки 1972-1974 (Белецкий 1978: 57-63) и 1977-1978 гг. (Белецкий 1981: 40-62) в целом подтвердили построенную на материалах раскопок 1930-1960-х годов версию культурной стратиграфии памятника (табл.1), и уточненная схема была изложена в специальной работе (Белецкий 1990: 8-14; 1996). Тем не менее, вплоть до последнего времени продолжает бытовать мнение о преемственной связи между поселениями периодов Псков Б и Псков В (Плоткин 1992: 20-43; Седов 1998: 42-48).

Таблица 1
Культурная стратиграфия нижнего слоя Псковского кремля
(по данным раскопок 1930-1970-х гг.)

Период	Хронология	Культурная принадлежность
Псков А	Вт. четв. I тыс. по Р. Х.	Культура каменных могильников
Псков Б	Сер .– тр. четв. I тыс. по Р. Х.	Культура длинных курганов
Псков В	Посл. четв. I тыс. по Р. Х.	Рыугеская культура

Напомню, что предметом обсуждения остается версия культурной стратиграфии Пскова, изложенная в статье 1980 г. (рис.1). К древнейшему поселению на площадке Псковского городища (Псков А) в раскопах 1930-1970-х годов относятся фрагменты сетчатой керамики и единичные предметы, найденные, главным образом, в переотложенном виде в слоях последней четверти I тыс. по Р.Х. Немногочисленные фрагменты сетчатой керамики происходят также из предматерикового слоя погребенного дерна. От поселения середины — третьей четверти I тыс. по Р.Х. (Псков Б) в раскопах 1930-1970-х годов сохранилось не менее семи построек с углубленным центральным котлованом, в одном из углов которого или же у стены (напротив входа?) размещалась печь-каменка. Из заполнения котлованов построек происходят фрагменты лепных гладкостенных сосудов, единичные обломки сковород, предметы из кости, железа, цветного металла, стекла. Культурный слой этого поселения вне пределов построек практически соответствует предматериковому слою погребенного дерна, в который были втоптаны редкие фрагменты сосудов. В последней четверти I тыс. по Р.Х. на площадке городища существует поселение, оставленное прибалтийско-финским населением, близко родственным носителям культуры Рыуге в юго-восточной Эстонии (Псков В). В это время площадка городища застраивается несколькими рядами наземных построек с глинобитными или земляными полами

© С.В.Белецкий, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

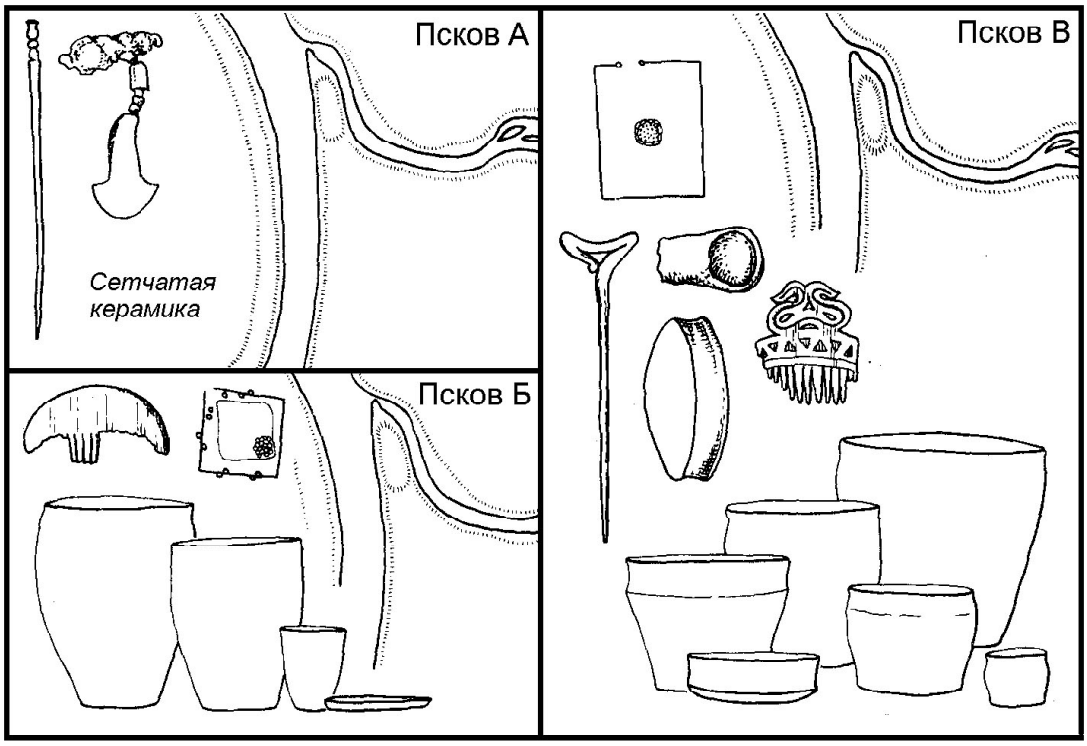

Рис.1. Периоды Псков А-В культурной стратиграфии Пскова по данным раскопок 1930-1970-х годов (Белецкий 1980: рис.7).

и отопительными сооружениями (печи, очаги), занимавшими в интерьере серединное положение. Ряды построек ориентированы вдоль длинной оси площадки городища, между рядами прослежены протоуличные проезды. Выявлено до шести строительных горизонтов этого поселения, что свидетельствует о долговременном характере поселка. В слое этого времени найдены разнообразные предметы: лепная кухонная и столовая посуда, украшения, отходы и полуфабрикаты бронзолитейного, железоделательного, камнерезного и косторезного производств, орудия труда, предметы быта.

Новые данные о соотношении древнейших поселений на площадке Псковского городища были получены раскопками 1983 и 1991-1992 гг. (рис.2,*1*).

Раскоп 1983 г. был заложен в связи с необходимостью укрепления фундаментов Дома причта в центральной части Псковского кремля и представлял собой траншеи вокруг здания. В основании культурного слоя в этих траншеях, как и в большинстве других раскопов на Псковском городище, зафиксирован слой погребенного дерна, в который были втоптаны фрагменты лепной гладкостенной керамики периода Псков Б (рис.2,*7*), а также единичные фрагменты сетчатых сосудов. В некоторых материковых ямах, заполненных слоем светло-серой супеси с угольками, найдены фрагменты гладкостенной керамики и обломки сетчатых сосудов (рис.2,*6*).

Наибольший интерес представляют остатки двух построек в северной части восточной траншеи (рис.2,*2*). От ***постройки* №*1*** сохранился округлый в плане котлован диаметром 2,5 *м,* восточная часть которого уходит под стену здания. В центральной части котлована зафиксировано пятно прокаленной почвы, фиксирующее, вероятно, место очага. При зачистке дна котлована найдены фрагменты сетчатой керамики (рис.2,*5*).

Постройка* №*2 представлена фрагментом квадратного (?) в плане котлована, ориентированного по сторонам света. Длина западной стенки — 2 *м,* северная стенка прослежена на 0,7 *м,* южная — на 1 *м.* Реконструируемые размеры котлована — 2 × 2 *м.* У северной стенки расчищен развал печи-каменки в виде скопления булыжных камней, лежавших в пятне золы. В придонной части заполнения котлована зафиксирована прослойка черной земли с обильной примесью угля. Здесь найдены фрагменты гладкостенной лепной керамики (рис.2,*4*).

Очевидно, что постройка №2 аналогична уже известным по раскопкам прошлых лет постройкам поселения Псков Б. Постройка №1, относящаяся, судя по находкам сетчатой керамики, к поселению Псков А, является пока единственной постройкой этого времени на Псковском городище.

Обращает на себя внимание стратиграфия заполнения котлованов построек (рис.2,*3*). Верхняя часть заполнения построек одинакова — оба котлована заплыли практически лишенной находок серой гумусированной супесью, которая была перекрыта глинобитным полом от построй-

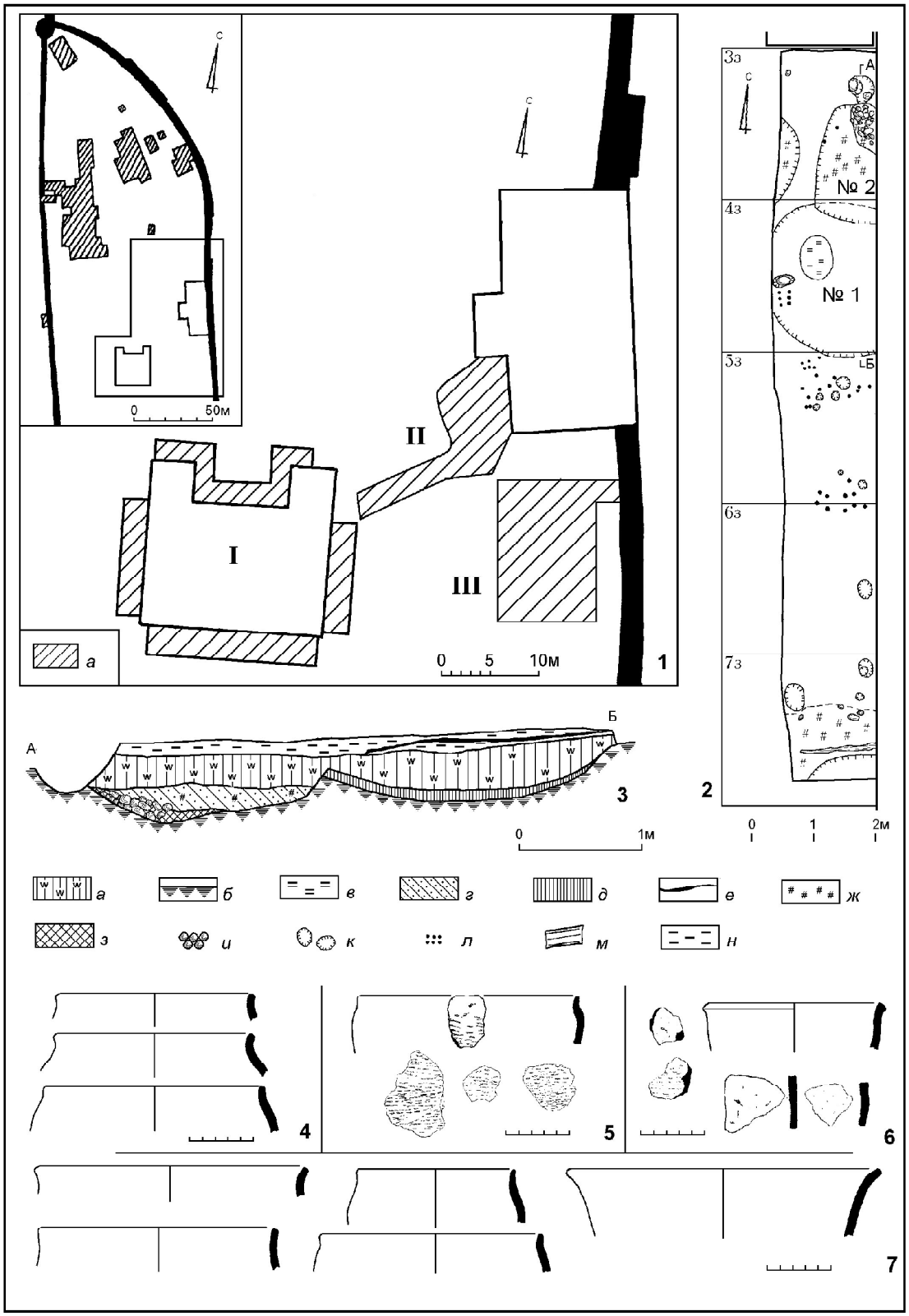

Рис.2. 1 — Раскопы на Псковском городище (I — 1983 г.; II — 1991-1992 гг.; III — 1984 г.). 2 — план восточной траншеи 1983 г. по материку; 3 — стратиграфия заполнения построек №1 и 2 (условные обозначения: а — серая гумусированная супесь; б — материк; в — прокаленная почва; г — светло-серый слой; д — погребенный дерн; е — угольная прослойка; ж — угли; з — черный слой; и — булыжные камни; к — ямы; л — кольевые ямки; м — дерево); 4 — фрагменты керамики из постройки №2; 5 — фрагменты керамики из постройки №1; 6 — фрагменты керамики из материковой ямы в южной траншее; 7 — фрагменты керамики из предматерикового слоя.

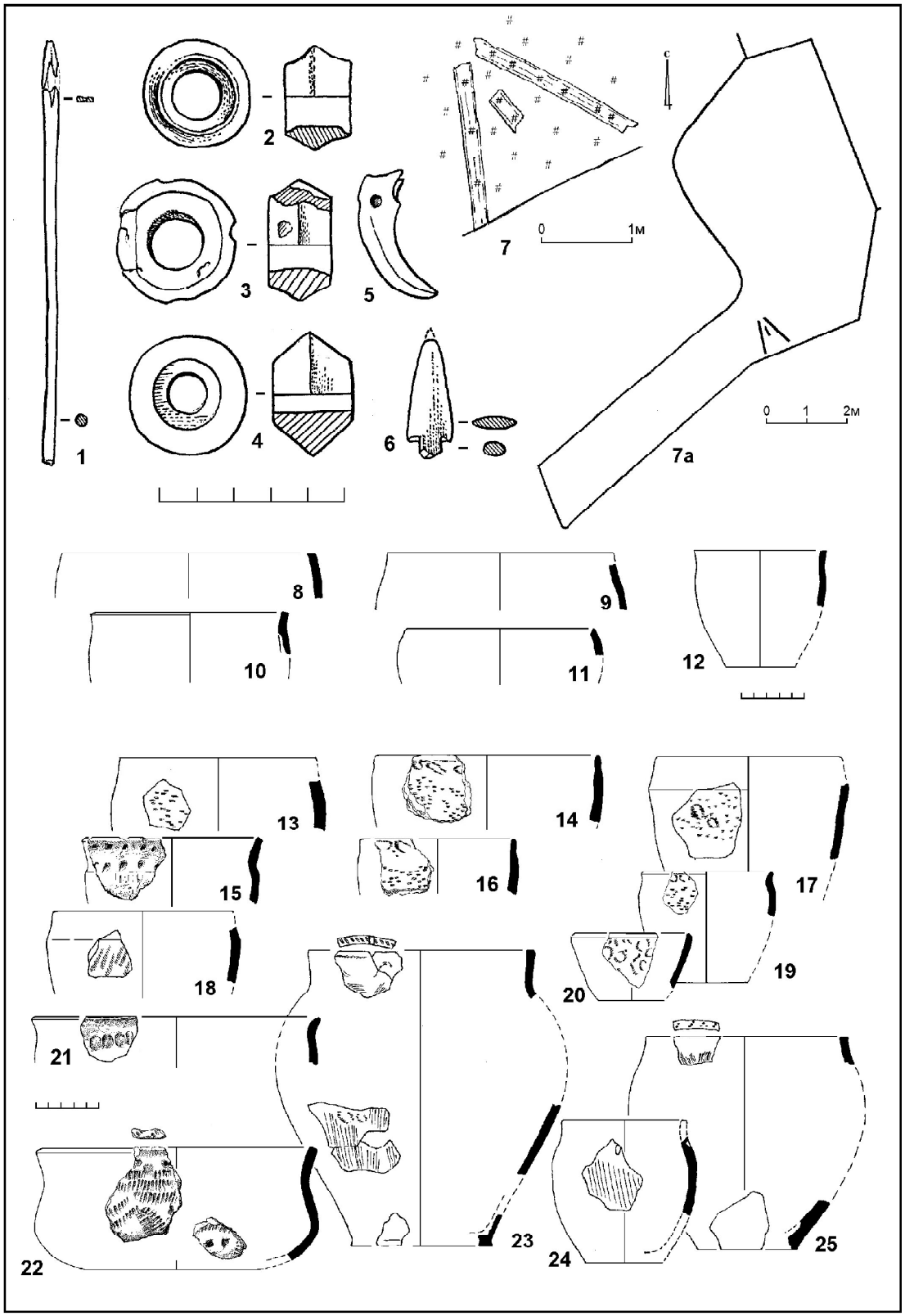

Рис.3. Раскоп 1991-1992 гг. Керамика (8-25) и вещи (1-6) из предматерикового слоя. 7,7а — сгоревшие деревянные конструкции на поверхности предматерикового слоя.

ки периода Псков В. Однако придонная часть заполнения котлованов различна. В постройке №2 по дну котлована прослежена прослойка черной земли с углем (пожар?). Придонная прослойка черной земли перекрыта сверху светло-серым слоем с примесью угля, а этот слой в свою очередь перекрыт серой гумусированной супесью. В постройке №1 придонная часть заполнения котлована представлена тонкой прослойкой погребенного дерна, непосредственно перекрытого серой гумусированной супесью.

Эти данные позволяют реконструировать процесс археологизации построек следующим образом: более ранняя постройка №1 прекратила свое существование, котлован ее заплыл грунтом и постепенно задерновался. В момент строительства постройки №2 поверхность участка уже была достаточно ровной, поскольку западину от постройки №1 засыпать не пришлось. После прекращения функционирования (гибели в пожаре?) постройки №2 ее котлован был засыпан светло-серым слоем с заметной примесью угля, и только после этого сформировался слой серой гумусированной супеси. Полагаю, что слой серой гумусированной супеси, практически лишенный находок, представляет собой погребенный дерн. И именно с его поверхности началась застройка площадки Псковского городища постройками периода Псков В.[1]

К сожалению, результаты раскопок 1983 г. ничего не добавили для абсолютной хронологии древнейших поселений на Псковском городище, как не добавили дополнительной информации и результаты раскопок 1984 г., в площади которого непотревоженные слои городищенского времени были вскрыты только на небольшом участке. Зато принципиально новые данные были получены в результате раскопок 1991-1992 г.

Раскоп 1991-1992 гг. был заложен в пространстве между Домом причта и зданием Порохового погреба XVII в. на месте прокладки инженерных коммуникаций. В основании культурных напластований зафиксирован слой погребенного дерна. Следов ранних построек, аналогичных постройкам раскопа 1983 г., в раскопе 1991-1992 гг., не было обнаружено: в слое, перекрывшем погребенный дерн, зафиксированы остатки построек, относящихся к поселению Псков В, причем древнейшие из открытых объектов датированы по ^{14}C первой половиной VII в. (620-685 гг.).[2]

Однако в южной части раскопа непосредственно на поверхности погребенного дерна открыта пятно пожара, в котором прослежены сгоревшие деревянные конструкции (рис.3,*7,7а*), датированные по ^{14}C в интервале от последней четверти III до середины V вв. (275-470 гг.).[3] Из этого пятна происходит глиняное биконическое пряслице (рис.3,*3*). Аналогичные пряслица найдены также в верхних сантиметрах слоя погребенного дерна (рис.3,*2,4*). Подобные пряслица в раскопах прежних лет были отнесены к периоду Псков Б, так что пятно пожара в раскопе 1991-1992 гг., вероятнее всего, должно быть отнесено к этому же периоду. Кстати, это пятно соответствует, как будто бы, углистой прослойке, зафиксированной в придонной части котлована постройки №2 из раскопа 1983 г.

Очевидно, что материалы, втоптанные в слой погребенного дерна, разновременны — это терочный камень от зернотерки, железная игла (рис.3,*1*), клык-амулет (рис.3,*5*), костяной наконечник стрелы (рис.3,*6*), а также фрагменты керамики периода Псков Б (рис.3, *8-12*), Псков А (рис.3, *13, 14, 16, 17, 19*) и, безусловно, более раннего времени (рис.3, *15,18, 20-25*).

Слабая изученность древностей эпохи раннего металла на Псковщине не позволяет уверенно определять культурную принадлежность древнейшего периода освоения площадки Псковского городища, хотя определенное соответствие керамике, найденной в раскопе 1991-1992 гг., можно найти в древностях асвенского типа середины I тыс. до Р.Х. на территории Эстонии (Jaanits, Laul, Lõugas, Tõnisson 1982: 173, 194). В любом случае, первое освоение площадки Псковского городища произошло раньше периода Псков А, так что древности эпохи раннего металла на Псковском городище целесообразно выделять в особый период Псков А-1.

Таким образом, результаты раскопок 1983 и 1991-1992 гг. на Псковском городище позволили скорректировать существовавшие ранее представления о стратиграфии и хронологии памятника (табл.2).

---

[1] Неоднократно подчеркивавшееся С.А.Тараканова отсутствие «стерильных прослоек» между «древнейшим поселением Псковского городища» (периоды Псков А и Б) и поселением, обозначаемым мною как комплекс Псков В, объясняется применявшейся исследовательницей методикой вскрытия слоя условными двадцатисантиметровыми пластами с соответствующей фиксацией объектов и находок (см.: Белецкий С. 1983: 46-80). Неприемлимость раскопок поселений со сложной стратиграфией пластами очевидна, хотя до настоящего времени такой способ вскрытия культурного слоя остается одним из наиболее распространенных.

[2] Образцы ЛЕ-4757 (калиброванная дата 610-656 гг.) и ЛЕ-5119 (калиброванная дата 646-690 гг.). Суммарная датировка на базе построения гистограмм подпрограммы CALHIS калибровочной программы Groningen 20 — 620-685 гг. Изучение образцов угля из раскопок 1991-1992 гг. проведено в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН С.Г.Поповым (см.: Белецкий В., Белецкий С., Попов 2000: 23-34).

[3] Образцы ЛЕ-4758 (калиброванная дата 340-492 гг.) и ЛУ (калиброванная дата 252-388 гг.). Суммарная датировка — 275-470 гг.

Таблица 2
Культурная стратиграфия нижнего слоя Псковского кремля
(по данным раскопок 1983, 1991-1992 гг.)

Период	Хронология	Культурная принадлежность
Псков А-1	Эпоха раннего металла ?	Асвенская культура (?)
Псков А	Вт. четв. I тыс. по Р. Х. Период запустения площадки городища	Культура каменных могильников
Псков Б	Сер. I тыс. по Р. Х. Период запустения площадки городища	Культура длинных курганов
Псков В	Посл. четв. I тыс. по Р. Х.	Рыугеская культура

Однако, и это представляется существенным, вывод об отсутствии преемственной связи между древнейшими периодами в истории Псковского городища не только не был опровергнут, но напротив — получил дополнительное подтверждение: с большой степенью вероятности можно полагать, что между периодами Псков А-В не просто отсутствует преемственность, но существовали хронологические интервалы, в течение которых площадка городища не была заселена.

ЛИТЕРАТУРА

Белецкий В.Д. 1980. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города // КСИА, №160, М.

Белецкий В.Д., Белецкий С.В., Попов С.Г. 2000. Стратиграфия и хронология нижнего слоя Псковского городища // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып.5. Археология. СПб. С.23-34.

Белецкий С.В. 1978. Раскопки в Псковском Кремле в 1972-1974 гг. // КСИА, вып. 155. М. С.57-63.

Белецкий С.В. 1979. Керамика Псковской земли второй половины I — начала II тысячелетий н. э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М. С.3-17.

Белецкий С.В. 1980а. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА, вып. 160. М. С.3-18.

Белецкий С.В. 1980б. Некоторые итоги археологического изучения Псковского городища // Археология и история Пскова и Псковской земли. [Вып. 1]. Псков. С.8-10.

Белецкий С.В. 1981. Раскопки Псковского городища в 1977-1978 гг. // Древнерусские города. М. С.40-62.

Белецкий С.В. 1983. Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова. М. С.46-80.

Белецкий С.В. 1990. Происхождение Пскова // Города Верхней Руси. Истоки и становление. Торопец. С.8-14.

Белецкий С.В. 1996. Начало Пскова. СПб.

Плоткин К.М. 1992. Начало Пскова // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков. С.20-43.

Седов В.В. 1998. Первые страницы истории Пскова // Історія Русі-України (історико-археологічний збірник). Київ. С.42-48.

Jaanits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E. 1982. Eesti esiajalugu. Tallinn.

АРХЕОЛОГИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

М.Б.Щукин

НАХОДКИ У С.ЗАЛЕВКИ В ПОДНЕПРОВЬЕ И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЕВЕРО-ЕВРОПЕЙСКОГО ФИЛИГРАННОГО СТИЛЯ I-II ВВ.Н.Э.

M.B. Shchukin. A Finding at village Zalevki on Dnieper Bank and the Problem of Origin of North-European Filigree Style in I-II cc. AD.

The I-II centuries saw an interesting phenomenon in Scandinavia and north of continental Europe: unexpectedly appearing and equally unexpectedly disappearing articles (pendants, bi-conical beads, necklaces), manufactured by applying complicated, known only by the Classical ancient masters at the time, technique of granulation and filigree. They seem to be articles manufactured by the same or a number of related workshops, which engaged jewellers from North Black Sea Coast or Eastern Mediterranean. A pair of golden necklaces, almost fully reproducing a number of findings from Scandinavia, was found on Middle Dnieper bank at the village Zalevki near a small town called Smena. The scientists paid their attention to this find many times, but so far it has not been published entirely. That is why it has not been known that the find included articles typical of Sarmatians:

swords with pommel and pottery. Having studied the chronology of these finds, the author makes a conclusion (fig. 4) that they are dated by middle I c. AD. Various cultural traditions (ancient, Celtic, Sarmatian, German) combined in the articles manufactured in North-European filigree style allow a supposition that development of this jeweller's school in the northern Europe was somehow connected to the events of 19-50 AD. On the one hand, it is a march of a Gothon Catualda against the king Marobodus in Czechia, with subsequent settlement of the remains of both armies on the Middle Danube. On the other hand, it is a contemporary massive movement of Sarmatian tribes from North Black Sea Coast and Caucasus foot mountains to the west, during which the tribes of Iazygi also reach Middle Danube area.

В названное время в Циркумбалтийском регионе наблюдается весьма любопытное явление: неожиданно появляются в первой половине I в., а затем столь же стремительно исчезают к началу III в. достаточно многочисленные ювелирные изделия, изготовленные из драгоценных металлов в сугубо античной технике зерни и филиграни. Это грушевидные подвески-кулоны, крупные биконические бусы, странные S-овидные предметы, считающиеся обычно скрепами ожерелий, хотя функция их в костюме, признаться, не совсем ясна.

Находки таких изделий распространены в Дании, Швеции и южной Норвегии, каталог их составлен Кентом Андерссоном (Andersson 1993), но известны они и на южном побережье Балтийского моря между Эльбой и Вислой, причем, как можно заметить на картах, приведенных Адрианом фон Мюллером (Müller 1956: Karte 1-2) и Эриком Нюленом (Nylén 1968: 93), пункты подобных находок вдоль Эльбы спускаются на юг вплоть до нынешней Чехии. Можно сейчас добавить к этой картине и некоторые новые точки (Shchukin, In print; Schmidt-Thielbeer 1967: Taf.113*f*.; Leube 1978: Taf.12*d*.; Motyková-Šneidrová 1967: Beil.3, *5*).

К числу изделий в зернено-филигранном стиле принадлежат, безусловно, и роскошные золотые гривны с колбовидными окончаниями типа Хавор. Всего в мире их известно шесть: болотная находка в Дронинглунде в Дании (Müller 1900), сам Хавор на острове Готланд, где гривна обнаружена археологами в наиболее достоверном комплексе, в составе клада римских бронзовых сосудов ступени B_2, то есть 70-170-х гг.н.э., при раскопках небольшого городища римского времени (Nylén 1968), затем случайная недавняя находка 1995 года при строительстве шоссе в Трольхэтене в западной Швеции (Andersson 1995: 102) и, наконец, три пункта из Северного Причерноморья. Пара подобных золотых гривен просходит из Залевок нынешней Черкасской области Украины в среднем течении Днепра (Бобринский 1887) и, судя по сопровождающему материалу, каким-то образом они связаны с сарматами (Shchukin, in print), а еще одна гривна обнаружена в окрестностях Ольвии (Ouvaroff 1855: Pl.XIV). Согласитесь, уже сам факт такого распределения находок является весьма интригующим, на что и обращалось внимание ранее (Nylén 1968).

Техника изготовления и сам стиль всех этих изделий — кулонов, гривен, бус и прочего — столь близки, что невольно возникает ощущение, будто они вышли из стен одной мастерской, созданы если не одним ювелиром, то группой родственных мастеров и несколькими поколениями их учеников, это произведения, безусловно, одной «школы золотых дел».

Судя по наблюдениям Кента Андерссона (Andersson 1995: fig.119-122), в Скандинавии первые вещи такого рода появляются еще на ступени B_{1a} римского времени, что соответствует приблизительно 10-40 гг. I в.н.э. (Щукин 1991), но пик их массового распространения приходится на ступени B_{1b} 40-70 гг. и B_2, соответствую-

© М.Б.Щукин, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

щей 70-170 гг. и с трудом поддающейся более дробному членению (Щукин 1991). К ступени C_1 их находки становятся редки, а на ступени C_2 практически исчезают. Вероятно, в эти последние периоды в скандинавские могилы попадали лишь вещи из «бабушкиных сундуков».

В Поэльбье приблизительно та же картина, хотя более ранние типы кулонов ступени B_1 здесь как будто преобладают (Müller 1956). Несколько иная ситуация в Польском Поморье. Хотя филигранные кулоны ранних форм известны здесь в вельбаркской культуре, связывае-

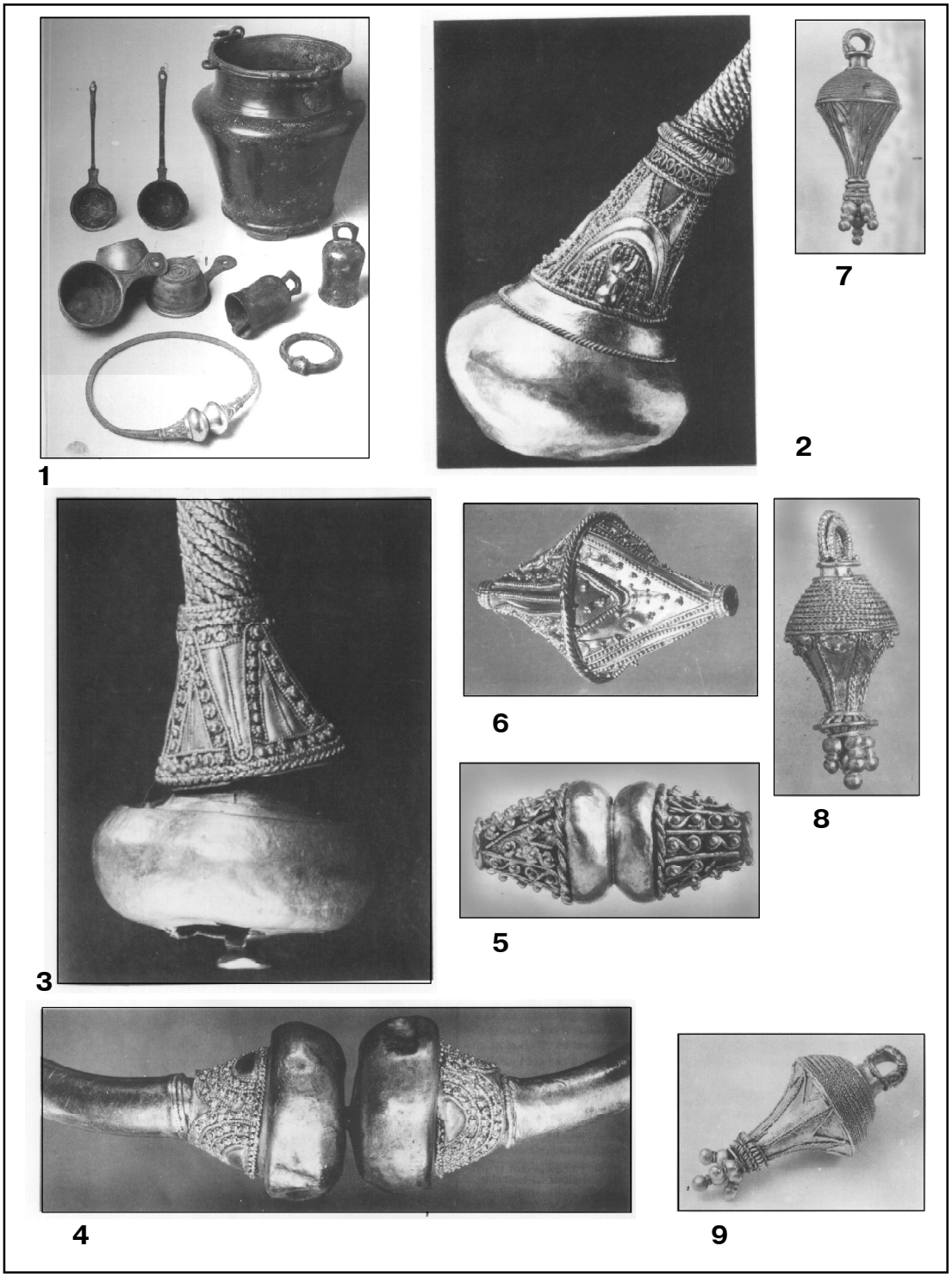

Рис. 1. Образцы изделий «североевропейского филигранного стиля»: 1 — клад из Хавора на о.Готланд; 2 — наконечник гривны из Хавора; 3 — наконечник гривны из Трольхэттена в Швеции; 4 — гривна из Дрониглунда в Дании; 5 — бусина из погребения в Бо на о. Эланд; 6—9 — биконические бусы и грушевидные подвески из различных находок в Скандинавии.

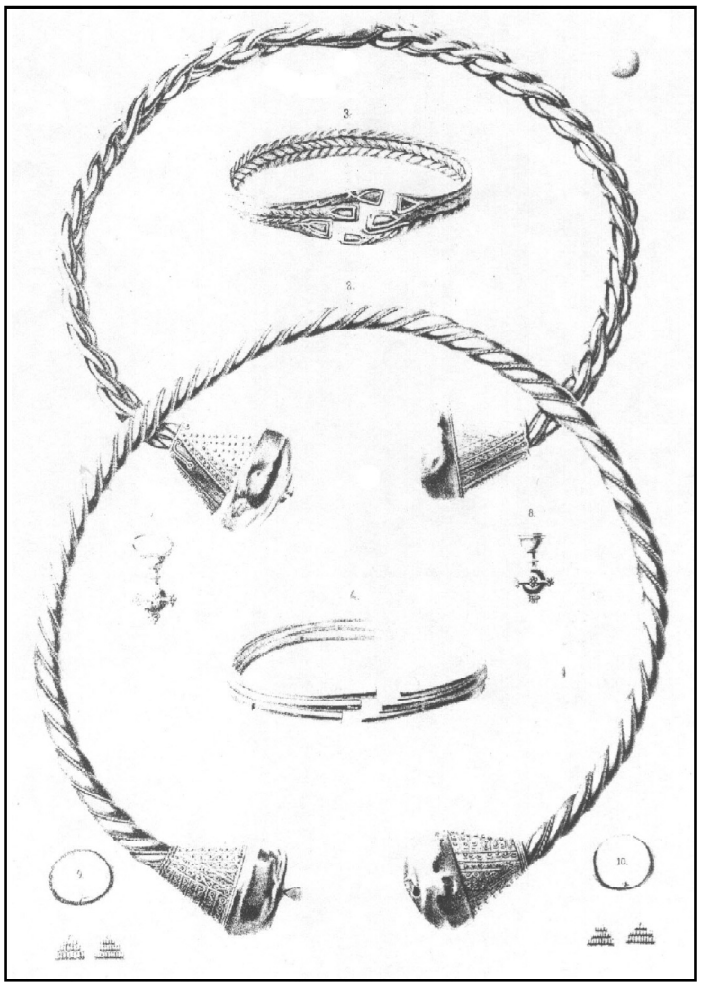

Рис. 2. Гривны, браслеты, бляшки и пр. по публикации А. Бобринским комплекса из Залевок.

мой обычно с готами и подвластными им племенам, еще на ступенях B_1 и B_{2a}, но расцвет филигранного, так называемого «барочного стиля» ювелирных украшений, по наблюдениям Рышарда Волонгевича, наступает лишь на ступени B_2/C_1 второй половины II в.н.э. (Wołągiewicz 1974; Щукин 1994: рис. 94), когда в Скандинавии и Поэльбье они практически уже вышли из употребления.

Еще сложнее обстоит дело с хронологией гривен типа Хавор. Случайные находки из Дронинглунда (Müller 1900) и Тролльхэттона (Andersson 1995: 102) не дают оснований для датировки. Комплекс из Хавора, казалось бы, имеет надежную дату ступени B_2, но Эрик Нюлен предполагает, что гривна здесь значительно более раннего времени, чем римские бронзовые сосуды, колокольчики и прочее (Nylén 1968: 75-76). Исследователь исходил из следующих соображений.

Во-первых, гривна, напоминающую Хаворскую, изображена на шее одного из кельтских или германских богов, представленных на знаменитом котле из Гундеструпа в Дании. При всей спорности происхождения и датировки этого уникального сосуда (Hachmann 1991; Taylor 1992), большинство исследователей склонно относить его к первой половине I в до н.э. и связывать так или иначе с походами кимвров и тевтонов 113-101 гг. до н.э.

Во-вторых, имеется определенное сходство хаворской гривны и конических, украшенных зернью золотых бусин ожерелья, обнаруженного в погр.9 могильника Бо на острове Оланд, сочетающихся с фибулами позднелатенской схемы с ажурным декором ножки, характерным для рубежа эр (Nylén 1968: Taf.27; Hagberg 1967-1968: fig.26; Sjøberg 1987: 274-275).

В-третьих, гривна типа Хавор из Ольвии, судя по публикации Уварова (Ouvaroff 1855: Pl.XIV), была обнаружена в разрушенном крестьянами захоронении вместе с золотой погребальной маской и золотыми сережками с изображением львиной головки, характерными действительно для эллинистического времени (Pfromer 1990).

Все эти соображения Эрика Нюлена, безусловно, имеют силу, за исключением, быть может, третьего пункта. Дело в том, что с содержанием комплекса из Ольвии, обнаруженного в 1842 году, многое остается неясным.[1]

[1] Автор выражает свою признательность О.В.Шарову за помощь в разработке сюжета об Ольвийском комплексе.

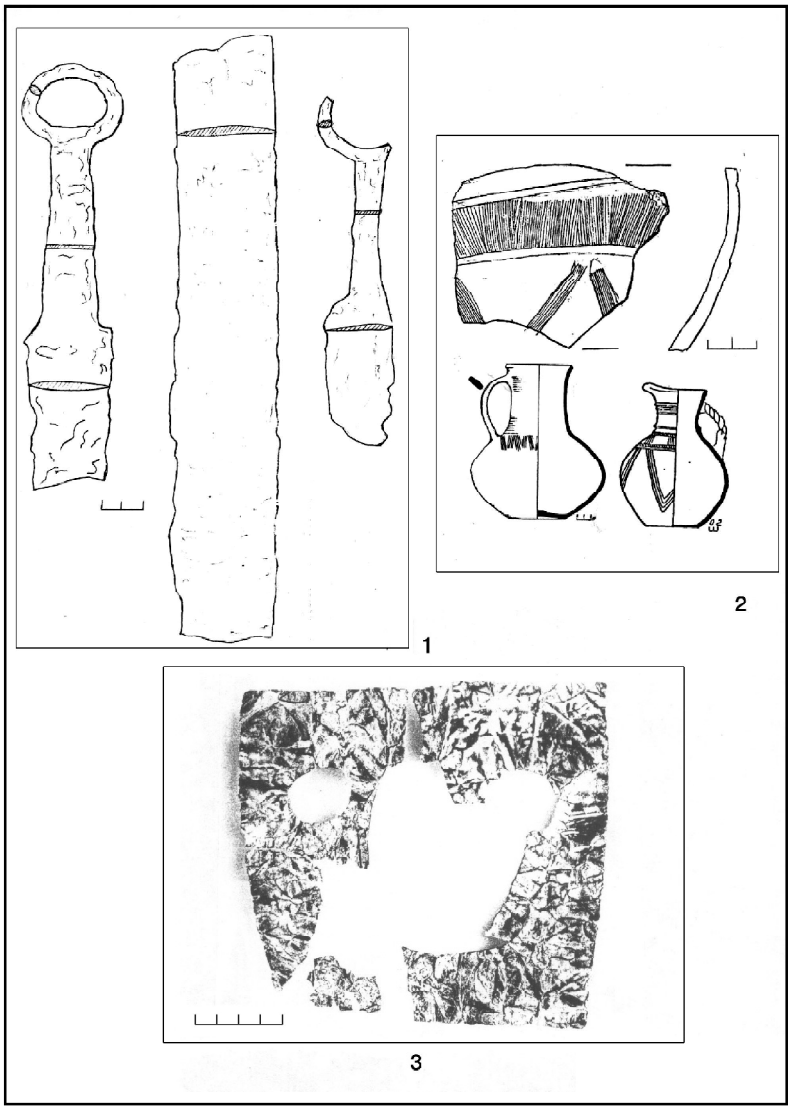

Рис. 3. Вещи из Залевок, не вошедшие в публикацию А. Бобринского. 1 — железные мечи и кинжалы; 2 — фрагмент керамики и формы «меотских кувшинов», от которых он мог бы происходить; 3 — погребальная маска из золотой фольги (реконструкция И.П.Засецкой).

Имеется два описания этой находки — А.Уваровым и Н.Н.Мурзакевичем (Мурзакевич 1847), между которыми существует целый ряд разногласий. По последнему, вещи находились в стеклянной урне, которую Уваров не упоминает, но сообщает, что гривна была разогнута и представляла своего рода скипетр. В таком виде она никак не могла поместиться в урну.

Оба автора упоминают наличие золотых сережек в комплексе, но не дают их описания. В публикации Уварова приведена общая таблица золотых находок из Ольвии, включающая золотую маску, гривну-скипетр и ряд других, явно разновременных вещей. Среди них имеются и две пары сережек — с львиными головками и весьма простые проволочные колечки, которые вряд ли могут быть идентифицированы во времени. Какие из них находились в погребении с маской и гривной, остается не ясным.

Мурзакевич сообщает так же, что в интересующем нас захоронении находилась и греческая амфора с клеймом на ручке, а Уваров приводит и прорисовку этого клейма, не оговаривая, правда, что амфора происходит именно из комплекса с золотой маской и гривной. Штемпель с именем EPIDAMAH мог бы относиться к 220-180 гг. до н.э. (Шелов 1975).

Вряд ли сегодня можно выпутаться из возникающих противоречий: дошедшие до нас сведения слишком скупы и неопределенны, а в коллекциях Отдела Античного Мира Государственного Эрмитажа, где ныне находятся маска и гривна из Ольвии, нам не удалось разыскать дополнительной уточняющей информации как об условиях обнаружения и обстоятельствах поступления этих вещей в музей, так и о сопровождающих находках.

С одной стороны, Эрик Нюлен и следующие ему Флемминг Коль и Йес Мартенс (Kaul, Martens 1995), возможно, правы, указывая на вероятность осуществления Балто-Черноморских контактов, быть может, именно через Фракию, к чему можно было бы добавить и некоторые как археологические, так и общеисторические наблюдения (Еременко, Щукин 1992; Щукин 1994: 147-152; Щукин, в печати) — участие выходцев

с Меотиды в мероприятиях кимвров и тевтонов в 113-101 гг. до н.э., поиски Митридатом Евпатором, царем Понта, союза с варварами Центральной и Северной Европы против Рима. За этим стоит еще и проблема чрезвычайно широкого распространения от Ла Манша до Монголии серебряных фаларов так называемого «греко-бактрийского стиля» или «стиля Малибу», и проблема происхождения котла из Гундеструпа, изображения на донышке которого так перекликаются с этим фаларами.

Трактовка Ольвийской гривны в этом контексте отнюдь не исключается. Тем более, что более мелкие зерна узора выдают руку другого ювелира, чем тот, который изготовлял остальные гривны типа Хавор.

С другой стороны, стилистическое сходство гривны из Ольвии с прочими типа Хавор заставляет думать об отсутствии большого, более чем 100-летнего, разрыва между ними и в пользу более поздней датировки комплекса, чем показания львиноголовых сережек и штемпеля амфоры, можно привести лишь один дополнительный аргумент.

Если поверить свидетельствам Н.Н.Мурзакевича, разрушенный крестьянами курган находился непосредственно на территории городища «у подножья акрополя». Очевидно, к моменту совершения захоронения эта часть города пустовала, а такое возможно лишь после 50 г. до н.э., когда усилиями дакийского короля Буребисты, воспользовавшегося неурядицами в Риме, борьбой Цезаря и Помпея, даками был захвачен ряд греческих городов на западном берегу Черного моря, включая и Ольвию. Город был разорен, его обитаемая часть сократилась на две трети и больше уже не восстанавливалась (Щукин 1994: 167-170, там же и библиография). Ольвийское захоронение с маской и гривной было совершено в таком случае позже 50 г. до н.э. Вопрос, впрочем, остается открытым, и мы отложим его для дальнейших изысканий.

Что касается близлежащего комплекса из

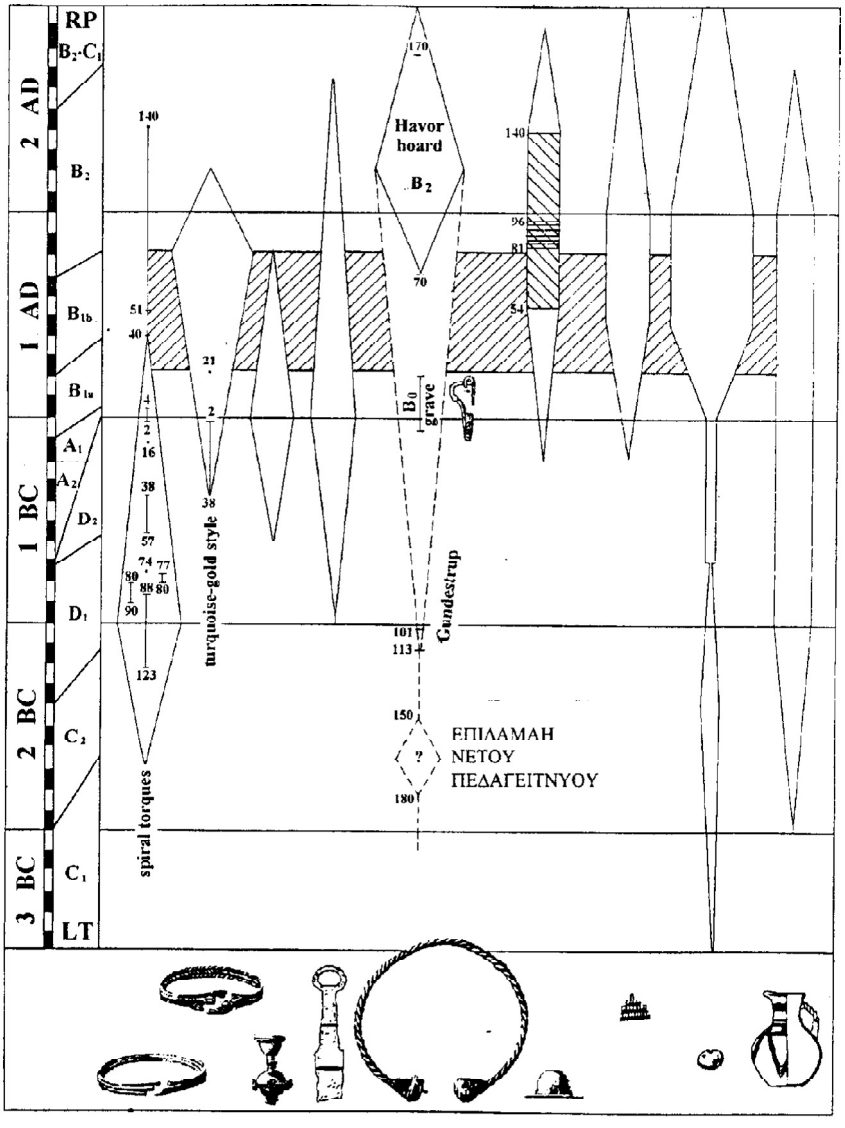

Рис.4. Хронологическое положение вещей из комплекса в Залевках.

Залевок[2] с двумя гривнами типа Хавор, условия обнаружения которого тоже весьма туманны, то специальное исследование сопровождавших их вещей — золотых спиральных браслетов, один из которых сделан в «бирюзово-золотом стиле», сережек, находящих наиболее близкие аналогии в погребениях позднескифского могильника Золотая Балка, золотых нашивных бляшек, имеющих аналогии в датированных монетами комплексах Херсонеса, шаровидных сердоликовых бус, сарматских мечей с кольцевидными навершиями и обломком сероглинянной керамики «меотского типа» из Прикубанья, приводит к заключению, что комплекс, если это комплекс, с наибольшей вероятностью мог сложиться в интервале 20-80-х гг. I в.н.э. Более точная датировка, к сожалению, невозможна (Shchukin, In print).

Следует отметить также, что целый ряд элементов комплекса из Залевок указывает на восточные связи его создателей, в частности употребление мелких золотых бляшек (Пятышева 1956: 29-41) и наличие золотой погребальной маски, которую И.П.Засецкой удалось собрать из обрывков золотой фольги, находившейся в коллекции (Shchukin, in print; Benndorf 1879: Taf. XVI, *1-2*).

Вернемся, однако, «к нашим баранам» и попытаемся определить, отбросив на время все сомнения, каким образом мастера-ювелиры, владевшие техникой зерни и филиграни, оказались на севере Европы.

В предшествующее предримское время на севере Европы не были известны ни формы подобных украшений, ни весьма сложная в производстве техника зерни и филиграни. Так что версия местного происхождения интересующего нас ювелирного феномена отпадает почти полностью.

Нет особых сомнений, что форма гривен типа Хавор в конечном итоге восходит к кельтским прототипам, именно в их среде был широко распространен обычай носить разнообразные гривны с печатевидными и колбовидными окончаниями. Но ко времени создания гривен типа Хавор кельтская цивилизация, охватывавшая некогда почти всю Европу в границах условного треугольника Эдинбург-Лиссабон-Ужгород, практически перестала существовать: Юлий Цезарь завоевал Галлию в 58-50 гг. до н.э., одновременно дакийский царь Буребиста вырезал племена теврисков, тевристов и бойев в Среднем Подунавье. Несколько позже, на рубеже эр, при Августе земли к югу от Среднего и Верхнего Дуная были оккупированы римлянам, а прежние кельтские земли к северу от реки были захвачены германцами (Щукин 1994: 167-175, 185-201, там же и библиография). Кельты как таковые на континенте перестали существовать. Самый поздний собственно кельтский комплекс с золотой гривной, напоминающей тип Хавор, мы найдем в кладе из Тайяка на юге Франции с монетами 90-80 гг. до н.э. (Nylén 1968: 79; L'art ... 1983-1984: 124).

Не все кельты, очевидно, были уничтожены, и их традиции в той или иной мере сохранялись. В частности это проявилось, например, в находках в Рэции на Верхнем Дунае бронзовых гривен, напоминающих Хаворские (Menke 1974: Abb.1, *4*; 2, *1, 5*; 93) и относящихся ко времени Тиберия — Нерона, то есть к 14-68 гг. н.э.

Германцы же, двигавшиеся из Поэльбья к югу, на земли, некогда занятые кельтами, выработали специфический стиль культуры так называемого горизонта Гроссромштед (Peschel 1968; Щукин 1994: 190-201), одним из проявлений которого стали своеобразные вазовидные чернолощеные сосуды на высокой ножке, украшенные орнаментами из заполненных белой пастой отпечатков зубчатого колесика, которым орнамент наносился на поверхность.

Нетрудно заметить, что абрис этих ваз-ситул с их плавно вогнутой формой ножки, постепенно переходящей в расширенную верхнюю часть сосуда (Schmidt-Thielbeer 1967: Taf.23, 31; Leube 1978: Taf.12n; Motyková-Šneidrová 1967: Abb.19, 73), удивительно напоминает и очертания многих кулонов (Andersson 1995: fig.133-13, 140, 150-151, 153-155, 159, 160, 162-196). Сходна в ряде случаев и система орнаментации — треугольники или полукружья в верхней части и отходящие от них прямые линии до дна. При всех различиях размеров и материала здесь явно существует единство стиля, некая общая «линия моды».

Распространены такие сосуды преимущественно в Чехии, в Верхнем и Среднем Поэльбье, где жили германские племена маркоманнов, гермундуров и сеннонов, а в предшествующее время вплоть до середины I в. до н.э. большая часть этих земель была заселена кельтами.

Небольшие фрагменты керамики с орнаментом зубчатым колесиком мне доводилось видеть в музее Висби на Готланде среди материалов городища Хавор, а на филигранном «манжете» гривны оттуда изображена головка бычка (Nylén 1968: Taf.24, *4*), стилистически очень напоминающая головки каких-то фантастических зверьков на окончаниях бронзовых дужек — украшений поясов женщин из Норика и Паннонии в Среднем Подунавье (Garbsch 1965: 101-104), земель, заселенных кельтами и только в 9 г. до н.э. оккупированных римлянами.

Таким образом, кельто-скандинавские контакты могли осуществляться не только в связи с походов кимвров и тевтонов, в конце II — начале I в. до н.э., когда они и в самом деле имели место (о чем свидетельствуют котел из Гундеструпа и некоторые другие находки — Щукин 1994: 147-152), но и на сто лет позже, в начале римского времени.

---

[2] Автор благодарит И.П.Засецкую, хранителя находок из Залевок в Эрмитаже, за любезно предоставленную возможность использовать без ограничений этот материал в работе.

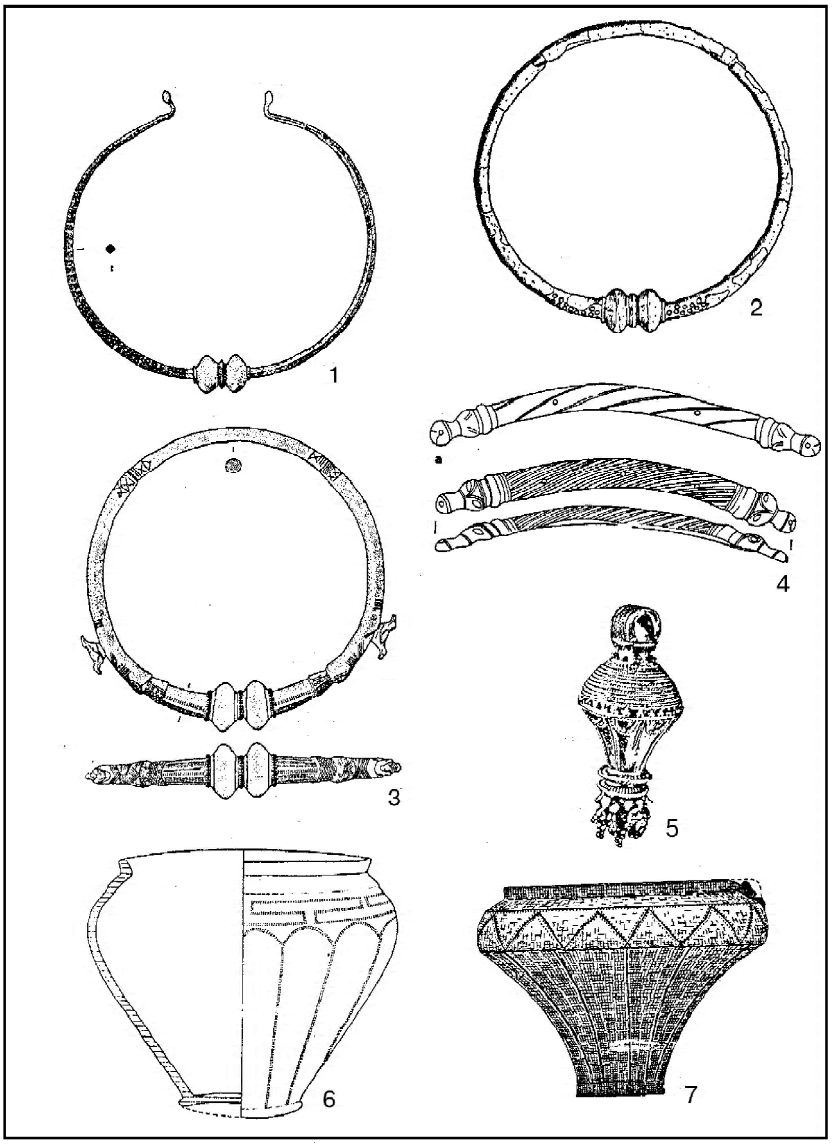

Рис.5. Некоторые эльбско-дунайские параллели: 1-3 — бронзовые гривны из Реции; 4 — бронзовые дужки, украшения поясов норико-паннонских женщин; 5 — грушевидная подвеска из Поэльбья; 6 — «эльбская» керамика; 7 — сосуд типа Гроссромштедт.

Речь идет о следующих событиях: племена маркоманнов появились на границах римского государства еще в середине I в. до н.э., они входили в состав племенного союза германских племен, созданного Ариовистом, с которым довелось иметь дело Юлию Цезарю в 58 г. до н.э., вытеснившего проникших в Галлию германцев за Рейн. Несколько позже, в 9-6 гг. до н.э., маркоманны поселились в Бойехайме-Богемии, в землях, покинутых кельтским племенем бойев в связи с теми же событиями 60-58 гг. до н.э.

Возглавлявший маркоманнов Маробод создал мощный союз германских племен, в который вошли и лангобарды низовий Эльбы, и сенноны ее среднего течения, и лугии, обитатели современной Польши, и готоны, жившие где-то на Севере Европы (Tac. Ann. II, 62-63; Щукин 1994: 185-201, там же и библиография). Союз представлял явную угрозу Риму, и римляне в 5 г.н.э. попытались с ней покончить, бросив на это дело 14 легионов, почти половину всей армии. Наступали двумя корпусами, из Могонтиака на Рейне и из Карнунтума на Дунае, беря домен Маробода в Чехии в клещи. Но тут же в тылу восточного корпуса вспыхнуло антиримское восстание населения Паннонии и Далмации. Пришлось срочно заключить мир с Марободом на каких-то очень выгодных для него условиях. Именно с этого момента в Чехии и в Поэльбе наблюдается заметный приток римской бронзовой посуды (Tejral 1969; Wołągiewicz 1970).

Потенциальная угроза, однако, сохранялась, и преодолеть ее римлянам удалось дипломатическими средствами. Не без их наущения в 19 г.н.э. один из подданных Маробода, молодой готон Катуальда, напал на вождя маркоманнов и разбил его, заставив бежать к римлянам. Самого Катуальду, впрочем, постигла та же судьба. В свою очередь он тоже был разбит гермундурами и бежал к римлянам. Римская дипломатия и интриги оказались сильнее римского оружия (Shchukin 1989: 247-259; Щукин 1994: 184-197).

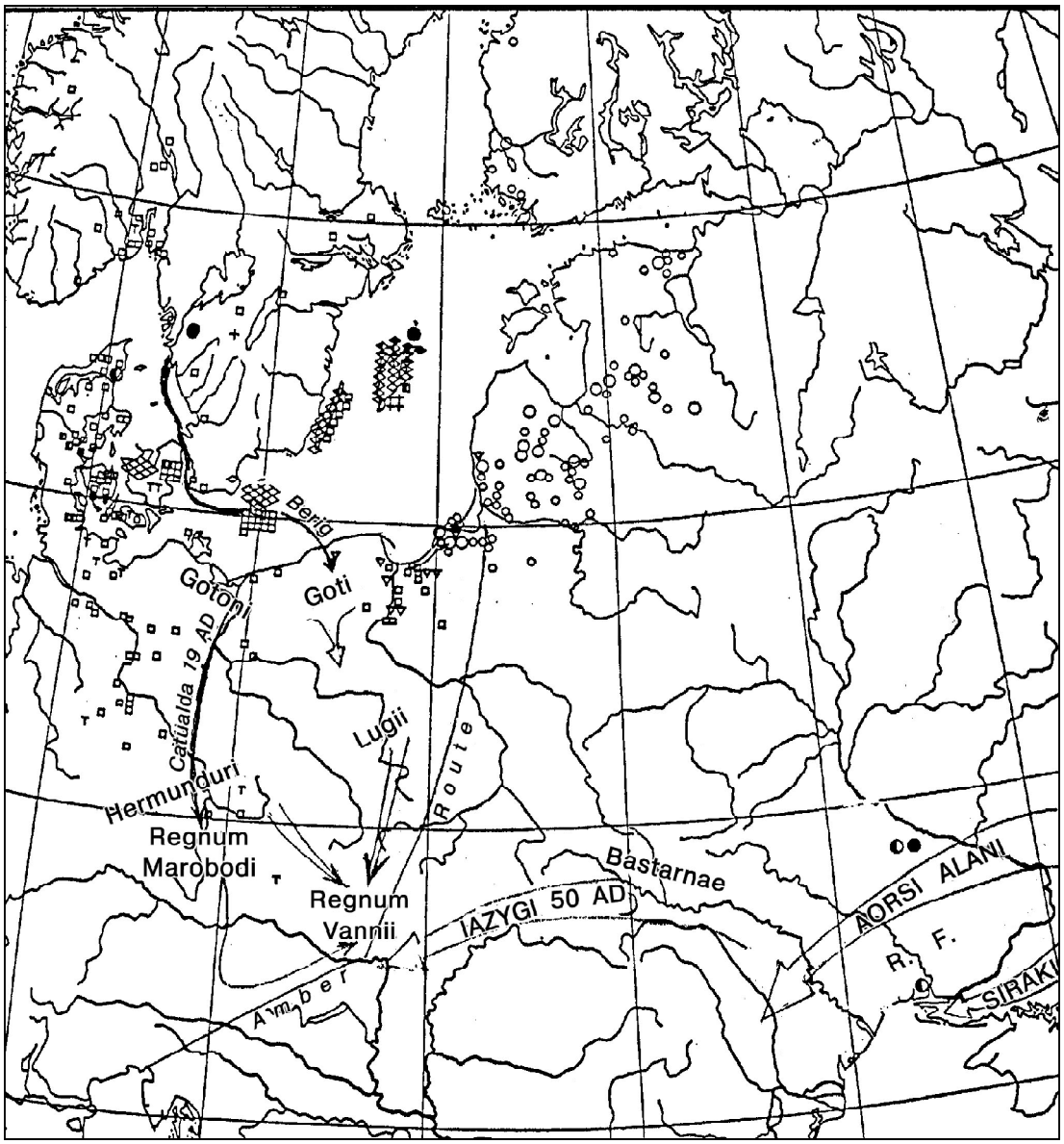

Рис.6. Распространенение вещей типа Хавор (по Э. Нюлену с дополнениями). Темные и полутемные кружки — золотые гривны типа Хавор. Ромбы — разные варианты биконических бус. Квадраты — разные варианты грушевидных подвесок. Треугольники — подвески бронзовые или железные. Белые кружки — прибалтийские бронзовые гривны с «тромбоновидными» окончаниями. Крестики — наиболее ранние варианты грушевидных подвесок. Т-образные значки — булавки с филигранными головками.

Между прочим и Тацит (Tac. Ann. II, 62-63), и Велий Патеркул (Paterc. I, 109) сообщают, что в ставке Маробода Катуальда застал большое количество купцов и маркитантов из римских провинций.

Остатки дружин обоих незадачливых вождей римляне поселили на Среднем Дунае в районе нынешней Братиславы, поставив во главе созданного «буферного государства» некоего Ванния из племени квадов. Государство находилось на «янтарном пути», и 30 лет Ванний «наживался пошлинами», пока в 50 г.н.э. не был разбит гермундурами и лугиями (Tac. Ann. XII, 29-30).

Таким образом, наблюдавшиеся явления кельто-скандинавских контактов имеют и определенную историческую подоплеку, а поскольку техника зерни и филиграни не была секретом ни для римлян, ни для кельтов, проблема происхождения северо-европейского филигранного стиля, казалось бы, решается.

Однако решается она не столь просто, как хотелось бы. Дело в том, что, хотя техника зерни-филиграни была известна римлянам и кельтам, но широкого распространения в западных провинциях Империи она не получила. Быть может, меня поправят, но мне, признаться, не известно ни одной находки рубежа эр, то есть времени непосредственно предшествующего возникновению «северо-европейского филигранного стиля», ни из Галлии, ни из Италии, ни

из Подунавья.

Остается искать их в Восточном Средиземноморье, включая Причерноморье, где традиции этой ювелирной техники были известны издревле, где греческие мастера золотых дел создавали такие широко известные шедевры ювелирного искусства IV в. до н.э., как серьги из Куль-Обы и Феодосии. Становились известными вещи в этой технике, созданные, вероятно мастерами Закавказья, и сарматским племенам Поволжья, примером чему могли бы служить зерненые серьги с изображением колесничих из кургана «Сазонкин бугор» на Нижней Волге.

Все это, однако, более раннее время, а нас интересует то, которое непосредственно предшествовало бы возникновению северного стиля. Эрик Нюлен, Флемминг Коль и Йес Мартенс предполагают, что скандинавско-понтийско-средиземноморские контакты могли осуществляться через Фракию, но приводимые ими примеры филигранных находок тоже относятся еще к IV в. до н.э. (Nylén 1968; 1972; 1980; Kaul, Martens 1995). В этой связи возникает особый интерес к серии захоронений так называемой Зубовско-Воздвиженской группы на Кубани второй половины I в. до н.э. — первой половины I в.н.э., где изделия с применением техники зерни и филиграни не являются редкостью (Гущина, Засецкая 1989; Анфимов 1986; Раев, Яценко 1993; Щукин 1992; 1994: 177-178), будь это погребения представителей сарматского племени сираков, как полагают одни исследователи, или первых аланов, появившихся в Причерноморье, инкорпорированных в состав сиракского племенного союза и разделивших его судьбу, как думают другие (Раев, Яценко 1993).

Ювелиры, работавшие на представителей Зубовско-Воздвиженской группы, были, скорее всего, выходцами из Боспора, Закавказья или других регионов Восточного Средиземноморья, точно определить сегодня невозможно, но вряд ли собственно сарматские мастера освоили достаточно сложную технику грануляции. Изготовлялись же вещи, отнюдь не свойственные античной культуре — фибулы в виде баранчиков, зайчиков и т.п. (Анфимов 1986: 171, 180), подобные не использовались самими греками, а были, вероятно, изготовлены в соответствии со вкусами и требованиями заказчиков-потребителей.

А им были свойственны специфические формы.

Перенос же техники изготовления ювелирных изделий из Причерноморья на Север Европы мог бы объясняться тем циклом событий, которые имели место на рубеже нашей эры в Восточной и Центральной Европе (Щукин 1994: 185-278).

Имеется в виду прежде всего сдвиг сарматских племен на запад, который зафиксирован как письменными, так и археологическими, нумизматическими и эпиграфическими источниками. Это вызванный вмешательством римлян конфликт сарматских племен аорсов и сираков в Прикубанье, образование царства сарматского царя Фарзоя в прилегающих к Ольвии землях между Прутом и Днепром, появление сарматов-языгов по призыву упомянутого царя Ванния в Среднем Подунавье, и прочее. А противниками Ванния были бесчисленные племена лугиев, носителей пшеворской культуры Польши, проникновение которых также и в Верхнее Поднестровье фиксируется археологически. Обо всем этом мне доводилось писать неоднократно (Щукин 1986; 1994: 201-239; 1995; Ščukin 1993; Shchukin 1994), и нет необходимости повторяться.

Первое проникновение сарматов в Подунавье фиксируется Дионом Кассием еще в 16 г. до н.э. (Dio Cass. LX, 30, *3*), события 45-50 гг. н.э. на Боспоре, в Прикубанье и на Среднем Дунае подробно описаны Тацитом (Tac. Ann. XII, 15-18; 29-30), изменение этнополитической ситуации в Причерноморье между 18—79 гг.н.э. видно из сопоставления размещения сарматских племен в описаниях Страбона (Strab. VII, 3, *17*; VII, 4, *11;* 5; IX, 5, *7-8*) и Плиния (Plin. H.N. IV, 80-83), а археологически фиксируется резким увеличением числа сарматских памятников в Днепро-Дунайском междуречье с середины I в.н.э. (Гросу 1990; Bichir 1977; Щукин 1994: 204-222, рис.71). Тогда же прекращаются захоронения Зубовско-Воздвиженской группы, а на противоположном, северном берегу Кубани появляются захоронения так называемого «Золотого кладбища» с иным, катакомбным обрядом погребения (Гущина, Засецкая 1994). Сираки, обитавшие по Страбону и Тациту в Прикубанье, Плинием фиксирутся в районе «Ахиллова дрома», на Тендровской косе под Ольвией (Plin. H.N. IV, 80-83; Щукин 1994: 209-210).

В 49 г.н.э. или несколько позже (существуют разные системы расчетов — см. Каришковський 1962; Карышковский 1982; Щукин 1982; 1994: 212-222; 1995), в Ольвии начинает чеканить свои монеты некий царь с иранским именем Фарзой.

Истоки этого сдвига сарматских племен следует искать, вероятно, далеко на востоке (Клейн 1976; Щукин 1989). Два потока передвижения, германцев с севера и сарматов на запад, встретились в Среднем Подунавье и Верхнем Поднестровье. Результатом сармато-германских контактов стали такие явления, как находки германских щитов в богатых захоронениях Нижнего Подонья и изображения родовой тамги Фарзоя на германских копьях из Валле в Норвегии и из Бодзаново в Польше (Ščukin 1993; Shchukin 1994, fig. 2, *22, 25*).

Не исключено, что в ходе всех этих, смутно высвечивающихся из наших источников событий, детали которых остаются нам неизвестными, некая артель ювелиров-греков, работавших прежде на сарматов Зубовско-Воздвиженской

группы, могла попасть на север Европы, чтобы делать для новых заказчиков филигранные кулоны, бусы, гривны и прочие украшения. Вкусы же заказчиков были сформированы предыдущими германо-кельтскими контактами времен Ариовиста—Маробода—Катуальды. Гривны из Залевок и из Ольвии возможно являются отражением этих же процессов.

Естественно, все это не более чем догадка, на большее претендовать не приходится.

ЛИТЕРАТУРА

Анфимов Н.В. 1986. Древнее золото Кубани. Краснодар.

Бобринский А. 1887. Курганы и случайные находки близь местечка Смелы. Том I. СПб.

Гросу В.И. 1990. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.

Гущина И.И., Засецкая И.П. 1989. Погребения Зубовско-Воздвиженской группы из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. — начало II в.н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. — Труды ГИМ.— Вып. 70. М.

Гущина И.И., Засецкая И.П. 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.

Еременко В.Е., Щукин М.Б. 1992. Кимвры, тевтоны, кельто-скифы и некоторые вопросы хронологии рубежа среднего и позднего Латена // Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени. СПб.

Клейн Л.С. 1976. Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов. // Скифо-Сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

Мурзакевич Н.Н. 1847. Записки Одесского общества любителей истории и древностей. Т.1. Одесса.

Пятышева И.В. 1956. Ювелирные изделия Херсонеса. М.

Раев Б.А., Яценко С.А. 1993. О времени первого появления аланов в юго-восточной Европе. // Скифия и Боспор. Новочеркасск.

Шелов Д.Б. 1975. Керамические клейма из Танаиса III-I вв. до н.э. М.

Щукин М.Б. 1982. Царство Фарзоя: эпизод из истории Северного Причерноморья. // Сообщения Государственного Эрмитажа.— Вып.47.

Щукин М.Б. 1987. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.

Щукин М.Б. 1989. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в н.э. в Центральной и Восточной Европе. // СА. № 1.

Щукин М.Б. 1991. Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (К методике историко-археологических сопоставлений) // Археологический сборник. Государственный Эрмитаж. СПб.

Щукин М.Б. 1993. Некоторые замечания к хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблема ранних алан // Античная цивилизация и варварский мир. Часть I. Новочеркасск.

Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. — I в.н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.

Щукин М.Б. 1995. Две реплики по поводу Фарзоя и надписи из Мангупа, царя Артавасда и погребения в Косике. // Вестник древней истории. № 4.

Щукин М.Б. (В печати). О фалярах так называемого «греко-бактрийского стиля». К проблеме контактов Восток-Запад. // Ювелирное искусство и материальная культура. Материалы семинара.

Andersson K. 1993. Romarotida i guldsmide i Norden. I. Katalog. Uppsala.

Andersson K. 1995. Romarotida i guldsmide i Norden. III. Övriga smycken, teknisk analys och verkstadgrupper. Uppsala.

Benndorf O. 1879. Antike Gesichtshelme und Sepulcralmasken. Wien.

Bichir Gh. 1977. Les sarmates au Bas-Danube // Dacia. XXI.

Garbsch J. 1965. Die norisch-pannonische Frauentracht im 1. und 2. Jahrhundert. München.

Hachmann R. 1991. Gundestrup-Studien // Untersuchungen zu den spätkeltischen Grundlagen der frühgermanischen Kunst — 71. Bericht der Römisch-Germanischen Komission 2. Mainz.

Hagberg U.E. 1967-1968. 2000-ärigt guldschmide från Öland. Tor. XII.

Kaul F. & Martens Y. 1995. Southeast European Influences in the Early Iron Age of Southern Scandinavia // Acta Archaeologica. Vol. 66. København.

L'art 1983-1984 = L'art celtique en Gaule. Collection des musées de Province. Marseille.

Leube A. 1978. Neubrandenburg ein germanischer Bestattungplatz des 1. Jahrhundert u. Z. Berlin.

Menke M. 1974. «Rätische» Siedlungen und Bestattungplätze der frührömischen Kaiserzeit in Voralpenland // Studien zur vor -und frügeschichtlichen Archäologie. Festschrift für Joachim Werner zum 65. Geburtstag. Teil I. München.

Motyková-Šneidrová K. 1967. Weiterentwicklung und Ausklang der älteren römischen Kaiserzeit in Böhmen. Prague.

Müller von, A. 1956. Die birnen- und kugelförmigen Anhänger der älteren römischen Kaiserzeit // Offa. Bd. 15.

Müller S. 1900. En fremed Halsring af Guld fra førromesk Tid. Aarbøger.

Nylén E. 1968. Die älteste Goldschmedkunst der nordischen Eisenzeit und ihr Ursprung // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. — 15. Jahrgang.

Nylén E. 1972: Der Norden und die Verbindungen mit dem thrakisch-dakischem Raum // Studia Gothica. Stokholm.

Nylén E. 1980: Trakerna och Norden // Trakerna. Statens Historiska Museum. Stokholm.

Ouvaroff A. 1855. Recherches sur les antiquités de la Russie méridionale. Paris.

Peschel K. 1968. Der Horisont von Großrömstedt in Rahmen der Eisenzeit der südliche Mitteldeutschland // Zeitschrift für Archäologie. Jg.6.

Pfrommer M. 1990. Untersuchungen zur Chronologie Früh- und Hochhellenistischen Goldschmucks // Deutsches Archaeologisches Institut.— Abteilung Istambul.— Istambuler Forschungen 37.

Schmidt-Thielbeer 1967. Das Gräberfeld von Wahlitz, Kr. Burg. Berlin.

Ščukin M.B. 1993. A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains a l'époque romaine (d'aprés l'armament les umbo de boucliers et les lances) // Ed. F. Vallet, M. Kazanski. L'armée romaine

et les barbares du III-e au VII-e siècle. Paris.
Shchukin M.B. 1989. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe 1st Century BC — 1st Century AD. (B.A.R. International Series 542, Oxford).
Shchukin M.B. 1994. Shields, swords and spears as evidence of Germanic-Sarmatian contacts and Barbarian-Roman relations // Hrsg. C. Carnap-Bornheim. Beitrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhundrten. Lublin-Marburg.
Shchukin M. In print. Complex of finds from Zalevki near Smela in the Middle Dnieper basin. Marburg.
Sjöberg, M. B. 1987. Bredsätra socken. Ölands ärnøåldersgravfält. Vol. I. Stokholm.
Taylor T. 1992. The Gundestrup Cauldron // Scientific American. March.
Tejral J. 1969. Zur Chronologie der älteren römischen Kaiserzeit im Lichte mährischer und westslowkischer Bodenfunde // Zbornik filosofickej fakulty Univerzity Komenskeho. №.XX (IX). Bratislava.
Wołągiewicz R. 1970. Naplyw importów rzymskich do Europy na pólnoc od srodkowego Dunaju // Archeologia Polski. T. XV. z. 1. Warszawa.
Wołągiewicz, R. 1974. Zagadnienie stylu wczesno-rzymskiego w kulture wielbarskiej // Studia Archaeologica Pommeranica. Koszalin.

С.А.Яценко, В.Ю.Малашев

О ПОЛИХРОМНОМ СТИЛЕ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ САРМАТИИ

S.A. Yatsenko, V.Yu. Malashev. On the Polychromic Style of the Late Roman Time in Sarmatia.

The article studies a range of items typical of the Northern Black Sea Coast and belonging to the polychromic style (also inaccurately called «cornelian») (pls. 2-4 + Catalogue). It is usually characterized by insertion of a large flat polished cornelian and a genuine list of stamped geometric decoration elements on the external plate. The authors do not attempt finding the place of origin of these items in other regions (all the findings on the territory from Iran to the Balkan peninsula cited in literature are very remote «prototypes» and analogs: pl. 6, 2-4). The detected centers of their production were Panticapaeum and Chersonese Tauricus, with local peculiarities in each of the two. The item of this style were produced, according to the dates proved by V.Yu. Malashev (Malashev, 2000), by four chronological groups (periods). The chronological group 1 (period II b – 2nd half of III c. A.D.) produced mainly articles of female costumes for the barbarians of the Western Crimea, while the groups 2 (period IIIa - late III – 1st third of IV cc.), group 3 (period IIIb – 2nd third IV c.AD – 372/375 – before the Hunns' arrival) and group 4 (not earlier than mid. IV – early V cc.) mainly produced military equipment (harness, swords and daggers, belt buckles). Similar articles were worn by the local barbarised and barbarian population of the cities (especially in Panticapaeum), though the major part of these articles was meant to be gifted to the barbarian elite of the Steppes, and exclusively for the Iranian-speaking groups: Alans and «Tauro-Scythians» (the neighbouring Germans and Caucasus mountaineers did not use them at all). The noble graves containing these articles and found in Panticapaeum also have Sarmatian-Alan features (the bridle has tamga-signs of Sarmatian-Alan clans, bridle and swords were found in the graves of noble women, etc.) The style reaches its peak in the group 3, when articles of various destinations were produced, they increased in number and their decoration became most various.

The spread of the articles at different stages (pl. 1) partly reflects military and political rivalry of Panticapaeum and Chersonese Tauricus. At first the Bosphorus supplies were meant for the Alans of the Central Caucasus foot mountains (articles of the group 2). Later, the Bîsporian Kingdom, after being defeated in three wars, sought allies among the nomads of the Low Don area (group 3) (the earlier period there yielded items produced in Chersonese). It was the time, probably, when these nomads became less dependant on the Alans of the Central Caucasus foot mountains. Some findings of the groups 2 and 3 are documented in the mouth of Danube, on the lands of the «European Alans» dependant on the Goths. After the Hunns' intrusion separate items manufactured in this style reached the north (up the Volga river - Brody) and even Central Asia (Tugozvonovo in the mountains of Altai) where they were used and probably processed.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ «СЕРДОЛИКОВОГО» СТИЛЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ 2-Й ПОЛ. III – IV ВВ. Н.Э.

Ювелирные стили, популярные среди «варварских» племен Юго-Восточной Европы в римское время, сегодня изучены весьма неравномерно. Это касается как их возникновения и оформления, так и их чисто художественной характеристики. Наибольшее внимание ученых до сих пор привлекал т.н. *«бирюзово-золотой звериный стиль»* I – нач. II вв. н.э. (Клейн 1976; Засецкая 1980; Засецкая 1989; Мордвинцева 1996; Treister, Yatsenko 1998; Яценко 2000). Сегодня его можно считать сравнительно неплохо изученным. Хуже исследован пока золото-гранатовый *стиль сплошной перегородчатой инкрустации («клуазонне»)*; он характерен для гуннской эпохи, но наиболее ранние изделия его появились в Северном Причерноморье, на наш взгляд, уже во 2-й трети IV в.н.э. (см., прежде всего: Засецкая 1975; Засецкая 1982; Засецкая 1993: таб. 6; Бажан, Щукин 1990; Малашев 2000). Совершенно неизученным остается *полихромный стиль II-III вв.*, включающий единичные вставки гранатовых кабошонов, орнаменты из зерни и напаянной филигранной «плетенки».

Наконец, еще один стиль римского времени (со вставками шлифованных *сердоликов* и цветного стекла, золотой плакировкой бронзовой или серебряной основы и тисненым орнаментом, состоящим из крестиков, звездочек, кружков, треугольников из псевдо-зерни, полос рубчиков, жгутов, зигзагов и т.д.) в начале 70-х годов привлек внимание такого талантливого ученого, как А.К. Амброз. В своей докторской диссертации (Амброз 1974) он датировал его 2-й пол. III в. н.э., с возможным заходом в IV в., и охарактеризовал как античный по характеру и *«общепровинциальный»* (Амброз 1992: 8-9), а также как *позднесарматский догуннский* (Амброз 1989: 22-29). В дальнейшем почти все комплексы с находками этого типа были отнесены М.М. Казанским к IV в. (Казанский 1994: 241).

© С.А.Яценко, В.Ю.Малашев, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

Внимание исследователей к этому стилю стало более заметным со 2-й половины 80-х годов. В одном из докладов 1986 г. Е.Л. Гороховский назвал его *«сердоликовым стилем»* (Гороховский 1988: 19), что поддержано другим киевским археологом – А.В. Симоненко (Симоненко 1999: 19-20), и датировал его сер. III – 1-й пол. IV вв. н.э., а в 1994 г. назвал его *«сирийско-боспорским инкрустационным стилем позднеримского времени»*; А.И. Айбабин предложил назвать его *«сармато-аланским полихромным стилем»* (Айбабин 1994: 95).

О *происхождении* полихромного стиля 2-й пол. III – IV вв. в литературе последних двух десятилетий высказывались *самые разнообразные мнения.* Его связывают то с *аланскими группами*, участвовавшими в «скифских войнах» III в.н.э. на территории Римской империи (Гороховский 1987: 59), или с вовлеченными в те же события *германцами* (Айбабин 1994: 95), то с заимствованиями из *сасанидского Ирана*, проникшими на Боспор, а оттуда – на Дунай (Шаров 1995: 20), то, напротив, выводят из *дунайских провинций* Империи и считают, что оттуда этот стиль «распространился и на Крым» (Амброз 1992: 9). Высказывалось также мнение, что этот конкретный стиль распространялся *из разных пунктов*, а концентрация его находок в Северном Причерноморье (и особенно – в городах Крыма), якобы, *случайна* и объясняется лишь особенно тщательной изученностью этого региона (Soupault-Becquelin 1999: 303).

При любом подходе трудно отрицать вполне очевидный факт: *сколько-нибудь точных аналогий северопричерноморским изделиям нет ни в провинциях Империи, ни в Иране* (см. ниже). Вполне очевидно и то, что ни в одном комплексе Северного Причерноморья, достоверно связываемым с *германскими* этносами, подобные изделия не обнаружены.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧ

Мы в своем очерке не преследуем глобальных целей (беглое решение вопросов о *происхождении* того или иного ювелирного стиля Евразии и «окончательное» – о механизмах его *распространения* и т.п.). Сознаемся откровенно: мы *не знаем*, каково именно происхождение причерноморского полихромного стиля 2-й пол. III – IV вв., и даже не собираемся обсуждать этот вопрос [1]. Целый ряд *объективных* причин мешает пока ответу на него (среди них – крайне слабая, односторонняя изученность территории сасанидского Ирана и отсутствие системной характеристики собственно причерноморского стиля).

Для хотя бы частичного разрешения этой проблемы сегодня необходимо провести большую предварительную работу: 1) составить *Каталог* причерноморских вещей данного стиля [2], 2) системно охарактеризовать его *художественные особенности*, 3) уточнить датировку содержавших их комплексов, 4) проследить *эволюцию* стиля в припонтийском регионе до гуннского вторжения, 5) выявить *центры производства*, 6) определить *этнополитическую принадлежность* его потребителей. Именно на эти вопросы мы пытались ответить в предлагаемом исследовании.

Поскольку главной задачей статьи является именно изучение *художественного стиля*, это отразилось на составе Каталога и иллюстрирующих его рисованных таблиц. В них не характеризуется *конструкция* изделий (ее анализ составляет тему особого исследования), и обычно – степень их *сохранности*. *Материал* основы изделий и их покрытия указан в тех случаях, когда мы располагаем сведениями о нем. Иллюстрации на таблицах 2 и 3 пронумерованы в соответствии с Каталогом и соотнесены, в тех случаях, когда это возможно, с определенными хронологическими группами. Некоторые вещи, приведенные в Каталоге, давно и бесследно исчезли; другие найдены недавно, не опубликованы и не могут быть использованы нами в виде прорисовок. Значительная часть вещей из раскопок XIX и нач. XX вв. – беспаспортная; однако и материал из всемирно известных керченских комплексов 1837 и 1841 гг. был документирован уже в первых изданиях и в описях при поступлении в Эрмитаж с известной путаницей. Ряд спорных вопросов рассмотрен нами в *постраничных примечаниях* к Каталогу.

ХРОНОЛОГИЯ КОМПЛЕКСОВ

Значительная часть работы в этом направлении была проделана в последние годы М.М.Казанским (Казанский 1994: 239-243) и одним из авторов данной статьи [3].

Появление предметов, выполненных в полихромном стиле, приходится на время не ранее 2-й пол. III в. (Амброз 1989: 23-24; Bezuglov 1995 и др.). В отношении верхней хронологической границы существования подобных вещей пока нет единого мнения. Рассмотрим хронологию комплексов, где встречены эти изделия. Изучаемую совокупность погребений и отдельных находок можно представить в виде 4-х групп, которые мы соотносим с предложенной одним из авторов периодизацией ременных гарнитур позднесарматского времени (Малашев 2000).

К наиболее ранней **группе 1** (синхронной **II b** по В.Ю. Малашеву) следует отнести находки серег [4], браслетов и «медальон» из могильников Крыма: погребения 3 и 35 Черной Речки и мог. 24 Дружного (Кат. №№ 33, 35, 38-39, 41). В

погребении 35 на Черной Речке были найдены двучленная лучковая и прогнутая подвязная вар. 1 фибулы (Амброз 1966: 53). Последние, главным образом, характерны для раннего этапа черняховской культуры, при этом иногда они могут встречаться и позднее, доживая до IV в. (Гороховский 1988: 42-43; Амброз 1994: 33; Гей, Бажан 1997: 42). Хронологически близок погребению 35, видимо, и комплекс погребения 3 этого же могильника, где находились серьги и «медальон» (предмет в виде прямоугольной пластины с двумя петлями на одной из сторон). Могила 24 из Дружного, помимо вещей, датируемых не ранее 2-ой пол. III в. (лучковая двучленная фибула), содержит зеркало-подвеску с боковой ручкой. Основной период их распространения приходится на более раннее время, однако такие зеркала на территориях к западу от Дона встречаются и позднее (Храпунов, Масякин 1998: 143). Монеты сер. III в., обнаруженные в этих комплексах, жестко указывают лишь на нижнюю дату погребений. Датировка этой группы может рассматриваться как **2-я пол. III в.** К этому же времени может относится находка серег из склепа 2 Дружного (Кат. № 37), связанная с одним из наиболее ранних захоронений.

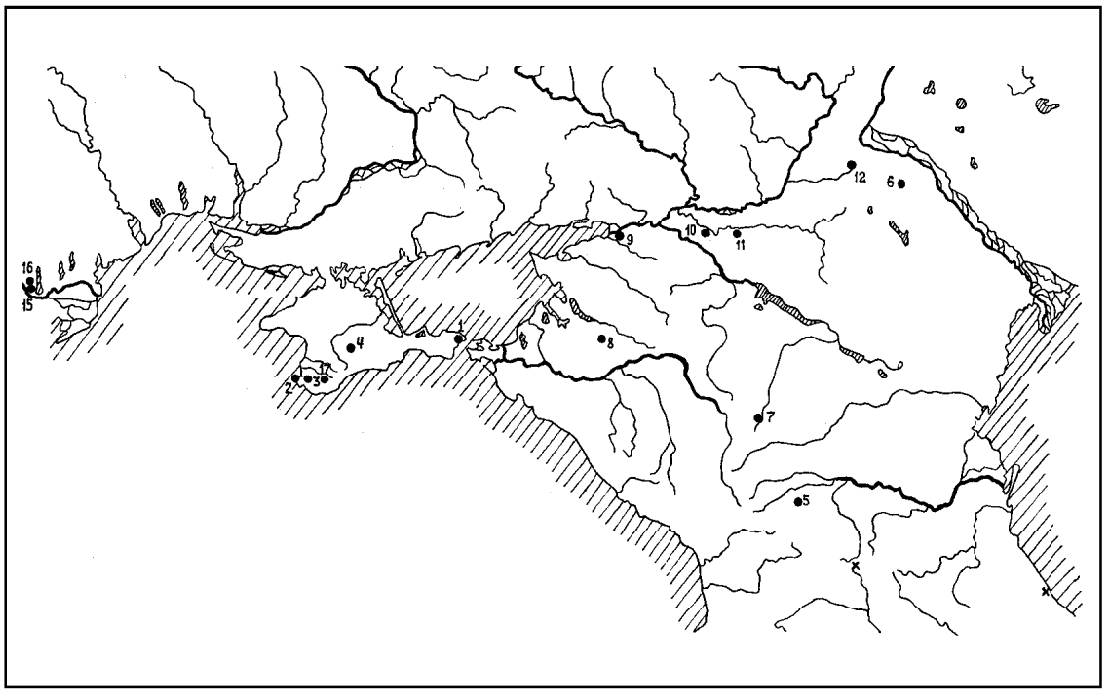
Более позднюю хронологическую позицию занимают такие комплексы как Кишпек, кург. 13, Градешка кург. 9, Аэродром I, кург. 2, вещи из разрушенного погребения у Марксштадта, находка у ст.Тимашевской. Они включены в состав **группы 2**, синхронной **III a** по В.Ю.Малашеву. Их связывает, в первую очередь, наличие в комплексах следующих вещей: пряжек со щитками овальной формы (сближающие эти образцы с пряжками типа «Келлер А»), язычки которых (прямые или слабо прогнутые) имеют невысокий уступ у основания; двухчастных наконечников-подвесок с треугольным расширением в нижней части подвески; одночастных наконечников, выполненных в полихромном стиле (там же). Нижнюю границу (**кон. III в. – рубеж III-IV вв.**) можно определить, исходя из хронологии пряжек с овальным щитком, близких «Келлер А» (Keller 1971: 45-51,58,59; abb.18, *1*), относящихся, по М.М.Казанскому, ко времени не ранее IV в. (Казанский 1994: 240,241). К близким выводам пришел О.В.Шаров, аргументируя их появление на рубеже III-IV вв. (Шаров 1992: 175,176). При этом, даже с учетом точек зрения других исследователей, сдвигающих дату появления данных пряжек в более раннее время, их появление может рассматриваться не ранее **финала III в**. (см. Казанский 1994: 240, 241). Верхняя хронологическая граница (1-я четв. – 1-я треть IV в.) совпадает с нижней границей *следующей* группы, которая будет рассматриваться далее.

Включение в группу комплекса из тайника кург. 2 Аэродрома I осложняется по двум причинам: из-за отсутствия язычка на пряжке с овальным щитком (он заменен железным неясной морфологии) и отсутствия щитка на другой пряжке (Малашев 2000). Гробница 1837 г. (Древности 1854, ч. II: 26-28; ч. III: таб. III, 5; XXVII, 7; XXIX) может синхронизироваться как с данной группой, так и с более поздней – группой 3 (соотносимой с III b по В.Ю.Малашеву). С погребениями последней ее сближают особенности сбруйного набора – прямоугольные бляхи, идентичные бляхам из гробницы 1841 г. по В.Шкорпилу (см. ниже). Таким образом, предметы упряжи из Аэродрома, а также материалы из керченского склепа 1837 г. и вещи из коллекции Л.А.Бертье-Делагарда могут относиться как к рассматриваемой группе, так и к последующей.

Погребения из Керчи – 1841 г. по А.Б. Ашику, 1841 г. по В.В. Шкорпилу и покупка 1891 г. (Кат. №№ 3, 5, 7-9, 11, 19, 36), а также комплексы из кург. 8 Комарова II и кург. 5 в Чауше входят в состав следующей, более поздней **группы 3** (синхронной **III b** по В.Ю. Малашеву). Она выделяется по пряжкам с овальным щитком, язычком, лишенным прогиба, большей длины (охватывают кольцо рамки, доходят до середины ее сечения) и с высоким уступом у основания или рельефным выступом, а также по двухчастным наконечникам-подвескам с секировидным расширением в нижней части (Малашев 2000). Абсолютная датировка группы III b может опираться на находки предметов черняховского импорта из нижнедонских погребений, связанных между собой и вышеупомянутыми комплексами в единый компактный круг взаимовстречаемости (там же: рис.1): двучленных прогнутых подвязных фибул вар. 2, трехслойного гребня с подтреугольной спинкой, крупной железной «воинской» фибулы. *Нижняя* граница этой группы, скорее всего, приходится **на 2-3 десятилетие IV в.,** что обосновывается существованием всех перечисленных хронологических индикаторов в период, синхронный центральноевропейскому С 3 (Там же). Верхняя ограничена началом гуннской эпохи.

Значительная часть вещей из находок 1918 г. (Кат. №№ 12, 18, 22) характерна для группы III b (Малашев 2000) и связана с догуннским временем. При этом, по наблюдению М.М.Казанского, в составе коллекции имеется пряжка с длинным хоботковидным язычком гуннского периода (Казанский 1994: 240). Для нас важно то, что дошедший до нас набор в целом существенно отличается от инвентаря склепов некрополя Боспора гуннской эпохи (Засецкая 1993).

В погребениях рассматриваемой группы встречены и предметы, выполненные в технике перегородчатой инкрустации «клуазонне». В комплексе из кург. 8 Комарова II, по составу и стилистике предметов сбруйного набора чрезвычайно близкого покупке 1891 г. из Керчи, найдены вещи в технике перегородчатой инкрустации «клуазонне» с цветовой гаммой, аналогичной той, которая свойственна рассматриваемому в данной работе стилю и отлична от таковой стиля гуннского времени. Еще один предмет в

Таб. 1. Пункты находок изделий северопричерноморского полихромного стиля 2-й пол. III – IV вв. н.э.: 1 – Пантикапей / Керчь; 2 – Херсонес / Севастополь; 3 – Черная речка, могилы 3 и 35; 4 – Дружное, могилы 24 и неизвестный №; 5 – Кишпек, курган 13; 6 – Купцын Толга, курган 30; 7 – Веселая Роща III, курган 8; 8 – Тимашевская; 9 – Аэродром I, курган 2; 10 – Комаров II, курган 8; 11 – Новый, курган 108; 12 – Абганерово II, курган 33; 13 – Марксштадт; 14 – Броды, курган 25; 15 – Чауш, курган 5; 16 – Градешка, курган 9; 17 – Суворово, склеп 38/3.

подобной технике из этой группы – навершие из гробницы 1841 г. по А.Ашику (Кат. № 19).

В состав наиболее поздней **группы 4** можно включить пряжки из кург.33 Абганерово, кург.108 Новый, кург.25/I Броды [5] (Кат. №№ 29-31), а вне пределов Сарматии – находку у Брюхановского выселка (Пермская обл.) и комплекс с далекого Алтая (Тугозвоново: см. ниже специальный раздел). Формально предметы из Тугозвоново вошли в группу III б, но хронологически позже других составляющих ее комплексов (Малашев 2000). Обращают на себя внимание и стилистические особенности пряжек и наконечников. От группы степных северопричерноморских и керченских древностей (а также от вещей из Кишпека) их отличает обильное использование настоящей (а не псевдо-) зерни, в первую очередь – в окантовке вставок, а также более частое применение такого приема в оформление щитков пряжек как несколько мелких вставок различной формы. Важно отметить, что оформлению подвергаются щитки пряжек овальной формы, в то время как в северопричерноморских и керченских комплексах предшествующего времени такие изделия не известны; здесь декорировались щитки пряжек только прямоугольной формы. Пряжки, помимо вышеперечисленных признаков, объединяет и окантовка по периметру «плетенкой» золотого листа, обтягивающего щитки. Курган 25/1 Бродовского могильника отнесен Р.Д.Голдиной к горизонту наиболее ранних (группа А), датируемых кон. IV – нач. V вв. (370-425 гг.) (Голдина 1991: 168-169). Пряжки с овальными щитками из кург. 108 могильника Новый, судя по язычкам с рельефными выступами у основания, характерны для комплексов не ранее группы III b. Абганеровский комплекс, скорее всего, синхронизируется с этими находками.

Несколько особняком, вследствие особенностей декора, стоит находка пряжки с овальным щитком и вставкой из крупного сардоникса в кург. 8 могильника Веселая Роща III. Судя по язычку, эта пряжка должна синхронизироваться с вещами группы IIIa. Однако такие язычки в единичных случаях могут встречаться и позднее – в комплексах группы III b (Малашев 2000).

Таким образом, и территориально (к востоку от Дона) и хронологически, исключая пряжку из Веселой Рощи (комплексы **не ранее середины IV в., с возможным заходом в нач. V в**.) (Малашев 2000), эта группа вещей выглядит обособлено от остальных предметов полихромного стиля и может рассматриваться как *локальная*. Еще раз отметим, что щитки пряжек в полихромном стиле данной группы (овальные) отличаются по форме от более ранних полихромных (прямоугольных) щитков из Пантикапея и степных комплексов.

Безусловно, эти наблюдения сделаны на достаточно ограниченном материале [6] и требуют дальнейшей проверки. Независимо от будущего уточнения абсолютной хронологии выделенных групп, для нас важны, в первую очередь, их *относительная* хронология и последовательность.

ЦЕНТРЫ ПРОИЗВОДСТВА

Уже утвердилось мнение, что такие, довольно сложные по технологии изделия, производились исключительно в столице Боспорского царства *Пантикапее* (Керчь). Идея боспорского центра полихромных изделий для различных периодов развивалась еще М.И. Ростовцевым (Ростовцев 1925: 557). Это же предполагалось в отношении гранатового «клуазонне» гуннского времени (Засецкая 1986: 25-26), но в дальнейшем эта точка зрения была изменена (Засецкая 1994: 73). Недавно И.О. Гавритухин обратил внимание на предмет, найденный в разновременном строительном мусоре у базилики в XXV квартале *Херсонеса*. Это бронзовая пластина – *матрица* для изготовления наконечника ремня упряжи в полихромном стиле (таб. 5, 1). Декору нашей пластины есть *точное соответствие* в одной из аланских могил в низовьях Дона (Аэродром I: Кат. № 2). Следовательно, весь стилистически единый набор упряжи из этого комплекса – скорее всего, херсонесского производства.

КАТЕГОРИИ ВЕЩЕЙ

Перечень изделий изучаемого стиля очень ограничен. Прежде всего, это предметы парадной *конской упряжи* из мужских (в редких случаях – женских) [7] погребений, обычно – наконечники ремней, подвески, зажимы и пронизи (Каталог, a – 15 комплексов) [8]. Почти столь же часто изготовлялись такого типа *поясные пряжки* [9] с прямоугольными или овальными рамками (Каталог, c – всего 14 комплексов). Гораздо реже встречаются декорированные подобным способом мечи и кинжалы (Каталог, b – 3 комплекса) и такие аксессуары костюма, как браслеты, серьги, «медальоны» и диадемы (Каталог, d, e, f, g – вместе 11 комплексов).

СЕРИЙНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА. КОМПЛЕКТЫ ИЗДЕЛИЙ

Конская упряжь в этом стиле производилась (по крайней мере, в двух случаях) *сериями*. Так, бронзовой матрице из Херсонеса для подвески ремня (таб. 5, 1) точно соответствует подвеска упряжи из района устья Дона (Аэродром I: таб. 2 a, № 2, VII). В двух богатых керченских могилах (1837 г. [10] и 1841 г. по В.В. Шкорпилу) мы встречаем идентичные небольшие прямоугольные, богато декорированные бляшки упряжи (таб. 2 b, № 7, VIII; № 9, VIII). Вероятно, партиями производились и отдельные формы пряжек и браслетов, но из-за фрагментарности уцелевших материалов проверить это предположение пока невозможно.

Комплектование наборов полихромных деталей можно проследить на таких изделиях, как конская уздечка и нагрудный ремень. Это легко сделать на примере немногих достаточно полно сохранившихся наборов (Кат. №№ 2-5, 8; таб. 2, a-b), созданных в разное время и найденных в разных районах Сарматии. Комплект нельзя назвать вполне устойчивым. Во *всех* названных случаях представлены только прямоугольные пластины зажимов псалиев (таб. 2, VI) и прямоугольные пронизи упряжи (там же, IV) [11]. В раннем комплексе Кишпека известны 2 оригинальных по форме подвески нагрудного ремня (в форме диска и ромба с прямоугольным выступом) (таб. 2, № 4, I и III). В наиболее поздних погребениях иногда отсутствуют круглые пронизи узды и прямоугольные наконечники нагрудного ремня с заостренным нижним торцом (там же, VII) (Комаров), дисковидные пронизи (V) и дисковидные бляхи нагрудного ремня с прямоугольным выступом (II) (Керчь 1841 г.; Комаров), но в тех же двух погребениях есть оригинальные типы полихромных пронизей. В таких поздних комплексах, как Чауш и керченский 1841 г., найдены каплевидные подвески нагрудного ремня с прямоугольным выступом (III). Наконец, только в Чауше известны *наплечные фалары* в полихромном стиле (таб. 2, № 5, I).

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИХРОМНОГО СТИЛЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ 2-Й ПОЛ. III – IV ВВ. Н. Э.

Исследователи при описании данного стиля ограничиваются очень краткой характеристикой (Амброз 1989: 23-24; Амброз 1992: 9; Айбабин 1994: 94; Шаров 1995: 20), что кажется явно недостаточным.

Металлическая основа. Предметы этого стиля изготовлялись в довольно сложной технике со штампов-матриц. Они представляют собой бронзовую или серебряную пластину-*подкладку* и *внешнюю* серебряную позолоченную или золотую пластину (на которой через матрицу прочеканивался орнамент). Предметы конской упряжи часто двухслойны и полые внутри (поскольку предназначались для продевания ремней); обе пластины соединялись на концах бронзовыми заклепками, которые также плакировались золотом или золотились. В Херсонесе известны и отдельные вещи с оригинальным по конструкции коробчатым корпусом: подвеска упряжи и пряжка (ГИМ. инв. № 95570). Гнезда

для камней обычно просто прорезались в листе металла, гораздо реже – напаивались.

Вставки из сердолика или стекла разнообразны по форме. Чаще всего это единичный крупный шлифованный сердолик овальной или прямоугольной (реже – круглой) формы с плоской основной внешней поверхностью. Мелкие вставки сердоликов обычно представляют собой подработанные кабошоны (за редчайшим исключением, без огранки). Изредка, *наряду с сердоликами, видим* единичные *другие* минералы разных оттенков *красного* цвета – гранаты (Кат. №№ 4, 22), турмалин (Кат. № 17) или сардоникс (Кат. № 32) [12]. Количество каменных вставок зависело как от типа изделия, так и от этапа развития стиля (см. ниже). Так, на браслетах, серьгах и пряжках (кроме единичных поздних образцов), пронизях упряжи обычно размещалось по одному камню, на некоторых подвесках упряжи – 5 или даже 10 (Кат. №№ 2, 4-5, 7-8, 10). *Стекло* бывает синего (в одном случае – лилового) цвета, воспроизводя, видимо, дорогие престижные минералы (лазурит или даже сапфир) или зеленого (реже – голубого) цвета (имитация бирюзы?). В ранних комплексах нашего стиля вставки самоцветов могли имитироваться и сравнительно дешевыми синими камнями (азурит: Кат. № 18).

Штампованный декор изделий весьма разнообразен (таб. 4). Зернь при этом (за исключением позднейшей пряжки Кат. № 30) лишь *имитируется*.

Бордюры украшены пояском из параллельных, иногда – наклонных рубчиков (чаще всего – с дополнительной гладкой полосой снаружи) или (в поздних комплексах) полосой перевитого жгута из двух «веревочек» (в одном случае – двойной). Гораздо реже встречаются дополнительно ряд точек, полоса зигзага или (только на изделиях устья Дуная) ряд мелких параллельных полумесяцев. Изредка на вещах из Керчи (Кат. №№ 10, 19) известны более сложные бордюры. *Края гнезд* для каменных вставок часто окаймлены полоской из вертикальных рубчиков, рядом точек, в единичных случаях – полукружий (Кат. № 5).

Крупные орнаментальные композиции в центре. В ряде случаев на дисковидных или каплевидных нагрудных подвесках узды или навершиях кинжалов (Кат. № 18) представлена композиция в виде *четырех- или шестилепестковой розетки,* с центральным элементом в которой необработанные (т.е. в виде кабошонов) мелкие сердолики (или крайне редко – гранат) сочетаются со вставками стекла синего или зеленого цвета. На некоторых поздних пряжках с овальным щитком с варварских территорий к востоку от Дона (Кат. №№ 29-30) и с прямоугольным щитком – из Керчи (Кат. № 22) встречаются сложные композиции из парных или тройных треугольников псевдо-зерни (в одном случае – Кат. № 30 – настоящей зерни) вокруг каменных вставок. Часто на предметах воинской экипировки (упряжь, пряжки) дополнительно украшены *торцы* основного орнаментального поля.

Штампованный декор основного орнаментального поля изделий содержит достаточно разнообразный перечень элементов: имитация зерни (в виде отдельных точек, их рядов, рядов из строенных точек и пар-троек сравнительно крупных треугольников); линии из 2-3 или более точек с выпуклым кружком в центре; ряды «косых» или «прямых» крестиков; восьмилучевые звездочки; короткие полоски зигзага (на верхнем выступе которого иногда помещена точка); пары или ряды полукружьев (иногда с точкой внутри или двумя точками на концах у каждого), в единичном случае – ромбиков (Кат. № 14), фигурок в форме буквы «Т» (Кат. № 41) или сложный орнамент из сплетенных 4-полосных жгутов (Кат. № 3). Подчас пространство между каменными вставками украшено несколькими рядами фигурок разных типов, в единичных случаях – геометрическими фигурами (прямоугольником) из них (Кат. № 3).

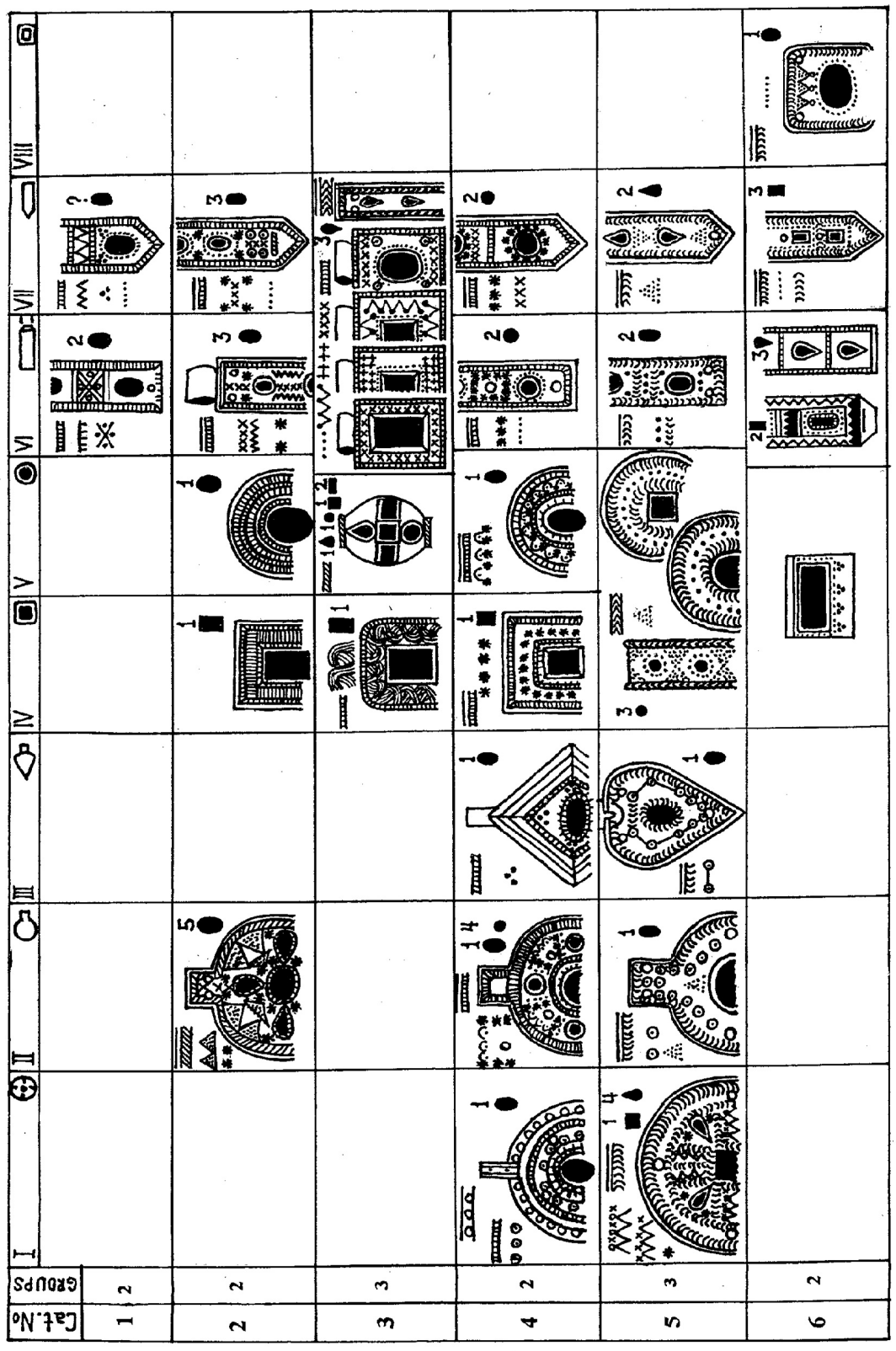
Кроме штампованного декора, на отдельных вещах группы 3 изредка встречается широко распространенный в античной торевтике (но в целом не характерный для нашего стиля) *сканный* орнамент в виде единичных напаянных проволочек в форме буквы «S» (Кат. №№ 11, 40).

НАПРАВЛЕНИЯ ЭВОЛЮЦИИ СТИЛЯ В ТЕЧЕНИЕ 2-Й ПОЛ. III – IV ВВ.

Отдельное изучение изделий из датируемых погребальных комплексов (а также учет *аналогичных им по декору* изделий, происходящих из плохо документированных или не сохранившихся комплексов) позволяет выявить ряд *особенностей хронологических групп 1-4* внутри данного стиля.

Изделия *группы 1 (2-я пол. III в. н.э.)* известны только в варварских районах Юго-Западного и Центрального Крыма и представляют собой исключительно аксессуары костюма (браслеты, серьги, «амулеты»), производившиеся, вероятно, в соседнем Херсонесе. Для них характерно оформление бордюров в виде рядов рубчиков; ими же украшались края каменных вставок. Формы каменных вставок разнообразны (овальные, реже – круглые или каплевидные); штампованный орнамент в основном орнаментальном поле включает ряды 8-лучевых звездочек, точек или Т-образных фигур. Возможно, именно в это время появляются полихромные пряжки с прямоугольным щитком (Кат. №25), язычки которых не имеют уступа у основания.

Следует упомянуть об интересном наборе украшений из женского погребения 9 могильника Суворово (Юго-Западный Крым), датируемый сер.III в. (Зайцев 1997: 108. рис.58, 9). Эти изделия (браслеты и серьги) типологически сход-

Таб. 2. Декоративные схемы предметов воинской экипировки (нумерация соответствует Каталогу): Элементы упряжи: I – дисковидные подвески и наплечные фалары; II – дисковидные подвески с прямоугольным выступом; III – каплевидные и ромбовидные подвески; IV – пронизи прямоугольной формы; V – дисковидные и шаровидные пронизи; VI – зажимы; VII – подвески с заостренным нижним торцом; VIII – бляшки-накладки.

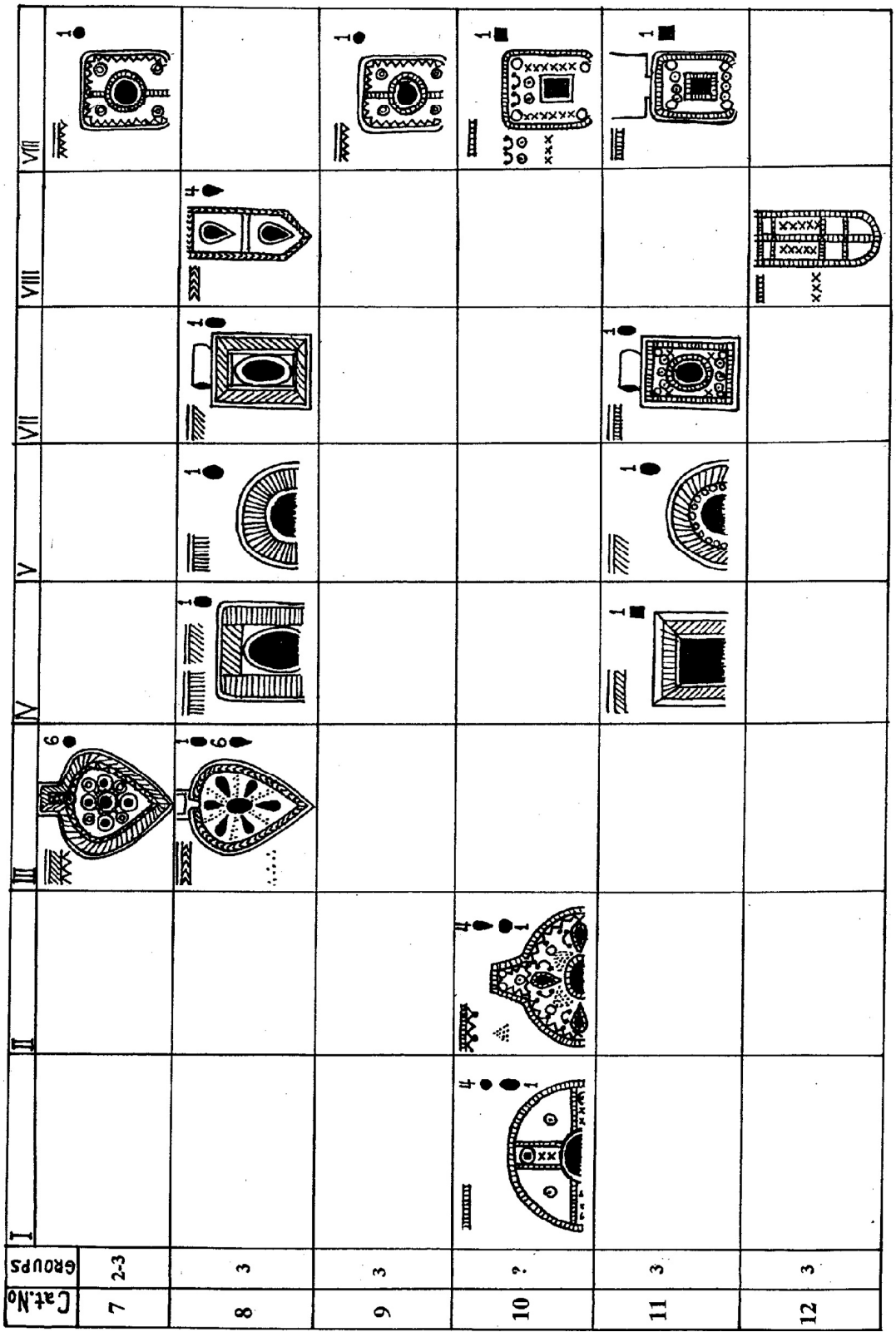

Табл. 2 (продолжение).

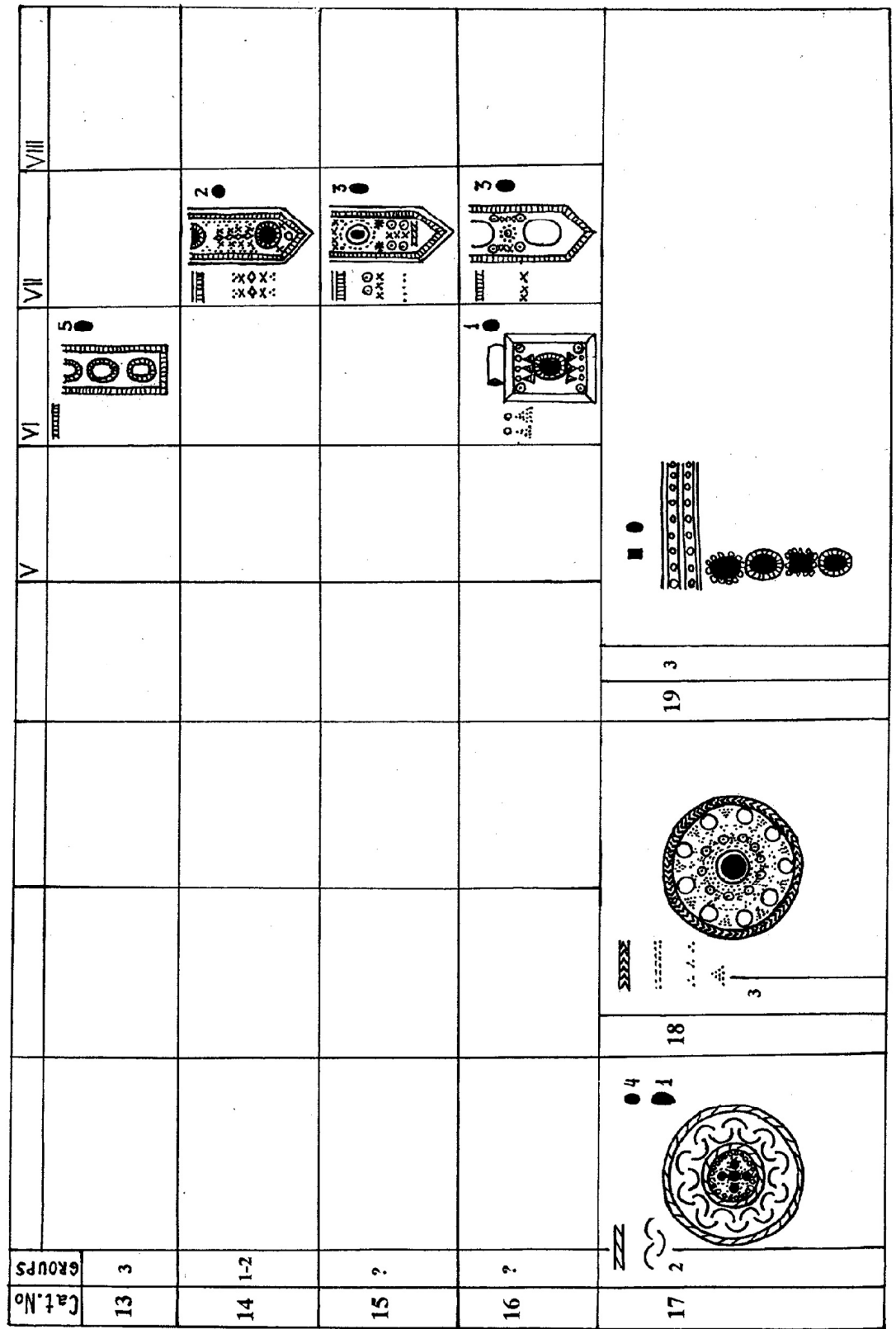
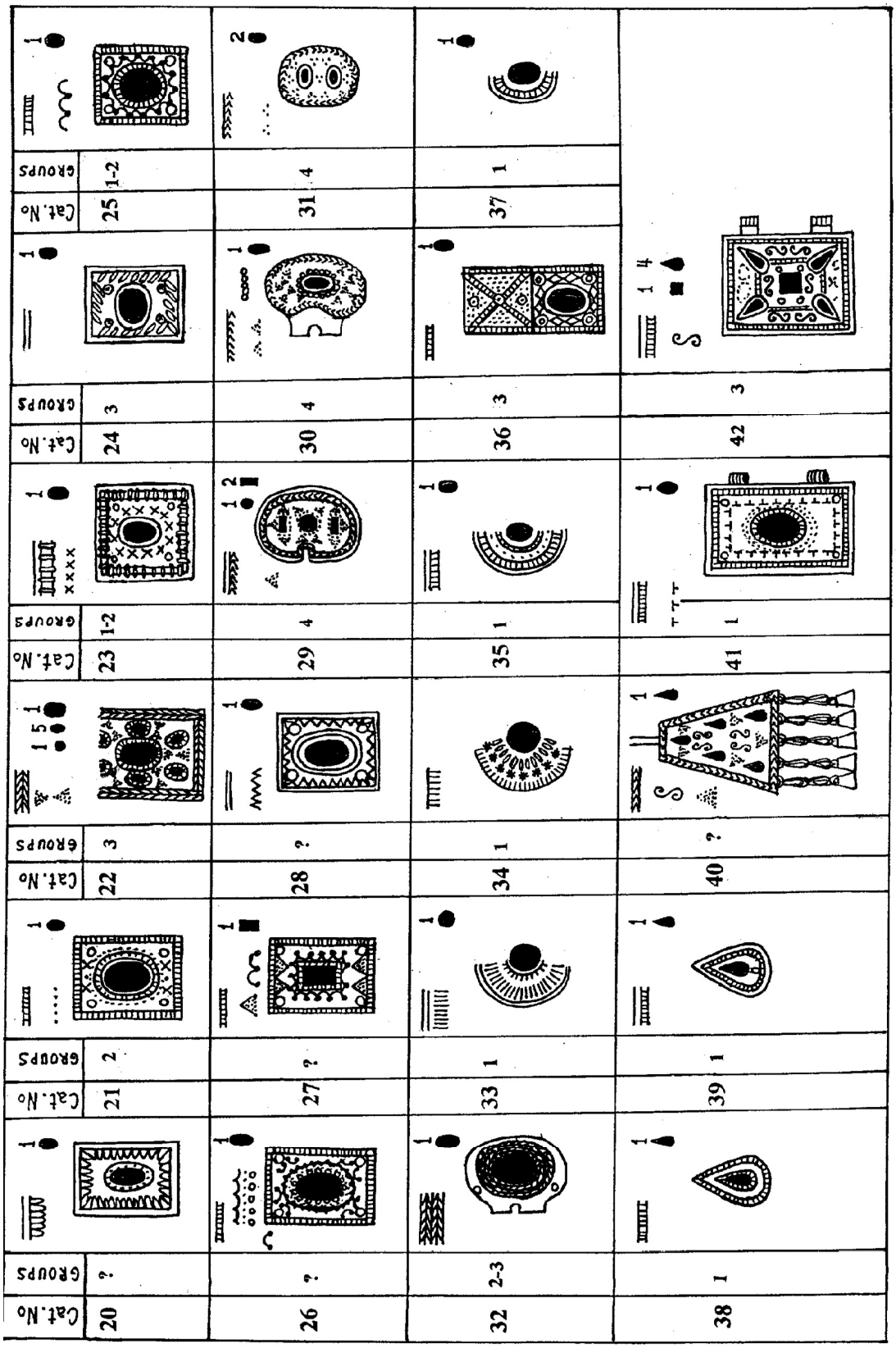

Табл. 2 (окончание).

Таб. 3. Декоративные схемы аксессуаров костюма (нумерация соответствует Каталогу).

ны с предметами гр. I, но лишены характерного штампованного декора; не характерен на данных предметах и материал вставок – синее стекло и коралл. Возможно предметы из Суворово отражают этап *формирования* стиля, когда декор и материал вставок еще не устоялись.

Вещи следующей *группы 2 (кон. III – 1-я треть IV в.)* распространены на неизмеримо большей территории (от низовьев Волги до устья Дуная). Меняется их номенклатура: появляются вещи, связанные с воинской экипировкой (упряжь, навершия мечей, поясные пряжки). Вещи подобного полихромного стиля теперь, видимо, изготовляют и в Пантикапее.

Бордюры вещей в это время украшены, наряду с рядом рубчиков (в том числе – наклонных), и другими типами орнамента (среди них – рубчики, дополненные рядом зигзагов или точек). Преобладают каменные вставки овальной формы (прямоугольные и круглые встречаются в 2 раза реже, а каплевидные – только в комплексе; Кат. № 6). Края каменных вставок изредка декорированы рядом рубчиков или точек. Декор основного орнаментального поля весьма разнообразен: подчас это сложные композиции из 8-лучевых звездочек, с включением полукругов или сравнительно крупных треугольников из псевдозерни, групп полукружий с точками внутри или на концах, рядов кружков с точкой внутри. Орнаментальные поперечные перегородки на подвесках упряжи часто украшены полосой косых крестиков, рубчиков, лунниц. На отдельных изделиях (узда; Кат. №№ 1, 6-7) имеется особая орнаментальная зона и на торцах.

Дисковидные с прямоугольным выступом для крепления бляхи упряжи (Кат. №№ 2, 10) содержат декоративный элемент, широко распространившиеся в следующей группе 3 на разных типах изделий – сравнительно крупные треугольники из 3-4 рядов псевдозерни. Своеобразным «творческим полигоном» для последующего широко распространения можно назвать декор навершия меча из Градешки (Кат. № 17): здесь, кроме упомянутых треугольников, впервые встречены такие популярные в следующем периоде элементы, как ряды треугольников из 3 зернышек псевдозерни и бордюр в виде перевитого жгута. Все это довольно наглядно демонстрирует постепенное расширение использования в рамках изучаемого стиля ряда давно известных в античной торевтике декоративных элементов (см. ниже).

Изделия более поздней *группы 3 (2-я треть IV в.)* представляют, пожалуй, наибольший интерес. Заметно расширяется номенклатура изделий, особенно у варваризованной знати Пантикапея (полихромия данного типа распространяется на диадемах, рукоятях кинжалов, наплечных фаларах упряжи, височных подвесках). На упряжи появляются зажимы с пластиной, по форме приближающейся к квадрату. В это время очень разнообразны бордюры вещей (наряду с другими *распространяется «плетенка» – ряд перевитых жгутов и появляются гладкие, без декора бордюры*). Среди каменных вставок заметно растет доля каплевидных и прямоугольных. В основном орнаментальном поле *популярны ряды треугольников из 3 зернышек псевдозерни*; в единичных случаях встречаются ряды крупного зигзага, перевитый многослойный жгут и элементы скани в виде буквы «S». Зато *исчезают* многие орнаментальные мотивы двух предшествующих периодов (8-гранные звездочки, «прямые» крестики, полукруги с точками).

Полихромные вещи *группы 4 (2-ой пол. IV – нач. V вв.)* на территории Сарматии представляют собой пряжки (Кат. №№ 29-31). Их бордюры украшены плетеным жгутом. Вставки – 1-2 камня овальной формы (нижнедонские находки), в одном случае – 3 камня иных форм (Кат. № 29). Основное орнаментальное поле декорировано, уже как правило, не псевдозернью, а настоящей зернью (Кат. № 30). Наконечники известны в наборе этого стиля *вне Сарматии* (Тугозвоново: см. выше); их бордюр в обоих случаях также украшен плетеным жгутом; три вставки образуют ряд из овальной в центре и каплевидных по краям [13].

Эволюция декора отдельных типов вещей со временем также во многих случаях вполне явственна. Она может быть прослежена на относительно «массовом» материале *отдельных элементов упряжи* при сопоставлении комплексов групп 2 и 3. Так, *дисковидные и каплевидные бляхи с прямоугольным выступом* в поздний период имеют вставки одного камня вместо пяти, упрощается декор бордюров. В основном орнаментальном поле в ранний период отмечены сложные композиции из разнообразных элементов; позже преобладают крупные треугольники псевдозерни. На *сбруйных зажимах* с прямоугольной пластиной бордюры удлиненных пропорций с рубчиками сменяются бордюрами с витым жгутом; в ранних изделиях была одна каменная вставка, в более поздних – 5. Орнамент вокруг вставок известен только на ранних образцах (ряд точек). *Наконечники с заостренным нижним торцом* гр.2 имели вставки круглой, прямоугольной или овальной формы, гр. 3 – каплевидные; декор вокруг вставок в позднее время отсутствует. На *пронизях прямоугольной формы* гр. 3 в это время появляется простой (не декорированный) бордюр и бордюр, на котором на сходящихся под углом сторонах сочетаются ряд прямых и ряд косых рубчиков (Керчь). На *пронизях круглой формы* гр. 2 отмечены бордюры с рядом рубчиков и гладкой полосой. В гр. 3 появляется ряд точек в основном поле или вокруг вставки; декор в основном поле существенно упростился. Образцы *прямоугольных бляшек-накладок ремней* гр. 2 имеют вставку круглой формы, гр. 3 – прямоугольной; для орнаментального поля поздних экземпляров характерны косые крестики и кружки с точкой внутри.

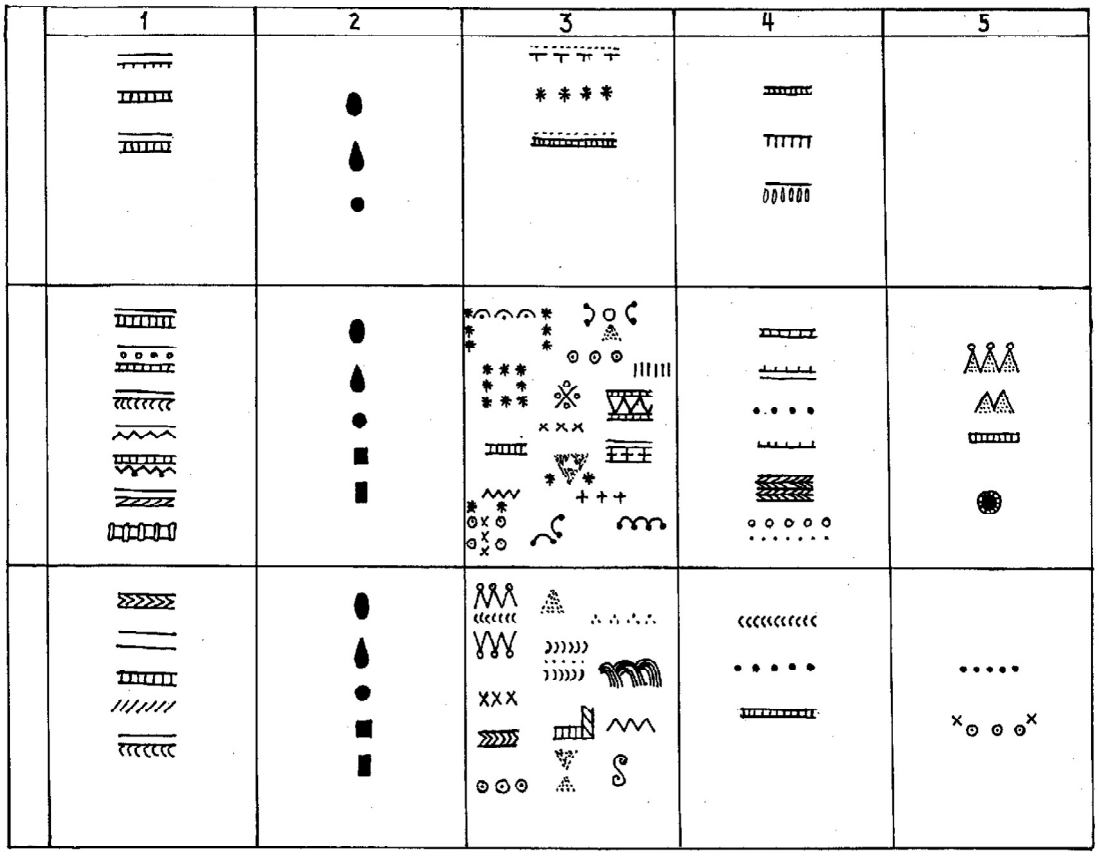

Табл. 4. Основные элементы орнаментации предметов северопричерноморского полихромного стиля 2-й пол. III – IV вв. н.э.: 1 – бордюры; 2 – формы каменных вставок; 3 – декор основного орнаментального поля; 4 – декор вокруг каменных вставок; 5 – декор торцов орнаментального поля.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕНТРА ПРОИЗВОДСТВА В ХЕРСОНЕСЕ

Данные наблюдения носят предварительный характер. Они основаны: во-первых, на находке матрицы наконечника, с которой произведены соответствующие предметы узды из кург.2 Аэродром; во-вторых, на происходящих из Херсонеса пряжках (Кат. №№ 25-27), где неоднократно встречены неизвестные в других пунктах орнаментальные схемы. Херсонесская специфика достаточно наглядно проявляется в оформлении поясных пряжек, и мелких аксессуаров женского костюма, в меньшей степени – упряжи. Для херсонесских изделий в целом характерен бордюр с рядом рубчиков (на аксессуарах женского костюма дополняемых гладкой полосой снаружи), изредка – косых. На всех типах изделий преобладают вставки круглой формы. Для пряжек характерен декор из двух крупных треугольников псевдозерни на каждом торце и окаймление рядом полукружий с точкой на каждом конце. Камни чаще всего окаймляются рядом зубчиков. Что касается аналогии декору упряжи, видимо, херсонесского производства в Аэродроме (см. выше), то орнамент из «косых» крестиков в сочетании с кружками с точкой внутри имеет аналогии в комплексах из Керчи и с Нижнего Дона – на зажимах; Кат. №№ 3, 11,16 и на наконечниках с заостренным нижним торцом; Кат. № 16. Декор бордюров из ряда рубчиков в сочетании с внешней гладкой полосой известен в комплексах той же Керчи и Северного Кавказа (Кат. № 4, 11). Однако в целом сходство достоверно херсонесских изделий групп 1 и 2 с изделиями других территорий (кроме упомянутой упряжи из Аэродрома) – весьма поверхностное. Известные на сегодняшний день предметы из Херсонеса и его округи, по сравнению с пантикапейскими, отличаются большей стандартизацией декора, меньшей территорией распространения; а изделия группы 3 пока представлены единственным экземпляром (Кат. № 42; см. прим. 44). И в самом Херсонесе они найдены в гораздо меньшем числе, чем в Пантикапее (что вряд ли можно объяснить лишь «меньшей» археологической изученностью городского некрополя и т.п.), т.к., видимо, были менее распространены среди местной знати.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗДЕЛИЙ УСТЬЯ ДУНАЯ

Определенное значение для выяснения культурных связей и даже политической истории придунайских «европейских аланов» 2-ой половины III-IV вв. играет интерпретация находки полихромных изделий из могильников Градешка (группа 2) и Чауш (группа 3) (Кат. №№ 5-6, 17). Здесь представлены пока только предметы воинской экипировки (без пряжек). Прежде всего выясняется, что изделия обоих комплексов весьма своеобразны и по ряду показателей имеют аналогии только один в другом. Это в обоих случаях бордюры с внешней гладкой полосой и внутренним рядом «полумесяцев», использование в основном орнаментальном поле (раньше, чем на других изделиях этого стиля) рядов треугольничков и 3 точек псевдозерни и нигде более не известного орнамента в виде полосы крупного зигзага с точками над верхними зубцами. В Градешке наконечники ремня и накладка с таким бордюром имеют сильные потертости внешней пластины, то есть являются в этом наборе *ранним пластом*. Однако в более позднем Чауше этот декор бордюра доминирует в наборе. Можно предполагать, вещи с таким бордюром для Подунавья производились сравнительно длительное время (группы 2 и 3). Здесь же найдена пронизь с круглой рамкой и единственной известной вставкой не овального, а квадратного сердолика (Кат. № 5). Кроме того, только в этих погребениях представлен единственный наплечный фалар в изучаемом стиле. По декоративному оформлению вещи из Буджака не имеют точных соответствий ни в Пантикапее, ни в Херсонесе, но в целом по многим параметрам вписываются в северопричерноморский стиль. На соседних римских Балканах в это время сколько-нибудь близких аналогий буджакским вещам нет. С большой долей осторожности местом производства нижнедунайских наборов можно предположительно считать Пантикапей. В частности, показательно сходство форм каплевидных блях полихромной упряжи (Кат. №№ 5, 8) и крестовидное размещение декора на круглых бляхах (Кат. №№ 5, 10).

СЕВЕРОПРИЧЕРНОМОРСКИЙ СТИЛЬ И ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ПРОТОТИПЫ

В целом анализируемый северопонтийский стиль, как уже отмечалось, *не имеет сколько-нибудь точных аналогов в известных памятниках Римской империи и Ирана*. Это ясно и из сопоставления с декором известных инкрустированных сердоликами офицерских шлемов (Clumbach 1973: abb. 1-9, 11-21; Казанский 1994: 242): *несколько* общих элементов декора дает лишь *шлем из Будапешта* (Амброз 1989: рис. 3, *1*) (таб. 5, *4*). Здесь действительно присутствуют ряды косых крестиков, кружков с выпуклой точкой в центре и полукружий. Однако бордюры с подобными крестиками (как и похожие четырехполосные бордюры вообще) совершенно отсутствуют на изделиях Северного Причерноморья. Нет здесь и треугольничков из 3 точек псевдозерни на концах полукружий.

Еще менее результативна попытка представить «прототипом» аналогичных вещей Сарматии декор дисковидных с прямоугольным выступом вверху *блях-подвесок конской упряжи с римско-персидского пограничья в Сирии (некрополь Эмесы)* [14], на которые ссылаются в подобных случаях (Seyrig 1953, pl. A; Soupault-Becquelin 1999: fig. 3, *1*) (таб. 5, *3*). Они имеют лишь известное *конструктивное* сходство с подобными предметами из Северного Причерноморья – в Аэродроме I и керченской коллекции Бертье-Делагарда (см. Каталог, *а*, №№ 2, 10). При этом, совершенно отсутствуют характерный для северопонтийской упряжи тисненый узор в основном орнаментальном поле, декор бордюров и краев вставок; имеющиеся вставки образуют систему, чуждую причерноморской (дополнительные 4 круглых вставки *помимо* основного «креста», наличие в центре последнего *квадратной* вставки, крупная вставка на *петельке*). Скорее, сирийская бляха-подвеска выглядит как нечто *вторичное* (петелька, переосмысленная из прямоугольного выступа; чрезмерно усложненная система вставок) по отношению к нашим образцам (мы осознаем всю «крамольность» подобной мысли с привычной точки зрения многих археологов-«классиков»).

На первый взгляд, по многим параметрам близка северопричерноморским изделиям пряжка с прямоугольным щитком и сердоликовой вставкой из могилы II Закшува (Польша) (Madyda-Legutko 1986: taf. 8, typ 9) (таб. 5, *2*). Даже если не говорить о форме рамки (более тонкая, чем у причерноморских находок), то в северопонтийских изделиях отсутствуют двухрядный бордюр из точек вокруг камней; в репертуаре штампованных элементов декора в основном орнаментальном поле нет мелких каплевидных выступов и соответственно – их же, спаренных с кружком с точкой внутри.

Определенное сходство названных изделий с причерноморскими может быть объяснено общими тенденциями моды, отразившимися в ювелирном деле обширных территорий Римской империи, Боспора, стран Закавказья и Ирана в III-IV вв.

ТРАДИЦИИ БОЛЕЕ РАННИХ ИЗДЕЛИЙ АНТИЧНОГО СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Они проявляются, прежде всего, в сохранении традиционных античных элементов декора и технических приемов. Таковы бордюры со сплетеным жгутом, напаивание в основном орнаментальном поле нескольких проволочек скани в виде буквы «S», декоративное оформление краев каменных вставок, использование нескольких мелких овальных и каплевидных (для II-III вв. обычно – гранатовых) кабошонов. Во II-III вв. эти приемы характерны, например, для таких изделий, как туалетные флакончики (срав. серебряный флакон со вставками необработанных гранатов, поясками плетеных жгутов и бордюром из ряда вертикальных рубчиков вокруг каменных вставок, крестовидной композицией из каплевидных гранатовых вставок в придонной части из помещения ЕН усадьбы 18 в Танаисе, погибшей одновременно с другими жилыми комплексами города в середине III в.: Арсеньева, Науменко 1992: 78; рис. 99, *7*). Столь же показательна преемственность в оформлении височных подвесок. Образцы из частной киевской коллекции (Кат. № 40) даже, на первый взгляд, почти идентичны подвескам со вставками сердоликов из погребения 1-й пол. III в. в кургане 20 могильника Новоалександровка I в устье Дона (Беспалый 1990: 217; рис. 3, 15), имея лишь не столь удлиненные пропорции, иное расположение вставок, а на петлях по нижнему краю – цепочки из 4 крупных и 4 малых звеньев (а не 2 или 3 крупных, как на киевских вещах). Однако последним свойственно одно принципиальное отличие: декор дополнен расположенными в шахматном порядке единичными крупными треугольниками из псевдозерни, которые характерны для причерноморских вещей групп 3 и 4 (см. выше).

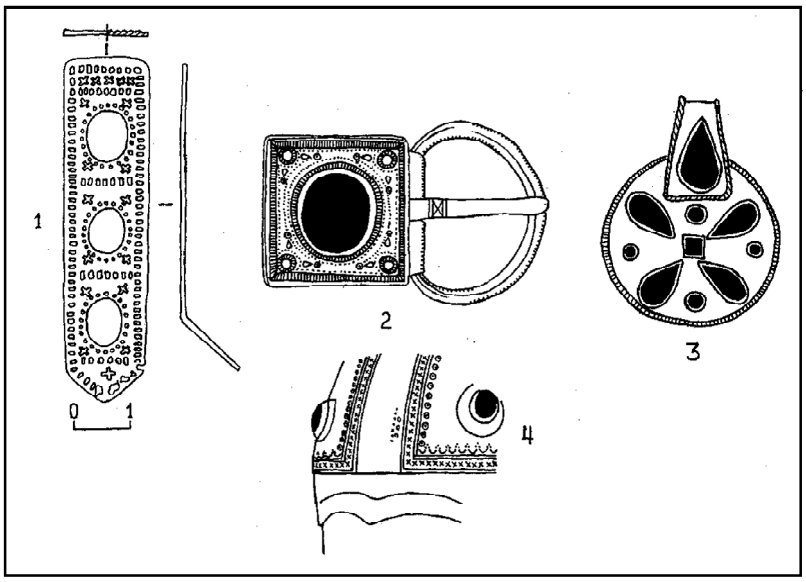
СОЧЕТАНИЕ СО СТИЛЕМ «СТЕКЛЯННОГО КЛУАЗОННЕ»

Во 2-й трети IV в. в серии наиболее богатых комплексов мы встречаем в одной могиле (и даже на одной и той же конской упряжи), наряду с изделиями изучаемого стиля, *отдельные детали*, изготовленные в особом варианте техники «клуазонне». Однако эти вещи не имеют ничего общего с более поздним «классическим» *гранатовым* «клуазонне» гуннского периода. Вместо гранатов, они украшены *зеленым и синим стеклом и сердоликом* на фоне золотых перегородок. В одних случаях это навершия кинжалов или ножей, на которых мы видим шаровидную композицию, разделенную золотыми перегородками на радиальные сектора и имеющую выделенный центральный круг: кинжал из могилы 1841 г., агатовое (?) навершие которого украшено золотом с инкрустацией зеленым стеклом и сердоликом (?) (Древности...1854, ч. II: 186; ч. III, таб. XXVII, 7; Linas 1878: pl. C, 1; Шаров 1998: 12; рис. 2) и нож из Комарова II (Головкова 1983: рис. 193-194). В других случаях это серебряные пронизи узды квадратной формы, внешняя поверхность которых украшена тремя рядами золотых перегородок по три квадратика в каждом (в центральном – синее стекло, в окружающих – зеленое), как в том же Комарове II (там же: рис. 181-182) . В третьих – спинка золотой фибулы, украшенной полосой перегородчатой инкрустации еще *сердоликами*, а не гранатами (Фрикацей, курган 6 у устья Дуная: Simonenko 1995: fig. 11, *6*) [15]. То же явление – использование вставок еще не из граната, а из сердолика мы наблюдаем и на золотых серьгах «клуазонне» III в. н.э. из Хорезма (некрополь Миздахкана) (Культура… 1991: 195; № 214).

Перед гуннским нашествием в ряде комплексов Нижнего Дона появляются и первые вещи «настоящего» – гранатового «клуазонне». Это пряжки, где кроме гранатов в одном случае представлены и вставки зеленого стекла (Недвиговка, 1972 г.: Безуглов, Захаров 1989: 44; рис. 2, *17*; 4, *1*; Центральный IV, курган 14: Безуглов, Копылов 1989: 173; рис. 2, 2) (таб. 6, 8).

ФЕНОМЕН КОМПЛЕКСА В ТУГОЗВОНОВО (АЛТАЙ)

Комплекс из Тугозвоново и территориально, и хронологически стоит несколько особняком на фоне полихромных изделий финала позднесарматского времени в силу ряда отличий, на которые было обращено внимание при характеристике группы 4. Несмотря на то, что пряжки и наконечники-подвески из Тугозвоново находят соответствия среди предметов, в основном, 1-й пол. – сер. IV в., наличие в комплексе кинжала, ножны которого декорированы в технике перегородчатой инкрустации и в цветовой гамме, сближающейся с инкрустациями гуннской эпохи, соотносят данный набор, видимо, с финалом IV в. Разбирая более подробно морфологические особенности предметов ременных гарнитур из Тугозвоново, отметим некоторые их особенности, сближающие данные вещи с изделиями из комплексов степей Восточной Европы, Кавказа и Керчи периода III b. У пряжек (крупных) граненые рамки, фасетированные язычки с уступом у основания, щитки овальной формы; у наконечников – подвеска с секировидным расширением на конце и фасетировкой по периметру. Даже если абстрагироваться от по-

Таб. 5. Матрица для изготовления наконечника конской упряжи и предполагаемые «прототипы» крымских ювелирных изделий:
1 – матрица (бронза); Херсонес, квартал XXV, 1962 г. (по И.О. Гавритухину) (Кат. № 15); 2 – пряжка из могилы II в Закшуве, Польша (по: Madyda-Legutko 1986); 3 – наконечник-подвеска конской упряжи из некрополя Эмесы, Сирия (по: Seyrig 1953); 4 – офицерский шлем из Белграда (по: Амброз 1989).

лихромного оформления этих изделий, они выглядят морфологически и стилистически однородными и могли составлять гарнитур. Важно, что поясные пряжки имеют заметные следы износа (Уманский 1978: 144, 145). Это предполагает их длительное использование и, в известной степени, может снимать противоречие между датировкой ременных гарнитур и комплекса в целом. Остается неясным лишь один момент. Является ли полихромное оформление щитков пряжек и зажимов наконечников-подвесок вторичным явлением, более поздней доделкой или это единовременное действие? Из описания и фотографий непонятно, как оформлены лицевые пластины щитков пряжек и лицевые пластины зажимов наконечников-подвесок (наличие фасетировки или загнутых краев, имитирующих фасетировку)? Информация об этих признаках, в какой то степени, могла бы пролить свет на поставленный вопрос. (В первом приближении полихромные предметы из Тугозвоново скорее производят впечатление *доработок и переделок северопричерноморских изделий*). Любопытно также, что при сходном композиционном решении декора на поясных пряжках, форма центральных и дальних от язычка вставок и зерненый декор – индивидуальны.

Эти вещи имеют вставки уже не сердоликов, а гранатов (таб. 6, *1-7*) и настоящую зернь (как пряжка из Нового). Показательно, что наряду с красными гранатами на одном изделии несколько раз используются вставки двух других цветов – синего и зеленого (Уманский 1978: 138-139, 146). Такая же *трехцветная* гамма *на одном небольшом предмете* встречена и на бляшках узды в синхронном Тугозвоново Брюхановском выселке (Засецкая 1975: 53, кат. № 36; таб. V – в центре слева).

Орнаментальные схемы тугозвоновских пряжек (таб. 6, *2-3, 5-6*) имеют близкие соответствия образцам из Азиатской Сарматии, за исключением, пожалуй, лишь *форм* каменных и стеклянных вставок (в Тугозвоново на пряжках есть отсутствующие в других комплексах вставки ромбовидной и полукруглой формы). Принципы декорирования обкладки рукояти кинжала (таб. 6, 7) отдаленно напоминают таковые у кинжала из керченской могилы 1841 г. (Кат. № 19) (несколько вертикальных рядов овальных камней в обрамлении из ряда рубчиков, превратившихся в Тугозвоново в зернь), хотя выглядят проще. Тугозвоновская находка, сделанная за 5 тысяч км к востоку от Сарматии, скорее всего, может найти объяснение лишь в обстоятельствах складывания гуннской державы в конце IV в., когда связи с восточными сородичами не были еще разорваны и какое-то очень короткое время были возможны прямые дальние контакты в Великой Степи по линии запад-восток.

ТРАДИЦИИ ИЗУЧАЕМОГО СТИЛЯ В ГУННСКУЮ ЭПОХУ

В гуннское время на Боспоре и в Степи, естественно, сохранились лишь отдельные традиции *позднего этапа* нашего стиля. Такие элементы декора, как оформление бордюров плетеным жгутом, единичные крупные треугольники из зерни (уже настоящей, а не ее имитации) и ряды треугольничков из трех зернышек зерни каждый, сохраняются, прежде всего, *на предметах женского костюма* (диадемы, колты и др.) (см., например: Засецкая 1975: цвет таб. I, VI, VII) (см. выше).

Сложная «плетенка» из многослойных жгутов, представленная на пронизи из Комарова II, известна и на пронизях предгуннского или уже начала гуннского времени (комплекс кургана 20/1 могильника Кубей у устья Дуная: Субботин, Дзиговский 1990: рис. 22, *4*), причем уже со вставкой *граната*. Фрагмент золоченого

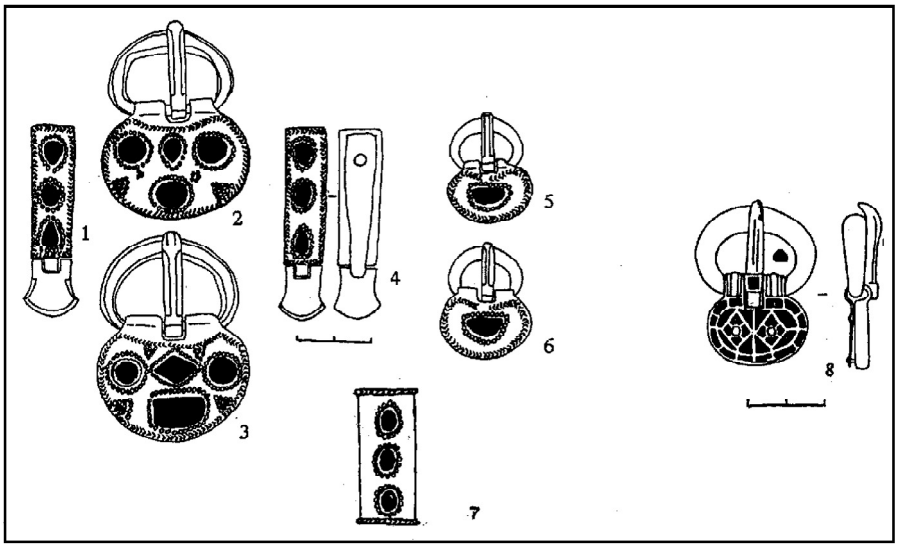

Табл. 6. Изделия группы 4: 1-7 – Тугозвоново, могила 1959 г. (Алтайский край РФ); 8 – Центральный IV, курган 14 (Ростовская обл. РФ).

бордюра какого-то полихромного изделия с подобным декором известен в 1-й пол. V в. в некрополе Пантикапея (Засецкая 1993: 89, № 344; таб. 58). Таким образом, мы можем дополнить список элементов преемственности, которые уже не раз отмечались исследователями (см., например: Засецкая 1975: 14-16, 25-27; Засецкая 1999).

ПРЕСТИЖНОСТЬ ИЗДЕЛИЙ

Подобные вещи найдены в богатейших курганах кочевников или городских могилах знати соответствующих регионов [16]. Такие изделия ценились, так что иногда вместо подлинных в могилу иногда клали *имитации* из тонкой золотой фольги (Каталог, №№ 13, 22 – вещи «возможно с Кавказа» в Британском музее). Судя по более ранним известным аналогам, такие имитации использовались в погребальном обряде *античных городов*. В нашем случае это, скорее всего, боспорский Пантикапей. Вместе с тем, показательно *отсутствие починенных и сильно фрагментированных вещей* в наборах узды изучаемого стиля из районов, заселенных ираноязычными племенами. (В античных же городах мы подчас наблюдаем на подобных вещах повреждения – и весьма существенные – золотой плакировки со штампованным орнаментом, особенно – на поясных пряжках, потерю каменных вставок (Кат. №№ 10, 14, 25-26)). Это нельзя объяснить лишь тем, что они производились в целом весьма короткое время; вероятно, это была категория парадной узды, предназначавшейся лишь для *редкого* (однако мы не решимся сказать – только *погребального*) использования [17]. Показательно, что в состав узды в погребении 1841 г. входила ныне утраченная тонкая серебряная пластинка с тамгой Иненсимея Боспорского (234-239) (Яценко 1994: 188; рис. 1, *3*). Со времени смерти этого царя до погребения 1841 г. прошло около 100 лет... Остается лишь гадать, зачем на позднюю узду была нашита хрупкая полоска фольги от старинной упряжи со знаком этого знаменитого правителя (не относившегося, как считается, к правящей династии Тиберием-Юлиев и являвшегося представителем кочевой знати одного из соседних племен номадов, с которым связано небывало большое число памятников с его знаком вне территории Боспорского царства) [18].

Показательно наличие узды в нашем стиле в знаменитом уцелевшем керченском женском «погребении с золотой маской» 1837 г., где умершую сопровождали золотая гривна, серебряный скипетр, большое количество золотых со вставками самоцветов мелких аксессуаров костюма, серебряной и бронзовой посуды. А в двух могилах кургана 1841 г. обнаружена целая серия подобных предметов (упряжь, кинжал и диадема). Упряжь всех этих комплексов имела следующую интересную особенность – ременные прямоугольные бляшки с штампованной *тамгой* сармато-аланского клана, к которому принадлежал покойный (это относится и к частично сохранившемуся материалу могилы из коллекции Е. Запорожского).

Любопытно, что в неограбленных и, видимо, дошедших до нас практически полностью (!) погребениях обоих курганов [19] отсутствовали мелкие аксессуары костюма в данном ювелирном стиле. Точнее, соответствующие полихромные изделия были выполнены в иной технике и имели гораздо более роскошный вид, и хотя бы частично явно сделаны не на Боспоре. Единственная *пряжка* в *причерноморском* стиле была обнаружена лишь в более скромном по статусу «погребении 1918 г. на усадьбе Мессаксуди» (вместе с мечом и упряжью интересующего нас стиля).

ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ЭТНО-КУЛЬТУРНАЯ АТРИБУЦИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Согласно преобладающему сегодня мнению, поскольку изделия северопричерноморского полихромного стиля производились в греческих городах Крыма, они отражали, прежде всего, *провинциальные античные вкусы.* (Лишь И.В. Белинский и А.Л. Бойко решились заявить, что такие изделия в северопонтийском регионе отражают не столько античные, сколько местные аланские кочевые эстетические нормы и запросы: Белинский, Бойко 1991: 96).

Картографирование находок вне Пантикапея и Херсонеса (рис. 1), как нам представляется, *показывает явную неравномерность их распространения и их* ***четкую этно-политическую привязку*** *и демонстрирует (с учетом приведенных выше хронологических выкладок)* ***политические взаимоотношения*** *мастеров и дарителей с одной стороны и потребителей подобных изделий – с другой.*

Самые ранние из известных изделий нашего стиля – пластинчатые шарнирные *браслеты, серьги, «медальоны» и, видимо, пряжки* 2-й пол. III – нач. IV вв. – найдены только в «варварских» районах юго-западного и центрального Крыма, заселенных т.н. «*тавроскифами»* – военно-политическими союзниками *Херсонеса* (и, соответственно, – контролировавшего его в это время Рима). Еще в конце III в. Херсонес смог привлечь для войны с Боспором окрестных варваров «тавро-скифов» («мужей из соседних крепостей»). Около 310-320 гг. в Юго-Западном и Центральном Крыму появляется большая группа нового населения (Труфанов, Юрочкин 1999: 245), которая продолжает получать подобные изделия (см. Кат. № 2).

Ареал полихромных *поясных пряжек с прямоугольным щитком* включает крупнейшие античные города Крыма (Пантикапей и Херсонес), и лишь изредка они встречаются у населения Северного Кавказа (Кат. №№ 20-21). Две последних находки объединяет ряд точек вокруг каменных вставок, овальная форма камня и наличие бордюра из ряда вертикальных рубчиков. Наличие в Тимашевской (Кат. № 21) декора из косых крестиков имеет аналогию только на пряжке *из Керчи* (Кат. № 23). Напротив, полихромные *пряжки с овальным щитком* отсутствуют в античных городах и найдены только в «варварских» районах Центрального Предкавказаья и левобережья Нижнего Дона [20]. Известные на самых поздних из них (Кат. № 30) композиции из противопоставленных треугольников из нескольких рядов зерни имеют аналогии также только на керченских образцах (Кат. № 22). В целом имеющиеся факты свидетельствуют, видимо, в пользу *пантикапейского* производства северокавказских пряжек обеих разновидностей.

Парадная полихромная *конская упряжь* встречена (кроме Пантикапея и Херсонеса) на территории Сарматии тоже, прежде всего, в Центральном Предкавказье (Кишпек) и у *аланов-танаитов* на Левобережье Дона (Аэродром, Комаров) и в двух случаях – в устье Дуная – на землях *аланов европейских* Аммиана Марцеллина – готских союзников (в могильниках Градешка и Чауш, расположенных на разных окраинах одного села) [21]. *Мечи* с полихромным декором выявлены (кроме Пантикапея) также лишь в устье Дуная – на самой границе с Римом. *Самые ранние* из известных на сегодняшний день детали сбруи известны на землях кавказской «Алании» (пряжка с овальным щитком из Веселой Рощи; упряжь из Кишпека). В более поздней группе 3 они, напротив, пока известны лишь на территории их северных соседей – *«аланов-танаитов»* Нижнего Дона.

Взаимоотношения «Алании» и Боспора в отдельные периоды (например, на рубеже 30-40-х гг. III в.), вероятно, были *не дружественными* (Яценко 1997: 155-157, 159-160) [22], но тем более допустимо желание боспорских царей изменить ситуацию. В целом парадные *предметы экипировки знатных воинов* в изучаемом стиле выглядят как ***дары, вручаемые кочевой знати, в замирении которой были заинтересованы как Рим и его политический анклав в Крыму – Херсонес, так и Боспорское царство***. Возможно, полихромная упряжь дарилась из царского табуна боспорского правителя вместе с конем; во всяком случае, это позволяют предполагать некоторые находки предшествовавшего времени – сер. – 2-й пол. II в. н.э. [23] .

Описанную ситуацию можно понять также, учитывая факт постоянного ***политического и военного соперничества Херсонеса и Боспора*** в интересующий нас период. К середине III в. оба конкурента выступали уже примерно «в равных весовых категориях»: с одной стороны, территория Боспора сократилась в несколько раз, а оставшаяся подверглась разрушениям из-за варварских вторжений и внутренних смут; с другой – маленький Херсонес не только уцелел в ходе бурных событий сер. III в., но и вполне процветал благодаря римским военным субсидиям и наличию военного союза с окрестными крымскими варварами. В кон. III – 1-й пол. IV вв. происходили три боспоро-херсонесских войны (Konst. Porth. De adm. Imp. LIII. 244-251) (284 или 291 г.; 328 г.; 341 г.: Юрочкин 1999: 279-281). Все они были неудачными для боспорцев, и в результате третьей их европейские владения ограничились узкой полосой восточного побережья Керченского полуострова за Узунлар-

ским валом. Последнее подтверждается и недавними археологическими находками (Ланцов, Голенко 1999: 177-181).

Однако в плане распространения полихромных изделий картина получается противоположной. Предположительно *херсонесские* вещи представлены единственной находкой *на Нижнем Дону* (Аэродром I) **группы 2** (начала IV в.), то есть как раз примерно в период двух из названных конфликтов и представляют собой, вероятно, дарственную парадную упряжь (и это вообще единственая находка на Нижнем Дону подобного полихромного стиля в то время!). Предполагаемые *боспорские* изделия концентрируются южнее – у наиболее влиятельных в этот период аланов *Центрального Предкавказья* (Кишпек, Тимашевская). Можно полагать, что Боспор стремился компенсировать военные поражения дипломатическими успехами.

Картографирование изделий **группы 3** показывает, что во 2-й трети IV в. они *концентрируются* на небольшом участке *левобережья Нижнего Дона, и в бассейне его притоков – Сала и Маныча* (Кат. №№ 3, 20, 30-32)[24], в то время как в предшествовавший период предполагаемые пантикапейские импорты можно наблюдать лишь в Предкавказье. Вероятно, это отражает одно из основных направлений дипломатической активности Боспора в тот «темный», почти не освещенный письменными и эпиграфическими источниками период его истории. Именно в это время нижнедонские кочевники устанавливают контакты с приднепровскими готами, судя по появлению достаточно обильных черняховских импортов (срав.: Безуглов 1990: 82-83, 86) (в то время как в Центральное Предкавказье они стали проникать лишь в гуннское время). Это можно понимать как проявление их относительной *самостоятельности* в этот период от центральнопредкавказской «метрополии» (Малашев 2000).

Если говорить о *всей совокупности изделий* северопричерноморского полихромного стиля 2-ой III-IV вв. **вне античных городов**, то они фактически найдены в могилах *знати всех основных ираноязычных племен Северного Причерноморья* (страна «Алания» персидской надписи Картира в Центральном Предкавказье; ее политический анклав – «аланы-танаиты» Нижнего Дона; жившие под контролем готов «европейские аланы» района устья Дуная; «тавро-скифы» северных предгорий Крыма). Более восточным кочевым племенам эти изделия специально не отправлялись. В то же время на соседних с Боспором землях германских племен и горцев Западного Кавказа *ни одной вещи* в этом стиле также не найдено.

Главным (и кроме Херсонеса – единственным) пунктом *концентрации* полихромных изделий изучаемого стиля является уцелевшая в ходе событий 239-276 гг. столица Боспора – интернациональный и сильно варваризованный в это время *Пантикапей*. (К сожалению, все богатые могилы здесь происходят из плохо документированных дореволюционных раскопок или из частных коллекций, попавших в Британский музей, музеи Германии и Франции).

В более или менее уцелевших богатых пантикапейских погребениях 1837, 1841 и 1891 гг. на упряжи данного стиля представлены, как уже отмечалось, клановые *знаки-тамги сармато-аланских знатных родов* [25], подробно изучавшиеся одним из авторов на фоне Корпуса тамг Сарматии и иранского мира в целом (Яценко 1994: 187-189; рис. 1, *1-7*; Яценко 2001: таб. 6, №№ 52,92; таб. 8, №№ 7, 9, 19). Важно, что (кроме знаков царских боспорских фамилий и неопределимых знаков, имеющих аналогии только в «межрегиональных» по характеру скоплениях – «энциклопедиях» в пещере Ак-Кая I и ольвийском льве № 1) «небоспорские» знаки сарматов принадлежат родам, *обитавшим ранее – в I-II вв. – в районах, непосредственно окружавших Крым*: в степях Правобережной Украины, в крымской Малой Скифии и в Донбассе (Яценко 1994: рис. 1, *1, 5-6*) [26]. Иными словами, эта парадная упряжь помечена знаками степных сарматских кланов [27]. Следует добавить, например, такие особенности могилы женщины-«царицы» 1837 г., как мечи и конскую узду. У нас не хватает фантазии приписать подобные комлексы знатным *гречанкам или германкам* (хотя подобные, вполне умозрительные заключения встречаются в литературе). Видимо, речь идет о проникшей на Боспор в период кризиса 236-276 гг. ***сармато-аланской знати*** (см., например: Шаров 1998: 13) [28]. (Из текста того же Константина IX Порфирородного следует, что «*савроматы*», как по традиции еще долго называли *аланов*, в это время проживали на Боспоре и даже были основной военной силой местных правителей).

Что касается предметов парадного *женского костюма* (браслеты, серьги с простым декором, «медальоны»), то они достоверно известны только в Крыму; в сохранившем античный облик Херсонесе их изготовляли лишь для ближайших соседей – крымских варваров, а в варваризованном Пантикапее – для местной сармато-аланской и сарматизованной знати.

Итак, есть основания полагать, что вещи в таком стиле предназначались как для жителей Херсонеса (поясные пряжки с прямоугольной рамкой) и Пантикапея (точнее – для «сарматизованной» или собственно сармато-аланской знати боспорской столицы), так и для подарков кочевой аристократии. Отдельные категории полихромных изделий вообще производились *только* для кочевников (пряжки с овальным щитком). Поэтому в словах М.И. Ростовцева, в свое время определявшего этот стиль на основе керченских находок как «полихромный иранский», есть известная доля истины (не в смыс-

ле *персидского* импульса, а в смысле отражения вкусов *ираноязычных* этносов). Такой оригинальный греко-варварский синтез в искусстве отчасти напоминает знаменитые золотые и серебряные предметы «греко-скифской торевтики», изготовлявшиеся восемью веками ранее. Но времена, художественный вкус и экономические возможности как исполнителей, так и варварских потребителей во 2-й пол. III-IV вв.н.э. были уже далеко не те.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный нами системный анализ сводки изделий данного стиля приводит к ряду важных выводов. 1) Северопричерноморский стиль выглядит вполне *оригинальным,* а его изделия относятся обычно к сугубо местным, причерноморским типам (узда, мечи и др.). 2) Вещи в этой традиции производились в двух античных городах Крыма – Пантикапее и Херсонесе; стиль каждого из них имеет известную специфику. 3) В ходе своего развития и приспособления к варварским вкусам данный стиль претерпевает *эволюцию*, особенно заметную во 2-й трети IV в. 4) Изделия этого стиля производились в немалой степени для удовлетворения запросов варварской знати ближайших к Боспору кочевых группировок Степи и являлись дипломатическими дарами; другая их часть употреблялась знатью варваризованной столицы Боспора (в других пунктах этого царства подобные изделия отсутствуют) и, видимо – в меньших масштабах и более ограниченном ассортименте – жителями Херсонеса. 5) Территориальное распространение полихромных изделий разных типов на варварских землях отражают направления деятельности боспорской дипломатии и отчасти – ход боспоро-херсонесского соперничества в регионе.

Наша работа позволяет уже сегодня весьма точно атрибутировать (в смысле уточнения хронологии, центра производства, района находки) беспаспортные находки из частных коллекций. Так, одна из них (Шемаханская, 2000: 219-220; ил. 3) (см. прим. 44, 47) происходит, вероятно, из одной могилы 2-й пол. III в. н.э. из района между городами Севастополем и Бахчисараем и включает вещи херсонесского производства.

КАТАЛОГ
изделий полихромного стиля Сарматии 2-й пол. III – IV вв.н.э.:

I. ПРЕДМЕТЫ ВОИНСКОЙ ЭКИПИРОВКИ:

а) УЗДА:

Нижнее Поволжье:

1. *г. Марксштадт / Маркс, разрушенное погребение 1928 г.*, (Саратовская обл. РФ), наконечник ремня, зажим (?) – Синицын 1936: 38; рис. 11 (серебро).

Нижний Дон:

2. *Аэродром I, курган 2* (Ростовская обл. РФ) – Белинский, Бойко 1991: 87-90; рис. 22 (1-4), 23 (1-4) (бронза, плакировка золоченым серебром, сердолик, синее / лиловое стекло).

3. *Комаров II, курган 8* (Ростовская обл. РФ) – Головкова 1983, рис. 173-183; The Treasures... 1991, №№ 150-151 (серебро, золотая плакировка, сердолик, альмадины, красное, синее и бирюзовое стекло).

Центральное Предкавказье:

4. *Кишпек, курган 13* (Кабардино-Балкария, РФ) – Бетрозов 1987: 17-18; рис. V (1-2), VIII (1-6) (бронза и серебро, золотая плакировка, сердолик, синее стекло).

Междуречье Днестра и Прута:

5. *Чауш, курган 5* (Одесская обл. Украины) – предварительная информация: Фокеев 1990 (серебро, золочение**,** сердолик, зеленое стекло) [29].

6. *Градешка (Градешты), курган 9* (Одесская обл. Украины) – предварительная информация: Дзиговский, Субботин 1990 (бронза, золотая плакировка по серебряной плакировке, сердолик) [30].

Европейский Боспор:

7. *Пантикапей*, *курган 1837 г. за Глинищем* (г. Керчь, Республика Крым Украины) – Древности... 1854: 10-13; таб. XXIX, 4; Толстой, Кондаков 1889: 155; рис. 137; Rostovtceff 1923: fig. 13 (нижняя часть); Гайдукевич 1949: 423; рис. 79; Соломоник 1959: 137-138; №№ 89-90 (серебро, золотая плакировка, сердолик).

8. *Пантикапей (г. Керчь), 1841 г. вторичное захоронение в склепе у Аджимушкайских каменоломен* (по А. Ашику) – Ашик 1848: 47 сл; № 39; таб. 7; Ашик 1849: 72; рис. 209 а; Древности... 1854: 28-29; Rostovtceff 1923: fig. 14; Šarov 1994: 420; abb. 3; 4 (серебро, золотая плакировка, сердолик).

9. *Пантикапей (г. Керчь), погребение 1841 г.* (по В.В. Шкорпилу) [31] – Шкорпил 1910: 33; рис. 15 (серебро, золотая плакировка, сердолик).

10. *Пантикапей (г .Керчь), коллекция А.Л.Бертье-Делагарда* (Британский музей) – Germanen... 1987: 112; № 16 k [32] (серебро, сердолик?).

11. *Пантипей (г. Керчь), коллекция Ермолая Запорожского (покупка 1891 г.) – тип узды 1* – Šarov 1994: 417; abb. 1; *тип узды 2* (с тамгами) – Ibid., 417, 419; abb. 2 (1-10) (серебро, золоче-

ние, сердолик).

12. *Пантикапей (г. Керчь), «курган на усадьбе Мессаксуди» 1918 г.* – Амброз 1989: рис. 2, 12 [33].

13. *Неизвестный пункт («Кавказ»)* (Британский музей), *погребальная имитация* наконечников ремней из фольги – Germanen... 1987: 107; № 1.13 b (золото).

Херсонес Таврический (г. Севастополь, Республика Крым Украины):

14. Случайная находка (ГИМ, инв. № 95570) (серебро, позолота, синее стекло) [34].

15. *Квартал XXV, нивелировочная засыпь*, раскопки Г.Д. Белова 1965 г., *бронзовая матрица* – Голофаст 1997: 321; рис. 4 (1) [35].

Неизвестный пункт:

16. *«Юг России»* (Варшава, Национальный музей) – Alföldi 1934: fig. 9; Soupault-Becquelin 1999: fig. 2 (3) [36].

b) МЕЧИ (НАВЕРШИЯ) И КИНЖАЛЫ (РУКОЯТИ):

Междуречье Днестра и Прута:

17. *Градешка, курган 9* (Одесская обл. Украины) – предварительная информация: Дзиговский, Субботин 1990, навершие меча (горный хрусталь, оббивка – золото, центр – турмалин, по краям – азурит).

Европейский Боспор:

18. *Пантикапей (г. Керчь), «курган на участке Мессаксуди» 1918 г.* – Beck, Kazanski, Vallet 1988: 65; fig. 1 (20), 2 (6), навершие меча (дерево, медное покрытие, золотая плакирока, гранат).

19. *Пантикапей (г. Керчь), 1841 г., вторичное захоронение в склепе у Аджимушкайских каменоломен* – Гайдукевич 1949, рис. 80, обкладка рукояти кинжала – Древности... 1854, ч. III: таб. XXVII, 7; ч. II: 186 (золото, сердолик).

II. АКСЕССУАРЫ КОСТЮМА:

c) ПРЯЖКИ:

1) с прямоугольным щитком:

Волго-Донское междуречье:

20. *Купцын Толга, курган 30* (Республика Калмыкия, РФ) – Шнайдштейн 1981: 95; таб. 11, *1* (серебро, золотая плакировка, сердолик).

Прикубанье (Правобережье):

21. *ст. Тимашевская* (Краснодарский край РФ) – ОАК за 1884 1886: 37; рис. 40; Posta 1905: fig. 224; Амброз 1989: 25; рис. 1 (18, 20); Soupault-Becquelin 1999: fig. 1(5) (бронза, золотая плакировка, сердолик).

Европейский Боспор:

22. *Пантикапей (г. Керчь), «курган на усадьбе Мессаксуди» 1918 г.* (Республика Крым Украины) – Rostovttceff 1923: Pl. IV; Beck, Kazanski, Vallet 1988: 63, № 2; fig. 1 (5), 2 (5) (серебро, плакировка золоченой бронзой, сердолик, гранат).

23. *Пантикапей (г. Керчь)* (Кельнский музей), 2 однотипных пряжки – Damm 1988: 156-157; №81; abb. 145-146 (бронза, серебро, сердолик).

24. *Неизвестный пункт («Кавказ»)* (Британский музей), *погребальная имитация* из фольги – Germanen... 1987: 107; № 1.13 a (золото).

Юго-Западный Крым:

25. *Херсонес (г. Севастополь)* (Москва, ГИМ, инв. № 95570) – Якобсон 1959: рис. 138, 4 (серебро, позолота, сердолик) [37].

26. Херсонес (ГИМ, инв. № 95570) (серебро, позолота; каменная вставка утрачена).

Неизвестный пункт[38] :

27. *«Крым»* (Херсонес? [39]) – Salin 1904: fig. 298; Soupault-Becquelin 1999: fig. 1(9).

28. *«Северное Причерноморье»,* 2 однотипных пряжки – Damm 1988: 176; № 99; abb. 179-181 (бронза, серебро, сердолик).

2) с овальным щитком [40] :

Прикамье:

29. *Броды, курган 25/1* – Голдина 1986: 71; таб. 14, 2 (бронза, «позолота», «камень»).

Нижний Дон:

30. *Новый, курган 108* (Ростовская обл. РФ) – Ильюков 1983: рис. 2143 (серебро, сердолик).

31. *Абганерово II, курган 33* (Волгоградская обл. РФ) – Дьяченко 1999: рис. 4 (16) (серебро, золотая плакировка, сердолик).

Ставрополье:

32. *Веселая Роща III, кург. 8* (Ставропольский край РФ) – Романовская 1986: 77; рис. 2 (1) (серебро, золотая плакировка бордюра, сардоникс).

d) БРАСЛЕТЫ:

Юго-Западный Крым:

33. *Дружное, могила 24* – Храпунов 1994: 534-535; рис. 5 (4-5); Unbekante Krim 1999: abb. 121 (крайние фото) (серебро, золотая плакировка, сердолик).

34. *Дружное, могила не указана* – Unbekante Krim 1999: abb. 121 (центральное фото) (серебро, золотая плакировка, сердолик).

35. *Черная речка, могила 35* – Амброз 1989: рис. 2 (23) (серебро, золотая плакировка, сердолик).

e) ДИАДЕМЫ:

36. *Пантикапей (г. Керчь), 1841 г. вторичное захоронение в склепе у Аджимушкайских каменоломен* (по А.Б. Ашику), центральная часть – квадрат из 9 элементов [41] – Древности... 1854, ч. II: 28; ч. III: таб. III, 5; Ростовцев 1913: таб. V, 1 (золото, сердолик, халцедоновые камеи [42]).

f) СЕРЬГИ И ВИСОЧНЫЕ ПОДВЕСКИ [43]:

Юго-Западный Крым:

37. *Дружное, мог. 2, 1984 г.*, серьги – Айбабин 1994: 90, 94; рис. 6, *1-2* (бронза, сердолик).

38. *Черная речка, могила 3*, серьги – Бабенчиков 1963: 93; таб. II, 13 (серебро, золотая плакировка, сердолик).

39. *Черная речка, могила 35,* серьги – Бабенчиков 1963: 98; таб. II, 14; Aibabine 1996: fig. 2, 13 (серебро, позолота, сердолик) [44].

Неизвестный пункт («Украина или Юг России»):

40. Коллекция неизвестного лица (г. Киев) (представлена на выставке в музее «Киево-Печерская Лавра», проходившей под эгидой Национального Олимпийского комитета в октябре 1999 г.), височные подвески (золото, сердолик)[45].

g) «МЕДАЛЬОНЫ» (?):

Юго-Западный Крым:

41. *Черная речка, могила 3* – Бабенчиков 1963: 93; таб. VI, 5 (серебро, сердолик) [46].

42. *Суворово, склеп 38/3* – Труфанов, Юрочкин 1999: рис. 1 и 2; № 44; Пуздровский, Юрочкин, Труфанов, В печати (серебро, золотая плакировка, окрашенное? стекло) [47].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Разделение труда в работе соавторов было следующим: В.Ю. Малашеву принадлежит хронологический очерк комплексов и привлечение большинства вещей, С.А. Яценко – введение, очерк историографии, собственно характеристика стиля и иллюстрации; анализ результатов картографирования и основные выводы подготовлены совместно.

[2] Эта работа не была бы возможна без *частичного* (ограниченного, без точного копирования изображений) использования неопубликованных материалов, любезно предоставленнных Н.Н. Головковой и Л.С. Ильюковым (Ростов-на-Дону), А.В. Симоненко (Киев), Ю.П. Калашником (С.-Петербург) и И.Р. Ахмедовым (Москва), а также неопубликованных прорисовок И.В. Гавритухина (Москва) и помощи в получении части литературы со стороны М.М. Казанского (Париж) и Ю.П .Зайцева (Симферополь).

[3] Доклад В.Ю. Малашева «К проблеме периодизации ременной гарнитуры древностей типа Кишпек» (скифо-сарматский отдел Института археологии РАН, 7.10.1998) и статья (Малашев 2000).

[4] Большинство находимых в Сарматии серег этого времени с небольшой сердоликовой каплевидной вставкой и с несколькими плетеными филигранными золотыми жгутами формально по многим параметрам (матерал вставок и др.) могли быть отнесены к вещам изучаемого стиля. Они широко распространены в Юго-Восточной Европе. В этом случае они составили бы самую массовую часть находок. Однако в наш Каталог включены не эти довольно стандартные позднеантичные изделия, которые заслуживают отдельного рассмотрения (центры изготовления их не выяснены и могли находиться вне Северного Причерноморья), а лишь те немногие серьги, которые *не вписываются* в этот шаблон.

[5] Этот, найденный далеко на севере, в Прикамье комплекс, вероятно, связан с миграциями, последовавшими сразу за гуннским вторжением.

[6] Исследователям, привыкшим к работе с массовым материалом (керамика и др.), возможно, покажутся сомнительными *любые* серьезные выводы, сделанные на немногочисленной (чуть более 40 вещей) известной на сегодняшний день коллекции данного стиля. Однако ювелирные изделия в целом должны изучаться по особой методике, т.к. многие из них изначально *уникальны* или изготовлялись небольшими партиями. Поэтому (если учесть и *ограбление* огромного большинства богатых могил, в которых их находят, их постоянную *переплавку* и переделки в более позднее время) эти изделия *всегда* будут насчитываться единицами, в лучшем случае – десятками. В таких условиях важны, прежде всего, максимальный учет всех мельчайших показателей сходства и различия изучаемых единичных вещей и сопоставление с предметами более ранних и поздних стилей; выводы на основе этого *могут* и должны быть корректными. Иного пути попросту не существует. Тем более трудно пенять на «малую выборку» при анализе *орнаментики* предметов уздечного набора в изучаемом стиле, каждый из которых имел оригинальный сложный тисненый декор из множества специфических элементов и их сложных сочетаний.

[7] Знаменитая «могила с золотой маской» 1837 г. из Керчи, содержавшая единственный костяк умершего, а среди инвентаря – ткацкое веретено, зеркало, туалетный флакон, бусы и полихромные серьги, была *женской*, хотя и сопровождалась 2 наборами конской упряжи, 2 мечами и ножом (см., например: Безуглов, Захаров 1989: 48).

[8] Наиболее детальные описание, классификация и реконструкция подобной узды даны в статье И.В. Белинского и А.Л. Бойко для могильника Аэродром I на основе хорошо сохранившегося положения предметов узды в тайнике кургана 2 (Белинский, Бойко 1991: 88-93; рис. 26-27).

[9] Рассматриваемые полихромные пряжки с прямоугольными щитками ни разу не встречены в составе достоверных наборов упряжи, и это позволяет предполагать их использование ***в костюме.***

[10] Сомнения в достоверности описаний 2 наборов упряжи из могилы 1837 г. в первоначальных публикациях (Šarov 1994: 420) кажутся преувеличенными: они, фактически, основаны только на том, что в эрмитажной описи 1851 г. часть деталей узды (Древности...1854, ч. III: таб. XXIX, 1-3, 5-7) по ошибке (?) не числилась за этим погребением.

[11] Положение полихромных пронизей и ряда подвесок реконструируется разными авторами по-разному: их относят то к нагрудному ремню (Белинский, Бойко 1991: 92-93; рис. 27; Šarov 1994: abb. 2 (11)), то к уздечке (А.В. Симоненко). Поэтому более корректно употреблять в нашем случае нейтральный термин «упряжь».

[12] Показательно, что подобные вставки из «необычных» материалов (сардоникс вместо сердолика, азурит вместо синего стекла) отмечены на *самых ранних* изделиях соответствующих типов, когда традиция оформления и соответствующая мода еще не вполне устоялись.

[13] В этих двух могилах очень похож и декор навершия меча ***в технике «клуазонне»*** с поясками настоящей зерни (в центре – крестовидная композиция с центральной круглой вставкой и 4 овальными – между углами креста; бордюр с зигзагообразной полосой перегородчатой инкрустации).

[14] Отметим позицию Е.Л. Гороховского, который связывает импульс полихромного стиля 2-й пол. III-IV вв. с римской Сирией. По его мнению, в эпоху кризиса Империи в III в. усилилась тяга к полихромии, яркости цветовой гаммы и восточным (сирийским, египетским и персидским) ювелирным заимствованиям. Распространение *восточной пышности* объясняется как появлением в первой половине века императоров – выходцев из Сирии и соседних провинций (Элагабал, Филипп Араб) и императриц, так и кризисом императорской власти, и, следовательно – желанием заимствовать атрибуты власти персидских владык. Более дешевые изделия подражали им (см., например: Гороховский, Корніенко 1993).

[15] А.В. Симоненко любезно предоставил нам более точную прорисовку этого предмета.

[16] Последнее вовсе не означает, что в быту варварской знати Сарматии этого времени не использовались *массивные золотые вещи*. Скорее всего, они не дошли до нас из-за растущей символизации погребального обряда (когда наиболее ценные вещи не помещались в курган или имитировались), а возможно – и по другим причинам.

[17] Срав. мнение О.В. Шарова об использовании части парадной пантикапейской узды II-III вв. из-за ее большой хрупкости именно в погребальных целях (Шаров 1998: 11).

[18] См. подробнее: Яценко 2001, раздел 4 («"Царские знаки" правителей Боспора и сарматов Западной Украины и их происхождение»).

[19] Не следует, впрочем, преувеличивать добросовестность А.Б. Ашика как раскопщика. Н.Н. Музаркевич отмечал, что он лично не присутствовал на раскопках, никогда не делал чертежей на месте, утаивал вещи, найденные в нескольких экземплярах, для последующих «даров» или чтобы сдать их властям на следующий («неудачный») год (Лазенкова 1999: 78).

[20] Находка такой пряжки в могильнике Броды в далеком Прикамье происходит из более позднего комплекса и, видимо, связана с событиями гуннского вторжения.

[21] Зажим (?) и наконечник из Марксштадта на левобережье Нижней Волги (Кат. № 1) сочетаются на упряжи с деталями *иного* – волго-уральского происхождения (Синицын 1936: рис. 11), то есть не составляют гарнитур и, видимо, попали сюда во *вторичном* использовании (трофеи?).

[22] При издании этой статьи были, к сожалению, допущены множество пропусков, опечаток и ошибочная правка текста. Назовем лишь *некоторые* из них. На с. 154. в конце 1-й фразы: «более *полной* и впечатляющей». На с. 155 – Syncell; Konst. Porth. – «LIII». На с. 156 пропущена середина фразы о том, что гончарная керамика, «произведенная в Предкавказье, господствует в III-IV вв. в степных комплексах Северного Кавказа, низовьях...». На с. 157: Танаис был «восстановлен», а не *выставлен* варварами, а серьезная опасность для него возникла «примерно» за 17 лет до его разрушения; чиновника звали «Хафразм». На с. 158: Мирмекий – «соседний со столицей», а бораны упоминаются «только *Причерноморье*». На с. 159: Драчук 1975 – табл. XI, № «875»; «под центральной *фигурой* (а не «фибулой») умершего»; от Кангюя откололись *кочевые* вассалы; «полонил всю Овсети», а не современную *Осетию*; «при шаханшахе», а не *шихиншахе*, как говорили в XX в. На с. 160 – Трдат III, а не *Традат*; для «соседней Грузии», а не *соседей*. Пропущен ряд важных сносок (с. 156, последний абзац – Шаров 1995: 23; с. 159, в конце 1-го абзаца справа – Зуев 1995...), в Списке литературы с ошибками указаны фамилии Матюхин и Мровели. При ссылках на Мовсеса Хоренаци – № книги – II, а не «П». В пяти случаях опущены важные скобки и тире (особенно – на с. 160). Многие из ошибок серьезно исказили подлинные мысли автора.

[23] В одном весьма скромном погребении воина-дружинника нижнедонских кочевников этого времени (Кировский I, курган 1/2, раскопки Л.С. Ильюкова 1980 г.) были найдены среди прочего круглые ажурные серебряные бляхи уздечки с литыми тамгами царя Иненсимея Боспорского (234-239) (см.: Яценко 2001: рис. 27, d).

[24] Исключение составляет нижнедунайская находка в Чауше.

[25] Наряду с ними, на упряжи из курганов 1837 и 1841 гг. представлены еще знаки боспорской знати 1-й пол. III в. – какого-то родственника Рескупорида III (к царскому знаку добавлена вверху звездочка) и Иненсимея (Яценко 1994: рис. 1, 3 и 7).

[26] Другие, гораздо более впечатляющие примеры довольно массового «смещения» знатных носителей тамг в средне- и позднесарматское время см.: Ольховский, Яценко 2000: 308-310.

[27] К сожалению, О.В. Шарову остались неизвестными публикации и доклады С.А. Яценко по тамгам Сарматии за последние 7-8 лет и содержавшиеся в них методические разработки (срав.: Шаров 1998: 14-17).

[28] О.В. Шаров даже считает мужчину из кургана 1841 г. сарматским узурпатором Фарсанзом, захватившим контроль над частью Боспора в 253-254 гг. (Šarov 1994: 426). Однако мы полагаем, что это погребение было совершено много позже его гибели.

[29] Иллюстративный материал по полихромным изделиям из соседних могильников Чауш и Градешка в устье Дуная был любезно предоставлен нам с правом ограниченного использования (исключающим точное копирование) А.В. Симоненко 17.10.1999.

[30] См. прим. 28.

[31] Женское погребение по А.Б. Ашику? Сам В.В.Шкорпил был уверен, что эти вещи происходят из *того же* кургана, а в нем, как известно, было две гробницы – женская и мужская (срав. узду в женской могиле 1837 г. из той же Керчи).

[32] По манере исполнения три предмета упряжи из этой коллекции различны и, видимо, не одновременны. К набору, выполненному, похоже, одной рукой, явно относятся прямоугольная и круглая бляшки с одной каменной вставкой (первая из них по керченским аналогиям синхронизируется с материалами группы 3). Дисковидная бляха с прямоугольным выступом (выполненная с новой матрицы с тонким рисунком высокого качества) наиболее близка по декоративной схеме аналогичной бляхе из Аэродрома и соотносится, скорее, с вещами группы 3.

[33] По неизвестной причине этот предмет отсутствует в основных публикациях данного комплекса (Rostovttceff 1923; Beck, Kazanski, Vallet 1988).

[34] Этот наконечник (как и № 25) имеет редкий коробчатый корпус.

[35] Прорисовка здесь дана схематично. Предмет охарактеризован как «бронзовая накладка». В нашей статье мы используем рисунок И.О. Гавритухина (таб. 5, *1*).

[36] Судя по рисунку, А. Алфельди механически соединил три совершенно разных предмета – разновременные наконечник ремня, ременную бляшку и рамку пряжки.

[37] Прорисовка А.Л. Якобсоном штампованного

декора (воспроизведенная и в других изданиях) неточна. Еще одна пряжка с прямоугольной рамкой 1-й пол. IV в., которую О.В. Шаров включает в круг подобных древностей, была найдена в склепе № 888 1897 г. в Херсонесе (серебро, золотая плакировка) (Калашник 1986: 71; рис. 3). Нам представляется, что отнесение ее к данному стилю возможно лишь *при большом допущении*. Во-первых, золотая плакировка, на которой *мог быть нанесен* (?) традиционный для изучаемого стиля штампованный орнамент, почти утерян (на уцелевшем фрагменте края бордюра с трудом угадывается полоска зигзага). Во-вторых, *единственной* вставкой служил не красный сердолик, а *зеленое* стекло (что для вещей нашего стиля совершенно не характерно).

[38] По некоторым признакам близок пряжкам кат. № 25-26 экземпляр из могилы 888 1897 г. из Херсонеса (ОАК за 1897 г., с.118, рис.232). Прямоугольный щиток имеет бордюр с аналогичным декором. Однако, характерный для вещей нашего стиля штампованный декор в орнаментальном поле отсутствует, а вставка – из необычного зеленого камня (изумруд ?).

[39] Эта пряжка имеет в основном орнаментальном поле специфическое окаймление из ряда полукружий с точкой на концах, аналогия чему есть только на пряжке из Херсонеса (Кат. № 26).

[40] Мы предпочитаем называть эту форму щитка не почковидной, а овальной.

[41] Сходный центральный прямоугольник из рядов вставок по 3 камня в каждом известен и на диадемах римских императоров 1-й пол. IV в.

[42] На центральной камее представлен Амур, держащий факел пламенем вниз – символ смерти, на верхней и нижней – личины Горгоны (Древности... 1854, ч. II: 28) (по другой версии это головы Медеи: Цветаева 1968: 121). Камеи образуют центральный из трех вертикальных рядов, соединенных золотых квадратных пластин (в боковых рядах сердоликовые вставки находятся по краям). На противоположной (затылочной) части венечного фриза на золотой прямоугольной пластине с 4 сердоликами по углам изображен всадник с ритоном, стоящий перед алтарем (Там же: ч. III: таб. III, 5). Декор остальной части венечного фриза образуют листья апия (сельдерея) и геометрический орнамент. На близкой *мужской* диадеме из другого погребения в том же кургане (Ростовцев 1913: таб. V, 2) центральная часть с сердоликовыми вставками отсутствует, а на пластине со всадником последний изображен без алтаря, но с венком. Вероятно, и женская диадема, как и мужская, имела гнутый каркас из кедрового дерева (Древности... 1854, ч. II: 26, 28).

[43] О круге привлекаемых серег см. прим. 4.

[44] Уже после сдачи этой статьи в печать опубликована пара оригинальных серег хронологической группы 1 из анонимной частной коллекции (Шемаханская 2000: ил. 3, вверху), несомненно, происходящая из Юго-Западного Крыма. Их щиток каплевидной формы имеет рубчатый бордюр, *овальная* каменная вставка окаймлена гладкой полосой, в поле – штампованный орнамент в виде ряда густо размещенных точек.

[45] Вещи происходят из коллекции пожелавшего остаться неизвестным богатого киевлянина и явно связаны с грабительскими раскопками последних лет. Официально этот коллекционер выставлял, прежде всего, купленные им драгоценные церемониальные изделия из личных вещей последнего китайского императора Пу И. «Археологические» вещи, купленные у грабителей, составляли три отдельных витрины в одном из залов. Они не были включены в продававшийся каталог собрания, а разрешение на их фотографирование или точное копирование получить не удалось. Декоративная *схема* этих вещей дается в зарисовке С.А. Яценко от 18.10.1999.

[46] Исследователь могилы В.П. Бабенчиков видел в этом предмете деталь (крышку) шкатулки, а А.И.Айбабин, видимо – из-за его нахождения у пояса – щиток *поясной пряжки* (Айбабин 1994: 94). К сожалению, сама конструкция и детали силуэта предмета сразу же ставят обе трактовки под сомнение (Малашев 2000). Конструктивно сходный предмет изучаемого стиля был обнаружен in situ как центральный элемент ожерелья в женской могиле 3 склепа 38 в Суворово (Кат. № 42). Более ранний костяк датируется поздней монетой Константина I (306-337), то есть относится к группе 3.

[47] Подлинная внешняя серебряная (?) пластина медальона, по облику наиболее близкого приведенному здесь № 41 группы 1, опубликована уже после сдачи нашей статьи в печать и происходит из анонимной частной коллекции (Москва?) (Шемаханская 2000: 220; ил. 3, в центре). На фото низкого качества, сделанном до реставрации, можно увидеть образец почти квадратной формы (ср. № 42) с центральной необычной вставкой в виде 7-гранника; она, видимо, *вставлена позже* фальсификатором из какой-то *другой* древней вещи (как это свойственно, по данным М.С. Шемаханской, большинству предметов данной коллекции) в прорезь *овальной* формы. Центральная вставка окружена неясным овальным декоративным пояском, бордюр образует обычная полоска прямых рубчиков (?), по углам орнаментального поля – следы 4 штифтов. Фальсификатор заменил исчезнувшую пластину-подкладку смесью земли и клея (выдаваемою за металлические окислы).

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. 1994. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 г. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь.

Амброз А.К. 1974. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V-IX вв. Дисс... докт. ист. наук. (Рукопись). М.

Амброз А.К. 1989. Хронология древностей Северного Кавказа. М.

Амброз А.К. 1992. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. Вып. 1. М.

Амброз А.К. 1994. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. Т. IV.

Арсеньева Т.М., Науменко С.А. 1992. Усадьбы Танаиса. М.

Ашик А.Б., 1848-1849. Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. II-III. Одесса.

Бабенчиков В.П. 1963. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII.

Безуглов С.И., Захаров А.В. 1989. Богатое погребение позднеримского времени близ Танаиса // Изв. Рост. Обл. Музея краеведения. Вып. 5. Ростов-на-Дону.

Безуглов С.И., Копылов В.П. 1989. Катакомбные погребения III-IV вв.н.э. на Нижнем Дону // СА. № 3.

Безуглов С.И. 1990. Аланы-танаиты: экскурс Аммиа-

на Марцеллина и археологические реалии // ИАИАНД в 1989 г. Вып. 9.
Белинский И.В., Бойко А.Л. 1991. Тайник позднесарматского времени кургана 2 могильника «Аэродром-I» // ИАИАНД в 1990 г. Вып. 10.
Беспалый Е.И. 1990. Погребения позднесарматского времени у г. Азова // СА. № 1.
Бетрозов Р.Ж. 1987. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т. 3. Нальчик.
Гайдукевич В.Ф. 1949. Боспорское царство. М.; Л.
Гей О.А., Бажан И.А. 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.
Голдина Р.Д. 1986. Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века. Устинов.
Головкова Н.Н. 1983. Отчет об исследованиях курганов в Мартыновском районе Ростовской области в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9888. Альбом б.
Гороховский Е.Л. 1987. Сарматское погребение в Новых Санжарах на Полтавщине (О позднесарматских древностях второй половины III в.н.э. в междуречье Дона и Дуная) // Областная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения М.Я. Рудинского. Тезисы докладов и сообщений. Полтава.
Гороховский Е.Л. 1988. Хронология ювелирных изделий первой половины I тысячелетия н.э. лесостепного Поднепровья и Побужья. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Киев.
Гороховский Е.Л., Корніенко П.Л, 1993. Вбрання Констанція на Верхівнянскому медальйоні // Археологія. № 2.
Голофаст Л.А. 1997. К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь.
Дзиговский А.Н., Субботин Л.В. 1990. О верхней дате сарматских могильников низовьев Дуная // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев.
Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском Эрмитаже, Т. II-III, 1854. СПб.
Дьяченко А.Н. 1999. Исследование курганного могильника Абганерово II в Октябрьском районе Волгоградской области // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 3. Волгоград.
Зайцев Ю.П. 1997. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // АИК 1994 г.
Засецкая И.П. 1975. Золотые украшения гуннской эпохи. По материалам Особой кладовой Государственного Эрмитажа. Л.
Засецкая И.П. 1980. Изображение пантеры в сарматском искусстве // СА. № 1.
Засецкая И.П. 1982. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв.н.э. М.
Засецкая И.П. 1986. Некоторые итоги изучения хронологии памятников эпохи переселения в южнорусских степях // АСГЭ. Вып. 27.
Засецкая И.П. 1989. Проблемы сарматского звериного стиля // СА. № 3.
Засецкая И.П. 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. Вып. III.
Засецкая И.П. 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб.
Засецкая И.П. 1999. Сармато-аланская традиция в украшениях гуннской эпохи // АСГЭ. Вып. 34.
Ильюков Л.С. 1983. Отчет об исследовании курганного могильника у х. Нового, Мартыновского раойна Ростовской области в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Альбом № 9256 е.
Казанский М.М. 1994. Могилы алано-сарматских вождей IV в. н.э. в понтийских степях // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь.
Калашник Ю.П. 1986. Стеклянный флакон из Херсонеса и некоторые застольные надписи // АСГЭ. Вып. 26.
Клейн Л.С. 1976. Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
Культура и искусство древнего Узбекистана, 1991. Каталог выставки. Кн. 1. М.
Лазенкова Л.М. 1999. Керченский музей древностей. Основатели // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб.
Ланцов С.Б., Голенко В.К. 1999. О западной границе Боспора в IV в.н.э. (по материалам археологических исследований 1999 г.) // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб.
Малашев В.Ю. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи. Ростов-на-Дону (В печати).
Мордвинцева В.И. 1996. Фалары конской упряжи на территории степной Евразии в III в. до н.э. – 1-й пол. II в. н.э. Автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб.
ОАК за 1894 г., 1896. СПб.
ОАК за 1897 г. 1900. СПб.
Ольховский В.С., Яценко С.А. 2000. О знаках-тамгах из святилища Байте III на Устюрте (предварительное сообщение) // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.
Пуздровский А.Е., Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. В печати. Охранные раскопки могильников Суворово и Беляево в 1995 г. // АИК в 1995 г.
Романовская М.А. 1986. Аланское погребение из Ставрополья // КСИА. Вып. 186.
Ростовцев М.И. 1913. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. Вып. 49.
Ростовцев М.И. 1925. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературы и археологии. Л.
Симоненко А.В. 1999. Сармати Північного Причорномор'я. Хронологія, періодизація та етно-політична історія. Автореф. дисс... докт. іст. наук. Київ.
Синицын И.В. 1936. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья // Известия Нижневолжского Саратовского Института краеведения. Т. VII. Саратов.
Соломоник Э.И. 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.
Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. 1990. Сарматские древности Днестро-Дунайского муждуречья. Ч. III. Курганные могильники Васильевский и Кубей. Препринт. Киев.
Толстой И., Кондаков Н. 1889. Русские древности в памятниках искусства. Т. II. СПб.
Труфанов А.А., Юрочкин В.Ю. 1999. Боспоро-херсонесские отношения и этно-политическая ситуация в Крымской Скифии III-IV вв. н.э. // Боспорский

феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб.

Уманский А.П. 1978. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.

Фокеев М.М. 1990. Типы сарматских могильников Буджакской степи // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Храпунов И.Н. 1994. Погребение середины III в.н.э. из могильника Дружное // МАИЭТ. Вып. IV.

Храпунов И.Н., Масякин В.В. 1998. Могила с двумя подбоями III в. н.э. из некрополя Дружное в Крыму // РА. № 4.

Шаров О.В. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.

Шаров О.В. 1995. Историко-культурные связи Восточной Европы и Северного Причерноморья в середине III – первой половине IV в.н.э. (Древности горизонта Лейна-Хаслебен и черняховская культура). Автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб.

Шаров О.В. 1998. Погребения сарматской знати на Боспоре // Боспорское царство как историко-культурный феномен. Материалы научной конференции. СПб.

Шемаханская М.С. 2000. Исследование, атрибуция и реставрация частных археологических коллекций (к проблеме подделок) // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства. Материалы IV научной конференции 24-26 ноября 1998 г. М.

Шкорпил В.В. 1910. Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия // ИАК. Вып. 37.

Шнадштейн Е.В. 1981. Раскопки курганной группы Купцын Толга // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста.

Цветаева Г.А. 1968. Сокровища причерноморских курганов. М.

Юрочкин В.Ю. 1999. Этно-политическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье.

Якобсон А.Л. 1959. Раннесредневековый Херсонес // МИА. Вып. 63. М.

Яценко С.А. 1994. Аланы и аорсы в Северном Причерноморье в период готского вторжения: анализ тамг аристократического некрополя Пантикапея второй половины III в.н.э. // Древнее Причерноморье. // КСОАО. Вып. 2. Одесса.

Яценко С.А. 1997. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236-276 гг. н.э. // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев.

Яценко С.А. 2000. О мнимых «бактрийских» ювелирных изделиях в Сарматии I-II вв.н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград (В печати).

Яценко С.А. 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература (В печати).

Aibabine A. 1996. Population de Crimée au milieu du IIIe et au IVe siécle // L'identité des populations archéologiques. XVIe Rencontres Internationales d'Archéologie et d'Histoire d'Antibes. Sophia Antipolis.

Alföldi A. 1934. Eine spätrömische Helmform und ihre Schicksale im Germanisch-Romanischen Mittelalter // Acta Arch. Acad. Scien. Hungaricae. 5. Budapest.

Beck F., Kazanski M., Vallet F. 1988 La riche tombe de Kartch du Musée des Antiquités Nationales // Antiquités Nationales. ą 20. Saint-Germain-en-Laye.

Bezuglov S.I. 1995. Keso romai kori katakombas temetkezesek az Also-Don-videk sztyeppein // Studia archaeologika. I. Szeged.

Damm I.G. 1988. Goldschmiedearrebeiten der Völkerwanderungszeit aus dem nördlichen Schwaezmeergebiet. Katalog der sammlung. Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 21. Köln.

Germanen, Hunnen und Awaren. 1987. Schatze der Volkerwanderungszeit Germanisches Nationalmuseum (Red. W. Rünhorn). Nürnberg.

Keller E. 1971. Die spatromischen Grabgunde in Sudbayern. München.

Klumbach H. 1973. Spatrömische Gardehelme. München.

Linas Ch., 1878. De l'orfévrerie cloisonnée. T. 2. Paris.

Madyda-Legutko R. 1986. Die Durtelschnallen (BAR International Series, 360). Oxford.

Posta B. 1905. Archaeologische Studien auf Russischem Boden. Budapest; Leipzig.

Rostovtceff M. 1923. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch et au musée de Saint-Germain // Monuments et Mémoires (Dir. T. Homole, E. Mále). 26. Paris.

Salin B. 1904. Die Altgermanische Trierornamentik. Stockholm.

Šarov V. 1994. Eine reiches Pferdegeschirr aus Kerc // Baitrage römischer und barbarischer bewaffung im der Erstern nach chrisitlihen Jarhundert. Lublin.

Seyrig H. 1953. Antiquités de la nécropole d'Emése // Syria 30.

Simonenko A.V. 1995. Catacomb graves of the Sarmatians of the North Pontic region // Móro Ferenc Múzeum Évkönyve. Szeged.

Soupault-Becquelin V. 1999. Le cas des plaques-boucles du style polichrome // Germania. Jahr. 77. Halb. 1. Mainz.

The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia. 1991. (Catalogue). Kyoto.

Treister M., Yatsenko S. 1998. About the Centres of Manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundels in «Gold-Turquoise Animal Style» of the 1-2 nd Centuries AD // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 5. Kamakura.

Unbekannte Krim. 1999. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. Heidelberg.

С.А.Яценко

АНТРОПОМОРФНЫЕ ОБРАЗЫ В ИСКУССТВЕ ИРАНОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ САРМАТИИ II-I ВВ. ДО Н. Э.

S.A. Yatsenko. The Antropomorphical Images in the Art of the Iranian-speaking Peoples of Sarmatia in the II-I CC. BC.

Middle II – I cc. BC was the period for settlement of a group of large Sarmatian tribes over European steppes and for development of their culture. Anthropomorphic images of that time are studied by subjects and their versions, types of articles and their supposed belonging to the ethnic groups known from written records. The Sarmatians of that period, sometimes deliberately would pick local or imported (from Bosphorus, Bactria or Parphia) images for their interments, to represent their gods or legendary heroes. The list of classic prototypes is limited: Aphrodite, Apollo or Helios, seldom – Dionysos, Nike and Tyhe. It does not at all correspond to similar list with their ancestors Scythians of V – early III c. BC. New proper Sarmatian subjects: racing and standing still horse-riders with original iconography, supposed epic images (a duel of two heroes or of a hero with a monster), small idols of numerous forms and "master of animals".

Images of humans and gods were made on mainly bridle breast junctions, fibulae-brooches, buckles and small idols. Analysis of "barbarian" articles revealed a large variety in representing human figures connected with local peculiarities and individual master's style. Most of these anthropomorphic images are found with such tribes as Siracs, Tauro-Scythians and "Upper" Aorses. "Barbarian" articles were apparently produced, first of all, in Sirakena, Scythia Minor and in Bosphorus kingdom. Also, the list of Greed gods and barbarian subjects with the tribes of Middle Sarmatian and Late Sarmatian cultures (early I – late IV cc. AD) practically does not comply with the evidence of the studied period.

Искусство «ранних сарматов» II-I вв. до н.э изучено, несмотря на обилие материала, крайне слабо. Внимание ряда исследователей привлекали, пожалуй, лишь серебряные бляхи-фалары конской упряжи (как правило, речь идет об анализе отдельных комплексов). Даже по этой категории художественных изделий серьезное обобщение материалов только начинается (см., например: Мордвинцева 1996 б; Мордвинцева 1996 в; Мордвинцева, Переводчикова 2000). Эта ситуация отчасти возникла на психологической основе: слишком разителен контраст между роскошной греко-скифской торевтикой сер. V — нач. III вв. до н.э. и «раннесарматскими» изделиями, и последние явно выглядят менее привлекательно. В самом деле, искусство кочевников новой гунно-сарматской эпохи менее экспрессивно, более геометризовано и отчасти ориентировано на изделия Средней Азии и даже более восточных регионов (Яценко 1994 а: 201).

В последние годы разительно изменились представления специалистов о хронологии культуры «ранних сарматов», датировавшейся ранее IV-II вв. до н.э. Одни исследователи склонны разделять раннесарматскую культуру на 2 этапа, второй из которых включает II-I вв. до н.э. (примерно с сер. II в. до н.э., заходя в 1-ю половину I в.н.э.: Скрипкин 1992: 22-37). Другие считают, что собственно прохоровская раннесарматская культура датируется фактически только этим временем (Зуев 1998 а: 16-19). Независимо от исхода этого спора, ясно, что речь идет о самостоятельном этапе в культурном развитии, который представляет большой интерес. Именно это время (с сер. II в. до н.э.) было периодом расселения «сарматских» племен в европейских степях (Полин 1992: 117-118) и установления там их политической гегемонии. Античные государства столкнулись с новой политической реальностью в лице сильных племенных объединений роксоланов и сатархов, а затем — аспургиан, аорсов и язигов. Сарматские правители выступают гарантами в международных договорах, как Гатал (Polib. XXV. 2. 12), серьезно влияют на события в Крыму, как легендарная Амага (Polyaen. Strat. VIII. 56), и активно участвуют в международной караванной торговле, подобно верхним аорсам.

© С.А.Яценко, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

Основные художественные центры иранских народов Сарматии

Сегодня можно отметить *четыре основных художественных центра* — в двух варварских странах северопонтийского региона — в прикубанской Сиракене (Strabo. Geogr. XI. 5. 2) и в т.н. «Scythia Minor» в Крыму, а также в Боспорском царстве и, в каком-то смысле — в Греко-Бактрии и раннеюэчжийской Бактрии.

1) *Сираки Кубани* особенно выделяются обилием роскошных аристократических погребений с богатым импортом. Знать этого племени утопала в роскоши не меньше скифской (о чем свидетельствуют, например, находки в единственном лишь *частично* ограбленном кургане «царского» ранга высотой около 15 м [1] у станицы Северской на Кубани) (см.: Смирнов 1953) и множество оригинальных (видимо, собственно сиракских или, если угодно — греко-сиракских) форм ювелирных изделий из золота — фибулы-броши со скульптурками баранов или зайцев, некоторые типы серег, оригинально оформленные гривны, браслеты, булавки и др. (см., например: Спицын 1909: рис. 10, 12; Анфимов 1987: фото на с. 183, 194, 201, 203-204, 207, 211, 219; Гущина, Засецкая 1989: таб. III, 53-54 и XIV, 72, 84; Ставиский, Яценко 2001: раздел 6. б).

В интересующее нас время сираки стали заниматься земледелием (Strabo. Geogr. XI. 2. 1) и начали частично оседать на землю, смешиваясь с соседями-меотами (Марченко 1988 а: 15-16). У сираков, кроме столицы — Успы, были и другие города («города не останавливают победителей»: Tacit. Annal. XII. 17). Из их среды выделяются и *собственные ремесленники* (например, группа местной гончарной керамики с зооморфными ручками имеет рецептуру керамического теста, не свойственную меотам) (Марченко 1988 б: 76).

Имея в виду сарматов, М.И. Ростовцев в свое время утверждал, что «самостоятельным и творческим центром культурного развития южнорусские степи (точнее — обитавшие там кочевые племена — С.Я.) сделаться не могли» из-за постоянных новых миграций восточных номадов (Ростовцев 1918: 4). Сегодня ясно, что это имеет мало общего с действительностью (такие этносы, как сираки, сатархи или роксоланы «сидели» на местах многие века). Этот стереотип и ныне весьма распространен, хотя его сторонники обычно ссылаются на «принципиальную невозможность» организации производства торевтики и др. кочевниками и полукочевниками. А как же примеры развитого художественного литья у хунну, саков Семиречья и ранних тюрков? Реальные доказательства справедливости этой версии в литературе до сих пор отсутствуют. (Противоположное мнение см.: Harmatta 1950: 34-35; Трейстер 1994). В результате часто все примитивные, явно варварской работы фалары, но с использованием широко распространенных в эллинистическим мире орнаментальных мотивов и плохой позолоты, *априорно* принимаются за произведения торевтов из эллинских центров Боспора...

2) В последние годы предложены новые версии этнокультурной атрибуции ираноязычного населения т.н. *«Малой Скифии» в Крыму* во II-I вв. до н.э. Сейчас «скифы» и «тавроскифы» античных источников позднеэллинистического и раннеримского времени ряду исследователей уже не кажутся наследниками скифов-сколотов Геродота, осевшими на землю, как это полагал с начала 50-х годов П.Н. Шульц. Это версия отчасти опиралась на формальное прочтение позднеантичных источников с их консервативным и одновременно слишком расширительным толкованием макроэтнонима «скифы». Впрочем, уже в 60-х годах отдельные ученые пришли к выводу, что преемственности от геродотовых сколотов культура «Малой Скифии» не имеет (Вязьмитана 1969: 75-76). Попытки выявить большую серию элементов преемственности «от Великой Скифии» в деталях костюма, конструкции жилищ и др. (см., например: Высотская 1983: 9-24), к сожалению, обычно сопровождаются большими натяжками и не вполне корректными (особенно — по отношению к сармато-аланам) аналогиями, что только лишний раз демонстрирует их крайнюю незначительность. Это же касается и сюжетов местного искусства (Яценко 1992 б: 109-110)[2]. Сегодня высказывается мнение, что следов постепенного оседания «скифов» в III-II вв. до н.э. в действительности не обнаружено (Щеглов 1998: 149). «Позднескифская культура», согласно этой версии, была явным новообразованием, созданным недавними *пришельцами*, в том числе — кочевыми, среди которых называют сатархов и роксоланов (Там же: 144-145, 150-151) (данная версия поддерживается и Ю.П. Зайцевым (Зайцев 1999: 140, 142-143), с той, однако, разницей, что сатархи предстают как враги «поздних скифов» и разрушители «скилурского» Неаполя – там же: 144). Независимо от исхода этой полемики (который для меня не имеет принципиального значения), ясно, что искусство местных варваров II-I вв. практически развивается весьма оригинально и в новом облике. Во 2-й пол. II в. до н.э. в «Малой Скифии» становится обширным городским центром Неаполь Скифский с монументальным Южным дворцом — предполагаемой резиденцией Скилура, где, несомненно, концентрировались и ремесленники (Зайцев 1995: 19-20). В Неаполе проживали отдельные греки, здесь были установлены статуи эллинских богов, сооруженные на средства Посидея, Евмена и др. В источниках называется также несколько «царских крепостей». Скилур чеканил собственную монету, несомненно, бывшую в реаль-

ном обращении (Фролова 1964; Дашевская 1991: 21). Все это свидетельствует как об определенном развитии ремесел, так и об известной эллинизации этой небольшой страны.

3) Важную роль в производстве изделий в сарматском вкусе играли, несомненно, *города Боспорского царства*. Сам Боспор в это время впервые подвергся весьма поверхностной сарматизации, что наиболее ярко проявилось в костюме. У некоторых боспорцев появляются такие элементы кочевнической одежды, как запахиваемый налево кафтан, шаровары и специфические башлыки (Яценко 1984: 55; Яценко 1985: 26-27). У сарматов заимствуются типы поясных и портупейных пряжек, в том числе — восьмерковидные (Мошкова 1960: 307) [3].

Большинство фаларов из сарматских погребений сегодня считается произведенными именно на Боспоре в т.н. «причерноморском графическом стиле» (Мордвинцева 1996 а: 12-14; Мордвинцева 1996 б: 111). В тех случаях, когда фалары из сарматских комплексов имеют эллинистический декор бордюров и розетки, но варварскую манеру изображения и бытовые реалии на них, принято думать, что они изготовлены *в боспорских городах варварскими мастерами* (см. о Федуловском кладе: Засецкая 1965: 34; о более поздних изображениях из Янчокрака и Кривой Луки IX: Мордвинцева 1996 а: 13; Мордвинцева 1996 б: 110-111). К сожалению, это предположение пока еще не сопровождается солидной аргументацией.

Между тем, если мы обратимся к *реалиям* таких изображений, неизбежно возникнет ряд недоуменных вопросов. Ограничусь здесь одним маленьким, простейшим примером. Персонажи в Янчокраке и Кривой Луке представлены в однотипной парадной нераспашной [4] наплечной одежде, которая чрезвычайно специфична и не имеет аналогов на изображениях и в реальном костюме из погребений ни у сармато-аланов, ни у скифов. Этот совершенно нетипичный для Сарматии комплект представляет собой *верхнюю* короткую рубаху с короткими же (не доходящими до локтей) рукавами и нижнюю с более длинным подолом и рукавами до запястий. Края рукавов, ворота и подола обеих одежд при этом декорированы несколькими орнаментальными полосами. В изучаемое и более позднее (I-III вв. н.э.) время аналогия этим одеждам (их сочетанию, деталям силуэта и принципам декора) есть *только у одного этноса Евразии — юэчжей/кушан*, мигрировавших из Западного Китая и отвоевавших у греков Бактрию во 2-й пол. II в. до н.э. (мужская одежда: Rosenfield 1967: pl. IV, № 67; pl. 68,123; The Crossroads... 1992: № 167; женская: Rosenfield 1967: pl. 98: Яценко 1989 б: рис. 16). Уникально для Сарматии и имеет прямое соответствие только в юэчжийской Бактрии и специфическое орнаментальное *оформление «лампасов»* на штанах (рельеф из Халчаяна: Treister, Yatsenko 1998: 63; note 138). *Прическа* криволукских всадников (короткая стрижка без пробора с равномерно зачесанными назад волосами, без бороды) также демонстрирует один из наиболее популярных у юэчжей типов (см., например: Rosenfield 1967: pl. 41; Bussagli 1984: 73 (fig. 2), 91(fig. 1), 192, 212; Древности... 1991: № 131). Она также не имеет аналогов ни на одном маломальски детальном изображении мужской прически Сарматии этого периода. В свете всего этого я бы не решился относить оба набора фаларов к работе «варварских» торевтов из *боспорских* городов, отражающих, якобы, «*местные*» реалии... Гораздо логичнее считать их либо изделиями юэчжийской Бактрии или (что пока кажется более вероятным) — переработкой отдельных бактрийских сюжетов их бывшими соседями в Средней Азии — европейскими сарматами.

Замечу, что ведущий сарматолог К.Ф. Смирнов, в отличие от ряда «античников», весьма сдержанно относился к боспорскому «вкладу» в этой области: «Изготовление фаларов на Боспоре *возможно*» (Смирнов 1984: 113). Подобная осторожность ряда авторитетных исследователей касается не только рассматриваемого периода, т.к. традиция приписывать боспорским мастерам большое число изделий подчас за 1-2 тыс. км от его границ сложилась давно. О III-V вв. н.э. А.К. Амброз не без иронии писал, что «широко распространена “мода” приписывать боспорским мастерским большинство золотых изделий, находимых на юге СССР от Поволжья до Казахстана... Долго было распространено мнение о боспорским влиянии на ювелирное искусство Силезии и Дании» (Амброз 1992: 9). Исходный импульс этим представлениям был дан, пожалуй, в работах М.И. Ростовцева (см., например: Ростовцев 1993: 39).

4) Долгое время господствовало убеждение, что ряд ювелирных изделий и, прежде всего, большая часть серебряных фаларов конской упряжи в примитивном греко-варварском духе были привезены в Сарматию *из Греко-Бактрии* (Тревер 1940). К.Ф. Смирнов высказывался уже осторожнее, признавая решающим лишь «*индо*-греко-бактрийский *импульс*» (Смирнов 1984: 112). Говоря о подобных «сложившихся стереотипах», В.И. Мордвинцева справедливо отмечала, что за фаларами III-I вв. до н.э. «негласно закрепилось представление об их греко-бактрийском происхождении, хотя принадлежность всех их к изделиям Греко-Бактрии проблематична и требует доказательства» (Мордвинцева 1994: 70).

Как показали работы этой исследовательницы, лишь единичные фалары с крайнего востока Сарматии (Южное Приуралье) могут быть действительно связаны *с Греко-Бактрией III-II вв. до н.э.* (Новоузенск: Тревер 1940: таб. 3-4; Володарка: Мордвинцева 1996 а: 12; Мордвинцева 1996 в). Зато сегодня мы располагаем се-

рией подобных фаларов, вполне достоверно найденных и, видимо, произведенных в юэчжийской Бактрии (Древности Таджикистана 1985: 78, № 221) [5], раннеэллинистическом (предполагаемый дар Александра Великого скифам из Александропольского кургана: Ростовцев 1993: таб. 1; Алексеев 1991: 12-13) и раннепарфянском Иране (Zimmermann 1990: 96, fig. 28) [6] и чуть позже — в державе индо-скифов в Гандхаре (Marshall 1951: 188-189). О необходимости крайней осторожности в этом вопросе свидетельствует беспрецедентное преувеличение роли бактрийского «художественного импорта» в Сарматии уже для следующего периода — I-II вв. н.э., практически не основанное на реальных фактах (Яценко 2000 б). К изделиям *постгреческой Бактрии* склонны относить кубанские фалары из станиц Северской (Смирнов 1953: 35) и Курчанской (Десятчиков 1973: 78).

Кроме того, немаловажно, *каким путем* фалары могли попасть в европейскую Степь (вероятнее всего — в качестве клановых реликвий мигрантов, трофеев или даров — скорее вместе с лошадьми с подобной сбруей — от правителей соседних стран у номадов — предков «сарматов» еще перед переселением в Европу). Привезенные на новую родину образцы могли стать объектом художественной *переработки* в сарматском вкусе не только греческими, но и меотскими, позднескифскими или сарматскими (Harmatta 1950: 34-35) «варварскими» мастерами Кубани или Крыма.

Методика исследования

Наиболее продуктивным представляется комплексное изучение всей сводки «раннесарматских» антропоморфных изображений по группам сюжетов, отдельным сюжетам и их вариантам [7] (периферийные персонажи в многофигурных композициях вроде фаларов из Курчанской не учитываются), далее — исследование распределения сюжетов по категориям вещей и по предполагаемым этно-политическим группировкам. Подобная работа для разных периодов истории Сарматии была впервые подготовлена 10 лет назад, в 1989 г., на уровне моих тогдашних знаний (Яценко 1992 а: 189-214) [8]. Сегодня использованные в ней материалы и выводы данной статьи нуждаются в ряде дополнений и уточнений [9].

Среди прочего, скорректированы в сторону омоложения прежние датировки некоторых важных антропоморфных изображений. Так, ко II-I вв. до н.э. был отнесен ритон из дер. Мерджаны под Анапой, т.е. подтвердился подход Ю.М.Десятчикова (Виноградов 1993: 66). Так же можно датировать, в свете проделанной В.Ю.Зуевым работы (Зуев 1998 б: 149-150), кинжалы, изображенные на идольчиках клада 1900 г. из Сапогово в Южном Приуралье. *Хронологические рамки* нашей работы не заходят (насколько это возможно при нынешней точности датировок) в 1-ю пол. I в. н.э. (когда в Сарматию уже начинают проникать носители среднесарматской культуры).

При «сюжетном» рассмотрении нетрудно заметить, что все относительное богатство материала с гигантской территории Сарматии от Нижнего Днепра до Южного Приуралья на деле сводится к немногим, многократно встречаемым местным и античным сюжетам [10].

Антропоморфные изображения ираноязычного населения Сарматии II-I вв. до н.э., на мой взгляд, можно условно разделить на пять категорий. 1) Изделия явно «варварского» облика со специфически *местными* персонажами (отсутствующими у ираноязычных этносов Средней Азии и Ирана в указанное время). Они могли быть сделаны как мастерами соседних с сарматами оседлых племен (меотов, «поздних скифов», гетов и др.), так и мастерами «сарматского» происхождения, осевшими в поселениях названных этносов или в ставках «сарматских» вождей. 2) Изделия явно «варварского» облика с персонажами греческого пантеона, оформленные в эллинистическом духе (в числе которых — серебряные золоченые фалары). Они могут быть как произведениями мастеров юэжчийской Бактрии, парфянского Ирана или державы индо-скифов, так и подражаниями им, изготовленными уже в Сарматии. 3) Изделия греческой работы с «сарматскими» сюжетами. Их с полным основанием можно назвать произведениями *греко-сарматской торевтики*. В отличие от знаменитой греко-скифской торевтики V — нач. III вв. до н.э., в Сарматии II-I вв. до н.э. таких находок крайне мало (см. ниже: серебряный канфар из Воздвиженской; фибулы-броши со всадником с Беляуса и из Широкой Балки, пряжка из Лятошинки, рельеф со всадником из Неаполя) в силу ряда причин, о которых мне уже приходилось высказываться (Яценко 1994 а: 201-202). 4) Эллинистические изделия с собственно античными мифологическими персонажами, подобранные «сарматами» с особой целью (см. ниже). 5) Изделия с антропоморфными персонажами кельтского (Бубуечь: Полин 1992: рис. 9, 1-2) и иного «варварского» *неиранского* происхождения. В данной статье специально не рассматриваются ни декоративное оформление бордюров соответствующих изделий, ни сопровождающие фигуры животных.

Нелишне отметить, что предметы с человеческими изображениями встречены в Степи только в могилах знати или в особых ритуальных комплексах (святилище в Курганинске; комплект идолов, брошенных, видимо, в озеро у совр. села Ново-Бурино / Сапогово и т.п.). Вне

Прикубанья и Крыма их находили крайне редко (при том, что все рассматриваемые ниже регионы хорошо археологически изучены).

Судя по известным исторически и этнографически кочевым обществам, у обитателей Сарматии *отсутствовала традиция изображать конкретных живущих или недавно умерших людей* (надгробия этого времени пока не известны [11]), и уникальный реалистический портрет Скилура и его наследника Палака (?) из Неаполя Скифского, заказанный греческому резчику (как и его изображение на монетах), только подчеркивает это правило (см.: Шульц 1946: рис. 22; Высотская 1979: 181; рис. 84).

Сегодня популярны версии о том, что на знаменитых изделиях номадов скифской и гунно-сарматской эпох представлены, якобы, непременно то эпизоды из *реальных воинских подвигов заказчика* или его недавнего предка (гребень из кургана Солоха: Алексеев 1994: 7; кубок из погребения 1 в Косике: Трейстер 1994) и приветствие царька на поле сражения его подчиненным (ритон из Карагодеуашха: Зуев, Левинская 1990: 198-199), то сексуальный контакт конкретного шамана-заказчика с богиней-покровительницей (ковер из кургана 5 в Пазырыке: Курочкин 1994: 62-63) или приветствие богини заказчиком-вождем (фалары из Галиче: Ростовцев 1993: 41). Эта особенно ясно обозначившаяся и интенсивно распространяющаяся в последние годы *тенденция* в целом (если рассматривать ее как *явление*, за редкими исключениями) представляется явно *модернизаторской*, слабо учитывающей специфику архаического сознания номадов (не случайно ни один из сторонников такой версии до сих пор не смог привести хотя бы один надежно документированный пример для кочевого мира древности или средневековья) (Яценко 2000 а: прим. 39). В данном случае речь, конечно, не идет о реальных исторических деятелях, ставших *со временем* эпическими героями (на это обычно требуется не менее 2-3 веков: см., например: Элиаде 1998: 71, хотя *изредка* это происходит в истории мирового фольклора и гораздо быстрее) [12]. Несомненно, что в традиционном искусстве изображались, чаще всего, божества, эпические герои и легендарные предки. Характерно, что и в текстах известных кочевых эпосов и в предполагаемых эпических сценах античных номадов «индивидуальность» героя подчеркивается, главным образом, престижными украшениями его костюма, а еще чаще — декором упряжи богатырского *коня* (Яценко 2000 а).

Ниже представлен *посюжетный каталог* лишь с самыми необходимыми комментариями по отдельным, наименее известным или наиболее спорным изображениям или их деталям.

Основные антропоморфные образы и варианты их иконографии

БОГИНЯ ПЛОДОРОДИЯ (?) И ПОДЪЕЗЖАЮЩИЙ СПРАВА ВСАДНИК:

1. Богиня, сидящая на кресле, и подъезжающий всадник с ритоном в руке:

• (1) Мерджаны (Азиатский Боспор) (серебр. ритон) (Артамонов 1966: таб. 331) [13] (рис. 1, 2);

• (2) окраина Екатеринодара (Краснодарский край), около 1890 г. (фрагменты серебряного канфара) (Яценко 1999 а: 283; рис. 1).

2. Богиня погрудно анфас, с подлетающими к плечам 2 птицами, справа подъезжает всадник. — (3) Галиче (Болгария) клад 1918 г. (2 серебряных наплечных фалара упряжи) (Ростовцев 1993: 41; таб. 2-3; Fettich 1953: 142-143; abb. 5-6) (рис. 1, 1).

3. Богиня стоит у алтаря; справа подъезжает всадник с ритоном в руке, над всадником — круг, над богиней — квадрат:

• (4) городище «Чайка» (Республика Крым) (каменный рельеф) (Попова 1974: 222-223; рис. 1).

Исследователи обычно подчеркивают малоазийские истоки иконографии образа сарматских и меотских «великих богинь» (Шауб 1999: 218). Это весьма вероятно для изображения из Мерджан.

ЗМЕЕНОГАЯ БОГИНЯ:

1. Стоит анфас, в поднятых над головой руках — полусферическая чаша:

• (5) Комарово (Сев. Осетия), курган 1/24 (золотые бляшки) (Гиджрати, Наглер 1985: рис. 5, 17; Яценко 1992 а: 190; таб. 8, 3) (рис. 3, 6).

Единственное в сарматскую эпоху изображение этого персонажа явно связано, скорее, не со Скифией, а с искусством меотов соседнего Прикубанья, у которых в IV в. до н.э. змееногая богиня («скифская Ора») фигурирует, в отличие от скифов, именно на золотых бляшках (станицы Елизаветинская, Ивановская, Усть-Лабинская) (Бессонова 1983: рис. 22, 2; Анфимов 1987: фото на с. 127; Яценко 1992 а: 190). Вместе с тем, поза божества в Комарово наиболее близка изображению на греческом тазе из Чертомлыка (Алексеев и др. 1991: фото на с.188); в результате переосмысления головной убор, которого оно касается воздетыми руками, превратился в чашу. Интересно, что изображения змееногой богини с двумя атрибутами в поднятых руках сохранялись на надгробиях потомков сарматов — осетин до XX в. (Андиев, Андиева 1960: рис. 1 на с. 232) (срав. ее образ в греческих *надгробных* памятниках Северного Причерноморья: Бессонова 1983: рис. 22, 1 и 3). Сложнее установить пути попадания этого образа к восточным славянам, в частности — на древнерусские амулеты — «змеевики» (см., например: Сапунов 1999: 205-206; рис. 4-5). Видимо, они попали сюда, как и ряд других куль-

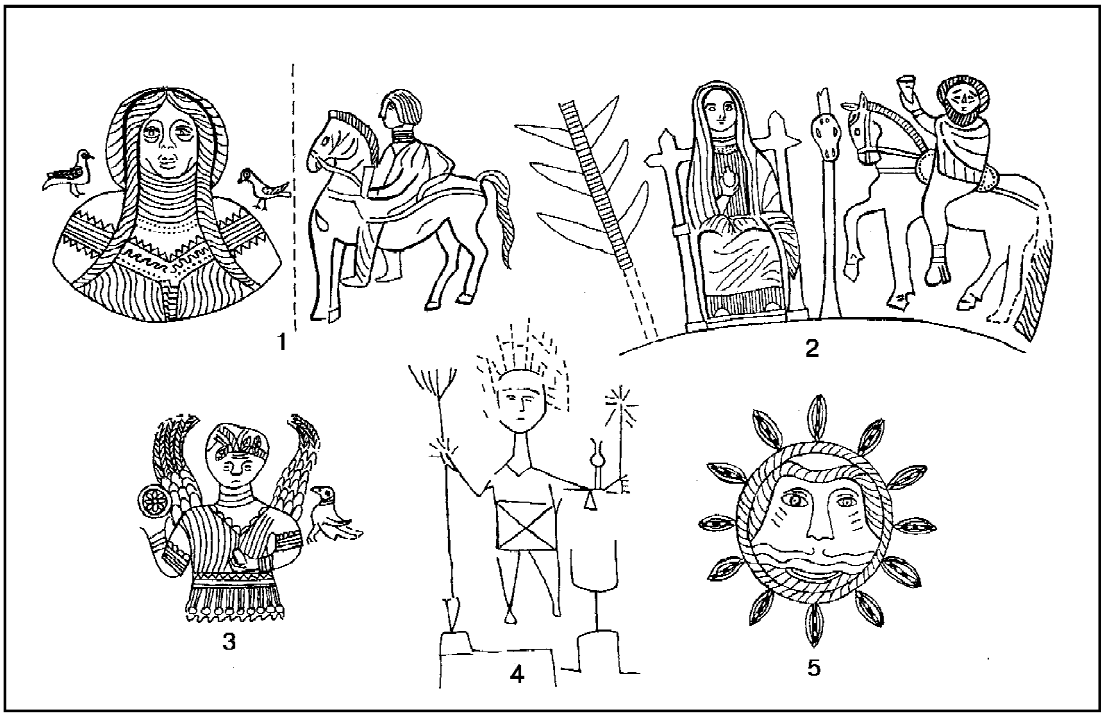

Рис. 1. 1 — Галиче (Болгария), клад 1918 г. (взаимосвязанная композиция на фалярах узды); 2 — Мерджаны (Краснодарского края), обкладка ритона; 3 — Янчокрак (Запорожской обл.), клад 1906 г., фалар; 4 — «Тиха Хрисалиска», крепость аспургиан (Таманский полуостров), графитти; 5 — Балаклея (Харьковской обл.) клад 1929 г., фалар (1 тип из 4). 1-3, 5 — серебро; 4 — камень.

товых сюжетов (Яценко 1994 б: 87-88), позже — при посредничестве уже раннесредневековых аланов, которые обитали в Северном Причерноморье, по последним данным, в довольно большом числе до XV в. (см., например: Бубенок 1997: 110-115).

АФРОДИТА:

1. Афродита Пандемос верхом на козле восходит на звездное небо по лестнице, держит в руке чашу изобилия (по бокам бегут два козленка; над головой Афродиты — два Эрота, солнце и луна, напротив — Гермес с кадуцеем):

• (6) ст. Курчанская (Краснодарский край), 1971 г., случайная находка (серебряный фалар) (Десятчиков 1973: 78).

2. Афродита восседает на животном:

• (7) окрестности Керчи (Республика Крым) (бронзовая пластинчатая пряжка сарматского типа) (частная колл. Г. Аслияна, Москва) (Treister 1996: fig. 37).

3. Афродита-Анадиомена с дельфином у ног:

• (8) городище «Чайка», 1992 г. (С-З. Крым) (терракотовая статуэтка, фрагмент) (Попова 1994: 180).

4. Афродита Анадиомена, выжимающая волосы:

• (9) городище «Чайка» (Республика Крым), 1992 г. (терракота) (не опубликована).

5. Афродита стоит в профиль, опираясь на посох:

• (10) ст. Брюховецкая, курган 3/13 (золотая фибула-брошь с сердоликовой вставкой) (Анфимов 1987: фото на с. 210; Шедевры... 1987: № 144; цв. вкладка).

6. Афродита обнаженная, прикрывающая рукой лоно:

• (11) Кара-Тобе (Республика Крым), 1993 г. (терракота) (не опубликована).

Сюжет с Афродитой Пандемос, поднимающейся на козле на небо, из Курчанской, вероятно, был выбран сарматами не случайно. Дело в том, что в осетинском язычестве существовало представление, что души умерших (живущие, по наиболее ранним представлениям, в верхнем мире, на лугу Курыс или Небесной равнине) разъезжают на козлах (Осетины... 1967: 162).

ТИХЕ:

1. Богиня в каплевидном нимбе стоит, со скипетром и посохом в руках («Тиха Хрисалиска»):

• (12) крепость аспургиан (Азиатский Боспор) (изображение на «закладном камне» крепостных стен) (Сокольский 1975: рис. 4) (рис. 1, 4).

2. Две стоящих рядом анфас Тихе с рогом изобилия в руке:

• (13) Беляус, могила 165/II (Крым) (серебряная фибула-брошь) (Дашевская, Михлин 1983: 145; рис. 9, 6 и 10, 3).

На рельефе из дома Хрисалиска в крепости аспургиан [14] на Тамани богиня выгравирована, по-видимому, стоящей на краю крепостной стены. Здесь же помещена комментирующая изображение греческая надпись «Тиха Хрисалиска»

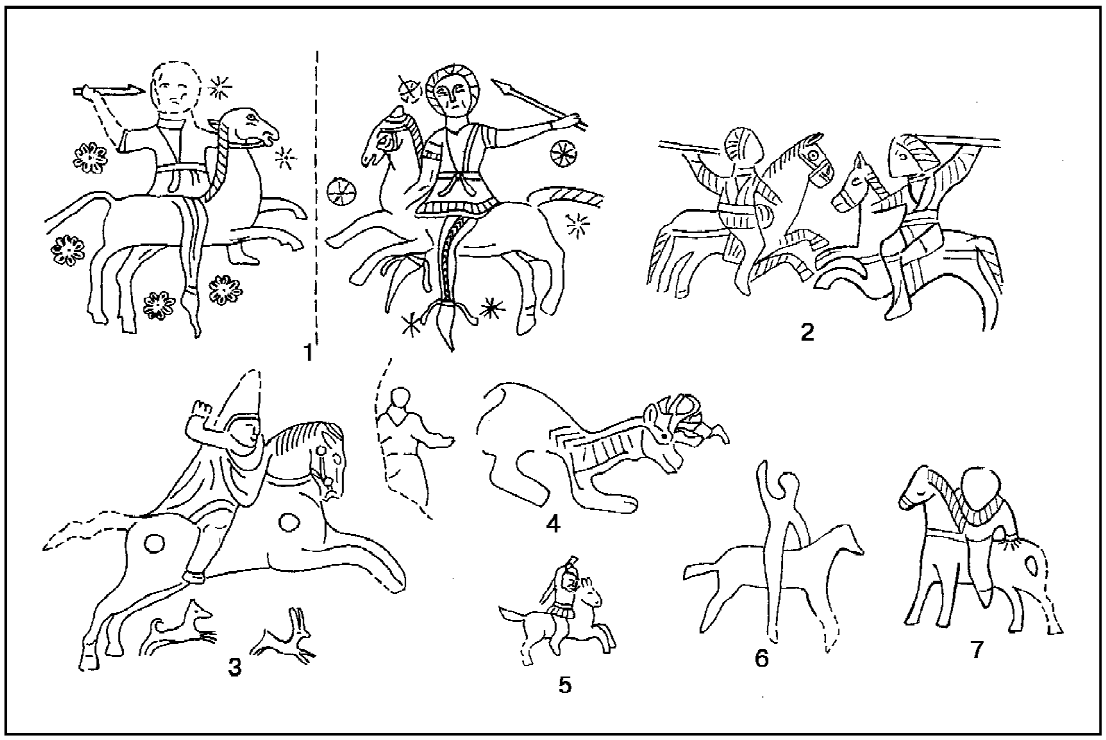

Рис. 2. 1 — Кривая Лука IX (Астраханской обл.), курган 1/17 (взаимосвязанная композиция на фалярах узды); 2 — Нижние Серогозы (Херсонской обл.), пряжка; 3 — Пантикапей, терракота; 4 — Кривая Лука VIII, курган 5/12, поясная накладка; 6 — Соколово II (Днепропетровской обл.), курган 1/1, фибула-брошь; 7 — Мечетсай (Оренбургской обл.), курган 3/11, пряжка. 2,4 — золото; 1 — серебро; 6-7 — бронза; 3 — глина.

и сарматская родовая тамга самого хозяина укрепления — Хрисалиска (самый ранний из достаточно узко датируемых образцов такого рода у сарматской знати). В правой руке богиня держит посох со сложным, разветвленным навершием, а в левой — скипетр, от навершия которого исходит сияние (Сокольский 1975: рис. 4; Сокольский 1976: рис. 31). К иконографии греческой Тихи это варварское изображение не имеет, однако, прямого отношения; вероятно, это синкретический образ на основе сближения Тихи и иранского божества Hvareno (воплощения понятия «фарн»), связанного, помимо прочего, со счастливой судьбой почитателя (Сокольский 1976: 104).

Атрибуты в руках богини, судя по археологическим находкам этого времени, не являлись плодом фантазии резчика. Типологически сходные и близкие по размерам образцы были действительно свойственны знатным дамам соседнего сарматского племени сираков (Яценко 1991: 109-110). Так, посох, подобный атрибуту в руке «Тихи Хрисалиска», известен в нескольких могилах. Верхний конец такого железного кованого изделия (высота которого в Песчаном 1,09 м) украшался изображениями мирового дерева с семью ветвями и четырьмя оленями по бокам (Шедевры... 1987: № 50; фото на с. 122; Ждановский 1989: рис.34, 2; 35; The Treasures... 1991: pl. 75; Raev and oth. 1991: fig. 18). Нижний конец был заострен и иногда имел боковой шип для втыкания в землю [15]. Своеобразный небольшой скипетр из насаженного на рукоять древнего «громового орудия» известен у аристократок (например, Хатожукаевский аул: Гущина, Засецкая 1989: № 65).

НИКА [16]:

1. Стоит анфас с атрибутами в руках:

• (14) хут. Верхний (Краснодарского края), курган 4/2 (бронз. фалар, плакировка позолоченным серебром) (Шедевры... 1987: № 133; фото на с. 123 (нижнее в центре); Марченко 1996: 78-79).

2. Стоит, опершись на колонну, с атрибутом в руке:

• (15) хут. Песчаный (Краснодарского края), курган, погребение 10 (золотая фибула-брошь с сердоликовой геммой) (Анфимов 1987: фото на с. 204; Шедевры... 1987: № 173; цв. вкладка).

БОЖЕСТВО – «ХОЗЯИН ЗВЕРЕЙ»:

1. Сидит на стоящей в профиль лошади /«по-женски»/, по бокам — обращенные к нему и /вставшие на дыбы/ крылатые кони со спирально закрученными собачьими хвостами:

• (16) Чистенькое (республики Крым), курган, находка в насыпи (железная пряжка с бронзовой плакировкой) (Колтухов, Тощев 1998: рис. 22, 5; Зайцев 1999, рис. на с. 141).

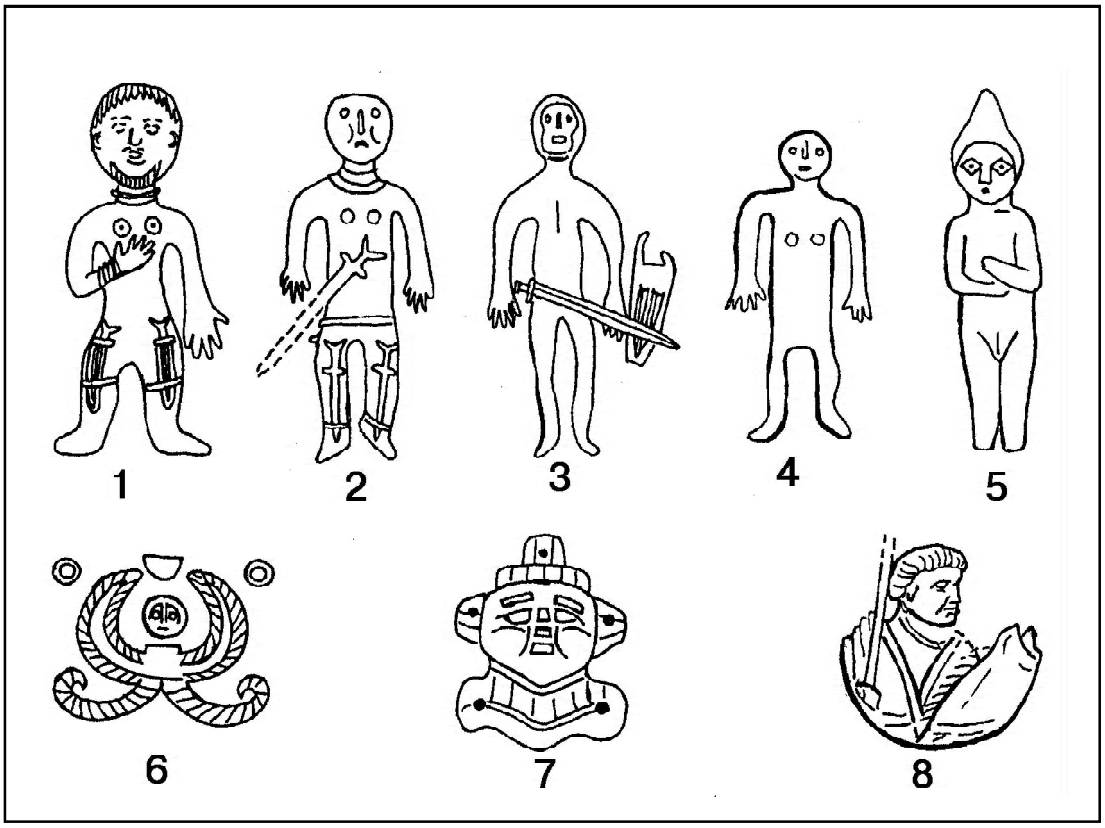

Рис. 3. 1-4 — Сапогово (Челябинской обл.), клад 1900 г. — типы идольчиков (4 из 8); 5 — Балабинский I (Ростовской обл.), курган 27/25, идольчик; 6 — Комарово (Северной Осетии), курган 1/24, бляшка; 7 — г. Новочеркасск, курган 1973 г., бляшка; 8 — Широкая Балка (Запорожской обл.), курган 2/11, фибула-брошь. 6-7 — золото; 1-4, 8 — бронза; 5 — кость.

Изображение на ажурной железной пряжке весьма примитивно и пока не имеет близких аналогий [17].

ДВА ВСАДНИКА, СТОЯЩИХ ЛИЦОМ ДРУГ К ДРУГУ:

1. Между всадниками — зеленое дерево:

• (17) ст. Воздвиженская (Краснодарского края), курган, впускное погребение (фрагменты серебряного канфара) (Гущина, Засецкая 1989: 88,101- №50; таб. IV, 50; Яценко 1992 а: таб. 14, 6)

Этот сюжет (несмотря на значительные утраты, он в общих чертах восстанавливается) имеет прототипом (включая разделяющее всадников зеленое деревце) известную сцену на ритоне IV в. до н.э. из Карагодеуашха в той же «варварской» части Прикубанья. Впрочем, в Воздвиженской деревце находится за спинами персонажей, а не между ними. Этот сюжет, как известно, не выводится из античной иконографии и не известен на территории Скифии. На обоих изображениях, а также на более поздних надгробиях Пантикапея и Фанагории I-II вв. (одно пантикапейское надгробие I в.н.э. практически во всех деталях, кроме трупов убитых и дерева, передает созданную 5 веков ранее композицию: Kieseritzki, Watzinger 1909: № 683), левый персонаж является объектом приветствия, а точнее — преклонения (стоит на особом постаменте, держит скипетр одной рукой, сосуд — другой и т.п.). Ю.А. Виноградов видит в этой сцене адорацию не конного бога, а некоего эпического героя-победителя, готовящегося вступить в священный брак с богиней (образ которой в западной камере кургана, как известно, отсутствует) (Виноградов 1993: 70). К сожалению, ему остались неизвестными как иконографические аналогии этой сцене в целом на Боспоре в последующее время, так и левому персонажу с его атрибутами на согдийских терракотах, а его мнение о том, что он держит не скипетр, а копье (Там же: 69), пока не получило поддержки (см. подробнее: Яценко 1992 а: 196-197; Яценко 1999 а: 283).

ВСАДНИК:

1. Скачет с поднятым дротиком вправо:

• (18) Неаполь Скифский (Керменчик) (Республика Крым), случайная находка (каменный рельеф) (Шульц 1946: рис. 19; Высотская 1979: 182; рис. 85) (прямой пробор, волосы до плеч, нераспашная одежда — до бедер, свободные штаны резко сужаются внизу, не заправлены: «конный Палак»).

• (19) Соколово II, курган 1/1 (бронз. фибула-брошь) (Днепропетровская обл.) (Костенко

1979: 192-199; рис. 3, 2; Смирнов 1984: 107; рис. 50, 2) (рис. 2, 6);

• (20) Тавель (Республика Крым), курган 2 (бронзовая фибула-брошь) (Дашевская 1991: рис. 65, 3).

2. Скачет, замахиваясь мечом [18]:

• (21) Беляус (Республика Крым), могила 90, скелет IX (бронзовая фибула-брошь) (Дашевская, Михлин 1983: 138-139; рис. 5, 14) (рис. 2, 5).

2. Скачет с собакой на зайца («охотник»):

• (22) Пантикапей, курганы 1886 и 1913 гг. (терракоты II-I вв. до н.э.) (Силантьева 1974: 34-35; рис. 46, 1,3);

• (23) Фанагория, 1954 г. (терракоты) (с I в. до н.э.) (Кобылина 1974: 27; рис. 29, 1);

• (24) Таманский толос (Таманский п-ов) (терракота) (Сокольский 1976: рис. 58, 3).

3. Стоящий:

• (25) Мечетсай (Оренбургская обл.), курган 3/11 (бронзовая пряжка) (Смирнов 1975: рис. 34, 9) (рис. 2, 7);

• (26) Мирмекий (терракота) (Пругло 1977: 178; рис. 1, 1).

Образ скачущего с копьем вправо всадника, несомненно, имеет греческие прототипы. В их числе — более ранние изображения IV-II вв. до н.э., найденные в Северном Причерноморье. Например: надгробие IV в. до н.э. из Фанагории (Kieseritzki, Watzinger 1909: № 559), скифские бляшки из кургана Куль-Оба (Артамонов 1966: таб. 253,255) серебряные бляшки из Федуловского клада под Таганрогом (Спицын 1909: 23; рис. 48; Берхин 1962: 37-39; Засецкая 1965: рис. 6; Мордвинцева 1996 а: 11,19) [19] и в тризне могилы 140 Тенгинского могильника на Кубани (стеклянная подвеска в золотой оправе, раскопки Е.А. Бегловой 1998 г.) [20].

Из изображений конного воина с дротиком наиболее интересны в плане реалий созданные в античном духе образцы из Малой Скифии — из Неаполя Скифского (волосы до плеч с прямым пробором, нараспашная одежда длиной до бедер, свободные штаны, резко сужающиеся внизу и не заправленные в обувь) и Беляуса (на степной лошади, в колпаке и кафтане; левой рукой держит уздечку, правой — копье).

«Колоритный культ» скачущего варварского всадника — «охотника» в Северном Причерноморье (прежде всего — на Боспоре) сложился как раз во II-I вв. до н.э. под непосредственным влиянием кочевого мира (Крыкин 1986: 79-80; Крыкин 1993: 212; 201-202 — сводка разновременных находок) и к концу I в. до н.э., возможно, даже стал государственным (Пругло 1977: 182). Нет смысла искать его истоки во Фракии (Крыкин 1993: 17). Спокойно стоящий всадник также выводится из греческой иконографии (Там же: 212), но в наших случаях имеет кочевнические костюм и другую экипировку. В отличие от персонажа на скифских бляшках, сарматский «охотник» — безбородый юноша. На боспорских терракотах фигура охотника часто дополняется не только зайцем, но и бегущей собакой (рис. 2, 3); изредка он держит в руках уже пойманного зайца (Яценко 1992 а: 198-199). Весьма вероятно, что речь идет о сарматском мифо-эпическом сюжете. Прежде всего, вспоминается сохранившийся в осетинском нартском эпосе обломок древнего мифа о поимке Хамыцем на краю земли в образе белого зайца своей будущей жены — богини Бценон, на который впервые обратил внимание еще В.Ф.Миллер (Там же: 196).

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ЭПИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ С ПОЕДИНКОМ [21]:

1. Поединок двух всадников-копейщиков (правый персонаж акцентирован атрибутами):

• (27) Кривая Лука IX (Астраханская обл.), курган 1/17 (серебряные фалары) (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1981: 102-103; рис. 2-3) (рис. 2, 1);

• (28) Нижние Серогозы (Херсонская обл.) (индикация золотой пряжки) (Ростовцев 1913: таб. LXXV, 3) (рис. 2, 2).

2. Мужчина ловит арканом (?) гигантского хищника с рогами оленя:

• (29) Кривая Лука VIII (Астраханская обл.), курган 5/12 (золотая накладка пояса) (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1989: рис. 1, справа) (рис. 2, 4).

3. Мужчина ведет на поводу коня (золотая накладка пояса)

• (30) Там же (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1989: рис. 1, слева).

4. Богиня (Афина/Ордохшо) борется с гигантом; слева — отрубленная голова другого гиганта:

• (31) хут. Северский, 1881 г., В.И. Сизов (Смирнов 1953: 32, 37, 41-42; таб. VIII; Анфимов 1987: 183-18; фото на с. 176, 188-189) [22].

Из этих оригинальных (и явно сделанных варварским мастером) сцен особенно интересно изображение в Кривой Луке. Здесь из двух сражающихся безбородых всадников симпатии заказчика явно на стороне правого персонажа (его противник скромнее одет и имеет уродливого коня). Поединок носит почти космический характер, т.к. происходит на фоне звезд и солярных знаков. В нартском эпосе осетин есть один «подходящий сюжет» об итоговом поединке солярного героя Сослана и выходца из нижнего мира Тотраза в дни будущей гибели мира (Яценко 1992 в: 68).

Изображение на поясной накладке из Кривой Луки VIII представляет большой интерес в плане восточных (сакских) иконографических параллелей. Монстр, представляющий собой кошачьего (тигра) с рогами оленя, изображался в пазарыкской культуре Алтая (Туэкта, курган 1: Руденко 1960: рис. 87), а после завоевания Бактрии юэжчами — на золотых ножнах кинжала в могиле 4 в Тилля-тепе (Sarianidi 1985: pl. 162, 166). У пазырыкцев известно и представ-

ленное на криволукском поясе сочетание двух сюжетов с подвигами героя рядом, на одной стороне предмета — герой с лошадью, которую он держит за повод стоящей (или лежащей, если он сам лежа подкрадывается), и поединок пешего героя с опасным хищником (см. ритуальный кинжал с р. Ачик: Суразаков 1979: рис. 2,а).

ПОГРУДНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ МУЖСКОГО ПЕРСОНАЖА:

1. Изображение анфас:

• (32) г. Новочеркасск (Ростовская обл.), курган 1973 г. (золотые бляшки края женского покрывала) (Максименко, Савченко 1984: 157; Яценко 1992 а: рис. 6 (7)) (рис. 3, 7) [23];

• (33) Лятошинка (Волгоградская обл.), курган 6/2 (бронзовая восьмеркообразная пряжка) (Железчиков, Фалалеев 1995: рис. 19, 3);

• (34) Ильтуганово (Башкирия), случайная находка 1956 г. (бронзовая восьмеркообразная пряжка) (Садыкова 1962: 270; рис. 8, 2).

2. Изображен в полупрофиль, с копьем в правой руке, одет в кочевнический кафтан, верхом на лошади:

• (35) Широкая Балка (Запорожская обл.), курган 2/11 (серебряная фигула-брошь со щитком в высоком рельефе) (Евдокимов, Куприй 1992: 10; рис. 7, 4-5) (рис. 3, 8) [24].

ИДОЛЬЧИКИ [25]:

а) мужские:

1. Стоящий мужчина анфас:

варианты: с парой кинжалов на бедрах, правая рука прижата к груди, на шее — золотая миниатюрная гривна (рис. 3, 1); стоит, вытянув руки вдоль туловища, с мечом у пояса и двумя кинжалами у бедер (рис. 3, 2); с мечом у пояса, кинжалом у правого бедра и колчаном — у левого; сходный с предыдущим, с мечом и колчаном, но без кинжала (рис. 3, 3); без атрибутов: с круглой (рис. 3, 4) и уплощенной головой:

• (36) Сапогово (Ново-Бурино) (Челябинская обл.), 1900 г. (бронзовые фигурки) (Зуев 1993: рис. 1-2; Яценко 1999: 284-285; Яценко 2001 а) (рис. 3, 1-4).

2. Всадник на быке:

• (37) Курганинск (Краснодарский край), курган 1986 г., святилище (бронзово-железная статуэтка) (Закубанье) (Каминский, Берлизов 1987: 47-48; Берлизов и др. 1995: таб. 4 в; № 97).

3. Обнаженный мужчина с поднятыми вверх и разведенными в стороны руками:

• (38) хут. Чернышев, Серегинский курган 1/17 (бронзовая подвеска) (Шедевры... 1987: № 141; фото на с. 129, слева).

б) женские:

4. Колени слегка подогнуты, руки сложены на груди:

• (39) Балабинский I (Ростовская обл.), курган 27/25 (известняк, прическа прочерчена краской) (Узанов 1997 а: 373; Узянов 1997 б: рис. на с. 122);

• (40) Там же (кость, в головном уборе) (Узянов 1997 а: 370; альбом д, рис. 1196-1199; Узянов 1997 б: 122) (рис. 3, 5).

в) неопределенного пола:

5. Фигурка со схематично выделенными головой и рукой:

• (41) Кара-тобе (Республика Крым), 1992 г., помещение 16, полевой № 2138 (известняк) (не опубликована).

6. Имитация античной терракоты; стоящий анфас:

• (42) Кара-Тобе (Республика Крым), 1993 г., полевой № 2619, фрагмент (на деревянном каркасе) (не опубликована).

Идольчики из с. Сапогово весьма детально описаны и интерпретированы (Зуев, 1993: 95-102; Яценко 1999: 284-285). Этот набор из бронзовых фигурок 8 типов, видимо, был создан в Южном Зауралье протоугорским мастером по заказу «сарматской» знати. Мною уже отмечались сибирские истоки иконографии элементов некоторых из образов данного комплекта. Наиболее простые, лишенные атрибутов типы сапоговских бронзовых фигурок (Ж и Д по В.Ю.Зуеву) имеют довольно близкие аналогии в металлической пластике аборигенов урало-приобского региона вплоть до XX в. (см., например: Иванов 1970: рис. 41, 2). Однако сказанное не означает, что набор сапоговских идолов отражает именно идеологию *угорских* соседей сарматов. Напротив, его можно сопоставить (по облику персонажей, подчеркиванию на них парадных гривен и кинжалов «раннесарматского» облика) только с синхронной серией антропоморфных кочевнических изваяний плато Устюрт (святилища Байте).

По мнению В.Ю. Зуева (Зуев, 1993: 99,101) здесь изображены, фактически, отчасти представители разных слоев местного кочевого общества. На наиболее значимом в наборе типе фигурок переданы парадные многовитковые браслеты, на шее — миниатюрные гривны из золотой проволоки, детально изображена прическа. У бедер подвешены 2 однотипных кинжала (уникальный случай в искусстве ранних кочевников!) (рис. 3, 1). «Человечек» передан в очень редкой для раннекочевнического искусства «танцующей» позе (по В.Ю. Зуеву — поза всадника). Все это представляет большой интерес и еще нуждается в более детальном осмыслении [26].

Фигурка всадника верхом на быке из святилища в Курганинске имеет прямую аналогию в осетинском язычестве: иранцы так представляли себе (верхом на диком быке) божество — громовежца, покровителя земледелия (что немаловажно для сираков — единственного сарматского этноса, активно занимавшегося земледелием (Strabo. Geogr. XI. 2. 1) (Яценко 1992 а: 199). Датировка этого кратковременного святилища менялась: сегодня Н.Е. Берлизов склонен относить к середине I в. до н.э. (Бер-

лизов 1999: 15), а не к самому концу I в до н.э. — I в. н.э., как ранее (Берлизов и др. 1995: 122-125), то есть он вернулся к собственной первоначальной датировке (Каминский, Берлизов 1987: 47-48).

Два идольчика из погребения девочки в Балабинском I на левобережье Нижнего Дона имеют характерную позу со слегка подогнутыми ногами и сложенными на груди руками [27]. Скульптурки положены рядом с хозяйкой в той же позе и на том же боку, что и она [28]. Вероятно, типологически сходные идольчики с расписным лицом известны в женских могилах кочевников античной Ферганы (могильник Ташрават) (Брыкина, Трунаева 1995: 76-78). В связи с этим важны бытовавшие еще недавно в Средней Азии представления о том, что при определенном состоянии трупа к моменту похорон («мягкое» тело) он мог увлечь с собой в могилу кого-то из близких или друзей, и, чтобы это не произошло, ему в могилу клали специальную куклу-«спутника» (Брыкина 1987: 55-57; Брыкина, Трунаева 1995: 79-80; Яценко 1996 б: 143).

Каменная фигурка из Кара-Тобе высотой около 40 см и шириной до 35 см переделана из нижнего выступа-шипа более древнего скифского изваяния. Она найдена в жертвенной ямке под полом жилого здания вместе с костями барана. Идольчик при этом упал головой вниз (возможно — случайно). Терракотовый идольчик с того же городища сохранился плохо (уцелели только голова и правое плечо). Ширина в плечах была около 7 см. На лице нос изображен рельефным защипом, глаза и рот — небольшими круглыми налепами. Голова сзади уплощена, лицо выступает округло.

БОГ СОЛНЦА (АПОЛЛОН, ГЕЛИОС И «САРМАТСКОЕ» БОЖЕСТВО):

1. Голова в сиянии (серебряные фалары):

• (43) Балаклея, 1929 г. (Харьковская обл.) (Смирнов 1984: 84; рис. 37, 3-4; 38, 1-2, 4) (рис. 1, 5).

2. Голова Гелиоса анфас в сиянии (греческая иконография):

• (44) хут. Элитный (Краснодарский край), 1977 г. (золотой медальон) (Анфимов 1986: 191; рис. 1, 4; Анфимов 1987: фото на с. 200);

• (45) ст. Старо-Титоровская (Краснодарский край), курган 2 1845 г. (серебряные фалары) (Десятчиков 1973: 77).

3. Юный Аполлон (?) погрудно анфас:

• (46) Неаполь Скифский (Республика Крым), Мавзолей, каменная гробница (золотые бляшки) (Шульц 1953: 22; таб. I, а; Зайцев 1994: 96).

4. Аполлон в плаще, стоит с лирой:

• (47) Тенгинский могильник (Краснодарский край), погребение 177, раскопки Е.А. Бегловой 1999 г. (золотая подвеска к ожерелью с геммой) [29].

5. Изображение божества по бёдра, анфас, в лавровом венке. В правой руке — круглый предмет с солярной розеткой (фиала?), в левой — неясный предмет («плод»); слева подлетает птица (голубь?):

• (48) с. Янчокрак (Запорожская обл.), клад 1906 г. (серебряный фалар) (Гущина 1969: 44; рис. 1, 1; Смирнов 1984: 104, 110-113; рис. 48) (рис. 1, 3).

Полуфигура Аполлона в окружении коней представлена еще в III-II в. до н.э. на бляхе из Федуловского клада (Спицын 1909: рис. 45). Популярность, наряду с Аполлоном, образа Гелиоса соответствует и синхронной информации по парфянскому Ирану: там Митра ассоциировался именно с Гелиосом (Strabo. Geogr. XV. 3. 13). На Боспоре в образе Митры-Гелиоса на золотой пластине, возможно, был изображен выходец из сарматского мира царь Аспург (Астахов 1986: 14).

Персонаж на фаларе из Янчокрака (рис. 1, 3) сочетает в себе элементы иконографии эллинских и греко-варварских божеств с добавлением специфических варварских бытовых реалий (см. выше). Это затрудняло даже определение его пола, не говоря уже о связи с конкретным греческим или греко-иранским прототипом. М.И. Ростовцев видел в этом персонаже «Митру в виде иранизованного *Аполлона*» в сочетании с элементами иконографии крылатого гения Suparna и приводил ряд кушанских (более поздних) иконографических параллелей (Ростовцев 1993: 45).

Позже К.В. Тревер считала янчокракское божество сходным с изображением бактрийской «Ники» — Хванинды эллинистического и кушанского времени с элементами иконографии Тихе (Тревер 1940: 64-67; таб. 13) (фактически, основанием для этого являлся только предполагаемый плод (?) в левой руке) и даже допускала, что в руке божества может быть колесо римской Фортуны (Там же: 65-67). Присоединившись к ней, И.И. Гущина считала этот персонаж «великой богиней» (Гущина 1969: 49). Эта версия возникла, к сожалению, из-за недостаточного знакомства с иконографией Аполлона. В самом деле, именно у Аполлона мы видим, как и в Янчокраке, в поднятой правой руке круглый предмет, а в левой — какой-то небольшой плод (Lexicon... 1984: Apollo: №53). В другом иконографическом варианте он, как и в Янчокраке, держит в правой руке фиалу (см. также №449; в других случаях это бронзовый диск: Ibid.: №302 g), а рядом, у его плеча находится птица[30] (Ibid.: №455). Венок на голове на нем видим не только в ипостаси кафереда (Ibid.: №332 a). Что касается *сарматской богини* с парой подлетающих к плечам птиц на фаларе из Галиче и в более позднее время — на золотой диадеме I-II вв. из кургана Хохлач (Treister, Yatsenko 1998: fig. 15), то при ней изображены *две птицы*, а не одна (к тому же это явно — хищные орлы) [31].

На щеках солнечного божества с фаларов из Балаклеи в одном случае изображена татуировка в виде трех параллельных полос на каж-

дой щеке. Сходная татуировка изображена на щеках солярного божества со щитка золотого перстня местной работы из сакского кургана IV-III вв. до н.э. Иссык в Семиречье (Акишев 1983: фото на с. 103).

ДИОНИС:

1. Сидит на пантере сзади (фалары) [32]:

• (49) Таганрог (Ростовская обл.), 1897 г. (1 из 6 серебряных позолоченных фаларов) (Спицын 1909: 27; рис. 54; Смирнов 1984: 74-75) [33];

• (50) хут. Северский (Краснодарский край), 1881 г. (Смирнов 1953: 32, 37, 41-42; таб. VIII; Анфимов 1987: 183-18; фото на с. 176, 188-189).

ОТДЕЛЬНЫЕ ГОЛОВЫ И СЕРИИ ГОЛОВ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ АНФАС:

1. Мужская голова; женская голова:

• (51) г. Кореновск (Краснодарский край), курган 1968 г. (серебр. фалары в ведерке) (Анфимов 1987: 181; фото на с. 198-199; Марченко 1996: 79-80).

2. Мужская голова:

• (52) с. Бубуечь (Молдова), клад (бронзовые фалары?) (Полин 1992: 50-53; рис. 9, 3-4);

— (53) с. Великоплоское (Одесской обл.), «клад» 1964 г. (бронзовая бляха) (Полин 1992: 53-55; рис. 10, 8).

3. Мужская усатая голова; левее — отрубленная рука с предплечьем, сжимающая другую отрубленную голову (ряд изображений):

• (54) Зубовский курган (Краснодарского края). колл. Университета Филадельфии (золотая фибула-брошь) (From the Land... 1975: №13).

4. Голова Горгоны:

• (55) хут. Верхний, курган 4/2 (фалар бронз., плакировка позолоченым серебром) (Шедевры... 1987: № 132; фото на с. 123, верхнее в центре; Марченко 1996: 78-79).

5. «Голова гиганта»:

• (56) хут. Северский (Краснодарского края), 1881 г. (Смирнов 1953: таб. VIII; Анфимов 1987: 183-18; фото на с. 176, 188-189).

6. Две-три головы в ряд:

• (57) с. Бубуечь (Молдова), клад (бронзовые подтреугольные пластины) (Полин 1992: 50-53; рис. 9, 1-2);

• (58) городище «Чайка» (Республика Крым), глиняный лепной сосуд (две головы, переданных налепами) (Попова 1996: 76; рис. 4).

Традиция изображения отдельной головы анфас, несомненно, восходит в Прикубанье к более ранним (III-II вв. до н.э.) бляшкам и золоченым глиняным медальонам с изображением отрубленной головы Горгоны Медузы (Шауб 1991; Малышев 1992: рис. 2; Шедевры... 1987: № 139), к фаларам с аналогичным образом (Атанизовская, 1900 г.: Спицын 1909: 19-21; рис. 16, 21, 25) [34] и к бляшкам IV в. до н.э. (где отрубленную голову держит в руке змееногая богиня с иконографией Кибелы). Предполагается связь этого образа с заупокойным культом (Малышев 1992: 53-54) или мужским воинским (Шауб 1987: 16). Культовые действия с отрубленной головой совершались и боспорскими греками рубежа IV-III вв. до н.э. (Масленников, Бужилова 1999:175-179).

Более корректно, видимо, говорить об особом отношении к *отрубленной* голове, близком по содержанию у многих народов мира. В этом смысле важен фрагмент греко-синдского надгробия необычного облика, найденного в 1988 г. на поселении IV-II вв. до н.э. на древнем острове дельты Кубани у нынешней ст. Благовещенской. На нем представлен персонаж, держащий в правой руке отрубленную мужскую голову анфас (любезная информация А.М. Новичихина, май 1994 г.). В том же контексте можно воспринимать находку латенских (?) бронзовых фаларов узды из клада в с. Бубуечь в Молдове (Полин 1992: 50-53; рис. 9, 1-4).

ВЫВОДЫ

Рассмотрение по сюжетам выявляет *разительные отличия* их набора во II-I вв. до н.э. у ираноязычных народов Сарматии как от более ранних скифов-сколотов, так и сармато-аланов среднесарматской и позднесарматской культур. Куда исчезли столь хорошо известные в Скифии изображения Геракла, Афины, Ахилла, Пана, силенов, менад, сирен, сфинксов и нереид (Горгона и Змееногая богиня «сохранились» только в Прикубанье и соседнем Центральном Предкавказье) (ср.: Раевский 1985: 163-179)? Им на смену пришел *совсем другой* набор греческих божеств, ассоциируемых с божествами новых пришельцев (прежде всего — Афродита и Аполлон или Гелиос, реже — Тихе, Ника и Дионис) [35].

Появились новые собственно сарматские сюжеты — скачущий и стоящий всадники с оригинальной иконографией, оригинальные эпические (?) сцены поединков, очень разнообразные по облику идольчики, а также отдельные личины и погрудные изображения, «хозяин зверей». Единичные сюжеты, известные еще в скифское время *у меотов* (два всадника, стоящих лицом друг к другу; змееногая богиня) сохранились, естественно, *только в Прикубанье* (и прилегающем Центральном Предкавказье); однако эти сюжеты воплощены иначе, с другими бытовыми деталями и т.п. В этом смысле нужно серьезно уточнить популярное до сих пор заявление, что «сарматы не принесли с собою ни новых видов памятников, ни новых принципов изображений» (Сокольский 1967: 203). Действительно, искусство непосредственных предков «ранних сарматов» было, вероятно, в плане антропоморфных образов *почти аниконическим* («не считая» разнообразных идольчиков, не известных скифам). Однако уже на их средне-

азиатской (или даже южносибирской?) прародине они, несомненно, были знакомы с искусством Греко-Бактрии и Парфии. Часть необходимых антроморфных изображений могла быть заказана или получена от греческих, юэчжийско-бактрийских и парфянских соседей еще в Средней Азии. Позже контакты с соседними Боспором и меотами позволили воплотить гораздо большее число образов давно известных божеств и эпических героев. (Не забудем, что внешний облик подобных персонажей часто детальнейшим образом *устно описывается* в мифах и эпосе кочевников, и пока нет никаких оснований видеть в этом только описание сделанных «цивилизованными» соседями *предметов торевтики* и т.п.: Яценко 2000 а).

Позже, в сер. I — сер. III вв. н.э., картина опять радикально меняется. С приходом аланов и ряда других племен мы видим совершенно новый набор греко-римских божеств — Эрота, Силена и Афину/Минерву, причем только в погребениях знатных *женщин* (Яценко 1996 в: 19-20). «Туземные» образы также почти все *совершенно иные* [36], прежде всего — восседающий на барсе бог-«монголоид», барано-люди, усмиряющие китайского дракона, сидящий потурецки мужчина с сосудом в руках, бог со звериными ушами, охота на кабана, птиц или грифона, скачущий всадник с плетью в руке, богиня с древесным листом в руках и т.д. (Яценко 1992 а: таб. 1, №№ сюжетов 1,7-8,14-16,19,22-27, 29-30, 32-34,37,39,42).

Категории изделий

Всего учтены 54 комплекса с находками антропоморфных изображений в сарматских и «позднескифских» погребениях и других ритуальных комплексах, в ряде городов и крепостей Боспора и Малой Скифии а также — изделий сарматских типов и с сарматской иконографией — на территории боспорских городов и крепостей. Более трети изделий (20) относится к предметам костюма, почти исключительно — женского (видимо, к ним следует добавить некоторые идольчики, носившиеся в ожерелье). Из отдельных категорий изделий на первом месте стоят фалары узды (12). Фибулы-броши — 8; идольчики — 8; пряжки — 7; терракоты античного производства — 5; бляшки золотые и бронзовые — 4; сосуды (ритоны, канфары, лепные керамические) — 4; каменные рельефы — 3; подвески и медальоны ожерелий — 2.

Около половины антропоморфных изображений, найденных вне боспорских поселений (24 из 49), в отличие от предшествовавшей скифской эпохи, вписано в круг (т.к. предназначалось для таких типов изделий, как фалары узды, фибулы-броши, медальоны и др.).

Интересно, что предполагаемые сцены из эпоса (или те иноземные изображения, которые явно могли так восприниматься) с единоборством двух воинов (Кривая Лука IX, Северская) встречены на узде I типа по классификации В.И.Мордвинцевой (Мордвинцева 1998: 55-56; рис. 3, 1). Напротив, погрудные или поясные изображения мужских и женских божеств анфас (Балаклея, Кореновск, Янчокрак) известны только на узде II типа (Там же: 56-60). Все эти сильновыпуклые фалары, по мнению И.И. Марченко, изготовлялись не позже сер. I в. до н.э. (Марченко 1996: 81).

Племенная специфика

Определение этноплеменной принадлежности находок на сегодняшний день во многих районах может быть лишь *приблизительным*. Находки территориально распределились следующим образом. Предполагаемые земли сираков в Прикубанье (отчасти — аспургиан и других мелких племен) — 16 (именно здесь найдены *все* массивные *золотые* изделия — фалары, броши, медальоны и подвески) [37]; Малая Скифия — 12; Нижнее Поволжье и Южное Приуралье (занятые объединением верхних аорсов) — 7; территория собственно Северного Приазовья (к востоку от Сиваша) и северная часть днепровского степного Левобережья, а также находки к западу от Днепра (Нижний Днестр и Фракия), вероятно, связанные с язигами [38] — 6; южная часть левобережья Нижнего Днепра (территория роксоланов) — 3; Нижний Дон (земли аорсов) и, возможно, Центральное Предкавказье [39] — 3.

1. Сираки

Этот этнос, как уже отмечалось, занимает первое место по «антропоморфизации» искусства. Некоторые сюжеты встречены только здесь и неоднократно (изображения богини на троне и подъезжающего всадника, а также двух стоящих напротив всадников на серебряных сосудах; Ника и Гелиос на изделиях греческой работы; изображения отдельных *голов* античных персонажей, неоднократно встречены Афродита и Аполлон. Большинство антропоморфных образов представлено на фаларах, а также на фибулах-брошках, серебряных сосудах и подвесках ожерелий.

Показательно, что в Сиракене (где, наряду с сираками, обитали различные неиранские племена меотов) все известные фалары узды связаны только с сарматскими комплексами (Марченко 1996: 78). Специфические «клады» снаряжения знатных воинов-всадников II-I вв. до н.э., включающие серебряные позолоченные фалары, по А.В. Симоненко были особыми поминальными комплексами, т.к. не сопровождались человеческими захоронениями и были впущены в природные возвышенности или более ранние курганы. (Существует и противоположное мнение: эти наборы *всегда* связаны с находящимися рядом погребениями: Мордвинцева 1998: 58). Судя по облику типообразующих вещей, исходным районом носителей этой тради-

ции была *прикубанская Сиракена*. Западные элементы этих кладов (шлемы, кельтские подковообразные псалии и др.) были результатом участия в Митридатовых войнах нач. I в. до н.э. (Симоненко 1993: 89-90). В.И. Мордвинцева считает серию находок фаларов II типа узды между Доном и Днепром принадлежавшими роксоланам, но игнорирует при этом находки этого же типа *на Кубани* (Кореновск, Новождерелиевская) (Мордвинцева 1998: 59-60). Вероятно, действительно такая узда (найденная преимущественно на роксоланской территории), отражает связи Кубани и Северного Приазовья (политические и художественные).

2. «Поздние скифы» и сатархи

Один из характерных для «Малой Скифии» сюжетов — скачущий вправо всадник с дротиком или мечом (на фибулах-брошках и каменном рельефе из Неаполя); вероятно, отсюда же попала и брошь с таким сюжетом на соседнее левобережье Нижнего Днепра (Соколово) (в других районах этот сюжет отсутствует).

Совершенно оригинален *набор греческих изображений хтонических женских божеств* эллинизированной «позднескифской» знати из «мегарона Н» в Неаполе. Здесь представлены Геката (мраморная призматическая герма), Деметра и Кора-Персефона (крупные терракоты с полихромной росписью) и самое крупное изображение на известняковой герме, которую Ю.П.Зайцев склонен связывать с известной по пантикапейской надписи скифской хтонической (?) богиней *Дитагойей* (Зайцев 1999: 146). Такой набор греческих образов не совпадает с найденным на «рядовых» синхронных «позднескифских» памятниках (см. выше) и, несомненно, отражает присутствие греков в Неаполе.

Оригинальная попытка изобразить местное божество — «Хозяина зверей», аналогичного алано-осетинскому Афсати, отражена на поясной пряжке из кургана у с. Чистенькое [40]. Катакомбное захоронение у с. Чистенькое, где оно найдено, необычно для Крыма и связывается сегодня с *сатархами* (Зайцев 1999: 144). Наконец, в Малой Скифии известны неоднократные изображения Афродиты на терракотах, единичные — Тихе и Аполлона на предметах костюма. Антропоморфные образы представлены, прежде всего, на терракотах, каменных рельефах и фибулах-брошах, а также единичных пряжках, нашивных бляшках и идольчиках.

3. Верхние аорсы

Изображаются исключительно мужские персонажи. Золото и серебро известны лишь в двух случаях в Поволжье. При этом предполагаемые эпические сюжеты (поединок двух всадников; борьба героя с чудовищем) известны только в Поволжье. Возможно, также эпический герой представлен на стоящем коне на пряжке из Мечетсая. Типичны изображенные *в бронзе* погрудные образы, отдельные головы и небольшие идольчики. Большинство сюжетов здесь представлено на пряжках и фаларах, а также на накладках поясов и в виде идольчиков.

4. Языги

На собственно языгских (по А.В. Симоненко) территориях известны эллинистические персонажи (Дионис на пантере и солнечное божество) и «позднескифский» (? — см. выше) скачущий всадник с копьем наперевес. Изображения встречены на фаларах или брошках.

Проникновение сарматов (скорее всего, речь идет, в первую очередь, о языгах) в низовья Днестра и даже за Дунай стало возможно, видимо, во 2-й половине I в. до н.э. — после распада гетского царства Буребисты (см., например: Сырбу, Быркэ 1999: 246). Фалары из Галиче, видимо, попали на юг от Дуная в захоронение какого-то погибшего во время набега знатного сарматского воина как своего рода семейная реликвия (об их датировке см. прим. 41).

5. Роксоланы

На их землях изображения известны по одному экземпляру как на фаларах, так и на предметах костюма — фибулах-брошках и пряжках. Персонажи — мужские (воин с копьем погрудно; поединок двух всадников). Пожалуй, наиболее оригинальный образ — предполагаемый вариант греко-индийской иконографии «Аполлона» в специфически юэчжийско-кушанском костюме на фаларе из Янчокрака (см. выше).

5. Аорсы

На аорсской территории изображены погрудно или в виде идольчиков местные персонажи, а также древний сюжет — змееногая богиня. Эти изображения представлены, в основном на золотых бляшках женского костюма.

7. Боспорские города

Только здесь известны терракоты со всадником-«охотником» сарматского облика, а также пряжки сарматских типов с изображениями античных богинь.

ВЫВОДЫ

Резко преобладают находки на территории сираков, несколько уступают им «поздние скифы». Иными словами, наибольшее число антропоморфных изображений связано с двумя этнополитическими массивами, расположенными наиболее близко к античным центрам. *Племенная специфика в наборе сюжетов* (как античных, так и варварских) проявляется довольно явственно также именно у этих двух групп. Интересно, что у наиболее удаленных от греческих городов объединений (верхние аорсы, роксоланы) встречены только *мужские* персонажи. Находки фибул-брошей происходят из районов Приазовья (т.е. из зоны косвенного греческого влияния); идольчики также представлены лишь в низовьях Кубани, Дона и в Малой Ски-

фии. Заметны и *этнические различия в использовании различных предметов* с человеческими изображениями (для сираков характерны многочисленные фалары и серебряные сосуды, для «поздних скифов» — каменные рельефы и античные терракоты, для верхних аорсов — пряжки, для аорсов — бляшки женского костюма с местными персонажами).

Стилистические особенности изображений «варварского» облика

Развитие, которое наблюдается в торевтике Сарматии II-I вв. до н.э., В.И. Мордвинцева считает лишь «*деградацией*... стиля украшений», когда антропоморфным образам свойственны, по сравнению с эллинистическими образцами (то есть — с точки зрения носителя *античной* культуры или ее современного поклонника), «неестественность позы, схематизм изображения» (Мордвинцева 1994: 70-71). Такие оценки свойственны и большинству ученых-античников. Однако возможен (и необходим) подход к этой теме и с *иных* позиций. На протяжении II-I вв. до н.э. в оформлении фаларов и иных вещей *происходит поиск собственного, «варварского» и при этом — специфически племенного стиля* отдельных группировок, который на деле демонстрирует большое иконографическое разнообразие. Эта специфика еще никем не исследована. Между тем, ей стоит уделить хотя бы немного внимания.

Вначале замечу, что сверхпримитивные изображения составляют в нашей серии явное исключение (единственное *графитти* — крепость аспургиан; личина на пряжке из Ильтуганово; *некоторые* идольчики). Показательно также, что в двухфигурных композициях с богиней и всадником в позе «приостановки» мастер подчас использовал несколько разнородных образцов для копирования, один из которых мог быть греческого происхождения (богиня на ритоне из Мерджан и канфаре из Екатеринодара; всадник на рельефе из «Чайки»). При этом в Мержанах и Галиче даже конь является «составным» (с какими-то античными изображениями связаны облик и поза *задней* части его тела) [41]. Античные (и шире — эллинистические) образцы привлекались при изготовлении пряжки из Мечетсая и фаларов из Балаклеи.

Преобладают изображения полной фигуры анфас. В профиль представлены, прежде всего, всадники; при этом их лицо иногда развернуто к зрителю (Мерджаны, Екатеринодар, Кривая Лука IX). Что касается положения конечностей, поворота шеи, а также толщины тела и конечностей, оформлением лица, то мы сталкиваемся с большим разнообразием, которое не сводимо ни к племенной специфике, ни к каким-то «школам», а зачастую просто демонстрирует *индивидуальную манеру* ремесленника (который отнюдь не избегает сложных поз и ракурсов тела). При этом, например, на мужских хорошо «вооруженных» идольчиках из Сапогово (не зависимо от их типа) было важно передать несколько гипертрофированные для мужчин соски (это даже вызвало мысль о гермафродитах: Зуев 1993: 101). Особенно показательны региональные (?) различия в изображении участников *однотипных сцен*. Таков стоящий перед богиней справа всадник в плаще, с ритоном руке в Мерджанах и в Галиче. В первом случае у мужчины — короткие, ровно подстриженные надо лбом волосы и окладистая борода и облегающие, заправленные в обувь штаны. Во втором — прическа с прямым пробором и без бороды, многовитковая гривна и широкие штаны, край которых закрывает сапожки.

На большинстве изображений мастер стремился передать хотя бы контур прически, край ворота и рукавов наплечной одежды (у разных групп аорсов — треугольный вырез ворота с широкой каймой меховой (?) опушки — Мечетсай, Новочеркасск: рис. 2, 7; 3, 7), реже — границу штанов и верхнего края полусапожек, линию пояса [42]. Из атрибутов высокого ранга пытались всячески подчеркнуть большие многовитковые золотые гривны (Галиче, Нижние Серогозы, Янчокрак, Сапогово); в последнем комплексе у одного идольчика даже надета «настоящая» миниатюрная гривна из золота (рис. 3, 1) [43]. Плохо удавались попытки передать, следуя за греческими образцами, складки плаща (всадники в Галиче и Мерджанах). Чаще всего соблюдены естественные пропорции тела (лишь на поясных пластинах в Кривой Луке видим слишком полную фигуру героя и его толстую шею). Шея иногда практически отсутствует (Мечетсай; одна из фигурок из Балабинского) или очень толста (Новочеркасск, Кривая Лука IX, Комарово, Мерджаны — всадник), хотя изредка бывает и слишком тонкой («Тиха Хрисалиска», Галиче).

На обнаженных фигурах идольчиков обоих полов (мужские в Сапогово, женский в Балабинском) подчеркнуты половые органы. Но при этом они обязательно сопровождаются одним предметом костюма (Балабинский — головной убор; Сапогово — пояс с подвешенным колчаном). Особенность сапоговских обнаженных персонажей с Южного Урала (Зуев 1993: рис. 2, Г, Е) — изображение т.н. «линии жизни» (линия позвоночника и отходящие под углом в обе стороны ребра), свойственной искусству уральских и сибирских народов до XX в. (см., например, у приобских угров: Иванов 1970: рис. 10 и 40).

Лицо анфас, как правило, имеет форму овала (подчас при этом слегка заострен подбородок — пряжки из Мечетсая и Нижних Серогозов). Лишь ненамного реже это круг (Балаклея; Комарово; Кривая Лука VIII и IX; всадник в Мер-

джанах; «Тиха Хрисалиска»), но крайне редко — треугольник (Ильтуганово, Екатеринодар) или овал, вытянутый по горизонтали (Новочеркасск). Практически никогда (исключение — Новочеркасск) не изображались *уши* (у мужчин они прикрыты прической, у женщин покрывалом или колпаком). *Нос* чаще всего передан вытянутым прямоугольником, иногда — треугольником; чаще он не сопровождается *бровями*. Последние обычно представлены отдельными горизонтальными («Тиха Хрисалиска») или косыми (Мерджаны, Новочеркасск, Галиче) линиями; в случаях, связанных с иноземными шаблонами, видим соединенные с носом дуги бровей (в Балаклее, Янчокраке, Кривой Луке IX). Иногда подчеркнуты складки лица, ограничивающие *щеки* снизу (Кривая Лука IX, Балаклея, Новочеркасск) или даже сверху (Новочеркасск). *Глаза* переданы либо кружками, либо горизонтальными (или наклонными) короткими линиями; лишь в единичных случаях они имеют другую форму (ромб с кружком внутри — Балабинский; вытянутые треугольники — Новочеркасск; полукружья — изображения с эллинистических шаблонов в Балаклее и Кривой Луке IX). *Волосы* изображались параллельными рядами насечек. Мужские персонажи, в отличие от скифского и более позднего сарматского времени (даже носящие окладистую бороду), представлены *безусыми* (исключение — фалары греко-варварской работы в Балаклее).

Положение и разворот *руки* обычно соответствуют реальности (исключение — крайне неумелое размещение укороченных обрубков на рельефе с «Чайки»). Пальцы и сужение у кистей, как правило, не выделены. Иногда *пальцы* изображались рядом насечек (Мечетсай, «Тиха Хрисалиска»), а в отдельных случаях пальцы не только выделены, но и гипертрофированы (Сапогово).

ВЫВОДЫ

В Степи мы сталкиваемся с большим стилистическим разнообразием варварских изображений, причем изделия, наиболее стилистически близкие, не концентрируются в каком-то определенном регионе. Это может свидетельствовать о попадании изделий отдельных мастерских довольно далеко от места производства. Сказанное лишний раз демонстрирует и крайнюю *фрагментарность* наших нынешних знаний об изучаемой стороне местного искусства (ведь огромное большинство курганов знати, где обнаружены почти все происходящие из Степи антропоморфные изображения, было разграблено и разрушено еще в древности).

В целом приведенные материалы показывают, что абстрактные рассуждения о «сарматском искусстве вообще» сегодня являются *анахронизмом*. Каждой из «сарматских» культур присуща ярко выраженная специфика круга антропоморфных образов и зачастую — заметные локальные (племенные) особенности. Они нуждаются в более детальном изучении.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Впрочем, у сарматов, в отличие от скифов-сколотов, высота богатейших курганов не являлась показателем ранга умершего; в нашем же случае курган был сооружен еще в эпоху бронзы и затем досыпан.

[2] Появление с этого времени в «Малой Скифии» большого числа совершенно или отчасти новых сюжетов обыкновенно объясняют лишь некими глубокими социально-экономическими изменениями у потомков «геродотовых» скифов, растущим религиозным синкретизмом в регионе и т.п.

[3] В центре таких пряжек помещались уже античные образы (богиня в хитоне на серебряной пряжке с шипом в виде головки лебедя в Артюховском кургане: Максимова 1979: 88; рис. 30 — в центре справа; маска актера в Мавзолее Неаполя Скифского: Шульц 1953: таб. XV, 8).

[4] Мнение о том, что на *правом* фаларе в Кривой Луке IX всадник одет не в парадную рубаху, а в *распашной* короткий кафтан-kurtak (Дворниченко, Федеров-Давыдов 1981: 103), к сожалению, не подтверждается самим изображением. (Здесь ясно видно, что глубокий треугольный вырез ворота не доходит до подола; никак не разрывается на месте предполагаемых *двух сходящихся полок* и двойной ряд декора подола).

[5] Уже в 50-х годах К.Ф. Смирнов подчеркивал, что фалар из Северской нельзя относить ко времени Греко-Бактрийского царства, следовательно — что он мог быть сделан чуть позже (2-я пол. II в. до н.э.) (Смирнов 1953: 35).

[6] Датировка фалара явно занижена («ахеменидское время») (см.: Treister, Yatsenko 1998: 59, note 107).

[7] Приношу глубокую благодарность за помощь в получении неопубликованных (или пока не опубликованных качественно) материалов и прорисовок вещей Е.А. Бегловой, С.Ю. Внукову и Е.А. Поповой (Москва), А.М. Ждановскому (Краснодар), Ю.П. Зайцеву (Симферополь), И.П. Засецкой (СПб.), В.И. Мордвинцевой (Волгоград) и А.М. Новичихину (Анапа).

[8] К сожалению, при редактировании и печатании этого текста во Владикавказе в него вкралось большое количество опечаток и неквалифицированных «поправок». Например, основной каталог (табл. 1) имеет в 7 случаях перепутанные («запаздывающие на такт») параллельные графы (сюжеты №№ 4б, 13, 17, 25, 43, 49), опечатки и пропуски в датах (сюжеты №№ 5, 20, 34) и т.п., так что пользоваться им во многих случаях стало затруднительно. Серьезные опечатки и пропуски есть и в основном тексте (так, в конце с. 194 — опущен этноним аспургиане; на с. 197 — пропущено о тамгах из могилы 1841 г.).

[9] Часть данных была неизбежно основана на «свежей» предварительной информации по новым, неопубликованным находкам. В ряде случаев их пер-

воначальная датировка и, соответственно — «сарматская» принадлежность не подтвердились, или сюжет изображения был охарактеризован неточно (деревянная статуя из Дорофеевского могильника; пряжка из Казазово II: Яценко 1992 а: 194 и прим. 9).

[10] В I в. до н.э. — 1-й пол. II вв.н.э., мы встречаем в Северном Приазовье для этих целей даже специальные *наборы из трех однотипных антропоморфных изображений* античного происхождения. Это могли быть маски актера и негра, выломанные из разных изделий (Чугуно-Крепинка, кург. 1: Thrane 1994: fig. 33) или монеты с головами Гелиоса в сиянии и Гермеса (Алитуб, 1971 г., курган 26/1: Засецкая 1972: таб. XIX, 1).

[11] Несомненно, надгробные статуи часто изображали именно похороненного здесь человека. Ср., например, большую золотую надмогильную статую сакской царицы Заринеи (Diodor. II. 34. 1). К сожалению, антропоморфные изваяния раннесарматского времени известны лишь на самой границе сарматского и дахо-массагетского миров (Северо-Западный Устюрт), где они стояли в специальных святилищах (Дженито и др. 2000: 16-17), и нами они не рассматриваются.

[12] Так, эпизоды кочевого эпоса, главными героями которого были возлюбленные — царь массагетов Зариандр и сакская царевна Одатида, по сведениям Хареса Митиленского (Athen. Deipnosoph. XII), были в IV в. до н.э. популярны в искусстве различных «живущих в Азии варваров». Их изображения хранились не только дома, но и в храмах и дворцах, а знатные персы часто давали своим дочерям имя главной героини (Бартольд 1971: 385-387).

[13] В литературе высказывались сомнения в интерпретации этой сцены как адорации конным эпическим героем сидящей на троне богини в связи с отдаленными (и к тому же не названными) иконографическими аналогиями в греческом искусстве и эллинистических памятниках Малой Азии. Предполагается, что здесь изображена чисто греческая сцена апофеоза реально умерших людей (Емец 1994: 54; Савостина 1995: 112 — библиография; таб. III, 1). К сожалению, при этом игнорируется целая серия изображений с такой иконографией в иранском мире, начиная с V в. до н.э. (войлочный ковер из кургана 5 в Пазырыке и др.), которые, по сравнению с греческими и малоазийскими, имеют значительную специфику (Яценко 1995: 188-189). Не учитывается и чисто варварский характер изображения (костюм всадника, конский череп, надетый на палку, и другие детали).

[14] В последние годы в литературе стала более заметной тенденция считать аспургиан многоплеменными военными поселенцами, своего рода «боспорским казачеством» (см. сводку: Сапрыкин 1985). Она идет от М.И. Ростовцева, осторожно предположившего, что аспургиане были дружиной Аспурга, навербованной с берегов Меотиды или из глубин Сарматии (Ростовцев 1916: 17). Следует отметить, что наличные письменные и эпиграфические источники не дают для этого никаких надежных оснований. Напротив, такой информированный автор как Страбон, оставивший наиболее подробное описание аспургиан, называет их одним из племен «меотов» (этот термин толкуется им, видимо, как *территориальный,* а не этнический: «*Вокруг* озера Меотиды живут меоты»: XI. 2. 1), точно указывает их локализацию между Фанагорией и Горгиппией и ничем не выделяет их из ряда соседей (Strabo. Geogr. XI. 2. 11). В другом случае аспургиане также прямо названы «одним из варварских племен» (Strabo. XII. 3. 29). Вероятно, из этого этноса происходил царь Аспург (11/14-37 гг. н.э.), первый правитель Боспора, поместивший на монетах сарматскую тамгу и, видимо, начавший широко использовать сарматов в своей внешней политике (Виноградов 1994).

[15] В другой женской могиле (Зубовский, курган 2, раскопки «мещанина Забродина» 1899 г.) в могилу был символически помещен именно обломанный нижний конец посоха (Ждановский 1985: рис. 10, 2).

[16] Самостоятельные сцены с богиней Афиной в этот период не известны. Однако отмечу варваризованную в восточноэллинистическом духе сцену ее борьбы с гигантом в многофигурной композиции на золотом фаларе из Северского кургана (Смирнов 1953: таб. VIII; Анфимов 1987: фото на с. 176, 188-189). Ранее, в III-II вв. до н.э., бляха греческой работы с этой сценой есть в составе Федуловского клада 1904 г. на р. Сал (Спицын 1909: рис. 43; Засецкая 1965: рис. 5).

[17] К сожалению, в публикации дана весьма схематичная и маленькая прорисовка пряжки. За более качественное и крупноформатное изображение я глубоко признателен Ю.П. Зайцеву.

[18] Не исключаю, что здесь изображен именно конный «охотник» (см. ниже). Сцена с изображением всадника, охотящегося с мечом (!) при пустом колчане на лань и на грифона, есть на фалярах узды позднесарматского времени (рубежа II-III вв. н.э.) из кургана 1983 г. в Ростове-на-Дону (Raev 1986: pl. 58; Яценко 1992 а: ; таб. 10, 5), что имеет прямые параллели в текстах осетинского нартского эпоса (эпизод охоты Сослана на «дочь Солнца» богиню Ацирухс в облике лани: Нарты 1989: 177).

[19] Здесь в составе уздечки были 4 бляшки (2 пары, в каждой из которых две симметричных фигурки всадника, скачущих вправо и влево).

[20] Любезная информация Е.А. Бегловой 16.11.1999.

[21] По мнению Дж. Бергеманна, известный рельеф «со сценой амазономахии» из Юбилейного на Тамани датируется не IV в. до н.э., а поздним эллинизмом (Treister 1996: 119; note 26). Если это так, то он тоже должен рассматриваться в рамках данной статьи. О негреческом характере этой сцены, где, в действительности, противопоставлены две группы юношей соответственно с «классическими» сарматскими и скифскими/сколотскими костюмом и прическами (см.: Яценко 1989 а: 121, 124).

[22] Вероятно, как иллюстрация к местному эпосу могла восприниматься и сцена на серебряных фалярах из Володарки (Гурьевской обл.), где Беллерофонт -всадник сражается с Химерой (Мордвинцева 1996 б: рис. 2-3), датируемых III-II вв. до н.э. (Там же: 155; Мординцева 1998: 57). Показательна такая отмеченная автором публикации деталь, как трехногость коня (Мордвинцева 1996 б: 154). В самом деле, например, в осетинском нартском эпосе, восходящем к сармато-аланскому, постоянно упоминаются трехногие крылатые белые кони «авсург/авсорк» из небесного табуна.

[23] К сожалению, в публикации В.Е. Максименко и Е.И. Савченко изображение на бляшках передано весьма неточно. Эта ошибка исправлена в нашей публикации.

[24] Злую шутку с авторами публикации этой броши сыграло широкое распространение в Северном Причерноморье античных медальонов с изображением Афродиты и Эрота. Именно так и было интерпре-

тировано данное изображение (Евдокимов, Куприй 1992: 10). Между тем перед нами зрелый мужчина с короткой стрижкой, одетый в кафтан, запахнутый, по кочевой традиции, налево и держащий в правой руке копье. Отчетливо видны также голова и шея лошади... В каком-то смысле аналогией нашему образцу можно считать найденную на территории гетов (в Румынии) брошь из Херэстрэу 1938 г. (Fettich 1953: abb. 4, 1-2).

[25] Из этого списка исключены только самые примитивные фигурки из мергеля/мела, реже — кости.

[26] Более детальному анализу набора сапоговских идолов посвящена статья (Яценко 2001 а).

[27] Сходную позу видим у гагатового идольчика из женской могилы в том же регионе (хут. Алитуб 1971 г., курган 26/1, датируемый Б.А. Раевым по античному импорту уже 1-й пол. I в.н.э. (Засецкая 1972: таб. XXIX, 1).

[28] В 1-й пол. I в. н.э. у женщин кубанских сираков также известны свинцовые идольчики сходной формы (Большой Армавирский курган: ОАК 1906: 62-64). Здесь можно предполагать наличие недостающих частей из органики (дерева, кожи): женщина сидит (на кресле?) и сложила руки так, как будто она держит у груди младенца (Ждановский 1985: рис. 4, 5-6; Яценко 1992 а: таб. 8, 5).

[29] Любезное сообщение Е.А. Бегловой 16.11.1999.

[30] Стоит учесть, что изображение подлетающей к мужскому персонажу птицы во II-I вв. до н.э. свойственно и искусству таких задававших «моду» в Великой Степи могущественнейших номадов, как хунну (например — пластина 1985 г. из могильника Даодуньцзы: Варенов, Полосьмак 1989: рис. 2). О популярности хуннуского искусства у «ранних сарматов» свидетельствуют находки на востоке Сарматии поясных пластин и местных подражаний им (Яценко 1992 г: 247: Яценко 2001 б). Один из ярких примеров последних – пластина с изображением медведя и «сарматского тарандра», терзающих сбоку лежащую лошадь из могильника Покровка 2 в Южном Приуралье (кург. 17/2), имеющая близкую аналогию в могильнике Шицзышань (Богданов 1999: 269; рис. 1, 1-2).

[31] Только что высказанное мнение об иконографической близости *головы* янчокракского божества образцам *кельтского* искусства (Мордвинцева, Переводчикова 2000: 55) пока не аргументировано.

[32] Погребение с фалярами с изображением Эрота на пантере в погребении «зубовско-воздвиженского типа» 88 могильника Цемдолина под Новороссийском датируются, видимо, уже 1-й пол. I в.н.э.; фалары произведены незадолго до этого (Malyšev, Treister 1994: 49-50; abb. 6-8, 31; taf. 3).

[33] Комплекс датировался не позже II в. до н.э. (Абрамова 1961: 96).

[34] И.И. Марченко датирует ахтанизовские фалары II-I вв. до н.э. (Марченко 1996: 81).

[35] В литературе еще встречаются утверждения, что появление изображений греческих богов в глубине Степи может свидетельствовать и о проникновении греческих *верований* (см., например: Хазанов, Шкурко 1978: 78). Ни в одной из подобных публикаций эта версия пока не подтверждена сколько-нибудь развернутой аргументацией.

[36] В числе немногих исключений — богиня погрудно с парой птиц у плеч (диадема из Хохлача), скачущий всадник-«охотник» и спокойно стоящий (Яценко 1992 а: таб. 1, №№ сюжетов 1,14,30).

[37] На территории других этносов найдены золотые накладки отдельных частей поясов с изображениями предполагаемых эпических сцен (Кривая Лука VIII, Нижние Серогозы).

[38] Языги на рубеже н.э. первым из сарматских племен начали активную экспансию в низовья Дуная (Аппиан называет их по старой традиции также «савроматами»). Предполагается, что роксоланы (на юге Днепровской левобережной степи вдоль берегов реки) оставили погребения с северной ориентировкой умерших, в то время как могилы с южной ориентировкой принадлежали языгам, проживавшим к северу и востоку от первых (Симоненко 1999: 24-25) (см. Симоненко 1993: рис. 28 — расшифровка обозначений пропущена: незакрашенные кружки обозначают южноориентированные погребения). Видимо, именно к языгам относится информация Страбона, что фракийцы-трибаллы были вынуждены уйти за Дунай в том числе — из-за «савроматов», которые «переправлялись через реку... и известная часть их осела или на островах или во Фракии» (Strabo. Geogr. VII. 3. 13). Языгам, скорее всего, принадлежали изделия, найденные в низовьях Днестра, а также во Фракии (Галиче, где, видимо, был захоронен убитый во время набега знатный сарматский воин).

[39] Видимо, к аорсам относится и изображение на бляшках из Центрального Предкавказья (змееногая богиня в Комарово), т.к. их владения, судя по данным Страбона, восточнее сиракских земель доходили «на юг до Кавказских гор» (Strabo. Geogr. XI. 2. 1).

[40] Видимо, похожее по функциям божество изображено много позже на росписи склепа 1 в Неаполе Скифском (стоит с простертыми в стороны руками, по бокам его, видимо, размещались два вставших на дыбы крылатых коня: Бабенчиков 1957: рис. 15, а). Сходный по функциям бог мог быть нарисован и на обнаруженном недавно на Усть-Альминском могильнике (западное побережье Крыма) расписном деревянном гробу I-II вв. н.э. Здесь красками в центре сцены представлен персонаж, сидящий анфас на лошади «по-женски». С обеих сторон к нему подлетают (?) изображенные в профиль два бескрылых женских (?) существа с расставленными в стороны руками в длинных, до пят, расширяющихся книзу глухих платьях. У одного из них в руке ритон (любезная информация Ю.П. Зайцева, 8.06.1999).

[41] В Галиче на плече лошади воспроизведена углублением каплевидная бирюзовая/стеклянная вставка, характерная для изделий «бирюзово-золотого звериного стиля» (те же вставки изображены на плече и бедре коня главного героя в росписи I в. н.э. в пантикапейском «склепе Анфестерия: Яценко 1995: 189). Это позволяет уточнить нижнюю дату производства фалара, т.к. первые *подражания* восточным вещам в «бирюзово-золотом стиле» в Европе появляются на Средней Кубани и левобережье Нижнего Дона *на самом рубеже н.э.* (Treister, Yatsenko 1998: 56-57, 76-77; Яценко 2000 б). Поэтому датировка данных фаларов И.И. Марченко *еще 2-й пол. II в. до н.э.*, основанная на его трактовке схематичных изображений многовитковых гривен (Марченко 1996: 80, прим. 1), не кажется убедительной.

[42] О методике анализа элементов костюма на изображениях см.: Яценко 2000 в: 301-303.

[43] Срав. весьма тщательно изготовленные миниатюрные золотые гривну и серьги на железном идольчике из более ранней богатой могилы V в. до н.э. в Грузии (Вани) (Dshawachischwili 1986: 44). У кочевников сарматской эпохи гривны характерны для знати еще в большей мере, чем скифской (ср., например: Яценко 1999 б: 166).

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К.А. 1983. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата.

Алексеев А.Ю.1991. Уникальный уздечный набор из Александропольского кургана // Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции. Краткие тезисы докладов научной конференции. СПб.

Алексеев А.Ю Мурзин В.Ю. Ролле Р. 1991. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. Киев.

Алексеев А.Ю. 1994. К идентификации погребений кургана Солоха // Тезисы докладов международной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья»-II. Запорожье.

Астахов В.А. 1986. К вопросу об обожествлении боспорских царей // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. докл. III конференции молодых ученых ИА АН СССР. М.

Абрамова М.П. 1961. Сарматские погребения Дона и Украины // СА. № 1.

Амброз А.К. 1992. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. Вып. 1. М.

Андиев Б.Ф. Андиева Р.Ф. 1960. Осетинский орнамент. Орджоникидзе.

Анфимов И.Н. 1986. Погребальный комплекс II века до н.э. у хутора Элитный (Краснодарский край) // Новое в археологии Северного Кавказа. М.

Анфимов Н.В. 1986. Древнее золото Кубани. Краснодар.

Артамонов М.И. 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага, Л.

Бабенчиков В.П. 1957. Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма. Киев.

Бартольд В.В. 1971. К истории персидского эпоса // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VII. М.

Берлизов Н.Е. Каминская И.В. Каминский В.Н. 1995. Сарматские памятники Восточного Закубанья. Хронология и хронография // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир, М.

Берлизов Н.Е. 1999. Степное Прикубанье и Закубанье в раннем железном веке // Древности Кубани. Вып. 14. Краснодар.

Берхин И.П. 1962. О месте производства серебряных фаларов из Федуловского «клада» // СГЭ. Т. XXII. Л.

Бессонова С.С. 1983. Религиозные представления скифов. Киев.

Богданов Е.С. 1999. Поясные пластины из Шицзышаня // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Новосибирск.

Брыкина Г.А. 1987. Об антропоморфных скульптурах в захоронениях Ферганы // Прошлое Средней Азии. Душанбе.

Брыкина Г.А. Трунаева Т.Н. 1995. Идолы в захоронениях Ферганы // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М.

Бубенок О.Б. 1997. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI — нач. XIII вв.). Киев.

Варенов А.В. Полосьмак Н.В. 1989. Новые образцы поясных пластин гуннского времени из могильника Даодуньцзы в Северном Китае // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. Тез. докл. всесоюзной археологической конференции. Кемерово.

Виноградов Ю.А. 1993. О ритонах из кургана Карагодеуашх // ПАВ. Вып. 6. СПб.

Виноградов Ю.Г. 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в.н.э. // ВДИ. № 3.

Высотская Т.Н. 1979. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев.

Высотская Т.Н. 1983. Своеобразие культуры поздних скифов в Крыму // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев.

Вязьмитина М.И. 1969. Культура населения Нижнего Днепра после распада единой Скифии // СА. № 4.

Гиджрати Н.И. Наглер А.О. 1985. Сарматское погребение у сел. Комарово Моздокского района СО АССР (предварительная публикация) // Античность и варварский мир. Орджоникидзе.

Гущина И.И. 1969. Янчокракский клад // Древности Восточной Европы. М.

Гущина И.И. Засецкая И.П. 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье // Тр. ГИМ. Вып. 70. М.

Дашевская О.Д. Михлин Б.Ю. 1983. Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника // СА. № 3.

Дворниченко В.В. Федоров-Давыдов Г.А. 1981. Серебряные фалары из сарматского погребения могильника Кривая Лука IX в Астраханской области // КСИА. Вып. 168. М.

Дворниченко В.В. Федоров-Давыдов Г.А. 1989. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и средневековые города Поволжья. М.

Десятчиков Ю.М. 1973. Сарматы на Таманском полуострове // СА. № 4.

Дженито Б. Ольховский В.С. Самашев З.С. Франкфор Ф.-П. 2000. Исследование древних святилищ арало-каспийских степей: итоги и перспективы // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.

Древности Таджикистана. 1985. Каталог выставки. Душанбе.

Древности Южного Узбекистана. 1991. (Каталог выставки). Токио, Ташкент.

Евдокимов Г.Л. Куприй Н.М. 1992. Сарматские погребения Нижнего Поднепровья (по материалам Краснознаменской экспедиции 1977-1992 гг.). Препринт. Киев.

Емец И.А. 1994. К вопросу о культах верховного женского божества и бога-всадника у синдо-меотов // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тез. докл. VII международной научной конференции. Ростов-на-Дону.

Ждановский А.М. 1985. История племен Среднего Прикубанья во II в. до н.э. — III в.н.э. Рукопись диссертации канд. ист. наук. Альбом. МГУ. М.

Ждановский А.М. 1989. Новые погребения кочевников сарматского круга из Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар.

Железчиков Б.Ф. Фалалеев А.В. 1995. Раскопки у с. Лятошинка // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград.

Зайцев Ю.П. 1994. Верховная знать Неаполя Скифского (Новое исследование захоронения в каменной гробнице Мавзолея) // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.

Зайцев Ю.П. 1995. Неаполь Скифский во II в. до н.э. — III в. н.э. Автореф. канд. дисс. Киев.
Зайцев Ю.П. 1999. Скилур и его царство (Новые открытия и новые проблемы) // ВДИ. № 2.
Засецкая И.П. 1965. Назначение вещей Федуловского «клада» // АСГЭ. Вып. 7. с. 28-36.
Засецкая И.П.1972. Отчет о работе Манычского отряда Волго-Донской экспедиции в 1971 г. — Архив РОМК. Фонд 2. опись 11. № 57.
Зуев В.Ю. Левинская И.А.1990. Комментарий к статье М.И. Ростовцева «Иранский конный бог и Юг России» // ВДИ. № 2.
Зуев В.Ю. 1993. «Пляшущие человечки» Сапоговского клада // Ad Polum. Сборник статей в честь Л.П.Хлобыстина. СПб.
Зуев В.Ю. 1998 а. Прохоровские курганы в южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры. Автореф. канд. дис. СПб.
Зуев В.Ю. 1998 б. К истории сарматской паноплии. Мечи и кинжалы прохоровского типа.// Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной научной конференции. СПб.
Зуев В.Ю. 2000. Основные проблемы хронологии «раннесарматской» культуры // Проблемы хронологии сарматской культуры. Самара.
Иванов С.В. 1970. Скульптура народов Севера Сибири XIX — первой пол. XX в. Л.
Каминский В.Н. Берлизов Н.Е. 1987. Раскопки кургана-кладбища в городе Курганинске в Восточном Закубанье // Древности Кубани (Материалы Семинара). Краснодар.
Кобылина М.М. 1974. Терракоты Фанагории // Терракотовые статуэтки. Ч. IV. Подонье и Таманский полуостров. (САИ. Вып. Г 1 — 11). М.
Колтухов С.Г. Тощев Г.Н. 1998. Курганные древности Крыма. Вып. II. Запорожье.
Костенко В.И. 1979. Наиболее ранние сарматские погребения в бассейне Орели и Самары // СА. №4.
Крыкин С.М. 1986. Культы всадников в античном Северном Причерноморье // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М.
Крыкин С.М. 1993. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М.
Курочкин Г.Н. 1994. Скифские корни сибирского шаманизма: попытка нового «прочтения» Пазырыкских курганов // ПАВ. Вып. 8.
Максимова М.И. 1979. Артюховский курган. Л.
Максименко В.И. Савченко Е.И. 1984. Раннесарматское погребение в Новочеркасске // Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.
Малышев А.А. 1992. Позолоченные терракотовые медальоны с изображением Медузы Горгоны в Прикубанье // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989-1990 гг. Материалы семинара по скифо-сарматской археологии. М.
Марченко И.И. 1988 а. Сарматы степей Правобережья Кубани во 2-й пол. IV в. до н.э. — III в.н.э. (по материалам курганных погребений). Автореф. канд. дис. Л.
Марченко И.И. 1988 б. Проблемы этнической истории Сиракского союза в Прикубанье // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1986.
Марченко И.И. 1996. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар.
Масленников А.А. Бужилова А.П. 1999. «Ифигения на Меотиде» (материалы к обсуждению существования ритуальной декапитации в античном Приазовье) // Древности Боспора. Вып. 2. М.
Мордвинцева В.И. 1994. Сарматские фалары и некоторые вопросы истории и культуры сарматов // Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград.
Мордвинцева В.И. 1996 а. Фалары конской упряжи на территории Степной Евразии в III в. до н.э. — первой половине II в. н.э. Автореф. канд. дис. СПб.
Мордвинцева В.И. 1996 б. Фалары с изображением Беллерофонта из сарматского погребения у с. Володарка в Западном Казахстане // РА. № 4.
Мордвинцева В.И. 1996 в. Фалары Северного Причерноморья II-I вв. до н.э. как особая группа эллинистической торевтики // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. тез. докл. VIII международной научной конференции. Ростов-на-Дону.
Мордвинцева В.И. 1998. Классификация фаларов конской упряжи III в. до н.э. — нач. II в.н.э. и типы парадного конского снаряжения у сарматов // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 6-го археологического семинара) (часть 1). Краснодар.
Мордвинцева В.И. Переводчикова Е.В. 2000. О формировании «причерноморского графического стиля» на фалярах II-I вв. до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 7-го археологического семинара). Краснодар.
Мошкова М.Г. 1960. Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. Вып. 78. М.
Нарты 1989. Осетинский героический эпос. Кн. 2. М.
ОАК за 1903 г. 1906. СПб.
Осетины глазами русских и иностранных путешественников. 1967. Орджоникидзе.
Полин С.В. 1992. От Скифии к Сарматии. Киев.
Попова Е.А. 1974. Рельеф с городища «Чайка» // СА. № 4.
Попова Е.А. 1994. К вопросу о степени эллинизации позднескифской культуры // Тез. докл. междун. конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья» - II. Запорожье.
Попова Е.А. 1996. Здание типа мегарон с позднескифского городища «Чайка» // Вестник МГУ. Серия 8 (История). № 1.
Пругло В.И. 1977. Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре // История и культура античного мира. М.
Раевский Д.С. 1985. Модель мира скифской культуры. М.
Ростовцев М.И. 1913 а. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. Вып. 49.
Ростовцев М.И. 1913 б. Античная декоративная живопись на Юге России. Атлас. СПб.
Ростовцев М.И. 1916. Бронзовый бюст боспорской царицы Динамии и история Боспора в эпоху Августа // Тр. МАО. Т. 25. М.
Ростовцев М.И. 1918. Эллинство и иранство на Юге России. Пг.
Ростовцев М.И 1990. Иранский конный бог и Юг России // ВДИ. № 2.
Ростовцев М.И. 1993. Сарматские и индо-скифские древности // ПАВ. Вып. 5. СПб. (2-е изд.).
Руденко С.И. 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.
Савостина Е.А. 1995. Тема надгробной стелы из Трехбратнего кургана в контексте античного мифа //

Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир, М.
Садыкова М.Х. 1962. Сарматские памятники Башкирии // МИА. Вып. 115.
Сапрыкин С.Ю.1985. Аспургиане // СА. № 2.
Сапунов Б.В. 1999. Тайна змеевиков // АСГЭ. Вып. 34.
Силантьева П.Ф. 1974. Терракоты Пантикапея // Теракотовые статуэтки. Ч. III. Пантикапей (САИ. Вып. Г1 — 11). М.
Симоненко А.В. 1993. «Клады» снаряжения всадника II-I вв. до н.э.: опыт классификации и этнической интерпретации // Вторая кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар.
Симоненко А.В. 1993. Сарматы Таврии. Киев.
Симоненко А.В. 1999. Сармати Північного Причорномор'я. Хронологія, періодизація та етно-політична історія. Автореф. дисс. док. іст. наук. Київ.
Скрипкин А.С. 1992. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории. Автореф. докт. дис. М.
Смирнов К.Ф. 1953. Северский курган. (Тр. ГИМ. Вып. XI). М.
Смирнов К.Ф. 1975. Сарматы на Илеке. М.
Смирнов К.Ф. 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.
Сокольский Н.И. 1967. Синдская скульптура // Античное общество. М.
Сокольский Н.И. 1975. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. Вып. 143. М.
Скольский Н.И. 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.
Спицын А.А. 1909. Фалары Южной России // ИАК. Вып. 29. СПб.
Ставиский Б.Я. Яценко С.А. 2001. Искусство и культура древних иранцев (Великая Степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия). Учебное пособие для гуманитарных факультетов вузов. М.: изд. РГГУ (В печати).
Суразаков А.С. 1979. Железный кинжал из долины Ачик Горно-Алтайской автономной области // СА. № 3.
Сырбу В. Быркэ В. 1999. Даки и сарматы в Восточно-Карпатском регионе (I в. до н.э. — I в.н.э.) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье.
Тревер К.В. 1940. Памятники греко-бактрийского искусства. М., Л.
Трейстер М.Ю. 1994. Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики) // ВДИ. № 1.
Узянов А.А. 1977 а. Отчет о работах Багаевского отряда Донской экспедиции ИА АН СССР в 1976 г. Т. 2. — Архив ИА РАН. № 7044.
Узянов А.А 1977 б. Нижнесальские курганы // АО-1976. М.
Фролова Н.А. 1964. Монеты скифского царя Скилура // СА. № 1.
Хазанов А.М. Шкурко А.И. 1978. Воздействие античной культуры на искусство скифо-сарматского мира // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.
Шауб И.Ю. 1987. К вопросу о культе отрубленной человеческой головы у варваров Северного Причерноморья и Приазовья // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Призовье (Тезисы докладов к семинару). Новочеркасск.
Шауб И.Ю. 1991. Образ Медузы Горгоны в Северном Причерноморье // Древние культуры и археологические изыскания. СПб.
Шауб И.Ю. 1999. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. № 3. СПб., Кишинев, Одесса.
Шедевры древнего искусства Кубани 1987. Каталог выставки. М.
Щеглов А.Н. 1998. Еще раз о позднескифской культуре в Крыму (к проблеме происхождения) // История и культура древних и средневековых обществ (Проблемы археологии. Вып. 4). СПб.
Шульц П.Н. 1946. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака // КСИИМК. Вып. 12. М.
Шульц П.Н. 1953. Мавзолей Неаполя Скифского. М.
Элиаде М. 1998. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб.
Яценко С.А. 1984. «Сарматизация» и «эллинизация» костюма этносов Северного Причерноморья // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Тезисы докладов). Майкоп.
Яценко С.А. 1985. О древних прототипах мужской плечевой одежды осетин // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе.
Яценко С.А. 1989 а. Сарматские и скифские элементы в антропоморфных изображениях Прикубанья кон. IV — первой пол. III вв. до н.э. // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск.
Яценко С.А. 1989 б. Костюм и покровы кочевой аристократии из некрополя Тилля-тепе (Афганистан) // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. М.
Яценко С.А. 1991. Сиракский Союз в Прикубанье (Проблемы увязки археологических и письменных источников) // Древности Кубани (материалы научно-практической конференции). Краснодар.
Яценко С.А. 1992 а. Антропоморфные изображения Сарматии // Аланы и Кавказ (Alanica — II). Владикавказ, Цхинвал.
Яценко С.А. 1992 б. Скифские и сарматские элементы в искусстве Малой Скифии I-III вв. н.э. // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов научной конф. Мелитополь.
Яценко С.А. 1992 в. О преемственности мифологических образов ранних и средневековых аланов // Проблемы этнографии осетин. Вып. 2. Владикавказ.
Яценко С.А. 1992 г. Элементы культуры хунну на территории Сарматии // VI Международный конгресс монголоведов. Доклады российской делегации. Вып. I. М.
Яценко С.А. 1994 а. К истории формирования одного из ключевых стереотипов сарматологии // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.
Яценко С.А. 1994 б. Алано-славянские культурные контакты в VI-XIII вв. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тез. докл. VII международной научной конференции. Ростов-на-Дону.
Яценко С.А. 1995. О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском «склепе Анфестерия» // ВДИ. № 3.
Яценко С.А. 1996 а. О переосмыслении некоторых образов античного искусства сармато-аланами (сер. I — сер. III вв. н.э.) // Античная цивилизация и варварский мир. Тезисы докладов V археологического семинара. Новочеркасск.

Яценко С.А. 1996 б. Некоторые культовые сюжеты в искусстве сарматов Северного Кавказа I в.до н.э.-I в.н.э. // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. Материалы конференции. СПб., 1996.

Яценко С.А. 1999 а. О некоторых антропоморфных сюжетах номадов Европы V-IV вв. до н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье.

Яценко С.А. 1999 б. Костюм племен пазырыкской культуры Горного Алтая как исторический источник // ВДИ. № 3.

Яценко С.А.. 2000 а. Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях Степной Евразии // ВДИ. № 4.

Яценко С.А. 2000 б. О мнимых «бактрийских» ювелирных изделиях в Сарматии I-II вв.н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград.

Яценко С.А. 2000 в. Раздел “Костюм” // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. (Т. IV). Архитектура. Искусство. Костюм. М.

Яценко С.А. 2001 а. Культурные контакты финно-угорских и иранских народов древности (Сапоговский клад как культурно-исторический памятник) // Славянский, финно-угорский и тюркский мир: взаимодействие культур. Ижевск (в печати).

Яценко С.А. 2001 б. О некоторых вопросах изучения “археологического” костюма. Механизмы костюмных связей народов Великой Степи // Культуры степей Евразии второй пол. I тысячилетия н.э. (из истории костюма). Самара (в печати).

Bussagli M. 1984. L’ Arte del Gandhara. Torino.

Dshawachischwili A. 1986. Golgschmiedekunst und Toreutik im vorchristlichen Georgien // Goldschmiedekunst und toreutik in den museen Georgiens. Leningrad.

Fettich N. 1953. Archäologische Beiträge zur Geschichte der Sarmatisch-Dakischen Beziehungen // Acta Archaeologica. T. III. Budapest.

From the Land of the Scythians 1975. Ancient Treasures from the Museums of the USSR 300 BC — 100 BC // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. Vol. XXXII. ą 5. New York.

Harmatta J. 1950. Studies on the History of the Sarmatians. Budapest.

Kieseritzky G. Watzinger C. 1909. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin.

Lexikon Iconographicum Mythologiae Classicae 1984. T. II, 2. Zürich, München.

Malyšev A.A. Treister M.Yu. 1994. Eine Bestattung des Zubovsko-Vozdviženski-Kreises aus der Umgebung von Noworossisk // Bayerische Vorgeschchtsblätter. Bd. 59.

Marshall J. 1951. Taxila. Cambridge.

Raev B.A. 1986. Roman Imports in the Lower Don Basin (BAR International Series, 268). Oxford.

Raev B.A. Simonenko A.V. Treister M.Yu. 1991. Etrusco-Italic and Celtic Helmets in Eastern Europe // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentral-museums. Bd. 38. Mainz.

Rosenfield J.M. 1967. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley, Los Angeles.

The Crossroads of Asia. 1992. Transformation in Image and Symbol in the Art of Ancient Afghanistan and Pakistan. An Exhibition at the Fizwilliam Museum, Cambridge. (Ed. by E.Errington and J. Cribb). Cambridge.

The Treasures of Nomadic Tribes in Southern Russia 1991. (Catalogue). Kyoto.

Sarianidi V.I. 1985. Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-tepe Necrpolis in Northern Afghanistan. Leningrad, Wienna.

Thrane H. 1994. Steppens nomader — skovens bonder. Ukraines arkaeologi i 2000 ar (900 f. Kr. — 1240). Hollufgard.

Treister M.Y. 1996. Essays on the Bronzeworking and Toreutics of the Pontus // Colloqia Pontica. Vol. 1. (Ed. by G.R. Tsetskladze). Oxford.

Treister M. Yatsenko S. 1998. About the Centres of Manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundels in «Gold-Turquoise Animal Style» of the 1-2 nd Centuries AD // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 5. Kamakura.

Zimmermann J.-L. 1990. Ancient Art from the Barbier-Mueller Museum. New York.

А.В.Воротинский

О ЧЕРНЯХОВСКИХ ЧАШАХ С КРЕСТАМИ ИЗ ЛЕПЕСОВКИ

A.V. Vorotinskii. On Cherniakhov Cups with Crosses Found in Lepesovka.

The settlement of Lepesovka was discovered on the river Goryni in Belgorod raion of Khmelinitskaya Oblast' in the Republic of Ukraine. Excavations were conducted in 1957-1962 by M.A. Tihakova. Lepesovka is one of the largest excavated settlements of Cherniakhov culture. It yielded vessels with the internal surfaces decorated with Malta cross or a cross with branched ends in shape of trees or palm branch. The vessels are of grey colour, made of well-tempered clay with mica. The baking is even and of a high quality. The decoration is glossed. Some vessels have similar bottoms: they have an incision in the centre on the external surface, the clay was taken out by a cutter. A group of red-lacquered pottery from Tanais is marked by similar bottoms. Origin of these vessels is connected with the centre of pottery manufacture in the north of Asia Minor. Origin of decoration on the studied vessels can be associated with the Christian influences. Presence of slaves and emigrants from Asia Minor on the territory of Cherniakhov culture is known from historical records, some of the emigrants were Christians. Among these newcomers, there were craftsmen, probably potters too. The images similar to the ones discovered in Lepesovka, however, are typical of the cosmological representations of the Germans as well, which made up a considerable part of Cherniakhov population. There was probably, as well, a combination and superimposition of pagan and Christian religious ideologies.

Поселение Лепесовка Белгородского района Хмельницкой области Республики Украина открыто в 1905 г. Я.В.Яроцким (Яроцкий 1909). Планомерное изучение памятника проводилось под руководством М.А.Тихановой в 1957 — 1962 гг. Материал памятника очень богат и разнообразен, но издать его полностью М.А.Тиханова не успела. Опубликованы лишь общие сведения о результатах и ходе работ. Материал раскопок хранится в первобытном отделе Государственного Эрмитажа, в настоящее время работа по его изучению ведется под руководством М.Б.Щукина.

Поселение расположено на левом высоком берегу старого русла р. Горынь, к востоку от современного села. Общая площадь памятника достигает нескольких гектаров, культурный слой хорошей сохранности, распашка затронула его не более чем на 20 *см*. Сооружения остались в основном нетронутыми. Насыщенность слоя очень велика, но неравномерна, больше в западной части и в центре поселения (Тиханова 1963: 179). Вещевой материал представлен в Лепесовке изделиями из глины, металлов, стекла, кости и камня (Тиханова 1963; 1964).

Керамический материал поселения очень богат. Весь керамический комплекс составляют более 100 000 фрагментов сосудов. На первом месте стоит столовая гончарная посуда (более 50% от всей керамики), значительно меньше шероховатой кухонной и лепной керамики.

Большая часть находок (керамика, металлические изделия) позволяет относить Лепесовку к черняховской археологической культуре. Но на поселении выделяется значительное количество находок, характерных для других культур. Среди лепной керамики 39% относится к вельбаркской культуре, а также присутствует некоторый процент керамики ряда других культур. Это говорит о неоднородности населения рассматриваемого памятника (Щукин 1989: 201).

М.А.Тиханова в характеристике гончарной керамики поселения Лепесовка отмечала, что «к уникальным образцам принадлежат большие открытые чаши с лощеным орнаментом (на дне изнутри) в виде креста с прямыми или расширяющимися концами или с изображением дерева» (Тиханова 1963: 185) (Рис.1:1, 2). Значительная часть фрагментов этих сосудов относится к заполнению жилища IV, они обнаружены в развале глиняной обмазки вдоль южной стены сооружения. Жилище IV расположено на участке поселения, очень интересном в плане стратиграфии. Оно перекрывает жилище VIII, погибшее в сильном пожаре, которое в свою очередь частично перекрыто хозяйственной постройкой 4. Эти сооружения богаты датирующими находками, которые показывают, что жилище VIII было обитаемо в конце II — начале III века н.э., а жилище IV и хозяйственная постройка 4 — в середине III — начале IV веков н.э. (Tikhanova, Shcheglova, Shchukin, Sharov 1999: 91-99).

По фрагментам можно предположить наличие нескольких экземпляров интересующих нас сосудов. В профиле чаши напоминают черняховские биконические миски, но диаметр их устья больше (32 — 40 *см*), при высоте до 9 *см*. Возможно, диаметр устья одного сосуда с несохранившимся венчиком был еще больше. Сосуды изготовлены из хорошо промешанной глины с добавлением слюды, поверхность се-

© А.В.Воротинский, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

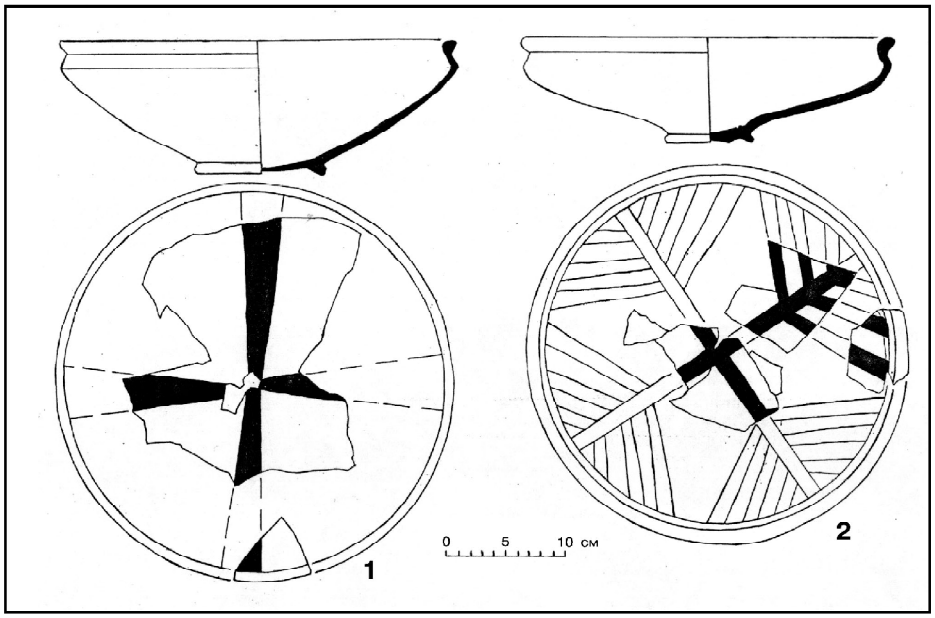

Рис. 1. 1, 2 — чаши с крестами из Лепесовки.

рая, имеют равномерный обжиг высокого качества.

Эти сосуды сходны и по характеру оформления донца — на низком кольцевом поддоне, снаружи в центре находится углубление, глина выбрана режущим инструментом. Более-менее достоверные аналогии нашим сосудам обнаружены в «княжеском» погребении у села Рудка (Кухаренко 1980: 86, Таб. XXXII, Рис. 5), но этот сосуд не орнаментирован, а также на черняховском поселении Покровка 5 (раскопки Славяно-сарматской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством М.Б.Щукина, 1997 год, SSE-97 Росг. 5 S-II постр. 1 №№ 1247, 1249, 1250, 1465) (Рис. 2: 13).

Способ оформления дна сближает рассматриваемые сосуды с группой краснолаковых сосудов из Танаиса, обнаруженных в помещениях, разрушенных в середине III в.н.э. во время разгрома города племенами готского союза. Эти краснолаковые сосуды были изготовлены в малоазийских мастерских по производству керамики (Арсеньева 1985: 77, Рис. 1, 2: 10-16; Арсеньева, Науменко 1992: 15) (Рис.2: 11, 12).

Прежде чем рассматривать орнаментацию сосудов из Лепесовки, обратимся к некоторым вопросам истории города Танаис и его керамического производства.

Расцвет Танаиса приходится на первую половину III в.н.э. (Шелов 1972: 6). Затем произошла катастрофа — город подвергся полному уничтожению. До недавнего времени считалось, что это произошло где-то между 244 г. и концом сороковых годов III в.н.э. (Шелов 1972: 300-302). Однако, недавние находки статеров Рескупорида IV в слое пожара позволили отнести разгром Танаиса ко времени не ранее 251 — 254 гг. (Анисимов 1987: 86-88, Зубарь 1998: 138-139). Возродилась жизнь в городе не позднее конца III в.н.э. (Зубарь 1998: 148).

Ремесленный характер керамического производства в Танаисе остается пока недоказанным, хотя существование его весьма вероятно (Шелов 1972: 99). В подвальных помещениях города обильно представлена краснолаковая керамика малоазийского происхождения (Рис. 2: 6-10). Малоазийские центры производства краснолаковой керамики известны в Чандарли (район г. Пергам) и на о. Самос. Импорт из этих центров прослеживается с I в.н.э. до IV в.н.э. Отличительным признаком самосской керамики является изобилие слюды в глиняном тесте сосудов. Малоазийские тарелки типа 9А(Т) по классификации Т.Н.Книпович (Книпович 1952: 314, Рис. 11:1, 2), были особенно распространены в причерноморских поселениях первых веков нашей эры (много в Ольвии, Херсонесе, Пантикапее, Танаисе). Они представляют собой один из самых излюбленных горожанами типов посуды этого времени. Полное тождество технологических особенностей их изготовления заставляет предположить общность происхождения: видимо, это продукция центров по производству керамики на севере Малой Азии (Книпович 1952:. 314).

Вероятно, чаши из Лепесовки имеют своим прототипом именно эту северо-малоазийскую продукцию. Однако, на краснолаковой керамике не известна орнаментация, подобная изображениям на чашах, тогда как в лепной керамике Танаиса орнаментация внутренней стороны тарелок лощеными линиями (Арсеньева 1965: Табл. VIII, Рис. 3, 5), расходящимися из центра наподобие лучей, а, возможно, и в виде креста (Рис. 2: 3, 4), очень напоминает лепесовские изображения.

«Вся строительная или производственная деятельность имеет своим прототипом космогонию. Сотворение Мира становится архетипом всякой созидательной деятельности человека,

в каком бы плане она ни разворачивалась» (Элиаде 1994: 36). Этот вывод М. Элиаде делает на основании исторических и этнографических наблюдений. Подтверждение этой концепции он находит и в мире древних германцев, и у римлян: «В общем речь идет о древней и очень распространенной идее: от Центра проецируются четыре горизонта в направлениях четырех сторон света. Римский *mundus* (мир, вселенная) представлял собой ров в форме окружности. Образованный им круг делился на четыре сектора; он был одновременно и отображением космоса и образцом для строительства жилья... Есть свидетельства, что аналогичные идеи объясняют структуру германских городов и деревень. В самых различных культурных контекстах мы обнаруживаем одну и ту же космологическую схему, один и тот же ритуальный сценарий: размещение на какой-либо территории уподобляется сотворению мира» (Элиаде 1994: 36-37).

Отражение подобных космологических представлений можно проследить на примере курганов на о. Готланд (Швеция), где из камня выкладывался крест в круге, иногда с разветвлениями на концах (Wołągiewicz 1986: Abb. 10). Эти каменные выкладки (Рис. 2: 1, 2) имеют значительное сходство с изображениями на чашах из Лепесовки. Рассуждения М.Элиаде вполне применимы к рассматриваемым нами орнаментам. Курганы с выложенными из камня концентрическими кругами в первом веке нашей эры появляются в Польском Поморье, они сходны с отмеченными выше курганами Швеции. Вместе с обычаем сооружать подобные курганы в Поморье произошли изменения в облике культуры населения — из могил исчезло оружие, в погребальном обряде появился биритуализм и в употребление вошли новые виды украшений. Новая культура получила название вельбаркской, по могильнику Вельбарк-Госцишево, а ее происхождение связывают с продвижением племени готов в страну Ойум, описанным Иорданом (Щукин 1994: 244-249; Szczukin 1981: 127-134; Wołągiewicz 1981: 79-106). В Лепесовке заметны отчетливые следы вельбаркской культуры (Щукин 1989: 195-214) и, таким образом, можно предположить связь между «крестами» Готланда и крестообразными изображениями на сосудах из Лепесовки.

Вельбаркская культура и передвижения ее носителей были причиной культурных инноваций почти для всей Центральной и Восточной Европы (Szczukin 1981: 127-134). С 230-х гг. готы совершают походы на суше и на море и в ходе этих походов ряды нападавших пополнялись местными жителями, переходившими на их сторону (Гей, Бажан 1997: 22). Кроме того, успеш-

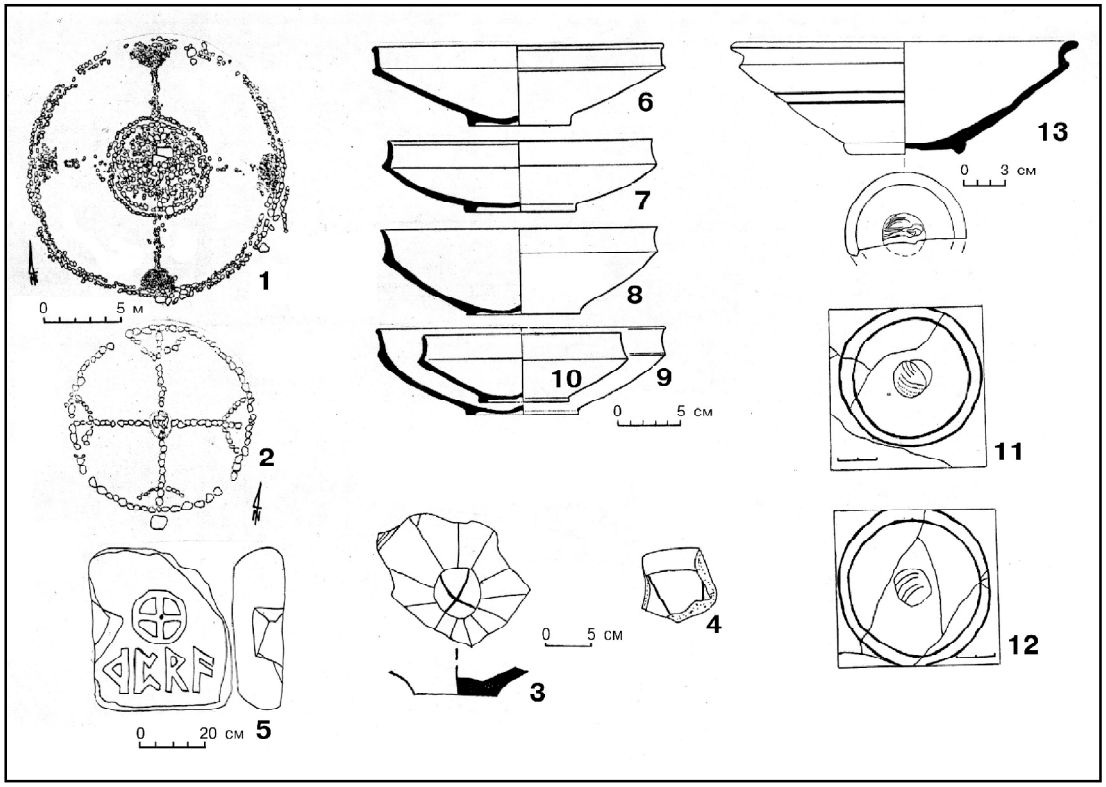

Рис. 2. 1, 2 — курганы с каменными выкладками из Швеции (по: Wołągiewicz 1986: Abb. 10: 1,2); 3, 4 — фрагменты сосудов из Танаиса с орнаментацией внутренней стороны (по: Арсеньева 1965: Табл. VIII:3,5); 5 — рунический камень с горы Апук в Крыму (по Голенко, Юрочкин, Синько, Джанов 1999: рис. 1); 6-10 — краснолаковые сосуды из Танаиса (по Арсеньева 1985: Рис. 2: 10, 11, 14-16); 11, 12 — наружная сторона дна краснолаковых сосудов из Танаиса (по Арсеньева 1985: Рис. 1: 1, 2); 13 — гончарный серолощеный сосуд из постройки 1 поселения Покровка 5.

ные военные действия сопровождались уводом пленных, в том числе ремесленников, в глубинные районы варварских земель (Магомедов 1998: 147; Юрочкин 1999).

Выделяются две волны проникновения носителей вельбаркской культуры на юго-восток: брест-тришинская, около 200 г. н.э. и дытыничская, двадцатых-тридцатых годов III в.н.э. (Щукин 1994: 247). Поселение Лепесовка также находит свое место в рамках типа памятников Дытыничи-Тришин (Баран 1970: 8). По материалам, относимым к вельбаркской культуре, ранний этап жизни поселения относится, скорее всего, к рубежу брест-тришинской и дытыничской волн проникновения носителей вельбаркской культуры на юго-восток (начало III в.н.э.). Ю.В.Кухаренко относит поселения рассматриваемого типа к волынской группе памятников полей погребений (Кухаренко 1958: 219-226).

Ремесленники-гончары из северо-малазийских центров производства керамики могли принимать участие в изготовлении керамики в Лепесовке. В производство керамики изготовители вносили элементы своих традиционных приемов (отмеченный выше вырез ножом на наружной стороне донца сосуда и примесь слюды), но учитывали при этом требования и вкусы заказчиков — делали не краснолаковую, а серолощеную черняховскую керамику. Возможно, эти ремесленники были приведены в качестве пленников-рабов после готских походов середины III в.н.э. или позднее. Они вполне могли быть последователями христианского вероучения. Относительно того, были ли христианами их хозяева, у нас нет достоверных данных, но это также не исключено, поскольку известно, что в IV в.н.э. некоторая часть готов была обращена в христианство арианского толка (Лавров 1997: 14-15). В IV веке уже существовала Готская епархия, на Никейском соборе 325 года ее представлял митрополит Феофил, его подпись заключает перечень составителей Никейского Символа (Зубарь 1999: 323; Юрочкин 1999: 327). Основным источником проникновения христианства к готам были жители Малой Азии, среди которых были священники, попавшие в плен во время готских походов III века. В.Ю.Юрочкин предполагает, что часть «малоазийцев» могла уйти с варварами вполне добровольно из-за гонений на христиан или с целью проповеди (Юрочкин 1999: 327-328). Христианство проникало к готам и через институт федератов. При переселении готов на земли империи христианство привлекало их в тех случаях, когда вместе с обращением они получали от императора и земли для поселения (Буданова 1990: 139-140). Готы переселялись для несения пограничной службы за серебро, продовольствие и товары ремесленников. Таким образом, федераты были развращены благами римской цивилизации и вполне допустимо, что они принимали христианство с корыстной целью. Не исключено, что у них сложилось особое, смешанное язычески-христианское мировоззрение.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что орнаментация чаш из Лепесовки может носить в себе следы как языческих, так и раннехристианских традиций. Подтверждением этому может служить история принятия христианства на Руси, когда параллельно с христианством продолжали существовать и языческие традиции, а порой эти традиции смешивались, что продолжалось в течение нескольких веков.

Предположение о соединении языческих и христианских традиций в среде крымских германцев в IV в.н.э. высказывают авторы статьи о находке рунического камня на г. Опук в Крыму (Рис. 2: 5). На камне изображены руны и крест в круге. Крест напоминает изображение на одной из рассмотренных нами чаш. Авторы статьи высказывают предположение об ассоциации в глазах германцев духовного пути Одина и Христа (Голенко, Юрочкин, Синько, Джанов 1999: 80-89). Тарелки из Лепесовки могут стать дополнительным аргументом к их предположению.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимов А.И. 1987. О продвижении готов в северовосточное Приазовье // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: Тезисы докладов. Донецк.

Арсеньева Т.М. 1965. Лепная керамика Танаиса // МИА. №127. М.

Арсеньева Т.М. 1985. Две группы краснолаковых сосудов из Танаиса // КСИА. Вып. 182. М.

Арсеньева Т.М., Науменко С.А. 1992. Усадьбы Танаиса. М.

Баран В.Д. 1970. Черняховская культура в междуречье Верхнего Днестра и Западного Буга в свете новейших исследований // КСИА. Вып. 121. М.

Буданова В.П. 1990. Готы в эпоху Великого переселения народов. — М.: Наука.

Гей О.А., Бажан И.А. 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.

Голенко В.К., Юрочкин В.Ю., Синько О.А., Джанов А.В. 1999. Рунический камень с г. Опук в Крыму и некоторые проблемы истории северопричерноморских германцев // Древности Боспора. М.

Зубарь В.М. 1998. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н. э. — первая половина VI в.). Киев.

Зубарь В.М. 1999. Некоторые особенности распространения христианства на Боспоре // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира (материалы международной научной конференции). СПб. С. 321-326.

Книпович Т.Н. 1952. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935 — 1940 гг. // МИА. № 25. М.; Л.

Кухаренко Ю.В. 1961. Памятники железного века на территории Полесья // САИ. Вып. Д 1-29.

Кухаренко Ю.В. 1980. Могильник Брест-Тришин. М.

Лавров В.В. 1997. Германские племена в этнической истории Северного Причерноморья в III-IV вв.н.э.: Автореферат диссертации на соискание ученой степени к. и. н. СПб.

Магомедов Б.В. 1998. Вельбаркские традиции в черняховской гончарной керамике // 20 lat archeologii w Masłomiężu. №. II. Goscie. Lublin.

Тиханова М.А. 1963. Раскопки на поселении III — IV вв. у с. Лепесовка в 1957 — 59 гг. // СА. №2.

Тиханова М.А. 1964. Днестровско-Волынская экспедиция в 1960- 61 гг. // КСИА. Вып. 102.

Шелов Д.Б. 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. М.

Щукин М. Б. 1989. Поселение Лепесовка: вельбарк или черняхов? // Kultura wielbarska w mlodszym okresie rzymskim. Lublin. T. II.

Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб.

Элиаде М. 1994. Священное и мирское. М.

Юрочкин В.Ю. 1999. Боспор и православное начало у готов // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира (материалы международной научной конференции). СПб.

Яроцкий Я.В. 1909. Некоторые памятники древности близ с. Лепесовки // ИАК. Вып. 29.

Szczukin M. 1981. Zabytki wielbarskie a kultura czerniahowska // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk. S. 127-134.

Tikhanova M.A., Shcheglova O.A., Shchukin M.B., Sharov O.V. 1999. The strukture of the Lepesovka settlement // Die Sintana de Mures-Cernjachov-Kultur: Akten des Internationalen Kolloquiums in Caputh vom 20. bis 24. Oktober 1995. Bonn. S. 91-99.

Wołągiewicz R. 1981. La civilisation de Wielbark — problemes de l'interpretation ethnique // Problemy kultury wielbarskiej. Slupsk. S. 79-106.

Wołągiewicz R. 1986. Die Goten im Bereich der Wielbark-Kultur // Archaeologia Baltica, «Peregrinatio Gothica». Lódz. T. VII.

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

Т.А.Рудич

НАСЕЛЕНИЕ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ АНТРОПОЛОГИИ

T.A. Roudich. Cherniakhov Population in Middle Dnieper Basin in View of Anthropological Material.

The article is an analysis of anthropological contents of Cherniakhov population in Middle Dnieper basin. The subject of research was craniological material from the cemeteries in Cherniakhov, Maslovo, Dedovshchina, Zhuravka, Teleshovka, Romashki, Dereviana, Cherkassy-Centre. Measurements, description and analysis of material were carried out on basis of methods adopted by the national anthropological school.

Internal group analysis of a summary series of Cherniakhov culture of Middle Dnieper basin tells about its heterogeneity. The results of factorial analysis of the group of male skulls allow distinguishing 4 most common morphological types.

Type A. Mesomorphic, meso-dolichocranian, with medium dimensions of face and its elements. The face is well profiled. The type is typical of Cherniakhov groups from the North Black Sea Coast and late Scythian series from the cemeteries of Nikolaevka-Kozatskoe, Zolotaya Balka (Lower Dnieper basin), Naples Scythian (Crimea) and some Classical Ancient cemeteries.

Type Á. Sub-hyper-morphic, dolichocranian, with medium dimensions of face and its elements. The face is well profiled. The closest analogues to this types can be found in the cemeteries of the Baltic region: ground cemeteries in Lithuania of II-V cc., barrow cemeteries of Lithuania of II-V cc., early cemeteries of Žemajtia. The type is typical of many Baltic series of the later time: V-XIII cc. and is characterised by proportions of skull and face typical of the Baltic people.

Type Â. Hyper-morphic, sharp dolichocranian, with a narrow medium high face, medium sizes of elements of face. The face is well profiled. The type is characterised by very archaic features and is morphologically close to the groups of cord pottery of Czechia and Saxony-Thuringia.

Type Ã. Mesomorphic, meso-brachicranian, with medium-wide, low face, low eye-sockets, medium-wide nose. The face is well profiled. The type having features identifying the Slavs, Baltic and Germanic people, manifests a significant closeness to the eastern Slavic groups of X-XIII cc. Similar morphological forms will be, in historical perspective, typical of Polyanskaya groups. The type is represented by a few skulls from various cemeteries.

The inter-group analysis resulted in Cherniakhov series of Middle Dnieper basin manifesting different nature of anthropological connections: north-western, western and southern. The materials of Cherniakhov cemeteries were compared with a rather wide circle of groups dated by III c. BC – V c. AD. The north-western and western direction of anthropological connections is represented by: 1) a series of skulls from the cemeteries Maslovo and Dereviana, statistically close to the people which left the cemeteries of the Baltic area in II-V cc.; 2) a group from the cemetery Cherkassy, which manifested the highest similarity with the series of Wielbark culture on Low Vistula and Maslomench, Grudek; 3) a group from the cemetery Romashki, which manifested similarity to the series of IV century from Silezia connected by the German researchers with the Goths-Hepids. The cemetery Zhuravka shows southern nature of anthropological connections with the Cherniakhov cemeteries of the North Black Sea Coast and late Scythian series.

Thus, Cherniakhov population in Middle Dnieper basin is not homogeneous. There are morphological types documented in the Ukraine in earlier epochs. However, an inflow of new population is observed, which was rather heterogeneous anthropologically. It is a consequence of migrations from western and north-western territories, which involved both anthropologically heterogeneous Germanic peoples and their neighbours.

Изучение сложных процессов этнокультурного развития базируется на данных разных источников — археологических, исторических, лингвистических, этнографических и антропологических. Пополнение базы данных разных дисциплин происходит разными темпами, и если археологи, занимающиеся черняховской тематикой, могут оперировать сотнями памятников и имеют обширную библиографию, то достижения антропологии в этой области значительно скромнее. Тема антропологического состава населения черняховской культуры не слишком популярна среди антропологов. Это связано с целым рядом сложностей, которые возникают в процессе работы. Биритуализм в обряде погребения не дает возможности проанализировать данные обо всем населении культуры. Отсутствует сравнительный материал из могильников целого ряда культур 1 тысячелетия до н.э. — 1 тысячелетия н.э. Европы, где был принят обычай кремации умерших, который не оставляет материалов для краниологических исследований. Значительными потерями материала антропологи обязаны «порушенным погребениям». Все это привело к тому, что обращение антропологов к черняховской тематике носило эпизодический характер.

© Т.А.Рудич, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

Краниологическим исследованиям населения черняховской культуры Среднего Поднепровья посвящены работы Г.Дебеца и Т.Кондукторовой. Г.Дебец (Дебец 1948: 146) ввел в научный оборот материалы из могильников Черняхов (раскопки В.Хвойко), Маслово (раскопки С.Гамченко), Дедовщина (раскопки В.Козловской). Автор отметил морфологическую близость черепов из этих могильников с серией из нижнеднепровского могильника Николаевка, опубликованной А.Шлицем (раскопки М.Эберта). Он не отрицал возможности западных миграций, однако довольно скептически отнесся к идее А.Шлица и А.Чекановского связать николаевскую серию напрямую с готами. Отсутствие сравнительного материала из собственно готских могильников, по мнению Г.Дебеца, делало такие сопоставления некорректными.

Следующая работа, посвященная краниологическому анализу населения черняховской культуры Среднего Поднепровья, связана с именем Т.Кондукторовой (Кондукторова 1979: 163-204). Она ввела в научный оборот материалы могильников Журавка и Черняхов (раскопки Э.Сымоновича), несколько черепов из могильников Ромашки, Телешовка и Деревяна (раскопки Э.Сымоновича). Т.Кондукторова отметила сходство суммарной серии черняховской культуры Среднего Поднепровья с населением позднескифского памятника Золотая Балка в Нижнем Поднепровье и сборной серией причерноморских скифов. Это могло, по мнению автора, свидетельствовать о местном происхождении черняховцев. Сравнивая черняховскую сборную серию с хронологически более поздними группами восточных, западных, южных славян и германцев по дифференцирующим признакам, она фиксирует противоречивость черняховской сборной серии, которая по одним признакам выявляет наибольшую близость к западным или восточным славянам, а по другим – к германцам. Однако Т. Кондукторова сочла возможным «склониться к выводу о большем сходстве черняховцев со славянами, чем с германцами. Возможно, это подобие отражает генетическое родство черняховцев и славян, конкретно, среднеднепровских черняховцев и полян» (Кондукторова 1972: 114-115). Таким образом, она выстраивает цепочку: скифы — черняховцы — поляне. Эта идея была ранее высказана Т.Алексеевой, но не была ею аргументирована.

С момента этих публикаций прошел достаточно большой срок, однако, если антропологи и обращались к материалам Среднего Поднепровья, то использовали их в качестве сравнительного материала или в суммарной серии. Между тем археологические исследования на могильниках черняховской культуры продолжались, и антропологические коллекции несколько пополнились. Появился и новый сравнительный материал из могильников хронологически и территориально близких черняховской культуре. Назрела необходимость основательной ревизии антропологических материалов черняховской культуры, которую лучше проводить, базируясь на новых подходах. Мы полностью присоединяемся к мнению С.Г.Ефимовой, что «в антропологических данных проявляется незавершенность процессов метисации, вследствие чего средние характеристики серий малоинформативны для детальной дифференциации слагающих их компонентов. Антропологам еще предстоит основательная ревизия материалов черняховской этнокультурной общности» (Ефимова 1999: 306).

Вашему вниманию предлагается анализ материалов данной культуры с территории Среднего Поднепровья. Мы добавляем к суммарной серии, в которую вошли материалы, обработанные Г.Дебецом и Т.Кондукторовой, черепа из могильников Деревяна (раскопки Н.Кравченко), исследованные П.Покасом (материалы готовятся к печати) и черепа могильника Черкассы-Центр из раскопок М.Сиволапа (Сиволап 1995: 79-83), изученные автором данной статьи.

Суммарная мужская группа Среднего Поднепровья насчитывает 60 черепов из могильников Журавка, Маслово, Черняхов, Ромашки, Дедовщина, Телешовка, Завадовка, Черкассы-Центр.

В среднем выражении серия характеризуется долихокранией, длинной, узкой и высокой черепной коробкой, среднешироким и средневысоким лицом, средневысокими по указателю орбитами, среднешироким носом. Лицо хорошо профилировано в горизонтальной плоскости, ортогнатное, с хорошим выступанием носа.

Серия антропологически неоднородна. Размах изменчивости признаков заставляет предположить, что он отражает внутригрупповые отличия. Сравнение квадратического уклонения признаков, коэффициентов вариаций признаков нашей группы со стандартными выявляет повышенную вариабельность по многим параметрам (Алексеев, Дебец 1964: 123-127). Были также рассчитаны парные коэффициенты корреляций признаков серии. При сравнении их со стандартными отмечались значительные расхождения, что проявлялось в появлении обратных знаков, завышении или занижении величин (Рогинский 1954: 57-92). Это еще раз подтверждает неоднородность антропологического состава суммарной серии.

Для выяснения характера неоднородности мы обратились к одному из методов многомерной статистики — факторному анализу (МГФ — метод главных факторов) (Дерябин 1983: 67-115). Значительная точность краниометрических измерений позволяет успешно использовать методы биометрической статистики.

Факторному анализу были подвергнуты только те черепа суммарной группы, в которых представлены следующие признаки: продоль-

ный, поперечный, высотный диаметры черепа, наименьшая ширина лба, верхняя высота лица, скуловой диаметр, высота и ширина орбит, высота и ширина носа. То, что мы ограничились небольшим набором признаков, вызвано желанием расширить круг черепов, включенных в анализ, который требует полной реализации по привлеченным признакам. Таких черепов оказалось 39.

Морфологическую разницу между индивидуумами можно проследить, опираясь на главные значения факторных нагрузок и определить признаки, которые играют наибольшую роль в выделении типов.

Значение факторных нагрузок мужской серии представлены ниже.

Признаки	*F1*	*F2*	*F3*
48. Высота лица	0,708	–0,498	0,354
1. Продольный диаметр	0,707	0,022	–0,354
45. Скуловой диаметр	0,677	0,445	0,030
9. Ширина лба	0,618	0,079	0,245
55. Высота носа	0,612	–0,573	0,289
54. Ширина носа	0,559	0,495	–0,246
52. Высота орбит	0,095	–0,751	–0,088
8. Поперечный диаметр	0,245	0,665	0,257
17. Высотный диаметр	0,237	–0,245	–0,829
51. Ширина орбит	0,412	0,067	0,027
Lx	2.822	2.098	1.312

По первому фактору (28.2% общей дисперсии) наибольшие нагрузки несут такие признаки: верхняя высота лица, продольный диаметр черепа, скуловой диаметр, наименьшая ширина лба, ширина носа, ширина орбит.

По второму фактору (20.97% общей дисперсии) наибольшую отрицательную нагрузку несет высота орбит, а наибольшую положительную поперечный диаметр черепа.

По третьему фактору (13% общей дисперсии) значительные отрицательные нагрузки несет высота черепа.

Исходя из значений факторов, теоретически возможны 8 комбинаций управляющих ими особенностей, но нас интересуют наиболее часто встречаемые комбинации. Все черепа, задействованные в анализе, были вписаны в пространство трех основных факторов по факторным весам отдельных черепов. Они распределились, в основном, по четырем скоплениям. Четыре главных скопления характеризуются четырьмя комбинациями краниологических особенностей. Эти комбинации являются доминирующими на территории Среднего Поднепровья, хотя не исчерпывают все разнообразие антропологического состава населения данного региона. Были высчитаны средние размеры признаков для каждого скопления черепов. Это дало возможность охарактеризовать доминирующие типы, выделенные при помощи факторного анализа, и дать их интерпретацию.

Опираясь на средние скоплений, можно выделить следующие антропологические типы среди населения Среднего Поднепровья.

Признаки	*Тип А*	*Тип Б*	*Тип В*	*Тип Г*
1. Продольный диаметр	184,5	188,9	192,8	181,0
8. Поперечный диаметр	139,5	135,9	132,8	144,0
17. Высотный диаметр	135,3	138,2	144,0	133,6
9. Ширина лба	96,1	97,5	93,6	96,7
45. Скуловой диаметр	132,2	132,3	127,8	132,3
48. Высота лица	69,6	71,5	69,2	67,0
55. Высота носа	51,0	51,6	52,3	49,3
54. Ширина носа	25,3	25,0	25,4	25,1
51. Ширина орбиты	40,5	41,3	41,5	41,7
52. Высота орбиты	32,4	33,1	33,3	31,0
77.Назомалярный угол	137,1	137,6	131,3	137,3
Zm. Зигомаксилярный угол	125,3	124,6	124,3	128,6
75.1. Угол носа	32,4	29,1	33,0	29,0
8:1. Черепной указатель	75,5	72,0	68,9	79,5
48:45. Лицевой указатель	52,6	54,0	54,2	50,7
52:51. Орбитный указатель	80,0	82,0	80,3	74,5
54:55. Носовой указатель	48,9	48,6	48,5	50,9

Тип А. Мезоморфный, мезо-долихокранный. Характеризуется средней (на границе с большой) длиной черепа, при среднем поперечном и высотном диаметрах черепной коробки. Лицо среднешироко и средневысокое, хорошо профилированное в горизонтальной плоскости. Нос среднеширокий, сильно выступающий. Орбиты средневысокие.

Тип относится к антропологии средиземноморского круга. Более всего представлен в могильнике Журавка. Этот морфологический тип является характерным для суммарной серии черняховской культуры Северного Причерноморья, «позднескифских» памятников: Золотая Балка, Николаевка-Козацкое, Неаполь Скифский и античных некрополей Северного Причерноморья (Ольвии, Танаиса, Фанагории).

Вопрос о появлении данного типа в могильниках черняховской культуры сложен. Он требует детального рассмотрения антропологии «позднескифских» памятников, греческих городов-колоний, черняховских серий Северного Причерноморья, а также привлечения сравнительных материалов юга Европы. Этому будет посвящена отдельная работа. Однако отметим, что в ходе краниологических исследований позднескифских серий, которые проводят украинские антропологи (Т.О.Назарова, работа готовится к печати), выясняется, что при всей сложности состава населения позднескифских памятников, доминирующей там является антропология средиземноморского круга. Ее можно связать с греками. В распоряжении антропологов имеется довольно обширный, хорошо датированный сравнительный материал из могильников греческих городов-колоний Северного Причерноморья, а также материковой Греции. Этот материал морфологически очень близок доминирующему типу позднескифских памятников. Хотя повторяем, антропологическая ситуация на позднескифских могильниках довольно сложная. На них присутствуют и другие морфологические типы, которые можно связать со скифами и сарматами, а также метисные фор-

Нельзя исключить, что часть антропологии средиземноморского круга на этих памятниках может принадлежать фракийцам. К сожалению, сравнительные материалы, которые могут представлять фракийцев, являются фрагментарными и хронологически более ранними. Но они также принадлежат к антропологии средиземноморского круга и отличаются от греков лишь некоторыми пропорциями лица и его деталей.

Все это является темой отдельного обширного исследования, которая уводит нас в сторону от проблемы населения черняховской культуры Среднего Поднепровья. Поэтому мы ограничимся фиксацией близости морфологического типа А из могильников черняховской культуры Среднего Поднепровья со средними размерами суммарной серии черняховской культуры Северного Причерноморья, средними позднескифских памятников Украины и античных памятников Северного Причерноморья. Население Среднего Поднепровья скифского времени представлено другими антропологическими формами. Появление данного типа на могильниках черняховской культуры Среднего Поднепровья можно считать следствием миграций из южных районов Украины.

Тип Б. Субгиперморфный, долихокранный. Характеризуется большим продольным и высотным диаметрами черепа, средневысоким и среднешироким лицом, хорошо профилированным в горизонтальной плоскости. Нос среднеширокий, выступание носа хорошее. Орбиты средневысокие.

Этот долихокранный и высокоголовый тип находит ближайшие аналогии в ряде серий Прибалтики II-V вв. и в целом ряде балтских серий более позднего времени.

Впервые значительное сходство антропологических материалов II-V вв. из могильников Прибалтики с племенами черняховской культуры Украины зафиксировала известный латышский антрополог Р.Денисова (Денисова 1975: 181). Ею отмечалось морфологическая близость населения из грунтовых могильников аукштайтов, представленных могильниками II-V вв. Эугуляй, Сергеней и Вершвай, расположенных в окрестностях Каунаса, в долине реки Невежис и западнее Каунаса по Неману, со сборной серией черепов черняховской культуры Украины.

Истоки долихокранного массивного сравнительно узколицего типа из могильников Прибалтики Р. Я. Денисова видела в массивных узколицых племенах культуры шнуровой керамики Европы (Саксо-Тюрингии и Чехии). Для населения Прибалтики эпохи неолита тип не был характерен, а впервые на данной территории фиксируеся в эпоху бронзы. Его связывают с миграциями с юго-западных территорий племен, балтоязычность которых проблематична. Наличие данного антропологического типа в могильниках II-V вв. наши прибалтийские коллеги объясняют другой крупной миграцией, которая происходила в первых веках н.э. Ее связывают с бурными событиями начала первого тысячелетия, развернувшимися в пограничье западнобалтских племен и вызвавших передвижения внутри западных и восточных балтов (Денисова 1990: 49).

Массивный долихокранный относительно узколицый (среднешироколицый по рубрикациям Дебеца) тип характерен для грунтовых могильников Центральной Литвы II-V вв., суммарной группы культуры курганов Литвы II-V вв., сборной серии грунтовых могильников Жемайтии III-V вв. В более позднее время он характерен для могильников жемайтов V-VI вв. и VIII-XI вв., могильниках земгалов V-VII вв., латышских земгалов V-VII вв. (Чеснис 1990: 9-27). Данный антропологический тип является одним из основных морфологических типов балтов.

Антропологический тип Б из черняховской выборки Среднего Поднепровья по дифференцирующим указателям, предложенным Т.Алексеевой (Алексеева 1974: 71-85) и Г.Великановой (Великанова 1975: 101) для дифференциации славян, балтов, германцев, попадает в размах вариаций балтов, хотя его орбитный указатель более характерен для германских групп.

Тип В. Гиперморфный, резкодолихокранный. Характеризуется очень длинной, высокой и очень узкой черепной коробкой, узким, средневысоким хорошо профилированным в горизонтальной плоскости лицом. Нос среднеширокий и хорошо выступающий. Орбиты средневысокие.

Тип имеет очень архаичные черты, которые заставляют нас в поисках аналогий обратиться к шнуровым группам Европы. Он не укладывается отдельно в размах вариаций ни славян, ни германцев, ни балтов, уклоняясь в сторону то одних, то других. Значительно лучше тип вписывается в размах вариаций групп шнуровой керамики Европы, ближе к шнуровым группам Саксо-Тюрингии и Богемии. Мы имеем дело с архаичными формами, которые содержат ярко выраженную шнуровую основу.

В черняховской культуре Украины этот тип характеризует выборку, правда, очень малочисленную, из могильника Косаново.

Однако возникает вопрос, какому именно хронологическому срезу мы обязаны присутствием этого типа на данной территории. Как известно, среди носителей культуры шнуровой керамики Европы доминировало два антропологических типа: долихокранный узколицый, представленный сериями Средней Германии, Чехии, Польши и долихокранный широколицый, который фиксируется в могильниках шнуровой культуры и боевых топоров Восточной Пруссии. Среди культур шнурового круга Украины, в могильниках городоцко-здолбицкой и стжижовской культуры представлен только долихокранный узколицый с высокой черепной коробкой тип. Т.С.Кондукторова отмечает морфологическую близость населения данных культур со шнуро-

виками Польши и Словакии (Кондукторова 1978: 96-99). Среднеднепровская культура, которая также относится к шнуровому кругу, антропологически не представлена.

В более познее время долихокранный узколицый тип характеризует население тшинецко-комаровской (восточнотшинецкой) культуры. Т.С.Кондукторова отмечала близость антропологического типа населения тшинецко-комаровской культуры и культур шнуровой керамики Европы (Кондукторова 1979а: 92-104). Долихокранные высокоголовые узколицые формы представлены и в лесостепном могильнике скифского времени Медвин (Круц 1997: 91-105). Черепа из медвинского могильника отличаются, благодаря своей высокоголовости и узкому лицу, от групп степных скифов, а статистически проявляют значительную близость с группами шнуровой керамики Европы.

Исходя из вышесказанного, довольно привлекательной выглядит идея построения цепочки существования данного антропологического типа на территории Украины: культуры шнуровой керамики — тшинецко-комаровская культура — население Среднего Поднепровья скифского времени — часть населения черняховской культуры. Однако, надо реально осознавать, что хронологические отрезки между временем существования данных культур, не представленные антропологически, весьма значительны. Поэтому довольно сложно ответить на вопрос: существовал ли данный антропологический тип на территории Украины непрерывно, начиная от шнуровых культуры и до черняховского времени, или мы имеем дело с новой волной миграции потомков населения культуры шнуровой керамики в более позднее — послескифское время. Возможен также вариант наложения близких морфологических форм из разных волн миграции одна на другую.

Тип Г. Мезоморфный, мезобрахикранный. Характеризуется средними размерами черепной коробки, среднешироким и низким лицом, хорошо профилированным в горизонтальной плоскости. Нос среднеширокий, хорошо выступающий. Орбиты низкие.

Этот антропологический тип не находит, на данном этапе, аналогий в краниологии более ранних культур Украины, однако имеет довольно интересные антропологические перспективы. Остановимся на этом.

Как известно, антропологические типы германцев, славян и балтов довольно близки между собой. Для дифференциации восточных, западных, южных славян и германцев Г.Великанова предложила использовать такие указатели: верхнелицевой, орбитный, носовой (Великанова 1975: 101). Рубрикации были рассчитаны ею на значительном материале (48 серий). Т.Алексеева для дифференциации славян, балтов и германцев предложила использовать такие указатели: отношение высоты черепа к полусумме продольного и поперечного диаметров черепа; отношение высоты лица к высоте черепа; отношение высоты орбит к высоте черепа, ширины носа к скуловому диаметру (Алексеева 1974: 71-85). Указатели, предложенные Г.Великановой и Т.Алексевой, довольно четко разделяют разные группы славян, германцев и балтов. Они рассчитаны, как уже говорилось, на значительном антропологическом материале, но в котором, к сожалению, доминируют серии X-XIII вв. Использование этих указателей для анализа черняховского материала, следовательно, придает результатам ориентировочный характер.

Морфологическический тип Г, в среднем выражении, по шести дифференцирующим указателям попадает в размах вариаций восточнославянских серий, а по отношению высоты черепа к полусумме продольного и поперечного диаметров – в размах вариаций западнославянских и южнославянских групп. В исторической перспективе близкие формы будут характерны для полянских серий, но при меньшей ширине черепной коробки последних. Возможно, этот или близкий ему антропологический тип, в будущем, оказавшись доминирующим, повлиял на антропологию полянских групп. Возможно, именно ему серии X-XIII вв. с полянских территорий обязаны своим низким лицом, низкими орбитами, большей шириной носа и большим черепным указателем.

В черняховской выборке Среднего Поднепровья тип Г представлен небольшим количеством черепов, которые рассеяны по разным могильникам.

Таким образом, по результатам внутригруппового анализа суммарной серии черняховской культуры Среднего Поднепровья можно отметить антропологическую неоднородность населения. Антропологические типы, выделенные при анализе, имеют разный удельный вес среди населения различных могильников. Это хорошо видно по результатам межгруппового анализа черняховских серий.

Наибольшее приближение к объективному решению антропологических проблем дает параллельное использование нескольких методов многомерной статистики. Чтобы точнее определить место черняховских серий Среднего Поднепровья в кругу популяций хронологически и территориально близких, нами применялись разные статистические методы. Использовался пакет программ Systat.

Остановимся на результатах сравнения среднестатистических размеров ряда краниологических серий с использованием кластерного анализа (Дерябин 1983: 151-197). Для иллюстрации мы отобрали дендрограмму по результатам кластерного анализа (иерархическая кластеризация, процедура дальнего соседа, дистанция Эвклида). Группы сопоставлялись по десяти признакам: продольный, поперечный и вы-

сотный диаметры черепа, наименьшая ширина лба, верхняя высота лица, скуловой диаметр, ширина и высота носа, ширина и высота орбит. Из-за разницы в методиках материалы, которые мы привлекаем с территории Центральной и Западной Европы, исследовались нашими западными коллегами по короткой программе. Это и заставило нас ограничиться 10 перечисленными признаками. Для сравнительного анализа был использован целый ряд групп III в. до н.э. — V в. н.э. Восточная Европа представлена сериями черняховской культуры могильников Среднего Поднепровья: Черняхов, Журавка (Кондукторова 1972: 114-116), Маслово (Дебец 1948: 146), Деревяна, Черкассы-Центр, Ромашки; сборной серией черняховской культуры Северного Причерноморья (Кондукторова 1972: 124-126), сборной серией черняховской культуры Молдовы (Великанова 1975: 70-91), позднескифскими памятниками Неаполь Скифский, Золотая Балка (Кондукторова 1972: 59-61), Николаевка-Козацкое (Кондукторова 1979); сериями античных городов-колоний Ольвии (Назарова 1994: 85) и Фанагории (Герасимова, Рудь, Яблонский 1987: 57-59); сборной серией сарматов Украины III в. до н.э.— III в. н.э. (Кондукторова 1972: 57-61), серией Черноречье-Инкерман из Крыма (Соколова 1963: 111).

Из Прибалтики привлекались материалы сборной серии грунтовых могильников Центральной Литвы II-V вв., сборной группой черепов культуры курганов Литвы II-V вв., сборной серии грунтовых могильников Жемайтии III-V вв. (Чеснис 1990: 10-23).

Представлены группы из могильников Польши: Масломенч, Грудек (Kozak-Zychman 1996: 97-98), сборная серия вельбарской культуры Нижней Вислы, маленькая сборная серия вельбарской культуры словинско-дравская, серия вельбарской культуры кашубско-крайенская (Roznowski 1985: 242-243), группа из Силезии, которую датируют IV в. и связывают с гото-гепидами (Schwidetzky, Rosing 1975: 195). С территории современной Германии привлекались серии из Мекленбурга, Пфальца, Аугсбурга, сборная группа из Нижней Баварии. В анализе были использованы также: две серии из Венгрии — сборная черепов южного Задунавья и выборка черепов северного Задунавья, серия из Хорватии, сборная группа из могильников культуры Сынтана де Муреш, черепа из греческой колонии Истрии на территории современной Румынии, сборная серия населения материковой Греции 150-450 гг. н.э. Информация о данных могильниках и сборных сериях Европы содержится в сводке И. Швидецкой (Schwidetzky, Rosing 1975: 169-185).

По результатам межгруппового анализа черняховские группы Среднего Поднепрвья оказались в разных кластерах, выявили статистическую близость не между собой, как было бы в случае антропологической однородности населения данного региона, а с группами иногда с очень далеких территорий (рис.1) Это отражает сложность формирования антропологического состава черняховской культуры.

Определились два основных направления антропологических связей носителей черняховской культуры Среднего Поднепровья — северо-западное и южное. Северо-западное направление подразделяется на три отдельных потока — один ведет нас на территорию Прибалтики (главным образом Литвы), другой — на территорию северной Польши, третий — в Силезию.

Два могильника Среднего Поднепровья — Маслово и Деревяна, для которых характерны долихокранные, длинные и высокие черепные коробки, средние размеры лицевого скелета, выявили наибольшую близость со сборными сериями грунтовых могильников Литвы II-V вв. н.э. и культуры курганов Литвы II-V вв. В популяциях из Маслово и Деревяной доминирует тип Б, выделенный в процессе внутригруппового анализа среднеднепровской выборки. С определением времени появления его на территории Украины возникают сложности. Тип характерен для могильников Прибалтики II-V вв. и в исторической перспективе будет одним из основных антропологических типов балтов. Он мог появиться на Среднем Поднепровье как следствие миграций, вызванных бурными событиями в Европе, связанными с передвижением готских племен. Однако нельзя исключать вероятность существования данного типа на нашей территории и во времена, предшествующие появлению черняховской культуры. Существуют археологические гипотезы возможности обитания балтов в Верхнем Поднепровье в дочерняховское время. К сожалению, хронологически более ранние культуры этого региона краниологически не представлены, так как для них был характерен обычай кремации. Таким образом, опираясь исключительно на антропологический материал, на сегодняшний день, мы не можем точно ответить на вопрос: какому конкретно хронологическому срезу мы обязаны балтским компонентам в черняховской культуре Среднего Поднепровья. Решение вопроса требует комплексного подхода.

Серия из могильника Черкассы-Центр оказывается наиболее близкой сборной группе вельбарской культуры Нижней Вислы. К ним тяготеют еще две группы из Польши — Масломенч и Грудек. Для населения могильника Черкассы-Центр, как и для всех вельбарских групп Польши, характерно очень своеобразное сочетание черт: недлинной, узкой, но высокой черепной коробки и небольших размеров лицевого скелета. На территории Украины в хронологически более раннее время этот тип не встречается. Но данные морфологические формы на территории Силезии фиксируются еще во второй половине 4 тысячелетия до н.э. в материа-

лах неолитической культуры Йордансмюлер (Schwidetzky 1990: 7). Появление типа среди населения черняховской культуры Украины можно связать с миграциями носителей вельбарской культуры в данный регион.

В этот же кластер входит субкластер, который объединяет группу из могильника Черняхов, кашубско-крайенскую серию вельбарской культуры, сборную серию черняховской культуры Молдовы и выборку ранних грунтовых могильников Жемайтии III-V вв. Серия из могильника Черняхов является смешанной, в ней присутствуют формы, проявляющие южный и северный характер связей. Неоднородной оказывается и сборная группа из могильников Молдовы. В ней присутствуют морфологические формы средиземноморского круга, формы, характерные для сарматов, типы, близкие вельбарской культуре и даже, правда, в незначительном количестве, типы, сходные с населением могильников Прибалтики II-V вв. Так что статистическая близость всех этих территориально далеких групп — черняховской, вельбарской, жемайтской и черняховской молдавской вполне оправдана. Она может отражать реальные миграции населения Европы и сложность антропологического состава отдельных его групп.

Небольшая выборка из среднеднепровского могильника Ромашки оказывается наиболее статистически близкой к серии IV в. из Силезии, которую немецкие антропологи считают гото-ге-

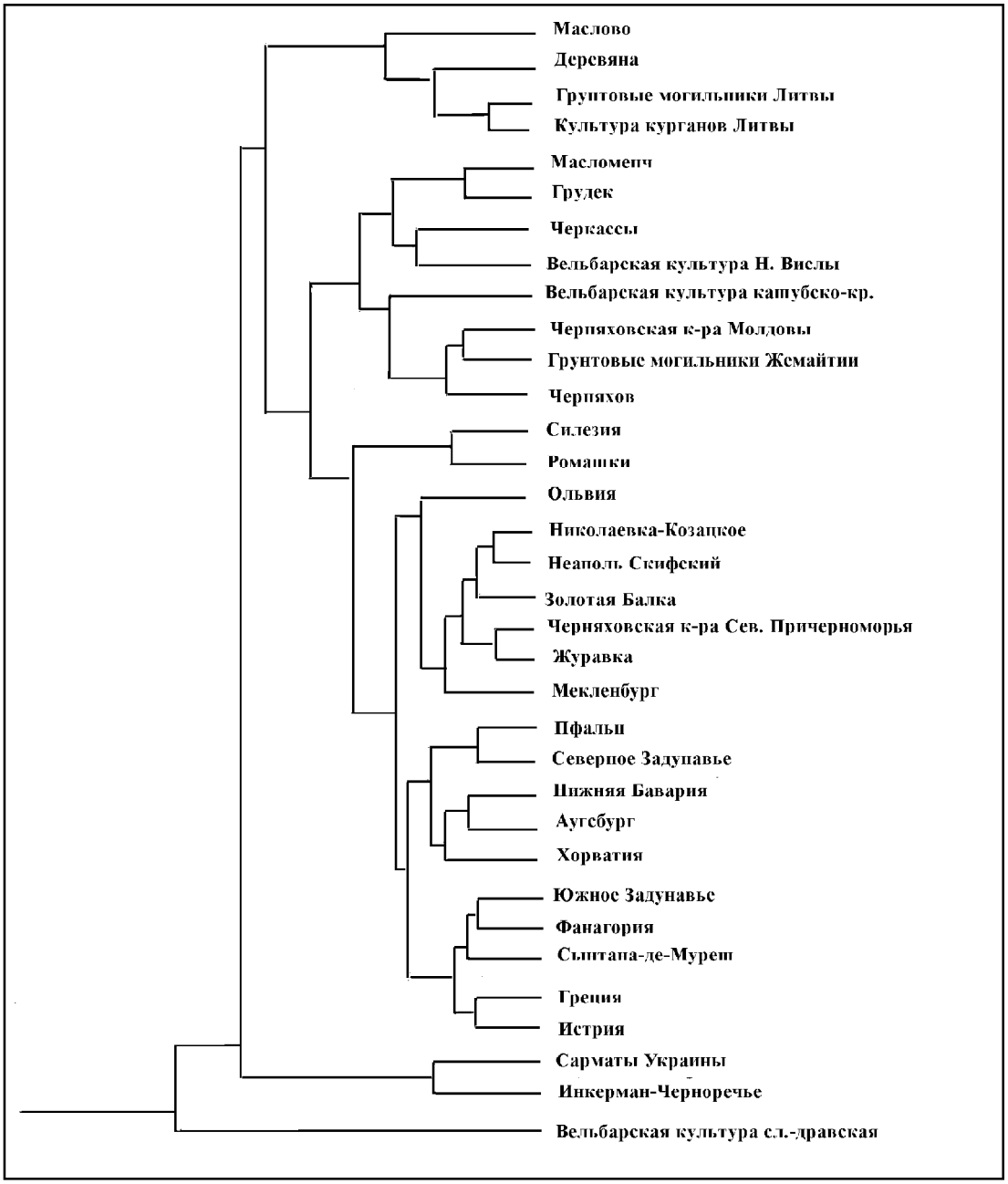

Рис. 1. Дендрограмма межгруппового анализа 34 серий черепов могильников Европы III в. до н.э. — V в.н.э.

пидской (Schwidetzky, Rosing 1975: 196-206). Обе группы близки по размерам черепов, пропорциям черепной коробки и лицевого скелета. К сожалению, в немецкой серии отсутствует информация о профилировке лицевого скелета. Подобные морфологические формы в антропологии Украины более ранних периодов не фиксируются. Их появление на могильниках черняховской культуры можно связать с миграциями населения с западных территорий, с передвижениями готов.

Южное направление антропологических связей черняховского населения Среднего Поднепровья представлено могильником Журавка. Черепа из Журавки показали наибольшее сходство со сборной серией черняховской культуры Северного Причерноморья, а также рядом позднескифских групп из могильников Нижнего Поднепровья Золотая Балка, Николаевка-Козацкое и крымского Неаполя Скифского. К ним тяготеют серии из Ольвии и Мекленбурга.

«Журавский» субкластер входит в кластер, который условно можно назвать «южным», так как в нем сконцентрировались главным образом группы из южных районов Европы или тяготеющие к ним. В «южном» кластере имеются еще два субкластера — «греческий», в который вошли сборная черепов материковой Греции, греческих городов-колоний Истрии и Фанагории, сборной Южного Задунавья и сборная культуры Сынтана де Муреш. В третий «южногерманский» субкластер попадают группы Средней Европы: Аугсбург, Нижняя Бавария, Пфальц, сборная Северного Задунавья и Хорватии. Как мы видим, «южный» кластер довольно ярко иллюстрирует всю сложность процесса формирования антропологической карты юга Европы. Сложен состав населения памятников «поздних скифов», как уже говорилось, в них доминируют средиземноморские формы. Достаточно много вопросов вызывает и антропология южногерманских памятников. В некоторых из них ощущается средиземноморское влияние. В ряде случаев это связано с римским присутствием на данных территориях. Особенно это видно при введении в межгрупповой анализ серий римлян. Однако это является темой отдельного исследования. Мы остановимся лишь на фиксации статистической близости выборки черепов из могильника Журавка из Среднего Поднепровья со сборной серией черняховской культуры Северного Причерноморья и «позднескифскими» группами Николаевки-Козацкой, Золотой Балки и Неаполя Скифского.

Подведем итоги внутригруппового и межгруппового анализа. К сожалению, нам придется прибегнуть к некоторым повторам. Результаты межгруппового и внутригруппового анализа во многом совпадают. Некоторые расхождения отражают прежде всего степень обеспеченности материалом. Межгрупповой анализ охватывает несколько большее количество материалов, чем внутригрупповой, требующий при использовании отдельных методов многомерной статистики полных реализаций, что исключает из анализа целый ряд поврежденных черепов.

По результатам внутригруппового и межгруппового анализов антропологический состав населения черняховской культуры Среднего Поднепровья оказывается неоднородным. Намечаются два главных направления антропологических связей — северо-западное и южное. В северо-западном пучке связей наметилось несколько отдельных линий. Первая из них ведет к могильникам Прибалтики II-V вв. и более поздних времен. Долихокранный, с длинной, высокой черепной коробкой и средними параметрами лица тип из могильников Среднего Поднепровья отличается размерами и пропорциями черепа и лица, характерными для балтов. Появление типа на территории Украины может быть связано с миграциями с территории Прибалтики, связанными с передвижением готов. Однако, возможно, он присутствовал в нашем регионе в составе культур, хронологически предшествующих черняховской, но послескифских. Решить вопрос о времени появления данного антропологического типа на материалах нашей науки пока сложно. Мы только можем фиксировать его присутствие в черняховских могильниках Украины III-V веков.

Другие линии антропологических связей северо-западного направления ведут на территорию Польши: 1 — к могильникам вельбарской культуры Нижней Вислы; 2 — к могильникам вельбарской культуры Кашубии; 3 — к могильникам Силезии IV века, которые связывают с гото-гепидами. Данные антропологические типы на территории Украины в более раннее время не фиксировались, а на территории Средней и Северной Европы имеют давние корни. Таким образом, их появление на территории Украины логично связать с миграциями, вызванными передвижением готов.

Еще одна линия связей имеет северо-западное направление. Это касается гиперморфного узколицего типа, сохранившего весьма архаичные черты. Истоки его можно найти в могильниках шнуровой керамики Саксо-Тюрингии и Богемии. Этот морфологический тип был характерен и для могильников культур шнурового круга Украины — стжижовской и городоцко-здолбицкой, позднее могильников тшинецко-комаровской культуры. Присутствует он и на лесостепных могильниках скифского времени. В случае с данными морфологическими формами мы можем предположить разные варианты событий: 1 — тип существовал на территории Украины непрерывно, начиная с культур шнуровой керамики и до черняховской культуры; 2 — мы имеем дело с населением, пришедшим в Среднее Поднепровье в послескифское время и имеющим истоки в шнуровой керамике Средней Ев-

Таблица №1 средних размеров мужских черепов из могильников черняховской культуры Среднего Поднепровья

Признаки по Мартину	*Маслово*	*Деревяна*	*Черкассы*
1. Продольный диаметр	189.5 (6)	193.3 (6)	183.8 (4)
8. Поперечный диаметр	133.7 (6)	138.0 (6)	135.3 (4)
17. Высотный диаметр	143.0 (2)	142.8 (5)	138.8 (4)
9. Ширина лба	95.3 (6)	97.3 (6)	97.5 (4)
45. Скуловой диаметр	132.3 (3)	132.7 (3)	131.3 (4)
48. Высота лица	72.3 (3)	69.0 (4)	66.5 (4)
51. Ширина орбит	42.7 (3)	42.4 (5)	41.5 (4)
52. Высота орбит	32.3 (3)	32.8 (5)	32.1 (4)
54. Ширина носа	27.3 (3)	25.2 (5)	24.5 (4)
55. Высота носа	52.7 (3)	51.2 (5)	47.0 (4)
32. Угол лба n-m	81.5 (2)	81.3 (4)	84.3 (4)
72. Угол лица	83.0 (2)	86.3 (4)	83.5 (4)
77. Назомаллярный угол	-	137.9 (5)	138.6 (4)
Zm. Зигомаксиллярный угол	-	124.8 (4)	124.4 (4)
75.1. Угол выступания носа	-	31.7 (3)	30.5 (4)
Указатели:			
8:1. Черепной указатель	70.6 (6)	71.5 (6)	73.7 (4)
48:45. Лицевой указатель	54.9 (3)	53.5 (3)	50.7 (4)
52:51. Орбитный указатель	75.8 (3)	77.4 (5)	77.4 (4)
54:55. Носовой указатель	51.9 (3)	49.2 (5)	52.1 (4)

Таблица № 2 средних размеров мужских черепов из могильников черняховской культуры Среднего Поднепровья

№ по Март.	*Ромашки*	*Журавка*	*Черняхов*	*Суммарная серия*
1.	187.3 (3)	185.3 (24)	186.4 (14)	186.6 (59)
8.	139.3 (3)	139.3 (23)	134.5 (14)	137.3 (58)
17.	131.3 (3)	137.0 (19)	137.1 (11)	137.1 (46)
9.	97.0 (3)	95.3 (23)	94.4 (14)	95.6 (58)
45.	130.3 (3)	131.9 (19)	129.8 (9)	131.5 (43)
48.	66.0 (3)	70.8 (20)	71.5 (8)	70.3 (45)
51.	41.5 (3)	40.3 (21)	41.6 (5)	41.4 (44)
52.	33.0 (3)	33.4 (20)	32.4 (8)	32.7 (45)
54.	25.7 (3)	24.7 (20)	24.1 (8)	24.9 (45)
55.	48.3 (3)	51.8 (20)	52.3 (8)	51.5 (45)
32.	85.7 (3)	83.9 (14)	84.7 (6)	84.0 (32)
72.	83.7 (3)	86.0 (14)	86.3 (6)	85.8 (35)
77.	138.7 (3)	136.0 (18)	136.0 (5)	136.4 (34)
Zm	132.7 (3)	125.8 (16)	124.0 (5)	125.4 (31)
75.1.	26.2 (2)	31.6 (8)	29.5 (6)	30.3 (24)
8:1	73.9 (3)	75.2 (23)	72.3 (4)	73.6 (58)
48:45	50.7 (3)	53.7 (19)	55.4 (8)	53.7 (42)
52:51	79.5 (3)	83.2 (19)	80.0 (5)	80.3 (44)
54:55	52.8 (3)	47.9 (19)	46.3 (8)	48.3 (44)

ропы; 3 — наложение морфологически близких форм, имеющих общую подоснову, но происходящих из разных волн миграций, одна на другую. Выбрать один из вариантов нам мешает то обстоятельство, что между временем существования всех вышеназванных культур имеются значительные хронологические разрывы, которые не представлены антропологически. Может быть, появление нового краниологического материала позволит когда-нибуть точнее ответить на этот вопрос.

Южная линия антропологических связей ве-

дет часть населения черняховских могильников Среднего Поднепровья к сборной серии черняховской культуры Северного Причерноморья и позднескифским памятникам Нижнего Поднепровья и Неаполя Скифского. Она дает возможность говорить о генетической преемственности между населением позднескифских памятников и частью носителей черняховской культуры на могильниках Среднего Поднепровья. Появление носителей типа в Среднем Поднепровье связано с миграциями с южных территорий.

На могильниках черняховской культуры Среднего Поднепровья фиксируется, хотя и в небольшом количестве, морфологический тип, который в исторической перспективе будет определять антропологическое лицо древнерусских серий X-XIII вв. с полянских территорий.

Присутствуют на могильниках Среднего Поднепровья и черепа с антропологическим типом, характерным для сармат Украины. Однако в связи с плохой сохранностью и обычаем искусственной деформации, мы не включили их в анализ. Количество этих черепов невелико.

Таким образом, мы можем говорить о значительной антропологической неоднородности населения, оставившего могильники черняховской культуры Среднего Поднепровья. Здесь присутствуют типы, имеющие генетическую основу в культурах Украины более раннего времени, а также типы, появившиеся в данном регионе в черняховскую эпоху благодаря миграциям из Европы.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.

Алексеева Т.И. 1974. Антропологическая дифференциация славян и германцев в эпоху средневековья и отдельные вопросы этнической истории Восточной Европы. // Расогенетические процессы в этнической истории. М. С.71-85.

Великанова М.С. 1975. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.

Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. 1987. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.

Дебец Г.Ф. 1948. Палеоантропология СССР. // Труды Ин-та Этнографии АН СССР, т. 4. М.—Л.

Денисова Р.Я. 1975. Антропология древних балтов. Рига.

Денисова Р.Я. 1990. География антропологических типов балтских племен и этногенетические процессы в I — начале II тысячелетия н.э. на территории Литвы и Латвии. // Балты, славяне, прибалтийские финны. Рига. С.28-82.

Дерябин В.Е. 1983. Многомерная биометрия для антропологов. М.

Ефимова С.Г. 1999. Черняховский ареал на антропологической карте Восточной Европы II-V вв. // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.

Кондукторова Т.С. 1972. Антропология древнего населения Украины (I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.). М.

Кондукторова Т.С. 1978. Антропологический тип людей культуры шнуровой керамики. // Вопросы антропологии, вып. 59. С.3-24.

Кондукторова Т.С. 1979. Антропологические материалы черняховской культуры Украины. // Могильники черняховской культуры. М. С.163-204.

Кондукторова Т.С. 1979а. Антропологический тип людей тшинецко-комаровской культуры. // Вопросы антропологии. Вып. 62. С.92-104.

Кондукторова Т.С. 1979б. Физический тип людей Нижнего Поднепровья. М.

Круц С.И. 1997. Антропология Стеблевского могильника (к вопросу о физическом типе населения Лесостепи в скифское время). // Скорый С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. Киев. С.91-106.

Назарова Т.О. 1994. До антропологічної характеристики населення Ольвії та Березані. // Археологія. № 3. С.85-94.

Рогинский Я.Я. 1954. Величина изменчивости измерительных признаков черепа и некоторые закономерности корреляции у человека. // Уч. записки МГУ, № 166. С.57-92.

Сиволап Л.Г., Сиволап М.П. 1995. Черняхівський могильник Черкаси-центр // Археологічні дослідження на Черкащині. Черкаси. С.79-83.

Соколова К.Ф. 1963. Антропологічні матеріали могильників Інкерманської долини. // Археологічні памятки України, Т.13. С.124-155.

Чеснис Г.А. 1990. Многомерный анализ антропологических данных как средство решения проблемы выделения балтских племенных союзов в эпоху железа (преимущественно на территории Литвы). // Балты, славяне, прибалтийские финны. Рига. С.10-20.

Kozak-Zychman W. 1996. Charakterystyka antropologiczna ludnosci Lubelszczyzny z młodszego okresu rzymskiego. Lublin. S.97-100.

Roznowski F. 1985. Stosunki antropologiczne na terenach zajętych w okresie rzymskim przez ludnosc kultury czerniachowskiej. // Teoria i empiria w polskiej szkole antropologicznej, seria antropologia. № 11. Poznań. S.239-249.

Schwidetzky I., Rosing F. 1975. Vergleichend-statistiche Untersuchungen zur Antropologie der Römerzeit (0-500 u.Z.). // Homo. Bd. 26. H. 4. Zürich. S.193-218.

Schwidetzky I., Rosing F. 1990. Vergleichend-statistiche Untersuchungen zur Antropologie von Neolithikum und Bronzezeit. // Homo. Bd. 40. H. 1-2. Zürich. S.4-45.

О.М.Приходнюк

О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ СОДЕРЖАНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

(к проблеме интерпретации черняховской культуры)

O.M. Prihodniuk. On Cultural and Historical Essence of Archaeological Societies (Towards Interpretation of Cherniakhov Culture).

The article provides cultural and historical interpretation of Cherniakhov antiquities. The author believes that the essence of Cherniakhov archaeological society does not correspond to an archaeological culture. The latter one is seen as a cultural manifestation of a related primitive ethnic group, which manifests its unity in its own material features dominating all over the territory on which this archaeological culture is spread. Multi-ethnic Cherniakhov formation, with Goths playing leading role, is united into a single society by super-ethnic features generated by highly standardised potter's and jeweler's crafts influenced by provincial Roman culture and bearing no ethnic properties. The Cherniakhov society, far from a primitive one, was building its statehood. Cultural legacies of class societies being usually determined as civilisations /in the narrow sense of this word/, such archaeological formations as Cherniakhov should rather be called proto-civilisations. This interpretation can better reflect their higher hierarchy compared to archaeological culture.

Archaeological proto-civilisation is understood as really existing material remains of several cultural and ethnic formations of pre-state period, united into one society /cultural system/ by super-ethnic features, usually the brightest ones, generated by highly standardised craft industry.

В археологии одним из основополагающих понятий является археологическая культура (далее АК), которую исследователи интерпретируют неоднозначно: одни отрицают реальное существование АК, другие не видят в ней культурно-исторических общностей. Большинство же археологов за ареалами сходных памятников усматривают племена и народы, жившие в догосударственный период развития человечества.

Преимущественно, не представляет большой сложности определение археологических памятников, культурная принадлежность которых устанавливается путем сравнения добытых в процессе разведок или раскопок материалов с уже хорошо изученными, территориально и хронологически смежными археологическими комплексами. Иногда для такого определения используется всего лишь один или несколько признаков. Например, черняховским, и не безосновательно, будет считаться памятник, если на его поверхности собрано около десятка гончарных серолощенных или ошершавленных черепков. Естественно, при условии, что он находится в ареале черняховских древностей. Если в дальнейшем, при более углубленных полевых исследованиях, там будут обнаружены арбалетные подвязные фибулы, римские монеты, амфоры и др., то это только утвердит наше мнение о черняховской принадлежности этого памятника. При этом не будет иметь существенного значения конструкция жилищ или погребальных комплексов, в которых они были найдены (то ли это полуземлянка или наземное жилище с плетневидными или каменными стенами, ингумация это или кремация и т.д.). Без присутствия в их заполнениях черняховской гончарной керамики мы поостережемся такие комплексы определять как черняховские.

Отсюда следует, что среди материальных признаков, есть культуроопределяющие, благодаря которым мы уверенно относим объект или памятник к культурному типу и те, которые таковыми не являются. Только первые определяют принадлежность памятника к АК, а вторые — характеризуют его, но не являются культуроопределяющими. По-видимому, в вельбарских древностях культуроопределяющей будет не только специфическая посуда и ее орнаментация, но и большие дома типа штальхауз. Но не будут такими широко известные в Европе территориально и хронологически небольшие четырехугольные полуземлянки. То есть набор культуроопределяющих признаков в различных культурах будет разным, но ведущее место среди них все же принадлежит керамическим наборам.

Но и с этим кажущимся очевидным фактом не все обстоит так просто, как хотелось бы. С поселениями, в заполнении объектов на которых преобладает черняховская гончарная керамика, особых проблем нет — это черняховские памятники. А если их соотношение 50×50%,

© О.М.Приходнюк, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

а если лепной посуды больше? На поставленные вопросы положительного ответа пока нет. Естественно, что несколько гончарных черепков не будут культуроопределяющим фактором. Ведь незначительное количество черняховской гончарной керамики встречается и на синхронных памятниках киевского типа и в наиболее ранних объектах последующих пражско-корчакской, колочинской и пеньковской культур. Затронутый вопрос сложный, требующий специального изучения на материалах всего черняховского ареала. Может оказаться, что этот процент для локальных территорий будет различным.

Каждой АК присуща культурная специфика, которая формируется в недрах каждого народа самостоятельно и передается из поколения в поколение. Сформировавшись, она способна к стабильному сохранению и постепенным изменениям. Культурная специфика является основным признаком АК, что позволяет выделять ее среди других культурных ареалов. Ее следует рассматривать как совокупность традиционных материальных особенностей культуры. Традиционные признаки составляют ядро культурной общности.

Специфические черты черняховских древностей не соответствуют схеме традиционного их развития вследствие внутренних импульсов. Гончарная керамика, фибулы и другие определяющие их «лицо» признаки появились вследствие внешних влияний со стороны высокоразвитого провинциальноримского ремесла с довольно высоким уровнем стандартизации конечной продукции. Правда, существует мнение, что некоторые формы черняховской гончарной посуды имеют свои прототипы в лепной посуде местных племен, что является свидетельством стремления ремесленников на основе провинциальноримских технологий изготовлять продукцию, которая была бы более приемлемой, пользующейся большим спросом у местного населения. Похожая ситуация сложилась в антском обществе, где на основании провинциальновизантийских придунайских образцов ювелирных изделий в Приднепровье были выработаны новые, соответствующие вкусам местной этнической среды ювелирные изделия — большие пальчатые, зооморфные, антропоморфные, зооантропоморфные фибулы, некоторые типы подвесок и др. Однако они настолько были видоизменены по сравнению с дунайскими прототипами, что в комплексе приобрели значение этнических знаков. Этого не случилось с черняховской посудой, которую в подавляющем большинстве изготовляли по стандартным провинциальноримским образцам, далеким от форм лепной посуды варварской среды черняховского общества. Если же гончарные трехручные вазы, глиняные кубки и кувшины с биконическим туловом, как утверждает Б.В. Магомедов, изготовлялись по лепным вельбаркским образцам, то они сливаются с массовой стандартной посудой, превратившись в один из компонентов надэтничного ремесла.

Определение культурной принадлежности памятников по остаткам ремесленного, явно привнесенного извне, производства, если не ошибаюсь, для древностей догосударственного периода Восточной Европы применяется только к черняховским древностям. Во всех остальных случаях, исключая, может быть, зарубинецкие памятники, «лицо» которых определяется хотя и не ремесленными, но инородными для местной среды кельтскими традициями керамического производства, культурная принадлежность древностей устанавливается по лепным, ведущим формам традиционной для культурной общности лепной керамике. Такой, например, в пеньковской культуре является биконическая, в колочинской — тюльпановидная и цилиндроконическая, в пражско-корчакской — округлобокая, с расширением на верхней трети высоты посуда. То есть, в данном случае культурная принадлежность устанавливается по ведущим традиционным чертам, истоки которых прослеживаются в более ранней, культурно родственной среде.

На большинстве черняховских памятников также присутствуют лепные наборы. Однако однотипные лепные формы не распространяются во всем ареале черняховских древностей, а имеют локальные проявления. Так, в Среднем и Верхнем Поднестровье такими были округлобокие лепные горшки славянского облика, в Низовьях Днепра — разнообразная округлобокая сарматская посуда, в Южном Побужье — готская (вельбаркская) посуда и т.д. На этих черняховских территориях специфический лепной набор сочетается с отличительным типом домов — с четырехугольными полуземлянками в Среднем и Верхнем Поднестровье, наземными большими постройками в Южном Побужье, домами с каменными стенами в Степном Приднепровье и т.д., которые сосуществовали с другими типами жилых построек.

Таким образом, в черняховской среде, ареал которой очерчивается по распространению гончарной посуды, имеется несколько культурных регионов, специфика которых проявляется в первую очередь по лепным керамическим наборам и некоторым другим признакам. М.А.Тиханова, М.Ю.Брайчевский, В.Д.Баран видят в них локальные варианты. Поскольку локальные признаки материальной культуры имеют этнические черты, то была сформулирована теория о полиэтничности черняховской культуры.

Еще раз подчеркну: этнокультурно разнородные ареалы объединяются в единое черняховское целое надэтническими признаками, единство которых было порождено высоким уровнем стандартизации привнесенного извне ремесленного производства. Такое явление П.Н.Третьяков определял как «римскую вуаль», под которой скрываются неоднородные по материаль-

ным признакам, разноэтнические археологические культуры.

АК, по нашему мнению, — это объективно существующие специфические материальные остатки деятельности доклассового, этнически родственного общества, с присущим ему уровнем социально-экономического развития, территориальной целостностью и определенным диапазоном хронологического развития, с динамично изменяющимися чертами и некоторыми локальными особенностями в культуре. Это определение подходит к ареалам этнокультурных памятников, входящих в черняховскую общность.

Разноэтничное население со своей культурной спецификой, проживающее на локальных территориях, входило в более крупную черняховскую общность. Она не была объединением типа военно-политических союзов, у которых отсутствовала социально-экономическая и культурная, надстроечного порядка общность. В политическом отношении черняховское общество было более прочным, чем временные союзы племен. В черняховских материалах нашло отражение, стабильное, социально и экономически развитое, единое в политическом отношении социальное образование. Это касается высокоразвитого сельского хозяйства, стандартизации продукции ремесленного производства, широкого распространения римских монет и др. Последние очень часто концентрируются в виде кладов, насчитывающих от нескольких десятков до нескольких тысяч серебряных монет. Они являются свидетельством развитой внешней торговли и далеко зашедшего процесса социальной дифференциации общества. Для торговли с римскими провинциями необходима была значительная прибавочная продукция, которую, несомненно, производили черняховские земледельцы. Ремесленное производство способствовало формированию внутреннего рынка.

Черняховское общество значительно ушло от первобытности, находясь на пути к построению своей государственности. Этот процесс был прерван гуннами, вторгшимися в Европу в конце IV в. Естественно, что они не могли подвергнуть тотальному разгрому все или большинство селений, уничтожить все черняховское население. Была разрушена социальная структура многоэтничного, полугосударственного общества, консолидирующая его в единый социальный организм. Это стало причиной упадка сельскохозяйственного и ремесленного производств, торговли и т.д. Общество в социальном развитии было отброшено назад, в первобытность, с присущими ей обособлением и натуральным хозяйством. Не обошлось и без потерь демографического порядка. Исчезло население, оставившее черняховские памятники с готскими, сарматскими и гето-дакийскими чертами. Постепенно освободившиеся территории освоили славяне, мигрировавшие с севера и востока.

Черняховское многоэтничное общество мог сконсолидировать высокоразвитый социальный организм – очень активный в военном отношении, по выражению Л.Н. Гумилева, «пассионарный» народ. На такую роль в черняховском обществе никто другой, кроме готов, претендовать не может. Только благодаря готам стала возможной стабильная, высокоразвитая черняховская общность, которая, не появись грозный противник в лице гуннов, очень скоро пришла бы к полноценной государственности.

Поскольку культурные наследия классовых обществ принято определять как цивилизации (в узком значении этого понятия), то археологические образования типа черняховского более правильно называть протоцивилизацией. Такое понятие отражает более высокую их культурную иерархию в сравнении с АК, отражающей социальное и культурное состояние обществ первобытности.

Археологическая протоцивилизация — это реально существующие материальные остатки нескольких разнокультурных и разноэтнических образований предгосударственного периода, объединенных в одну общность (культурную систему) надэтничными, как правило, наиболее яркими чертами, порожденными высоким уровнем стандартизации ремесленного производства.

В частности, черняховская протоцивилизация состоит из нескольких различных по археологическому и этническому содержанию культурных образований, которым присущи общие надэтнические черты, которые сформировались под влиянием провинциальноримской культуры.

РИМ И ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА

В.М.Зубарь

ПО ПОВОДУ ПРИСУТСТВИЯ РИМСКИХ ВОЙСК В ХЕРСОНЕСЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ III – НА РУБЕЖЕ IV - V ВВ.

V.M. Zubar. On Presence of Roman Troops in Chersonese in the second half of III – turn of IV - V cc.

Nowadays there is much less information about relationships between Chersonese and Roman empire on the turn of III - IV and in IV c. than about the second half of II - first half of III cc. That is why many judgements about history of the city in the late ancient period have a debatable and hypothetical character. All these questions we can compare to the question of presence of Roman garrison in Chersonese. That is why the author comes again to this question and tries again to analyse all that information we have about this complicated problem.

Basing on analysis of epigraphic sources and all the most recent findings we can say that during the IV century, relationships between Chersonese and the empire presented an alliance, and formally the city was not within the empire. Its defense was secured by garrison subsidised by the central power and formed of the residents of the city. This garrison was organized by model of legions of ballistaries of late Roman army, but actually it was a city militia which was well known in a number of centers on the Balkans. As epigraphic records tell us, the administration of the empire helped the garrison with specialists, and, as Konstantin Bagryanorodniy tells us, with materials for ballistics. All said above complies very well with the results of archeological researches held on the territory of Chersonese citadel, where a lot of reconstruction activities took place in the second half of III - IV cc., which tells us about changes in functional use of this part of the city.

В отличие от ситуации второй половины II — первой половины III вв., сейчас очень мало достоверных данных о взаимоотношениях Херсонеса с Римской империей на рубеже III – IV вв. и в IV в., чем объясняется дискуссионный и во многом гипотетический характер выводов об истории города в позднеантичный период (Кадеев 1981: 34–36; Зубарь 1994: 122–148; 1998: 150–156). Сказанное в полной мере относится и к вопросу о присутствии римского гарнизона в Херсонесе (Зубарь 1994: 126–141; Цукерман 1994-1995: 545–561; Піоро 1997: 123–128; Айбабин 1999: 50, 53–54). Поэтому необходимо еще раз вернуться к рассмотрению этого вопроса и вновь попытаться проанализировать данные, имеющиеся по этой проблеме.

Источники по рассматриваемой теме представлены двумя основными группами. Первая — письменные источники: «Жития святых епископов херсонских» и сочинение византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», 53 глава которого посвящена Херсонесу. В обоих сочинениях имеются данные о присутствии римских войск в Херсонесе, участии херсонесского ополчения на стороне империи в боспорско-римских войнах рубежа III – IV вв., а также о военной организации города в позднеантичный период. Эти источники неоднократно служили предметом специального анализа, но до сих пор сведения, имеющиеся в них, трактуются весьма неоднозначно (Латышев 1906: 34–57; Кузьмина 1972: 122; Сапрыкин 1987: 48–57; Зубарь 1987: 120–123; 1994: 133–136; 1998: 153; Піоро 1997: 123–128; Русяева 1997: 281–290; Русяева, Русяева 1999: 106–111; Юрочкин 1999: 279–280; ср.: Фролова 1984: 46–52; 1989: 199; Цукерман 1994-1995: 545–560; Айбабин 1999: 51–53). Поэтому особое значение для рассматриваемой проблемы приобретает вторая группа, представленная эпиграфическими памятниками.

Но и эпиграфические источники III – IV вв. из Херсонеса, обнаруженные в основном еще до революции, не могут быть использованы в полной мере, так как в силу различных обстоятельств они дошли до нас в крайне фрагментарном виде. Этим обусловлены многовариантность их восстановления и различная датировка (подр. см.: Зубарь 1994: 128–132; Цукерман 1994-1995: 553–558; Айбабин 1999: 50). В связи с этим следует особое внимание обратить на новые эпиграфические памятники, найденные и интерпретированные в последнее время. Причем, исходя из длительной дискуссии о достоверности агиографических сочинений и исторических данных, донесенных Константином Багрянородным, вероятно, в первую очередь следует все же опираться на сведения, имеющиеся в немногочисленных лапидарных надписях конца III – второй половины V в. Эпиграфические памятники аутентичны и не подвержены интерполяциям. Они наиболее объективно отражают свою эпоху. Их авторов, в отличие от письменных источников, невозможно заподоз-

© В.М.Зубарь, 2000.

рить в переосмыслении и извращении исторических фактов. Поэтому, базируясь на этой группе источников как основной, естественно, с привлечением проверенных данных агиографии и труда Константина Багрянородного, можно получить наиболее объективную картину взаимоотношений Херсонеса с Восточно-Римской империей (ср.: Цукерман 1994–1995: 553). Как представляется, именно такой подход позволит вплотную приблизится к решению поставленной проблемы, а также уточнить ряд кардинальных вопросов херсонесской истории позднеантичного периода.

К сожалению, археологические источники в разработке указанных проблем могут играть лишь вспомогательную роль. Дело в том, что развернувшееся на территории Херсонеса в VI – VII вв. широкомасштабное строительство привело к нивелировке городских кварталов, в ходе которой строительные остатки позднеантичного времени были практически полностью уничтожены (Бертье-Делагард 1893: 53; Якобсон 1959: 287, 299). Помимо этого, к сожалению, значительное количество материалов, полученных в ходе раскопок городских кварталов, до сих пор полностью не опубликовано, что затрудняет или вовсе лишает возможности провести полную корреляцию данных археологии и других категорий источников. Хотя в отдельных случаях результаты археологических работ в той или иной мере все же можно использовать для подтверждения ряда высказанных положений.

Сейчас на основании имеющейся источниковой базы установлено, что стационарный римский гарнизон, сформированный из подразделений Мезийской армии, дислоцировался в Херсонесе с середины II в. вплоть до 250 г. (подр. см.: Зубарь 1994: 44–60, 126–133; Зубар, Сарновський, Савеля 1997: 67–88; 1999: 197–217), когда центурион I Италийского легиона Марк Ратин Сатурнин восстановил схолу принципалов на территории цитадели. После этой даты, видимо, в третьей четверти III в. римский стационарный гарнизон из города был выведен (Зубарь 1994: 126–128; Vinogradov, Zubar 1995/1996: 136–140; Виноградов, Зубарь, Антонова 1999: 78–80). Такой вывод хорошо согласуется с данными, полученными в ходе раскопок на территории цитадели Херсонеса под руководством И. А. Антоновой. Результаты этих работ показали, что в IV в. часть казарменных построек цитадели оказалась занятой обжигательными печами, а бассейн более ранних терм перестроен в небольшие новые термы. Реконструкции, видимо, не позднее второй половины III в. подвергся и так называемый «дом командира» (Антонова 1996: 5; 1997: 8–9; Антонова 1997а: 19–24; Антонова, Сухинина, Сорочан 1998: 15). Следовательно, не только эпиграфические памятники, но археологический материал свидетельствует об отсутствии римского гарнизона в Херсонесе, по крайней мере, во второй половине III в. (Зубарь 1994: 126–128).

В противоположность этому в историографии традиционно считалось, что римский гарнизон постоянно дислоцировался в городе на протяжении III и IV вв. (Латышев 1906: 39–41; 1907: 111; Шестаков 1908: 19; Якобсон 1959: 18; Беляев 1979: 126; Диатроптов 1986: 143). В доказательство приводились соответствующие места из «Житий святых епископов херсонских» и труда Константина Багрянородного. Этим временем датировался ряд эпиграфических памятников Херсонеса (Соломоник 1966: 168–169; 1973: 225–232, № 189; 1983: 34–36; Кутайсов 1986: 141; ср.: Цукерман 1994-1995: 558; Айбабин 1999: 50–53).

Следовательно, можно констатировать, что до настоящего времени вопрос о наличии римского гарнизона в Херсонесе во второй половине III – первой половине IV в. решался неоднозначно, так как имевшиеся в распоряжении исследователей источники не позволяли выяснить его окончательно. В силу этого особое значение приобретает новая латинская надпись, обнаруженная в ходе раскопок 1995 г., проводившихся под руководством И. А. Антоновой на территории цитадели Херсонеса.[1] Содержание этой надписи позволяет не только уточнить вопрос о наличии или отсутствии римского гарнизона в городе в это время, но, наряду с другими источниками, содержит достаточно интересную информацию об истории Херсонеса на рубеже III-IV вв.

Фрагментированная латинская надпись вырезана на лицевой стороне левой части прямоугольного известнякового блока, который вторично был использован в качестве строительного материала в глухой опоре аркады оборонительной стены 21 куртины (Рис. 1). Исходя из сохранившегося текста она восстановлена следующим образом: Aurel(ius) Candi(- – –)/ [prae]p(ositus ?) prot[ector]/ vix(illationis) mil(itum) [legg(ionum) XI]/[C]l(audiae) et I Ital(icae) [et eqq(uitum)?]/[D]almat(arum – – –]/ ex voto [- – –]/ [po]suit[- – –]/de[– – –].

Перевод: … Аврелий Канди... командир, протектор ... военной вексилляции легионов XI Клавдиева и I Италийского и кавалеристов (?)... Далматов ... по обету поставил ...

Исходя из предложенного восстановления, Аврелий Канди... был офицером, носил титул протектора и возглавлял военную вексилляцию, сформированную из ряда подразделений, которые дислоцировались на Нижнем Дунае. Упоминание в надписи военной вексилляции и титула протектора дают определенные хронологические реперы для датировки рассматривае-

[1] Публикации этого эпиграфического памятника посвящена специальная статья, написанная автором совместно с Т. Сарновским и И. А. Антоновой, которая будет опубликована в очередном Херсонесском сборнике, посвященном памяти Ю. Г. Виноградова.

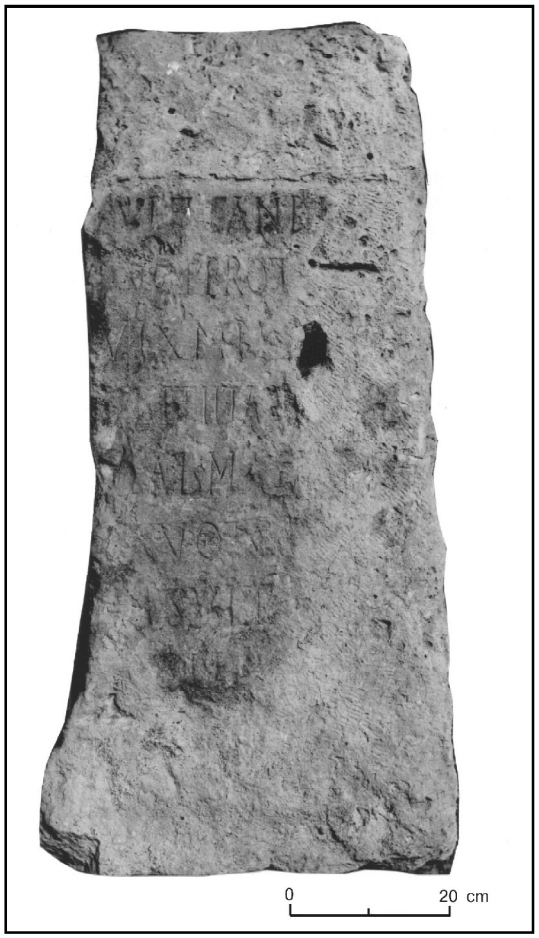

Рис. 1. Фрагментированная надпись 1995 г. из раскопок И. А. Антоновой в Херсонесе.

мого памятника.

Впервые protector упоминается около 260 г. в cursus honorum Л. Петрония Волузиана, а затем в целом ряде эпиграфических памятников, относящихся ко второй половине – концу III в. (CIL, XI, 1836; Christol 1977: 394–395; ср.: Grosse 1920: 13–14; Nagy 1965: 298–299; Saxer 1967: 121; Kolendo, Bozilova 1997: 111–112, № 75; Demandt 1998: 31). Сейчас установлено, что protector являлся титулом, который в период правления императора Галлиена (259–268 гг.) сначала давался высшим военным должностным лицам, а при его преемниках и центурионам, находившимся на службе преимущественно в составе полевой армии (comitatenses) позднеримской империи.[2] Получение такого титула было обусловлено близостью к императору или к штабу полевой армии и открывало перед лицами, получившими такой титул, перспективу дальнейшей блестящей военной карьеры (подр. см.: Domaszewski 1967: 188–190; Dobson 1967: LVIII–LIX; Diesner 1968: 1113–1123; Frank 1969: 33–40; Bohec 1993: 42, 48, 226; Christol 1977: 402–408; De Blois 1976: 85, 106; Southern, Dixon 1996: 14). В ряде случаев, как об этом свидетельствуют эпиграфические памятники, протекторы командовали вексилляциями полевой армии (CIL, III, 3424; Saxer 1967: 55, № 101; 57, 121). Позднее, в ходе военных реформ Диоклетиана (284–305 гг.), военнослужащие, носившие такой титул, были объединены в специальные подразделения (scholae) императорской гвардии (Diesner 1968: 1116; Frank 1969: 40–41; 47–58; Southern, Dixon 1996: 14–15; Demandt 1998: 37, 226). Наиболее ранние свидетельства о существовании таких формирований относятся к периоду правления Константина Великого (306–337 гг.), но А. Джонс начало их формирования относит ко времени первой тетрархии (Jones 1964 a: 53–54). Следовательно, 60-е годы III в. являются terminus post quem для публикуемого памятника.

С другой стороны, вексилляции, как более или менее постоянные воинские подразделения, в составе римской армии появляются еще в I в., но особенно широко эта форма военной организации стала практиковаться со времени правления императора Адриана (117–138 гг.). Такая организационная форма в римской армии, судя по эпиграфическим памятникам, была обычной еще в период правления императора Клавдия II Готского (268–270 гг.) (Saxer 1967: 57–58). А после реформ позднеримской армии, проведенной императорами Диоклетианом и Константином Великим, вексилляциями стали называться кавалерийские подразделения полевой армии, в которые была объединена конница легионов (Neumann 1958: 2444–2448; Nischer 1923: 13–17; Parker 1933: 189; Jones 1964 a: 607; Grant 1968: 40–41; 1974: 277–280; Frank 1969: 55; Southern, Dixon 1996: 13–14; Demandt 1998: 225). Следовательно, рубеж III – IV вв. дает нам terminus ante quem для датировки памятника, так как еще в 295 г. в составе экспедиционного корпуса Диоклетиана в Египте известны обычные для римской армии более раннего времени вексилляции (Southern, Dixon 1996, p. 15).

Датировка публикуемого памятника может быть уточнена на основе его сравнения с двумя фрагментированными надписями, найденными в Херсонесе ранее. Первая из них известна по прорисовке, сделанной П. Палласом во время его путешествия по югу России в 1793–1794 гг. Она была опубликована в корпусе В. В. Латышева с комментариями М. И. Ростовцева (Ростовцев 1907: 13; IOSPE, I², № 656), а затем переиздана Э. И. Соломоник и К. Цукерманом (Соломоник 1983: 27–28, № 2; Цукерман 1994–1995: 553–554) (Рис. 2). К сожалению, ее сейчас нельзя сколько-нибудь полно реконструировать, однако в данном случае особенно важны особенности ее палеографии, отрывочное содержание и датировка.

Судя по прорисовке П. Палласа, в четвертой строке памятника стоит буква L с фигурной,

[2] Эпиграфические памятники с упоминанием протектора собраны в: Frank 1969: 35 – 37.

Рис. 2. Фрагментированная надпись с упоминанием протектора по П. С. Палласу и Э. И. Соломонік.

загнутой вверх нижней гастой, аналогичная написанию L в посвящении Аврелия Канди... . Такое написание буквы L зафиксировано в ряде надписей первой половины III в. из Монтаны (Велков, Александров 1994: 17, № 32; с. 21, № 42; с. 28–29, № 57; с. 47, № 114), в надгробии конца III – начала IV в. из Нове (Kolendo, Bozilova 1997: 111–112, № 75), где располагался основной лагерь I Италийского легиона, а также в надписях из Одессоса и территории Паннонии, которые датируются третьей четвертью IV в. (Soproni 1985: 111–112; Manzella 1999: 79–96).

В конце следующей, пятой строки стоит protecto, перед которым, по мнению К. Цукермана, стояло viro egregio (ср.: CIL, III, 3424), что позволяет восстановить окончание строки как v(iro) e(gregio) protecto(re) (Цукерман 1994–1995: 553–554). Исходя из начала надписи, можно заключить, что памятник является посвящением двум Августам и двум Цезарям, поэтому он может датироваться временем первой или второй тетрархии, т. е. периодом совместного правления Диоклетиана и Констанция I (305–306 гг.) с соправителями (293–305 или 305–306 гг.) (Цукерман 1994–1995: 553–554; Айбабин 1999: 50).

Вторая надпись, состоявшая из трех фрагментов, также не может быть убедительно реконструирована вследствие того, что не ясно, как между собой соотносились сохранившиеся фрагменты памятника (Шангин 1938: 79–90, № 9; Соломоник 1983: 74–75, № 53; Alföldy 1984: 785; Sarnowski 1988: 164, прим. 17; Зубарь 1994: 130–132; Цукерман 1994–1995: 554–556) (Рис. 3). Но, несмотря на это, весьма примечательно, что в ней написание буквы L имеет форму, аналогичную рассмотренным выше двум эпиграфическим памятникам.[3] Более того, в этой надписи, как и в посвящении Аврелия Канди..., стоит VIXI, которое Г. Альфельди считал возможным дополнить в качестве vixi(llatio) = vexillatio (Alföldy 1984: 785; ср.: Цукерман 1994–1995: 556), и не исключено, что упоминается I Италийский легион (Alföldy 1984: 785). По мнению М. А. Шангина и следовавшей за ним Э. И. Соломоник, этот памятник относится ко времени совместного правления Диоклетиана и Максимиана, т. е. 286–293 гг. (Шангин 1938: 79–80; Соломоник 1983: 75), а К. Цукерман полагает, что надпись могла быть поставлена и в период совместного правления Константина и Лициния (317–324 гг.) (Цукерман 1994–1995: 555).

На основании палеографии и отрывочного содержания всех перечисленных памятников есть основания заключить, что они хронологически близки между собой и свидетельствуют о присутствии римских войск в Херсонесе в конце III в. Причем, к промежутку времени между 250 периодом тетрархии какие-либо латинские эпиграфические памятники в Херсонесе не засвидетельствованы, что вряд ли можно объяснять простой случайностью. Следовательно, появление новых латинских эпиграфических памятников, связанных с римским военным присутствием в городе, сейчас следует относить ко времени не ранее конца III в. Именно этот хорошо установленный факт, а также ряд других данных, позволили сделать вывод об отсутствии

[3] Аналогичное написание буквы L известно еще по одному небольшому фрагменту латинской надписи из Херсонеса, который в предположительном плане Э. И. Соломоник считала возможным рассматривать в качестве части рассматриваемой надписи. См.: Соломоник, 1983: 83, № 68.

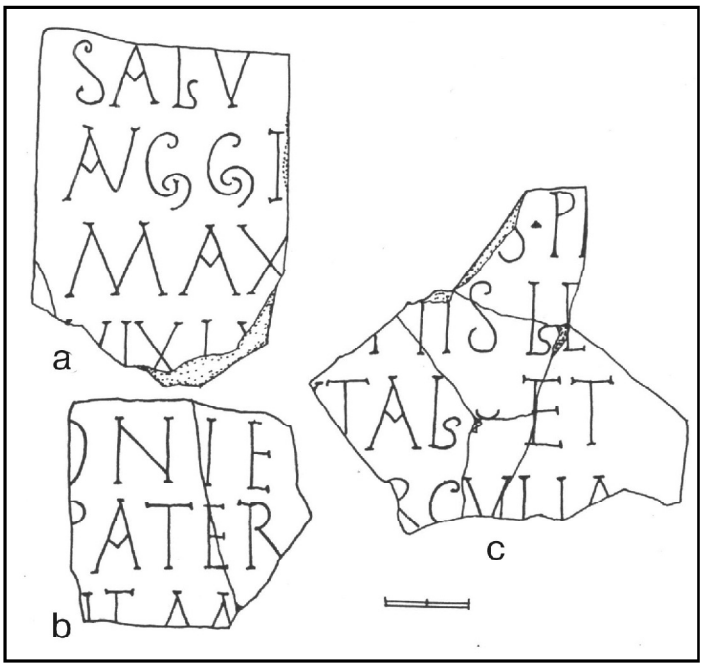

Рис. 3. Три фрагмента латинской надписи, найденной в Херсонесе в начале XX в.

в Херсонесе римского гарнизона во второй половине III в. (Зубарь 1994: 132–134; ср.: Цукерман 1994–1995: 558).

Для того, чтобы уточнить датировку рассмотренной группы памятников и в сугубо предположительном плане связать ее с конкретными событиями в истории Херсонеса, видимо, следует обратиться к 53 главе труда Константина Багрянородного «Об управлении империей», ибо какие-либо иные надежные источники по позднеантичной истории этого центра пока отсутствуют. Следует особо подчеркнуть, что сейчас нет веских оснований полностью отрицать сведения, сообщаемые Константином Багрянородным по истории Херсонеса I в. до н. э. и конца III – IV вв. н. э. (подр. см.: Кузьмина 1972: 122; Nadel 1977: 87 и сл.; Сапрыкин 1987: 48–57; Зубарь 1987: 120–123; 1994: 133–136; 1998: 153; Русяева 1997: 281–290; Русяева, Русяева 1999: 106–111; Юрочкин 1999: 279–280; Анохин 1999: 171–176), как это делают некоторые современные исследователи (см.: Фролова 1984: 46–52; 1989: 199; Фролова 1997: 85–95; Цукерман 1994–1995: 545–560; Айбабин 1999: 47–48).

Константин Багрянородный пишет, что, когда в Риме правил император Диоклетиан, Савромат, сын Крискорона, боспорянин, собрал «скифов», населявших берега Меотиды, выступил против римлян, захватил страну лазов и дошел до р. Галис.[4] Император отправил против варваров войска под командованием трибуна Константа, которые, однако, не смогли разгромить «скифов». Тогда Диоклетиан обратился за помощью к Херсонесу. Херсониты, собрав мужей из соседних крепостей, нанесли удар в тыл Савромату, захватили его столицу, что в конечном итоге и позволило заключить с варварами мир на выгодных для империи условиях. В награду за помощь и верность империи Херсонесу были дарованы права «свободы» и освобождение от налогов. Император также установил выдачу тысячи пайков и материалов для баллист, что должно было способствовать поддержанию боеспособности херсонесских войск на должном уровне (Const. Phorph. De adm. imp. 53). Если исходить из того, что Константин Багрянородный, повествуя об этой войне, упоминает двух херсонесских архонтов, Фемиста, сына Фемиста, и Хреста, сына Папия, то эти события происходили в течение двух лет (Зубарь 1998: 154).

Исследователи неоднократно пытались определить, когда происходили эти события (подр. см.: Зубарь 1998: 154). Но наиболее близкой к действительности является точка зрения Я. Харматты, который относил эту римско-боспорскую войну к 291–293 гг. (Харматта 1967: 205, 207–208), когда на боспорском престоле находился Фофорс (подр. см.: Зубарь 1998: 155–156; ср.: Юрочкин 1999: 280; Анохин 1999: 172). Это хорошо согласуется с тем, что после завершения боевых действий Констант, как сообщает Константин Багрянородный, был отмечен императором Диоклетианом. Если это соотнести с тем, что Констанций Хлор в 293 г. получил титул Germanicus Maximus, а в 294 г. – Sarmaticus Maximus (Barnes 1982: 255, tabl. 5; Kienast 1990: 277), то это служит достаточно весомым, хотя и косвенным аргументом в пользу датировки этой римско-херсонесско-боспорской войны 291–293 гг. (Зубарь 1998: 154–155; ср.: Юрочкин 1999: 280).

[4] Река. Кызыл-Ирмак на территории современной Турции.

Возвращаясь к рассматриваемым латинским надписям, необходимо отметить, что, если принять датировку одной – 286–293 гг., а второй– 293–305 гг., в пользу чего есть веские основания, то оба памятника могут быть предположительно связаны с теми событиями времени правления Диоклетиана, о которых повествует Константин Багрянородный. Более того, упоминание в посвящении Аврелия Канди... титула протектора, который, командовал римским отрядом в Херсонесе, позволяет их относить ко времени не позднее начального периода правления Диоклетиана. Ведь, как уже отмечалось, есть основания предполагать, что именно в период военных реформ этого императора произошла трансформация значения титула протектора (Jones 1964 a: 53–54; Southern, Dixon 1996: 14–15).

Но, предполагая появление в Херсонесе римской вексилляции во главе с протектором, которая, видимо, вместе в херсонесскими войсками участвовала в боевых действиях против боспорцев, следует помнить, что этот титул в конце III в. давался преимущественно центурионам полевой армии позднеримской империи. Поэтому есть все основания говорить о том, что вексилляция, сформированная из различных воинских подразделений римской армии Подунавья и находившаяся под командованием Аврелия Канди..., также имела статус формирования полевой армии. Практика периодического привлечения в состав полевой армии частей пограничных войск, расквартированных на границах империи, хорошо известна в более поздний период. В Notitia Dignitatum, которая отражает состав позднеримской армии конца IV – начала V в., они именовались pseudocomitatenses (подр. см.: Jones 1964 a: 609; Hoffmann 1969: 405–407; Demougeot 1975: 1131; Luttwak 1976: 188; Глушанин 1982: 91; Demandt 1998: 225). Но включение подразделений пограничной армии в состав полевых сил империи стало практиковаться намного раньше, видимо, еще в конце III в., о чем, в частности, свидетельствует и надпись 1995 г.

Исходя из этого, сейчас нет оснований говорить даже о кратковременном пребывании стационарного римского гарнизона в городе (ср.: Цукерман 1994–1995: 558; Айбабин 1999: 50, 53–54), так как полевая армия использовалась для решения конкретных оперативных и тактических задач (Baynes 1925: 201–204; Luttwak 1976: 179–188), а не для защиты границ или городов на территории империи (Grant 1968: 21–35; Luttwak 1976: 132; Southern, Dixon 1996: 9–20). Следовательно, появление в Херсонесе отряда римских войск, во главе которого стоял протектор, было вызвано каким-то экстраординарным военно-политическим событием, которое заставило перебросить сюда военную вексилляцию, во главе, которой был скорее поставлен центурион, а не трибун полевой армии, посивший титул протектора. Не исключено, что, как об этом свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении источники, римские войска были переброшены сюда для ведения боевых действий вместе с херсонесским отрядом против боспорцев, вторгнувшихся в пределы империи, а после победоносного завершения войны были выведены в места постоянной дислокации в Подунавье. Косвенно это подтверждается отсутствием в херсонесском лапидарном архиве вплоть до второй половины IV в. каких-либо эпиграфических памятников, в которых говорилось бы о присутствии здесь имперских войск.

Если сказанное справедливо, то посвящение Аврелия Канди..., а также три рассмотренные латинские надписи относятся ко времени около 293 г., когда римской вексилляцией из состава полевой армии Подунавья и херсонесскими войсками, вероятно, была предотвращена угроза империи со стороны варваров, обитавших на территории Боспора. Успешное окончание военных действий и нашло отражение в надписях, посвященных правящим императорам, а протектор Аврелий Канди... в честь этого события по обету воздвиг в Херсонесе посвящение неизвестному нам божеству.

Естественно, предложенная интерпретация рассмотренных надписей в достаточной степени гипотетична и должна быть подтверждена новыми источниками. Но, как представляется, высказанные соображения имеют право на существование, уточняют датировку рассмотренной группы латинских надписей Херсонеса, в определенной степени подтверждают историческую достоверность данных, сообщаемых Константином Багрянородным (Const. Porph. De adm imp. 53), и, видимо, позволяют внести в них определенные коррективы. С другой стороны, если принять предложенное чтение надписи 1995 г., то становится очевидным, что в «Житиях святых епископов херсонских» искажена картина проникновения христианства в Херсонес и исторические события того времени, на что уже неоднократно обращалось внимание (Ростовцев 1914: 504–505; Мещеряков 1975: 100–108; 1978: 121–144; Кутайсов 1986: 166–167; Диатроптов 1986: 129–135; Цукерман 1994–1995: 548–549; Зубарь, Хворостяный 2000: 75–104). Таким образом, рассмотренная надпись 1995 г., наряду с уже известными памятниками, значительно расширяет источниковую базу изучения позднеантичной истории Херсонеса и свидетельствует о появлении в городе в связи с каким-то экстраординарным событием римской вексилляции в конце III или на рубеже III – IV вв.

Однако, исходя из того, что в это время в Херсонесе, вероятно, находились войска из состава полевой армии империи, можно достаточно уверенно говорить об их кратковременном пребывании в городе. Скорее всего, после вы-

полнения определенных оперативных задач они были выведены в места своей постоянной дислокации в Подунавье. Именно этим, как считает К. Цукерман, объясняется тот исключительно важный факт, что после разгрома восстания 365–366 гг. его руководитель Прокопий бежал именно в Херсонес (Цукерман 1994–1995: 558; ср.: Зубарь 1994: 144; Айбабин 1999: 53; Зубарь, Хворостяный 2000: 94).

Это не лишено вероятности. Восстание 365–366 гг. носило ярко выраженную антихристианскую окраску и Прокопий, видимо, здесь надеялся найти поддержку в целом языческого населения города (Курбатов 1961: 72), что хорошо согласуется с имеющимися в настоящее время источниками по распространению христианства в этом центре (Зубарь 1994: 143–146; Зубарь, Хворостяный 2000: 44–98). Но, безусловно, Херсонес им был избран не только поэтому. Здесь, вдали от имперских войск и чиновников, он мог укрыться от преследователей и через какое-то время возобновить борьбу. Но этим планам не суждено было сбыться. Видимо, под давлением городских властей, которые ориентировались на центральную власть империи, он вскоре вместе семьей отплыл на корабле из Херсонеса (Zosimos, II, 5, 2). Косвенно все сказанное подтверждается не только полным отсутствием латинских эпиграфических памятников, но и вообще каких-либо источников о тесных связях города с византийской администрацией.

Но с начала 70-х гг. IV в. положение меняется, что в первую очередь нашло отражение в эпиграфических памятниках. В 1905 г. в районе Карантинной бухты К. К. Косцюшко-Валюжиничем был обнаружен большой мраморный прямоугольный столб, одна сторона которого была занята фрагментированной латинской надписью. Памятник впервые был издан М. И. Ростовцевым (Ростовцев 1907: 5–12, № 2; IOSPE, I^2, № 449) и переиздан Э. И. Соломоник (1983: 28–30, № 3). Надпись датируется достаточно точно–370–375 гг. В ней упоминаются императоры Валент, Валентиниан и Грациан, а также префект претория Востока Домиций Модест, еще какое-то должностное лицо и, что особенно важно, неизвестный командир отряда баллистариев (Соломоник 1983: 29; ср.: Цукерман 1994–1995: 558).

Домиций Модест был префектом претория Востока на протяжении 370–378 гг. (Ростовцев 1907: 7) и являлся одним из наивысших чиновников Восточно-Римской империи, осуществлявший гражданское управление. Со времени правления императора Константина Великого полностью завершился процесс разделения гражданской и военной власти в Восточно-Римской империи (Jones 1964 a: 608; Arnheim 1972: 48–73). Вся территория государства была разделена на четыре префектуры, в руках префекта каждой из которых была сконцентрирована вся полнота гражданской власти (Baynes 1925: 204–208; Jones 1964: 101; Tomlin 1976: 189–209). Следовательно, упоминание в надписи Домиция Модеста позволяет заключить, что, по крайней мере, в последней четверти IV в. гражданское управление Херсонеса курировалось префектурой Востока, а не администрацией дунайских провинций империи, как это было ранее (Зубарь 1994: 146–147).

Вместе с этим на территории префектуры Востока было два должностных лица (magister militum per Orient и magister militum per Thracias), которым подчинялись соединения полевой и пограничной армий в различных ее частях (Várady 1961: 358). Поэтому, если решение гражданских дел находилось в ведении префектуры Востока, то контроль за вооруженными силами Херсонеса и помощь городу в военной области могла осуществляться по распоряжению magister militum per Thracias (Зубарь 1994: 140–141, 147).

Но наиболее интересным является упоминание в надписи баллистариев, которые, вне всякого сомнения, являлись гарнизоном города. В свое время вопрос о херсонесских баллистариях и их статусе уже подробно рассматривался и был сделан вывод о том, что они формировались за счет субсидий центральной власти из среды местного населения, но находились под контролем римского военного командования (Зубарь 1994: 133–139). Однако эти выводы были подвергнуты критике К. Цукерманом, который достаточно подробно остановился на этом вопросе (Цукерман 1994–1995: 549–568), что заставляет вновь вернуться к нему и еще раз проанализировать все источники, имеющиеся по этой крайне важной проблеме. Причем, следует подчеркнуть, что конструктивная по содержанию, но не по форме, критика К. Цукермана, а также появление нового эпиграфического памятника, о котором шла речь выше, заставили не только пересмотреть ряд высказанных ранее положений, но положить в основу анализа этого вопроса не письменные, а эпиграфические источники.

Наиболее раннее упоминание баллистариев в эпиграфических источниках, обнаруженных на территории Херсонеса, относится к 370–375 гг., а наиболее позднее засвидетельствовано в надписи времени правления императора Зинона, которая датируется 487/488 г. (Латышев 1896: 7–15, № 7). Следовательно, это воинское формирование дислоцировалось в Херсонесе более ста лет и, безусловно, его основной задачей была защита города (Зубарь 1994: 136). Упоминание баллистариев в двух указанных эпиграфических памятниках наряду с официальными должностными лицами империи позволяет с высокой долей уверенности заключить, что это воинское формирование так или иначе было связано с той политикой, которую проводила по отношению к Херсонесу имперская ад-

министрация.

Но, говоря о баллистариях, нельзя пройти мимо сведений, содержащихся в рассказе Константина Багрянородного (Const. Porph. De adm imp. 53). Как бы не оценивалась достоверность этого источника в целом или отдельных мест его рассказа, очевидно, что и у Константина Багрянородного, и в эпиграфических памятниках, речь идет об одном и том же воинском формировании, на которое была возложена защита Херсонеса в позднеантичный период.

С другой стороны, весьма продуктивным в свете рассмотренных эпиграфических памятников представляется достаточно обоснованный вывод К. Цукермана о том, что события, которые имеются в агиографических источниках, искажены и хронологически смещены (Цукерман 1994–1995: 547–540). Но, признавая это относительно «Житий святых епископов херсонских», автор почему-то отказывает в исторической достоверности Константину Багрянородному, данные которого относительно наличия в Херсонесе баллистариев подтверждаются таким надежным источником как эпиграфика. Вряд ли такой методический подход следует признать правомерным. Ведь в данном случае одному источнику отдается предпочтение за счет другого, причем, не более достоверного (подр. см.: Диатроптов 1986: 129–135; Зубарь, Хворостяный 2000: 90–92).

К. Цукерман утверждает, что баллистарии, которые дислоцировались в Херсонесе, на протяжении конца IV – конца V вв. относились к регулярным войскам позднеримской армии и могли быть выделены из состава «центральных» войсковых групп (comitatenses) (Цукерман 1994–1995: 551; ср.: Айбабин 1999: 53–54). Именно этим обстоятельством он объясняет тот факт, что это подразделение не упоминается в Notita Dignitatum, подчеркивая, что места дислокации частей comitatenses в Notita Dignitatum вообще не указаны. На основании этого он считает возможным говорить, что это мог быть один из двух легионов баллистариев в составе comitatenses Фракии: ballistarii Dafnenses или ballistarii iuniores (Not. Dig. Or. VIII, 46–47; Цукерман 1994–1995: 559).[5] Иными словами, по мнению К. Цукермана, защита Херсонеса имперской администрацией была возложена на войска разряда comitatenses, т. е. полевой армии. А, если исходить из того, что баллистарии находились в городе более ста лет, что надежно засвидетельствовано эпиграфическими памятниками, то, следовательно, и византийский гарнизон здесь дислоцировался на протяжении всего этого времени. Но с этим согласиться трудно и вот почему.

[5] Правда, в другом месте работы он ставит под сомнение этот вывод, который был сделан ранее на основании неправильной интерпретации надписи 370 – 375 гг. (См.: Цукерман 1994-1985: 550, прим. 18. Ср.: Zucerman 1991: 550 – 551).

Баллистарии по своему назначению могут быть отнесены к частям специального назначения позднеримской армии. Такие подразделения были созданы в ходе военных реформ Диоклетиана, когда «артиллерия» была изъята из тактического подчинения командования легионов и сведена в специальные подразделения, имевшие на вооружении баллисты и онагры (Am. Marc. XIX, 5, 2; Marsden 1969: 195–106; Luttwak 1976: 175, 196, note 138). Проведение такой реформы диктовалось, с одной стороны, появлением у неприятеля на Востоке тяжеловооруженной кавалерии, против которой применение такого оружия было наиболее эффективно (Varady 1961: 169; подр. см.: Campbell 1984: 75–84; Junkelman 1992: 202–216; Mielczarek 1993: 51–87; Baatz 1994: 146–302), а, с другой, – изменением стратегической политики, в которой основной упор делался на размещение сильных гарнизонов и защиту крепостей (Luttwak 1976: 169).

Судя по Notitia Dignitatum, документу, который относится к концу IV – началу V вв. (Demougeot 1975: 1082–1083,1134; Zahariade 1988: 26–27), специальные подразделения относились к разряду pseudocomitatenses, т. е. к тем частям пограничной армии, которые периодически включались в состав полевой армии (comitatenses), но не имели ее статуса (Jones 1964 a: 609; Hoffmann 1969: 405–407; Marsden 1969: 196; Demougeot 1975: 1131; Luttwak 1976: 179, 188; Глушанин 1982: 91; Demandt 1998: 225). К этой категории вооруженных сил принадлежали и баллистарии, которые были обычно связаны со стратегическими дорогами и крепостями, что нашло отражение в их названиях (Not. Dig. Or. VI,18; VII, 21–22; IX, 29–30; Hoffmann 1969: 405–424; Demougeot 1975: 1123, note 2, 1131). Но если обратиться к легионам баллистариев, места которых известны по Notitia Dignitatum, то станет ясно, что, за исключением двух (Not. Dig. Occ. XII, 23, 97), все они были подчинены не командованию пограничных, а полевых сил и были сосредоточены в восточной части империи (Not. Dig. Or. VII, 8, 43, 57; VIII, 15, 46, 47; IX, 47; Varady 1961: 382; Hoffmann 1969: 405–424; Marsden 1969: 197; Luttwak 1976: 188). И только два таких легиона, ballistarii Dafnenses (Not. Dig. Or. 8,14-16) и ballistarii iuniores (Not. Dig. Or. 8,15,47), находились под командованием военного магистра Фракии (Southern, Dixon 1996: 159).

Следовательно, если исходить из аргументации К. Цукермана, то нужно будет признать, что с конца IV и до конца V вв. в Херсонесе постоянно дислоцировались баллистарии из состава полевых сил империи, но почему-то ни баллистарии, ни сам Херсонес в Notitia Dignitatum не упомянуты, хотя в этом документе перечислены и менее значительные пункты, в которых размещались в то время войска (Ло-

моури 1986: 59–61). Не говорится о Херсоне как имперском городе и в «Синекдеме» Иерокла (Hieroclis 1847: 11-17) – официальном справочнике по географии империи, составленном для византийских чиновников в начале правления Юстиниана I (527-565 гг.) и содержащем сведения об административном делении империи, а также обо всех провинциальных городах (Бородин 1984: 454).

Такое кажущееся противоречие объясняется достаточно легко, если не отвергать, как недостоверные, те данные, которые содержатся в рассказе Константина Багрянородного (Const. Porph. De adm imp. 53). Просто херсонесский гарнизон, содержавшийся с IV в. на римские субсидии или иные средства, которыми распоряжалась центральная администрация, в организационном отношении был близок последи-ïéëàòèàíñêîìó êàâàëåðèéñêîìó àâãóñòîâñêîìó,[6] имел на своем вооружении баллисты и онагры, но в состав регулярной армии позднеримской империи не входил (подр. см.: Зубарь 1994: 135–137; ср.: Marsden 1969: 196–197; Southrn Dixon,1996: 159). Тогда станет понятным отсутствие упоминания города и его гарнизона в Notitia Dignitatum, надгробий и частных латинских надписей военнослужащих позднеримской армии IV – V вв., а также резкое количественное сокращение надписей на латинском языке, за исключением официальных, и отмечавшиеся изменения в застройке бывшей римской цитадели. По существу это был гарнизон не регулярных имперских войск, а городская милиция, набиравшаяся за счет субсидий центральной администрации из местных жителей, главной обязанностью которой, как и в других местах, была защита города от неприятеля (ср.: Not. Dig. Occ. XXXV, 5; XXXVII, 14–25; MacMullen 1963: 153; Demougeot 1975: 1105, 1121; Luttwak 1976: 169; Анохин 1977: 92).

Вместе с этим, нельзя не признать, что в рассказе Константина Багрянородного действительно есть целый ряд неточностей и несоответствий, которые плохо согласуются с позднеримской военной практикой (Цукерман 1994–1995: 551–553), хотя не всегда можно полностью согласиться с трактовкой ряда вопросов этой темы, предложенной К. Цукерманом (ср.: Marsden 1969: 196; Southrn, Dixon 1996: 155). Но только на этом основании, как представляется, нельзя отвергать все сведения, содержащиеся в этом историческом сочинении.

Труд Константина Багрянородного был написан в начале X в. как справочник-руководство по управлению империей для наследника престола на основании источников более раннего времени, и, естественно, от его автора трудно ожидать скрупулезной точности не только в мелочах, но и в изложении целого ряда исторических событий более раннего времени. Безусловно, в 53 главе трактата «Об управлении империей» не могла не найти отражение военная практика более позднего времени, чем те события, о которых он повествует. Но, как уже неоднократно отмечалось, в нем содержится весьма ценная историческая информация, которая подтверждается не только эпиграфикой Херсонеса, но и иными категориями источников, и задача исследователя суметь воспользоваться этой информацией для исторических реконструкций, а не отвергать ее без достаточных на то оснований.[7]

Говоря о гарнизоне Херсона в конце IV в., нельзя пройти мимо надписи с посвящением императорам Феодосию и Аркадию, которая достаточно точно датируется 392–393 гг. (IOSPE, I^2, № 450; Ростовцев 1907: 15; Jones, Martindale, Morris 1971: 972; Цукерман 1994-1995: 550, прим. 16; Айбабин 1999: 53–54). Из нее следует, что в правление указанных императоров был осуществлен ремонт оборонительных стен Херсонеса отрядом «механиков» под руководством трибуна Флавия Вита. Причем эти работы были проведены под руководством или контролем византийского чиновника достаточно высокого ранга Евферия. Вследствие того, что окончание памятника не сохранилось, его должность интерпретировалась исследователями по-разному (Латышев 1901: 58–59; Шестаков 1908: 7, прим. 3; Шангин 1938: 82; Белов 1948: 130; Зубарь 1994: 142–143; Цукерман 1994–1995: 550, прим. 16). Но вне зависимости от окончательного решения этого вопроса, из надписи следует, что в это время в Херсонесе отрядом специалистов под командованием трибуна Флавия Вита велся ремонт оборонительных сооружений. А результат анализа более поздних надписей времени правления императоров Зинона и Юстина II, вероятно, не позволяет в Евферии видеть местное должностное лицо (подр. см.: Зубарь, Сорочан 1998: 119). Скорее всего, Евферий, как и позднее комит Диоген, лишь курировал херсонесские дела и вследствие этого направил в Херсонес отряд «механиков» во главе с трибуном Флавием Витом.

Вместе с этим, нет совершенно никаких оснований в трибуне Флавии Вите видеть командира позднеримского гарнизона Херсонеса (см.: Цукерман 1994-1995: 550; Айбабин 1999: 53–54). Напротив, помощь городу специалистами по оборонительным сооружениям, а может быть и по военным машинам, хорошо согласуется с политикой поддержки союзного империи города (подр. см.: Зубарь 1994: 146–148), которому в то время могли угрожать гунны, появившиеся

[6] Подр. о военных реформах Диоклетиана и Константина см.: Southrn, Dixon 1996: 15 – 37.

[7] Вольно или невольно с этим согласен и К. Цукерман, который использует данные Константина Багрянородного для подсчета общего количества солдат херсонесского гарнизона. (См.: Цукерман 1994 -1995: 559).

в степной зоне Северного Причерноморья (см.: Піоро 1976: 92–102). Трибун в иерархии позднеримской армии стоял достаточно высоко (Demandt 1998: 31). Поэтому не исключено, что он был послан в Херсон для выполнения какого-то экстраординарного поручения римской военной администрации. Такому предположению не противоречит содержание рассматриваемого эпиграфического памятника.

Сказанное подтверждается и другими латинскими надписями, обнаруженными в Херсонесе. Это в первую очередь латинские надписи с посвящением императору Гонорию (395–423 гг.) и Аркадию (395–408 гг.) (IOSPE, I^2, № 655; Ростовцев 1907: 16; Соломоник 1983: 30–31, № 4; 31–32, № 5). К сожалению, фрагментированный характер этих надписей не позволяет уверенно говорить об их назначении, хотя вовсе не исключено, что они могли быть строительными (ср.: Ростовцев 1907: 17). Во всяком случае, они, как и фрагментированная греческая надпись с упоминанием императора Гонория, которая в свое время была опубликована М. А. Шангиным (1938: 81–82; ср.: Сидоренко 1987: 138), свидетельствуют о тесных связях, которые поддерживал город с империей на рубеже IV – V вв. Однако необходимо еще раз подчеркнуть, что отсутствие упоминания не только херсонесского гарнизона, но и самого города в Notitia Dignitatum (см.: Hoffmann 1969), не позволяет рассматривать в это время Херсонес или Херсон в качестве одного из городских центров, юридически входивших в состав Восточно-Римской империи.

На основании имеющихся источников можно заключить, что на протяжении IV в. взаимоотношения Херсонеса с империей строились на союзной основе и официально в состав империи город не входил (подр. см.: Зубарь 1994: 146–148). Защита города осуществлялась гарнизоном, набиравшимся за счет субсидий центральной власти из местных жителей. Организован он был по образцу легионов баллистариев позднеримской армии, но, по сути, являлся городской милицией, хорошо известной в целом ряде центров того времени на Балканах (ср.: Not. Dig. Occ. XXXV, 5; XXXVII, 14–23; MacMullen 1963: 153; Demougeot 1975: 1105, 1121; Luttwak 1976: 169; Анохин 1977: 92), вследствие чего, как об этом свидетельствуют эпиграфические памятники, ему оказывалась помощь специалистами, периодически направлявшимися должностными лицами имперской администрации, а также материалами для изготовления баллист (ср.: Demandt 1998: 227), о чем сообщает Константин Багрянородный (Const. Porph. De adm. imp. 53). Сказанное хорошо согласуется с результатами археологических исследований, проведенных на территории цитадели И. А. Антоновой, где во второй половине III – IV вв. наблюдаются существенные перестройки, свидетельствующие об изменении функционального назначения этого района.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И. 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.

Анохин В. А. 1977. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. - XII в. н. э.). Киев.

Анохин В. А. 1999. История Боспора Киммерийского. Киев.

Антонова И. А. 1996. Отчет о раскопках в Херсонесе на участке «цитадель» в 1996 г. //НАНЗХТ. Дело № 3359/ I - II.

Антонова И. А. 1997.15 лет работ в цитадели Херсонеса // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов. Севастополь.

Антонова И. А. 1997 а. Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона // Хсб. 8.

Антонова И. А., Сухинина С. Н., Сорочан С. Б. 1998. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1998 г. // Архив НЗХТ. Дело № 3389/1.

Белов Г. Д. 1948.Херсонес Таврический. Л.

Беляев С. А. 1979. Вновь найденная раннесредневековая мозаика из Херсонеса (по материалам раскопок 1973 - 1977 гг.) // ВВ. Т. 40.

Бертье-Делагард А. Л. 1893. Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. Т. 16.

Бородин О. Р. 1984. Развитие географической мысли // Культура Византии. IV - первая половина VII в. М.

Велков В., Александров Г. 1994. Монтана II. Монтана.

Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. 1999. Schola principalium в Херсонесе // НЭ. Т. XVI.

Глушанин Е. П. 1982. Город и армия позднеантичной эпохи в советской историографии // Город и государство в древних обществах. Л.

Диатроптов П. Д. 1986. Распространение христианства в Херсонесе Таврическом в IV - VI вв. // Античная гражданская община. Межвузовский сборник научных трудов. М.

Зубарь В. М. 1987. Из истории Херсонеса Таврического на рубеже н. э. // ВДИ. № 2.

Зубарь В. М. 1994. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев.

Зубарь В. М. 1998. Северный Понт и Римская империя. Киев.

Зубар В. М., Сарновський Т., Савеля О. Я. 1997. Нові латинські написи з римського храму в околицях Херсонеса Таврійського // Археологія. № 4.

Зубарь В. М., Сорочан С. Б. 1998. О положении Херсонеса в конце IV –VI вв.: политический и экономический аспекты // Хсб. Вып. IX.

Зубарь В. М., Сарновский Т., Савеля О. Я. 1999. Новые эпиграфические памятники из римского храма в окрестностях Херсонеса Таврического // ВДИ. № 2.

Зубарь В. М., Хворостяний А. И. 2000. От язычества к христианству. Киев.

Кадеев В. И. 1981. Херсонес Таврический в первые века н. э. Харьков.

Кузьмина А. Г. 1972. К вопросу о римской оккупации Херсонеса Таврического // Некоторые вопросы

всеобщей истории. Тула.
Курбатов Г. Л. 1961. К вопросу о территориальном распространении восстания Прокопия // Византийские очерки. М.
Кутайсов В. А. 1986. Новые находки легионных клейм в Херсонесе // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев.
Латышев В. В. 1896. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб.
Латышев В. В. 1901. Надпись о постройке херсонесской стены // ИАК. Вып. 1.
Латышев В. В. 1906. Жития святых епископов херсонских. Исследование и тексты // Записки императорской Академии наук. Серия VIII по историко-филологическому отделению. Т.8. № 3.
Латышев В. В. 1907. Страдания святых священномучеников и епископов херсонских Василия, Капиона и иных с ними // ИАК. Вып. 23.
Ломоури Н. Ю. 1986. К выяснению некоторых сведений Notitia Dignitatum и вопрос о так называемом Понтийском лимесе // ВВ. Т. 46.
Мещеряков В. Ф. 1975. Проникнення християнства в Херсонес Таврійський // Вісник ХДУ. № 118. Історія. Вип 9.
Мещеряков В. Ф. 1970. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л.
Піоро І. С. 1976. Гуннська навала і Крим //Вісник КДУ. № 18. Серія історії.
Піоро І. С. 1997. Про один з поглядів на джерела та історію пізньоантичного Херсонеса // Археологія. № 2.
Ростовцев М. И. 1907. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. Вып. 23.
Ростовцев М. И. 1914. Античная декоративная живопись на юге России. Пгр.
Русяева А. С. 1997. Религиозный аспект исторической новеллы о Гикии Константина Багрянородного // ΜΟΥΣΕΙΟΝ. (Профессору А.И.Зайцеву ко дню семидесятилетия). СПб.
Русяева А., Русяева М. 1999. Верховная богиня античной Таврики. Киев.
Сапрыкин С. Ю. 1987. Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикии) // СА. № 1.
Сидоренко В. А. 1987.К вопросу об этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV – начала V вв. с подражаниями «лучистинского типа» // Материалы по этнической истории Крыма (VII в. до н. э. - VII в. н. э.). Киев.
Соломоник Э. И. 1966.О римском флоте в Херсонесе // ВДИ. № 2.
Соломоник Э. И. 1973. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев.
Соломоник Э. И. 1983. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М.
Фролова Н. А. 1984. Монеты Фофорса (285 - 308 гг.) // СА. № 2.
Фролова Н. А. 1989. Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. № 4.
Фролова Н. А. 1997. Монетное дело Боспора. М. Ч. 2.
Харматта Я. 1967. К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное общество. М.
Цукерман К. 1994-1995. Епископы и гарнизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. Вып. IV.
Шангин М. А. 1938.Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. № 3(4).
Шестаков С. П. 1908. Очерки по истории Херсонеса в IV – X вв. // Памятники христианского Херсонеса. М. Вып. 3.
Юрочкин В. Ю. 1999. Этнополитическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье.
Якобсон А. Л. 1959. Раннесредневековый Херсонес // МИА. Т. 63.
Àlföldy G. 1984. Рец. на кн. Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983 // Gnomon.
Arnheim M. T. W. 1972. The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford.
Baatz D. 1994.Bauten und Katapulte des römischen Heeres. Sttutgart.
Barnes T. D. 1982. The New Empire of Diocletian and Constantine. London.
Baynes N. N. 1925. Three Notes on the Reforms of Diocletian and Constantine // JRS. Vol. 15. Part 2.
Bohec Y. Le. 1993. Die römische Armee. Von Augustus zu Kostantin d. Gr. Stuttgart.
Campbell D. B. 1984. Ballistaria in First to Mid-third century Britain // Britannia. Vol. 15.
Christol M. 1977. La carrière de Traianus Mucianus et l'origine des protectores // Chiron. Bd. 7.
De Blois L. 1976. The Policy of the Emperor Gallienus. Rome.
Demandt A. 1998. Geschichte der Spätantike. Das Römische Reich von Diocletian bis Justinian 284 - 565 n. Chr. München.
Demougeot E. 1975. La Notitia Dignitatum et l'histoire de l'Empire d'Occident au début du V-e siècle // Latomus. T. 34. Fasc. 4.
Diesner H. - J. 1968. Protector // RE. Suppl. 11.
Dobson B. 1967. Einführung // Domaszewski A. Die Rangordnung des römischen Heeres. Köln; Graz.
Domaszewski A. 1967. Die Rangordnung des römischen Heeres. Köln; Graz.
Frank R. J. 1969. Scholae Palatine. The Palace Guards of the Later Roman Empire // Papers and Monographs of the American Academy in Rome. Vol. 13.
Grant M. 1968. The Climax of Rome. The Final Achievements of the Ancient World. 161 - 337 A. D. Boston; Toronto.
Grant M. 1974. The Army of the Caesars. London.
Grosse R. 1920. Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. Berlin.
Hieroclis grammatici Synecdemus. 1847 // Constantinus Porphyrogenitus. De provinciis regni Byzantini. Tubingae.
Hoffmann D. 1969. Das spätrömische Bewegungsheer und Notitia Dignitatum. Düsseldorf.
Jones A. H. M. 1964. The Late Roman Empire 284 - 602. A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford. Vol. 1.
Jones A. H. M. 1964 ŕ. The Late Roman Empire 284 - 602. A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford. Vol. 2.
Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. 1971. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge.
Junkelmann M. 1992. Die Reiter Roms. Mainz am Rhein. Teil III.
Kienast D. 1990. Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie Darmstadt.
Kolendo J., Božiliva V. 1997. Inscriptions grecques et latines de Novae (Mésie Inférieure). Bordeaux.

Luttwak Ed. N. 1976. The Grand Strategy of the Roman Empire. From the First Century A. D. to the Third. Baltimore and London.

MacMullen R. 1963. Soldier and Civilian in the Later Roman Empire. Cambridge, Massachusetts.

Manzella I. S. 1999. Avidum mare nautis. Un naufragio nel porto di Odessos e altre iscrizioni // Mélanges de l'école française de Rome. Antiquité. T. 3. 1.

Marsden E. W. 1969. Greek and Roman Artillery: Historical Development. Oxford.

Mielczarek M. 1993. Cataphracti and clibanarii. Studies on the Heavy Armoured Cavalry of the Ancient World. Łódż.

Nadel B. 1977. Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosporan Kingdom in the Time of Emperor Diocletian Reconsidered // Dialogues d'Histoire ancinne. 3.

Nagy T. 1965. Commanders of the Age of Gallienus // AAH. T. 17.

Neumann A. 1958. Vexillatio // RE. Bd. 8.

Nischer E. C. 1923. The army Reforms of Diocletian and Constantine and their modifications up to the time of Notitia Dignitatum // JRS. Vol. 13.

Parker H. M. D. 1933. The Legions of Diocletian and Constantine // JRS. Vol. 33. Part 2.

Sarnowski T. 1988. Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na połnocnym wybrzeżu Morza Czarnego. Warszawa.

Saxer R. 1967. Untersuchungen zu den Vexillationen des römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diokletian // Epigraphische Studien. 1.

Soproni S. 1985. Die letzten Jahrzehnte des pannonischen Limes. München.

Southern P., Dixon K. R. 1996. The Late Roman Army. London.

Tomlin P. S. O. 1976. Notitia Dignitatum omnium, tum civilium quam militarium // Aspects of the Notitia Dignitatum. London.

Treatgold W. 1995. Bysantium and Its Army. Stanford.

Várady L. 1961. New Evidences on Some Problems of the Late Roman Military Organization // Acta Antiqua. T. 9. Fasc 3 - 4.

Vinogradov Ju. G., Zubar V. M. 1995/1996. Die Schola Principalium in Chersonesos // Il Mar Nero. II.

Zahariade M. 1988. Moesia Secunda, Scythia şi Notitia Dignitatum. Bucureşti.

Zucerman C. 1991. The Early Byzantine Strongholds in Eastern Pontus // Travaux et Memories. T. 11.

Р.В.Терпиловский

КИЕВСКАЯ И ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРЫ. ПРОБЛЕМА КОНТАКТОВ

R.V. Terpilovskii. Kiev and Cherniakhov Cultures: the Problem of Contacts.

The author distinguishes a number of stages in Cherniakhov and Kiev cultures.

In the middle of III – early IV century, the bearers of Cherniakhov culture penetrate rather far in the East and reach the upper Don areas. It is on the left bank of Dnieper where Cherniakov-Kiev strip farming was developed. The boundary in the Middle Dnieper area is determined by the river Stuchka. The settlement of Gnevaha near Kiev is superimposed by Cherniakhov layer. Situation is similar on a number of other sites on the left bank. Kiev sites in IV century are exclusively located to the north and east of Cherniakhov area. The author links this situation to the wars led by Gothic king Hermanarich against the Venetians.

The Hunns' invasion in 375 changed the situation again. On the one hand, the Cherniakhov bearers penetrate in the north (burials found in Kiev), on the other hand, the bearers of Kiev culture return to the south: settlements at Slobodka 4, Sencha, Kurgan-Azak. It is the time for wars led by Vinitarius, Hermanarich's successor, with the Ants.

The first half of V century sees a "decline" of both cultures, which were followed by the sites of early Slavic culture – Penikovskaya, developed with participation of the two ancestor cultures.

Если изучению черняховской культуры сейчас исполняется сто лет, то киевская культура (точнее, памятники киевского типа) были выделены значительно позднее — на рубеже 40 — 50-х гг. XX в. Широкое исследование древностей киевской культуры охватывает еще более узкий период — преимущественно 70 — 80-е гг. Тем не менее, степень изученности киевской культуры вполне сопоставима с черняховской. Слабая изученность относительно маловыразительного киевского погребального обряда с избытком компенсируется широкими исследованиями ряда поселений, некоторые из которых раскопаны полностью. Действительно, раскопки этих небольших общинных поселков дают гораздо больше информации о социально-экономическом развитии их обитателей, чем крупные черняховские селища длиной 1-2 *км*, состоящие из далеко разбросанных усадеб. Следует также учитывать, что киевская культура, оставленная сравнительно архаическим и этнически гомогенным обществом, более доступна для изучения, чем черняховская, представляющая собой археологический эквивалент «державы Германариха» — разнородного в этническом отношении раннегосударственного образования.

Определенные успехи, достигнутые за последние десятилетия в изучении киевской и черняховской культур, позволяют конкретизировать ход историко-культурных процессов, протекавших между Днепром и Доном в позднеримское время, в частности, направленность и степень активности контактов между ними. В настоящей статье я попытаюсь кратко изложить свое видение этих процессов, опираясь прежде всего на материалы киевской культуры.

На рубеже II/III вв. достаточно разнородные позднезарубинецкие памятники сменяются генетически связанной с ними киевской культурой, характеризующейся гораздо большей однородностью. Тем не менее, своеобразие отдельных элементов позволяет разделить ее на ряд локальных вариантов, границы и основные черты которых совпадают с типами позднезарубинецких памятников: средне- и верхнеднепровский, деснинский и восточнолевобережный (рис.1). Ни одна из локальных групп киевской культуры не возникла в результате эволюционного развития местных древностей. В каждом случае формирование нового явления происходит в ходе смешения традиций двух позднезарубинецких групп: в Среднем Поднепровье — памятников типа Лютеж и типа Грини, на востоке Днепровского Левобережья родственных западных (типа Картамышево 2) и восточных (типа Терновка 2) памятников. Подесенье, очевидно, было сначала покинуто носителями памятников типа Почеп, переселившимися в северо-восточном направлении. На рубеже II/III вв. на Десну проникают с юго-востока потомки племен, оставивших памятники типа Картамышево 2, а с севера — верхнеднепровско-посожское население. Верхнеднепровский вариант киевской культуры в свою очередь складывается в ходе синтеза традиций древностей типа Чаплин и типа Грини. За отме-

© Р.В.Терпиловский, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

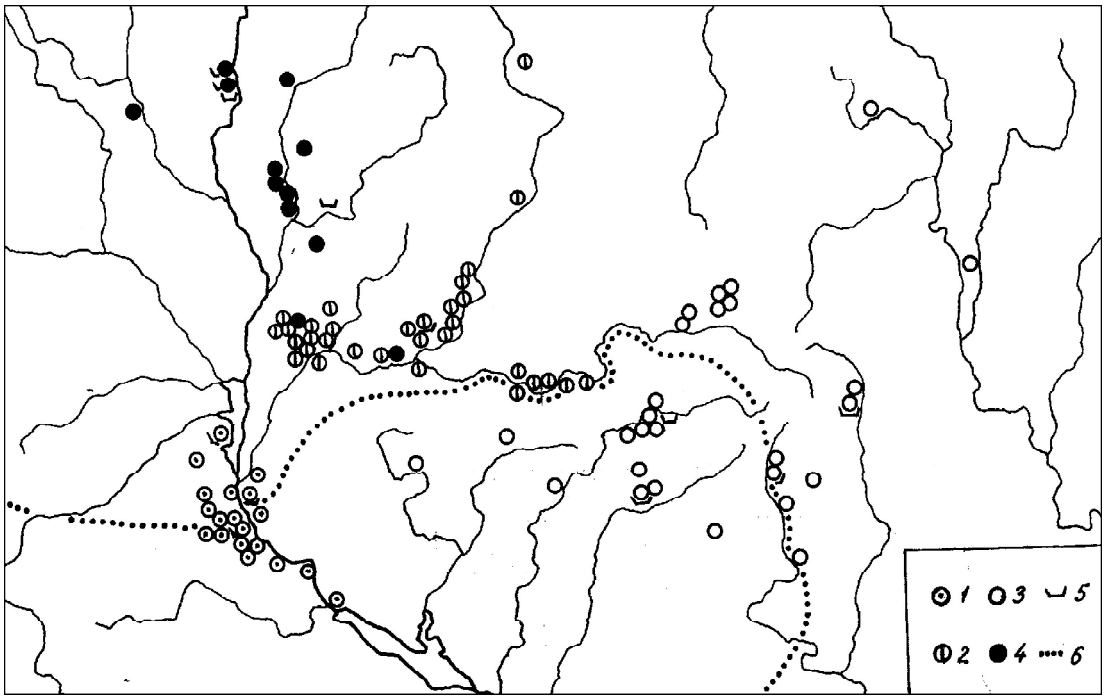

Рис.1. Карта памятников киевской культуры: 1 — поселения среднеднепровского, 2 — деснинского, 3 — восточнолевобережного, 4 — верхнеднепровского локального варианта, 5 — могильники, 6 — северная граница ареала черняховской культуры.

ченными процессами можно видеть как движение отдельных этнокультурных групп в пределах освоенного еще на рубеже I/II вв. ареала, так и синтез традиций родственных племен (Терпиловський 1994: 20-21).

Возникшая в результате новая общность сохранила лишь немногие черты «классической» зарубинецкой культуры и является специфическим культурно-хронологическим комплексом, основные элементы которого выразительно отличаются не только от соседних культур, но и от предшествующих и последующих древностей той же территории. Памятники киевской культуры можно разделить на три фазы.

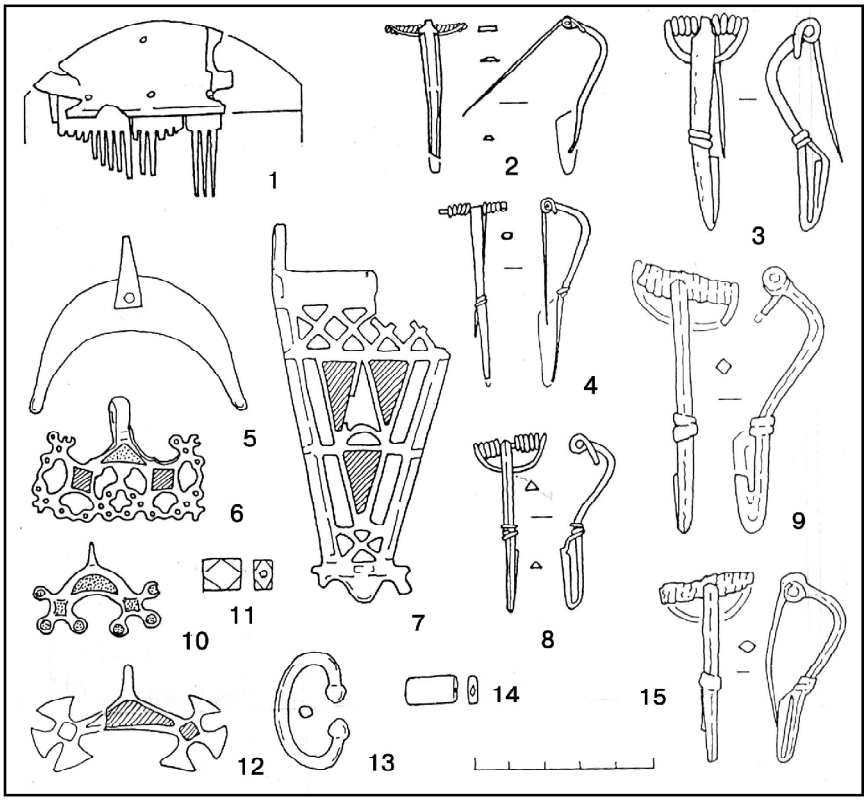

Рис.2. Датирующие вещи из памятников киевской культуры Среднего Поднепровья: 1, 2, 4, 5, 9 — Глеваха; 3 — Ходосовка; 6-8 — Новые Безрадичи; 10-15 — Казаровичи (1 — кость, 2, 4-8, 10, 12, 13 — бронза, 3, 9, 15 — железо, 11 — сердолик, 14 — стекло).

Первая из них (конец II-III вв.) характеризуется рядом пережиточных позднезарубинецких черт, активными связями с культурами лесной зоны. В данной работе этот аспект не рассматривается. Однако, еще до появления в лесостепи черняхова, на ранних киевских памятниках, кроме изделий «северного» круга, встречаются и провинциально-римские импорты: отдельные фрагменты гончарной керамики, напоминающей черняховскую, и амфор типа D (Попово-Лежачи 4, Сушки 2, Гочево 1, возможно, Обухов 3). В целом период до середины III в. являлся «нулевым» в отношениях киевского и черняховского населения.

Период непосредственных контактов приходится на середину III — начало V в. и может быть условно разделен на три этапа. Первый из них охватывает время от середины III до начала IV в. Основными хронологическими индикаторами являются фибулы серии А (по Е.Л.Гороховскому), VII группы (по О.Альмгрену), гребни типа I (по З.Томас), амфоры типа D, сочетающиеся в некоторых случаях с амфорами типа F (по Д.Б.Шелову) (рис.2: 1-5,9; 3:5-12; 4:1-5).

В результате появления черняховских памятников на Среднем Днепре и в Левобережье, вплоть до Северского Донца, происходит образование маргинальной зоны на водоразделе Днепра и Дона. В последнем случае черняховское население расселяется чересполосно с киевским, что приводит к взаимопроникновению элементов обеих культур (Обломский 1991: 86-89). В Среднем Поднепровье граница между киевской и черняховской культурами прослеживается более отчетливо, проходя приблизительно по Стугне. Некоторая часть киевского населения включается в состав черняховских общин, о чем свидетельствуют находки характерной керамики на ряде черняховских памятников Среднего Поднепровья (Абашина, Обломский, Терпиловский 1999). Особенно выразительны материалы широко раскопанного поселения Журавка. На ранних этапах его существования, около середины-второй половины III в., отчетливо выделяются постройки различной конструкции с киевской и вельбарской посудой. Впоследствии количество лепной керамики сходит на нет, что, вероятно, отражает процесс стабилизации черняховского общества, интегрировавшего ряд этнокультультурных групп. Цепочка черняховских поселений с «праславянской» традицией тянется от памятников типа Черепин в верховьях Днестра и Западного Буга через Среднее Поднепровье (Журавка и др.) до водораздела Днепра и Дона, что, впрочем, не дает оснований предполагать значительные миграции на восток, а объясняется скорее перемещением небольших групп населения (Обломский 1998). Отдельные памятники типа Седелки с восточнолевобережной киевской керамикой и черняховским домостроительством во второй половине III в. достигают даже Верхнего Дона (Обломский, Терпиловский 1998). В начале IV в. отдельные группы носителей черняховской культуры с выразительной вельбарской традицией незначительно продвигаются на север от Стугны, вытесняя население киевской культуры с таких поселений, как Глеваха (Терпиловский 1989).

Указанная ситуация наиболее точно соответствует, на мой взгляд, описанным Иорданом войнам готов Германариха с венетами, поскольку здесь имеет место ряд совпадений археологических и исторических реалий:

1. В настоящее время точка зрения, согласно которой носителей вельбарской культуры связывают с восточными германцами, является общепризнанной. Вероятно, черняховские памятники с вельбарской традицией также принадлежали готам, воспринявшим ряд достижений провинциально-римской культуры (Баран, Гороховский, Магомедов 1990: 65-66). Племена киевской культуры вполне могут соответствовать славянам-венетам, поскольку являются прямыми предшественниками славянских группировок VI в. Иордана и Прокопия.

2. Период активных контактов между черняховско-вельбарскими и киевскими племенами в Среднем Поднепровье охватывает начало IV в. Это время в целом не противоречит периоду военных столкновений венетов с готами Германариха, о которых сообщает Иордан.

3. К концу этого времени черняховско-вельбаркское население практически вытесняет из лесостепи киевские племена, что подтверждается тем, что на ряде селищ киевский горизонт перекрыт черняховскими слоями (Обухов 1 и 3, Глеваха, Боромля 2, Гочево 4). Очевидно, это продвижение сопровождалось военными столкновениями.

Вероятно, в результате описанных событий некоторая часть славянского населения в южной части Среднего Поднепровья и особенно на востоке Левобережья попала в политическую и экономическую зависимость от державы Германариха, следствием чего явилась, очевидно, культурная и этническая ассимиляция этих венетских групп. Об этом свидетельствует то, что памятники киевской культуры развитого IV в. известны исключительно за пределами черняховской территории, к северу и востоку от нее. Вместе с тем, само наличие довольно четкой границы между киевской и черняховской культурами в этот период, немногочисленность черняховских импортов в лесной зоне, вероятно, указывают на преувеличение Иорданом значения поражения венетов. Поступление черняховских импортов и ряд технологических новаций лишь в незначительной мере изменили традиционный уклад жизни в лесной зоне. Скорее всего, «северные народы» были лишь номинально зависимы от готского племенного союза.

Очевидно, одновременно часть среднеднепровских киевских племен переселяется в Чер-

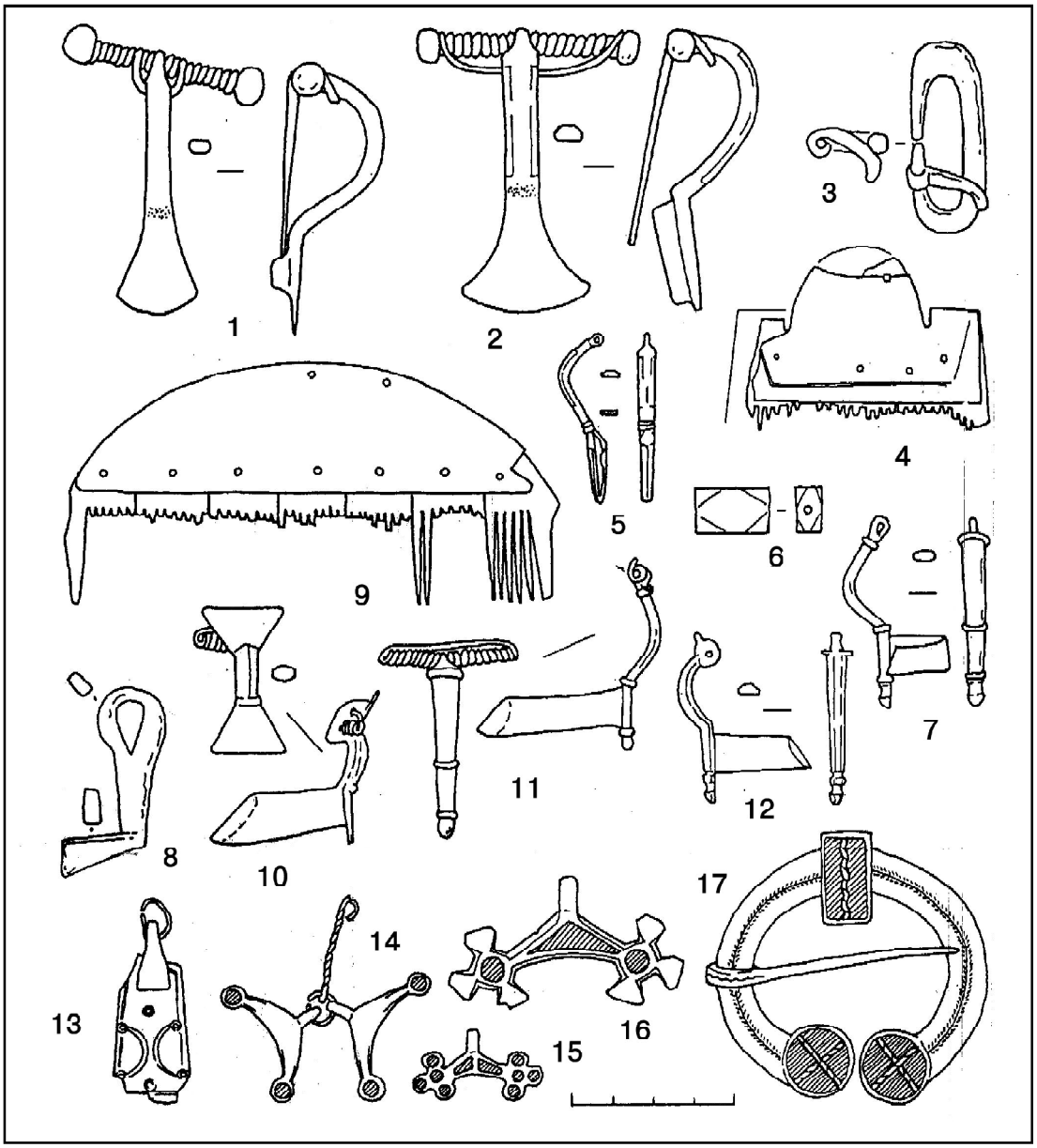

Рис.3. Датирующие вещи из памятников киевской культуры востока Днепровского Левобережья: 1-3 — Каменево 2; 4 — Тазово; 5-7 — Букреевка 2; 8, 12 — Родной Край 3; 9-11 — Боромля 2, 13-15 — Гочево 1, 16, 17 — Рябовка 1 (1-3, 8 — железо, 4, 9 — кость, 5, 7, 10-17 — бронза, 6 — сердолик).

ниговское Подесенье. На это может указывать рост числа деснинских памятников, некоторые изменения характера местной керамики и домостроительства (на поселении Александровка 1 исследован ряд построек с печами-каминами, аналогичных жилищам Журавки) (Терпиловський, Шекун 1996). Это время, охватывающее первую половину — середину IV в., можно отнести ко второму этапу киевско-черняховских контактов. Он относительно слабо диагностирован датирующими вещами, которые тяготеют либо к началу, либо к концу этапа.

Заключительный этап таких связей приходится на вторую половину IV — начало V в. и совпадает с финальной фазой киевской и черняховской культур. В целом на памятниках этой стадии киевской культуры число черняховских вещей невелико, однако они встречаются повсеместно, достигая даже отдаленных областей Верхнего Поднепровья. Основными хронологическими индикаторами выступают разнообразные фибулы серии Б, гребни типа III, некоторые типы, бус, амфор и др. (рис. 3: 1-4; 4: 6-9; 5: 1-15). Особенно активные контакты киевского и черняховского населения наблюдаются на поселении Хлопков в Киевском Поднепровье и ряде селищ Черниговского Подесенья (Роище, Верхнестриженское 2, Александровка 1 и др.), относящихся ко второй половине IV — началу V в. В первом случае, очевидно, речь может идти о «варваризации» или «славянизации» черняховского населения, оказавшегося на гра-

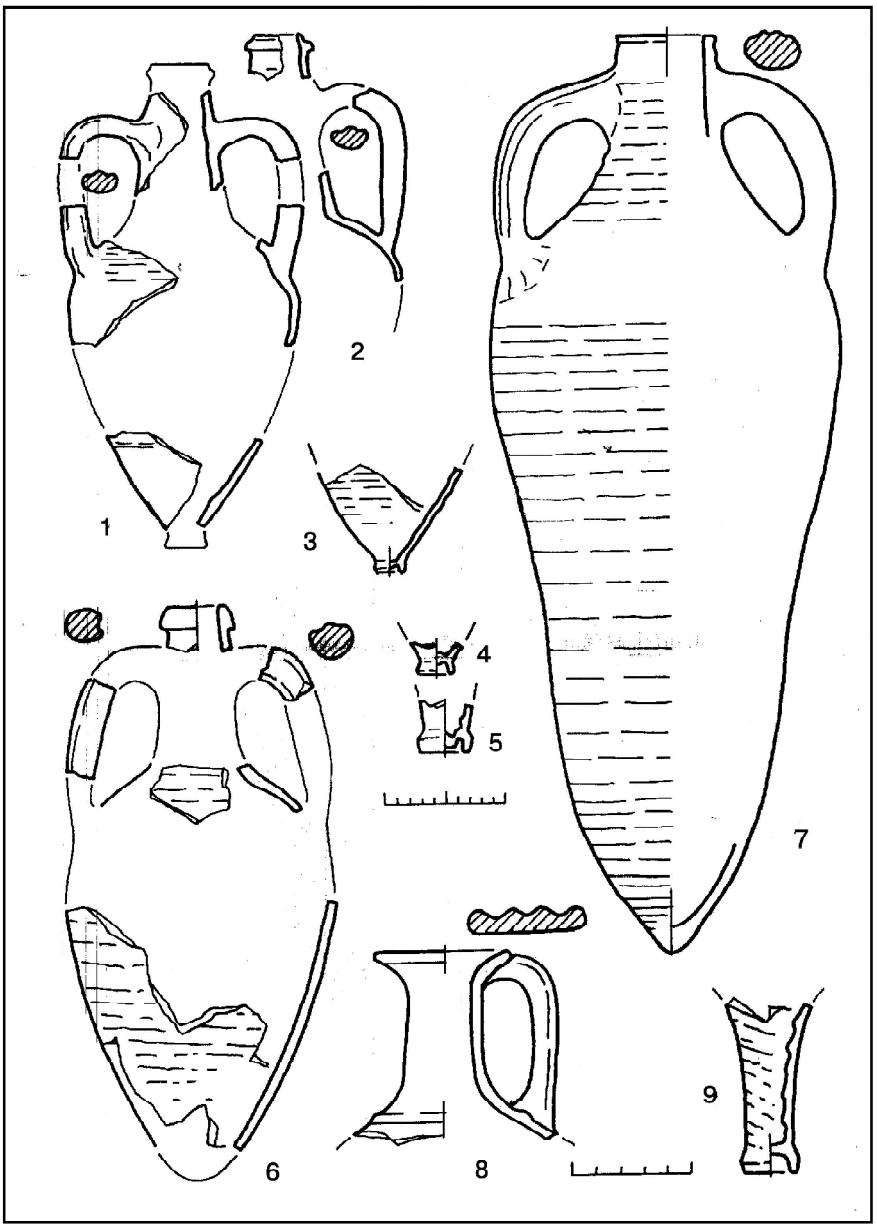

Рис.4. Находки провинциально-римских сосудов на памятниках киевской культуры: 1-3 — Боромля 2; 4, 5 — Родной Край 3; 6 — Роище; 7 — Гусинка; 8 — Каменево 2; 9 — Верхнестриженское 2 (1-7, 9 — керамика, 8 — стекло).

нице между этими двумя общностями. Во втором случае фиксируется активное поступление импортов, не исключена даже инфильтрация небольших черняховских групп в киевскую среду (рис. 6, 7). Вообще, в это время происходит значительное усиление местных племен — следы деснинского влияния заметны на севере, в Среднем Поднепровье (Вишенки) и Посеймье (Каменево 2).

Не исключено, что проникновение отдельных «черняховцев» в киевскую среду имело место и на территории Киева, где на Старокиевской горе известно несколько черняховских погребений, относящихся, судя по фибуле с ромбическим щитком и гребню типа III, ко второй половине III — началу IV в. (Каргер 1958: 83-86). Учитывая, что лепная керамика памятников типа Хлопков и Роище характеризуется рядом «протопеньковских» черт, можно с определенной долей вероятности связать эту археологическую ситуацию с войной «антов Боза» и готов Винитария:

1. Известные события произошли вскоре после нашествия гуннов в 375 г., то есть в конце IV — начале V в., что совпадает с финальной стадией киевской и черняховской культур.

2. Конфликт, скорее всего, происходил где-то в пограничье готского и венето-антского ареалов. Указанные группы памятников находятся в зоне активных контактов киевской и черняховской культур.

3. Анты, описанные Иорданом и Прокопием в VI в., в научной традиции последних десятилетий связываются с носителями пеньковской культуры (Седов 1979: 124-125; Горюнов 1981: 84-85; Приходнюк 1985: 29-31). Так как ее непосредственными предшественниками являются памятники типа Хлопков и Роище, то не исключено, что именно к оставившим их племе-

нам какими-то скифо-сарматскими группировками в составе «империи» Германариха впервые был применен этноним «анты». Впрочем, возможно, что термин этот был ретроспективно перенесен Иорданом на предков антов VI в., известных на рубеже IV/V вв. под прежним именем венетов.

В первой половине V в. наблюдается угасание черняховской культуры, вызванное эколого-демографическим кризисом (Шишкін 1996), господством гуннов, крахом провинциально-римской системы связей. Везеготы, позднее остроготы и ряд других племен уходят на запад, в пределы Империи. Последние проявления черняховской культуры относятся к середине V в. Вместе с распадом черняховской культуры происходят изменения и в среде ее северных соседей, в основном сохранивших прежнюю

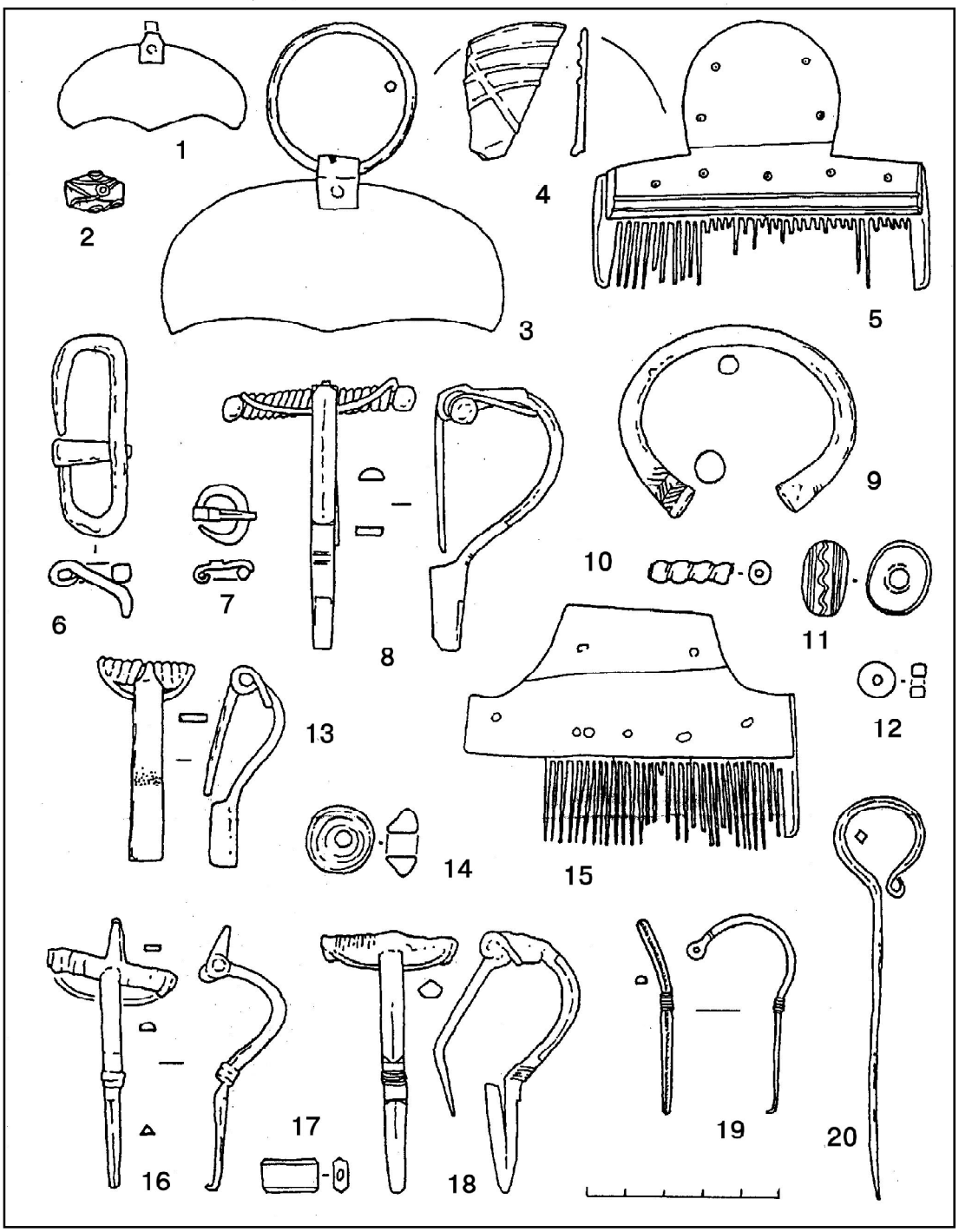

Рис.5. Датирующие вещи из памятников киевской культуры Подесенья: 1, 2 — Верхнестриженское 2; 3, 5, 6, 11 — Роище; 4, 7, 9, 14 — Ульяновка; 8, 10, 12, 15 — Александровка 1; 13 — Киреевка 2; 18 — Лавриков Лес; 17 —Гребля; 18 — Титова Речка; 19 — Куриловка; 20 — Киреевка 1 (1, 3 — серебро, 2, 10-12, 14, 17 — стекло, 4, 7, 9, 19 — бронза, 5, 15 — кость, 6, 8, 13, 16, 18, 20 — железо).

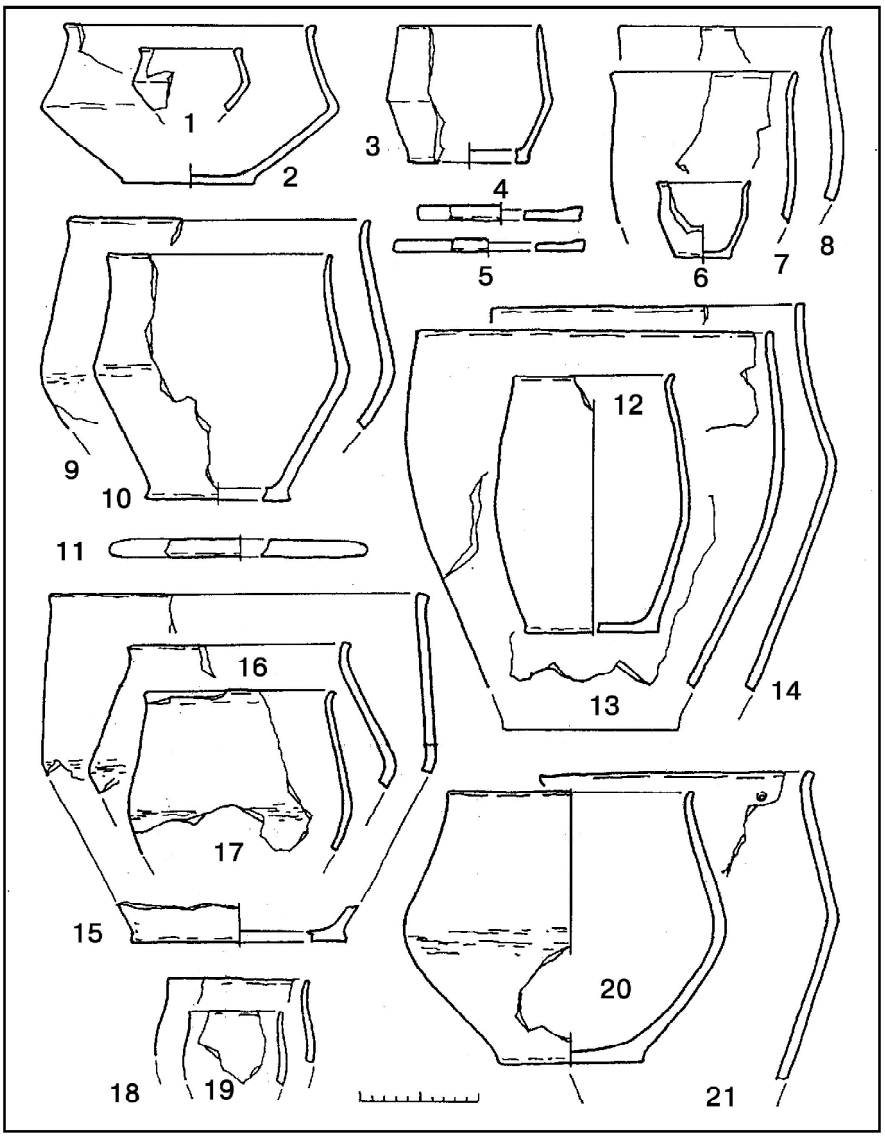

Рис.6. Роище. Подлощенная (1-3) и груболепная керамика (4-21) из киевского горизонта поселения.

социально-экономическую структуру. Киевская культура также прекращает свое существование, однако, в отличие от черняховской культуры, она не исчезает бесследно. На ее основе формируются раннесредневековые колочинская и пеньковская культуры, что дает основания рассматривать киевскую культуру как ядро, вокруг которого произошла «кристаллизация» славянских древностей. Колочинская культура демонстрирует относительно плавное развитие позднезарубинецко-киевских традиций лесной зоны. Пеньковская культура, очевидно, возникает на основе южных киевских памятников, находившихся в постоянном контакте с различными черняховскими группами. Распад готской державы приводит к тому, что южная стенка «венедского котла» оказалась разбитой и его содержимое выплескивается на юг (Щукин 1987: 113). Тенденция к переселению славянских племен в лесостепь заметна и в расположении некоторых памятников гуннского времени — такие селища, как Мотовиловская Слободка 4, Сенча, Курган-Азак, расположены южнее коренной киевской территории. Очевидно, в формировании пеньковской культуры кроме северных групп — потомков носителей киевской культуры Киевского Поднепровья и Черниговского Подесенья — приняли участие также остатки черняховского населения Днепровского Левобережья, в число которых входила и часть лесостепных славянских племен, ранее воспринявших черняховскую культуру.

В V в. фиксируется и своеобразный славянский анклав на Верхнем Дону (Замятино, ряд комплексов из Чертовицкого III городища и др.), сложившийся, возможно, на основе местного киевско-черняховского субстрата с некоторым участием мощинских племен. Слабые пережиточные проявления в Подонье уже не существующих в своих основных ареалах киевской и черняховской культур являются своего рода «улыбкой Чеширского кота».

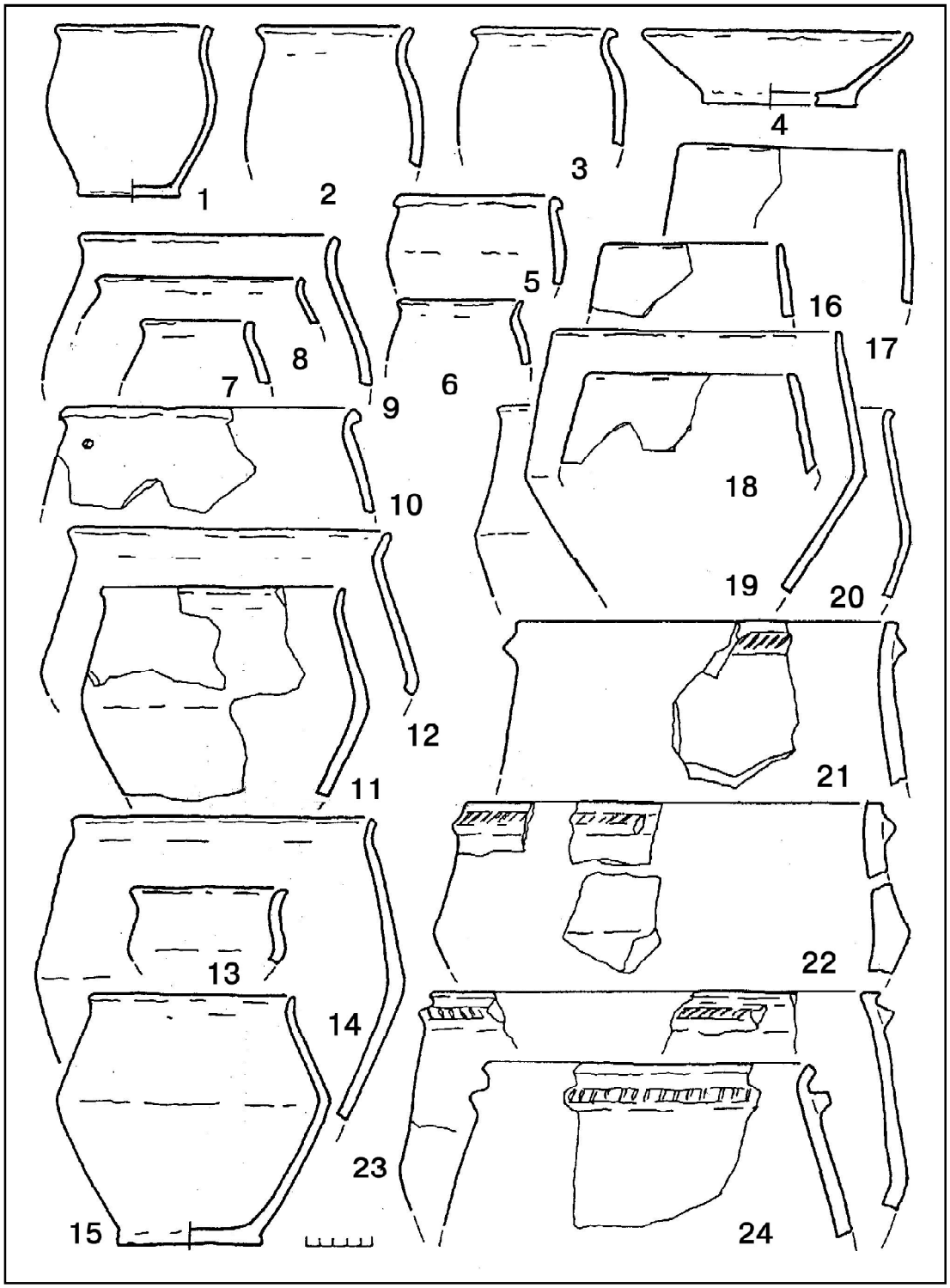

Рис.7. Хлопков. Груболепная керамика.

ЛИТЕРАТУРА

Абашина Н.С., Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1999. К вопросу о славянских элементах на черняховских памятниках Среднего Поднепровья // РА. №3.

Баран В.Д., Гороховский Е.Л., Магомедов Б.В. 1990. Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). К. С.30-78.

Горюнов Е.А. 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.

Каргер М.К. 1958. Древний Киев. Т.1. М.-Л.

Обломский А.М. 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв.н.э. Москва-Сумы.

Обломский А.М. 1998. Поселение Журавка Ольшан-

ская в Среднем Поднепровье (опыт культурно-хронологического анализа материалов) // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 13. С.59-87.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1998. Поселение Седелки и его место среди памятников позднеримского времени Днепровского Левобережья и лесостепного Подонья // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс.н.э. Воронеж. С.124-156.

Приходнюк О.М. 1985. Славянское население Юго-Восточной Европы VI-VII вв. (пеньковская культура) / Автореф. дис... докт. ист. наук. К.

Седов В.В. 1979. Происхождение и ранняя история славян. М.

Терпиловский Р.В. 1989а. К проблеме контактов киевской и вельбарской культур // Kultura wielbarska w mlodszym okresie rzymskim. Lublin. T.II. S.231-247.

Терпиловський Р.В. 1994. Слов'яни Подніпров'я у першій половині I тис. н. е. / Автореф. дис. … докт. іст. наук. К.

Терпиловський Р.В., Шекун О.В. 1996. Олександрівка 1 — багатошарове ранньослов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів.

Шишкін Р.Г. 1996. Господарство та екологія населення Середнього Подніпров'я кінця I — V ст.н.е. / Автореф. дис. … канд. іст. наук. К.

Щукин М.Б. 1987. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути // АСГЭ. Вып. 28. С. 103-118.

Л.В.Вакуленко

СЕВЕРНЫЕ ГЕРМАНЦЫ В УКРАИНСКОМ ЗАКАРПАТЬЕ В КОНЦЕ ПОЗДНЕРИМСКОГО ПЕРИОДА

L.V.Vakulenko. Northern Germans in Transcarpathian Ukraine at the End of the Late Roman Period.

The site of the Late Roman period discovered on the territory of Transcarpathian Ukraine close to the village of Solontsy, was published as a place of sacrifice belonging to the Thracian people. However, existence of the custom of such massive sacrifices in the Late Roman time is not proved by either archaeological or written records. Meanwhile, the burial rite discovered in Solontsy - burning on burial spot without subsequent covering of the remains – is known on the synchronous cemeteries of the Dobrodzien type of the Przeworsk culture on the territory of Poland. Among Solontsy finds, gold round pendants are of special interest. One of them was made in the open-work technique, out of a filigree wire. Four other are capsules-pendants, the surface of which is decorated with ornaments of filigree wire and granules. The analogues of these artefacts can be found only on the German sites (fig. 2, 1-17). Two-piece bronze fibula with a long winding of the inverted foot and a wire ring over it (fig. 1, 2), fragments of two beakers with polished ovaloid ornament (fig. 1, 9), fragment of a rectangular, two-sided bone comb (fig. 1, 10) allow to date Solontsy complex from the second half of the IV century - to the early V century. So, the analysis of materials, the structure of the site and ware finds show that it is German cemetery that was discovered in Solontsy. There is no doubt that it evidences ancient German presence on the territory of Ukrainian Transcarpathian at the end of the Late Roman period.

Исследованный в 1977-1978 гг. экспедицией Ужгородского университета и опубликованный В.Г.Котигорошко в журнале «Советская археология» десять лет спустя, в 1987 г., погребальный памятник у с. Солонцы Ужгородского р-на Закарпатской области Украины (Котигорошко 1987: 176-190), как ни странно, не привлек внимание ученых.

За прошедшие после первой публикации более десяти лет автор не подвергал материалы из Солонцов более углубленной интерпретации, повторяя в последующих работах без каких-либо изменений изложенные ранее выводы о функциональном назначении, датировке и этнической принадлежности памятника (Котигорошко 1991: 155, 163).

Между тем материалы этого уникального памятника выделяют его среди древностей позднеримского времени не только Карпатского региона, но и Европы. Определение хронологии, культурных и этнических связей населения, оставившего его, могут внести не только уточнения, но и существенные коррективы в представления об исторических процессах, протекавших в Европе в конце позднеримского периода.

Памятник представлял собой площадку прямоугольной формы, размерами 22,8 × 16,5 *м,* окруженную по периметру рвом шириной 1,4-2,6 *м* при глубине 0,5 *м.* Поверхность площадки была покрыта слоем толщиной 0,2-0,35 *м,* состоящим из древесного угля, кальцинированных костей, обломков керамики и вещей из металла, стекла и кости (рис.1, 1)

Выводы автора раскопок и публикации В.Г.Котигорошко вкратце сводятся к следующему: в Солонцах совершался обряд ритуального жертвоприношения, при котором жертвы сжигались. Относительно этнической принадлежности высказывалось утверждение, что жертвенник оставило северофракийское население Верхнего Потисья, а период его функционирования определяется в пределах III-IV вв.н.э. или даже III — первых десятилетий IV вв.н.э. (Котигорошко 1987: 190; Он же, 1991: 163).

Прежде всего, рассмотрим хронологию памятника, поскольку без этого не представляется возможным определить его место в кругу европейских древностей.

Из восьми фибул, обнаруженных на могильнике в Солонцах в достаточной сохранности, позволяющей определить их тип, семь принадлежало железным одночастным фибулам с подвязной ножкой и верхней тетивой. Их длина 4,5 — 7 *см*, сечение корпуса круглое или полукруглое (рис. 1, 3-7). Одна была бронзовой двухчастной подвязной фибулой (рис. 1, 2). При определении хронологии В.Г.Котигорошко основывался на классификации одночастных фибул, предложенной А.К.Амброзом, который к более раннему варианту, конец II — III вв.н.э., относил изделия с круглым сечением корпуса, как у большинства из солонцевских одночленных застежек. Сечение корпуса полукруглое и уплощённо граненое, по его мнению, было признаком более поздних фибул, конца III — IV вв.н.э. (Амброз 1966: 58-59). Однако анализ археологических комплексов, в состав которых входили одночастные подвязные фибулы, показывает, что для территории Закарпатья они могут определять хронологию только в широком диапазоне позднеримского времени. Более точная хроно-

© Л.В.Вакуленко, 2000.

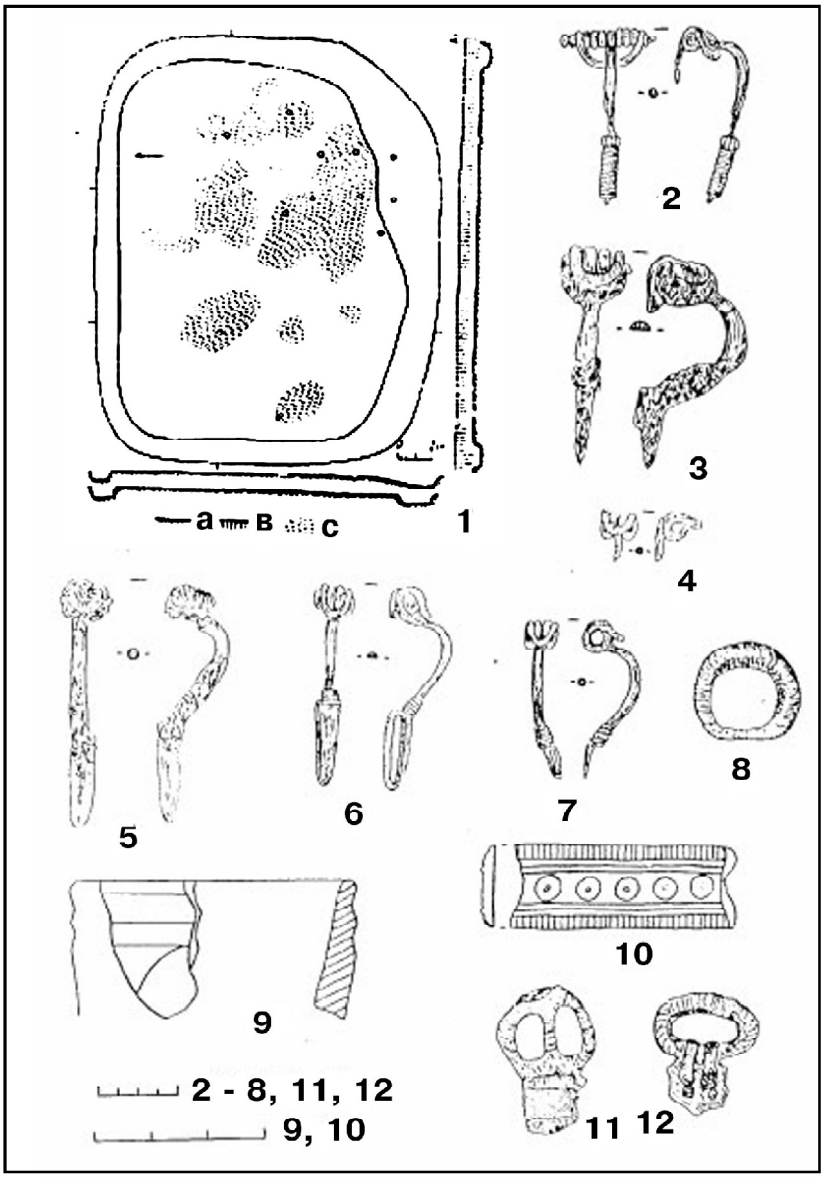

Рис. 1. Солонцы. План могильника и датирующие находки:
1 — План могильника (по В. Котигорошко). Условные обозначения: а — материк; б — верхний слой; в — обожженные участки грунта.

логия памятников, где обнаружены подобные застежки, возможна только с учетом других датирующих материалов или характерных признаков (Вакуленко, в печати).

Между тем другие материалы, найденные в Солонцах, указывают на более позднее время функционирования памятника. Прежде всего, это бронзовая двухчастная прогнутая фибула с подвязной ножкой. Край ножки обломан. Характерные отличия изделия: длинная обмотка завязки и проволочное кольцо с насечками, помещенное над ней (рис. 1, 2). Солонцовская двухчастная подвязная фибула находит аналогии в комплексах Тисского региона, относящихся к гуннскому времени. Так, в погребении №3 позднесарматского могильника Тиссафельдвар (Vaday 1989: 272, Kat. 318) подобная прогнутая двухчастная фибула с длинной обмоткой завязки и проволочным кольцом (Vaday 1989: Taf. 108, 7; Abb. 16, 11) найдена в комплексе с двумя пряжками конца IV — начала V вв.н.э. (Vaday 1989: 68-69, Taf. 108, 2, 3) и двумя браслетами с расширенными концами, которые появляются на Западе только в гуннское время (Vaday 1989: 52, Taf. 108, 9). Еще одна подобная фибула (Vaday 1989: Taf. 88, 8, Abb. 16, 9) обнаружена в том же регионе, на могильнике Ракочифалва, в погребении №1 (Vaday 1989: 264, Kat. 259), вместе с пряжкой конца IV — начала V вв.н.э. (Vaday 1989: 69, Taf. 88, 6)

К этому же времени, т. е. к ступени D, относятся и другие находки из Солонцов. Так, среди собранных на площади могильника обломков стеклянных изделий, в большинстве своем мелких и оплавленных под действием огня, найдены фрагменты двух кубков со шлифованными овалами. Один из обломков — верхняя часть кубка конической формы (диаметр венчика 6,2 *см*) из толстого прозрачного зеленоватого стекла (рис. 1, 9). Его форма и декор, состоящий из двух горизонтальных канелюров под венчиком и шлифованных овалов на корпусе, аналогич-

ны сосудам, выделенным Г.Рау в группу Кенигсбрух — Гавриловка — Тыргшор. Время их бытования хорошо документировано находками в закрытых комплексах конца IV — начала V вв.н.э. (Rau 1972: 136, Fig. 34-37, 52; Straume 1987: Abb. 5).

Несколько обломков принадлежат тонкостенному стеклянному сосуду светло-зеленого цвета, с накладной волнистой нитью синего стекла. В.Г.Котигорошко называет это стекло серпантинным и относит к изделиям III в.н.э. (Котигорошко 1987: 189). Однако стеклянные изделия, украшенные подобным образом, хорошо известно на памятниках эпохи переселения народов, в комплексах конца IV — первой половины V вв.н.э. (Сорокина 1979: 61, рис.1, 10-15; Дмитриев 1979: 52, Рис. 1, 40).

В Солонцах найден обломок костяного двустороннего гребня прямоугольной формы. Это пластинка, шириной 1,5 *см*, украшенная врезным орнаментом из кружочков и двух симметричных рядов частых линий (рис. 1, 10). Отдельные экземпляры подобных изделий известны уже в IV в.н.э. (Mitrea, Preda 1966: 223, Fig. 33, 2), а в эпоху переселения народов являются массовыми находками на памятниках Подунавья и на прилегающих к нему территориях Карпатской котловины. (Tejral 1982: 142, obr.51: 1-6; Točik 1962: 191, obr.3,2; Salamon, Barkóczi 1970: Abb. 6, 19; 7, 30; 8, 12).

К сожалению, ни в одном экземпляре обнаруженных в Солонцах бронзовых и железных пряжек не сохранился язычок (рис. 1, 8, 11, 12). В некоторых случаях, однако, хорошо заметно утолщение верхней дужки, что является одним из поздних признаков и встречается на пряжках, относящихся к ступеням C3 — D (Godłowski 1970: Pl. IV, 2; Godłowski 1976: Tabl. XXXIV, 15, 18).

Таким образом, весь комплекс находок, которые могут определять хронологию солонцовского памятника, указывает, что время его функционирования приходится на ступень D.

Вряд ли можно согласиться с утверждением В.Г.Котигорошко, что памятник в Солонцах связан с обычаем человеческих жертвоприношений, существовавшим у кельтов, откуда он якобы еще в III-II вв. до н.э проник в среду северофракийского населения Верхнего Потисья, где и сохранился до позднеримского времени включительно, в силу, как он полагает, особой консервативности и обособленности этого населения (Котигорошко 1987: 190). Нельзя признать убедительными приведенные им аналогии, такие, как обычаи кельтов Галлии и Британии или жертвенник пуховской культуры в Пресно (Северная Словакия) I в. до н.э. Это обычаи и памятник другой эпохи. К тому же жертвенник в Пресно отличается от Солонцовского объекта не только своими значительно меньшими размерами (2,5 *м* × 1 *м*), но и тем, что найденные там кальцинированные кости в своем подавляющем большинстве были костями домашних и диких животных. Человеческие останки принадлежали только 5 кремированным (Pieta 1982: 191).

Между тем в Европе известны могильники, аналогичные Солонцам по своему погребальному обряду и синхронные хронологически. Речь идет о могильниках добродзеньского типа пшеворской культуры, исследованных в Польше, на территории Верхней Силезии (Szydłowski 1974; Godłowski 1981: 117). Добродзеньские могильники — это площадки размерами в несколько сотен квадратных метров, поверхность которых покрыта сплошным слоем, содержащим кальцинированные человеческие кости, обломки посуды, в большинстве случаев со следами вторичного обжига, древесный уголь и оплавленные огнем вещи или их фрагменты из железа, бронзы, стекла, кости или глины. Площадь могильника в Щедрике, составляла около 700 *кв.м*, в Добродзене-Рендзине — 250 *кв.м*, в Ольштыне — около 250-300 *кв.м* (Szydłowski 1974: 14, 40, 101). Толщина слоя с остатками многочисленных кремаций на добродзеньских могильниках достигала 10 — 30 *см*. Напомним, что площадь могильника в Солонцах — 376 *кв.м*, а толщина слоя сожжения — 0,2-0,35 *м.* При исследованиях в Щедрике, Добродзене и Ольштыне, как и в Солонцах, были прослежены ямы от столбов (Szydłowski 1974: 15; Fot. 15), а также места более интенсивного действия огня и скоплений остатков кремации (Szydłowski 1974: 14-15; 40-41; 100; rys. 8 — 15 и др.). Время функционирования добродзеньских могильников приходится на ст. D (Godłowski 1976: 220-222). Среди материалов, обнаруженных на добродзеньских могильниках, так же как и в Солонцах, подавляющее большинство фибул составляют одночастные застежки с подвязной ножкой, собрана большая коллекция железных и бронзовых ведерко- и корзинковидных подвесок и пряжек с утолщенной верхней дужкой. Однако даже при предварительном сравнении не могут быть не замечены различия в погребальном инвентаре и керамических комплексах этих памятников. Правда, о степени этого различия трудно судить в силу огромной разницы в степени обработки и полноты публикации солонцовских и добродзеньских материалов. Так, в публикации Е. Шидловского, посвященной трём верхнесилезским могильникам, представлены детальные планы поквадратных исследований, профили каждой ямы, углубления или скопления остатков кремации и даны полные каталоги находок с указанием их точного места на плане. К сожалению, ничего подобного нет ни в публикации, ни в полевом отчете, представленных В.Г.Котигорошко. Тем не менее, первое, что сразу же обращает внимание — это тот факт, что захоронения на Верхнесилезских могильниках сопровождались оружием, в то время как в Солонцах оружие не найдено. Надо думать, что

присутствие оружия в Добродзеньских могильниках является отличительным культорологическим признаком. Хотя позволим себе высказать предположение, что, возможно, кремация и захоронения мужчин и женщин проводились на разных могильниках. В таком случае можно допустить, что в Солонцах хоронили женщин. Впрочем, для того чтобы подтвердить или отвергнуть это предположение, необходимо было бы провести огромную работу по антропологическому изучению костных остатков, собранных на этих памятниках, что в настоящее время маловероятно.

Среди солонцевских материалов особую категорию находок составляют 10 золотых подвесок. Это – одна ажурная подвеска, четыре круглые подвески-капсулы, четыре корзинковидных подвески и лунница. К сожалению, ни в публикации, ни в полевом отчете В.Г.Котигорошко не содержатся сведения об условиях находок золотых подвесок. Остается неизвестным, находились ли они все или некоторые из них вместе или были рассеянны по площади могильника. Таким образом, нет данных для предположения о том, составляли ли они или часть из них одно ожерелье или служили единичными украшениями.

Ажурная подвеска, диаметром 15 *мм*, была изготовлена из филигранной проволоки (рис. 2, 1). Вряд ли аналогиями для нее могут служить приведенные В.Г.Котигорошко (Котигорошко 1987: 188) изделия, происходящие из погребения №38 на могильнике в Заводи (Венгрия). Они имели совсем другую форму и рисунок и служили не подвесками, а нашивками. К тому же Заводи — это аварский могильник и найденная в этом же погребении монета Констанция в данном случае не может быть датирующим признаком (Wosinsky 1856: 20, 10-11).

Между тем находки ажурных подвесок, подобных солонцовской, известны как в Тисском регионе, так и в других областях Европы. Одна из них также найдена в Украинском Закарпатье, в окрестностях г. Берегово (Бернякович 1957: 436) и хранится в Киеве, в Музее исторических драгоценностей Украины (рис. 2, 2).

Две очень похожие подвески (рис. 2, 3-4), опубликованные Е.Гарам как изделия позднеантичной или ранневизантийской работы, находятся в собрании Венгерского национального музея в Будапеште. Одна из них (Garam 1993: Taf. 35, 8) была вместе с кальцинированными костями в лепной посудине — урне, найденной в 1878 г. вблизи с. Кёмёрё, в Венгрии. (Czobor 1878: 262-265). Вторая (Garam 1993: Taf. 3, 13,), как принято считать, происходит из Дунапентеле, хотя в журнале музейных поступлений значится как покупка, место находки которой неизвестно.*

*Благодарю др. Э. Иштванович за эту информацию.

Аналогична солонцовской одна из подвесок знаменитого ожерелья, найденного в женском погребении вблизи Насобурек, в Моравии (рис. 2, 7). Датирование Насобурек вызывает дискуссию. Я. Тейрал, ссылаясь на поздние аналогии для выполненной в технике клуазоне подвески в форме цикады, которая также входила в состав Насобуркской находки, датирует его концом V в.н.э. (Tejral 1982, obr. 46: 128). Б.Свобода относит Насобуркское ожерелье к концу IV — началу V вв.н.э. (Svoboda 1953: 54), а М.Ян и Э.Бенингер — к периоду конца IV — первой трети V вв.н.э.(Jahn 1931: 43; Beninger 1932: 68-71). М.Темпельманн-Мончыньска замечает, что шесть лунниц из Насобурек, украшенных филигранью и грануляцией, имеют точную аналогию в погребении в Нирупе, на Зееланде (Lund Hansen 1971: DK-42, 8), комплекс которого хорошо датируется фибулой в виде свастики, серебряной фибулой с прямоугольной верхней пластинкой и стеклянным кубком Е. 233 второй половиной IV в.н.э. (Tempelmann-Mączyńska 1986: 379). Нам представляется, что следует принять более ранние варианты, предложенные для датирования Насобуркского ожерелья. Заметим, что цикадные формы широко распространены уже в гуннское время (Bóna 1991: 196), а цикадная подвеска из Насобурек по своим орнаментальным особенностям относится по классификации И.П.Засецкой к изделиям IV стилистической группы, получившим самое широкое распространение от Казахстана до Рейна в конце IV — первой половине V вв.н.э. (Засецкая 1982: 20-26). Ранним признаком, очевидно, следует считать и объединение в одном ожерелье подвесок, выполненных в филигранной технике, в стиле перегородчатой инкрустации и гладкой подвески с цветной вставкой.

Две круглые ажурные подвески (рис. 2, 5-6) были в погребении 26 в Кортрате, германском могильнике на северо-востоке Франции (Böhme 1974: Taf. 118, 8). Комплекс погребения хорошо датируется началом V в.н.э., благодаря сочетанию найденных здесь фибул тутулус типа Ольденбург второй ступени (380-420 гг.), трех булавок типа Вермант третьей ступени (400-450 гг.) и стеклянного кубка с синими «глазками» (Böhme 1974: 313, Taf. 118, 5, 6, 10, 13). Наконец, аналогии солонцовской ажурной подвеске известны из круга более поздних германских памятников. В частности, коллекция подобных украшений (рис. 2, 8) происходит из погребений середины и второй половины VI в.н.э. алламанского могильника в Гюфингене. (Fingerlin 1985: Abb. 640, Abb. 651). Аналогичная подвеска (рис. 2, 9) обнаружена в детском погребении меровингского времени (до 680 г.) во Франкфурте на Майне (Hampel 1994: Abb. 79, Abb. 80).

Четыре капсуловидные подвески из Солонцов имеют переднюю и заднюю стенки, жестко спаянные между собой ободком. Их лицевые и боковые поверхности украшены узорами из

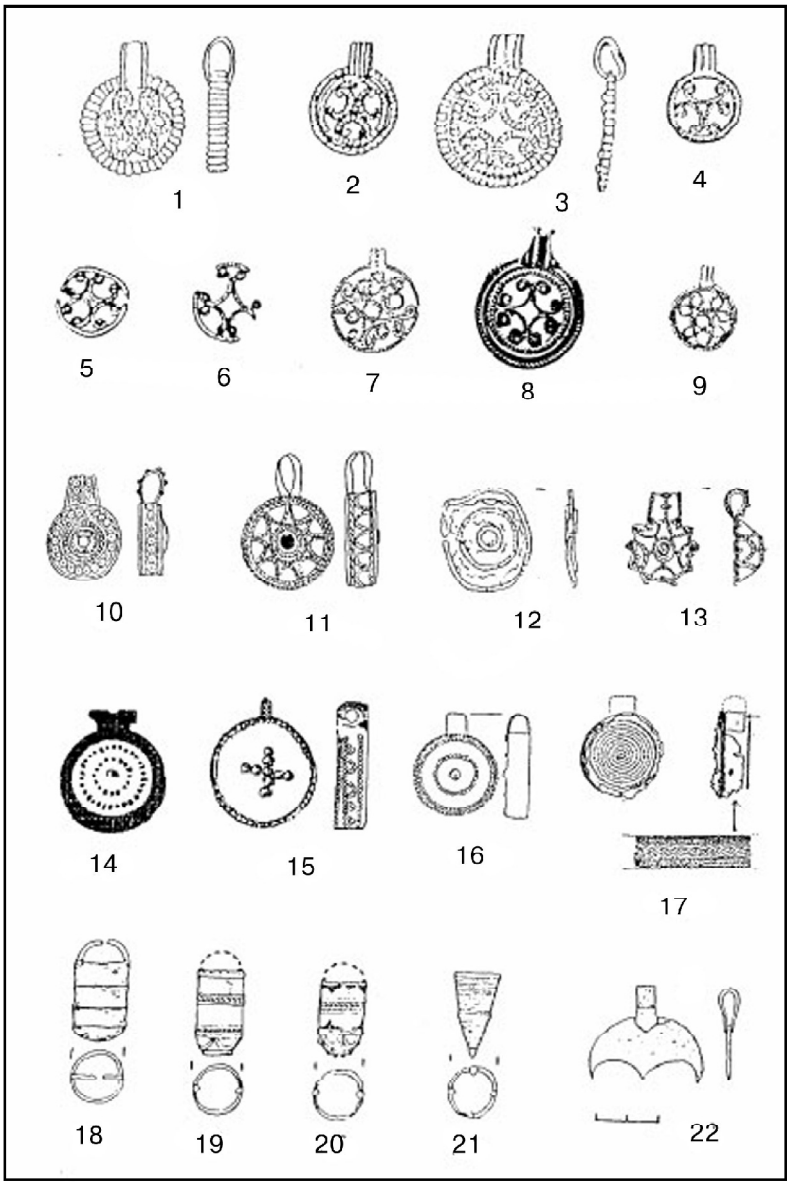

Рис. 2. Золотые подвески из Солонцев и их аналогии. 1-9 — ажурные подвески: 1 — Солонцы (по В. Котигорошко), 2 — Берегово (по К. Берняковичу), 3,4 — из собрания Венгерского национального музея (по Э. Гарам), 5,6 — Кортрат (по Г. Бёме), 7 — Насобурки (по Я. Тейлору), 8 — Гюфинген (по Г. Фингерлину), 9 — Франкфурт на Майне (по А. Гампел); 10-17 — капсуловидные подвески: 10-13 — Солонцы (по В. Котигорошко), 14 — Гросс-Бестендорф (фотография предоставлена М. Темпельманн-Мончинской), 15 — Торсбергер (по К. Раддатцу), 16 — Элблаг-Поле Новомейске (по Э. Блюме), 17 — Махаррен (по О. Клееманну); 18-22 — ведерковидные подвески и лунница из Солонцев (по В. Котигорошко).

филигранной проволоки и зерни (рис. 2, 10-13). В центре одной из них был синий камешек (рис.2, 11). Диаметр изделий — 10-13 *мм*. Одна из капсул, диаметром 11 мм, имеет выпуклую переднюю стенку (рис. 2, 13). По мнению исследователей, капсуловидные украшения появились как подражание римским «bullae». Чаще всего они изготавливались из бронзы, реже из серебра, железа и совсем редко из золота. Кроме солонцовских, известно всего несколько золотых изделий, однако, встречаются бронзовые капсулы с позолотой или накладными золотыми пластинами. В подавляющем большинстве подвески-капсулы имеют гладкую поверхность, только изредка на передней стенке прочерчен незамысловатый узор, обычно это крест. Однако найдены и роскошно орнаментированные экземпляры, лицевые и боковые стенки которых, как и у изделий из Солонцов, богато украшены филигранью и зернью. Украшенные золотые подвески-капсулы найдены на территории Дании (рис. 3, 1, 2), в Берстеде и Торсбергере (рис. 2, 15), бронзовые, с накладными золотыми пластинами, выявлены в Гросс-Бестендорфе (рис. 2, 14) и Махаррене (рис. 2, 17), а серебряная — в Элблонге-Поле Новомейске (рис. 2, 16). Три последние происходят из области Польского Поморья (рис. 3, 3, 4, 5).

Основная территория распространения капсуловидных подвесок охватывает прибалтийские территории Германии и Польши (рис. 3). Отдельные находки встречаются на памятниках Чехии, Словакии, Центральной Германии и Скандинавии (Kleemann 1939: Abb. 10; Raddatz 1957: karte 14; Beckmann 1973: 15, Karte). Их достаточно часто находят на памятниках вельбаркской и пшеворской культур (Grabarczyk 1983: 20, 35; Godłowski 1976: 43-44). В черняховской культуре они практически не встречаются. Известны находки в погребениях могиль-

ника Чернелив-Руський (Герета 1989: рис. 5, 96, в) и могильника Масломенжской группы в Грудке (Kokowski 1995: 231, mapa 59). Они присутствуют в комплексах погребений культур древнегерманского круга, датируемых от ступени B 1 до начала ступени D 1 (Beckmann 1973: 4). Тот факт, что самые ранние экземпляры «капсул» (ст. B 1) найдены в Дании и на острове Сылт, заставляет исследователей предполагать, что в эти западные области Германии они попали морскими дорогами, через Балтийское море, а уже начиная со ст. B 2 становятся излюбленным украшением для германских племен и на других территориях (Raddatz 1957: 136).

Исключением являются четыре капсуловидные подвески, найденные на сарматских памятниках Венгрии (3) и Румынии (1). Как справедливо полагает А.Вадаи, которая приводит эти сведения, сарматы научились их носить не в Карпатском бассейне (Vaday 1989: 54). Однако нельзя согласиться с исследовательницей, что сарматы могли приобрести этот обычай в бытность свою в причерноморских степях, при контактах с населением античных городов. Думается, что эти единичные экземпляры подвесок-капсул попали к сарматам вследствие их известных контактов с германцами. Пожалуй, эти четыре изделия наряду с бронзовой капсуловидной подвеской, найденной в богатом германском погребении в Цейкове (Словакия) (Ondrouch 1975: 69-77, tabl. 13,6), являются территориально самыми близкими к Солонцам находками «капсул». Однако, если учитывать не только саму капсуловидную форму, но и тот факт, что солонцовские находки были изготовлены из золота, а главное, богато украшены филигранью и зернью, то их аналогии, как мы видели выше, обнаруживаются исключительно на другой, гораздо более далекой от Солонцов территории, в Дании и на Балтийском побережье (рис. 4).

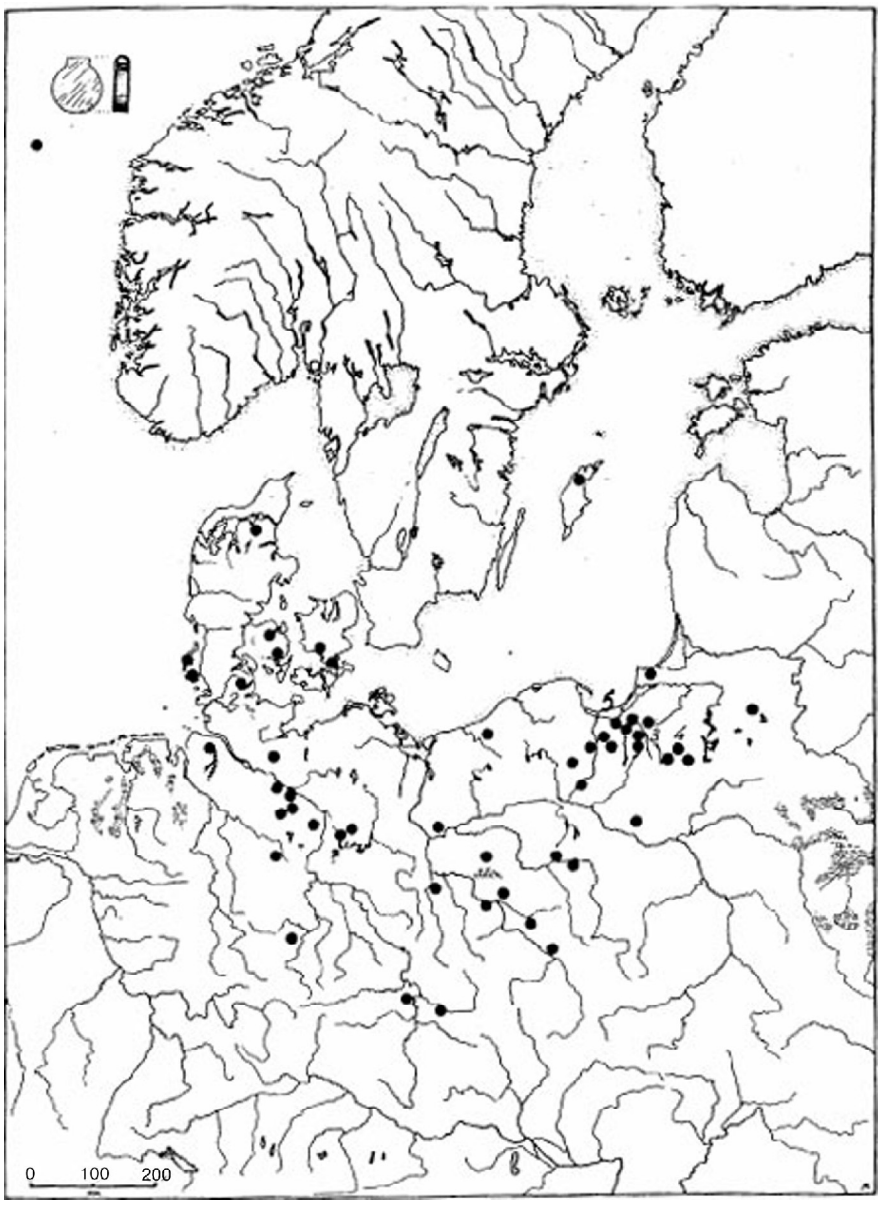

Рис. 3 — Карта распространения капсуловидных подвесок (по К.Раддатцу).

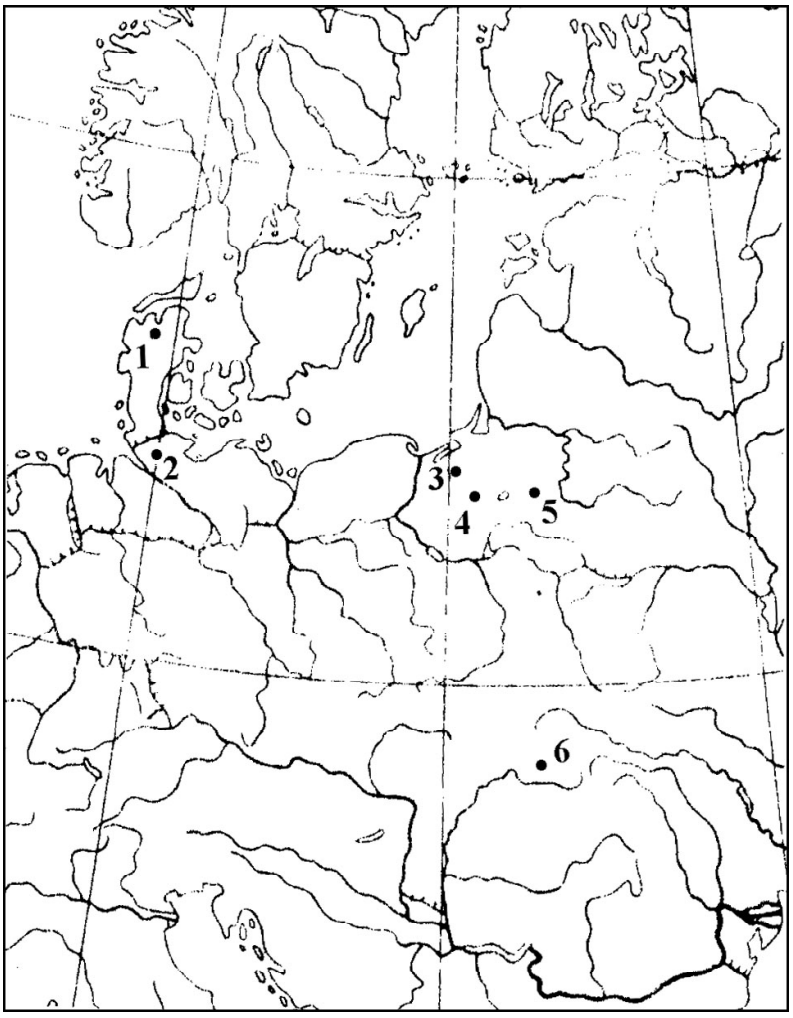

Рис. 4 — Карта-схема находок богато орнаментированных капсуловидных подвесок из золота, серебра или с накладными золотыми пластинами: 1 — Берстед, 2 — Торсберг, 3 — Гросс-Бестендорф, 4 — Махаррен, 5 — Элблонг-Поле Новомейске, 6 — Солонцы.

Другие виды золотых украшений, найденные в Солонцах, имеют широкое распространение в позднеримский период на европейских памятниках разных культур. Это трехрогая лунница, изготовленная из тонкой золотой пластинки (рис. 2, 22), и золотые корзинковидные подвески (рис. 2, 18-21). Мода на простые гладкие лунницы, подобные солонцовской, в основном приходится на IV в.н.э. (Каргопольцев, Бажан 1993: 116). Известно достаточное количество подобных украшений и в комплексах гуннского времени конца IV — начала V в.н.э. Так, прямые аналогии луннице из Солонцов найдены в кладе Валя Стрымба в Румынии вместе с монетами Грациана (367-383 гг.), пряжками с длинными язычками и гладкой двупластинчатой фибулой (Horedt 1982: Abb. 61), в одном из погребений Интеркизы, датируемом сопровождающими находками рубежом IV-V вв.н.э. (Alföldi u.a. 1957: 445, Abb. 96).

Три золотые корзинковидные подвески из Солонцов имеют округлое донышко (рис. 2, 18-20), одна — коническую форму (рис. 2, 21). Одна из «корзинок» украшена филигранью и зернью, другая — только филигранью, еще две — более скромно, горизонтальными рубцами. Подобные изделия известны в погребениях черняховской, пшеворской, сарматской и дакийских культур, они непременно присутствуют в княжеских погребениях в Закшове, Опатове, Любошицах, Цейкове, Хаслебене (Godłowski 1970: Pl. III, 21; IX, 18; XV, 17; XX, 21; Lund Hansen 1995: Taf. 22, 7, 8; Bichir 1976: 104-112; Кропоткин 1972: 264-269; Маркевич, Рикман 1973: 260-261; Рафалович 1986: табл. XXII, 12). Золотые корзинковидные подвески также доживают до ст. D (Godłowski 1970: 85). Причем, по наблюдениям К.Годловского, для этих, более поздних изделий, характерна удлиненная форма (Godłowski 1970: 40), что отличает и солонцовские экземпляры. Конические металлические подвески встречаются редко. Золотые нам неизвестны, серебряные конические подвески присутствовали в комплексах двух погребений черняховского могильника в Данченах (Рафалович 1986: табл. XLVI, 2, 3).

Помимо золотых, в Солонцах обнаружены и железные ведерко- и корзинковидные подвески. Хотя они встречаются гораздо чаще, чем золотые изделия, территория и время их распространения совпадают. Такие подвески довольно часто присутствуют в комплексах памятников, датирующихся ступенью D. (Istvánovits

1993: Abb. 6, 8; Abb. 8, 9; Abb. 13, 6, 8; Szydłowski 1974: tabl. IX, k; tabl. CII, c-h; tabl. CLXXX, h-z; Godłowski 1970: Pl. IX, 17).

Коллекцию украшений из Солонцов дополняют два вида бус. Четырнадцатигранные сердоликовые часто встречаются на памятниках различных культур позднеримского времени. То же самое касается и мелких бусин биконической формы из голубого стекла. Они известны в черняховской культуре, уже в материалах ее ранних памятников, таких как Ружичанский могильник (Винокур 1979: 130), и среди находок могильника добродзеньского типа, хронология которого относится к ступени D (Szydłowski 1974: Tabl. CLXXXI, o'-r', t', u', v').

Безусловно, важнейшее значение для характеристики памятника вообще и этнической в особенности, имеет керамический комплекс. В Солонцах собран огромный керамический материал, 15265 обломка гончарной и 972 обломка лепной керамики. К сожалению, в подавляющем большинстве эта керамика, особенно лепная, представляет собой мелкие и мельчайшие фрагменты, к тому же вторично обожженные и ошлакованные (Котигорошко 1987: 176). Возможно, поэтому керамический материал представлен в публикации очень скудно. Хотя в силу этой причины детальный анализ керамики невозможен, позволим себе сделать по этому поводу два, как нам представляется, существенных замечания. Оба они касаются этнических определений.

Большая часть гончарной сероглиняной посуды, найденной в Солонцах, орнаментирована различными комбинациями штампованных узоров. Характер штампованного орнамента, а также территориальная близость, как справедливо полагает В.Г.Котигорошко, позволяют считать, что местом ее производства был гончарный центр в Берегшурани. Однако находки штампованной керамики известны на памятниках разных культур. Наличие подобных изделий не является признаком какой-либо определенной культурной принадлежности памятника (Istvánovits 1992: 128). Более того, как показали последние раскопки, керамическое производство в Берегшурани начало функционировать не ранее конца III в.н.э., после того как прекратилась жизнь на существовавшем здесь ранее поселении, покинутом смешанным пшеворско-дакийским населением еще в середине III в. (Istvánovits 1997: 722). Есть все основания предполагать, что Берегшуранский центр был основан мастерами, переселившимися сюда из Поролиссума, производственного гончарного района на севере Дакии. Однако эти переселенцы из Дакии не были даками. В Поролиссуме работали мастера кельтского происхождения, о чем свидетельствуют штампы с кельтскими именами, выявленные на изготовлявшейся там посуде (Gudea, Filip 1997: 10-12).

Представленные в публикации образцы лепной посуды также не имеют характерных признаков, указывающих на их принадлежность к кругу фракийских древностей. Подобные сосуды, если исходить из их описания и изображения, могут быть в комплексах разных культур римского времени. Напротив, те из них, которые выделяются своими особенностями, как, например, фрагмент орнаментированного горшка или мисочка с прямым венчиком и овальным туловом (Котигорошко 1987: рис. 2, 12, 15: 184), имеют аналогии на памятниках пшеворской культуры (Godłowski 1976: Tabl. XLVI, 7; XIX, 1,5; XXXI, 11; Szydiowski 1974: Tabl. XXIV, b; LI, c; LXI, d,g). Кстати, это подтверждается и аналогиями, приведенными В.Г.Котигорошко. Так, в качестве аналогий для мисочки он называет посудинку, происходящую из германско-квадского поселения Озд в Венгрии (Parducz, Korek, Taf. X, 7), которую сами авторы относят к мискам западногерманского типа (Párducz, Korek: 188). Другую аналогию для этого же изделия В.Г.Котигорошко находит на Прешовском селище в Восточной Словакии в комплексе пшеворского жилища 9/59 (Budinský-Krička 1963: tab. VII, 7: 24).

Итак, анализ солонцовских материалов, конструкции памятника и вещевых находок заставляет полностью пересмотреть выводы В.Г.Котигорошко и заключить, что в Солонцах открыт не жертвенник, а могильник с обрядом трупосожжения на месте погребения без последующего укрытия останков.

Датирующие находки позволяют определить хронологию памятника в рамках ст. D. Такому выводу не противоречат и другие материалы из Солонцов. Следует отметить, что если мода на такие виды общеевропейских украшений, как лунница и «ведерки», продолжается в период ст. D, то мода на ажурные подвески в это время только начинается. Исключением являются подвески-капсулы, длительное время бытования которых как будто заканчивается на рубеже ст. С 3 и D. Возможно, эти ценности, сохраненные во время долгого пути через всю Европу, принадлежали самым ранним погребениям могильника.

Нетрудно заметить, что ни одна из солонцовских находок не относится к специфическим вещам, встречающимся только на гето-дакийских памятниках. Если такие украшения как корзинко- и ведерковидные подвески или четырнадцатигранные сердоликовые бусы имеются в материалах дакийских культур, то они также широко распространены на памятниках самых разных культур позднеримского времени, вне зависимости от их этнической окраски. Между тем, ажурные и капсуловидные подвески присутствуют исключительно на древнегерманских памятниках и являются принадлежностью именно германского убора.

Итак, прослеженный в Солонцах погребальный обряд и весь комплекс находок, в особенности наличие редких экземпляров золотых орнаментированных капсуловидных и ажурной

подвесок, не позволяют отнести этот памятник к фракийским древностям, а, напротив, прямо указывают на существование в позднеримское время прямых связей между Украинским Закарпатьем и областью северо-западной Европы, которая, очевидно, и была исходной территорией для германского населения, оставившего Солонцовский могильник.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А.К. 1966. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д1-30.

Бернякович К.В. 1957. Древнеславянские памятники Закарпатской области (СССР) // SLA. № 2

Винокур И.С. 1979. Ружичанский могильник. // Могильники черняховской культуры. Москва.

Герета И.П. 1989. Новые могильники черняховской культуры Западной Подолии // Kultura wielbarska w mlodszym okresie rzymskim. T. II. Lublin.

Дмитриев А.В. 1979. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. №158.

Каргопольцев С.Ю., Бажан И.А. 1993. К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III-VI вв.) // Петербургский археологический вестник. СПб.

Котигорошко В.Г. 1987. Жертвенник III-IV вв.н.э. у села Солонцы. // СА. №2.

Кропоткин В.В. 1972. Золотая подвеска в виде ведерка из Рыжевки. // СА №1.

Маркевич В.И., Рикман Э. А. 1973. Клад III-IV вв.н.э. из Буковины. // СА №4.

Рафалович И.А. 1986. Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв.н.э. Кишинев.

Сорокина Н. П. 1979. Стеклянные сосуды IV- V вв. и хронология Цебельдинских могильников // КСИА №158.

Alföldi M., Barkóczi L. u.a. 1957. Intercisa II. (Dunapentele) Geschichte der Stadt in der Römerzeit. Budapest.

Beckmann B. 1973. Zu den kaiserzeitlichen Kapselanhängern in der Germania libera // Bonner hefte zur Vorgeschichte №4. Bonn.

Beninger E. 1932. Zum goldschmuk aus Asmeritz // Sudeta №8

Bichir Ch. 1976. Arhaeology and History of the Carpi from the Second to the Fourth Centuri A.D. // BAR. Suppl. Ser. 16.

Bóna I. 1991. Das Hunnenreich. Corvina. Stuttgart-Budapest.

Blume E. 1912. Die Germanischen Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit // Mannus Bibliotek. №. 8.

Böhme H.W. 1974. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts. Zwischen unteren Elbe und Loire // Münchener Beitrage zur Vor-und Frühgeschichte. Nr. 19. München, 1974.

Budinský-Krička V. 1963. Sídlisko z doby rímskej a zo začiatkov sťahovania národov v Prešove // SlA. Nr. XI-1.

Czobor B. 1878. A m. n. muzeum érem- és régiségosztályának gyarapodása f. évi juniuusaugusztus éyvnegyedben // AÉ. №XII.

Fingerlin G. 1985. Hüfingen, ein zentraler Ort der Baar im frühen Mittelalter // Der Keltenfürst von Hochdorf. Methoden und Ergebnisse der Landesarchäologie. Stuttgart.

Garam É. 1993. Katalog der awarenzeitlichen Goldegenstände und der Fundstücke aus den Fürstengräbern im Ungarischen Nationalmuseum. Catalogi Musei Nationalis Ungarici. Seria Archaelogica I. Budapest.

Godłowski K. 1970. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. (Chronologia okresu późnorzymskiego i wczesnego okresu wędrówek ludów w środkowej Europe) // Prace Archeologiczne. №11. Krakow 1970.

Godłowski K. 1976. Materialy do poznania kultury przeworskiej na Górnym śląsku // Mat. Star. i Wcz. Cz. II, t. 4.

Godłowski K. 1981. Kultura przeworska // Prahistoria ziem Polskich, t. V, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1981/

Grabarczyk T. 1983. Metalowe rzemioslo artystyczne na Pomorzu w okresie rzymskim // Prace Archeologiczne №7.

Gudea N., Filip C. 1997. Die Gestempelten Gefässe von Porolissum. II. // Acta Musei Porolissensis. № XXI. Zalău.

Hampel A. 1994. Der Kaiserdom zu Frankfurt am Main. Ausgrabungen 1991-93. Nussloch.

Horedt K. 1982. Siebenbürgen in spätrömischer Zeit. Bukarest.

Istvánovits E. 1992. Some Data on the Late Roman — Early Migration Period Chronology of the Upper Tisza Region // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Laténézeit bis zum Frühmittelalter. Kraków.

Istvánovits E. 1992. Some Data on the history of the Upper Tisza region in the roman age. (Príspevky k dejinám Szatmársko-Beregskej níziny v dobe rímskej) // Východ. Pravek IV. Košice.

Istvánovits E. 1993. Das Gräberfeld aus dem 4.-5.Jahrhundert von Tiszadob-Sziget // Acta AH №45.

Istvánovits E. 1997. Some data on the ethnical and chronological determination of the roman age population of the Upper Tisza region // Acta Musei Porolissensis. №XXI. Zalău.

Jahn M. 1931. Der Germanische Fund von Namest in Mähren // Sudeta №7.

Kleemann O. 1939. Zwei ostgermanische Kapselanänger aus Glogau und die Verbreitung der Kapselanänger // Altschlesien №8.

Kokowski A. 1995. Grupa Masłomęcka. Z badań nad przemianami kultury gotów w młodszym okresie rzymskim. Lublin.

Lund Hansen U. 1971. Danish Grave of the fourth and fifth century A. D. // Inventaria archaeologica. Bonn.

Lund Hansen U. 1995. Himlingoje — Seeland — Europa. Ein Gräberfeld der jüngeren römischen Kaiserzeit auf Seeland, seine Bedeutung und internationalen Bezeihungen. København.

Mitrea B., Preda C. 1966. Necropole din secolul al IV-lea e.n. in Muntenia. Bucureşti.

Ondrouch V. 1975. Bohate Hroby z doby rimskej na Slovensku. Bratislava.

Párducz M., Korek J. 1959. Eine Siedlung aus der Kaiserzeit in Ozd // Acta AH. T. X. F. 3-4.

Pieta K. 1982. Die Puchov-Kultur. Nitra.

Raddatz K. 1957. Der Thorsberger Moorfund Gürtelteile und Körperschmuck // Offa-Bücher. B. №13.

Rau G. 1972. Körpergräber mit Glasbeigaben des 4.

Nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum // Acta PraeArch. №3.

Salamon Á., Barkóczi L. 1970. Bestattungen von Csákvár aus dem Ende des 4 und dem Anfang des 5 Jahrhunderts // Alba Regia. №11. S. 35-75.

Straume E. 1987. Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. Und 5. Jahrhunderts n. Chr. Oslo.

Svoboda B. 1953. Poklad Byzantského kovotepce v Zemianskiem Vrbovku // am. Arch. XLIX (1).

Szydłowski J. 1974. Trzy cmentarzyska typu Dobrodzieńskiego // Rocznik Muzeum Górnośląskiego w Bytomiu, Archeologia. Zeszyt №11. Bytom.

Tejral J. 1982. Morava na sklonku antiky. (Mähren an der Neige der Antike). Praha.

Tempelmann-Mączyńska M. 1986. Der Goldfund aus dem 5 Jahrhundert n. Chr. Aus Granada-Albacin und seine Beziehungen zu Mittel- und Osteuropa // Madrider Mitteilungen. №27.

Točik A. 1962. Nove nalezy z doby stahovania narodov na Juhozapadnom Slovensku // štud. Zvesti. Arch. Ústavu. №9.

Vaday A.H. 1989. Die sarmatischen Denkmäler des Komitats Szolnok. Ein Beitrag zur Archäologie und Geschichte des sarmatischen Barbaricums. Budapest.

Wosinsky M. 1896. A závodi sirmező // AÉ. №XVI.

Б.В.Магомедов

ЭТНИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

B.V. Magomedov. The Ethnic Elements in Cherniakhov Culture.

While studying Cherniakhov sites, the author distinguishes three main groups:

1) Kosanovo type, which occupies the main part of Cherniakhov area, from the left bank of Dnieper to Transylvania. These sites include many elements of north-western Wielbark culture bearers (Goths) and other German tribes originating from the North Europe and Scandinavia (particularly, Heruls). On the eastern boundaries, the newcomers are in close contacts of various nature with the bearers of proto-Slavic Kiev culture.

2) The type Cherepin-Teremtsy in the upper areas of Western Bug, Dniester, and on middle Dniester (Teremtsy is chronologically a relatively later stage). The author is inclined to connect this group with proto-Slavic.

3) Black Sea Coast group. An active part in its formation must have been taken by the Scythians of Low Dnieper, Sarmatians and Hellenes, inhabitants of chora of Classical ancient towns on the Black Sea Coast.

The author does not consider essential the role of Dacian element in Cherniakhov culture.

В течение столетия изучения черняховской культуры наиболее острые дискуссии вызывает вопрос о том, какой народ (или народы) был ее создателем и основным носителем. За это время получен огромный археологический материал. На территории Украины, Молдовы, Румынии и России открыто около 3,5 тыс. памятников, результативные раскопки проведены на 200 поселениях и 120 могильниках. Растущая сумма знаний позволяет все более обоснованно и объективно подходить к аналитическим исследованиям материалов. Широко используя труды коллег (перечислить даже основные из них здесь нет возможности), мы попытались выяснить этнический состав населения черняховской культуры и по возможности реконструировать линии исторических судеб черняховских племен (Магомедов 1999b). В этой статье кратко изложены основные результаты этой работы.

— 1 —

Черняховская культура возникает в основном на базе вельбарской культуры при сильном провинциально-римском влиянии. В ее пределах по признакам домостроительства, погребального обряда и керамического комплекса мы выделяем три типа памятников: тип Косанов, тип Черепин-Теремцы, причерноморский тип.

Основную массу населения культуры составляли германцы-готы. Ими оставлены «классические» черняховские древности, которые условно можно назвать памятники «типа Косанов». На них в разной степени прослеживаются элементы вельбарской культуры. На поселениях представлены наземные каркасные жилища (от квадратных до «длинных домов») и, несколько меньше, полуземлянки (Магомедов 1989; Magomedov 1999). В погребальном обряде характерны биритуальные могильники с разными типами кремаций и ингумациями в простых ямах с северной ориентировкой. Лепная керамика представлена в основном вельбарскими типами; влияние вельбарской и других германских культур заметно и в гончарных формах (Магомедов 1997; 1998).

Памятники остальных двух типов сосредоточены в определенных регионах, соответствующих областям компактного проживания негерманских народов. В рамках черняховской культуры они образуют локальные культурно-этнические группы — Верхнеднестровскую («тип Черепин») и Причерноморскую («причерноморский тип») (рис. 1).

Верхнеднестровская группа памятников, как показывают сопоставления с материалами культур раннего средневековья, оставлена ранними славянами (Баран 1981). Жилища здесь представлены разными формами глубоких землянок и полуземлянок, включая квадратные с печью в углу. Могильники при поселениях до сих пор не известны, так как погребальный обряд, по-видимому, практически не оставлял следов. Лепная керамика представлена в основном горшками, в том числе близкими сосудам «пражского» типа. Черняховская гончарная посуда составляет не

© Б.В.Магомедов, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

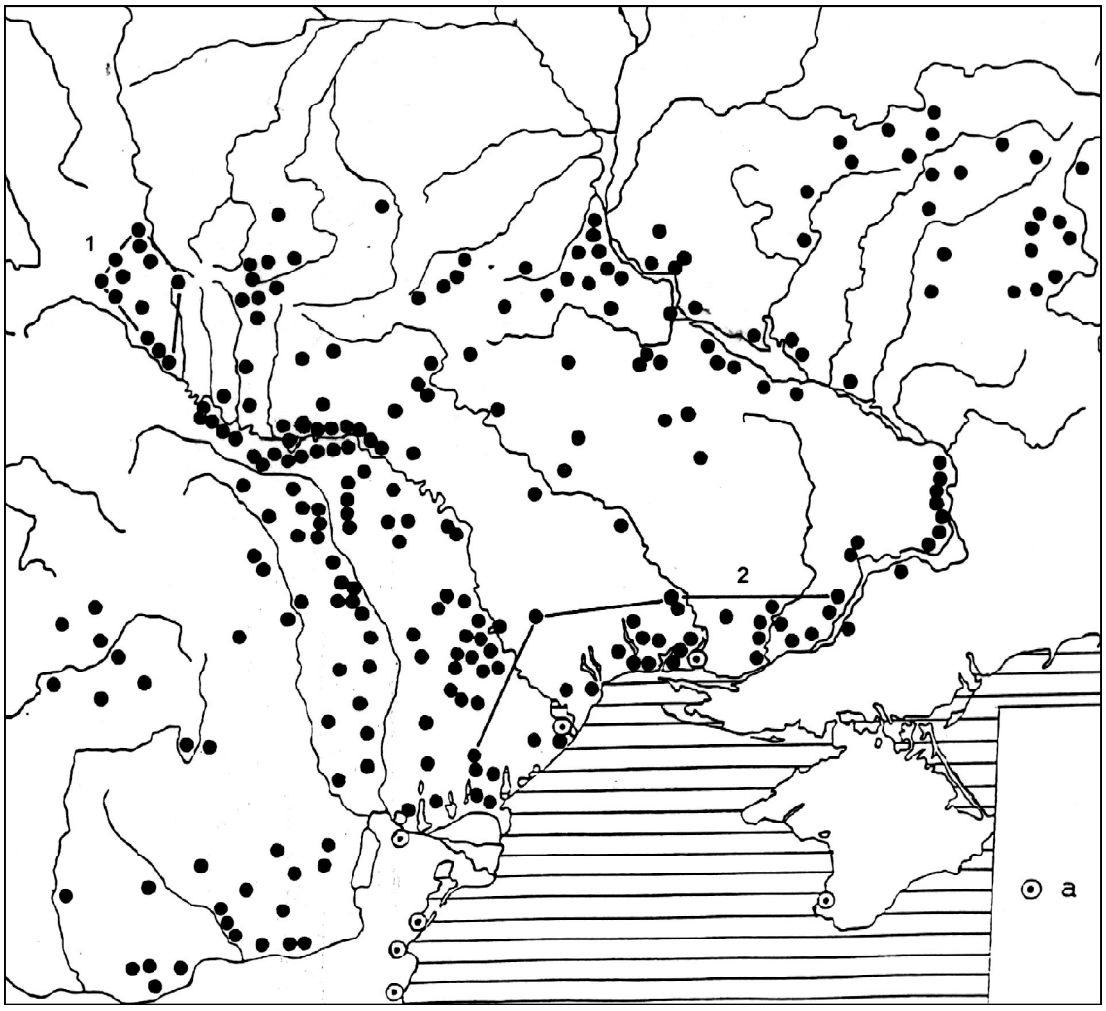

Рис. 1. Карта важнейших памятников черняховской культуры. 1 — Верхнеднестровский регион; 2 — Причерноморский регион; а — античные города.

более 2/3 керамического комплекса. К Верхнеднестровской группе памятников типологически очень близки памятники типа Теремцы на Среднем Днестре, где они расположены чересполосно с памятниками типа Косанов.

Причерноморская группа памятников имела смешанное население (Магомедов 1987). Часть его составляли германцы-готы, но культурные особенности группы определяют поздние скифы и аланы. Для поселений характерно каменное домостроительство. В погребальном обряде отмечен высокий процент ингумаций, в частности, с западной ориентировкой умерших (39% при среднем по культуре менее 20%), характерны ямы с «заплечиками»-ступеньками (на них опиралось каменное или деревянное перекрытие). В лепной керамике преобладают горшки «позднескифского» типа. Не ранее середины IV в. среди поздних скифов и германцев расселяются группировки алан, для которых типичны «камерные» могилы — захоронения в катакомбах и подбоях с северной ориентировкой.

— 2 —

Прародина готов локализуется в Южной Швеции, где до сих пор существует историческая область Гёталанд с городом Гётеборг (Готенбург). Археологические древности гутонов-готов первых столетий их истории представлены вельбарской культурой. В этногенезе готов большая роль принадлежит местным племенам Южной Прибалтики (Бірбрауер 1995: 32-36). Скандинавское происхождение имели лишь носители традиций, создавшие основу нового этноса (Wolfram 1990: 50).

Движение готов в Северное Причерноморье и начавшиеся вскоре Скифские войны 238-270 гг. резко усилили межэтнические контакты. Новая культурно-историческая обстановка, которая характеризовалась прежде всего мощным воздействием провинциально-римской цивилизации, за короткий промежуток времени (одно-два поколения) глубоко изменила духовную культуру народа. Может быть, это и имел в виду Иордан, говоря, что на Понтийском море готы стали более «человечными и просвещенными»

(Иордан, 42). Как следствие этого процесса изменилась материальная культура готов и ее археологическое выражение. На протяжении двух веков история готов является преимущественно частью истории населения черняховской культуры.

С готами вступали в отношения другие германские племена. Гепиды имели с готами общее происхождение и близкую культуру. С ними связывают позднюю фазу вельбарского заселения Мазовии, Подлясья и Волыни (Godłowski 1985; Щукин 1994). То есть, весьма вероятно, вельбарская культура позднеримского времени принадлежит гепидам. Вандалы считаются основным (но не единственным) этническим элементом пшеворской культуры, с которой связывают кремации с оружием, известные на восьми черняховских могильниках, а также распространение трехручных ваз. Герулы в середине III в. были вытеснены данами с Ютландского полуострова; после этого источники упоминают их в связи с историей готов. Связи черняховской культуры с Ютландией прослежены по географии распространения «длинных домов» (в особенности трехнефных) и некоторых вещей. Древности тайфалов, бургундов, певкинов и боранов пока с уверенностью не выделены.

Среди населения черняховской культуры известны две группы представителей народов иранского происхождения — сарматы и поздние скифы (Магомедов 1999а).

Сарматские племена языгов, роксолан и аорсов едва ли сделали заметный вклад в процесс формирования черняховской культуры, поскольку последние их группировки переселились с Нижнего на Средний Дунай не позднее середины III ст. Еще со II в. украинскую степь занимают аланы — носители обычая погребений в катакомбах и подбоях с северной ориентировкой умерших. Такие могилы составляют в большинстве черняховских регионов около 1% погребений и лишь в Причерноморье — 20%. Эти цифры в некоторой степени отражают удельный вес сармато-аланского элемента среди черняховского населения. Аланы обычно оседали на уже существующих поселениях. Пожалуй, они частично сохранили традиционный хозяйственный уклад (отгонное скотоводство), но в культурном и экономическом отношениях были тесно связаны с черняховскими земледельцами. В Восточной Украине соседями черняховского-готского населения были кочевые аланы-танаиты. До 375 г. оба народа сохраняют мирные отношения. К этому времени относятся отдельные подбои на черняховских могильниках (Боромля, Компанийцы). На могильниках Фынтынеле (Трансильвания) и Петроаселе 2 (Мунтения) почти все погребения имеют южную ориентировку, в ингумациях найдено оружие (Marinesku, Gaiu 1989; Diaconu et al. 1977). Их можно связать с сарматами-языгами из Венгерской Пушты.

Поздние скифы Северного Причерноморья, в отличие от воинственных сармат, не привлекали внимания древних авторов. Некоторые моменты в истории этого населения не ясны, в особенности период после разгрома аланами городищ Нижнего Днепра в середине II в. По-видимому, часть его влилась в сельское окружение Ольвии и Тиры. Возможно, часть жителей нижнеднепровских городищ присоединилась к населению Скифского царства в Крыму, а после его разгрома готами в середине III в. возвратилась в низовья Днепра и Буга. В их состав включались представители сармат и эллинов. Позднескифский этнос Северного Причерноморья, как многие другие полуварварские общности греко-римского мира, имел эллинизованную культуру и, возможно, пользовался греческим языком. Но и в IV в. он сохранил антропологический тип кочевников Причерноморской степи классического периода. После распространения в Причерноморье черняховской культуры (около рубежа III-IV вв.) часть поздних скифов переселяется в регионы, заселенные преимущественно готами: в Центральную Украину и в меньшем количестве в Восточную Украину и Молдову. Не исключено, что представители этого народа составляли в обществе торгово-ремесленную прослойку.

Славянский (или протославянский) этнос в составе черняховской культуры можно уверенно связывать с двумя группами памятников. На западе Украины это поселения типов Черепин и Теремцы, на востоке — памятники с элементами киевской культуры.

К памятникам типа Черепин мы относим массив поселений верховьев Днестра и Западного Буга (Черепин, Бовшев, Рипнив, Ракобути, Демьянов, Чижиков, Неслухов, Верхний Иванов, Березец); к типу Теремцы — часть поселений Среднего Днестра (Теремцы, Бакота, Сокол, Бернашовка). Как было показано выше, эти памятники имеют общие черты, которые отличают их от «классических» черняховских древностей типа Косанов. Некоторая разница в культурном облике поселений типов Черепин и Теремцы сводится в основном к конструкции углубленных жилищ, что можно объяснить их различными хронологическими позициями.

Памятники типа Черепин-Теремцы являются генетическим продолжением зубрицкой (или волыно-подольской) культурной группы (Козак 1992). Их культурной основой были пшеворско-зарубинецкие древности, на Днестре в процесс интеграции включились также фракийские племена липицкой культуры. По-видимому, это население соответствует венедам Плиния и Тацита, а позже — спалам Иордана, с которыми в начале III в. столкнулись готы. Под давлением последних население зубрицкой группы концентрируется на Верхнем Днестре. На протяжении III в. его культура под черняховским и пшеворским влиянием воспринимает новые черты (гон-

чарная керамика и прочие предметы ремесленного производства). Позже памятники типа Черепин-Теремцы перерастают в пражскую культуру (Баран 1981). Погребальный обряд в ходе этих вековых преобразований сохранил свои особенности, оставаясь неуловимым для археологии. Нам не известны могильники зубрицкой группы, памятников типа Черепин-Теремцы, и, в значительной мере, пражской культуры.

На востоке Украины и в соседних областях России славяне позднеримского времени представлены древностями киевской культуры (Терпиловский 1984; Обломский 1991). Ее элементы выявлены на некоторых черняховских памятниках. Киевскую керамику содержат отдельные объекты поселений Журавка, Хлопков и Боромля; небольшое ее количество найдено еще на нескольких памятниках Среднего Поднепровья, а также в Лепесовке на Волыни.

Памятники типа Черепин-Теремцы и киевской культуры разделены пространственно, их материалы имеют сходства и различия. К общим чертам следует отнести: наличие квадратных полуземлянок, особый вид погребальных обычаев, преобладание среди лепной посуды округлобоких горшков. Различие сводится в основном к типологическим особенностям керамики.

Юго-запад черняховского ареала занимал территории, где ранее размещались культуры гето-дакийского (фракийского) круга. Некоторая часть их носителей, как сказано выше, вошла в черняховскую культуру в составе липицкого субстрата памятников типа Черепин. В начале позднеримского времени самыми большими северофракийскими народами оставались даки и карпы. Первые, сильно романизированные, жили на территории провинции Дакия и частично — в условно свободной Мунтении (памятники типа Милитарь-Килия). Карпы занимали земли между восточным склоном Карпат и Прутом (культура Поенешть-Вертишкёй). Их некрополи

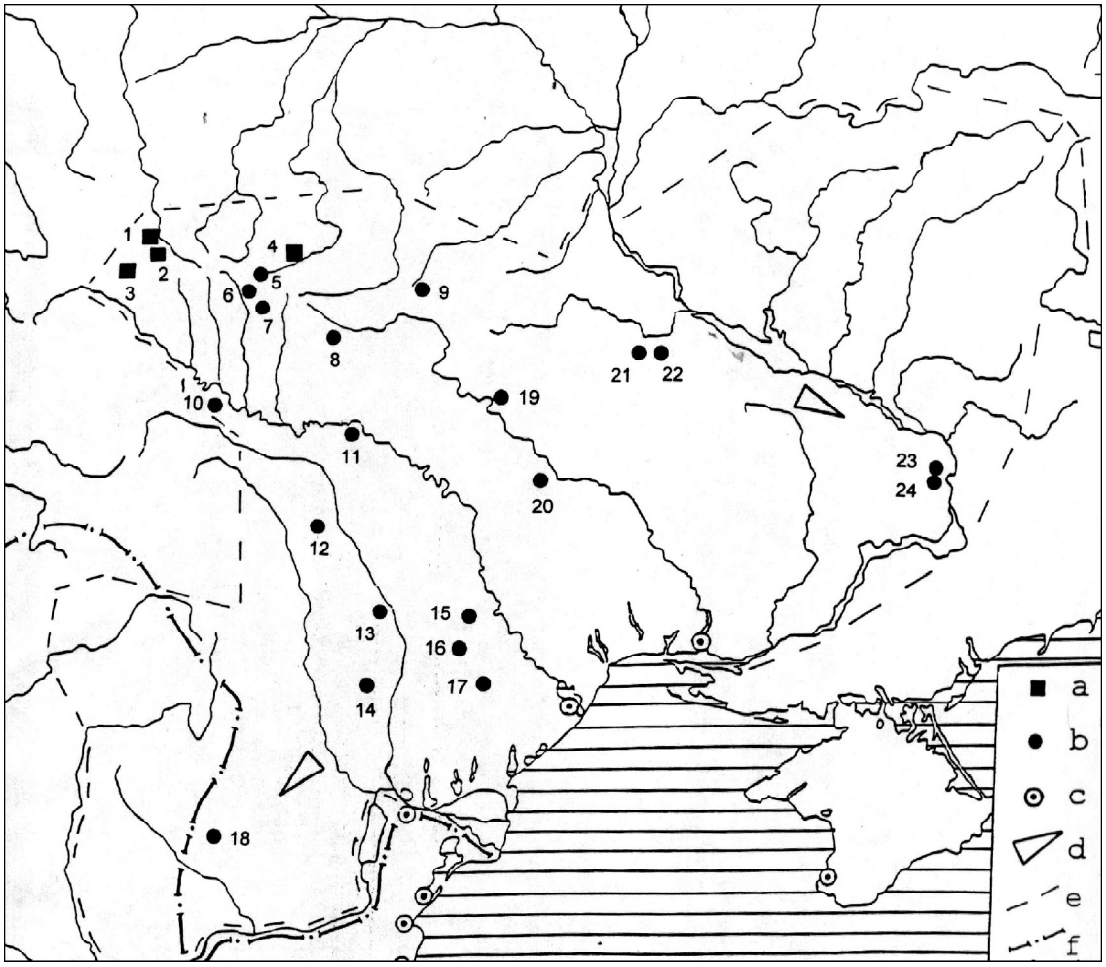

Рис. 2. Памятники черняховской культуры периода формирования (230-270 гг.). 1 — Неслухов, 2 — Рипнев, 3 — Черепин, 4 — Лепесовка, 5 — Раковец, 6 — Чернелив-Русский, 7 — Токи, 8 — Ружичанка, 9 — Петрикивцы, 10 — Городница, 11 — Романковцы, 12 — Тодирень, 13 — Козья-Яссы, 14 — Бырлад-Валя Сяче, 15 — Будешты, 16 — Данчены, 17 — Ханска-Лутерия, 18 — Тыргшор, 19 — Косанов, 20 — Кринички, 21 — Журавка, 22 — Завадовка, 23 — Ново-Александровка, 24 — Привольное.

a — поселения, b — могильники, c — римские города, d — направление передвижения населения черняховской культуры, e — максимальный ареал черняховской культуры, f — граница Римской империи до 271 г.

перестают функционировать на протяжении второй половины III в.; тогда же здесь появляются черняховские памятники. Во время Скифских войн карпы выступали союзниками готов, которые, тем не менее, вытесняли племя с его территории. Римские источники свидетельствуют о переселении больших групп карпов на земли Империи около рубежа III-IV в.

Какая-то часть карпо-дакийского населения вошла в черняховскую культуру (культура Сынтана де Муреш). Известны достаточно редкие находки характерной лепной керамики в погребениях разных типов (включая ингумации) и на поселениях (Diaconu 1976). В Днестро-Прутском междуречье надежные находки этой керамики случаются еще реже. Таким образом, роль фракийского компонента в черняховских регионах Молдова, Мунтения и Трансильвания не была значительной. Его археологические признаки не дают основания для выделения особой территориально-этнографической группы памятников.

Среди «черняховцев» оказались и грекоримляне — этнически неоднородное население римских провинций. Это были жители захваченных северо-причерноморских городов, остатки населения эвакуированной около 271 г. Дакии, большое количество пленных из восточных провинций, захваченных во время Скифских войн, а также немногочисленные сотрудники торгово-ремесленных факторий. Присутствие представителей античной цивилизации на черняховских памятниках могут выдавать образцы греческой и латинской письменности (Лепесовка, Будешты, Собарь, Куркань, Каменка-Анчекрак, Александровка), в некоторой степени — находки римских масляных ламп, а также особенности погребального обряда (плитовые могилы — Тыргу-Муреш, Каменка-Анчекрак). Люди грекоримской культуры составляли незначительную часть черняховского населения, были рассеяны среди варваров, но их цивилизаторская роль была очень важной.

О присутствии заметных групп представителей балтских и, тем более, финнских народов среди черняховских племен прямых свидетельств нет. Бронзовые вещи балтского происхождения единичны. Находки черняховских вещей на землях этих племен свидетельствуют о торговых отношениях.

— 3 —

Кратко остановимся на основных этапах этнической истории черняховских племен.

Накануне возникновения черняховской культуры в юго-восточной Европе складывается довольно нестабильное культурно-политическое положение. В лесостепи Центральной и Восточной Украины размещались редкие постзарубинецкие поселения, западнее — на Волыни и Верхнем Днестре, поселки зубрицкой культурной группы. В окружении причерноморских городов проживало этнически неоднородное эллинизованное население. Кочевники были малочисленны. В бассейне Нижнего Дуная жили фракийские народы — карпы и даки. Около рубежа II-III вв. местное население северо-запада Украины было оттеснено вельбарскими племенами, что совпадает с рассказом Иордана о походе готов к Понтийскому морю через область Ойум и победе над народом спалов. Ранние вельбарские памятники Волыни и верховьев Южного Буга еще не имеют признаков черняховской культуры.

Формирование черняховской культуры происходило в период Скифских войн (238-270 гг.), где ведущая роль принадлежала готским племенам (рис. 2). Их союзниками выступали другие племена, часто германского происхождения. За эти годы в варварское общество было включено большое количество пленных, специалистов в различных производствах. Ареал культуры в первой фазе ее существования охватывает частично Правобережную Украину и Молдову. Тервинги-везеготы заселяют территорию союзных карпов на правом берегу Прута (Тодирень, Козия-Яссы, Бырлад-Валя Сяче), начинают проникать в Мунтению (Тыргшор). В Среднем Поднепровье грейтунги-остроготы появляются у рубежей киевской культуры (Завадовка, Журавка). Черняховское влияние распространяется на славянскую группировку в верховьях Днестра (памятники типа Черепин).

Стабилизация черняховской культуры (270-330 гг.) (рис. 3). После нескольких десятилетий войн начался этап относительно мирной жизни черняховских племен. Возрастание количества населения сопровождается захватом новых территорий. Тервинги-визиготы в 303 г. окончательно вытесняют карпов из междуречья Прута-Сирета и продолжают осваивать Мунтению. Расширяются владения остроготов-грейтунгов. Они начинают колонизацию приморских земель (Каборга), где в результате культурного симбиоза с поздними скифами и сарматами формируются памятники причерноморского типа; в Буджакской степи до середины IV в. проживают кочевники. Усиливается давление на племена киевской культуры. Около рубежа III-IV вв. черняховское население занимает их земли в Киевском Поднепровье, включая полосу вдоль левого берега Днепра. Возникают памятники: Глеваха и Обухов 1 (на местах киевских поселений), Великая Снитинка, Соснова, Переяслав, Градижск, Компанийцы.

«Эра Германариха» (330-375 гг.) (рис. 4). На этот период приходится высший экономический расцвет черняховского общества, показателем чего является большое количество археологических комплексов и массовое поступление

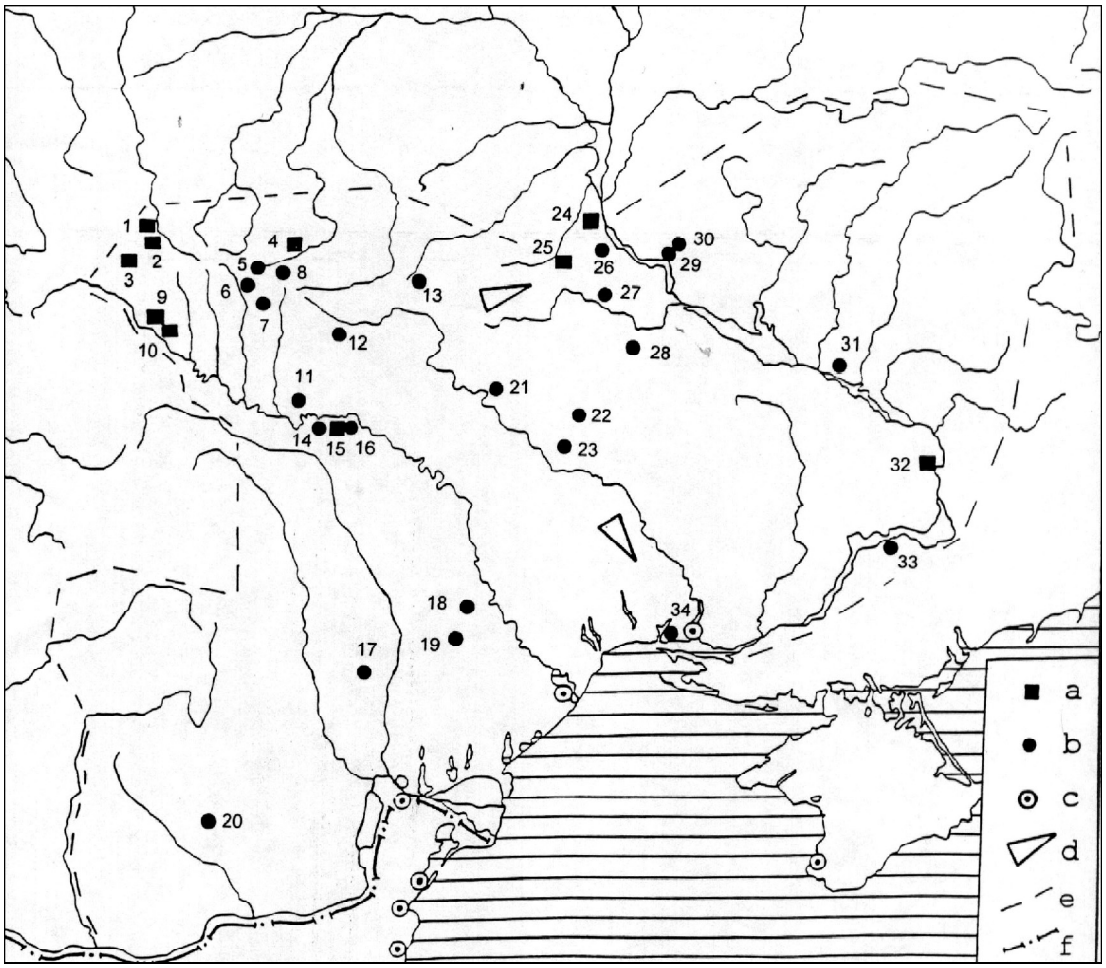

Рис. 3. Памятники черняховской культуры периода стабилизации (270-330 гг.). 1 — Неслухов, 2 — Рипнев, 3 — Черепин, 4 — Лепесовка, 5 — Раковец, 6 — Чернелив-Русский, 7 — Токи, 8 — Бережанка, 9 – Демьянов, 10 — Бовшев, 11 — Думанов, 12 — Раковец, 13 — Петрикивцы, 14 — Оселивка, 15 — Комаров, 16 — Романковцы, 17 — Бырлад-Валя Сяче, 18 — Будешты, 19 — Данчены, 20 — Тыргшор, 21 — Косанов, 22 — Рыжевка, 23 — Данилова Балка, 24 — Глеваха, 25 — Вел.Снитинка, 26 — Черняхов, 27 — Ромашки, 28 — Журавка, 29 — Переяслав-Хмельницкий, 30 — Соснова, 31 — Компанийцы, 32 — Башмачка, 33 — Каменка-Днепровская, 34 — Каборга.

a — поселения, b — могильники, c — римские города, d — направление передвижения населения черняховской культуры, e — максимальный ареал черняховской культуры, f — граница Римской империи.

римских импортов. Этот период в истории восточных готов — грейтунгов иногда зовут «эрой Германариха». Среди подчиненных им народов Иордан называет герулов и венетов, а также северные племена балтского и финского происхождения. Полное покорение готами всех этих народов представляется практически невозможным. Скорее, причиной далеких военных походов были торговые интересы, а их целью было установление контроля над экономически важными коммуникациями Восточной Европы (Kazanski 1992). Рассказ о войне с венетами целесообразно сопоставить с массовым распространением во второй четверти IV в. черняховских памятников в лесостепной зоне Восточной Украины, которая входила ранее в ареал киевской культуры. Одновременно новые памятники массово возникают в Причерноморье. Продолжается заселение тервингами Мунтении (Спанцов, Индепенденца, Александр Одобеску); возможно, они проникают и в Трансильванию.

Вторжение гуннов и финал черняховской культуры (рис. 5). В начале гуннского периода происходят перемещения населения в границах черняховской культуры, на которых мы остановимся очень кратко.

После смерти Германариха его «держава» распалась, по крайней мере, на три части, возглавленные своими вождями: Иордан упоминает Винитария и Гезимунда, Аммиан Марцеллин — Витимира. По нашему мнению, группа Витимира располагалась в Восточной Украине. Обоснованием этого служит картографирование поздних вещей и некоторых типов керамики (Магомедов 1999). После гибели Витимира вожди Алатей и Сафракс в 376 г. уводят своих людей (готов и союзных алан) на Днестр и Нижний Дунай. Вскоре в опустевшие земли возвра-

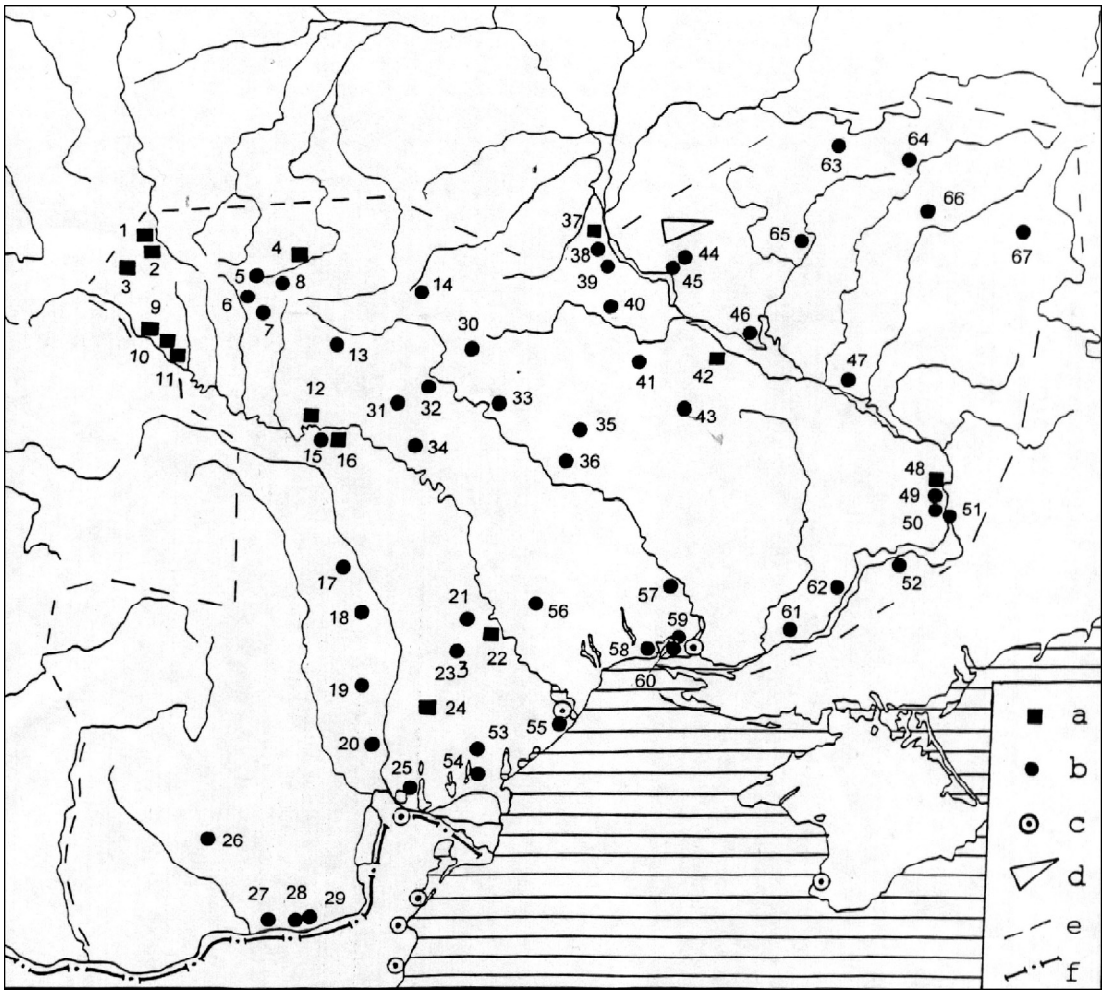

Рис. 4. Памятники черняховской культуры "эры Германариха" (330-375 гг.). 1 — Неслухов, 2 — Рипнев, 3 — Черепин, 4 — Лепесовка, 5 — Раковец, 6 — Чернелив-Русский, 7 — Токи, 8 — Бережанка, 9 – Демьянов, 10 — Бовшев, 11 — Куропатники, 12 — Лука-Врублевецкая, 13 — Раковец, 14 — Петрикивцы, 15 — Оселивка, 16 — Комаров, 17 — Якобень, 18 — Лецкань, 19 — Бырлад-Валя Сяче, 20 — Лунка, 21 — Будешты, 22 — Делакеу, 23 — Данчены, 24 — Комрат, 25 — Нагорное 2, 26 — Тыргшор, 27 — Спанцов, 28 — Александр Одобеску, 29 — Индепенденца, 30 — Скитка, 31 — Заячивка, 32 — Курники, 33 — Косанов, 34 — Вилы Яругские, 35 — Рыжевка, 36 — Данилова Балка, 37 — Глеваха, 38 — Обухов 1а, 39 — Черняхов, 40 — Ромашки, 41 — Журавка, 42 — Леськи, 43 — Маслово, 44 — Переяслав-Хмельницкий, 45 — Соснова, 46 — Жовнин, 47 — Компанийцы, 48 — Башмачка, 49 — Августин, 50 — Ново-Александровка, 51 — Хортица, 52 — Каменка-Днепровская, 53 — Холмское, 54 — Фурмановка, 55 — Беленькое, 56 — Фрунзовка, 57 — Городок, 58 — Викторовка, 59 — Каменка-Анчекрак, 60 — Каборга, 61 — Николаевка, 62 — Гавриловка, 63 — Успенка, 64 — Сумы-Сад, 65 — Лохвица, 66 — Боромля, 67 — Родной Край. a — поселения, b — могильники, c — римские города, d — направление передвижения населения черняховской культуры, e — максимальный ареал черняховской культуры, f — граница Римской империи.

щается славянское население: на Псле и Суле возникают посткиевские поселения (Сенча, Курган-Азак). Возможно, это и послужило причиной гото-антской войны; Винитарий, как наследник Германариха, считал левобережье Днепра своим владением. С группировкой Винитария и его преемников наиболее вероятно связать черняховские памятники Центральной Украины гуннского времени: Журавка, Киев 1937 г., Канев, Вильшанка, Соснова, Маслово, Косанов, Курники, Данилова Балка.

Группу остроготов Гезимунда следует искать в регионе, также представленном позднейшими комплексами. Это могут быть памятники Причерноморского типа, где готы жили в тесном контакте с аланами — союзниками гуннов. Центром этой группы могли быть городища Городок или Александровка. Материалы гуннского времени имеет большинство памятников региона: Гавриловка, Ранжевое, Каменка-Анчекрак, Тилигуло-Березанка, Луговое, Холмское, Фурмановка, Беленькое.

Вождь западных готов Атанарих сразу после гуннского вторжения увел часть народа в горную «область Кавкаланд». Это сообщение Аммиана согласуется с хронологией трансильван-

ских памятников типа Сынтана де Муреш, большинство которых возникает едва ли ранее гуннского времени. Часть готов перешла на римский берег Дуная. Тем не менее, значительное количество населения остается на старых местах, о чем свидетельствуют черняховские комплексы гуннского времени. В регионе Молдова это Лазо, Малаешти, Будешти, Хуча, Нагорное 2, Бырлад-Валя Сяче, Извоаре, Барча, Ивешть, на севере региона — Одая и Горошевцы. В Мунтении: Тыргшор, Индепенденца, Александру Одобеску, Изворул, Спанцов, Петроаселе.

Черняховская культура прекращает существование в первой половине V в. Пожалуй, последние группы готов, основных носителей этой культуры, оставили земли Восточной Европы в 432 г. вместе с гуннами, когда их вождь Руа предпринял войну на Дунае, или вскоре после 433 г., когда Аттила перенес ставку из Северного Причерноморья в Паннонию. Судя по датировкам памятников причерноморского типа, вместе с готами уходят союзные им аланы и «поздние скифы».

На памятниках типа Черепин-Теремцы на Верхнем и Среднем Днестре выделение позднейших материалов затрудняется отсутствием могильников. В Верхнеднестровском регионе к гуннскому времени относятся комплексы из Черепина, некоторые вещи из Рипнива, возможно из Ракобут. В конце существования черняховской культуры особых этнических изменений здесь не наблюдается. Возможно, часть населения в это время продвигается на Средний Днестр, где известны два типа черняховских памятников. Поселения типа Теремцы разви-

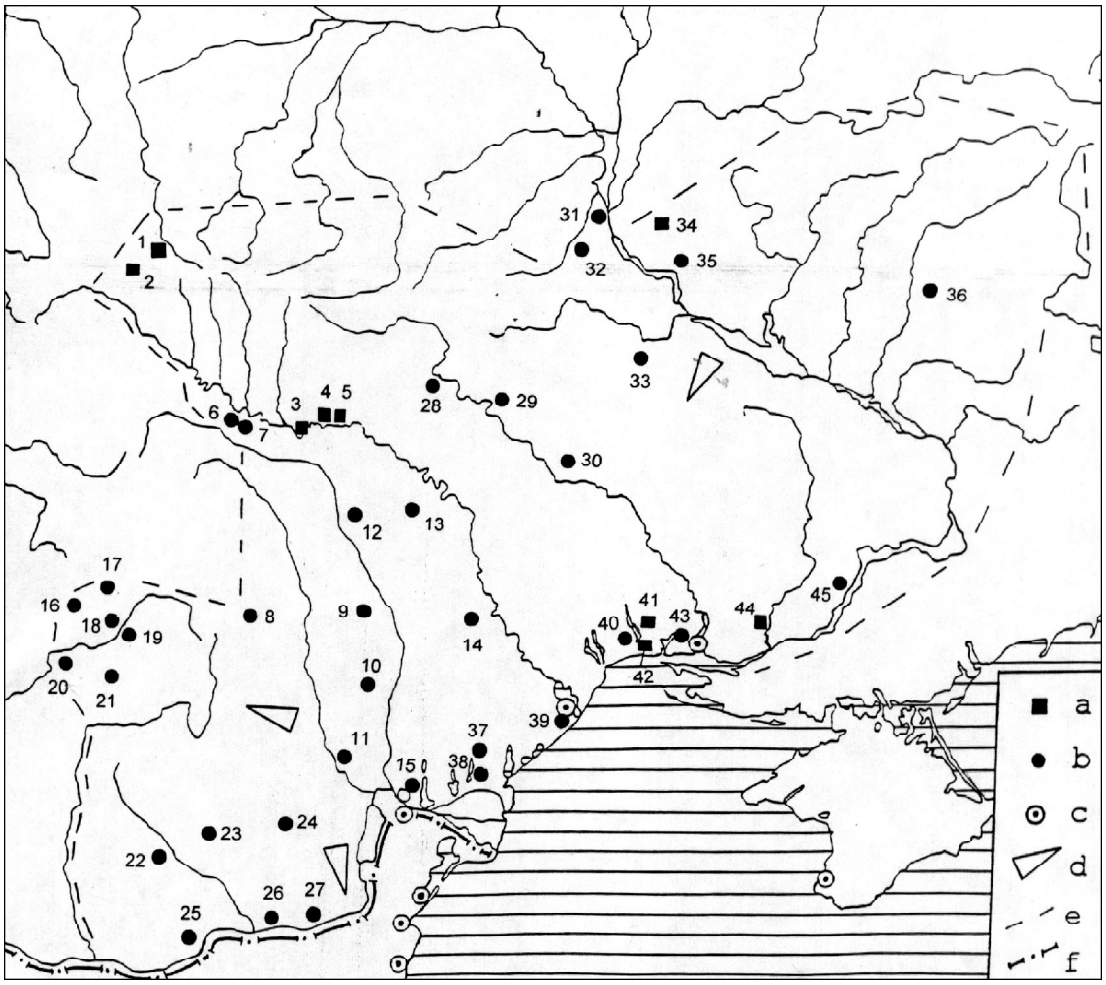

Рис. 5. Памятники черняховской культуры гуннского периода (375-430 гг.). 1 — Неслухов, 2 — Черепин, 3 — Сокол, 4 — Теремцы, 5 — Бакота, 6 — Одая, 7 — Горошевцы, 8 — Извоаре, 9 — Лецкань, 10 — Бырлад Валя Сяче, 11 — Барча, 12 — Малаешти, 13 — Лазо, 14 — Будешты, 15 — Нагорное 2, 16 — Пэлатка, 17 — Фынтынеле-Риц, 18 — Сынтана де Муреш, 19 — Тыргу-Муреш, 20 — Чиумбруд, 21 — Медиаш, 22 — Могошань, 23 — Тыргшор, 24 — Петроаселе, 25 — Изворул, 26 — Спанцов, 27 — Индепенденца, 28 — Курники, 29 — Косанов, 30 — Данилова Балка, 31 — Киев, 32 — Великая Бугаевка, 33 — Журавка, 34 — Хлопков, 35 — Соснова, 36 — Кантемировка, 37 — Холмское, 38 — Фурмановка, 39 — Беленькое, 40 — Ранжевое, 41 — Тилигуло-Березанка, 42 — Луговое, 43 — Каменка-Анчекрак, 44 — Александровка, 45 — Гавриловка.

a — поселения, b — могильники, c — римские города, d — направление передвижения населения черняховской культуры, e — максимальный ареал черняховской культуры, f — граница Римской империи.

вают традиции памятников типа Черепин. Их окружают «классические» черняховские могильники и поселения типа Косанов. Некоторые из них доживают до гуннского времени, но в скором времени исчезают, что объясняется уходом германцев на запад, а славянские поселения постепенно теряют черняховские черты (прежде всего, гончарную керамику).

Таким образом, в ходе миграций гуннского периода германское и скифо-сарматское население покидает черняховский ареал. Решающей силой в лесостепной зоне становятся славянские племена — наследники древностей типа Черепин-Теремцы и киевской культуры, которые в новых исторических условиях создают пражскую и пеньковскую культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Баран В.Д. 1981. Черняхівська культура (за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу). Київ.

Бірбрауер Ф. 1995. Готи в I-VII ст.: територія розселення та просування за археологічними джерелами // Археологія, №2. С. 32-51.

Иордан 1997. О происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья, перевод, комментарий Е.Ч. Скржинской. СПб.

Магомедов Б.В. 1987. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Магомедов Б.В. 1989. Тринефні споруди у черняхівському домобудуванні // Археологія, 4. С. 102-110.

Магомедов Б.В. 1997. К вопросу о влиянии культур Центральной Европы на черняховский керамический комплекс // Kultura przeworska. T. III. Lublin. С. 39-44.

Магомедов Б.В. 1998. Вельбарские традиции в черняховской гончарной керамике // 20 lat archeologii w Maslomęczu. Tom II. Lublin. С. 143-155.

Магомедов Б.В. 1999. К истории финального этапа черняховской культуры // Сто лет черняховской культуре (Бібліотека Vita Antiqua). Киев. С. 36-44.

Магомедов Б.В. 1999a. Сармати у складі черняхівської культури // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.е. Київ-Львів. С. 132-142.

Магомедов Б.В. 1999b. Черняхівська культура. Проблема етносу // Автореф. дис... доктора іст. наук. Київ.

Обломский А.М. 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н.э. Москва-Сумы.

Терпиловский Р.В. 1984. Ранние славяне Подесенья III-V вв. Киев.

Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб.

Diaconu Gh. 1976. Getisch-dakische Elemente in der Sîntana de Mureş-Kultur // Thraco-Dacica: Recueil d'études á l'occasion du IIe Congrés International de Tracologie. Bucureşti. S. 309-314.

Diaconu Gh., Tzoni M., Constantinescu M., Dramboc ianu V. 1977 L'ensemble archeologique de Pietroasele // Dacia, 21. P. 199-220.

Godłowski K. 1985. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim. Wrocław i inn.

Kazanski M. 1992. Les arctoi gentes et «l'empire» d'Hermanaric // Germania, 70, 1. P. 75-122.

Magomedov B. 1999. Siedlungen der Černjachov-Sîntana-Kultur // Die Sîntana de Mureş-Černjachov-Kultur. Akten des Internationalen Kolloquims. Bonn. S. 69-82.

Marinescu G., Gaiu C. 1989 Die Nekropole bei Fîntînele «Riţ», Gem. Matei, Jud. Bistriţa-Nasaud aus dem 4. Jahrhundert u.Z. // Dacia, 33, 1-2. S. 125-143.

Wolfram H. 1990. Die Goten. Von Anfangen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. München.

В.В.Лавров

ВОСТОЧНЫЕ ГЕРМАНЦЫ В ПРИАЗОВЬЕ В III-IV ВВ. Н.Э.

V.V.Lavrov. The East Germans on the Northen Coasts of the Azov Sea in III-IV cc. AD.

This article attempts to compare the facts of written records about the East Germanic tribes in Maeotis of III–IV centures A. D. with today's archeological materials from excavations in Tanais and trade settlements of this agricultural district.

The literary tradition of Gothic migration to Scythia (Iordan's «Getica») says that the first place of the Gothic settlement in Scythia was the Maeotis region. This Iordan's evidence, to my mind, has no connection to the real Gothic history. The localisation of Goths near Maeotis is linked with falsification of Gothic history by Cassiodorus, who brought into the Gothic history subjects from other nations' histories, the Scythian in this case. Scythians living near Maeotis is the topos of the classical literary tradition.

The written records about Gothic wars in 240 - 270 A. D. tell about a tribe of Heruli who lived at the time near Maeotis lake and took part in wars. Heruli lived near Maeotis in the IV c. A. D. before Hunns appeared in South Russia.

Archeological materials from South Russia may tell about a change of ethnic situation in this region in the second half of III c. A. D. It was expressed in formation of Cherniakhov culture, the German origin of which is not doubted by researchers.

In the works of today researchers of Cherniakhov culture, the region on the coasts of Azov sea (in antiquity called Maeotis) does not include the Cherniakhov cultural area. But excavations of Tanais yielded archeological artifacts, which may be connected with Cherniakhov culture. These are hand-made pottety, bone combs, fibulae. These artifacts are associated with the East Germanic tribe of Heruli living in Maeotis region.

В предлагаемой статье мы попытаемся ответить на вопрос: можно ли вообще говорить о присутствии в Северном Приазовье в III-IV вв. н. э. каких-либо восточногерманских племен? Источниковую базу исследования составляют прежде всего данные нарративной традиции, а также археологические материалы, происходящие из Северного Приазовья – Нижнего Подонья.

Среди письменных источников основным в контексте интересующей нас темы является произведение Иордана «О происхождении и деяниях гетов», представляющее собой краткое изложение труда Кассиодора (Анфертьев 1990: 98–161. Текст и перевод «Гетики», кроме специально оговоренных случаев, приводится по настоящему изданию), а также некоторые отрывочные свидетельства в сочинениях главным образом греческих писателей.

Согласно Иордану, готский король Филимер из-за перенаселенности своей территории решил найти новые места для обитания (Iord. Get. 26): <...consilio sedit, ut exinde cum familiis Gothorum promoueret exercitus.> После некоторых странствий готы, возглавляемые своим королем, пришли в земли Скифии, *«которые называются на их языке Ойум»* (Iord. Get. 27). <... qui aptissimas sedes locaque dum quereret congrua, peruenit ad Scythiae terras, quae linqua eorum Oium uocabantur...>. В источнике приводится рассказ о том, как половина войска во главе с Филимером переправилась через реку, после чего рухнул мост, и *«никому уже в дальнейшем не стало возможности пройти туда или обратно»* (Iord. Get. 27). Вопрос о локализации Ойума уже неоднократно привлекал внимание исследователей. Предпринимались попытки отождествить Ойум и с Подунавьем, и с Поднепровьем, и с Подоньем, и с Прикубаньем (Schmidt 1904: 53–54, Lewicki 1951: 81–82; Топоров 1984: 128–132), однако ни одно из этих отождествлений по целому ряду соображений не может быть принято окончательно (Анфертьев 1991: 116–117, прим. 21). Пытаясь так или иначе локализовать Ойум, следует помнить, что рассказ, приводимый в «Гетике», в конечном итоге восходит к готской народной традиции и, вероятно, отражает передвижения готов в Северном Причерноморье. Но, учитывая возможные искажения, которые могли возникнуть при его передаче, некорректно лишь на этом основании делать построения относительно географической локализации готских миграций в северопонтийском регионе (Лавров 1999: 171).

В «Гетике» сообщается о победоносном сражении готов Филимера со спалами (Spali). <Относительно различных отождествлений спалов см. комментарий к данному месту (Анфертьев 1991: 118-119, прим. 37)>. После битвы со спалами готы *«спешат в крайнюю часть Скифии, которая соседствует с Понтийским морем»* (Iord. Get. 28). <...ad extremam Scythiae partem, que Pontico mari uicina est properant.>

© В.В.Лавров, 2000.

Об этом, как мы читаем у Иордана, «*вспоминается в их древних песнях, <…> об этом свидетельствует и Аблабий, <…> с этим мнением согласны некоторые из древних*» (Get. 28-29). Затем историк отмечает: *«А почему также Иосепп* (имеется в виду Иосиф Флавий. – В. Л.) *... оставил без внимания то, что мы сказали о началах народа готов, мы не знаем; однако, упоминая это племя, (начиная) с этой местности (tamen ad hoc loco eorum stirpem commemorans) он утверждает, что они называются скифами и по происхождению, и по названию (Scythas eos et natione et uocabulo asserit appelatos)* (Iord. Get. 29).

Продолжая изложение «готской истории», Иордан сообщает, что первое местопребывание готов в стране Скифии было около болота Меотиды, второе — в Мизии, Фракиях и Дакии; третье — на Понтийском море, снова в Скифии (Iord. Get. 38). В период обитания готов у Меотиды их королем был Филимер (Iord. Get. 39). Следует заметить, что источник не дает указаний, к какому «королевскому дому» готов принадлежал Филимер, его отец Гадарик и Бериг. Эти три короля не встречаются ни в генеалогии Балтов, ни в генеалогии Амалов, приводимых в «Гетике» (Iord. Get. 79–81). С Беригом и Филимером у Иордана связаны те события, которые в конечном итоге восходят к готскому эпосу: Бериг вывел готов с острова Скандзы на материк (Iord. Get. 25); Филимер возглавил переселение в Скифию (Iord. Get. 28), был королем готов во время их пребывания у Меотиды (Iord. Get. 39), и с ним же связана легенда о происхождении хуннов (Iord. Get. 121–122). Во время второго местопребывания в Мизии, Фракии и Дакии королем готов являлся Залмоксес (Iord. Get. 39). В третьей области — на Понтийском море, снова в Скифии — готы разделились между двумя знатными родами своего племени: *«Везеготы служили роду Балтов, остроготы — преславным Амалам»* (Iord. Get. 42). Собственно история готов начинается в «Гетике» с того момента, когда готы жили на третьем месте своего пребывания, в Скифии (Iord. Get. 89).

Сюжеты, включённые в рассказ о переселении готов в Скифию — выход готов из Готискандзы, разделение войска у Ойума и сражение со спалами — восходят в конечном итоге к готскому эпосу, с которым Кассиодор, вероятно, был знаком через Аблабия (Mommsen 1882: XXXVII– XXXIX, Hachmann 1970: 56–59, 106–109, Анфертьев 1991: 100, 118–119). Впрочем, не исключено, что Кассиодор был знаком с готской устной традицией и из «первых рук» (Barnish 1984: 339). Весь последующий рассказ Иордана (Get. 43-88) представляет собой изложение приписываемых готам различных сюжетов из истории скифов, фракийцев, гетов и даков. Дело в том, что история готов была известна Кассиодору лишь с того момента, как они появились на нижнедунайских границах Римской империи в середине III в. н. э. Всё, что происходило до того, в его изложении представляет собой лишь отрывочные сведения из готских легенд. Кассиодор писал «готскую историю» при дворе готских королей в Италии и ставил своей целью *«восстановить древнюю историю готов и придать ей глубину и величие римской»* (Анфертьев 1991: 120 прим. 46, 47). Чтобы выполнить эту задачу, Кассиодор привносил в готскую историю сюжеты, относящиеся к истории других народов: немалая часть книги посвящена идентификации готов с гетами и скифами. Подобных примеров объединения фактов из жизни одного народа с историей другого, более древнего, в античной историографии можно найти немало (Bickerman 1952: 68–82). Отождествление готов с хорошо известным с древности народом скифов вполне соответствовало целям историка. Вместе с тем идентификация готов со скифами не являлась новшеством Кассиодора. <См. например: Dexipp. Chron. fr. 16: Σκύθαι … οἱ λεγόμενοι Γότθοι (*скифы … называемые готами*); Philostorg. Hist. Eccl. II, 5: … ἐκ τῶν πέραν Ἴστρου Σκυθῶν, οὓς οἱ μὲν πάλαι Γέτας, οἱ δὲ νῦν Γότθους καλοῦσι… (… *из скифов за Истром, которых некогда <называли> гетами, а теперь называют готами*…); Proc. Caes. B. G. IV, 5,5: (Γότθοι) δή καὶ Σκύθαι ἐν τοῖς ἄνω χρόνοις ἐπεκαλοῦντο, ἐπεὶ πάντα τὰ ἔθνη, ἅπερ τὰ ἐκείνῃ χωρία εἶχον, Σκυθικὰ μὲν ἐπὶ κοινῆς ὀνομάζεται, ἔνιοι δὲ αὐτῶν Σαυρομάται ἢ Μελάγχλαινοι, ἢ ἄλλο τι ἐπεκαλοῦντο. (*(Готы) … и скифами в прежние времена назывались, так как все племена, которые занимали те местности, вообще назывались скифскими народами; а некоторые из них назывались савроматами, меланхленами или как-нибудь по-другому*. — Перевод мой. – В. Л.).>

В сообщении Иордана (Кассиодора) область Меотиды является тем местом, которое искусственно связывает историю готов с историей скифов, известной нам из античной историографии. Так, Иосиф Флавий, сообщая об аланах, говорит о Меотиде и живущих около неё скифах (Iosep. Flau. Bell. Iud. VII, 7, 4). Таким образом, пассаж Иордана о первом местопребывании готов у Меотиды оказывается своего рода связующим звеном между сюжетами, восходящими к устной традиции готов, и идентификацией готов со скифами у Кассиодора.

Перейдем к другой группе свидетельств, к которой относится сообщение о готах Стефана Византийского: *«Готы. Племя, в древности они поселились в <области> Меотиды, после переселился во внешнюю Фракию…»* (перевод мой. — В. Л.) (Steph. Byz. S.v. Γότθοι. < ἔθνος πάλαι οἰκῆσαν ἐντός Μαιώτιδος. ὕστερον δὲ τήν ἐκτὸς Θράκην μετανὲστησαν…>). Источником Стефана Византийского стали произведения Парфения Фокейского — историка, предположительно жившего в IV в. н. э (Seel 1949: 1900–1901, Jones, Martindale, Morris 1971: 668).

Некоторые исследователи, и в частности В. П. Буданова, пытаются увязать это сообщение с уже рассмотренным свидетельством Иордана о пребывании готов у Меотиды, т. е. в Северном Приазовье. Переселение германских племен во Фракию, о котором пишет Стефан Византийский, соотносится ею с событиями 370-х гг. н. э., когда теснимые хуннами готы попросили у Валента убежища в римских землях (Буданова 1990: 75).

Выше уже отмечалось, что локализация готов у Меодиды в «Гетике» Иордана не имеет никакого отношения к реальной готской истории. Говоря о переселении готов во Фракию, Стефан Византийский, по-видимому, имел в виду лишь конкретные события 370-х гг., а не сюжеты ранней готской истории. Им упомянуто, что варвары «поселились в <области> Меотиды» (ἐντὸς τῆς Μαιώτιδος). По какой же причине в тексте источника готы вновь увязаны с Меотидой? Ответ на этот вопрос достаточно очевиден, т. к. эта взаимосвязь обусловлена представлением о готах как о скифском народе, сформировавшимся еще в античной историографии. Здесь мы имеем дело с традиционными представлениями об этногеографической картине Северного Причерноморья, сложившимися ещё в VII-V вв. до н. э. и оказывавшими влияние на всю последующую географическую традицию античного и византийского периодов (Лавров 1999: 173–174).

Локализация скифов у Меотиды впервые встречается у Эсхила (Aesch. Prom 431). <καὶ Σκύθης ὅμιλος, οἵ γᾶς ἔσχον τὸπον ἀμφὶ Μαιῶτιν ἔχουσιν λίμαν; (и многолюдные племена скифов, обитающих вокруг Меотийского озера. — перевод В. В. Латышева)>. Очевидно сознательное игнорирование известной уже во времена трагика этногеографической картины Скифии, положенной в основу описания Геродота (Hdt. IV, 99, 100). <ἀπὸ Ἴστρου αὕτη ἤδη ἡ ἀρχαίη Σκυθίη ἐστί <…> Σκύθαι <…> νέμονται, τοῦ τε Βοσπόρου τοῦ Κιμμερίου τὰ πρὸς ἑσπέρης καὶ τῆς λίμνης τῆς Μαιήτιδος μέχρι Τανάϊδος ποταμοῦ, ὃς ἐκδιδοῖ ἐς μυχὸν τῆς λίμνης ταύτης. (От Истра идет уже древняя Скифия <…> живут скифы к западу от Боспора Киммерийского и от Меотийского озера до реки Танаис, которая впадает в наиболее отдалённый угол этого озера. – Перевод по изданию: Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в истории Геродота. М., 1982)>. Несмотря на то, что поэт был хорошо знаком с ионийской географической и этнографической литературой (Тохтасьев 1984: 143), в данном случае, как и в некоторых других географических экскурсах, Эсхил ввёл элемент нереальности.

Локализацию скифов у Меотиды можно найти и в «Описании населённой земли» Дионисия (Dionys. Orb. Descr. Vv. 163 - 165). <Τοῦ καὶ πρὸς βορέην Μαιώτιδος ὕδατα λίμνης | ἐκέχυται. Τῇ μέν τε πέρι Σκύθαι ἀμφινέμονται,| ἄνδρες ἀπειρέσιοι,… (К северу от него <Понта> разлиты воды болота Меотиды, вокруг которого обитают скифы, бесчисленный народ <…> — Перевод мой. – В. Л.)>. Начиная описание Понта, Дионисий указывает на мифические предания, легшие в его основу (Dionys. Orb. Descr. Vv. 138 sq.). Землеописание Дионисия пользовалось большим успехом как в римскую, так и в византийскую эпохи. На это указывают латинские переложения землеописания Дионисия (см., например, то же место у Авиена: Avien. Vv 243–246), <…boreali rursus in arcto | Ore sinus paludo Maeotidis alta paludis | Aequora prorumpunt: Scytha late barbarus oras | Incolit, et matrem ponti cognominant undam (На севере опять через открытое устье залива прорывается Меотийское болото. Варвар скиф на широком пространстве заселяет побережье и называет это море матерью Понта. — Перевод В. В. Латышева)>, и его греческие парафразы (комментарий к Дионисию Евстафия относится к XII в.) (Ростовцев 1925: 81). Важно помнить, что, несмотря на изменения реальной этногеографической ситуации в Северном Причерноморье, школа тем не менее жила старыми географическими схемами, и та картина, которую дал Дионисий, оказала влияние на последующую традицию. Таким образом, представление о скифах, живущих у Меотиды, со временем стало топосом. <Для VI в. н. э. см. напр: Proc. Caes. B.G. IV, 5, 5-7: Λίμνην δὲ τὴν Μαιῶτιν καὶ τὴν ἐξ αὐτῆς ἐκβολὴν ὑπερβάντι εὐθὺς μὲν ἐς αὐτὴν που τὴν ταύτης ἀκτὴν οἱ Τετραξῖται καλούμενοι Γότθοι τὸ παλαιὸν ᾤκηντο, … οἱ δὴ καὶ Σκύθαι ἐν τοῖς ἄνω χρόνοις ἐπεκαλοῦντο, ἐπεὶ πάντα τὰ ἔθνη, ἅπερ τὰ ἐκείνῃ χωρία εἶχον … (По ту сторону Меотийского болота и его впадения в Эвксинский Понт, как раз на этом берегу и живут с древних времён так называемые готы-тетракситы, о которых я только что упоминал …в прежние времена они назывались скифами, так как все те племена, которые занимали эти местности… — Перевод С.П.Кондратьева.)>.

Вернемся к Стефану Византийскому. Скорее всего, он имел в виду лишь готов, поселившихся во Фракии, традиционно полагая, что туда как скифский народ они пришли из области Меотиды.

Для решения вопроса о том, входило ли Северное Приазовье в восточногерманский хинтерланд III–IV вв. н. э., рассмотрим свидетельства письменных источников, а также данные археологии.

Общеизвестно, что в Северном Причерноморье готы появились со второй половины III в. н. э. Археологи связывают с готами, жившими в Центральной Европе (готоны Тацита, гутоны Птолемея: Tac. Germ. 44, Ptol. Geogr. III, 5, 7-8) археологические памятники вельбаркской культуры (см., напр.: Щукин 1991: 385–395). Во второй половине II – первой половине III в.н.э. отмечается распространение ее памятников на

юго-восток в Западную Белоруссию, Волынь, Поднепровье (Wołągiewicz 1981: 79–107). В дальнейшем экспансия племен носителей вельбаркской культуры сыграла решающую роль в процессе формирования черняховской культуры, которая *«соответствует в принципе территории доминации готов»* (Godłowski 1984: 327–350; Щукин 1991: 392–394). Движение готов из Центральной Европы на юго-восток к северным берегам Понта представляло собой долгий процесс, длившийся несколько десятилетий, с началом которого ряд исследователей связывают Маркоманские войны (167-180 гг. н. э.), когда приведенные в движение готами вандалы обрушились на обитавших у римских границ маркоманов и квадов, а последние, прорвав дунайскую границу, принялись опустошать римские провинции (Режабек 1895: 75–80, 92).

Появление авангарда готских племен в Нижнем Подунавье на границах империи относится к концу 230-х гг. н. э. В 238 г. н. э. ко времени правления Максима и Бальбина, как сообщает Дексипп, *«относится начало скифской войны и разрушение Истрии»* (Dexip. Chron. fr. 14. – Перевод В. В. Латышева). Второй половиной 230-х гг. н. э. датируется слой разрушений и пожара в Ольвии (Крапивина 1991: 47–49); примерно тем же временем — разрушения в Тире (Карышковский, Клейман 1985: 131–133). В этой связи уместно вспомнить и о некоторых событиях из истории Танаиса и Боспорского царства 230-х–240-х гг. н. э. Во время правления Ининфимея (234-238 гг. н. э.) в Танаисе ведутся фортификационные работы: строятся новые укрепления, приводятся в порядок старые (КБН 1249, 1250, 1251, 1252). На оборонный характер этих мероприятий указывал еще В. Ф. Гайдукевич, связывавший их с подготовкой к отражению варварского нападения (Гайдукевич 1949: 443). В период с 238 по 242 гг. н. э. на Боспоре отсутствует чеканка монет, что по мнению Н. А. Фроловой было вызвано дестабилизацией в экономической жизни государства, явившейся следствием вражеских вторжений (Фролова 1989: 200); отмечается временное прекращение денежного обращения и в нижнедунайских провинциях империи (Schonert-Geiss 1968: 251–257). Положение восточногерманских племен в Северном Причерноморье—Нижнем Подунавье еще более укрепилось после победы над римлянами при Абритте в 251 г. н. э. С этого момента начинается период «готских войн», длившийся более двух десятилетий.

С 254 г. н. э. готы и союзные с ними племена начинают применять тактику морских набегов на провинции Римской империи. В 254-258 гг. н. э. бораны и готы используют для морских вторжений флот Боспорского царства. В 259 г. н. э. другая часть готских племен с помощью римских пленников строит суда для вторжения в Малоазийские провинции (Лавров 1994). В течение 250-х–270-х гг. н. э. существовало два пути, по которым варвары совершали набеги на римские земли: вдоль западного и вдоль восточного побережья Черного моря. По-видимому, ко времени первого морского похода в 254 г. н. э. в Северном Причерноморье уже сформировались как минимум два готских союза (Лавров 1991: 47–48).

С появлением восточногерманских племен в 254 г. н. э. в Северо-Восточном Причерноморье связана гибель Танаиса. Последняя монета из слоя пожара на городище относится к 251 г. н. э (Шелов, Анисимов 1984: 52–53, Анисимов 1989: 128–130). В том же слое найдены три железных умбона, которые, по мнению М. Б. Щукина, относятся к типу Хорула. Аналогичные умбоны встречаются на германских памятниках Центральной Европы (Scoukin 1993: 323–333).

После удачного морского похода готов с боспорских берегов в 258 г. н. э. их вторжения в римские земли из Северо-Восточного Причерноморья прекратились почти на целое десятилетие. Однако в 267 г. н. э. варварами была предпринята новая морская экспедиция. Вероятно, для своих целей готы снова использовали корабли Боспорского царства (Лавров 1994). Во время этого похода готы дошли до Эллады, взяли Афины, но затем потерпели поражение на суше и на море (SHA 23 (Gall.) 13). Зосим называет участников похода «скифами» (Zos. I, 39), в биографии Галлиена говорится о «скифах» и «готах» (SHA 23 (Gall.) 13). Особый интерес представляет сообщение Георгия Синкелла, который называет в их числе герулов, переправившихся на пятистах судах через Меотиду (Georg. Syncell. Chron. p. 717 / Ed Dindorf L.). Об их участии в этих событиях сообщает и Иоанн Зонара (Ioann. Zonar. XII, 24). Впрочем, возможно, что наряду с герулами в этом походе была задействована какая-то часть готов (Лавров 1997а: 214–217;1997б: 61-71).

Одним из наиболее крупных военных столкновений между коалицией варварских племён Северного Причерноморья явилась война при императоре Клавдии II (268–270 гг. н. э.). Об участниках похода источники предоставляют богатый материал. Аврелий Виктор говорит о готах (Aurel. Vict. Lib. de Caes. 31, 3), Георгий Синкелл о герулах, собравших огромных флот и вторгшихся в римские земли (Georg. Syncell. Chron. p. 720), Иоанн Зонара называет их просто варварами (Ioann. Zonar. XII, 22 - 25). Более подробные списки племен представлены у Зосима (Zos. I, 42) <Peikai, Gytuoi, \Eroiloi.> и у биографа Клавдия II (SHA 25 (Claud.) 6, 2). <denique Scytharum diuersi populi, Peuci, Grutungi Austrogothi, Teruingi, <Vi>si, Gipedes, Celtae

etiam et Eruli, praedae cupiditate in Romanum solum inrup(uen)erunt atque illic pleraque uastarunt… Представленный здесь список «скифских народов» состоит из целого ряда конъектур (при наличии практически единственной рукописи), в рукописи же: «peuci trutungi austorgoti uirtingi sigy pedes».> В биографии Аврелиана участники этого похода названы «меотидами» (SHA 26 (Aurel.) 16, 4). <illud tamen constat omne contra **Meotidas** bellum diuum Claudium nulli magis quam Aureliano credidisse.> Победа римлян при Наиссе в 270 г. н. э. нанесла значительный урон военной мощи причерноморских варваров. В последующие годы их вторжения в империю постепенно ослабли и не имели первоначального размаха.

В 275 г. н. э. был совершен варварский поход со стороны восточного побережья Понта, а именно из области Меотиды. Согласно Зосиму, «*Когда Тацит вступил на престол римский и получил власть, **Скифы, переправившись чрез Меотийское озеро и Понт, совершили набег до Киликии**. Выступив против них, Тацит одних одолел и истребил сам, а других передал назначенному начальником дворца Флориану и двинулся в Европу…* <Сообщается о смерти Тацита и начавшейся войне между Флорианом и Пробом> *64, 2… Когда обе стороны изготовились к войне, Флориан, прибыв в Тарс, решил стать здесь лагерем, оставив не оконченною победоносную борьбу **против боспорских скифов** …*» (Zos. I, 63–64) <Τακίτου δὲ τὰ τῆς Ῥώμης ἀναδησαμένου βασίλεια καὶ τὴν ἀρχὴν ἔχοντος, **Σκύθαι διὰ τῆς Μαιώτιδος λίμνης περαιωθέντες** διὰ τοῦ Πόντου τὰ μέχρι Κιλικίας ἐπέδραμον· οἷς ἐπεξελθὼν Τάκιτος τοὺς μὲν αὐτὸς καταπολεμήσας ἐξεῖλεν, τοὺς δὲ Φλωριανῷ προβεβλημένῳ τῆς αὐλῆς ἐπάρχῳ παραδοὺς ἐπὶ τὴν Εὐρώπην ἐξώρμησεν … 64, 2 … παρασκευασμένων δὲ εἰς πόλεμον ἀμφοτέρων εἰς τὴν Ταρσόν ὁ Φλωριανὸς ἀφικόμενος αὐτῇ στρατοπεδεύειν ἐγνώκει, τὴν **κατὰ τῶν ἐν Βοσπόρῳ Σκυθῶν** νίκην ἡμιτελῆ καταλελοιπώς…>. Несколько уточняет сообщение Зосима Иоанн Зонара, который говорит, что «*Скифы, **перейдя Меотийское озеро** и реку Фасис напали на Понт и Каппадокию и Галатию и Киликию. Тацит сразившийся с ними и Флориан являющийся помощником многих уничтожили; оставшиеся предприняли спасение бегством*» (Ioann. Zonar. 12, 28; перевод мой. - В. Л.). <Σκύθαι δὲ τὴν **Μαιώτιδα λίμνην καὶ τὸν Φᾶσιν ποταμὸν περαιωθέντες** Πόντῳ καὶ Καππαδοκίᾳ ἐπῆλθον καὶ Γαλατίᾳ καὶ Κιλικίᾳ. τούτοις ὁ Τάκιτος συμμίξας καὶ ὁ Φλωριανὸς ὕπαρχος ὢν πολλοὺς ἀνεῖλον, οἱ δὲ λοιποὶ φυγῇ τὴν σωτρίαν ἐπραγματεύσαντο.> В биографии Тацита участники похода названы «меотидами»: «*(2)Так как множество варваров прорывалось **от Меотиды**, он (*Тацит. - В. Л.) *оттеснил их, благодаря своим разумным решениям и доблести. (3) Сами **меотийцы** собирались толпой будто бы по призыву Аврелиана для войны с персами, чтобы в случае нужды оказать нашим помощь*» (перевод С. П. Кондратьева под ред. А. И. Доватура) (SHA 27 (Tac.) 13, 2 - 3) < et quoniam a Maeotide multi barbari eruperant, hos eosdem consilio atque uir*t*ute(o) conp(e)r*essi*t ips*i* autem Mae<o>tidae ita se gregabant, quasi accitu Aureliani ad bellum Persicum convenissent auxilium daturi nostris, si necessitas postularent.> Очевидно, недобитые окончательно Флорианом «боспорские скифы», вернувшись из Малой Азии, потерпели поражение и от боспорских войск. Подтверждением тому может служить посвятительная надпись Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице *«за победу и долголетие царя Тейрана»*, поставленная от имени всех должностных лиц Боспорского царства (КБН 36). <…ὑπέρ βασιλέως Τειράνου νείκης καὶ αἰωνί(ου) διαμονῆς …>.

Известия письменных источников о морских походах 250-х–270-х гг. н. э. в конечном итоге восходят к недошедшим до нас произведениям Дексиппа «Скифская история» и «Хроника». Участники походов 268–270 гг. н. э. и 275 г. н. э. в биографиях императоров Аврелиана и Тацита названы меотидами (Meotidae (Aurel.), Maeotidae (Tac.)). Сама форма этнонима, приводимая в SHA, указывает на то, что информация для этого пассажа была почерпнута из греческого источника, т. к. в биографии Аврелиана на это имеется прямое указание. В жизнеописании последнего под меотидами подразумеваются все участники этого похода, список которых дан в биографии Клавдия. Меотиды здесь, скорее всего, этногеографический термин, обозначающий народ, живущий у Меотиды, однако он вряд ли может быть применён по отношению ко всем участикам этого похода. Варварское вторжение 268–270 гг. н. э. было совершено коалицией варварских племён, собравшихся у устья Тараса и возглавляемых, как сообщает Зосим, скифами, *«ободренными предыдущими удачными набегами»* (Zos. I, 42), теми (готами), которые *«ушли от преследовавшего их Марциана»* (SHA 25 (Claud.) 6, 1). Следовательно, военная экспедиция варваров была организована участниками более раннего похода, который состоялся в 267 г. По свидетельству Георгия Синкелла, его участниками были герулы, переплывшие на пятистах судах Меотийское озеро и Понт (Georg. Syncel., Chr. p. 717). <Αἴρουλι πεντακοσίαις ναυσὶ δια τῆς Μαιώτιδος λίμνις ἐπὶ τόν Πόντον διαπλεύσαντες τὸ Βυζάντιον καὶ Χρισόπολιν κατὲλαβον.> О том, что герулы участвовали в походе 268–270 гг. н. э., имеются указания у Зосима, в биографии Клавдия и у Георгия Синкелла (Georg. Syncell. Chron. p. 720), причём у Зосима герулы названы первыми.

К сожалению, текст Дексиппа о походе 268–270 гг. н. э. до нас не дошёл, поэтому приходится довольствоваться лишь заимствованной из него информацией в источниках. Наиболее полный список племён, взятый из Дексиппа (хотя и плохо сохранившийся в последующей рукописной традиции), приводится в биографии Клавдия. В жизнеописании Аврелиана, вероятно, для краткости сказано о «меотидах», поскольку более подробная информация содержится в биографии Клавдия. Зосим заменил перечень варварских племён общим термином «готы» и назвал герулов, певков и готов. Георгий Синкелл пишет о герулах. И, наконец, Иоанн Зонара говорит о варварах, переправившихся через Меотиду. Таким образом, учитывая доминирующее положение герулов в этом походе и то обстоятельство, что, по сообщению Георгия Синкелла, они совершали набеги из области Меотиды в предыдущем году, к ним можно было бы отнести термин «меотиды». Следовательно, сообщения из биографии Аврелиана о меотидах и Иоанна Зонары о варварах, пришедших из Меотиды, могут объясняться тем, что в обоих источниках упомянуто лишь о наиболее значимых участниках этого похода. Дексипповская форма Ἕλουροι и пребывание герулов у Меотиды стали причинами для последующих построений ученой этимологии имени герулов, которую можно найти у Аблабия (Iord. Get. 117).

О событиях, происходивших в Северо-Восточном Причерноморье в конце III-IV вв. н. э., мы имеем крайне смутное представление, что связано с фактическим отсутствием какой бы то ни было достоверной традиции. Пожалуй, единственным исключением является сообщение Зосима, согласно которому незадолго до возобновления борьбы Константина с Лицинием, примерно в 322 г. н. э., савроматы (Σαυρομάται), жившие около Меотийского озера, *«... переправившись на судах через Истр, опустошали римские земли ...»* (Zos. II, 21). Особый интерес представляет тот факт, что предводитель «савроматов» носил германское имя Равсимод (Ῥαυσίμοδος) (Schönfeld 1911: 194). А. М. Ременников полагал, что в этом нет ничего необычного, так как сарматские и гуннские вожди часто носили германские имена (Ременников 1990: 43). Что касается последних — это, возможно, и так, но кроме означенного случая мы не знаем других сарматских вождей, носивших германские имена. Невозможно согласиться и с точкой зрения Х. Вольфрама, считавшего Равсимода вождем тервингов (Wolfram 1990: 60) — непонятно, почему Зосим назвал тервингов савроматами, т. к. во всех остальных случаях придунайские готы у него именуются скифами. Вызывает вопрос, почему это племя локализовано Зосимом именно у озера Меотиды? <τῇ Μαιώτιδι προσοικοῦντες λίμνῃ...> Вероятно, варвары, возглавляемые Равсимодом, действительно пришли к границам империи от Меотиды, возможно с Боспора, в очередной раз использовав боспорский флот, а савроматами названы лишь потому, что они занимали земли у озера Меотиды.

На наш взгляд, определить места расселения восточногерманских племён на территории Нижнего Подунавья–Северного Причерноморья на основании данных письменной традиции можно весьма условно.

С появлением восточногерманских племён и изменением этнической ситуации в Северном Причерноморье многие учёные связывают формирование черняховской археологической культуры. Германское начало её носителей, на наш взгляд, убедительно доказано (Scukin 1975: 25–41; Щукин 1977: 79–88). Даже оппоненты такой точки зрения признают присутствие в её составе германского элемента (Баран, Гороховский, Магомедов 1990: 30–39). Как известно, памятники черняховской культуры концентрируются в Лево- и Правобережном Поднепровье и далее распространяются на запад в Молдову и Румынию (на территории последней эта культура носит название Сынтана де Мureш) (Ioniță 1986: 295–315). Область их распространения совпадает с той территорией, которую, по мнению ряда исследователей, занимали в Нижнем Подунавье–Северном Причерноморье восточногерманские племена (Wolfram 1990: 57–75, 85–96, 114–116). Со временем доминации готов в Северопонтийском регионе — серединой III-IV вв. н. э. — в общем, совпадают и хронологические границы черняховской культуры (Щукин 1976: 22; 1977: 76–84; Шаров 1992: 158–207).

Попытки отождествления различных памятников черняховской культуры с соответствующими готскими племенами предприняты М. Б. Щукиным (Shchukin 1994: 55–66). Процесс расселения на северном берегу Понта и определение территорий, контролируемых тем или иным племенем, начинается уже в 240-х — 250-х гг.н.э. Крайними к западу жили тайфалы — территория их обитания ограничивалась с востока рекой Олт (район современной Олтении) (Móscy 1974: 269–276, Diaconu 1975: 73–75). К востоку от Олта начинается область поселения готских племён. Сообщая о карательной экспедиции Валента против готов, Аммиан Марцеллин отмечает, что первое место переправы римской армии через Дунай было у Дафны — небольшого города-крепости, расположенного на берегу Дуная между его притоками Олтом и Сиретом, причем готы покинули своё место обитания и удалились в горы Серов (юго-восточные Карпаты). В 369 г. н. э. Валент переправился через Дунай около Новиодуна, расположенного несколько ниже по течению Дуная, после впадения в него Прута (современный

город Исакча). Пройдя ряд земель, Валент столкнулся с гревтунгами, которые, как известно из другого сообщения Аммиана Марцеллина, жили за Днестром (Amm. Marc. 31, 3, 5). На обратном пути из этой экспедиции Валент сразился с Атанариком.

Сообщая о переходе теснимых гуннами готов на римские земли, Аммиан Марцеллин упоминает о множестве готских племён, живших за Истром (Amm. Marc. 31, 3, 8). Для времени Валента в Нижнем Подунавье фиксируются по крайней мере две варварские группировки — готы Фритигерна и тервинги Атанарика. Если учесть, что места обитания тервингов Атанарика определяются районом современной Бессарабии, то методом исключения можно предположить, что готы Фритигерна занимали Валахию. К востоку от земель тервингов за Днестром находились владения гревтунгов. Вероятно, их территория ограничивалась Поднепровьем, хотя это всего лишь предположение.

В. П. Буданова отстаивает гипотезу, согласно которой визиготы с середины III и в IV вв. н. э. занимали территорию Нижнего Подунавья, а остроготы обитали в северном Приазовье (Буданова 1990: 65–66, 75–78, 124; см. также Буданова 1982: 155–174). Нижнедунайская локализация визиготов не вызывает возражений — это мнение уже давно стало традиционным, однако помещение остроготов в Приазовье, на наш взгляд, весьма сомнительно. Той же точки зрения придерживается и Б. А. Рыбаков, являющийся ответственным редактором книги В. П. Будановой (Рыбаков 1987: 14, рис 2, 26–27, 31, рис. 3, 37). Такая локализация остроготов дает больший простор для построений Б. А. Рыбакова и его последователей в дискуссиях по проблеме этногенеза славян: если визиготы обитали в Нижнем Подунавье, а остроготы — в Северном Приазовье, то черняховские памятники Поднепровья, с их точки зрения, возможно связать с предками славян.

Для обоснования своих построений, помимо сообщения Иордана о ранних миграциях готов в Скифии и известии о готах Стефана Византийского, В. П. Буданова приводит следующие аргументы. Опираясь на свидетельство Иордана о трех местах пребывания готов (Iord. Get. 38), <... quorum mansione prima in Scythia solo iuxta paludem Meotidem, secundo in Mysiam Thraciamque et Daciam, tertio supra mare Ponticum rursus in Scythia legimus habitasse... (Буданова 1990: 72), на наш взгляд, не вполне обоснованно переводит: *«третье на понтийском море* ***с другой стороны*** *Скифии»*. Наречие «**rursus»** здесь всё же требует перевода **«снова»**, см. перевод этого места у А. Н. Анфертьева и Е. Ч. Скржинской (Анфертьев 1991: 109, Скржинская 1960: 72).> Буданова делает вывод, что *«в рассказе Иордана о трех местах расселения речь идёт, скорее всего, не об общей массе готов, а только об остроготах. В связи с этим допустимо считать, что эта ветвь племени двигалась в направлении к «крайней части Скифии, соседящей с Понтийским морем» (Iord. Get. 28) и расселилась в области Меотиды. ... Иордан «приписывает» остроготам места расселения везеготов (Мизия, Фракия и Дакия) на том основании, что в III в. остроготы возглавляли обе ветви племени готов, Иордан относит их разделение ко времени не раньше второй половины III в., когда остроготы находились уже в районе Меотиды. Он пишет: «В третьей области на Понтийском море, став уже более человечными... более просвещенными, они разделились между двумя родами своего племени: везеготы служили роду Балтов, остроготы — преславным Амалам»* (Буданова 1990: 73). Выше нами отмечалось, что сюжеты, имеющие реальное отношение к готской истории, фиксируются у Иордана только с того момента, когда готы обитали на третьем месте своего расселения — на Понтийском море, снова в Скифии. На вопрос, можем ли мы вслед за В. П. Будановой считать, что третье место пребывания готов было в области Меотиды, исходя из текста «Гетики» положительного ответа дать невозможно.

Еще одним аргументом В. П. Будановой в пользу меотийской локализации остроготов является ссылка на так называемый дорожник Александра, где сообщается: *«Итак он* (т. е. Александр — В. Л.)*... быстро покорил также ненадёжных фракийцев... Затем, воюя на правом море и по Эвксину и перейдя Меотиду, уже на возвратном пути напал на готов и их также одолел в битве, в тот же день вернувшись к своим...»* (Itiner. Alex. XVI; перевод В. В. Латышева). Об этом пассаже исследовательница замечает: *«на вероятность того, что §116 «Гетики» составлялся на основании дорожника, указывает и сравнение Эрманариха с Александром Македонским... Сохранился фрагмент* (приведённый выше. – В. Л.), *где говорится о покорении Александром Македонским народов от Меотиды до Балкан. В частности, упоминается здесь и столкновение с готами, что указывает на четкое представление автора итинерария о размещении этих племен в первой половине IV в. в Приазовье»* (Буданова 1990: 124). Вероятно, В. П. Буданова не имеет достаточно ясного понятия о том, что представляет собой «Дорожник Александра». Как известно, он был составлен неизвестным автором для императора Констанция (337-361 гг. н. э.) перед его походом на персов в 346 или в 359 гг. н. э. Источниками этого произведения стали первые четыре книги «Анабасиса Александра» Арриана, а также «Жизнь и деяния Александра Македонского» Псевдо-Каллисфена в переводе Юлия

Валерия. Причем названия тех народов, с которыми воевал Александр Македонский, автор «Дорожника» зачастую заменял ему современными (Kubitschek 1916: 2363–2366). Именно с такой подменой мы и сталкиваемся в рассматриваемом фрагменте — автор итинерария заменил скифов, с которыми воевал Александр, на современных ему готов. Таким образом, в вопросе о географической локализации готов ссылка на этот источник неуместна.

С целью наиболее полного анализа поставленной проблемы осталось рассмотреть ряд вопросов, связанных с «державой Эрманарика». Время жизни Эрманарика точно установить невозможно. Согласно Иордану, он унаследовал власть у готов после Геберика (Iord. Get. 111); в свою очередь последний являлся преемником Ариарика и Аорика (Iord. Get. 112), которые жили во времена Константина Великого. Ариарик после победы римлян над готами в 332 г. н. э. был взят Константином в заложники (Anon. Vales. 6, 31) (Seek 1895: 821, CIL. III, 6159). Следовательно, о времени правления Эрманарика мы можем сказать лишь то, что он правил после 332 г. н. э. Дата смерти Эрманарика также не поддаётся исчислению. Согласно Иордану и Аммиану Марцеллину, она приходится на время, когда «перешедшие Меотиду» хунны вторглись в Скифию, в результате чего готские племена попросили у Валента убежище в римских землях и вскоре подняли восстание, закончившееся 9 августа 378 г. н. э. поражением римской армии под Адрианополем и гибелью императора. Таким образом, хунны «перешли Меотиду» и вторглись в готские земли до 378 г. н. э., но когда именно, неизвестно, может за год, два или за несколько лет до битвы при Адрианополе.

Вопрос об этническом составе державы Эрманарика привлекал к себе внимание многих ученых (Wolfram 1990: 86–87, см. литературу вопроса там же). Основной интерес был направлен на отождествление списка племен, покоренных Эрманариком, с исторически засвидетельствованными народами. Границы его державы у ряда исследователей расплывались от Балтики до Урала. Проблемы интерпретации археологических материалов, связанных с «державой» Эрманарика, на сегодняшний день наиболее полно рассмотрены в статье М. Казанского (Kazanski 1992: 75-122). О современном состоянии изученности проблемы можно судить по примечаниям А. Н. Анфертьева к переводу Иордана (Анфертьев 1991: 149–152 прим. 177–182). Там же (в примечании 180) приведена альтернативная точка зрения Л. А. Гиндина и Ф. В. Шелова-Коведяева, основанная на чтении рукописи А, текст которой, на взгляд переводчика, вообще не следует принимать во внимание (Анфертьев 1991: 151, прим. 182).

Сообщая о народах, покорённых Эрманариком, Иордан упоминает живших у «болота Меотиды» герулов: *«(117) Но он, хотя и был славен, имея в рабстве столь многие (народы) не смог (бы) перенести, если бы не подчинил своей власти и остаток большей частью перебитого народа херулов, во главе которых был Аларик. Ведь упомянутый народ, по сообщению историка Аблабия, живущий возле болота Меотиды в топких местах, которые греки называют «эле», зовется элурами, народ настолько быстрый, настолько и надменнейший. (118) Ведь не было тогда народа, который бы не набирал из них легковооруженных воинов в свой строй. Но хотя по (свойственной) им быстроте от других нападавших (на них) они часто ускользали, однако подчинились устойчивости и медлительности готов. И судьба их была такова, что и они служили королю гетов Германарику среди прочих народов»* (Iord. Get. 117-118).
<— (117) sed cum tantorum seruitio clarus haberetur, non passus est nisi et gentem Herulorum, quibus praeerat Halaricus, magna ex parte trucudatam reliquam suae subegerat dicioni. nam praedicta gens, Ablabio istorico referente, iuxta Meotida palude inhabitans in locis stagnantibus, quas Greci ele uocant, Eluri nominati sunt, gens quantum uelox, eo amplius superbissima. (118) nulla si quidem erat tunc gens, quae non leuem armatorum in acie sua ex ipsis elegeret, sed quamuis uelocitas eorum ab aliis crebero bellantibus euagaret, Gothorum tamen stabilitate et tarditati subiacuit, fecitque causa fortunae, ut et ipsi inter reliquas genes Getarum regi Hermanarico seruirent.>

Мы упоминали об участии герулов, живших у Меотиды, в морских набегах на империю в середине III в. н. э. Как в зарубежной, так и в отечественной историографии германская идентификация герулов очевидна давно (См. напр. Брун 1880: 197, Топоров 1983: 232, Wolfram 1990: 115). Х. Вольфрам высказал догадку о принадлежности герулам упомянутого Иорданом рода Росомонов (Iord. Get. 129), но из-за отсутствия достаточно надёжной источниковой базы эта гипотеза не заслуживает особого внимания. В ряде работ советских исследователей, в первую очередь А. М. Ременникова и Е. Ч. Скржинской, утверждение о германской принадлежности герулов подвергалось резкой критике (Ременников 1954: 10, 95; Скржинская 1960: 266 прим. 37). Вплоть до настоящего времени их выводы разделяют многие ученые, поэтому необходимо подвергнуть тщательному анализу приведенную ими аргументацию.

А. М. Ременников, считая герулов *«союзом местных сарматских племён, возникшим в результате борьбы с германскими племенами и Римской империей»,* ссылается на дан-

ные Георгия Синкелла и Иоанна Зонары. Георгий Синкелл, повествуя о войне 267 г. н. э., сообщает, что *«эрулы, переплыв на пятистах судах через Меотийское озеро за Понт, взяли Византий и Хрисополь»* (Georg. Syncel. Chr., p. 717. Перевод мой. — В. Л.). <Αἴρουλοι πεντακσίαις ναυσὶ διὰ τῆς Μαιώτιδος λίμνης ἐπὶ τὸν Πόντον διαπλεύσαντες τὸ Βυζάντιον καὶ Χρυσόπολιν κατὲλαβον.> В тексте Иоанна Зонары говорится, что Галлиен одержал победу над *«герулами, народом скифским и готским»* (Ioan. Zonar., XII, 25.) <...Αἰρούλοις, Σκυθικῷ γένει καὶ Γοτθικῷ...>

На основании сообщения Георгия Синкелла невозможно что-либо сказать об этнической принадлежности герулов. Приведённый отрывок Иоанна Зонары также не может служить доказательством принадлежности герулов к союзу «местных сарматских племён». В данном случае термин Σκυθικόν является этногеографическим, а термин Γοτθικόν этническим. Таким образом, выводы А. М. Ременникова представляются неубедительными (Лавров 1997а: 215).

Е. Ч. Скржинская в свою очередь полагала, что в «Гетике» Иордана фигурируют два племени: герулы-германцы и элуры, степняки-кочевники, живущие в области Меотиды. Относя элуров к степнякам-кочевникам, она основывается на характеристике племени как «легковооружённого» и «быстрого» (Iord. Get. 118), игнорируя сообщение Иордана о битве близ реки Недао, где герулы также упоминаются как легковооружённые воины (Iord. Get. 261). О герулах именно как легковооружённых воинах известно и из сообщения Прокопия Кессарийского (Proc. Caes. BP. II, 25). Присутствие в тексте «Гетики» двух названий для одного и того же племени *(Heruli - Eluri)* может быть объяснено метатезой, а в результате её попыткой построить учёную этимологию по созвучию (Rappoport 1913: 1150 –1151).

На сегодняшний день Приазовье не включается в ареал распространения черняховской археологической культуры, хотя материалы из раскопок Танаиса и сельских поселений Нижнего Подонья-Приазовья позволяют говорить о присутствии здесь этнического компонента её носителей. Первостепенный интерес представляют материалы из слоёв Танаиса IV-V вв. н. э. Планомерное их исследование началось раскопками 1979 г. и продолжается по сей день. Наиболее полный объём работ выполнен в 1979-1986 гг. в восточной части городища. В настоящее время уже накоплено достаточно материалов для некоторых предположений о том, каким был город в последний период своего существования. В IV-V вв. н. э. выделяются три периода застройки города. На протяжении первого периода застраивается центр; судя по всему, застройка велась без определённого плана. Под постройки использовались помещения III в. н. э., порой дома строились на древних улицах. Появились жилища круглой и полукруглой формы. Вновь построенные жилища, вероятно, быстро приходили в негодность и, возможно, именно этим объясняется наличие трёх строительных периодов. Беспланость и хаотичность застройки является следствием упадка культуры строительства, варваризации населения и, вероятно, отсутствием средств для воссоздания былого облика города. На сегодняшний день нельзя достоверно сказать, когда Танаис оправился после разгрома середины III в. н. э. Принятая дата — середина IV в. н. э. — даже самими руководителями раскопок признаётся условной (Арсеньева, Науменко 1992: 4).

Непосредственный интерес представляют найденные здесь артефакты, связанные с черняховской культурой. В позднеантичных слоях Танаиса обнаружено два археологически целых и четыре фрагмента костяных гребней, характерных для черняховской культуры (Арсеньева, Шелов 1974: 153). Фибулы из слоев Танаиса IV-V вв. н. э. подробно рассмотрены А. К. Амброзом, обратившим внимание на несколько экземпляров, характерных для материальной культуры черняховцев (Амброз 1969: 169–201). Среди лепной керамики Танаиса Т. М. Арсеньева выделила группу мисок с острым ребром, имеющим лощеную поверхность черного, серого, желтоватого и коричневого цветов. Подобная керамика не встречается ни на Боспоре, ни на Кубани, ни на Кавказе. Ближайшие аналогии остроребернымм мискам имеются на черняховских памятниках (Арсеньева 1965: 169–201). В числе прочих материалов следует отметить погребение № 241 некрополя Танаиса, в котором найдены две фибулы, характерные для черняховской культуры (Казакова, Каменецкий 141). За последние годы раскопок среди погребений некрополя Танаиса возросло количество могил, которые можно связать с черняховским элементом, но эти материалы пока не опубликованы.

Помимо Танаиса, артефакты, связанные с черняховской культурой, встречены на сельских поселениях Нижнего Подонья. На поселении Рогожкино 12 в хозяйственной яме, датируемой концом III – началом IV вв. н. э., обнаружена гончарная керамика черняховского типа.

Археологические материалы из раскопок Танаиса и сельских поселений Нижнего Подонья могут послужить основанием для утверждения о присутствии в регионе представителей племён носителей черняховской культуры, обитавших где-то вблизи Танаиса, т. к. среди населения города их процент был невысок.

Анализ письменной традиции и скудных археологических данных позволяет прийти к

выводу, что свидетельства нарративных источников о пребывании готов у Меотиды основаны не на реальных фактах истории восточных германцев, а на следовании их авторами традиционным представлениям об этногеографии северопонтийского региона. В дискуссии о локализации союза готских племён, возглавляемого гревтунгами, можно лишь констатировать, что их земли находились к востоку от Днестра. Допустимо и то, что среди германских племён Северного Причерноморья III-IV вв. н. э. крайними к востоку жили герулы. Их обитание у Меотиды прослеживается как для середины III в. н. э., так и для IV в. О незначительном представительстве восточных германцев в составе населения Северного Приазовья свидетельствует и малочисленность связанных с ними археологических материалов.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А. К. 1969. Фибулы из раскопок Танаиса // МИА. № 154.

Анисимов А. И. 1989. О передвижении племён готского союза в Северо-Восточное Причерноморье в середине III в. н. э. // Скифия и Боспор: Материалы Всесоюзной конференции, посвященной памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск.

Анфертьев А. Н. 1991. Иордан «Гетика» // Свод древнейших письменных известий о славянах. М. Т. 1.

Арсеньева Т. М. 1965. Лепная керамика Танаиса // МИА. № 127.

Арсеньева Т. М., Науменко С. А. 1992. Усадьбы Танаиса. М.

Баран В. Д., Гороховский Е. Л., Магомедов Б. В. 1990. Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь. Киев.

Брун Ф. А. 1880.Черноморские готы и следы долгого их пребывания в южной России // Черноморье. Одесса. Ч. 2.

Буданова В. П. 1982. Передвижения готов в Северном Причерноморье и на Балканах в III в. н. э.: По данным письменных источников // ВДИ. № 2.

Буданова В. П. 1990. Готы в эпоху великого переселения народов. М.

Гайдукевич В. Ф. 1949. Боспорское царство. М.; Л.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. 1982. Народы нашей страны в истории Геродота. М.

Казакова Л. М., Каменецкий И. С. 1974. Охранные раскопки некрополя Танаиса в 1968 г. // АПНП. Т. 2.

Карышковский П. О., Клейман И. Б. 1985. Древний город Тира. Киев.

Крапивина В. В. 1991. О двух «готских» разрушениях Ольвии // Древнее Причерноморье. II чтения памяти профессора П. О. Карышковского. Тезисы докладов. Одесса.

Лавров В. В. 1991. К вопросу о двух разделених готов на восточных и западных // История и археология Нижнего Подунавья. Рени.

Лавров В. В. 1995. Готы и Боспор в III в. н. э. // Античный полис. СПб.

Лавров В. В. 1997а. Герулы в Причерноморье // Stratum+ПАВ. СПб.; Кишинев.

Лавров В. В. 1997б. Из истории скандинаво-причерноморских связей III–IV вв. н. э. // Первые скандинавские чтения: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.

Лавров В. В. 1998. Готское общество в IV в. н. э. // Античный мир: Проблемы истории и культуры. Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб.

Лавров В. В. 1999. Переселение готов в Причерноморье // ВДИ. № 3.

Режабек Ф. В. 1895. Маркоманские войны. Одесса.

Ременников А. М. 1954. Борьба племён Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. М.

Ременников А. М. 1990. Борьба племен Подунавья с Римом в первой половине IV в. н. э. Казань.

Ростовцев М.И. 1925. Скифия и Боспор. Л.

Рыбаков Б. А. 1987. Язычество древней Руси. М.

Скржинская Е. Ч. 1960 Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). М.

Топоров В. Н. 1983. Древние германцы в Причерноморье: Результаты и перспективы // Балто-славянские исследования (1982). М.

Топоров В. Н. 1984. Oium Иордана (Getica, 27-28) и гото-славянские связи в Северо-Западном Причерноморье // Этногенез народов Балкан. М.

Тохтасьев С.Р. 1984. «Киммерийска топонимия», I // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.

Фролова Н. А. 1989. Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. № 4.

Шаров О. В. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // ПАВ: Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени. № 1.

Шелов Д. Б., Анисимов А. И. 1984. Находки монет в Танаисе в 1973-1980 гг. // НЭ. Т. 14.

Щукин М. Б. 1976. О начальной дате черняховской культуры // Prace Archeologiczne. Z. 22.

Щукин М. Б. 1977. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура // АСГЭ. № 18.

Щукин М. Б. 1979. К предыстории черняховской культуры (13 секвенций) // АСГЭ. Вып. 20.

Щукин М. Б. 1991. Центральная и Восточная Европа на рубеже новой эры: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. - I в. н. э. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб.

Barnish S. J. B. 1984. The Genesis and Complection of Cassiodorus' Gothic History // Latomus. T. 43. Fasc. 2.

Bickerman E. J. 1952. Origenes gentium // Classical Philology. Vol. 47.

Diaconu Ch. 1975. On the socio-economic relations between natives and Goths in Dacia // Relations between the autochtons populations and the migratory populations on the territory of Româna. Bucurest.

Godlowski K. 1984. «Superiores barbari» und die Markomannenkriege im Lichte archeologischer Quellen // Slovenska archeologia. Bd. 32. Hf. 2.

Hachmann R. 1970. Die Goten und Scandinavien. Berlin.

Iliescu V. 1982. Histriae excidium? Zu HA. Max. Balb. 16, 3 // Sonderbuch aus Romanias - Christianitas. Berlin.

Ioniţă J. 1986. Chronologie der Sîntana de Mureş-Cerniachov-Kultur // Archaeologia Baltica. T 7: «Peregrinatio Gothica». Lódz.

Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. 1971. The Prosopography of the Later Roman Empire. A.D. 260-395. Cambridge. Vol. 1.

Kazanski M. 1992. Les arctoi gentes et «l'empire» d'Hermanaric // Germania. Bd. 70. Hb. 1.

Kubitschek K. 1916. Itinerarium Alexandri // RE. Bd. 9.

Lewicki T.1951. Zagadnienie Gotów na Krymie // PZ. Nr. 5/6.

Mommsen Th. 1882. Getica // MGH. Auct. Antiquissimus. Berlin. T. 5.

Móscy A. 1974. Pannonia and Upper Moesia: A history of the Middle Danube provinces of the Roman Empire. London.

Rappoport B. 1913. Heruli // RE. Bd. 8.

Schmidt L. 1904. Geschichte der deutsche Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung // Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie. Hf. 7. Berlin.

Schonert-Geiss E. 1968. Das Ende der Provinzialpraegung in Thrakien und Mösien // Klio. Bd 50.

Schönfeld M. 1911. Wörterbuch die altgermanischen Personen- und Völkernamen. Heidelberg.

Scoukin M. B. 1993. À propos des contacts militaires entre les Sarmats et les Germains à l'époque Romane // L' armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle. Paris.

Scukin M. B. 1975. Das Problem der Chernjachow-Kultur in der sowjetischen archeologischen Literatur // Zeitschrift für Archäologie. Bd 9.

Seel O. 1949. Parthenios // RE. Bd 18.

Shchukin M. B. 1994. Notes to the problem of Visigoths and Ostrogoths on the northern Black sea littoral // Congreso Hispano-Ruso de Historia. Madride.

Wołągiewicz R. 1981. Kultura wielbarske - problemy interpretacji etnicnej // Problemy kulury wielbarskej. Slupsk.

Wolfram H. 1990. History of the Goths. Berkley.

И.В.Бруяко, А.А.Росохацкий

К СОБРАНИЮ СВЕТИЛЬНИКОВ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ТИРЫ

I.V. Bruiako, A.A. Rosohatskii. On Collection of Roman Time Lamps from Tyra.

Recent excavations on Ancient Classic town of Tyra (Belgorod-Dnestrovskii in Odessa Oblast') revealed a series of wheel-thrown open lamps in the Roman layers. These lamps find no analogues among the materials of Ancient towns on Northern and Western Black Sea Coast (fig. 1, 2). Besides Tyra where already about fifteen such lamps have been found, two artefacts have been found in Nikonia (left bank of Dniester Firth) and Luzanovka (shore of Odessa Bay).

We suppose that this original type of lamps could have been produced in Tyra itself. They have a rather wide dating – II-III centuries AD.

За последние несколько лет при раскопках античной Тиры в римских слоях города было найдено несколько однотипных гончарных светильников, которые до сего времени не привлекали внимания исследователей. Это открытые лампы с округлым или несколько удлиненным вместилищем на выделенном, с разной степенью отчетливости, плоском плитчатом поддоне. Край широкого, отогнутого назад устья затем сужается книзу, образуя закраину, наподобие кухонных котлов, а далее профиль резко расширяется, переходя уже непосредственно во вместилище. Основным классификационным признаком этих светильников следует считать округлый рожок, оформленный в виде носика — слива сосудов типа ойнохой т.н. «классического» облика. На противоположном от рожка крае, размещается вертикальная петлевидная ручка, уплощенно-овальная или почти прямоугольная в сечении (Рис.1). Формовочная масса не очень качественна и визуально, практически одинакова у всех известных нам экземпляров. Поверхность отличается некоторой шероховатостью. Цвет варьирует от коричневого до красновато-кирпичного оттенков. При сохранении всех перечисленных выше параметров и признаков, форма рожка позволяет отличать две разновидности таких ламп. Первый вариант имеет округлый, плавно зауженный в основании рожок (Рис 1; 2: 1-2). Для второго — характерен резкий излом рожка, приближающегося в плане к треугольнику (Рис.2: 3-4). Наше сообщение посвящено первому варианту, который представлен исключительно гончарными экземплярами, тогда как второй имеет как гончарную, так и лепную разновидности, причем последняя преобладает.

Тип ламп первого варианта отсутствует как в специальной публикации, посвященной светильникам из Тиры римского времени (Сон, Сорочан 1988), так и в каталоге светильников ОАМ, изданном Э.А.Левиной (1992). Это обстоятельство, учитывая серию таких находок из Тиры за последнее время, заинтересовало нас, и мы, в первую очередь, обратились к изданным и неизданным материалам раскопок предыдущих полевых сезонов. Оказалось, что оба варианта таких ламп были известны уже Л.Д. Дмитрову. Так, при раскопках в 1947 г. было найдено по одному экземпляру этих светильников. Первый вариант представлен гончарной, второй — лепной лампами (Дмитров 1952:63, рис.1: 6-7). Дальнейшее знакомство с тирской коллекцией в фондах ОАМ позволило отыскать еще несколько фрагментированных светильников интересующего нас первого варианта[1]. Ряд экземпляров (Рис.1: 1-2) происходит из частных коллекций[2]. Таким образом, сейчас мы располагаем примерно полутора десятками целых и фрагментированных ламп.

По имеющимся публикациям были предприняты поиски аналогичных экземпляров в других античных центрах Северного и Западного Причерноморья. Результаты этих поисков нас несколько озадачили, ибо нигде за пределами Нижнего Поднестровья мы не обнаружили сколько-нибудь полных соответствий[3]. Лепные экземпляры с зауженным клиновидным рожком, известные в частности на Боспоре, в расчет не

[1] См., напр., ОАМ Инв. № 90788. Не издан.

[2] Из собрания С.К.Маевского.

[3] В.А. Горончаровский, к которому мы обращались за консультацией, сообщил нам, что также ничего подобного, по крайней мере в Крыму, не встречал.

© И.В.Бруяко, А.А.Росохацкий, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

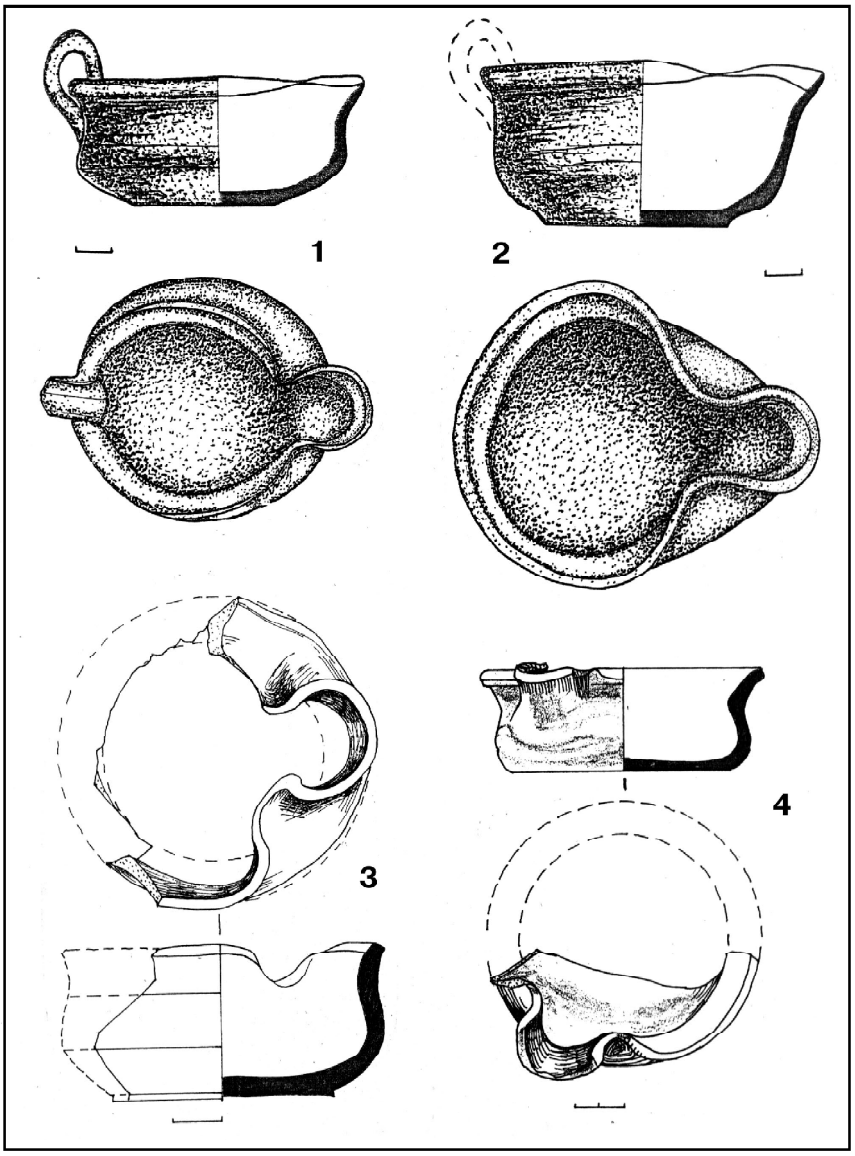

Рис. 1. Гончарные светильники первого варианта из Тиры (1-2 — частная коллекция; 3-4 — из раскопок 1998 г.).

принимались, поскольку, во-первых, это фактически разновидность обычных ладьевидных светильников, а во-вторых, они датируются здесь уже самым концом античного времени — IV в. от Р.Х. (Забелина 1992: 323, табл. VIII: 9). Если судить по монографии В.В.Крапивиной (1993), то нет аналогий тирским светильникам и в Ольвии. Хотя в альбоме иллюстраций к Отчету Ольвийской экспедиции за 1937 год, хранящемся в архиве ОАМ, имеется фотография лепного светильника второго варианта (Альбом иллюстраций…: № 1056).

С тем же успехом были просмотрены и еще некоторые обобщающие работы-каталоги по светильникам римского времени Понтийского региона (см., напр., Арсеньева 1988; Кузманов 1992). Что касается возможного импортного поступления этих ламп в Тиру из каких-то отдаленных центров-экспортеров, поставлявших в Нижнее Поднестровье высококачественную продукцию, к примеру, малоазийских, то этому предположению не вполне отвечает именно качество тирских светильников, указывающее на их явное «провинциальное» происхождение. Наибольшее сходство отмечается, правда, между нашими экземплярами и ближневосточными (кипрскими) лампами периода архаики-эллинизма (Therese Oziol 1993: 12-13). Однако датировка последних, по-видимому, снимает всякие вопросы касательно их возможного влияния на появление тирских экземпляров римского времени[4].

Таким образом, отсутствие на сегодняшний день светильников «тирского типа» в других античных центрах Северного Причерноморья римского времени вполне позволяет нам пред-

[4] В каталоге О.Вальдгауэра имеется один подобный светильник второго варианта с зауженным прямым рожком («сирийского типа»), числящийся как покупка из Южной России (Вальдгауер 1914: кат. № 535). Аналогичный светильник находится в собрании Полтавского музея. Место его находки — Николаев (Захожай 1994: мал.2/1).

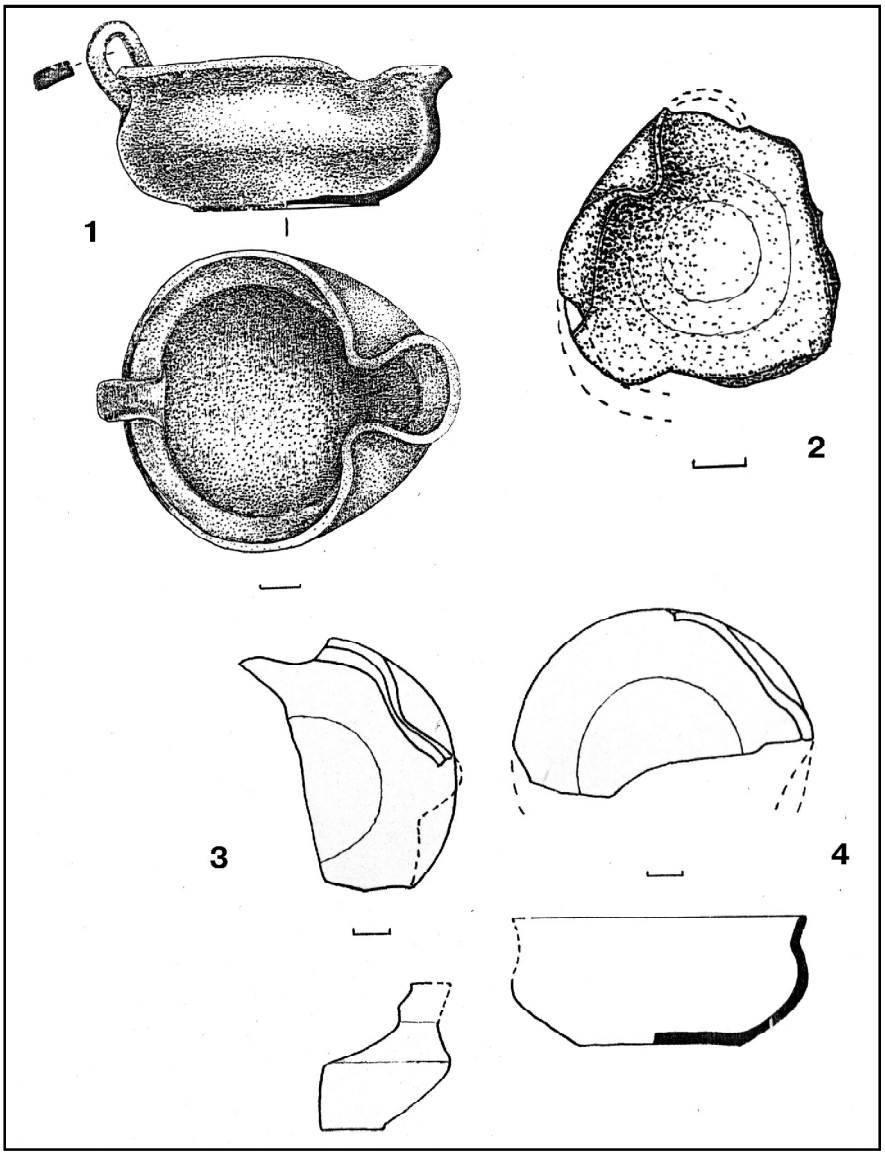

Рис. 2. 1 — светильник из Никония (погр. №9); 2 — светильник из Лузановки; 3-4 — гончарные светильники второго варианта из Тиры.

положить, что эти лампы (Рис.1) могли производиться в самой Тире[5]. Причем некоторые экземпляры попадали и на другие, в основном близлежащие поселения Северо-Западного Причерноморья. Так, в склепе №9 римского некрополя Никония, в каменно-земляную забутовку дромоса был «вмонтирован» абсолютно идентичный светильник (Рис.2/1). Любопытно, что на самом городище в римских слоях подобные находки отсутствуют совершенно. Единственный фрагмент такой же лампы из Лузановки (Рис.2/2) вряд ли позволяет считать этот захолустный поселок центром их распространения, не говоря уже о том, что сам факт существования лузановского поселения в римское время периодически ставится под сомнение[6]. Скорее, данный фрагмент способен поколебать эти сомнения, а кроме того, если тирское происхождение таких светильников станет очевидным — послужить свидетельством того, что продукция ремесленников из Тиры могла проникать и в этом направлении.

Относительно датировки ламп первого варианта мы не можем предположить ничего более точного, чем первые века от Р.Х. Экземпляр из Никония, судя по сохранившимся вещам из разграбленного склепа №9, может быть ограничен второй пол.II — первой пол.III вв. Экземпляры из раскопок Тиры обнаружены в широко датируемых слоях. Может быть, лишь послеготский период в истории города, как время широкого распространения таких ламп, исключается, учитывая то, что для Тиры это период безусловного упадка.

[5] Это не удивительно, учитывая, что в Тире выпускались и другие, более сложные типы закрытых светильников римского времени, о чем красноречиво говорят находки форм для их изготовления.

[6] Фрагмент происходит из довоенных раскопок Е.Штейнванда.

ЛИТЕРАТУРА

Арсеньева Т.М. 1988. Светильники Танаиса. М.
Вальдгауэр О. 1914. Античные глиняные светильники. СПб.
Дмитров Л.Д. 1952. Розкопки в м. Білгороді-Дністровському в 1947 р. // АП УРСР. Т.IV. С.59-64.
Забелина В.С. 1992. Античные глиняные светильники из Пантикапея // Сообщ. ГМИИ им. А.С.Пушкина. Вып.10. С.198-328.
Захожай Г.О. 1994. Збірка античних світильників у Полтаві. // Полтавський археологічний збірник. Вип.2. С.89-106.
Крапивина В.В. 1993. Ольвия. Материальная культура I — IV вв. н.э. Киев.
Кузманов Г. 1992. Антични лампи. Колекция на националния археологически музей. София.
Левина Э.А. 1992. Античные светильники Одесского археологического музея (I — IV вв. н.э). Одесса.
Сон Н.А., Сорочан С.Б. 1988. Античные светильники из Тиры. // Античные древности Северного Причерноморья. Киев. С. 115-133.
Oziol T. 1993. Les lampes au musée de la fondation pierides. Larnaca.

А.В.Гудкова

РАННЯЯ КРУЖАЛЬНАЯ КЕРАМИКА ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

A.V. Gudkova. Early Wheel-Thrown Pottery of Cherniakhov Culture.

Many years of efforts to clarify chronology of Cherniakhov culture led to a possibility to study evolutions of typical elements of culture. The article analyses early Cherniakhov wheel-thrown pottery. It comes from early sites, identified on basis of chronologies proposed by a number of researchers. It gives description of this pottery, its comparison with pottery belonging to cultures found in the Carpathian region and Wielbark culture. It has been determined that none of them gave foundations for development of early Cherniakhov wheel-thrown pottery, although a number of links can be identified. An idea that the Cherniakhov pottery was based on a powerful impact combining La Téne (indirect), Central-European-German and provincial Roman features, has acquired further evidence and foundation for further development.

One of possible ways to develop this idea lies in studying the appearance of proto-Cherniakhov wheel-thrown grey clay pottery on sites belonging to late Scythians on the North-Western Black Sea Coast dated by the first half of the I millennium AD.

A special topic is a preliminary observation of ethnic and cultural features of interments, which yielded the studied Cherniakhov pottery. The grave goods found in majority of these interments include hand-made pottery with Wielbark, Przeworsk and German (Elba pots) features. Every fifth interment contains golden and silver articles, in proportion untypical of Cherniakhov culture. The individual finds are represented by artefacts of Central and North-Eastern European, less frequently, Roman origin. No Dacian elements were found.

Изучение черняховской керамики в целом без разделения комплексов, относящихся к разным стадиям культуры (в первом приближении ранней, развитой и позднейшей финальной), на настоящем уровне знаний об этой культуре становится, мягко говоря, мало продуктивным. Понять по-настоящему отражение этнокультурных проблем в черняховской сероглиняной гончарной керамике, – а ее используют для этого достаточно часто, – можно только в том случае, если она будет рассматриваться в ее эволюции во всех опосредствованиях, возникавших на различных стадиях развития культуры и часто сильно отличавшихся на разных территориях и в разное время. Речь идет, примерно, о полутора-двух веках эволюции в пределах III-IV вв.н.э. К настоящему времени проблема хронологии памятников черняховской культуры изучена довольно подробно. Мы имеем в виду работы И.А.Бажана и О.А.Гей (Бажан, Гей 1992; Гей, Бажан 1997), Е.Г.Гороховского (1988), И.Иониц̧э (Ioniţă 1986), Й.Тейрала (1987), О.В.Шарова (1992), М.Б.Щукина (1975; Щукин, Щербакова 1986), который выделил ранний горизонт черняховской культуры (Щукин 1979, 1981), и других исследователей. Сейчас же создается впечатление, что пока внутренние возможности аналитического подхода к материалу в этом вопросе на какое-то время исчерпаны.

Очевидно, настало время попытаться применить существующие хронологические разработки для анализа истории развития во времени различных аспектов культуры (до сих пор по вполне понятной причине внимание в этом отношении было сконцентрировано в основном на датирующих вещах), в частности, сероглиняной кружальной керамики. Первое такое исследование еще тридцать лет тому назад было выполнено А.Т.Смиленко (1970). Некоторые ее наблюдения, в частности об эволюции форм шероховатых горшков не утратили значения и по сей день. О.В.Шаровым на базе новейших хронологических разработок было проведено в два этапа изучение ранней черняховской керамики (Шаров 1992; 1999). По материалам трех могильников Ружичанка, Косаново и Данчены им были выделены типы ранних форм посуды, как лепной, так и гончарной, которые он использовал в качестве хроноиндикаторов в своих хронологических построениях. Выделенные типы рассмотрены им в горизонтальных хронологических срезах бытования сходных форм лепной и гончарной посуды, в основном германских племен. Результаты этих наблюдений увязаны с историей переселений племени бургундов в том виде, как она вырисовывается на основе письменных источников (Шаров 1991; 1999: 58-63). Керамика, тоже лепная и гончарная, в качестве хроноиндикаторов использована так же О.А.Гей и И.А.Бажаном (1997). Таким образом, работа над хронологизацией черняховской керамики уже начата. Однако она столь сложна и требует обработки столь объемного материала, что каждый из исследователей пока идет своим независимым

© А.В.Гудкова, 2000.
© английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

путем, применяя свою методику. Конечно, наступит момент, когда будут выработаны в целом общие пути подхода к проблеме, как это было, например, при коллективном штурме изучения хронологии культуры. Но сейчас этого еще нет. Поэтому мы не вступаем в полемику с нашими предшественниками. Максимум, что пока можно было бы сделать – это сравнить результаты. Но и это достаточно затруднительно, так как в настоящей работе рассматривается только кружальная черняховская керамика.

Предпринимая попытку выделения и анализа гончарной посуды начального этапа культуры, мы не проводим самостоятельного исследования ее хронологии, а используем предложенные на сегодня определения ранних комплексов и памятников. Их перечень у разных исследователей частично различается. Это заставляет пояснить, как создана выборка памятников, керамика которых исследуется в настоящей статье. Нами составлен полный сводный список наиболее ранних памятников. Исследование, основанное на их картографировании (Гудкова 1997), и метод отбора материала не вызвали возражения исследователей на конгрессе славянской археологии в Новгороде в 1996 г. и настоящая статья является продолжением работы в том же русле. Верхним хронологическим рубежом рассматриваемого периода для нас является время прекращения готских походов, примерно 270 г. н.э. Исторически этот временной рубеж представляется достаточно переломным и важным. Однако в археологическом материале изменения наступают, естественно, не сразу. Поэтому целый ряд комплексов в системе европейской относительной хронологии датируют довольно большим нерасчлененным отрезком времени – фазами C1b – C2. И если памятник, датируемый таким образом, может рассматриваться как частично принадлежащий начальной стадии черняховской культуры, то выделить в нем ранние комплексы с кружальной керамикой подчас оказывается невозможным. Поэтому и материалы таких памятников за редким исключением остались за рамками нашего исследования.

Перечень используемых ранних памятников и комплексов выглядит следующим образом: нижний горизонт поселения Башмачка (Смиленко 1992) и поселение Бовшев, яма № 49 (Баран 1981); могильники Городница (Тиханова 1957), Данчены, погребения 10, 122, 169, 234, 241 и 371 (Рафалович 1986), Деревянное (Кухаренко 1980), Журавка, погребения 20, 21, 33, 34 (Сымонович 1960, 1961), Завадовка, погребения 2 и 5 (Кравченко 1973), Косаново, погребение 19 (Кравченко 1967), поселение Незвиско, ямы № 31 и 32 раннего черняховского слоя (Смирнова 1964; Щукин 1972), Привольное, погребение 6 (Кухаренко 1955), могильники Раковец-Чесновский, погребение 4 (Винокур, Островский 1967), Романковцы, погребения 47 и 105 (Никитина 1996: 70-171), Ромашки, погребения 41 и 43 (Сымонович 1979), Ружичанка, погребения 1, 8, 24, 25, 30 и 50 (Винокур 1979), Токи, погребения 6 и 7 (Герета Звіти), поселение Черепин, жилища 4, 5 и 6 (Баран 1981), могильник Чернелив-Русский, погребения 46, 89, 90, 96, 103, 130 и 131 (Герета Звіти).

Этот список требует комментариев по некоторым позициям. На поселении *Башмачка* нижний горизонт вскрыт на значительной площади. Он датируется III в. и к нему относятся постройки № 1-7 и 14-16 (Смиленко 1992: 89). Материалы могильника *Деревянное* используются в целом, так как комплексы определить нельзя. Часть исследователей рассматривает его как раннечерняховский, часть – как вельбаркский. Это тот случай, когда оба разнокультурных ингредиента настолько весомы, что культурная принадлежность памятника на современном уровне знаний выглядит двоякой. Его материалы пригодны для нашей темы потому, что по времени он относится к интересующему нас периоду, а гончарная керамика выглядит как черняховская. Поселение *Незвиско* представляет собой памятник со сложной и по-разному понимаемой стратиграфией. После исследования М.Б.Щукина (1972) возможность выделения раннего черняховского горизонта выглядит хорошо обоснованной. М.Б.Щукин пишет, что «...первое знакомство обитателей Незвиско с гончарной черняховской керамикой произошло в середине или первой половине III в.» (Щукин 1972: 140). Могильник *Ромашки* в целом поздний, однако, в погребениях 41 и 43 находились, соответственно, подвязная фибула варианта 1 (по А.К.Амброзу) и поясная пряжка из двух овальных колец с подвижным язычком. Возможно, эти два погребения из числа самых поздних среди отобранных нами раннечерняховских. О.А.Гей допускает переживание фибул варианта 1 в Среднем Поднепровье (Гей 1993: 150) на основе общей археологической ситуации в этом районе. Погребение же 43 Е.Л.Гороховский отнес к фазе 1/2, которую он датирует, начиная с середины III в. (Гороховский 1988: 45; рис. № 37). Могильник *Ружичанка* уникален по количеству ранних погребений. Е.Л.Гороховский даже назвал первую фазу черняховской культуры ружичанской (Гороховский 1988: 42). Однако у авторов, занимавшихся датировкой его комплексов, нет единого мнения в определении их абсолютных дат. Нами отобраны те погребения, ранняя датировка которых предлагается несколькими авторами. Проанализировать в полном объеме керамику из погребений № 12, 24 и 50 оказалось затруднительно, так как в публикации не для каждого сосуда можно с уверенностью определить, в какой технике он изготовлен. Нами использованы только те сосуды, о которых известно, что они были сделаны на гончарном круге. Датировкой отдельных погребений мо-

гильника *Чернелив Русский* занимались Е.Л.Гороховский (1988) и О.А.Гей и И.А.Бажан (1997), и, хотя ими был применен один и тот же корреляционный метод, перечни ранних погребений у них полностью различны. Нам не осталось ничего другого, как их объединить. К сожалению, не удалось использовать в полной мере чрезвычайно интересную керамику раннего могильника *Тодирень*, поскольку в публикации (Ioniță 1982: 92-93) сосуды не описаны и не указано, какие из них сделаны на кругу.

Задача настоящей статьи выявить облик раннечерняховской кружальной посуды и рассмотреть на основе типологического сопоставления возможность ее генетических связей с керамикой предшествующих по времени культур циркумкарпатского региона и вельбаркской культуры. Если сформулировать еще определенней, речь идет в основном о том, связано ли становление ранней гончарной керамики черняховской культуры с весомым влиянием культур гето-дакийского круга, пшеворской и вельбаркской культур. В тех случаях, когда выявленные в материалах этих культур аналогии оказываются не эндогенного происхождения, их истоки нами не рассматриваются. Это тема отдельного исследования. В соответствии с поставленной задачей мы стремились воспроизвести в наших иллюстрациях все анализируемые ранние сосуды. Однако в нескольких случаях, которые оговорены по ходу описания конкретных форм, по техническим причинам выполнить, сколько-нибудь удовлетворительные рисунки с отдельных изданий и полевых отчетов, оказалось невозможным. Кроме того, в некоторых публикациях отсутствуют рисунки сосудов, упомянутых в тексте. Отсутствие на ряде рисунков масштабов – результат их отсутствия в исходных изданиях. Кроме ранних черняховских форм, в иллюстрациях приведены для сравнения основные формы гончарных сосудов из керамики культур, с которыми ведется сравнение. В некоторых случаях мы сочли целесообразным дать, если так можно выразиться, «отрицательный» сравнительный материал, чтобы показать невозможность или сомнительность генетических связей. В первую очередь это касается вельбаркской керамики, поскольку достаточно распространено мнение о том, что многие формы лепных вельбаркских сосудов послужили прототипами для форм черняховских гончарных изделий. Сравнение с керамикой вельбаркской культуры ведется на основе работы Р. Волангевича (Wołągiewicz 1993) как наиболее полной на сегодня сводки. Перейдем к описанию и анализу конкретных форм сосудов.

Столовая керамика из тонкой глиняной массы

Наиболее многочисленной формой посуды оказались миски. Они традиционно разделены на две группы: открытые и закрытые. У первых максимальный диаметр сосуда совпадает с диаметром его устья, а максимальный диаметр корпуса меньше него или же равен ему. У вторых – максимальный диаметр корпуса является и максимальным диаметром сосуда, а диаметр устья меньше него. Внутри каждой группы выделены типы, которые в большинстве случаев мягко как бы перетекают друг в друга, и четкую грань между ними временами трудно провести. Да и внутри типов нет полной однородности в деталях и степени их выраженности. Возможно, это свидетельствует о том, что типы сосудов еще не устоялись и находились в процессе выработки. Это обстоятельство и сравнительно малое количество сосудов в анализируемой выборке заставили отказаться от дробной классификации. Формы некоторых сосудов оказались уникальными, и они рассматриваются отдельно.

Открытые миски (рис.1, 2). Логическое развитие формы идет от конических или сегментовидных мисок с немоделированным или почти невыделенным венчиком к сосудам с развитым венчиком, с шейкой и реберчатым перегибом корпуса.

Тип 1 (рис.1: 1-17) – внутри не совсем однороден и может быть расчленен. Однако сравнительно малый объем рассматриваемой выборки заставляет отказаться от подробной типологизации. Выделены две группы сосудов.

Округлые миски наиболее простой формы (рис. 1: 1-5) [1] со слабым развитием ее элементов, низкие, широко открытые, с венчиком, едва намеченным в виде простой закраины. Шейка практически отсутствует. Придонная часть может быть вогнута вовнутрь. Дно не выделено или имеет слабо проработанный кольцевой поддон. Внешняя поверхность залощена или хорошо заглажена. Орнамента нет.

Подобные миски с непрофилированным, либо едва намеченным венчиком и слабо прогнутой внутрь придонной частью находят себе аналогии в керамике пшеворской культуры. В материалах с территории Польши Х.Добржанская выделяет тип XXIX/1 (Dobrzańska 1980: 113, гус. 11: b) (рис.1: 18), бытующий в фазе С1в (по К. Годловскому это 220 – 260 гг.). Он может быть в определенной мере сопоставлен с рассматриваемой формой. Д.Н. Козак определяет лепные миски, подобные гончарным раннечерняховским, как особый тип (Козак 1984: рис. 19: 22) для пшеворских памятников Верхнего Поднестровья, датируемых им с середины I в. до н.э. до конца III в.н.э., что соответствует позднему латену (II и III) и стадиям В1, В2, С1 С2

[1] Места обнаружения соответствующих черняховских сосудов указаны в подписях к рисункам.

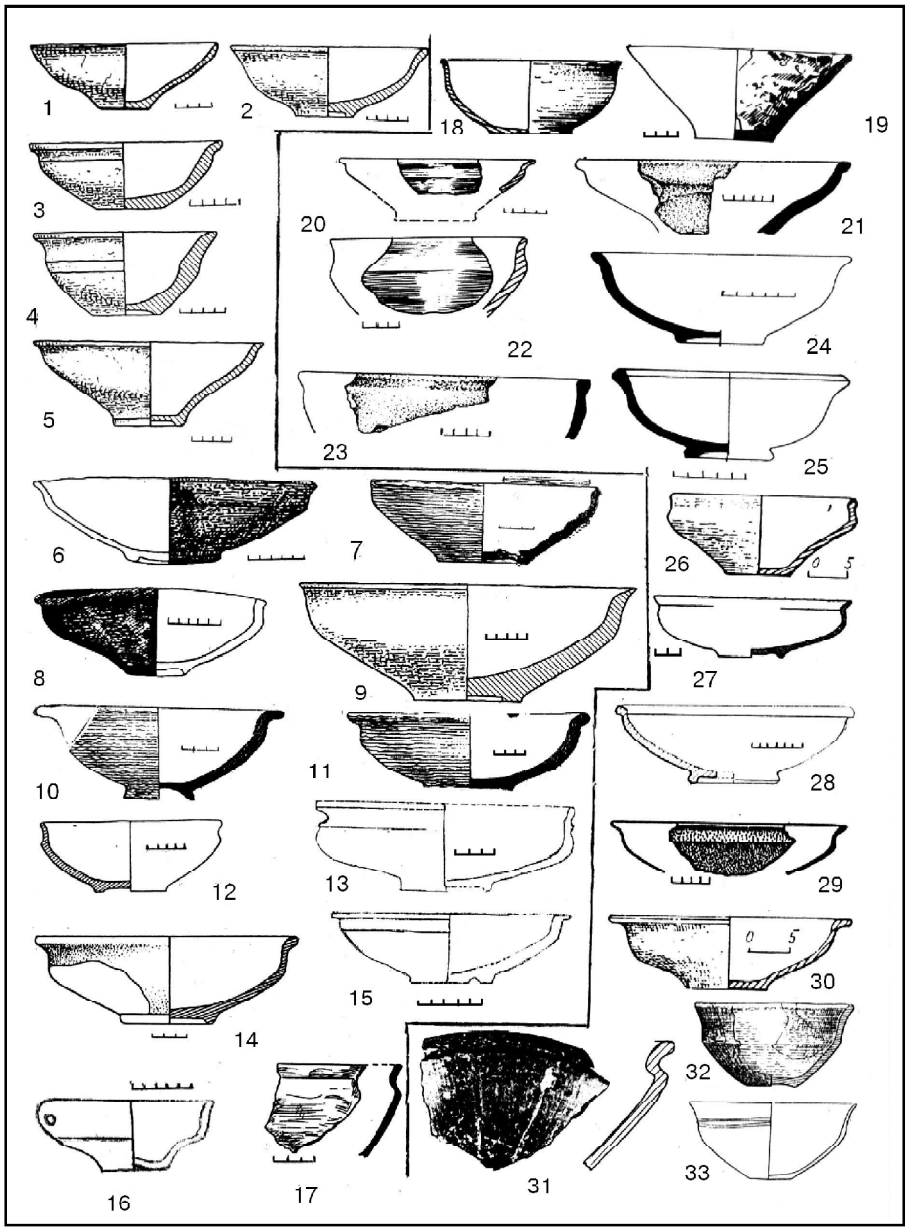

Рис. 1. Открытые округлые миски, тип 1. 1-17 - черняховская культура: 1-5, 9 - могильник Ружичанка, погребения 30, 50, 8, 1, 50; 6, 8 - мог. Романковцы, п. 47, 105; 7, 10, 11 - мог. Данчены, п. 169, 371 (два сосуда); 12 - мог. Деревянное; 13, 14 - мог. Завадовка, п. 2; 15, 16 - мог. Журовка, п.20 и 21. 18-33 - материалы для сравнения: 18-23, 26, 30 - пшеворская культура; 24, 25 - керамика карпов; 27 - керамика даков Олтении; 28 - керамика даков Мунтении; 29 - культура карпатских курганов; 31 - Восточная Словакия; 32, 33 - вельбаркская культура.

римского времени (Козак 1984: 45). В этом районе они известны, начиная с самых ранних памятников, в частности в Подберезцах и Хорове (Козак 1984: рис. 29: 5; 33: 9) (рис. 1: 19, 20). Специфическим признаком рассматриваемых мисок является более или менее выраженная вогнутость придонной части стенок внутрь сосуда. Такой абрис нижней части различных сосудов характерен для пшеворской керамики. У мисок он известен еще в позднем латене (Godlowski 1981: tabl. 1:16; Козак 1984: рис. 19: 5) (рис.1: 26).

Округлые миски с отогнутым наружу венчиком и дисковидным или кольцевым поддоном, близкие по форме к сегменту шара (рис. 1: 6-12, 14, 15), имеют более широкий круг аналогий. Они известны в пшеворской культуре со времени позднего латена (Godlowski 1981: tabl. 1: 11) (рис. 1: 30). На пшеворских памятниках Верхнего Поднестровья этого времени такая форма лепных мисок была обычной. Они обнаружены в частности в Подберезцах и Хорове (Козак 1984: рис. 28: 13; 33: 11; 34: 10) (рис. 1: 22, 23).

В культуре карпатских курганов подобные сосуды известны в гончарной мастерской Печенежина, которая по геомагнитному анализу датируется серединой III в. (Вакуленко 1977: табл. XIV, 18; 124) (рис. 1: 29).

В культуре Поянешть-Выртишкой сходные гончарные сосуды, в основном сероглиняные, реже красноглиняные, являются обычной керамической формой (Bichir 1973: pl. XC: 11; XCI: 3, 46; XCII: 3 – 5) (рис.1: 24, 25). Об их местном дакийском производстве свидетельствуют находки обломков в гончарной мастерской посе-

ления Бутнарешть. Само это поселение не дало узко датируемых находок, и время его существования определяется по его могильнику, который функционировал с конца II до середины III в. (Bichir 1973: 148, 151). Это дает некоторую возможность уточнения даты интересующих нас изделий. Однако многочисленность находок на разных памятниках позволяет думать, что они бытовали на протяжении всего существования культуры Поянешть-Выртишкой или культуры карпов [2], которую Г. Бикир датирует в промежутке времени между 107 и 318 гг. н .э.

Не исключено, что в разных гончарных центрах на территории, соответствующей северо-востоку современной Румынии, форма описываемых сосудов несколько варьировала. На это указывают материалы обоих могильников Вэлень. Оставившее их население исследователи определяют как свободных даков (Ioniță, Ursachi 1988). Интересующие нас сосуды выделены по этим материалам в весьма распространенный тип 4 (Ioniță, Ursachi 1988: 71; fig. 66: 1, 2, 4). Они отличаются тем, что у них слабо намечается ребро на перегибе корпуса.

Подобные формы мисок с несколько утолщенным венчиком были распространены и у даков Мунтении (Bichir 1984: pl. XXIX: 13; XXXI: 10, 11, 15*)* (рис.1: 28). На памятниках Олтении сходные по форме миски довольно обычная находка (Popilian 1976: pl. LXVII: 814, 816) (рис. 1: 27). Они входят в выделенный Г. Попилианом тип 2. Их особенностью является красно-коричневое покрытие. Весь этот тип, в который входят и сосуды несколько иной формы, он датирует II в. (Popilian 1976: 123).

Материалы с поселений Восточной Словакии свидетельствуют о бытовании на них мисок в определенной мере подобных рассматриваемым (Lamiova-Schmiedlova 1969: Abb. 16: 3; 24: 5). М. Ламиова-Шмидлова определяет их как пшеворские.

Единичные округлые миски выделены по признаку зарождения ребра при переходе очень короткой шейки в тулово (рис. 1: 17). Аналогии им так же редки, как и сама эта форма. Очень сходные миски происходят из Восточной Словакии с поселений Шебастовце-Барка и Педер (Lamiova-Schmiedlova 1969: Abb. 16: 3; 24: 5) (рис. 1: 31). Автор публикации считает их пшеворскими. Поскольку форма нижней части сосудов этого облика не известна, то дальнейшие поиски аналогий оказываются затруднительными и малопродуктивными. В типологии керамики из Польши Г.Добржанская приводит в фазе C1a (по К.Годловскому 150-200) глубокие лепные сосуды, верхняя часть которых соответствует рассматриваемой форме (Dobrzańska 1990, II: ryc. 19: 51, 52, 60). В вельбаркской культуре некоторой аналогией для рассматриваемой формы могут быть лишь отдельные варианты мисок типа XaA (Wołągiewicz 1993: tabl. 27: 3,4) (рис.1: 32, 33).

Единичная миска вычурной формы из погребения 2 могильника Завадовка (рис. 1: 13), хотя и не глубокая, имеет четкий перегиб корпуса, над которым находится то ли валик, то ли наплыв (по рисунку в публикации это не ясно). Форма для черняховской культуры не характерная. Найти ей убедительные аналогии в циркумкарпатском регионе не удалось. Не занимаясь этим специально, отметим попутно, что аналогичная форма известна у кельтов (Шаров 1999: табл. 28: 2).

Гончарная миска с ручкой-ушком из могильника Журовка (рис. 1:16) в рассматриваемом типе стоит особняком. Венчик в виде простого края стенки слегка отогнут наружу. Придонная часть стенки вогнута внутрь. Небольшая ручка-ушко прикреплена к венчику и ребру. Сосуд сделан на гончарном круге, хотя полностью повторяет лепную вельбаркскую форму (Wolagiewicz 1993: tabl. 28: 1-5), что, скорей всего, и определяет его происхождение. Возможно, эта миска, как подражание лепной вельбаркской форме, явление не совсем единичное. Так в ранней постройке № 15 поселения Башмачка найден «обломок кружальной миски с налепным псевдоушком» (Смиленко 1992: 42; рис.25: 4).

Тип 2 (рис. 2) — реберчатые миски с резким перегибом корпуса обычно в виде ребра. Этот тип имеет три разновидности. Стенки верхней части этих мисок могут быть отклонены наружу (рис. 2: 1) или бывают поставлены вертикально (рис. 2: 2-5) [3]. Тогда сосуд имеет цилиндро-коническую форму. Либо же стенки изогнуты и верхняя часть миски имеет, условно говоря, *S-видный* профиль (рис. 2: 6-9). Если их форму характеризовать более точно, то можно сказать, что это миски с вогнутой верхней частью и реберчатым перегибом тулова. Венчик у всех разновидностей округлый, всегда отогнут наружу и иногда утолщен. Дно на кольцевом поддоне. Орнамент обычно отсутствует. Лишь у одного сосуда над ребром имеются прочерченные (?) концентрические линии (рис. 2: 4). *Все три деривата описываемого типа имеют аналогии в пшеворской культуре*.

Сосуды с расширенной верхней частью (рис. 2: 1) по материалам гончарных центров Малопольши выделены в тип 1, подтипы Aa, Ab, B, возможно, Bb и тип 5, который отличается низким положением максимального диаметра. В этом районе они бытуют в фазе C1b (по К.Годловскому) (Dobrzańska 1990, I: ryc. 10, 1Ab; 1Bb,

[2] Нами для удобства изложения и сравнения не рассматривается проблема выделения отдельного существования этой культуры как культуры карпов.

[3] Миска из Ружичанки п. 30 (рис.2: 5) воспроизведена в такой форме, как она издана, и судить о ее истинной форме в деталях трудно, поскольку левая и правая части выглядят по-разному)

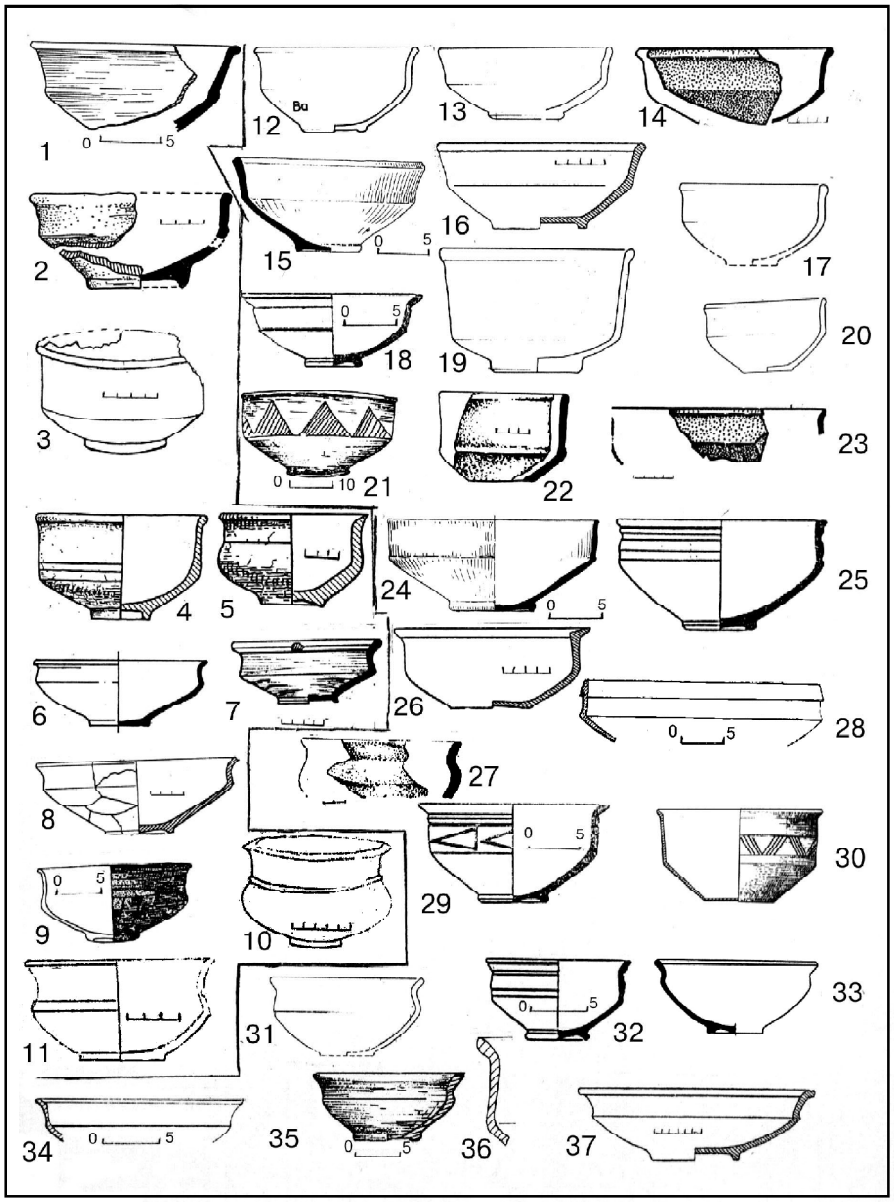

Рис. 2. Открытые миски с перегибом тулова. 1-11 - черняховская культура: 1, 2 - пос. Черепин, жилища 6 и 4; 3, 7 - мог. Чернелив Русский, п. 96; 4, 5 - мог. Ружичанка, п. 1, 30; 6 - пос. Бовшев, яма 49; 8, 11 - мог. Ромашки, п. 41 (два сосуда); 9 - мог. Романковцы, п. 47; 10 - мог. Токи, п. 6. 12-37 - материалы для сравнения: 12, 13, 17, 19 - 22, 27, 31, 35 - пшеворская культура; 14, 23 - культура карпатских курганов; 15, 24, 33 - керамика карпов; 16, 26, 37 - керамика даков Олтении; 18, 25, 29, 32 - керамика населения верхнего Потисья; 28, 34 - керамика даков Мунтении; 30 - вельбаркская культура; 36 - Восточная Словакия.

1Bb, 5; II: ryc. 19) (рис. 2: 12, 19). Полезно обратить внимание на то, что в пшеворской культуре подобную форму имеют и некоторые шероховатые миски (Dobrzańska 1990, 1: ryc. 12: 28) (рис. 2: 13).

Расширенные кверху миски известны в гончарных мастерских поселения Печенежин культуры карпатских курганов (Вакуленко 1977: табл. XIV: 16) (рис. 2: 14) и представляют собой обычную находку на памятниках карпов (Bichir 1973: tabl. LXXX: 3; XC: 4) (рис. 2: 15). У населения Мунтении имеются подобные миски, но большего диаметра и с сильно отогнутым венчиком (Bichir 1984: pl. XVIII: 2). В Олтении сосуды рассматриваемой формы встречаются достаточно часто (Popilian 1976: pl. LXLIV: № 778, 779) (рис. 2: 16). Подобные миски из гончарной мастерской Лужанка в Закарпатье отличаются наличием бороздок и валиков между ними (Котигорошко 1995: рис. 20: 18,19) (рис. 2: 18).

Сосуды цилиндро-конической форм (рис. 2: 2-5) – тоже достаточно распространены. В пшеворской культуре в фазе C1b подобные миски составляют тип XX-1 (Dobrzańska 1980 : ryc. 8: a; s. 109) (рис. 2: 21). Известны они и в мастерских района Иголоми и округи, причем и в столовом, и в грубоглиняном хозяйственном варианте (Dobrzańska 1990, I: ryc. 10: 1c и 5; 12: 29a, в) (рис. 2: 17, 20). На Верхнем Днестре почти целая миска этой формы найдена на поселении Подберезцы (Козак 1984: рис. 29: 12) (рис. 2: 22). У даков рассматриваемые сосуды известны в культуре Поянешть-Выртишкой (Bichir 1973: tabl. LXXXIX: 9, 10) (рис. 2: 24), в Мунтении (Bichir 1984: pl. XXVIII: 5, 6, 10, 11; XXIX: 11, 12, 14) (рис. 2: 28) и в Олтении (Popilian, 1976, tabl. LXV: № 791, 792) (рис. 2: 26). Сосуды Верхнего Потисья из мастерской Лужанка, хотя и имеют цилиндрическую форму, но заметно отличаются и стоят особняком, так как они орнаментированы или

же их цилиндрическая часть покрыта кольцевыми линиями и валиками между ними, придающими им своеобразный облик (Котигорошко 1995: рис. 20: 1-10) (рис. 2: 25, 29, 32). Сопоставление с ними оказывается довольно условным. Закарпатским мискам близок тип 2, выделенный на могильнике свободных даков Вэлень (Ioniță,Ursachi 1988: fig 67: 2). В Восточной Словакии цилиндрические сосуды не были массовой формой. Подобный обломок происходит из материалов поселения Шебастовцы-Барка (Lamiowa-Schmiedlowa 1969: Abb. 33: 14) (рис. 2: 36).

В керамике вельбаркской культуры с *цилиндро-коническими* мисками сопоставим один из вариантов типа XaA (Wołągiewicz 1993: tabl. 27: 1) (рис. 2: 30).

Единичная миска из могильника Токи (рис. 2: 10) характеризуется высоким четко выделенным вертикальным горлом, отделенным от тулова валиком. Венчик сильно отогнут. Тулово подчеркнуто округлое. Дно на плиточном поддоне. Форма хотя и возможна в черняховской культуре, но для нее не характерна, как и светлокоричневый цвет сосуда. Она не имеет никаких корней в керамической традиции культур циркумкарпатского региона и в вельбаркской культуре. Остается предположить, что происхождение этой формы связано с центральноевропейской керамической традицией.

Миски с S-видным профилем (рис. 2: 6-9) известны в пшеворской культуре с фазы C1b и выделены в тип XXVI (Dobrzańska 1980: 112, 113; rys. 10: d) (рис. 2: 35). В материалах мастерских Малопольши они образуют тип 3 со всеми его подтипами (Dobrzańska 1990, I: rys. 10: 3; II: rys.19) (рис. 2: 31). На пшеворских памятниках Верхнего Днестра известны подобные миски, в частности на поселении Подберезцы (Козак 1984: рис. 25: 12) (рис. 2: 27). В культуре карпатских курганов аналогом описываемой формы, возможно, является часть мисок типа 2 (Вакуленко 1977: 26; табл. XIV: 14). Они обычны у карпов (Bichir 1973 : pl. XC: 6,7; XCI: 7; XCII: 1, 4; XCIV: 4) (рис. 2: 33). Известны они также на памятниках Мунтении (Bichir 1984: pl. XXIX: 1) (рис. 2: 34). Иногда они имеют изощренную моделировку венчика (Bichir 1984: pl. XXVII: 3; XXVIII: 6, 8; XXIX: 1) и пролощенный орнамент внутри, что, скорее всего, указывает на античное происхождение. На памятниках Олтении подобные массовые сосуды отличаются сильно отогнутым наружу венчиком (Popilian 1976: pl. LXX: № 859-861, 863, 865, 866) (рис. 2: 37) и разнообразием моделировки деталей. Здесь эта форма применялась широко и была весьма разработанной. В Восточной Словакии подобная форма достаточно редкая и определяется как пшеворская (Lamiowa-Schmiedlowa 1969: Abb. 24: 7).

Единичная форма – лощеная миска из могильника Ромашки (рис. 2: 11). Значительное своеобразие ей придает пластичное оформление корпуса в виде прямоугольного в сечении «обруча», охватывающего сосуд в нижней части плеч над максимальным его расширением. Циркумкарпатский регион не дает убедительных аналогий для такого рода оформления поверхности сосуда. В вельбаркской культуре в группе XVIII на сосудах иной формы известен такой пластический элемент оформления (Wołągiewicz 1993: tabl. 37: 2).

Сопоставление форм открытых мисок выявляет два направления возможных генетических связей: гончарство пшеворской культуры и различных групп гето-дакийского населения. Пшеворские аналогии происходят из гончарных центров и поселений Малопольши (Иголомь, Зофиполь и т.д.), Верхней Силезии и восточной части ареала культуры на Верхнем Днестре. Немногочисленные аналогии на крайнем западе, в Восточной Словакии имеют, по мнению исследователей этого региона, также пшеворское происхождение. Время возникновения пшеворских аналогий в целом, как правило, относится к периоду C1b. В периоде C1a рассматриваемые формы открытых мисок в пшеворской культуре практически не известны (Dobrzańska 1990, II: rys. 19). Это значит, что их нельзя считать собственно пшеворскими. Лишь некоторые особенности форм, например, вогнутая внутрь придонная часть сосуда, уходят корнями в позднелатенское время. В целом пшеворская культура не является колыбелью тех форм открытых мисок, которые представлены в раннечерняховском керамическом комплексе. Либо она была посредником в их передаче далее на восток, либо эти формы появились в обеих культурах в результате одного импульса более или менее одновременно, может быть, в пшеворской культуре на несколько десятилетий раньше, чем в черняховской.

Сходства с керамическими формами гето-дакийских культур характеризуются тем что, чем дальше на юг и в Закарпатье, тем более изощренными, с моделировкой деталей и орнаментом, становятся отдельные формы. Очевидно, в этом проявляется влияние провинциально-римских гончарных мастерских.

Влияние керамической традиции вельбаркской культуры в развитии раннечерняховских открытых мисок минимально. Это сходство некоторых раннечерняховских мисок с частью сосудов вельбаркского типа XaA. Кроме того, одна миска с ручкой-ушком является вельбаркской. Однако сходство отдельных форм ничего не решает, так как весь ареал явных и весомых аналогий открытым мискам охватывает такое время и такую территорию, в которых влияние вельбаркской культуры никак проявиться не могло.

Закрытые миски характеризуются, как и открытые, логическим развитием формы от округлой через округло-биконическую к жестко-

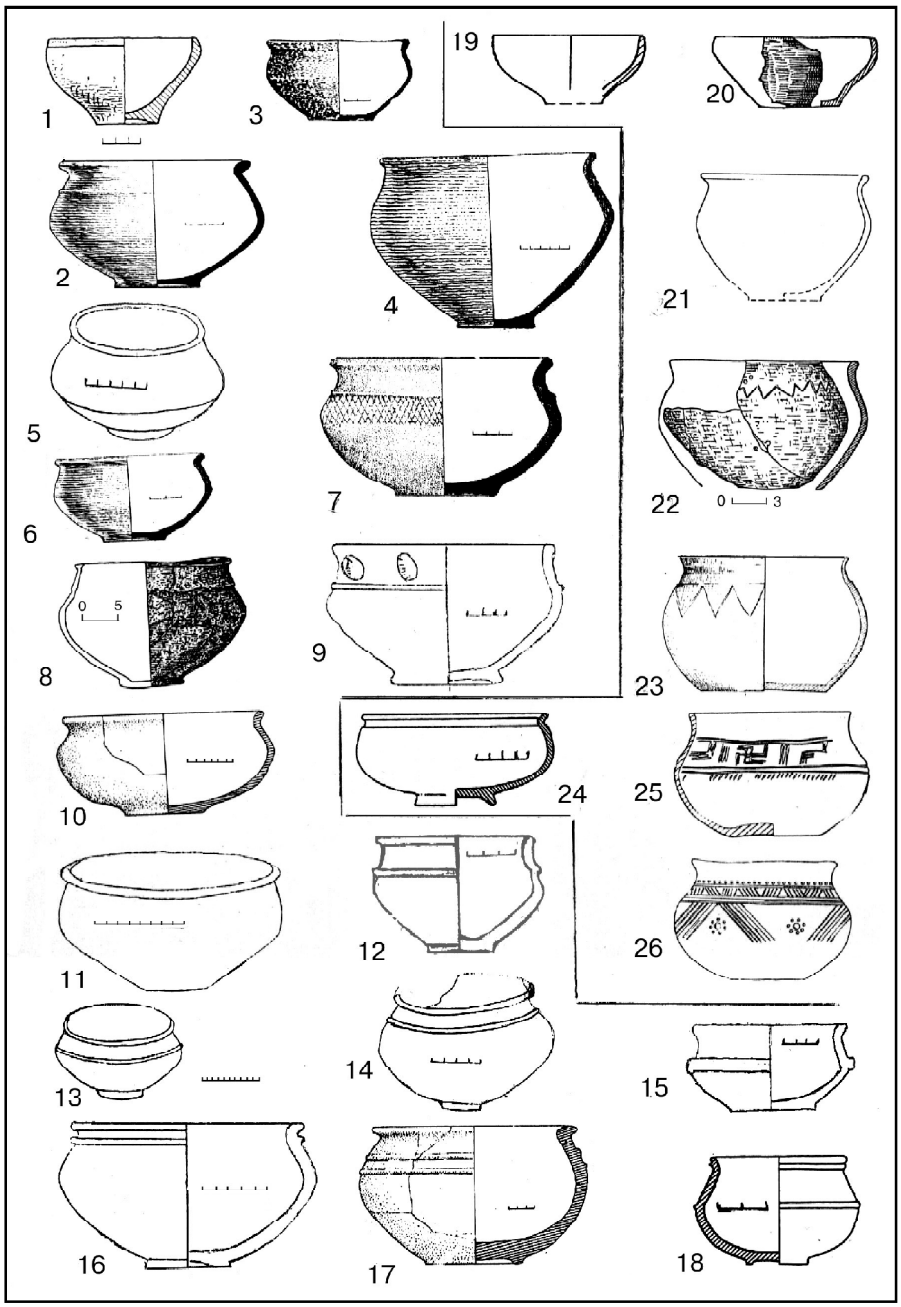

Рис. 3. Закрытые округлые миски. 1-18 - черняховская культура: 1 - мог. Ружичанка, п. 25; 2-4, 6, 7 - мог. Данчены, п. 122, 10, 371, 10, 371; 5, 13, 14 - мог. Чернелив Русский, п. 89, 130, 96; 8 - мог. Романковцы, п. 105; 9, 10, 17 - мог. Завадовка, п. 5; 11 - мог. Токи, п. 6; 12, 15, 16 - мог. Журовка, п. 34, 20 два сосуда; 18 - мог. Деревянное. 19-26 - материалы для сравнения: 19-21 - пшеворская культура; 22 - липецкая культура; 23, 25, 26 - вельбаркская культура; 24 - даки Олтении.

реберчатой биконической, в соответствии с чем и выделены их типы.

Тип 1 – *миски округлые* (рис. 3: 2-18). Их венчик утолщен или имеет вид простой закраины и всегда отогнут наружу. Поддоны кольцевые, реже плитчатые. Преобладают глубокие миски. Форма выглядит вполне развитой. Большинство сосудов украшено одним, иногда несколькими валиками. В одном случае это не валик, а прямоугольный в сечении обруч (рис. 3: 15). На одной из мисок ниже валика находится полоса пролощенной косой сетки (рис. 3: 7). У другой миски на шейке выше валиков расположен ряд пролощенных углубленных овов (рис. 3: 9).

В пшеворской культуре округлые закрытые миски мало распространены. По материалам гончарных мастерских Малопольши выделен тип 33, существовавший с фазы C1в (Dobrzańska 1990, I: ryc. 12; II: ryc. 19) (рис. 3: 21). Он не имеет ни валиков, ни орнамента. Форма этих сосудов находится на грани открытых и закрытых мисок.

В иных культурах аналогии закрытым округлым мискам или отсутствуют, или весьма условны. Сходные по форме сосуды имеются в керамике Олтении (Popilian 1976: pl. LXVII: № 827, 829) (рис. 3: 24). Однако здешние миски кирпично-красного цвета. Г. Попилиан называет их обычной римской посудой и приводит им широкий круг аналогий в керамике провинциально-римских памятников (Popilian 1976: 123).

Сосуд № 827 датируется II – первой половиной II в., другие – началом III в.

Может быть, стоит обратить внимание на то, что аналогичная гончарная миска с пролощенным зигзагообразным орнаментом происходит с поселения липицкой культуры Ремезовцы (Цигилик 1975: рис. 45: 2) (рис. 3: 20). Других аналогий рассматриваемой форме мисок циркумкарпатский регион не дает.

Что касается возможности сопоставления с мисками вельбаркской культуры, то оно возможно только с сосудами типа VIA. Все они, конечно, лепные. Для них характерно отсутствие каких-либо поддонов, богатый орнамент и наличие валиков, ложбинок и уступов (рис. 3: 19-23, 25, 26), которых практически нет на рассматриваемых черняховских сосудах. Генетическая связь черняховских закрытых округлых мисок с этими мисками вельбаркской культуры выглядит мало вероятной, поскольку черняховские представляют собой вполне сложившуюся разработанную гончарную форму, в которой отсутствуют этнографические признаки вельбаркской посуды.

Единичная форма закрытой округлой миски происходит из могильника Ружичанка, погребение 25 (рис. 3: 1). У нее отсутствует шейка. Край венчика слегка наклонен внутрь, что и заставляет считать ее закрытой. Дно на кольцевом поддоне. Придонная часть стенок вогнута вовнутрь. Вполне возможно, что этот сосуд типологически близок округлым мискам без шейки (рис. 1: 1-3) и разделение этих сосудов на открытые и закрытые в силу особенностей этой формы является крайне условным. Эту форму в закрытом и открытом варианте нам уже приходилось подробно анализировать в связи с изучением керамики памятников типа Этулия (Гудкова 1999: 287-288). Поэтому здесь мы несколько сократим ее характеристику.

На пшеворских памятниках верхнего Поднестровья такие лепные сосуды выделены Д.Н. Козаком как тип (Казак 1984: рис. 19:19, 20, 22) (рис. 3: 19). Известны они и в липицкой культуре в керамике поселения Ремезовцы (Цигилик 1975: рис. 37: 3; 43: 2-5) (рис. 3:20). Это позволяет думать, что форма таких мисок возникла на пшеворской основе. Наличие довольно отдаленных аналогий в керамике Олтении, пожалуй, не ставит под сомнение это утверждение. Там выделен 1 тип мисок, в котором присутствуют формально сходные формы (Popilian 1976: 122, pl. LXVI: № 808, 810). Однако эти сосуды красные, с красно-коричневым покрытием снаружи и внутри. Г. Попилиан характеризует эту форму как обычную, романизированную. Вопрос о ее происхождении в контексте провинциально-римской керамики требует особого исследования. На наш взгляд, нельзя исключить краснолаковых прототипов.

Итак, в целом происхождение закрытых округлых мисок с циркумкарпатским регионом и вельбаркской культурой не связано. Может быть, определенную роль в передаче этой формы в черняховскую культуру на ее раннем этапе сыграли гончарные центры на юге Польши, но ее исток надо искать в Центральной Европе и на лимесе.

Тип 2 – *миски округло-биконические* (рис. 4: 1-11). Употреблением такого названия сделана попытка выразить то, что на тулове этих сосудов в уровне максимального диаметра достаточно четко виден перегиб. Он еще не реберчатый, но уже можно говорить о мягко выраженной биконичности этих сосудов. Венчик сосудов в виде простой скругленной закраины слегка отогнут наружу и дополнительной профилировки не имеет. Шейка слабо выражена. Дно на кольцевом или дисковидном поддоне. Несколько особняком стоят сосуды, у которых максимальный диаметр расположен в нижней трети высоты (рис. 4: 8-10). Часть сосудов украшена пролощенным орнаментом, часть имеет валики и уступы, но есть экземпляры и без всякой дополнительной отделки. Они лощеные или гладкие.

В пшеворской культуре фазы С1в округло-биконические формы представлены типами BXV и BXVII (Dobrzańska 1980: 106, 107; ryc. 6: f; 7: e) (рис.4: 12,13). Сосуды такого облика распространяются в основном в более позднее время. В Восточной Словакии изредка встречаются сосуды подобной формы (Lamiowa-Schmiedlowa 1969: Abb. 37: 4) (рис. 4: 16). Этим и исчерпывается круг аналогий округло-биконическим мискам. Для сосудов с низким положением максимального диаметра они нам в циркумкарпатском регионе не известны.

Ограниченные возможности для сравнения дает и вельбаркская культура. Это две формы мисок типов VI A и VI C (Wołągiewicz 1993: tabl. 17: 2, 19: 3) (рис. 4: 14,15). Все изложенное позволяет думать, что истоки возникновения рассматриваемой формы мисок лежат за пределами циркумкарпатского региона и вельбаркская культура тоже не оказала значительного влияния на появление этих сосудов. Этот вывод совпадает с тем, что установлено для типа 1.

Тип 3 – *миски закрытые реберчатые* (рис. 5: 1-15) характеризуются резким угловатым перегибом тулова, образующим острое ребро. Венчик слегка отогнут наружу и имеет вид простой скругленной закраины, но может быть и слегка утолщен подпрофилирован. Дно на кольцевом или дисковидном поддоне. Представлены глубокие и мелкие формы. Внешняя поверхность сосудов залощена или хорошо заглажена. Украшением служат только валики или уступы. Пролощенного орнамента не отмечено. Сосуды отличаются хорошей профессиональной выделкой, четким исполнением формы. Создается впечатление о том, что делавшие их гончары обладали достаточными навыками и опытом и реберчатая биконическая форма

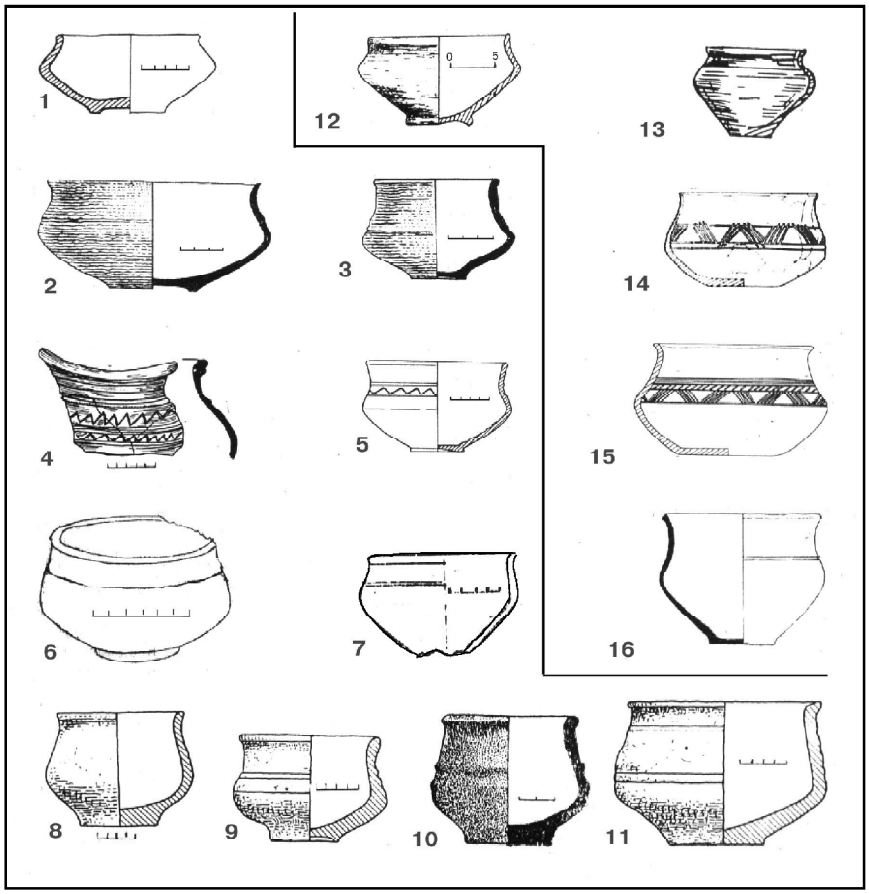

Рис. 4. Закрытые округло-биконические миски. 1 -11 - черняховская культура: 1 - мог. Деревянное; 2, 3, 10 - мог. Данчены, п. 371, 241, 234; 4 - пос. Черепин, жилище № 5; 5 - мог. Ромашки, п. 43; 6 - мог. Чернелив Русский - п. 94; 7 - городище Башмачка - постройка 3; 8, 9, 11 - мог. Ружичанка, п. 50, 8, 24. 13-16 - материалы для сравнения: 13 - пшеворская культура; 14, 15 - вельбаркская культура; 16 - Восточная Словакия.

сосудов была уже полностью освоена. Можно сказать, что облик этих сосудов, столь характерных для черняховской культуры, уже вполне сложился на ранней фазе ее существования.

В керамике пшеворской культуры нет аналогий закрытым реберчатым мискам, которые бы по времени своего существования предшествовали ранней фазе черняховской культуры или хотя бы были синхронны этой фазе. В пшеворской культуре такие сосуды, сопоставимые с черняховскими, распространяются одновременно с развитой и финальной стадией черняховской культуры. В пшеворских материалах Верхнего Поднестровья подобные гончарные миски имеются на поселении Подберезцы (Козак 1984: рис. 29: 8,11) (рис. 5: 16), но оно не дает узкой даты, поскольку существовало с середины I в. до н.э. и до конца III в. (Козак 1984: 44, табл. 4). Поздняя датировка реберчатых мисок в пшеворской культуре неминуемо порождает возможность предположения об их проникновении в нее из черняховской культуры. В культуре карпатских курганов материалы гончарных мастерских в Печенежине свидетельствуют о том, что реберчатые закрытые миски входили в состав столовой посуды (Вакуленко 1977: табл.XIV: 8,17,21) (рис. 5: 17, 19), но ведущей формой не являлись. Они вполне сопоставимы с черняховскими сосудами. К сожалению, не удается установить, как рано эти формы появляются в керамике карпатских курганов. Поэтому хронологическая интерпретация этого явления оказывается неясной. Допустимо как заимствование этой формы сосудов еще до сложения черняховской культуры, так и влияние ее гончарства. Кроме того, возможно предположение, что закрытые реберчатые миски появились в обеих культурах одновременно и из одного источника.

В культурах даков закрытые реберчатые миски единичны, и лишь отдельные из них сопоставимы с черняховскими (Bichir 1984: pl. XVI: 7) (рис. 5: 18). Возможно, к дакийскому населению они изредка проникали из черняховской среды.

В Восточной Словакии подобные миски зарегистрированы в небольшом количестве в позднеримское время на поселениях Сена и Шебастовцы Барка (Lamiowa-Schmiedlowa 1969: Abb. 38: 3, 4). Создается впечатление, что как и в культурах даков, имело место редкое проникновение форм сосудов черняховского типа, но в целом для местной керамики они были не характерны.

Таким образом, происхождение закрытых реберчатых биконических мисок с культурами циркумкарпатского региона не связано.

Что касается сопоставления с керамикой вельбаркской культуры, то общеизвестна присущая ей распространенность реберчатых би-

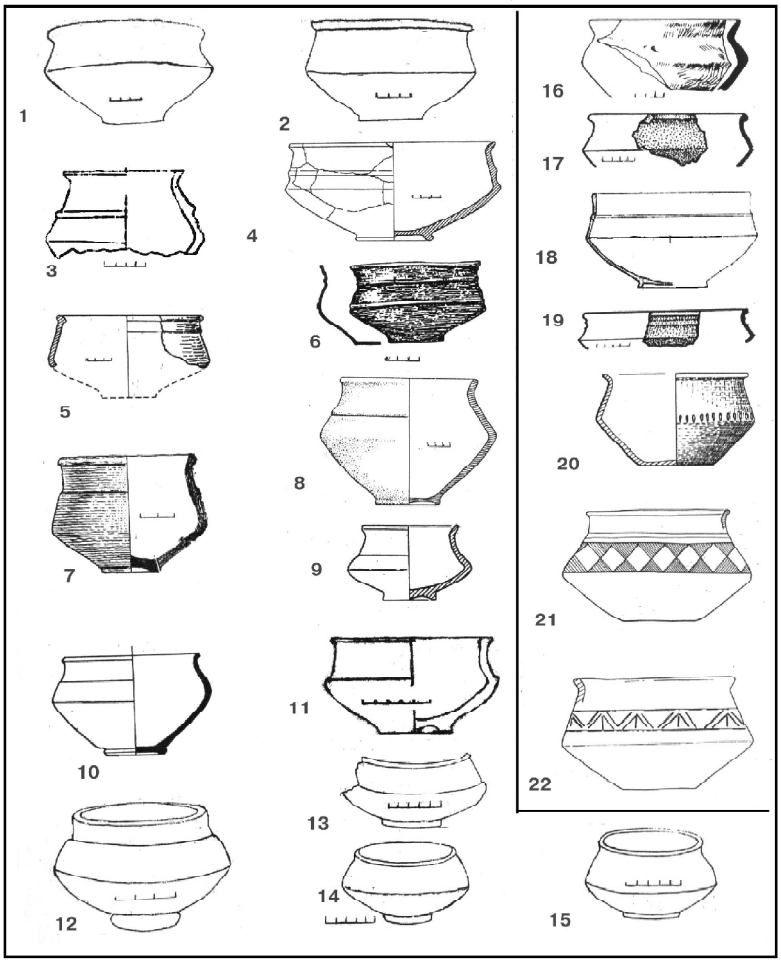

Рис. 5. Закрытые биконические реберчатые миски. 1-15 - черняховская культура: 1, 2 - мог. Раковец Чесновский, п.4; 3 - городище Башмачка, строение 18; 4 - мог. Ромашки, п.41; 5 - мог. Косаново, п. 19; 6 - мог. Романковцы, п. 47; 7 - мог. Данчены, п. 169; 8 - мог. Завадовка, п. 2; 9 - мог. Ромашки, п. 41; 10, 12-15 - мог. Чернелив Русский, п. 46, два сосуда, 103, 90, 89; 11 - мог. Журовка, п. 21; 12. 16-22 - материалы для сравнения: 16 - пшеворская культура, 17, 19 - культура карпатских курганов; 18 - даки Мунтении; 20-22 - вельбаркская культура.

конических форм различных сосудов, и не только закрытых мисок. Однако это явление трудно рассматривать как весьма значимое, так как оно одновременно присуще керамике различных групп германского населения Центральной и Северной Европы. Из числа вельбаркских мисок сопоставимыми с черняховскими закрытыми реберчатыми мисками являются сосуды группы V1B (рис. 5: 20-22). Все они имеют орнамент, не характерный для черняховской керамики. На них нет ни валиков, ни уступов, но применялись ручки-ушки.

В целом о происхождении закрытых мисок можно сказать, что некоторая связь с пшеворской культурой очевидна. Однако нами она воспринимается как слабый ручеек, а не мощный поток, потому что в самой пшеворской культуре эти формы не массовы и облика керамического комплекса не определяют. Создается представление, что в ней они не собственного происхождения, а заимствованы. Еще раз обратим внимание на то, что закрытые реберчатые биконические миски в пшеворской культуре ранее сложения черняховской не известны. Вопрос о том, служила ли пшеворская культура для раннечерняховского керамического комплекса передаточным звеном в распространении рассматриваемых форм или же их появление в пшеворской и черняховской культурах шло параллельно, остается открытым. Таким образом, в целом картина такая же, как и с открытыми мисками. Появление закрытых мисок не связано с дакийскими культурами. Некоторое сходство с провинциально-римской традицией по материалам Олтении, скорее всего, чисто формальное и генетически явно не обусловлено. Немногочисленные и не очень определенные аналогии в липицкой культуре вряд ли имеют большое значение и пока не поддаются удовлетворительной интерпретации. Они не дают основания для предположения о прямом воздействии со стороны липицкой культуры. Совершенно очевидно, что керамика вельбаркской культуры не была той основой, на которой возникли закрытые формы раннечерняховских мисок.

Трехручные вазы (рис. 6: 1-7) представлены округлыми и округло-биконическими мисковидными формами, высокими и низкими. Все сосуды с невыделенной шейкой и ленточными ручками, которые прикреплены к венчику и плечику. Ручки имеют иногда продольные желобки. Венчик Г- и Т-образный. Дно преимущественно на кольцевом поддоне. Особняком стоит один экземпляр вазы на полой ножке или, можно сказать, на высоком поддоне. Четыре сосуда украшены валиками. Один имеет на плечиках косые каннелюры. Форма каж-

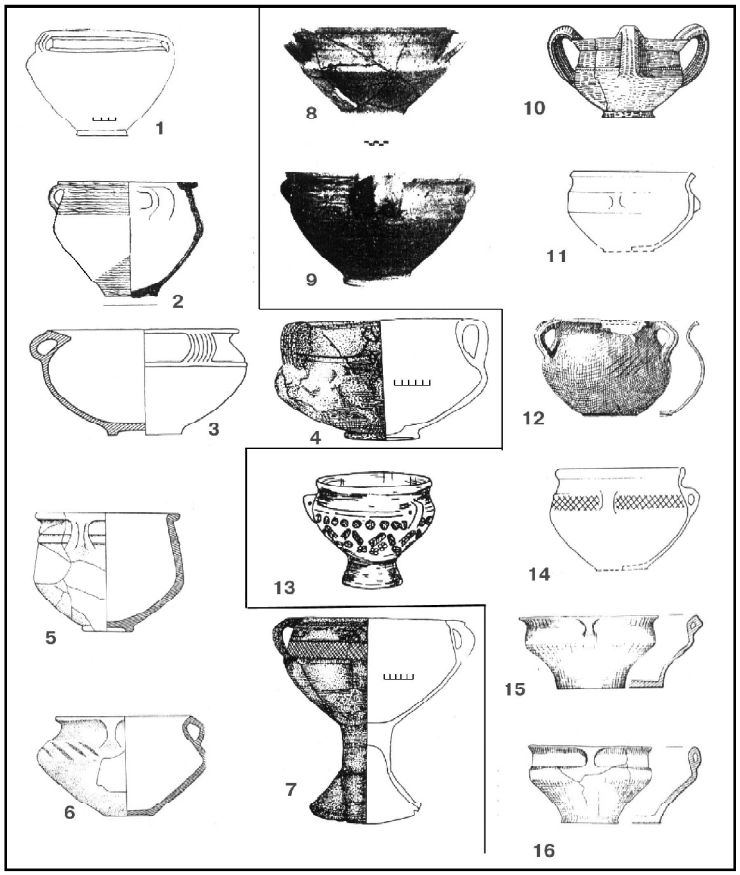

Рис. 6. Трехручные вазы. 1-7 - черняховская культура: 1 - мог. Раковец Чесновский, п. 4; 2 - мог. Данчены, п. 169; 3 - мог. Деревянное; 4 - мог. Романковцы, пог. 46; 5, 6 - мог. Завадовка, п. 2; 7 - мог. Романковцы, п. 105. 8-16 - материалы для сравнения: 8, 9 - карпы; 10 - липицкая культура; 11, 13, 14 - пшеворская культура; 15, 16 - вельбаркская культура.

дой вазы индивидуальна.

В пшеворской культуре трехручные вазы, в основном лепные, представлены в керамике позднего предримского периода и особенно в фазе B1 раннеримского периода (Godłowski 1981: tabl. II: 12; III: 3, 4, 5). В раннеримское время в фазе B2 для них обычен высокий поддон (Godlowski 1981: tabl. IV: 5, 11). Позднее они становятся как будто менее распространенными. Х. Добржанской отмечен сходный сосуд из погребения 182 в Хоруле, который она относит к фазе C1b (Dobrzańska 1980: 125, ryc. 16: c) (рис. 6: 13). Для этого же времени относительно сходные трехручные формы сосудов выделены ею и в материалах гончарных мастерских Иголоми и прилегающего района. Это типы 7 и 14 (Dobrzańska 1990, I: ryc. 10, 11) (рис. 6: 11, 14). Они заметно отличаются от раннечерняховских ваз тем, что венчик скругленный, а небольшие ручки-ушки расположены на плечах сосудов. Можно говорить только об общем сходстве.

В липицкой культуре известны немногочисленные кружальные трехручные вазы, но также другого облика (Цигилик 1975: 98; рис. 45: 1) (рис.6 : 10).

В керамике карпов иногда встречаются трехручные сосуды. Г.Бикир отмечает два экземпляра с поселения Бутнарешть и один из некрополя Барбоаса. По его мнению, для этой формы существуют гето-дакийские прототипы эпохи латена (Bichir 1973: 85; pl. CVIII: 1, 2) (рис. 6: 8, 9). Сосуды из Бутнарешть имеют плоский горизонтальный венчик и кольцевой поддон. Их ручки ленточные. В целом эти сосуды сравнимы с раннечерняховскими. Следует, однако, обратить внимание на то, что у карпов они достаточно редки. Кроме того, известно несколько трехручных урн с крышками (Bichir 1973: 87; pl. CXLII: 1, 2). Они хотя и трехручные, но по форме ничего общего с черняховскими вазами не имеют. К тому же они красного цвета. Все это заставляет воздержаться от предположения о серьезных генетических связях этих сосудов у карпов и в черняховской культуре.

В культуре Милитарь Килия на ее позднем этапе спорадически встречаются трехручные сосуды (Bichir 1984: 35; pl. XIX: 1) (рис. 6: 12). Ручки у них ленточные с одним или двумя продольными желобками. Дно на кольцевом поддоне. Тулово округлое. И в этом случае Г. Бикир пишет, что они имели прототипы в гето-дакийской керамике эпохи латена. Кроме того, он отмечает, что эта форма испытала сильное римское влияние и отстоит от черняховских трехручных ваз дальше, чем трехручные вазы карпов.

В вельбаркской культуре трехручные сосуды, хронологически пригодные для сравнения с раннечерняховскими вазами, имеют с ними лишь весьма общее сходство (Wołągiewicz 1993: tabl. 28: 1, 5) (рис. 6: 15,16) и вряд ли могут быть

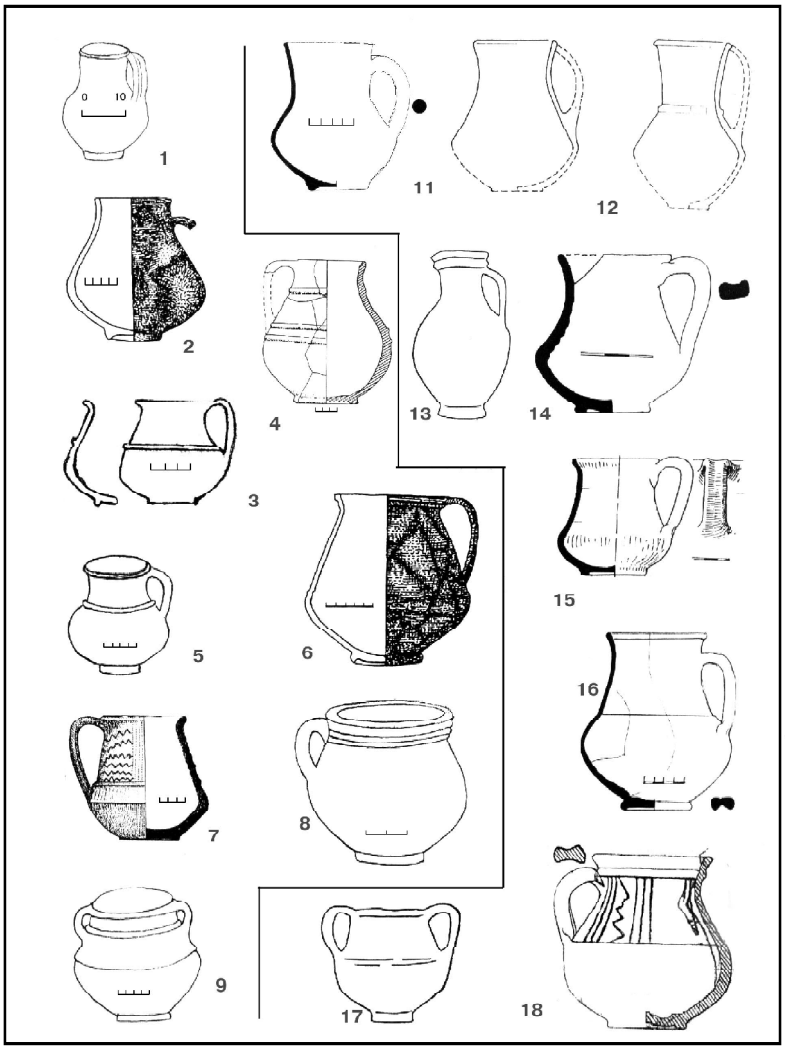

Рис. 7. Кувшины и кружки. 1-9 - черняховская культура: 1 - мог. Городница; 2, 6 - мог. Романковцы, п. 47; 3 - мог. Журовка. п. 34; 4 - мог. Завадовка, п. 5; 5, 8, 9 - мог. Чернелив Русский, п. 130, 46, 131; 7 - мог. Данчены, п. 371. 10-18 - материалы для сравнения: 10, 14-16 - карпы; 11, 12 - пшеворская культура; 13, 17 - липицкая культура; 18 - даки Мунтении.

прямыми генетическими прототипами. Единственный наиболее близкий черняховским вазам сосуд происходит из Масломенжа (Wołągiewicz 1993: tabl. 18: 4).

Проблемой происхождения трехручных ваз в черняховской культуре занимался Б.В. Магомедов (Магомедов 1997; 1998: 144). Результаты его исследования трудно сопоставимы с нашими наблюдениями, потому что он рассматривает черняховские вазы без подразделения их на хронологические группы. Тем не менее, общее его заключение, опирающееся, в частности, и на исследование Т. Домбровской, представляется возможным. Он полагает, что существование трехручных ваз в черняховской культуре связано с объединенным пшеворским и вельбаркским влиянием, а «...для некоторых типов черняховских ваз исходные формы прослеживаются на территории современной Дании». Что касается рассматриваемых раннечерняховских сосудов, то, по нашему мнению, они представляют собой вполне сложившуюся форму, уже заметно отстоящую и от пшеворских, и от ютландских прототипов и не находящую себе убедительных аналогий в вельбарском материале. Пожалуй, лишь пшеворская струя выражена в них наиболее ощутимо.

Кувшины и кружки (рис.7: 1-9) – это две формы, которые временами трудно различить. Анализируемая выборка слишком невелика, чтобы позволить четко провести их разграничение и мы не будем этим заниматься, условно именуя все учтенные сосуды кувшинами. При этом, разрабатывая им аналогии, мы будем пользоваться и сведениями о таких сосудах, которые изучающие их исследователи именуют кружками.

Все учтенные раннечерняховские сосуды, за одним исключением одноручные. Три кувшина имеют округлое тулово (рис. 9: 1, 4, 5, 9), четыре (рис. 7: 2, 3, 6, 7) – округло-биконическое, с расположением максимального диаметра ниже середины высоты сосуда. Венчик в виде простой закраины слегка отогнут наружу. Днища на кольцевом или плитчатом поддоне. Ручки верхним концом обычно прикреплены к венчику, нижним – к плечу. Часть сосудов украшена валиками (рис. 9: 3-7, 9).

В целом создается впечатление, что для начальной стадии культуры кувшины малоха-

рактерны и не являются широко распространенной частью погребального инвентаря, как это станет нормой поздней. Их форма проста и далеко отстоит от индивидуальных изощренных кувшинов более позднего времени. Биконические формы с четко выделенным ребром, столь характерные для развитой черняховской культуры, полностью отсутствуют. Реберчатых форм нет. В целом типичный облик черняховских кувшинов еще не сложился. В этом отношении показательно, что раннечерняховские кувшины не удается сравнить с формами, которые были типологизированы Б.В.Магомедовым как типично черняховские (Магомедов 1973; 1977: 114-115; рис. 1). Набор раннечерняховских форм достаточно разнообразный и из-за этого и по причине малого объема выборки трудно поддается систематизации.

Для пшеворской культуры в рассматриваемое время кувшины малохарактерны и начинают широко распространяться лишь в фазе D, то есть синхронно с развитой черняховской культурой (Dobrzańska 1980: ryc. 19). В керамике гончарных мастерских Малопольши в фазе C1b выделены два типа № 25 и № 26 одноручных кувшинов с округло-биконическим туловом и расширяющимся кверху горлом (Dobrzańska 1990, I: ryc. 12; II: ryc. 19) (рис. 7: 11, 12). Максимальный диаметр у этих сосудов расположен ниже середины их высоты. Однако их сопоставление с раннечерняховскими кувшинами с таким же расположением наибольшего диаметра, вряд ли возможно, так как пшеворские сосуды имеют выраженную горловину и их форма в целом оказывается иной.

В гето-дакийских культурах разнообразные одно- и двуручные кувшины были распространены весьма широко. В липицкой культуре известны одноручные гончарные сосуды с округлым туловом (Цигилик 1975: рис. 48: 7-9) (рис. 7: 13). С ними более или менее сходен кувшин из Городницы (рис. 7: 1). Особенностью липицких двуручных сосудов является выступание ручек над уровнем венчика, что не характерно для черняховской культуры (Цигилик 1975: рис. 48: 1-6) (рис. 7: 17). Сравнение с липицкими материалами, на наш взгляд, не дает основания для серьезных выводов.

В культуре Поянешть-Выртишкой одноручные кувшины весьма многочисленны и разнообразны. Они сероглиняные, часто с пролощенным орнаментом. Раннечерняховские округлобокие сосуды могут быть сопоставлены с некоторыми из них (Bichir 1973: pl. CXXI: 1; CXXIV: 2, 4, 5; CXXV: 5; CXXVI: 3; CXXXIII: 3, 4; и др.) (рис. 7: 16). Однако кувшины карпов в массе несколько иные. В частности у них часто встречается широкое и высокое цилиндрическое горло. Сосуды с низким положением максимального диаметра, с которыми можно сопоставить соответствующие раннечерняховские, тоже были массовой формой (Bichir 1973: pl. CXXIII : 1-5; CXXIV: 1, 2, 4; CXXV: 2, 3) (рис. 7: 14, 15). Однако среди них много и не сопоставимых с раннечерняховскими. По мнению Г. Бикира, кувшины карпов имели местное происхождение и их корни находятся в гето-дакийской керамике эпохи латена. Значительного римского влияния на развитие этой формы посуды он не видит (Bichir 1973: 83). Двуручные сероглиняные кувшины тоже широко применялись у карпов (Bichir 1973: pl. XCIV, CXV, CXVII, CXX). Г. Бикир называет их амфорами и полагает, что одни их формы местного происхождения, а другие – результат римского влияния. В целом они довольно далеки от единственного учтенного двуручного черняховского сосуда, хотя бы за счет широкого применения на них пролощенного орнамента.

В культуре Милитарь Килия все кувшины сероглиняные. Профиль тулова округлый (Bichir 1984: pl. XX: 1, 6; XXIV: 1, 3, 5, 8) (рис. 7: 18). У части сосудов венчик имеет дополнительную профилировку. Обычно верхний край ручки прикреплен над венчиком. Применялся пролощенный орнамент. Все это не характерно для кувшинов черняховской культуры. По мнению Г. Бикира, одни формы могут быть местного происхождения, другие – сложились под римским влиянием. Двуручные экземпляры редки и встречаются лишь в позднее время (Bichir 1984: 35). Сравнение раннечерняховских сосудов с кувшинами, применявшимися у даков Мунтении, выглядит достаточно общим и формальным и не приводит к серьезным выводам.

В керамике Олтении кувшины как одноручные, так и двуручные, чрезвычайно многочисленны. Они красноглиняные, реже встречаются сероглиняные (Popilian 1976: 95-108). Формы чрезвычайно разнообразны. Истоки отдельных из них могут быть местными, но в целом в этой посуде сильно проявляется провинциально-римское влияние. Сравнение с ними раннечерняховских форм не результативно.

В Верхнем Потисье одноручные кувшины – обычная форма сероглиняных сосудов, однако в целом они иные, чем раннечерняховские (Котигорошко 1995: рис. 21, 23: 1-4).

Таким образом, если сравнивать раннечерняховские кувшины с материалами гето-дакийских культур, то очевидно, что убедительные аналогии можно обнаружить только среди отнюдь не преобладающей, но и не малой части форм кувшинов культуры Поянешть-Выртишкой, то есть карпов. Это явление уже не раз отмечалось исследователями, в том числе Б.В.Магомедовым, для черняховских кувшинов во всем хронологическом диапазоне их существования.

В целом анализ возможных путей генезиса раннечерняховских кувшинов дает размытую и неопределенную картину. Отметим, что в зоне сложения черняховской культуры в предшествующее время кувшины не были распространены. Следовательно, эта форма сосудов явля-

ется привнесенной с другой территории. Связи с пшеворской культурой не наблюдается, тем более, что и для нее в раннее время кувшины не характерны. Возможность связи с дакийской керамической традицией, конкретно с кувшинами только карпов, выглядит какой-то «однобокой». Если допустить прямое заимствование, то остается непонятным, почему оно было выборочным. Почему, например, кувшины с высоким цилиндрическим горлом совсем не были усвоены, хотя у карпов они обычны. То же можно сказать и о других карпских кувшинах. Все проведенные сравнения показывают, что округлобокие раннечерняховские кувшины не имеют явных прототипов в культурах циркумкарпатского региона. Их отношение с точки зрения генезиса к кувшинам гето-дакийских культур, в первую очередь к культуре карпов, вряд ли можно решать только на основе формально-типологического сходства. Необходимо выяснение исторической возможности такой связи. Не исключено, что раннечерняховские кувшины – явление самостоятельное и параллельное по отношению к сосудам карпов. Поскольку у последних они местного происхождения, то говорить об общих истоках вообще не приходится.

Происхождение двуручных кувшинов обычно связывают с античным влиянием и возводят их к амфорам. Г. Бикир так и называет их в материалах карпов амфорами (Bichir 1973: 80). Параллельно существует и иное мнение по вопросу об их происхождении, а именно на основе двуручных сосудов вельбаркской культуры (Каспарова, Щукин 1979: 163-164; рис. 13). Пока чисто умозрительно можно допустить параллельное существование обоих источников сложения этой формы. Очевидно, необходим ее более детальный анализ с разработкой внутренней типологии этих сосудов, чего на нашем материале сделать нельзя и потому для раннечерняховского керамического комплекса этот вопрос остается открытым.

Вопрос о происхождении биконических сосудов, которые иногда именуют кружками (рис. 7: 3, 6, 7), уже не раз привлекал к себе внимание исследователей. К.В. Каспарова и М. Б. Щукин пришли к выводу о том, что они восходят к вельбаркской культуре и через нее к лужицко- поморско-подклешевой среде (Каспарова, Щукин 1979: 161, рис. 12). С этим мнением соглашается Б. В. Магомедов (Магомедов 1998: 145), отмечая при этом наличие кружек у гето-даков. Сравнительные материалы, использованные К. В. Каспаровой и М.Б.Щукиным, действительно выглядят весьма убедительно. Нельзя не согласиться и с их мнением о том, что представление о восточных сарматских истоках формирования черняховских биконических кружек (Корпусова 1971) не очень убедительно. Тем более, оно мало приемлемо для определения происхождения раннечерняховских сосудов, учитывая весьма малое влияние сарматов на черняховскую культуру на ее начальном этапе (Гудкова, в печати).

Кубки (рис. 8: 1-6). По форме они делятся на два типа. Первый – это миниатюрные мисочки и горшочки, ничем не отличающиеся от крупных столовых сосудов. Пролощенный орнамент применялся на них редко, валики – несколько чаще. Среди них выделяется кубок из Данчен, богато украшенный валиками и пролощенным орнаментом и имеющий форму собственно кубка (рис. 8: 7). Миниатюрные сосудики в виде мисочек и горшочков распространены в черняховской культуре достаточно широко, но в силу их малой выразительности и банальности формы на них редко обращают специальное внимание. Второй тип – обычные для черняховской культура периода ее расцвета полусферические кубки с богатым индивидуальным штампованным и чеканным орнаментом (рис.8 : 8, 9). Такие сосуды можно считать признаком развитой черняховской культуры, но, как видим, они появляются на ее раннем этапе.

В пшеворской культуре миниатюрные горшочки, мисочки и сосудики, форму которых не определишь иначе как собственно кубки, известны как отдельные находки еще в фазе C1b (Dobrzańska 1980: ryc. 14: c; tabl. II; 1990, I: ryc. 11: № 12, 22) (рис. 8: 10, 12, 13) и широко распространяются в фазе D, то есть синхронно с развитой черняховской культурой, становясь определенным типом посуды. Тогда же появляются формы, близкие кубку из Данчен (рис. 8: 7) (Dobrzańska 1980: ryc. 13: a-l).

В культурах даков кубки изредка применялись в качестве погребального инвентаря. Это собственно кубки усечено-конической формы (Вакуленко 1977: рис. 22: 6; Bichir 1973: pl. CXI: 4) (рис. 8: 14). В Восточной Словакии миниатюрные сосудики, которые, возможно, служили кубками, зарегистрированы в раннеримское время (Lamiowa-Schmiedlowa 1969: Abb. 37: 8-11) (рис. 8: 15-17).

Наиболее выразительные аналогии находим в керамике вельбаркской культуры. Это сосуды группы XVIII A, B, C и, возможно, группы XVII и XIX (Wołągiewicz 1993: tabl. 34, 35, 36, 38). Однако о сходстве конкретных форм говорить нельзя. Они так же разнообразны, как и у раннечерняховских кубков. Некоторые вельбаркские кубки близки полусферическим орнаментированным черняховским (рис. 8: 18-20). Возможно, эта аналогия и объясняет раннее появление кубков второго типа.

Таким образом складывается впечатление, что формирование раннечерняховских кубков в наибольшей мере связано с традициями пшеворской и вельбаркской культур.

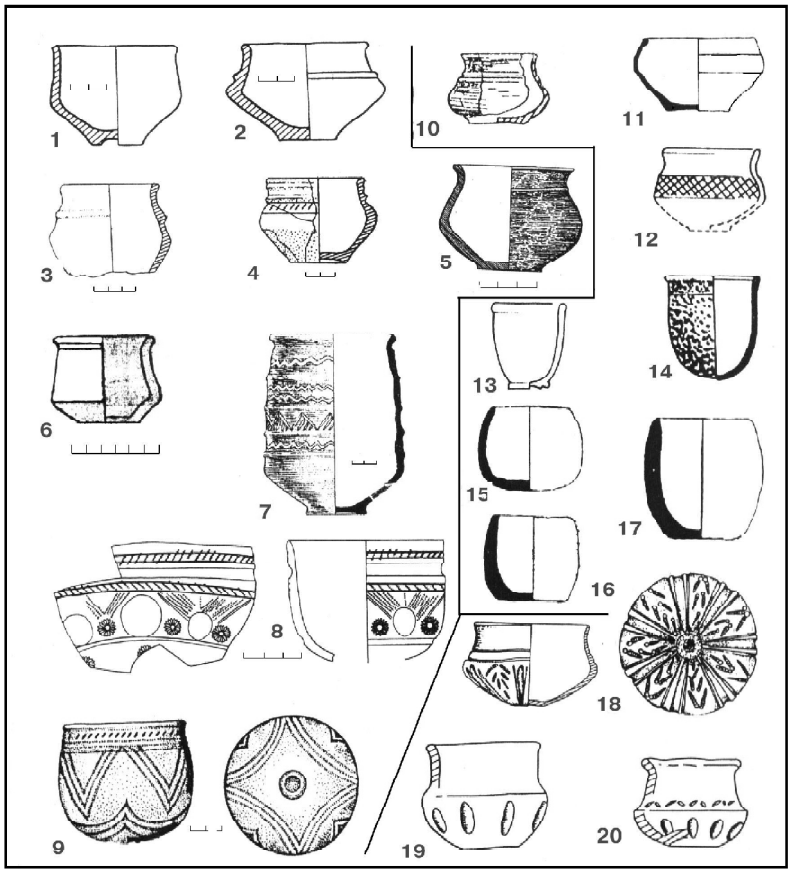

Рис. 8. Кубки. 1-9 - черняховская культура: 1, 2 - мог. Деревянное; 3, 4 - мог. Завадовка, п. 5, 2; 5, 8 - мог. Романковцы, п. 105, 47; 6 - мог. Журовка, п. 34; 7, 9 - мог. Данчены, п. 10, 371. 10-20 - материалы для сравнения: 10, 12, 14 - пшеворская культура; 11, 15-17 - Восточная Словакия; 14 - культура карпатских курганов; 18-20 - вельбаркская культура.

Хозяйственная грубоглиняная керамика

Грубоглиняная керамика состоит преимущественно из кухонных горшков, реже встречаются кувшины и миски. Известны также и зерновики, то есть большие сосуды для хранения запасов. Шероховатые горшки присутствуют среди ранних форм черняховской керамики, но в погребальных памятниках они достаточно редки. Они найдены в погребениях могильников Журовка, Завадовка и Данчены. Кроме того, в Данченах и Журавке известны находки шероховатой посуды среди вторично обожженных черепков в заполнении могильных ям. В ранней фазе культуры, видимо, еще не существовала практика широкого использования этих горшков в погребальном ритуале, что станет нормой в более позднее время. В повседневном же быту такая посуда применялась достаточно широко. Об этом свидетельствуют материалы поселения Незвиско. Не вдаваясь в подробности его сложной стратиграфии, остановимся на материалах из хозяйственных ям № 31 и № 32, которые Г.И.Смирнова и М.Б.Щукин определяют как закрытые раннечерняховские объекты. В них среди другой керамики были найдены обломки нелощеных грубоглиняных гончарных сосудов, характерных для черняховских комплексов этого поселения (Смирнова 1964: 211, 212).

Сведения об употреблении шероховатой керамики раннечерняховским населением, полученные в Незвиско, подтверждаются массовым материалом нижнего слоя городища Башмачка. К сожалению, подробное описание шероховатой керамики сделано на этом памятнике суммарно для нижнего и верхнего горизонта. Так же дана и типичная форма шероховатого горшка (Смиленко 1992: 72; рис. 33: 11, 12) (рис. 9: 4). Полный послойный количественный учет грубоглиняной керамики (Смиленко 1992: 26; табл. 1) позволил дать их процентное соотношение со столовой керамикой. Если общее количество черепков этих двух категорий посуды взять за 100 % , то доля грубоглиняной керамики составит 30 %, то есть она была широко распространена, составляя почти треть всей посуды. В то же время при описании керамики нижнего слоя Башмачки А.Т.Смиленко приводит и другую цифру. Она пишет: «На городище Башмачка кружальные кухонные горшки (вид 1) (грубоглиняные – А.Г.) обязательно имеются во всех ранних постройках, правда, в количестве значительно меньшем, чем лощеные сосуды. В среднем кухонная керамика в раннем периоде составляла около 18 %» (Смиленко 1992: 87). Для нас важно то, что при любой из этих количественных оценок шерохова-

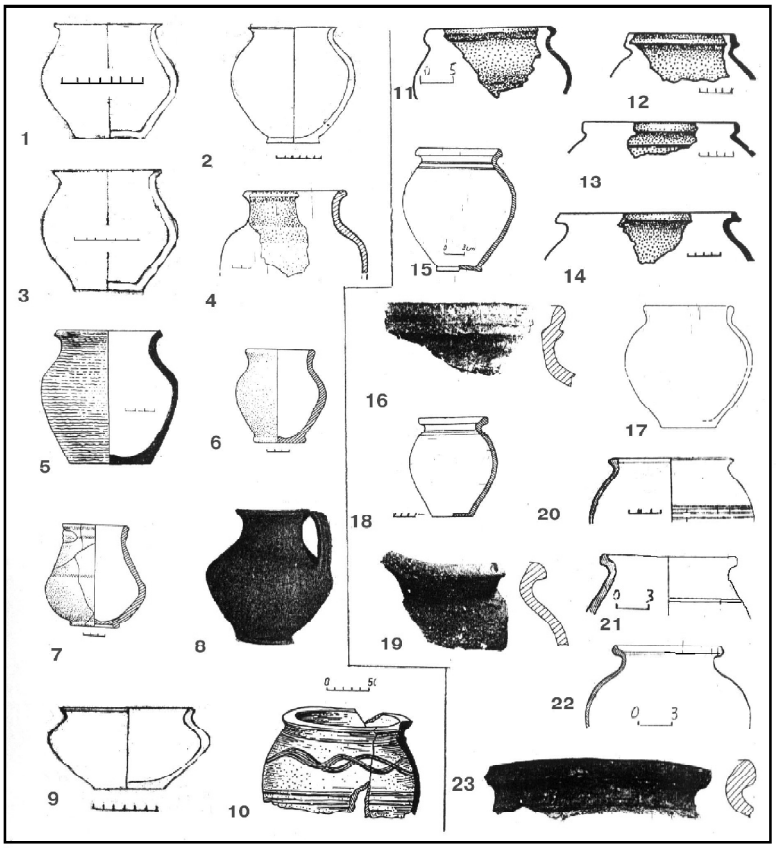

Рис. 9. Грубоглиняная керамика. 1-10 - черняховская культура: 1-3, 9 - мог. Журовка, п. 33; 4 - городище Башмачка; 5 - мог. Данчены, п. 371; 6, 7 - мог. Завадовка, п. 1, 2; 8 - мог. Раковец Чесновский, п. 4; 10 - поселение Черепин, строение 5. 11-23 - материалы для сравнения: 11-14 - культура карпатских курганов; 15, 18 - даки Олтении; 16, 19, 23 - Восточная Словакия; 17 - пшеворская культура; 20-21 - даки Мунтении.

тые кухонные горшки оказываются значительной составляющей частью керамического комплекса городища.

Есть сведения, что шероховатая керамика найдена также в ранних строениях на поселениях Верхнего Днестра и Западного Буга, где ее меньше, чем столовой посуды (Баран 1981: 89), хотя позднее она преобладает. Очевидно, что изготовление и употребление шероховатой керамики на ранней фазе культуры было обычным. Формы этой посуды свидетельствуют, что она появилась в черняховской культуре в уже сложившемся виде.

Ранние грубоглиняные горшки (рис. 9: 1-6) имеют преимущественно округлую форму. Венчик имеет вид простого края стенки без дополнительной профилировки, иногда немного утолщен. Дно оформлено по-разному: на плиточном поддоне или без него. Фомы двух учтенных одноручных *кувшинов* (рис. 9: 7,8) и одной *миски* (рис. 9: 9), как обычно в черняховской культуре, повторяют формы столовых сосудов и потому самостоятельного интереса для анализа не представляют.

В пшеворской культуре в южной части ее ареала шероховатая керамика была хорошо известна. В мастерских Иголоми, в Зофиполе и Новой Гуте она являлась основной продукцией. Много пунктов с керамикой этого типа известно в Верхней и Нижней Силезии. Спорадически она встречается в Средней Польше и известна в Куявах и левобережной Мазовии. Х.Добржанская полагает, что она появилась в фазе B2\C1 (Dobrzańska 1990, II: 107, 109). Среди горшков здесь есть форма, с которой вполне сопоставимы ранние черняховские сосуды (Dobrzańska 1990, I: rус. 13: 39) (рис. 9: 17). Она появляется в фазе C1b.

В культуре карпатских курганов кружальная керамика по технологии изготовления делится на две группы, одну из которых составляют шероховатые изделия. Они производились местными гончарами. Стратиграфия раскопанных памятников и недостаток датирующего материала пока не позволяет сказать, появилась ли шероховатая керамика с самого начала существования культуры во II в. н.э. или же несколько позднее. Во всяком случае, в середине III в. она уже производилась в мастерских Печенежина. По составу теста и способам обработки поверхности они составляют две разновидности. Одна из них — это так называемая посыпная керамика со светло-коричневым черепком и очень большим содержанием крупнозернистых примесей. Другая – шероховатые горшки, такие же как в черняховской культуре (Вакуленко 1977: 26, 28; табл. V: 21; табл. XI: 8, 9; табл. XIV: 9, 12, 13, 15, 20) (рис. 9: 11-14). От раннечерняховских их отличает только более сложная профилировка венчика. Это само по себе исключает заимствование таких горшков из черняховской культуры.

В Мунтении шероховатая посуда была составной частью керамики. Г. Бикир описывает

ее как особую категорию посуды (Bichir 1984: 37-38; pl. XXIII: 1-7; XXV: 1, 4; LX: 3-5) (рис. 9: 20-22). На тех памятниках, где возможны подсчеты, ее количество достигает 35%. От раннечерняховских здешние горшки отличаются усложненной моделировкой венчика, как в культуре карпатских курганов, и наличием на отдельных экземплярах орнамента в виде прочерченных линий. Г.Бикир полагает, что эта посуда была результатом прямого воздействия провинциально-римского гончарства (Bichir 1984: 38).

В Олтении бытовала подобная же шероховатая посуда, но здесь она отличается еще большей сложностью профилировки венчиков и разнообразием форм (Popilian 1976: 84-87; pl. XXXIII, XXXIV, XXXV: 343-346) (рис. 9: 15, 18). В сравнении с ними раннечерняховские горшки выглядят очень простыми, даже примитивными.

В Восточной Словакии в первых веках н.э. тоже была известна шероховатая посуда. Она тонкостенная. Цвет черепка варьирует от красно-коричневого до красного, реже встречается сероглиняная. Преобладающая форма – горшки (Lamiova-Schmiedlova 1969: 462; Abb. 25: 1, 2, 9, 11; 37: 12) (рис. 9: 16, 19, 23). На них встречается орнамент в виде горизонтальных прочерченных концентрических линий. Часть форм аналогична ранненчерняховским, другие же имеют сложную профилировку венчика. В этом регионе такая посуда появляется в раннеримское время.

В заключении отметим, что в липицкой культуре и у карпов шероховатые горшки не применялись. Тем более они не известны в вельбаркской культуре.

Происхождение грубоглиняной шероховатой посуды, безусловно, в первую очередь горшков, связано с провинциально-римским гончарством, в частности с мастерскими Аквинкума и других центров Среднего Подунавья, Северной Фракии и на Рейнском лимесе. Это мнение достаточно прочно утвердилось в литературе. Шероховатая гончарная керамика как тип хозяйственной посуды появилась во II в. н.э., то есть еще до сложения черняховской культуры. Установлено, что гончарные мастерские античных городов Северного Причерноморья не сыграли никакой роли в появлении этого типа посуды в черняховской культуре (Гудкова, Крапивина 1990). Отсутствие шероховатой керамики в липицкой культуре и позднее у карпов в культуре Поянешть-Выртешкой, иной облик форм горшков – и особенно профилировки их венчиков в материалах Мунтении и Олтении, – свидетельствуют о том, что шероховатая посуда проникла к черняховскому населению не от свободных даков и не из гончарных мастерских Нижнего Подунавья. Она распространилась на восток из Среднего Подунавья. Поскольку гончарные мастерские Малопольши специализировались на производстве именно такой керамики, то вполне естественно думать, что они сыграли определенную роль в ее распространении далее на восток. Разная профилировка венчиков грубоглиняных горшков в культуре карпатских курганов и в раннечерняховских комплексах свидетельствует о сложности этого процесса, детали которого пока остаются неясными.

Зерновики имели некоторое распространение на ранних памятниках, но формы их почти не известны. Это связано с тем, что они никогда не входили в состав погребального инвентаря и их можно изучать только по материалам поселений. Возможности же для этого пока очень малы. В нижнем слое поселения Черепин в жилище № 5 (заполнение которого представляет собой закрытый комплекс) найдена верхняя часть типичного черняховского зерновика. Он украшен волнистыми и горизонтальными линиями, прочерченными гребенкой (рис. 9: 10). Возникновение жилище датируется концом II в. (Баран 1981: 132). Эта находка зерновика в раннем черняховском комплексе пока единственно достоверная. В нижнем слое Башмачки, в керамике которого так широко представлены шероховатые горшки, наличия зерновиков не отмечено. Такая мизерность материала заставляет нас воздержаться от анализа генезиса зерновиков в ранней черняховской культуре. Скажем лишь, что они, скорее всего, были ей присущи.

Итак, мы рассмотрели все, включая единичные, формы раннечерняховской столовой и кухонной кружальной керамики и провели сопоставительный анализ каждой из них с материалами культур первой четверти I тыс. н.э. в зоне вокруг Карпат. Это позволило попытаться определить истоки их появления в черняховской культуре. Соответствующие выводы были сделаны по каждой из выделенных групп и по уникальным сосудам. На этой основе становится возможным создать представление о связи всего рассматриваемого комплекса с керамикой каждой из культур, материалы которых были привлечены для сравнения. Связь с пшеворской культурой фиксируется по линии всех открытых мисок, за исключением *трех* единичных форм (одна из них вельбаркская, а две – аналогий в циркумкарпатском регионе не имеют), и не столь сильно, но все же существует по линии закрытых округлых и округло-биконических. Явная связь видна по трехручным вазам и миниатюрным сосудикам-кубкам в виде горшочков и мисочек. Чрезвычайно интересно, что часть этих пшеворских связей наблюдается и в материалах памятников Восточной Словакии. Там открытые округлые миски типа 1, первая единичной миска этого же типа и миски с выгнутой шейкой типа 2 трактуются местными исследователями как пшеворские по происхождению. Известны в этом районе и миниатюр-

ные мисочки и горшочки. Примечательно, что Восточная Словакия дает аналогии только пшеворского происхождения. Связи с пшеворской культурой для части перечисленных форм подкрепляются материалами на крайнем востоке ее ареала в Верхнем Поднестровье и Западном Побужье.

Возникает необходимость объяснения пшеворских связей. Рассмотрим их возможность с хронологической точки зрения. Имеется в виду определение времени возникновения гончарства и гончарных центров у пшеворского населения. Мнения по этому поводу не совпадают. Их обзор приведен О.В.Шаровым (1999: 32-33). Разница в датировках Л.Гаевского и К.Годловского составляет до полувека от 200 г. и до середины III в., что для нашей темы имеет принципиальное значение. Х.Добржаньска в своей монографии по Иголоми (Dobrzańska 1990, II: 32-33) выделяет три периода существования поселения в Иголоми. Нас интересует первый и второй. Первый датируется фазой C1a по К.Годловскому, то есть относится ко второй половине II – первому десятилетию III в. В этом периоде в сравнительно небольшом количестве появляется гончарная керамика и функционируют некоторые керамические горны. Второй период датируется переходом между фазами C1a и C1b и фазой C1b, то есть переход в абсолютных датах приходится на период от 110 до 130 г. и период C1b длится до 160 г. Это время расцвета поселения и функционирования большого количества обжигательных печей. Наши дальнейшие рассуждения мы базируем на этих определениях Х.Добржаньской.

Итак, о пшеворских связях. Они чисто логически могут быть двоякими, но для обоих вариантов истолкования необходимо учитывать, что речь не идет о наследовании черняховскими гончарами собственно пшеворской керамической традиции, а о передаче через пшеворскую культуру кельтского (латенского), германского и провинциально-римского влияния, поскольку большинство пшеворских аналогий фиксируется в самой пшеворской культуре лишь с периода C1b и не имеет корней в керамике предшествующего времени, то есть эволюционно с ней не связаны. Исключением являются только трехручные вазы и, – в определенной мере, – кубки первой группы. Однако представляется, что эти две формы сосудов имеют не только этно-культурную, но и сакрально-ритуальную характеристику. Их наличие в других культурах Центральной и Северной Европы, – и частично у карпов, начиная еще с последних веков до н.э., может указывать на существование у большого круга разноэтничного населения в чем-то сходных сакральных представлений. Поэтому история распространения таких сосудов может быть совсем иная, чем у чисто бытовой посуды. Такое предположение делает понятным широкий территориальный и культурный разброс аналогий этим сосудам.

Вернемся к двум вариантам посреднической роли пшеворской культуры. Первый: воспринятые пшеворскими гончарами влияния были ими переданы другим группам населения на территорию, где происходило формирование черняховской культуры. Это была передача моды и технологических новшеств без значительного перемещения населения с запада на восток. Сразу оговорим, что, хотя теоретически такой процесс и возможен, но в исторических условиях рассматриваемого периода он в чистом виде не реален. Скорей всего, он был сопровождающим фактором в процессах второго варианта. Возможно, в какой-то мере именно так шло распространение грубоглиняной шероховатой керамики из провинциально-римских гончарных мастерских. Поскольку пшеворские керамические центры, в значительной части специализировавшиеся на производстве этой посуды, возникли еще до сложения черняховской культуры, то в нее она могла попасть при их посредстве.

Второй вариант — это распространение на восток влияний трех названных типов в результате миграционных процессов. Об этом несколько подробней — ниже.

Гончарная керамика липицкой культуры не дает убедительных и весомых аналогий. Надо особо подчеркнуть, что грубоглиняная шероховатая хозяйственная посуда в этой культуре вообще не применялась. Не исключено, что существование липицкой культуры прекратилось до появления в этом регионе такой керамики. Хронологическое смыкание липицкой и черняховской культуры, скорей всего, не имело места. Все это заставляет полагать, что липицкая культура не оказала заметного влияния на формирование раннечерняховской кружальной посуды. Это идет вразрез с мнением ряда исследователей, но факты – упрямая вещь.

Интересные результаты дало сопоставление черняховского материала с керамикой культуры карпатских курганов. Только в ней есть явные аналоги закрытым реберчатым биконическим мискам, столь типичным для черняховской культуры. Поскольку в других гето-дакийских культурах таких сосудов практически нет, то естественно связать их появление с внешним влиянием, с заимствованием. Трудно допустить, что черняховская культура на своей начальной стадии, когда ее керамика только еще формировалась, могла быть источником появления таких сосудов в культуре карпатских курганов. Скорей всего, происхождение таких мисок связано с территорией, а значит, и культурой или культурами, за пределами циркумкарпатского региона. Значение вельбаркской культуры в сложении и распространении этих форм мы оцениваем как весьма малое.

Аналогии в керамике карпов весомы, но не

охватывают не только всего, но даже и преобладающего набора раннечерняховских сосудов. Они очевидны для двух разновидностей типа 2 открытых мисок и для кувшинов, включая и те формы, которые часто называют кружками. При этом, как уже отмечалось, репертуар форм кушинов в керамике культуры карпов значительно шире, чем в раннечерняховской посуде. Такой выборочный и ограниченный характер сходств ставит под сомнение возможность прямого и непосредственного заимствования форм сосудов у карпов, даже, если подходить к этому вопросу с чисто типологических позиций. Требуется какая-то иная трактовка наблюдаемых аналогий. Возможно, предположение о том, что был какой-то общий исток, который повлиял на появление интересующих нас форм и у карпов, и в раннечерняховской культуре. Однако с этим не согласуется упоминавшееся выше утверждение Г. Бикира о том, что эти формы керамики имеют у карпов местное происхождение. Если это мнение правильно, то логически возможно другое решение вопроса, а именно, что карпские по происхождению формы в профильтрованном виде попали в черняховскую культуру через посредника. Это только логическое предположение и вопрос в целом остается открытым и требующим специального изучения. Не исключено, что карпские аналогии могут иметь генетическое значение, – по крайней мере, так думают многие исследователи, занимавшиеся проблемой происхождения сероглиняной керамики, – и потому заслуживают особого внимания.

Аналогии, выявленные в керамике даков Мунтении, Олтении и у населения верхнего Потисья совершенно очевидно характеризуются ярко выраженным влиянием провинциально-римского гончарства. Набор разновидностей форм сосудов разнообразней, чем в черняховской культуре. Они более разработаны и изощренны. Часть форм известна не только в сероглиняном, но красноглиняном варианте. Общеизвестно, что провинциально-римские гончары усвоили и переработали на высоком профессиональном уровне многое из кельтской и дакийской керамической традиции. Этот круг аналогий является параллельным по отношению к пшеворскому, но не свидетельствует ни о каких прямых и непосредственных отношениях и заимствованиях.

Оценка роли вельбаркского керамического наследия весьма важна, поскольку носителей черняховской культуры часто прямо и непосредственно отождествляют с готами. И хотя только по керамике вопрос о правильности такого отождествления не решается, тем не менее, рассматриваемая проблема может дать много для понимания этого вопроса. При оценке вельбаркских аналогий бросается в глаза, что из всего богатства форм вельбаркской керамики для сравнения могут быть привлечены только немногие группы, а именно, группа XaA для первой уникальной миски нашего типа 1 и для типа 2 открытых округлых мисок; группа VI A – для типа 1 закрытых округлых мисок; некоторые сосуды из группы VI A и группа VI C – для типа 2 (с низким положением максимального диаметра) тоже закрытых округлых мисок; группа VI B – для закрытых реберчатых биконических мисок. Наблюдается общее сходство для кубков нашего первого типа и несколько более яркое (но не массовое) – для кубков второго типа. По поводу трехручных ваз следует сказать, что в вельбаркской культуре они существовали, но формы их иные и прототипами для ваз черняховской культуры они служить не могли. Сопоставление вельбаркских кувшинов и кружек с раннечерняховскими не продуктивно. На основе всего изложенного правомерным представляется вывод о том, что вельбаркская керамика не послужила основой для формирования форм раннечерняховской.

Выходя за хронологические рамки нашей темы, отметим, что вельбаркские аналогии оказываются более значимыми для керамики периода расцвета черняховской культуры. Видимо, по этой причине у ряда исследователей, которые рассматривают черняховскую керамику в целом, без внутреннего хронологического членения, и возникает представление о большой роли в ней вельбаркского наследия. Предварительно складывается впечатление, что связь с вельбаркскими формами посуды проявляется сильнее в уже развитой черняховской культуре. А может быть, это явление надо понимать совсем по-другому. Оно может быть связано с тем, что у вельбаркских племен времени сложения черняховской культуры кружальная керамика еще не применялась. Поскольку она появилась в период расцвета черняховской культуры, то это могло произойти под воздействием последней, то есть заимствование шло из черняховской среды в вельбаркскую, и не только форм сосудов, но и самого гончарства. Однако на этих наблюдениях мы сейчас останавливаться не будем. В целом сравнение раннечерняховской керамики с вельбаркской дает по типу сходную, но несколько более насыщенную в количественном отношении картину, как и при сравнении с керамикой карпов. Это следует отметить потому, что однотипность ситуации дает косвенное подтверждение представлению о малой роли прямого воздействия вельбаркской керамики на формирование раннечерняховской. Для того, чтобы дотошно разобраться в смысле вельбаркских аналогий, необходимо в дальнейшем определить, как они соотносятся с керамической традицией других культур германцев. И еще надо учитывать взаимопроникновение пшеворской и вельбаркской керамики, возникшее за достаточно длительное время сосуществования этих культур на территории современной Польши и роли

оксывской культуры в сложении вельбаркской.

В итоге проведенного исследования можно сделать вывод, о том, что ни одна из культур циркумкарпатского региона и вельбаркская культура не послужили основным источником для формирования раннечерняховской керамики. Она возникла на основе мощного импульса, который, очевидно, сочетал в себе латенские, центрально-европейско-германские и провинциально-римские черты. Вопрос о дакийском вкладе остается открытым. Он мог быть опосредствован через провинциально-римское гончарство. Пока нет оснований предполагать о прямом и непосредственном вкладе культур дакийского круга в сложение раннечерняховской керамики. Вывод о латенском влиянии на сложение черняховской керамики не нов. Идея кельтского ренессанса широко распространена в литературе. В частности, она была ярко высказана М.Б.Щукиным в ряде его исследований. Конечно, речь не идет о прямом кельтском влиянии на формирование черняховской керамики. Передача латенского керамического наследия могла идти через влияние продукции провинциальных гончарных мастерских и через его заимствование отдельными германскими племенами. Фиксация именно в ранней черняховской керамике черт, которые не связаны ни с культурами циркумкарпатского региона, ни с вельбаркской культурой, позволяет продвинуться дальше в изучении этого вопроса. О разнотипных сероглиняных мисках культуры карпатских курганов изучающая ее Л.В.Вакуленко пишет: «Очевидно, распространение этих изделий на территории Карпато-Дунайского бассейна связано с влиянием гончарства придунайских римских провинций, где весьма ощутимыми были пережитки латенских традиций» (Вакуленко 1977: 27). Она отмечает, что часть форм этих мисок была распространена в черняховской культуре. Это мнение особенно симптоматично потому, что именно культура карпатских курганов дает наиболее богатый набор форм сероглиняных мисок, сходных с раннечерняховскими. *Мнение Смишко:* с особой яркостью воздействие провинциально-римского гончарства проявилось в наличии в раннечерняховской керамике грубоглиняной шероховатой посуды. Поскольку она явление надэтничное, то изучение путей и зон ее бытования в варварской среде позволяет как бы «в чистом виде» наблюдать распространение провинциально-римского влияния в гончарстве.

Мысль о том, что в основе процесса формирования раннечерняховской керамики лежит мощный импульс, сочетавший в себе латенские (в опосредствованном виде), центрально-европейско-германские и провинциально-римские черты находит подтверждение в появлении на поселениях поздних скифов в Северо-Западном Причерноморье пришлой сероглиняной гончарной керамики, которая практически неотличима от черняховской и включает как столовую лощеную с пролощенным орнаментом посуду, так и грубоглиняные шероховатые кухонные горшки. Зерновики обычной черняховской формы с широком плоским венчиком (Krausengefeasse) странным образом изготовлены из тонкого теста, применявшегося для столовой посуды (Gudkova 1999; Гудкова, Малюкевич 1999). Бытование этой керамики относится к первой четверти I тыс. н.э., то есть она существовала до сложения черняховской культуры. Это время определено на основании многочисленного датирующего материала, происходящего как с поселений, так и из погребальных комплексов. Указывая на эту керамику, мы отнюдь не хотим сказать, что ее распространение в Северо-Западном Причерноморье послужило основой формирования раннечерняховской гончарной сероглиняной посуды. Пути истории были значительно сложней. Появление этой керамики — результат пока еще не исследованного миграционного движения из Центральной и, может быть, частично Северной Европы, из какого-то района, где основные прототипы черняховской керамики возникли в начале нашей эры. Не исключено, что шероховатая провинциально-римская керамика была «захвачена» мигрантами по пути. Пока можно предположить, что формирование раннечерняховской керамики – результат миграционного импульса, вторично задействовавшего этот район.

Что представляли собой в этно-культурном отношении те люди, которые были носителями этого импульса? Ответ на этот вопрос вполне возможен, поскольку основная масса раннечерняховской керамики происходит из погребений, а они дают в этом отношении достаточно большую информацию. Конечно, они требуют с этой точки зрения специального исследования, но некоторые предварительные наблюдения достаточно очевидны уже и сейчас. Предварительно просмотрено в более или менее полном объеме 36 погребений, материалы которых использованы для настоящей статьи. Обобщенные фактологические данные выглядят следующим образом. В 12 погребениях присутствует вельбаркская лепная керамика, в 7 – пшеворская, в 7 – так называемые эльбские гошки со стянутым устьем и иногда с ногтевым орнаментом. Иногда эти признаки сочетаются в одном погребении. В нескольких погребениях известны прослойки из фрагментов вторично обожженной керамики. Есть неординарные погребальные конструкции. Ингумация преобладает над кремацией. Из индивидуальных находок представлены вещи центрально-европейского и римского (реже) происхождения: поясные пряжки, бронзовая чернильница, различные подвески (ведерковидные, янтарные грушевидные и др.). В одной пятой части погребений найдены вещи из зо-

лота и серебра. Такое количество находок из благородных метеллов необычно для черняховской культуры. Таким образом, налицо смешанный облик признаков. Те, кто формировал раннечерняховскую культуру и, конечно, ее керамику, происходили из Центральной и, может быть, Северной Европы, ареала пшеворской и вельбаркской культуры. Дакийских элементов не отмечено.

ЛИТЕРАТУРА

Бажан И.А., Гей О.А. 1992. Относительная хронология могильников черняховской культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.

Баран В.Д. 1981. Черняхівська культура за матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Киев.

Вакуленко Л.В. 1977. Памятки Підгір'я Українських Карпат першої половини I тисячоліття. Киев.

Винокур И.С. 1979. Ружичанский могильник // Могильники черняховской культуры. М.

Винокур И.С., Островский М.И. 1967. Раковецкий могильник // МИА 139. М.

Гей О.А., Бажан И.А. 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.

Гей О.А. 1993. Хронология черняховской культуры // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. М.

Герета І.П. 1978, 1980, 1981, 1983. Звіти про розкопки могилника черняхівськоі культури в селі Токи Підволочиського району Тернопільськоі області у 1978, 1980, 1981, 1983 роках. Научный архив ИА НАН Украины, № 1978/94, 1980/63а, 1981/104, 1983/109.

Герета І.П. 1976, 1977, 1979, 1980. Звіти про розкопки могильника черняхівськоі культури в селі Чернелів-Руський Тернопільського району Тернопільськоі області у 1976, 1977, 1979 1980 роках. Научный архив ИА НАН Украины, № 1976/51, 1977/38, 1979/52, 1980/63.

Гороховский Е.Л. 1988. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V международного конгресса археологов-славистов. Киев.

Гудкова А.В. 1991. Сероглиняная керамика Козырского городища // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон.

Гудкова А.В. 1997. Особенности этнокультурного процесса в черняховском обществе // Труды международного конгресса славянской археологии. Новгород 26-31 августа 1996 г. М.

Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1990. Сероглиняная керамика Тиры, Ольвии и черняховской культуры. Киев.

Гудкова А.В., Малюкевич А.Е. 1999. Сероглиняная кружальная керамика поселений на Днестровском лимане (первая четверть 1 тыс. н.э.) // Stratum Plus, №4. СПб.-Кишинев-Одесса.

Каспарова К.В., Щукин М.Б. 1979. Могильник Могиляны-Хмельник в Ровенской области // ТГЭ, XX. СПб.

Козак Д.Н. 1984. Пшеворська культура у Верхньому Подністров'і і Західному Побужжі. Киев.

Корпусова В.М. 1971. Біконічні посудини перших століть нашоі ери з Причорномор'я // Археологія. 3. Киев.

Котигорошко В.Г. 1995. Фракийцы Верхнего Потисья (III в. до н.э. – IV в. н.э.).

Кравченко Н.М. 1967. Косановский могильник (по материалам раскопок В.П.Петрова и Н.М.Кравченко в 1961-1964 гг.) // МИА. 139.

Кравченко Н.М. 1973. Пам'ятки черняхівськоі культури на Пороссі // Археологія. 8. Киев.

Кухаренко Ю.В. 1955. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном // СА. XXII.

Кухаренко Ю.В. 1980. Могильник Брест-Тришин. М.

Магомедов Б.В. 1973. До вивчення черняхівського гончарного посуду // Археологія. 12. Киев.

Магомедов Б.В. 1997. К вопросу о влиянии культур Центральной Европы на черняховский керамический комплекс // Kultura przeworska. T. III. Lublin.

Магомедов Б.В. 1998. Вельбаркские традиции в черняховской гончарной керамике // 20 lat archeologii w Maslomeczu. T. II. Lublin.

Никитина Г.Ф. 1996. Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии. М.

Рафалович И.А. 1986. Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв. н.э. Кишинев.

Смиленко А.Т. 1970. К хронологии гончарной керамики черняховского типа // КСИА. Вып. 121.

Смиленко А.Т. 1992. Городище Башмачка III-IVв. н.э. Киев.

Смирнова 1964. Поселение у с. Незвиско в первые века нашей эры // МИА. № 116. М.

Сымонович Э.А. 1960. Отчет о работах Средне-Днепровской экспедиции Института археологии АН СССР в 1960 г. Научный архив ИА НАН Украины, № 1960/26-а.

Сымонович Э.А. 1961. Отчет о работах Средне-Днепровской экспедиции Института археологии АН СССР в 1961 г. Научный архив ИА НАН Украины, № 1961/20.

Сымонович Э.А. 1979. Ромашковский могильник – первый черняховский памятник Поднепровья // СА. № 3.

Тиханова М.А. 1957. о локальных вариантах черняховской культуры // СА. № 4.

Цигилик В.М. 1975. Населення верхнього Подністров,я перших століть нашоі ери. Киев.

Шаров О.В. 1991. Бургунды в Подунавье и Северном Причерноморье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V в. н.э.). Киев.

Шаров О.В. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.

Шаров О.В., Бажан И.А. 1999. Черняховские этюды // Stratum plus. №4. Время «Че» К 100-летию черняховской культуры. СПб.-Кишинев-Одесса.

Щукин М.Б. 1972 К хронологии и стратиграфии поселения первых веков нашей эры у с. Незвиско // СГЭ. Т.35. Л.

Щукин М.Б. 1975. О начальной дате черняховской культуры // Kultury archeologiczne i strefy kulturowe w Europie środkowej w okresie wpływów rzymskich. Warszawa-Kraków.

Щукин М.Б. 1979. К предыстории черняховской культуры (13 секвенций) // АСГЭ. Вып. 79.

Щукин М.Б., Щербакова Т.А. 1986. К хронологии могильника Данчены // Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры. Кишинев.

Bichir Gh. 1973. Cultura carpică. Bucureşti.

Bichir Gh. 1984. Geto-dacii din Muntenia în epoca romană.

Bucureşti.
Dobrzańska H. 1980. Zagadnienie datowania ceramiki toczonej w kulturze przeworskiej // Archeologia Polski. XXIV -1.
Dobrzańska 1990. Osada z późnego okresu rzymskiego w Igolomi, woj. Krakowskie. Częsc I, II. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.
Godłowski K. 1981. Kultura przeworska // Prahistoria ziem Polskich. T. 5. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.
Gudkova A.V. 1999. Die grautonige Keramik der Siedlung von Kozyrka in der Umgebung von Olbia (Zum Problem der Prototschernjachov-Keramik) // Die Sîntana de Mureş-Tschernjachov-Kultur. Akten des Internationalen Kolloquiums in Caputh vom 20. bis 24. Oktober 1995. Bonn.
Ioniţă I. 1986. Chronologie der Sîntana de Mureş-Cerniachov-Kultur // Peregrinatio Gothica. Archeologia Baltica. VII. Lódź.
Ioniţă I. 1982. Din istoria şi civilizaţia dacilor liberi. Iaşi.
Ioniţă I., Ursachi V. 1988. Valeni o mare nekropola a dacilor liberi. Iaşi.
Lamiova-Schmiedlova M. 1969. Romerzeitliche Siedlungskeramik in der Sudostslowakei // Slovenska archeologia. XVII-2. Nitra-Hrad.
Popilian Gh. 1976. Ceramica romană din Oltenia. Craiova.
Szczukin M. 1981. Zabutki wielbarskie a kultura czerniachowska // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk.
Tejral J. 1987. Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit Mitteleuropas // Anzeiger der germanischen Nationalmuseums.
Wołągiewicz R. 1993. Ceramika kultury wielbarskiej między Baltykiem a Morzem Czarnym. Szczecin.

М.Б.Щукин, О.В.Шаров

К ПРОБЛЕМЕ ФИНАЛА ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

M.B. Shchukin, O.V. Sharov. On the Problem of the End of Cherniakhov Culture.

The main ideas of this paper are the following:

1. We are compelled to reject the traditional understanding of stages and phases of relative chronology as a range of certain "squares" or "rectangles", which subsequently replace each other over time, no matter whether it is general European chronological system or internal division of Cherniakhov culture. Such "square approach" will inevitably cause contradictions and discrepancies. While calculating absolute dates, it always happens that typologically alternating stages widely superimpose and co-exist practically in parallel.

2. A solution of this paradoxical situation, as we see it, is just one: we must change the very "paradigm" of our chronological thinking and see our stages and phases as some certain "rhombuses". Then they will be to some extent superimposing, and will follow each other at the points of maximum width.

3. With such "rhombic approach" the Cherniakhov culture does not stop existing unexpectedly by 375, which was taken, by the way, as a premise by many researchers when estimating the European system; rather, a number of Cherniakhov cemeteries and settlements, while gradually "fading away", went on further functioning, up to the middle of V c. It complies also with the historical situation: part of Ostrogoths remained in their places of habitation till the battle of Nedao in 455.

С точки зрения истории конец черняховской культуры достаточно ясен, и проблемы не существует. Если мы примем априори, что этот археологический феномен, в общем и целом, соответствует тому политическому образованию, по всей вероятности полиэтничному, которое было создано готами в Северном Причерноморье и Нижнем Подунавье в III в н.э., а на заключительном этапе государствам или государству Германариха и Атанариха, то судьба его нам достаточно хорошо известна.

Где-то между 369 и 376 гг. (обычно называют 375 г.) произошло нашествие гуннов, Германарих погиб, Атанарих был разбит, и массы готов пересекли Дунай, чтобы поселиться на территории Империи (Iord. Get. 123-133; Amm. Marc. XXXI). Начались их многолетние блуждания по Южной Европе. Часть остготов Германариха осталась на своих местах в Причерноморье под властью гуннов (Iord. Get.246), которые в 20-30-х годах V века (а точнее, в 433 году) расширили пределы своих владений до Паннонии, куда и была перенесена ставка их правителя Аттилы. После его смерти и разгрома гуннов при Недао в 455 г. мы находим владения наследников Германариха, трех братьев — Тудимира, Видимира и Валамира — уже в поречье Савы и среднего течения Дуная (Iord.Get. 264, 268). Археологические материалы должны были бы соответствовать этой схеме и иллюстрировать ее. Конец основной массы памятников черняховской культуры должен приходиться на 376 г., некоторые могли существовать до 20-30-х или 50-х годов V века, а на Среднем Дунае и в Южной Европе мы должны обнаружить некоторые черняховские элементы.

Мы знаем, однако, сколь рискованны датировки археологических материалов на исторических основаниях. Археологи уже не раз ошибались, используя этот метод. Вспомним для примера хотя бы случай с датировкой кельтского оппидума Манхинг в Баварии. Здесь тоже все казалось кристально ясным: в 15 г. до н.э. римляне оккупировали Рецию и Норик, тогда ими же и был разрушен оппидум. Его материалы служили одной из важнейших опорных точек хронологической системы Латена. Но затем стали накапливаться неувязки и противоречия, дату гибели Манхинга пришлось снизить до 60-х годов I в. до н.э., а разрушениям искать иные исторические причины (Godłowski 1977: 58-63; Shchukin 1989: 18-29; Щукин 1994: 38-44).

Политические события истории и перемены в материальной культуре, изучаемые археологами, лежат в разных сферах и далеко не всегда полностью соответствуют друг другу (Щукин 1991). Историческая схема и в нашем случае должна быть проверена археологическими данными, мы должны выявить степень их соответствия. Задача становится, таким образом, хронологической: когда кончается черняховская культура, если исходить сугубо из археологических данных?

С того времени, как прозвучали доклады на III Международном конгрессе славянской археологии 1975 г. в Братиславе и на конференции 1976 г. «Проблемы раннесредневековой хронологии» в Эрмитаже, а также вышли в свет соот-

© М.Б.Щукин, О.В.Шаров, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

ветствующие публикации этих докладов (Щукин 1980; Щукин 1979), где стоящая ныне перед нами проблема уже обсуждалась, утекло достаточно много воды. Что же изменилось? Появились ли новые материалы, как-то проясняющие проблему? Численно материалы, безусловно, возросли, и о некоторых речь еще пойдет ниже, но изменилось ли что-нибудь по сути?

За последние годы целый ряд исследователей неоднократно обращался к проблеме датировки черняховской культуры по двум поводам. Во-первых, при попытках модификации и улучшения европейской хронологической системы, во-вторых, в связи с разработками относительной хронологии самой черняховской культуры. Это несколько облегчает сейчас нашу задачу.

Корреляционным методом уже так или иначе выделены наипозднейшие комплексы и группы черняховской культуры, и мы можем их рассматривать специально, выясняя, чем обеспечена их абсолютная датировка.

Начнем с известной работы М.Казанского и П.Легу (Kazanski, Legoux 1988), которым удалось на примере черняховской культуры подразделить ступень D европейской хронологии на три фазы: D_{1a}, D_{1b} и D_2. Нас сейчас будет больше интересовать лишь последняя.

Нужно сказать, что с точки зрения чистоты корреляционного метода, здесь, как и в предшествующей попытке его применения для могильника Данчены (Щукин, Щербакова 1986), есть ряд нарушений процедуры его использования: метод находился еще в стадии становления. Так, М.Казанский и П.Легу включили в последнюю фазу D_2 ряд вещей уникальных, встречающихся лишь один раз или лишь в одном из обрабатываемых комплексов, например, в Качинском кладе, в погребении в Борохтянской Ольшанке и др.

Если подойти к процедуре корреляции более строго, то в группе останется значительно меньше вещей или, как мы их называем, «хронологических индикаторов» (ХИ). Это будут только стеклянные кубки (ХИ-74), три типа глиняных кувшинов (ХИ-75, 76 и 77), амфоры (ХИ-82,83), пряжки (ХИ-80). Остальное придется из корреляции убрать. Зато от предыдущих фаз в D_2 сохраняется еще ряд типов: 59, 61, 64, 66, 68, 69 — от фазы D_{1b} и 46, 49, 51 — от фазы D_{1a}.

Авторы датировали свою фазу D_2 последней третью IV — первой половиной V века (Kazanski, Legoux 1988: 37), и с ними можно было бы согласиться, однако ранняя хронологическая граница в данном случае сугубо условна и интуитивна. В качестве хронологических индикаторов фазы включены в группу монеты Константина (305-337 гг.), Констанция II (337-361 гг.) и Грациана (367-383 гг.); последняя представлена как хронологический индикатор и фазы D_{1a} (Kazanski, Legoux 1988: Pl. III,47; Pl. V,70,71,85), а следовательно, при формальном подходе, все три фазы в пределах этих дат перекрывают друг друга и нижняя дата фазы D_2 может достаточно свободно «плавать» во всем интервале бытования этих монет и их t.p.q.

Что касается верхней хронологической границы, то бытование вещей, попавших в кластер D_2 (а Качинский клад, Борохтянскую Ольшанку, погребение из Киева, Мирокани и др. мы вынуждены выкинуть для чистоты эксперимента), базируется лишь на датировке керамических кувшинов типа Чистилов (ХИ-75), которые В.В.Кропоткин сопоставлял с серебряными сосудами из Петроссы, Концешт, Суджи и из склепов Госпитальной улицы в Керчи, считая их комплексами V в. (Кропоткин 1973: 240-243), а также на амфоре из «постготского дома» в Тире (ХИ-82), сопоставляемой с крымским типом Харакс.

В корреляционной таблице А.И.Айбабина (1984: рис.1), на которого ссылаются авторы, эти амфоры (Айбабин 1984: признак = ХИ 31, рис.5, 21) действительно попадают в кластер-группу, датируемую им 400-450 гг. Однако, если посмотреть на комплексы, опорные для абсолютной датировки этого кластера, на комплексы с монетами, окажется, что спектр их более узкий и лежит в интервале 364-394 гг. Только халцедоновые навершия мечей (ХИ-29) действительно встречаются на западе с монетами 408-450 гг. (Werner 1956), хотя в Причерноморье они известны еще со II в.н.э. (Мошкова 1989: 196).

Таким образом, принятая А.И.Айбабиным датировка возможна, но надежнее обеспечена более ранняя, конца IV — начала V в. У Айбабина не было сомнений, что комплексы Госпитальной улицы и аналогичные им относятся к первой половине V в., он это повторяет неоднократно. У нас такие сомнения есть (Бажан, Щукин 1990; Shchukin, Bazhan 1994: 235), но о них чуть позже.

А пока обратимся к попытке установить относительную хронологию черняховской культуры Е.Л.Гороховским (1988). Опубликована, к сожалению, лишь итоговая и сильно урезанная часть его работы, основная аргументация и конкретные разработки остались за бортом, в частности, очень сжато изложена новая типология фибул и пряжек, нет корреляционной таблицы.

В целом черняховская культура подразделилась на 5 фаз, самую позднюю из которых, «Журовскую», автор относит к последней четверти IV — первой трети V вв., с 375/380 гг. по 420/430 гг. Обоснование такой даты — синхронизация со ступенью D_1 Ярослава Тейрала, о которой у нас еще пойдет речь впереди. Примечательно, что памятники этой фазы, по данным Е.Л.Гороховского, распространены по всему ареалу черняховской культуры (Гороховский 1988: 45-46).

Попытка создания относительной хронологии черняховской культуры была предпринята

также И.А.Бажаном и О.А.Гей (1992). Корреляционным методом было обработано 7 крупнейших могильников Северного Причерноморья — Ружичанка, Косаново, Данчены, Гавриловка, Оселивка, Журовка, Каменка и Каборга. Последние два объединены в единый «южный блок». На каждом могильнике выделено ряд фаз эволюции, от трех-четырех до шести. Затем фазы были синхронизированы, и для черняховской культуры в целом определилось их шесть. Последняя, шестая, представлена в Гавриловке, Журовке и Косаново. Хронологическими индикаторами, синхронизирующими поздние фазы их, являются двупластинчатые фибулы, поздние варианты Bügelknopffibeln, пряжки в виде калачика с загнутым язычком (Бажан, Гей 1992: Рис.3; Рис.5,III-IV; Рис.13; Рис. 15,III-IV; Рис. 17, I; Рис. 18,III-IV; Рис. 22. с.153).

Авторы, однако, практически не занимались абсолютной хронологией своих фаз. Касательно шестой лишь указали на синхронность с ранней частью ступени D европейской системы К.Годловского 1970 г. и отнесли ее к 370-400 гг. (Бажан, Гей 1992: 154). Абсолютные даты, как видим, тоже интуитивны, поскольку у Годловского для ступени D указана дата 350-450 гг. (Godłowski 1970: 108-109).

На трех крупных могильниках (Ружичанка, Данчены, Косаново), рассмотренных О.В.Шаровым (1992), наипозднейшие погребения черняховской культуры, очевидно, не представлены, здесь нет, в частности, двупластинчатых фибул.

В определении абсолютных дат О.В.Шаров пошел дальше, чем И.А.Бажан и О.А.Гей: в таблицах приведены находки монет, с которыми в других комплексах сочетаются вещи, в частности, глиняные сосуды, аналогичные включенным в корреляцию. Для III поздней фазы Косановского могильника их спектр лежит от 305 до 367-383 гг. с пиком на монеты 347-348 гг. (Шаров 1992: Табл. IV,III; Табл. V). Автор датировал эту фазу 350-375 гг., как и IV фазу могильника Данчены (Шаров 1992: Табл.II,IV; Табл.III), отметив, однако, в последнем случае, что аналогии фибулам, подвязным, из широкой пластинки (ХИ-9), сочетаются как с монетами 305-311 гг., 361-363 гг., так и с монетой 401 года.

В целом же заключительный общий 4-й горизонт рассмотренных могильников был отнесен к 350-380 гг. и в общевропейской системе обозначен как C_3/D (Шаров 1992: табл.IX-X).

Достаточно много относительной хронологией черняховских могильников занимался также И.Иониц̧э, используя главным образом метод горизонтальной стратиграфии (Ioniță 1986). Его наблюдения тоже интересны, но абсолютная хронология им практически не рассматривалась.

Нетрудно заметить, что корреляционный метод, при всей его продуктивности и наглядности, не избавляет исследователей и от определенной доли субъективизма. Наборы вещей наиболее поздних кластеров у них оказываются несколько различными, хотя некие общие тенденции все-таки улавливаются. Абсолютные же даты остаются достаточно условными.

Каковы же результаты тех исследователей, которые пытались определить верхнюю хронологическую границу черняховской культуры в контексте разработок общеевропейской хронологии? Мы не будем обсуждать сейчас все предлагавшиеся многочисленные варианты этой системы, остановимся лишь на тех, где авторы касались непосредственно черняховской культуры.

Позиции К.Годловского в этом отношении несколько раз менялись. В 1970 г. ему было ясно, что черняховская культура параллельна его ступени D, и на этом основании он даже склонялся к мысли о возможности более ранней даты ступени D (Godłowski 1970: 109. «The fact that the phase D material is parallel to the Czerniachow culture finds in Ukraine and Rumania may implay their relativly dating»).

С другой стороны, в ступень D им были включены такие комплексы как Зерники Велъки погр.12, Млотечно (Hammersdorf), Замость, а также погребения группы Винаржице в Раднотине с монетой Аркадия (395-408 гг.) и Мехолупы с новым солидом Константина III (407-411 гг.), что позволяло К.Годловскому, быть может несколько вольно, продолжить существование ступени D до середины V в. (Godłowski 1970: 109-110). А раз так, то нельзя исключить столь позднюю дату и для «параллельной» черняховской культуры, чем и воспользовался М.Б.Щукин (1979; 1980).

Начало ступени Годловский относил все же в 1970 г. ко второй половине IV в., оставив середину столетия для короткой фазы C_3 (Godłowski 1970: 111).

При внимательном чтении книги К.Годловского еще раз убеждаешься, что он мыслил все фазы хронологии (C_2, C_3, D и поздний период эпохи переселения) как перекрывающие друг друга, хотя выразил это, быть может, не совсем ясно (Godłowski 1970: 108-112).

Идея, брошенная вскользь в 1970 г., о возможности более раннего датирования начала ступени D была сформулирована К.Годловским в 1987 г. на конференции в Люблине. Ступени C_3 и D теперь представлялись ему параллельными во времени, но набор вещей первой характерен для западной части Центральной Европы и Скандинавии, а второй — для восточной части и, в частности, для черняховской культуры. Обе ступени начинаются в Константиновскую эпоху, разница между ними — вопрос, скорее, терминологический.

С точки зрения глобально-исторической автор был совершенно прав: именно в Константиновскую эпоху, по сути дела, кончается история Рима и начинается история Византии. Восточная Европа с последней связана значительно

теснее, а в Западной Европе «римские» традиции сохраняются дольше.

Текст люблинского доклада К.Годловского остался, к сожалению, неопубликованным и лишь частично был реализован автором в статье 1988 г. (Godłowski 1988). Для северной части «поэльбского круга» Годловский намечает 9 хронологических горизонтов, из которых шестой, или «горизонт Bügelknopffibeln», охватывает обе параллельные ступени C_3 и D «быть может, без самого конца» последней, сменяясь на Западе седьмым «горизонтом фибул типа Ныдам», синхронизирующимся со ступенью II, выделенной Вольфгангом Бёме для памятников междуречья Луары и Эльбы и датируемой 380-420 гг. (Böhme 1974: 79-83). «Горизонт Bügelknopffibeln» по Годловскому относится к началу IV в. и продолжается до второй половины этого столетия (Godłowski 1988: 46-47).

Заметим попутно, что позднее Ян Бемман, занимаясь специально фибулами типа Ныдам и выделив 6 их вариантов, синхронизировал их не со ступенью II Вольфганга Бёме, а со ступенью I, датируемой 330-360 гг. (Böhme 1974: 155-157), хотя сам Бемман в конечном итоге отнес Ныдамские фибулы к интервалу 350-400 гг. (Bemmann 1993: 173). Опять горизонты в абсолютных датах оказались перекрывающими друг друга, а сами даты интуитивными.

В статье 1992 г., где сопоставлялись древности к югу от Карпат и Судет с горизонтами оружия пшеворской культуры, К.Годловский, очевидно, не без влияния работ Я.Тейрала, возвращается к идее общей ступени C_3, которая начинается около 300 года и охватывает большую часть IV века. За начало ступени D_1 и раннего этапа эпохи переселения народов принимается дата 375 г., когда кончается черняховская культура и ее элементы появляются на Дунае. Это обосновывается как известными историческими событиями, так и монетами из Керекопатека и Валя Стрымба. Большие могильники Среднего Подунавья и пшеворской культуры продолжались, однако, по мнению Годловского, до 400 г. или чуть позже (Godłowski 1992: 50). Здесь К.Годловский, призывавший ранее к осторожности при использовании дат на историческом основании и интуиции (Godłowski 1970: 101 «...to draw conclusions as regards chronology on a basis like this is rather dangerous»), себе в какой-то мере изменяет.

Однако в том же 1992 году на коллоквиуме в Сан-Жермен-ан-Ле, в докладе, посвященном находкам из Якушевиц, он опять занимает осторожную позицию и отвергает «Gemischten Argumentation... die auserdem auf einer unsicherer Grundlage sich stutze» (Godłowski 1995: 156), что заставляет его снизить обычно принимаемую дату Якушевиц от «эпохи Аттилы» (425-453 гг.) в предшествующий период (Godłowski 1995: 156), а в связи с этим снизить и всю устаревшую систему датировок, приведя ее в соответствие с последними разработками Я.Тейрала и Ф.Бирбрауера (Tejral 1988; Bierbrauer 1992). Годловский еще раз подчеркивает случаи, демонстрирующие достаточно глубокое перекрывание фаз, например, когда вещи стиля Унтерзибенбрун-Сёздаль встречаются в погребении 407 в Цецеле (Jaskanis 1996: Taf. LI, 407-2) и в погребении 26 могильника черняховской культуры в Привольном (Кухаренко 1955: 142, табл.IV,17). Это может свидетельствовать или о более ранней дате некоторых вещей горизонта Унтерзибенбрун-Сёздаль-Смолин, раньше эпохи Аттилы, или о переживании вельбаркских и черняховских комплексов, а соответственно и ступени D, значительно после 375 г. (Godłowski 1975: 156. «...es absolutchronologisch in die Zeit betrachtlich später als 375 datiert werden konnte»).

Опять всплывает на поверхность и вопрос о комплексах из Замости и Млотечно (Godłowski 1995: 163, Anm. 29), где вещи стиля, напоминающего изделия горизонта Унтерзибенбрун-Сёздаль-Смолин, сочетаются с селиквами Констанция II чеканки 354 г. (Sulimirski 1966; Kropotkin 1970: 15-18), в первом случае, и с золотым медальоном 335 г. того же Констанция в бытность его цезарем — во втором (Bott 1982: 146).

Серия работ Ярослава Тейрала (Tejral 1986; 1987; 1988; 1992; 1992a) с разработками хронологии позднеримского времени и эпохи переселения народов не случайно произвела сильное впечатление на К.Годловского. Эрудиция чешского исследователя, широта охвата материалов, железная логика построений действительно впечатляют.

Я.Тейрал не составляет корреляционных таблиц, хотя, по сути, пользуется именно корреляционным методом и наблюдениями за комбинациями сочетаемости вещей в комплексах, ухитряется умозрительно выделять сравнительно узкие хронологические горизонты, соответствующие, очевидно, субкультуре каждого жизнеактивного поколения. В определении абсолютных дат каждой фазы он почти всегда добирается до тех монетных находок, на которых эти даты могут держаться. Однако при обозначении границ между фазами он более жёсток и прямолинеен, чем К.Годловский.

В понимании Я.Тейрала, фаза C_3 имеет общеевропейский характер, датируется временем Константиновской династии и началом Валентиановской эпохи (Tejral 1992: 229), и именно с ней сопоставима основная масса позднего материала черняховской культуры. Ступень D, распадающаяся на D_1 и D_2, по Я.Тейралу начинается с горизонта Виллафонтана-Качин-Замость-Унтерзибенбрун, который датируется «около 400 г.». «На этой стадии уже нельзя говорить о черняховской культуре в полном смысле слова» (Tejral 1986: 190).

После этого, по Я.Тейралу, начинается «постчерняховский горизонт» C_3/D_1, представленный вещами новыми, но частично восходя-

щими типологически к черняховским. Горизонт этот выявляется и в Моравии с юго-восточной Словакией, и в пшеворской культуре (Tejral 1992: Abb.8-9), и в Венгрии (Tejral 1986: Abb. 9; Tejral 1992: Abb. 7), и в Крыму, и на Кавказе (Tejral 1986: Abb. 7). Это очень важное наблюдение, весьма существенное для понимания хода исторических процессов конца IV века. Готы и другие племена, расселяющиеся под давлением гуннов, разносят этот стиль.

И вообще, со всеми построениями чешского исследователя вполне можно было бы согласиться, но с одной оговоркой: постчерняховский горизонт представлен и в самой черняховской культуре. Убедиться в этом не трудно, достаточно сравнить даже бегло 5-ю, «журовскую», фазу черняховской культуры по Е.Л.Гороховскому или 6-ю фазу по И.А.Бажану и О.В.Гей, фазу D_2 М. Казанского и Р.Легу с материалами постчерняховского горизонта Я.Тейрала. Да и сам автор указывает на соответствующие находки черняховской культуры и даже склонен думать, что наипозднейшие комплексы с фасетированными стеклянными кубками типа Ранжевое-Гавриловка-Валя Сяка находятся уже «на пороге эпохи переселения» (Tejral 1992: Abb. 6. S.241).

И все же, по его мнению, «полная синхронизация поздней фазы черняховской культуры с переходным горизонтом между позднеримским временем и эпохой переселения невозможна, хотя некоторое перекрывание их и не исключается» (Tejral 1992: 241). Он считает, что данных все-таки слишком мало, чтобы говорить о продолжении черняховской культуры (Tejral 1986: 190). И их действительно значительно меньше, чем в предшествующей стадии расцвета, что и естественно, но они есть и мы вряд ли вправе сбрасывать их со счета. Это во-первых.

Во-вторых, как нам быть с противоречиями, уже отмеченными К. Годловским, с хронологическим расхождением стиля комплексов из Замости и Млотечно с найденными там монетами Констанция II (Godłowski 1995: 163), а также с такими, как Ныруп и Ок в Скандинавии, с монетами Константа и Магненция? Признать первое появление вещей этого стиля еще в 50-60 годах IV века и соответственно значительное перекрывание фаз друг другом или списать всё лишь на запаздывание монет?

Аналогичная ситуация и с датировкой склепов Госпитальной улицы, занимающих важное место в хронологических расчетах и Я.Тейрала, и других исследователей.

В сознании большинства уже давно утвердился стереотип, что некрополь на Госпитальной улице в Керчи был заложен после гуннского нашествия 375 года, все вещи отсюда относятся или к концу IV — первой половине V века, или, как полагает в частности и Я.Тейрал, ко времени «около 400 года».

Хронология Боспорских склепов и стратиграфия совершенных здесь захоронений — тема особой работы, и мы не будем сейчас этим подробно заниматься. Отметим лишь, что, если подойти к проблеме более строго, то общепринятая датировка окажется не совсем точной. Здесь найдено целых три явно подарочных серебряных блюда императора Констанция II. Два из них изготовлены в Антиохии в 343 году в связи с двадцатилетием его цезарства, а третье, с изображением императора-триумфатора, было сделано, очевидно, по поводу победы Констанция II над узурпатором Магненцием и триумфального въезда императора в Рим в 357 году (Засецкая 1979: 30-32; Zaseckaya 1995; Засецкая 1993). По всей вероятности, владельцы этих чаш, унесшие их с собою в могилу, были каким-то образом с императором связаны и были так или иначе его современниками.

Трактовка чаши с изображением триумфа из так называемого склепа Гордиковых была предметом долгой дискуссии, пока не утвердилась достаточно весомо аргументированная точка зрения И.П.Засецкой о принадлежности Констанцию II. Но недавно дискуссия возобновилась, А.Н. Фролова вернулась к высказывавшемуся еще И. Стжиговским и Н. Покровским мнению, что здесь изображен Юстиниан I, а О.В.Шаров предложил видеть Константина (выступление на «Круглом столе» в Эрмитаже в июне 1997 г.). В горизонте находок из Боспорского некрополя, соответствующих склепу Гордиковых, нет вещей, относящихся к эпохе Юстиниана, к середине VI в., а вот некоторые переживающие вещи эпохи Константина сюда могли попасть. Портретное сходство Константина и Констанция, отца и сына, не всегда позволяет различать их изображения, и самый сильный аргумент О.В. Шарова состоит в следующем: над головой императора — нимб, а на щите оруженосца изображена монограмма Христа, но столкновение Констанция с Магненцием не носило религиозного характера, тогда как Константин разбил в 312 году Максенция на Мульвийском мосту, именно подняв христианские знамена и приказав воинам начертать имя Христа на щитах. Впрочем, вопрос остается открытым.

Кроме того, в склепах найдены монеты и их индикации: Лициния 308-324 гг., Констанция II 337-361 гг., Констанция Галла 324-354 гг., Валентиниана I 364-375 гг., и Валентиниана II 375-392 гг. Более ранние монеты Савромата II 174-211 гг., Гордиана II 238-244 гг. и Фофорса 286-308 гг., возможно, и не имеют датирующего значения, но последующие, как и датировки блюд, мы вряд ли вправе сбрасывать со счета, тем более, что и приводимые обычно в качестве обоснования ранней даты склепов в Керчи следы разрушений ряда городов и крепостей Тамани и Керченского полуострова во время гуннского нашествия 375 г., при ближайшем рассмотрении, оказались относящимися совсем к

другой эпохе и не имеющими прямого отношения к гуннам (Сазонов 1989). Нашествие гуннов затронуло Крым лишь стороной (Бажан, Щукин 1990; Shchukin, Bazhan 1994: 235).

Более поздних монет в Боспорских склепах нет, и верхняя хронологическая граница так называемой I группы (Засецкая 1990) может достаточно свободно «плавать» в пределах конца IV — первой половины V века.

Наипозднейшими находками этой группы считаются: пряжка со штампованным розеточным орнаментом из склепа 154 (Засецкая 1993: табл. 47, 223; Засецкая 1979: рис. 3,21), фибулы типа «Смолен» с пальметками на концах дужки (Засецкая 1993: табл. 53, 284; Засецкая 1979: рис. 2,23) из склепа 165 и фибулы-цикады из двух склепов, разрушенных 24 июня 1904 г. (Засецкая 1993: табл. 23, 92-93; Засецкая 1979: рис.2, 49-50).

Что касается пряжек, то аналогичные достаточно детально разобраны Ренатой Мадыда, показавшей, что они бытовали как во второй половине IV, так и в первой половине V века (Madyda-Legutko 1978). Заметим, что на том же костяке № 2 в склепе 154 найден золотой венок с индикацией монеты Валентиниана I 364-375 годов (Засецкая 1993: 96, 74).

Фибулы типа «Смолен» действительно являются хорошим индикатором ступени D_{2b}, 420/430 — 440/450 годов по Бирбрауеру (Bierbrauer 1992: Abb.5,1-2), но нижняя дата их появления надежно не зафиксирована, а фибулы-цикады, появившись еще во II веке (Wamers 1992: 53), существуют до времени Хильдерика, захороненного в 481-482 гг., хотя основное время их распространения падает, действительно, на первую половину V века (Wamers 1992).

Еще одним аргументом для поздней датировки Боспорских склепов служило сходство вещей отсюда со стилем Унтерзибенбрун, который было принято связывать с эпохой Аттилы 420-450 годов (Амброз 1971; 1985; 1992). Но монеты, сочетающиеся с вещами этого стиля, дают более ранний спектр, на что еще в 1973 г. указывал Я.Тейрал (Tejral 1973: 15-18). Самая ранняя и, возможно, действительно запаздывающая — совместная чеканка Констанса и Магненция 350-353 гг., прочие укладываются в интервал 378-423 гг., то есть еще до создания «Державы Аттилы».

В конечном итоге заключения всех исследователей, сопоставлявших горизонт Унтерзибенбрун с эпохой Аттилы, базировались на вполне логичной, но чисто умозрительной посылке, что создание Аттилой огромного грабительского государства, получавшего громадные суммы золота от Империи, должно было породить роскошный стиль крупных вещей из благородных металлов, усыпанных драгоценными камнями (Амброз 1992: 58-59). Логично, но несколько противоречит объективным данным.

Остается предположить, что потребители этих украшений подражали не столько моде двора гуннского правителя, который сам, кстати, демонстрировал пуританские вкусы (Prisc.fr.8), сколько ориентализирующей роскоши Константинопольского двора, подкупавшего своих федератов дорогими подарками в полихромном стиле типа вещей из кладов в Петросе и Шимлу-Сильваней.

Набор монет из памятников горизонта Унтерзибенбрун на западе в целом несколько более поздний, чем с Госпитальной улицы, но ни тут, ни там нет особых оснований говорить об эпохе Аттилы и середине V века, если только не принять безоговорочно тезис о безусловном запаздывании абсолютно всех монет.

Естественно, все монеты, прежде чем попасть в могилу, то или иное время находились в обращении, сколь долго, нам, к сожалению, знать не дано. Степень изношенности монет зависит не только от времени обращения, но и от его интенсивности. Они могут выглядеть потертыми и через несколько лет после чеканки, и через несколько десятилетий.

Но и большинство других вещей комплекса тоже какое-то время использовались. А если мы хотим делать исторические сопоставления, то нас должно интересовать не столько время совершения захоронений, сколько тот период, когда весь набор вещей был в употреблении, нас интересует «живая» культура, а не «мертвая», культура не мертвых, а живых. Она же, скорее всего, и соответствует приблизительно датам обращения монет, особенно, если находки их не единичны, а повторяются достаточно устойчиво.

Конечно, есть случаи, когда запаздывание монет очевидно. К таковым относятся, в частности, серебряные денарии II века, достаточно многочисленные в черняховской культуре (Щукин 1976: Рис.2) и во всем Барбарикуме. Преобладание монет Антонина Пия и Марка Аврелия бросается в глаза. По всей вероятности, это могло бы объясняться тем, что во время кризиса III века содержание серебра в монетах значительно снизилось, в Империи после реформы Диоклетиана перешли в основном на медно-золотое обращение, а варвары-федераты предпочитали получать свою стипендию в более удобном при расчетах полновесном серебре. Приходилось выплачивать ее в IV веке из запасов императорской казны, монетами, вышедшими из употребления в Империи, возможно, чеканить селиквы специально для расчетов с варварами и даже использовать куски серебра, разрезая серебряные сосуды, как, например, в кладе из Млотечно (Bott 1982).

Вернемся, однако, к главному нашему сюжету, к хронологическим трактовкам черняховской культуры. Фолькер Бирбрауер в серии статей, внося ряд уточнений и будучи несколько более гибким в хронологических определениях, чем Я.Тейрал, в основном все же следует жесткой позиции чешского исследователя

(Bierbrauer 1980; 1989; 1992; 1994 и др.). Черняховская культура, по его понятиям, тоже кончается к 80-м годам IV столетия, сменяясь горизонтом Виллафонтана, соответствующим фазе D_1 Тейрала. Горизонт Унтерзибенбрун, по представлениям Бирбрауера, соответствует фазе D_{2a} и в дальнейшем развитии материальной культуры эпохи переселения каждому поколению находится своя фаза (Bierbraer 1992).

Бирбрауер называет 8 черняховских комп-

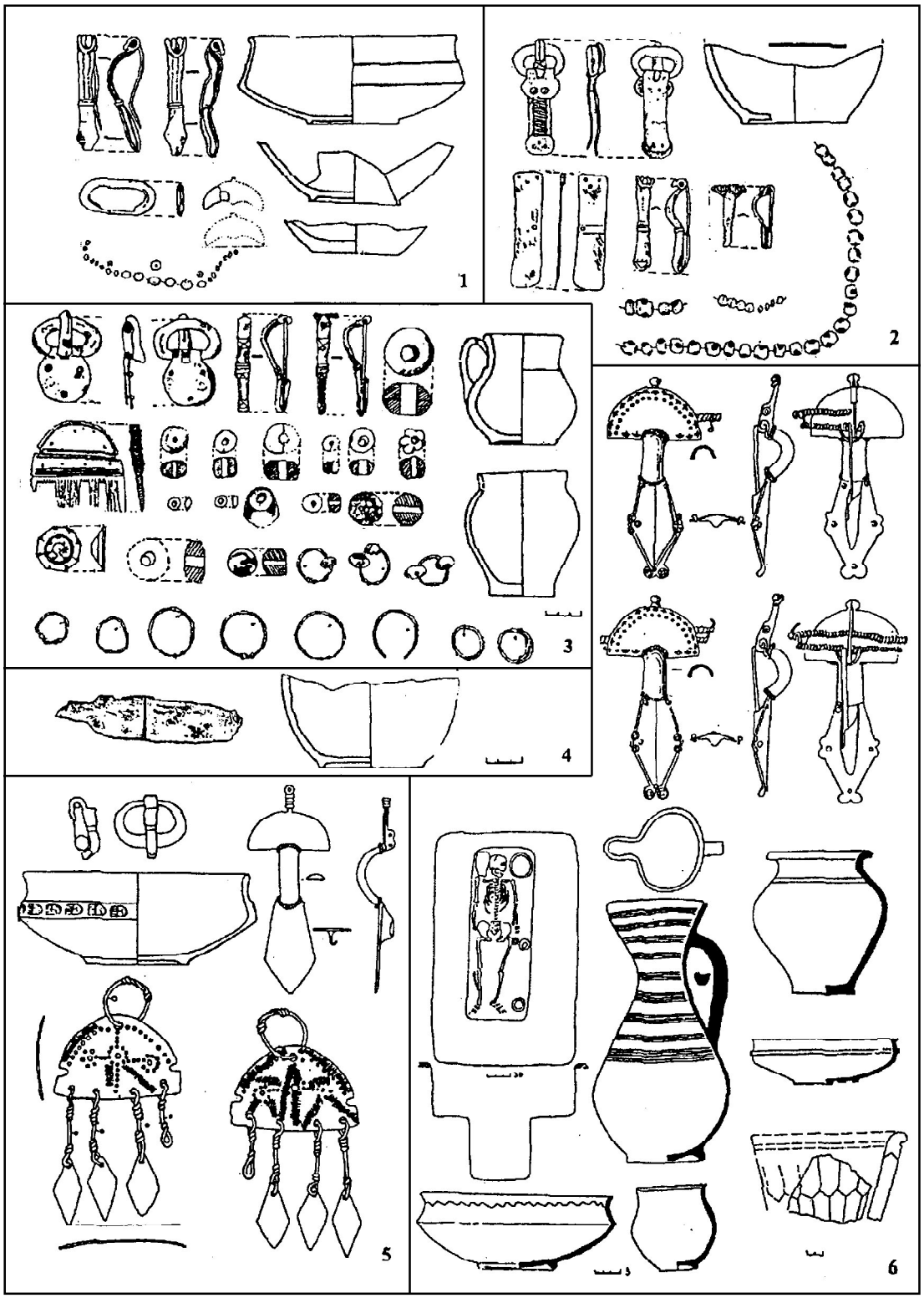

Рис. 1.

лексов, которые, по его мнению, переживают конец черняховской культуры и относятся ко времени около 400 года. Это упоминавшееся погребение 26 в Привольном, погребения 3 и 5 в Журовке, погребение 21 в Косаново, 9 и 131 в Беленьком, могильник Сад в Сумской области и погребение 28 могильника Лазо в Молдавии (Bierbrauer 1994: 118-119).

Заметим, что Е.Л.Гороховский для своей «Журовской фазы», очень близкой по всему набору горизонту Виллафонтана, называл, не претендуя на полный охват материала, порядка 40 комплексов, представленных по всему ареалу черняховской культуры (Гороховский 1988: 46).

Заметим также попутно, что некоторые вещи горизонта Виллафонтана, в частности, двупластинчатые фибулы, оказываются не только в Италии, но и далеко на Востоке. Целая серия таких фибул и часто сочетающихся с ними на Западе пряжек, обнаружена в погребениях так называемой Джетыасарской культуры в Восточном Приаралье и низовьях Сыр-Дарьи вплоть до Байконура в Казахстане (Левина 1996: рис.140, 139, 121-125, 119). (Рис. 1).

Поскольку датировки комплексов Джетыасарской культуры довольно-таки «размыты» и шатки, трудно сказать, появились ли здесь эти вещи, безусловно западного происхождения, в результате обратного движения гуннов после Недао или при первых контактах гуннов с носителями черняховской культуры. Проникновение вещей в направлении, обратном движению населения, — явление довольно частое при миграциях. Определенным же хронологическим указателем для датировки фибул типа Виллафонтана может послужить малоизвестная находка бронзовых фибул, представляющих, правда, несколько специфический вариант, вместе с медной монетой-подвеской Аркадия (395-408 гг.) в одном из погребений некрополя Илурата в Крыму (Хршановский 1988).

Однако это лишь небольшое замечание на полях страницы, и мы вернемся к основной теме наших рассуждений.

Итак, и исследователи, занимавшиеся непосредственно хронологией черняховской культуры, и те, которые рассматривали эту культуру в общеевропейской системе, приходят к далеко не однозначным результатам. Если отбросить обоснования на исторической базе и интуиции, а опираться сугубо на данные археологии, то датировки границ между фазами весьма сильно «плавают» во времени, фазы значительно перекрывают друг друга. Возникает целый ряд трудно разрешимых противоречий. И это при том, что все исследователи практически используют одни и те же комплексы и находки. Значит, разногласия коренятся в подходах к материалу, проблема становится скорее методологической и теоретической, чем фактологической.

Что же такое любая хронологическая система? Её можно представить себе в виде некой сетки, вертикальные ячейки которой образованы фазами, ступенями локальных шкал относительной хронологии, отражающими, при корректно проведенном исследовании, субкультуру каждого поколения. Горизонтальные же ряды образованы теми же ячейками, синхронизированными по общим интеррегиональным вещам, их набору и стилю изготовления, по общей интеррегиональной, интернациональной моде.

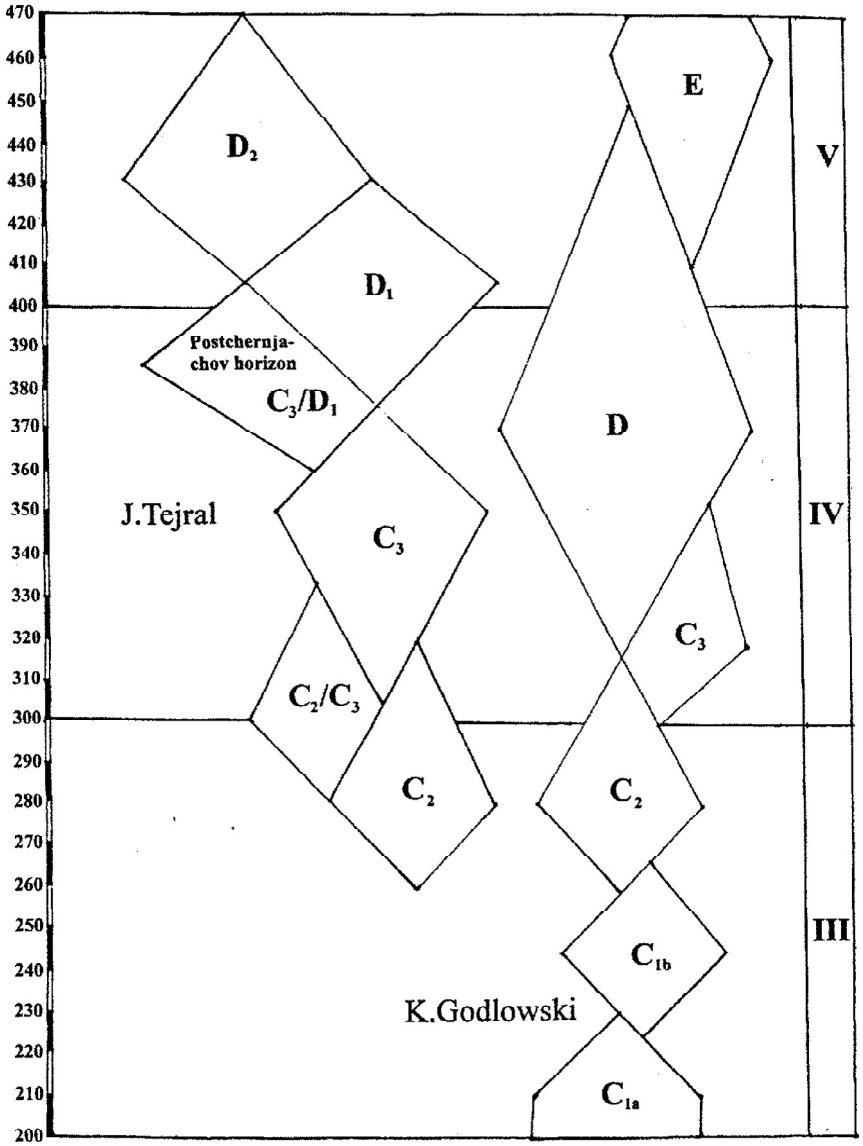
Но все это лишь относительная хронология, и лишь некоторые ячейки ее кое-где «зацеплены» за шаткие «колышки» абсолютной хронологии в виде t.p.q. монет, t.a.q. находок в слоях разрушенных городов, крепостей и тому подобное. При попытках закрепить нашу сетку относительной хронологии за эти «колышки» хронологии абсолютной мы и сталкиваемся с противоречиями, ячейки сетки начинают растягиваться, перекашиваться, деформироваться. Последовательные по относительной хронологии стадии оказываются подчас так глубоко перекрывающими друг друга, что представляются параллельными или почти параллельными. Из возникающих противоречий, казалось бы, нет выхода.

Выход виделся в игнорировании монетных находок, как запаздывающих. Но тогда и монеты последующей фазы тоже запаздывающие, и такой подход чреват опасностью завышения всей хронологической системы. Монеты теряют датирующее значение вообще, и все датировки оказываются или основанными на исторических данных, или на интуиции и авторитете видных специалистов. Многократно повторяясь, эти датировки становятся общепринятым стереотипом, своего рода «научным фольклором». Возможно, они и верны, интуиция хорошего специалиста — вещь не последняя, но всегда хочется и каких-то археологических доказательств и обоснований, а в поисках их мы и наталкиваемся на противоречия вроде уже отмеченных.

Целый ряд противоречий, однако, может быть снят, если мы последуем за материалом, но представим наши фазы, ступени и горизонты — ячейки нашей сетки — не в виде квадратов и прямоугольников, а в форме ромбов, шестиугольников или более сложных фигур. Тогда они окажутся действительно перекрывающимися с соседними, верхними и нижними, и лишь в моменты максимального расширения будут приходиться на разные интервалы. Хронологические схемы Я.Тейрала и К.Годловского могли бы тогда при таком подходе приобрести следующий вид (Рис. 2).

И этот вид, кажется, мог бы в значительной мере соответствовать реальности. Ведь элементы каждой новой субкультуры, как правило, зарождаются еще в рамках предшествующей стадии, хотя не имеют там еще широкого рас-

Рис.2.

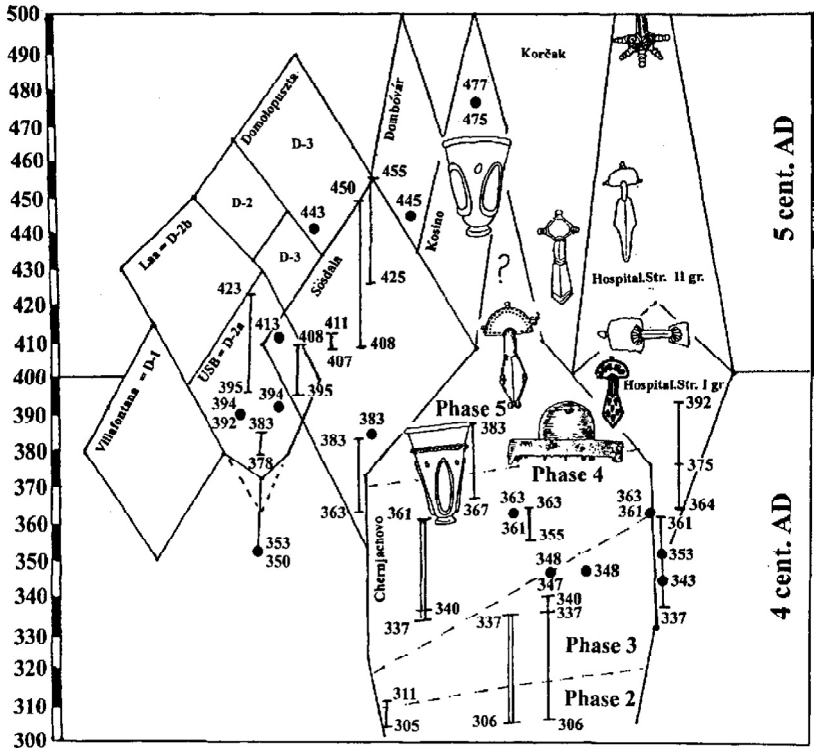

пространения, отражают лишь вкусы какой-нибудь одной социальной прослойки, группы и т.п. Затем они становятся ведущими в культуре жизнеактивного поколения, а потом вытесняются новыми типами тоже постепенно. Как «размыты» границы между поколениями, так «размыты» и границы их субкультур. Корреляционные таблицы это тоже демонстрируют достаточно наглядно, границы между кластерами, как правило, тоже не очень четкие. Мы имеем дело с текучим процессом, так что перекрывание стадий друг другом — явление естественное. Такое мы можем наблюдать и сегодня в нашем повседневном опыте, нечто похожее, вероятно, происходило и в древности.

Нужно учесть и еще один момент — археологические даты по своей природе отличны от исторических. Последние — всегда некая точка во времени — год, месяц, день, час. А археологические неизбежно представлены неким интервалом времени. Совершение захоронения, укрытие клада, разрушение крепости — события исторические и происходили они в течение нескольких часов, дня, а датируя их археологически, мы вынуждены говорить о столетии или какой-то его части, в лучшем случае о 20-30 годах, активной жизни одного поколения. На большую точность археология вряд ли способна. Где-то внутри выявляемого нами интервала и размещается интересующее нас событие с той или иной мерой вероятности.

Каждый археологический феномен (тип, комплекс, фаза, культура), таким образом, имеет по крайней мере две даты — узкую и широкую (Щукин 1967; 1978). Узкая дата охватывает время наибольшего распространения и расцвета, датировки в ее пределах наиболее вероятны, но и широкую (от самого начала зафиксированного зарождения явления до самых поздних его проявлений) тоже нельзя полностью сбросить со счета. С меньшей вероятностью, но событие могло происходить и в пределах этого интерва-

Рис.3.

ла. Жесткой границы между узкой и широкой датировкой установить невозможно, мы имеем дело с текучими процессами, граница может быть обозначена лишь условно. Здесь таким условным пунктом могут быть и некоторые исторические события, возможно стимулировавшие процесс культурных изменений. Следует только помнить об условности этих точек, которые в случае накопления противоречий могут быть и изменены. Процесс познания бесконечен.

Если учесть все сказанное выше и отказаться от «квадратности мышления», то положение во времени черняховской культуры, а точнее, ее верхней, поздней части, поскольку о проблеме возникновения и сложения культуры мы говорили в другом месте (Щукин 1999), будет выглядеть следующим образом. (Рис. 3).

Расцвет культуры приходится, очевидно, на эпоху Константина — Констанция II — Юлиана, на эпоху Константиновской династии с 307 по 363 годы. Монеты этих императоров нередки как в собственно черняховских комплексах, так и в погребениях с вещами, аналогичными черняховским, в других регионах. Достаточно показательны и связанные с черняховским слоем клады из Оргеева со 126 монетами Констанция II (Кропоткин 1961: 95), из Лукашевки с 43 монетами от Константа (337-350 гг) до Юлиана (361-363 гг.) (Кропоткин 1960) и из Холмского с 93 селиквами Констанция 351-355 годов чеканки. Последний был найден археологами при раскопках в углу одного из черняховских жилищ (Гудкова, Столярик 1985; Stoljarik 1992: 30-31).

Наипозднейшие монеты черняховской культуры происходят из клада в Валя Стрымба — свежечеканенные ауреусы Грациана 367-387 годов (Horedt 1982: 161, Abb.61), и в этом отношении Я.Тейрал абсолютно прав (Tejral 1992: 235). Есть, правда, еще и бронзовая монета Гонория (395-423) из погребния 96 в Тыргшоре (Diaconu 1965, Pl. LXXXIX), но она найдена в заполнении могильной ямы, выше погребенного, но все же на глубине 60 см и связь ее с находящимся по соседству поселением, перекрывающим могильник (Harhoiu 1990), тоже не совсем ясна. Из-за неопределенности стратиграфического положения ее, может быть, не стоит использовать для датировки, хотя и она может оказаться показательной, если обнаружатся новые находки такого рода, забывать про нее тоже не стоит.

С эпохи Грациана (367-387) и начинается, по имеющимся на сегодня данным, постепенное «выклинивание» черняховской культуры, все дальнейшее находится уже в менее надежной части «широкой» датировки. На время Грациана, учитывая его цезарство при августе Валентиниане I, приходятся и два важнейших исторических события, которые могли бы способствовать и сокращению численности населения в Причерноморье, подорвать его благополучие, и вызвать определенные перемены в культуре. Во-первых, это карательные походы Валента 367 и 369 годов, последовавшее прекращение выплаты стипендии и ограничение торговли, а возможно и ответные акции Атанариха против христиан. Во-вторых, конечно, нашествие гуннов и уход части готов в Задунавье в 376 гг.

Какие же данные имеются в нашем распоряжении, чтобы утверждать возможность существования черняховских памятников в последней четверти четвертого и самом начале пятого века? Как археологически представлено то население, которое осталось в Причерноморье под властью гуннов, готы Витимира-Винитария, Видерика-Вандилария, Гуннимунда и Гезимунда?

Возникает определенное противоречие. С одной стороны, сведения Иордана достаточно однозначны: остготы, «отделенные от везеготов и подчиненные власти гуннов, остались в той же стране, причем Амал Винитарий удержал все знаки своего господствования» (Iord. Get. 246). Войны Винитария с антами, готами Гезимунда и гуннами Баламбера тоже имели место где-то в Северном Причерноморье, а если допустить, что «Песнь о Хледе» отражает реальный исторический эпизод этой гото-гуннской войны, то события разворачивались между низовьями Днепра и Карпатами.

Но, с другой стороны, в черняховской культуре действительно практически почти нет вещей горизонта Унтерзибенбрунн, и вряд ли кто-нибудь может назвать хотя бы один черняховский могильник или поселение, время бытования которого ограничилось бы исключительно концом IV — началом V века. Где же готы Винитария?

Остается предположить, что черняховское население, поредев, конечно, действительно «осталось в той же стране» и продолжало использовать некоторые из прежних могильников и поселков, сохраняя прежние традиции, пользуясь вещами прежних типов и не очень сильно поддаваясь веяниям моды новой гуннской эпохи. Поэтому готов Германариха практически очень трудно отличить от готов Винитария.

Примечательно, что поздние фазы могильников Журовка, Гавриловка, Косаново и Данчены в корреляционных диаграммах И.А.Бажана, О.А.Гей и О.В.Шарова представлены достаточно плотными и выраженными кластерами (Бажан, Гей 1992: Рис. 5, 8, 12, 15-16, 19; Шаров 1992: табл. 2, 4). А это может трактоваться двояко: либо население каждой общины данного периода было достаточно многочисленным, либо кластер охватывает более длительный промежуток времени, не одно, а два-три поколения, на протяжении жизни которых не происходило существенных перемен в облике культуры. В нашем случае, возможно, применим именно второй вариант.

Как уже отмечалось выше, поздняя фаза черняховской культуры вполне сопоставима с «постчерняховским горизонтом» Я.Тейрала или с горизонтом Виллафонтана Ф.Бирбрауера. Последний датировал окончание этого горизонта первыми двумя десятилетиями V века. Если его расчеты верны, то эту дату можно было бы принять и за верхний предел черняховской культуры. Получается, что те готы, которые не покинули Причерноморье с Фритигерном и Алавивом, с Алатеем и Сафраком в 376 г., ушли с остготами Радагайса, появившегося в Италии в 405 г., воевавшего со Стилихоном, с одной стороны, и с гуннами Ульдиса, с другой (Wolfram 1990: 95).

Но тогда остается загадкой, где готы Гуннимунда, сына Германариха, сменившего убитого Баламбером Винитария, правнучатого племянника Германариха, и готы сына Гуннимунда Торисмунда, воевавшего с гепидами, готы сорокалетнего периода безвластия и, наконец, готы Вандиларий-Витимира и его трех сыновей — Валамира, Тудимира и Видимира? Домен последних, казалось бы, следует искать скорее где-то в Среднем Подунавье — младенец Витимир был увезен на запад еще Алатеем и Сафраком в 376 или 378 году, а сыновья его сражались за Аттилу на Каталаунских полях — но не исключено, что и территории бывшей державы Германариха, а это как раз ареал черняховской культуры, оставались, хотя бы частично, за наследниками великого конунга. Гунны ведь претендовали на власть, на дани, но не на угодья.

Что же касается земель где-то в низовьях Савы, в южной части Среднего Подунавья, то братья Амалы получили их лишь при переделе мира после Недао (Iord. Get. 264; 268). При Аттиле это была часть той «санитарной зоны» в пять дней пути, установления которой он требовал от Византийского правительства. Возможно, опасаясь именно мести разбитых при Недао гуннов, вернувшихся в Причерноморье, остатки черняховского населения окончательно покинули свои земли и искали новых. Подробнее об этом пойдет речь в другом месте, но если наши рассуждения и наши догадки верны, то верхней условной датой черняховской культуры можно было считать 455 год.

Но это опять лишь дата на историческом основании. Имеются ли какие-нибудь реальные сугубо археологические данные, которые могли бы подтвердить этот тезис? Их немного, но они есть. Во-первых, существует серия вещей, верхние даты которых при использовании широких датировок могут достаточно свободно «плавать» вплоть до середины пятого века. Большая часть их достаточно обстоятельно собрана в работах Мишеля Казанского (Kazanski 1992; 1994), и нам нет необходимости повторяться. Можно сомневаться в черняховском характере некоторых из приводимых им комплексов, можно оспаривать некоторые даты, но в целом со сделанными им выводами трудно не согласиться.

Напомним еще раз и те 8 комплексов, про которые говорил Ф.Бирбрауер (Bierbrauer 1994: 118-119). Из них особенно показательны упоминавшееся уже несколько раз погребение 26 могильника Привольное и погребение 28 могильника Лазо (Левинский 1999: Рис. 26-28: 145-147,

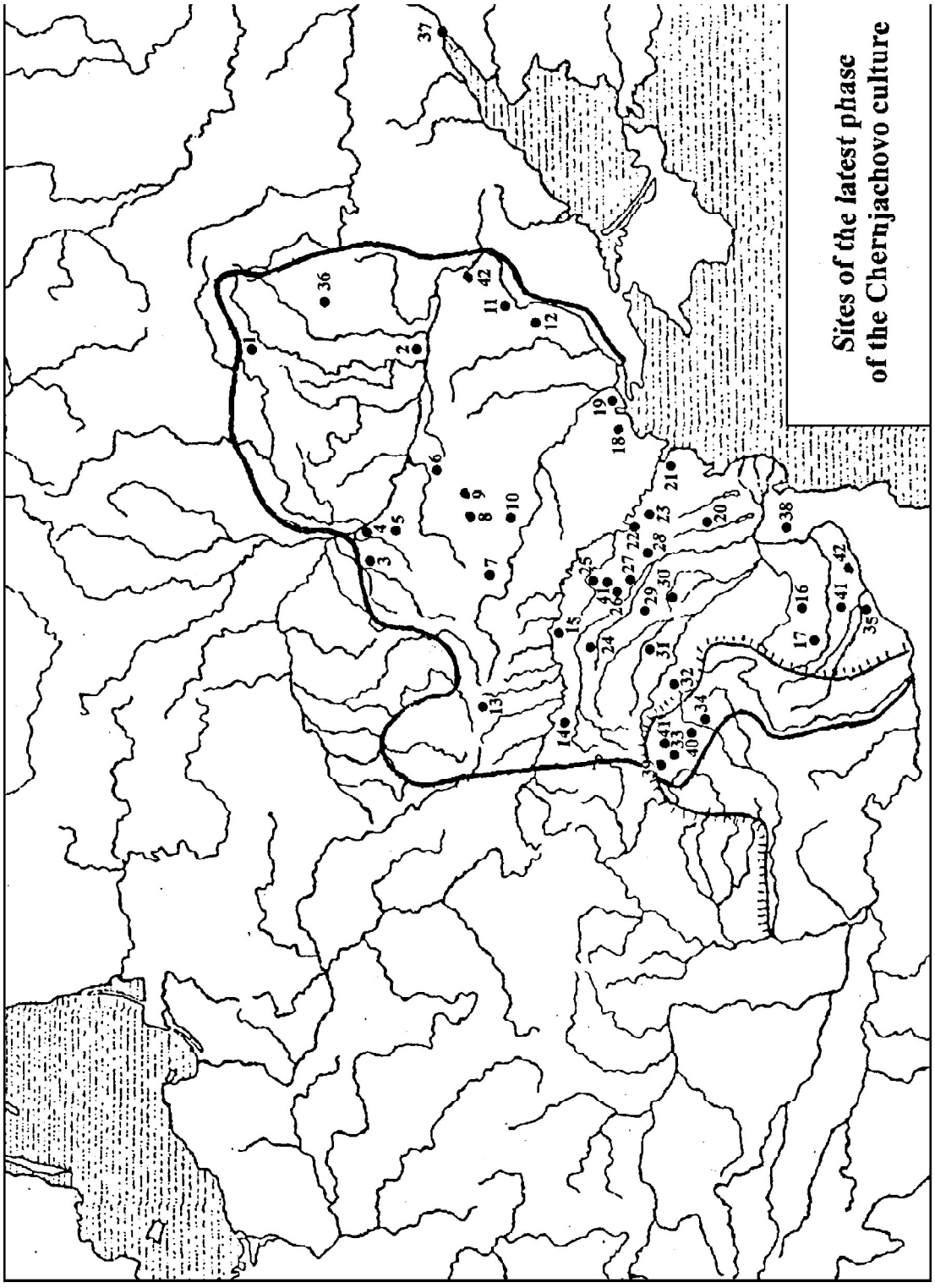

Рис. 4.

Рис. 26-28). Найденные в последнем двупластинчатые фибулы имеют своеобразные кнопки на концах максимального расширения ножки — деталь чрезвычайно характерная для фибул V века (Bierbrauer 1989a), хотя не исключено и более раннее их появление. В Vajuga на Балканах, как известно, фибула этой серии найдена с монетой цезаря Грациана 367-375 гг. (Bierbrauer 1989a: Abb.3).

Достаточно показателен и комплекс из погребения в Сычевке (Федоров, Рошаль 1979) с краснолаковой тарелкой, если только хронологические определения подобных Хайсом и А.В.Сазоновым точны. Такие тарелки относятся ими к V-VI векам.

Определенный интерес в данном контексте могут представлять и некоторые комплексы могильников Фонтанеле Рид и Палатка в Румынии (рис.1, 1-5) В одном из них — пряжка с удлиненной обоймой, в двух других — пряжки со своеобразным оформлением язычка: с утолщенной подтреугольной косо срезанной пяткой и кончиком, охватывающим дужку. Деталь тоже характерная для разнообразных пряжек V-VI вв. (Kazanski 1994: Fig.1:1,3,5; 2:6,12; 8:8; 10:4,16; 15:7,8; 16:3; 17:1,6,7,10,11,12,13,20). В погребении 1 1964 в Братей пряжка с аналогичным оформлением язычка найдена с монетой Валентиниана III, 425-455 гг.

Наконец, напомним еще один аргумент (Щукин 1979: 20; Щукин 1980). Это кубок толстого зеленоватого стекла с большими овалами по тулову из комплекса в Косино (Werner 1959). В черняховской культуре очень близкие формы происходят из Извоара (Vulpe 1957: fig.320), Индепенденцы (Mitrea, Preda 1966: fig. 134), Хучи (Рикман и др. 1971: Рис.7, 1), Малаешт (Федоров 1960: Рис.11) и Холмского (Гудкова, Фокеев 1984: Рис.21, 1). В принадлежности комплекса из Косино к ступени D_3 Бирбрауера около середины V века (Bierbrauer 1992: 270-274), как кажется, нет особых сомнений. И. Вернер датировал комплекс второй половиной V века по большой двупластинчатой фибуле типа Косино-Тиссалек и двум пряжкам с длинными ромбическими кербшнитными» обкладками. Для привязки к абсолютной хронологии основанием служила находка обломка фибулы типа Косино в кладе из Радостово с солидами от Феодосия II (408-450 гг.) до Юлия Непота (474-475 гг.). Наличие упомянутых кубков и в черняховской культуре, и в Косино показывет, что дата их, а с ними и черняховской культуры, может «плавать» вплоть до времени Косино (Щукин 1979).

Еще одним сигналом к возможности переживания черняховской культуры в пределах V века может служить находка в одном из жилищ поселения Теремцы литой двупластинчатой фибулы с тремя кнопками на головке (Баран 1981: Рис.14), а так же взаимовстречаемость в некоторых жилищах раннеславянской культуры лепной керамики пражского типа с гончарной черняховской (Баран 1988). В этой ситуации, правда, не совсем понятно, следует ли на этом основании опускать даты славянских памятников или, наоборот, поднимать датировку черняховской культуры. Но если здесь нет стратиграфических неурядиц, и мы действительно имеем дело с закрытыми комплексами, то становится ясным, что население этих двух асинхронных культур соприкасалось. А это могло иметь место только где-то в пределах V века.

На этом аргументация в пользу поздней даты черняховской культуры, пожалуй, исчерпывается. Конечно, тот «шлейф» черняховских традиций, который, как видим, довольно слабо улавливается в V веке, не идет в количественном отношении ни в какое сравнение с черняховской культурой периода расцвета в середине IV века, что с исторической и культурологической точки зрения вполне объяснимо. Но «шлейф» этот существует, и мы не вправе сбрасывать его со счета при реконструкции исторической картины эпохи переселения.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. 1984. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. №1. С. 104-122.

Амброз А.К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. №2. С. 96-103; СА. №3. С. 106-134.

Амброз А.К. 1985. К итогам дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы (1971-1984). // СА. №3.

Амброз А.К. 1992. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей. // Боспорский сборник I. М. С. 6-108.

Бажан И.А., Гей О.А. 1992. Относительная хронология могильников черняховской культуры. // Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени. СПб. С. 122-152.

Бажан И.А., Щукин М.Б. 1990. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи Великого переселения народов. // АСГЭ. Вып. 30. С.83-97.

Баран В.Д. 1981. Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ.

Баран В.Д. 1988. Пражская культура Поднестровья (по материалам поселений у с. Рашков). Киев.

Гороховский Е.Л. 1988. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины. // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев.

Гудкова А.В., Столярик Е.С. 1985. Комплекс позднеантичных памятников у с. Холмское Одесской обл. // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев. С. 78-85.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э. Киев.

Засецкая И.П. 1979. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточно-европейских степей. // КСИА.

Вып. 158.
Засецкая И.П. 1990. Относительная хронология позднеантичного и раннесредневекового боспорского некрополя (конец IV — начало VII вв). // АСГЭ. Вып. 30. С. 97-106.
Засецкая И.П. 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V вв н.э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. III. Симферополь. С. 23-105.
Кропоткин В.В. 1960. Лукашевский клад бронзовых римских монет IV в. // Нумизматика и эпиграфика. Вып. I. Киев.
Кропоткин В.В. 1961. Клады римских монет на территории СССР. // САИ. Вып. Г4-4. Москва.
Кропоткин В.В. 1973. О датировке кувшина из Чистиловского могильника. // СА, 3.
Кухаренко Ю.В. 1955. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном. // СА, XX.
Левина Л.М. 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. Москва.
Левинский А. 1999. Лазо – могильник финальной фазы черняховской культуры в Молдове. // Stratum Plus. СПб.-Кишинёв-Одесса. №4. С.121-166.
Мошкова М.Г. 1989. Позднесарматская культура. // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматскую эпоху. (Археология СССР). Москва.
Рикман Э.А., Рафалович И.А., Хынку И.Г. 1971. Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев.
Сазонов А.В. 1989. О хронологии Боспора ранневизантийского времени. // СА, 4: 41-60.
Федоров Г.Б. 1960. Малаештский могильник. // МИА № 82. Москва.
Федоров Г.Б., Рошаль М.Г. 1979. Погребение IV в. н.э. у с. Сычевка // СА. № 2. С. 265-271.
Хршановский В.А. 1988. Позднеантичные погребения на некрополе Илурата // Научно-атеистические исследования в музеях. Гос. Музей истории религии. Ленинград. С. 16-27.
Шаров О.В. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики. // Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени. СПб. С. 158-207.
Щукин М.Б. 1967. О трех датировках черняховской культуры. // КСИА. Вып. 112. С. 8-14.
Щукин М.Б. 1976. О начальной дате черняховской культуры. // Prace Archeologiczne 22. S. 303-316.
Щукин М.Б. 1978. Об «узких» и «широких» датировках. // Проблемы археологии. Вып. II. Ленинград. С. 17-22.
Щукин М.Б. 1979. К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры // КСИА. Вып. 158. С. 79 сл.
Щукин М.Б. 1980. Некоторые проблемы хронологии черняховской культуры и истории ранних славян. // Rapports du III-e Congres International d'archéologie slave. Tome 2. Bratislava. S. 399-413.
Щукин М.Б. 1991. Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени. (К методике историко-археологических сопоставлений). // АСГЭ. Вып. 31.
Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в до н.э. — I в н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.
Щукин М.Б. 1999. Феномен черняховской культуры эпохи Константина – Констанция, или Что такое черняховская культура? // Stratum Plus. СПб.-Кишинёв-Одесса. №4. С.66-101.
Щукин М.Б.,Щербакова Т.А. 1986. К хронологии могильника Данчены // И.А. Рафалович. Данчены: могильник черняховской культуры III-IV вв. н.э. Кишинев.
Bemmann J. 1993. Die Nydamfibeln. Eine Fibelform der Stufe C-3? // Germania 71, 1. Halbband. S. 139-182.
Bierbrauer V. 1980. Zur chronologischen, soziologischen und regionalen Gliederung des ostgermanischen Fundstoffes des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa. // Die Völker an der mittleren und unteren Donau in fĥnften und sechsten Jahrhundert. Wien. S. 131-142.
Bierbrauer V. 1989. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und des frühen Mittelalters. // Peregrinatio Gothica. Archaeologia Baltica. 8. Lódź. S. 39-106.
Bierbrauer V. 1989a. Bronzene Bügelfibeln des 5. Jahrhunderts aus Südosteuropa. // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte 72. S. 141-160.
Bierbrauer V. 1992. Historische Ąberlieferung und archäologischer Beifund. Ostgermanische Einwanderer unter Odoaker und Theodorich nach Italien. Aussagemöglichkeiten und Grenzen der Archäologie. // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Laténezeit bis Frühmittelalter. Kraków.
Bierbrauer V. 1994. Archäologie und Geschichte der Goten von 1-7 Jahrhundert. // Frühmittelalterichen Studien. Nb. 28. S. 51-171.
Böhme H.W. 1974. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen unterer Elbe und Loire. München.
Bott H. 1982. Zur Datierung der Funde aus Hammersdorf (Ostpreussen). // Festschrift Hans-Jurgen Hundt zum 65. Gebürtstag. Teil 3. Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz. 23.-24. Jahrgang. Mainz. S. 139-153.
Diaconu Gh. 1965. Târgsor. Necropole din secolele III-IV e.n. Bucureşti.
Harchoiu R. 1990. Chronologische Fragen der Völkerwanderungszeit in Rumänien. // Dacia. T. XXXIV. S.169-208.
Horedt K. 1982. Siebenbürgen in spätrömischer Zeit. Bucarest.
Godłowski K. 1970. The Chronology of the Late Roman and Early Mig ration Periods in Central Europe. Kraków.
Godłowski K. 1988. Problemy chronologii okresu rzymskiego. // Scripta Archaeologica. Warszawa-Kraków. S. 27-49.
Godłowski K. 1995. Das «Fürstengrab» des 5. Jhs. und der «Fürstensitze» in Jakoszowice in Südpolen. // La noblesse Romaine et les chefs barbares du III-e au VII-e siécle. Paris. P. 155-165.
Jaskanis J. 1996. Cecele. Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Polen. Kraków.
Ioniţă I. 1986. Chronologie der Sîntana-de-Mureş-Cernjachov Kultur. // Archeologia Baltica. T. VII. Peregrinatio Gotica.
Kazanski M. 1992 . Les Goths et les Huns. A propes des relations entre les Barbares sédentaires et les nomades. // Archéologie Médiévale, 22: 193 sq.
Kazanski M. 1994. Les plaqués-boucles méditerranées des V-e — VI-e siècles. // Archéologie Médiévale. Tome XXIV. P.137-198.
Kazanski M., Legoux R. 1988. Contribution á l'étude des témoignages archéologiques des Goths en Europe orientale à l'époque des Grandes Migrations. // Archéologie Médiévale, 18. P. 7-53.
Kropotkin V.V. 1970. Skarb srebrnych monet i przedmetów z IV w.n.e. z Zamoscia. // Wiadomości

numizmatyczne, 14. S. 15-18.
Madyda-Legutko R. 1978. The Buckles with Imprint Ornamentation. // Wiadomości archeologiczne. T.XLIII. Z. 1. S. 3-17.
Mitrea B., Preda K. 1960. Necropole din secolul al IV-lea e.n. in Muntenia. Bucureşti.
Rau G. 1972. Körpergraber mit Glassbeigaben des 4. nachhchrstlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel Raum. // Acta Praehistorica et Archaeologica, 3. S. 109-214.
Shchukin M.B. 1989. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe 1st Century BC — 1st Century AD. // BAR, Internatiomal Series 542. Oxford.
Shchukin M., Bazhan I. 1994. The cloisonné Style: Danubian, Bosphorian, Georgian or Sassanian? // Acta Archaeologica. Vol. 65. Køpenhavn. P. 233-248.
Shchukin M., Sharov O. 1999. A propos de la date de la fin de la civilisation de Tcherniakhov // L'Occident romain et l'Europe centrale au debut de l'époque des Grandes Migrations. Brno.
Stoljarik E. 1992. Essays on Monetary Circulation on the North-Western Black Sea Region in the Late Roman and Byzantine Periods. Odessa.
Sulimirski T. 1966. Znalezisko z Zamoscia i jego tlo. // Archeologia Polski. T.9. S. 118-173.
Tejral J. 1972. Mähren im 5. Jahrhundert. Studie Arch. ústavu v Brne I/3. Praha.
Tejral J. 1986. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit. // Peregrinatio Gothica. Archaeologica Baltica 7. Lódź. S. 175-238.
Tejral J. 1987. Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit im Karpatenbecken. Anz. Germ. Nathmus. S. 17 folg.
Tejral J. 1988. Zur Chronologie und Deutung der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum. // Archaeologica Austriaca 72. S. 223-304.
Tejral J. 1992. Zur Chronologie und Deutung der südostlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit im Karpatenbecken. // Die Völkerwanderundszeit im Karpatenbecken. Anzeiger des Germanischen Nationalmuseum. Nürnberg. S. 11-46.
Tejral J. 1992a. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzit in Mitteleuropa. // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis Frühmittelalter. Kraków. S. 227-249.
Vulpe R. 1957. Izvoare. Săpăturile din 1938-1948. Bucureşti.
Wamers E. 1992. Bemerkungen zu zwei Zikadenfibeln aus westdeutschen Privatsammlungen. // Frankfurter Beiträge zur Mittelälter-Archäologie II. Schriften des Frankfurter Museums für Vor -und Frühgeschichte. XII.
Werner J. 1956. Beiträge zur Archäologie das Attila Reiches. München. Werner J. 1959. Studien zu Grabfunden des 5. Jahrhunderts aus der Slovakai und Karpatenukraine. // Slovenská archeologia, VII-2.
Wolfram H. 1990. Die Geschichte der Goten. München.
Zaseckaya I. 1995. A propos du lieu de fabrication des plats en argen avec la représentation de l'empereur Constance II, découverts a Kertch. // La noblesse romaine et les chefs barbares du III-e au VII-e siècle. Paris. P. 89-101.

ИСТОРИЯ НАУКИ

И.В.Тункина

Н. Я. МАРР И Ф. А. БРАУН: ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (1920–1925 ГГ.)

I.V.Tunkina. N.J. Marr and F.A. Braun: A History of Relationships (1920 – 1925).

The history of ethnology and linguistics was enriched by the two outstanding Russian scholars F.A. Braun and N.J. Marr. In early 20s, professor Braun using revolutionary Japhetic theory by academician N.J. Marr tried to take a new view on the problem of the German ethno-genesis. This article focuses on history of relationships between the two colleagues at the turning-point of the modern Russian history. As Marr's doctrine developed, turning more and more aggressive and unsubstantiated within the framework of the traditional linguistics, Braun started distancing from Japhetidology. Severance of relations between the two scholars proved to be inevitable.

В историю этнологии значительный вклад внес профессор Ф. А. Браун, который в начале 1920-х гг. в русле революционной яфетической теории академика Н. Я. Марра пытался по новому взглянуть на проблему этногенеза германцев. Предлагаемый читателю небольшой этюд посвящен истории взаимоотношений двух коллег-лингвистов — Марра и Брауна — в переломную эпоху новейшей истории России. Прежде чем перейти к непосредственной теме статьи, кратко охарактеризую основные достижения русской науки в начале XX в. в изучении «готского периода», наиболее противоречивого и спорного в древней истории Европы.

К началу XX в. завершился процесс сложения концепции истории готских (германских) племен, подкрепленный традицией критических изданий (с текстологическим и историческим анализом) широкого круга античных и византийских письменных источников о готах — участников Великого переселения народов и раннесредневековой истории континента. И в русской, и в зарубежной, особенно немецкой, науке этой теме всегда придавалось особое значение, поскольку геополитические интересы и национальные этнопсихологические установки народов Центральной и Восточной Европы достаточно легко проецировались на события эпохи Великого переселения народов, которые имели и обратную рефлексию — на реалии нового времени.

В отечественной историографии готский вопрос приобрел особое значение в связи с проблемой этногенеза славян. Так, ещё Н. М. Карамзин (1766–1826) выделял готский период в истории Южной России (Карамзин 1989: 37). Позднее Д. И. Иловайский (1832–1920), критикуя норманнскую теорию, пытался объяснить германские заимствования в славянских языках с точки зрения контактов готов и славян (Иловайский 1882). Славяновед А. С. Будилович (1846–1908) выдвинул гипотезу о готском происхождении слова 'Русь' (Будилович 1897: 118–119), которая сразу же вызвала справедливую критику (Браун 1892: 45–58). В конце XIX–начале XX вв. интенсивно изучались вопросы пребывания готов в Крыму и других регионах Южной России (Арсений 1873: 60–86; Брун 1880: 189–249), а также христианства у готов (Кондараки 1871; Беликов 1887).

Глубокий интерес к гото-славянской проблематике проявляли академики А. А. Куник (1814–1899), В. Г. Васильевский (1838–1899), Ф. И. Успенский (1845–1928), византинист Ф. Вестберг, оставившие исследования о «Записке готского топарха» (Васильевский 1912: 297–497; Вестберг 1909: 71–132, 227–286; Успенский 1889: 253–294), а также А. Н. Веселовский (1838–1906), который пытался найти отголоски пребывания готов в Причерноморье в германском и скандинавском эпосе (Веселовский 1889: 1–14; 1900; 1906: 1–190). Еще А. А. Куник выявил следы готского влияния на быт, язык и социальную организацию славян, которые ранее исследователи приписывали норманнам (Куник 1874: 61–160). Эти же идеи затем последовательно развивал профессор Петербургского университета Ф. А. Браун, которому принадлежат самые яркие работы по готской истории в российской историографии.

Федор (Фридрих) Александрович фон Браун (Braun, 1862–1942), историк, филолог-романист, специалист в области сравнительного языкознания, родился в Петербурге в семье врача, немца по национальности, учился в 1-ой Петербургской гимназии, которую закончил в 1881 г. с золотой медалью. Высшее образование Браун

© И.В.Тункина, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

получил на историко-филологическом факультете Петербургского университета (1885), при котором был оставлен для подготовки к профессорскому званию и на 2,5 года командирован за границу (Германия, Швейцария, Франция, Великобритания). Академическая карьера ученого складывалась успешно. С 1888 г. Браун — лектор немецкого языка и приват-доцент, а после защиты магистерской диссертации по истории западноевропейской литературы (1900) — экстраординарный, с 1907 г. ординарный, с 1913 г. заслуженный ординарный профессор кафедры истории западноевропейской литературы (романо-германской филологии) Петербургского-Петроградского университета, где он вплоть до 1920 г. занимал административные посты секретаря (1900) и декана (1908-1910, 1912-1920) историко-филологического факультета, проректора университета (1906-1908) (Юбилей проф. Ф. А. Брауна 1913: 785; Биографический словарь 1896: 90–91). Браун преподавал также историю всеобщей литературы на Высших женских (Бестужевских) курсах, в 1918 г. стал ректором Педагогического института (бывшего Петербургского историко-филологического). Он являлся действительным членом Русского археологического общества (1892), с 1906 г. председателем Неофилологического общества при университете, с 1919 г. членом Совета и председателем Комиссии по исторической географии Российской академии истории материальной культуры (РАИМК). Научные заслуги Брауна были по достоинству оценены его коллегами — он был избран иностранным членом–корреспондентом Шведской Академии (1920).

В марте 1920 г. Браун, страдавший болезнью горла, уехал в заграничную командировку под предлогом знакомства с новейшей научной литературой, и принял предложение Лейпцигского университета прочесть курс лекций по германским древностям, но в Россию не вернулся (ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 134. Л. 42–42 об. — curriculum vitae, 1921, автограф Брауна). В эмиграции он был удостоен степени почетного доктора философии Лейпцигского университета (1921), где читал лекции в качестве приват-доцента (1920-1922), почетного ординарного профессора (1922-1927), с 1927 г. экстраординарного профессора кафедры истории Восточной Европы. В 1920-х гг. Браун сильно бедствовал, подрабатывал в издательстве Гржебина, был редактором научного отдела берлинского научно-художественного журнала «Беседа» (1923–1925), выходившего под редакцией М. Горького. 15 января 1927 г. по представлению академиков С. Ф. Платонова, И. Ю. Крачковского и С. Ф. Ольденбурга эмигрант был избран членом-корреспондентом АН СССР по разряду исторических наук (история) еще по старому, дореволюционному академическому уставу (Платонов, Крачковский, Ольденбург 1927: 1517–1520; Персональный состав АН СССР 1974: 390). Несмотря на откровенный нажим на административное руководство АН СССР со стороны советских властей с требованием исключить ученых-эмигрантов из АН СССР, по архивной справке от 26 ноября 1935 г. Браун числился в печатных списках членов Академии наук вплоть до 1930 г., и официального постановления об его исключении из АН СССР принято так и не было (ПФА РАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 146. Л. 38).

Интерес к истории готов проявился еще на заре научной деятельности этого выдающегося учёного, получившего в Петербургском университете блестящую историко-филологическую подготовку у И. Н. Минаева (санскрит и сравнительное языкознание), И. В. Ягича (славянская филология), А. Н. Веселовского (общее и историческое языкознание, в том числе в области германских языков). Академика А. Н. Веселовского Браун считал своим главным учителем. В 1885–1887 гг. обозначился круг тех вопросов в области исторической лингвистики, которым он посвятил большую часть своих работ, касавшихся древностей в широком понимании этого слова. Браун обратил внимание на нерешенность ключевых вопросов истории контактов славянского и германского миров.

Первой крупной работой Брауна стало исследование в области историчесой этнологии — о готах в Крыму (Braun 1890). Летом 1890 г. ученый посетил поселения последних потомков готов на побережье Азовского моря (Браун 1891: 78–92) и по поручению Императорской Археологической комиссии провел археологические раскопки в Крыму «с целью отыскания там следов готских поселений» (Мангуп, Сюйрень, Биясала, Партенит). Однако из-за недостатка времени он в течение 28 дней провел раскопки только в развалинах «столицы готских конунгов» на Мангупе, в Симферопольском уезде Таврической губ. (РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1890. Д. 40. Л. 2–4: записка приват-доцента Имп. Санкт-Петербургского университета Ф. А. Брауна о раскопках на Мангупе; ОАК за 1890 г. 1893: 15–21). Упоминание в найденной им девятистрочной надписи крепости Феодоро, по мнению Брауна, подтверждало локализацию последней на Мангупе (ОАК за 1890 г. 1893: 20).

Являясь в первую очередь лингвистом, Ф.А.Браун пытался отыскать отголоски готского языка в языке крымских татар, однако его поиск не принёс обнадёживающих результатов, а исследования учёного в этом направлении вызвали серьёзную критику со стороны востоковедов-тюркологов, в частности В. Д. Смирнова (Орбели 1986: 148–149). Проблеме гото–славянских контактов была посвящена магистерская диссертация Брауна — «Разыскания в области гото–славянских отношений». В свет вышел только первый том, посвящённый периоду пребывания готов на Висле, хотя в монографии затронуты и более поздние этапы истории германских племён (Браун 1899; рецензии: Диссер-

тация о готах 1899: 376–377; Веселовский 1900: 1–35; Кулаковский 1901а: 500–527; 1901б: 262–269; ответ на рецензии: Браун 1901: 218–238). Предполагалось, что за первым томом последуют ещё два, в которых будут рассмотрены вопросы, касающиеся «готского периода» в жизни славянства вообще и восточного в частности. Несмотря на незавершённость, фундаментальная работа Ф. А. Брауна по прошествии сотни лет представляет научную ценность.

От продолжения этого исследования Брауна отвлекло поручение, данное в 1900 г. Отделением русского языка и словесности (ОРЯС) Петербургской АН — разработать подробный план критического издания корпуса всех памятников скандинавской письменности, относящихся к России и Востоку. Проработав весь материал исландских саг, Браун пришел к выводу, что критическое издание всех саг, относящихся к России и содержащих данные о ней, «не представляется необходимым», и что вполне достаточно издать лишь некоторые из них, построенные исключительно «на русских мотивах», из остальных же подвергнуть подробному критическому разбору только «русские эпизоды». Браун трижды побывал в Швеции и исследовал там 82 рунических надписи, издал в «Известиях Императорской Археологической комиссии» шведскую руническую надпись, найденную в 1905 г. Э. Р. фон Штерном на о. Березань. Весь собранный материал о сагах и рунических надписях он представил Академии наук, однако его напечатать не удалось. Издание было начато в 1911 г. с рунических памятников (набраны два первых листа текста, изготовлены клише для первого тома), однако начавшаяся Первая мировая война перечеркнула планы издания.

К теме германо-славянских контактов Ф.А.Браун вернулся лишь в 1920-х гг. в Лейпциге. После Октябрьской революции 1917 г. и гражданской войны из России были вынуждены эмигрировать многие представители «старой» генерации ученых, занимавшихся историей готов, в частности, по характеристике Н.Я.Марра, «тонкий лингвист-индоевропеист» Ф.А.Браун (Миханкова 1949: 315). Интереснейшую информацию о его научной деятельности в эмиграции сохранили личные письма к коллегам-ученым, оставшимся в Советской России.

Ф. А. Браун покинул Россию в 1920 г. О причинах своего отъезда он откровенно писал академику Ф. И. Щербатскому, известному индологу и буддологу, во время пребывания последнего в заграничной командировке в Швеции: «Мало приходит вестей из России, а тоска по близким людям и родным местам растет, несмотря на привольное житье здесь по сравнению с жизнью в Питере. Страшно за друзей, оставшихся там; хотелось бы знать о них подробнее. [...] Я живу здесь скромно и тихо, много работаю, собираюсь напечатать брошюрку о происхождении германцев и читаю лекции по германской филологии (... «реалиям») в качестве приват-доцента. Здешний университет отнесся ко мне чрезвычайно мило и предупредительно, инициатива моей «Habilitation» исходила от факультета. Но связывать себя я не хочу, так как при первой возможности все же вернусь «домой». Когда это будет – не знаю. Хочется поработать – и работается очень хорошо. Первая и главная причина того, что я здесь остался пока, все же не это, а состояние моего здоровья, в частности *горла*, которое пришло в отчаянное состояние вследствие условий жизни в Питере прошлой зимой. Сказалось чахоточное наследие. Я энергично лечился прошлым летом, но врачи категорически запретили мне возвращение и потребовали повторного лечения нынче летом. В данный момент чувствую себя недурно, но от времени ко времени все же повторяются ларингиты с сильным подъемом температуры. Как раз на днях я снова пролежал неделю, – встал только третьего дня. Острой опасности нет (мне ведь уже 58 лет), но крайняя осторожность обязательна. Что будет дальше – не знаю. Пока об этом не думаю. Хлеб на себя и на семью зарабатываю тем, что состою научным сотрудником издательства Гржебина и руковожу печатанием его изданий в Лейпциге» (письмо из Лейпцига в Упсалу (Швеция) от 24 марта 1921 г.– ПФА РАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 43. Л. 2–2 об., 4–4 об.).

Тем не менее о возможности возвращения на родину Браун все же размышлял: «Вопрос о возвращении домой — трудный, тяжелый вопрос... Я, конечно, понимаю, что, оставаясь здесь, мы ухудшаем положение оставшихся там, — хотя все эти оставшиеся (Карсавин, Жебелёв, Петров) пишут мне в один голос, чтобы я никоим образом не возвращался, так как помочь им не смогу, и только сам погибну. Но стыдно оставаться тут, когда близкие, с которыми делил всю жизнь все радости и горести, бьются там как рыба об лед и ведут безнадежную борьбу. Да и тоска растет с каждым днем. С другой стороны – я с осени уехать не могу: надо долечить горло – это все предлог! оно у меня в силу наследственности и последних лет в крайне скверном состоянии... Наконец, уж очень хорошо здесь работается, и стосковался я по работе отчаянно. Хотелось бы хоть что–нибудь сделать. Ничего не предрешая, я должен отложить окончательное решение до осени. Стараюсь не терять связь, чтобы иметь возможность вернуться, как только смогу» (письмо из Лейпцига в Берлин от 8 апреля 1921 г. – ПФА РАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 43. Л. 5 об.–7).

В начале 1920-х годов Браун являлся сторонником и активнейшим пропагандистом за рубежом яфетической теории своего друга, председателя РАИМК академика Н. Я. Марра. Николай Яковлевич Марр (1864/1865–1934), автор более чем 500 научных работ, в эпоху специализации гуманитарных наук по праву слыл за

энциклопедиста. Ученик основателя новой отечественной школы востоковедов барона В.Р.Розена (1849–1908), он являлся не только кавказоведом, лингвистом-полиглотом, специалистом в области сравнительно-исторического языкознания и создателем «нового учения о языке», но и археологом, автором работ в области агиографии. Сначала магистр (1899), затем доктор (1902) восточной словесности, вскоре избранный адъюнктом (1909) и ординарным академиком (1912) Петербургской АН по истории и литературе азиатских народов, Марр являлся членом-сотрудником (1889), затем действительным членом (1900) Русского археологического общества, многих русских и зарубежных научных обществ, академий, университетов и пр. Сын ученого-садовода, родившийся в Кутаиси, как и Браун, он закончил Петербургский университет (1888), но по другому факультету (восточных языков), совершенствовал знания в Германии и Италии (1894-1896), затем служил приватдоцентом (с 1891 г.), экстраординнарным (с 1900 г.), ординарным (с 1902 г.) профессором, деканом факультета восточных языков (1911–1918) Петербургского-Петроградского университета. Марр являлся руководителем археологической экспедиции по изучению древнеармянской столицы Ани в Восточной Турции (1892-1893, 1904–1917), после Октября 1917 г. стал председателем Российской государственной археологической комиссии (1918–1919), создателем и с 1919 г. до своей смерти (с перерывами) председателем РАИМК-ГАИМК, создателем и директором Яфетического института (1921–1934), директором Государственной Публичной библиотеки (1924–1930), членом Президиума Центрального бюро краеведения, а в конце жизни был избран вице-президентом АН СССР (1930–1934).

На мой взгляд, *адекватно* оценить личность Марра, его научно-организационную и сугубо научную деятельность в различных гуманитарных дисциплинах, его положительное и отрицательное влияние на научный процесс, не удалось ни одному из его биографов — видимо, не пришло еще время, и не родился еще такой же ученый-энциклопедист, каким был сам Николай Яковлевич. О феномене Марра и судьбе его «нового учения о языке» повествует интересное, но на мой взгляд, слишком одностороннее исследование (Алпатов 1991), к сожалению, полностью игнорирующее богатейшие личные архивы Марра и его коллег по Академии наук.

Браун и Марр активно сотрудничали в 1920–1925 гг., о чем красноречиво свидетельствует их переписка, но уже в 1925 г. их дороги разошлись навсегда (Миханкова 1949: 314–335). В панегирической монографии Миханковой о Марре процитирован ряд писем Марра Брауну, хранящихся в личном фонде Николая Яковлевича, однако сохранившиеся в том же архиве ответные письма Брауна практически не использованы (ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 134. 43 письма за 1920–1925 гг. на 74 листах). Переписка двух ученых, безусловно, заслуживает самостоятельной и полной публикации.

В начале 1920-х гг. Марр считал, что яфетиды являлись первоначальным населением всего Средиземноморья, позднее скрещенным с индоевропейцами, семитами и другими народами. Распространение яфетических языков он связывал с этническими миграциями, которым он до 1923 г. придавал огромное значение (Алпатов 1991: 26). Находясь в первой после революции заграничной командировке, Николай Яковлевич больше месяца осенью 1920 г. провел в Лейпциге и убедил Брауна в верности яфетидологии, о чем последний сам сообщил своему ученику, акад. Ф. И. Щербатскому в письме от 24 марта 1921 г. из Лейпцига в Упсалу (Швеция): «Н. Я. Марр прожил у меня здесь с середины октября до начала декабря, потом уехал во Флоренцию к этрускам, откуда (в январе) перебрался в Байонау к баскам. Закончив там работу, он собирался в обратный путь (в Тифлис, через Марсель-Батум), но заехал в Париж вследствие политических условий — занятия Грузии большевиками — и теперь сидит там в ожидании выяснения положения.... Мы с ним затеяли большое научно-литературное предприятие по яфетическому вопросу, собираемся издать серию «Japhetitische Studien» и т. д. — но об этом в другой раз. [...] Суть в том, что Марровскую теорию я проверил, насколько мог, в длительных ежедневных беседах, когда он был тут. Он несомненно сильно увлекается, как все «Pfadfinder» (первооткрыватель. (нем.) – *И. Т.*), но по существу он прав, и в частности его выводы (скорее — открытия) относительно басского и этрусского, а стало быть и пелазгского, поразительны. А они имели для меня решающее значение. Отмечу, что эти идеи ведь не новы. Относительно этрусков связь с кавказскими языками утверждал уже 25 лет тому назад никто иной, как V. Thomsen, — несомненно ведь один из крупнейших лингвистов и в смысле метода — авторитет. О басках тоже в 1909 г. уже почти доказал H. Er(m)ler. Но ни тот, ни другой не могли подвести под свои утверждения такой широкий и крепкий фундамент, как Марр. Я глубоко верю в его правоту; а так как его выводы идут навстречу тому, чему я давно учил своих студентов (о доиндоевропейском населении Европы) в виде гипотезы, то я с жаром ухватился за этот материал. В результате — моя гипотеза о происхождении германцев и tout ce qui s'en suite (все что за этим следует (франц.). – *И. Т.*).

Вы прочтете об этом всем в моей брошюрке, которая, надеюсь, выйдет в течение месяца. А наши Japhet(itische) Studien хотят только развернуть всю проблему и дать необходимый материал для ее проверки. Вы, я думаю, правы: если Марр не был так одинок, то работа его шла бы нормальнее и лучше. Быть может, я

смогу помочь. Что я знаю, что такое лингвистический метод, — в самом ортодоксальном смысле, — это Вам известно, хотя бы по моим давним лекциям, которые Вы слушали.

У Марра один большой недостаток, который *очень* ему вредит: он совсем не умеет говорить, и еще меньше — писать, т. е. спокойно и убедительно доказывать что-либо, нанизывая аргумент на аргумент. Но это устранимо. Виноват его «темперамент», над которым мы так часто смеялись. Для успеха его теории это — трагическое обстоятельство, но сути дела это не затрагивает. Подошедши ближе и всмотревшись, я вижу, что путь верен и метод хорош. А это пока все, что нужно» (ПФА РАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 43. Л. 2, 7–7 об.).

В 1920-е гг. Браун много работал в области антропологии, этнологии и доисторической археологии, готовил к изданию большое исследование о древнейшей географической номенклатуре Европы (реки и горы), читал в Лейпцигском университете лекции по исторической ономастике и топонимике Германии (Миханкова 1949: 315), а также курсы по германским древностям, русской истории, языку и литературе, издал ряд монографий по истории взаимосвязей древней Руси с германскими племенами: «Das historische Russland in nordischen Schriften des X–XIV Jahrhunderts», «Russland und Deutschen in alter Zeit», «Заимствованные слова», «Варяги на Руси».

Браун попытался интерпретировать теорию Марра в строго научном русле, представляя яфетические языки как субстрат для индоевропейских. В 1922 г. в Штуттгарте он опубликовал переработанный в брошюру доклад о первобытном населении Европы — «Die Urbervölkerung Europas und die Herkunft der Germanen» (Braun 1922), ставшую первым выпуском в серии «Japhetitische Studien für Sprache und Kultur Eurasiens», издание которой остановилось на 2-м выпуске книгой Марра (Bd 1–2. 1922–1923). Основной задачей языкознания Браун считал выяснение характера языка или языков доиндоевропейских обитателей Европы — их фонетики, морфологии и лексики (Миханкова 1949: 315). Ученый полагал, что яфетидология способна вывести индоевропеистику из тупика, в который она попала. В этой брошюре Браун попытался применить лингвистическую теорию Марра к проблеме происхождения германцев и доиндоевропейского населения Европы. Неразъясненные элементы немецкого языка, по мысли Брауна — вклад тех доиндоевропейских языков, которые индоевропейцы, пришедшие со своей прародины, застали в занятых ими областях.

Эта публикация вызвала неоднозначную оценку в научных кругах как в России, так и в Западной Европе, о чем Ф. И. Щербатской сообщал непременному секретарю РАН, индологу акад. С. Ф. Ольденбургу: «Марр столковался с Брауном и убедил его, это первая его большая победа, и я ужасно рад. Meiller продолжает относиться совсем отрицательно. Вместе с Брауном Марр будет издавать «Jafetitische Studien». Сам Браун строит на новых данных, в связи с яфетической теорией, новую гипотезу о происхождении германцев!!» (письмо от 21 апреля 1921 г., из Берлина); «Насчет перехода Брауна в лагерь яфетидологов все пожимают плечами... Случаи такого падения в область фантазий в истории лингвистики бывали. Вообще (результаты) Брауна, взятые из антропологии и археологии — эта часть встречает сочувствие у специалистов, лингвисты же все относятся резко отрицательно» (письмо из Берлина от 16 ноября 1922 г.— ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 685. Л. 60, 87 об.).

Появление первой книги Брауна, написанной в русле яфетидологии, произвело эффект разорвавшейся бомбы: «Со всех сторон получаю письма по поводу книжки, — сообщал Браун Щербатскому в Лодон 22 апреля 1922 г., —(отклики) прямо сочувственные и одобряющие, другие — с оговорками и сомнениями, но все без исключения — сильно заинтересованные и задетые за живое; иначе говоря — главная цель достигнута и яфетическая теория вошла, наконец, в оборот западно-европейской научной мысли. За дальнейшее мне не страшно. Я боялся только, что книжку «замолчат»; эти опасения миновали. На прошлой неделе на археологическом съезде в Брауншвейге (я ездил туда на один день) был доклад Шухардта (археолога, директора Берлинского музея) специально об этом, — доклад несколько легкомысленный, правда, — доказывавший, что археологический материал превосходно подтверждает мои построения относительно германцев! Вывод был настолько неожидан, что я усомнился в его правильности и во время дискуссии откровенно, к удивлению собрания, высказал эти сомнения. Вышел курьез, но ничего не поделаешь: amicus Plato и т. д. (amicus Plato, sed magis amica veritas, т. е. Платон – друг, но истина — больший друг (лат.). – *И. Т.*). Теперь готовлю перевод Марровского «Яфетического Кавказа» (Marr 1923. – *И. Т.*). Отчаянно трудно; я решил совсем переделать его стилистически, иначе это будет удар по воде» (ПФА РАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 43. Л. 9 об.). Проблему этногенеза германцев с точки зрения не лингвистики, а археологии и этнологии, Браун затронул в опубликованной на русском языке популярной книге «Первобытное население Европы» (Браун 1923).

При содействии и в переводе Брауна Марр издал своё исследование по яфетидологии Кавказа на немецком языке (Marr N. 1923). В ранних письмах Браун обращается к Марру официально как Николай Яковлевич, но очень скоро их тон становится все более теплым и дружественным, послания начинаются со слов приветствия — «дорогой яфетид», «дорогой брат»,

«дорогой брат яфетид», «родной мой» (1922). Но уже с марта 1923 г. в письмах Брауна Марру появляются нотки раздражения, которые постепенно усиливаются. Последнее письмо Брауна с решительным отказом участвовать в издании 3-го выпуска «Яфетических исследований», планировавшихся как сборник статей учеников и последователей Марра, датировано 27 марта 1925 г. (см. ниже).

Причина разрыва между двумя учеными банальна: Браун убеждал коллегу оставаться строго в рамках науки и заниматься *доказательством* родства яфетических языков, но Марр не мог остановиться — круг яфетических языков со временем становился все шире, а время существования яфетической семьи отодвигалось все дальше вглубь тысячелетий (Алпатов 1991: 31). Председатель РАИМК упрекал Брауна в излишнем упрощении решения проблемы доиндоевропейского населения Европы, которая «не может быть низведена до такой простоты», Браун, напротив, ставил коллеге на вид сложность и недоступность для читателя языка и содержания публикуемых книг по яфетидологии. Он убеждал Марра в необходимости опубликовать сначала очерк яфетической методологии и сравнительную грамматику яфетических языков, прежде чем продолжить издание серии «Japhetitische Studien», но не встретил понимания.

Привожу фрагменты последнего дошедшего до нас письма Брауна Марру из Лейпцига от 27 марта 1925 г., формулирующего научное и педагогическое credo ученого и его отношение к яфетидологии. На мой взгляд, комментариев этот поразительный по эмоциональному накалу документ не требует.

«Ты не отдаешь себе отчета в том, что для меня связано с яфетидологией, — сколько надежд, какой прилив рабочей энергии. Правда, я давно убедился в том, что яфетидологом в полном смысле слова мне уже не стать... Но я хотел посильно помочь ей, защищать ее от нападок со стороны, расчистить ее суть, насколько это в моих силах, установить связь с индоевропеистикой, применить ее выводы к решению тех вопросов, — общих и частных, — которые относятся к моей специальности. И не думай, что я в ней разочаровался. *Наоборот!* Чем больше я вдумываюсь, тем мне становится яснее, как велика ее ценность и значение. Поставленная правильно, она вывела бы языкознание и историческую этнологию из тупика, в котором они оказались и в котором задыхаются.

Но — она поставлена **не**правильно, и это ее трагедия. И я считаю своим научным и братским долгом сказать тебе это, пока еще не поздно. Я уже много раз писал тебе об этом по отношению к частным вопросам... Но хотелось бы еще раз подвести некоторые итоги, сконцентрировать доводы, чтобы убедить тебя в том, что ты губишь дело, созданное тобой. Ты поднимаешься все выше и выше, ты строишь пятый этаж, не укрепив второго и тем делаешь здание необитаемым, подрываешь доверие к нему, приводишь к тому, что все сторонятся его, боясь, в случае крушения, попасть под его обломки. Крушения не будет, я в этом уверен, но если ты не изменишь приемы своего строительства, то яфетидология так и останется блестящим построением, снаружи привлекательным для некоторых, ненадежным для большинства и — никому недоступным, а потому *ненужным*.

Я буду откровенен до грубости, и ты, если можешь, прости, потому что не упрекать тебя я собираюсь, а хочу лишь передать свою точку зрения и обратить твое внимание на то, чего ты в своем эгоистическом творческом порыве не замечаешь, мчась вперед без оглядки.

Твои статьи все — ряд блестящих афоризмов, которые, *быть может*, правильны, а быть может и нет. Афоризм, однако, не есть научный вывод. Ты всегда только *утверждаешь*, иногда иллюстрируешь свой тезис несколькими примерами, но не *доказываешь*. Доказательства у тебя где-то есть, но ты их не приводишь, и ты сердишься, когда тебе не верят, — забывая, что твои читатели *не имеют права* верить тебе без проверки. Выходит, словно ты сознательно скрываешь свои доказательства, — быть может из высокомерия: ты лично удовлетворен, раскрыв истину, а до других тебе дела нет, — пусть ищут сами. Много раз и с разных сторон тебе ставили вопрос: где доказательства? Враги твои говорят, что у тебя их вообще нет. Что им на это сказать? Ответить твоими словами, что доказательства там, в книгах и статьях Марра, которые насчитываются сотнями и разбросаны по десяткам изданий, редко кому доступным? Да еще на русском языке? Да еще не сведены в систему? Да еще противоречат друг другу, потому что в момент появления новой работы предшествующая уже устарела. Это всегда и во всех науках так. Во всех есть же известные основные положения, на которых строятся все остальные. Где их найти?

Весь трагизм яфетидологии в том, что ты ставишь своих читателей перед бесформенной грудой материала и говоришь им: поройтесь, там все есть! И не даешь им даже ключа к твоим иероглифам, не даешь даже, в доступной форме, ключа к твоей транскрипции, к условным знакам, к своеобразной и сложной яфетидологической терминологии, не говоря уже обо всем прочем. Ты говоришь: не умею и не хочу писать для приготовишек. Но ты забываешь, что и Ньютон, и Дарвин были когда-то приготовишками, и сделались они великими учеными только потому, что нашлись более знающие, чем они, которые помогли им учиться. Понимаю, что это очень скучно — спуститься с пятого этажа и объяснять неучам, из каких камней сложен фундамент, и почему сложен именно так, а не иначе. Я охотно снял бы с тебя эту обязанность,

переложил бы ее с твоих плеч на чужие, более молодые и менее обремененные. Но что же делать, если таких плеч нет? Боюсь, что и все твои ближайшие ученики заражены уже твоим «высокомерием» — прости мое это слово! — и что дело наше погибает, да, да, погибает, если ты не пересилишь себя, не спустишься с верхних этажей и не пожертвуешь частью своего времени, чтобы написать — яфетидологический букварь. Никто не сможет сделать этого с таким авторитетом, как ты, и ты один можешь спасти свое дело.

Когда мы с тобой затеяли «Japhetitische Studien», план был ясен, и мы до известной степени обязались выполнить его в смысле постепенного раскрытия яфетидологической системы. Первый выпуск, мою книжку, сильно обругали (Braun 1922. – *И. Т.*); но читать эти рецензии было весело: чувствовалось, что книжка многих задела за живое. И кое-кого она серьезно заинтересовала. Было немало запросов, все ждали дальнейшего, ждали доказательств, обоснования; так мне и писали с разных сторон. Вместо этого мы выпустили твою книгу (Marr 1923. – *И. Т.*): я вижу теперь, что это было *ошибкой*, как она ни интересна сама по себе. Она вызвала только недоумение и разочарование, которое сквозило и иногда откровенно высказывалось в письмах друзей... Опять общая ориентация без доказательств? И даже ругать ее не стали, — молча прошли мимо. Не появилось ни одной рецензии, продано — 95 экземпляров.

Если мы напечатаем теперь такую же третью книгу, да еще не цельную по замыслу, а сборник статей, то это будет не только ударом по воде и совершенно бесполезной затратой времени, труда и денег, но прямым *вредом* для дела: мы вызовем только протест у наших друзей, и насмешку у врагов [...].

Нет, этого не должно быть, уже потому, что поправить этот вред было бы очень трудно. Я много думал об этом, очень долго, как видишь, колебался. Но теперь мой вывод непоколебим: третий выпуск «Japhetitische Studien» такого типа скомпрометирует наше дело, а потому его быть не должно. Я верну вам все материалы, раз ты говоришь, что можешь и хочешь напечатать в другом месте. Это дело Яфетического института и твое. Но ты позволишь мне высказать мое мнение и по этому вопросу? Я считаю себя вправе высказать его, потому что ведь и я тоже, кажется, член института, и мое имя так же экспонировано, как и твое: по моему глубокому искреннему убеждению надо приостановить «Japhetitische Studien» и «Яфетический сборник», пока не будет издано хотя бы краткое руководство, которое дает возможность читателям понимать их. Для этого вовсе не нужно знания десятков яфетических языков, но необходимо по крайней мере представление об общем строе их, о их группировке и основаниях её; нужен очерк яфетической методологии, о которой ты так часто говоришь (как бы я хотел помочь тебе в этом, если бы у меня было знание материала, как у тебя!), и – если возможно — нужен хотя бы краткий очерк сравнительной грамматики яфетических языков, с объяснением транскрипции и терминологии. Ты увидел бы, как ожила бы тогда яфетидология, как быстро заняла бы в науке подобающее ей место, как занялись бы многие, многие изучением отдельных языков...» (ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 134. Л. 73–74 об. – окончание письма в деле отсутствует).

Как следует из этого эмоционального, горького письма, по мере развития марровского учения, делавшегося все более агрессивным и бездоказательным по отношению к традиционной лингвистике, яфетидология все более и более смущала Брауна, поэтому разрыв между коллегами оказался неизбежен. Если Браун считал яфетическую теорию колыбелью нового языкознания, воплощением мирной эволюции тенденций, наметившихся в традиционной индоевропеистике, то Марр ставил перед собой принципиально иную задачу: он стремился не к спасению «обреченной индоевропеистики», а к ее полному разгрому. Вскоре в СССР Браун был обвинен в «буржуазном примиренчестве», совмещении несовместимого — яфетической теории и индоевропеистики, эклектизме, стремлении «омолодить отжившие традиции» и т. п. (Миханкова 1949: 317, 337).

Со временем активная административная деятельность, направленная на спасение и выживание науки в новых политических условиях (достаточно сказать, что Академия наук СССР в 1928-1929 гг. не была закрыта только благодаря пламенным выступлениям Марра перед партийным и советским руководством страны), душевная болезнь и последовавшая за ней смерть Марра не оставили шансов на создание даже элементарного курса по яфетидологии, а ее многочисленные апологеты в СССР эту задачу были выполнить не в силах. На мой взгляд, во многом из-за особенностей психологического склада личности своего создателя и обстоятельств того времени яфетидология как научная теория объективно была обречена на смерть.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов В. М. 1991. История одного мифа: Марр и марризм. М.

Арсений. 1873. Готская епархия в Крыму // ЖМНП. № 1.

Беликов Д. Н. 1887. Христианство у готов. Казань.

Биографический словарь. 1896. Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования 1869–1894. СПб. Т. 1(краткая автобиография).

Браун Ф. А. 1891. Мариупольские греки // Живая старина за 1890 г. СПб. Вып. 2.

Браун Ф. А. 1892. Гипотеза профессора Будиловича о готском происхождении названия ‘Русь’ // Записки Неофилологического общества при Имп. Санкт-Петербургском университете. Вып. 2. № 1.

Браун Ф. А. 1899. Разыскания в области гото–славянских отношений. I. Готы и их соседи до V века. СПб. Вып. 1: Первый период. Готы на Висле (Сб. ОРЯС. Т. 64. № 12).

Браун Ф. А. 1901. Ответ проф. Ю. А. Кулаковскому // ЖМНП. № 3. Отд. 2.

Браун Ф. А. 1923. Первобытное население Европы. Берлин.

Брун Ф. К. 1880. Черноморские готы и следы долгого их пребывания в южной России // Черноморье. Одесса. Ч. 2.

Будилович А. С. 1897. К вопросу о происхождении слова Русь // Труды VIII Археологического съезда в Москве 1890 г. СПб. Т. 4.

Васильевский В. Г. 1912. Житие Иоанна Готского // Труды. СПб. Т. 2.

Веселовский А. Н. 1889. Славяно-германские отрывки // ЖМНП. № 7. Отд. 2.

Веселовский А. Н. 1900. Из истории древних германских и славянских передвижений // ИОРЯС. 1900. Т. 5. Кн. 1. Отд. отт.: СПб.

Веселовский А. Н. 1906. Русские вильтины в саге о Тидреке Бернском (Веронском) // ИОРЯС АН. Т.11. Кн. 3.

Вестберг Ф. 1909. Записка готского топарха // ВВ. Т. 15. Вып. 1–2.

Диссертация о готах. 1899 // Археологические известия и заметки. № 11–12 (сообщение о магистерском диспуте).

Иловайский Д. И. 1882. Разыскания о начале Руси. М.

Карамзин Н. М. 1989. История государства Российского. М. Т. 1.

Кондараки В.Х. 1871. Христианство в Тавриде. Одесса.

Кулаковский Ю. А. 1901а. (Рецензия на кн.: Браун Ф. А. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1897) // ЖМНП. № 2. Отд. 2.

Кулаковский Ю. А. 1901б. Несколько слов по поводу ответа проф. Ф. А. Брауна // ЖМНП. № 5.

Куник А. А. 1874. О записке Готского топарха. (По поводу новых открытий о таманской Руси и крымских готах) // Записки Имп. АН. Т. 24. Отд. отт.: СПб.

Миханкова В. А. 1949. Николай Яковлевич Марр: Очерк его жизни и научной деятельности. М.; Л.

ОАК за 1890 г. 1893. СПб.

Орбели И. А. 1986. Воспоминания студенческих лет // Юзбашян К. Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. М.

Персональный состав АН СССР. 1974. М. Т. 2.

Платонов С. Ф., Крачковский И. Ю., Ольденбург С. Ф. 1927. Записка об ученых трудах профессора Ф.А.Брауна // Известия АН СССР. 6 серия. № 18.

Успенский Ф. И. 1889. Византийские владения на северном берегу Черного моря в 9 и 10 вв. // Киевская старина. Т. 25. № 5–6. Отд. отт.: Киев.

Юбилей проф. Ф.А. Брауна. 1913. // Исторический вестник. № 11.

Braun F. 1890. Die letzten Schicksale der Krimgoten. SPb.

Braun F. 1922. Die Urbervölkerung Europas und die Herkunft der Germanen. Stuttgart. (Japhetitische Studien. Bd 1).

Marr N. 1923. Der japhetitische Kaukasus, und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur. Leipzig. (Japhetitische Studien. Bd 2).

РЕЦЕНЗИИ

Г.В.Засыпкина

ДАКИ II-III ВВ. К ВОСТОКУ ОТ КАРПАТ. НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ

Рецензия на монографию M.Ignat «Dacii liberi din Moldova. Contribuţii arheologice. Necropole de la Podeni si Zvorîştea», Iaşi, 1999.

G.V.Zasypkina. The Dacians from East of the Carpathian Mountains in II-III cc. New Studies of Funeral Sites

The objective of this review is to inform the readers about a new monograph in Romanian language. The book titled "Free Dacians in Moldova. Archaeological Records. Cemeteries Podeni and Zvoryshtea" by M.Ignat studies material and spiritual culture of the Dacians on the lands between the Carpathians and Prut river in II-III cc. A.D. The monograph publishes material collected on two Dacians cemeteries of the time and oflers author`s own typology of pottery and other goods. The author provides both traditional typology and systematization of the grave goods by role and use of each item in the funeral rite. Of major attention is study of the funeral rite among the free Dacians in various aspects: from classification of graves to reconstruction of cremation ceremony and religious beliefs about existence after death. Based on differences in funeral rite, the author gives a classification of Poeneshti cemeteries, as the published sites belong to this group, and divides it into chronological phases which are synchronized with neighbour cultures and cultural groups.

В 1999 г. в г.Яссы (Румыния) вышла монография М.Игнат «Dacii liberi din Moldova. – Contribuţii arheologice. – Necropole de la Podeni şi Zvorîştea» («Свободные даки Молдовы. Археологические данные. Могильники Подень и Зворыштя»), в которой рассматриваются отдельные аспекты материальной и духовной культуры дакийского населения Молдовы II-III вв.н.э. Задуманная как публикация материалов могильников Подень и Зворыштя, расположенных на северо-западе Молдовы и исследованных автором, в дальнейшем она была дополнена разработанной им типологией керамики и других категорий находок, а также реконструкцией погребальных ритуалов и связанных с ними верований свободных даков, общей периодизацией погребальных памятников культурной группы Поенешть, к которой относятся данные могильники, и ее этнической интерпретацией. В качестве источников использованы только могильники; систематизация находок и хронологические исследования, таким образом, полностью основаны на материалах закрытых комплексов. Монография включает пять глав, одну из которых составляет публикация материалов могильников, и приложение с соответствующими иллюстрациями.

Первая глава содержит обзор географического, археологического и отчасти исторического контекста рассматриваемых могильников. В качестве географических рамок исследования указаны равнина Молдовы и Сучавская возвышенность, т.е. территории между Восточными Карпатами и Прутом, но для сравнительного анализа привлекаются материалы дакийских памятников других регионов. Признаваясь в неосведомленности относительно ситуации за пределами Румынии, автор намеренно не касается Пруто-Днестровского междуречья, хотя неоднократно обращается к материалам липицких памятников Верхнего Поднестровья. Хронологические рамки исследования – от начала II до начала IV вв. – ограничены завоеванием Дакии Римом и сложением черняховской культуры. Верхнюю границу данного периода исследователь называет концом дакийской цивилизации, но не дакийской культуры, так как последняя «передала нить преемственности следующим векам». В качестве археологического контекста представлены дакийские поселения и могильники, находки римского импорта и памятники инородного (alogenă) населения.

С наибольшей полнотой и обстоятельностью рассмотрены дакийские поселения. Среди них выделены точно датированные II-III вв., которых большинство (74 из 120; 13 из них раскопаны) и «неопределенные», которые могут принадлежать к этому периоду. Это сделано с целью избежать ошибочного отнесения раннечерняховских памятников к дакийским, что иногда допускалось некоторыми исследователями. Более узкую датировку отдельных поселений автор пока не считает возможной из-за отсутствия детальных типологических исследований. Называя в качестве характерных черт дакийских поселений этого времени неукрепленность, недолговременность, примерно

© Г.В.Засыпкина, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

одинаковый уровень социально-экономического развития, единообразие материальной культуры и топографии, он подчеркивает существенные отличия данной ситуации от предшествующего периода, когда над неукрепленными дакийскими поселениями доминировали крепости, и ее типичность для многих близких по времени культур: пшеворской, зарубинецкой, карпатских курганов, а также черняховской. Смену типа поселений М.Игнат связывает в первую очередь с внутренними факторами, в том числе экономическими (экстенсивное земледелие), с повышенной мобильностью населения в эпоху потрясений и военных конфликтов, а также с римским завоеванием Дакии: уничтожение в ней королевской власти и жреческой касты привело к исчезновение крепостей – бывших центров экономической, политической и духовной жизни, что способствовало развитию новых форм социально-политической организации, отличавшейся более динамичной структурой. Говоря о процветающей материальной культуре и значительном демографическом скачке, на который указывает численность поселений, он предполагает существование во II-III вв. крупной политической организации, которую ниже отождествляет с военным союзом карпов. Приведенные данные создают достаточно полную картину, однако в дальнейшем при анализе могильников какие-либо параллели с материалами поселений приводятся довольно редко.

В отношении могильников исследователь акцентирует внимание прежде всего на степени их изученности, так как эта категория памятников со всеми подробностями рассматривается в следующих главах. Отмечая, что плотность дакийских памятников (как поселений, так и могильников) на Сучавской возвышенности выше, чем восточнее – на равнине Молдовы, он объясняет это тем, что дакийское население предпочитало возвышенности в силу экономических факторов, категорически отрицая роль сарматов, памятники которых сосредоточены на равнине; однако, первый тезис не уточняется, а второй не аргументируется.

Находки римских вещей и монет М.Игнат рассматривает как свидетельство постоянных и интенсивных связей свободных даков с империей, включения их в сферу ее «невидимых границ». По его утверждению, большинство находок римского происхождения следует напрямую связывать с присутствием дакийского населения, даже если они найдены отдельно или при неизвестных обстоятельствах, о чем вряд ли можно говорить с такой уверенностью.

Для севера Молдовы выделено три группы памятников, отнесенных автором к «инородному» населению: это культура карпатских курганов, сарматские памятники, известные в западной части региона, и памятники населения, связанного с пшеворской культурой, которое М.Игнат называет «восточногерманским». Носителей первой он считает преимущественно дакийским населением из бассейна Верхней Тисы. Однако то, что в данной зоне эта культура представляет собой новое явление, выступает как достаточное условие для причисления ее к «инородным» памятникам (в культурном, но не этническом отношении), хотя это входит в некоторое противоречие с его заявлениями о единстве дакийской культуры. Взаимоотношения даков и сарматов, проживающих на равнине Молдовы, по его мнению, ограничивались обменом при сохранении обоими народами своей этнической обособленности на протяжении всего рассматриваемого периода и отсутствии каких-либо свидетельств их совместного проживания, оседания номадов и ассимиляции их «автохтонами». Об инфильтрации немногочисленных групп носителей пшеворской культуры он считает возможным говорить только для конца III в., хотя уже с I в. до н.э. связи с ними прослеживаются в виде импорта и заимствований дакийским населением отдельных элементов материальной культуры и погребального обряда. Пшеворское влияние становится особенно сильным во II-III вв.н.э., что ниже неоднократно подтверждается археологическими данными.

Вторая глава содержит публикацию материалов могильников Подень и Зворыштя. Она включает историю их исследования, данные о географическом и топографическом положении, стратиграфии, количестве погребений и их расположении в пределах могильника, а также типах погребальных сооружений. Могильник Подень, где обнаружены только дакийские погребения (за исключением одного трупоположения), опубликован полностью. Из Зворыштя, где присутствуют также отдельные находки, отнесенные к эпохе бронзы, комплексы III в. до н.э., интерпретированные как «поля ритуальных ям», и остатки средневековых сооружений, публикуются только материалы исследуемого периода, для других культурно-хронологических горизонтов приводится их обобщенное описание. Кроме погребальных комплексов, в публикации представлены находки с древней дневной поверхности могильника, обнаруженные только в Зворыштя.

Полный каталог находок, опубликованных по комплексам, включает для каждого из них такие данные как: полные координаты (номер погребения, сектор раскопа, год раскопок), способ оборудования погребения (наличие урны и ее состояние; тип сосуда, служащего урной, и его особенности); описание погребального инвентаря с указанием типов керамических сосудов согласно разработанной в данной монографии типологии автора. Отмечается наличие на урнах и инвентаре следов огня, так как М.Игнат отводит этому признаку важную роль при реконструкции особенностей погребального

обряда. Форма ям и их размеры, за исключением глубины, не указаны по той причине, что контуры большинства погребений не удалось зафиксировать при раскопках.

В связи с неполной исследованностью могильника Подень и разрушением части погребений в Зворыштя автор делает попытку подсчитать приблизительное первоначальное количество погребальных комплексов на каждом памятнике, учитывая их плотность на различных участках и общую площадь могильника, с целью выяснения демографической ситуации в оставивших их общинах. Полученные им результаты составляют для Подень 75-100 погребений, для Зворыштя – 120-130, что в целом он считает сравнительно скромным количеством для памятников такого типа.

Таблицы с иллюстрациями, помещенные в приложении, отличаются хорошим качеством изображения; соблюдено разделение по комплексам с четкой нумерацией находок, обозначены профили керамических форм. Приведены также планы каждого могильника, однако полностью отсутствуют планы и профили отдельных погребений. В целом, несмотря на указанные упущения, качество публикации является одной из лучших сторон рецензируемого издания.

В третьей, наиболее обширной, главе сосредоточено решение ряда проблем, связанных с исследованием погребального обряда свободных даков, среди которых центральной является реконструкция погребальных обычаев и соответствующих верований. Она начинается с краткого обзора этапов развития погребального обряда у «гето-даков», начиная с V-III вв. до н.э., с целью проследить, с одной стороны, преемственность между различными периодами, предшествующими римскому завоеванию, с другой – изменения, происходившие в данной области. При этом автор затрагивает проблему исчезновения могильников рядового населения в классический период дакийской культуры, причиной которого он, вслед за М.Бабешем, считает временное распространение новых религиозных представлений, предполагавших практику «невидимых» погребений (Babeş 1988: 3-32). Однако, в отличие от Бабеша, М.Игнат не связывает это явление с деятельностью Декенея, так как начало его распространения предшествует времени правления Буребисты. Появление могильников вновь (в Земплине и Липице – в I в.н.э., а на территории провинции и в Молдове – во II в.) он в порядке предположения объясняет ослаблением влияния дакийской жреческой касты, утверждавшей это учение, не уточняя, чем оно могло быть обусловлено. Если для провинции и отчасти для Молдовы этот гипотетический «факт» можно связать с римским завоеванием, то для Земплина и Липицы хронологическое противоречие, по-видимому, указывает на необходимость искать иное объяснение.

Далее следует обзор погребальных памятников различных культурных групп дакийского населения за пределами провинции – Липицы, Поенешть, Килия-Милитарь и памятников западных и северо-западных районов провинции Дакия. К сожалению, ни для одной из этих групп не указаны географические границы распространения, не приведено ни одной карты с обозначением расположения упоминаемых памятников, что оставляет представленную археологическую и культурную ситуацию в значительной мере неясной.

Считая нужным пересмотреть существующие точки зрения касательно липицких памятников, М.Игнат делит их на 2 группы с точки зрения хронологии и особенностей погребального обряда. Первая включает прежде всего могильники Верхняя Липица, Звенигород-усадьба Великача и Завалье, которые он считает дакийскими «с заметными инородными влияниями», не упоминая, что эта интерпретация уже неоднократно была высказана разными исследователями (Цигилик 1975: 153-158; Козак 1990: 48-55; Щукин 1994: 231-232). Ко второй отнесены хронологически более ранние смешанные могильники, содержащие как дакийские, так и пшеворские погребения: Болотное, Звенигород и др. Автор не делает попыток разделить погребения этой группы по культурно-этническому признаку, ссылаясь на ненадежность существующих критериев. Упоминая впускные погребения в Чижикове и Колоколине, он оставляет их без какой-либо интерпретации, а связанные с ними проблемы не формулирует с достаточной четкостью.

Различия в погребальном обряде между хронологическими группами М.Игнат видит в том, что для более поздней характерен «добавочный» (complementar) биритуализм с исключительно детскими трупоположениями (7 трупоположений взрослых из Верхней Липицы он относит к эпохе бронзы, не приводя обоснований), а для ранней – биритуализм с трупоположениями взрослых. Не считая возможным связать наличие последних ни с пшеворскими, ни с дакийскими ритуалами (в обеих этих культурах трупоположения крайне редки), он пытается объяснить это либо легкостью изменения традиций при смешении культур, либо присутствием каких-то пока неизвестных культурных компонентов. Остается непонятным полное отрицание возможности сарматского влияния со ссылкой (без указания источника) на какие-то «последние исследования». При этом совсем не упоминаются мнения исследователей, которые указывали на более сложный в культурно-этническом отношении характер верхнеднестровских, в том числе липицких памятников, где отмечены не только сарматский и пшевор-

ский, но и зарубинецкий и кельтский компоненты (Козак 1989, 1990; Щукин 1974, 1994).

К группе Поенешть, которую отличает максимальное количество и разнообразие могильников и погребальных комплексов, М.Игнат причисляет ранее не относимые к ней периферийные и наиболее ранние памятники Сучава и Думбрава, а для группы Килия-Милитарь приводит только описание погребального обряда в сравнении с обрядами других групп и дакийского населения в целом.

Памятники, расположенные на западе провинции Дакия, рассматриваются в совокупности. Отмечая неоднородность и нестабильность этнической ситуации (в частности, присутствие сарматского и германского компонента), малочисленность известных дакийских могильников и недостаточную степень их исследованности, автор говорит о существовании нескольких территориальных и хронологических групп, но не считает возможным разделить их. Наиболее полно исследованный могильник Медиешул Аурит, расположенный севернее, он относит к свободным дакам, с некоторыми инородными элементами, отрицая мнения как об его пшеворской принадлежности, так и о том, что он иллюстрирует проникновение костобоков (которые здесь отождествляются с липицким населением) на юго-запад. Ряд его сходств с липицкими памятниками объясняется, по мнению автора, проникновением пшеворского населения и на те, и на другие территории, в различных пропорциях, но предпочтение этой версии не аргументируется. В погребальном обряде западной зоны М.Игнат не видит никаких отличительных черт, которые не встречались бы в других дакийских культурных группах. Главным критерием для классификации погребальных комплексов могильников Подень и Зворыштя, ввиду однообразия погребального ритуала (присутствуют исключительно трупосожжения) выступает способ устройства могилы, главным образом использование урн и их состояние, наличие остатков костра в яме. По этим признакам автором выделено четыре типа погребений: в урнах (тип A), в простых ямах (тип B), в ямах с остатками костра (тип C) и в ямах, где прах накрыт фрагментами керамики (тип D). Последние два он считает возможным рассматривать как варианты типа B, но особенности их устройства позволяют, по его мнению, выделить их в отдельные типы. В погребениях типа D фрагменты керамики, накрывающие прах, могут принадлежать разным сосудам, что отличает их от остатков разрушенной урны и не позволяет считать такие погребения вариантом типа A. Автор отмечает неравномерное распределение типов погребений на дакийских могильниках: если первые два встречаются у свободных даков повсеместно, то последние – только на отдельных памятниках, причем, по его словам, не были выделены ранее. При использовании критериев классификации допускается некоторая непоследовательность: один и тот же признак (например, наличие остатков костра в погребении) может в одном случае выступать как типообразующий (в случае с безурновыми захоронениями по нему выделен тип C), в другом – нет (для урновых захоронений, где он тоже иногда фиксируется); однако в целом она выглядит довольно традиционной и не дает серьезных оснований сомневаться в ее адекватности ситуации на исследуемых могильниках.

Для урновых погребений выделяются варианты по таким признакам, как наличие крышки и состояние урны (целая или поврежденная). Если первый признак не расценивается как важный (с точки зрения погребального ритуала между захоронениями в накрытых и ненакрытых урнах не наблюдается существенных различий), то второй дает основания для ряда выводов. Повреждения урн М.Игнат считает в большинстве случаев преднамеренными и имеющими ритуальный характер, что подтверждается, в частности, частым совпадением фрагментированности урны и наличия на ней особенно явных следов огня. Ритуальное повреждение урн, по его мнению, происходило у погребального костра, так как их отбитые части нередко отсутствуют в погребении. Параллели этому ритуалу прослеживаются в могильнике Енисала и в пшеворской культуре. Отвергая, ввиду наличия целых урн, мнения о том, что это следы ритуального «убийства вещей» или меры предотвращения ограбления могилы, а также не обнаруживая связи между использованием целых либо ритуально поврежденных урн и определенными социальными или возрастными категориями, исследователь объясняет обычай разрушения урн страхом живых перед мертвыми, попытками предотвратить возвращение духа умершего. Однако следует отметить, что о социальных различиях он судит только по богатству инвентаря, тогда как структура общества обычно бывает более сложной, чем просто разделение на более или менее состоятельных лиц. К примеру, не последнюю роль может играть и род занятий, причем особое отношение к лицам некоторых «профессий» – достаточно широко известное явление, хотя уловить подобные закономерности на данном археологическом материале действительно сложно. Установить соотношение самого обычая употребления урн с социальной категорией погребенных также не удалось. Различия между могильниками по использованию в качестве урн тех или иных форм сосудов М.Игнат связывает с определенными этапами развития группы Поенешть, но не с различными погребальными ритуалами, указывая на отсутствие на дакийских могильниках специальных типов сосудов, предназначенных для погребальных целей.

Погребения в простых ямах, которые являются обычно самыми бедными (чаще всего безынвентарными) и очень характерны для территории римских провинций Дакия и Нижняя Мезия, автор затрудняется объяснить с точки зрения ритуала. Он предполагает, что этот тип связан со «скромным общественным положением», что выглядит наиболее правдоподобным. Происхождение обряда погребения в ямах с остатками костра, которое некоторые исследователи (Protase 1981: 111, 130, 135) считают провинциально-римским, учитывая его появление у даков только в римское время, он считает результатом пшеворского влияния, распространившегося через посредничество липицкого населения. Объяснение его ритуального значения он не приводит, считая, что оно требует обширного исследования, выходящего за рамки данной работы. Значение и происхождение обычая накрывать остатки кремации керамикой также не освещаются; указано только на его продолжение в IV в. в культуре Сынтана де Муреш.

Систематизация погребального инвентаря в данном разделе осуществляется в соответствии с поставленной задачей: не по традиционным категориям и типам (керамика, украшения и т.д.), а с точки зрения роли и назначения в погребальном обряде, с учетом последовательности этапов совершения церемонии. На этом основании выделяются такие категории инвентаря, как детали костюма, бывшие на покойном во время сожжения (фибулы, пряжки, булавки и т.п. с отчетливыми следам пребывания в огне); специфические вещества, используемые при сожжении (смола, благовония и жидкости); дары (ofrande) покойному, принесенные на костер (самые различные вещи, включая сосуды и остатки мясной пищи, носящие следы пребывания в огне); сосуды, используемые для оборудования могил (урны, крышки и фрагменты керамики, накрывающие прах в погребениях типа D); дары, положенные в могилу (вещи, найденные необожженными и в основном целыми). Рассматривается распространение различных категорий инвентаря (особенно даров) на разных дакийских могильниках (в первую очередь в Подень и Зворыштя); для некоторых из них приводятся объяснения их символического и ритуального значения, прослеживается связь с определенными типами погребений; выясняется также происхождение ряда вещей. В частности, указано на преимущественную встречаемость деталей костюма покойного в урновых погребениях. Такое сочетание может указывать на сравнительно высокое имущественное или социальное положение погребенных в урнах (учитывая наличие самой урны и богатство металлических аксессуаров), однако автор никак не интерпретирует эту связь. Обычай использовать в погребениях смолу (răşină de urnă) он признает чуждым для дакийского мира и склонен связывать его происхождение с Центральной Европой. Различия между могильниками группы Поенешть, по его мнению, состоят прежде всего в различном соотношении типов погребений и распространении в них отдельных категорий инвентаря (в частности, необожженных даров).

Реконструкция особенностей дакийского погребального обряда преследует прежде всего цели систематизации имеющихся данных. М.Игнат рассматривает только церемонию трупосожжения – основного погребального обряда свободных даков. Погребения с трупоположением, встречающиеся в группе Поенешть, он не связывает с присутствием инородного населения, но и не доказывает их дакийскую принадлежность. Не считая возможным объяснить наличия этой практики у даков, он относит их в разряд исключений. Значение «добавочного» (complementar) биритуализма (с ингумацией детей), более характерного для группы Поенешть, автор также не может объяснить, ссылаясь на бедность имеющихся данных, хотя подобный обряд зафиксирован на семи могильниках, содержащих 273 погребения с трупоположениями. Отрицая римское происхождение этого обряда (Babeş 1988) на основании его более раннего проявления в северных зонах (в первую очередь в группе Липица) и отсутствия в могильниках Мунтении, он указывает на синхронность его появления с отказом от практики «невидимых» погребений и предположительно связывает с возрождением латенских традиций.

Стараясь опираться на данные, полученные исследователями для других народов, практиковавших трупосожжение, М.Игнат берет за основу своей реконструкции обряда кремации схему последовательности фаз этой церемонии по М.Кабальской (Cabalska 1968). Она включает такие стадии, как: 1) обычай находиться у изголовья умирающего; 2) подготовка тела к кремации (обмывание, умащение, облачение в погребальные одежды), 3) бдение возле выставленного тела; 4) транспортировка покойного с поселения на костер и похоронная процессия; 5) кремация; 6) собирание кальцинированных костей; 7) транспортировка остатков сожжения с костра на могильник; 8) подготовка места погребения; 9) погребение праха. Говоря о том, что эта схема была адаптирована к реалиям дакийского мира, автор фактически не вносит в нее изменений и касается всех ее этапов, хотя справедливо отмечает, что некоторые из них не прослеживаются или даже не могут быть прослежены по археологическим данным. В тех случаях, когда это возможно, он воссоздает для каждого из указанных этапов особенности, характерные для погребального обряда даков II-III вв., и предлагает объяснение их ритуального значения. Наиболее подробно рассматрива-

ется центральный этап ритуала, то есть собственно кремация.

Так как остатки погребальных кострищ не были обнаружены ни на могильниках, ни на поселениях этого периода, М.Игнат предполагает, что сожжение происходило, скорее всего, в специально отведенных местах. Неравномерное распределение в погребениях такой категории инвентаря, как остатки деталей костюма и украшений покойного, указывающее на то, что одних сжигали в праздничной одежде, других – в более скромной или в простом саване (giulgiul), он склонен связывать скорее с чисто ритуальными предписаниями для лиц определенного пола и возраста, чем с социальной или имущественной дифференциацией.

По представлению автора, тело клали на костер вместе с частью даров (ofrande), количество которых зависело от возраста и, вероятно, от пола и социального положения покойного. Во время горения костра в него бросали ароматические вещества, из которых археологически фиксируется только смола. В это же время, у костра, даки устраивали погребальный пир; посуда впоследствии разбивалась, так как вещи, используемые в погребальной церемонии, согласно верованиям, больше не могли служить в быту. Об этом свидетельствует, по его мнению, наличие в погребениях фрагментов керамики со следами огня, относящихся к разным сосудам.

Исследователь предполагает, что прах, собранный с остывшего костра в полотно (саван), в некоторых случаях мог подолгу храниться в нем и лишь спустя какое-то время погребался; этот обычай, известный у некоторых народов, мог быть связан с культами предков и плодородия. Этим, по его мнению, может объясняться наличие нескольких одновременно помещенных урн с прахом в некоторых погребениях, а также небольшое, символическое количество останков в ряде могил. Последнее он связывает с возрастными и хронологическими различиями (большее количество костей содержится в погребениях взрослых по сравнению с детскими и в комплексах более поздних могильников по сравнению с ранними), ссылаясь также на выводы других исследователей (D.Nicolaescu-Plopşor, W.Wolski 1976) о зависимости этого показателя от социального статуса покойного. Кальцинированные кости обычно хорошо очищали, а также намеренно ломали – для помещения в урну или в ритуальных целях.

Место погребения в пределах могильника устанавливалось, по мнению автора, согласно определенным критериям, в числе которых названа группировка по большим семьям, что выглядит логичным, но в данном случае ничем не подтвержденным предположением. Прах погребался в одних случаях в саване (тогда его находят в виде кома), в других – рассыпался по яме. Погребение остатков кремации могло сопровождаться положением новых даров, которые находят необожженными; на отдельных могильниках зафиксирован обычай частично разбрасывать их по поверхности. Обычай класть дары непосредственно в могилу, распространенный лишь на некоторых могильниках, отличается, по мнению автора, от обычая приносить их на костер с точки зрения «эсхатологических концепций», однако не уточняется, каких именно и какой могла быть связь каждого типа даров с той или иной из них. Археологических следов поминальных обычаев на дакийских могильниках М.Игнат не находит и склонен считать, что у даков они в основном отсутствовали. Находки печей на некоторых могильниках рассматриваются им как свидетельства того, что некоторые общины все же практиковали поминки, хотя выше связываются с погребальным пиром.

Ввиду того, что реконструкция включает некоторые аспекты, которые не прослеживаются на археологическом материале, во многих случаях в качестве основных аргументов автор использует этнографические параллели. Однако частые ссылки на существование того или иного обычая у «других народов», без каких-либо уточнений, делают большинство подобных сопоставлений абстрактными и не вполне убедительными.

На основании различий в погребальном ритуале автор разделяет могильники группы Поенешть на две категории: исключительно с трупосожжением и биритуальные. В качестве критериев для более дробной классификации могильников выступают такие признаки, как количественное соотношение погребений разных типов (учитывая смешение разных ритуалов в пределах каждого могильника, автор подчеркивает особое значение именно этого аспекта), частота использования урн и их состояние, количественный и качественный состав инвентаря (сочетания различных типов даров, по мнению автора, демонстрируют разные ритуалы), присутствие коллективных одновременных (simultan) погребений, а также использование смолы. Учитывая их сочетание, М.Игнат выделяет пять групп могильников, которые ниже связывает с хронологическими фазами группы Поенешть. Первая характеризуется «добавочным» (complementar) биритуализмом, распространением ритуально фрагментированных и ритуально обожженных урн, крайней бедностью инвентаря и присутствием целых сосудов, не служивших урнами (vase secundare). Для нее характерно также очень малое, символическое количество кальцинированных костей в погребениях, в чем автор предполагает пережиток практики «невидимых» захоронений. «Добавочный» биритуализм отличает и вторую группу, а ее специфические погребальные ритуалы совпадают с третьей: могильники содержат исключитель-

но трупосожжения с абсолютным преобладанием урновых (до 78-88 %), погребальный инвентарь разнообразен и обилен и включает все выделенные выше категории; встречаются коллективные погребения. Затрудняясь объяснить мотивы ингумации детей, автор не считает возможным понять связи между второй и третьей группой и допускает, что они могут составлять одну группу с двумя вариантами, один из которых отличается «добавочным» биритуализмом. Однако он не оговаривает, в чем видит различие между группой и вариантом.

В четвертой и пятой группах также присутствуют только трупосожжения, среди которых возрастает количество погребений в простых ямах (до 35%), но есть и захоронения в урнах, большинство которых повреждено, многие носят следы ритуального обжига; зафиксировано использование смолы, инвентарь беден. Специфической чертой пятой группы, отличающей ее от четвертой, является наличие погребений в ямах с остатками костра.

Признаки не распределяются по степени важности и рассматриваются в этом отношении произвольно, а их сочетаемость прослеживается интуитивно, без применения корреляции, что делает классификацию несколько аморфной и отчасти непоследовательной. Так, для первой группы указано присутствие в Вэлень погребений, относящихся ко второй группе, хотя классификация, как указано выше, разработана для могильников, включающих различные типы захоронений, но не для отдельных погребений. На других могильниках – Думбрава и Сучава – отмечено отсутствие трупоположения, а следовательно, биритуализма. Таким образом, этот признак, выступающий как один из наиболее характерных для первой группы, присутствует лишь на одном могильнике из трех; в ней фактически объединены могильники с «добавочным» биритуализмом и могильники, где трупоположение отсутствует, тогда как в другом случае это различие выступает как единственный критерий для разделения групп (второй и третьей). Однако осуществить пересмотр классификации на основании данных настоящей монографии вряд ли возможно, так как качественные признаки разных групп указаны в основном выборочно, а количественные лишь иллюстративно.

Попытка реконструкции «погребальных концепций» свободных даков осуществляется на основании археологических данных, с опорой на письменные источники и результаты некоторых исследований в области «эсхатологических представлений» различных народов. М.Игнат опирается прежде всего на мнение Fr.Cumont (Cumont 1947), согласно которому верования, связанные с погребальными обрядами, формировались в виде напластований: старые не исчезали с появлением новых, но могли долго сосуществовать с ними. Воплощение данной идеи, которая сама по себе не бесспорна, осуществляется излишне прямолинейно. Ввиду отсутствия письменных свидетельств для данного периода, автор считает возможным использовать информацию ранних античных источников о погребальных обычаях «гето-даков» за много веков до рассматриваемой эпохи, ссылаясь на «признанный консерватизм» в этой сфере. Игнорируя значительную хронологическую дистанцию и масштабы этнокультурных и социально-политических перемен, произошедших в Карпато-Дунайских землях на протяжении предшествующих семи веков, он приписывает дакам II-III вв. верования фракийцев, описанные еще Геродотом в V в. до н.э., тогда как подобные данные можно было бы рассматривать не более чем вспомогательные, косвенные. Такой подход вряд ли оправдан даже с позиций разделяемой румынским исследователем концепции гето-дакийского континуитета и не может не приводить к искажениям реальной картины. Так, приводя сведения Геродота об «умерщвлении жены для мужа» и указывая на почти исключительно индивидуальные погребения даков II-III вв. как на свидетельство отсутствия у них этого обычая, автор предполагает, что эта «негуманная варварская практика» была запрещена римскими властями, не обращаясь к вопросу о существовании данного обычая в период IV-III вв. до н.э. и не учитывая, что речь идет о свободных даках, а не о населении провинции.

Выводы относительно представлений даков о посмертной судьбе М.Игнат основывает на мнении того же Fr.Cumont о различиях между кремацией и ингумацией с «эсхатологической» точки зрения. Ингумация связывается последним с идеей возвращения умершего в землю, которая его породила и возродит к новой жизни; кремация же предполагает переход к вечной жизни в небесном мире, откуда нет возврата. Исходя из этого, наличие обряда кремации, по мнению автора, подразумевает веру даков в переселение души в «трансцендентальный мир» и подчеркивает уранический характер их религии (хотя им допускается существование верований, не согласующихся с «основной концепцией»). Однако приведенная умозрительная концепция, некритично принятая исследователем, на практике не подтверждается: можно привести немало широко известных примеров, когда обряд кремации не оказывается связанным с представлениями о небесном загробном мире (вспомнить хотя бы архаическую Грецию), как и с представлениями о «невозвращении» (в индуизме).

Возвращаясь к обычаю «добавочного» биритуализма, автор здесь связывает его с тем, что, по верованиям «многих народов», умершие в раннем возрасте попадают на том свете в особые условия. Однако это не объясняет, почему

детей хоронили по обоим обрядам: наряду с детскими трупоположениями, встречаются и детские трупосожжения. Не исключено, что это могло быть связано с возрастными различиями (в порядке предположения – с возрастными инициациями): согласно данным, приведенным автором, 75% трупоположений принадлежат детям до 6 лет, тогда как подростки старше 12 лет в этой категории полностью отсутствуют.

В четвертой главе осуществляется типология инвентаря с целью проследить развитие материальной культуры даков севера Молдовы и их связи с соседними территориями. Не принимая полностью типологию керамики Г.Бикира (Bichir 1973) как не вполне соответствующую набору керамических форм Подень и Зворыштя и содержащую спорные моменты (без уточнения, какие именно), М.Игнат разрабатывает собственную, исходя из ситуации на этих памятниках, с учетом не только целых или реставрированных сосудов, но и фрагментированного материала. Керамика разделяется по происхождению и технологии изготовления на следующие основные категории: дакийская лепная, дакийская гончарная, импортная и инородная (alogenă). Для каждой из них указано процентное содержание в керамическом комплексе, а также ряд технологических признаков (состав теста, обжиг и др.). Дальнейшая классификация в пределах каждой категории осуществляется по формам, которые делятся на типы и варианты, и сопровождается иллюстрациями. Каждый тип обозначен индексом из римских цифр (категория), букв латинского алфавита (форма) и арабских цифр (тип).

Для первой категории – дакийской лепной керамики – выделены такие формы как баночные сосуды, дакийские чашки, горшки, а также «редко представленные формы» – кружка и глубокая миска (castron). Вторая категория – дакийская гончарная керамика – более разнообразна: в ней различаются высокие сосуды для провизии, биконические сосуды, шаровидные сосуды, дакийские амфоры, кружки, кувшины, глубокие миски (castron), миски (strachină), кубки и крышки. Достаточно детально рассматривается использование тех или иных керамических форм в погребальном обряде (в качестве урн, крышек, инвентаря и др.), и их встречаемость в различных типах погребений. Выясняется происхождение каждой формы с привлечением аналогий из различных культурно-исторических областей, хотя в некоторых случаях оно указано неопределенно: «типичная форма с продолжительной традицией», «хорошо известная и распространенная форма» и т.п., причем нередко без ссылок.

В категории импортной керамики автор рассматривает только амфоры, хотя не исключает возможности присутствия других форм импортных сосудов. Все амфоры из Зворыштя (в Подень они не обнаружены) отнесены им к одному типу с двумя вариантами, которые соответствуют неапольскому и танаисскому типам (Sanie 1981, Кропоткин 1970, Щукин 1974). Основанием для их объединения в один тип послужило морфологическое сходство. Их происхождение М.Игнат предположительно связывает с южными (малоазийскими и эгейскими) регионами, на основании только того, что оттуда шел экспорт вина, масла и т.п., не приводя других аргументов. Указывая их датировку (по тем же авторам), он, тем не менее, не относит эти находки в число надежных хронологических реперов, учитывая возможность очень долгого (до 50 лет) употребления амфор в быту (Sanie 1981), и рассматривает их только как определенный элемент погребального ритуала и свидетельство связей даков с римским миром.

Инородная керамика выделена автором только в Зворыштя, так как в Подень и на других дакийских могильниках Молдовы, по его утверждению, она не обнаружена. Ее наличие М.Игнат связывает с присутствием инородного населения, а параллели данным типам находит на пшеворских и липицких памятниках Верхнего Поднестровья. В связи с ранней датировкой последних присутствие подобных сосудов в Зворыштя рассматривается им как «пережитки». Содержание понятий «форма» и «тип» в работе не раскрывается; критерии для выделения «форм» и типов в пределах «формы» исследователь не оговаривает и не придерживается определенной системы в их использовании. В разных случаях самые различные признаки выступают как ведущие при выделении типа, причем в некоторых случаях смешиваются. В результате по иллюстрациям иногда прослеживается отнесение к одному типу сосудов с принципиальными различиями по конфигурации; некоторые из них не вполне соответствуют описанию данного типа, зато обнаруживают сходство с сосудами других типов или даже других «форм» (рис. 7, 8, 9, 18). Но в целом типология керамики производит выигрышное впечатление благодаря ее четкости и подробности, а также богатству данных о морфологических и технологических особенностях сосудов разных форм и типов, их происхождении, распространении, назначении и, в некоторых случаях, времени бытования.

Типологию стеклянных сосудов, обнаруженных только в Зворыштя, автору сделать не удалось по таким объективным причинам, как деформация от огня и фрагментированность. Отдельные выразительные фрагменты определены им как обломки кубков на кольцевых подставках, но удовлетворительных аналогий им он не находит, подчеркивая только, что использование стеклянных сосудов в погребальном ритуале сближает Зворыштя с могильниками IV в.

Из хозяйственных предметов только ножи, относящиеся к одному типу (с прямой спинкой),

разделяются автором на три варианта по форме перехода от лезвия к черенку. Затрудняясь типологизировать другие предметы этой категории из-за их малочисленности, он пытается установить их происхождение, связывая ряд вещей, встречающихся на исследуемых могильниках, с территориями к северу от ареала культуры Поенешть: огнива – с пшеворской культурой, тюбик для иголок – с Паннонией или Скандинавией. Обычай класть в погребения прясница рассматривается им как дакийский, существующий параллельно с аналогичным обычаем сарматов и восточных германцев. Что касается украшений и деталей костюма, то фрагмент железного браслета с «шишечками» (proeminente) связывается с латенской традицией, распространение пряжек – с пшеворской культурой посредством липицкой, не исключая также возможности их римского или сарматского происхождения; подвесок-ведерок – с северным влиянием (без уточнения), отмечая их присутствие на дакийских территориях вне Карпат уже в позднем латене; стеклянных бус, бронзовых и костяных пиксид – с римским миром, как и костяных гребней, которые попали к дакам через Центральную Европу, вместе с обычаем класть их в погребения. Собственная типология разработана автором только для пряжек, остальные либо отнесены к уже известным типам (подвески-ведерки, костяные гребни), либо типология признана невозможной из-за деформации в огне (стеклянные бусы). Указывается степень распространенности тех или иных вещей на разных дакийских могильниках, а для некоторых (костяные гребни) также распределение по типам погребений.

Последняя глава, отведенная для археологических интерпретаций, содержит в первую очередь хронологические исследования, а также попытки этнической атрибуции рассмотренных групп памятников.

В качестве датирующего материала для могильника Подень привлекается единственная фибула «с ножкой, повернутой снизу» (cu piciorul întors pe dedesubt), а также пряжка и железная булавка с шаровидной головкой, аналогии которым найдены в комплексах, датируемых фибулами с высоким приемником (cu portagrafa înaltă). Фибулы, аналогичные первой, соотносятся с VI группой по Альмгрену, хотя именно этот тип там не представлен (Almgren 1923); они были найдены в комплексах различных культур Восточной Европы в III в., не позднее 260-270 гг. Для второго типа фибул автор не указывает датировку и не приводит никаких аналогий. Учитывая отсутствие материала, который мог бы относиться к началу III в., М.Игнат датировал Подень серединой III в. (в интервале двух десятилетий до и после 250 г.). Для Зворыштя были рассмотрены пряжки двух типов, один из которых датируется II пол. III в., другой – концом III – IV вв., синхронный последнему железный тюбик для иголок, а также булавка с шаровидной головкой. На этом основании данный могильник отнесен исследователем к концу III в. и, возможно, первым двум десятилетиям IV в., и рассматривается как один из самых поздних в группе Поенешть. Косвенным подтверждением датировки обоих памятников послужили и некоторые керамические формы, аналогии которым найдены в закрытых комплексах в сочетании с различными датирующими вещами. Однако малочисленность датирующих вещей, как и то, что датировка могильников определена автором обобщенно, минуя хронологические исследования отдельных комплексов, ставит под сомнение ее точность. В целом предложенные даты могут быть с некоторой осторожностью приняты как предварительные результаты.

Построить внутреннюю хронологию могильников Подень и Зворыштя автору не удается из-за недостаточного количества хронологических реперов. Вместо этого им выделено в Зворыштя четыре территориальные группы – участки концентрации погребений, которые рассматриваются как синхронные и связываются с социальной организацией в общине. Отмечая, что одну из них (судя по рис.20, самую многочисленную) отличают «архаические черты» (без уточнений, какие), наличие «инородной» керамики, а также использование смолы в погребальном ритуале, М.Игнат видит в этом свидетельство присутствия группы иноэтничного населения с собственными традициями. Причем, по его предположению, эта группа составляла первоначальное ядро могильника, хотя временной интервал между ней и первыми погребениями остальных трех групп был неуловимо коротким.

Периодизацию памятников группы Поенешть М.Игнат осуществляет на основе хронологической системы Годловского (Godłowski 1970), выделяя четыре фазы, которые, по его мнению, не имеют строгих границ и могут накладываться друг на друга. Для каждой фазы дана характеристика погребального ритуала, а для некоторых из них также соотношение с той или иной группой, выделенной выше по этому признаку. Распределение могильников по фазам осуществлено на основании корреляционного анализа с учетом разнообразных данных, от ритуала в целом и его специфических особенностей до распространения определенных типов сосудов и датирующих вещей (таб. VI). Выделенные фазы группы Поенешть синхронизированы с другими группами свободных даков (Липица, Килия-Милитарь), а также с культурой карпатских курганов, сарматской и Сынтана де Муреш (таб. VII).

Хронологические границы фаз определяются как по археологическим данным, так и путем

привязок к известным историческим событиям. Так, для первой фазы – Вэлень I (106-170 гг.) – ими служат даты образования провинции Дакия и вторжения костобоков. Она соответствует первой группе по погребальному обряду, которая, по словам автора, выделена скорее по ранней датировке, чем по характерным археологическим материалам. В второй фазе (150-240 гг.), которая названа «классической» для группы Поенешть, выделены две стадии – Поенешть и Пэдурень, соотнесенные со второй и третьей группой по погребальному обряду. В чем состоит их хронологическое различие, остается неясным, так как, судя по указанным датирующим вещам, они практически синхронны.

Изменения в погребальном обряде и инвентаре, произошедшие с началом третьей фазы – Соходор (230-275 гг.), связываются с возможным северо- и центрально-европейским влиянием, учитывая распространение смолы и гребней в погребениях. К ней исследователь относит и могильник Подень. Небольшие размеры могильников этой фазы, по его мнению, указывают на немногочисленность и высокую мобильность человеческих коллективов в этот период. С данной стадией совпадает появление в письменных источниках упоминаний о карпах по соседству с провинцией Мезия (с 238 г.) и титула Carpicus Maximus у римских императоров, расширение ареала группы Поенешть на северо-восток Мунтении в середине III в., а также сокращение количества сарматских памятников к западу от Днестра. Все это М.Игнат считает свидетельствами утверждения сильного политического союза карпов и их военной экспансии. Конец третьей фазы соотносится с оставлением римской Дакии, а верхняя дата четвертой – Зворыштя (275-315 гг.) – с последним упоминанием карпов к северу от Дуная в письменных источниках. Автор подчеркивает, что некоторые новые черты в погребальном обряде и формы керамики непосредственно предшествуют культуре Сынтана де Муреш, ранние памятники которой синхронны самым поздним дакийским, интегрирующимся в нее в первые десятилетия IV в.

Неоднократно указывая на связи населения группы Поенешть и более северных зон, М.Игнат представляет их развитие следующим образом: отмечая появления импорта на второй фазе, на третьей он видит в дакийской среде «культурное течение северного происхождения», а на четвертой – присутствие в ней иноэтничного населения, фиксируемое по погребальному обряду и керамике. Происхождение этого населения автор здесь не уточняет, но, судя по приведенным выше выводам, это прежде всего выходцы из ареала пшеворской культуры. Кроме этого, он отмечает появление на рубеже III и IV вв. других памятников, оставленных переселенцами с североевропейских территорий, которые отличались от первых тем, что не смешивались с автохтонами, но их конкретное происхождение не выясняется.

В этническом плане автор соотносит группу Поенешть с карпами. Основанием для этого выступают сведения письменных источников (без указаний, каких именно) о нападениях карпов на лимес Нижней Мезии, что позволяет, по его мнению, поместить их на территории к востоку от Карпат, в ареал Поенешть. Указывая, что большинство исследователей связывают с культурой карпов только период, соответствующий третьей и четвертой фазе этой группы, так как только с ними совпадают сведения о военных акциях карпов, он не уточняет свою позицию по вопросу об интерпретации ее первых двух фаз. Отождествление карпов с культурой карпатских курганов отвергается им из-за большого временного интервала между первыми упоминаниями о военных экспедициях карпов (238 г.) и самыми ранними памятниками этой культуры, а также слишком большого расстояния от ее ареала до Дуная.

Представленная монография выгодно отличается прежде всего четкой тематической структурой, тщательной систематизацией как представленного материала, так и выводов по различным аспектам исследования. Тем не менее, могут быть отмечены и отдельные структурные недостатки. В первую очередь, это не вполне определенная формулировка целей и задач исследования и связанная с этим недостаточная цельность и завершенность работы: частные выводы по многим из затронутых вопросов в дальнейшем, как правило, не обобщаются. Довольно отрывочно и в целом недостаточно полно представлена историография, как по данному периоду в целом, так и по отдельным главам и темам; указания на наличие большого числа исследований по различным вопросам, касающимся даков римской эпохи, чаще всего не сопровождаются анализом предложенных в них выводов и состояния исследуемой проблемы. По этой причине нелегко оценить по достоинству научную новизну и значение рецензируемой монографии.

Затронутые в ней проблемы разнообразны и, несомненно, важны. Благодаря обстоятельному анализу археологических данных, работа создает достаточно полное и разностороннее представление о погребальном обряде дакийского населения Молдовы во II-III вв. (по крайней мере, в археологическом аспекте) и его материальной культуре. Автор говорит о преждевременности исторического синтеза из-за недостатка данных и наличии пробелов во всех областях знания о данном периоде. Но представленная в монографии публикация материалов, типология инвентаря, классификация погребений, хронологические разработки и выявление внутренних связей между различными культурными явлениями могут послужить хоро-

шей основой для дальнейших исследований. Вместе с тем, общее впечатление от монографии могло быть более благоприятным, если бы не относительная слабость и недостаточная самостоятельность в области культурно-исторических реконструкций. На ее страницах нередко встречаются априорные, ничем не подтверждаемые тезисы, что несколько снижает доверие к результатам исследования. В других случаях напротив, чрезмерная осторожность в выводах оставляет пробелы там, где имеющиеся данные позволяют их заполнить. Складывается впечатление, что возможности материала, который был в распоряжении исследователя, использованы далеко не исчерпывающе. Но в целом работа в значительной мере раскрывает многие ранее недостаточно изученные аспекты последнего этапа дакийской культуры в Молдове и представляет несомненный интерес для исследователей в области археологии, истории и этнографии древних народов Карпато-Дунайского пространства.

ЛИТЕРАТУРА

Козак Д.Н. 1989. Этнокультурное развитие населения северо-западной Украины в первой половине I тыс. н.э. // Автореф. дисс. док. ист. наук. Киев.

Козак Д.Н. 1990. Особливості культурогенезу на території Північно-Західної України у першій половині I тис. н.е. // Археологія. № 4.

Кропоткин В.В. 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.). М.

Цигилик В.М. 1975. Населення верхнього Подністров'я перших століть нашої ери (племена липицькоі культуры). Київ.

Щукин М.Б. 1974. Кельто-дакийские памятники рубежа н.э. и липицкая культура. // Кельты и кельтский язык. М.

Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб.

Almgren O. 1932. Studien über nordeuropäische Fibelformen. // Manus Bibliotheeck. 32.

Babeş M. 1988. Descoperirile funerare şi semnificaţia lor în contextul culturii geto-dacice clasice. // SCIVA, 39.

Bichir Gh. 1973. Cultura carpică. Bucureşti.

Cabalska M. 1968. Quelques remarques sur le rite a incineration en Europe préhistorique. // Archaeologia Polona, X.

Cumont Fr. 1947. Lux perpetua. Paris.

Godłowski K. 1970. The chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Krakow.

Ignat M. 1999. Dacii liberi din Moldova. Contribuţii arheologice. Necropole de la Podeni şi Zvorîştea. Iaşi.

Nicolaescu-Plopşor D., Wolski W. 1976. Elemente de demografie şi ritual funerar la populaţiile vechi din România. Bucureşti.

Protase D. 1981. Autohtonii în Dacia. Bucureşti.

Sanie S. 1981. Civilizaţia romană la est de Carpaţi şi romanitatea pe teritoriul Moldovei (sec- II î.e.n. – III e.n.). Iaşi.

Список сокращений

AAH – Acta archeologica Hungarica. Budapest.
AARMSI – Analele Academiei Române, Memorile Secțiunii Istorice.
ActaAH – Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
ActaPraeArch – Acta Praehistorica et Archaeologica.
AÉ – Archaeologiai Értesitő, Budapest.
AE – L' annee épigraphique. Revue des publications épigraphiques relatives a l'antiquité roumaine
AIIA – Anual Institutului de istorie şi Arheologie "A.D.Xenopol". Iaşi.
Alba Regia – Alba Regia Annales Musei Stephani Regis, Shékesfehérvár
AM – Arheologia Moldovei. Iaşi.
Arh. Moldovei – Arheologia Moldovei. Iasi.
AZ – Archäologische Zeitschrift.
BAR – British Archaeological Reports, Oxford
Bib.Mem. Antiquitatis. – Bibliotheca Memoriae Antiquitatis. 2. Piatra Neamț. 1996.
Bibliotheca Thracologica – Bibliotheca Thracologica. Institutul Roman de Tracologie. Bucureşti
BS – Bizantinoslavica
BSNR – Buletunul Societății Numizmatice Române. Buc.
Carpica – Carpica. Muzeul județean de Istorie. Bacău.
CIL – Corpus inscriptionum Latinarum
CMRS – Cahiers du monde Russe et Soviétique.
Costăchescu – Costăchescu M. 1943. Documentele moldoveneşti de la Ştefaniță Voivod. Buc.
CSTR – Călători străini în Țările Române.
Dacia – Dacia. Revue d'archéolologie et d'histoire ancienne. Bucureşti.
Hierasus – Hierasus. Muzeul județean. Botoşani.
IAF. 1895 – N.Iorga. Acte şi fragmente cu privire la istoria Românilor. Buc.
ILS –Dessau H. Inscriptiones Latinae Selectae
IM. 1962 – Istoria României. Buc.
Invent. Arch. – Inventaria archaeologica.
IOSPE – Latyshev B. 1916. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. I. Petropoli.
JIES – The Jornal of Indo-Europeen Studies. Los Angeles
JRS - Journal of Roman Studies
Mat. Star. i Wcz. – Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne, Warszawa
Materiale – Materiale şi cercetări arheologice. Bucureşti
Mem. Ant(iquitatis) – Memoria Antiquitatis. Revista Muzeului de Istorie. Piatra-Neamț.
MŔ – Memoria Antiqutatis. Piatra-Neamț.
RE – Pauly A., Wissowa G., Kroll W. Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft.
RIU – Românii în Istoria Universală. Buc.
RM – Mitteilungen des Deutschen Archaologischen Instituts. Romische Abteilung.
RRH – Revue roumaine d'historie. Buc.
SCIV(A) – Studii şi cercetări de istoria veche (şi arheologie).Bucureşti.
SCN – Studii şi Cercetări de Numismatică.
SCŞI – Studii şi Cercetări Ştiințifice. Iaşi.
SIA. – Slovenská Apcheológia, Nitra
SMIM – Studii şi Materiale de Istorie Medie.
SNG – Sylloge Nummorum Graecorum.
SP – Studia Praehistorica. Sofia.
SRI – Studii, Revistă de Istorie. Buc.
ŠtZ -Študijné Zvesti Archeologického ústavu Slovenskej Akadémie Vied. Nitra
Suceava – Suceava. Anuarul muzeului Bucovinei. Suceava.
Thraco-Dacica – Thraco-Dacica. Institutul Roman de Tracologie. Bucuresti.
Východ. Pravek – Východoslovenský Pravek. Košice
ZPE – Zeitschrift fur Papyrologie und Epigraphik
АДСВ – Античная древность и средние века
АДУ – Археологічні дослідження на Україні. Київ.
АИК – Археологические исследования в Крыму (ежегодник). Симферополь.
АИМ – Археологические исследования в Молдавии
АИУ – Археологические исследования на Украине. Киев.
АКМ – Археологическая карта Молдавской

ССР, Кишинев.
АЛЮР – Археологическая летопись Южной России. Киев.
АО – Археологические открытия. Москва.
АП (УРСР) – Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
Археологія – Археологія. Інститут Археології. Київ
АСГЭ – Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л. (СПб.).
ВВ – Византийский временник. М.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВИ – Вопросы истории. М.
ВСЯ – Вопросы славянского языкознания. М.
ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб
ДКМ – Древняя культура Молдавии.1974. Кишинев.
ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения. СПб.
ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.
ЗОАО – Записки Одесского археологического общества.
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИА РАН – Институт археологии РАН. М.
ИАК – Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб.
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция журнала “Stratum plus” приглашает Вас принять участие в нашем издании.

Требования к материалам, представляемым в редакцию журнала “Stratum plus”

Текст

1. Материалы принимаются на русском языке в завершенном виде с приложением краткого (до 2000 символов) резюме на английском языке.

2. Текст следует набирать на компьютере в программе Microsoft Word (версия не выше Word 7.0 — Word 97), либо в Word’овском формате *.rtf или в текстовом редакторе под DOS (формат *.txt). Допускается также PageMaker 6.0 или 6.5. Кроме компьютерного варианта, желательна чёткая распечатка. Если в тексте или в списке литературы имеются слова, содержащие буквы с диакритическими знаками, желательно приложить список, в котором эти слова были бы чётко и правильно прописаны.

3. Оформление сносок, списка литературы — как в уже вышедших номерах “Stratum plus”. Если в списке литературы приводится статья, опубликованная в сборнике статей, то необходимо указать фамилию ответственного редактора сборника и название издательства.

4. Необходим список используемых сокращений.

Иллюстрации

1. Иллюстрации принимаются либо в форматах, читаемых программами Adobe Photoshop (*.bmp, *.jpg, *.gif, *.pcx, *.tif, *.psd/ppd и др., предпочтительнее всего *.jpg) или Corel (*.cdr), либо на бумаге формата А4 (машинописный формат) в контрастном чёрно-белом варианте. Не принимаются иллюстрации на миллиметровой бумаге. Фотографии контрастные.

2. Диаграммы могут быть оформлены либо на бумаге (требования те же, что и к рисункам), либо в программах типа Excel версии 97 или ниже. В самом крайнем случае можно дать данные в виде таблицы с указанием, что на её основе следует построить диаграмму.

3. Если рисунок содержит номера, они должны быть впечатаны на компьютере. Если такой возможности нет, допускаются разборчивые карандашные номера.

4. В конце материала даётся список подписей к иллюстрациям.

Способ доставки

1. Электронная почта: E-mail: root@rm.moldova.su

2. Обычная почта: 2024 Республика Молдова, Кишинёв, ул. Зимбрулуй 10а, Высшая Антропологическая Школа, редакция журнала “Stratum plus”. Тел. 43-83-42.

3. На дискетах. В этом случае материалы следует присылать в ДВУХ экземплярах.

4. Если публикация требует специфического шрифта (для редких языков), необходимо также записать на эти же дискеты шрифт.

Периодичность издания

Журнал “Stratum plus” издаётся 6 раз в год объёмом от 300 до 450 страниц по единому издательскому плану:

1-й номер	Палеолит	январь-февраль
2-й номер	Неолит, энеолит, бронзовый век	март-апрель
3-й номер	Античная эпоха / Ранний железный век	май-июнь
4-й номер	Римское время / Эпоха Великого переселения народов	июль-август
5-й номер	Средние века	сентябрь-октябрь
6-й номер	Нумизматика и эпиграфика	ноябрь-декабрь

Сроки присылки рукописей — не позднее, чем за месяц до выхода очередного номера журнала.

После того, как статья свёрстана, принципиальные изменения в ней ***не допускаются***. На этом этапе возможна лишь грамматическая правка в пределах, не влияющих на размещение текста на странице.

Редакция журнала “Stratum plus” желает Вам успехов в Вашей научной деятельности.

Искренне ВАШ “Stratum plus”.

Stratum plus. Культурная антропология • Археология
Кишинев. Высшая Антропологическая школа. 2000. — 406 стр.

Высшая Антропологическая школа.
MD 2024, Республика Молдова, г. Кишинев, ул. Зимбрулуй 10а.
Подписано к печати 15.10.2000. Формат 60×84 1/8. Бумага офсет №1. Печать офсетная.
Гарнитура «гельветика». Тираж 750 экз. Заказ 316.
Отпечатано АО «Бизнес-Элита». Кишинев, ул. Щусева 106, оф. 23.